

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В ОСВЕЩЕНИИ
РОССИЙСКИХ
УЧЕНЫХ

1894—1927

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В ОСВЕЩЕНИИ
РОССИЙСКИХ
УЧЕНЫХ

1894 -1927

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»
МОСКВА

Издание осуществлено
при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований
(проект 98-06-87129)

Составители:

П. И. Жаворонков, Г. Г. Литаврин

Оформление

Е. В. Гаврилина

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Бенешевич В. Н., Успенский Ф., Вальденберг В., Дмитриевский А. Приложение. Русско-византийская комиссия. Glossarium Graecitatis // ВВ, 1926. Т. XXIV. С. 115—130	6
Вальденберг В. Е. Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности // ВВ, 1926, т. XXIV, с. 27—34	32
Васильев А. А. Происхождение императора Василия Македонянина // ВВ, 1906, т. XII, с. 148—165	40
Васильев А. А. Карл Великий и Харун-ар-Рашид // ВВ, 1913, т. XX, с. 63—116	58
Димитриу А. К вопросу о договорах русских с греками // ВВ, 1895, т. II, с. 531—550 ...	112
Истрин В. Хронографы в русской литературе // ВВ, 1898, т. V. С. 131—152	132
Кулаковский Ю. А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века // ВВ, 1896, т. III, с. 1—17	154
Кулаковский Ю. А. Христианство у Алан // ВВ, 1898, т. V, с. 1—18	171
Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X века // ВВ, 1903, т. X, с. 63—90 ..	189
Марр Н. Я. О начальной истории Армении Анонима // ВВ, 1894, т. I, с. 263—306 ...	217
Мелиоранский Б. Из семейной истории аморийской династии // ВВ, 1901, т. VIII, с. 1—37	261
Пападопуло-Керамевс А. И. Акафист Божьей Матери. Русь и патриарх Фотий // ВВ, 1903, т. X, с. 357—401	298
Смирнов В. Д. Что такое Тмутаракань? // ВВ, 1923, т. XXIII, с. 15—23	343
Соколов И. Избрание архиереев в Византии IX—XV вв. Историко-правовой очерк / ВВ, 1922, т. XXII, с. 194—252	402
Суворов Н. С. К истории нравственного учения в восточной церкви // ВВ, 1903, т. X, с. 31—62	462
Успенский Ф. И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний // ВВ, 1922, т. XXII, с. 21—40	494
Шахматов А. Древнеболгарская энциклопедия X века // ВВ, 1900, т. VII, с. 1—35 ..	514
Шестаков С. П. Византийский тип Домостроя и черты его сходства с Домостроем Сильвестра // ВВ, 1901, т. VIII, с. 38—63	549

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Византийский временник» представляет собой одно из первых в мире научных специализированных изданий по византиноведению, основанное в Санкт-Петербурге академиком Василием Григорьевичем Васильевским и группой его ближайших коллег и учеников. Первый том ежегодника был опубликован в 1894 г. «Византийский временник» быстро завоевал высокий авторитет в научном мире и вместе с журналом «Byzantinische Zeitschrift», вышедшим в свет в Берлине двумя годами раньше, в течение по крайней мере четверти столетия играл ведущую роль в организации и освещении исследовательской работы ведущих научных школ в мировом византиноведении.

В становлении «Византийского временника» приняла участие плеяда блестящих ученых, фундаментальные труды которых снискали широкую известность и надолго определили главные направления византиноведческих исследований в России. Наиболее крупными успехами ознаменовалась деятельность российских византинистов на рубеже XIX—XX вв. в сфере научных публикаций источников, остававшихся до того времени не известными или мало известными ученому миру, а также в изучении кардинальных проблем социальной истории Византийской империи, эволюции ее государственной системы, ее отношений со славянскими странами, в особенности — с Древней Русью, и с народами северного Причерноморья и Кавказа.

«Византийский временник» входит в число немногих специализированных периодических изданий, которые пережили годы революции 1917 г. и гражданской войны. Однако трудности на пути его издания, в результате целенаправленной политики советских властей в области гуманитарных наук, нарастали год от году. В 1927 г. был опубликован последний (25-й) выпуск старой серии.

После 20-летнего перерыва издание «Византийского временника» было возобновлено в 1947 г., он остается до сих пор ведущим научным органом византинистов нашей страны, которые всегда старались восстановить и сохранить лучшие научные традиции его основателей.

Большинство избранных статей старой серии «Византийского временника», вошедших в I-й том данной публикации, принадлежит перу коллег В. Н. Васильевского, принимавших самое непосредственное участие в разработке научного профиля и структуры византиноведческого печатного органа.

Статьи печатаются в точном соответствии с их первым изданием.

Три года назад коллектив Санкт-Петербургских ученых, широко привлекая не известные и мало известные научному миру архивные материалы, выпустил в свет историографическое исследование о жизни и творчестве российских византистов второй половины XIX — первой трети XX века. Специальные статьи в этом труде, созданном под руководством члена-корреспондента РАН И. П. Медведева, посвящены основателю «Византийского временника» В. Г. Васильевскому, последнему редактору старой серии ежегодника Ф. И. Успенскому, а также А. А. Васильеву, В. Н. Бенешевичу и А. И. Пападопуло-Керамевсу. Важные документальные сведения содержатся в данном труде и о подавляющем большинстве других российских ученых, избранные статьи которых вошли в публикацию, предлагаемую ныне вниманию заинтересованного читателя*.

* Архив русских византистов в Санкт-Петербурге. Под редакцией И. П. Медведева. СПб., 1995.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Русско-Византийская Комиссия. Glossarium Graecitatis.

Среди задач, поставленных Комиссии «Константин Порфирородный», дополнение греческого словаря Дюканжа занимало одно из видных мест, а с конца 1922 года стало в центре внимания председателя Комиссии. Сообщение академика П. Г. Виноградова об учреждении Международным Союзом Академий особой комиссии для переиздания глоссария Дюканжа послужило ближайшим поводом к тому, чтобы вопрос о греческом глоссарии Дюканжа получил совершенно новую постановку.

14 февраля 1923 г. академик Ф. И. Успенский выступил в заседании ОИФ АН с следующим заявлением:

«Отделение поручило мне выяснить вопрос о составе Комиссии, имеющей заняться изготовлением и обработкой материала для нового издания словаря Дюканжа — в согласии с международным научным предприятием Союза Академий. Из тех указаний, какие были сделаны в прошедшем заседании по отношению к составу предполагаемой к организации Комиссии, выяснилось одно очень важное обстоятельство по отношению к задаче, преследуемой Союзом Академий. Не может быть сомнения, что речь идет не о словаре латинского языка, а что внонь поднят вопрос о переиздании словаря *graecitatis*, предприятию, которое подвергается обсуждению европейских университетских и академических сфер уже около сотни лет, со времени Тафеля, Муллаха, Газе и их современников. На переиздание этой работы знаменитого патриарха византистики всегда смотрели, как на задачу весьма важную и вместе сложную, которая может быть исполнена лишь путем ассоциации, т. е. соглашения разных ученых учреждений участвовать в коллективной работе. Много раз проект, уже вполне готовый к осуществлению, не доходил до исполнения вследствие случайных обстоятельств. С тех пор как занятия Византией в России обратили на себя внимание западно-европейских ученых, эти последние, прямо или косвенно, начали указывать на необходимость привлечь русских к совместной работе по словарю Дюканжа. При этом выставлялась на вид близкая связь русской истории с византийской, в особенности же густо подчеркивалось то обстоятельство, что в России находится не одна тысяча или

неизданных или малоизвестных рукописей, и что, кроме того, тот десяток тысяч рукописей, который находится на Афоне, никому кроме русских не может быть более доступен и легче изучен. Вследствие этого, участие Российской Академии Наук в деле изготовления материала для словаря Дюканжа всегда признавалось желательным и, для успеха дела, необходимым. Могу присовокупить, не стесняясь даже выражением утверждения, что без участия русских сотрудников работа по переизданию словаря Дюканжа не может быть произведена в той полноте и соответствии с современным научным движением в византистике, какая бы согласовалась с достоинством Союза Академий. В доказательство сошлюсь хотя бы на те страницы (р. 82—83) из книги *Études byzantines* (1905), где автор, давая отчет о темах, развиваемых в византистике единственно в русской литературе, выражает сожаление, что эти работы, как написанные на русском языке и недоступные большинству западных ученых, не могут быть использованы в Европе. Таким образом, что касается реальной почвы, на которой бы русская наука приняла участие в совместной с западно-европейскими учеными работе, то такая почва намечается совершенно ясно: наше участие будет выражаться в обработке для Словаря тех специальных областей и отделов изучения, которые по господствующему мнению составляют особенность русских работ. Если бы Академия примкнула к проектируемому Союзом Академий большому научному предприятию, то мне бы оставалось, хотя в общих чертах, наметить те исключительно богатые ресурсы, в обладании коих мы давно уже находимся. Прежде всего, в Комиссии «Константин Порфирородный» собран, между прочим, обильный словарный материал, который может лечь в основание русской доли взноса в подготовку к переизданию словаря. Затем, не говоря о работах по византийской истории, выдвинувших новые требования и запросы, новые факты быта, администрации и социальной жизни, при чем оказалось масса новых терминов, требующих объяснений, мы имеем громадный словарный материал в обработке византийских древностей и искусства, в изучении рукописей славяно-русских, переведенных с греческого, наконец, в работах наших востоковедов, нередко занимающихся византийскими темами. Слоном, если мобилизовать те силы, которые в настоящее время находятся в пределах досягаемости, то я бы не опасался признать, что Академия могла бы смело выступить в почетное сотрудничество по словарю Дюканжа с Союзом Академий».

В состав Комиссии для предварительных работ по переизданию словаря Дюканжа, по мнению академика Ф. И. Успенского, представлялось бы желательным привлечь академиков С. Ф. Ольденбурга и В. М. Истрина и профессоров Д. В. Айналова, В. Н. Бенешевича, В. Е. Вальденберга, А. А. Васильева, С. А. Жебелева и И. И. Соколова.

Положено: утвердить Комиссию в указанном составе, о чем уведомить академика Ф. И. Успенского и просить его принять в этой Комиссии председательствование, сообщив об этом постановлении также академику П. Г. Виноградову.

Очень скоро выяснилось, что Международный Союз Академий взял на себя обработку латинского глоссария Дюканжа, и таким образом новая Комиссия оказалась перед очень трудной задачей, объем и характер которой на первом же заседании 11 апреля 1923 г. были ясно формулированы членами Комиссии в том смысле, что в деле обработки греческого глоссария русским ученым по всем основаниям должны принадлежать инициатива и вполне самостоятельное участие в выполнении задачи, так как для этого у них имеется свой и очень хороший материал; в частности греко-славянские и греко-восточные отношения, проблемы экономического и социального быта Византии, византийские древности и памятники византийского искусства и права, религиозные отношения греко-восточного общества относятся к вопросам, наиболее глубоко исследовавшимся в русской византологической литературе. Но надлежит, с одной стороны, привлечь к работе Комиссии и других русских ученых (например, проф. С. И. Соболевского, М. Н. Крашенинникова, Н. И. Новосадского), а с другой, войти в сношения с заграничными Академиями и учеными учреждениями и, в частности, с основанной в 1908 году в Афинах Комиссией по изданию исторического греческого словаря. Самая же работа Комиссии должна бы в первую очередь ставить своей задачей дополнение глоссария в той или иной специальной области соответственно силам и составу членов Комиссии. В заключение первым заседанием вынесена была резолюция: «1) Признать переиздание греческого словаря Дюканжа делом существенно необходимым и неотложным, но во всем объеме выполнимым лишь совокупными усилиями русских и иностранных ученых учреждений, 2) просить АН оказать Комиссии содействие в выполнении ее задачи посредством открытия своих изданий для печатания работ Комиссии».

На втором заседании 3 мая 1923 года решено было образовать для ведения текущей работы и для выработки программы работ Комиссии бюро в составе академика Ф. И. Успенского и проф. В. Н. Бенешевича, С. А. Жебелева, И. И. Соколова, а также присоединить к новой Комиссии прежнюю — «Константин Порфирородный». — и дать ей обозначение «Русско-Византийская Историко-Словарная Комиссия» (ИАН, 1923, стр. 504—505). Очень оживленно обсуждался вопрос о том, какие внешние хронологические грани следует поставить для привлекаемых к делу материалов: эпоха Константина в качестве начального пункта сомнений не возбуждала, в качестве же конечного, решено остановиться на 1821 г.

Выяснению вопроса о методах и объеме работы над словарем Дюканжа был посвящен в четвертом заседании 15 октября 1923 г. доклад профессора В. Н. Бенешевича «О работе по переизданию словаря средневековой латыни Дюканжа применительно к вопросу о переиздании его же *Glossarium graecitatis*». Основная мысль доклада та, что следует начать именно с переиздания греческого словаря, очистивши его от массы всякого рода недостатков и дополнив материалами из немногих, но важных и систематически подобранных памятников, с применением современных

методов работы. Этот труд должен бы быть поручен небольшой группе лиц и выполнен в течение 3—4 лет. Конечно, не следовало бы и мечтать, что это переиздание греческого Дюканжа сразу будет соответствовать тому виду, какой имеет латинский Дюканж в издании Фавра сравнительно с первоначальным своим видом; но переход от него к коренной и полной переработке был бы, пожалуй, даже легче, чем от издания Фавра к проектируемому Международным Союзом Академий *Dictionnaire du latin médiéval*. Предложение профессора В. Н. Бенешевича не имело успеха потому, что нет никакой возможности его осуществить параллельно с работой Комиссии, которая уже твердо наметила линию своего поведения. И со стороны докладчика было большой ошибкой то, что он только много времени спустя, в 15 заседании 10 мая 1925 года сообщил свои наблюдения: «К вопросу о методах работы Дюканжа над *Glossarium graecitatis*», где как раз и были сгруппированы в цельную картину как недостатки работы Дюканжа, так и причины, обусловившие их появление.

Резолюция четвертого заседания 15 октября 1923 г. наметила ряд очень существенных пунктов для дальнейшей организации работы, решив: 1) избрать подкомиссию (В. Н. Бенешевич, С. А. Жебелев, А. И. Малев) для выработки формы карточки для извлечения словарного материала, 2) ходатайствовать перед АН о предоставлении в распоряжение Комиссии средств на выполнение канцелярской и технической работы и возможности печатать ее труды в особом специальном издании. АН разрешила 17 октября 1923 г. (ИАН, 508) публикацию работ в одном из Академических изданий или в специальном приложении к «Византийскому Временнику» (подтверждение 31 октября 1923 г.) и уже на ноябрь 1923 г. отпустила на расходы Комиссии некоторую сумму. Практического, непосредственного значения такое решение вопроса иметь не могло, так как сам «Византийский Временник» еще не существовал, а отпущенная сумма, вследствие незначительности своей, ни на что пригодиться не могла. Очень важно было, однако, принципиальное признание Академией справедливости ходатайства Комиссии и проявление готовности оказать ей помощь. Комиссии надлежало только напоминать о своих нуждах, что она и начала делать со следующего же (5-го) заседания 19 ноября 1923 г. (ИАН, 513), присоединивши еще просьбу об отводе ей особого помещения, хотя еще 5 июня 1923 г. Академия известила об отсутствии у нее возможности предоставить такое помещение. И до настоящего времени Комиссия не получила себе ни помещения, ни штатного пособия наравне с некоторыми другими Комиссиями Академии. В самое последнее время вопрос о помещении приблизился к благоприятному разрешению, так как сначала Президиум АН 23 апреля 1926 г. постановил просить АК предоставить РВК необходимое ей помещение в доме № 2-а по Тучковой наб., а в мае отвел особую комнату.

К указанным неблагоприятным внешним условиям для организационной работы присоединилась еще невозможность в течении долгого вре-

мени узнать что-либо поточнее о работах как над *Dictionnaire du latin médiéval*, так и над *Ἱστορικὸν Λεξικὸν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης*. Наконец, стали получаться *Comptes-rendus* общих собраний Комитета Международного Союза Академий (за 1923 и 1925 гг., пропущен 1924 г.), и от председателя Афинского Комитета по изданию «Исторического словаря» проф. Хаджидаки получено чрезвычайно любезное письмо с инструкцией для ведения работы, образцами карточек и разъяснениями о характере и методах работы.

На основании этих материалов и некоторых литературных указаний делались доклады в Комиссии о *Dictionnaire du latin médiéval* проф. В. Н. Венешевичем (в заседаниях 15 октября 1923 г., 23 января и 25 сентября 1925 г.) и об Афинском словаре проф. И. И. Соколовым (в заседании 14 мая 1925 г.). Но о получении *Archivum latinitatis medii aevi* и *Bulletin Du-Cange*, а также *Λεξικογραφικὸν Ἀρχεῖον τῆς Μέσης καὶ Νέας Ἑλληνικῆς* Комиссии приходилось только не терять надежды и хлопотать. Деловые сношения с заграницей по работе над подготовкой переиздания греческого словаря Дюканжа не могли при таких условиях наладиться.

Крайняя затруднительность положения Комиссии заставила академика Ф. И. Успенского 22 октября 1924 г. обратиться в Академию со следующим заявлением:

«Вступая во второй год своего существования, Русско-Византийская Историко-Словарная Комиссия в отношении главного предмета своих занятий находится в крайне тягостном положении. О задуманном Академией Наук переиздании *Glossarium graecitatis* Дюканжа уже стало известно европейскому ученому миру; эта весть вызвала радость как потому, что она отвечает давно и остро ощущаемой научной потребности, так и потому, что она является признаком жизни в той области русской научной мысли, в создании которой России принадлежит одно из почетных мест, но которую начали считать уже погибшей именно в России и именно в такое время, когда эта область во всей Европе пользуется особым вниманием и успехом. За год времени начатое в Европе аналогичное предприятие по переизданию латинского словаря приступило к изданию собственного журнала *Bulletin Du-Cange* и подвинулось настолько, что уже собираются средства для издания первого тома. А Русско-Византийская Комиссия за год добросовестной и напряженной работы ничего не сделала, так как ничего не напечатала. Поэтому Русско-Византийская Комиссия не смогла подготовить данных для проявления и обоснования со стороны АН той инициативы, которой теперь в Европе от нас ожидают. Допустим даже, что в наших условиях жизни год не представляется столь же значительным промежутком времени, как на Западе. Все-таки есть в деле, порученном Русско-Византийской Комиссии, еще одна сторона чрезвычайной важности. Ведь, Русско-Византийская Комиссия отчасти уже объединяет, а по идее должна привлечь к своей работе всех работников в области византиноведения; и сама эта работа, с одной стороны, есть подведение итогов сделанному, если русскому византиноведению суждено

погибнуть, с другой стороны, она может явиться одним из наилучших средств к поддержанию и выявлению как силы научных традиций в России, так и новых научных задач и новых путей в разработке необозримого материала. Между тем круг лиц, способных работать в обоих направлениях крайне ограничен и в будущем станет не увеличиваться, а уменьшаться; и каждый не только год, а даже месяц жизни в современных условиях подтачивает энергию; энергию же и Комиссии, как целого, и членов ее подтачивает больше всего то, что труд ее пропадает даром: что не напечатано, то и не сделано.

Считаю своим долгом доложить, что далее так дело продолжаться не может.

Связывая свое имя с предприятием, столь ответственным и важным, я не могу к 80-му году жизни ставить себя в тяжелое положение человека, поддерживающего несбыточные надежды, и вместе с тем компрометировать Академию Наук в глазах западно-европейского ученого мира. Но, с другой стороны, следует обратить внимание Академии и на то, что прекращением существования Русско-Византийской Комиссии будет нанесен тяжкий удар той науке, создание которой в России и содействие укреплению ее в Европе составляют одну из важнейших и почетнейших заслуг Академии. И этого я никак не могу допустить потому, что имел счастье всю свою жизнь, в том числе несколько десятков лет пребывания членом Академии, посвятить на разработку истории Византии. Выход из трудного положения должен быть изыскан. Русско-Византийская Комиссия полна готовности работать и обнаруживает это внешним образом в стремлении усилить свою организованность избранием товарища Председателя и предоставлением своему Бюро редакционных полномочий. И я обращаюсь теперь с покорнейшей, но убедительной просьбой принять все меры к тому, чтобы данные в прошлом году не раз обещания относительно печатания трудов Комиссии были выполнены хотя бы в ограниченных размерах. В то время, когда в Европе выходят три новых специальных журнала (*Byzantion* в Брюсселе, *Bizanzio* в Риме, *Byz.-Neugr. Jahrbücher* в Берлине), не считая случайных работ по византиноведению в других повременных изданиях, у нас необходимо возобновить «Византийский Временник» хотя бы в виде десяти листов в год, посвященных специально работам по словарю. Если бы этот расход оказался превышающим средства Академии на текущий год, прошу возбудить перед Правительством особое ходатайство о дополнительном кредите, указав, что интересы науки, честь Академии, юбилей которой должен быть ознаменован не отступлением назад, а созидательной работой, наконец, слава России, как культурного государства, требуют экстренных мер для своей защиты».

Академия постановила принять это заявление к сведению при составлении издательского плана на 1925 г., но и этот год не принес желаемых результатов. Комиссии пришлось поэтому прибегнуть к разным способам для того, чтобы войти в соприкосновение с западными учеными кругами: 1) она просила своего Председателя дать сведения о византологических

занятиях в России и в частности о работе Комиссии в журнале *Byzantion* текст письма в *Byzantion* был прочитан акад. Ф. И. Успенским в заседании 23 января 1925 г. (выдержки из этого письма помещены в *Byzantion*, I, 745—746); 2) обсуждалось и встретило сочувствие предложение проф. В. Н. Бенешевича систематически помещать сведения о работах Комиссии в некоторых специальных журналах Запада (заседание 26 февраля 1925 г.), однако, твердого решения посылать их не состоялось; 3) одобрено 25 октября 1925 г. сообщение проф. В. Н. Бенешевича о возникновении и работе РВК, составленное по просьбе редакции *Byz. Ztschr.* (напечатано в т. XXV, за 1925 г., стр. 507—509). Но не встретило сочувствия (заседание 25 июня 1925 г.) предложение «Всесоюзного Общества Культурной Связи с Заграницей» (за № 2278 и № 2548, 1925 г.) выделить ответственного корреспондента, который бы информировал «Общество» о работе Комиссии, и присылать авторефераты о ненапечатанных трудах для помещения их в журнале «Общества».

Повторные ходатайства акад. Ф. И. Успенского и улучшение средств Академии привели, наконец, к тому, что Президиум Академии, вполне присоединяясь к желательности предоставить РВК двух платных сотрудников, поручил в апреле 1925 г. управляющему делами правления Академии иметь в виду эту надобность при разработке дополнительного штата АН. Что же касается печатания трудов РВК, то в издательский план на 1925/26 г. уже включено печатание семи листов по византиноведению и трех листов по словарю Дюканжа, что и будет осуществлено при условии отпуска испрошенной по издательской смете суммы. Первая половина сообщения об этом Непременного Секретаря АН от 14 апреля 1925 г. еще не нашла себе осуществления при состоявшемся осенью 1925 г. расширении штатов АН, зато вторая уже выполнена в виде XXIV т. «Византийского Временника».

Само собою разумеется, что указанные размеры ассигнований на печатание трудов РВК и на ведение всей ее работы далеко не соответствуют ни ее задачам, ни личному составу, необходимому для их осуществления, ни размерам произведенной уже наличным составом работы.

В заявлении, представленном акад. Ф. И. Успенским в Президиум АН в марте 1926 г., мотивирована необходимость предоставления РВК трех платных сотрудников, из которых старший должен являться ближайшим помощником Председателя по руководству всей работой РВК. А в интересах облегчения и укрепления самой этой работы акад. Ф. И. Успенским проектировано учреждение кабинета византиноведения, который бы служил и музеем русского византиноведения; эта мысль встречена сочувственно Общим Собранием 5 сентября 1925 г. в Президиумом 16 октября 1925 г.

Задачи, стоящие перед РВК согласно указаниям Академии, изложенным в докладах акад. Ф. И. Успенского, делятся на две группы: 1) изучение русско-византийских отношений в X и смежных веках, 2) подготовка материалов для переиздания *Glossarium graecitatis* Дюканжа. Для

разработки вопросов, входящих в каждую из основных задач, необходимо было бы образовать особые подкомиссии или специальные отделы. Так и поступила еще Комиссия «Константин Порфирородный» по предложению акад. Ф. И. Успенского, в первом же заседании наметивши подкомиссии для изучения местностей, именно: 1) северного побережья Черного моря, 2) Кавказа, 3) Трапезунта, 4) Балканского полуострова, 5) Малой Азии и специальных вопросов, куда отвоятся: 1) изучение текста произведений Константина Порфирородного и связанных с ним, 2) названия Днепровских порогов, 3) топография Константина Порфирородного 4) церковные обряды, 5) центральное и провинциальное устройство Империи, а также и для выполнения своих основных заданий, таковы: 1) составление библиотеки по эпохе Константина Порфирородного, 2) составление библиографии о трудах Константина Порфирородного, 3) составление указателя имен, упоминаемых в трудах Константина Порфирородного.

Если бы РВК, как преемница Комиссии «Константин Порфирородный», остановилась только на этих задачах, то ясно, что начать осуществление их она смогла бы только объединив в общей работе всех русских византиноведов и при энергичном содействии исследователей славянства, эллинизма, христианского и мусульманского Востока. И действительно, на призыв РВК откликнулись почти все эллинисты в пределах СССР и некоторые ориенталисты и исследователи древне-русской истории и литературы, живущие в Ленинграде. Число членов РВК дошло до 40, но подкомиссия образована (11 мая 1925 г.) только одна: по изучению экономических связей древней Руси с Византией и Востоком, под председательством проф. В. Н. Бенешевича; кроме того, с 11 марта 1925 г. в РВК включена Академией Комиссия по изданию сочинений В. Г. Васильевского. Во главе РВК стоит Председатель (академик Ф. И. Успенский), товарищ Председателя (проф. В. Н. Бенешевич), выборный член (академик И. Ю. Крачковский) и секретарь (проф. И. И. Соколов), которые образуют Бюро или Президиум РВК. Отсутствие возможности членам Бюро всецело отдаваться работе по РВК в помощь Председателю ее, а также отсутствие технических вспомогательных сил и промежуточных органов в лице руководителей подкомиссий ставят Бюро не только в трудное, но подчас даже безвыходное положение, потому что РВК развила с самого начала очень интенсивную работу во исполнение обеих своих основных задач.

В области изучения русско-византийских отношений достаточно кратко отметить содержание представленных докладов в алфавитном порядке имен докладчиков.

1) Проф. Д. В. Айналов 25 июня 1925 г.: «О блюде княгини Ольги», где против тезисов проф. А. А. Дмитриевского (см. ниже) отстаивается точка зрения докладчика, высказанная им в статье: Примеч. к тексту книги «Паломник» Ант. Новгор. XIV в. (ЖМНП, 1908, № 11, стр. 90—102).

2) Проф. В. Н. Бенешевич: а) 27 марта 1924 г.: «Византийские таблицы о рангах по Клиторологии Филофея и иерусалимским спискам.» Докладчик проверил текст Клиторология по фотографическим снимкам с Лейпцигского списка De Cerim. и воспользовался фотографическими снимками с иерусалимских списков патриаршего фонда № 39 («Тактикон» Михаила и Феодоры, изданн. Ф. И. Успенским в Известиях Р. А. И. в Константинополе, том III) и № 24 около половины X века, где между прочим наблюдается одна очень интересная особенность: на первом месте после царей стоит ὁ πάπας Ῥώμης, на втором — ὁ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως, чему соответствует в De Cerim., 727: καὶ τὸν μὲν πρωτόκλητον φίλον πρὸς τὸ εὐώνυμον προτρέπεσθαι μέρος, ὅπως ἡ τῆς βασιλικῆς ἀξίας ἐπίδοσις εὐχερῆς τῷ πρωτοκλήτῳ γένηται φίλῳ, τὸν δὲ ἀπ' αὐτοῦ δεύτερον ἐν τοῖς δεξιοῖς προσκαλεῖσθαι καὶ λέγειν. ὁ πατριάρχης ΚΠ. На основании этих материалов дано новое и притом сводное издание разных видов таблицы о рангах с исследованием ряда вопросов, восполняющим и иногда исправляющим работу J. В. Вугу, The Administr. System in the Ninth Century. Доклад отослан для напечатания в Byz.-Neugriech. Jahrbücher и появится в 1926 г.; отзыв. акад. Ф. И. Успенского в ИАН, 1924 г., № 12—18, стр. 640—641. б) 19 мая 1924 г.: «Следы утраченных произведений древности в слав. переводе статьи Кормчей книги вел. книжника Антиохийского о каландех, нонех и идех» (см. ИАН, 1924, № 12—18, стр. 648—649; напечат. в Byz. Ztschr., 1925, XXV, 310—312: Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in altslavischer Übersetzung). в) 31 октября 1925 г.: «Вазелонский кодекс Госуд. Публ. Библиотеки», исследование порядка и состава актов в рукописи греч. № 743, подготовляемых к изданию акад. Ф. И. Успенским и докладчиком. д) 25 сентября 1925 г.: «Автокефальные церкви греческого Востока по рукописи Госуд. Публ. Библ. греч. № 716», о подготовленных к печати списках епископий, особенно патриархатов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, для которых указаны и границы митрополичьих округов. е) 13 мая 1926 г. сообщение о некоторых новых работах: А. Heisenberg (Das Problem der Renaissance in Byzanz), Ф. Κουκουλέ, Δ. Πετραχάκος и др.

3) Проф. А. А. Дмитриевский: а) 19 мая 1924 г. «О неудовлетворительности издания текстов в Евхологии Гоара» (см. ИАН, 1924 г., № 12—18, стр. 648—649); б) 14 мая 1925 г.: «Блюдо кн. Ольги в храме св. Софии». Вопреки доводам проф. Д. В. Анайлова (см. выше) докладчик считает это блюдо не дискомом, а антидотным или артосным; в) 21 января и 25 февраля 1926 г.: «Византист XVII века Яков Гоар». На основании очень интересной переписки Гоара с учеными его современниками, предоставленной в распоряжение докладчика акад. Н. П. Лихачевым из его Музея (ныне Музей Палеографии Академии Наук), дана широкая картина деятельности Гоара на фоне развития византийских штудий во Франции в XVII веке, и выяснены причины неудовлетворительности издания текстов в Евхологии.

4) А. П. Смирнов 25 июня 1925 г.: «Что такое скараник. К вопросу об одной спорной части византийского придворного облачения эпохи Палеологов»; докладчик указал, что под *σκαράνικον* надо понимать не одежду, а головной убор; доклад отослан для напечатания в *Byzantion*, 1925 г. т. II.

5) Академик Ф. И. Успенский: а) 25 сентября 1925 г.: «Литературная деятельность Константина Порфирородного»; б) 30 мая 1925 г.: «Магистр Косьма, паричское право»; здесь дан анализ двух фффо: Косьмы, изд. у Leunclav. JGR, II 166—167. в) 10 декабря 1925 г.: «Центробежные и центростремительные силы в Византии в начале XIII века», где изложены влияния как обусловившие катастрофу 1204 г., так и сохранившие империю от полной гибели. д) 1 апреля 1926 г.: «Когда и кем построен город Превеза (между Эпиром и Акарнанией)?»

6) М. А. Шангин 13 мая 1926 г.: «Поэма Иоанна Каматира о круге зодиака» (по рукописи АН).

В подкомиссии по изучению экономических связей древней Руси с Византией и Востоком поставлены на первое место два вопроса: 1) исследование договоров Руси с греками в X веке, 2) собрание и обследование известий восточных писателей IX—XIII вв. о Руси, славянах, болгарях, хазарах и о территории ими занимаемой. Для первого вопроса предприняты шаги для первого научного издания договоров: согласно указаниям проф. М. Д. Приселкова сфотографирован текст договоров по 10 особо характерным летописным спискам, приступлено к составлению указателя всех слов в договорах (А. Н. Насоновым и А. А. Степановым), начат критико-библиографический обзор научной литературы о договорах в докладах А. А. Лященко (о статье академика В. Н. Истрина, в ИОРЯС, 1924 г., XXIX, 383—393), И. Ю. Маркона (о работах Г. В. Бараца), В. М. Бузни (о взглядах В. И. Сергеевича), А. Ф. Вишняковой (о книге Н. Лавровского, О визант. элем. в договорах), и готовится ряд докладов В. А. Брима, Л. П. Якубинского и других об именах русских послов, упоминаемых в договорах; подготовка текста договоров для издания возложена на В. Н. Бенешевича. Над текстами же арабских писателей начата работа А. Г. Якубовским, который 19 февраля 1926 г. уже сообщил о сведениях, даваемых Ибн-Мискавейхом о походе русских на Бердаа (см. выше); впоследствии трудами докладчика составится полный свод материала, находящегося у арабских и персидских географов, причем работе обеспечено содействие академиков В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. 17 мая 1926 г. А. Г. Якубовским прочитан доклад: «Торговые пути и торговые центры, соединяющие вост. Европу с Кавказом, Ср. Азией и Персией»; приложенная к докладу карта путей чрезвычайно оживила изложение. 9 июня состоялся доклад В. А. Брима: «Торговые пути руссов на Волгу».

В работе по подготовке переиздания словаря Дюканжа была проявлена достаточная энергия. Члены РВК заняты были собиранием и обработкой материала для отдельных слов: *καπάλιον*, *καπαλιχῶς*, *καπαλόω* (Ф. И. Успенский, 15 октября 1923 г.), *ὑποταγή* и *τελεσιμός* (Ф. И. Успен-

ский, 19 мая 1924 г. см. ИАН, 1924 г., № 12—18, стр. 648—649), ξρανος, Βορδόνη, μιτιχαρίωνη, κατωτικός, καστρηνοί (Ф. И. Успенский, 9 октября 1924 г.), терминология из Ἐπαρχικὸν βιβλίον (Ф. И. Успенский, 9 апреля 1925 г.), терминология из ψῆφοι Косьмы Магистра (Ф. И. Успенский, 30 мая 1925 г.), ταβλίον и ὁ ἄγιος φοῦρνος (А. А. Дмитриевский, 9 апреля 1925 г.), греческие глоссы в еврейской письменности (И. Ю. Маркон, 31 октября 1925 г.), Σύροι и Ἀσσύροι (В. Е. Вальденберг, 19 мая 1924 г.), ταξιάρχης, μονοκράτωρ (В. Е. Вальденберг, 19 ноября 1923 г.), заимствования из коптского в греч. (П. В. Ернштедт, 20 ноября 1924 г.), слово σκιάτζο в 31-м чуде св. Артемия (П. В. Ернштедт, 30 мая 1925 г.), σχολαστικός (В. Н. Бенешевич, 19 ноября 1923 г.).

Опыт работы над собранием словарного материала был по поручению РВК от 30 мая 1925 г. суммирован в ряде положений той же подкомиссией (В. Н. Бенешевич, С. А. Жебелев, А. И. Малени), которой еще в 1923 г. поручено было выработать форму карточки (см. выше стр. 4); ею были приняты во внимание и все те указания, которые в условиях работы РВК могли быть заимствованы из практики работы над Dictionnaire du latin médiéval и Афинским Λεξικόν. 25 июня 1925 г. РВК одобрила и приняла к руководству выработанные подкомиссией следующие:

П РА В И Л А

составления карточек для переиздания греческого словаря Дюканжа и для исторического словаря лиц и мест Византийской империи и прилежащих к ней стран.

1) Бюро Комиссии указывает сотруднику издание, по которому должна производиться работа, и сокращенное обозначение, под которым эксцерптуемый текст должен появиться в словаре.

2) Сотрудник сдает карточки расположенными в том порядке, как он производил свою работу.

3) Работа может производиться двумя путями:

а) путем сплошного чтения текста с первой страницы до последней, и тогда карточки располагаются в порядке страниц;

б) путем использования указателей к тексту, из которого и выписываются имена термины согласно даваемым в указателях ссылкам; тогда карточки располагаются в алфавитном порядке принятых во внимание имен терминов.

4) Более соответствующим интересам деда представляется первый порядок, в особенности, если сделана проверка полноты и точности работы по указателю. Но и второй порядок работы имеет свои выгоды. Желательность того или другого для каждого текста определяется Бюро Комиссии.

5) Работа сдается в Бюро Комиссии по мере ее производства, с указанием при каждой присылке количества карточек, начальной и конечной карточки в сдаваемой части, времени сдачи, имени и адреса сотрудника.

Вся корреспонденция по работе адресуется на имя Русско-Визант. Ист.-Слов. Комиссии Академии Наук СССР, Председателю Комиссии и оплате почтовым сбором не подлежит.

6) Форма карточки должна быть точно соблюдена:

а) цвет бумаги — белый;

б) бумага должна быть чистой с обеих сторон;

в) формат — половина четвертушки писчего листа;

г) текст пишется только на одной стороне, а если не умещается, то переносится на другую карточку (в верхнем углу слева таким карточкам дается нумерация);

д) строки записи должны идти параллельно длинной стороне карточки;

е) в верхнем углу слева пишется то слово, к которому относится карточка, при чем существительные и прилагательные ставятся в именительном падеже, глаголы в неопределенном наклонении;

ж) если это слово имеет разные оттенки значения, то под ним присоединяется по русски или по латыви указание на то значение, которое имеется в виду для данного места;

з) сначала пишется выдержка из текста, а под нею условное обозначение заглавия самого экскерпируемого текста с указанием страницы и строк, а в скобках также книги и главы и §;

и) в выдержке из текста основное слово выделяется подчеркиванием;

й) почерк — четкий.

7) Содержание и объем выдержки должны быть таковы, чтобы значение термина определялось для данного места точно, ясно и полно.

8) Указания на время и место употребления термина, почерпаемые из самого текста памятника (напр. в летописях, записях, надписях и т. д.), должны быть отмечаемы при выдержке.

9) Когда выписка делается для именослова, то она должна давать все, что из данного места можно почерпнуть для характеристики лица (или местности) и для приурочения его к времени и месту. В верхнем углу слева пишется имя, к которому относятся выдержка.

10) Когда экскерпируются труды ученых, то слева в верхнем углу пишется слово, а выдержка должна содержать мнение ученого о значении термина или о собственном имени, выраженное по возможности его собственными словами, с указанием, от кого и в чем оно, по словам самого автора, отстывает; в случае же согласия его с предшественниками необходимо привести указание его на них.

11) На каждой карточке должны быть только один термин (или одно собственное имя) в верхнем углу ее и только одна выдержка из источника или ученого труда, к нему относящаяся.

12) Всякого рода догадки и дополнения сотрудника относительно основного слова, не содержащиеся непосредственно в самой выписке, должны быть выделены прямыми скобками и другими способами во избежание искажения текста памятника.

13) При эксцерпировании не-греческих текстов следует ставить в верхнем углу слева греческий термин или имя, а эксцерпт из не-греческого текста приводить согласно указаниям в §§ 7—12, но с следующими добавлениями:

а) в верхнем углу слева рядом с греческим словом присоединять со знаком равенства (=) перевод или транскрипцию на языке памятника;

б) если эксцерпируется памятник переводный с греческого, то указывается соответствующее эксцерпту место в оригинале, однако, без приведения последнего целиком, но в скобках дается только греческая форма термина или имени для данного эксцерпта;

в) эксцерпты из не-переводных с греческих памятников, написанных на языках не-европейских, сопровождаются переводом на один из европейских языков.

14) Исчерпать весь нужный для основной цели материал из каждого памятника представляется делом необходимым, но чрезвычайно трудным и даже не исполнимым для отдельного сотрудника. Поэтому все усилия Бюро и сотрудников должны быть направлены к точному и полному учету производимой каждым сотрудником работы и к строгому соблюдению единообразия в самой работе согласно изложенным выше указаниям и прилагаемым образцам.

15) Особо должны быть отмечаемы памятники и ученые труды, где совершенно отсутствуют материалы для того или другого словаря, хотя другие труды того же древнего или нового автора и входят в круг Византийской истории.

16) Работа, начатая до получения настоящих указаний, должна быть приведена в полное согласие с ними через сообщение сотрудником в Бюро принятых им сокращений и издания текста (§ 1), соблюдение формы карточки (§ 6) и так далее. Все, могущее оказаться не под силу сотруднику, выполняется силами Бюро, которому сотрудник точно сообщает все мельчайшие недочеты своей работы.

17) Недоразумения, возникающие при работе, разрешаются Бюро Комиссии, которая для облегчения и ускорения справок может указать каждому иногороднему сотруднику ближайшего к нему своего представителя, объединяющего и направляющего работу в тесном контакте с Бюро.

18) Основная и единственная задача сотрудника — точное, полное и ясное восприятие и перенесение на карточки содержания лежащего перед ним текста. Никакой исследовательской или справочной работой затруднять себя при этом не следует, и стремление к ней должно считаться одним из верных признаков наличия недоразумения.

17,5 см.

μóρτη = десятина.

Μόρτη или мóρτή, по точному определению самого Землед. устава, есть арендная плата крестьянина, сидящего на чужой земле и обязанного, по условиям аренды, отдавать землевладельцу десятый сноп своей жатвы. В том же смысле μóρτη употребляется и в позднейших юридических актах Византийской империи: см. *Micl. et Müller, Acta mon.*, I 419—420. Таким образом русский переводчик назвав византийскую мóрту десятиною, совершенно правильно передал подлинное значение этого термина.

Павлов, Кн. Зак., 20—21.

Формат карточки (§ 6 в) и образец заполнения по § 10.

Κοσμῆς

patriarcha Alex.

Τῷ δ'αὐτῷ Κοσμῆς ὁ πατριάρχης Ἀλεξανδρείας ὠρθόδοξε μετὰ τῆ πόλει αὐτοῦ ἐκ τῆς τῶν Μονοθελητῶν κακοδοξίας, κρατησάσης ἀπὸ Κύρου, τοῦ ἐπὶ Ἡρακλείου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας.

Theoph. 416, 13—16, a. 6234.

Образец заполнения по § 6, 7, 8, 9.

δημοκρατία = vulgare imperium.

Stauracius..... imperium uxori acquirere festinabat aut vulgare imperium (δημοκρατίαν) excitare in christianos.

Anast. chron. trip. 331, 8—9, a. 6303.

Образец заполнения по § 13, а, б, и 8.

Почти одновременно с появлением «Правил» и даже в нескольких случаях до появления их РВК произвела распределение материала между сотрудниками в трех направлениях:

1) Из трудов русских византинистов должны быть извлечены данные ими толкования терминов и объяснения слов; для этой цели поручено пересмотреть акад. Ф. И. Успенскому сочинения его собственные, В. Г. Васильевского, Г. С. Дестуниса, П. В. Безобразова и Б. А. Панченко; проф. Д. В. Айналову и проф. Л. А. Мацулевичу — Н. П. Кондакова, Ф. И. Буслаева, Я. И. Смирнова, гр. А. С. Уварова и Д. В. Айналова; проф. В. Н. Бенешевичу — А. И. Пападопуло-Керамевса, Н. А. Скаблановича, Н. С. Суворова, А. С. Павлова и В. Н. Бенешевича; проф. А. И. Бриллиантову — В. В. Болотова; проф. В. Е. Вальдевербергу — В. Г. Васильевского (по правовым вопросам); проф. А. А. Дмитриевскому — собственные труды; проф. П. В. Эрнштедту — В. К. Эрнштедта; проф.

С. А. Жебелеву — П. В. Никитина и Д. Ф. Беляева; проф. Е. А. Загорскому (Одесса) — Бруна, Мурзакевича и Юргевича; акад. В. М. Истрину — собственные труды; проф. И. А. Карабинову — Н. В. Красносельцева, И. Д. Мансветова и И. А. Карабинова; акад. Н. П. Лихачеву — собственные сочинения по сфрагистике; проф. Н. В. Малицкому — Н. В. Покровского; проф. В. Э. Регелю — собственные труды; проф. Ф. М. Россейкину — Е. Е. Голубинского; проф. И. И. Соколову — И. Е. Троицкого и Ф. А. Курганова; проф. Н. Н. Томасову — В. В. Латышева; проф. Д. П. Шестакову (Владивосток) — Х. М. Лопарева.

2) Поручено выбрать материал для имен и терминов из следующих византийских текстов: проф. В. Е. Вальденбергу — *Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus*; проф. Б. В. Варнеке (Одесса) — история Михаила Пселла и *Acta et dipl. gr. medii aevi ed. Micl. et Müller том VI*; проф. А. П. Дьяконову (Пермь) — Церк. История Иоанна Ефесского; проф. Ю. А. Иванову (Саратов) — Никифор Врненний; проф. И. Ю. Маркону — греческие термины в средневек. еврейских текстах; проф. Н. И. Новосадскому — Прокопий Кесар. *De bellis*; Б. К. Ордину — Георгия Акрополита *χρονική συγγραφή* и Г. Пахимер; проф. Н. Н. Пальмону (Астрахань) — Лев Диакои; А. А. Петрону — *Incerti scriptoris Byzant. saec. X liber de re militari recens. R. Vári*; П. Г. Преображенскому (Москва) — хроника Феофана; Е. Ч. Скржинской — греч. документы южн. Италии в изд. Trinchera, Spata и Cusa; А. П. Смирнову — тексты, изд. H. Delehaie, *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues* (Вгук., 1921); проф. Е. А. Черноусову (Ростов на Дону) — Евстафий Солунский, О взятии Солуни; проф. С. П. Шестакову (Казань) — Никита Аком.; Влад. Бор. Шкловскому — Агафий Схол.

3) Поручено выбрать визант. термины худож. техники и искусства из русских летописей (по Лавр. и Ипат. спискам) проф. Н. П. Сычеву.

Уже исполнена работа Б. К. Ординым над Г. Акрополитом целиком и над частью Г. Пахимера, проф. С. П. Шестаковым над Н. Хониатом и проф. Н. И. Новосадским над частью Прокопия.

Отсутствие необходимых книг и трудные условия жизни очень замедлили работу некоторых сотрудников, и президиуму РВК приходилось прибегать иногда к экстренным мерам помощи.

Для облегчения сношений и установления более тесной связи с сотрудниками намечены местные представители РВК в Москве, Казани и Одессе.

Даже кратковременный опыт показал, однако, что ни печатные «Правила», ни деловая переписка, ни посредничество отдельных лиц не могут иметь подлежащего действия, пока не существует ни соответственного печатного органа для обмена мнений, ни непосредственного общения между собратями по специальности в СССР и за границей. В прежнее время византилисты имели возможность узнать и друг друга и специалистов в родственных им областях науки как на различных археологических съездах, так и в обществах, объединявших ученый мир всей России. Может быть, и ныне одним из ближайших шагов на пути сохра-

нения и укрепления византиноведения и одним из вернейшим средств для объединения на почве общей работы следовало бы считать съезд византиноведов СССР. Этот съезд следовало бы считать съездом экстренной меры, вызываемой опасениями за судьбу русского византиноведения, но также и для подведения итогов развития его с XVIII века и для выяснения новых задач его и средств для их выполнения в связи с успехами востоковедения, папирологии и описания ряда богатейших рукописных фондов.

Возобновление «Виз. Временника» окажет, конечно, благотворное действие в смысле объединения и оживления русского византиноведения в пределах СССР; в том же направлении будут влиять и несколько налаживающиеся с 1925 г. правильные сношения с границей; а неизменное внимание АН к РВК открывает перспективы укрепления и развития работы РВК. Можно поэтому надеяться, что уже в одном из ближайших переизданий *Geschichte der Philologie* (Berlin, 1921) Нестор классической филологии Wilamowitz-Möllendorf несколько изменит безнадежный тон своей заметки на стр. 27: *Längst ist die Erneuerung dieser Werke* (обоих глоссариев Дюканжа) *ein dringender Wunsch, wird aber wohl noch lange ein frommer Wunsch bleiben.*

В. Бенешевич.

Καπάλιον.

Вопросы, стоящие в связи с экономическим, социальным и податным состоянием, до сих пор мало разработаны. Всякая новая попытка в этом отношении, при всей ее заманчивости и оригинальности, сопряжена с опасностью подвергнуться упрекам или в недоказанности, или в односторонности. Но было бы малодушием отказываться от мысли, что не понятые доселе термины навсегда останутся загадочными. На этот раз предполагаем остановить внимание на давно уже известном специалистам Сумеллийском хризовуле от 1364 г.,¹ в котором в числе других милостей царь Алексей принимает на казенный счет ежегодные расходы на сторожевую службу монастыря, причем в акте употреблено выражение, возбуждающее, как ниже увидим, большой интерес именно в применении к административной и, в частности, податной системе. Место это в переводе значит: «Из капалия Дуверы жертвуется 200 аспров на охрану крепости и еще из того же капалия 300 аспров».² Ниже в том же акте (р. 280); сказав об освобождении записанных за монастырь крестьян (париков) от всяких казенных обложений, делает исключение лишь в пользу подати капалия, взимаемой дважды в год; от взноса той же подати не освобождаются

¹ Miklosich et Müller, *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, V. p. 276.

² Ἀπεχαρίσθη καὶ ἀπὸ τοῦ καπαλίου τῆς Δουβερᾶς ἄσπρα διακόσια, καὶ πάλιν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ καπαλίου ἑτέρα ἄσπρα τριακόσια πρὸς τὴν τοῦ κἄστρου φύλαξιν.

и новые поселенцы на монастырских землях, не вписанные в кадастр или в писцовые книги.¹

Само собой разумеется, трудно с точностью определить значение неизвестного термина на основании упоминания об нем в одном памятнике. Очевидно, следовало или искать новых мест употребления слова *κατάλιον*, которого нет в словарях греческого языка и которое неизвестно Дюканжу, или ждать опубликования таких памятников, где бы это слово встретилось еще раз. Уже из того обстоятельства, что *κατάλιον* становится известным собственно в трапезунтском памятнике, можно было придти к заключению, принимая во внимание неупотребление его ни в древнем, ни в средневековом греческом языке, об его чуждом происхождении и, во всяком случае, признать его в смысле местного трапезунтского слова.

И действительно, несколько раз мы встретили этот термин в местных земельных актах, именно в актах Вазелонского монастыря, о которых была речь в другом месте.² На основании этого, также мало изученного памятника, получается возможность истолковать слово *κατάλιον* иначе, чем это предложено было прежними исследователями. Прежде всего можно установить, что с понятием о капалии соединяется идея некоторого учреждения вроде нашего приказа, ведавшего определенной административной или финансовой областью и находившегося в селении Дувера, верстах в 25 от Трапезуита.

Об этом прекрасное место сохранилось в описании чудес св. Евгеиния, принадлежащем епископу Лазарополу. Здесь рассказывается, между прочим, о поражении, нанесенном сельджуцкому султану Мелику Андронику Гидом, царем трапезунтским в 1223 г. Относящееся до вопроса, нас занимающего, место читается так: «Вождь варваров, султан Мелик, спасаясь бегством с отборной фалавгой своей свиты, когда начиналось утро, прибежал в кураторий близ капалия. Осведомленные об этом некоторые мужи из жителей Мацуки прибыли сюда и взяли его в плен».³ Едва ли может быть сомнение в том, что выражение *φεύγων περί τὴν κάπαλιν* значит «бежал около капалия», и что под капалием здесь разумеется здание или постройка, находившаяся в Дувере. Мимоходом еще заметим, что употребление этого слова с членом *ἤ*, в данном случае, а чаще с членом *τὸ*, говорит за то, что слово для самих греков было чуждое, иноземное.

Совершенно особенное значение приобретает слово *κατάλιον* в земельных актах Вазелонского монастыря близ Трапезуита. Здесь оно обозначает подать и употребляется рядом с другими статьями обложения кре-

¹ Μόνα δὲ ἕνα τελέσασιν εἰς τὸ βεστιάριον τῆς βασιλείας μου διὰ δύο τοῦ ἔτους καταβολῶν, ὅτι δῆτα κατετέθησαν καταλικῶς παρὰ τῶν ἀρχόντων καὶ ἐξισωτῶν αὐτῆς. О новых поселенцах прибавлено: ἐντός τοῦ τεταγμένου καταγραφῶσι καταλίον.

² Известия Российской Академии Наук, 1919, стр. 1007. Журнал «Анналы», кн. II, стр. 95. (СПБ. 1928.)

³ Ὁ δὲ τούτων ἀρχὼν ὁ Μελίχ — φεύγων περί τὴν κάπαλιν — εἰς τὸ κουρατορεῖον ἀφίκτο.

стьянского сословия. Так в запродажном акте на имя Иоанна Камаха¹ продавцы участка обуславливают продажу такими словами: τὸν δὲ τόπον ἐδώκαμέν σοι ἄνευ δημοσίου καὶ καπαλίου, т. е. продали тебе участок без уплаты казенной подати и капалия. Как объяснить это условие, об этом здесь не будем говорить. На л. 64 тех же актов перечисляются участки крестьян в Палеомацуке, обозначенные так: τὰ βασιλικὰ ἀλληλέγγυα, между прочим ἡ γονικεῖα τοῦ Τραγᾶ ἐκαπαλώθη σίτου φομιάρια γ', — т. е. родовое имущество Трома обложено тремя псомариями жита. Последний случай приближает нас к реальному смыслу слова, выражение ἐκαπαλώθη должно быть переведено «закабалено» и все место должно быть истолковано так: родовое имущество Трома обложено кабальной податью в три псомария. В 1415 г. монастырю жертвуется на помин души имущество, причем замечено: αὐτὸ τὸ καπάλιον ἔσται εἰς τὴν μόνην ἀνεγκράτητον — т. е. самым капалием обитель не распоряжается в свою пользу. Так как повинность καπάλιον имеется только в Трапезунтских актах, то ясно, что она имела местный характер и происхождение.

Теперь мы можем с большей уверенностью обратиться к истолкованию нашего термина в пожаловании трапезунтского императора Алексея III Комнина в пользу монастыря Сумелы от 1364 г. В этом акте несколько раз встречаем или слово καπάλιον, или другие образования из того же слова.

Прежде всего император жертвует монастырю 500 аспров из капалия Дуверы на содержание стражи, охраняющей монастырь от сельджуков.² Капалий Дуверы здесь не будет иметь удовлетворительного толкования в выражении подать Дуверы. Уже выше мы указали, в чудесах св. Евгения епископа Лазаропуло, место, где капалий значит особое учреждение, вроде приказа, находившееся в селении Дуверы; таким образом и в хризовуле указывается на тот же приказ, в котором сосредоточивались суммы собираемые с крестьян по статье «капалий».³ В следующем месте того же хризовула, упомянув об освобождении монастырских крестьян от всех видов повинностей, собираемых сборщиками податей, император делает упоминание о капалии: «одво только обязаны уплачивать в вестварий царства моего двукратными в год взносами, именно ту подать, которую обложены нашими арховтами и справщиками по статье капалия³ и никак не более того».

Ясно, что это была чрезвычайно важная подать, которою правительственная власть не считала возможным поступиться даже в этом чрез-

¹ Типик Вазелонского мон., л. 10 v.

² Выражение ἀνεγκράτητον (выше) допускает и другие толкования. Но в том же самом акте (fol. 75 r.) взнос в монастырь ежегодной дани в два псомария фасоли (φάβαντον) подкреплен выражениями ἀνεγκρατήτως καὶ ἀχαδιστερήτως т. е. без удержки в свою пользу и безотлагательно.

³ Место приведено выше.

⁴ "Ὅσα δὲ τὰ κατετέθησαν καπαλικῶς παρὰ τῶν ἀρχόντων καὶ ἐξισωτῶν αὐτῆς.

вычайно благорасположенном для монастыря акте. Несколько ниже хризовул еще возвращается к тому же вопросу в следующих словах: «если, кроме перечисленных крестьян, придут со стороны присельники не записанные в царский катастик (писцовая книга), то и они пользуются подобной же привилегией изъятия (от всех повинностей), с условием подведения под действие установленного капалия».¹ В конце акта монастырю предоставляется право выбрать из подвластных ему крестьян стражу для защиты монастыря от враждебных нападений агарян.

Приведенные места, как бы они ни были малочисленны, дают основание к мысли, что под капалием нужно понимать кабальную подать, вносимую всеми крестьянами с их земли в пользу Турок. Трапезунтским царям удалось стать в очень благоприятные отношения, как к монголам, так и к туркам, преимущественно к Иконийскому султанату. Подать, которую обязались они платить, собираема была самим трапезунтским правительством и распределена на крестьянское население по количеству земли, в некоторых случаях была собираема натурой. Как оказывается, в Дувере был отдел местного приказа, из которого излишки шли на удовлетворение других потребностей. Насколько нам известно, подобная система была организована в Трапезунте гораздо благоприятней для центрального правительства, чем в России, где сбор кабальной подати производился монгольскими уполномоченными и сопровождался большими притеснениями местного населения. Еще более, чем сами местные жители, выигрывали от этой системы трапезунтские цари и правительство, собирая кабальную подать в больших, чем требовалось, размерах и удерживая систему сбора даже и по миновании в том надобности. Таково, по крайней мере, заключение из тех скудных указаний, какие мы находим в наших материалах.

Предыдущее исследование вызывает еще ряд дальнейших соображений по отношению к происхождению подати капалий. Так как чуждое Византийской империи происхождение и значение этого слова становится не подлежащим сомнению вследствие того обстоятельства, что его нет или по крайней мере не отыскано доселе в византийских памятниках, а появляется оно лишь в актах трапезунтских, то весьма вероятным становится предположение, что искать происхождение слова и специальной подати капалии следует также именно на почве Трапезунтской империи. В хризовуле царя Алексея Комнина связь капалия с турецкими враждебными нападениями обозначена, хотя и не прямо: все обыкновенные подати с монастырских крестьян сняты, за исключением капалия; часть суммы, собираемой по этой статье, идет на содержание стражи для защиты монастырских укреплений от агарян. Самое слово, нас занимающее, поражает своей близостью с арабским и турецким: «кабаль», «кабали» и «кабале». Нечего указывать, как оно свойственно нашему языку и как нам понятно, до какой степени оно оставило глубокий след в нашей психике:

¹ Καὶ αὐτοὶ τὸν ὅμοιον ἐξουσιουθήσονται τρόπον καὶ ἑντὸς τοῦ τεταγμένου καταγραφῆσι καπαλίου.

кабала, закабалить, отдать в кабалу, быть в кабале и т. п. За указание этих аналогий приношу благодарность проф. А. Н. Самойловичу.

О введении этой подати и об условиях, побудивших великих Комнинов установить ее, история Трапезунта дает довольно определенные указания.

Ф. Успенский.

Ταξίαρχος.

В сочинении *Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης*, приписываемом Петру Патрикию Магистру,¹ автор дает очерк основных законов государства. Дошедший до нас фрагмент включает в себе всего пять законов. Из них второй, *δεύτερος νόμος* касается византийского сената — *περὶ τῆς τῶν ἀρίστων συγκλήτου βουλῆς*, — причем автор, говоря о компетенции сената, о цели его учреждения или о роде дел, ему подведомственных, упоминает о таксиархии (*ταξιαρχίας ἐνεκα γυγνομένης*).

Его слова можно понимать или в том смысле, что сенат назначает таксиархов, или же что таксиархи ему вообще подчинены.

Если мы для понимания этого места обратимся к словарю Дюканжа, то найдем, что слово *ταξίαρχος* или *ταξίαρχης* объясняется там так: *Dux manipuli militaris, centurio, εκατοντάρχης*. И так, таксиарх — командир небольшого отряда, таксиса или сотни, *εκατονταρχία*. Сотня же, как мы знаем из других источников, состояла из двух полусотен, или 4 *συστάσεις*, или 16 *λόχοι* и заключала в себе не ровно 100 человек, а 128. Таксиарх, следовательно, соответствует приблизительно ротному командиру.

Совершенно ясно, что такое значение слова не дает возможности удовлетворительно объяснить приведенное место из Петра Патрикия. Ибо как бы мы ни понимали это место, — будем ли видеть здесь изображение действительного государственного устройства Византии, как его представлял себе Петр Патрикий, или проект положительной конституции, или же, наконец, отвлеченный политический идеал, — представляется невероятным, чтобы сенат, высшее правительственное учреждение обширного государства, ведал назначением на столь незначительную военную должность. При том представляется странным, что Петр Патрикий говорит исключительно о таксиархах и ни словом не упоминает ни о должностях, ему подчиненных, напр. о лохагах, ни о высших военных чинах в роде стратига, мэрарха и т. п. Невольно является мысль, что он употребляет слово *ταξίαρχος* в каком то другом значении, а не в том, какое можно получить из словаря Дюканжа.

Если мы обратимся к вопросу об источнике Дюканжа в данном случае, то увидим, что он целиком опирается на лексикон Свиды. Но он воспользовался далеко не всем, что заключает в себе лексикон. А именно:

¹ A. Mai, *Scriptorum veterum nova coll.*, t. II, p. 599.

Свида говорит, что в его время командир таксиса уже не назывался *ταξίαρχος*, а назывался *ἐκτοντάρχης*, таксиархом же он назывался в прежнее время: *πάλαι μὲν ταξίαρχος, νῦν δὲ ἐκτοντάρχης*. Это объяснение мы находим под словом *τάξις*. Но остается еще открытым: 1) совсем ли это слово вышло из употребления ко времени Свида, или оно сохранилось в живом языке, но получило другое значение? и 2) как следует понимать *πάλαι* в объяснениях Свида, т. е. до какого времени *ταξίαρχος* сохраняет значение начальника сотни?

Ответ на первый вопрос мы находим отчасти у того же Свида в объяснениях под словом *ταξίαρχος*. Здесь мы видим, что в качестве синонимов к нему приводятся *ἡγεμών, στρατοπεδάρχης*; иными словами, ко времени Свида *ταξίαρχος* получает значение не столько специального, технического термина, обозначающего определенную военную должность, сколько общее, бытовое значение военного начальника сравнительно довольно высокого ранга. Что касается второго вопроса, то само собой разумеется, что у Свида мы не найдем на него ответа, так как это не входит в задачу его лексикона. Ответ может нам дать только наблюдение над употреблением слова у различных авторов.

В этом отношении следует различать общую литературу, с одной стороны, и специальные трактаты, посвященные военному делу — с другой. Общая литература представляет картину довольно большой пестроты. Можно думать, что то значение слова, которое Свида считал устаревшим, долго еще продолжало жить у неспециалистов. По крайней мере, в таком старом, т. е. техническом смысле мы встречаем его у современника Свида — Костантина Багрянородного. А именно в Житии Василия Македонянина он несколько раз сопоставляет таксиархов с лохагами, т. е. понимает под таксиархом не кого иного, как начальника *τάξις*.¹ Однако колебания в употреблении слова начались задолго до X века. Мы их находим уже у Фемистия. У него можно, с одной стороны, указать немало мест, где слову *ταξίαρχος* придается технический смысл, и эта должность ставится рядом с другими подобными же должностями. Так в речи *παρὶ τῶν ἡτουχηκότων* в честь Валента.² В то же время *ταξίαρχος* и производные от него Фемистий употребляет в общем, неопределенном, отнюдь не в техническом смысле, напр. в речи 381 г. к Феодосию.³ Исключительно в таком же общем смысле пользуется данным выражением Феофилакт Симокатт (VII в.). В одном случае он говорит о Коментиполе, которому пору-

¹ Ed. Bonnæ, p. 272: ἐμπίπτει τις ἕρις περὶ τῶν πρωτεύων καὶ ἄμιλλα τοῖς τῶν δύο θεμάτων στρατιωταῖς καὶ ταξίαρχαις καὶ λοχαγωσὶς; p. 285: τῶν ὑπ' αὐτὸν δὲ ὑποστράτηγων ταξιαρχῶν τε καὶ λοχαγῶν καὶ σύμπαντος τοῦ πλήθους.

² Orationes ed. Dindorf, p. 108: οὐ μόνον λοχαγοὶ καὶ στρατηγοὶ καὶ ταξιαρχοὶ, ἀλλὰ καὶ τῶν ὀπιτιῶν ἕκαστος καὶ τῶν ἱππέων καὶ σφενδονήτης καὶ τοξότης μεταποιεῖται τῆς φιλοτιμίας.

³ Τὴν ἀρχὴν ἐφεξῆς ταξιαρχοῦντα καὶ στρατηγοῦντα τῷ τῆς βασιλείας στεφάνῳ Γρατιανὸς ἀνεκέρηξεν (p. 282).

чено было командование всеми войсками, расположенными во Фракии: ταξιαρχίαν πιστεύεται.¹ В другом месте он упоминает о некоем Мартине, который командовал правым лохом, λόχου ταξιαρχεῖν Μαρτίνῳ παρακελεύετο; здесь ταξιαρχεῖν имеет, очевидно, значение командования вообще,² и специалист признал бы, вероятно, недопустимым соединение в одном выражении двух разнородных терминов, как λόχος и τάξις. Наконец, третий раз Феофилакт употребляет этот термин уже прямо в переносном смысле, когда влагает в уста персидского посланника слова ο τῆς ἀνω ταξιαρχίας κατὰστασις.³

Нет надобности следить из века в век, переходить от одного автора к другому, чтобы доказывать ту мысль, которая вытекает уже из приведенных примеров, а именно, что слово ταξιαρχος (или однозначнее ταξίαρχης) потеряло со временем свое специальное, техническое значение, соответствующее его этимологии, и в общем литературном языке получило значение вообще начальствования или командования, преимущественно — военного. Чтобы привести еще пример из времени Свиды, можно сослаться на Льва Диакона, у которого говорится о таксиархе вместе с другими высокими чинами.⁴

Совершенно иная была судьба этого слова в техническом языке, т. е. в сочинениях военных писателей. Еще во II веке, у автора военного трактата Элиана (Aelianus) ταξιαρχος означает командира таксиса, состоящего из двух тетрархий.⁵ Но если мы, минуя несколько веков, обратимся к военному писателю VI века Маврикию, автору Стратηγικόν, то увидим, что у него ταξιαρχος имеет совсем другое, но тоже вполне определенное техническое значение.

Перечисляя в 3 главе I книги все военные должности, начиная с стратига и ипостратига, он определяет и должность таксиарха, и именно так: ταξιαρχοὶ δὲ λέγονται οἱ μοιράρχοι τῶν ὀπτιμάτων.⁶ Кого Маврикий разумет под оптиматами, установить не трудно, так как в других местах своей книги он, говоря об оптиматах, не отличает их от федератов.⁷ А федераты, как установлено исследователями, между прочим J. Maspero в его статье L'armée byzantine au VI siècle (B Z, XXI), это — войско, составленное из инородцев, из варваров.⁸ Поэтому и оптиматы тоже ино-

¹ Historiae ed. de Boor, 1887, стр. 52: τότε Κομεντίουλος οὐκ ἄκομψον ταξιαρχίαν πιστεύεται κατὰ τὴν Θράκην ἐπιὼν ἀπελαύνει τῶν Σχλαυηῶν τὰ πλήθη.

² Там же стр. 90.

³ Стр. 174.

⁴ Ed. Bonn., стр. 117: στραγίσι βασιλικαῖς οἷς ἐνεγέγραπτο ταξιαρχῶν καὶ στρατηγῶν καὶ πατριχῶν τίμαί.

⁵ См. словарь Софоклиса под словом ταξιαρχος.

⁶ Agriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri XII, ed. I. Schefer, 1664, стр. 28.

⁷ Напр. I. II с. 10 стр. 66: δεῖ εἶδέναι ἐπὶ μὲν τοῖς ὀπτιμάτοις καὶ φοιδεράτοις καὶ ἑταστον τάγμα.

⁸ Назв. статья стр. 108—109.

странное войско, и таксиарх, следовательно, не кто иной, как командир варварского отряда. Маврикий строго это выдерживает. В главе, где описывается расположение отдельных частей войска перед сражением, он перечисляет все подразделения и всех командиров последовательно, но таксиарха между ними нет.¹ В другом месте Маврикий говорит об условных значках каждого командира, но опять не упоминает о таксиархе.² И это понятно: оптиматы, отрядом которых командует таксиарх, в некотором роде иррегулярное войско, которое имеет свои особые правила. Поэтому Маврикий посвящает таксиарху отдельную главу, которая так и озаглавлена: *ὁ ταξιάρχης τῶν ὀπτιμάτων*.³

Таким образом, таксиарх из командира таксиса превратился в командира оптиматов. У других военных писателей трудно найти место, которое говорило бы об этом так же ясно, как приведенные слова Маврикия. Но косвенное подтверждение этого можно видеть в *Στρατηγικόν* Кекавмена, изд. Р. Г. Васильевским, который относит это произведение к XI веку; а именно в гл. 76 читаем: *Σέρβεια πόλις ἐστὶν ὄχυρά ἐν Βουλγαρία, ἐφύλαττε δὲ αὐτὴν στρατηγὸς ῥωμαῖος ὀνόματι Μαυρίνιος καὶ ταξιάρχαι δύο μετὰ τῶν χιλιάδων αὐτῶν*.⁴

Здесь, во 1-х, таксиарх есть тысяченачальник, а не командир таксиса в 128 человек; во 2-х, отряды под начальством таксиархов противопоставляются ромейским отрядам т. е. составленным из греков; и в 3-х, эти отряды несут сторожевую службу на границе государства, а мы знаем, что варвары преимущественно употреблялись именно для этой службы.⁵

Изложенное позволяет сделать заключение, что значение слова *ταξιάρχης* или *ταξιάρχης* не оставалось неизменным, а имело известную эволюцию. Приблизительно к VI веку оно теряет свое первоначальное значение, определяемое этимологией, и, затем, в специальной литературе оно означает начальника отряда из варваров, а в общей — оно получает значение начальствования вообще. Любое из этих двух значений дает возможность удовлетворительно объяснить приведенное место из сочинения Петра Патрикия; которое следует предпочесть, это дело дальнейшего исследования. Словарь Дюканжа не отражает указанной эволюции, и поэтому казалось бы полезным соответственным образом дополнить его объяснения к слову *ταξιάρχης*. В дополнения могли бы войти цитаты из военных трактатов Маврикия и Кекавмена для технического значения, а также из речи Фемистия и «Истории» Феофилакта Симокатта — для обще-литературного.

В. Вальденберг.

¹ Lib II, cap., 2 *περὶ διανομῆς τῶν ἐν τῇ παρατάξει ταγμάτων* стр. 53—54.

² Стр. 290 и сл. Стр. 299, 312, 314.

³ Lib. III, стр. 7. Стр. 90.

⁴ *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus* ed. B. Wasiliewsky et V. Jernstedt, 1896, стр. 28—29.

⁵ Ср. Mommsen, *Das römische Militärwesen seit Diocletian*. *Hermes*, 24. (1889), стр. 226—7.

Μονοκράτωρ.

У Дюканжа для слова *μονοκράτωρ* дается только одно значение: *ὁ διάβολος* со ссылкой на рукописный лексикон. Между тем в употреблении этого слова у византийских писателей есть еще другой интересный оттенок, не отмеченный Дюканжем. Если исходить из этимологии, то нужно признать, что *μονοκράτωρ* не отличается существенно по своему значению от *αὐτοκράτωρ* и *μονάρχος*. На деле, однако, мы видим, что эти слова не смешиваются у византийских писателей. Приведем несколько мест. Феодан, говоря о том, как после победы над Максенцием Константин стал единственным государем, выражается так: *τούτω τῷ ἔτι ὁ μέγας Κωνσταντῖνος πάσης Ῥωμαίων γῆς μονοκράτωρ γενόμενος*.¹ Симеон Магистр подобным же образом говорит о Константине Багрянородном и противопоставляет тем годам, когда он царствовал номинально, то время, когда он действительно пользовался властью: *ἔβασιλευσεν ἐπὶ τῶν αὐτῶν ἐπιτρόπων σὺν τῇ μητρὶ ἔτη ζ', καὶ ἄμα Ῥωμαῖνῷ πενθαρῷ αὐτοῦ ἐν ὑποταγῇ ὧν ἔτη κ' μονοκρατορεῖ δὲ ἔτη ιε'*.² Так же выражается Лев Грамматик о власти Константина Багрянородного после свержения Романа Лакапина: *ἐπὶ δὲ τῆς μονοκρατορίας βασιλείας Κωνσταντῖνου πάλιν εἰσῆλθουσιν*.³ В заголовке истории Пселла читаем: *χρονογραφία... ἱστοροῦσα τὰς πράξεις τῶν βασιλέων... τῶν ἐξῆς δύο αὐταδελφῶν καὶ πορφυρογεννήτων τῆς τε κυρᾶς Ζωῆς καὶ τῆς κυρᾶς Θεοδώρας, τοῦ σὺν αὐταῖς Κωνσταντῖνου τοῦ Μονομάχου, τῆς μονοκρατορίας τῆς πατέρας τῶν δύο ἀδελφῶν κυρᾶς Θεοδώρας*.⁴

Здесь совместное царствование Зои и Феодоры (1042) противопоставляется царствованию одной Феодоры (1055—6 г.), когда она была не только монархиней, но и фактически единственной обладательницей государственной власти. Наконец, можно отметить стихотворную хронику Константина Манассы, ст. 4440—4444, где автор изображает, как диавол подучивает Ирину, мать Константина VI, не допускать сына до власти и править одной:

οὗτος καὶ τότε' ἐπίβουλος καὶ σύμβουλος Εἰρήνην
 τῇ βασιλίδι γεγωνῶς, καὶ θέλων τὴν καρδίαν
 τῆς μοναρχίας ἔρωτι καὶ μονοκρατορίας,
 πείθει κατὰ τοῦ μείρακος τούτου τοῦ βασιλέως
 βουλὴν βουλευσασθαι σκλιάν.⁵

Вывод из этих примеров напрашивается сам собой: слова *μονοκράτωρ*, *μονοκρατορία*, не суть юридические термины, которыми обозначается форма правления, но ими пользуются, чтобы подчеркнуть фактическое

¹ Ed. Bonnæ, стр. 22.

² Ed. Bonnæ, стр. 718.

³ Ed. Bonnæ, стр. 327.

⁴ The History of Psellus, 1899. Стр. 1.

⁵ Ed. Bonnæ, стр. 190.

положение дела, когда престол или власть находятся в руках одного лица. Можно добавить, что в этом отношении этим словам противоположны *μόναρχος*, *μοναρχία* которыми обозначаются именно юридические, точнее — государственно-правовые понятия. Различие между двумя парами терминов можно выразить так: не всегда монарх является в тоже время и монархотвором, и, с другой стороны, пожалуй, можно быть монархотвором, не будучи монархом.

В. Вальденберг.

Ὁ ἅγιος φούρνος.¹

В императорском выходе в Св. Софию в великую субботу для переоблачения престола в новую индиту (ἡ ὑπαλλαγή τῆς ἐνδοτύης), по Типикону великой церкви, после входа царя в алтарь и обычных каждений кругом престола и поклонения реликвиям, лежащим на престоле, говорится: καὶ ἐξέρχονται ὁμοῦ (т. е. царь и патриарх выходят из алтаря), καὶ εἰσέρχονται εἰς τὸ σκευοφυλάκιον, καὶ θυμιᾷ ὁ βασιλεὺς καὶ κείσει τὸν ἅγιον φούρνον, προηγουμένου τοῦ πατριάρχου καὶ τῶν χαρτουλαρίων προανοιγούτων τὰ ἄρμαρια εἶτα καθέζεται.

Второй случай упоминания ὁ ἅγιος φούρνος относится к чину патриаршей торжественной вечерни на первый день св. пасхи, в так называемом обряде κατάγυρα μετὰ μανουαλίων γ', совершаемом по окончании этой вечерни патриархом. Здесь мы читаем: Μετὰ δὲ τὴν συμπλήρωσιν (т. е. после вечерни), εἰ μὲν βούλεται, ὁ πατριάρχης καθέζεται ἐν τῇ σχολῇ τοῦ ἁγίου Πέτρου καὶ δίδωσιν ἐβδομαρικά, εἰ δὲ μὴ, εἰσέρχεται εἰς τὸ σκευοφυλάκιον καὶ θυμιᾷ τὸν ἅγιον φούρνον καὶ ἀποδίδους τὸ θυματόν, ἱμπροσθεν τοῦ μεγάλου δίσκου σφραγίζει μετὰ κηρίων, ἃ πῆγνυται εἰς τὰ ἐκείσε ἰστάμενα μανουάλια, καὶ καθέζομενος ποιεῖ τὴν διανομὴν τῶν νάρδων.

Тот же самый момент и тот же обряд, но великой субботы, довольно безцветно описывается в Обряднике императора Константина VII. Здесь читаем: καὶ ἐξέρχεται διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τῆς πλαγίας (т. е. царь), καὶ ἀπέρχεται εἰς τὸ σκευοφυλάκιον. εἰσελθὼν δὲ καὶ ἄψας κηρούς, εὔχεται καὶ εὐξάμενος θυμιᾷ τὰ σκεύη ἅπαντα, καὶ καθέζεται μικρὸν μετὰ τοῦ πατριάρχου (De cerimoniis, p. 192. ed. Воншае).

В данном изложении нет упоминания ни о святой печи или печи, ни о том, что, при каждении всех священных сосудов, императору предшествовали патриарх и халтуларий, которые раскрывали пред ним шкафы, в которых помещались эти сосуды. Обрядник только прибавляет подробность, что царь молился в скевофилакки с возженною свечью и после каждения сосудов оставался с патриархом в скевофилакки не долго (μικρὸν). Подробности не важные, и их можно предполагать, при чтении Типикона. Но в Обряднике опущена одна замечательная подробность, о которой догадаться нельзя было никоим образом, и которая доселе ни

¹ Древнейшие патриаршие типиконы, стр. 159, ст. 2, 149—150.

в одном памятнике ни светском, ни церковном не упоминалась. Мы разумеем святую печь или пещь, которая употреблялась в Софийском храме пред Рождеством Христовым на утрени в неделю св. отец, когда совершался чин Ἀκολουθία, φάλλομένη τῇ κυριακῇ τῶν ἁγίων πατέρων πρὸ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως, ἧτοι: τῆς καμίνου διάταξις, изданный нами в Византийском Временнике 1895 г. (т. I, вып. 3 и 4 и в Ἐκκλησιαστικῇ Ἀλήθειᾳ 1895, № 43 σελ. 345—346).¹ Об этом обряде говорят Симеон Солунский (Migne, Patrol. Cursus Compl. t. 150 col. 628) и наш паломник диякон Игнатий Смолянин (Правосл. Палестинский Сборник, т. IV, в. III, стр. 11—12). В течение года, по миновании надобности, святая пещь убиралась в скевофилакию, где в великую субботу император, а в первый девь пасхи после вечерни патриарх воздавали ей поклонение и кадили ее наравне с другими священными сосудами скевофилакии. Выше приведенные места из Типикона Великой Церкви XI в. важны для нас особенно потому, что они делают вполне правдоподобным предположение покойного академика Е. Е. Голубинского о том, что в XII в. мог быть и у нас в обычае обряд «пещного дѣйства» (История русской церкви, т. I, полов. II, стр. 781. М. 1881 г.), доселе относимый по своему происхождению к XVI ст.

А. Дмитриевский.

Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности.

Наставление (*κεφάλαια παρανεητικά*) диакона Агапита, представленные им имп. Юстиниану и известные также под именем *σχέδη βασιλική*, принадлежат к числу тех произведений византийской политической литературы, которые получили за пределами Византии наибольшее распространение. Заключаящаяся в них популярная политическая мораль, изложенная, большею частью, поэтическим, образным языком, в коротеньких, легко усваиваемых главах, надолго обеспечила им широкий круг читателей. В библиотеках З. Европы находится в настоящее время свыше 80 списков Агапита, главным образом, XV и XVI столетий.¹ С 1509 г., когда появилось первое печатное издание его в оригинале, поток изданий не прерывался до конца XVIII века. Всего за это время вышло 24 издания греческого текста. Независимо от этого Агапит издавался и в переводе: за тот же период было 27 изданий на латинском языке, 5 на немецком, 4 на французском, 2 на английском и по одному на испанском и итальянском языках.² При таком распространении произведение Агапита не осталось, конечно, без влияния на западную политическую литературу. В этом едва ли может быть сомнение, хотя исследований в этом направлении произведено не было.

Какова была судьба Агапита в древней Руси? Вопрос этот имеет значение, главным образом, для выяснения характера и объема византийского влияния на развитие в древней Руси государственных идей. В этом отношении у нас есть достаточно данных, чтобы утверждать, что произведение Агапита не только читали, но и пользовались им. Древнерусская письменность представляет, во 1-х, переводы Ага-

¹ Bellomo, *Agapeto Diacono e la sua Scheda Regia*. 1906, стр. 9.

² В книге Bellomo дается несколько другой подсчет переводов. См. стр. 8.

пита и, во 2-х, ссылки на него или, точнее говоря, приведение мыслей, заимствованных из его произведения, хотя и без упоминания источника. Остановимся на том и на другом.

Переводы. Их было два типа: полный и сокращенный. Выражение «полный» употребляется здесь не в буквальном, а в условном смысле: на самом деле в полном переводе всегда недостает нескольких глав, однако — не более пяти. Но это следует объяснять случайностью, а не намерением переводчика. Образец полного перевода мы имеем в Соф. ркп. XVI в. б. Спб. Дух. Акад. № 1320. Перевод имеем заглавие: «*Поучение благого царства, сеже и къ бояромъ и къ епископомъ и игоуменомъ мѣно естъ*». Оно любопытно уже само по себе. В греч. рукописях произведение Агапита имеет неодинаковые надписания. Их можно насчитать до девяти разновидностей, но такого надписания, которое соответствовало бы целиком приведенному заглавию, указать нельзя. Первые три слова представляют перевод греч. ὑπόθεσις ἀγαπῆς βασιλείας, но для второй части заглавия греческия рукописи не дают никакой параллели. Приходится думать, что эту вторую часть сочинил либо переводчик, либо кто-нибудь из переписчиков. Каковы были при этом побуждения, догадаться довольно трудно, так как наставления Агапита не имеют решительно никакого отношения ни к боярам, ни еще более — к игуменам. Весьма возможно, что заглавие было составлено просто по образцу какого-нибудь другого.¹

Из 72 глав, находящихся в греческом тексте, переведено 70: пропущены гл. 31 и 52. Содержание этих глав довольно безразлично: 31-я говорит о беспристрастном отношении к друзьям и к врагам, а 52-я содержит в себе восхваление императора. Трудно предположить, чтобы они были сознательно пропущены при переводе. Главы имеют тот же порядок, как в подлиннике, но с двумя отступлениями: главы 65 и 66 поставлены одна на место другой и, затем, в трех случаях две рядом стоящие главы соединены при переводе в одну (8 + 9, 20 + 21, 32 + 33). Вследствие таких переделок, последняя глава в рукописи оказывается по счету 67-ю, хотя всего переведено 70 глав.

Образцом сокращенного перевода может служить Соф. ркп. XVII в. той же б-ки № 1480. Здесь другое заглавие: «*Главы совт-*

¹ Такою же заглавие в ркп. М. Син. Б. XV в.; Горский и Невоструев, Описание II, 2 № 202 (прежн. 489).

щательные сложенные Агапитомъ діакономъ царю Густиніану. Божественнейшему и благочестивейшему царю нашему Имр!ю. С выше приведенным оно имеет лишь то формальное сходство, что только первая часть его представляет перевод с греческого, вторая же фраза есть явное добавление русского книжника. Обращение к лицу царя, при том без обозначения имени, как бы дает понять, что Главы Агапита должны были служить в качестве поучения в каких-нибудь определенных случаях (в роде поучения в чине венчания). Но никаких свидетельств о том, чтобы это действительно было так, у нас нет. Во всяком случае, оба заглавия показывают, что произведению Агапита придавалось не одно только историческое значение, и что им находили возможным пользоваться в условиях русской действительности.

Перевод заключает в себе 26 глав т. е. около $\frac{1}{3}$ подлинника. Номера глав не обозначены; главы следуют одна за другой в строку. Переведены следующие главы и в таком порядке: 1, 2, 21, 13, 8, 46, 47, 9, 15, 53, 44, 50, 48, 40, 41, 12, 32, 57, 58, 60, 23, 72, 3, 4, 14 и 71. В выборе глав и в их расположении трудно подметить какую-нибудь тенденцию. В перевод вошли главы, как политического, так и нравственного содержания. Невозможно объяснить, почему переводчик счел нужным так сильно изменить последование глав сравнительно с подлинником.

Обращаясь к самому переводу, следует, прежде всего, отметить, что перед нами два разных перевода. Второй не мог быть сокращением первого, а сделан самостоятельно. Различие между ними можно видеть хотя бы на примере 2-й главы:

Ркп. № 1320.

Яко и кърмчій бдят всегда, царя многоочитый умъ съдръжа твердо добраго закона правило и иссушая крѣпко безаконіа потоки, да корабль всемирныа жизни непогрязнет волнами неправды.

Ркп. № 1480.

Аки кормчій бдить безпрестани, царевъ многоочитый умъ удерживая опасне благозаконія кормило і отгоняя крѣпче беззаконія потоки, да корабль всемирнаго гражданства в волнах неправды не покажется.

Ни в том, ни в другом переводе нельзя подметить никакого преднамеренного искажения текста или тенденции. Но замечается в переводе (том и другом одинаково) некоторая неточность и темнота, зависящая отчасти от стремления переводчика не отступать от букваль-

ного смысла и даже от этимологического значения отдельных слов, например: εὐνοια — доброумие (вм. расположение), εὐδόχιμος — благоискусный (вм. славный), ἀκριβολογούμενος — пытословія творя (вм. придираясь), и т. п. Некоторые мысли автора, вследствие этого, совсем пропали в переводе и не могли производить надлежащего впечатления. Так, в главе 16-й Агапит высказывает мысль, что слишком большое богатство — такое же зло, как и крайняя бедность, и советует Юстиниану отнять излишки у одних и отдать другим и, вместо неравенства, установить равенство (ἀφαίρειται καὶ προσθίεται τοῦτους θεραπείον, καὶ πρὸς ἰσότητα τὴν ἀνίσότητα μετενεχτέον). Мысль — чрезвычайно радикальная, которая тем более любопытна, что громадное большинство остальных глав представляет довольно безобидное морализирование. В переводе же она затемнена и обесцвечена почти до неузнаваемости:... «уятиемъ и приложеніемъ сихъ врачевати, и на тѣхнство недостатокъ приложити» (ркп. № 1320).

Но, вообще говоря, перевод можно считать удовлетворительным, и следует признать, что он довольно хорошо знакомил русского читателя с произведением Агапита. Известно, что не всегда было так, и что памятники византийской литературы, в которых можно было находить политические идеи, являлись иногда в славянском переводе значительно искаженными. Так было напр. с предисловием к 6 новелле Юстиниана, где дается формула взаимоотношений светской и церковной власти.¹ К сожалению, от Агапита нельзя было заимствоваться никакими особенно яркими идеями: у него нет почти ничего оригинального. Большая часть его наставлений составлена под очевидным влиянием Исократы, Платона, Аристотеля и творений отцов церкви. В этом отношении знакомство с ним было полезно, так как через него можно было познакомиться и с античной, и с христианской политической философией. Но чего-нибудь специально византийского в области политических понятий переводы Агапита могли дать, сравнительно, немного.

Следует еще упомянуть, что, кроме полного и сокращенного переводов, интересующиеся могли познакомиться с Агапитом еще из сборника, известного под именем «Пчелы». А именно, в отделе, озаглавленном «О власти и о княжении» помещен в «Пчеле» отрывок из произведений Агапита, начинающийся словами: «плотским соуше-

¹ См. В. Вальденберг, Очерки русской политической литературы от в. к. Владимира до конца XVII в., 1916 стр. 143—144.

ствомъ равенъ. есть всѣмъ человѣкомъ» и т. д. Это — не что иное, как 21 глава Агапита.¹

Займствованія. Правильное и окончательное суждение о характере влияния наставлений Агапита на древнерусскую письменность можно было бы составить только в том случае, если бы у нас был полный список займствований и цитат из него. В настоящее время такой список едва ли мог бы быть составлен. Взамен того может быть предложен список, сравнительно небольшой, составленный на основании изучения, главным образом, тех памятников письменности, которые являются, одновременно, источниками для истории русских политических учений. Этот список не будет притязать на полноту, но для вопроса о влиянии Агапита именно на политические понятия в древней Руси он может дать достаточный материал.

Первый по времени случай займствования из Агапита мы имеем, кажется, в Лаврентьевской летописи под 1175 г., где летописец, говоря об убении Андрея Боголюбского, высказывает несколько афоризмов: «Естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща (бо) великий Златоустецъ».² Летопись усваивает эту мысль И. Златоусту, но она и по содержанию и по форме вполне отвечает 21 гл. Агапита: τῆ μὲν οὐσίᾳ τοῦ σώματος ἴσος παντί ἀνδρῶν ὁ βασιλεὺς, τῆ ἐξουσίᾳ δὲ τοῦ ἀξιώματος... и т. д. А чтобы Агапит в данном случае следовал за Златоустом, этого не говорит ни один из комментаторов.³ Та же мысль встречается в Просветителе Иосифа Волоцкого, слово 16-ое, но в несколько иной редакции: «царь оубо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человекомъ, властію же подобенъ есть вышнему (греч. τῷ ἐπὶ πάντων) Богу».⁴

В послании Максима Грека к Ивану Грозному (соч. т. II стр. 352) встречается такой совет: «полезная богохранимѣй державѣ твоей совѣтующихъ послушай». В этих словах можно узнать начало 22 гл. Агапита: ἀποδέχου τοὺς τὰ χρηστὰ συμβουλευεῖν ἐθέλοντας. В форме, правда, нет полного совпадения, но это может объясняться тем, что Максим не списывал с подлинника, а приводил на память. И вообще, мы имеем здесь не цитату, а скорее — припоминание.

¹ В. Семенов, Древняя русская «Пчела». Спб, 1893 стр. 111.

² Изд. Арх. Комм., 1872 г. стр. 351. Ср. В. Малинин, Старец Елеазарова мон. Филофей, 1901 прим. 2039.

³ Напр. Agapeti diaconi Schedam Regiam praeceptorum..., recensuit, notis J. et Jac. Brunonum et suis... iastrixit Jo. Aug. Groebelius. Lips., 1733 pag. 65—67.

⁴ Каз. изд. (перк. печ.) 1857 г. стр. 602.

Далее, обращают на себя внимание следующие строки в завещании Ивана Грозного (Доп. А. И. I стр. 377): «подобаетъ убо царю три сѣя вещи имѣти, и яко Вогу не гвѣватися, яко смертнѹ не возноситися, и долготерпѣливу быти къ согрѣшающимъ». Первые два совета взяты буквально из 21 гл. Агапита: *χρῆ τοίνυν αὐτόν καὶ ὡς θεόν μὴ ὀργίζεσθαι, καὶ ὡς θνητόν μὴ ἐπαίρεισθαι*. Что касается 3-го совета, то едва ли может быть сомнение, что он взят из 64 главы: *συγγίνωσκε καὶ αὐτός τοῖς εἰς σέ πλημμελοῦσιν*.

У современника Ивана Грозного — архиеп. Новгородского Феодосия, в одном из его посланий к царю находится такая фраза: «тебѣ, государю, по подобію небесныхъ власти даль ти есть небесный парь скипетръ земного царствія силы, да человекъ научиши правду хранити (а) и еже на ны бѣсовское отженеши желаніе, якожь кормчіе бдить всегда, тако и царскій многоочитый умъ содержитъ твердо добраго закона правило, изсушая крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами смущенія (б)».¹ Первая часть этого обращения (до лит. а) представляет выписку из 1-й главы Агапита: *καθ' ὁμοίωσιν τῆς ἐπουρανίου βασιλείας ἔδωκέ σοι τὸ σκῆπτρον τῆς ἐπιγείου δυναστείας, ἵνα τοὺς ἀνθρώπους διδάξῃς τὴν τοῦ δικαίου φυλακὴν*, в остальной же части узнаем 2-ю главу. Если сравнить эту часть с приведенным выше полным текстом русского перевода 2-й главы, не трудно убедиться, что Феодосий следует здесь за переводом ркп. № 1320, но полного совпадения между ними нет.

Этим исчерпываются все случаи, где влияние Агапита можно считать несомненным. Но есть еще такие, относительно которых трудно было бы утверждать зависимость авторов от Агапита, но можно ее, съ некоторой вероятностью, предполагать. Сюда относится следующее место в Главах поучительных Максима Грека: «царя истинна... оного мни..., который ко еже правдою и благозаконіемъ устроить житейская подручниковъ прилѣжитъ и безсловеснымъ своея души страстемъ и похотемъ одолѣти тщится».² Это напоминает, отчасти, 18-ю главу Агапита, где развивается понятие *βασιλεὺς καθ' ἀλήθειαν*, и указываются два его признака: 1) *κρατεῖν τῶν ἡδονῶν δυνάμενος* и 2) *τὴν πορφύραν τῆς δικαιοσύνης ἀμφιασάμενος*, отчасти — гл. 63, где Юстиниану внушается обязанность *πᾶσιν παρέχειν τὰς πρὸς τὸ ζῆν αἰτήσεις*. Ср. также гл. 68: *τότε δὲ μάλιστα κληθήσεται κύριος*,

¹ Доп. А. И. I № 42 стр. 238—9.

² Соч. II стр. 157.

ὅταν αὐτός ἐκυτοῦ δεσπόζῃ. С таким же основанием можно сближать с 1-й гл. Агапита слова в послании патр. Никона к Алексею Михайловичу: «Аще и царь еси велий, отъ Бога поставленный, но правды ради».¹

Таков, сравнительно, небольшой материал по вопросу о следах влияния Агапита на произведения русской письменности, которые можно одновременно рассматривать и как памятники русской политической мысли. Дальнейшие наблюдения и разыскания едва ли в состоянии будут увеличить его особенно значительно. Материал этот показывает, что русская письменность довольно слабо воспользовалась наставлениями Агапита в развитии своих политических идей. Оказывается ли западная политическая литература в этом отношении впереди русской, т. е. было ли влияние Агапита на Западе сильнее — этот вопрос приходится оставить открытым за отсутствием соответственных данных. Русская письменность взяла от Агапита, в сущности, только три идеи: соблюдение законности (гл. 2, 18), мысль, что государь должен внимательно относиться к советам (гл. 22), и мысль об обязательности для него нравственной сдержки (гл. 21). Эти идеи — особенно, первые две — представляются довольно ценными и сами по себе, и по связи с стоявшими на очереди политическими интересами: вспомним хотя бы, что как-раз в ту пору, когда писал Максим Грек, жизнь выдвигала вопрос о «праве совета». Но все же надо признать, что русская письменность взяла от Агапита очень мало по сравнению с тем, что она могла бы взять. Как-раз все, наиболее выпуклое, наиболее красочное осталось в стороне: гл. 8 (доступность царя для подданных), 16 (уничтожение имущественного неравенства), 17 (царь-философ), 41 (равенство подданных перед судом), 35 (ἐκόντων ἀνάσσειν), 1,27 (обязательность для самой власти изданных ею законов) и др. Все эти положения, имеющие почти сплошь античное происхождение и поступившие, затем, в оборот западно-европейской политической мысли, прошли мимо русской письменности, ни в малейшей степени не отразившись в ней.

Любопытно отметить еще одну подробность. Как было указано, произведение Агапита не отличается оригинальностью: большая часть его наставлений имеет корни в предшествующей литературе и слабо отражает условия места и времени. Но есть у него все-таки отдель-

¹ Дело патр. Никона, изд. Арх. Комм., 1897 стр. 10.

ные главы, которые носят печать византизма. К ним, может быть, следует отнести 71 гл., где Агапит советует Юстиниану не превозноситься и не забывать, что он — земля и в землю отыдет (ὕπαρχων ἐκ τῆς γῆς, ἀπὸ χροῦς ἐπὶ θρόνον ἀναβαίνων καὶ εἰς αὐτὸν... καταβαίνων). Мысль эта повторяется в завещании имп. Василия Македонянина сыну Льву (гл. 14), и ее нужно сопоставить с некоторыми обрядами, имевшими место в Византии, а именно: в торжественных церемониях и выходах император держал в правой руке крест, а в левой — небольшой мешечек — *ἀχαχία*, в котором была насыпана земля, и который должен был ему напоминать о бренности его власти.¹ Такой же смысл имело и то, что во время венчания императору, на которого только что был возложен венец, подносили сосуд, наполненный костями.² В этом переходе от величия к унижению можно усматривать нечто характерное для византийских нравов и византийских воззрений. Если бы русская письменность восприняла от Агапита эту идею или ей подобную, можно было бы говорить о византийском влиянии в точном смысле слова. Но этого не случилось. Поэтому для русской политической мысли Агапит имеет значение, не как проводник специально византийских идей, а почти исключительно, как посредник в передаче идей античной философии.

В. Вальденберг.

Происхождение императора Василия Македонянина.

В течение долгаго времени два имени знаменитыхъ византийскихъ императоровъ, Юстиніана Великаго и Василия I Македонянина, вызывали при своемъ упоминаніи представленіе объ ихъ славянскомъ происхожденіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что для славянскаго самолюбія было весьма лестно видѣть своего соплеменника на византийскомъ престолѣ какъ въ лицѣ Юстиніана, творца кодекса, пандектъ, дигестъ, безсмертнаго храма св. Софіи, блестящаго, хотя и неудачливаго возстановителя бывшей Римской имперіи, такъ и въ лицѣ Василия I, основателя славной въ византийскихъ лѣтописяхъ македонской династіи. Но историческая дѣйствительность, выяснившаяся съ теченіемъ времени, показала, что славянское происхожденіе обоихъ выше названныхъ императоровъ является болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Главнѣйшее основаніе, на которомъ покоилось уже въ видѣ доказанной исторической истины славянское происхожденіе Юстиніана, оказалось вымысломъ позднѣйшаго времени¹⁾.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ заняться Василиемъ I. Надо оговориться, что славянское происхожденіе послѣдняго далеко не было столь установившимся фактомъ во мнѣніи ученыхъ, какъ происхожденіе Юстиніана, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, мнѣнія ученыхъ въ этомъ вопросѣ очень расходились.

Я хочу сначала сказать о томъ, какъ думали объ интересующемъ насъ вопросѣ ученые, а затѣмъ уже перейду къ разбору самыхъ

1) См. J. Вгусе. *Life of Justinian by Theophilus*. *The English Historical Review*, II (1887), p. 657—686. А. Васильевъ. *Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана*. *Визант. Временникъ*, I (1894), стр. 469—492.

источниковъ. Начну съ ученыхъ западныхъ, и именно съ безсмертнаго Дюканжа.

Дюканжъ, приписывая поразительное возвышеніе Василія необыкновенному его счастью (*unica fortuna*) и замѣчая, что почти всѣ писатели соглашались относительно того, что Василій — самого простого происхожденія (*ex infimo ortum genere*), не вѣрять въ его царское происхожденіе отъ армянскаго царя Тиридата, которое, какъ говорить, было выдуманно патріархомъ Фотіемъ для того, чтобы заслужить снова въ глазахъ недовольнаго имъ императора расположеніе. Эта выдумка имѣла успѣхъ. Для большей вѣроятности была составлена цѣлая исторія о томъ, какъ еще въ V вѣкѣ, въ царствованіе императора Льва Великаго (457 — 474), въ Византію явились Артабанъ и Кліенъ, родственники царствовавшего армянскаго дома, изгнанные изъ своей страны. Изгнанникамъ для житія былъ указанъ македонскій городъ Нике (*Nicae*); позднѣе ихъ перевели въ Филиппы, а затѣмъ уже при императорѣ Иракліи въ VII вѣкѣ въ Адрианополь, гдѣ они окончателно и поселились. Имя отца Василія, *Veslas*, вымышлено Фотіемъ. Этотъ *Veslas* женился на одной знатной матронѣ, которая по своимъ предкамъ происходила отъ Константина Великаго. Отъ этого брака и родился нашъ Василій¹⁾. Исторія прибытія послѣдняго въ Константинополь и его возвышенія излагается вездѣ, такъ что мы ее повторять и не будемъ.

Дюканжъ въ своихъ разсужденіяхъ руководился всѣми византійскими хронистами, Никитой Пафлагонскимъ и изъ западныхъ историковъ Лидупрандомъ. Уже изъ выше приведеннаго изложенія мы видимъ, что въ вопросѣ о происхожденіи Василія еще въ XVII вѣкѣ было обращено вниманіе на противорѣчіе и недостоверность нѣкоторыхъ источниковъ. Уже у Дюканжа мы можемъ предугадать два послѣдующихъ мнѣнія: одни ученые будутъ стоять за простое происхожденіе Василія; другіе будутъ утверждать въ немъ происхожденіе царское, хотя послѣдняя версія особымъ довѣріемъ пользоваться не будетъ. Но это не исключаетъ возможности приписывать Василію вообще армянское происхожденіе.

Кардиналъ Бароній пишетъ: *Basilius fuit Macedo, genere ignobili, licet ex Arscidarum antiqua stirpe progenitum adulantes alii prodide-*

1) Du Cange. *Historia byzantina duplici commentario illustrata. Pars prior. Familiae ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum.* Venetiis, 1729, p. 117 (edit. Paris. p. 136).

rint¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ передаетъ слова Никиты Пафлагонскаго о вымышленной Фотіемъ генеалогіи Василя²⁾. Такимъ образомъ Бароній видитъ въ Василя македонца, человѣка простаго происхожденія и не опредѣляетъ ближе его національности.

Лекіенъ (Le Quien), отвергая вымышленную Фотіемъ генеалогію, говоритъ еще о томъ, что монахъ Палестрій (Palaestrius) у Георгія Метохита въ его «Историческомъ и каноническомъ изложеніи восьмого Собора» (in *Ecthesi historica et canonica Octavae Synodi*) рассказываетъ, будто Григорій Сиракузскій, умирая, на исповѣди объявилъ священнику объ измышлении Фотія вмѣстѣ съ Теофаномъ³⁾ имени отца Василя Веclas и о баснѣ, утверждавшей происхождение Василя отъ Тиридата. Священникъ, исповѣдывавшій Григорія, донесъ объ этомъ патриарху Игнатію, но былъ лишенъ священства за то, что открылъ тайну исповѣди⁴⁾. Это свидѣтельство Лекіена пока большой цѣны не имѣетъ, такъ какъ о монахѣ Палестрія, кромѣ вышеприведенной цитаты, мы свѣдѣній не имѣемъ, а упомянутое сочиненіе архидіакона церкви Св. Софіи и вѣрнаго приверженца патриарха Іоанна Векка, Георгія Метохита, жившаго въ концѣ XIII и началѣ XIV в., повидимому, до насъ не дошло⁵⁾.

Лебо называетъ царственную и древнюю генеалогію Василя басней, измышленной Фотіемъ, чтобы снова добиться при помощи лъстивой лжи благорасположенія императора⁶⁾. Гиббонъ, съ нѣкоторою оговоркою, склоняется вѣрить въ происхожденіе Василя отъ арзакидовъ и говорить, что генеалогія Василя Македонянина, если только она не есть подложное произведеніе гордости и лести, являетъ

1) Baronii *Annales Ecclesiastici*. T. IX. Coloniae Agrippinae, 1685, p. 379 (подъ 867 г. С).

2) Baronii *Ann. Eccl.* T. IX, p. 542 (подъ 878 г. XXXVI—XL).

3) Объ этомъ подробнѣе ниже, при обзорѣ источниковъ.

4) Le Quien. *Oriens Christianus*. T. I, Parisiis, 1740, p. 381—382: *Narrat Palaestrius monachus apud Georgium Metochitam in Ecthesi historica et canonica Octavae Synodi, Gregorium Syracusanum, qui toties ab Ecclesia diris devotus fuit, moribundo ore retulisse sacerdoti cui peccata sua confitebatur, se illa omnia declarasse, quae Photius una cum Theophane commentus erat circa vocem Veclas, qua fabula Basilii ex Tiridate rege progeniti efferebatur; sacerdotem vero confessionis exceptorem ea detulisse Ignatio, qui hunc sacerdotii gradum amovit, quod rem sola confessione sacra acceptam aperuisset.*

5) См. Hergenröther. *Photius*. B. II, Regensburg, 1867, S. 262. Домедшій сочиненія Георгія Метохита и ихъ отрывки у Migne. *Patr. Graeca*, t. 141, p. 1276—1426. См. Krumbacher. *Geschichte der byz. Litteratur*, S. 98.

6) Lebeau. *Histoire du Bas-Empire*, par M. de Saint-Martin. T. XIII, Paris, 1832, p. 180—181.

собою настоящую картину превратностей наиболее знаменитыхъ фамилій¹⁾.

Знаменитый комментаторъ «Церемоній» Константина Багрянороднаго, Рейске, далъ начало мнѣнію о славянскомъ происхожденіи Василія. Подъ объясненіемъ понятія той Макеδόνος онъ пишетъ: Ita quidem Byzantini et ipsi litterati principes hujus gentis. Alii tamen ex Armenis, alii e Sclavis accessunt eorum originem. За этимъ Рейске приводитъ арабскій текстъ съ латинскимъ переводомъ историка X вѣка Гамзы Исфаганскаго, который дѣйствительно говоритъ, что Василій былъ славянинъ. Но самъ Рейске, повидимому, этому не особенно вѣрить, такъ какъ прибавляетъ слѣдующее: Quae incondita, turbida, chronologiae veritatique et sibi repugnantia narrat Persa (т. е. Гамза), facile erit historiae Graecae peritis componere et expedire²⁾. Тѣмъ не менѣ приведенное мѣсто Гамзы сдѣлало свое дѣло, и ученые, стоявшіе позднѣе за славянское происхожденіе Василія, опирались преимущественно на текстъ Гамзы. Ориенталистъ D'Herbelot далъ сильное объясненіе арабскаго названія Seclabi, т. е. Славянина. По его словамъ, «восточные историки называютъ славяниномъ (un Esclavon) того, кто родился не въ сѣверныхъ странахъ, но въ той, которую мы теперь называемъ Славоніей (l'Esclavonie) и Болгаріей, — это Мезія древнихъ писателей, — и славяне распространяютъ это имя даже до Фракіи и до самыхъ сѣверныхъ странъ Греціи. Поэтому восточные историки называютъ въ своихъ исторіяхъ императора Василія Македонянина *Basilious al-Seclabi*»³⁾.

Въ виду столь разнорѣчивыхъ источниковъ столь же разнорѣчивы и мнѣнія ученыхъ XIX вѣка. Шлоссеръ, указывая почему то какъ на мѣсто рожденія Василія окрестности Фессалоники, называетъ его македонцемъ и не вѣритъ свидѣтельству Гамзы⁴⁾. Сен-Мартенъ стоитъ за армянское происхожденіе Василія и приводитъ въ доказательство весьма вѣроятныя данныя. Уже могли замѣтить, говоритъ онъ, что почти всѣ фамиліи, которыя занимали въ то время первое мѣсто въ Константинополѣ, были армянскія и принадлежали къ наиболее зна-

1) Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman Empire, ed. Burg, V (1898), p. 201—202.

2) Reiskii Commentarii ad Constantinum Porphyrog. De Cerimoniis, p. 451 (ed. Bonn.).

3) D'Herbelot. Bibliothèque orientale. Maestricht, 1776, p. 776.

4) F. Schlosser. Geschichte der bilderstürmenden Kaiser. Frankfurt am Main, 1812, S. 631.

менитымъ фамиліямъ Арменіи. Я не понимаю, какъ не могло бы быть того же съ семьей Василія, многіе родственники котораго носили армянскія имена въ память, безъ сомнѣнія, своего происхожденія. Можно замѣтить, что нѣсколько арзакидовъ были на византийской службѣ, особенно во время Юстиніана. Возможно въ самомъ дѣлѣ, что Василій былъ потомкомъ Артабана или его родственниковъ, которые отличились во время Юстиніана въ африканскихъ и итальянскихъ войнахъ. Всѣ авторы согласны въ томъ, что семья Василія занимала очень выдающееся положеніе¹⁾. Слѣдовательно, я не вижу никакого основанія отвергать того, что императоръ Константинъ Багрянородный говоритъ самъ о происхожденіи своихъ предковъ. Георгій Монахъ сообщаетъ намъ, что Василій имѣлъ брата по имени Симбатія или Симбата, что еще разъ указываетъ на его армянское происхожденіе²⁾. Но эти разсужденія Сен-Мартена не убѣдили ученыхъ слѣдующихъ лѣтъ: одни считали Василія славяниномъ, напр., Шафарикъ³⁾ и Финлей⁴⁾, другіе, приведя греческіе источники о происхожденіи Василія, не дѣлали изъ этого никакого вывода, какъ напр. Тафель⁵⁾, третіе, отвергая генеалогію отъ арзакидовъ, единственно доказаннымъ считали то, что Василій родился около Адрианополя, напр., греческій историкъ Папарригопуло⁶⁾, четвертые просто называли Василія македонцемъ, напр., К. Гопфъ⁷⁾.

Въ 1867 году вышелъ основательный трудъ Гергенрётера о патріархѣ Фотіи, гдѣ онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ вопросу о происхожденіи Василія. Гергенрётерь утверждаетъ, что Фотій выдумалъ всю генеалогію Василія для того, чтобы снова занять патріаршій престолъ, и затѣмъ приступаетъ къ разбору разсказа Никиты Пафлагонскаго объ измѣненіи Фотіемъ генеалогіи Василія, приводитъ свидѣтельства другихъ греческихъ источниковъ и замѣчаетъ, что

1) Это утвержденіе С.-Мартена невѣрно. Объ этомъ ниже.

2) S. Martin въ его изданіи *Lebeau. Histoire du Bas-Empire. t. XIII (1832)* p. 181, p. 3.

3) P. Šafařík. *Slowanské Starožitnosti. W Praze, 1837, p. 602.*

4) G. Finlay. *History of the byzantine Empire. Sec. ed. London, 1856, p. 271—272* (= *A History of Greece, ed. Tozer, II, 1877, Oxford, p. 228—229*).

5) T. Tafel. *Constantinus Porphyrogenitus. De provinciis Regni Byzantini. Tübingae, 1847, p. XXXII (Epistola critica).*

6) Παπαρρηγοπούλου 'Ιστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. Τ. III. Ἐν Ἀθήναις, 1867, p. 833.

7) K. Hopf. *Griechische Geschichte. Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie, Th. 85 (1867), S. 127.*

басня о царскомъ происхожденіи Василя очень крѣпко держалась въ X вѣкѣ. Въ другомъ мѣстѣ Гергенрѣтеръ говоритъ кратко, что Василя происходилъ изъ адрианопольской области¹⁾.

Послѣднее время вплоть до 1888 года, когда де-Бооромъ была издана *Vita Euthymii*, дѣло не выяснялось, хотя армянское происхожденіе Василя нашло защитника въ лицѣ А. Рамбо. Послѣдній, привлекая греческіе источники, нѣкоторые арабскіе и армянскіе, приходитъ къ такому выводу: 1) Армянская національность кажется мнѣ лучше установленной, чѣмъ національность славянская, въ пользу которой мы имѣемъ лишь одно слово у нѣкоторыхъ арабскихъ историковъ и вѣроятность, простирающуюся изъ присутствія славянъ вокругъ Адрианополя. 2) Царское происхожденіе Василя далеко не такъ хорошо доказывается, но оно имѣетъ за себя, кромѣ свидѣтельства Генесія и Константина VII, свидѣтельства армянскія. Далѣе, во время Михаила III въ Византіи было много армянскихъ фамилій. У брата Василя, Симбатія—Сембата, армянское имя. Въ концѣ правленія Василя извѣстны дружественныя отношенія его къ армянскому царю Ашоту²⁾.

Особую главу посвятилъ вопросу о происхожденіи Василя И. Мюллеръ; но, задавшись цѣлью показать послѣдовательную важность византійскихъ источниковъ по этому дѣлу, онъ не даетъ опредѣленнаго вывода, хотя нѣсколько раньше и высказывается за большую вѣроятность армянскаго происхожденія Василя³⁾. На основаніи Рамбо склоняется вообще къ армянскому, но не къ царскому происхожденію Тозеръ, издатель исторіи Финлея⁴⁾.

Въ противоположность имъ Гердбергъ и Иречекъ называютъ Василя или сыномъ огреченной славянской семьи изъ ессалоникской или адрианопольской области, или «македонскимъ» славяниномъ⁵⁾.

1) Hergenröther. Photius. Regensburg, 1867. B. I, S. 581; B. II, S. 258—262.

2) A. Rambaud. L'Empire grec au dixième siècle. Paris, 1870, p. 147—148.

3) C. Dändliker und J. Müller. Liudprand von Cremona und seine Quellen, S. 269—272, 168 въ M. Bädinger. Untersuchungen zur mittlern Geschichte, herausgegeben von B. B. I, Leipzig, 1871.

4) Tozer въ Finlay. A History of Greece, II (1877), Oxford, p. 228, note.

5) G. Hertzberg. Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart. I. Theil, Gotha, 1876, S. 229. Его же. Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches. Berlin, 1883, S. 146 и 148. Г. Гердбергъ. Исторія Византіи. Пер. П. Безобразова. Москва, 1896, стр. 136—137 (неудачный переводъ: Василя происходилъ изъ греческаго славянскаго семейства). Иречекъ. Исторія болгаръ. Пер. Бруна и Палаузова. Одесса, 1878, стр. 192; см. также стр. 186.

Гефеле приписываетъ Василию низкое происхождение изъ мѣстечка у Адрианополя, почему онъ и назывался Македоняниномъ¹⁾.

Въ 1888 году извѣстный нѣмецкій филологъ Карлъ де-Бооръ подарилъ науку изданіемъ очень интереснаго памятника первой половины X вѣка «Vita Euthymii». Въ этомъ житіи впервые мы находимъ краткое, точное, безъ всякихъ прикрасъ утверженіе того, что Василій родомъ былъ армянинъ. Это извѣстіе памятника, близкаго по времени, говоритъ де-Бооръ, является существенной опорой для армянскаго происхожденія Василя. Придворные генеалоги въ основаніи своихъ баснословныхъ разукрашиваній имѣли дѣйствительный фактъ, вполне возможный. Какъ замѣтилъ Рамбо²⁾, братъ Василя Симбатій носилъ армянское имя; далѣе, при многочисленныхъ новыхъ поселеніяхъ въ провинціяхъ присутствіе армянской семьи въ адрианопольской области ничего удивительнаго не представляетъ; на армянскія поселенія во Фракіи есть точныя указанія источниковъ³⁾. Около Адрианополя, какъ извѣстно, существовала павликианская ересь, занесенная съ востока. Уже поэтому армянское происхождение Василя ничего невѣроятнаго изъ себя не представляетъ. Можно ли объяснить извѣстіе о славянскомъ происхожденіи Василя тѣмъ, что въ лицѣ его родителей соединилась армянская семья со славянской, рѣшить нельзя. Во всякомъ случаѣ никто изъ византийскихъ авторовъ объ этомъ не говоритъ, и современники Василя не имѣли никакого твердаго преданія о славянскомъ происхожденіи Василя со стороны матери. Со стороны отца, на основаніи Vita Euthymii, Василій происходилъ изъ армянской семьи⁴⁾.

Показаніе житія Евѳимія оказало свое вліяніе, и выдающіеся современные знатоки Византіи считаютъ армянское происхождение Василя несомнѣннымъ⁵⁾, хотя иногда и теперь раздаются голоса,

1) C. Hefele. Conciliengeschichte. B. IV. 2. Auflage, Freiburg im Breisgau, 1879. S. 362. Hefele не вѣрнѣ въ рассказъ Никиты Палеологскаго (S. 443—444).

2) Здѣсь неточность: первый на имя Симбатія указалъ Сен-Мартенъ, а на основаніи его говоритъ уже Рамбо.

3) См. Nicephori Breviarium, ed. C. de Boor, p. 66: (въ 756 г.) Κωνσταντίνος ἤρξε δομῆσθαι τὰ ἐπὶ Θράκης πόλεις, ἐν οἷς οἰκίζει Σύρους καὶ Ἀρμενίους, οὓς ἔκ τε Μελιτηναίων πόλεως καὶ Θεοδοσιουπόλεως μετανάστας πεποίηκε... Theoph. Chron. C. de Boor, p. 429: ὁ δὲ βασιλεὺς Κωνσταντίνος Σύρους τε καὶ Ἀρμενίους, οὓς ἤγαγεν ἀπὸ Θεοδοσιουπόλεως καὶ Μελιτηνῆς, εἰς τὴν Θράκην μετόπισεν, ἐξ ὧν καὶ ἐπλατύνθη ἡ αἵρεσις τῶν Παυλικιάνων. У Никифора и Теофана здѣсь общій источникъ.

4) Vita Euthymii, ed. C. de Boor. Berlin. 1888, S. 130—132.

5) См. H. Gelzer. Abriss der byzantinischen Geschichte, S. 974, у K. Krumbacher. Gesch. der byz. Litteratur, 1897. Вуру въ своемъ изданіи Gibbon, op. cit., V (1898), p. 202, n. 35.

правда, менѣе компетентные, утверждающіе происхождение Василя отъ династіи арзакидовъ¹⁾ или называющіе его славяниномъ²⁾). Такимъ образомъ, относительно современнаго состоянія вопроса о происхожденіи Василя въ Западной Европѣ можно сказать, что послѣ изданія *Vita Euthymii* установилась версія армянскаго происхожденія.

Если мы теперь обратимся къ историкамъ русскимъ или къ нѣмцамъ, писавшимъ въ Россіи, то увидимъ, что у нихъ за исключеніемъ Моргенштерна, преобладаетъ версія славянская; хотя надо оговорится, что всѣ ниже приводимыя работы появились до выхода въ свѣтъ *Vita Euthymii*.

Кругъ, на основаніи словъ Гамзы Исфаганскаго, считалъ Василя славяниномъ, родившимся около Фессалоники³⁾. Откуда Кругъ взялъ указаніе на Фессалонику, перешедшее отъ него къ нѣсколькимъ позднѣйшимъ историкамъ, напр. къ Шлоссеру, Каченовскому и нѣк. др., я сказать не могу. Каченовскій, отрицая вполне изукрашенную генеалогію Василя «отъ рода Арзакидовъ Пароянскихъ» и Константина Великаго, говоритъ по поводу славянской надписи на найденной около Чернигова золотой медали: «Какъ природный Славянинъ, могъ ли Василій не включить краткой молитвы на языкѣ, который естественно былъ ему любезенъ и на которомъ самъ же онъ заставлялъ своихъ и чужихъ славянъ молиться истинному Богу?»⁴⁾.

Чертковъ, издатель болгарскаго перевода Манассіинной лѣтописи, высказывается, на основаніи Гамзы, также за славянское происхождение Василя и, опираясь на слова перевода издаваемой имъ хроники «(Василій происходилъ) отъ села убо Бѣлипра, близъ сущааго прѣваго града Македонскааго», говоритъ: здѣсь въ первый разъ открываетъ намъ болгаринъ мѣсторожденіе Василя—Бѣлипру, село въ окрестностяхъ Одрина (огреченнаго Адрианополя). Кроме того, издатель прибавляетъ, что у византійцевъ, также какъ и у древнихъ грековъ и римлянъ «македоняне» значило Словене (?)⁵⁾. Село Бѣлипра

1) См., напр., Mons. Asgarian. *La S. Sede e la nazione armena*. Bessarione, № 53—54, 1901, Roma, p. 480: Armeno, della dinastia degli Arsacidi.

2) См., напр., E. A. Grosvenor. *Constantinople*. Vol. I, London, 1895, p. 345.

3) Ph. Krug. *Chronologie der Byzantiner*. S. Petersburg, 1810, S. 167.

4) Каченовскій. Разысканія по поводу старинной золотой медали, недавно открытой. Вѣстникъ Европы, составляемый М. Каченовскимъ. Москва, ч. 125 (іюль—авг. 1822 г.), стр. 192 и 195.

5) Чертковъ. О переводѣ Манассіинной лѣтописи на словенскій языкъ, по двумъ спискамъ: ватиканскому в патріаршей бібліотекѣ, съ очеркомъ исторіи Болгаръ. Москва, 1842, стр. 23 в прим. 22. Его же. Очеркъ древнѣйшей исторіи прото-словенъ.

оказалось измышленіемъ самого Черткова: древне-болгарскій переводчикъ Манассіиной лѣтописи, не понявъ слова λυπρός въ греческомъ текстѣ, нашелъ деревню Липра: «отъ села убо бѣ Липра»; Чертковъ же пошелъ дальше и изъ двухъ словъ «бѣ Липра» сдѣлалъ село Бѣлипра¹⁾. Славяниномъ родомъ и воспитаннымъ между славянами называется Василія Гильфердингъ²⁾. А. С. Хомяковъ рисуетъ слѣдующую блестящую картину: «Василій, родомъ Славянинъ, съ молода прославленный борець (извѣстный особенно по искусству своему въ ударѣ подъ-ножку, что греческіе лѣтописцы выражаютъ славянскимъ словомъ ката подрѣзанъ — *κατά подрέζαν*)... Такимъ образомъ двое славянъ (Василій и Юстиніанъ) положили послѣдній вѣнецъ въ зданіи древней юриспруденціи и воздвигли въ Византіи великолѣпнѣйшій памятникъ права, которому ни одинъ народъ не можетъ представить подобнаго»³⁾. Излишне говорить, что при современномъ состояніи вопроса слова Хомякова теряютъ свое значеніе.

М. Дриновъ говоритъ: «Изъ оракійскихъ славннъ происходилъ и Василій Македонянинъ, славянское происхождение котораго засвидѣтельствовано Генесіемъ, современникомъ его (?), и нѣсколькими арабскими писателями. Его прозвали «Македоняниномъ» не потому, что онъ родился въ Македоніи, какъ обыкновенно думаютъ, что, между прочимъ, полагалъ и Шафарикъ, производившій его отъ македонскихъ славянъ... Название «Македонянина дано этому императору не по мѣсту рожденія, а потому, что родители его были македоняне, какъ позднѣйшіе византійцы нерѣдко именуютъ славянъ»⁴⁾. Изъ новыхъ арабскихъ источниковъ Дриновъ, кромѣ Гамзы, знаетъ Масуди и ал-Макина; съ послѣднимъ впрочемъ былъ уже знакомъ раньше Моргенштернъ, къ которому я теперь и перейду.

Гл. вторая. Москва, 1851, стр. 108—109. Его же. Оракійскія племена, жившія въ Малой Азіи. Москва, 1852, стр. 66. См. А. Поповъ. Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Вып. I. Москва, 1866, стр. 164: Достойтъ оубо рещи о Василіи. откуда и отъ кихъ прозябе. села убо Бѣлипра.

1) См. М. Дриновъ. Заселеніе балканскаго полуострова славянами. Москва, 1873, стр. 170. Иречекъ. Исторія болгаръ, стр. 192. пр. 11.

2) Гильфердингъ. Исторія сербовъ и болгаръ. Собраніе сочиненій. I. С.-Петербургъ, 1868, стр. 61.

3) А. С. Хомяковъ. Записки о всемірной исторіи. Ч. вторая. Москва, 1873. Полное собр. сочиненій, изд. подъ редакціей А. Ѳ. Гильфердинга. Т. IV, Москва, 1873, стр. 628.

4) М. Дриновъ. Заселеніе балканскаго полуострова славянами. Москва, 1873, стр. 170—171.

Моргенштернъ, зная показанія Гамзы и ал-Макина, не довѣряетъ имъ и сомнѣвается въ славянскомъ происхожденіи Василія. Свѣдѣнія источниковъ о его славянскомъ и македонскомъ происхожденіи еще можно въ нѣкоторой степени согласовать и примирить; но за то едва ли возможно что-нибудь сдѣлать съ разсказомъ о его армянскомъ происхожденіи «et quidem ex illustri Arsacidarum stirpe»; этотъ разсказъ Моргенштернъ называетъ *fabula de Basilii ex Arsacidis prosapia*. . . *Obscuro igitur Basilium loco natum fuisse in Macedonia, et quidem in agro Adrianopolitano. . . Slavum vero fuisse origine exignam habet probabilitatem. De slavica ejus origine nullus graecorum ne verbum quidem dicit.* Односложныхъ показаній Гамзы и ал-Макина недостаточно¹⁾.

Изъ выше сказаннаго видно, что до семидесятыхъ годовъ XIX вѣка въ русской литературѣ преобладала славянская версія происхожденія Василія.

Позднѣйшіе русскіе писатели, не занимаясь, правда, специально этимъ вопросомъ, повидимому, отказываются отъ славянства Василія. Для примѣра я приведу слова А. П. Лебедева: «Исторія жизни Василія напоминаетъ скорѣе сказку, чѣмъ исторію, и однакожь она составляетъ дѣйствительный эпизодъ въ историческихъ лѣтописяхъ Византіи. Василій происходилъ изъ нисшаго сословія и родился въ Македоніи, въ мѣстечкѣ близъ Адрианополя, почему и носилъ имя Македонянина»²⁾.

Сдѣлавъ, вѣроятно, далеко не полный очеркъ развитія вопроса о происхожденіи Василія въ исторической литературѣ, я перейду къ источникамъ и раздѣлю ихъ на четыре группы: на греческіе, латинскіе, арабскіе и армянскіе.

Основнымъ текстомъ въ нашемъ вопросѣ, по моему мнѣнію, должны считаться точныя и краткія слова житія Евѳимія (первой четверти X в.), которое гласитъ слѣдующее: *Στυλιανὸν δὲ, τὸν καὶ Ζαούτζην κατὰ τὴν τῶν Ἀρμενίων διάλεκτον προσαγορευόμενον, ὡς ἄτε Μαχεδόνα ὄντα καὶ τὸ γένος Ἀρμένιον, καθὼς καὶ αὐτός* (т. е. Василій),

1) Caroli Morgensternii Commentatio de numismate Basilii Tschernigoviae nuper effosso. Dorpat, 1826, Pars III, p. VII—X. Его же. Объ изученіи византійскихъ историковъ. Журн. Мви. Нар. Просв., т. 29 (1841), отд. II, стр. 158—159. Его же. Ueber das Studium der byzantinischen Geschichtschreiber. Mémoires présentés à l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. T. IV (1845), p. 186—188.

2) А. П. Лебедевъ. Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ. Москва, 1900, стр. 105 (это взято изъ Hefele «Conciliengeschichte»; см. выше).

ἐπίτροπον καταλιμπάνει¹⁾. Въ этихъ словахъ совершенно опредѣленно сказано, что Василій былъ изъ Македоніи, но родомъ армянинъ, какъ и Стилианъ (Зауча), котораго императоръ въ шутку иногда называлъ за темный цвѣтъ лица «эіопомъ»²⁾. Столь точное показаніе близкаго по времени автора въ соединеніи съ присутствіемъ армянской версіи въ другихъ источникахъ, съ выше приведенными извѣстіями источниковъ объ армянскихъ поселеніяхъ во Фракіи, съ упоминаніемъ цѣлаго ряда лицъ армянскаго происхожденія, приближенныхъ къ Василю, заставляетъ меня признать, что армянское происхожденіе Василя является наиболѣе доказаннымъ.

Въ хронологической послѣдовательности на первое мѣсто должно быть поставлено, впрочемъ, не Житіе Евфимія, а Житіе патріарха Игнатія, принадлежащее перу Никиты Пафлагонскаго, жившаго во второй половинѣ IX вѣка, т. е. современника Василя. Все произведеніе Никиты полно раздраженія и нападокъ на Фотія. Въ этомъ житіи Игнатія мы и находимъ подробную исторію вымышленной генеалогіи Василя. Суть этого разсказа такова.

Фотій, находясь въ изгнаніи и желая снова заручиться расположеніемъ Василя, составилъ его вымышленную генеалогію въ формѣ историко-пророческаго трактата, гдѣ онъ производилъ Василя отъ армянскаго царя Тиридата, помѣстилъ цѣлый рядъ вымышленныхъ потомковъ этого царя вплоть до отца Василя, о которомъ было сказано, что сынъ его будетъ великимъ царемъ, превзошедшимъ всѣхъ прежнихъ государей своею славою. Имя отца Василя, Веласъ, являлось акростихомъ членовъ семьи самого Василя, т. е. Василій, Евдокія, Константинъ, Левъ, Александръ и Стефанъ. Этого мало, Фотій написалъ эту генеалогію на древнемъ пергаментѣ, переплелъ ее въ переплетъ со старинной рукописи и черезъ священника Теофана, завѣдывавшаго императорской библіотекой, тайно поставилъ ее среди прочихъ книгъ Василя. Однажды Теофанъ показалъ эту книгу императору, какъ наиболѣе цѣнное сокровище его библіотеки, но замѣтилъ, что разобрать ее и прочесть никто не можетъ кромѣ Фотія. Уловка послѣдняго удалась: онъ былъ вызванъ въ столицу, получилъ аудіенцію у Василя, объяснилъ поддѣланную рукопись и добился снова

1) Vita Euthymii, ed. C. de Boor, p. 2.

2) Τί τοί ἐστιν, Αἰθίοψ. Ed. Kurtz. Zwei griechische Texte über die Hl. Theophano die Gemahlin Kaisers Leo VI. Записки Импер. Академіи Наукъ по Истор.-Филол. Отдѣленію. Т. III № 2 (1898), S. 11, § 17; см. также S. 56, 18.

его расположенія¹⁾. Таковъ разсказъ Никиты, не оставшіяся безъ вліянія на послѣдующихъ писателей.

Генесій, одинъ изъ историковъ кружка Константина Багрянороднаго, въ напыщенныхъ словахъ превозноситъ происхождение Василія отъ Арзака, Филиппа и Александра Македонскихъ: Ὑπῆρχε δὲ ὁ Βασίλειος ἐκ γένους μὲν πρεσβυτέρου Πάρθου Ἀρσάκου αὐχῶν, τοῦ περιεμένου τὴν Ἀσσυρίων ἀρχὴν ἑαυτῷ ἐκ ψυχικῆς καὶ σωματικῆς καρτερότητος, καθεξῆς δὲ καὶ Τηριδάτου τοῦ βασιλέως τῆς αὐτῆς σειρᾶς ἐξημένου· ἀλλὰ μὴν καὶ Φιλίππου καὶ Ἀλεξάνδρου τῶν ἀρίστων ἡγεμόνων ἐξείχετο. Ὅς Μακεδόσης γῆς ἐκφυεῖς γεννητόρων ἦν κατὰ γενεάν οὐκ ἀσῆμων, τραφεῖς τε νεανικῶς, ὡς εἴ τις Ἀχιλλεὺς Χείρωνι τῷ Κενταύρῳ.. (идутъ восхваленія)²⁾. Съ еще большими подробностями, прикрасами и длиннотами повѣствуетъ, на основаніи Генесія, самъ царственный авторъ біографіи Василія, Константинъ Багрянородный³⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что пророчество Исаака свершилось о томъ, будто одинъ изъ арзакидовъ завладѣетъ византійскимъ скипетромъ⁴⁾. Генеалогію отъ Тиридата, τῆς μεγάλης Ἀρμενίας ἀρχοντος, мы находимъ въ одномъ мѣстѣ и у Симеона Логовета, который однако говоритъ уже о поддѣлкѣ Фотія⁵⁾. Нѣкоторые позднѣйшіе хронисты также прямо говорятъ о его поддѣлкѣ⁶⁾.

Сопоставленіе данныхъ выше приведенныхъ историковъ даетъ возможность вывести такое заключеніе. Фотіѣ, дѣйствительно, намѣренно составилъ царственную генеалогію Василія въ своихъ личныхъ выгодахъ, положивъ въ основаніе ея настоящее армянское происхождение Василія. Подобное возвеличеніе перваго основателя македонской династіи пришлось какъ нельзя болѣе по вкусу увлекавшемуся литературой внуку его, Константину Багрянородному, и его учено-литературному кружку, къ которому принадлежалъ и Генесій. Засимъ ихъ разсказы

1) Nicetae Paphlagonis Vita S. Ignatii. Migne. Patr. Gr., t. 105, p. 565—568. См. Hergenröther. Photius, II, S. 248—259.

2) Genes. Bonn. p. 107. См. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 163.

3) Cont. Theoph. p. 212—214. На основаніи него Cedr. II p. 188: ἦνεγκε τοίνυν ἡ τῶν Μακεδόνων χώρα αὐτόν, εἶλκε δὲ τὸ γένος ἐξ Ἀρμενίων, ἐκ πάνυ λαμπρᾶς καταγόμενος τῆς τῶν Ἀρσακιδῶν σειρᾶς.. См. Hirsch, op. cit., S. 281 и 370.

4) Cont. Theoph. p. 241 (гл. XIX).

5) Sym. Log. p. 689 (с. 7): (Фотіѣ) ἐτροπέυσατο πλάσμα τοιόνδε. Нѣсколько выше Симеонъ говоритъ еще разъ о происхожденіи Василія изъ Македоніи (p. 655, с. 11).

6) Zonar. ed. Dindorf, t. IV, p. 17. Mich. Glycas. Bonn. p. 552: Ὁ Φώτιος.. τοιόνδε τι βαδύτροπον καὶ σχολίων τεχνῶται. Τῶν ὀνομάτων τὰς ἀρχὰς ἀπολαμβάνει μόνας τοῦ βασιλείως, τῶν υἱῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς Αὐγούστας καὶ τὸ Βακλᾶς συντίθησι.. = Const. Manass. Bonn., v. 5311—5319 (p. 226—227).

перешли къ тѣмъ позднѣйшимъ историкамъ, которые отъ нихъ заимствовали, напр. къ Кедрину.

Съ другой стороны есть цѣлый рядъ греческихъ источниковъ, говорящихъ лишь о томъ, что Василій происходилъ изъ Македоніи и добавляющихъ иногда о бѣдномъ, низкомъ происхожденіи Василія; этой группѣ источниковъ, повидимому, неизвѣстно армянское происхожденіе императора. Продолжатель Амартола говоритъ: 'Ο αὐτός Βασίλειος γεννᾶται ἐν Μακεδονίᾳ ἐν τοῖς χωρίοις Ἀδριάνου πόλεως ἐπὶ τῆς βασιλείας Μιχαὴλ τοῦ Ῥαγγαβέ...¹⁾ Зонара: (Василіи) ἐκ Μακεδονίας μὲν ἦν, ἐφ' οὗ δὲ πατέρων ἀσήμων καὶ ἀφανῶν, εἰ καὶ τις τῶν τὰ περὶ αὐτοῦ ἐξιστορησάντων ἐκ τοῦ τῶν Ἀρσακιδῶν αὐτὸν γένους κατάγεσθαι τερατεύεται...²⁾ Ефремъ даетъ такіе стихи:

χώρας δ' ὁ Βασίλειος ἐξέφ' οὗ πάλαι
Μακεδονίας, ἐξ ἀσήμων πατέρων
αὐτουργία τε χρωμένων γεωργία...³⁾

Михаилъ Глика говоритъ: ἀπὸ κόμης ὁ Βασίλειος οὗτος ὄρμητο γειτονούσης τῆ μεγαλοπόλει Ἀδριανουπόλεως...⁴⁾ Константинъ Манасси:

κόμης μὲν οὖν ἐξώρμητο λυπρᾶς προσγειτονούσης
τῆ πρωτοπόλει τῆ λαμπρᾶ τῶν Μακεδόνων πόλει;

нѣсколько дальше о родителяхъ Василія:

ἀλλ' αὐτουργοὶ καὶ πένητες καὶ τῶν χειροβιώτων...⁵⁾

Житіе св. Ирины: Βασιλείου τοῦ ἐκ Μακεδονίας τὴν βασιλείαν μετ' αὐτὸν κατασχόντος...⁶⁾

Вотъ цѣлый рядъ текстовъ, которые не знаютъ армянскаго происхожденія Василія, приписываютъ ему происхожденіе низкое изъ окрестностей Адрианополя. Но это, конечно, не исключаетъ его дѣйствительнаго армянскаго происхожденія, т. е. отъ армянъ, поселенныхъ въ окрестностяхъ Адрианополя.

1) Cont. Hamart. ed. Muralt, p. 724=Georg. Mon. p. 817=Leo Gramm. p. 281. Ср. Sym. Log. p. 655 (с. 11): γέγονε δὲ οὗτος ὁ Βασίλειος ἐκ Μακεδονίας, ἐκ χωρίων τῆς Ἀδριανουπόλεως. См. Hirsch, op. cit. S. 57—59.

2) Zonar. ed. Dind., t. IV, p. 17. См. Hirsch, op. cit. S. 891.

3) Ephraem. Bopp. v. 2518—2515 (p. 111).

4) Mich. Glycas, p. 546.

5) Const. Manass. Bopp., v. 5192—5193 (p. 221—222) и v. 5200 (p. 222). См. выше объ ошибкѣ болгарскаго перевода Манасси вслѣдствіе непонятнаго для переводчика слова λυπρᾶς.

6) Vita S. Ireneae Hegumeneae. Acta Sanctorum. Iulii t. VI, p. 616.

Обратимся теперь къ источникамъ латинскаго запада. Насколько я знакомъ съ латинскими хрониками, описывающими время Василя I, и съ письмами современныхъ ему папъ, то всё эти источники, повидимому, его происхожденіемъ не интересуются. Исключеніе представляетъ собою Лиудпрандъ, епископъ Кремонскій, посѣтившій въ X вѣкѣ Константинополь и сообщающій нѣкоторыя свѣдѣнія о Василя. Въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія «Antapodosis» Лиудпрандъ говоритъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что дѣдъ Василя былъ низкаго происхожденія изъ Македоніи¹⁾. Итакъ въ серединѣ и во второй половинѣ X-го вѣка Лиудпрандъ, усердно собиравшій всякія свѣдѣнія о грекахъ, ничего не слышалъ объ армянскомъ происхожденіи Василя, но за то подтвердилъ своими словами не высокое его происхожденіе; иначе говоря, его показанія примыкаютъ къ послѣдней группѣ указанныхъ выше греческихъ источниковъ.

Арабскіе историки, упоминающіе о Василя, приписываютъ ему славянское происхожденіе, при чемъ нѣкоторые говорятъ, что мать его была славянка, откуда и прозваніе «Славянинъ». Относительно царскаго или простаго происхожденія Василя, арабскіе источники, если только въ этомъ случаѣ нѣтъ простой ошибки рукописнаго преданія, расходятся: есть сторонники какъ одного, такъ и другого взгляда.

Историкъ X вѣка Гамза Исфаганскій сообщаетъ слѣдующее: «потомъ царство перешло изъ семьи этого дома и попало въ руки славянъ, и получилъ его Василя Славянинъ»²⁾. Интересно, что Гамза черпалъ свои свѣдѣнія о хронологіи византійскихъ императоровъ, т. е. свѣдѣнія той главы, откуда приведена только что сдѣланная выдержка, отъ какого то судьи Ваки, который въ свою очередь заимствовалъ ихъ изъ книги одного греческаго императора, переведенной при содѣйствіи толмача съ греческаго языка на арабскій³⁾. Если допустить, что всё свѣдѣнія этой главы перешли къ Гамзѣ черезъ судью Ваки изъ византійскаго источника, то это означало бы существованіе славянской версіи у византійцевъ. Но этого пока мы не знаемъ; о

1) *Avus hujus* (т. е. Василя) *Macedonia humili fuerat prosapia oriundus. Liudprandi Antapodosis. Lib. I 8* (Pertz, III p. 276); *lib. III 32* (Pertz, III, p. 309).

2) *Hamzae Israhānensis Annalium libri X, ed. Gottwaldt. Petropoli-Lipsiae, 1844 — 1848. Т. I. p. 78* (текстъ), *t. II, p. 59* (лат. переводъ). См. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. С.-Петербургъ, 1870, стр. 211.

3) См. *Hamzae Israhānensis Ann. p. 76* (текстъ) и *p. 57—58* (переводъ). См. Гаркави, *op. cit.*, стр. 212.

славянскомъ происхожденіи Василя византийскіе источники, какъ было показано выше, молчатъ. Возможно, что въ данномъ случаѣ греческое слово «Македонецъ, Македонія» превратились у арабовъ въ «Славянина». Табари (+923 г.) говоритъ: «Василій, по прозванію Славянинъ, происходившій изъ царскаго дома — и называли его Славяниномъ, потому что мать его была славянка»¹⁾. Евтихій Александрійскій или Саид-ибн-ал-Батрикъ (+940 г.) сообщаетъ: «и не былъ Василій изъ царскаго рода, такъ какъ родомъ онъ былъ славянинъ»²⁾. Масуди (+956 г.) говоритъ о Василя въ двухъ своихъ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ: въ «Золотыхъ Лугахъ» и «Тенбихъ». «Золотые Луга» отмѣчаютъ: «потомъ царствомъ овладѣлъ Василій Славянинъ, и онъ не былъ изъ царской семьи»³⁾. Въ «Тенбихъ»: «сорокъ пятый (императоръ) Василій Славянинъ. . . . у него была славянка мать, отъ которой онъ и назывался славяниномъ»⁴⁾. Тутъ же Масуди добавляетъ, что «исторію Василя, его начало, то, какъ онъ удался изъ своей страны, т. е. провинціи Фракія, въ Константинополь» и т. д.,—все это онъ разсказалъ въ своемъ другомъ не дошедшемъ до насъ сочиненіи «Книга о видахъ познаній и о томъ, что произошло въ прошедшіе вѣка»⁵⁾.

Вотъ главныя арабскія свидѣтельства X вѣка о происхожденіи Василя; всѣ они утверждаютъ его славянское происхожденіе; одинъ только Табари говоритъ о его царскомъ происхожденіи.

Остальныя арабскія исторіи принадлежатъ позднѣйшему времени и списываютъ или сокращаютъ болѣе раннихъ историковъ. Историкъ XIII в., Ибн-ал-Асиръ (+1233 г.), списываетъ въ данномъ

1) Tabari. *Annales*, ed. de Goeje, III p. 1858—1859. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византии въ арабовъ за время македонской династіи (867—959 г.). С.-Петербургъ, 1902, приложенія, стр. 6.

2) *Contextio gemmarum sive Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales*. Interprete Ed. Roscoskio. Oxoniae, 1658, vol. II, p. 462. А. Васильевъ, *op. cit.*, прил. стр. 20. Латвскій переводъ Евтихія у Migne. *Patr. Graeca*, t. 111.

3) Masoudi. *Les Prairies d'or*, ed. Barbier de Meynard, Paris, 1861 sq., vol. II, p. 352. А. Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 134. А. Васильевъ, *op. cit.* прил. стр. 28.

4) Masoudi. *Kitâb-at-tanbîh wa'-ischâf*. Bibliotheca geographorum arabicorum, ed. de Goeje. P. VIII, Lugduni Batavorum, 1894, p. 171. Carra de Vaux. Masoudi. *Le livre de l'avertissement et de la revision*. Paris, 1897, p. 233. А. Васильевъ, *op. cit.*, прил. стр. 32.

5) Masoudi. *Tanbîh*, p. 171. Carra de Vaux, p. 233. А. Васильевъ, прил. стр. 32—33.

мѣстѣ дословно Табарі¹⁾. Неизданный Сибт-ал-Джаузи (+1257 г.) пишетъ: «Василій Славянинъ, — а Василій былъ изъ семьи царскаго рода»²⁾. Ал-Макинъ (+1273 г.) излагаетъ наше мѣсто по Евтихію Александрійскому³⁾. Ибн-Халдунъ (+1406 г.), неизданный ал-Айни (+1451 г.) и Абу-л-Махасинъ (+1469 г.) называютъ Василія Славяниномъ⁴⁾. Ал-Айни указываетъ свои источники: Ибн-Кесира (+1373 г.) и какую-то Исторію ал-Антаки (т. е. Антиохійца). Я имѣю еще выписку изъ рукописи Британскаго Музея Яхья-ал-Джалили изъ соч. «Siraj al-Mulûk», гдѣ глава о византійскихъ императорахъ составлена по Масуди. Въ моей выпискѣ говорится: «Василій Славянинъ. . . мать его была славянка по происхожденію. Ошибается Гамза Исфаганскій, . . . говоря: потомъ перешло царство отъ грековъ и попало къ славянину; онъ думалъ, что отецъ Василія былъ славянинъ»⁵⁾.

Итакъ арабскіе писатели являются сторонниками славянской версіи; они и были виновниками того, что славянское происхожденіе Василія такъ долго и настойчиво утверждалось русскими учеными. Я думаю, что арабскіе источники не даютъ намъ достаточно основаній полагаться на ихъ точность и достовѣрность въ данномъ случаѣ; понятіе «славянинъ, славянскій» для нихъ, какъ даже и для грековъ, не было яснымъ. По всей вѣроятности, славянское происхожденіе Василія у арабовъ есть результатъ его происхожденія изъ Македоніи и Оракіи. Ибн-Хордадбежъ, арабскій географъ X вѣка, говоритъ, напримѣръ, что Македонія на западѣ граничитъ со страной славянъ⁶⁾. Другой географъ XIII вѣка Якутъ сообщаетъ: «другіе говорятъ, что Славонія есть страна между болгарами и Константинополемъ»⁷⁾. Уже

1) Ibn-al-Athir. Chronicon, ed. Tornberg, vol. VII, p. 172—173. А. Васильевъ оп. cit., првл. стр. 91.

2) Brit. Mus. Suppl. 1270—1271, vol. I fol. 196. А. Васильевъ, прил. стр. 122.

3) Historia Saracenicæ... arabice olim exarata a Georgio Elmacino et latine redita opera ac studio Thomae Erpenii. Lugduni Batavorum. 1625, p. 161—162. А. Васильевъ, прил. стр. 142.

4) Ibn-Khaldun. Al-ibar wadiwan al-mubtada walkhabar. Bnlak, 1867, vol. III, p. 337. Al-Aini. Cod. Petrop. v. II, fol. 704 v. — 705. Abn-l-Mahasin-ibn-Tagri-Bardi. Annales, ed. Juynboll. Lugduni Batavorum, 1855—1861, vol. II, p. 28. А. Васильевъ, оп. cit. прил. стр. 170, 174 и 180.

5) Brit. Mus. Add. 23306. Jahya al-Jalili, fol. 112.

6) Ibn-Khordādhbeh. Bibliotheca geographorum arabicorum, ed. de Goeje. P. VI, Lugd. Batavorum, 1889, p. 105 (текстъ) и p. 77 (переводъ).

7) Jacut's Geographisches Wörterbuch, ed. Wüstenfeld, B. III, Leipzig, 1868, S. 405.

изъ этихъ двухъ мѣстъ видно, какъ легко у арабскихъ писателей могло возникнуть мнѣніе о славянскомъ происхожденіи Василя изъ Македоніи.

Перейдемъ теперь къ источникамъ армянскимъ, которыми я, не владѣя армянскимъ языкомъ, могу пользоваться, къ сожалѣнію, лишь въ существующихъ переводахъ. Армянскіе источники, поскольку они мнѣ извѣстны, стоятъ просто за армянское происхожденіе Василя; но у нѣкоторыхъ можно найти указанія и на знатное происхожденіе его. Большинство историковъ называютъ Василя уроженцемъ деревни Т'ила, въ таронской провинціи; такъ говорятъ Асогикъ Степаносъ Таронскій (XI в.)¹⁾, Самуиль Анійскій (XII в.)²⁾, Киракосъ Гантзакскій (XIII в.)³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, по русскому переводу Эмина, Асогикъ замѣчаетъ: «Левъ VI, какъ сынъ армянина, превзошелъ всякаго армянина тароватостью»⁴⁾. Но у недостовѣрнаго Вардана Великаго XIII в. мы находимъ упоминаніе о происхожденіи Василя отъ арзакидовъ. Варданъ говоритъ слѣдующее: «Отъ императора Василя въ 325 году пришелъ съ большими дарами внухъ Никита просить у Ашота корону на томъ основаніи, что епископъ Таронскій Ваханъ увѣрялъ Василя въ томъ, что онъ, Василій, происходилъ изъ рода Аршакуни, ибо мать его была армянка»⁵⁾. Нѣсколько далѣе Варданъ замѣчаетъ: «Императоръ Левъ (сынъ Василя), былъ сынъ армянина и очень любилъ армянъ»⁶⁾. Извѣстный армянскій историкъ-мехитаристъ (1738—1825 г.), Чамчіанъ, называетъ Василя армяниномъ изъ фамиліи арзакидовъ⁷⁾. Итакъ, армянскіе источники всѣ утверждаютъ армянское происхожденіе. Упомяну еще объ одномъ извѣстіи, которое показываетъ, что въ концѣ X и началѣ XI вѣка въ качествѣ правителей Македоніи встрѣчались армяне. А именно, не далеко отъ Эрзерума, въ деревнѣ Егрек или Агракъ есть красивая купольная

1) Асогикъ. Всеобщая исторія. Перевелъ Н. Эминъ. Москва, 1864, стр. 335. E. Dulaurier. Histoire universelle par Etienne Açogh'ig de Daron. I-re partie. Paris, 1883, p. 172.

2) Samuel d'Ani. Tables Chronologiques. Brosset. Collection d'historiens arméniens. II, St. Pétersbourg, 1876, p. 427.

3) Kiracos de Gantzac, XIII s. Brosset. Deux historiens arméniens. St. Pétersbourg, 1870, p. 42.

4) Асогикъ, пер. Н. Эмина, стр. 108.

5) Всеобщая исторія Вардана Великаго. Пер. Н. Эминъ. Москва, 1861, стр. 108.

6) Ibidem, стр. 109.

7) History of Armenia by Father Michael Chamich (Chamchian), translated by J. Avdall. Vol. II, Calcutta, 1827, p. 8—9.

церковь, около которой найдена греческая надпись; въ послѣдней упоминается при царяхъ Василии и Константинѣ Григорій, патрицій и стратигъ Лариссы и Македоніи, сынъ патриція Симбата, по прозванію Κλησῆς¹⁾.

Просмотрѣнные мною сирійскіе источники, Михаилъ Великій и Абульфараджъ (Барэбрей), о происхожденіи Василия не гонорятъ. Въ изданномъ нѣмецкомъ переводѣ Хроники Иліи Нисибійскаго время Василия Македонянина отсутствуетъ, и его нѣтъ въ единственной рукописи этого историка, хранящейся въ Британскомъ Музеѣ.

Изъ сопоставленія всѣхъ выше приведенныхъ данныхъ я прихожу къ слѣдующему выводу: 1) Василій происходилъ отъ армянъ, поселенныхъ въ Македоніи. 2) Его царское происхожденіе является, по всей вѣроятности, измышленіемъ Фотія, которое отразилось на извѣстной части послѣдующей литературы. 3) Свѣдѣнія, сообщаемыя арабскими писателями, даютъ возможность сдѣлать два предположенія: арабы могли весьма легко изъ слова «македонецъ» сдѣлать «славянина»; тогда «славянинъ» у арабовъ равнялся бы «македонцу» или жителю Македоніи, т. е. нѣ данномъ случаѣ армянину, поселенному въ Македоніи у Адрианополя; или дѣйствительно, Василій происходилъ отъ смѣшаннаго союза — армянина и славянки.

А. Васильевъ.

1) M. Brosset. Inscriptions géorgiennes. Mémoires présentés à l'Académie des sciences de St. Pétersbourg, VII série t. VIII (1864), p. 13.

Карлъ Великій и Харун-ар-Рашидъ.

Недавно, въ первомъ выпускѣ перваго тома новаго органа „Христіанскій Востокъ“, появленіе котораго должно быть съ радостью встрѣчено всѣми интересующимися исторіей Христіанскаго Востока вообще и византиновѣдѣніемъ въ частности, напечатана была очень интересная работа проф. В. В. Бартольда „Карлъ Великій и Харунъ ар-Рашидъ“¹⁾. Работа эта, представляя собою, если не ошибаюсь, первую работу, специально посвященную вопросу объ отношеніяхъ только что названныхъ двухъ знаменитыхъ государей средневѣковья, столь далекихъ другъ отъ друга по мѣсту своей дѣятельности и столь различныхъ по своему религіозному міровоззрѣнію, очень заинтересовала меня какъ по самой постановкѣ вопроса, такъ и по конечному результату изслѣдованія. Авторъ ставитъ себѣ задачею рассмотреть слѣдующіе вопросы: 1) какіе интересы могли имѣть въ началѣ IX вѣка западно-европейскій государь и его подданные на Востокѣ, халифъ и его подданные на Западѣ; 2) какъ должны быть истолкованы, въ зависимости отъ этихъ данныхъ, и насколько производятъ впечатлѣніе достовѣрности извѣстія франкскихъ лѣтописцевъ о сношеніяхъ между Карломъ и Харуномъ ар-Рашидомъ; 3) что происходило въ это время, по рассказамъ арабскихъ историковъ, въ халифатѣ, и имѣемъ ли мы, на основаніи этихъ событій, право предполагать, что халифъ зналъ о Карлѣ Великомъ и его государствѣ и искалъ сближенія съ нимъ.

На первый вопросъ авторъ отвѣчаетъ, что существовавшія въ то время сношенія между Западомъ и Востокомъ опредѣля-

1) Христіанскій Востокъ. Серія, посвященная изученію христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Т. I, вып. I. С.-Петербургъ, 1912, стр. 69—94.

лись, во-первыхъ, интересами жителей Св. Земли, постоянныхъ и временныхъ (паломниковъ), во-вторыхъ, интересами еврейскихъ торговцевъ. По поводу второго вопроса проф. Бартольдъ говорить, что въ разсказахъ франкскихъ лѣтописцевъ не находится свѣдѣній о политическихъ интересахъ, которыми могъ бы быть объясненъ обмѣнъ посольствами между халифами и франкскими государями, никакихъ доказательствъ, что лица, являвшіяся къ Пипину, Карлу и Людовику, дѣйствительно имѣли право говорить отъ имени халифа. Для поясненія третьяго вопроса авторъ главнымъ образомъ излагаетъ исторію почти непрерывныхъ столкновений между арабами и Византіей при Харунѣ, рисуешь печальное положеніе христіанъ при немъ и замѣчаетъ, что мусульманскіе авторы не только не говорятъ о сношеніяхъ Карла Великаго съ халифомъ, но, повидимому, не знаютъ даже о существованіи Карла¹⁾. Выводъ работы таковъ: „Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что подданные Карла Великаго проникали въ государство Харуна ар-Рашида, подданные халифа — въ государство Карла, и что на эти сношенія въ государствѣ Карла смотрѣли какъ на обмѣнъ посольствами. Но ни въ западно-европейской, ни въ восточной литературѣ нельзя найти сколько-нибудь убѣдительныхъ доводовъ въ пользу предположенія, что халифъ и представители мусульманскаго правительства и общества знали о Карлѣ и его государствѣ, что къ Карлу были отправлены изъ халифата посольства, достойныя его сана, и что халифъ считался съ его желаніями, какъ государя. Высказанное около 80 лѣтъ тому назадъ мнѣніе Пуквиля, что такому взгляду на эти сношенія не должно быть мѣста въ серьезныхъ историческихъ трудахъ, кажется намъ вполне основательнымъ“²⁾.

Для своей работы проф. Бартольдъ использовалъ многіе западные источники, преимущественно, конечно, франкскія лѣтописи, привлекая нѣкоторую часть литературы и собравъ много интересныхъ свѣдѣній изъ арабскихъ географовъ и историковъ, имѣющихъ къ его темѣ, такъ сказать, косвенное отношеніе.

Хотя въ историческихъ трудахъ вопросу о сношеніяхъ между Карломъ Великимъ и Харун-ар-Рашидомъ попутно посвящалось

1) В. Бартольдъ, стр. 75—76; 82; 82—83.

2) В. Бартольдъ, стр. 94.

не мало мѣста, такъ что этотъ вопросъ можетъ быть названъ, какъ это отмѣчено недавно на страницахъ одного ученаго органа, „die schon wiederholt ventilirte Frage“¹⁾, тѣмъ не менѣе я еще разъ хочу посильно разобраться въ немъ и выяснитъ, можно ли теперь считать взглядъ Пуквиля основательнымъ.

Въ 1833 году французъ Пуквиль (Pouqueville) написалъ „Историческій и дипломатическій мемуаръ о французской торговлѣ и французскихъ учрежденіяхъ на Востокѣ, съ 500 года послѣ Р. Х. до конца XVII вѣка“²⁾. Мемуаръ этотъ небольшой, всего въ 65 стр. in quarto; на долю нашего вопроса приходится всего лишь двѣ страницы (р. 529—530). Уже изъ этого одного видно, что о какомъ нибудь изслѣдованіи не можетъ быть и рѣчи. Направлены эти страницы противъ Барбейрака, автора „Исторіи древнихъ трактатовъ“, о которомъ я сейчасъ скажу нѣсколько словъ. Источниками Пуквилю для самаго разказа о сношеніяхъ служили Eginardi Annales, т. е. Annales Laurissenses Majores (= Einhardi Annales) и Vita Caroli Magni per monachum Engolismensem, т. е. вторая книга хроники Адемара Кабаннскаго (Ademarus Cabannensis), который заимствовалъ свои свѣдѣнія для этой части хроники также изъ Annales Laurissenses Majores; не забудемъ, что Адемаръ — источникъ поздній, XI вѣка († 1034 г.³⁾.

Я совершенно согласенъ съ Пуквилемъ, когда онъ говоритъ, что мнимый даръ Святыхъ Мѣстъ, сдѣланный Карлу Великому Харун-ар-Рашидомъ, не заслуживалъ бы больше вниманія, если бы не надо было доказывать лживость этого, для того чтобы объ этомъ говорили только какъ бы о баснѣ, недостойной величія исторіи. Изложивъ обычное содержаніе Annales Laurissenses или анналовъ Эйнхарда, „подъ именемъ котораго собрали кучу апокрифическихъ анекдотовъ“, Пуквиль, по поводу полученія Карломъ изъ Іерусалима въ 800 году знамени города, ключей отъ Св. Гроба и Голгофы,

1) См. изложеніе работы В. Бартольда въ Der Islam. Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients, herausg. von C. H. Becker. B. III, H. 4 (1912), S. 409.

2) Pouqueville. Mémoire historique et diplomatique sur le commerce et les établissements français au Levant, depuis l'an 500 de J. C. jusqu'à la fin du XVII-e siècle. Mémoires de l'Institut Royal de France. X (1833), p. 513—578.

3) См. о немъ А. Molinier. Les sources de l'Histoire de France. II, Paris, 1902, p. 3—6, № 958.

замѣчаетъ, что это было поднесено Карлу „въ знакъ дара, который дѣлалъ ему намѣстникъ Мухаммеда“. Тутъ же авторъ прибавляетъ: „Не говорится, вручили ли послы Карлу дипломъ, подтверждающій эту уступку, хотя подобный дипломъ было также легко поддѣлать, какъ знамя и ключи“. Основаніе въ Іерусалимѣ франкскаго квартала и церкви св. Маріи онъ относитъ также къ позднѣйшему времени¹⁾. Вотъ все, что сообщаетъ намъ Пуквиль по интересующему насъ вопросу. Какъ видно, это рядъ категорическихъ отрицаній, безъ обоснованій и доказательствъ; причемъ авторъ совершенно не повялъ факта передачи знамени и ключей изъ Іерусалима, явленія очень обычнаго въ средніе вѣка, которое не влекло за собою никакой реальной территоріальной уступки, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Я замѣтилъ выше, что Пуквиль свое первое и справедливое опроверженіе относительно уступки Святыхъ Мѣстъ Карлу направилъ противъ Барбейрака, на котораго и ссылается.

Барбейракъ (Jean Barbeugac), французскій юристъ и философъ XVII—XVIII в. (1674—1744), извѣстный большимъ количествомъ трудовъ, примѣчанія къ которымъ не бесполезны иногда бываютъ и теперь, написалъ, между прочимъ, „Исторію древнихъ трактатовъ или историческій и хронологическій сборникъ трактатовъ . . . отъ самыхъ отдаленныхъ временъ до императора Карла Великаго“. Въ этомъ сборникѣ онъ помѣстилъ подъ 800 годомъ „Трактатъ между Карломъ Великимъ и халифомъ Харун-ар-Рашидомъ“ (Aaron Rasid)²⁾. Въ основу этого трактата положено буквальное изложеніе 16-й главы панегирика Карлу Эйнхарда „Vita Karoli“ и такъ называемыхъ Einhardi Annales (= Ann. Laurissenses M.). Барбей-

1) Rouqueville, op. cit., p. 529—530. Относительно исторіи со слонъ, о которомъ Карлъ просилъ халифа и котораго послѣдній ему прислалъ, Пуквиль выражается нѣсколько неопредѣленно и неточно: Quant à l'éléphant, ce fut l'affaire d'un juif, qui se chargea du rôle d'ambassadeur d'Aaron al-Rachid, présenta cet animal appelé A bou l - a b a s, nom que l'histoire a conservé avec plus de soin que ceux des moines auteurs de cette fable (p. 529). Къ чему огнестъ слова „cette fable“ — ко всей ли исторіи или къ имени лишь слона? Проф. Бартольдъ (с. 70) думаетъ, что Пуквиль не отрицаетъ разсказа о прибытіи слона.

2) Barbeugac. Histoire des anciens traités, ou recueil historique et chronologique des traités . . . depuis les tems les plus reculez, jusques à l'empereur Charlemagne. Seconde partie. Amsterdam, 1739, p. 341—342, article 376.

ракъ вѣрить въ то, что халифъ поднесъ въ даръ Карлу Св. Мѣста, и что знамя и ключи были знаками введенія Карла во владѣніе Св. Мѣстами ¹⁾. Противъ подобнаго примитивнаго пониманія труднаго текста Эйнхарда справедливо и возсталъ Пуквиль; но самъ въ своемъ дальнѣйшемъ отрицаніи зашелъ слишкомъ далеко.

Названіе Einhardi Annales какъ „кучи апокрифическихъ анекдотовъ“, мысль о поддѣлкѣ знамени и ключей, отнесеніе франкскихъ построекъ въ Іерусалимѣ къ позднѣйшему времени, — все это съ точки зрѣнія исторической истины должно быть признано несостоятельнымъ. Поэтому я не могу согласиться съ проф. Бартольдъ, который, какъ мы видѣли выше, въ концѣ своей работы считаетъ взглядъ Пуквиля вполне основательнымъ ²⁾, хотя въ другомъ мѣстѣ и замѣчаетъ, что онъ въ малой степени удовлетворяетъ требованіямъ исторической точности ³⁾.

Противъ Пуквиля выступилъ французскій ориенталистъ Рено ⁴⁾, который, хотя еще и довѣрялъ чрезмѣрно показаніямъ Vita Karoli Эйнхарда и спуталъ поэтому посольства 802 и 807 годовъ, тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ нашемъ вопросѣ. Онъ указалъ на торговые интересы франковъ въ Палестинѣ, отмѣтилъ, для подтвержденія дѣйствительности сношеній Карла съ Харуномъ, что подобныя сношенія существовали и раньше, между Пипиномъ Короткимъ и халифомъ ал-Мансуромъ, и послѣ смерти Карла, при его преемникѣ Людовикѣ Благочестивомъ, между послѣднимъ и халифомъ ал-Мамуномъ; кромѣ того, Рено знаетъ о существованіи другихъ франкскихъ лѣтописей, помимо Эйнхарда, и сообщаетъ интересный разсказъ о перенесеніи мощей св. Кипріана и другихъ мучениковъ изъ сѣверной Африки во франкское государство, о чемъ я буду говорить ниже. Рено правъ, когда не соглашается съ Пуквилемъ, который отрицаетъ разсказъ Эйнхарда цѣликомъ (le récit d'Eginhard tout entier). Предположеніе же Рено относительно того, что Пуквиль смѣшалъ Эйнхарда съ Сангалленскимъ монахомъ, т. е. съ очень мутнымъ источникомъ, не приемлемо.

1) Вегбругас, op. cit., p. 342.

2) В. Бартольдъ, стр. 94.

3) Idem., стр. 70.

4) M. Reinaud. Invasions des Sarrazins en France. Paris, 1836, p. 115-117.

Можетъ быть, самъ Рено принялъ цитуемаго у Пуквиля *Monachus Engolismensis* за *Monachus Sangallensis*. Проф. Бартольдъ черезчуръ строгъ къ Рено, говоря, что его изложеніе еще въ меньшей степени удовлетворяетъ требованіямъ исторической точности, чѣмъ изложеніе Пуквиля (стр. 70). Я думаю, что Рено во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ, чѣмъ Пуквиль. Далѣе, проф. Бартольдъ, въ подтвержденіе своей критики Рено, пишетъ, что послѣдній ссылается не на первоисточники, но только на „recueil de dom Bouquet“ (ib.). Но вѣдь „Recueil des historiens des Gaules et de la France“, который извѣстенъ подъ именемъ издателя первыхъ восьми томовъ *dom Bouquet*, и на пятый томъ котораго ссылается Рено ¹⁾, представляетъ собою именно сборникъ первоисточниковъ, самый совершенный для его времени и еще не потерявшій нѣкотораго значенія и до нашихъ дней. Для эпохи Рено это было тоже самое, что теперь для насъ *Monumenta Germaniae historica* или изданія *Société de l'histoire de France*.

„Со времени Рено, пишетъ проф. Бартольдъ, ориенталисты, насколько мнѣ извѣстно, больше не возвращались къ этому вопросу“ (стр. 71). Можетъ быть, надо было бы упомянуть объ ориенталистѣ Густавѣ Вейлѣ, который въ своей большой „Исторіи халифовъ“ удѣляетъ нашему вопросу нѣкоторое вниманіе и выступаетъ защитникомъ Рено противъ Пуквиля ²⁾.

Самый подробный подборъ источниковъ по данному вопросу и ихъ критическая оцѣнка сдѣланы въ трудѣ нѣмецкихъ ученыхъ, Абеля и Симсона, „Лѣтописи франкскаго государства при Карлѣ Великомъ“ ³⁾. Къ этому труду, который ускользнулъ отъ вниманія проф. Бартольда, намъ придется обращаться на всемъ протяженіи работы.

Конечно, нѣтъ смысла и невозможно привести всю литературу, гдѣ говорится или упоминается о нашемъ вопросѣ. Отмѣчу, что самые извѣстные историки считаются съ фактомъ сношеній Карла Великаго съ Харуномъ. Самъ Ранке находитъ возможнымъ

1) Всѣхъ томовъ 23. Paris, 1738—1876. Bouquet умеръ въ 1754 году.

2) G. Weil. Geschichte der Chalifen. II, Mannheim, 1848, S. 162 163.

3) S. Abel—B. Simson. Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen. V. II, Leipzig, 1883; см. подъ соответствующими годами.

говорить даже о союзѣ Харуна съ Карломъ¹⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ трудовъ по каролингской имперіи удѣляетъ особое вниманіе отношеніямъ Карла къ Палестинѣ²⁾. Встрѣчаются въ современной литературѣ и ошибочныя изложенія фактовъ, какъ, напр., у Gasquet, на что указалъ уже проф. Бартольдъ.³⁾ Еще очень недавно, въ арабскомъ журналѣ бейрутскихъ католиковъ „Al-Machriq“, появилась небольшая статья Раббата „Отношенія между Востокомъ и Западомъ“, гдѣ авторъ говоритъ о благотворительной дѣятельности Карла въ Палестинѣ, приводя это въ связь съ отношеніями его къ Харуну, о западныхъ паломникахъ въ Св. Землѣ и о восточныхъ купцахъ, грекахъ, сирійцахъ и египтянахъ, отправлявшихся на Западъ съ богатыми тканями и продававшихъ ихъ тамъ по очень высокой цѣнѣ.⁴⁾

Не смотря на большой интересъ правленія Харун-ар-Рашида, въ исторической литературѣ не существуетъ ни одной научной монографіи о немъ. Живо написанная англійская книга Пальмера „Харун-ар-Рашидъ, халифъ багдадскій“⁵⁾, не преслѣдуя научной задачи, даетъ популярный очеркъ и рисуетъ личность и дѣятельность своего героя въ обычныхъ краскахъ сказокъ 1001 ночи. О нашей темѣ Пальмеръ не говоритъ ничего.

Не безинтересно, съ моей точки зрѣнія, отмѣтить, что нашъ сюжетъ иногда трактуется и въ современной арабской литературѣ. Тамъ напримѣръ, въ 1888 году Джемиль Нахле Мудауваръ, уроженецъ Бейрута, напечаталъ въ Каирѣ родъ исторической хроники подъ заглавіемъ „Хадарет ал-ислям фи дар асселям“, т. е. „Мусульманская культура въ Багдадѣ“, гдѣ авторъ въ рядѣ писемъ отъ лица сына одного изъ знатныхъ хорасанскихъ персовъ даетъ картину жизни халифата въ эпоху Харун-ар-Рашида.⁶⁾

1) L. Ranke. Weltgeschichte. V. Teil. 2. Abt. Leipzig, 1884, S. 229.

2) A. Kleinclausz. L'Empire Carolingien: ses origines et ses transformations. Paris, 1902, p. 169, 260-261.

3) A. Gasquet. L'Empire Byzantin et la monarchie franque. Paris, 1888, p. 292—294. См. В. Бартольдъ, с. 69, пр. 1.

4) P. A. Rabbath. Al-alâqat beïn al-charq wa-l-gharb. Al-Machriq. Revue catholique orientale. Beyrouth, XIV (1911), p. 549.

5) E. H. Palmer. Haroun Alraschid, Caliph of Bagdad. London, 1881 (Въ серіи The New Plutarch).

6) См. свѣдѣнія о Джемиль Нахле Мудауварѣ и краткое содержаніе его сочиненія въ очень интересной статьѣ И. Ю. Крачковскаго „Историческій романъ въ современной арабской литературѣ“. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1911 годъ, июнь, стр. 271—273.

Въ 186 году хиджры (802 г.) разскащикъ отправляется халифомъ во главѣ посольства къ императору Франковъ для заключенія союза противъ испанскихъ омайядовъ. Въ числѣ подарковъ халифа императору находился „большой бѣлый слонъ, бывший еще у халифа ал-Махди, которому его прислалъ одинъ изъ индійскихъ царей.“ Изъ Багдада посольство отправилось черезъ Куфу въ Сирію. Послѣ описанія Дамаска и особенно подробнаго описанія знаменитой мечети ал-Валида, авторъ ведетъ посла черезъ Бальбекъ въ Бейрутъ, откуда послѣдній моремъ направляется къ Марсели. На этомъ перегонѣ судно пристало къ Мальтѣ, „острову въ началѣ страны Франковъ, гдѣ находились извѣстныя церкви христіанъ.“ Узнавъ въ Марсели о томъ, что императоръ въ это время находился въ Римѣ, посольство отправилось туда, было принято императоромъ и переговорилъ съ нимъ объ испанскихъ омайядахъ. Отсюда черезъ Тунисть, Александрію и Каиръ онъ отправился для совершенія паломничества въ Аравію, гдѣ и встрѣтился съ Харун-ар-Рашидомъ¹⁾. Этотъ историческій романъ написанъ въ формѣ настоящаго историческаго труда съ ссылками на арабскіе источники, приводившими меня не разъ даже въ нѣкоторое волненіе. Къ сожалѣнію, источники эти главной нашей темы, насколько я смогъ провѣрить, не затрагиваютъ.

Когда мы хотимъ изучать вопросъ о сношеніяхъ Карла Великаго съ Харун-ар-Рашидомъ, мы должны непременно разсматривать его въ связи съ отношеніями Карла къ Палестинѣ. Въ послѣднихъ и заключается главный интересъ и наибольшая важность даннаго вопроса для послѣдующей исторіи. Эпизодъ съ присылкою Харун-ар-Рашидомъ слона Карлу Великому лишь случайно попалъ въ исторію ихъ отношеній. Конечно, приходится очень пожалѣть, что для вопроса о сношеніяхъ Карла съ Харуномъ пока еще не нашлось арабскихъ извѣстій; послѣднее обстоятельство даже заставляетъ нѣкоторыхъ ученыхъ предполагать, что „мусульманскіе авторы не только не говорятъ о сношеніяхъ Карла Великаго съ халифомъ, но, повидимому, не знали

1) Джемилъ Нахле Мудауваръ. Хадарет ал-ислям фи дар ассям. У меня было въ рукахъ 2-е изданіе этой книги, Каиръ, 1905, стр. 265—328. За указаніе этого историческаго романа я приношу большую благодарность И. Ю. Крачковскому.

даже о существованіи Карла“¹⁾. Но объ этихъ сношеніяхъ разнообразныя западныя источники, — хроники, біографіи, письма, стихотворенія, житія святыхъ, — настолько опредѣленно; хотя и слишкомъ кратко, свидѣтельствуютъ, что сомнѣваться въ основѣ ихъ свѣдѣній рѣшительно невозможно; они, правда, повѣствуютъ, но не объясняютъ. На историковъ уже падаетъ задача объяснить эти свидѣтельства. Если же мы станемъ отрицать западныя источники только потому, что не находимъ пока соответствующихъ параллелей въ источникахъ восточныхъ, то мы можемъ впасть въ иперкритику, временами очень вредную для историческихъ изслѣдованій.

Прежде всего нужно, по моему мнѣнію, особенно отгнѣнить точку зрѣнія, что безвѣдома Харун-ар-Рашида, который являлся настоящимъ владыкой Палестины, немислимы были ни предпріятыя іерусалимскимъ патриархомъ передъ Карломъ Великимъ шаги относительно Святой Земли, ни предпріятыя затѣмъ мѣры Карла для облегченія участи палестинскихъ христіанъ и паломниковъ и для построенія тамъ храмовъ и благотворительныхъ учреждений. Все это могло имѣть мѣсто лишь съ благосклоннаго разрѣшенія халифа. Трудно предположить, что все это могло быть сдѣлано, какъ предполагаетъ проф. Бартольдъ, патриархомъ по соглашенію съ мѣстными мусульманскими властями, и что обращаться для этого къ халифу едва ли представлялась необходимость²⁾. Особенно мнѣ кажется неизбѣжнымъ согласіе халифа на постройку церквей и монастырей. Ниже я попытаюсь выяснитъ, почему Харун-ар-Рашидъ и Карль Великій могли искать сближенія между собою, и почему іерусалимскій патриархъ обратился за помощью не къ византийской имперіи, а къ далекому франкскому государю.

Итакъ, если источникъ говоритъ объ отношеніяхъ Карла къ Палестинѣ, этимъ самымъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ Карла къ Харуну.

Главнымъ источникомъ для нашего вопроса служатъ *Annales Laurissenses Majores*, иногда называемые *Ann. regii*, иногда *Ann. Einhardi*. Для насъ имѣетъ второстепенное значеніе, принадле-

1) См. В. Бартольдъ, *op. cit.*, стр. 93.

2) В. Бартольдъ, стр. 79.

жать ли они цѣликомъ знаменитому Эйнхарду, или подверглись лишь его обработкѣ, или, наконецъ, представляютъ собою независимый отъ него источникъ; для насъ важно мнѣніе о нихъ одного изъ лучшихъ знатоковъ каролингской эпохи, французскаго историка Моно, который говоритъ, что эта лѣтопись можетъ назваться „настоящимъ дневникомъ, дворцовыми новостями (Nouvelles du palais)“, — что, „когда повѣствователь присутствовалъ при церемоніи, которая живо поразила его воображеніе, какъ, напр., прибытіе подарковъ Харун-ар-Рашида въ 807 году, то онъ входитъ въ обстоятельныя подробности и немного оживляется“¹⁾.

Къ *Annales Laurissenses Majoeres* надо прибавить цѣлый рядъ другихъ лѣтописей, часто зависимыхъ отъ первыхъ. Изъ нихъ многія отмѣчаютъ лишь фактъ присылки слона.

Особнякомъ стоитъ знаменитое жизнеописаніе Карла, составленное его современникомъ Эйнхардомъ, который, положивъ себѣ за образецъ жизнеописанія римскихъ цезарей Светонія, задался цѣлью, въ память „заботъ Карла о немъ и его постоянной дружбы“, не дать „погибнуть во мракъ забвенія славной жизни и знаменитыхъ дѣяній Карла, едва-ли даже возможныхъ для людей нынѣшняго времени, — дѣяній наилучшаго и величайшаго въ эту эпоху короля“²⁾. Уже изъ этихъ словъ видно, что *Vita Karoli* Эйнхарда есть панегирикъ, что подтверждается также мѣстами, посвященными нашему вопросу; но, при помощи данныхъ другихъ источниковъ, мы въ этомъ случаѣ безъ большого труда можемъ отличить преувеличенія автора. Затѣмъ надо помнить, что наиболѣе важная для насъ шестнадцатая глава его жизнеописанія Карла представляетъ собою сводъ матеріала объ обмѣнахъ посольствами двухъ государей; поэтому факты, относящіеся къ отдѣльнымъ посольствамъ, у него соединены вмѣстѣ для общей кар-

1) См. G. Monod. *Etudes critiques sur les sources de l'Histoire Carolingienne*. Première partie. Paris, 1898, p. 128, 132 (Bibl. de l'École des Hautes Etudes. Fasc. 119). Кромѣ работы Моно, изъ новыхъ пособій см. А. Molinier. *Les sources de l'histoire de France*. I. Paris, 1901, p. 214 и 224—227 (№ 745); M. Manitius. *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. I. München, 1911, S. 646—647. Тамъ изложены результаты современнаго состоянія вопроса объ *Ann. Lauriss.* М. и указана литература, съ Ваттебахомъ во главѣ.

2) *Einhardi Vita Karoli*. Praefatio. Русскій переводъ у М. Стасюлевича, *Исторія среднихъ вѣковъ*. II. 3-е изд. С. Петербургъ, 1906, стр. 12.

тины, что, конечно, необходимо имѣть въ виду, когда приходится пользоваться даннымъ мѣстомъ ¹⁾.

Интересно, что въ весьма скоромъ времени, а именно въ сочиненіи Сангалленскаго Монаха „Gesta Karoli“, написанномъ между 884 и 887 годами, мы замѣчаемъ уже не мало анекдотическихкихъ и легендарныхъ чертъ относительно исторіи Карла Великаго.

Письма Алкуина, ближайшаго помощника Карла въ дѣлѣ насажденія просвѣщенія, и стихотворенія его современниковъ также даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу. Изъ агиографической литературы можно указать на Перенесеніе мощей св. Генесія и на мартирологъ архіепископа виеннскаго Адона.

Чудеса св. Генесія для насъ интересны предпосланнымъ имъ рассказомъ о перенесеніи его мощей. Этотъ фактъ связывается съ отправленіемъ перваго посольства Карла Великаго къ Харун-ар-Рашиду. Составлены чудеса св. Генесія въ первой половинѣ IX вѣка анонимнымъ монахомъ монастыря Reichenau, на Боденскомъ озерѣ, по порученію аббата монастыря Эрлебольда (822—838), и изданы Ваттенбахомъ и, отрывками, въ коллекціи Пертца ²⁾.

До сихъ поръ точно не установлено, о какомъ св. Генесіи здѣсь идетъ рѣчь. Есть предположеніе, что, можетъ быть, Генесій тождествененъ со св. Сенесіемъ (Синесіемъ), о которомъ также говорится, что мощи его были, только въ X вѣкѣ, перенесены въ Reichenau ³⁾. Самыя чудеса къ нашей темѣ отношенія не имѣютъ; но введеніе анонимнаго автора, налагающее исторію перенесенія мощей, носитъ историческій характеръ и

1) См., напр., вліяніе 16-й главы Эйнхарда на Poetae Saxoniae Annalium de Gestis Caroli Magni Imperatoris Lib. IV, vers. 82—91 (Poetarum latinorum medii aevi tomus IV pars prior, p. 48); на Liber de Sancti Hildulfi successoribus in Mediano monasterio, 3 (Pertz, IV, p. 88); на Willermi Tyrensis Historia, I, 3 (Recueil des Historiens des Croisades. Historiens occidentaux. I, 1, Paris, 1844, p. 13—15). У Вильгельма Тирскаго взяты изъ Эйнхарда двѣ главы, 16 и 27-я.

2) Wattenbach. Die Uebertragung der Reliquien des h. Genesius nach Schienen. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. XXIV (1871), Karlsruhe, S. 2, 5, 8—21 (текстъ). Его же. Deutschlands Geschichtsquellen. 7. Auflage. I, 1904, Stuttgart-Berlin, S. 283—284. Pertz. Mon. Germ. Hist. XV, 1, p. 169, 170 (текстъ).

3) См. Wattenbach. Die Uebertragung, S. 7. Pertz, XV, 1, p. 169, n. 1. Bibliotheca hagiographica latina. Ed. Socii Bollandiani. Bruxelles, 1898—1900, p. 496, 1098.

должно служить однимъ изъ хорошихъ подтвержденій разсказовъ франкскихъ лѣтописцевъ объ обмѣнѣ посольствами между Карломъ и Харуномъ; подобное значеніе введенія прианано теперь историческою наукою ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ мартирологу Адона.

Адонъ, изъ древней благородной фамиліи Зап. Франціи, былъ воспитанъ и сдѣлался монахомъ въ монастырѣ Ferggièges, извѣстномъ своими гуманистическими занятіями. Посѣтивъ Италію, гдѣ, именно въ Римѣ, онъ пробылъ пять лѣтъ и собралъ матеріалъ для своего мартиролога, Адонъ возвратился на родину и получилъ мѣсто священника въ Ліонѣ. Благодаря своей учености и особенно изданію мартиролога онъ въ 860 году былъ назначенъ на освободившуюся архіепископскую кафедру въ Ліонѣ, на которой и оставался до своей смерти въ 874 году. Его мартирологъ, имѣвшій цѣлью дополнить мартирологи Беды и Флора, сообщает не мало новаго и важнаго, на основаніи добытыхъ имъ въ Италиіи документовъ ²⁾. Наши спеціалисты по агиографіи также считаютъ мартирологъ Адона весьма важнымъ ³⁾. Написанъ онъ около 860 года ⁴⁾.

Адону же принадлежитъ краткая хроника отъ Адама до 869 года. Для нашей цѣли мартирологъ Адона и его хроника интересны разсказомъ, помѣщеннымъ въ мартирологѣ подь 17 іюля и 14 сентября, а въ хроникѣ подь 807 годомъ, о перенесеніи мощей мучениковъ Кипріяна, Сперата, Панталеона и другихъ, изъ Африки въ Ліонъ, послами Карла Великаго, возвращавшимися черезъ Африку на родину, какъ мы увидимъ ниже, въ 801 году. Самый фактъ перенесенія мощей св. Кипріяна изъ Африки во Францію, именно въ Ліонъ, врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Онъ

1) Wattenbach. Die Uebertragung, S. 7. Pertz, XV, 1, p. 169. Abel-Simson, II, S. 255, Anm. 2.

2) A. Ebert. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. II, Leipzig, 1880, S. 384—386. E. Dümmler. Das Martyrologium Notkers und seine Verwandten. Forschungen zur Deutschen Geschichte. XXV (1885), Göttingen, S. 200.

3) Арх. Сергія. Полный мѣсяцесловъ Востока. I. 2-е изд. Владимиръ, 1901, стр. 68—69.

4) Ebert, op. cit. II, S. 384—385. Molinier. Les sources de l'Histoire de France. I, Paris, 1901, p. 105—106 (послѣ 860 г.). Сергія, op. cit., стр. 68 (въ 858 г.).

засвидѣтельствованъ также лѳонскимъ діакономъ Флоромъ, умершимъ около 860 года¹⁾.

Объ отношеніяхъ Карла Великаго къ Палестинѣ есть упоминаніе и въ византійскихъ источникахъ, а именно у Константина Багрянороднаго.

Очень серьезнымъ подкрѣпленіемъ, съ моей точки зрѣнія, къ извѣстіямъ объ отношеніяхъ Карла Великаго къ восточному халифу служатъ краткія, къ сожалѣнію, данныя о сношеніяхъ съ восточнымъ халифомъ предшественника Карла Великаго, Пипина Короткаго, и его преемника, Людовика Благочестиваго; къ разбору этихъ двухъ вопросовъ мы теперь и приступимъ.

Вотъ что сообщаетъ намъ по первому вопросу единственный источникъ, одинъ изъ продолжателей Фредегарія Схоластика²⁾:

Въ 768 году, т. е. въ годъ своей смерти, Пипинъ получилъ извѣстіе о томъ, что отправленные имъ три года тому назадъ (т. е. въ 765 г.) къ сарацинскому государю Амормуни послы возвратились въ Марсилію (Марсель)³⁾; съ ними пріѣхало посольство отъ выше названнаго государя съ многочисленными подарками. Узнавъ объ этомъ, Пипинъ отправилъ въ Марсель своихъ посланцевъ, которые должны были съ почетомъ принять сарацинское посольство и доставить его на зимовку въ Метцъ (*usque ad Mettis civitatem*). Оттуда оно было вытребовано Пипиномъ въ замокъ Sellus⁴⁾, гдѣ находилась въ это время его супруга. Здѣсь произошелъ приемъ восточныхъ пословъ, преподнесшихъ Пипину по-

1) *Flori Lugdunensis Carmina. Poetae latini aevi carolini.* Ed. Dümmler. II, 1884, p. 544—545 (N XIII). Иногда это стихотвореніе неправильно печатается среди сочиненій Агобарда Лѳонскаго († 840). См. S. Agobardi Carmina. Migne. Patr. lat., 104, col. 349. См. A. Ebert, op. cit., II, S. 272. E. Dümmler. Die handschriftliche Ueberlieferung der lateinischen Dichtungen aus der Zeit der Karolinger. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. IV (1879), S. 263—264, 298. Ср. проф. Бартольдъ (стр. 70), который, повидимому, склоненъ исторію перевезенія мощей св. Кипріяна считать легендой; онъ не привлекъ къ своей работѣ ни Адона, ни Флора, а говоритъ о Киприанѣ лишь на основаніи работы Рено.

2) *Fredegarii Scholastici Continuationes*, стр. 134 (ed. B. Krusch. Hannoverae, 1888. Scr. rer. merovingarum, II, p. 191—192. Migne. Patr. lat., t. 71, col. 696). Я привожу цитаты по Migne, такъ какъ у него текстъ грамматически болѣе правильнъ.

3) *Nunclatum est regi* (т. е. Пипину), *quod missi sui quos dudum ad Amormuni regem Sarracenorum miserat, post tres annos ad Marsiliam reversi fuissent.*

4) *ad Sellus castrum ad se venire praecipit.*

дарки халифа. Въ свою очередь Пипидъ вручилъ подарки посламъ и приказалъ съ великимъ почетомъ доставить ихъ до Марсея. Отсюда сарадинскіе послы моремъ возвратились въ свою страну¹⁾.

Вотъ лѣтописное извѣстіе, точное, съ цѣлымъ рядомъ географическихъ именъ, съ хронологическими датами, не дающее никакого права сомнѣваться въ его правдивости. Къ сожалѣнію, въ восточныхъ источникахъ, поскольку эти источники мнѣ пока извѣстны, упоминанія объ этомъ обмѣнѣ посольствами нѣтъ; но, лишь на основаніи подобнаго умолчанія восточныхъ источниковъ, я не могу отвергать показанія западной хроники.

Итакъ, сношенія Пипина съ восточнымъ халифатомъ существовали. Халифомъ въ 765—768 г. былъ основатель Багдада ал-Мансуръ (754—775 г.), при которомъ, если не считать испанскихъ омайядовъ, халифатъ находился еще въ полной цѣлости. Амормуни западной хроники, конечно, есть титулъ халифа „эмиръ-ал-мумининъ“, т. е. правитель правовѣрныхъ. По словамъ источника, посольство употребило на путешествіе три года; это настолько значительный срокъ даже для того времени, который также указываетъ на далекій путь ко двору аббасидскаго халифа.

Указаніе на Марсель какъ на портъ, куда пріѣхали и откуда позднее уѣхали послы, съ моей точки зрѣнія, очень интересно. Трудно предполагать, что посольство сдѣлало все свое путешествіе моремъ, т. е. отъ береговъ Сиріи. Очевидно, оно шло по обычной сухопутной дорогѣ, черезъ Египетъ, вдоль сѣверной Африки, до Туниса²⁾, откуда уже и производилась переправа въ Европу; по крайней мѣрѣ, намъ это извѣстно относительно Испаніи. Арабскій географъ половины IX вѣка Ибн-Хордадбехъ говоритъ слѣдующее: „(Прежнее) имя Туниса — Кареагенъ; онъ расположенъ на берегу моря и окруженъ стѣною въ 21000 локтей; между Тунисомъ и Андалузіей (Испаніей) лежитъ море, ширина котораго въ этомъ мѣстѣ шесть парасанговъ³⁾. Далѣе (т. е.

1) *Sarraceni vero navali evectioe per mare redeunt ad propria.*

2) См. дорожникъ съ востока на западъ у Ибн-Хордадбега. *Ibn Khordādhbeh. Liber viarum et regnorum. Bibliotheca geographorum arabicorum, ed. de Goeje. VI, Lugd.-Bat., 1889, p. 72—87 (араб. текстъ); 53—63 (франц. пер).*

3) Повидимому, вмѣсто „парасанговъ“ здѣсь надо читать „дней.“ См. de Goeje, op. cit., p. 63, n. 1.

по совершении этого морского переезда) до Куртубы (Кордовы), столицы Испаніи, пять дней пути¹⁾. Я и думаю, что позднѣйшія сарацинскія посольства также шли этимъ путемъ до Туниса, а затѣмъ моремъ переправлялись въ Европу.

Посольство къ Пипину прибыло, очевидно, въ концѣ 767 года и было отправлено въ Мецъ на зиму. Въ замкѣ Sellus, подъ которымъ надо видѣть современный французскій городокъ Selles-sur-Cher, между Туромъ и Буржемъ²⁾, сарацинское посольство было принято Пипиномъ въ половинѣ апрѣля 768 года, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ въ этомъ году встрѣчалъ Пасху, падавшую на 10 апрѣля, именно въ замкѣ Selles³⁾.

О причинахъ выше упомянутыхъ сношеній ал-Мансура съ Пипиномъ источники молчатъ. Но эти причины понятны: обѣ стороны, особенно халифъ, были сильно обезпокоены усиленіемъ испанскихъ омайядовъ. Пипинъ чувствовалъ надвигавшуюся на него изъ-за Пиринеевъ опасность, съ которой пришлось уже столкнуться и Карлу Мартеллу. Восточный аббасидъ, не будучи въ состояніи помириться съ отпаденіемъ Испаніи, попытался въ 763—764 году силою вернуть ее подъ свою власть; но посланное имъ войско потерпѣло полное пораженіе около Севильи, и ал-Мансуръ послѣ этого видѣлъ въ Пипинѣ полезнаго для себя союзника⁴⁾. Испанскіе омайяды, такимъ образомъ, сыграли важную роль въ установленіи сношеній восточныхъ халифовъ съ франкскими государями, — ислама съ христіанствомъ.

1) Ibn-Khordādhbeh, p. 87 (63).

2) Pertz (I p. 146) сомнѣвался относительно отождествленія этого мѣста. Ср. A. Longnon. Géographie de la Gaule au VIe siècle. Paris, 1878, p. 575: Aussi n'hésitons-nous pas un instant à reconnaître le castrum Sellus dans Chantoceaux (Maine-et-Loire, arr. de Cholet, chef-lieu de canton).

3) Annales Laurissenses M. s. a. 768 (Pertz, I, 146): (Пипинъ) pascha celebravit in castra qui dicitur Sels. См. L. Oelsner: Jahrbücher des fränkischen Reiches unter König Pippin. Leipzig, 1871, S. 412. Для меня не совсѣмъ ясно, почему проф. Бартольдъ полагаетъ, что Пипинъ узналъ о прибытіи посольства и распорядился отправить его въ Мецъ послѣ февраля (стр. 81, пр. 2).

4) Этотъ взглядъ вообще принять въ исторической литературѣ. См., напр., Weil. Geschichte der Chalifen. II. Mannheim, 1848, S. 75—76. G. Richter und H. Kohl. Annalen des fränkischen Reichs im Zeitalter der Karolinger. Halle a. S. 1885 (Annalen der deutschen Geschichte im Mittelalter... v. G. Richter, II), S. 21 (подъ 765 r.). Lavissee. Histoire de France. II, 1. Paris, 1903, p. 278.

О сношеніяхъ Людовика Благочестиваго съ восточными арабами говорятъ также лишь западные источники: *Annales Bertiniani*, *Vita Hludowici imperatoris auctore anonimo* (Astronomo), *Annales Xantenses* и архіепископъ майнцскій Рабанъ Мавръ въ своемъ соч. „*De laudibus Sanctae Crucis*“¹⁾. Первые два источника сообщаютъ слѣдующее²⁾: Въ 831 году, когда Людовикъ Благочестивый находился въ Диденхофенѣ (in Theodonis villa), къ нему прибыли изъ-за моря, изъ Персіи, три посла отъ эмира правовѣрныхъ³⁾; изъ нихъ двое было мусульманъ, а одинъ христіанинъ. Явились они съ богатыми подарками, съ разнообразными благовоеніями и матеріями. Цѣлью ихъ посольства было просить у Людовика мира. Послѣдній далъ имъ просимый миръ и отпустилъ домой⁴⁾. *Annales Xantenses*, подъ 831 г., даютъ краткое упоминаніе: *Legati Sarracenorum venerunt ad imperatorem pacem confirmandam, et cum pace reversi sunt*⁵⁾. Архіепископъ майнцскій Рабанъ Мавръ (*Magnentius Hrabanus Maurus*, 784—856), въ своемъ сочиненіи *De laudibus S. Crucis*, при объясненіи къ приведенному у него изображенію Людовика Благочестиваго, замѣчаетъ: ему (т. е. Людовику) подносятъ драгоценнѣйшіе дары греки, также царства персовъ и другіе народы⁶⁾. Подъ персами въ данное время, какъ извѣстно, разумѣютъ восточныхъ арабовъ. Хотя имя халифа въ выше указанныхъ источникахъ и не дано, но слова Бертинскихъ лѣтописей, что послы пришли de Perside, позволяютъ думать, что здѣсь рѣчь идетъ о восточномъ халифѣ ал-Мамунѣ (813—833), современникѣ Людовика Благочестиваго⁷⁾. Проф. Бартольдъ говоритъ: „Для чего халифу Мамуну

1) Пр. Бартольдъ отмѣчаетъ лишь первые два источника (стр. 81).

2) *Annales Bertiniani*, s. a. 831 (Pertz, I, p. 424). *Vita Hludowici imperatoris*, s. a. 831 (Pertz, II).

3) *Ann. Bert.*: ad eum legati Amiralumminin de Perside venientes . . . *Vita Hlud.*: tres legati Sarracenorum a transmarinis venire partibus.

4) *Ann. Bert.*: pacem petiverunt; qua mox impetrata, reversi sunt. *V. Hlud.*: qui pace petita et accepta, remissi sunt.

5) Pertz, II, p. 225.

6) Nam gentes Graecorum dona pretiosissima illi deferunt, similiter et regna Persarum, nec non et caeterae gentes. *B. Rabani Mauri Archiepiscopi Mogunt. operum pars I. De laudibus S. Crucis. Migne. Patr. lat., t. 107, col. 144.* О Рабанѣ см. Manitius, *op. cit.*, S. 288—302. Ср. Сергій. Полный Мѣсяцесловъ Востока. I. 2 изд. Владиміръ, 1901, стр. 66—67.

7) Такъ думаетъ и большинство историковъ. См. E. Dümmler. *Geschichte des ostfränkischen Reiches*. I. Berlin, 1862, S. 68. B. Sim-

въ 831 году, во время побѣдоноснаго вторженія въ Малую Азію, понадобилось „просить мира“ у франковъ, совершенно непонятно¹⁾. Я думаю, посольство ал-Мамуна къ Людовику въ 831 году нельзя ставить въ связь съ успѣхами арабскаго оружія въ томъ же 831 году: посольство должно было уѣхать съ востока на западъ раньше этихъ побѣдъ въ виду дальности раастоянія; тѣмъ болѣе что побѣды арабовъ на востокъ въ 831 году начинаются лишь съ іюля мѣсяца; а въ первое полугодіе этого года византийскій императоръ Теофилъ дѣлаетъ удачный походъ подъ Тарсъ и Массису и получаетъ триумфъ въ Константинополѣ²⁾. Въ 831 году было лишь *confirmatio pacis*, какъ говорятъ *Annales Xantenses*, т. е. подтверждались мирныя, дружественныя отношенія, установленныя прочно при Карлѣ Великомъ. Людовикъ Благочестивый оставался вѣренъ въ этомъ отношеніи политикѣ своего отца. Онъ продолжалъ заботиться о Св. Землѣ и еще въ 826 году принялъ въ Ингельхеймѣ аббата съ Елеонской горы Доминика, стоявшаго во главѣ тамошней монашеской конгрегаціи съ 809 года³⁾. Когда же императоръ Теофилъ, уstraшенный своимъ пораженіемъ 838 года у малоазіатскаго города Аморія, отправилъ посольство къ Людовику Благочестивому съ просьбою произвести нападеніе на „нѣкоторые сарацинскіе мѣстности и города между Ливіей и Азіей“⁴⁾, чтобы тѣмъ самымъ отвлечь вниманіе халифа отъ Малой Азіи и раздробить его силы, то франкскій государь, оказавъ въ Ингельхеймѣ любезный приѣмъ византийскимъ посламъ, не пошелъ на встрѣчу ихъ просьбамъ о

1743 1001 47111

son. *Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig dem Frommen*. II. Leipzig, 1876, S. 11—12. Böhmner-Mühlbacher. *Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern*. Innsbruck, 1889, S. 321. Weil. *Geschichte der Chalifen*. II. Mannheim, 1848, S. 253.

1) Бартольдъ, стр. 81.

2) См. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византии и арабовъ за время аморійской династіи. С.-Петербургъ, 1900, стр. 87—95. J. B. Bury. *A History of the Eastern Roman Empire*. London, 1912, p. 254.

3) См. В. Simson. *Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig dem Frommen*. I. Leipzig, 1874, S. 255. R. Röhricht. *Geschichte des ersten Kreuzzuges*. Innsbruck, 1901, S. 4.

4) Genesius, ed. Bonn., p. 72: *καὶ τινὰς ἀποστρατήγων αὐτοῦ χωρῶν τε καὶ πόλεων τινὰς Σαρακηνικῶν τῶν μεταξύ Λιβύης καὶ Ἀσίας καταληΐσασθαι*. Здѣсь, можетъ быть, имѣлось въ виду нападеніе на Сирію или Египеть. См. Bury, *op. cit.*, p. 273.

помощи противъ восточнаго халифа, иными словами, остался вѣренъ традиціямъ своего отца¹⁾.

Итакъ, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ дѣйствительности сношеній между Пипиномъ Короткимъ и Людовикомъ Благочестивымъ съ арабскими халифами: сношенія перваго подготовили почву; сношенія втораго служили непосредственнымъ продолженіемъ и развитіемъ сношеній Карла Великаго.

Начало сношеній при Карлѣ относится къ 797 году, когда его послы, Лантфридъ, Сигимундъ и еврей Исаакъ, отправились, по приказанію Карла, къ багдадскому халифу²⁾. Цель этого посольства, по моему мнѣнію, совершенно правильно указана въ одной хроникѣ: послы должны были привезти Карлу слона (propter elephantum bestiam)³⁾. По всей вѣроятности, это посольство за слономъ и повело къ дальнѣйшимъ сношеніямъ двухъ государей.

Существуетъ преданіе, будто бы Харун-ар-Рашидъ прислалъ въ подарокъ Карлу рогъ изъ слоновой кости; восхищенный роскошью работы, онъ пожелалъ имѣть экземпляръ того животнаго, изъ зубовъ котораго можно дѣлать столь великолѣпные рога. Это обстоятельство будто бы и послужило главною причиною посольства. Конечно, это извѣстіе не имѣетъ историческаго значенія, такъ какъ до сихъ поръ не подкрѣплено свидѣтельствомъ надежныхъ источниковъ⁴⁾.

1) Васильевъ, *op. cit.*, стр. 146—147. Вугу, *op. cit.*, p. 273.

2) Подъ 797 г. лѣтописи не отмѣчаютъ никакого посольства; но подъ 801 г., говоря о возвращеніи еврея Исаака, замѣчаютъ, что онъ и его два умершіе въ пути товарища были отправлены Карломъ четыре года тому назадъ, т. е. въ 797 г. *Ann. Lauriss. M.*, s. a. 801: *Isaac Judaeum, quem imperator ante quadriennium ad memoratum regem Persarum cum Lantfrido et Sigimundo legatis suis miserat* (Pertz, I, p. 190). Тоже въ *Ann. Maximiani* (Pertz, XIII, p. 23). *Cp. Regino: tres annos et dimidium feruntur in via demorati fuisse. Wattenbach* въ *Zeitschr. für die Gesch. des Oberrheins*. 24, S. 4 (на основаніи рукописи съ чудесами св. Генезія).

3) *Chronicon Moissiacense*, s. a. 802: *Et in ipso anno venerunt missi ejus, quos miserat trans mare in Persida ad Amarmamoli regem Sarracenorum propter elephantum bestiam* (Pertz, I, p. 307). Отмѣчу кстати ошибку въ статьѣ Купера, который пишетъ, что словъ былъ посланъ Карлу Лысому: *elephantum quem Aaron rex Persarum dono misit Carolo Calvo. G. Cuperi De elephantis in nummis obviis exercitationes duae. Salengre. Novus thesaurus antiquitatum romanarum. III, Venetiis, 1735, I, c. VIII, col. 80.*

4) См. Н. Floss. *Geschichtliche Nachrichten über die Aachener Heiligthümer. Bonn, 1855, S. 166—167* (источникъ не указанъ).

Одно ясно, что послы Карла должны были просить у халифа слона ¹⁾).

Какимъ образомъ пришла Карлу мысль достать слона, сказать трудно. Можетъ быть, пылливый умъ его захотѣлъ воочію познакомиться съ невиданнымъ звѣремъ, о которомъ онъ, очевидно, не мало слышалъ.

Одно стихотвореніе его эпохи сообщаетъ намъ любопытныя свѣдѣнія: вообще объ интересѣ Карла къ животному міру.

„Недалеко отъ города расположенъ прекрасный паркъ и приятно зеленѣющая роща, гдѣ въ серединѣ, окруженные многочисленными стѣнами, находятся освѣжаемые ручьями луга. Разнообразныя птицы летаютъ кругомъ рѣки или сидятъ на берегу, разрывая клювами землю; они то вдали погружаются въ воду посрединѣ рѣки, то стремительно отъплываютъ къ берегамъ. У прибрежныхъ возвышенностей, въ длинной долинѣ и по красивымъ лугамъ пасется стадо оленей. То тамъ, то сямъ боязливо пробѣгаетъ маленькая лань: выбѣжавъ изъ лѣса, она чувствуетъ себя на свободѣ; повсюду скрываются въ этихъ лѣсахъ разнообразныя дикіе звѣри. И среди тѣнистыхъ садовъ самъ отецъ Карлъ, почтенный герой, постоянно занимается пріятными забавами на травѣ, преслѣдуетъ звѣрей собаками и трепещущими стрѣлами и укладываетъ рогатую толпу подъ темнымъ деревомъ ²⁾).

Одинъ историкъ замѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія, въ этомъ обширномъ паркѣ одинъ восточный гость провелъ большую часть своей европейской жизни: это былъ большой слонъ Абулабасъ ³⁾).

Почему Карлъ, захотѣвъ имѣть слона, отправилъ пословъ къ восточному халифу, т. е. такъ далеко, объяснить, я думаю, можно.

1) Einhardi Vita Karoli, 16: cum ei (т. е. Карлу) ante paucos annos... roganti mitteret elefantum. Ghr. Moissiacense, s. a. 802: missi ejus, quos miserat trans mare... propter elephantum bestiam (Pertz, I, p. 307). Miracula S. Genesii, c. 2: qui ab Aaron... elefantem expetebant. Wattenbach. Die Uebertragung... Zeitsch. für die Geschichte des Oberheins, 24 (1871), S. 10. Pertz, XV, I, p. 170.

2) Angilberti Carmina dubia. VI. Karolus Magnus et Leo Papa, vers. 137—152. Poetae latini aevi carolini. Rec. E. Dümmeler. I, Berlin, 1881, p. 369—370.

3) Th. Hodgkin. Italy and her invaders. VIII, Oxford, 1899, p. 127.

Еще въ дохристианское время слоны доставались изъ двухъ странъ: Африки и Индіи. Извѣстно, что они въ эллинистическую эпоху играли очень важную роль какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ торговлѣ, и на этой почвѣ сталкивались иногда интересы правительства и купцовъ. По мѣрѣ того, какъ Птолеми все интенсивнѣе организовывали охоту на слоновъ въ Троглодитикѣ, на западномъ берегу Краснаго моря, эти животныя удалялись все больше къ югу, такъ что въ первыя времена римской имперіи, а именно въ эпоху Нерона, они отодвинулись по Нилу настолько, что ихъ слѣды попадались лишь около Мерои. Только въ послѣ-діоклетіановскую эпоху, когда торговля ослабѣла, слоны снова стали попадаться въ сравнительно сѣверныхъ областяхъ¹⁾.

Замѣчу мимоходомъ, что на мозаикѣ, найденной на мѣстѣ древняго города Вейи, о которой я скажу подробнѣе ниже и которая, можетъ быть, относится ко II вѣку нашей эры, изображена нагрузка на корабль слона, принимаемаго нѣкоторыми учеными за слона именно африканскаго²⁾.

Во всякомъ случаѣ, въ Сѣверной Африкѣ въ IV вѣкѣ по Р. Х. слоны становились болѣе рѣдкими, и риторъ Θεμιστίѣ жалуется на исчезновеніе слоновъ изъ Либіи³⁾. Для насъ особенно интересно свидѣтельство севильскаго епископа VII вѣка Исидора, который, говоря о сѣверо-африканской провинціи Maugitania Tingitana, замѣчаетъ, что въ этой области водятся дикіе звѣри, обезьяны, драконы и страусы; нѣкогда же она изобиловала слонами, которыхъ теперь производитъ одна лишь Индія⁴⁾. Итакъ, уже въ VII вѣкѣ сѣверная Африка слоновъ не имѣла.

1) См. М. Хвостовъ. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта. Казань, 1907, стр. 6, 86, 276. См. также замѣчанія проф. М. Ростовцева въ его рецензіи на книгу Хвостова. Журн. Мин. Нар. Просв., окт. 1907, стр. 390—394.

2) См. Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. XXVII (1899), p. 670, note. Бартольдъ; стр. 84, пр. 2.

3) См. статью Elefant въ Pauly-Wissowa. Real-Encyclopädie. V, Stuttgart, 1905, Sp. 2256.

4) S. Isidori Hispalensis Episcopi Originum sive Etymologiarum libri XXI: L. XIV, 5, 12: (Mauritania Tingitana)... regio gignens feras, simias, dracones et struthiones, olim etiam et elephantis plena fuit, quos sola nunc India parturit. Migne. Patr. lat., t. 82, col. 511.

Что касается слоновъ изъ Индіи, то уже сирійскіе Селевкиды обращались за ними въ эту страну ¹⁾. Въ мусульманское время, по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству арабскаго писателя X вѣка Масуди, слоны очень цѣнились въ Индіи; они водятся, по его словамъ, въ этой странѣ и не живутъ въ дикомъ состояніи; ихъ употребляютъ для войны, и, сверхъ этого, они оказываютъ такія же услуги, какъ быкъ и верблюдъ ²⁾.

Итакъ, для эпохи Карла Великаго восточный халифъ былъ ближайшимъ государемъ, который могъ дать франкскому королю слона. Индійскіе цари посылали халифамъ слоновъ ³⁾. Арабскій писатель IX вѣка ал-Джахизъ († 869), въ своемъ сочиненіи „Книга животныхъ“, сообщаетъ, что у ал-Мансура (754—775), т. е. современника Карла, было сорокъ слоновъ; изъ нихъ двадцать самцовъ ⁴⁾. Затѣмъ, очень вѣроятно, что у простого смертнаго, а не у главы государства, слона и нельзя было достать. Извѣстно, на примѣръ, что какъ въ Римѣ, такъ и въ Индіи обладаніе слонами являлось исключительною прерогативою государей. Первымъ частнымъ лицомъ въ эпоху Римской имперіи, которое получило въ подарокъ слона, былъ будущій императоръ Авреліанъ ⁵⁾.

Для выполненія миссіи о слонѣ были избраны Карломъ, какъ мы видѣли выше, Лантфридъ, Сигимундъ и еврей Исаакъ. Последняго, я думаю, можно отождествить съ тѣмъ еврейскимъ купцомъ, посѣщавшимъ при Карлѣ довольно часто Святую Землю и привозившимъ оттуда „многіе драгоценныя и неизвѣстные предметы“, о которомъ рассказываетъ сангалленскій монахъ ⁶⁾. У него приведенъ относительно этого еврея анекдотическій раз-

1) Хвостовъ, *op. cit.*, стр. 276.

2) Maçoudî. *Les Prairies d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. III, Paris, 1864, p. 11. См. Бартольдъ, стр. 84.

3) См., напр., Maçoudî. *Les Prairies d'or*, VII, p. 127.

4) Джахизъ. *Китаб-ал-Хайванъ*. VII, Канъ, 1907 (1325), стр. 54. Ср. также Maçoudî. *op. cit.*, III, p. 18.

5) Fl. Vopisci Aurelianus, 5, 6: solusque omnium privatus Aurelianus elefanti dominus fuit (Scriptores Historiae Augustae). См. Pauly-Wissowa, V, 1905.

6) Monachi Sangallensis Gesta Karoli, I, 16: Quod sagacissimus Karolus deprehendens, praecipit cuidam Judeo mercatori, qui terram repromissionis sepius adire, et inde ad cismarinas provintias multa preciosa et incognita solitus erat afferre (Pertz, II, p. 737).

сказъ о томъ, какъ онъ, набальзамиривавъ простую мышъ и сказавъ одному епископу, будто онъ привезъ ее изъ Иудей, продать ему это „сокровище“ за полную мѣру серебра, а затѣмъ все рассказалъ Карлу ¹⁾. Оставивъ въ сторонѣ анекдотическую часть разсказа, мы можемъ видѣть въ этомъ еврейскомъ купцѣ ловкаго, хорошаго практика, близко знакомаго, благодаря своимъ частымъ путешествіямъ въ Палестину, съ Востокомъ ²⁾. Да и вообще, въ этомъ разсказѣ можно видѣть свидѣтельство о сношеніяхъ франкскихъ евреевъ съ Палестиной при Карлѣ Великомъ ³⁾. Такой человекъ, какъ Исаакъ, и нуженъ былъ Карлу, когда онъ рѣшилъ отправить посольство за слонѣмъ. Исаакъ, будучи знакомъ, конечно, съ арабскимъ языкомъ, служилъ переводчикомъ и могъ оказывать посламъ въ пути и при приобретеніи слона большія услуги ⁴⁾. Что касается мнѣнія, что онъ былъ посвященъ въ дипломатическія тайны Карла ⁵⁾, то оно не можетъ быть принято: по всей вѣроятности, никакой дипломатической миссиі данное посольство не выполняло ⁶⁾.

1) Ibidem.

2) Одинъ историкъ такъ характеризуетъ Исаака: *le juif Isaac, fils d'une race qui brave impunément les fatigues des voyages et la diversité des climats.* A. Vétault. Charlemagne. Tours, 1877, p. 413.

3) См. *Regesten zur Geschichte der Juden im fränkischen und deutschen Reiche bis zum Jahre 1273.* Bearb. von J. Aronius. VI (Schluss-) Lieferung. Berlin, 1902, S. 27, № 75.

4) См. Soetbeer. *Beiträge zur Geschichte des Geld- und Münzwesens in Deutschland.* Forschungen zur deutschen Geschichte. IV (1864), S. 319. Abel-Simson, *op. cit.*, II, S. 255. Richter-Kohl. *Annalen...* II, S. 150, Anm. b. О чисто дѣловой роли Исаака см. въ статьѣ *Die Juden im christlichen Abendland.* Preussische Jahrbücher, herausgeg. von R. Naum. VIII (1861), S. 33. Cp. *Regesten zur Geschichte der Juden.* VI, s. a, 797, S. 25, № 68.

5) См. H. Graetz. *Geschichte der Juden.* 2. Aufl. V, Leipzig, 1871, S. 196.

6) Отмѣчу, кстати, неточность у пр. Бартольда, который говоритъ: „Преданіе о посольствѣ Исаака сохранилось, повидимому, и въ еврейской литературѣ, хотя первоисточникъ этого преданія еще не вполне выясненъ“ (стр. 77—78); причѣмъ онъ ссылается, на основаніи книги Cassel'a, на еврейское сочиненіе Авраама Заккута (с. 78, пр. 1). Но ни у Авраама Заккута (соч. *Sefer Juhasin*, ed. Filipowski, p. 84), ни у D. Cassel (*Lehrbuch der jüdischen Geschichte und Literatur*, Leipzig, 1879, S. 279) ни слова не говорится объ Исаакѣ; а рѣчь идетъ объ ученомъ еврей Макарѣ, о чемъ я буду говорить ниже. Повидимому, въ еврейскихъ источникахъ объ Исаакѣ вообще не говорится. За сообщеніе о Заккутѣ я приному глубокую благодарность академику П. К. Коковцову.

Одновременно съ этимъ посольствомъ графъ изъ Тревизо въ Италиі Гебахардъ (Гебхардъ) отправилъ своихъ пословъ къ іерусалимскому патриарху съ просьбою переслать ему изъ Іерусалима въ Италию мощи свв. Генесія и Евгенія. Послами графа, какъ и слѣдовало ожидать въ виду подобной миссиі, были лица духовныя, пресвитеръ и діаконъ, которые, воспользовавшись посольствомъ Карла, дошли вмѣстѣ съ нимъ до Іерусалима, гдѣ и разошлись. Послы Карла отправились дальше; послы графа Гебахарда остались въ Іерусалимѣ и занялись переговорами съ патриархомъ о передачѣ имъ мощей. Причемъ, послы графа думали дожидаться въ Іерусалимѣ возвращенія отъ халифа пословъ Карла, чтобы снова вмѣстѣ пуститься въ обратный путь. Но, такъ какъ франкское посольство слишкомъ долго не возвращалось, а посланные графа, священникъ и діаконъ, уже получили отъ патриарха просимыя мощи, то они, не дожидаясь пословъ Карла, по всей вѣроятности, въ 800 году двинулись домой съ драгоценною ношею ¹⁾.

Дальнѣйшая исторія мощей свв. Генесія и Евгенія уже въ Европѣ насъ интересуетъ гораздо менѣе. Говоря кратко, одна часть мощей осталась въ монастырѣ около Тревизо, а другая часть, съ разрѣшенія папы Льва III, была перенесена на Боденское озеро въ имѣніе графа Скрота Skina (Schienon), гдѣ вскорѣ основанъ былъ монастырь, присоединенный позднѣе, при Людовикѣ Дитяти, къ монастырю Reichenaу ²⁾.

Изъ выше сказаннаго видно, что „Чудеса св. Генесія“ даютъ намъ драгоценное указаніе на то, что послы Карла за слономъ шли черезъ Іерусалимъ, т. е. слѣдовали по обычной дорогѣ

1) *Miracula S. Genesisii*, C. 2: Contigit etiam eodem in tempore, missos domni imperatoris Karoli id ipsum in iter directos fore, qui ab Aaron rege Saracenorum elephantem expetebant atque cum aliis muneribus quae Karolo transmisserat, quamvis longa mora interveniente, in Franciam detulerunt; nam quartum dimidium annum in via feruntur demorasse. Sed missi praefati comitis praesbiter et diaconus una cum illis Hierosolimam adventantes, reditum illorum, quia diu demorati sunt, praestolari non poterant... Wattenbach. Die Uebertragung... Zeitsch. für die Gesch. des Oberrheins XXIV, S. 10. Pertz, XV, 1, p. 170.

2) См. Wattenbach. Die Uebertragung, S. 2, 5. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen, 7. Auflage, 1904, I, S. 283—284. Pertz, XV, 1, p. 169—170.

вдоль сѣверной Африки ¹⁾). Это позволяетъ намъ взглянуть нѣсколько иначе на судьбу посольства Карла и на его значеніе для будущаго. Нослы Карла, отправленные со специальною миссіей достать слона, невольно, отчасти при содѣйствіи пословъ графа тревизскаго, въ Іерусалимѣ должны были познакомиться съ патриархомъ, бесѣдовать съ нимъ о Карлѣ и о его могуществѣ и т. д. Совершенно неожиданно характеръ миссії измѣняется и осложняется привнесеніемъ новыхъ элементовъ. Въ это время и завязались первыя серьезныя отношенія палестинскаго духовенства и палестинскихъ христіанъ съ монархіей Карла Великаго и позднѣе дали столь важныя результаты, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Конечно, безъ согласія халифа, владѣвшаго въ то время Палестиной, подобныя сношенія съ Карломъ завязаться и, главное, развиться не могли. Встрѣча пословъ съ Харун-ар-Рашидомъ произошла, по всей вѣроятности, не въ Багдадѣ, такъ какъ въ 797 г. онъ находился въ Раккѣ, откуда совершилъ походъ въ византійскіе предѣлы; въ концѣ того же года направился въ Мекку, а затѣмъ, вернувшись въ Ракку, повидимому, прожилъ тамъ слѣдующіе два года ²⁾).

Какъ бы тамъ ни было, уже въ 799 году ко двору Карла въ Ахенъ явился нѣкій монахъ изъ Іерусалима и передалъ франкскому королю отъ іерусалимскаго патриарха его благословеніе и въ видѣ подарка нѣкоторыя реликвіи отъ Гроба Господня ³⁾). Проведя праздникъ Рождества въ Ахенѣ, іерусалимскій монахъ въ началѣ 800 года былъ отпущенъ Карломъ ⁴⁾), который вмѣстѣ

1) См. Ibn-Khordadbeh, p. 78—80 (57—58).

2) См. Вартольдъ, op. cit., стр. 83.

3) *Annales Laurissenses M.*, s. a. 799: *Eodem anno monachus quidam de Hierosolimis veniens, benedictionem et reliquias de sepulchro Domini, quas patriarcha Hierosolimitanus domno regi miserat, detulit* (Pertz, I, p. 186). *Einhardi Annales* (Pertz, I, p. 187). *Ann. Maximiniani* (ib., XIII, p. 23). *Ann. Fuldenses* (ib. I, p. 352). *Ann. Lobienses* (ib. XIII, p. 230). *Reginonis Chronicon* (ib. I, p. 562). *Poeta Saxo. Annales de gestis Caroli Magni Imperatoris*. L. III, vers. 556—562 (*Poetarum latinorum medi aevi t. IV pars prior*, p. 44. *Mon. Germ. N.*). См. Abel-Simson, op. c., II, 203, n. 3.

4) *Einh. Ann. s. a. 799: Et rex natalem Domini in eodem palatio residens celebravit, ac monachum reverti volentem absolvens...* (Pertz, I, p. 187). *Poeta Saxo*, L. III, v. 563—565:

Rex quoque natalem domini celebravit in aula
Jam dicta, monachumque dehinc remeare volentem
Absolvit...

съ нимъ отправилъ въ Палестину своего дворцоваго священника Захарію съ крупною суммою денегъ и богатыми дарами для Святой Земли ¹⁾).

Между тѣмъ, въ Римѣ подготовлялось событіе міровой важности, — коронованіе Карла императорскою короною. Западная Европа получала свою имперію. Византийскій императоръ, какъ таковой, становился уже не единственнымъ императоромъ. 25 декабря 800 года коронованіе Карла въ Римѣ совершилось. Съ этого момента исторія уже имѣетъ дѣло въ восточную и западную римскими имперіями.

И вотъ, за два дня до этого торжества, т. е. 23 декабря ²⁾), въ Римъ прибылъ изъ Палестины уже извѣстный намъ священникъ Захарія, посланный туда въ началѣ этого 800 года Карломъ. Съ нимъ пріѣхали въ Римъ два палестинскихъ монаха, отправившихся съ Захаріей по велѣнію іерусалимскаго патріарха; одинъ изъ монаховъ былъ съ Елеонской горы, другой изъ лавры св. Савы. Іерусалимскіе монахи передали Карлу отъ имени патріарха благословеніе, знамя, ключи отъ Гроба Господня, отъ Гол-

1) Ann. Lauriss. M., s. a. 800: Rex absolutum Hierusolimitanum monachum reverti fecit, mittens cum eo Zachariam presbiterum de palatio sub, qui donaria ejus per illa sancta loca deferret (Pertz, I, p. 186) = Ann. Maxim. (ib., XIII, p. 23). Einh. Ann. s. a. 799 (ib., I, p. 187). Ann. Fuld (ib., I, 352). Ann. Lobienses (ib., XIII, p. 230). Chronicou Moissiacense, s. a. 801: Zacharias presbyter, quem antea rex cum multis donariis ad sepulcrum dominicum vel per alia loca sancta miserat illis partibus (ib., I, p. 305). Reginonis Chr. (ib., I, p. 562). Annales Altahenses Majores, s. a. 800 (Pertz, XX, p. 783). Poeta Saxo, l. III, v. 565—569: comitemque simul conjunxerat illi (т. е. монаху)

Zachariam, regalis erat qui presbiter aulae;
Per quem magna locis misit donaria sanctis
Atque viris inopem vitam ducentibus illic
Et mala perpressis mundi sub nomine Christi.

Ср. Einhardi Vita Karoli, c. 16: cum legati ejus, quos cum donariis ad sacratissimum Domini ac Salvatoris nostri sepulcrum locumque resurrectionis miserat... Herimanni Augiensis Chronicon, s. a. 800 (Pertz, V, p. 101). См. Abel-Simson, II, 203. Я говорю, что монахи и Захарія уѣхали отъ Карла въ началѣ 800 г., потому что хроники сообщаютъ, что самъ Карлъ, послѣ ихъ отъѣзда, уже въ серединѣ марта уѣхалъ изъ Ахена. См. Ann. Lauris. M., s. a. 800: Ipse (т. е. Карлъ) medio mense Martio Aquisgrani palatio digrediens... (Pertz, I, p. 186). Einh. Ann. (ib. p. 187) и др. лѣт.

2) Объ этой датѣ см. Abel-Simson, II, S. 231, n. 5 и 232, n. 2.

гоен, отъ самаго города Іерусалима и отъ горы Сіона¹⁾. Патриаршіе посланцы присутствовали на торжествѣ 25 декабря и оставались въ Римѣ до апрѣля 801 года, почти въ продолженіе всего пребыванія тамъ Карла. Новый императоръ благосклонно принималъ монаховъ, и только въ апрѣлѣ они, одаренные Карломъ, пустились въ обратный путь на родину²⁾. Самъ императоръ уѣхалъ изъ Рима въ Сполето 25 апрѣля³⁾.

Только что неложное путешествіе палестинскихъ монаховъ, какъ я уже раньше отмѣчалъ, могло совершиться лишь съ разрѣшенія халифа. Въ этомъ вопросѣ оказали на него влияніе и послы Карла, Ландфридъ, Сигимундъ и еврей Исаакъ.

Съ политической точки зрѣнія сношенія Харуна съ Карломъ вполне понятны. Восточный халифъ имѣлъ двухъ наиболѣе для

1) Одно житіе сообщаетъ, что іерусалимскій патриархъ прислалъ Карлу черезъ Захарію въ богатѣйшей оправѣ частную Живоворящаго Древа. *Vita S. Wilelmi mon. Gellonensis. Acta Sanctorum, Maii t. VI* (s. 28 maio), p. 805. Святой умеръ около 812 года.

2) *Ann. Lauriss. M., s. a. 800*: Eadem die (23 дек.) Zacharias cum duobus monachis, uno de monte Oliveti, altero de sancto Saba, de Oriente reversus Romam venit, quos patriarcha Hierosolimitanus cum Zacharia ad regem misit, qui benedictionis causa claves sepulchri dominici ac loci calvariae, claves etiam civitatis et montis eum vexillo detulerunt; quos rex benigne suscipiens, aliquot dies secum detenuit, et Aprilis mense remuneratos absolvit (*Pertz, I, p. 188*). *Einh. Ann. (ib., I, p. 189)*. *Chr. Moissiacense (ib., I, p. 305)*. *Ann. Loblienses (ib., XII, p. 230)*. *Ann. Althenses Majores: attulere vexillum, lanceam, duas tabulas duobus attramentariis scriptas, posituris (?) duas discretas, claves sepulcri Christi, de loco calvariae, monte Oliveti, de porta speciosa, quae ultro (?) porta (?) Petro aptabant ac omnia Carolo patefecerunt ad liberandum populum christianum (ib., XX, p. 783)*. *Simeonis Dunelmensis Historia de Gestis regum Anglorum, s. a. 800 (Monumenta Historica Britannica. I. Prepared by H. Petrie. London, 1848, p. 672) = Ann. Nordhumbri vetusti, s. a. 800 (Pertz, XIII, p. 156) = Willelmi Malmeaburiensis Gesta regum Anglorum, s. a. 800 (ib., X, p. 456—457)*: Similiter legati ab Hierosolimis a christianis populis ibi manentibus missi, Romanque venientes, vexillum argenteum inter alia munera regi ferentes, claveque locorum sanctorum dominicae resurrectionis aliorumque ei optulerunt, obnixе flagitantes, ipsorum esse susceptorem et defensorem. Rogabant eum, ut christianae religioni subdita coenobia conservaret, regeret ac defenderet et contra insurgentes gentes exurgeret bellica virtute et regali maiestate. Annuit benignissimus rex beatis precibus, qui ad se confluerant, et non solum se paratum esse ad devincendos inimicos in terra, verum etiam in mari, si necessitas compulisset (*ib., XIII, p. 156*). *Herimanni Augiensis Chronicon, s. a. 799 (ib., V, p. 101)*. *Orderici Vitalis Ecclesiastica Historia, VI, 3 (ed. Prevost, III, 1845, p. 8)*. См. *Abel-Simson, II, S. 233, Ann. m. 4*.

3) См. *Abel-Simson, II, S. 251*.

него опасных внѣшнихъ враговъ: испанскихъ омайядовъ и византийскихъ императоровъ. Съ года вступленія Харуна на престолъ, т. е. съ 786 г., по 800—801 годъ, о которомъ рѣчь идетъ теперь, арабы ежегодно нападали на византийскія владѣнія¹⁾.

Не забудемъ, что въ томъ же 800 году Харунъ вынужденъ былъ утвердить намѣстникомъ Ибрахима-ибн-ал-Аглаба, который сдѣлался фактически независимымъ правителемъ сѣверной Африки (Туниса). Одинъ историкъ замѣчаетъ: „Послѣ 800 г. аббасидскіе халифы не имѣли вліянія на области къ западу отъ Египта“²⁾.

У Карла были тѣ же враги. Съ испанскими арабами ему, какъ и его предшественникамъ, уже пришлось столкнуться. Съ Византіей были серьезныя затрудненія на берегу Адриатическаго моря, въ Истріи и Далмаціи, а особенно въ Италіи, въ виду сближенія папъ съ франкскими государями, что наносило сильнѣйшій ударъ византийскому вліянію на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Итакъ, сближеніе между Карломъ и Харуномъ было выгодно для нихъ обоихъ.

Первымъ показателемъ давняго сближенія явились тѣ привилегіи, которыя получилъ Карлъ въ Палестинѣ, въ пользу христіанскихъ паломниковъ и вообще христіанъ, жившихъ въ Святой Землѣ. Іерусалимскій патріархъ со всею готовностью обратился къ могущественному западному государю, который пользовался великимъ вліяніемъ у папы. Послѣдній былъ въ глазахъ патріарха главою истинной, непреложной вѣры. Раздѣленія церковей еще не было. Между тѣмъ, обаяніе православія Византіи, въ глазахъ іерусалимскаго духовенства, въ VIII вѣкѣ пало вслѣдствіе разразившейся тамъ бури иконоборческаго движенія, которое нашло столь ярыхъ противниковъ именно въ лицѣ римскихъ первосвященниковъ, выступившихъ на защиту чистоты православной вѣры. Поэтому, напр., по моему мнѣнію, не совсѣмъ правильнымъ является слѣдующее утвержденіе по

1) См. сводъ арабскихъ извѣстій у E. W. Brooks. *Byzantines and Arabs in the Time of the Early Abbasids*. The English Historical Review 1900 (oct.), p. 740—742.

2) S. Lane-Poole. *The Mohammedan Dynasties*. Westminster, 1894, p. 34. Ст. Ланъ-Пуль. Мусульманскія династіи. Пер. Варгольда. С.Петербургъ, 1899, стр. 27.

данному вопросу, будто бы патриархъ іерусалимскій обратился къ Карлу, такъ какъ восточно-римскій императоръ былъ слишкомъ слабъ и неспособенъ исполнять эту обязанность, т. е. защищать Св. Землю¹⁾.

Одинъ іерусалимскій архимандритъ XIX вѣка, Іоаннидисъ, высказываетъ даже такой взглядъ на отношенія Харун-ар-Рашида къ Карлу: Харун-ар-Рашидъ, будучи затрудненъ войнами съ византійской имперіей, боялся вмѣшательства христіанскихъ народовъ Европы въ дѣла Востока; чтобы уничтожить всякій предлогъ къ европейскому вмѣшательству въ дѣла Востока, онъ всѣми силами старался пріобрѣсти дружбу великаго государя Европы и для этого, среди другихъ подарковъ, если нужно намъ вѣрить его біографу Эгинарду, послалъ ему ключи храма Св. Гроба²⁾.

Харун-ар-Рашидъ былъ уже самъ по себѣ въ религиозномъ отношеніи государемъ терпимымъ. Есть, правда, нѣсколько извѣстій о мѣрахъ халифа противъ христіанъ, какъ напр., о его указахъ о разрушеніи церквей въ пограничной съ Византіей области, о гоненіи на христіанъ, распространившемся будто-бы до Іерусалима³⁾. Но это были лишь случайныя, недолговременныя вспышки; а „затѣмъ все пошло по старому, и принятые противъ христіанъ ограничительныя мѣры были отмѣнены или же не стали примѣняться“⁴⁾.

Разсказъ же о томъ что Харунъ, во время похода на Кипръ, велѣлъ обезглавить византійскаго стратига Теофила за то, что послѣдній, не смотря на всѣ увѣщанія, не согласился отречься отъ христіанства и не принять мусульманства, относится къ первымъ годамъ правленія халифа⁵⁾.

1) A. Ostermann. Karl der Grosse und das byzantinische Reich. Luckau, 1895, S. 10.

2) Β. Ἰωαννίδης. Προσχυνητάριον τῆς Ἀγίας Γῆς. I. Ἡ Ἀγία Πόλις Ἱερουσαλήμ καὶ τὰ περὶ αὐτῆς. Ἐν Ἱεροσολύμοις, 1877, σ. 147.

3) См. Бартольдъ, стр. 92.

4) Мѣдникъ. Палестина отъ завоеванія ея арабами. Исслѣдованіе источниковъ. I, С.Петербургъ, 1902, стр. 760.

5) Theophanis Chronographia, ed. de Boor, p. 465. О религиозной терпимости Харуна см., между прочимъ, довольно слабую статью F. Görges. Der Khalif Harun al Raschid und das Christentum. Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. B. 32 (1889), S. 74—76; о мученичествѣ Теофила, S. 79—83.

Но терпимость Харуна, тѣмъ не менѣе, не спасала палестинскія святѣни отъ нападеній мало признававшихъ власть халифа бедуиновъ. Незадолго до начала сношеній Палестины съ Карломъ, лаврѣ св. Савы пришлось пережить тяжелое время. Въ 796 году окрестные бедуины напали на лавру, разграбили ее, а затѣмъ, взявъ приступомъ, произвели среди монаховъ страшное избиеніе; двадцать изъ нихъ погибли въ пламени или потерпѣли иную мученическую кончину¹⁾.

Не смотря на то, что во время торжества 25 декабря 800 г. все вниманіе было сосредоточено на Карлѣ и папѣ Львѣ III, однако присутствіе далекихъ гостей, палестинскихъ монаховъ, не прошло совершенно незамѣченнымъ; ихъ миссіи уже современники придавали извѣстное значеніе. Алкуинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ аббатиссѣ Гизалѣ (Гизелѣ), сестрѣ Карла, сообщаетъ слѣдующее: „Письмо, которое ты мнѣ послала, я съ благодарностью получилъ, вознося Богу благодареніе за возвеличеніе превосходнѣйшаго господина моего Давида (т. е. Карла), за благоденствіе апостольскаго мужа (т. е. Льва III) и за почтенное посольство изъ святого города, гдѣ Спаситель нашъ удостоился искупить міръ своею кровью и увѣнчаться и возвеличиться славою Воскресенія и Вознесенія“²⁾. Какъ видно, Алкуинъ въ своемъ письмѣ оцѣниваетъ прибытіе палестинскихъ монаховъ на ряду съ величіемъ Карла и благоденствіемъ папы.

Само собою разумѣется, что въ фактѣ передачи монахами Карлу ключей не заключается никакой передачи въ его руки фактической власти надъ Святой Землей, о чемъ говоритъ панегиристъ Карла Эйнхардтъ. По словамъ послѣдняго, „Ааронъ (т. е.

1) См. Vailhé. Saint Michelle Syncelle et les deux frères Grapti, Saint Théodore et Saint Théophane. Revue de l'Orient chrétien VI (1901), p. 316.

2) Litteras vero, quas direxisti mihi, benigne suscepi, gratias Deo agens de exaltatione excellentissimi domini mei David et de prosperitate apostolici viri et de legatione honesta sanctae civitatis, in qua salvator noster mundum suo sanguine redemere dignatus est et gloria resurrectionis ascensionisque coronari et exaltari. Alcuini Epistola 214 (по изд. Дюммлера) и 159 (по изд. Jaffé). Epistolae Karolini aevi. II. Berolini, 1895, p. 358. Я не знаю, почему Ранке, на основаніи этого письма, говоритъ: Alkuin meinte eine Huldigung der Einwohner von Jerusalem zu erblicken. Ranke. Weltgeschichte. V, 2, S. 202.

Харунъ) не только разрѣшилъ то, о чемъ его просили, но и уступилъ во власть Карла это святое и спасительное мѣсто¹⁾.

Какъ извѣстно, эта фраза вызывала большіе споры, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ будто бы объ уступкѣ Карлу халифомъ Святой Земли, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не было. Эйнхарда обвиняли въ намѣренномъ искаженіи фактовъ и въ непремѣнномъ желаніи, во что бы то ни стало, возвеличить славу своего героя. Родъ интереснѣйшаго объясненія къ этому мѣсту Эйнхарда даетъ историкъ XII вѣка Гуго Флерійскій, сочиненія котораго въ свое время пользовались удивительнымъ успѣхомъ²⁾. Въ свою „Церковную исторію“ онъ взялъ изъ Эйнхарда наше мѣсто, но въ такой редакціи: „Ааронъ не только разрѣшилъ то, о чемъ его просили, но и уступилъ во власть Карла храмъ св. Маріи Латинской“³⁾, т. е., другими словами, отдать въ распоряженіе Карла извѣстную церковь Маріи Латинской, построенную при самомъ Карлѣ, о чемъ рѣчь будетъ ниже. У Эйнхарда мы читаемъ „sacrum illum et salutarem locum“, а у Гуго „sacrum sanctae Mariae Latinae locum“. Можетъ быть, у Эйнхарда и надо видѣть лишь намекъ на храмъ Маріи Латинской. Тогда не будетъ у Эйнхарда и преувеличенія.

Фактъ передачи ключей имѣетъ лишь значеніе оимвола, хорошо знакомаго исторіи того времени. Папа Григорій III послалъ ключи отъ гроба св. Петра Карлу Мартеллу. Папа Левъ III, тотчасъ же послѣ своего избранія, отправилъ Карлу также ключи отъ гроба св. Петра и знамя города Рима. Въ 787 году вали испанскаго города Оски (Huesca), Хассанъ, передалъ Карлу черезъ своихъ пословъ ключи отъ города съ обѣщаніемъ при болѣе благоприят-

1) Einhardi V. Karoli, c. 16: (Харунъ) non solum quae petebantur fieri permisit, sed etiam sacrum illum et salutarem locum, ut illius (т. е. Карла) potestati adscriberetur, concessit. Изъ Эйнхарда Poeta Saxo. Annales... L. IV, vers. 90—91: Ascribique locum sanctum Hierosolimorum. Concessit propriae Caroli semper dicioni (Мон. G. H. Poet. Lat. medii aevi t. IV, p. prior, p. 48). См. также Annales Quedlinburgenses, s. a. 802: Aaron rex Persarum Ierosolymam subiecit Carolo. (Pertz, III, p. 40).

2) См. о Гуго Флерійскомъ у Molinier. Les sources de l'histoire de France. II, Paris, 1902, p. 308, № 2191, гдѣ указана и литература о немъ.

3) Hugo Floriacensis Historia ecclesiastica (Pertz, IX, p. 361): Non solum quae petebantur fieri permisit, sed etiam sacrum sanctae Mariae Latinae locum ut illius potestati adscriberetur concessit.

ныхъ обстоятельствахъ сдать его ¹⁾. Изъ болѣе поздняго времени интересно отмѣтить путешествіе іерусалимскаго патріарха Ираклія въ 1184—1186 году, уже въ латинскую эпоху, въ Парижъ и Лондонъ съ просьбою отъ имени короля Балдуина IV собрать крестовый походъ. Патріархъ преподнесъ французскому королю ключи отъ Іерусалима и Св. Гроба, а английскому королю ключи отъ бапти Давида, а также отъ Св. Гроба ²⁾.

Передача Карлу палестинскими монахами ключей отъ Святыхъ Мѣстъ и знамени Іерусалима означала то, что онъ, съ разрѣшенія халифа, получалъ право покровительства палестинскимъ христіанамъ, паломникамъ, получилъ возможность строить для нихъ больницы, страннопріимныя дома, новыя церкви. Поэтому нельзя говорить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки, что Карлъ получилъ „нѣкоторое верховенство“ надъ Іерусалимомъ ³⁾. Верховная власть всецѣло оставалась въ рукахъ халифа.

Во всякомъ случаѣ, подобный дипломатическій успѣхъ Карла на Востокѣ долженъ былъ сыграть свою роль въ рождественскомъ событіи 800 года.

О дѣятельности Карла на пользу христіанства вообще и палестинскихъ христіанъ въ частности и о значеніи ея я поговорю нѣсколько ниже.

Мы знаемъ, что послѣ коронаціи императоръ уѣхалъ изъ Рима 25 апр. 801 года, направляясь въ Ахенъ. Черезъ Сполето, Равенну и область Болоньи онъ въ началѣ іюня прибылъ въ Павію ⁴⁾. Здѣсь императору было сообщено, что въ гавань Пиаву прибыли послы Харун-ар-Рашида. Отправивъ къ нимъ на встрѣчу своихъ людей, онъ сталъ продолжать свой путь, направля-

1) Abel-Simson, II, S. 111—113, 202—203.

2) См. Röhricht. Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100—1291). Innsbruck, 1898, S. 412—413.

3) См., напр., Hergenröther. Photius. I. Regensburg, 1867, S. 696: eine gewisse Oberhoheit. Hefele. Conciliengeschichte. III. 2. Aufl. Freiburg im Breisgau, 1877, S. 750; то же и во франц. переводѣ Hefele. Histoire des Conciles... trad. par Dom H. Leclercq. II (2), Paris, 1910, p. 1127: une sorte de suzeraineté. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. III, Kiel, 1860, S. 169: damit trat die Stadt in der der Heiland gewandelt und gelitten gewissermassen unter seine Herrschaft. См. также Vétault. Charlemagne, p. 413: (послы Карла) à qui la cession de la Palestine avait été faite.

4) См. Abel-Simson, II, S. 251—254.

ясь на сѣверо-западъ къ городу Верцеллы. Оказалось, что изъ восточныхъ пословъ одинъ былъ отъ Харун-ар-Рашида, или, какъ выражается источникъ, „персъ съ Востока, посолье выше названнаго государя“; другой же былъ отъ сѣверо-африканскаго независимаго правителя Ибрахим-ибн-ал-Аглаба, жившаго въ Фоссатъ¹⁾. Послы нагнали Карла, который принялъ ихъ между Верцеллами и Ивреей (Ivrea)²⁾. Они довели до свѣдѣнiя императора, что еврей Исаакъ, отправленный имъ на востокъ четыре года тому назадъ за слономъ, возвратился съ богатыми подарками и со слономъ³⁾, но остался въ Африкѣ, повидимому, у Ибрахим-ибн-ал-Аглаба; спутники же его, послы Карла, Лантфридъ и Сигимундъ, умерли во время путешествiя. Услышавъ объ этомъ, императоръ послалъ на лигурiйское побережье своего нотарiя (канцлера) Эрманвальда, чтобы онъ снарядилъ корабли для перевозки изъ Африки слона и другихъ прибывшихъ съ востока подарковъ; а самъ, проведя Ивановъ день (24 iюня) въ Иврей, отправился черезъ Альпы, а именно

1) Ср. фантази V é t a u l t, op. cit., p. 412—413: посолье Ибрахима, идриситскаго эмира изъ Феца, которому было поручено дать отчетъ Карлу о мѣрахъ, принятыхъ, по его просьбѣ, въ интересахъ африканскихъ христіанъ. Тоже у Ch. de la Roncière. La civilisation maritime au IX-e siècle. Le Moyen Age. 2-e série, t. I (1897), p. 211: les envoyés d'Ibrahim, émir édrissite de Fez.

2) Апп. Lauriss. (Einh. Апп.) s. a. 801: Ibi nuntiatur ei, legatos Aaron (Amir-almumminin), regis Persarum, portum Pisas intrasse; quibus obviam mittens, inter Vercellos et Eporediam (= Ivrea) eos sibi fecit praesentari. Unus enim ex eis erat Persa de Oriente, legatus praedictique regis — nam duo fuerant — alter Sarracenus de Africa, legatus Amirati Abraham, qui in confinio Africae in Fossato praesidebat. Апп. Махиминiани извращаютъ Ann. Lauriss.: Aaron Persa legatus Amirat-mumilin venit et legati Mirati Abraham, qui in Africa praesidebat (Pertz, XIII, p. 29). Ср. Monach. Sangall., II, 9: venerunt quoque ad eum legatarii regis Afrorum, deferentes leonem Marmaricum ursumque Numidicum cum ferrugine Hibera Tyrioque murice et caeteris earundem regionum insignibus (ib. II, p. 752). Изъ Ann. Lauriss. взялъ свой рассказъ о прибытiи слона Ademarus Sabaudensis († 1034). Ademar de Chabannes. Chronique, publ. par J. Chavanon. Paris, 1897, p. 92. Городъ Фоссатъ отождествлялся учеными различно: неудачный Фець у Pertz'a; Аббасiя, выстроенная лишь въ 801 г.; Fostat prae Kahiram. См. Abel-Simson, II, S. 255, n. 1.

3) Гретцъ говоритъ, что у Исаака было отвѣтное посланiе халифа (H. Graetz. Geschichte der Juden. V, 2 Aufl., Leipzig, 1871, S. 196). Но объ этомъ источникъ не упоминаетъ.

черезъ Большой Саябернардскій переваль¹⁾, въ Галлію, въ Ахень, гдѣ въ этомъ году онъ встрѣтилъ Рождество²⁾.

Между тѣмъ, еврей Исаакъ, нагруживъ слона и подарки на присланныя Карломъ въ Африку, очевидно, въ Тунисъ, суда, пустился въ путь черезъ Средиземное море прямо на сѣверъ и въ октябрѣ 802 года прибылъ въ Портовенере (Portus Veneris-Portovenere), на южной оконечности залива Специи, противъ островка Пальмарин (Isola Palmaria)³⁾, гдѣ высадился и откуда уже сухимъ путемъ направился дальше къ сѣверу, держа путь ко двору Карла въ Ахень. Но въ виду наступленія зимняго времени, не рискуя переваливать со слономъ заваленные снѣгомъ Альпы, Исаакъ остался на зимовку въ Верцеллахъ⁴⁾. Очевидно, путь съ такимъ необычнымъ багажомъ былъ не легокъ, потому что лишь 20 іюля 802 года Исаакъ со слономъ и прочими подарками халифа прибылъ въ Ахень и предсталъ передъ императоромъ⁵⁾.

Это же возвратившееся посольство, вѣроятно, съ разрѣшенія аглабитскаго эмира Ибрахима, перевезло во Францію изъ

1) См. E. Oehlmann. Die Alpenpässe im Mittelalter. Jahrbuch für schweizerische Geschichte. III, Zürich, 1878, S. 242. Авторъ ошибается, утверждая, что Карль провелъ Рождество въ Иврѣ, и поэтому напрасно удивляется тому, какъ императоръ не испугался переваливать черезъ Альпы въ зимнюю пору. См. Th. Hodgkin. Italy and her invaders. VIII, Oxford, 1899, p. 198.

2) Ann. Lauriss. (Einh. Ann.), s. a. 801 (Pertz, I, p. 190). Ann. Maxim. s. a. 801 (Pertz, XIII, p. 23). См. Abel-Simson, II, S. 255—257.

3) A. Vétault (Charlemagne, Tours, 1877, p. 413) все путаетъ, говоря, что слонъ былъ выгруженъ на генуэзскомъ побережьѣ, въ Port-Vendres!! Последняя гавань, какъ извѣстно, находится въ Южной Франціи, на Средиземномъ морѣ, около испанской границы.

4) Ann. Lauriss. (Einh. Ann.), s. a. 801: Ipsius anni mense Octobrio Isaac Judaeus de Africa cum elefanto regressus, portum Veneris intravit; et quia propter nives Alpes transire non potuit, Vercellis hiemavit (Pertz, I, p. 190). Ann. Max., s. a. 801: et Isaac mense Octobris venit (Pertz, XIII, p. 23).

5) Ann. Lauriss., s. a. 802: Ipsius anni mense Julio, 13. Kalend. Augusti, venit Isaac cum elefanto et caeteris muneribus, quae a rege Persarum missa sunt, et Aquisgrani omnia imperatori detulit (Pertz, I, p. 190) = Reginonis Chr. (ib., I, p. 563). Ann. Fuldenses, s. a. 802 (ib., I, p. 353). Chr. Moissiacense, s. a. 802 (ib. I, p. 307). Miracula S. Genesii; (Послы) qui ab Aaron rege Saracenorum elefantam expetebant atque cum aliis muneribus quae Karolo transmiserat quamvis longa mora interveniente, in Franciam detulerunt (Wattenbach въ Zeitschr. für die Gesch. des Oberrheins, 24 (1871), S. 10. Pertz, XV, p. 170, C. 2).

разрушеннаго Картегена мощи св. Киприана и такъ называемыхъ двѣнадцати *Martyres Scillitani*, а также голову св. Панталеона. Обрадованный Карлъ, до окончанія большого храма для мощей, приказалъ ихъ хранить въ Арль; но затѣмъ лионскій епископъ испросилъ императорское разрѣшеніе на перевезеніе мощей въ Лионъ, гдѣ онѣ были положены въ храмъ Іоанна Крестителя и св. мученика Стефана. 1).

Само собою разумѣется, на современниковъ Карла наибольшее впечатлѣніе во всемъ этомъ посольствѣ произвелъ слонъ. Западная Европа, повидимому, со временъ Ганнибала никогда до тѣхъ поръ не лицезрѣла громаднаго животного, которое, „будучи впервые приведено изъ далекихъ странъ, представило удивительное зрѣлище для государства франковъ“ 2); Цѣлый рядъ хроникъ, не говоря ни о другихъ посольствахъ, ни о палестинскихъ отношеніяхъ, упоминаютъ лишь о прибытіи слона, иногда отмѣчая другіе подарки, иногда же умалчивая и о нихъ 3). Лѣтописи сохранили намъ имя слона; его звали

1) S. Adonis Archiepiscopi Viennensis Martyrologium, подь 17 іюля и 14 сент. Migne. Patr. lat., 123, coll. 303—304 (перечислены 12 мучениковъ Scillitani); 355—356 (подробный разсказъ, начало котораго, важное для опредѣленія времени перенесенія мощей, приведено ниже при разсказѣ о возвращеніи къ Карлу еврея Исаана со слономъ). Adonis Chronicon (Pertz, II, p. 320; у него невѣрно отнесено это событіе къ 807 году). Flori Lugdunensis Carmina. XIII. Poetae latini aevi carolini, rec. E. Dümmler. II, 1884, p. 544—545 (это стихотвореніе, какъ уже отмѣчено выше, иногда невѣрно печатается среди сочиненій Агобарда Лионскаго). Описаніе раки въ Лионѣ, въ которой хранились мощи св. Киприана, см. у того же Флора, XIV (ib., p. 546). Sigiberti Chronica, s. a. 802 (Pertz, VI, p. 336). Дюммлеръ неправильно относитъ перенесеніе къ 807 году. E. Dümmler. Das Martyrologium Notkers und seine Verwandten. Forschungen zur deutschen Geschichte. XXV (1855), S. 200. Cp. Amari Storia dei Musulmani di Sicilia. I, Firenze, 1854, p. 147. Abel-Simson (II, S. 256, n. 1) не вѣрять разсказу и безъ должныхъ основаній считаютъ его легендарнымъ.

2) Poeta Saxo, l. IV, vers. 79—82 (Mon. G. H. Poet. lat. medii aevi t. IV, pars prior, p. 48):

Hoc de longinquis elephas regionibus anno
Primitus adductus, mira spectacula regno
Francorum; dederat Persarum denique princeps
Hunc Aaron...

3) Sub. a. 802: (Съ подарками). Ann. Fuld. (Pertz, I, p. 353). Ann. Lauriss. Minores (ib., I, p. 120, § 34). Ann. Weissemburgensea

Абу-л-Аббасъ¹⁾. Одна хроника, не упоминая вообще ни словомъ о всемъ томъ, чѣмъ мы занимаемся въ настоящей работѣ, лаконично замѣчаетъ подь 802 годомъ: „И въ этомъ году прибылъ во Францію слонъ“²⁾. Привезенный слонъ давалъ даже матеріалъ для критической работы. Такъ, современникъ Карла, ирландецъ Дикуиль, переселившійся во Францію подобно многимъ другимъ своимъ соотечественникамъ и жившій, можетъ быть, при дворѣ Карла въ роли учителя грамматики, написалъ въ 825 году небольшое географическое сочиненіе „Liber de mensura orbis terrae“³⁾. Въ немъ онъ упрекаетъ Юлія Солина, автора компилятивнаго труда „Collectanea rerum memorabilium“, въ томъ, что тотъ, „повѣствуя о Германіи и островахъ ея и упоминая о слонѣ, ошибочно утверждаетъ, что слонъ никогда не ложится; слонъ, навѣрное, лежитъ подобно быку, что всѣ люди франкскаго государства наблюдали на слонѣ во время императора Карла“⁴⁾. Слонъ сопровождалъ императора въ его походахъ. По крайней мѣрѣ,

(ib., III, p. 40). Ann. Lamberti (ib., III, p. 40). Ann. Ottenburani (ib., V, p. 2; s. a. 801). Ann. Lobenses (ib., XIII, p. 230). Sigeberti Chronica (ib., VI, p. 336). Одною слона упоминаютъ: Ann. Quedlinburgenses (ib., III, p. 40). Ann. Sithienses (ib., XIII, p. 37). Ann. Alahenses Majoris (ib., XX, p. 784).

1) Abulabaz: Ann. Lauriss. M. (ib., I, p. 190). Ann. Ottenburani (ib.). Ann. Lob. (ib.). У Регинона Ambulator (ib., I, p. 563); можетъ быть, у него не Ambulator, а Amhulat. См. Abel-Simson, II, S. 283, n. 2. Обычай давать имена слонамъ былъ довольно извѣстенъ. Въ Римѣ давали имъ имена героевъ или обыкновенныхъ смертныхъ, напр., Аяксъ, Патроклъ, Никей (Pauly-Wissowa, V, Sp. 2257). Имена слоновъ, если не считать даннаго Абу-л-Аббаса, также встрѣчаются на Востоку въ халифатѣ. См., напр., Maçoudi. Les Prairies d'or, I, p. 379: имя одного слона Manfaraklas, имя другого — Haïdarah.

2) Ann. Laureshamenses (Lorsch): Et eo anno pervenit elefans in Francia (Pertz, I, p. 39, s. a. 802).

3) См. о немъ Manitius. Gesch. der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1911, S. 647 sq.

4) Dicuil Liber de mensura orbis terrae. Nunc primum in lucem editus a C. A. Walckenaer, Parisiis, 1807, p. 37; ed. G. Parthey, Berolini, 1870, p. 55: Sed idem Julius nuntiando de Germania insulisque ejus, unum de Elephantibus mentiens, falso loquitur dicens, Elephantem nunquam jacere: dum ille sicut Bos certissime jacet; ut populi communiter regni Francorum Elephantem, in tempore imperatoris Karoli, viderunt. См. A. Letronne. Recherches géographiques et critiques sur le livre De mensura orbis terrae, composé en Irlande au commencement du neuvième siècle par Dicuil, suivies du texte restitué. Paris, 1814, p. 48 (текстъ), 150—152 (объясненія). См. C. Julii Solini Collectanea rerum

въ 810 году, когда Карлъ выступилъ въ походъ на сѣверъ, въ страну Фрисавъ, слонъ былъ съ нимъ. Карлъ, перейдя Рейнъ у Липпехама ¹⁾, остановился, поджидая еще не собравшіяся войска. Въ это время, можетъ быть, вслѣдствіе эпидеміи на скотъ, которая, по указаніямъ хроникъ, разразилась въ 810 году, въ Липпехамъ внезапно покончилъ свое земное существованіе „посланный царемъ сарацинскимъ Аарономъ слонъ“ Абу-л-Аббасъ ²⁾. Смерть слона относится лѣтописями къ тѣмъ важнымъ событіямъ, бѣдствіямъ, знаменіямъ и т. д., которыя особенно были часты въ 810—812 годахъ ³⁾. Насколько смерть слона казалась тогда знаменательнымъ фактомъ, можно судить по замѣткамъ лѣтописей, которыя дѣлаютъ слѣдующее характерное сопоставленіе: въ томъ же году, когда умеръ слонъ, скончался 8 іюля король Италіи Пипинъ ⁴⁾. Тоже самое мы читаемъ въ другомъ мѣстѣ: и король Пипинъ, сынъ императора, скончался, и знаменитый слонъ, котораго Ааронъ прислалъ императору, внезапно умеръ ⁵⁾. Такова была судьба этого рѣдкаго гостя на далекомъ сѣверо-западѣ Европы. Показаніе Эйнхарда въ его панегирикѣ Карлу,

memorablem, 20,7. Iterum recensuit Th. Mommsen. Berolini, 1895, p. 97: Gangavia insula e regione Germaniae mittit animal quale alic, sed cujus suffragines ut elephantis flecti nequeunt: propterea non cubat, cum dormiendum est.

1) Lippedah часто неправильно отождествляютъ съ Везелемъ. Lippedah лежалъ между современными Bislich и Flüren, при впаденіи рѣки Липпе въ Рейнъ. См. S. Abel. Jahrbücher des fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen. I, Berlin, 1866, S. 270, n. 6. У В. Бартольда (стр. 77): Липпенгеймъ на Рейнѣ.

2) Ann. Lauriss., s. a. 810: deinde transmisso Rheno flumine, in loco qui Lippedah vocatur copias quae nondum convenerant statuit operiri; ubi dum aliquot dies moraretur, elephas ille, quem ei Aaron rex Sarracenorum miserat, subita morte periit (Pertz, I, p. 197). Ann. Maxim. (ib., XIII, p. 24). Ann. Xantenses (ib., II, p. 224). Ann. Fuld. (ib., I, p. 354). Regin. Chron. (ib., p. 565); мѣсто смерти слона: qui Lippra dicitur. Неправильно этотъ эпизодъ отнесенъ къ 817 году у L. Friedlaender. Darstellungen aus der Sittengeschichte Rom's. 8. Aufl. Leipzig, 1910, S. 396.

3) См. перечень главнѣйшихъ бѣдствій за эти годы у Д. Егорова. Этюды о Карлѣ Великомъ. Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 345 (1903), стр. 346.

4) Eodem anno quando elephas periit, Pippinus rex Italiae VIII. idus Julii de corpore migravit. Wattenbach. Die Uebertragung der Reliquien des h. Genesius nach Schiengen. Zeitschr. für die Gesch. des Oberrheins 24 (1871), Karlsruhe, S. 4.

5) Ann. Xantenses, s. a. 810: et Pippinus rex filius imperatoris migravit et ille elephas, quem Aaron imperatori miserat subita morte periit (Pertz, II, p. 224).

будто Харунъ послалъ ему единственнаго слона, который былъ у него въ то время, конечно, критики не выдерживаетъ и объясняется желаніемъ Эйнхарда еще болѣе подчеркнуть уваженіе „царя персовъ Аарона“ къ императору 1).

Итакъ, желаніе Карла исполнилось: слонъ былъ ему доставленъ.

Я думаю, что тотъ рядъ недоумѣній, возбуждаемыхъ подробностями лѣтописнаго разсказа о перевозкѣ слона, о чемъ говорить проф. Бартольдъ, не столь не разрѣшимъ. Пр. Бартольдъ пишетъ: „Если халифъ принялъ пословъ Карла и отправилъ отвѣтное посольство, то почему онъ поручилъ слона и подарки Исааку, а своего посла отправилъ впередъ съ пустыми руками? Какимъ образомъ Исаакъ на обратномъ пути очутился въ Африкѣ, безъ средствъ довести слона и другіе подарки халифа по назначенію, такъ что Карлъ былъ вынужденъ самъ отправить туда корабли, чтобы взять оттуда своего еврея и привезеннаго имъ слона? Почему прибывшіе къ Карлу въ 801 г. послы халифа и аглабидскаго эмира совершили путешествіе въ Италію на такомъ суднѣ, что могли только извѣстить Карла о прибытіи Исаака въ Африку, а не взять его съ собой?“ 2).

Я думаю, что халифъ не отправлялъ своего посла впередъ; посолье его шель вмѣстѣ съ Исаакомъ, слономъ и подарками обычной дорогой, т. е. вдоль сѣверной Африки; слона, насколько могли, гнали, конечно, сухимъ путемъ. Этотъ путь ихъ и привелъ къ Тунису, который въ 801 г. входилъ во владѣнія аглабитскаго эмира, и откуда, какъ мы уже знаемъ, совершалась обычная переправа въ Европу. Поэтому, на обратномъ пути, Исаакъ долженъ былъ очутиться въ Африкѣ. На возвращеніе франкскаго посольства черезъ Африку есть указаніе и въ источникахъ. Мартирологъ Адона, архіепископа вьеннскаго, говоритъ, что, во время правленія славнѣйшаго Карла, франкское посольство, возвращаясь отъ „персидскаго царя Аарона, прошло черезъ Африку“ 3). Далѣе, съ моей точки зрѣнія, исполнѣ есте-

1) Einhardi Vita Karoli, c. 16: (Харунъ) ingentia illi dona direxit, cum ei ante paucos annos eum, quem tunc solum habebat, roganti mitteret elephantum.

2) В. Бартольдъ, стр. 77; но ср. с. 86.

3) Adonis Martyrologium: Post multa vero curricula annorum,

ственно, что у Ибрахим-ибн-ал-Аглаба не нашлось судна, способнаго перевезти слона черезъ море; по состоянію тогдашней морской техники для перевозки столь необычной тяжести, да еще къ тому же живой, необходимо было очень большое судно и различныя приспособленія для даннаго случая. Поэтому то посольство Харуна, къ которому присоединился посольство отъ аглабитскаго эмира, отправился на обычномъ суднѣ раньше, чтобы предупредить Карла о приѣздѣ въ Африку слона и о необходимости послать туда за нимъ соответствующее судно. Явились ли послы къ Карлу „съ пустыми руками“ или нѣтъ, это вопросъ второстепенный; во всякомъ случаѣ, они предупредили Карла, что подарки халифа также прибыли въ Африку. Думаю, что такимъ образомъ наиболѣе просто и естественно можно отвѣтить на вопросы проф. Бартольда.

Превосходной, хотя значительно болѣе ранней иллюстраціей къ тому, какъ грузили слона на корабль, можетъ служить въ высшей степени интересная мозаика, найденная въ Италіи на мѣстѣ древняго города Вейи и представляющая собою полъ въ домѣ. Домъ этотъ восходитъ ко II вѣку нашей эры; стиль мозаики, по мнѣнію французскаго ученаго Sagnat, также хорошо подходитъ къ этому времени. На кораблѣ, куда грузятъ слона, находится пять человѣкъ; одинъ, который сидитъ позади у кормы, повидимому, патронъ; четверо другихъ стоятъ въ передней части корабля. Между кораблемъ и берегомъ устроенъ помостъ на подпоркахъ, куда слонъ уже вступилъ. При помощи веревокъ четыре человѣка на кораблѣ тянутъ его къ себѣ; другіе четверо, стоя на берегу, его сдерживаютъ и направляютъ. Мозаика даетъ очень тонкія подробности этой деликатной операціи. Переднія

gloriosissimo Carolo Francis imperante, contigit legationem Francorum ferentibus illustres ac sapientia circumspectos legatos transitum per Africam fecisse. Hi cum Carthaginem dirutam et loca venerabilia sanctorum martyrum, revertentes a rege Persarum Aaron... vidissent... Maxima Bibliotheca veterum patrum. XVI, Lugduni, 1677, p. 883. Migne. Patr. lat. 123, coll. 355—356. Хотя во всемъ разсказѣ мартиролога Адона о перенесеніи въ Европу мощей св. Кипріяна и замѣчаются въ отдѣльныхъ выраженіяхъ заимствованія (ихъ всего два) изъ Vita Karoli Эйнхарда и въ самомъ разсказѣ о перенесеніи не мало легендарнаго элемента, я не имѣю достаточныхъ данныхъ, чтобы и нѣвѣстіе о франкскомъ посольствѣ отнести къ области вымысла, какъ дѣлають это Abel-Simson (II, S. 256, p. 1).

ноги у слона связаны, чтобы не дать ему убѣжать. Правая передняя нога обвязана веревкой, которую тянуть люди на кораблѣ и которая, повидимому, обернута вокругъ мачты. Лѣвая передняя нога также обернута веревкой, одинъ конецъ которой находится въ рукахъ одного изъ людей, стоящихъ на кораблѣ, а другой конецъ въ рукахъ одного изъ людей, стоящихъ на берегу. Наконецъ, третья веревка окружаетъ лѣвую заднюю ногу животного, которую тянуть три другіе человека, стоящіе на берегу. Такимъ образомъ, свободной у слона остается лишь его четвертая правая задняя нога для сохраненія необходимаго равновѣсія. Весь этотъ сложный маневръ долженъ былъ заставить слона по помосту взойти на корабль¹⁾.

Интересно, въ видѣ нѣкотораго курьеза, отмѣтить, что и послѣ смерти Карла преданіе вещественныхъ памятниковъ, связанныхъ съ его именемъ, продолжало соединять его имя со слономъ.

Извѣстна, напр., шелковая ткань чудной работы, найденная въ ракъ, гдѣ лежатъ останки Карла Великаго, въ ахенскомъ соборѣ. Эта ткань, съ еще точно не объясненною греческою надписью, которая, однако, указываетъ на происхожденіе ея изъ константинопольскихъ мастерскихъ Зевксиппа, имѣетъ на себѣ изображенія желтыхъ слоновъ на пурпуровомъ фонѣ. Относительно времени происхожденія этой ткани ученые еще до сихъ поръ не согласны, и она датируется между X и XII вѣками. Извѣстно, что рака Карла открывалась около 1000 года при императорѣ Оттонѣ III и затѣмъ снова въ XV вѣкѣ по приказанію Людовика XI, такъ что произведеніе позднѣйшаго времени легко могло быть въ нее положено²⁾.

Затѣмъ народное преданіе связывало съ именемъ Харун-ар-Ра-

1) *Mosaïque trouvée à Veii. Note de M. R. Cagnat. Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 4-me série. XXVII (1899), p. 668—672; изображение мозаики между стр. 670—671. Первоначально думали, что здѣсь рѣчь идетъ о суднѣ, которое тащится слономъ по берегу (p. 669).*

2) См. первоначальныя свѣдѣнія объ этой ткани у O. M. Dalton. *Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911, p. 594—596, fig. 375. Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. Paris, 1910, p. 605—606 (Даль склоняется къ X вѣку).*

шида игру въ шахматы, существовавшую прежде полностью въ аббатствѣ Сен-Дени и относимую преданіемъ къ подаркамъ, которые восточный халифъ посылалъ Карлу. Какъ мы видѣли выше, въ перечисляемыхъ хрониками подаркахъ Харуна игры въ шахматы не упоминается. Изъ Сен-Дени игра эта перешла въ кабинетъ медалей Парижской Национальной Библиотечки, и теперь отъ нея сохранилась лишь одна фигура, король или тура, въ формѣ слона, на которомъ сидитъ индусскій царь въ томъ положеніи, какъ изображается обыкновенно Будда. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, эта фигурка могла попасть во Францію въ каролингскія времена, такъ какъ куфическая надпись на ней восходитъ, по крайней мѣрѣ, къ этой эпохѣ; но ничто не позволяетъ намъ утверждать положительно, что она находилась въ числѣ подарковъ, привезенныхъ Карлу Великому послами Харун-ар-Рашида¹⁾.

Повидимому, вещественныхъ доказательствъ сношеній Карла съ Харун-ар-Рашидомъ указать нельзя²⁾.

Карль въ этомъ же 802 году отправилъ къ халифу отвѣтное посольство³⁾. Во главѣ его былъ поставленъ Радбертъ⁴⁾. Это посольство продолжалось, какъ и первое, четыре года, и какихъ либо извѣстій о цѣляхъ и намѣреніяхъ Карла нѣтъ. Прежде всего, посольство, конечно, должно было благодарить за присылку подарковъ и особенно за слона.

1) См. E. Babelon. Guide illustré au Cabinet des Médailles et Antiques de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1900, p. 304—306, fig. 139. G. Migeon. Manuel d'art musulman. II: Les arts plastiques et industriels. Paris, 1907, p. 148.

2) Это мнѣніе Я. И. Смирнова, сообщенное у проф. Бартольда (стр. 80—81), гдѣ перечисляются предметы, такъ или иначе связываемые съ именемъ Карла В. и Харун-ар-Рашида.

3) Подъ 802 г. въ хроникахъ о посольствѣ не упоминается; но подъ 806 г., при разсказѣ о возвращеніи этого посольства на Западъ, замѣчается, что оно было отправлено четыре года тому назадъ. Einhardi Ann.: legati qui ante quattuor fere annos ad regem Persarum missi sunt (Pertz, I, p. 193). Ann. Max.: Legati qui ante 4 annos ad regem Persarum missi sunt (ib., XIII, p. 24).

4) См. Ann. Lauriss. (Einhardi), s. a. 807: Radbertus, missus imperatoris, qui de oriente revertebatur (I, p. 194). Reg. n. Chr. (ib., p. 564). См. G. Richter, op. cit., S. 172 a. По поводу отождествленія нашего Радберта съ Радбертомъ одного капитулярія см. несогласіе между Bömer-Mühlbacher (Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern. Innsbruck, 1889, S. 197, № 470) и Abel-Simson (II, S. 365, n. 4).

Между тѣмъ налаженныя отношенія Карла съ Палестиной продолжались. Въ 803 году къ Карлу, по всей вѣроятности, во время его пребыванія въ Зальцбургѣ, осенью пріѣхало два монаха отъ іерусалимскаго патріарха Георгія¹⁾. О цѣли ихъ прібытія въ Западную Европу источники молчатъ.

Слѣдующія извѣстія о посольствахъ между Карломъ и Харун-ар-Рашидомъ находятся въ западныхъ хроникахъ подъ 806 и 807 годами.

Въ 806 году послы Карла, отправленные имъ четыре года тому назадъ²⁾, возвратились въ Италію черезъ Адриатическое море, гдѣ въ это время находился для занятія Далмаціи флотъ византийскаго императора Никифора I подъ начальствомъ патриція Никиты. Посламъ удалось пробраться черезъ греческія сторожевыя суда незамѣченными, и они прибыли въ гавань Тарвисіана (совр. Treviso), на сѣверъ отъ Венеціи³⁾. Это было, по всей вѣроятности, въ концѣ 806 года, такъ какъ послѣ этого разказа хроника сразу прибавляетъ, что императоръ провелъ праздникъ Рождества въ Ахенѣ⁴⁾. Одинъ изъ франкскихъ пословъ Радбертъ, можетъ быть, глава посольства, во время возвращенія съ востока умеръ. Одновременно съ этими послами явились къ Карлу въ Ахенъ

1) *Ann. Maxim.*, s. a. 803: *Nam et missi Georgii Patriarchae de Hierosolimis, id est monachi duo, ibi venerunt ad eum* (Pertz, XIII, p. 23). *Ann.ales Juvavenses Majores*, s. a. 803: *Carolus in Baloaria mense Augusto, in Juvavense civitate mense Octobr. et missi Hierosolymitani cum eo* (ib., I, p. 87). *Auctarium Garstense*, s. a. 802: *Karolus Salzburg venit, ubi legatos Iersolimorum patriarchae pro causis Hunorum audivit*. Въ послѣднемъ источникѣ очевидная путаница про causis Hunorum, т. е. въ данномъ случаѣ аваровъ; какая связь между ними и прибывшими монахами изъ Іерусалима, непонятно. Для толкованія источниковъ объ этомъ прібытіи монаховъ см. особенно В. Simson. *Die ueberarbeitete und bis zum Jahre 741 fortgesetzte Chronik des Beda*, въ *Forschungen zur deutschen Geschichte* XIX (1879), S. 124—126. См. также Abel-Simson, *op. cit.*, S. 291 и 298.

2) См. выше.

3) Treviso теперь не на берегу моря, а соединенъ рѣкою Sile съ прибрежною деревней Porte Grandi.

4) *Ann. Lauriss. (Einh. Ann.)*, s. a. 806: *Classis a Niciforo imperatore, cui Niceta patricius praeerat, ad recipendam Dalmatiam mittitur, et legati qui ante quattuor fere annos (Ann. Lauriss. qui dndum) ad regem Persarum missi sunt, per ipsas Graecarum navium stationes transvecti, ad Tarvisiani portus receptaculum, nullo adversariorum sentiente, regressi sunt. Imperator celebravit natalem Domini Aquisgrani* (Pertz, I, p. 193). *Ann. Maximiani* (ib., XIII, p. 24).

въ 807 году посоль „царя персовъ“, т. е. Харуна, Абдаллахъ и два іерусалимскихъ монаха, прибывшіе по порученію іерусалимскаго патріарха Ѳомы, Георгій и Феликсъ. Первый изъ нихъ Георгій, по происхожденію германецъ, былъ аббатомъ на Елеонской горѣ; въ міру назывался онъ Эгильбальдъ¹⁾. Халифъ прислалъ Карлу богатыя и разнообразныя подарки; великолѣпный павильонъ и роскошныя палатки, драгоцѣнныя шелковыя ткани, благовонія, мази, бальзамъ, извѣстные въ литературѣ водяные часы съ удивительнымъ механизмомъ, два чудныхъ мѣдныхъ (ex aurgalco) подсвѣчника²⁾: Позднѣйшая легенда прибавляетъ, что патріархъ Ѳома прислалъ Карлу также частицу Животворящаго Креста, которую онъ подарилъ монастырю Шаггoux³⁾.

Принявъ эти подарки, Карлъ, въ теченіе нѣкотораго времени, удержалъ посла халифа и монаховъ у себя, а затѣмъ отправилъ ихъ въ Италію, гдѣ велѣлъ имъ подождать удобнаго для плаванія времени⁴⁾.

Я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу „Дѣяній Карла“ Сангалленскаго монаха. Какъ извѣстно, это источникъ съ сильнымъ легендарнымъ оттѣнкомъ, и его показаніями пользоваться весьма опасно: Но въ разсказѣ о нашемъ посольствѣ 806—807 года онъ даетъ нѣсколько точныхъ хронологическихъ опредѣленій, которыя я не могу совершенно отбросить, какъ это дѣлаютъ

1) Ann. Laur., s. a. 807: Radbertus, missus imperatoris, qui de oriente revertebatur, defunctus est, et legatus regis Persarum, nomine Abdella, cum monachis de Hierusalem, qui legatione Thomae patriarchae fungebantur, quorum nomina fuere Georgius et Felix — hic Georgius est abba in monte Oliveti, et cui patria Germania est, qui etiam proprio vocatur nomine Egilbaldus — ad imperatorem pervenerunt (Pertz, I, p. 194). Ann. Max. (ib., XIII, p. 24). Regin. Chr. = Ann. Laur. (ib., I, p. 564; мирское имя Георгія Engilbaldus). Ann. Xant. (ib., II, p. 224); нѣкоторая путаница.

2) Подарки съ большими или меньшими подробностями перечисляются и описываются во многихъ хроникахъ. Ann. Lauriss. (Einh. Ann.), ib. Ann. Max., ib. Ann. Xant., ib. Ann. Fuld. (ib., I, 353—354). Ann. Sithienses (ib., XIII, p. 37). Ann. Lobienses (ib., XIII, p. 231). Regin. Chr., ib. Einhardi Vita Karoli, c. 16. Poeta Saxo, l. IV, vers. 208—225 (преувеличенія). Auctarium Garstense, s. a. 808 (ib., IX, p. 564). Sigiberti Chronica, s. a. 807 (ib. VI, p. 336). Monach. Sangall II, 8 (Pertz, II, p. 676; легендарныя подробности). См. Abel-Simson, II, S. 367. В. Бартольдъ, стр. 78. G. Richter u. H. Kohl, II, S. 173.

3) См. Abel-Simson, II, S. 368, nota.

4) Ann. Lauriss., ib.

нѣкоторые историки¹⁾; но не будучи вполне увѣренъ въ ихъ точности, я всетаки считаю нужнымъ на нихъ указать. Послы, по словамъ этой хроники, прибыли въ Ахенъ на страстной недѣлѣ, т. е. въ концѣ марта 807 г., были приняты императоромъ въ великую субботу, присутствовали на заутрени и въ первый день Пасхи, 28 марта, были приглашены къ императорскому обильному столу²⁾

Трудно сказать, почему посольство 806—807 года ѣхало по Адриатическому морю, гдѣ въ это время происходили военныя дѣйствія. Дѣло въ томъ, что въ 787—788 г. Карль покорилъ Истрію, а въ 805 году Венеція, отложившись отъ Византіи, подчинилась западному императору, и на Рождествѣ этого года венеціанскіе правители были при дворѣ Карла. Послѣдній передалъ имъ Венецію въ видѣ своего фьефа; когда же Карль въ 806 году произвелъ раздѣлъ своей имперіи между своими сыновьями, онъ причислилъ Венецію, Истрію и Далмацію къ владѣніямъ Пипина. Но Венеція принадлежала имперіи Карла немногимъ больше года. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, византійскій императоръ Никифоръ послалъ своего патриція Никиту съ флотомъ въ Адриатическое море для отвоеванія отпавшихъ областей весною 807 года, а не въ 806 г., какъ отмѣчаютъ *Annales Laurissenses*, и за ними *Annales Maximiani*. Можно отмѣтить, что во время смутъ этого времени въ Венециіи не разъ упоминается городъ Treviso, куда прибыло посольство 806—807 года³⁾. Во время этихъ военныхъ операцій Никиты, мимо его судовъ, и проѣхали послы къ Карлу. Я думаю, что нѣтъ основаній приводить въ связь посольство къ Карлу 806—807 года съ упоминаемымъ у арабскаго историка Табари подъ 190 годомъ хиджры (27 ноября 805—16 ноября 806 г.)⁴⁾

1) Напр., Abel-Simson, II, S. 366, n. См. Вартольдъ, стр. 79—80.

2) Mon. Sangall, II, 8 (Pertz, II, p. 674—675). См. Abel-Simson, II, S. 366—368, Anm.

3) См. E. Lentz. Das Verhältniss Venedigs zu Byzanz nach dem Fall des Exarchats bis zum Ausgang des neunten Jahrhunderts. Teil I. Venedig als byzantinische Provinz. Berlin, 1891, S. 34—35. H. Kretschmayr. Geschichte von Venedig. I, Gotha, 1905, S. 56. J. B. Bury. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, p. 322—324.

4) См. E. W. Brooks. Byzantines and Arabs in the Time of

посольствомъ халифа въ Константинополь къ императору Никифору. Проф. Бартольдъ высказываетъ мнѣніе, что едва ли подобное совпаденіе можно признать случайнымъ; тѣмъ болѣе, что нѣсколькими годами раньше, когда Исаакъ возвращался на родину черезъ Африку, арабскіе источники упоминаютъ о посольствѣ халифа въ эту область¹⁾. Но вѣдъ по поводу послѣдняго факта самъ проф. Бартольдъ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что подобное совпаденіе по времени лишь вполнѣ возможно²⁾; можетъ быть, Исаакъ прибылъ въ Африку, вмѣстѣ съ Яхъей-ибн-Мусой-ал-Кинди, который везъ соотвѣтствующій дипломъ отъ халифа Ибрахиму-ибн-ал-Аглабу, а, можетъ быть, и нѣтъ. Поэтому, по моему мнѣнію, приводить въ связь посольство халифа въ 806 году къ императору Никифору съ посольствомъ халифа къ Карлу въ томъ же году нельзя. Это совпаденіе совершенно случайное.

У проф. Бартольда проскальзываетъ нѣкоторое недовѣріе къ франкскимъ хроникамъ по поводу упоминанія ими подъ 807 годомъ іерусалимскаго патріарха Өомы; „замѣчательно, пишетъ онъ, что по Евтихію іерусалимскимъ патріархомъ въ то время былъ еще Георгій; назначеніе Өомы отнесено у Евтихія къ 3-му году царствованія ал-Амина, т. е. къ 811 году“³⁾. Я думаю, что къ данному упоминанію лѣтописей надо отвѣстись иначе. Извѣстно, что вопросъ о іерусалимскихъ патріархахъ конца VIII и начала IX вѣка очень теменъ. Мы знаемъ ихъ имена: Илія, Георгій, Өома; но о времени ихъ вступленія на іерусалимскую кафедру и о времени ихъ смерти мы имѣемъ очень противорѣчивыя извѣстія. Въ вопросѣ о Өомѣ извѣстіе франкскихъ лѣтописей о немъ, какъ патріархѣ въ 807 году, должно быть признано очень важнымъ историческимъ указаніемъ, съ которымъ считались какъ прежде, такъ и теперь⁴⁾. Можно утверждать, что въ 807 году

the Early Abbasids. The English Historical Review, 1900, oct., p. 746. Бартольдъ, стр. 89—90.

1) Бартольдъ, стр. 91.

2) стр. 84.

3) стр. 79.

4) См. Lequien. Oriens Christianus. III, Parisiis, 1740, col. 342. Арх. Сергія. Полный мѣсяцесловъ Востока. 2-е изд. Владиміръ, 1901. Т. II, 2, стр. 689. Vailhé. Saint Michelle Syncelle et les deux frères Grapti. Revue de l'Orient chrétien. VI (1901), p. 317—318. У Па-

Θома былъ уже іерусалимскимъ патріархомъ. Болѣе детальное разсмотрѣніе этого вопроса отвлекло бы меня очень въ сторону; но надо сознаться, что вопросъ о времени патріаршества Иліи, Георгія и Θомы очень любопытенъ; тѣмъ болѣе, что теперь у насъ имѣются въ рукахъ новыя еще недостаточно освѣщенные и оцѣненные данныя ¹⁾.

Въ 808 году въ Палестинѣ разыгрались на религиозной почвѣ мѣстныя событія, которыя прекрасно освѣщаютъ установившіяся отношенія къ Карлу. Споръ возникъ изъ за вопроса объ исхожденіи Духа Святого и отъ Сына Божія (*filioque*).

Въ 808 году въ Палестинѣ монахъ лавры св. Савы Іоаннъ сталъ громко объявлять, что франки, составлявшіе конгрегацию на Елеонской горѣ, вмѣстѣ со всѣми другими франками суть еретики, и что книги ихъ также надо признать еретическими ²⁾. Въ своемъ возбужденіи монахъ Іоаннъ дошелъ до того, что въ первый день Рождества, 25 декабря 808 года ³⁾, подославъ какихъ-то свѣтскихъ людей, своихъ сторонниковъ, сдѣлалъ попытку въ Вилеємѣ выгнать своихъ молившихся противниковъ изъ церкви Рождества Христова. Попытка эта не удалась; находившіеся въ храмѣ съ твердостью сказали: „Мы здѣсь желаемъ умереть; ибо вонъ вы насъ не выгоните!“ ⁴⁾. Затѣмъ они обратились къ священнослужителямъ Іерусалима съ жалобой на Іоанна, который говоритъ много какъ противъ нихъ, такъ и противъ римской церкви. Въ ближайшій воскресный день ⁵⁾, т. е. 31 декабря 808

ламы нѣтъ Георгія, и Ілія наследуетъ сразу Θома. *Παλαμᾶς. Ἱεροσολυμιάς ἥτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἀγίας πόλεως Ἱεροσολῶν. Ἐν Ἱεροσολύμοις, 1864, σ. νυ'.*

1) См., напр., Житіе Михаила Сникелла, изданное Θ. Шмиттомъ въ его *Κακρίε-Δζαμν. I, Софія, 1906, стр. 227—279* (двѣ редакціи). Ср. X. Лопарева. Византийскія житія святыхъ VIII—IX вѣковъ. Виз. Врем. XVII (1910), стр. 215.

2) Главнымъ источникомъ для этого спора служить жалоба конгрегациі іерусалимской Елеонской горы на Іоанна папѣ Льву III. *Congregatio montis Oliveti Hierosolymitani cum Leone III papa de injuriis a Johanne S. Sabae monacho sibi illatis queritur. Jaffé. Monumenta Carolina. Berolini, 1867, p. 382—385 (= Bibliotheca rerum germanicarum. T. IV). Einhardi Annales, s. a. 809: de processione Spiritus sancti, quam quaestionem Johannes quidam monachus Hierosolymis primo commovit (Pertz, I, p. 196) = Ann. Fulden-see (ib. I, p. 354). Adonis Chronicon (ib. II, p. 320). Ann. Max. (ib., XIII, p. 24)*

3) in die natalis Domini (p. 383)-

4) Nunc volumus mori; nam foras nos non eicietis (ib.).

5) Et post haec die sancto dominico (ib.).

года, священники собрались вмѣстѣ съ прочимъ клиромъ и народомъ между Гробомъ Господнимъ и Голгоею. На вопросъ священниковъ монахамъ Елеонской горы о томъ, какой вѣры они придерживаются, послѣдніе объявили, что они вѣрують такъ, какъ вѣруетъ римская церковь. Оказалось, что монахъ Іоаннъ ихъ объявилъ еретиками за прибавленіе въ Символъ Вѣры *filioque* (*qui ex patre filioque procedit*), чего у грековъ не было. Іерусалимское духовенство составило послѣ этого письменное изложеніе вѣры, которое было одобрено елеонскими монахами и затѣмъ публично прочтено съ церковнаго амвона. Послѣ этого монахи съ Елеонской горы изрекли анаѣму противъ всякой ереси и противъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ обвинять въ ереси святой апостольскій римскій престолъ¹⁾. Несмотря на это, елеонскіе монахи обратились въ 809 году къ папѣ Льву III черезъ посредство выбраннаго изъ ихъ среды пресвитера Іоанна съ письменною просьбою, обоснованною цѣлымъ рядомъ ссылокъ, разобрать вопросъ, на основаніи греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви, о *filioque* въ Символъ Вѣры. При чемъ, — и это особенно для нашего вопроса интересно, — елеонскіе монахи просятъ папу привлечь къ этому и императора Карла²⁾.

Въ такихъ обстоятельствахъ Левъ III, въ отвѣтъ на просьбу елеонскихъ монаховъ, отправилъ имъ въ томъ же 809 году Символъ Православной Вѣры, а самое письмо ихъ переслалъ для ознакомленія Карлу³⁾. Почти одновременно съ письмомъ елеонскихъ монаховъ къ папѣ было доставлено возвращавшимися изъ Іерусалима, повидимому, послами Карла, Агамомъ и Рокульфомъ, письмо отъ іерусалимскаго патріарха Фомы, въ которомъ послѣдній черезъ посредство папы просилъ препоручить іерусалимскихъ

1) Et nos servi vestri anathematizavimus omnem haeresim et omnes, qui de sancta sede apostolica Romana dixerint haeresim (p. 384).

2) Et mandare digneris domno Karolo imperatori filio vestro, quod nos istum sermonem in ejus capella audivimus: qui ex Patre Filioque procedit (p. 385). См. Hergenröther. Photius. I, Regensburg, 1867, S. 697—698. Abel-Simson, II, S. 403—406.

3) См. письмо Льва III Карлу отъ 809 г.: Leo III papa Carolo I imperatori mittit epistolas, a congregatione montis Oliveti et a Thoma patriarcha Hierosolymitano ad se scriptas (Jaffé, ib., p. 386).

христіанъ благочестію Карла. Левъ III и это патріаршее посланіе направилъ къ императору ¹⁾).

Карлъ энергично принялся за разборъ смущавшаго іерусалимскую церковь вопроса. Епископъ орлеанскій Теодульфъ, аббатъ Смарагдъ и какой то анонимъ, по порученію императора, написали сочиненія объ Исхожденіи Св. Духа ²⁾. Въ ноябрѣ 809 года по этому поводу, въ связи впрочемъ съ другими вопросами, былъ въ Ахенѣ созванъ соборъ ³⁾; а въ 810 году произошелъ въ Римѣ Colloquium съ папой, который принялъ видъ диспута, потому что папа былъ вообще противъ прибавки *filioque* ⁴⁾.

На Карла смотрѣли не только какъ на политическаго главу государства, но и какъ на главу міра христіанскаго ⁵⁾, одной изъ первыхъ обязанностей котораго было распространять христіанство тамъ, гдѣ его еще не было или было мало, и помогать христіанамъ тамъ, гдѣ имъ жилось тяжело. Иконоборческая ересь, волновавшая византийскую имперію въ теченіе почти всего VIII-го вѣка, сильно пошатнула въ глазахъ правовѣрнаго христіанства Запада положеніе василевса, какъ защитника христіанскихъ интересовъ. Азія, Африка, вообще Востокъ, особенно занимали съ этой точки зрѣнія Карла Великаго и его сподвижниковъ.

Современникъ его, поэтъ Теодульфъ, въ своей поэмѣ, обращенной къ Карлу около 796 года, въ нѣсколько риторической формѣ рисуеъ его вліяніе, какъ государя просвѣтителя, на различныя народы ⁶⁾.

Павель Діаконъ пишетъ вскорѣ послѣ 781 г., когда проис-

1) *Inter ea revertentes praesentes fideles servientes vestri, Agamus videlicet et Roculphus, a Hierosolymis detulerunt nobis epistolam Thomae Hierosolymorum patriarchae. Quam relegentes reperimus, ut per nostram precatoriam epistolam vestrae pietati eos commendaremus.*

2) Подробности см. у Abel-Simson, II, S. 406—408. *Concilia aevi Carolini*, I, 1906, p. 235 (см. слѣд. прим.). *Nauck. Kirchengeschichte Deutschlands*. II, Leipzig, 1890, S. 302—304.

3) Акты этого собора не сохранились. См. *Concilia aevi Carolini*. T. I, rec. A. Werminghoff, 1906, p. 234—239 (*Mon. Germ. Hist. Concilia*, II).

4) О *Concilium* и *Colloquium* см. *ibidem*, p. 239—244. Abel-Simson, II, S. 408—410.

5) См. J. Bryce. *The Holy Roman Empire. A new edition*, 1904, p. 64.

6) *Theodulphi Carmina*. XXV. *Ad Carolum regem*. *Poetae latini aevi carolini*. I, 1891, p. 483—489. См. Kleinclausz. *L'Empire Carolingien*, p. 170.

ходило сватовство сына византійской императрицы Ирины Константина за старшую дочь Карла Ротруды: „Я радуюсь тому, что Ваша прекрасная дочь, государь, отправляется черезъ моря и получаетъ скипетръ, для того, чтобы силы государства черезъ дочь были направлены въ Азію“ ¹⁾. Алкуинъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, такъ выражается о печальномъ положеніи христіанъ въ Азіи и Африкѣ: „Стонетъ стѣсненная въ языческихъ цѣпяхъ обширная Азія, которую угнетаетъ и раздираетъ враждебный Богу народъ. Вся Африка (увы! о горе!), третья часть великаго міра, находится уже въ рабствѣ гибельныхъ властителей“ ²⁾.

Карль самъ понималъ прекрасно свою задачу; онъ зналъ, что и политическая его сила въ большой мѣрѣ зависитъ отъ вліянія его на христіанство; — что своею дѣятельностью среди христіанскаго населенія мусульманскаго востока онъ наносилъ чувствительный ударъ своему сопернику, императору византійскому.

Поэтому, когда обстоятельства сложились для того благоприятно, т. е. такъ, какъ это было нами описано выше, Карль широко развернулъ свою дѣятельность. Главнымъ образомъ она заключалась во вспомошествованіи и милостынѣ нуждающимся христіанамъ не только, какъ говорить Эйхардъ, въ своемъ отечествѣ и въ своемъ государствѣ, но и за морями, въ Сиріи, Египтѣ, Африкѣ, Іерусалимѣ, Александріи и Кареагенѣ ³⁾. Затѣмъ Карль приступилъ къ

1) *Versus Pauli*, XII. Poetae latini aevi carolini, I, 1891. p. 50:

..... sed exulto, quod pergat trans maria
Vestra, rector, et capessat sceptrum pulchra filia,
Ut per natam regni vires tendantur in Asiam.

2) *Alcuini Carmina. De clade Lindisfarnensis monasterii*. Ib., I, p. 230, vers. 63—66:

Asia lata gemit paganis pressa catenis,
Quam premit et spoliat gens inimica deo.
Africa jam servit, magni pars tertia mundi,
Pro dolor, heu tota pestiferis dominis.

3) *Einhardi Vita Karoli*, 27. Хотя Кареагенъ былъ въ это время уже разрушенъ, Эйхардъ, какъ и другіе нѣкоторые источники, разумѣетъ подъ этимъ именемъ новый городъ Тунисъ; поэтому я не думаю, что здѣсь непременно надо видѣть гор. Кайраванъ, какъ пишетъ проф. Баргольдъ, стр. 72, пр. 1. Вліяніе 27-й главы *Vita Karoli* Эйхарда замѣчается довольно часто въ позднѣйшей литературѣ. См., напр., въ XII в. у *Hugo de S. Victore*. Ехсер-

постройкѣ въ Палестинѣ гостинницъ для паломниковъ, больницъ, а когда завязавшіяся съ Харуномъ отношенія позволили это, стали строить церкви и монастыри. Анонимная „Записка о домахъ Господнихъ или монастыряхъ“, принадлежащая началу IX вѣка (около 808 г.), говоритъ, что въ это время „при Гробѣ Господнемъ служили семнадцать посвятившихъ себя Богу женщинъ изъ имперіи государя Карла, въ томъ числѣ одна изъ Испаніи“¹⁾. О посылкѣ „милостыни“ въ Палестину для возстановленія Божіихъ церковей говоритъ капитулярій Карла отъ 810 года“²⁾. О томъ, что онъ отправлялъ крупныя суммы на постройку монастырей въ Палестинѣ, упоминаетъ въ X вѣкѣ Константинъ Багрянородный³⁾. Ученый грамматикъ Христіанъ Друтмаръ, монахъ въ Stablo, жившій въ IX вѣкѣ и написавшій около 865 г. свое „Объясненіе къ Евангелисту Матею“, при объясненіи стиха седьмого 27-й главы⁴⁾, пишетъ: „Тогда это мѣсто служило для погребенія странниковъ; теперь же это самое мѣсто называется франкскимъ госпиталемъ (т. е. гостинницей), такъ какъ во время Карла онъ имѣлъ тамъ владѣнія, уступленныя тѣмъ государемъ (т. е. Харун-ар-Рашидомъ) изъ любви къ Карлу. Сами монахи и пріѣзжающіе живутъ исключительно милостынею христіанъ“⁵⁾. Франкскій монахъ Бернардъ,

tiones, X, 8 (Migne, Patr. lat., 177, col. 282); въ XII—XIII в. въ Helipandi Frigidi Chronicon, XLV, s. a. 790 (Migne, ib., 212, col. 837). О Вильгельмѣ Тирскомъ было замѣчено уже выше.

1) Com memoratorium de casis Dei vel monasteriis (circa 808): De imperio domini Caroli que ad sepulcrum Domini serviunt Deo sacratae XVII, inclusa de Hispania. I. Itinera Hierosolymitana, ed. T. Tobler et A. Molinier. I. Genevae, 1879, p. 302.

2) Capitulare missorum Aquisgranense primum 810, cap. 18. Mon. Germ. hist. Capitul. I, p. 154 (ed. Boretius).

3) Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio, стр. 26: *δοτικὸς* (т. е. *Καρόυλος*) *χορηγῶντα ἰκανὰ καὶ πλοῦτον ἄφθονον ἐν Παλαιστίνῃ ἀποστελλὰς ἐδείματο μοναστήρια πάμπολλα* (ed. Bonn., III, p. 115). См. объ источникѣ этой главы (Лютпрандъ) у J. B. Burg. The Treatise De administrando imperio. Byzant. Zeitschrift, 15 (1906), S. 553—556 (нашего мѣста о Карлѣ у Лютпранда нѣтъ).

4) Ев. отъ Матея, XXVII, 7: Сдѣлавши же совѣщаніе, купили на нихъ землю горшечника, для погребенія странниковъ.

5) Christiani Grammatici (Druthmari) Expositio in Matthaeum Evangelistam, ad Matth., C. 27, vers. 7: Tunc fuit in sepulcrum peregrinorum, et modo idem ipse locus hospitale dicitur Francorum, ubi tempore Caroli villas habuit, cedente illo rege (т. е. Харунъ) pro amore Caroli. Modo solummodo de eleemosyna Christianorum vivunt, et ipsi Monachi et advenientes. Maxima Bibliotheca veterum patrum. XV, Lugduni, 1677, p. 169.

совершившій паломничество въ святую Землю около 870 года и оставившій намъ дорожникъ, упоминаетъ также о гостинницѣ Карла и построенной имъ церкви св. Маріи. Бернадъ пишетъ: „Изъ Эммауса мы прибыли въ святой городъ Іерусалимъ и были приняты въ гостинницѣ (in hospitale) славнѣйшаго императора Карла, гдѣ принимаются всѣ паломники, говорящіе на романскомъ языкѣ¹⁾. Къ ней прилегаетъ церковь въ часть св. Маріи, имѣющая превосходную бібліотеку, созданную усердіемъ императора; церкви принадлежатъ 12 домовъ, пашни, виноградники и садъ въ Іосафатовой долинѣ²⁾. Передъ самой гостинницей была торговая площадь (forum), на которой каждый торговецъ платитъ два золотыхъ въ годъ завѣдывающему гостинницей“³⁾. Я не понимаю, почему въ прежнее время Пуквиль утверждалъ, что ни франкскій кварталъ въ Іерусалимѣ, ни церковь св. Маріи не были дѣломъ рукъ Карла Великаго⁴⁾. Теперь лучшіе знатоки искусства признаютъ, что большая церковь такъ называемой Маріи Латинской возникла при Карлѣ Великомъ, именно подъ влияніемъ заботъ его о латинскомъ христіанствѣ⁵⁾.

Дѣйствительная исторія отношеній Карла Великаго къ Востоку создала позднѣе легендарную литературу. Но здѣсь надо отмѣтить, что легенда о Карлѣ занимается почти исключительно его палестинскими отношеніями, не упоминая о сношеніяхъ съ Харуномъ. Одно изъ рѣдкихъ легендарныхъ извѣстій о сношеніяхъ западнаго императора съ восточнымъ халифомъ мы находимъ въ написанной около 1000 года хроникѣ монаха Бенедикта,

Migne. Patr. lat., 106, col. 1486. О Христіанѣ Другмарѣ см. Manitius, op. cit., S. 431—433.

1) *Itinerarium Bernardi Monachi Franci (circa 870), cap. 10: in quo suscipiuntur omnes qui causa devotionis illum adeunt locum, lingua loquentes Romana. Itinera Hierosolymitana, I, p. 314.*

2) Cui (т. е. въ гостинницѣ) adjacet ecclesia in honore sancte Marie, nobilissimam habens bibliothecam studio predicti imperatoris, cum duodecim mansionibus, agris, vineis et orto in valle Josaphat²⁾ (ibidem). Конечно, послѣднія угоды принадлежали церкви, а не бібліотекѣ, какъ думаетъ проф. Бартольдъ (стр. 72).

3) Ante ipsum hospitale est forum, in quo unusquisque ibi negotians in anno solvit duos aureos illi, qui illud providet (ibidem).

4) Pouqueville, op. cit., 529—530. См. выше.

5) См., напр., Н. П. Кондаковъ. Іерусалимъ Христіанскій. Православная Богословская Энциклопедія, т. VI (стр. 18 отд. оттиска).

изъ монастыря св. Андрея около Рима, гдѣ говорится, съ заимствованіями по языку изъ „Жизнеописанія Карла“ Эйнхарда, о встрѣчѣ Карла съ Харуномъ въ Палестинѣ и объ ихъ совмѣстной побѣдѣ до Александріи, откуда каждый съ миромъ возвратился въ свою страну ¹⁾. Защита палестинскихъ христіанъ Карломъ впоследствии превратилась уже въ предпринятый имъ первый крестовый походъ, такъ что умершій въ 1203 году Guido de Bazochiis, хронографія котораго почти цѣликомъ вошла въ хронику Альберика, монаха цистерціанскаго ордена, умершаго послѣ 1252 года, говоритъ подъ 1096 годомъ, что Гвидо призываетъ ко второму походу франковъ противъ турокъ, такъ какъ Карль Великій совершилъ уже первый походъ ²⁾. Во всякомъ случаѣ, въ эпоху подготовки перваго крестоваго похода, народная молва рассказывала, что Карль Великій возсталъ изъ гроба, чтобы лично вести христіанъ на борьбу съ невѣрными ³⁾. За свои заслуги передъ христіанствомъ Карль Великій впоследствии заслужилъ имя Константина Великаго, а 29 декабря 1165 года произошла его канонизація.

Въ разборъ легендарной исторіи Карла Великаго, имѣющей большую литературу съ Гастономъ Парисомъ во главѣ, я не считаю себя въ правѣ входить; къ тому же, я не думаю, чтобы она для нашего вопроса, взятаго съ точки зрѣнія его исторической дѣйствительности, могла быть особенно полезна.

Въ исторіи отношеній Карла Великаго съ Харун-ар-Рашидомъ надо видѣть начало установленія французскаго протектората надъ христіанами, живущими въ мусульманскихъ владѣніяхъ на Востокѣ. Подобнаго рода протекторатъ, не ослабляющій ничуть су-

1) *Benedicti S. Andreae monachi Chronicon*. Pertz, III, p. 710—711. См. G. Paris. *Histoire poétique de Charlemagne*. Paris, 1865, p. 55, 338, 423—424; въ данный моментъ у меня не было подъ руками втораго изданія этой книги съ дополненіями P. Meyer, Paris, 1905.

2) *Chronica Albrichi monachi Trium Fontium*, s. a. 1096: Guido vero expeditionem istam Francorum in Turcos vocat secundam, quia Karolus Magnus fecit primam. Pertz, XXIII, p. 804. Одиъ писатель даже замѣчаетъ, что Guido de Bazochiis только на половину ошибался, говоря, что первый крестовый походъ совершилъ Карль Великій. L. Moland. *Charlemagne à Constantinople et à Jérusalem*. *Revue Archéologique*. N. S. III (1861), p. 50.

3) См. R. Röhrich. *Geschichte des ersten Kreuzzuges*. Innsbruck, 1901, S. 5.

веренныхъ правъ халифа надъ Палестиной, позволяетъ провести аналогію между этимъ первоначальнымъ протекторатомъ и тѣми капитуляціями, которыя Франція заключала съ Оттоманской имперіей въ XVI и XVII вѣкахъ. Политическій авторитетъ власти оставался неприкосновеннымъ въ рукахъ халифа, а позднѣе султана. Но Карлъ Великій получалъ право внутренняго управленія христіанскими учрежденіями въ Палестинѣ и христіанскими подданными халифа, безъ различія языка послѣднихъ ¹⁾. Въ Святыхъ мѣстахъ, по выраженію французскаго ученаго Ріана, Франція не царствовала, а управляла ²⁾. Главнымъ, непосредственнымъ представителемъ новаго защитника палестинскихъ христіанъ являлся, конечно, патриархъ Іерусалимскій ³⁾. Отголоски эпохи Карла Великаго и его отношеній къ Востоку звучать еще до сихъ поръ, когда мы слышимъ, что поднимается вопросъ о покровительствѣ Франціи латинскимъ христіанамъ, подданнымъ Оттоманской имперіи.

Итакъ, съ нашей точки зрѣнія, обмѣнъ посольствами между Карломъ Великимъ и Харун-ар-Рашидомъ есть фактъ несомнѣнно историческій, повлекшій за собою установленіе выше изложенныхъ отношеній Карла къ Палестинѣ. Если же взглянуть на послѣднія съ точки зрѣнія возникновенія протектората Франціи надъ христіанами Леванта, то тогда нашъ вопросъ, по своей важности, далеко заходитъ за предѣлы эпохи Карла Великаго и служить объясненіемъ одного изъ общихъ историческихъ вопросовъ, съ которымъ приходится считаться и по сіе время. Въ виду всего этого, я не только не могу согласиться съ мнѣніемъ Пуквиля, поддержаннымъ проф. Бартольдомъ (стр. 94), что рассказъ объ обмѣнѣ посольствами Карла Великаго и Харун-ар-Рашида не долженъ

1) Какъ извѣстно, тогда еще не было открытаго отдѣленія восточной державы отъ западной.

2) Riant. La donation de Hugues, marquis de Toscane, au Saint-Sépulcre et les établissements latins de Jérusalem, au X-e siècle. Mémoires de l'Institut National de France. Académie des inscriptions et belles lettres 31 (1884), p. 154.

3) См. J. Delaville le Roulx. Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre (1100—1310). Paris, 1904, p. 6—8. L. Bréhier. L'Eglise et l'Orient au moyen âge. Les croisades. Paris, 1907, p. 22—28. Графъ Ріанъ замѣчаетъ: Ce patronage est historiquement incontestable. Comte Riant. Inventaire critique des lettres historiques des Croisades. Paris, 1880, p. 13, n. 15.

имѣть мѣста въ серьезныхъ историческихъ трудахъ, но считаю необходимымъ утверждать, что исторія обмена посольствами Карла Великаго и Харун-ар-Рашида, повлекшая за собою столь важныя послѣдствія, должна непременно имѣть мѣсто во всякомъ серьезномъ историческомъ трудѣ.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ объ ученомъ раввинѣ Махирѣ изъ Вавилоніи, котораго будто бы Харун-ар-Рашидъ прислалъ Карлу по просьбѣ послѣдняго. Какъ видно, это входитъ въ область нашего вопроса.

Одинъ отрывокъ изъ сочиненія *Sefer ha-Qabbala*, принадлежащаго перу Авраама бен-Давида изъ Толедо († раньше 1180 года), сообщаетъ слѣдующую исторію о евреяхъ въ Нарбоннѣ и во Франціи: Король Карль просилъ царя Вавилона (т. е. багдадскаго халифа) прислать ему евреевъ, потомковъ Давида. Халифъ направилъ къ нему одного очень знаменитаго (еврея), по имени Махиръ. Карль поселилъ его въ Нарбоннѣ и далъ ему обширную территорію, которую только что отнялъ у мавровъ. Махиръ женился на дочери одного знатнаго горожанина. Послѣ покоренія Нарбонны Карль раздѣлилъ городъ на три квартала, изъ которыхъ одинъ отдалъ раввину Махиру. Онъ возвысилъ его и, изъ любви къ нему, даровалъ евреямъ Нарбонны прекрасныя привилегіи и законы, какъ это написано въ христіанской (латинской) хартіи съ печатью Карла, которую они хранятъ еще и теперь. Этотъ раввинъ Махиръ былъ главою общины, и его потомство имѣло доступъ ко двору¹⁾. Онъ явился основателемъ талмудической высшей школы въ Нарбоннѣ²⁾. Обычно утверждаютъ, что этотъ отрывокъ, отсутствующій въ изданіяхъ *Sefer ha-Qabbala*, цитируется Авраамомъ Заккутомъ въ его сочиненіи *Sefer Jühasin* (ed. Filipowski, p. 84)³⁾. Но академикъ П. К. Коковцовъ любезно сообщилъ мнѣ, что въ соответствующемъ мѣстѣ о присылкѣ раввина

1) См. Neubauer. Documents inédits: XXI, sur Narbonne. *Revue des études juives*. X (1885), p. 99—100. I. r. Lévi. Le roi juif de Narbonne et le Philomène. *Ibidem*, XLVIII (1904), p. 203—204. За указаніе этихъ работъ я приношу глубокую благодарность академiku П. К. Коковцову.

2) Graetz. *Geschichte der Juden*. V, 2. Aufl., Leipzig, 1871, S. 196. *Regesten zur Geschichte der Juden...* bearb. von J. Aronius. VI, Berlin, 1902, S. 25—26, № 70 (с. 800). D. Cassel. *Lehrbuch der jüdischen Geschichte und Literatur*. Leipzig, 1879, S. 270.

3) См. I. r. Lévi, op. cit., p. 203.

Махира Авраамъ Заккутъ ссылается не на *Sefer ha-Quabbālā* Авраама бен-Давида изъ Толедо, а на какое то сочинение „*Sefer Qabbālath ha-Nāsīd*“ (т. е. „Книгу преданія благочестивца“ въ Нарбоннѣ).

По мнѣнію многихъ ученыхъ, эпизодъ присылки Махира въ Нарбонну ничего историческаго въ себѣ не заключаетъ ¹⁾. Какихъ либо указаній по данному вопросу въ западныхъ источникахъ я не нашелъ.

А. Васильевъ.

1) См., напр., Neubauer, *op. cit.*, p. 100 (*peu historique*). Lévi, *op. cit.*, p. 206 (*rien d'historique*). Aronius, *op. cit.*, S. 25—26 (*Sagenhafte Nachricht*); ему слѣдуетъ проф. Бартольдъ (стр. 78. пр. 2). Повидямому, съ довѣріемъ къ разсказу относятся Graetz (V, S. 196) и Cassel (S. 270).

Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками.

I.

Въ журналѣ «*Byzantinische Zeitschrift*» за 1892 г., въ I т., помѣщена статья: «*Ueber die urkundlichen Quellen zur Geschichte der Byzantinisch-venetianischen Beziehungen vornehmlich im Zeitalter der Komnenen*», принадлежащая перу Карла Нейманна. Служа введеніемъ къ предпринимаемому почтеннымъ авторомъ труду по исторіи византийско-венеціанскихъ отношеній, только что названная статья посвящена исключительно разсмотрѣнію источниковъ. Въ распоряженіи автора былъ обширный матеріалъ, помѣщенный въ «*Fontes rerum austriacarum*», 2 Abtheilung, Bd XII, изд. Тафелемъ и Томасомъ въ Вѣнѣ, въ 1856 г. Въ трехъ томахъ этого сборника помѣщенъ цѣлый рядъ официальныхъ документовъ, начиная съ 814 г.: договоровъ, хрисовуловъ, привилегій, заключенныхъ Венеціанскою республикой съ сосѣднею Истріей и Византийскою имперіею. Авторъ разсматриваемой статьи высказываетъ сожалѣніе, что всѣ труды ученыхъ, имѣвшихъ предметомъ своихъ изслѣдованій византийско-венеціанскія отношенія XI и XII столѣтій, основаны, главнымъ образомъ, на литературномъ преданіи, вслѣдствіе чего отличаются неполнотою и ошибочностью своихъ выводовъ. Дѣло въ томъ, что въ сочиненіяхъ греческихъ и венеціанскихъ хронистовъ отмѣчены факты, которые становятся понятными только на почвѣ правовыхъ и хозяйственныхъ отношеній Византіи и Венеціи. Разсмотрѣніе этихъ отношеній и будетъ предметомъ будущаго труда г. Нейманна. Въ занимающей же насъ статьѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, какого рода матеріалъ имѣется въ рукахъ изслѣдователя и въ какой степени можно считать его полнымъ. Первый вопросъ рѣшался, впрочемъ, очень просто: матеріалъ

собранный Тафелемъ и Томасомъ, представляетъ рядъ официальныхъ документовъ, большая часть которыхъ — переводъ съ греческаго на латинскій. Съ этой стороны высокое достоинство матеріала не подлежитъ, повидимому, никакому сомнѣнію. Оставался, такимъ образомъ, вопросъ о полнотѣ сохранившихся документовъ. Обстоятельство, которое въ особенности должно было обратить на себя вниманіе г. Нейманна и которое непосредственно возбуждало вопросъ о полнотѣ сборника Тафеля и Томаса, состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ хрисовулы, привилегіи и т. п. сдѣлки, заключенныя между Византійскимъ и Венеціанскимъ правительствами до 1187 года, идутъ отъ имени перваго и всѣ они заключаютъ въ себѣ только права и привилегіи, дарованныя венеціанцамъ византійскимъ правительствомъ въ предѣлахъ имперіи; документовъ же, которые заключали бы въ себѣ обязанности венеціанцевъ по отношенію къ Византіи, — нѣтъ. Это обстоятельство объяснялось тѣмъ, что письменныхъ обязательствъ со стороны Венеціи и не было вовсе до 1187 г. и что, до этого года, венеціанцы пользовались только правами въ имперіи, не неся съ своей стороны никакихъ обязанностей, и только съ 1187 года, происходитъ перемѣна, по которой въ документы, шедшіе отъ Византіи, включались и пункты обязательствъ со стороны Венеціи. Другіе думали, что хрисовулы и привилегіи, дарованныя имперіей венеціанцамъ, были только вознагражденіемъ послѣднихъ за оказанныя ими первой въ различныя времена военныя услуги, и о какихъ нибудь другихъ обязанностяхъ венеціанцевъ не могло быть и рѣчи. Эти два воззрѣнія лежатъ въ основѣ всѣхъ изслѣдованій, посвященныхъ византійско-венеціанскимъ отношеніямъ, говоритъ г. Нейманнъ¹⁾. Само собою разумѣется, что если бы оба эти воззрѣнія оказались ошибочными, то не менѣе ошибочными оказались бы и выводы изслѣдователей, раздѣляющихъ ихъ.

Г. Нейманнъ показалъ, что упомянутыя воззрѣнія дѣйствительно несостоятельны. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этомъ отношеніи, такъ интересны и такъ важны, какъ увидимъ ниже, и для византійско-русскихъ отношеній, что считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ вниманіе.

Г. Нейманнъ показалъ, что въ развитіи договора между Венеціей и Византіей, какъ письменнаго междунаrodnаго акта, должно разли-

1) Стр. 370.

чать два периода: 1) до 1187 г. приблизительно и 2) отъ 1187 г. и далѣе. Тогда какъ до 1187 въ канцеляріи византийскаго императора не было обычая включать въ договоръ и пункты обязательствъ другой договаривающейся стороны, такъ что документъ получалъ видъ какъ бы указа императора, надѣляющаго эту другую сторону правами и привилегіями,—съ 1187 г. установилось правило включать въ письменный актъ обязательства обѣихъ сторонъ, такъ что въ такомъ видѣ этотъ актъ получалъ вполне видъ договора.

Внимательное чтеніе документовъ до 1187 года дало г. Нейманну фактическое основаніе для такого утвержденія. Именно въ привилегіи Іоанна Комнина 1126 года прямо говорится, что эта привилегія дается венеціанцамъ—*pollicentibus et rursum ex toto corde pro Romania pugnare... quedamque specialia servitia scripta per conventiones celsitudini nostre et Romanie observare pollicitis, secundum quod conventio (symphonia) a nunciis eorum facta de his latius narrat*¹⁾. Стало быть, до 1187 года существовалъ обычай, по которому обѣ договаривающіяся стороны обмѣнивались письменными обязательствами, при чемъ каждое заключало въ себѣ обязанности только одной какой нибудь стороны по отношенію къ другой, обѣ обязанностяхъ же послѣдней упоминалось только въ общихъ выраженіяхъ²⁾.

Далѣе г. Нейманнъ попытался, на сколько позволялъ бывшій въ его рукахъ матеріалъ, представить всю процедуру заключенія договоровъ между Византіей и Венеціей, отъ начала переговоровъ до окончательной ратификаціи обѣими сторонами состоявшагося соглашенія. Дѣло представляется г. Нейманномъ въ такомъ видѣ. Одна изъ сторонъ отправляла къ другой пословъ (*legati, apocrisarii, missatici*), которые везли съ собою два документа — кредитивную грамоту и секретную инструкцію: первая вручалась правительству, съ которымъ должно было войти въ соглашеніе, а вторая заключала въ себѣ *maximum* и *minimum* требованій, которыя слѣдовало ему предъявить. Послѣ врученія кредитивной грамоты начинались переговоры.

Положимъ, что Венеція принадлежитъ починъ заключенія договора. Переговоры ведутся въ Константинополѣ; если они не привели

1) *Fontes*, XII, 116 и 182 *ib.* стр. 370.

2) За другими доводами въ пользу этого несомнѣнно вѣрнаго вывода г. Нейманна отсылаемъ къ его статьѣ. Скажемъ только, что чрезвычайно интереснымъ и важнымъ въ занимающемъ насъ вопросѣ документомъ является договоръ, заключенный Византіей съ Пизой въ 1111 году.

ни къ чему, то венеціанскіе послы вмѣстѣ съ посломъ византійскимъ возвращаются въ Венецію, гдѣ переговоры возобновляются. Иногда случалось и такъ, что Венеція нѣсколько разъ отзывала своихъ пословъ и присылала другихъ, пока, наконецъ, стороны не приходили къ соглашенію, или послѣднее оказывалось невозможнымъ. Слѣдуетъ при этомъ строго различать два случая: гдѣ главнымъ образомъ велись и заканчивались переговоры — въ Венеціи или въ Константинополѣ. Если въ Венеціи, то здѣсь, въ присутствіи византійскаго посла, составлялся письменный актъ, въ которомъ излагались обязательства, принятыя на себя Венеціей, и правительство послѣдней давало присягу въ соблюденіи условій договора; затѣмъ послу Византіи вручался этотъ актъ, и онъ, вмѣстѣ съ уполномоченными отъ Венеціи, возвращался въ Константинополь, при чемъ послѣдніе везли съ собою письменное полномочіе на окончаніе переговоровъ. Здѣсь, въ Константинополѣ, венеціанскіе послы снова давали присягу, которая излагалась письменно и скрѣплялась подписями и печатью пословъ. Уже послѣ этого посламъ вручался императорскій хрисовулъ, который и есть письменное утвержденіе того, на что согласился византійскій посолъ въ замѣнъ обязательствъ, принятыхъ на себя Венеціей. Если переговоры велись главнымъ образомъ въ Константинополѣ и здѣсь заканчивались, то дѣло происходило нѣсколько иначе. Изложенныя письменно обязательства Венеціи, въ двухъ экземплярахъ, утверждались присягою венеціанскихъ пословъ, подписями и печатью ихъ. Одинъ экземпляръ оставался въ Константинополѣ, другой же экземпляръ отвозилъ византійскій посолъ, вмѣстѣ съ венеціанскими послами — въ Венецію. Здѣсь происходила окончательная ратификація договора, которая состояла въ томъ, что венеціанское правительство получало хрисовулъ императора и давало въ соблюденіи договора присягу, которая и излагалась письменно. Г. Нейманъ представилъ эту картину заключенія договора на основаніи Пизанскаго договора 1111 года и сборника «Acta et diplomata graeca» III, 24 и слѣд.

Къ сожалѣнію, авторъ все-таки привлекъ къ изслѣдованію только сравнительно поздній матеріалъ и не доказалъ, что выведенная имъ теорія заключенія договора примѣнима всегда, — и тогда, когда договаривающимися сторонами являются Византія и Венеція, Византія и какое нибудь другое государство, и тогда, когда ими являются, на примѣръ, Венеція и Истрія, т. е. уже безъ участія Византіи. Вслѣд-

ствіе этого остается неяснымъ, на сколько далеко назадъ по времени можно отодвинуть значеніе этой теоріи составленія договоровъ, о которой говорить изслѣдователь. Если бы то и другое было сдѣлано г. Нейманномъ, то теорія его получила бы широкое значеніе, имѣла бы общій характеръ для всѣхъ государствъ, находившихся въ тѣхъ или другихъ связяхъ съ Византіей или подъ культурнымъ или торговымъ вліяніемъ ея. Съ такимъ характеромъ, теорія эта могла бы служить надежнымъ средствомъ для опредѣленія достоинства какого нибудь переданнаго намъ лѣтописью или другимъ путемъ документа, имѣющаго признаки договорнаго характера. Существуетъ матеріалъ гораздо болѣе ранняго времени, чѣмъ Пизанскій договоръ 1111 года, именно описаніе хода дѣла при заключеніи договора между Византіей и Персіей въ 628 году, сдѣланное Менандромъ¹⁾: τούτων διαμφισβητηθέντων και ἑτέρων, ἐγράφησαν αἱ πεντηκοντούτιδες σπονδαὶ Περσιστὶ καὶ Ἑλληνιστὶ, μετεβλήθη τε τὸ Ἑλληνικὸν εἰς Περσίδα φωνήν και τὸ Περσικὸν εἰς Ἑλληνίδα. οἱ δὲ τὰς ξυνθήκας βεβαιοῦντες Ῥωμαίων μὲν Πέτρος ὁ τῶν περὶ βασιλέα καταλόγων ἡγεμὼν και Εὐσέβιος και ἕτεροι, Περσῶν δὲ ὁ Ἰεσδεγουσνάφ και Σουρήνας και ἕτεροι. τῶν οὖν ἐξ ἑκατέρου μέρους ὁμολογιῶν ἐν συλλαβαῖς ἀναληφθεισῶν, ἀντιπαρεβλήθησαν ἀλλήλαις τῷ ἰσοδυνάμῳ τῶν ἐνθυμημάτων τε και ῥημάτων. τούτων οὕτω προελθόντων και ἐν κόσμῳ και τάξει γενομένων, ἐπεὶ ἀνεδέξαντο οἱ γε ἐς τοῦτο τεταγμένοι τὰς συλλαβὰς τοῖν δυεῖν βιβλίοις, και ἀπηκριβωσαν τῷ ἰσορροπῳ τε και ἰσοδυνάμῳ τῶν ῥημάτων τὰ ἐνθυμήματα, αὐτίκα οἷγε ἰσόγραφα ἕτερα ἐπετέλουν. και τὰ μὲν κυριώτερα ξυνειληθέντα τε και κατασφαλισθέντα ἐκμαγειοῖς τε κηρίοις, ἑτέροις τε οἷς εἰώδασι Πέρσαι χρῆσθαι, και ἐκτυπώμασι δακτυλίων ὑπὸ τῶν πρέσβειων, ἔτι μὴν και ἐρμηνέων δέκα πρὸς τοῖς δύο, ἐξ μὲν Ῥωμαίων, οὐχ ἦττον· δὲ Περσῶν, ἀμοιβαίᾳ τῇ δόσει τὰ τῆς εἰρήνης βιβλία παρέσχοντο ἀλλήλοις. τὸ μὲν τῇ Περσῶν φωνῇ γεγραμμένον ἐνεχείρισε Πέτρῳ ὁ Ζιχ, και Πέτρος δὲ τῷ Ζιχ τὸ τῇ Ἑλληνίδι· και αὐθις τοῦ Ζιχ τὸ ἰσορροποῦν τῇ Ἑλληνίδι βιβλίον γράμμασι Περσικοῖς διασημασμένον, ἄνευ τῆς τῶν ἐκτυπωμάτων ἀσφαλείας, εἰληφότος, τὸ σωθήσεσθαι οἱ τὰς μνήμας, και Πέτρος οὐκ ἄλλως ἐπετέλεσεν ἀμοιβαίως.

Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Гедеоновъ, въ этомъ описаніи должно отмѣтить слѣдующіе моменты въ ходѣ всего дѣла: 1) послѣ преній обѣихъ сторонъ, каждая составляетъ свой проектъ договора

1) Exc. e Menandro, ed. Bonn. 359—364.

на своемъ языкѣ; 2) персидскій экземпляръ переводится на греческій, а греческій — на персидскій языкъ; обѣ стороны сличаютъ переводный экземпляръ съ своимъ собственнымъ проектомъ договора, и найденныя различія согласуютъ; 3) когда обѣ стороны нашли проекты договора подходящими, то изготовляются двѣ грамоты — персидская и греческая, при чемъ каждая сторона употребляетъ свои канцелярскія и дипломатическія формы; наконецъ 4) происходитъ обмѣнъ договорами: греки получаютъ персидскій экземпляръ, а персы — греческій; кромѣ того, греческіе послы получаютъ греческій переводъ съ персидскаго, а персы — персидскій переводъ съ греческаго экземпляра; эти послѣдніе — переводные экземпляры оригиналовъ — не имѣютъ печатей пословъ: они служили только пособіемъ при чтеніи оригиналовъ. И такъ, каждая сторона получала два экземпляра договора: одинъ на языкѣ той страны, съ которой заключается договоръ, другой въ видѣ копій съ того же экземпляра на языкѣ своей страны¹⁾.

Такой порядокъ заключенія договора между Персіей и Византіей, безъ сомнѣнія, можетъ считаться типическимъ для всѣхъ договоровъ, когда-либо заключенныхъ византійскимъ правительствомъ съ тою или иною страной; этотъ порядокъ, однако, допускалъ извѣстнаго рода отступленія, когда, напр., Византія вступала въ договоръ съ страной, которая не могла еще выработать своихъ собственныхъ дипломатическихъ и канцелярскихъ обычаевъ. Нельзя не замѣтить, что то, что мы находимъ у Менадра, не совсѣмъ вяжется съ выведенною г. Нейманномъ формулой византійскаго договора. У г. Нейманна нѣтъ рѣчи о томъ, составлялся ли договоръ отдѣльно каждою стороною на своемъ языкѣ и происходило ли за тѣмъ сличеніе обоихъ экземпляровъ, или нѣтъ, иначе сказать, принимала ли активное участіе въ редакціи договора каждая сторона, или эта редакція была въ рукахъ византійской только дипломатіи и ея канцеляріи.

Между тѣмъ, этотъ вопросъ напрашивается на вниманіе самъ собою, ибо въ сборникѣ Тафеля и Томаса всѣ документы — на латинскомъ языкѣ и идутъ отъ Византіи къ Венеціи или, вообще, отъ одной какой-нибудь стороны. Былъ ли сдѣланъ переводъ съ оригиналовъ въ Константинополѣ и, въ качествѣ копій, отправленъ вмѣстѣ съ оригиналами въ Венецію, или этотъ переводъ сдѣланъ уже въ Венеціи для своихъ текущихъ надобностей? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта въ

1) Гедеоновъ, «Варяги и Русь», стр. 264 и слѣд.

статья г. Нейманна, тогда какъ рѣшеніе его имѣеть существенное значеніе для оцѣнки документовъ въ сборникѣ Тафеля. Если переводъ каждаго изъ этихъ документовъ сдѣланъ въ Константинополѣ, то, конечно, всѣ они имѣють для насъ значеніе оригиналовъ; если же—въ Венеціи, то сборникъ Тафеля теряетъ много въ своемъ достоинствѣ. Изъ примѣчанія 2 на стр. 367, гдѣ г. Нейманнъ говоритъ о переводномъ характерѣ документовъ въ сборникѣ Тафеля, видно, что онъ признаетъ за ними позднѣйшее происхожденіе; это, конечно, вѣроятно, ибо въ интересахъ венеціанцевъ было—хорошо знать содержаніе привилегій, что вело за собою неоднократное списываніе ихъ; однако, вопросъ о томъ, гдѣ былъ сдѣланъ первый переводъ, остается у г. Нейманна все таки нерѣшеннымъ.

Тутъ-то именно и могъ ему помочь Менандръ, извѣстіе котораго мы выше привели; но тогда къ формулѣ г. Нейманна должно сдѣлать слѣдующее дополненіе. Тѣ два экземпляра договора, о которыхъ онъ говоритъ на стр. 375, приобрѣтають такое значеніе: одинъ изъ нихъ былъ на латинскомъ языкѣ, другой—переводъ его на греческій; второй оставался въ Константинополѣ, а первый, вмѣстѣ съ хрисовулломъ, который былъ составленъ также на греческомъ и латинскомъ языкахъ, на особыхъ хартіяхъ, шелъ въ Венецію, гдѣ и оставался; въ замѣнъ всего этого византійскій посолъ получалъ отъ дожа протоколъ о дачѣ присяги венеціанскимъ правительствомъ.

Что хрисовуллъ на греческомъ языкѣ сопровождалъ латинскій переводъ, сдѣланный въ Константинополѣ и лицомъ оффиціальнымъ, именно—драгоманомъ византійскаго правительства, того требуетъ самое простое соображеніе, кромѣ свидѣтельства Менандра: для византійскаго правительства было важно, чтобы въ Венеціи понимали буллу по подлинному ея смыслу, а не толковали ее вкривь и вкосъ, что очень было бы возможно, если бы переводъ ея предоставитъ усмотрѣнію самихъ венеціанцевъ, недостаточно знакомыхъ съ греческимъ языкомъ. Венеціанцы, какъ народъ практической, какъ члены государства по преимуществу торговаго, конечно, не столько заботились объ исполненіи взятыхъ на себя по отношенію къ Византіи обязанностей, сколько о томъ, чтобы какъ можно болѣе широко воспользоваться правами и привилегіями, которыми они надѣлены были имперією; поэтому послѣдняя должна была позаботиться, чтобы актъ, выданный ею, понимался, какъ должно, а это достижимо было только тогда, когда переводъ съ этого акта на понятный для венеціанцевъ языкъ сдѣланъ

подъ непосредственнымъ надзоромъ самаго византійскаго правительства.

Такой порядокъ вещей въ составленіи договора существовалъ долго, пока византійское правительство не убѣдилось, что и онъ не вполне обезпечиваетъ его отъ забывчивости венеціанцевъ, и приблизительно съ 1187 года оно рѣшилось отступить отъ принятаго порядка, по которому каждая сторона изображала свои обязанности на отдѣльныхъ хартіяхъ, и ввело обычай—въ каждый экземпляръ договора вносить обязательства обѣихъ сторонъ и, такимъ образомъ, заставить венеціанцевъ знакомиться и съ тѣми обязательствами, которыя они приняли на себя.

Что именно это обстоятельство вызвало реформу въ составленіи договоровъ, свидѣтельствуетъ и то, что документовъ, въ которыхъ шла бы рѣчь о какихъ-нибудь обязанностяхъ венеціанцевъ по отношенію къ Византіи приблизительно до 1187 года, въ сборникѣ Тафеля нѣтъ; очевидно, они легко забывались самими венеціанцами, а потому не сберегались и погибли для насъ. Но именно эта реформа въ составленіи договоровъ больше всего и убѣждаетъ насъ въ важности Менандрова извѣстія и въ необходимости привлекать его въ качествѣ матеріала при сужденіи о порядкѣ, соблюдавшемся при заключеніи договоровъ. И такъ, до 1187 года приблизительно, Венеція, напр., должна была каждый разъ, когда она заключала съ Византіей новый договоръ, получать отъ послѣдней три хартіи: хрисовуллъ въ двухъ экземплярахъ—одинъ на греческомъ и другой на латинскомъ языкѣ, при чемъ переводъ сдѣланъ былъ въ Константинополѣ, при самомъ заключеніи договора, и—одинъ экземпляръ хартіи, на которой изображены были обязательства Венеціи и который былъ копіей съ оставшагося въ Константинополѣ оригинала.

На каждой изъ этихъ хартій, за исключеніемъ, конечно, оригинала хрисовулла, должна была быть отмѣтка официального лица въ Византіи, удостовѣрявшая вѣрность копій съ оригиналами и вѣрность переводной хартіи, какъ это сдѣлано на одномъ Пизанскомъ переводномъ договорѣ рукою логовета дрома словомъ «ἴσον» и удостовѣреніемъ, что эта копія скрѣплена золотою печатью. Это обстоятельство чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что если мы имѣемъ договоръ, заключенный съ Византіей какимъ-нибудь государствомъ, и на немъ будетъ отмѣтка, что онъ—копія съ оригинала, хотя бы эта отмѣтка была сдѣлана не на языкѣ послѣдняго,—то мы будемъ имѣть сильное

доказательство въ пользу близости этой копіи къ оригиналу, близости, мѣру для которой легко опредѣлить, зная уже порядокъ, соблюдавшійся при заключеніи договоровъ: разстояніе это не можетъ быть дальѣ второй руки, считая оригиналь и коцію, снятую съ него при самомъ заключеніи договора, за первую. Съ этой точки зрѣнія сборникъ Тафеля и Томаса имѣетъ далеко не то значеніе, какое онъ имѣлъ бы, если бы въ немъ заключались документы, отмѣченные какъ копіи съ оригиналовъ: ни одного такого документа до 1187 года въ этомъ сборникѣ нѣтъ.

II.

Мы остановились такъ долго на опредѣленіи порядка, соблюдавшагося въ Византіи при заключеніи международныхъ трактатовъ, какъ потому, что кое-что въ формулахъ г. Нейманна представляется не совсѣмъ яснымъ, такъ и потому, что предметъ этотъ имѣетъ существенное значеніе для рѣшенія вопроса о нашихъ договорахъ съ Византіей, переданныхъ лѣтописцемъ подъ 907, 911 и 945 годами.

Еще въ 1853 году проф. Н. А. Лавровскій, приступая къ разсмотрѣнію внѣшней формы договоровъ, писалъ, что при этомъ бросается въ глаза опредѣленность, однообразіе внѣшней формы ихъ. Является вопросъ, возможно ли, чтобы русскіе X в. могли уже выработать такую форму, по которой во всѣхъ договорахъ, записанныхъ вполнѣ, соблюдалась бы строгая послѣдовательность вступленія, содержанія и заключенія? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Но если такъ, то русскіе заимствовали эту искусственную форму договоровъ только у грековъ. Это заключеніе, полученное чисто логическимъ путемъ, слѣдовало бы подтвердить болѣе положительнымъ доказательствомъ, основаннымъ на сравненіи съ подлинниками самихъ договоровъ или съ однородными съ ними актами. Вопросъ о томъ, что эти договоры суть точныя копіи съ греческихъ подлинниковъ, могъ бы быть рѣшенъ безповоротно такимъ сравненіемъ; но, къ сожалѣнію, ни одного акта, однороднаго съ разсматриваемыми, на греческомъ языкѣ до насъ не дошло¹⁾. Вслѣдствіе этого проф. Лавровскій рѣшаетъ вопросъ о подлинности нашихъ договоровъ исключительно на почвѣ филологической. Что наши договоры суть переводъ съ греческаго языка, послѣ работы Н. А. Лавров-

1) Н. А. Лавровскій, О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками.

скаго и того, что мы знаемъ уже о переводныхъ копіяхъ съ оригиналовъ византійско-венеціанскихъ документовъ и изъ сообщенія Меландра, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; высказанное же Н. А. Лавровскимъ сожалѣніе объ отсутствіи аналогичныхъ съ нашими греческихъ договоровъ въ настоящее время не можетъ имѣть мѣста. Достаточно указать на сборники Миклошича и Тафеля и Томаса. Если документы, помѣщенные у Тафеля, всё—на латинскомъ языкѣ, хотя они представляютъ позднѣйшія копіи съ тѣхъ переводныхъ экземпляровъ, которые сдѣланы были въ Константинополѣ, то и о нашихъ договорахъ можно и должно съ полною увѣренностію сказать, что они — переводъ съ греческаго языка и представляютъ притомъ вполне надежный текстъ второй руки; имѣемъ въ виду, что есть полное основаніе думать, что записанные у лѣтописца договоры суть ближайшія копіи со вторыхъ экземпляровъ, которые сопровождали греческіе, какъ переводныя копіи съ нихъ. Всѣ договоры, кромѣ договора 907 г., о которомъ рѣчь будетъ особо, имѣютъ надписи, что они суть копіи («Равно другаго совѣщанія») съ греческихъ оригиналовъ, копіи, сдѣланныя въ Константинополѣ, а не въ другомъ какомъ нибудь городѣ, напр. въ Кіевѣ.

Но представляется вопросъ: дѣйствительно ли заключены были всѣ договоры 907, 911 и 945 года? Возможно и бывали примѣры, что два государства вступали въ переговоры съ цѣлью заключить договоръ, и оставалось только исполнить послѣдній актъ всего хода дѣла, чтобы договоръ сталъ фактомъ, и онъ всетаки таковымъ не успѣвалъ сдѣлаться, ибо одна изъ сторонъ отказывалась по тѣмъ или другимъ причинамъ отъ ратификаціи договора (см. примѣръ, указанный г. Нейманномъ на стр. 376). Нѣчто въ этомъ родѣ могло случиться и съ нашими договорами, и ближайшее разсмотрѣніе ихъ съ новой точки зрѣнія — со стороны ихъ внѣшней формы и порядка заключенія — прольетъ, быть можетъ, нѣсколько свѣта на этотъ темный вопросъ.

Подъ 912 г. лѣтописецъ¹⁾ говоритъ, что Олегъ отправилъ пословъ въ Константинополь для заключенія договора. Историческая обстановка княженія Олега и его похода на Царьградъ не даетъ намъ возможности предположить, что починъ въ заключеніи договора принадлежалъ ему, чтобы Олегъ—побѣдитель—согласился заключить съ

1) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археологической комиссіи. СПБ. 1872 г., стр. 32.

побѣжденными греками договоръ, клонившійся явно въ пользу почти исключительно грековъ¹⁾. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объяснить внезапное появленіе этого договора на страницахъ лѣтописи, черезъ какихъ нибудь четыре года послѣ заключенія договора 907 года? Ни изъ лѣтописи, ни изъ какихъ нибудь другихъ источниковъ не видно, чтобы, послѣ 907 г., въ отношеніяхъ между Византією и Русью произошли настолько важныя перемѣны, что признана была необходимость новой ихъ регламентаціи. Взаимныя отношенія двухъ странъ не были такъ ужъ сложны, чтобы требовалось такъ часто регулировать ихъ; если бы эти отношенія были болѣе многообразны, а не ограничивались только внушеніями чувства самосохраненія съ одной стороны и жажды къ добычѣ съ другой, то безъ всякаго сомнѣнія въ каждомъ изъ договоровъ мы нашли бы болѣе разнообразія въ содержаніи, и о самихъ договорахъ, по крайней мѣрѣ, объ одномъ изъ нихъ, мы могли бы имѣть свидѣтельство у какого нибудь изъ византійскихъ лѣтописцевъ²⁾.

Въ русской исторической литературѣ уже не разъ было высказываемо мнѣніе, что записанное въ лѣтописи подъ 907 годомъ не есть формальный договоръ, а только предварительное соглашеніе, на основаніи котораго, въ 911 году, былъ заключенъ договоръ уже формальный. Кто читалъ наши договоры, тотъ знаетъ, что статьи предполагаемаго договора 907 года совсѣмъ не входятъ въ договоръ 912 г., но появляются снова въ договорѣ 945 г. Чтобы объяснить эту странность, проф. Сергѣевичъ долженъ былъ допустить порчу въ договорѣ 911 года, а затѣмъ и въ договорѣ 945 г. Проф. Сергѣевичъ³⁾ считаетъ то, что записано подъ 907 г., просто мировой сдѣлкой, притомъ устной, а не письменной, по которой Олегъ долженъ былъ очистить территорію Византіи. Н. А. Лавровскій, стремясь быть какъ можно болѣе консервативнымъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, защищаетъ дѣйствительность договора 907 года, объясняя указанную странность тѣмъ, что переписчикъ лѣтописи старался сократить трудъ переписки, опустивъ въ договорѣ 911 г. то, о чемъ была уже рѣчь въ договорѣ

1) «Письменныхъ договоровъ требовали, разумѣется, греки» справедливо говорить Геденовъ въ «Варяги и Русь», стр. 269.

2) Легко было забыть объ одномъ договорѣ, но какъ объяснить забывчивость византійскихъ лѣтописцевъ, если на разстояніи какихъ нибудь 38 лѣтъ заключено было три договора.

3) Греческое и русское право въ договорахъ русскихъ съ греками. Ж. Мин. Нар. Пр. 1882 г., январь.

907 года. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода стремленія всегда существовали у переписчиковъ, но если припомнить, въ какомъ настроеніи древніе переписчики приступали къ своей работѣ, которую они считали святой, то предположеніе Н. А. Лавровскаго теряетъ много въ своей силѣ. Такія или иныя отношенія Руси къ Византіи были для русскаго человѣка древняго времени настолько важнымъ и, должно сказать, пріятнымъ элементомъ его работы, что едва-ли онъ могъ покуситься временемъ и опустить что нибудь, что могло послужить только къ славѣ Руси, а не къ ея униженію. Предположеніе проф. Лавровскаго конечно, могло бы имѣть какое нибудь значеніе въ ряду другихъ, но несомнѣнныхъ доводовъ, само же по себѣ оно не можетъ рѣшить вопроса.

Остается анализировать эти договоры и посмотрѣть, насколько они соотвѣтствуютъ всему тому, что мы вообще знаемъ о международныхъ трактатахъ, заключавшихся Византіей. Основаніемъ для такого сравненія послужитъ намъ общее положеніе: въ Византіи выработалась извѣстнаго рода рутина при заключеніи международнаго трактата, естественно клонившаяся къ тому, чтобы придать послѣднему видъ, наиболѣе обезпечивающій исполненіе обязанностей, принятыхъ на себя сторонами; какъ великая другая, и эта рутина имѣла за себя долголѣтній опытъ, и отступать отъ нея ни въ коемъ случаѣ нельзя было, не рискуя вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченностью исполненія договора. То же самое нужно сказать о всякомъ вообще официальномъ актѣ.—Разъ выработанная форма и различныя обрядности при составленіи его имѣютъ склонность сохраняться на долго, и соблюденіе ихъ является необходимымъ условіемъ значенія его, какъ официального документа, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ его подлинности. Намъ уже извѣстны обрядности, соблюдавшіяся Византійскимъ правительствомъ при заключеніи международныхъ трактатовъ. Стало быть, въ нашихъ рукахъ есть реальное основаніе для испытанія достоинства нашихъ договоровъ, какъ официальныхъ документовъ. И такъ, припомнимъ то, что сказано о формальностяхъ, соблюдавшихся Византіей при заключеніи договоровъ, и приложимъ все это къ нашимъ документамъ.

Повторяемъ, здравый смыслъ требуетъ того, чтобы та сторона возбуждала вопросъ о сдѣлкѣ, которая наиболѣе въ ней нуждается. Что касается договора 911 г., то заинтересованной стороной, несомнѣнно, была Византія, а не Русь, для которой, въ то время, даже вы-

годище было быть свободной отъ всякихъ узъ и препятствій въ своихъ стремленіяхъ къ добычѣ. Это она доказала своими походами на Византию въ 941 и 945 годахъ. Мы должны вслѣдствіе этого ожидать, что въ 911 г. въ Кіевѣ явятся византийскіе послы съ извѣстными предложеніями. Сосѣдство русскихъ съ византийскими владѣніями въ Крыму и набѣги ихъ на самую столицу имперіи могли быть реальными причинами желанія византийскаго императора вовлечь Русь въ правильныя договорныя отношенія къ имперіи, при которыхъ, конечно, труднѣе было бы безпокойной Руси тревожить ее своими набѣгами. Между тѣмъ, что мы видимъ въ 911 г.? «Посла мужи своя Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекъ»¹⁾, т. е. Олегъ первый отправляетъ пословъ въ Византию для заключенія договора. Эта непослѣдовательность въ изложеніи лѣтописи такъ и останется непонятной, если то, что записано подъ 907 г., считать договоромъ, формально заключеннымъ; однако, она легко устраняется, если держаться прямого смысла словъ въ веденіи къ договору 911 года: «наша свѣтлость (Олегъ) болѣ инѣхъ хотяши, еже о Бозѣ удержати [и] извѣстити такую любовь, бывшую межю хрестьяны и Русью, многажды право судихомъ, не точию просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою, кленшеса оружіемъ своимъ, такую любовь утвердити и извѣстити по вѣрѣ и по закону нашему». Смыслъ этого текста такой: Олегъ и раньше заключилъ договоръ съ греками, но только словесный; онъ обѣщалъ греческимъ императорамъ утвердить этотъ договоръ письменнымъ актомъ, скрѣпленнымъ присягой и подписями, и теперь онъ исполняетъ данное обѣщаніе. Это ведетъ насъ прямо къ договору 907 года. Подъ стѣнами Константинополя былъ заключенъ словесный миръ и по почину Византии рѣшено было заключить формальный договоръ, ради котораго и отправились послы Олега въ Константинополь въ 911 году.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе этого документа приводитъ насъ къ убѣжденію, что требуемыя формы и обрядности при заключеніи его были почти всѣ выполнены. Послѣ перечисленія пословъ и обычнаго вступленія, послы даютъ присягу, что никто «отъ сухихъ подъ рукою нашихъ княза» не нарушитъ «любовь», которую они установятъ между Русью и Византиею, — пунктъ, который составляетъ, какъ мы видѣли, необходимое условіе заключенія договоровъ.

1) Лѣт. Лаврент. стр. 32.

Остановимся теперь на заключеніи разсматриваемаго договора, изъ котораго видно, что договоръ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ — одинъ на греческомъ, другой на славянскомъ языкѣ; первый долженъ былъ остаться у императора, второй долженъ былъ быть врученъ русскимъ посламъ; послѣдніе повторяютъ присягу, данную ими при началіи переговоровъ; съ своей стороны императоры «предлежащимъ честнымъ крестомъ» клялись въ исполненіи ими договора¹⁾.

Мы сказали, что при заключеніи разсматриваемаго договора были соблюдены почти всѣ требуемыя для полноты дѣла формальности; говоримъ — почти, и на слѣдующемъ основаніи. По смыслу приведеннаго заключенія договора 911 г., который инымъ не можетъ быть, договоръ утвержденъ только присягою пословъ; но мы уже знаемъ, что византійское правительство не могло ограничиться только этимъ: договоръ долженъ быть скрѣпленъ присягой Олега и всѣхъ «ниже суть подъ рукою его свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ боярь», — тогда только договоръ можетъ получить полную, официальную силу. Мы должны, слѣдовательно, ожидать, что императоры командируютъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ заключившими договоръ русскими послами своихъ уполномоченныхъ, которые приведутъ Олега и его боярь къ присягѣ и вручатъ имъ хрисовулль, въ которомъ будутъ изложены обязательства Византіи по отношенію къ Руси и который будетъ написанъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Мы знаемъ, что послѣдній актъ и есть ратификація договора, и безъ него послѣдній не можетъ имѣть силу. Ни изъ самого договора, ни изъ разсказа лѣтописца не видно, чтобы этотъ послѣдній актъ ратификаціи былъ соблюденъ. Лѣтописецъ подробно говоритъ о томъ, какъ царь «Леонъ почти послы рускые дарми» и проч., какъ онъ далъ имъ въ проводники людей, которые показали имъ достопримѣчательности столицы, и отпустилъ затѣмъ ихъ въ Русь съ великою честью; что же касается самого договора, то онъ очень глухо говоритъ: «послании же Олгомъ послѣ придоша ко

1) На утвержденъ же неподвижне быти межѣ вами хрестыаны и Русью, бывшии миръ сотворихомъ Ивановымъ написаниемъ на двою харатью, царя вашего в своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосушцию Троицею единого истиннаго Бога вашего извѣсти и дать вашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему. иже отъ Бога суще яю Божие зданіе по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни иноу отъ страны вашей отъ уставленыхъ главъ мира и любви. И таковое написанне дахомъ царства вашего на утвержденіе обоему пребывати такому совещавию, на утвержденіе и на извещаніе межѣ (вами) нами бывающаго мира. Мѣсяца септембрия 2-го, недѣли 15, в лѣто созданія мира 6420. Лаврент. Лѣт. стр. 36 и 37.

Олгови и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни Грекомъ ни Руси. И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ», — ни слова о ратификаціи договора Олегомъ. Не такъ ведетъ себя лѣтописецъ, когда онъ передаетъ договоръ 945 года.

Что договоръ 911 г. не состоялся, несомнѣнно и по другимъ причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже; теперь же замѣтимъ, что въ высшей степени вѣроятно, что Олегъ не успѣлъ подтвердить договоръ: приведши послѣдній, лѣтописецъ тотчасъ говоритъ о смерти Олега. Весьма возможно, что Игорь отказался утвердить договоръ, имѣя свои личные замыслы на счетъ Византийской имперіи, которые онъ затѣмъ и осуществилъ.

Обратимся къ походамъ Игоря на Византію. Они предпринимаются съ такою же легкостью, какъ и при Олегѣ; очевидно, что какъ Олегъ, такъ и Игорь въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи не руководствуются никакими иными соображеніями, кромѣ желанія сорвать съ грековъ дань золотомъ и другими предметами. Лѣтописецъ ни самъ не говоритъ ни слова о какихъ нибудь обязательствахъ, нарушенныхъ Игоремъ, ни влагаетъ въ уста греческихъ пословъ, отправленныхъ императорами къ Игорю, какихъ нибудь словъ намекающихъ на договорныя отношенія Руси къ Византіи. Всѣ эти обстоятельства невольно обращаютъ на себя наше вниманіе и остаются непонятными и необъяснимыми, если считать договоръ 911 года состоявшимся.

Разсмотримъ теперь договоръ 945 года.

Послѣ неудачнаго похода 941 г., Игорь въ 944 г. предпринимаетъ новый походъ на Византію; правительство послѣдней предпочло вступить въ переговоры съ Игоремъ и предложить ему то, что служило предметомъ желаній русскихъ—выкупъ. Оно употребило знакомое средство. «Рѣша же дружина Игорева: да аще сиче глаголетъ царь, то что хотимъ боле того, не бившеся имати злато, и серебро и паволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, онъ ли? ли с моремъ кто свѣтень? се бо не поземли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ». Получивъ, что нужно, Игорь «приде къ Киеву въсвоися». О какихъ нибудь переговорахъ, клонившихся къ заключенію договора или напоминавшихъ о заключенныхъ уже договорахъ,—ни слова; но очевидно, что эти переговоры имѣли мѣсто, но они могли касаться только будущаго договора, о прежнихъ же упоминалось

развѣ только ради ссылки, что существовало такое намѣреніе и раньше. Это ясно изъ словъ лѣтописца подъ 945 г.: «Присла Романъ, и Костянтинъ, и Степанъ слы къ Игореву построить мира *перваго* ¹⁾); Игорь же глагола съ ними о мирѣ ²⁾». Когда шли переговоры, долженствовавшіе привести къ соглашенію обѣ стороны, византійскіе дипломаты не могли не ссылаться на переговоры, которые были раньше; указаніе на то, что на извѣстные пункты было дано согласіе Олегомъ, могло побудить русскихъ пословъ къ уступчивости. Кромѣ этихъ трехъ ссылокъ, другихъ мы не встрѣчаемъ. Если бы договоръ 911 г. дѣйствительно былъ заключенъ, то почему во введеніи къ договору 945 г. ни однимъ словомъ не намекается на существованіе перваго; нельзя же считать такимъ намекомъ слова «и отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветхій миръ», потому что, въ такомъ случаѣ, и слова въ договорѣ 911 г. «на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ между хрестьяны и Русью бывшую любовь» — слѣдовало бы считать намекомъ на договорныя отношенія между Византіей и Русью до 911 г., что не возможно. Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ мы ничего другого не усматриваемъ, какъ только стремленіе византійскихъ дипломатовъ внушить русскимъ посламъ, что между Византією и Русью всегда были мирныя отношенія, которыя требуютъ только письменной регламентаціи. «Посла Игорь мужи своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша русскія слы, и велѣша глаголати [и] псати обоихъ рѣчи на харатѣѣ». Далѣе слѣдуетъ самый договоръ.

Отмѣтимъ прежде всего чрезвычайную краткость и опредѣленность выраженій лѣтописца, — качества, болѣе всего свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, въ которомъ лѣтописецъ вполнѣ увѣренъ ³⁾. Особенное наше вниманіе затѣмъ обращаютъ на себя слова: «присла Романъ, и Костянтинъ, и Степанъ слы къ Игореву построить мира перваго», — слова, которыя передаются всѣми рукописями одинаково. При томъ состояніи вопроса о нашихъ

1) Этими, по нашему мнѣнію, и объясняются тѣ три ссылки на предыдущіе договоры, которыя встрѣчаются въ договорѣ 945 года. 1) «А великій князь Рускій и бояре его да посылають въ Греки изъ великимъ царемъ Гречскимъ корабли, елико хотять, со слы и съ гостями, *якоже имъ уставлено есть*»; 2) «и отходящей Руси отсюда взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ, лодьямъ, *якоже уставлено есть прежде*». 3) Въ главѣ о бѣгломъ русскомъ рабѣ: «ти тогда взимають отъ насъ цѣву свою, *якоже уставлено есть прежде*».

2) Замѣтимъ, кромѣ того, что приведенныя слова лѣтописца чрезвычайно напоминаютъ сокращеніе болѣе подробнаго разсказа о томъ же событіи.

договорахъ, въ которомъ онъ до сихъ поръ находится, приведенныя слова лѣтописца остаются непонятными, между тѣмъ трудно предположить, чтобы онъ употребилъ ихъ, не придавая имъ никакого значенія. Для насъ теперь понятно и естественно, что послы прибыли съ тѣмъ, чтобы «утвердить прежній миръ», чтобы окончательно, слѣдовательно, утвердить прежній договоръ, который въ 911 г. по извѣстнымъ причинамъ не былъ утвержденъ¹⁾. Самъ лѣтописецъ своимъ изложеніемъ оправдываетъ выводы г. Нейманна и наши, относительно хода дѣла при заключеніи Византіей международныхъ трактатовъ. Инициатива заключенія договора, какъ и слѣдовало ожидать, шла отъ Византіи: для послѣдней важно было вовлечь Русь въ правильныя международныя отношенія. Греческіе послы прибыли въ Кіевъ и имѣли здѣсь переговоры съ Игоремъ о мирѣ. Стороны пришли къ извѣстному соглашенію, и Игорь отправилъ въ Царьградъ своихъ пословъ, которые съ уполномоченными императора установили пункты соглашения²⁾; послѣдніе были изложены на двухъ хартіяхъ, изъ которыхъ одна — очевидно на греческомъ языкѣ, другая — на русскомъ. Вступленіе къ самимъ договорнымъ статьямъ начинается точно такъ же, какъ и договоръ Олеговъ, съ перемѣнной, конечно, именъ пословъ, и продолжается совершенно въ духѣ всѣхъ вступленій въ подобнаго рода византійскихъ документахъ; за вступленіемъ слѣдуетъ присяга, данная послами, въ которой они отъ имени Игоря и всей Руси клянутся соблюдать договоръ. Изъ заключенія, слѣдующаго за статьями договора, видимъ, что прежде всего договоръ былъ написанъ на двухъ хартіяхъ, и на одной изъ нихъ былъ крестъ и подписи императоровъ, а на другой — подписи русскихъ пословъ. Первый экземпляръ и былъ то, что называлось хрисовулломъ; онъ былъ подписанъ и скрѣпленъ печатью императоровъ, т. е. ратификованъ послѣдними. Съ этимъ и и вторымъ экземпляромъ договора византійскіе послы должны прибыть въ Кіевъ и вручить первый Игорю. Далѣе слѣдуютъ слова, снова остающіяся непонятными, если при толкованіи ихъ не имѣть въ виду того, что мы сказали о процедурѣ заключенія договоровъ. Въ

1) Какъ совершенно вѣрно переводитъ проф. *Владимирскій Будановъ*, Хрестоматія по исторіи русскаго права, 1885 г., выпускъ 1-й, страница 10. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что лѣтописецъ зналъ, что договоръ 911 года не состоялся, но по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, которыя скорѣе всего слѣдуетъ искать въ патріотическомъ настроеніи лѣтописца, помѣстилъ подъ 911 г. то, что у него было подъ руками.

2) Стало бытъ переговоры велась главнымъ образомъ въ Царьградѣ и здѣсь закончилась.

венеціанскихъ документахъ, указанныхъ г. Нейманномъ въ своемъ мѣстѣ, предусматривается будущая ратификація договора венеціанскимъ правительствомъ, состоявшая въ томъ, что оно давало присягу въ полномъ своемъ составѣ, начиная отъ дожа до малаго и большого совѣта; по дачѣ присяги, составлялся протоколъ, который вручался византійскому послу. Византійское правительство на этотъ послѣдній актъ всего дѣла всегда обращало особенное вниманіе, а что касается Руси, то объ этомъ актѣ оно должно было особенно позаботиться и напередъ дать формулу присяги. Мѣсто договора отъ словъ: «мы же, елико насъ хрестіансы есмь» до словъ «и да будетъ клясть отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву» включительно, и есть формула присяги, которую должны были дать Игорь и «люди его». Византійскіе дипломаты выпытали у русскихъ пословъ формулу наиболѣе торжественной присяги, употреблявшейся у Руссовъ, и обрядности при этомъ соблюдавшіяся, и включили все это въ договоръ, обезпечивъ такимъ образомъ себя отъ возможности обмана со стороны Русскихъ ¹⁾.

Послѣднія строки договора какъ нельзя болѣе ясно убѣждаютъ насъ, что онъ не достигъ еще полнаго оффиціального значенія, что такое достоинство онъ получить только тогда, когда Игорь и «люди его» утвердятъ его присягой по той формѣ, которая заранѣе дана: «да аще будетъ добръ, Игорь, великій князь да хранить си любовь» и т. д. Дальнѣйшее изложеніе лѣтописи находится въ полной гармоніи съ тѣмъ, что мы сказали. Отправленные въ Византію русскіе послы съ уполномоченными отъ императоровъ возвратились въ Кіевъ «Игорь же призва слы гречьскыя, рече имъ: глаголите, что вы казалъ царь? И рѣша сли цареви: се посла ны царь, радъ есть миру, хоцетъ миръ имѣти со княземъ рускимъ и любѣве; твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужъ твоихъ. Обѣщася Игорь сице створити». На слѣдующій день Игорь въ сопровожденіи своихъ «людей» отправился на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна; здѣсь всѣ они, въ присутствіи византійскихъ пословъ, сложили съ себя оружіе, щиты и золотыя украшенія и произнесли требуемую клятву; крещенные русскіе принесли присягу въ церкви Св. Іаіи. «Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ

1) Поэтому мы предложали бы измѣнить нѣсколько, для большей ясности въ чтеніи заключенія договора, пунктуацию и ставить двоеточіе вмѣсто точки передъ словами: «мы же, елико насъ хрестіансы есмь» и проч.

ихъ скорою» и проч., оканчиваетъ лѣтописецъ разсказъ о заключеніи договора. Игорь и «людие его» выполнили то, что требовалось для ратификаціи договора.

Такимъ образомъ, высказанное Эверсомъ, повторенное Н. А. Лавровскимъ мнѣніе, будто договоръ 911 г. былъ въ полномъ смыслѣ формальнымъ, написаннымъ съ строжайшею заботливостью не только по отношенію къ содержанію, но и относительно самой рѣчи, не можетъ считаться основательнымъ; не болѣе основательна и мысль, по которой договоръ 945 года является только дополненіемъ къ договору 911 г. и долженъ считаться менѣе официальнымъ документомъ, при составленіи котораго не было обращено особеннаго вниманія на самый языкъ статей, почему послѣдній и является въ немъ болѣе простымъ и удобопонятнымъ. Уже и безъ указанныхъ обстоятельствъ мнѣніе это не выдерживаетъ критики: о каждомъ заключенномъ договорѣ, тѣмъ болѣе международномъ, должно сказать, что онъ — официальный документъ — ни болѣе, ни менѣе, написанный со всевозможной тщательностью, ибо только тогда онъ и можетъ имѣть юридическую силу; если же въ Игоревомъ договорѣ языкъ проще и понятнѣе, чѣмъ въ Олеговомъ, то это объясняется тѣмъ, что писавшій и переводившій текстъ его лучше зналъ греческій и славянскій языки, чѣмъ тотъ, кто писалъ и переводилъ договоръ 911 г.

Разсмотримъ договоръ 945 г. еще съ одной стороны, именно со стороны его содержанія. Оказывается, что по содержанію своему Игоревъ договоръ почти цѣликомъ — въ пользу Византіи, т. е. онъ заключаетъ въ себѣ только обязанности русскихъ по отношенію къ Византіи, объ обязанностяхъ же послѣдней — почти ни слова. Это обстоятельство даетъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ думать, что Византийское правительство, заключая договоръ съ Игоремъ, воспользовалось простотою русскихъ и повело дѣло такъ, что въ выигрышѣ оказались одни греки¹⁾. При тѣхъ средствахъ, которыя были въ распоряженіи изслѣдователей, дѣйствительно не трудно было прийти къ такому заключенію. Однако, свойство содержанія Игорева договора объясняется иначе и вполнѣ удовлетворительно.

Изъ рассмотрѣнія византийско-венеціанскихъ договоровъ получается несомнѣнный выводъ, что въ Венеціи найдены только тѣ документы, которые шли отъ Византіи, которые, слѣдовательно, заклю-

1) Проф. Сергѣевичъ въ цитированной статьѣ.

чаютъ въ себѣ главнымъ образомъ обязательства послѣдней по отношенію къ Венеціи; отвѣтныхъ же актовъ, отъ Венеціи къ Византіи, нѣтъ, хотя мы имѣли случай показать, что эти отвѣтные документы существовали. Итакъ, если мы найдемъ въ венеціанскомъ архивѣ, на примѣръ, или въ венеціанской лѣтописи договоръ, въ которомъ будетъ идти рѣчь объ обязанностяхъ Византіи по отношенію къ Венеціи, объ обязанностяхъ же послѣдней не будетъ ни слова, то это еще не значитъ, что найденный договоръ былъ заключенъ во вредъ Византіи, а — только то, что обязанности Венеціи были изображены на отдѣльной хартіи, которая до насъ не дошла. По аналогіи съ этимъ, мы должны ожидать, что въ лѣтописи русской мы встрѣтимъ текстъ договора, въ которомъ будетъ идти рѣчь объ обязанностяхъ Византіи по отношенію къ Руси, т. е. императорскій хрисовулль. Договоръ Игоря не оправдываетъ нашихъ ожиданій. Оказывается, что до насъ дошла только копія съ того экземпляра договора, который шелъ отъ имени Игоря къ Византіи и естественно заключалъ въ себѣ только обязанности русскихъ; экземпляра же, шедшаго отъ Византіи къ Руси, въ рукахъ у лѣтописца не было: очевидно, онъ погибъ уже къ тому времени, когда стала составляться наша лѣтопись.

А. Димитріу.

Хронографы въ русской литературѣ.

Вступительная лекція въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ 16-го сентября 1897 года.

Историческія сочиненія, называемыя вообще хронографами или хрониками, имѣютъ то отличіе отъ нашихъ лѣтописей, что они не даютъ матеріала для нашей исторіи. Они представляютъ матеріалъ для чтенія по всеобщей исторіи и, если позднѣйшіе хронографы и касаются русской исторіи, то мы находимъ простыя заимствованія изъ нашихъ лѣтописей. Первоначально всѣ разсматриваемыя историческія сочиненія были у насъ и у славянъ исключительно переводными, но затѣмъ изъ переводныхъ стали составляться компиляціи какъ у славянъ такъ и у насъ. Что касается названія историческихъ произведеній хрониками или хронографами, то по существу между тѣми и другими не должно бы быть различія, но въ научной литературѣ эти термины обыкновенно употребляются для обозначенія двоякаго рода историческихъ произведеній: подъ хрониками разумѣются обыкновенно хроники переводныя, принадлежащія извѣстному автору, какъ напр. говорятъ «хроника Малалы», «хроника Манассіи» и т. п.; названіе же хронографа присвоивается особому виду хронографической компиляціи, составленной во второй половинѣ XV в. Отъ тѣхъ и другихъ отличается особая компиляція, извѣстная подъ именемъ Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца.

Когда явилась у славянъ потребность и охота къ историческимъ сочиненіямъ, къ ихъ услугамъ была богатая византийская литература. Но если мы сравнимъ историческій отдѣлъ византийской литературы съ тѣмъ, что имѣемъ въ славянорусской, то увидимъ, что переведено было очень немногое, хотя переводы дѣлались не одновременно, но на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ. Проф. Крумбахеръ въ своей исто-

рѣи византійской литературы¹⁾ дѣлится византійскихъ историковъ на два разряда—на собственно историковъ и на такъ называемыхъ хронистовъ. Между тѣми и другими существуетъ большое различіе. Историки даютъ намъ описаніе своего времени или съ прибавленіемъ короткаго предшествующаго періода, хронисты же—всеобщую исторію съ сотворенія міра и оканчивая современностію или немного ранѣе окончившимися событіями. По технику и языку изложеніе историковъ отличается чистотою, будучи назначено для образованнаго круга, для двора, высшаго духовенства и чиновничества; изложеніе же хронистовъ не имѣетъ уже притязанія на искусство: хронисты были по большей части монахи, желавшіе дать малопросвѣщеннымъ людямъ доступное руководство по всемірной исторіи. У византійскихъ историковъ наблюдается историческое чутье и способность къ критикѣ: они стараются получить свѣдѣнія отъ хорошо освѣдомленныхъ людей, а достовѣрность своего изложенія стараются подкрѣпить выдержками изъ грамотъ и писемъ; хронисты же, изображая всемірную исторію, не имѣютъ въ виду прагматическаго изложенія: о внутренней связи событій они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія и заботятся только о передачѣ отдѣльныхъ событій. Большое вниманіе они обращаютъ на нравственныя и физическія качества описываемыхъ лицъ, съ особеннымъ вниманіемъ они останавливаются на различныхъ явленіяхъ природы, какъ кометы, землетрясенія, на постройкахъ, на изображеніяхъ поварныхъ болѣзней. Дѣятельность ихъ чисто компилятивная: за немногими исключеніями они дѣлали большія или меньшія выписки изъ ранѣе составленныхъ хроникъ. Однимъ словомъ, ихъ творенія носятъ церковно-народный характеръ²⁾.

Византійскіе историки извѣстны на пространствѣ отъ V до XV в. включительно въ числѣ около тридцати. Славянину былъ предоставленъ, слѣдовательно, большой просторъ для выбора переводовъ. Но ни одинъ изъ историковъ не былъ переведенъ на славянскій или русскій языки; даже Константинъ Багрянородный, сообщавшій нѣсколько свѣдѣній по русской исторіи, не привлекъ къ себѣ вниманія русскаго человѣка. Мы не можемъ, конечно, сказать, какое направленіе приняла бы славянорусская хронографія, если бы переводились творенія византійскихъ историковъ, но сравнивая характеръ этихъ твореній съ тѣми, что переводилось, мы можемъ болѣе ясно представлять себѣ степень вліянія

1) Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2-е изд., стр. 219 и слѣд.

2) См. подробнѣе у Крумбаха стр. 219—221, 226—234, 319—323.

исторической переводной литературы. Наоборотъ, византийскія хроники, начало которыхъ относится къ V или, можетъ быть, даже къ концу IV в. и которые тянутся до XII вѣка включительно, дали большой матеріалъ славянамъ для переводовъ. Изъ византийскихъ хроникъ въ славянскихъ переводахъ существуютъ слѣдующія: 1) хроника Іоанна Малалы, 2) Никифора патріарха—хронологическій указатель, 3) хроника Георгія мниха, называемаго также Амартоломъ, 4) хроника Симеона Магистра или Логовета, 5) хроника Іоанна Збнари, 6) хроника Константина Манассія. Сюда же можно отнести хронику Іосифа Флавія. Славяне, а въ частности и въ особенности русскіе воспитывались слѣд. на хроникахъ, отличающихся вышеуказанными особенностями, интересомъ не къ политической жизни, а къ церковной; изъ нихъ они почерпали свои свѣдѣнія по всеобщей исторіи и на нихъ же вырабатывали взглядъ на историческія событія. Вліяніе византийскихъ хроникъ на настроеніе русскихъ было несомнѣнно; въ подробностяхъ я не могу коснуться этого въ настоящее время, и замѣчу лишь, что, если мы читаемъ напр. у нашего лѣтописца разсужденіе, что знаменія бываютъ къ худу или къ добру, и если замѣчаемъ особенное вниманіе къ этимъ знаменіямъ, то уже понимаемъ, откуда все это идетъ.

Не имѣя возможности прослѣдить исторію каждой хроники, я ограничусь въ настоящій моментъ только двумя—хрониками Іоанна Малалы и Георгія мниха, кратко передавъ то, что въ настоящее время о нихъ извѣстно. Хроника Іоанна Малалы служитъ пробнымъ камнемъ для изслѣдователей византийской хронографіи, такъ какъ она въ томъ видѣ, въ которомъ дошла до насъ, возбуждаетъ множество вопросовъ. О хроникѣ Малалы существуетъ цѣлая литература, взгляды ученыхъ на многіе вопросы совершенно различны. Хроника въ оригиналѣ дошла до насъ въ одномъ только спискѣ, въ которомъ къ тому же недостаетъ ни начала ни конца—это Оксфордскій списокъ. По этому списку она издана въ серіи Боннскаго изданія византийскихъ историковъ. Недостающая въ немъ первая книга въ изданіи замѣнена компиляціей, взятой изъ другой рукописи; компиляція эта неправильно считается за сокращеніе первой книги хроники Георгія мниха. Кромѣ этого списка отрывки хроники Малалы сохраняются, съ одной стороны, въ находимыхъ то тутъ то тамъ фрагментахъ, съ другой—у позднѣйшихъ писателей, которые обильно пользовались хроникой Малалы. Изъ тѣхъ и другихъ отрывковъ видно, что рукопись Оксфордская не представляетъ собою полного и чистаго текста Малалы, но отличается

пропусками и переименованіями. Последнія особенно видны въ томъ, что монофизитическія воззрѣнія Малалы, какъ они выясняются изъ фрагментовъ, въ Оксфордской рукописи редакторомъ ея измѣнены въ православномъ духѣ¹⁾. Отсюда является необходимость для восстановления первоначальнаго текста хроники пользоваться ся переводами, между прочимъ и славянскимъ. До недавняго времени первая книга хроники Малалы и существовала только въ славянскомъ переводѣ; изслѣдователи греческаго текста хроники такъ считали важнымъ славянскій текстъ первой главы, что тѣ немногіе отрывки изъ нея, которые были напечатаны въ книгѣ *Попова* — Обзоръ хронографовъ русской редакціи — были переведены стилемъ Малалы на греческій языкъ. Лишь въ недавнее время въ Парижской Національной Библ. нашлась въ полномъ видѣ первая книга хроники Малалы²⁾.

Если обратимся къ славянскому переводу хроники Іоанна Малалы, то прежде всего замѣтимъ скудость нашихъ свѣдѣній. До сихъ поръ не появилось сколько-нибудь сноснаго изслѣдованія о переводѣ хроники. До сихъ поръ она лежитъ еще въ рукописяхъ, благодаря чему можно встрѣтить въ литературѣ самыя невѣрныя о ней свѣдѣнія, въ родѣ того, что она гораздо подробнѣе греческаго оригинала, будучи распространена такими напр. памятниками, какъ «Завѣты 12 патріарховъ». Причину подобныхъ замѣчаній нужно искать въ томъ, что славянскій переводъ хроники дошелъ до насъ не въ отдѣльномъ спискѣ, но въ различныхъ компиляціяхъ—въ Еллинскомъ и Римскомъ Лѣтописцѣ и въ историческомъ сборникѣ Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Въ Еллинскомъ и Римскомъ Лѣтописцѣ хронику Малалы отъ другой хроники—Георгія мниха—отличить довольно легко, но въ Архивскомъ хронографѣ текстъ ея переплетается со множествомъ крупныхъ и мелкихъ вставокъ изъ другихъ источниковъ, отчего и самое выдѣленіе текста хроники Малалы дѣлается затруднительнымъ. Первая задача, поэтому—издать текстъ хроники. Несомнѣнно, что хроника Малалы была переведена вся, но испытала ту же судьбу, что и въ византійской литературѣ, а именно, войдя въ составъ позднѣйшихъ хронистовъ, она исчезла изъ употребленія.

Что касается времени и мѣста перевода хроники Малалы, то пока относительно этого не существуетъ твердыхъ рѣшеній, хотя у насъ,

1) Krumbacher, 331.

2) См. мою статью — Первая книга хроники Іоанна Малалы въ Запискахъ Имп. Ак. Наукъ VIII сер., по ист. фил. отд. т. I, № 3, 1897 г.

думаю, и есть нѣкоторыя основанія для рѣшенія. Прежде всего, составленіе Архивскаго хронографа, содержащаго часть хроники Малалы, относится къ половинѣ XIII в., но она существовала, конечно, гораздо раньше. Въ этомъ хронографѣ передъ изложеніемъ Троянской войны, составляющей V книгу хроники, находится запись, въ которой говорится о переводѣ пресвитеромъ Григоріемъ какихъ то книгъ ветхаго завѣта, но нельзя разумѣть здѣсь библейскія книги. Нѣкоторые думали видѣть здѣсь указаніе на такъ называемую Палею, другіе видѣли здѣсь указаніе на переводъ книгъ царствъ. Ни то ни другое не можетъ быть принято. Хотя эта запись находится передъ пятой книгой хроники Малалы, однако нужно думать, что пресвитеромъ Григоріемъ сдѣланъ весь переводъ хроники, заглавіе которой было таково: «Изложеніе Іоанна бывшаго отъ Антиохійскаго великаго града Сиріи Малыя о лѣтѣхъ міру»: это было простымъ переводомъ съ греческаго. Дальнѣйшія же подробности, указывающія, что переводъ сдѣланъ при Болгарскомъ царѣ Симеонѣ, добавлены уже переводчикомъ¹⁾. Будучи переведена въ Болгаріи, хроника Малалы исчезла изъ употребленія, не оставивъ, подобно и многимъ другимъ переводамъ, въ болгарской литературѣ никакого слѣда. Неизвѣстно также, была ли она въ употребленіи у сербовъ. Къ намъ на Русь хроника пришла въ цѣльномъ видѣ, такъ какъ обѣ компіляціи, сохранившія ее въ частяхъ, а во всякомъ случаѣ, одна изъ нихъ—возникли на русской почвѣ. Эти компіляціи, а также хроника Георгія мниха и вытѣснили, очевидно, ее изъ употребленія; но ея текстъ не пропалъ безслѣдно изъ литературнаго обихода: онъ существовалъ еще въ XIII вѣкѣ, такъ какъ онъ послужилъ однимъ изъ источниковъ второй редакціи Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца, составленной, какъ увидимъ, не раньше половины XIII вѣка. Изъ Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца части хроники Малалы перешли и въ собственно т. наз. хронографъ. Что касается времени появленія хроники у насъ па Руси, то должно сказать, что въ началѣ XII вѣка она уже была: авторъ второй редакціи Лѣтописи, представляемой между прочимъ Ипатскимъ спискомъ, подъ 1114 годомъ приводитъ выдержки изъ хронографа, и часть этихъ выдержекъ оказывается взятой изъ хроники Іоанна Малалы²⁾.

1) См. мое изслѣдованіе — Александрія русскихъ хронографовъ, стр. 353 и слѣд.

2) См. мою статью—Хронографъ Ипатской лѣтописи подъ 1114 г. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897 г., ноябрь и Шахматова тамъ же въ майской книжкѣ того же года.

Въ противоположность хроникѣ Малалы, хроника Георгія мниха, называемаго Амартоломъ, дошла до насъ въ большомъ количествѣ рукописей. Но не всѣ рукописи представляютъ тождественный текстъ, и первоначальный текстъ хроники еще не выясненъ, хотя уже достаточно выяснено, что хроника существовала въ трехъ редакціяхъ. Первоначальная, стоящая близко къ оригиналу дошла до насъ не болѣе какъ въ трехъ спискахъ. Другая редакція имѣетъ продолженіе отъ 842 до 948 г., заимствованное главнымъ образомъ изъ хроники Симеона Логоета. Между той и другой находится третья, средняя редакція. Самой распространенной была редакція, доведенная до 948 года ¹⁾.

Въ славянскомъ мірѣ хроника Георгія мниха была самою распространенною. Помимо многихъ дошедшихъ до насъ полныхъ списковъ, въ рукописяхъ постоянно встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ объемѣ выписки изъ нея. Она легла въ основаніе нѣсколькихъ компиляцій, какъ напр. Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца и нѣкоторыхъ другихъ. Наконецъ, она и переведена была на славянскій языкъ два раза. Она имѣла, поэтому, большое значеніе для развитія славянъ вообще и русскихъ въ частности. У насъ на Руси въ древнее время, до XIV вѣка, она была гораздо болѣе распространена, чѣмъ у славянъ, если только тамъ она вообще была извѣстна, и русскіе люди съ глубокой древности почерпали свои историческія свѣдѣнія почти исключительно изъ нея. На ея отличительныхъ качествахъ развивался вкусъ русскаго читателя къ исторіи и получалъ то направленіе, которое проходило чрезъ всю хронику. вмѣстѣ съ хроникой Малалы она до XIV в. была единственнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній и тотъ религіозный характеръ взглядовъ нашихъ лѣтописцевъ, который высказывается особенно ясно въ разсказахъ о разныхъ явленіяхъ природы или въ характеристикахъ историческихъ лицъ—этотъ характеръ, несомнѣнно, вырабатывался подъ вліяніемъ чтенія хроникъ Іоанна Малалы и въ особенности—излюбленной хроники Георгія мниха.

Хроника Георгія была переведена на славянскій языкъ два раза. Одинъ переводъ принадлежитъ старому времени, другой—болѣе новому. Старый, первый переводъ былъ сдѣланъ не съ первоначальной редакціи, а съ болѣе новой. Дошедшіе до насъ списки этого перевода принадлежатъ всѣ къ русской редакціи и старѣйшій изъ нихъ относится къ XIII вѣку. Гдѣ былъ сдѣланъ переводъ?—Этотъ вопросъ въ

1) Krumbacher, 356.

настоящее время не можетъ быть рѣшенъ съ достаточной точностью и прежде всего по той причинѣ, что у насъ нѣтъ изданія славянскаго текста хроники. Языкъ хроники еще не изслѣдованъ, а для рѣшенія такихъ вопросовъ единственное средство—разработать хронику со стороны языка. Обыкновенно этотъ переводъ называется «болгарскимъ», но для такого наименованія пока нѣтъ данныхъ. Явился ли переводъ въ Болгаріи или нѣтъ, во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ ни одного болгарскаго списка хроники. Если она и была тамъ, то рано исчезла изъ употребленія. Что касается Сербіи, то точно также намъ ничего неизвѣстно, былъ ли тамъ въ употребленіи первый переводъ хроники. На Руси же онъ явился очень рано: Несторъ въ своей Лѣтописи дѣлаетъ выписки изъ хроники Георгія мниха, называя его при этомъ по имени. — Въ отлчіе отъ этого стараго перевода хроники, называющагося въ рукописяхъ обыкновенно «Временникомъ», второй переводъ называется въ рукописяхъ «Лѣтовникомъ». Въ научной литературѣ этотъ второй переводъ извѣстенъ подъ именемъ «сербскаго перевода». Такое названіе присвоивается переводу потому, что всѣ списки его, извѣстные до сихъ поръ, суть списки сербскіе. Списковъ этого перевода дошло до насъ довольно большое количество, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ XIV в.; такъ извѣстны: 1) сп. Синод. Библ. 1386 г., 2) Чешскаго Націон. Музея (въ Прагѣ) 1389 г., 3) Аѳон. моп. св. Павла 1387 г.; кромѣ этого извѣстны еще четыре—пять списковъ XIV—XVI вв. На основаніи большого количества списковъ мы должны заключать, что второй переводъ хроники пользовался большимъ распространеніемъ, но—не въ Болгаріи, а въ Сербіи. Составъ разсматриваемаго перевода и его отношеніе къ греческому оригиналу еще недостаточно извѣстны, но все же можно сказать, что оригиналъ перевода принадлежалъ къ первоначальной, краткой редакціи. Такъ какъ отъ этой редакціи мы имѣемъ два—три списка, то отсюда опредѣляется важность славянскаго перевода для разработки греческаго текста 1).

Я сказалъ, что «Лѣтовникъ» называется обыкновенно «сербскимъ переводомъ». Этого мало: существуетъ давно мнѣніе, что онъ и происхожденія сербскаго. Но это невѣрно. Хотя всѣ списки этого перевода

1) Въ настоящее время Обществомъ Любителей Древней Письменности предпринимается изданіе сербской редакціи хроники параллельно съ греческимъ ея оригиналомъ. Жаль только будетъ, если изданіе ограничится перепечаткой одного какого либо списка.

хроники сербскіе и въ иныхъ дѣлаются указанія на сербскій языкъ, но внимательное разсмотрѣніе указываетъ на болгарскій оригиналь. Сербскій писецъ, вставляя сербскія глоссы и передѣлывая болгарскій оригиналь на сербскій языкъ, противъ своей воли оставлялъ нѣкоторые болгаризмы. Напр. въ Пражскомъ и Синодальномъ сп. одинаково читается (Пражск. л. 5^о): «именоваше ея капетоль римскы еже ꙗ грѣбскы кефали тис полещс, србскы же гла градоу», въ спискѣ же Аѳонскаго монастыря св. Павла вмѣсто «србскы» стоитъ «словѣньскы» т. е. «по болгарски»¹⁾. Но за то въ томъ же Пражскомъ спискѣ осталось неизмѣненнымъ названіе «словѣньскы» въ другомъ мѣстѣ (л. 6^б); нарѣкъ име пиргѣ Вроумалиоумъ еже ꙗ римскы, словѣнскы же ѿ тоуждихъ питатисе». Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ спискахъ такія формы, какъ род. п. ед. ч. основъ на а — «ѿ наложницю свою» и т. п.²⁾. На основаніи такихъ случаевъ, наблюдаемыхъ при томъ въ нѣсколькихъ спискахъ, нужно признать, что переводъ сдѣланъ въ Болгаріи. Прямыхъ указаній, когда былъ сдѣланъ переводъ, мы не имѣемъ, но на основаніи отсутствія признаковъ древности надо думать, что переводъ сдѣланъ не рано, а именно въ такъ наз. Тырновскую эпоху, когда возникшее литературное движеніе коснулось и всеобщей исторіи. Но исторія самого перевода хроники Георгія была недолговѣчна. Съ одной стороны, литературное пробужденіе было недолговременно, съ другой — повидимому, болѣе по вкусу пришлась хроника Манассія, также переведенная на болгарскій языкъ въ половинѣ XIV в. Можетъ быть, одной изъ причинъ, почему хроника Манассія переписывалась въ Болгаріи чаще, чѣмъ хроника Георгія мниха, было то обстоятельство, что переводчикъ хроники Манассія снабжалъ свой переводъ замѣтками по болгарской исторіи. Какъ бы то ни было, хроника Георгія мниха въ новомъ переводѣ перешла въ Сербію, гдѣ и получила большое распространеніе. Что касается Россіи, то новый переводъ, повидимому, и здѣсь не былъ распространенъ, хотя и могъ быть извѣстенъ. Причиной этому было то обстоятельство, что въ это время пользовался распространенностью Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, могшій вполне замѣнить хронику Георгія; да къ тому же на Руси былъ извѣстенъ и

1) Лавровъ и Сперанскій, Письма Шафарика къ Бодянскому, XIX (Изъ Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1895-й годъ).

2) См. Сперанскій, Рукописи Павла Юсифа Шафарика въ Чт. Об. Ист. и Др. Рос. 1894 г. кн. I, стр. 40.

старый переводъ хроники. Въ сербской же литературѣ новый переводъ игралъ большую роль: помимо того, что онъ распространялся въ отдѣльныхъ спискахъ, онъ легъ въ основаніе сербскаго собственно такъ называемаго хронографа.

Изъ остальныхъ хроникъ хроника Манассіи извѣстна только въ болгарскихъ спискахъ, начиная съ половины XIV в.; хроника Зонары въ полномъ видѣ существуетъ только въ сербскихъ спискахъ; хроника же Симеона Логовета, извѣстная пока лишь въ одномъ спискѣ, еще совершенно неизслѣдована. — Нельзя, конечно, утверждать, что кромѣ перечисленныхъ хроникъ не были извѣстны и еще какія нибудь другія. Можно, впрочемъ, принять, что цѣлыхъ хроникъ кромѣ указанныхъ не было извѣстно; но несомнѣнно, кромѣ цѣлыхъ хроникъ у насъ были извѣстны извлечения изъ хроникъ, сдѣланныя еще на греческой почвѣ. Въ различныхъ рукописяхъ попадаются отрывки, которые не принадлежатъ ни одной изъ указанныхъ хроникъ и которые указываютъ на существованіе или компиляцій или отрывковъ изъ различныхъ хронистовъ. Обозрѣвая происхожденіе хроникъ, мы видѣли, что для перевода избираются только однѣ монашескія хроники, отличающіяся особымъ характеромъ, интересомъ не къ политической жизни, а къ церковной. Затѣмъ видимъ, что переводы совершаются на пространствахъ X—XIV вѣковъ и при томъ въ различныхъ мѣстахъ—въ Болгаріи, Сербіи и, можетъ быть, на Руси. Однѣ изъ хроникъ, какъ хроники Іоанна Малалы и Георгія мниха, рано стали извѣстны на Руси, другія же если и приходили съ славянскаго юга къ намъ, то не пользовались большою любовью и обращались въ сербскихъ и болгарскихъ спискахъ. Причиной, почему до насъ дошло мало отдѣльныхъ русскихъ списковъ различныхъ хроникъ, было то обстоятельство, что на Руси рано стали составляться самостоятельныя компиляціи изъ готовыхъ уже переводовъ и эти компиляціи замѣняли собою полныя хроники. Такими компиляціями являются всѣ безыменные историческіе сборники, обобщаемые подъ именемъ хронографовъ, но имѣющіе различное происхожденіе. Болѣе другихъ въ настоящее время извѣстны три такихъ сборника: 1) Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, 2) Архивскій историческій сборникъ и 3) собственно т. наз. хронографъ. Къ нимъ можно присоединить нѣсколько другихъ историческихъ сборниковъ, которые, впрочемъ, еще недостаточно изслѣдованы. Наконецъ, Толковая Палей въ своей послѣдней редакціи также представляетъ своего рода историческій сборникъ.

Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ называется такъ потому, что такъ озаглавивается сборникъ въ рукописяхъ. Передъ изложеніемъ читается предисловіе, въ которомъ указываются источники. На основаніи того, что, съ одной стороны, указываются такіе источники, изъ которыхъ въ сборникъ ничего не вошло, съ другой — не указываются писатели, дѣйствительно послужившіе источниками — на основаніи этого должно думать, что предисловіе не принадлежитъ составителю Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца, а является простымъ переводомъ съ греческаго языка. Раньше составленія Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца существовалъ, очевидно, переводный сборникъ, въ которомъ было указанное предисловіе; славянской же или русской редакторъ составилъ свой сборникъ изъ готовыхъ источниковъ на основаніи готоваго образца, но удержалъ старое предисловіе. Подобный же случай мы встрѣчаемъ еще при собственно хронографѣ. Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ. Главное основаніе его составляютъ двѣ хроники — Іоанна Малалы и Георгія мниха. Такъ какъ вторая редакція сохранилась въ спискахъ XV в., то можно сказать, что первая редакція Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца должна была существовать уже въ XIV в., а такъ какъ во второй редакціи вставленъ рассказъ о взятіи Константинополя крестоносцами въ 1204 г., то слѣдовательно она не могла явиться раньше половины XIII в. Нѣтъ никакихъ указаній на то, гдѣ былъ составленъ Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ — на Руси или на славянскомъ югѣ. Только принимая во вниманіе, что на Руси подобныя компіляціи составлялись, а относительно славянскаго юга до XIV в. нѣтъ никакихъ указаній, чтобы тамъ происходило нѣчто подобное — на этомъ только основаніи можно думать, что Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ составленъ на Руси.

Если мы обратимся для сравненія къ византійскимъ историческимъ сборникамъ, то и тамъ найдемъ нѣчто подобное. Собственно, всѣ хроники отличаются тѣмъ же самымъ характеромъ, что и Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ: каждый хронистъ обильно черпалъ у своихъ предшественниковъ, а нѣкоторые переписывали свои источники почти буквально. Но они выставили свои имена, и потому перешли въ исторію литературы какъ авторы хроникъ. Но кромѣ многихъ хроникъ, носящихъ имя автора, въ византійской хронографической литературѣ извѣстенъ цѣлый рядъ анонимныхъ хроникъ различного объема, отъ небольшихъ выписокъ до цѣлыхъ книгъ. Такой ано-

нимной хроникой должна напр. считаться та, которая до послѣдняго времени считалась хроникой Симеона Логоета ¹⁾, такую анонимную хронику издалъ Сава ²⁾. Большое количество хронографическихъ компиляцій находится еще въ рукописяхъ и извѣстно только по одному указателю. Были ли извѣстны анонимныя хроники у насъ и насколько онѣ вліяли на характеръ составленія нашихъ компиляцій, пока еще недостаточно изслѣдовано, хотя я уже и указалъ, что по нѣкоторымъ основаніямъ на это вужно отвѣчать утвердительно.

Теперь я обращусь къ извѣстному хронографу, хранящемуся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (№ 902—1468) и содержащемъ между прочимъ часть хроники Іоанна Малалы. Такъ какъ этотъ хронографъ былъ совершенно не изслѣдованъ, то о немъ высказывалось не мало невѣрныхъ соображеній. Только когда сталъ извѣстенъ такой же сборникъ Виленскаго Публичнаго Музея (№ 109—147), стало возможнымъ подвергнуть оба хронографа изслѣдованію. Изъ оглавленія, сохранившагося въ Архивскомъ хронографѣ, оказывается, что послѣдній составляетъ только часть цѣлаго сборника. Списокъ принадлежитъ къ XV вѣку, и очевидно, что въ то время кто-то заказалъ для себя составить обширный сборникъ различныхъ произведеній, и главными частями этого сборника были: 1) хронографъ отъ сотворенія міра до взятія Іерусалима Веспасіаномъ, 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго и 3) Пчела. Первая часть т. е. хронографъ былъ переписанъ съ болѣе древняго оригинала. По образцу другихъ онъ начинается съ Шестоднева, послѣ котораго идетъ библейская исторія, составленная изъ библейскихъ книгъ и хроникъ Іоанна Малалы и Георгія мниха. Съ окончаніемъ извѣстій изъ библейскихъ книгъ источникомъ служила исторія Іудейской войны Іосифа Флавія, перемѣшивающаяся съ хроникой Іоанна Малалы. Сравнивая Архивскій хронографъ съ Еллинскимъ и Римскимъ Лѣтописцемъ, видимъ, что онъ отличается особымъ характеромъ. Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ представляетъ изложеніе всемірной исторіи безъ какихъ либо опредѣленныхъ тенденцій, тогда какъ въ заимствованіи тѣхъ или другихъ извѣстій въ Архивскомъ хронографѣ, можно усмотрѣть опредѣленную цѣль, именно редакторъ желалъ дать изложеніе не всемірной исторіи, а только еврейской съ сотворенія міра до разрушенія

1) Васильевскій, Хроника Логоета на греческомъ и славянскомъ — Византийскій Временникъ, т. II (1895), стр. 95.

2) Σάββα, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, VII.

Иерусалима включительно. За эту цѣль говорятъ — помѣщеніе хроника Іосифа Флавія, заимствованіе изъ хроники Георгія мниха только эпизодовъ ветхозавѣтной исторіи, изложеніе историческихъ библейскихъ книгъ и, наконецъ, окончаніе хроники какъ разъ повѣствованіемъ о разрушеніи Іерусалима и разсѣяніи евреевъ ¹⁾. Съ такимъ характеромъ изложенія еврейской исторіи встрѣчается еще одинъ хронографъ изъ собранія гр. Уварова (№ 3—18). Этотъ хронографъ состоитъ изъ двухъ главныхъ источниковъ, среди которыхъ встрѣчаются заимствованія изъ какихъ то хроникъ, главное же содержаніе составляютъ библейскія историческія книги и та же хроника Іосифа Флавія, оканчивая сказаніемъ о разрушеніи Іерусалима ²⁾. Этотъ хронографъ составленъ независимо отъ Архивскаго и, такъ какъ въ немъ находится переведенная съ еврейскаго книга Есѣирь, то онъ не могъ быть составленъ раньше XIII в., ибо и сама книга Есѣирь была переведена не ранѣе XIII в. Что же касается времени составленія Архивскаго хронографа, то давно уже было указано одно мѣсто, изъ котораго видно, что онъ составленъ въ началѣ второй половины XIII в., а относительно мѣста составленія его было указано, что онъ «трудъ русскаго труженика, работавшаго, вѣроятно, въ западной Руси». Въ Виленскомъ спискѣ это видно гораздо лучше, такъ какъ одна легенда, оправдывающая обычай сжигать тѣла умершихъ, озаглавляется—«скажемъ поганскія прелести быти сицево и въ Литвѣ нашей» ³⁾.

Находимъ ли мы что-нибудь подобное въ византийской литературѣ? На этотъ вопросъ должно отвѣтить отрицательно. Среди множества извѣстныхъ намъ историческихъ компиляцій нѣтъ ни одной, которая по своему характеру подходила бы къ Архивскому хронографу. Еврейская исторія входитъ какъ часть всеобщей во всякую хронику, которая излагаетъ исторію древняго міра, но центра вниманія она не составляетъ нигдѣ. Слѣдовательно, Архивскій хронографъ вмѣстѣ съ Уваровскимъ составляютъ специфически русское явленіе. Съ тѣмъ и другимъ хронографомъ должно ставить въ связь одинъ очень извѣстный памятникъ древне-русской литературы — Толковую Палею. Толковая Палея есть изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ обличеніями

1) Описаніе нѣ изсл. Александрія русск. хрон., 317 и слѣд.

2) Ср. описаніе хронографа у Арх. Леонида, Систематическое описаніе славяно-русскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова, ч. I, стр. 5—6.

3) См. Александрія стр. 360.

евреевъ, отчего въ рукописяхъ она иногда и надписывается — «Толковая Палея яже на Иудея». До недавняго времени думали, что Толковая Палея происхожденія византийскаго, что она переведена съ греческаго языка, вѣроятно, въ Болгаріи въ цвѣтущую эпоху болгарской литературы т. е. въ X вѣкѣ, и рано перешла къ намъ на Русь, причемъ подверглась дополненіямъ. Древность ея выводили изъ того обстоятельства, что ею будто-бы пользовался Несторъ для Лѣтописи. Но по достаточномъ знакомствѣ съ Толковой Палеей оказывается, что она происхожденія не византийскаго и не южнославянскаго, а русскаго, что Несторъ ею не пользовался и что вообще нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу ея древняго происхожденія. Наоборотъ, есть данныя, что она явилась не ранѣе XIII вѣка ¹⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ два вида однородныхъ памятниковъ, явившихся въ одно и то же время — двѣ исторіи еврейскаго народа съ начала до конца его политической жизни и обличеніе еврейскаго ученія. Отсюда мы должны заключать, что въ XIII в. проявился особенный интересъ къ еврейству, въ результатѣ чего и явились указанные памятники ²⁾. Архивскій хронографъ явился гдѣ-то въ западной Руси; Толковая Палея происхожденія во всякомъ случаѣ не южно-русскаго — слѣдовательно оба памятника явились приблизительно и въ одномъ мѣстѣ. Вопросъ этотъ еще не разработанъ въ подробностяхъ, но нѣкоторыя соображенія заставляютъ думать, что въ XIII вѣкѣ на сѣверо-западѣ Руси происходило еврейское движеніе. Оно у насъ документальными данными пока не засвидѣтельствовано, но извѣстно, что это движеніе происходило въ Польшѣ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что изъ Польши оно перешло и къ намъ, и вотъ для противодѣйствія ему и явились, съ одной стороны, страстное обличеніе еврейскаго ученія,

1) Михайлоицъ, Къ вопросу о текстѣ книги Бытія пророка Моисея въ Толковой Палей — Варшавскій универс. извѣстія 1895 г. кн. IX — 1896, кн. I; исе изсл. Заиѣчанія о составѣ Толковой Палеи — Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ т. II (1897 г.) стр. 175—209 и 845—905.

2) Основываясь на показаніяхъ Описателей рукоп. Синод. Библ. я думалъ ступить въ связь съ этимъ движеніемъ и переводъ съ еврейскаго книги Есеиръ (Замѣчанія о сост. Т. II, стр. 209), но изъ последнее ирεια проф. Соболевскіихъ высказанъ новый выиодъ, а именно, что первыя главы книги Есеиръ переведены не съ еврейскаго, а съ греческаго; см. Византийскій Временникъ, т. IV, стр. 308; Археологическія Извѣстія, год. V, 204. Виѣстѣ съ тѣмъ имъ было высказано, что периодъ сдѣланъ въ древнее ирεια и гдѣ-нибудь изъ Западной Руси. Охотно вѣря ему въ послѣднихъ двухъ выиодахъ, мы, однако, подождемъ принимать первое утверженіе до ирени опубликованія доиодовъ его: то, что указано изъ Арх. Изв. и Визант. Времен., не можеть пока считаться достаточнымъ.

съ другой — еврейская исторія, доказывающая, что политическая жизнь еврейскаго народа кончилась.

Перехожу теперь къ послѣднему отдѣлу историческихъ компиляцій — къ собственно хронографамъ. Хотя каждая историческая компиляція можетъ быть названа хронографомъ, но въ научной литературѣ это названіе утвердилось за опредѣленнымъ видомъ исторической компиляціи. Особенность хронографа та, что онъ не ограничивается изложеніемъ только древней и византійской исторій, но излагаетъ исторію южныхъ славянъ и русскихъ и свое изложеніе доводитъ до взятія Константинополя турками т. е. до 1453 г. До недавняго времени хронографъ былъ извѣстенъ только въ русскихъ спискахъ, которые представляли его въ нѣсколькихъ редакціяхъ, по крайней мѣрѣ — въ трехъ. Первая редакція принадлежала XVI вѣку и на основаніи одной замѣтки выводился 1512 годъ, какъ годъ пересмотра хронографа. Хронографъ извѣстенъ намъ въ двухъ видахъ — раздѣленный на главы и нераздѣленный. Первый изслѣдователь хронографовъ, А. Поповъ, которому былъ извѣстенъ только одинъ списокъ хронографа, нераздѣленнаго на главы, изъ сравненія того и другого вида вывелъ предположеніе о существованіи южно-славянскаго хронографа, который по составу былъ очень близокъ къ нашей редакціи, но не былъ раздѣленъ на главы, не было въ немъ указанія на 1512 годъ, юго-славянскія статьи были съ нѣкоторыми отличіями въ расположеніи и объемѣ, русскихъ лѣтописныхъ статей вовсе не было, оканчивался же, какъ и нашъ, на взятіи Царьграда турками ¹⁾. Въ настоящее время извѣстны три списка хронографа, нераздѣленнаго на главы, и по нѣкоторымъ основаніямъ должно думать, что хронографы, прежде чѣмъ получили тотъ видъ, въ которомъ дошли до насъ, прошли чрезъ рядъ посредствующихъ обработокъ. Изъ трехъ извѣстныхъ теперь списковъ хронографа, не раздѣленнаго на главы, два списка происхожденія южно-русскаго, а это, можетъ быть, указываетъ на дорогу, по которой шелъ хронографъ. Явившись у южныхъ славянъ, онъ на югѣ Россіи подвергся переработкѣ и въ такомъ видѣ распространился тамъ, на югѣ Россіи, а затѣмъ былъ занесенъ на сѣверъ, гдѣ скоро былъ вытѣсненъ другимъ видомъ, вышедшимъ изъ того же источника въ 1512 году ²⁾.

1) Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, II, 26.

2) См. Александрія, 286.

Я сказалъ, что до недавняго времени хронографъ былъ извѣстенъ только въ русскихъ спискахъ, и вопросъ объ его происхожденіи не былъ рѣшенъ. Въ послѣднее время стало извѣстно нѣсколько сербскихъ списковъ хронографа, но рѣшеніе вопроса объ ихъ отношеніи къ русскимъ и о происхожденіи ихъ мало подвинулось впередъ. Правда, можно указать на одну попытку объяснить сербскіе хронографы какъ простое сокращеніе русскаго, но эта попытка еще преждевременна ¹⁾: къ вопросу о происхожденіи хронографовъ должно приступать и съ большою осторожностью и съ большимъ матеріаломъ. Несомнѣнно, что сербскіе хронографы находятся въ связи съ русской редакціей 1512 г., но эту связь должно объяснять иначе. Просматривая тотъ и другой хронографъ, мы видимъ, что связь ихъ между собой увеличивается по мѣрѣ приближенія къ концу, до половины же они совершенно различны. Ихъ различіе состоитъ прежде всего въ различныхъ источникахъ. Тогда какъ главное основаніе русскаго хронографа состоитъ изъ хроники Манассіи съ добавленіями изъ библейскихъ книгъ, хроники Георгія мниха въ старомъ переводѣ, Паралипомена Зонарина, хроники Иосифа Флавія и нѣкоторыхъ другихъ, сербскій хронографъ въ первой половинѣ состоитъ почти исключительно изъ выдержекъ изъ второго, новаго перевода хроники Георгія мниха и только съ половины встрѣчаемъ выдержки изъ хроники Манассіи и какого-то пока еще не опредѣленнаго источника. Въ заглавіи сербскаго хронографа нѣтъ указанія на русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ лѣтописцевъ, хотя въ самомъ хронографѣ свѣдѣнія по славянорусской исторіи находятся. Это должно объяснять тѣмъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ сербскій хронографъ и не заключалъ въ себѣ славянорусскихъ извѣстій, а впоследствии, по мѣрѣ того какъ хронографъ заполнялся новыми извѣстіями, и въ заглавіе вносились новыя указанія. Съ теченіемъ времени русскій хронографъ оказалъ свое вліяніе на сербскій, который, можетъ быть, и самъ добавилъ нѣсколько замѣтокъ о славянской исторіи. Но такъ какъ источникомъ служилъ уже только хронографъ, а не русскіе, болгарскіе и сербскіе лѣтописцы, то и въ заглавіе послѣдніе не попали. Основа же хронографа была южнославянская.

Имѣемъ ли мы основаніе говорить, что раньше составленія того вида сербскаго хронографа, который дошелъ до насъ, у сербовъ су-

1) Сперанскій, Хронографы сербскій и русскій первой ред. въ Русскомъ Филологич. Вѣстникѣ, т. XXXV, (1896), стр. 1—18.

ществовалъ другой, свой хронографъ? Несомнѣнно имѣемъ, хотя этотъ хронографъ и не дошелъ до насъ. Но его слѣдъ сохранился въ румынскомъ хронографѣ. Недавно румынскій ученый Гастеръ опубликовалъ румынскій текстъ Троянской саги, помѣщенной въ одномъ хронографѣ¹⁾. На основаніи нѣкоторыхъ формъ языка, какъ напр. формы *Parisch*, объяснимой только изъ сербской «Париж», Гастеръ пришелъ къ заключенію, что румынскій хронографъ переведенъ съ сербскаго языка. Къ еще болѣе убѣдительному доводу мы придемъ, если сравнимъ это румынское сказаніе съ двумя греческими, находящимися въ народныхъ греческихъ хроникахъ. Въ румынскомъ сказаніи къ разсказу о Паламидѣ присоединено извѣстное сказаніе объ изобрѣтеніи греческой азбуки, которую изобрѣтало нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и Паламидъ. Это извѣстіе оканчивается такъ: «И такимъ образомъ были изобрѣтены 24 буквы греческаго шрифта а также и сербскаго. Другія же многія, которыя сербы имѣютъ, изобрѣтены святымъ Кирилломъ изъ Палестины, когда онъ по приказанію ангела шелъ въ болгарскую землю, какъ о томъ свидѣлствуютъ историческія книги». Это извѣстіе должно быть вмѣнено сербскому оригиналу. Съ нимъ нужно сравнить двѣ редакціи народной греческой хроники, въ которыхъ находится оригиналъ изданной Гастеромъ румынской версіи Троянской саги. Въ одной хроникѣ нѣтъ никакого упоминанія объ изобрѣтеніи греческой азбуки, а въ другой, послѣдующей редакціи на томъ же мѣстѣ, что и въ румынской хроникѣ, читается то же извѣстіе объ изобрѣтеніи, которое оканчивается: «и такъ изобрѣтены были 24 буквы»²⁾. Одна изъ редакцій этого хронографа и была переведена, очевидно, на сербскій языкъ и переводчикъ-сербъ добавилъ отъ себя нѣсколько словъ и о сербской азбукѣ.

Упомянутое о двухъ греческихъ хроникахъ приводитъ насъ къ обычному вопросу, можно ли искать въ византійской литературѣ если не оригиналовъ, то по крайней мѣрѣ образцовъ нашихъ хронографовъ. Въ этомъ отношеніи съ нашими хронографами слѣдуетъ сопоставлять анонимныя народныя хроники. Старыя хроники стали дѣлаться мало доступными для пониманія простому народу вслѣдствіе

1) Prächter, Das griechische Original der rumänischen Troika в Byz. Zeitschr. т. IV (1895 г.) стр. 519—546.

2) См. мой Отчетъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896 г. сентябрь, и мои Beiträge zur griechisch-slavischen Chronographie в Arch. für sl. Phil. т. XVII (1885 г.), стр. 416—429.

измѣнившагося уже языка, и потому онѣ стали перерабатываться и переключиваться на народный языкъ. Эту судьбу испытали многія хроники, какъ Иосифа Флавія, Георгія мниха, Кедрина, Манассіи и др.; такому-же переименованію подвергались и другіе памятники, какъ напр. апокрифы. Эти народныя хроники стали извѣстны только въ послѣднее время ¹⁾. Онѣ представляютъ двѣ редакціи: первая редакція, обыкновенно и извѣстная въ настоящее время подъ именемъ народной хроники, представляетъ собой переложеніе хроники Манассіи, но уже въ прозѣ. Она извѣстна теперь уже не менѣе чѣмъ въ десяти рукописяхъ. Заглавіе ея обыкновенно таково: «Историческая книга, начинающаяся съ сотворенія міра и отъ царствованія Мануила Комнина и доходящая до царствованія Никифора Вотаниата», т. е. до того, слѣдовательно, времени, до чего доходитъ и хроника Манассіи. Кромѣ хроники Манассіи она содержитъ въ себѣ заимствованія и изъ другихъ хроникъ, но пока источники послѣднихъ не опредѣлены. Въ своей послѣдующей исторіи она подверглась обработкѣ. Въ связи съ ней находится одна очень извѣстная въ XVII и XVIII вв. народная хроника, ложно приписанная Дороею Монеувасійскому и стоящая въ связи съ другой народной хроникой—Николая Малаксы. Связь хроники Дороея Монеувасійскаго съ рассматриваемой хроникой не была замѣчена, но теперь нужно сказать, что въ основную часть ея въ первой половинѣ вошла рассматриваемая народная хроника. Дополненная событіями послѣ Никифора Вотаниата народная хроника неоднократно переделывалась, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти переделки были не только въ XVI в., но и раньше — и до паденія Византіи и послѣ него. Тотчасъ послѣ паденія Византіи стали составляться историческіе сборники на народномъ языкѣ, доводимые до конца византийскаго царства. Въ оригиналѣ такого сборника пока мы не знаемъ, но онъ дошелъ до насъ въ одномъ русскомъ переводѣ XVII вѣка ²⁾. Такой историческій сборникъ могъ быть переведенъ на сербскій языкъ, а этотъ переводный въ свою очередь былъ переведенъ на румынскій. По образцу переводнаго и греческаго хронографа и въ Сербіи тотчасъ послѣ потери независимости сталъ составляться свой хронографъ,

1) Prächter, Eine vulgärr. Paraphrase der Chronik des Konstantinos Manasses von Byzant. Zeitschr. IV и мой Отчетъ — ноябрь. Послѣднія мои замѣчанія и есть та статья, о которой Крумбахеръ (Geschichte der Byz. Litter., 2-е изд., стр. 400) говорить, что она soll demnächst erscheinen.

2) Арх. Леонидъ, Систем. Описаніе сл.-рус. рукописей собранія гр. Уварова, ч. III, стр. 12, № 1308 (670).

въ которомъ статьи по сербской исторіи занимали видное мѣсто. Такой хронографъ пришелъ къ намъ на Русь и здѣсь подвергся переработкѣ, состоящей въ заимствованіи изъ новыхъ источниковъ и въ дополненіи статьями по русской исторіи. Этотъ хронографъ пошелъ по двумъ дорогамъ: съ одной стороны явился хронографъ, не раздѣленный на главы, въ которомъ русскія событія занимаютъ довольно ограниченное мѣсто и который, слѣдовательно, стоитъ ближе къ своему оригиналу; съ другой стороны, тотъ же хронографъ въ 1512 г. потерпѣлъ новую передѣлку, дополнившись еще новыми статьями. Въ такомъ видѣ онъ пришелъ обратно въ Сербію и тамъ оказалъ вліяніе на существовавшій раньше хронографъ; вліяніе сказалось въ заимствованіи изъ него нѣсколькихъ статей. Такъ произошли извѣстные намъ сербскіе хронографы.

Русскій хронографъ редакціи 1512 г. въ первой половинѣ XVII вѣка два раза подвергался переработкѣ, отчего и различаются еще вторая и третья редакціи, характерную особенность которыхъ составляютъ дополненія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ взяты изъ новыхъ источниковъ, недавно переведенныхъ съ латинскаго и польскаго языковъ. Но кромѣ этихъ опредѣленныхъ редакцій съ ихъ подраздѣленіями, мы имѣемъ большое количество хронографовъ, которые не подходятъ ни подъ какую изъ указанныхъ редакцій. Хронографы были любимымъ чтеніемъ русскаго человѣка на пространствѣ XVII—XVIII вв. и постоянно при перепискѣ сокращались или дополнялись соотвѣтственно вкусамъ и особымъ цѣлямъ владѣльцевъ или писцовъ. Одни изъ такихъ хронографовъ дошли до насъ съ именемъ автора, другіе — безъ имени; послѣднихъ, разумѣется, гораздо больше. Къ хронографамъ XVII в. относится переводъ упомянутой выше хроники Дороея Монеувасійскаго въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Вскорѣ послѣ своего появленія переводъ подвергся сокращенію «отъ лѣниваго четда скорога ради обрѣтенія», какъ сказано въ предисловіи ¹⁾.

Сдѣлаю теперь нѣсколько общихъ заключеній о хронографической славяно-русской литературѣ. Мы видѣли, что хроники стали извѣстны на Руси рано; изъ нихъ рано начинаютъ составляться историческія компіляціи въ родѣ Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца; живдствующее движеніе вызываетъ составленіе особаго историческаго

1) Ibid.

сборника. Съ теченіемъ времени на славянскомъ югѣ дѣлаются переводы позднѣйшихъ хроникъ — Манассія, Зонары, а также во второй разъ переводится хроника Георгія мниха, но, повидимому, эти послѣдніе переводы остаются неизвѣстными древнерусскому книжнику, а если и дѣлаются извѣстны, то не получаютъ распространенія. Причины, по которымъ эти хроники были въ достаточномъ употребленіи у славянъ и неизвѣстны у насъ, были, надо думать, слѣдующія. Первоначальные переводы хроникъ Георгія мниха и Іоанна Малалы исчезли по какимъ-то причинамъ изъ употребленія на славянскомъ югѣ, если только вообще хроника Георгія была тамъ извѣстна. Когда же пробудился интересъ и къ исторіи, то были сдѣланы переводы новѣйшихъ хроникъ, доводившихъ изложеніе почти до XII вѣка — хроники Зонары и Манассія; въ помощь имъ была переведена во второй разъ хроника Георгія мниха, а хроника Іоанна Малалы къ этому времени у самихъ византийцевъ уже вышла изъ употребленія. На Руси же было какъ разъ наоборотъ. Хроники Георгія мниха и Іоанна Малалы рано стали извѣстны у насъ; съ теченіемъ времени хроника Малалы исчезла изъ употребленія въ отдѣльномъ видѣ, но это случилось во всякомъ случаѣ не раньше конца XIII в., хроника же Георгія мниха продолжала сохраняться во все время. Но исчезновеніе хроникъ Малалы не было особенно замѣтно русскому читателю, такъ какъ послѣдній имѣлъ обширный историческій сборникъ, какъ Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ очень многое изъ того, что давали обѣ хроники. Дальнѣйшимъ толчкомъ къ развитію интереса къ исторіи должно было послужить такое событіе, какъ паденіе Византіи и взятіе Константинополя турками въ 1453 году. Ближайшія послѣдствія этого событія должны были обнаружиться въ Византіи. И дѣйствительно, мы видимъ проявленіе нѣкотораго литературнаго движенія, вызваннаго тоской по утраченномъ величіи. Потеря самостоятельности вызвала воспоминаніе о предсказаніяхъ конца Византіи, а такъ какъ въ этихъ предсказаніяхъ конецъ Византіи окружался величіемъ и славою, то византиецъ находилъ въ нихъ утѣшеніе ¹⁾. Съ этимъ вмѣстѣ долженъ былъ развиваться интересъ и къ своей исторіи, въ результатѣ чего должны были явиться хроники, доводившія изложеніе до паденія Византіи: старыя хроники не могли

1) См. мое изслѣдованіе — Откровеніе Меводія Патарскаго и апокрифическія Видѣнія Давида въ византийской и славянорусской литературахъ, стр. 233—4.

уже удовлетворяютъ, такъ какъ не довели до конца своего изложенія. И вотъ являются на сцену народныя хроники, въ послѣдующихъ редакціяхъ связанныя съ именемъ Дороея Монеувасійскаго. Что такая народная хроника нѣкогда доходила до взятія Константинополя, указываетъ русскій ея переводъ, а если она въ такомъ видѣ не дошла до насъ въ оригиналѣ, то это указываетъ на постоянный интересъ къ ней, въ силу котораго она постоянно добавлялась событіями послѣдняго времени. Народный языкъ хроники указываетъ на ту среду, гдѣ былъ интересъ къ исторіи своей — среду простого народа и монашествующихъ, вышедшихъ изъ народа и искавшихъ себѣ спокойствія въ тиши монастырской: не даромъ большинство списковъ хроникъ хранится на Аѳонской горѣ.

То же самое должно было происходить и на славянскомъ югѣ и прежде всего у сербовъ, какъ народа, наиболѣе сильно отстаивавшаго свою независимость. Но судьба южнославянскихъ государствъ была слишкомъ тѣсно связана съ судьбою Византіи, чтобы послѣднею можно было совершенно не интересоваться, и потому мы и встрѣчаемъ указаніе на какой то переводный хронографъ на сербскій языкъ. О дальнѣйшей судьбѣ сербскаго и русскаго хронографовъ я говорилъ. Русскій хронографъ сталъ распространяться особенно со времени его пересмотра въ 1512 году. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы до насъ дошло много списковъ этого хронографа отъ XVI вѣка. Самъ по себѣ этотъ вѣкъ не былъ особенно благопріятенъ для распространенія хронографіи, не было особенныхъ побужденій къ знакомству съ всеобщей исторіей. Въ этомъ вѣкѣ еще переписываются обѣ редакціи Еллинскаго и Римскаго Лѣтописца, а русскія событія въ хронографѣ были слишкомъ кратки, чтобы изъ-за нихъ переписывать весь хронографъ. Всѣ историческіе сборники этого времени — и хронографъ и Еллинскій и Римскій Лѣтописецъ — стоятъ еще на старой, византійской основѣ; всѣ источники ихъ идутъ изъ византійскихъ монашескихъ хроникъ и весь кругъ ихъ повѣствованія очерчивается востокомъ съ Византіей въ центрѣ ¹⁾). XVI вѣкъ есть вѣкъ перехода отъ Византіи къ западу, но этотъ переходъ скорѣе предчувствовался, нежели переживался: старое стало надоѣдать, новое еще не приходило. Оттого и замѣчается какая-то вялость въ области хронографіи, тогда какъ въ иныхъ отрасляхъ господствуетъ сильное возбужденіе. Эта вялость быстро проходитъ и

1) См. Поповъ, Обзоръ... II, 76.

замѣняется возбужденіемъ съ наступленіемъ XVII вѣка. Русскій читатель жадно набрасывается на хронографъ, переписываетъ, покупаетъ, перепродаетъ его. До насъ дошло громадное количество хронографовъ отъ XVII вѣка. Какаѣ могла быть причина такого интереса къ исторіи? Разсматривая хронографы, дошедшіе до насъ отъ XVII вѣка, видимъ, что они принадлежатъ почти исключительно къ второй и третьей редакціямъ, а эти редакціи рѣзко отличались отъ первой тѣмъ, что въ нихъ впервые русскій человѣкъ знакомился съ западомъ. Для русскаго человѣка впервые открылся доселѣ невѣдомый ему міръ западной исторіи, географіи, естественной исторіи ¹⁾. Знакомство съ географіей древне-русскаго человѣка ограничивалось тѣми скудными свѣдѣніями, которыя предлагали ему тѣ же хроники; скудны были его свѣдѣнія и по естественной исторіи, притомъ тѣ и другія отличались такимъ же религіознымъ духомъ, какъ и все другое, коренившееся въ Византіи. Въ XVII вѣкѣ обильной струей полился свѣтъ съ запада. Съ одной стороны, переводятся историческіе сборники, рисующіе рыцарскій бытъ западной Европы, съ другой — появляются повѣсти западнаго происхожденія, удовлетворяющія тому же чувству любопытства. При такихъ условіяхъ интересъ къ хронографамъ въ XVII вѣкѣ становится понятнымъ. Тотъ церковно-религіозный духъ, которымъ были пропитаны старыя хроники, постепенно замѣняется рыцарскимъ; рядомъ съ византійскою и южнославянскою исторіями выступает исторія народовъ Запада, а обширныя заимствованія изъ западныхъ космографій привлекаютъ къ себѣ новизною и сказочнымъ элементомъ. Въ новомъ хронографѣ читатель имѣлъ все: и свѣдѣнія по древней исторіи, и по византійской, и по западной, и по русской, доводимой обыкновенно до начала XVII вѣка, и по географіи и по естественной исторіи. Хронографъ былъ своего рода энциклопедіей, и потому-то онъ и нашелъ себѣ такое распространеніе среди читателей, тогда какъ самыя источники его — переводныя хроники и космографіи — не пользовались большимъ распространеніемъ: послѣднія имѣли слишкомъ односторонній характеръ, который тяготилъ читателя, только-что пробудившагося и желавшаго утолить свою разнообразную любознательность. Изъ XVII вѣка любовь къ хронографамъ перешла и въ XVIII, и отъ XVIII вѣка дошло до насъ не мало списковъ.

1) Ibid., II, 88.

Для представленія о томъ кругѣ читателей, въ средѣ котораго обращался новый хронографъ, важны записи, находящіяся на большинствѣ списковъ. Записи эти говорятъ намъ или о закащикѣ или о переписчикѣ или о владѣльцѣ. Нерѣдко мы встрѣчаемъ двѣ-три записи на одномъ спискѣ, указывающія, какъ хронографъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Владѣльцами оказываются: 1) духовенство, преимущественно монашеское, 2) купцы, 3) стольники, 4) посадскіе люди, 5) подъячіе, 6) прикащики. Главная масса падаетъ на людей средняго сословія — на посадскихъ и подъячихъ. Изъ записей же мы видимъ, что хронографъ распространяется повсюду — доходитъ и до Архангельска. Интересъ, слѣдовательно, пробудился повсюду. Въ Москвѣ возникаетъ новая образованность, перенесенная изъ югозападной Руси; Симеонъ Полоцкій, Епифаній Славинецкій пишутъ сочиненія по всѣмъ правиламъ западной схоластики; Іоаннъ Грегоріи устраиваетъ для царя и его приближенныхъ театральное представленіе «какъ Алаферна царца царю голову отсѣкла»; бояре начинаютъ открывать свои дома для иноземныхъ гостей. Въ это же время среди грамотнаго средняго сословія само собой, безъ всякаго принужденія, обнаруживается любовь къ свѣтскому чтенію: еще продолжаютъ переписываться старыя памятники, какъ Патерики, Прологъ, Златоустъ и т. п., но вмѣстѣ съ ними распространяются и переходятъ изъ рукъ въ руки новыя творенія — хронографы и повѣсти. Хронографы не являются въ собственномъ смыслѣ новостью, но новостью въ нихъ было западное міровоззрѣніе. Этотъ кругъ занимательнаго чтенія средняго сословія переходитъ и въ XVIII вѣкъ. Въ то время какъ основывается университетъ, въ то время какъ высшее сословіе увлекается идеями энциклопедизма, въ то время какъ одинъ за другимъ появляются для занимательнаго чтенія журналы съ сатирическимъ направленіемъ — хронографы не исчезаютъ изъ употребленія: вмѣстѣ съ новыми западными повѣстями и романами они остаются все въ той же средѣ — среди купцовъ, посадскихъ людей, прикащиковъ и т. п. Въ нынѣшнемъ же вѣкѣ хронографъ доходитъ и до крестьянской среды: «Сія книга», говоритъ одна записъ на хронографѣ¹⁾, «принадлежитъ сельца Татарки крестьянину Андрею Ѳедорову, что нынѣ земской, Горемыкину, а подарена она крестьяниномъ Малой Стуковки, Андреемъ Михайловымъ въ 1818 году октября четвертаго».

В. Истринъ.

1) Ibid. II, 67.

ОТДѢЛЪ I.

Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка.

(по поводу изъясненія надписи Евпатерія).

На территоріи Тамани найдена была въ 1803 году Сумароковымъ большая мраморная плита съ надписью, въ которой дано свидѣтельство о сооруженіяхъ, возведенныхъ на Боспорѣ Евпатеріемъ, стратилатомъ и дукомъ Херсона. Текстъ заканчивается хронологической датой: индиктъ 8-й. Надпись эта издавна привлекала къ себѣ вниманіе специалистовъ и была много разъ издана. Она вошла и въ корпусъ греческихъ надписей Бѣка, въ которомъ помѣщена подъ номеромъ 8740. Въ этомъ изданіи она приурочена къ 1190 году, ко времени правленія византийскаго императора Исаака II Ангела. Такая датировка основана на возстановленіи собственнаго имени того государя, рабомъ (δουλος) котораго называетъ себя Евпатерій въ текстѣ надписи. Имя это стерлось и отъ него уцѣлѣло лишь окончаніе ΚΙΣ, которое Францъ предложилъ читать такъ: [Ἰσαά]κις (вмѣсто Ἰσαάκης). Иначе дополнялъ имя императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ иную датировку давалъ этому памятнику Кёне (Музей кн. Кочубея, I, стр. 207—209), который предлагалъ читать здѣсь [Μαυρί]κις и относилъ надпись къ 590 году. Въ недавнее время обратилъ вниманіе на это столь рѣзкое разномысліе въ опредѣленіи хронологіи памятника г. Бертъе-Деллагардъ въ одной специальной работѣ, помѣщенной въ *Запискахъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей* (т. XVI, стр. 82 и сл.). Ссылаясь на автопсію, почтенный изслѣдователь утверждалъ, что на камнѣ видна не только буква ι передъ окончаніемъ, но

можно также разобрать слѣды буквъ МА въ началѣ имени¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Бертье-Делагардъ указалъ на то, что палеографическіе признаки дѣлаютъ совершенно невѣроятной принадлежность этого памятника XII вѣку, и призывалъ къ этой сторонѣ вопроса вниманіе компетентныхъ специалистовъ. На этотъ призывъ откликнулся нашъ авторитетный эпиграфистъ; акад. Латышевъ. Въ Византійскомъ Временникѣ, т. I, вып. 3 и 4, онъ помѣстилъ специальное изслѣдованіе объ этой надписи подъ заглавіемъ: «Вопросъ о времени надписи Евпатерія» (стр. 662—672). Здѣсь дана и точная копія, сдѣланная съ оригинала, которую мы и воспроизводимъ.

* ΠΡΟΣΤΟΙΣΛΟΙΠΟΙΣ
 ΜΕΓΑΛΟΙΣΚΑΥΜΑΣΤΟΙΣ
 ΚΑΤΟΡΘΩΜΑΣΙΚΤΟΔΕΤΟ
 ΛΑΜΠΡΟΝΕΝΒΟΟСПΟΡΩ
 ΚΕΣΑΡΙΟΝΑΝΕΝΕΩΣΕΝ
 ΚΙΣΟΕΒΕΒΣΚΘΕΟΦΥΛΑΚΤΗΜΩ
 ΔΕΣΠΟΤΗΣΔΙΑΤΟΥΓΗΝΣΙΟΥΑΥΤΟΥ
 ΔΟΥΛΟΥΕΥΠΑΤΕΡΙΟΥΤΩΕΝΔΟΞΟΤΑΤΟΥ
 ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΟΥΚΑΙΔΟΥΚΟΣΧΕΡΣΩΝΟCΙΝΔΗ

* Πρὸς τοῖς λοιποῖς | μεγάλοις καὶ θαυμαστοῖς | κατορθώμασι
 καὶ τὸδε τὸ | λαμπρὸν ἐν βοοπόρῳ | καὶσαρίον ἀνένεωσεν | [Μαυρι]-
 κισ ὁ εὐ(σ)εβ(ίστατος) καὶ θεοφύλακ(τος) ἡμῶν | δεσπότης διὰ τοῦ γνη-
 σίου αὐτοῦ | δούλου Εὐπατερίου, τοῦ ἐνδοξοτάτου | στρατηλάτου καὶ δου-
 κὸς Χερσῶνος. Ἰνδ(ικτῶνος) η'.

Не признавая правильнымъ утверждение г. Бертье-Делагарда, будто въ началѣ имени въ 6-й строкѣ можно различить слѣды начертанія: МА, г. Латышевъ сообщаетъ касательно вида лакуны слѣдующее: «при внимательномъ и неоднократномъ разсмотрѣннн даннаго мѣста надписи²⁾, мы замѣтили въ началѣ строки чуть видную вертикальную черту, затѣмъ немного отступя, половину косою, идущей справа налѣво, и передъ ясно видными буквами ΚΙC—чуть замѣтную черту, повидимому вертикальную». Но что касается до восстано-

1) Сумароковъ, первый издатель этой надписи, давъ въ своей копнн слѣды | предъ окончаніемъ, отмѣтилъ также слѣды первой буквы имени, въ которой онъ признавалъ, повидимому, Н. Досухи Крымская суди, II, рис. 19.

2) Камень хранится въ Эрмитажѣ.

Ю. КУЛАКОВСКИЙ: КЪ ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРІЙСКАГО ВЪ КОНЦѢ VI В. 3

влевія имени государя, то г. Латышевъ вполне соглашается съ чтеніемъ, которое предложилъ Кёне, и относитъ надпись ко времени императора Маврикія, среди годовъ правленія котораго 8-й индиктъ приходится на 590 годъ. Такую хронологію памятника подтверждаютъ, по мнѣнію г. Латышева, какъ общій видъ буквъ, такъ и «прекрасно выдержанная ореографія», а равно и знакъ сокращенія словъ S, вмѣсто вошедшихъ позднѣе въ употребленіе титлъ. Всѣ указанные признаки сближаютъ нашу надпись съ памятниками V—VI вѣковъ и непосредственно доказываютъ ошибочность чтенія Ἰσαάκις, при которомъ событія, упомянутыя въ этомъ текстѣ, приурочиваются къ концу XII вѣка. Въ реальномъ комментарий къ отдѣльнымъ мѣстамъ текста г. Латышевъ оправдываетъ возможность примѣненной въ данномъ случаѣ титулатуры императора, а равно и тотъ фактъ, что въ концѣ VI вѣка приходится признать присутствіе въ предѣлахъ боспорскихъ императорскаго стратилата и дука г. Херсона. Свидѣтельство надписи стоитъ одиноко и находится въ противорѣчій съ показаніемъ Константина Багрянороднаго. Какъ извѣстно, царственный авторъ сообщаетъ, что Херсонъ былъ непосредственно подчиненъ имперской администраціи только при императорѣ Теофілѣ (829—842) по мысли спаварокандидата Петроны послѣ его экспедиціи для сооруженія крѣпости Саркела въ землѣ Хазарь¹⁾. Лишь съ тѣхъ поръ возникла Херсонская тема, которая и стала получать изъ Византіи своего стратига²⁾. Г. Латышевъ признаетъ вполне вѣроятнымъ, что уже при императорѣ Маврикіи могъ быть назначенъ особый стратилатъ на сѣверное побережье Понта, на подобіе того, какъ при Юстиніанѣ I былъ назначенъ стратилатъ въ Арменію (Theoph. p. 175 de Boor). Род. пад. опредѣленія, Χερσῶνος, относится только къ слову δεύξ, а не къ обоимъ званіямъ, которыми былъ облеченъ Евпатерій. «Нахожденіе византийскаго дука на такой окраинѣ имперіи, каковую представлялъ собою Херсонъ, при императорѣ Маврикіи было совершенно

1) De admin. imp. c. 42: δι (sc. Πατρωνᾶ) πρωτοσπαδάριον τιμῆσας προβάλλοι στρατηγὸν καὶ εἰς Χερσῶνα ἐξαπέστειλεν, ὁρίσας τὸν τότε πρωτεύοντα καὶ πάντας ὑπείχειν αὐτῷ. ἐξ οὗ καὶ μέχρι τῆς σήμερον ἀπεκράτησεν ἀπὸ τῶν ἐνταῦθεν εἰς Χερσῶνα προβάλλουσαι στρατηγούς.

2) Имена стратиговъ, ставшихъ извѣстными по печатямъ, сопоставлены въ статьѣ гр. Толстого, Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. II (1887), О византийскихъ печатяхъ Херсонской темы, стр. 28—43. Недавно найденная въ Херсонесѣ надпись прибавила новое имя: Левъ Азіатъ, правившій въ Херсонѣ «и Сугдеѣ» въ 1059 году. См. Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. И. А. Кож., вып. 17, стр. 88 и сл.

въ порядкѣ вещей» (стр. 671). Что же касается до соединенія въ одномъ лицѣ двухъ званій, стратилатъ и дукъ Херсона, то г. Латышевъ считаетъ достаточнымъ для объясненія этого факта указать на аналогію, которую, по его мнѣнію, представляетъ обычное позднѣе совмѣщеніе званій: βασιλικὸς πρωτοσπαδάριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος или βασιλικὸς σπαδαροκανδιδάτος καὶ κομερκιάριος Χερσῶνος (на печатяхъ). — Такимъ образомъ, почтенный издатель полагаетъ, что надпись Евпатерія, будучи приурочена къ 590 году, даетъ намъ хотя и единичный, но во всякомъ случаѣ вполне удобоприемлемый фактъ, не вызывающій никакихъ сомнѣній или недоразумѣній.

Не можемъ умолчать, что вопросъ представляется намъ значительно болѣе труднымъ. Мы вполне принимаемъ то положеніе г. Латышева, что надпись Евпатерія слѣдуетъ сблизить съ памятниками V—VI вѣковъ и что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы оправдать отнесеніе ея къ XII вѣку. И форма буквъ, и титулы названныхъ въ ней лицъ, и тѣ рельефныя изображенія, которыя помѣщены по обѣ стороны текста (геніи, въ христіанскомъ претвореніи этихъ образовъ въ ангеловъ),— всѣ эти данныя не позволяютъ датировать надпись поздними временами. Но видѣть въ ней свидѣтельство изъ времени правленія императора Мавρικія и признать въ Евпатеріи сановника, который дѣйствовалъ и распоряжался на Боспорѣ отъ лица именно этого императора, какъ понималъ свидѣтельство надписи Кёне и какъ признаютъ это теперь гг. Бертъе-Делагардъ и Латышевъ, — мы считаемъ въ высшей степени затруднительнымъ и даже врядъ ли возможнымъ. Надпись эта, будучи понята въ этомъ именно смыслѣ, представляетъ историческую загадку, которая требуетъ для своего объясненія гораздо больше матеріала, чѣмъ сколько его оказывается въ наличныхъ понынѣ извѣстныхъ источникахъ. Вопросъ сводится къ слѣдующему: въ чьей власти находился Боспоръ въ концѣ VI вѣка? Предваряя дальнѣйшее доказательство, укажемъ, что всѣ наши историческія свидѣтельства о тѣхъ временахъ дѣлаютъ несомнѣннымъ одно: въ концѣ VI вѣка Византія не имѣла никакихъ правъ на территорію, на которой найдена надпись Евпатерія, такъ какъ эти предѣлы были въ ту пору совершенно отторгнуты отъ Имперіи и если не навсегда отъ нея отдѣлены, то во всякомъ случаѣ на долгій рядъ вѣковъ. Не только восточный, но и западный берегъ Боспора Киммерійскаго перешли во власть наживнувшихся съ востока варваровъ. То были «восточные Турки», какъ ихъ зовутъ византій-

Ю. КУЛАКОВСКИЙ: КЪ ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРЙСКАГО ВЪ КОНЦѢ VI В. 5

скіе писатели ¹⁾. Результатомъ этого нашествія было утверженіе въ этихъ предѣлахъ хазарской державы. Хазарь смѣнило на Боспорѣ русское господство ²⁾, и только послѣ исчезновенія Тмутараканскаго княжества была, повидимому, восстановлена прямая зависимость отъ Византіи обоихъ береговъ пролива. Это послѣднее заключеніе можно сдѣлать изъ того, что въ концѣ XII вѣка императоръ Мануилъ считаетъ себя въ правѣ запрещать Генуэзцамъ доступъ въ порты Матрахи и Россію ³⁾. Но и на этотъ разъ восстановленіе власти императора на Боспорѣ было не прочно и непродолжительно. Столѣтіе спустя, тамъ уже хозяйничаютъ Генуэзцы, а верховнымъ владыкой тѣхъ мѣстъ считался уже не императоръ, а кипчакскій ханъ.

Но возвращаемся къ VI вѣку. — Прокопій, какъ извѣстно, даетъ намъ цѣлый рядъ свѣдѣній о судьбахъ далекой окраины, на которой лежалъ Боспоръ. Отъ него мы узнаемъ, что степной Крымъ, равно какъ и восточный берегъ Азовскаго моря, были въ его время заняты кочевьями разныхъ гуннскихъ племенъ ⁴⁾. Тоже самое говоритъ и его современникъ Иорданъ ⁵⁾. Отъ Прокопія мы узнаемъ, что при Юстинѣ I городъ Боспоръ опять призналъ себя зависимымъ отъ Имперіи ⁶⁾. У Прокопія нѣтъ даты этого событія, какъ не изложены и мотивы, побудившіе «автономныхъ издревле Боспоритовъ», какъ онъ выражается, присоединиться къ Имперіи. Весьма вѣроятно, что это случилось около 522 года, такъ какъ въ эту именно пору императоръ Юстинъ сносился съ Гуннами, жившими въ тѣхъ предѣлахъ, желая набрать тамъ контингенты для грозившей ему войны съ Пер-

1) Theophyl. Symocatta VII, 7, 7 De Boor: *ἡ πρὸς τῇ ἑφ' ὑπὸ τῶν Τουρῶν Χαράνος ὑπονομία*; Theoph. Chr. p. 315 de Boor: *οἱ Τουρκοὶ ἐκ τῆς ἑφας*.

2) Акад. Куликъ полагаетъ, что это случилось около 900 года. См. Извѣстія Ал-Бекри о славянахъ. Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. 32, кн. 2, стр. 109.

3) Acta et dipl. gr., Miklovich et Müller, III pp. 25—37 (документъ 1192 года). Подтверженіе имп. Исаакомъ Ангеломъ правъ и привилегій, данныхъ Генуэзцамъ имп. Мануиломъ Комниномъ, Генуэзцамъ разрѣшено заходить во всѣ порты Чернаго моря кромѣ двухъ: *Ῥωσσία* и *Μάτραχα*. Договоръ, заключенный Мануиломъ, относится къ 1169 году. См. Heud, *Gesch. d. Levantehandels*, I, стр. 224. Гейдъ помѣщаетъ портъ Россію на устьѣ Дона. Съ нимъ соглашается проф. Васильевскій, касавшійся этого вопроса нѣсколько разъ въ своихъ Русско-византийскихъ отрывкахъ, а также и въ рецензіи на труды Бруна. Послѣдній, какъ раньше его Кенпентъ, видѣлъ въ Россіи нынѣшнюю Керчь. Къ этому вопросу мы надѣемся вернуться въ другомъ мѣстѣ.

4) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B. *ὡν* (т. е. Боспора и Херсона) *δὴ τὰ ἐν μέσῳ ἄπαιτα Οὐνοὶ ἔχουσι*; Cf. bell. got. IV, 5, p. 480 B.

5) Iordanis Getica, V, 37.

6) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B.

сами¹⁾). Старанія императорскаго посла, патрикія Проба, имѣли впрочемъ лишь слабый успѣхъ; но, быть можетъ, посѣщеніе имъ стараго греческаго культурнаго центра, гдѣ продолжало существовать христіанское населеніе, говорившее по гречески²⁾, и было причиной возстаповленія старыхъ связей. Относится ли къ этому именно времени надпись царя Тиберія Юлія Диптуна (именующаго себя *φιλοθέσραρος* и *φιλόρωμος*), какъ пытались сдѣлать то вѣроятнымъ мы³⁾, или же ее можно отнести и ко временамъ болѣе раннимъ, какъ полагаетъ это теперь г. Латышевъ⁴⁾,—этого мы здѣсь не будемъ касаться, отмѣтивъ лишь существованіе этого интереснаго памятника.—Отъ времени Юстиніана I у насъ больше свѣдѣній. Разумѣемъ эпизодъ о крещеніи гуннскаго князя Грода, печальной судьбѣ, его постигшей среди своихъ соплеменниковъ, и послѣдовавшемъ затѣмъ вооруженномъ вмѣшательствѣ императора. Считаемо излишнимъ приводить здѣсь изложеніе объ этихъ событіяхъ, сохраненное въ почти тождественной формѣ у двухъ писателей⁵⁾. Сообщенія Малалы и Теофана оставляютъ въ неясности вопросы о томъ, во 1) былъ ли оставленъ на Боспорѣ постоянный гарнизонъ изъ имперскихъ войскъ, посланныхъ туда Юстиніаномъ послѣ убіенія Грода, и во 2) назначался ли въ Боспоръ постоянный представитель императорской власти, или же такового не было вовсе. Малала заканчиваетъ свой рассказъ утвержденіемъ: «и сталъ жить Боспоръ въ мирѣ подъ римской властью» и даетъ тѣмъ право заключить, что никакихъ измѣненій въ отношеніи къ Боспору не произошло до конца правленія имп. Юстиніана⁶⁾. Проконій прибавляетъ свидѣтельство о томъ, что стѣны города, пришедшія въ разрушеніе, были возстановлены имп. Юстиніаномъ⁷⁾.

Одна недавно найденная въ Тамани надпись, въ которой сообщается о возведеніи какого-то сооруженія при императорѣ Юстиніанѣ, позволяетъ заключить, что власть его простерлась и на восточ-

1) Ibid.

2) Таково свидѣтельство христіанской катакомбы 491 года. Матерьялы, изд. Имп. Арх. Ком., вып. 6. 1891 г.

3) Ibid., стр. 24 и сл.

4) Византійскій Временникъ, I, вып. 3—4, стр. 660.

5) Malal. Chr. p. 480 B. и съ которыми отступаемъ въ подробностяхъ—Theoph. Chr. p. 175 de Boor.

6) Krumphacher, Gesch. der Byz. Lit. § 50, p. 112 (взд. 1891 г.). Малала пережилъ Юстиніана в доверъ свою хроникѣ до конца правленія этого императора.

7) Procop. de aed. III, 7, p. 261 B.

ный берегъ пролива¹⁾. Быть можетъ этотъ фактъ стоитъ въ связи съ обращеніемъ Готовъ-тетракситовъ въ 548 году къ императору Юстиніану съ просьбой назначить имъ епископа, о чемъ рассказываетъ Прокопій²⁾. Гуннское племя Утургуровъ³⁾, которое занимало своими кочевьями все восточное побережье Азовскаго моря до рѣки Танаиса, имѣло издавна сношенія съ Византіей⁴⁾ и вело съ нею торговлю⁵⁾. Современный императору Юстиніану царь Утургуровъ, Сандильхъ, былъ вѣрнымъ союзникомъ Имперіи, и за деньги предпринималъ грабительскіе походы въ страны, занятыя родственнымъ племенемъ Кутургуровъ, которые кочевали въ степяхъ отъ Дона и до Дунайя. Историки сохранили намъ свѣдѣнія о двухъ такихъ походахъ⁶⁾.

Политическое вліяніе Византіи простиралось и дальше на востокъ, въ предѣлы сѣвернаго Кавказа. Въ дружескихъ сношеніяхъ съ Имперіей состояли Аланы и за деньги служили императору въ войнѣ съ Персами. Гуннскія племена Савировъ⁷⁾, занимавшія своими кочевьями степныя пространства по сосѣдству съ Аланами, вступали въ сношенія съ Византіей, и могущественная царица одного изъ этихъ племенъ заключила союзъ съ императоромъ Юстиніаномъ и прислала ему въ даръ взятаго ею въ плѣнъ сосѣдняго гуннскаго властителя, сносившагося съ Персами⁸⁾. Аланъ и Савировъ часто привлекали на свою сторону и Персы, такъ что случалось, что одно и то же племя служило одновременно обѣимъ враждовавшимъ державамъ, и Византіи приходилось перекупать союзниковъ⁹⁾. — Итакъ, при императорѣ

1) Визант. Врем., I. с.

2) Procop. h. got. IV, 4, p. 475 B.

3) Οὐτούργουροι: зоветъ ихъ Прокопій, Hunnguri — Иорданъ, Οὐτίγουροι — Менандръ и Агаѳія, Ὀνόγουροι — Прискъ (р. 30), Οὐννουγούροι — Θεοφιλάκτис Симокатта (VII, 8, 13).

4) Первое по времени упоминаніе принадлежитъ Приску и относится къ 468 году

5) Iord. Get. V, 37; Hunnguri autem hinc sunt noti, quia ab ipsis pellium purpuratum venit commercium.

6) Procop. h. got. IV 18—19, p. 553 sq. B.; Menandri fg. 3, p. 3 Dind.; Agath. hist. IV, 12—25, p. 366 sq. Dind.

7) Прискъ сохранилъ свидѣтельство, что Гунны съ этимъ племеннымъ именемъ появились здѣсь во второй половинѣ V вѣка. Prisci fg. 30, Müller, Fg. h. Gr. IV, p. 104. — Область Савировъ Прокопій (bel. pers. II, 29, p. 288 B.) помѣщаетъ «за Зихамнъ», т. е. верхнее теченіе Кубани и сосѣднія степи.

8) Procop. bell. pers. II, 30, p. 296 B. Βασίλειος δὲ Ἰουστινιανὸς Σαβείρων μὲν τῶ ἔθνεϊ τὰ ζυγκίμενα χρῆματα ἔπεισε; bel. got. IV, 11, p. 509 B. et passim; Malal. Chr. p. 408 B.; о царѣ Боа — р. 480 B. = Theoph. p. 175 de Boor (событіе относится къ 528 году).

9) Procop. passim; Menandri fg. c. 42, p. 83 Dind.; Agath. hist. IV, 13, p. 313 Dind.

Юстиніанѣ Боспоръ былъ въ зависимости отъ Имперіи и Византіи поддерживала цѣною золота дружественныя сношенія съ варварскими племенами, занимавшими прикавказскія степи.

Судя о ргіогі, естественно было бы предположить, что опорнымъ пунктомъ, изъ котораго распространялись лучи византійскаго вліянія на прикавказскія страны, долженъ былъ служить Боспоръ, въ которомъ, повидимому, прочно поставилъ свою власть Юстиніанъ, направивъ туда для водворенія порядка послѣ смерти Грода значительныя военныя силы. Но въ дѣйствительности было иначе. Несмотря на возможность постоянныхъ сношеній Боспора по морю съ Византіей, на близость противоположнаго берега, на удобство и легкость естественнаго пути по Кубани внутрь прикавказскихъ степей въ мѣстности поселенія и въ кочевья отдѣльныхъ племенъ, съ которыми существовали сношенія, — императорское правительство предпочитаетъ иные пути. Ни разу въ нашихъ источникахъ не помянутъ Боспоръ въ сообщеніяхъ о прикавказскихъ племенахъ. Сношенія идутъ черезъ кавказскій хребетъ, по путямъ не только труднымъ, но и опаснымъ, и притомъ не только вслѣдствіе условій природы, но главнымъ образомъ въ виду хищничества и враждебнаго настроенія разныхъ горныхъ племенъ. Эту враждебность поддерживали и враги Имперіи, Персы, которые сносились съ варварами передняго Кавказа также черезъ хребетъ (и по берегу Каспійскаго моря). Путь византійскаго посольства, возвращавшагося отъ влестителя «восточныхъ Турокъ» вѣроятно въ 569 г., описанъ у Менандра¹⁾. Въ данномъ случаѣ имѣетъ для насъ интересъ указать только на одну его часть. Добравшись съ большими затрудненіями и опасностями до области дружественныхъ Имперіи Аланъ, Земархъ, глава посольства, избираетъ направленіе въ Апислію²⁾ черезъ страну или проходъ, который названъ у Менандра Δαρεινή, чтобы затѣмъ, пробравшись къ морю, сѣсть на суда и черезъ Фазисъ добраться до Трапезунта. Обычный, повидимому, путь лежалъ черезъ область Миндиціановъ, Μινδιτσιανοί, но, по свѣдѣніямъ аланскаго царя, онъ былъ въ данную пору опасенъ, такъ какъ онъ велъ на Сванетію, Σωανία, гдѣ могли устроить засаду Персы. Чтобы обмануть враговъ, Земархъ послалъ по обычной дорогѣ обозъ въ 10 лошадей, который

1) Menandri fg. с. 22, р. 55 Dind.

2) Племя Аписловъ, жившее на сѣверъ отъ Лазовъ, находилось въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Имперіи еще во II вѣкѣ. Арріанъ, Peri pl. § 15, упоминаетъ о царѣ этого племени Юліанѣ, который получилъ свое царство отъ ммп. Траяна.

ю. Кулаковскій: къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI в. 9
могъ быть сочтенъ за передовой отрядъ посольства и обмануть Персовъ
насчетъ истиннаго направленія его пути¹⁾).

Изъ всего этого разсказа ясно, что пути по Кубани на Боспоръ
и оттуда моремъ въ Византію — не существовало для Земарха. Та-
кимъ же образомъ, т. е. черезъ Кавказъ и затѣмъ на Трапезунтъ
направлялись и посольства Турокъ въ Византію. Турксанеъ, о кото-
ромъ намъ придется помянуть въ дальнѣйшемъ, въ своихъ издѣватель-
скихъ разговорахъ съ посольствомъ Валентина, усматриваетъ въ та-
комъ направленіи пути хитрость со стороны Византіи, желаніе вы-
звать ложное представленіе о недоступности ея границъ²⁾).

Но то была не хитрость, а старая традиція. Она установилась
подъ вліяніемъ сношеній Имперіи съ Аланами. До появленія Гунновъ
Аланы занимали широкой просторъ прикавказскихъ и приазовскихъ
степей, захватывая своими кочевьями и степную часть Крыма³⁾.
Искони владѣли они сѣвернымъ склономъ главнаго кавказскаго про-
хода (Дарьяльское ущелье) и здѣсь удержались непрерывно за все
время передвиженія кочевыхъ ордъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, какъ
удерживаются и понынѣ. Они сносились съ Византіей черезъ кавказ-
скій хребетъ, и по этому своему пути направляли сношенія съ Импе-
ріей и новыхъ пришельцевъ въ сосѣднія съ ними степныя простран-
ства⁴⁾. Этотъ именно путь и былъ постоянный и обычный⁵⁾).

1) Ср. о положеніи племенъ Апсизовъ и ихъ сосѣдей *Agath. hist.* III, 15—16, гдѣ
вторые названы *Misimianoi*. — Въ 556 г. Мисиміаны убили и ограбили военачальника
Сотериха, посланнаго раздавать варварамъ деньги отъ императора, *Agath. hist.* III,
14-15, за что въ слѣдующемъ году подвергнуты были экзекуціи, *ib.* IV, 15-20. —
Въ ту пору Апсизійцы были излавна христіане, см. *Procop. bell. g.* IV, 2.

2) *Menandri fg.* с. 43, р. 87 *Dind.* — Ὑμεῖς δὲ ὡς Ῥωμαῖοι, τι δῆτα ἄρα τοὺς κατ' ἐμὴ πρέσβεις διὰ τοῦ Καυκάσου ὁδοποροῦντες ἐπὶ τὸ Βυζάντιον ἄγετε, ὡς ἐμὴ φάσκοντες μὴ εἶναι ἑτέραν ἄτραπὸν, δι' ἧς αὐτοῖς ἔσται ἡ πορεία; ταῦτα δὲ ἐπιτελεῖτε, ὡς ἀπέποιμι διὰ τὰς δυσχωρίας ἐπιθέσθαι τῇ Ῥωμαίων ἐπικρατείᾳ. — Тотъ другой путь, который
знаетъ Турксанеъ и который для него удобенъ и открытъ, не имѣетъ, конечно,
ничего общаго съ тѣмъ путемъ для сношеній, о которомъ рѣчь идетъ у насъ. Тур-
ксанеъ указываетъ на широкую дорогу, которую представляютъ черноморскія степи
вплоть до Дуная; путь, который незадолго до того прошли Авары, какъ онъ о томъ
поминаетъ.

3) *Amm. Marc.* 31, 2, 21: *Halani... Hunnisque per omnia suppres vegam victa mitiores et culta, latrocinando et venando ad usque Maeotida stagna et Cimmerium Bospo- rum, itidemque Armenios discurrentes et Mediam.*

4) *Menandri fg.* 4, р. 4 *Dind.* Аланскій влaститель, *Σαρώσιος, Σαρώδιος (Men)* или *Σαρῶης (Theoph. Byz.)* сносился предварительно съ командиромъ римскихъ войскъ въ Лазикѣ, и когда было получено изъ Византіи разрѣшеніе, направляетъ туда по-
сольство Аваровъ, которое и явилось къ императору въ 558 году. — О посольствѣ
турокъ — *Theoph. Cyr.* р. 245 de Boog—διὰ τῆς τῶν Ἀλανῶν χώρας.

5) Одинъ только разъ посольство изъ Византіи на Востокъ направилося, повиди-

Изъ указаннаго факта слѣдуетъ, какъ мы думаемъ, заключить, что императоръ Юстинианъ не воспользовался обладаніемъ Боспора для того, чтобы сдѣлать изъ него центръ политическихъ отношеній и, очевидно, не придавалъ большаго значенія этому отдаленному владѣнію Имперіи.

По сообщенію Маламы, повторенному у Теофана, Боспоръ былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ въ обмѣнѣ съ ближайшими кочевыми племенами¹⁾. О торговлѣ мѣхами при посредствѣ Утургуровъ поминаетъ и Иорданъ, писавшій свою исторію Готовъ въ 551 году. Весьма вѣроятно, что заботы императора Юстиниана по отношенію къ Боспору и простирались именно на обезпеченіе рынка. Возстановивъ стѣны и укрѣпленія города, императоръ не имѣлъ надобности ни содержать на Боспорѣ постоянный гарнизонъ, ни посылать туда своего намѣстника, какъ не дѣлалъ онъ ни того, ни другаго въ отношеніи города, имѣвшаго въ ту пору гораздо большее торговое значеніе, а именно: Херсона²⁾, который былъ обращенъ въ провинцію и получилъ впервые византійскаго стратига лишь въ половинѣ IX вѣка³⁾. Тѣмъ не менѣе Херсонъ невозбранно оставался въ зависимости отъ Имперіи и даже могъ въ теченіе вѣковъ служить мѣстомъ ссылки для видныхъ политическихъ преступниковъ, которые не оставались тамъ, конечно, безъ надзора⁴⁾.

Въ судьбахъ племенъ, занимавшихъ прикавказскія страны, имѣли большое значеніе событія, происшедшія въ послѣдніе годы правленія императора Юстиниана. Разумѣемъ появленіе тюркской орды, которая

тому, черезъ Боспоръ по степнямъ и болотамъ приазовскимъ. Но Менаандръ — fg. 48, — упоминающій о направленіи пути, говоритъ о немъ такъ, что обвѣщаетъ полную неясность представленій о географическихъ условіяхъ тѣхъ предѣловъ. Къ тому же и текстъ въ этомъ мѣстѣ безнадежно испорченъ. Признавать въ словѣ *φύλων* — крымскіе Фуллы, по нашему мнѣнію, совершенно невозможно. Здѣсь разумѣются кочевья степняковъ.

1) Malal. Chr. p. 482 B. *ἦν δὲ ἐν τῇ πόλει συναλλαγὰὶ Ῥωμαίων τε καὶ Οὐννων.*

2) Iord. Get. V 37: *iuxta Sbergonam Altziagiri, quo Asiae bona avidus mercator importat.* — Итакъ, въ ту пору въ Херсонѣ имѣлъ своей крайній пунктъ сѣверный караванный путь, а не въ Боспорѣ. Позднѣе этотъ путь заканчивался на устьяхъ Дона, въ Танѣ. См. Heud, *Gesch. des Levantehandels*. II 227 и сл.

3) *Const. Porph. de adm. imp.* c. 42.

4) Не лишено значенія отмѣтить въ этой связи свидѣтельство Героклова «Синекдема», которое стоитъ какъ бы въ противорѣчій съ показаніемъ современнаго ему Маламы, приведеннымъ выше. «Синекдема» начинается съ слѣдующаго утвержденія: *Εἰσὶν αἱ πόσαι ἐπαρχίαι καὶ πόλεις αἱ ὑπὸ τὸν βασιλεῖα τῶν Ῥωμαίων διοικούμεναι τὸν ἐν Κωνσταντινουπόλει...* (ed. Burckhart p. 1); но въ дажѣ слѣдующемъ спискѣ 935 городовъ не упомянутъ Боспоръ, какъ вѣтъ въ немъ ни Херсона, ни эпarchie Захійской (*Ζαχία* съ городомъ *Νίχοψις*).

ю. КУЛАКОВСКИЙ: КЪ ИСТОРИИ БОСПОРА КИММЕРІЙСКАГО ВЪ КОНЦѢ VI В. 11

сама бѣжала отъ завоевательнаго движенія, обнаружившагося въ средѣ тюркской расы въ странахъ приалтайскихъ. То были Авары, "Αβάραι, какъ зовутъ ихъ византийскіе писатели¹⁾, или Вархониты, Οὐαρχωνίται, какъ называли ихъ сами тюрки. Совершивъ цѣлый рядъ опустошеній въ средѣ гунскихъ племенъ на правомъ берегу Волги, Авары, при посредствѣ властителя Аланіи, посылаютъ посольство въ Византію, предлагая свои услуги императору противъ его враговъ. Юстиніанъ оказалъ имъ поощреніе въ томъ разсчетѣ, что взаимное истребленіе Аваровъ съ одной стороны и гунскихъ племенъ Сабировъ и Утургуровъ съ другой—прямой интересъ Имперіи. Такъ сообщаетъ объ этомъ Менандръ²⁾. Какъ извѣстно, Авары не остались въ этихъ предѣлахъ, но, пройдя страну Кутургуровъ и покоривъ ихъ, появились на Дунаѣ, гдѣ и получили земли въ Панноніи.

Итакъ, императоръ Юстиніанъ выдалъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ Утургуровъ новымъ пришельцамъ и призналъ выгоднымъ для Имперіи вступить съ этими послѣдними въ дружественныя сношенія. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Утургуры сами подали поводъ къ перемѣнѣ отношеній къ нимъ императора, такъ какъ историческое преданіе, довольно обильное для той поры, не сохранило намъ никакихъ свидѣтельствъ о подобнаго рода событіяхъ. Очевидно, императоръ не придавалъ большаго значенія союзу съ этимъ племенемъ, и сношенія съ нимъ не были настолько прочны, чтобы черезъ нихъ могли достигаться какія либо существенныя политическія выгоды. Что же касается до Утургуровъ, то они хотя и пострадали отъ Аваровъ, но удержались и впоследствии въ тѣхъ же предѣлахъ, какіе они занимали при императорѣ Юстиніанѣ³⁾.

Сношенія Византіи съ Аварами послужили поводомъ къ обмѣну

1) Menandri fg. с. 43, p. 86 Dind. — Θεοφιλάκτῃ Σινκοκττῃ, который также знает это имя — p. 284 B. — разлагаетъ его на два Οὐάρ Χουννί. Нельзя не вспомнить при этомъ слѣдующаго мѣста изъ Иордана, какъ установилъ здѣсь чтеніе Моммзенъ. Get. 52, 269: quae (pars hostium, т. е. гунны, уцѣлѣвшіе отъ пораженія, нанесеннаго имъ Баламеромъ) in fuga versa eas partes Scythiae peteret, quas Danabri amnis fluente praetermeant, quam lingua sua Hunni Var appellant. — Въ современномъ языкѣ венгровъ слово *var* значитъ рѣка (замѣчаніе Моммзена, стр. 159 его изданія Иордана).

2) Menandri fg. с. 46, годъ 568. Τοῦ δὲ Βαλεντίνου ἐκείσε ἀφικόμενου καὶ τὰ δῶρα παρασχομένου καὶ βαρ ἐσήμνηεν ὁ βασιλεὺς ἐξελπόντος, πρῶτον μὲν ἐξαπολεμήθησαν Οὐτιγούροις (Οὐτιγούροις Niebuhr), εἶτα Ζάλοις, Οὐννικῶ φύλῳ καὶ Σαβείροις δὲ καθεύλον. — Поправка Нибура основана вѣроятно на прямомъ сообщеніи того же Менандра въ гл. 28, p. 63 Dind. Хаганъ аварскій, Βαϊανъ, какъ побѣдитель Утургуровъ и Кутургуровъ, требуетъ себѣ улаты того, что получалъ оба эти народа.

3) Georg. Rav. IV 2, p. 170 Parthey.

посольствами между императоромъ и владыкой тюркскихъ племенъ, имѣвшимъ свою резиденцію на «Золотой горѣ», Ἐκτάγ и Ἐκτέλ, какъ передаетъ это имя Менандръ, поясняющій и его значеніе. Прибытіе посольства съ востока въ Византію относится къ 568 году. Въ томъ же году было отправлено отвѣтное посольство изъ Византіи съ Земархомъ во главѣ. Въ ту пору турки успѣли уже утвердить свое господство на правомъ берегу нижней Волги, покоривъ гуннское племя Угуровъ¹⁾. Аланы и Утургуры оставались еще самостоятельными и свободными²⁾. Когда семь лѣтъ спустя въ 575 году³⁾ отправилось изъ Византіи второе посольство на «Золотую гору», то приазовскія и прикаспійскія степи были уже покорены Турками. Одинъ изъ восьми влaстителей турецкой державы, Турксанеъ, къ которому по пути явилось посольство, поминалъ въ бесѣдѣ съ послами о покореніи Аланъ и Утургуровъ, какъ о событіяхъ недавнихъ, заключавшихъ въ себѣ поученіе для Ромеевъ⁴⁾. Въ ту самую пору, когда посольство находилось у Турксанеа, шла осада Боспора. Ее велъ, по приказанію Турксанеа, царь Утургуровъ, Анагей, и турецкій вождь Воханъ (Βόχανος) съ турецкимъ войскомъ. Менандръ сообщаетъ, что городъ былъ взятъ⁵⁾. Онъ отмѣчаетъ при этомъ вызывающій по отношенію къ Византіи характеръ этого событія, но не говоритъ ничего о томъ, какія силы защищали Боспоръ и было ли тамъ имперское войско. Намъ думается, что изъ словъ Менандра слѣдуетъ вывести заключеніе, что Боспоръ былъ предоставленъ самому себѣ, что тамъ не было въ ту пору имперской военной силы. Если бы Анагей и Воханъ вели осаду противъ солдатъ императора, то посольство не могло бы въ своихъ сношеніяхъ съ Турксанеомъ не коснуться этого нарушенія дружественныхъ отношеній къ Имперіи. Между тѣмъ, хотя рассказъ Менандра и содержитъ въ себѣ разныя подробности со

1) Посольство Земарха на обратномъ пути вступаетъ въ область Угуровъ уже послѣ переправы черезъ Волгу, Ἀττίλα... ταύτη τοι ὁ τῶν Οὐγούρων ἡγεύμενος, ὃς διέσωζεν ἑκάστῃ τοῦ Δικαβούλου (имя верховнаго хагана турокъ) τὸ κράτος.—Ср. Theoph Sympoc. p. 288 В.

2) Властитель Аланіи, Сародій, Σαρώδιος, не пустилъ Турокъ, сопровождавшихъ Земарха, въ свою землю иначе, какъ послѣ выдачи ими оружія.

3) Принимаемъ эту дату нѣмѣсто 579 года, а также 580 (какъ у Muralt'a Ess. de Chr. p. 240).

4) Menandri fg. c. 43, p. 87 Dind.

5) Ibid. c. 46. p. 90 Dind. — заключительная фраза Малалы въ рассказѣ о присоединеніи Боспора къ Имперіи при Юстиніанѣ — «и сталъ жить Боспоръ въ мирѣ подъ римскою властью», нисколько не противорѣчитъ этому свидѣтельству, такъ какъ Малала писалъ раньше и врядъ ли дожидъ до этихъ событій.

включеніемъ и рѣчи Турксавоа къ посламъ, въ немъ нѣтъ ни слова о протестѣ пословъ противъ такого явнаго нарушенія мира, какимъ было бы завоеваніе города, охраняемаго императорскими войсками. Вѣроятно Боспоръ былъ уже раньше этой осады предоставленъ собственнымъ силамъ туземцевъ и лишь считался принадлежащимъ Имперіи, какъ городъ съ греческимъ населеніемъ. Прибавимъ и то, что Менаандръ, писавшій при императорѣ Маврикіи, прямо заявляетъ, что дружественныя отношенія, установившіяся съ Турками со времени появленія перваго посольства отъ нихъ въ Константинополѣ, продолжаютъ и «до настоящаго времени» — οὕτω μὲν οὖν τὸ φύλον οἱ Τοῦρκοι φίλοι ἐγένοντο Ῥωμαίους καὶ τῇ καθ' ἡμᾶς οὐχὶ ἄλλως ἐφοίτησαν πολιτεία (с. 18 v. f.).

На самыя послѣдніе годы VI вѣка приходится еще одно извѣстіе о сношеніяхъ Византіи съ верховнымъ владыкой Турокъ. Его сообщаетъ Теофилактъ Симокатта (VII, 7, p. 282 В.). Великій восточный повелитель прислалъ въ 598 г. посольство къ императору Маврикію съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ успокоилъ всѣ внутренніе раздоры въ своей державѣ и покорилъ всѣхъ своихъ враговъ. Теофилактъ приводитъ въ точности обращеніе восточнаго владыки къ императору и вставляетъ въ свой рассказъ о тогдашнихъ событіяхъ и предметъ посольства пояснительную историческую справку объ утвержденіи господства Турокъ на западъ отъ резиденціи ихъ государя, Золотой горы (χρυσοῦν ὄρος). Изъ тона разсказа слѣдуетъ, что никакихъ осложненій въ сношеніяхъ съ Турками въ ту пору у Византіи не было, и посольство было лишь актомъ дипломатической вѣжливости со стороны восточнаго повелителя въ отношеніи дружественнаго монарха.

Отъ VII вѣка нѣтъ упоминаній у византийскихъ писателей объ азіатской державѣ Турокъ. Но тѣхъ же «восточныхъ Турокъ» знаютъ византийцы какъ болѣе близкихъ сосѣдей подъ именемъ Хазарь¹⁾. Очевидно, хазарская держава была результатомъ турецкихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ Европѣ во второй половинѣ VI вѣка. Владѣя прикавказскими странами, Хазары были желанными союзниками Византіи въ ея войнахъ съ Персами, и уже при императорѣ Иракліи существовалъ между Хазарами и Византіей союзъ для этой цѣли²⁾. Дружественныя сношенія Византіи съ Хазарами держались въ силѣ въ теченіе нѣ-

1) Theoph. Chr. p. 315 de Boor: τοὺς Τοῦρκους ἐκ τῆς ἐφῆς οὗς Χάζαρεις ὀνομάζουσιν.

2) Ibid.

сколькихъ вѣковъ. Хазары держали въ своей власти весь Крымъ и только одинъ городъ Херсонъ былъ во владѣннн Византіи на этой территоріи. Когда въ концѣ VII вѣка былъ сосланъ въ Херсонъ императоръ Юстиніанъ II, ближайшая къ Херсону готская область съ крѣпостью Дорось была, повидимому, въ непосредственной отъ нихъ зависимости, хазарскій тудунъ сидѣлъ въ г. Боспорѣ, подъ хазарской властью продолжала свое существованіе и древняя Фанагорія¹⁾.

Такъ какъ византійскіе писатели не сохранили никакихъ извѣстій о томъ, чтобы Боспоръ и прилежащія мѣстности подвергались какому либо новому нашествію и завоеванію послѣ 575 года, ибо они отождествляютъ Хазаръ съ «восточными Турками» и свидѣтельствуютъ о непрерывныхъ мирныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ турецкой и смѣнившей ее хазарской державой, то отсюда слѣдуетъ заключить, что послѣ 575 года Византія не имѣла болѣе никакой власти на Боспорѣ киммерійскомъ и не заявляла никакихъ претензій на свои верховныя права по отношенію къ этимъ областямъ, а поэтому началомъ хазарскаго владычества въ этихъ предѣлахъ слѣдуетъ признать взятіе Боспора Анагеемъ и Воханомъ въ 575 году²⁾.

Но если это вѣрно, то какъ могъ важный имперскій сановникъ при императорѣ Маврикіи въ 590 году возстановлять дворецъ (*κατάριον*) на восточномъ берегу Боспора, свидѣтельствуя при этомъ о многихъ «остальныхъ великихъ и славныхъ дѣяніяхъ», которыя, по общему смыслу текста надписи, должны имѣть отношеніе если не къ Боспору въ частности, то во всякомъ случаѣ къ Крыму? Дѣятельность такого лица въ этихъ предѣлахъ заставляетъ предполагать существованіе непосредственной зависимости данной мѣстности отъ Имперіи, какъ было то при Юстиніанѣ I. Но такъ какъ Боспоръ былъ взятъ въ 575 году, и Турки послѣ этого заняли и степной Крымъ,

1) Ib. p. 372 и сл.

2) Намъ не совсемъ понятно, почему проф. Васильевскій полагаетъ, что Хазары начали «распространять свою власть въ Понтійскихъ странахъ съ половины VII в.» См. Русско-Византійскія Исслѣдованія, вып. 2, стр. CLXXIII. Вѣроятно, эта датировка принята на основаніи сообщенія Теофана, p. 358 de Boog, который помѣщаетъ появленіе Хазаръ въ припонтійскихъ предѣлахъ послѣ за расселеніемъ сыновей Кровата, Кровайтисъ, и раздѣленіемъ племени Болгаръ на пять частей (Ср. Nicéph. Breviar. p. 38 B.). Но это расселеніе относится къ болѣе данному времени, такъ какъ Кутургурь уже при Юстиніанѣ I занимали тѣ области, которыя, по Теофану, они заняли только въ половинѣ VII вѣка. Изъ свидѣтельствъ Кассіодора, Var. VIII 10 и 21, cf. Graef. p. XXXVII, ed. Мошнев, — слѣдуетъ, что Болгары были на Дунаѣ уже въ 504 году.

причемъ подступали и къ Херсону¹⁾, то для того, чтобы Византія могла вновь упрочить свою власть въ этихъ предѣлахъ, необходимо предположить одно изъ двухъ: или Турки добровольно отступились отъ своихъ завоеваній, или же императоръ вытѣснилъ ихъ оттуда войной. Но такихъ крупныхъ событій не могли не отмѣтить историки. Нельзя не прибавить, что для веденія такой войны не было ни силъ, ни средствъ у Имперіи. Въ теченіе всего царствованія императора Маврикія идетъ непрерывная война съ аварскимъ каганомъ, сравнительно ничтожнымъ властителемъ турецкаго племени, бѣжавшимъ отъ своихъ соплеменниковъ. Турксанъ похвалялся привести ихъ въ трепеть своею нагайкою²⁾, а Византіи эта война стоила страшнаго и непрестаннаго напряженія, шла съ переменнымъ успѣхомъ, сопровождалась крупными потерями и унижительными для чести Имперіи подачками жадному и хищному варвару³⁾. Въ виду этого менѣе чѣмъ вѣроятно, чтобы императоръ Маврикій могъ даже мечтать о какихъ либо военныхъ предпріятіяхъ на дальнемъ сѣверѣ и объ охраненіи тамъ сомнительныхъ имперскихъ интересовъ, которыми мало дорожилъ могущественный Юстиніанъ, предоставившій одно время заботу о нихъ новокрещенному гуннскому князю, Гроду.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, является совершенно невѣроятнымъ, чтобы императоръ Маврикій имѣлъ какую либо возможность и поводъ возстановлять или сооружать что либо на Боспорѣ. А потому врядъ ли угадываетъ истину возстановленіе въ текстѣ надписи Евпатерія чтенія [Μαυρί]κιδ. Если бы даже допустить, что это и есть надлежащее чтеніе, то подъ этимъ Маврикіемъ нѣтъ никакой надобности разумѣть непременно императора Маврикія. Съ самаго начала ученаго интереса къ этой надписи вопросъ о томъ, кто такой «нашъ владыка», δεσπότης ἡμῶν, носившій имя, отъ котораго уцѣлѣло на камнѣ только окончаніе ΚΙC, былъ почему-то предрѣшенъ. Въ немъ сразу признали византійскаго императора и лишь искали подходящаго имени. Умаленіе императорской титулатуры до минимума не смущало ни Стефани, ни Кирхгофа. Но надпись имѣетъ оф-

1) Menandri fg. с. 64, р. 125 Dind.: Τοῦρχων ἤδη περὶ Χερσῶνα ἰστρατοπεδευμένων, какъ сообщаютъ о томъ византійцы послу аварскаго кагана.

2) Menandri fg. с. 43.

3) Theophil. Symocat. VII, 15, р. 299 В.; Theoph. Chr. р. 280 de Boor.—Г. Бертье-Делагардъ (о. с. стр. 86) приписываетъ, поимидному, имп. Маврикію «пораженіе турецкхъ ордъ», но онъ при этомъ не ссылается ни на какое свидѣтельство древнихъ писателей.

официальный характеръ, она красовалась на общественномъ сооруженіи въ далекой окраинѣ, гдѣ престижъ власти императора долженъ былъ стоять высоко, гдѣ онъ долженъ былъ производить своего рода обаяніе и несомнѣнно производилъ его. Тѣмъ менѣе вѣроятно это умаленіе, которое допустилъ притомъ никто иной, какъ «собственный рабъ» своего владыки, несмотря на свои высокія званія стратилата и дука.

Г. Латышевъ, отнесшійся иначе, чѣмъ его предшественники по объясненію этой надписи, къ вопросу о титулатурѣ императора, указалъ, правда, аналогію такого сокращеннаго обозначенія на одной надписи 641 года (С. I. Gr. n. 8659), а также и на другой, неизвѣстной даты (ib. n. 9543); но онъ оставилъ безъ объясненія другое обстоятельство, не лишенное также значенія, а именно: можно ли указать хоть одинъ примѣръ того, чтобы сановникъ, облеченный высшимъ военнымъ званіемъ въ Имперіи, назвалъ себя на официальномъ документѣ «собственнымъ рабомъ» своего государя?—Мы съ своей стороны готовы утверждать, что вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ «нашимъ владыкой», предрѣшенъ въ пользу византійскаго императора безъ достаточныхъ основаній. Титулы *εὐσεβής* (или *εὐσεβέστατος*, слово это написано съ сокращеніемъ окончанія) и *θεοφύλακτος*—еще не могутъ рѣшить его. Царь Диптунъ на боспорской надписи (I. R. B. n. 49¹) также прилагаетъ къ своему имени эпитетъ *εὐσεβής*, хотя онъ несомнѣнный варваръ. Отъ императора заимствовалъ онъ этотъ титулъ, подобно тому какъ и для своихъ приближенныхъ перенялъ изъ Византіи саны *κόμης* и *ἐπαρχος*. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ предположеніе, что Евпатерій дѣйствовалъ на Боспорѣ, и притомъ на азиатскомъ его берегу, вовсе не отъ лица византійскаго императора, а отъ имени своего варварскаго государя, украсившаго его великолѣпными титулами, которыми гордился ихъ носитель, сознавая себя однако «собственнымъ рабомъ» своего государя. Что касается до греческаго имени Евпатерія, то въ оправданіе его достаточно указать на то, что въ средѣ боспорскаго населенія, на ряду со множествомъ варварскихъ именъ, были въ употребленіи также имена чисто греческія (см. Index nominum въ Сборникѣ г. Латышева). Относительно счета по индиктамъ даетъ разъясненіе то обстоятельство, что Евпатерій, какъ и его государь,—христіане. Церковная іерархія была и оставалась въ тѣхъ предѣлахъ греческою даже въ тѣ времена, когда таманскіе князья считали совмѣстнымъ

съ христіанствомъ обладаніе 100 женами¹⁾. Древняя боспорская эра, которой, повидимому, еще держался царь Диптунъ, претендовавшій на старое династическое имя боспорскихъ царей, могла быть забыта или выйти изъ употребленія; а если надпись относится ко времени послѣ 575 года, то она и не могла имѣть примѣненія. Если же «нашъ владыка» есть варваръ, то искать года, которому соотвѣтствуетъ поминутый въ надписи 8-й индиктъ, столь же трудно и бесплодно, какъ и разгадывать точное его имя, отъ котораго уцѣлѣло лишь окончаніе КІС и нѣсколько неопредѣленныхъ штриховъ, настолько стертыхъ, что ихъ едва различалъ глазъ такого опытнаго эпитафиста, какимъ давно признанъ г. Латышевъ.

1) Разсказъ доминиканца Юліана о путешествіи въ страну приволжскихъ Венгровъ. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., томъ V (переводъ текста, напечатаннаго въ изданіи Theiner'a: *Vetera Monumenta historica Hungariae*), стр. 999.— «прибыли въ страну, которая именуется Сихія, въ городъ, именуемый Матрика, гдѣ князь и народъ называютъ себя христіанами, имѣющими книги и священниковъ греческихъ. Князь имѣеть, говорятъ, сто женъ.—Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи упоминается о «самой главной женѣ», которая оказала помощь миссіонерамъ въ ихъ нуждахъ.—Путешествіе относится ко времени около 1235 года.—Позволимъ себѣ при этомъ случаѣ указать на сообщеніе Ибнъ-Фоцлана о 25 женахъ и 60 наложницахъ хазарскаго хагана, исповѣдывавшаго тогда іудейство. Frâhn, *Mém. de l'Acad. t. VIII* (1822) стр. 592.

15 мая 1896 г.

Кіевъ.

Юліанъ Кулаковскій.

ОТДѢЛЪ I.

Христіанство у Аланъ.

I.

Аланы, т. е. предки нынѣшнихъ Осетинъ, были въ X вѣкѣ христіанскимъ народомъ. Свѣдѣніе объ этомъ въ самой ясной и определенной формѣ сохранено Константиномъ Порфиророднымъ въ сочиненіи *De cerimoniis aulae Byzantinae*. Перечисляя формулы официального обращенія византійскаго императора къ властителямъ разныхъ племенъ и народовъ, царственный авторъ приводитъ также и ту, съ которой надлежало обращаться къ властителю Аланіи. Текстъ ея таковъ¹⁾:

Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ὄντος καὶ μόνου ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν. Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανὸς πιστοὶ ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ βασιλεῖς Ῥωμαίων πρὸς ὁ δεῖνα ἐξουσιαστὴν Ἀλανίας καὶ πνευματικὸν ἡμῶν τέκνον.

Текстъ этого обращенія, въ особенности если сравнить его съ другими подобными формулами, какъ то: къ кievскому князю, къ хазарскому кагану, а также къ разнымъ кавказскимъ державцамъ, свидѣтельствуетъ о близкихъ въ ту пору отношеніяхъ между Византіей и Аланами и о томъ значеніи, какое имѣлъ властитель Аланіи въ сферѣ тогдашнихъ политическихъ интересовъ. Не касаясь въ данной связи политической стороны вопроса, мы можемъ извлечь изъ приведенной формулы непреложное свидѣтельство о томъ, что Аланы были христіанскимъ народомъ въ половинѣ X вѣка, когда писалъ Кон-

1) Const. Porphyg., De cer. II с. 48, I р. 688 В.

стантинъ Порфирородный. Какую-же давность имѣло въ ту пору христіанство у Аланъ и съ какого времени стало оно народной религіей?

Вопросъ этотъ ставилъ и разрѣшалъ его вполне опредѣленно преосвященный Макарій въ своей «Исторіи христіанства на Руси до Владиміра». Во второмъ изданіи этого сочиненія (Спб. 1868) авторъ посвятилъ Аланамъ цѣлую главу, стр. 85—97. Нельзя однако сказать, чтобы преосвященный Макарій разъяснилъ вопросъ; напротивъ, онъ ввелъ въ него цѣлый рядъ неосновательныхъ предположеній и гипотезъ, которыя его скорѣе затемнили, чѣмъ содѣйствовали его разрѣшенію.

Такъ во-первыхъ, преосв. Макарій утверждалъ начало христіанства у прикавказскихъ Аланъ въ IV вѣкѣ, основываясь на томъ, что у Сократа, Кирилла Іерусалимскаго и Іоанна Златоуста есть упоминаніе о христіанствѣ у «Савроматовъ», причѣмъ авторъ не сдѣлалъ однако попытки выяснить, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ Савроматами въ краткихъ и случайныхъ упоминаніяхъ имени этого народа у названныхъ писателей. Во-вторыхъ, онъ считалъ вполне несомнѣннымъ фактомъ, что аланская епархія существовала въ VIII вѣкѣ, хотя и отмѣтилъ, что первое упоминаніе епархія этого имени заключается въ росписи каедръ, принадлежащей времени Льва Мудраго (887—911),—послѣднее также невѣрно. Въ третьихъ, онъ призналъ вторую аланскую епархію въ митрополиі Вячинской, слѣдуя въ данномъ случаѣ Ле-Кіену, который помѣщаетъ Вячину на Кубани. Такъ какъ притомъ преосв. Макарій вѣрилъ въ тожество Аланъ и Хазарь, то извѣстный эпизодъ миссіонерской дѣятельности просвѣтителя славянъ, Константина-философа на берегахъ Волги, запутывалъ его въ противорѣчіе съ самимъ собой. Выходъ изъ затрудненія онъ нашелъ довольно простой: онъ допустилъ предположеніе, что христіанство существовало у Аланъ на ряду съ другими «вѣрами», что оно господствовало «только въ верхней половинѣ Аланіи, между Дономъ и Волгой, въ то время, когда въ нижней половинѣ, у Кавказа и Каспійскаго моря, только что вздумали искать себѣ просвѣтителей» (стр. 95).

Признавая изложеніе вопроса о христіанствѣ у Аланъ въ трудѣ преосв. Макарія лишеннымъ всякаго научнаго значенія, такъ какъ оно не основано на тщательномъ анализѣ данныхъ и избилуетъ ни на чемъ не основанными домыслами, мы не считаемъ нужнымъ входить въ его опроверженіе. Изъ другихъ нашихъ церковныхъ писателей никто, сколько намъ извѣстно, не касался вопроса о томъ, когда

Алань стали христіанскимъ народомъ; такимъ образомъ, дѣло остается и доселѣ въ томъ невѣрномъ освѣщеніи, какое далъ ему преосв. Макарій.

Въ противоположность утвержденіямъ заслуженнаго историка русской церкви мы съ своей стороны полагаемъ, что христіанство у Аланъ въ пору Константина Порфиророднаго имѣло очень незначительную давность: оно восходило лишь къ началу X вѣка. Показаніе въ этомъ смыслѣ даетъ источникъ, оставшійся неизвѣстнымъ преосв. Макарію, а именно: переписка патріарха Николая Мистика.

Какъ извѣстно, Николай Мистикъ дважды занималъ патріаршій престолъ: отъ 901 до 907 года и отъ 912 до 925. Изъ сборника его писемъ къ интересующему насъ вопросу относятся слѣдующія семь: 46, 51, 52, 118, 133, 134, 135; пять изъ нихъ обращены къ архіепископу Аланіи Петру, а именно: 52, 118, 133, 134, 135, а два остальныхъ, 46 и 51,—къ властителю Авазговъ, Григорію. Кромѣ того сюда же относится одна замѣтка патріарха въ 9-мъ письмѣ, обращенномъ къ царю болгарскому Симеону. Сообщенія патріарха въ этихъ письмахъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что просвѣщеніе Аланъ свѣтомъ христіанства совершилось въ патріаршество Николая Мистика и притомъ, вѣроятно, въ ту пору, когда онъ вторично занялъ патріаршій престолъ¹⁾; непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ властитель Авазгій. Излишне быть можетъ напоминать, что христіанство у Авазговъ имѣло въ ту пору почтенную давность: оно существовало со времени имп. Юстиніана Великаго. Обращаемся къ содержанію указанныхъ писемъ.

Въ первомъ изъ нихъ, № 46 Сборника, патріархъ привѣтствуетъ князя Авазгій съ восшествіемъ на тронъ недавно умершаго отца его, выражаетъ свое сочувствіе его сыновней скорби, хвалитъ доблести почившаго и высказываетъ любезное пожеланіе, чтобы сынъ превзошелъ въ нихъ своего отца; а въ заключеніе письма, отвѣчая, по видимому, князю на его вопросъ относительно содѣйствія «архіепископу Аланіи», патріархъ предоставляетъ дѣло доброжелательному усмотрѣнію князя, выражая полную увѣренность въ томъ, что онъ окажетъ содѣйствіе пастырю сосѣдняго народа, если тотъ, находясь въ чужой

1) Высказываемъ эту догадку на томъ основаніи, что 9-ое письмо (къ царю Симеону) написано послѣ несчастной для Ромеевъ битвы при Ахелюѣ 20 августа 917 года. Въ письмахъ къ князю Авазговъ и архіепископу Петру нѣтъ никакихъ указаній на событія, которыя бы имѣли опредѣленную хронологическую дату.

странѣ, быть можетъ нуждается въ самомъ необходимомъ для жизни¹⁾.

Во второмъ письмѣ къ тому-же князю (51) патріархъ хвалитъ его за святую ревность въ дѣлѣ просвѣщенія свѣтомъ истины народа Аланъ и продолжаетъ такъ: «отъ разныхъ лицъ, которымъ извѣстно о твоихъ подвигахъ, мы узнали, что ты положилъ съ божьей помощью большое стараніе въ дѣлѣ просвѣщенія князя Аланіи и тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ удостоились святаго крещенія». Въ заключеніе патріархъ благодаритъ князя за гостепрѣимство и помощь, которыя онъ оказалъ архіепископу-миссіонеру²⁾ 3).

Письма патріарха къ архіепископу Аланіи Петру проникнуты самымъ искреннимъ чувствомъ дружбы и участія къ дѣлателью на новой нивѣ христіанскаго просвѣщенія. Во всѣхъ пяти патріархъ утѣшаетъ и ободряетъ миссіонера, увѣщевая его къ бодрости и энергіи въ сознаніи величія его призванія. Нѣсколько разъ дѣлаетъ онъ замѣчаніе, что крещеніе Аланъ — дѣло недавнее. Такъ, въ одномъ изъ этихъ писемъ (52) есть такая фраза: «Развѣ ты не разумѣешь, что человѣколюбецъ Спаситель нашъ, уничижившій Себя изъ высоты славы Своея, чтобы спасти погибшее, чтобы ходящихъ во мракѣ нечестія вывести на свѣтъ благочестія, направилъ и тебя на служеніе, которое Самъ избралъ для Себя? . . . развѣ не считаешь ты себя самымъ блаженнымъ среди людей?»⁴⁾ Въ концѣ того-же письма патріархъ, давая пастырское разъясненіе на изложенныя въ письмѣ къ нему архіепископа Петра затрудненія водворить христіанскіе нравы въ семейный бытъ новообращенныхъ, выражается такъ: «ты самъ понимаешь, что не легко дается переходъ отъ языческой жизни къ стро-

1) Migne, Patr. Gr. t. CXI, стр. 236. — Αὐτὸς γὰρ συνेतὸς ὦν καὶ φρόνιμος καὶ εἰδὼς τὸ ἰσχυρὸν ἔργον . . . καὶ συνεπιχορηγήσεις αὐτῷ καὶ συναντιλήψῃ τῶν πόνων καὶ εἴ τινος ἐν εἶδει τοιοῦτοφ καὶ γῆ ξένη τῶν ἀναγκάων καὶ ἀνεσι τῇ ζωῇ φερόντων ἐνδεής ἐστι, προθύμως ἐπιχορηγήσεις τοῦ Θεοῦ σοι δύναμιν παρασχόντος. — Нн князь, нн архіепископъ не названы въ этомъ письмѣ по именамъ.

2) Ib. стр. 241. Ἀνεμάδομεν γὰρ ἐκ διαφορῶν τῶν ἐπισταμένων τὰ σὰ κατορθώματα, ὡς μετὰ γε Θεοῦ πολλήν τὴν πρόνοιαν κατεβάλου εἰς τε τὸν φωτισμὸν τοῦ τῆς Ἀλανίας ἀρχοντος καὶ εἰς τοὺς δοσοὺν αὐτῷ κατηξιώθησαν τοῦ ἀγίου βαπτίσματος.

3) Среди писемъ патріарха Николая есть еще одно, обращенное къ тому-же князю, № 162. Оно не содержитъ въ себѣ ничего относящагося къ нашему вопросу, но оно интересно изъ томъ отношеніи, что въ его заголовкѣ князь Авазовъ названъ по имени: Γρηγορίφ ἔξουσιαστῆ Ἀβασγίας. — Позволимъ себѣ кстаті отмѣтить, что тоже самое имя носилъ князь Авазовъ, правившій въ концѣ VII вѣка, какъ извѣстно то изъ письма сосланнаго на Кавказъ поборника православія Анастасія къ пресвитеру Θεοδοсіου въ Ганграхъ, Migne, Patr. Lat., t. 129, стр. 659—664.

4) Ibid. стр. 244.

гости Евангелія». Въ виду этого онъ совѣтуетъ архіепископу Петру дѣйствовать отеческимъ убѣжденіемъ, допускать строгость въ отношеніи простыхъ людей, но соблюдать крайнюю осторожность въ отношеніи людей знатныхъ и властныхъ, чтобы не отвратить отъ христіанства весь новоприобрѣтенный для церкви народъ¹⁾.

Въ другомъ письмѣ (133) патріархъ выражается такъ: «народа, которому ты посланъ вождемъ и спасителемъ, вторымъ послѣ перваго Спасителя и Бога нашего» (*καὶ τῆς τοῦ λαοῦ σωτηρίας, οὐ σὺ ὁδηγὸς ἀπεστάλης καὶ σωτῆρ, μετὰ γὰρ τὸν πρῶτον ἡμῶν Σωτῆρα καὶ Θεόν*). Въ томъ-же письмѣ Аланы названы народомъ, вновь призваннымъ къ благочестію (*τοῦ νεοκλήτου πρὸς τὴν εὐσεβείαν ἔθνους*); а далѣе рѣчь идетъ опять о незаконныхъ бракахъ (*ἄθεσμος γάμος*), причѣмъ патріархъ опять внушаетъ допускать послабленія въ отношеніи князя страны (*ἡγεμόνων τοῦ ἔθνους*) и людей, уже издавна живущихъ въ такихъ бракахъ²⁾.—Изъ контекста письма не видно, какіе то были браки и въ чемъ являлись они незаконными. Не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что, между прочимъ, то было многоженство. Напомнимъ, что доминиканецъ Юліанъ, посѣтившій Матрегу, т. е. Таматарху-Тмуроканъ, около 1235 года сообщалъ, что князь той земли, исповѣдывавшій вмѣстѣ со своимъ народомъ христіанство греческаго исповѣданія, имѣлъ сто женъ³⁾.

1) Ibid. ep. 52, стр. 245. *Περὶ δὲ ὧν ἔγραψας τῶν τε κατὰ γάμων ἐναντιουμένων πραγμάτων τῇ καταστάσει τῆς Ἐκκλησίας, καὶ τῶν ἄλλων ὅσα πρὸς τὸν ἐθνικώτερον τρόπον ὑπάγει τοὺς χρωμένους, οὐκ ἄγνοεῖ σου ἡ σύνεσις, ὅτι οὕτως ἀδρόον ἢ μετὰστασις τῆς ἐθνικῆς ζωῆς πρὸς τὴν ἀκριβείαν τοῦ Εὐαγγελίου τὸ ῥάδιον οὐ καταδέχεται. Διὸ τοῦτο χρὴ τὴν μὲν διδασκαλίαν καὶ τὴν πρὸς τὰ καλὰ ὁδηγοῦσαν παραίνεσιν ἀδιαλείπτως πατρικῶς καὶ μετ' ἐπιεικειᾶς προσάγειν· καὶ οἷς μὲν πειθομένοις ἔχεις, εὐχαριστεῖν τῷ διδόντι χάριν τῇ σῇ διδασκαλίᾳ· οἷς δὲ δυσχεραίνοντας ὄρας, ἀνέχεσθαι μακροθύμως καὶ μάλιστα τῶν ἀπειθούντων τῆς ὑψηλοτέρας τάξεως τοῦ ἔθνους ὑπαρχόντων, καὶ οὐ τῶν ἀρχομένων, ἀλλὰ τῶν ἄρχων λαχόντων.*

2) Ibid. стр. 353. *Περὶ δὲ τοῦ ἀθέσμου γάμου, εἰ μὲν οἷόν τε, παραινέσει καὶ διδασκαλίᾳ λύσαι τὴν συζυγίαν, πᾶσα Θεῷ χάρις. Εἰ δ' ἀντιβαῖνοι τοῦ πράγματος ἢ δύναμις τέως μηκέτι προκόπτειν τὸ κακόν, μηδ' ἀπὸ τοῦ νῦν ἐπιτρέψειν τοιοῦτοις γάμοις καταμολύνεσθαι τὸ γένος. Τοῦτο δὲ πράξεις συνήθως τῷ τε ἡγεμόνι τοῦ ἔθνους ὑποτιθέμενος καὶ τῷ ἀνδρὶ, ᾧ συγχωρεῖται τὸ συνοικεῖν διὰ τὴν ἤδη φθάσασαν σύναψιν.*

3) Зап. Имп. Одес. Общества Ист. и Древ., т. V, стр. 699 (переводъ документа напечатаннаго въ изд. Theiner's Vetera documenta historica Hungariae).—Когда въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія грузинскіе и русскіе миссіонеры возобновили захудалшее христіанство у Осетинъ, то имъ приходилось бороться противъ «обычая женитьбы на женахъ умершихъ братьевъ, на женахъ даже умершихъ сыновей», и миссіонеры прибѣгали къ помощи начальства противъ «секретнаго ложа».—Г. Лаировъ, въ своемъ изслѣдованіи: «Замѣтки объ Осетин и Осетинахъ» въ 3 выпускѣ «Сборника для описанія плененъ и мѣстностей Кавказа» (1883 г.), съ увѣ-

Утѣшая и ободряя просвѣтителя Аланіи въ его трудномъ дѣлѣ и оправдываясь отъ его упрека, будто онъ забытъ въ Константинополѣ, патріархъ имѣеть случай предостеречь его отъ раздора съ другимъ миссіонеромъ въ тѣхъ странахъ, Еввоиміемъ (письмо 135). Патріархъ хвалитъ Еввоимію, какъ мужа богобоязненнаго, благочестиваго и добродѣтельнаго¹). Текстъ письма оставляетъ насъ въ неизвѣстности, кто былъ Еввоимій, и на какой почвѣ возникло столкновение съ нимъ у архіепископа Петра. Быть можетъ слѣдуетъ искать разъясненія въ томъ упрекѣ, который патріархъ сдѣлалъ Петру въ предшествующемъ (133) письмѣ, а именно: притязаніе на первенство (*οὐδὲ τὴν ἀρχὴν ὑπολαμβάνειν ἐχρῆν*). Въ письмѣ къ болгарскому царю Симеону (9-ое письмо Сборника) патріархъ Николай, рекомендуя царю своего посланца, сообщаетъ, что онъ былъ миссіонеромъ въ Аланіи, откуда въ настоящее время воротился. Быть можетъ этотъ монахъ, изъ аскетовъ Олимпа (*τῶν ἐν Ὀλύμπῳ ἀσκητῶν*), былъ вторично посланъ въ Аланію на помощь архіепископу Петру и тамъ вышло у нихъ притязательство изъ за первенства въ дѣлѣ просвѣщенія Аланъ свѣтомъ христіанства²).

Въ перепискѣ патріарха Николая есть еще одно письмо, которое, быть можетъ, также относится къ занимающему насъ вопросу и заключаетъ въ себѣ указаніе на то лицо, которое призвало вниманіе патріарха къ Аланамъ. Разумѣемъ письмо 106, обращенное къ епископу Херсона³). Въ немъ патріархъ воздаетъ адресату хвалу за его заботы о просвѣщенія свѣтомъ христіанства какого-то народа, «обманутаго и едва не уловленнаго злымъ демономъ изъ нѣдръ благочестія» (*τὸ ἐξηπατημένον ἔθνος καὶ μικροῦ συληθέν ἐκ τῆς εὐσεβείας κόλπων ὑπὸ τοῦ πονηροῦ δαίμονος*). Онъ предлагаетъ епископу Херсона избрать достойное лицо въ епископы для этого народа и прислать его для посвященія въ Константинополь, причемъ изъ контекста ясно, что на-

решительно признаетъ въ этомъ обычаѣ вліяніе магометавства (стр. 267). Но быть можетъ этотъ обычай нисходитъ къ болѣе давнему времени. Позволимъ себѣ указать на одно сообщеніе о прикавказскихъ «Гувнахъ» въ «Исторіи Агванъ» Моисея Каганкатваца. Пбр. 1861, стр. 194: «также преданные афродитнымъ желаніямъ согласно языческимъ нравамъ своимъ, они брали въ супружество жену отца, у нихъ два брата имѣли одну жену и брали также разныхъ женъ». Рѣчь идетъ о событіяхъ конца VII вѣка.

1) Patr. Gr., t. CXI, стр. 360.

2) Таково истолкованіе, предложенное Неггенрѳтер'омъ изъ его изслѣдованіи: Photius, т. I, стр. 588, гдѣ онъ касается вопроса о дѣятельности архіепископа Петра.

3) Patr. Gr. t. CXI, стр. 321, 323.

родъ этотъ не имѣлъ дотогѣ своего пастыря (καὶ πρὸς ἡμᾶς ἐξαποσταλῆναι τοῦ ἐν τῷ παναγίῳ Πνεύματι εἰς τὴν τῆς ἐπισκοπῆς τάξιν προχειρισθῆναι, καὶ εἰς ποικίλα τοῦ τέως ἀποστερημένου τοῦ ποιμαίνοντος ποιμνίου καταστῆναι).—Такъ какъ первымъ епископомъ у Аланъ былъ Петръ, а Евѳимій дѣйствовалъ въ этой странѣ раньше его и оттуда воротился въ Константинополь, то, такимъ образомъ, является весьма вѣроятнымъ, что въ письмѣ патріарха къ епископу Херсона рѣчь идетъ именно объ Аланахъ. Впрочемъ въ перепискѣ патріарха съ архіепископомъ Петромъ ни разу не встрѣчается упоминанія о какихъ либо отношеніяхъ къ Херсонскому епископу; потому мы не можемъ, конечно, настаивать на нашей догадкѣ.

Какъ бы ни обстояло дѣло въ этомъ частномъ вопросѣ, письма патріарха Николая даютъ совершенно ясное и опредѣленное свидѣтельство о томъ, что Аланы вмѣстѣ съ своимъ княземъ были крещены въ началѣ десятаго вѣка, а до тѣхъ поръ были народомъ языческимъ. Давнія сношенія Аланъ съ Византіей, о которыхъ сохранилось не мало извѣстій у византійскихъ писателей (такъ, Прокопій называетъ ихъ друзьями христіанъ и имперіи издавна, ἐκ παλαιού¹), а равно также ихъ сношенія съ христіанскими сосѣдями, Иверами и Авазгами, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что христіанство не было неизвѣстно издавна въ странѣ Аланъ. Быть можетъ, не рѣдки были случаи обращенія въ христіанство отдѣльныхъ лицъ и семействъ; но то были частные факты, не имѣвшіе большого значенія, и Аланы, какъ народъ, оставались язычниками до начала X вѣка, пока не обратили ихъ въ христіанство монахъ Евѳимій и архіепископъ Петръ, при ближайшемъ участіи къ дѣлу патріарха Николая²).

Въ полномъ согласіи съ этимъ положеніемъ стоитъ свидѣтельство, какое можно извлечь изъ списковъ епархій Константинопольскаго престола, *Notitiae episcopatus*, тахтиа³). Въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ по нынѣ документовъ этой категоріи, носящемъ имя Епи-

1) Procop., bell. Pers. II с. 29, р. 288 В.

2) Этому положенію нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что историкъ Готовъ Иорданъ былъ не только христіанинъ, но и носилъ духовный санъ. Та часть аланскаго племени, къ которой принадлежалъ Иорданъ, была оторвана отъ своей родины еще въ пору гуннскаго нашествія, и ея исторія оканчивается для насъ вмѣстѣ съ поселеніемъ ея въ предѣлахъ нынѣшней Добруджи. Iordav., Get. 50, 266.

3) Parthey, Hieroclis synecdemus et Notitiae graecae episcopatum. Berolini. 1866.—Geltzer, Georgii Cyprii descriptio orbis Romani. Lipsiae. 1890.—De Boor, Nachträge zu den Notitiae Episcopatum, Zeitschrift für Kirchengeschichte. XII (1891), стр. 303—322.

фанія Кипрскаго, Notitia VII въ изданіи Parthey'я, нѣтъ упоминанія объ аланской епархіи. Ученые изслѣдователи хронологіи этихъ памятниковъ, Гельцеръ и Де-Бооръ, приурочиваютъ этотъ списокъ къ концу VII или началу VIII вѣка. Не значится аланская епархія, да-дѣе, въ ближайшемъ по времени списокѣ, который недавно былъ опубликованъ Де-Бооромъ и приуроченъ имъ, на основаніи тщательнаго анализа заключающихся въ немъ данныхъ, ко времени незадолго до седьмого вселенскаго собора, т. е. 787 года¹⁾. Нѣтъ Аланіи также и въ спискахъ, которые относятся ко времени патріарха Никифора (806—815 годъ), Notitiae V + VI + IX Parthey'я. Нѣтъ ея, наконецъ, и въ томъ списокѣ, который носитъ имя Василія и принадлежитъ, какъ то доказано Гельцеромъ, времени Льва Мудраго²⁾. Первое упоминаніе Аланіи содержится въ списокѣ, принадлежащемъ X вѣку, въ которомъ есть уже и Россія, Notitia II Parthey'я. Аланская каедрa повысилась къ тому времени въ своемъ рангѣ и числится уже не архіепископіей, какъ было при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ въ пору ея основанія, а митрополіей, занимая по достоинству мѣсто непосредственно вслѣдъ за Россіей, т. е. 61-ое³⁾.

Сосѣдняя съ Аланіей, древняя для той поры епархія Авазгійская осталась въ прежнемъ своемъ рангѣ архіепископіи. Причиной возвышенія Аланіи было, по всему вѣроятію, политическое значеніе Аланъ въ ту пору. Оно засвидѣтельствовано въ той формулѣ обращенія византийскаго императора къ властителю Аланіи, которая приведена выше. Тогда какъ остальные кавказскіе династы, помянутые имп. Константиномъ Порфиророднымъ, а именно: у Иверовъ, Авазговъ, Албанцевъ и еще семи племенъ, получали отъ императора «приказы», *κέλευσις*⁴⁾, только одинъ властитель Аланіи удостоенъ чести признанія самостоятельнымъ государемъ дружественной державы, котораго императоръ именуеетъ своимъ «духовнымъ чадомъ». О роля, которую играли Аланы въ политическихъ отношеніяхъ того времени, сообщилъ намъ тотъ-же Константинъ Порфирородный въ другомъ мѣстѣ своихъ твореній, а

1) De Boor, ib. 519—534; XIV (1894), 573—599.

2) Geltzer, Georgii Cyprii descriptio orbis Romani, Nova tactica, стр. 60.

3) Parthey, o. c., стр. 96.

4) Const. Porphyg., De ser. II с. 48, I р. 687 В. — Εἰς τὸν κουροπαλάτην Ἰβηρίας. βούλλα χρυσῆ διτολδία. ἐκέλευσις ἐκ τῶν φιλοχρίστων δεσποτῶν πρὸς ὁ δεῖνα τὸν ἐνδοξότατον κουροπαλάτην. — Ib. р. 690. Εἰς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας. βούλλα χρυσῆ διτολδία. ἐγράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας.

именно: *De admin. imp.*, сар. 42. Аланы были той силой, которая парализовала хазарскую державу и устраняла ее опасность для интересов Империи: они могли залегать пути въ Саркелъ и недопускать Хазарь до Крыма. Такимъ образомъ, для дальняго востока значеніе Аланъ было аналогично тому, какое имѣли Печенѣги въ отношеніи Русскихъ, какъ сообщилъ о томъ тотъ-же царственный авторъ въ своихъ совѣтахъ сыну.

II.

Принявъ христіанство въ началѣ X столѣтія, Аланы оставались затѣмъ христіанскимъ народомъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Наибольшее число свидѣтельствъ, какими мы располагаемъ въ настоящее время, относится къ XIII столѣтію. Таково, во первыхъ, показаніе доминиканца Юліана, который посѣтилъ Аланію ок. 1235 года на пути въ страну приволжскихъ «Венгровъ», т. е. по видимому, Башкирь. Юліанъ проникъ въ Аланію изъ Таматархи, совершивъ это путешествіе въ 13 дней. Вѣрованія Аланъ, по его словамъ, представляли смѣсь христіанства съ язычествомъ. Они соблюдали воскресный день, отмѣчая его полной взаимной безопасностью, чтли крестъ, но имѣли самыя смутныя понятія о христіанскомъ ученіи и обычаяхъ¹⁾. Второй по времени памятникъ — «Аланское посланіе» епископа Феодора отъ 1240 года. Будучи поставленъ Константинопольскимъ патріархомъ въ епископы Аланіи, Феодоръ, аланъ по происхожденію, нашелъ своихъ соотечественниковъ вблизи Херсона въ Тавридѣ, гдѣ и преподавалъ имъ пастырское ученіе. Претерпѣвъ разнаго рода затрудненія, онъ достигъ наконецъ прикавказской Аланіи, гдѣ испыталъ горькое разочарованіе, заставъ свою паству христіанской лишь по имени. Интересно и важно въ его разсказѣ то, что у Аланъ были повсюду священники изъ мѣстныхъ людей; такъ какъ они были поставлены не законно, то епископъ Феодоръ, послѣ долгихъ колебаній, совершилъ надъ ними вторичное рукоположеніе²⁾. Близкимъ по времени свидѣтелемъ является западный монахъ Рубрукъ, который совершилъ путешествіе по южно-русскимъ степямъ въ 1253 году, направляясь изъ Солдайи, т. е. Судака, въ мѣстопробываніе хана Золотой Орды. Какъ въ Судака, такъ

1) Записки Одес. Общ. Ист. и Дрв., т. V, стр. 699.

2) Mai, Nova Bibliotheca Patrum, VI, 379—397=Migne, Patr. Gr. t. 140, 385—413. Полный переводъ этого интереснаго памятника мы надѣемся представить въ скоромъ времени.

и въ степяхъ на Дону и на Волгѣ встрѣчалъ онъ Аланъ, которые были христіанами греческаго исповѣданія¹⁾.

Первому десятилѣтію XIV вѣка принадлежитъ интересный эпизодъ, а именно переходъ на службу Имперіи придунайскихъ Аланъ, которые входили въ улусъ «безбожнаго» Ногая. Эти Аланы были христіане и вели свои сношенія съ императоромъ черезъ вичинскаго митрополита Луку. Эпизодъ этотъ мы имѣли случай разбирать въ другомъ мѣстѣ²⁾.

О христіанствѣ Аланъ на ихъ прикавказской родинѣ въ 1329 и 1333 году даютъ свидѣтельство сношенія папы съ аланскимъ княземъ Милленомъ, который, повидимому, былъ обращенъ въ католичество, благодаря стараніямъ римскихъ миссіонеровъ³⁾. Но дѣло ихъ было не прочно, и въ XV вѣкѣ Аланы оставались христіанами греческаго исповѣданія, какъ о томъ засвидѣтельствовали Іосафатъ Барбаро⁴⁾ и Лаоникъ Халкондилъ⁵⁾.

Не входя здѣсь въ разборъ перечисленныхъ свидѣтельствъ, мы ограничимся утверженіемъ, что Аланы были христіанскимъ народомъ отъ начала X и до второй половины XV вѣка⁶⁾.

Аланская епархія, созданная трудами миссіонеровъ Евеміи и

1) *Rec. des Voyages*, IV, I, стр. 242; 243; 252.

2) *Визант. Врем.* IV, 324, гдѣ приведены всѣ относящіеся къ этому событію свѣдѣнія.

3) *Bagoni Annales Ecclesiasticæ*, а. а. 1329 п. 96 и 1333 п. 37.

4) Семеновъ, *Библ. иностр. писат. о Россіи*, т. I. — Іосафатъ Барбаро не только былъ въ Аланіи, но и занимался тамъ раскопкой кургановъ, *Viaggio*, сар. 12.

5) *Laonic. Chalcond. p. 407 B.* — О христіанствѣ сосѣднихъ съ Аланами Черкесовъ, Адиге, отъ 1502 года даетъ свѣдѣніе итальянскій путешественникъ Георгій Интеріанъ (Семеновъ, *нази. соч.*, стр. 123): *Circassi in loro proprio linguaggio appellat Adiga... loro sacerdoti officiano a vno modo con parole et carattere greche senza intendere*.

6) Христіанство не исчезло въ средѣ аланскаго племени за время татарскаго господства въ южной Россіи, утвердившаго магометанство на Кавказѣ. Восстановленіе христіанства началось по инициативѣ Грузинъ съ 1746 года. Свѣдѣнія объ этомъ см. «Исторія Грузинской іерархіи съ присоединеніемъ обращенія въ христіанство Осетинъ и другихъ горскихъ народовъ по 1 генваря 1825 года». Изданіе второе. Москва. 1855. — Грузинскій архіепископъ Іоаннъ въ своемъ отчетѣ о посѣщеніи Осетинъ въ началѣ нашего вѣка сообщалъ между прочимъ слѣдующее. «Прибывъ въ Гудамарское ущелье и побесѣдовавъ съ почетными обывателями, я не нашелъ ничего противнаго моему ученію. Потому появился челоуѣкъ, котораго называли: «это нашъ священникъ». Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ свещениковъ, которые безъ книги заучили наизусть нѣсколько стиховъ изъ псалтира и учатъ. Произвесши ихъ, онъ ставитъ вино минуты 2—3, и это называется обѣдней, мажетъ углемъ съ произнесеніемъ тѣхъ же стиховъ, и это называется ирещеніемъ». — Заимствуемъ это интересное свѣдѣніе у г. Лаврова, «Замѣтка объ Осетинъ и Осетинахъ», стр. 265.

Петра, имѣла свою исторію, отъ которой дошли до насъ лишь отрывочныя свѣдѣнія. Какъ было указано выше, епархія эта была митрополіей уже въ концѣ X-го вѣка. Ученый канонистъ половины XII столѣтія, Феодоръ Вальсамонъ, имѣлъ случай встрѣчаться съ митрополитомъ Аланіи, отъ котораго онъ слышалъ жалобы касательно нестроений въ брачной жизни духовныхъ лицъ въ этой епархіи. Помянувъ объ этомъ, Вальсамонъ сдѣлалъ одно замѣчаніе о положеніи аланской епархіи въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Въ вѣдѣніи патріархата, какъ онъ сообщаетъ, находятся три діоцеза: Азіатскій, Понтійскій и Θρακίскій. Между ними распредѣляются каедръ, расположенныя въ странахъ варварскихъ: Аланы принадлежатъ къ Понтійскому діоцезу, а Русскіе — къ Θρακίскому¹⁾. Въ концѣ XIII вѣка митрополія аланская является въ соединеніи съ Сотиріупольской (т. е. Авазгійской) и Зикхійской. Замѣститель этихъ трехъ каедръ принималъ участіе въ Константинопольскомъ соборѣ, который происходилъ въ первый годъ правленія Андроника старшаго, т. е. въ 1282 году, и его подпись имѣется на соборныхъ актахъ²⁾. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ представительства трехъ каедръ имѣло, по видимому, случайный характеръ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи епархіи Зикхійской. Дѣло въ томъ, что въ документѣ, относящемся ко времени того-же императора, а именно къ 1317—18 году, помянуть самостоятельный митрополитъ Зикхій съ титуломъ Зикхо-Матрахскаго. На него, совмѣстно съ митрополитомъ Аланіи и Вичины, возложено было разобрать распрю, которая возникла между митрополитами готскимъ и сугдейскимъ изъ-за подвѣдомственности пограничныхъ мѣстностей, вновь населившихся въ ту пору послѣ продолжительнаго заустѣнія³⁾. Что-же касается до соединенія епархій Аланской и Сотиріупольской, то у Никифора Каллиста есть свѣдѣніе о формальномъ соединеніи этихъ двухъ епархій въ одну въ правленіе имп. Алексѣя Комнина (1081—1118)⁴⁾. Сообщеніе это находится однако въ нѣкоторомъ противорѣчій съ данными, которыя заключены въ «Аланскомъ посланіи» епископа Феодора

1) Migne, Patr. Gr. t. 137, p. 485: 'Αλανοὶ τῆς Ποντικῆς εἰσι διοικήσεως, οἱ δὲ Ῥώσιοι τῆς Θρακικῆς. — Тоже замѣчаніе читается у Зонары, *ib.* p. 489.

2) Le-Quien, *Oriens Christianus*, I, p. 1349, n. 5.

3) Miklosich et Müller, *Acta Patr. Const.*, I, n. 41.

4) Migne, Patr. Gr., t. 146 p. 1197: Πολλὰ δὲ καὶ τῶν ἐκκλησιῶν ἦσανται ὡσπερ ἡ Πάρος καὶ ἡ Νάξια, τὰ τε Σοῦδα καὶ τὰ Φοῦλα, ἢ τε Ἀλανία καὶ ἡ Σωτηριούπολις. — Свое изложеніе Никифоръ ведетъ хронологически, и выше у него помянуть Алексѣя Комнина. — Ср. Rally et Potly, *Syntagma*, стр. 73.

1240 года. Разыскивая путь въ свою епархію, Θεодоръ прибылъ въ Херсонъ и оттуда въ Боспоръ, т. е. Керчь; отсюда онъ хотѣлъ, повидимому, направиться на мѣсто своего пастырскаго служенія. Но тамъ ему не было дозволено высадиться на берегъ. Приставъ затѣмъ гдѣ то на кавказскомъ берегу, еп. Θεодоръ достигъ предѣловъ своей епархіи только послѣ 60-дневнаго очень труднаго пути. Очевидно такимъ образомъ, что ему пришлось проходить черезъ одинъ изъ горныхъ проходовъ, которые служили для сношеній Аланъ съ побережьемъ, занятымъ Авазгами. Если-бы епархіи Аланская и Авазгійская были въ ту пору соединены, то вмѣсто кружнаго пути черезъ Херсонъ и Боспоръ еп. Θεодору проще и естественнѣе было-бы направиться черезъ Трапезунтъ въ Сотиріуполь, гдѣ была кафедръ Авазгійской епархіи, и прибывъ въ этотъ послѣдній городъ ¹⁾, еп. Θεодоръ находился бы уже въ предѣлахъ своей епархіи. Но онъ опредѣленно отмѣчаетъ, что ему удалось достигнуть своей паствы только послѣ 60-дневнаго странствія, сопровождавшагося всевозможными затрудненіями. Въ пору болѣе позднюю соединеніе епархій Аланской и Сотиріупольской было нормальнымъ порядкомъ. Указаніе на это даетъ одинъ документъ Константинопольскаго патріархата отъ 1347 года ²⁾. Въ немъ сообщается, что предшественникъ патріарха Іоанна Апри назначилъ, по какимъ то соображеніямъ, особаго епископа на кафедръ Сотиріупольскую. Митрополитъ Аланскій заявилъ свой протестъ и представилъ документы: синодальное постановленіе и хризовуль, которыми и было доказано издавна узаконенное соединеніе обѣихъ кафедръ. Изъ протеста митрополита включено въ текстъ акта соображеніе, которымъ было моти-

1) О Сотиріуполѣ см. нашу замѣтку въ Археол. Изв. и Зам. 1897, февраль: «Гдѣ былъ построенъ имп. Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ»? Городъ Сотиріуполь, какъ кафедръ Авазгійскаго архіепископа, впервые упомянутъ въ спискѣ епархій, въ принадлежащемъ времени имп. Льва Мудраго (886—911), а въ болѣе раннихъ документахъ этого рода называется въ томъ же значеніи городъ Севастополь, лежавшій на мѣстѣ (или по близости отъ) нынѣшняго Сухума. Въ нашей замѣткѣ мы полагаемъ, что перемѣна въ имени кафедръ есть свидѣтельство о перенесеніи ея въ другое мѣсто и что подъ Сотиріуполемъ слѣдуетъ разумѣть Пицунду, древній Питиунтъ. Уважаемый проф. В. В. Болотовъ высказалъ въ частномъ письмѣ къ намъ свое несогласіе такъ понять перемѣну имени кафедръ Авазгійской епархіи и привелъ цѣлый рядъ аргументовъ въ подтвержденіе того, что перемѣнилось только имя Севастополь на Сотиріуполь. Какъ бы то ни было, нынѣшніе приморскіе города Сухумъ и Пицунда были въ предѣлахъ Авазгійской епархіи, имѣли значеніе торговыхъ центровъ на кавказскомъ побережьи въ ту пору и для византийцевъ были доступнѣе изъ Трапезунта, нежели кружнымъ путемъ черезъ Херсонъ.

2) Miklovich et Müller, o. c. I, p. 114.

виrowано это соединеніе, а именно: «митрополія аланская вовсе не имѣетъ собственной архіерейской кафедрѣ по той причинѣ, что народъ ея ведетъ пастушескій образъ жизни» (οὐδὲ ἔχει τινὰ ἰδίαν ἀρχιερατικὴν κάθεδρον ἢ τοιαύτη μητρόπολις, ἅτε δὴ τοῦ ἔθνους ὄντος νομαδικοῦ). Принимая въ соображеніе такое положеніе дѣла, патріархъ Іоаннъ постановилъ, чтобы на будущее время нерушимо соблюдалось «стародавнее» положеніе о единствѣ этихъ кафедръ, и Аланскій митрополитъ носилъ также титулъ Сотиріупольскаго (ἀμφω αὐταὶ αἱ μητρόπολεις, ἢ τῆς τῶν Ἀλανῶν καὶ ἡ Σωτηριουπόλεως, εἰς ἓν συναφθήσονται σῶμα, καὶ τὴν ἔνωσιν ἀδιάσπαστον καὶ ἀδιάρρηκτον παντελῶς ἔξουσιν εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους... ὁ τῆς Ἀλανίας καὶ Σωτηροπόλεως πάλιν κληθήσεται καὶ δύο κατὰ ταῦτό τὰς ἐπωνυμίας ἔξει, ὡς ἐπὶ ἐνός καὶ τοῦ αὐτοῦ πράγματος)¹⁾.—Обиженный и затѣмъ возстановленный въ своихъ правахъ митрополитъ, по имени Лаврентій, принималъ участіе въ соборѣ, осудившемъ ересь Варлаама и Акиндина, и подъ соборнымъ рѣшеніемъ подписался такъ: ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης πάσης Ἀλανίας καὶ Σωτηριουπόλεως καὶ ὑπέρτιμος Λαυρέντιος²⁾.

Ле-Кіенъ въ своемъ *Oriens Christianus* (I, 1348—9) сопоставилъ упоминанія о семи аланскихъ митрополитахъ, которые распредѣляются по времени отъ половины XII вѣка и до 1347 г. Ему остался неизвѣстенъ просвѣтитель Аланіи архіепископъ Петръ, а Лаврентій являлся для него послѣднимъ представителемъ этой епархіи. Въ настоящее время можно назвать еще двухъ архіереевъ, которые занимали аланскую кафедру послѣ Лаврентія. Имена ихъ—Симеонъ и Каллисть. Они были соперниками и врагами, а время ихъ столкновенія — 1356 годъ. Объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи аланской епархіи мы имѣемъ свѣдѣнія въ двухъ источникахъ: Никифоръ Григора и документы Константинопольскаго патріархата.

У Никифора подъ 1356 годомъ рассказано слѣдующее. — Патріархъ Фелоеѣй поставилъ на аланскую кафедру трапезунтскаго грека Симеона. Когда тотъ прибылъ въ свою епархію, то одинъ монахъ, по имени Каллисть, сталъ обличать его въ симоніи. Симеонъ былъ вызванъ на судъ въ Константинополь. Дѣло затянулось, а между тѣмъ произошла революція: низверженіе Кантакузина. Вслѣдъ затѣмъ устраненъ былъ патріархъ Филоеѣй и возстановленъ на престолѣ низвер-

1) Соединеніе этихъ кафедръ подтверждено также въ документѣ 1364 года, Miklosich et Müller, I, n. 221.

2) Ib. n. 109, p. 255.

женный за два года до того Каллисть. Къ нему сумѣлъ подойти Симеонъ и плѣнилъ его обѣщаніями щедрыхъ даровъ. Каллисть, не разбирая имѣвшагося о Симеонѣ дѣла, допустилъ его до сослуженія и участія въ засѣданіяхъ патріаршаго синода, затѣмъ отпустилъ назадъ въ епархію. Обѣщаній своихъ Симеонъ не сдержалъ, а между тѣмъ въ Константинополь явился соименный патріарху обвинитель Симеона, запасшись щедрыми средствами для подкупа патріарха. Предъявивъ синоду свои обвиненія противъ Симеона, онъ просилъ смѣстить его и назначить на аланскую кафедру его самого, Каллиста. Такъ и поступилъ патріархъ, прельстившись его дарами. Вновь назначенный митрополитъ отправился въ свою епархію и прогналъ оттуда Симеона. Тогда Симеонъ явился въ Константинополь и обратился съ жалобой къ императору, который былъ этимъ крайне возмущенъ и потребовалъ у патріарха объясненій¹⁾. Чѣмъ и какъ кончилось это дѣло изъ разсказа Григоры не видно.

Въ совершенно иныхъ чертахъ предстаетъ это дѣло въ синодальномъ актѣ 1356 года (Miklosich et Müller, I, п. 162). Въ этомъ документѣ рѣчь идетъ о низложеніи аланскаго митрополита Симеона, причемъ замѣчено, что онъ получилъ митрополию отъ патріарха Исидора²⁾. Главными обвинителями Симеона являются священники изъ города Таны (Ταναῖται): протопопъ Михаилъ и пресвитеры Николай и Θεодоръ. Они принесли патріарху Филоею жалобу на незаконные поборы, которые взималъ съ нихъ митрополитъ. По этому дѣлу патріаршій синодъ судилъ уже раньше Симеона и произнесъ надъ нимъ приговоръ, которому тотъ подчинился, но только для вида. Послѣ суда онъ отправился къ татарскому хану въ Золотую орду, получилъ отъ него «діаліхій» (διαλέχιον, ярлыкъ?) и совершилъ затѣмъ цѣлый рядъ безчинствъ и противузаконныхъ дѣяній. На священниковъ въ Танѣ онъ наложилъ запретъ отправлять требы, вслѣдствіе чего дѣти нѣкоторыхъ православныхъ семействъ были окрещены въ армянскую вѣру. Далѣе, онъ самовольно поставилъ архіерея на «кавказскую» кафедру, дѣяніе, которое патріаршій синодъ призналъ вполне незаконнымъ. Удостоверившись въ справедливости свѣдѣній о незаконныхъ поступкахъ Симеона путемъ опроса Константинопольскихъ гражданъ, имѣвшихъ торговыя дѣла въ Танѣ и бывавшихъ тамъ (имена ихъ на-

1) Nic. Greg. 37, 6—18, III p. 532 sq. B.

2) Исидоръ занималъ патріаршій престолъ съ 1347 по 1349 годъ. Его преемникомъ былъ Каллисть въ первое свое патріаршество.

званы въ документѣ), патриархъ вызывалъ Симеона на судъ въ Константинополь, и когда тотъ не явился, далъ ему отсрочку. Когда-же Симеонъ пренебрегъ этимъ и въ Константинополь не явился, то патриаршій синодъ произвелъ надъ нимъ судъ заочно и отрѣшилъ его отъ сана со снятіемъ съ него и священства.

Изъ одного документа послѣдующаго времени, отъ 1364 года (Miklosich et Müller, I, p. 221), можно усмотрѣть, что приговоръ патриаршаго синода надъ Симеономъ не вошелъ въ силу. Состоялось, правда, назначеніе другого лица на его кафедрѣ, но оно окончилось тѣмъ, что вновь была расторгнута связь между епархіями Аланской и Сотиріупольской. Первая осталась за Симеономъ, который жаловался на насильственное расторженіе его епархіи на двѣ, и такъ какъ его соперникъ скорѣе умеръ, то онъ опять соединилъ обѣ кафедрѣ въ своемъ лицѣ. Документъ этотъ интересенъ также и въ томъ отношеніи, что въ немъ перечислены владѣнія митрополита Аланіи. Къ нимъ относятся: церковь во имя пресвятой Богородицы-Утѣшительницы въ Трапезунтѣ съ клиромъ и принадлежащими этой церкви угодіями, церковь Богородицы Аѳинской въ Сотиріуполѣ и земли «около Аланіи, Кавказіи и Ахохіи(?)» (τὰ περὶ Ἀλανίαν καὶ Καυκάσιαν καὶ Ἀχωχίαν)¹). Лицо, занимавшее въ 1364 году аланскую кафедрѣ, быть можетъ тотъ самый Симеонъ, было въ ту пору замѣстителемъ митрополіи Мелитинской (въ Арменіи).

Изъ этого документа, какъ и изъ предыдущаго, видно, что собственная Аланія имѣла очень малое значеніе въ епархіи этого имени. Ея представителю принадлежали, правда, какія то земли «около Аланіи», но его реальные интересы были внѣ этой страны, и въ спискѣ владѣній кафедрѣ на первомъ мѣстѣ названа церковь съ клиромъ и угодіями въ Трапезунтѣ. Митрополитъ Симеонъ самовольно создалъ себѣ права на доходы въ Танѣ, и если въ патриархіи признана была незаконность этого поступка, то «діалихій» (ярлыкъ) золотоордынскаго хана далъ однако полную силу распоряженіямъ митрополита. Въ документѣ нѣтъ указаній на то, на чемъ собственно основывалъ свои притязанія въ Танѣ Симеонъ; но, очевидно, онъ причислялъ этотъ городъ къ своей епархіи, и тамошнее духовенство жаловалось не на это, а на то, что онъ присвоилъ себѣ непринадлежавшіе ему доходы, хотя и признавало его своимъ митрополитомъ. Позволимъ себѣ по этому по-

1) Не есть ли это непонятное имя искаженіе написанія Ἀβασγίαν?

воду высказать догадку, что включеніе Таны въ предѣлы митрополіи Аланской имѣло въ своей основѣ тотъ фактъ, что туземное христіанское населеніе этого города принадлежало къ Аланской національности, а Симеонъ носилъ титулъ «митрополитъ всей Аланіи», какъ прописывалъ его на соборныхъ актахъ митрополитъ Лаврентій. Въ территоріальномъ отношеніи Тана была гораздо ближе къ каедрѣ Зикхо-Матрахскаго митрополита, которая имѣла своего представителя какъ въ ту пору, такъ и позднѣе. Если-же она оказывается причисленной къ Аланіи, то на это должны были существовать какія-либо реальныя основанія, которыя мы готовы угадать въ вопросѣ о національности населенія, которое въ тѣхъ мѣстахъ было, или считалось, туземнымъ.

Въ подтвержденіе вѣроятности нашей догадки можемъ указать на слѣдующія данныя.—Если въ актѣ патріаршаго синода отъ 1347 года Аланы характеризованы, какъ пастушескій народъ, то это определеніе относится только къ ихъ кавказской родинѣ. Рубруквисъ во время своего путешествія по Крыму и южно-русскимъ степямъ въ 1253 году встрѣчалъ много христіанъ греческаго исповѣданія, которые по національности были греки, русскіе и аланы. Объ Аланахъ въ частности онъ сообщаетъ, что они не были въ такой степени «схизматиками», какъ греки, и обращались съ нимъ дружественнѣе чѣмъ послѣдніе, относясь съ почтеніемъ ко всякому христіанину¹⁾. Въ поселеніи, гдѣ жилъ какой-то знатный татаринъ, по имени Скататай, къ которому у Рубруквиса было письмо отъ византийскаго императора, часть населенія составляли Аланы. Въ 1263 году послы египетскаго султана Бейбарса встрѣтили аланскихъ купцовъ въ Солхатѣ, нынѣ Старый Крымъ, которые составляли тамъ часть населенія и были, значить, довольно многочисленны²⁾. Итакъ, Аланы, оставаясь, быть можетъ, на родинѣ кочевымъ народомъ, выдѣлялись, однако изъ своей среды въ XIII вѣкѣ довольно значительный, чтобы быть замѣтнымъ, элементъ торговаго, т. е. тѣмъ самымъ городского населенія, который проживалъ въ Крыму и степяхъ и сближаясь съ русскими и греками, съ которыми связывало ихъ единство исповѣданія, вѣры, сохранялъ однако свою національную особность.

Русская лѣтопись позволяетъ намъ пойти дальше въ глубь прошлаго. Разумѣемъ свидѣтельства о существованіи городовъ съ христі-

1) *Rec. des Voyages*, IV, I, стр. 234.

2) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Золотой орды, I, 63; 192.

анскимъ населеніемъ на Дону въ началѣ XII вѣка. Такъ, подъ 1111 годомъ въ Ипатской лѣтописи въ описаніи похода русскихъ князей на Половцевъ есть между прочимъ слѣдующая подробность: «оттуда (съ Ворсклы) преидоша мнози рѣки, в 6 недѣлю поста, и поидоша к Дону во вторникъ. И оболочишася во бронѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю; и князь Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдаки креста честнаго и канунъ святой Богородицы. Поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и в недѣлю выидоша из города, и поклонишася княземъ Рускимъ, и вынесоша рыбы и вино и перележаша ночь ту. И завѣтра в среду поидоша к Сугрову и пришедше зажгоша и, а в четвергъ поидоша с Дона»¹⁾. — Итакъ, русскіе князья, подступая къ Шаруканю, знали, что онъ населенъ христіанами и, выставляя на видъ свое христіанство, оказали тѣмъ воздѣйствіе на единовѣрныхъ съ ними людей. Христіане эти знали о томъ, что въ ту пору былъ постъ, и вынесли русскимъ рыбы²⁾. Въ половинѣ XIII вѣка христіане Аланы, съ которыми встрѣчался Рубруквисъ, не имѣли точныхъ свѣдѣній о времени постовъ и приносили ему мясо въ постные дни³⁾.

Подъ 1116 годомъ названъ по имени и третій городъ на Дону: «В се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка и Давыдъ сына своего Всеволода, на Донъ и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ и Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе себѣ жену красну велии, Яськаго князя дщеръ, полонивъ»⁴⁾.

Такимъ образомъ, въ началѣ XII вѣка было на Дону три города, которые состояли подъ властью Половцевъ. Само собою разумѣется, что не Половцы ихъ заложили, какъ не они ихъ и населяли. Христіанское населеніе въ Шаруканѣ засвидѣтельствовано въ событіи 1111 года. Весьма вѣроятно, что и другіе два города имѣли такое-же населеніе. О національности этихъ христіанъ лѣтопись ничего не говоритъ подъ 1111 годомъ, но косвенно утверждаетъ, что это не были русскіе: «выидоша из города и поклонишася княземъ Рускимъ». Если-бы эти люди обратились къ князьямъ съ русской рѣчью и этимъ, помимо единства религіи, засвидѣтельствовали свою кровную близость, то, вѣ-

1) Ипат. лѣт. (изд. 1871 г.), стр. 192.

2) Догадку В. Ө. Миллера объ имени Шаруканъ см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1897. Октябрь, стр. 328, прим. 1.

3) Rec. des Voyages, IV, I, стр. 24В.

4) Ипат. лѣт., стр. 204.

роятно, это было-бы упомянуто. — Изъ похода на подонскіе города Ярополкъ привелъ плѣнную красавицу, «Яськаго князя дщерь», которая стала его женой. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что Ярополкъ и Всеволодъ предпринимали походъ въ стану Ясовъ, т. е. Аланъ, далеко за Донъ. Очевидно, дочь аланскаго князя попала въ плѣнъ при взятіи одного изъ названныхъ, подонскихъ городовъ. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что христіанское ихъ населеніе было въ XII вѣкѣ по національности аланскимъ¹⁾. А сообщенія Рубруквиса свидѣтельствуютъ, что оно удержалось въ тѣхъ мѣстахъ и позднѣе, быть можетъ сохранилось и въ ту пору, когда дѣйствовалъ въ Танѣ послѣдній изъ нынѣ извѣстныхъ аланскихъ митрополитовъ, Сямеонъ.

1) Проф. Голубовскій: Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Кіевъ. 1884, — предполагаетъ въ подонскихъ городахъ смѣшанное населеніе, «состоящее изъ главнаго славянскаго ядра и тюркской примѣси» (стр. 195), уподобляя его тому, о какомъ говоритъ Атталиота въ городахъ нижняго Дуная. Это предположеніе стоитъ въ связи съ его теоріей, будто Бродники были «общиной, которая выработалась изъ остатковъ подонскаго осѣдлаго населенія» (стр. 200). Но перемѣщеніе Бродниковъ съ запада на востокъ мало вѣроятно, и нѣкоторые аргументы проф. Голубовскаго основаны на недоразумѣніи. Такъ, на стр. 195 онъ привлекаетъ показаніе Рубруквиса о «злочестивѣйшихъ христіанахъ» въ средѣ татаръ. Но Рубруквисъ разумѣетъ здѣсь *несторіанъ* и поэтому его сообщеніе никакого отношенія къ этому вопросу имѣть не можетъ. О несторіанахъ см. D'Oheson, Histoire des Mongols, III, стр. 278 и сл.

Юліанъ Кулаковскій.

21 мая 1897. Одесса.

Византийскій лагерь конца X вѣка.

Въ 1898 году былъ изданъ впервые анонимный византийскій памятникъ изъ области военныхъ древностей подъ заглавiемъ «De castrametatione», а въ 1901 году появилось второе его изданiе, принадлежащее венгерскому ученому Вари, который предпочелъ озаглавить его такъ: «Incerti scriptoris Byzantini saeculi X liber de re militari». Общiе вопросы относительно хронологiи памятника, его содержанiя и характера, принадлежности къ опредѣленной эпохѣ, интереса отдѣльныхъ заключенныхъ въ немъ данныхъ и ихъ важности—были предметомъ нашего разсмотрѣнiя въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Византийскомъ Временникѣ» VII № 4 по поводу перваго изданiя и «Byzantinische Zeitschrift» XI № 3—4 — по поводу второго, гдѣ былъ поставленъ также вопросъ о личности автора. Техническихъ свѣдѣнiй по военному дѣлу, которыя въ такомъ изобилiи и прiятной новизнѣ представляетъ новый памятникъ, мы не касались. Напомнимъ доказанное нами положенiе, что боевая дѣйствительность, о которой идетъ рѣчь въ этомъ памятникѣ, относится къ болгарскимъ походамъ царя Василiя Болгаробойцы, что возвышаетъ историческiй интересъ нашего памятника. Отсутствiе въ немъ элемента книжной учености выгодно отличаетъ его отъ близкаго по времени памятника по организации военнаго дѣла, «тактики» императора Льва Мудраго, и позволяетъ поставить его на ряду съ приписываемымъ императору Никифору Фокѣ произведенiемъ «De velitatione bellica», которое даетъ намъ картины боевой жизни X вѣка на восточной границѣ имперiи. — Въ предлагаемой вниманiю читателя статьѣ мы представляемъ переводъ первыхъ восьми главъ трактата «De castrametatione», содержанiе которыхъ специально относится къ вопросамъ объ устройствѣ лагеря.

Переводу предпослано общее сопоставленіе данныхъ съ приложеніемъ плана лагеря и его частей, поскольку возможно то сдѣлать на основаніи сообщеній автора.

Лагерь, о которомъ ведетъ рѣчь нашъ авторъ, имѣетъ цѣлью доставить безопасную стоянку дѣйствующей арміи, находящейся въ походѣ въ непріятельской странѣ. Дѣятельная роль въ его устройствѣ выпадаетъ на долю участвующей въ походѣ пѣхоты, которая вообще имѣетъ значеніе не столько боевой силы, сколько охраны для кавалеріи. Пѣхота въ строевомъ отношеніи раздѣляется на таксіархіи по одной тысячѣ человекъ въ каждой; а по роду вооруженія въ предѣлахъ таксіархіи люди дѣлятся на три разряда: оплиты, т. е. тяжелооруженные, копейщики или легкооруженные (ψλοῖ) и стрѣлки. На каждую таксіархію приходится: 500 оплитовъ, 200 копейщиковъ и 300 стрѣлковъ. Нормальное количество пѣхоты въ дѣйствующей арміи — 16 таксіархій, но допускается также и 12. Примѣнительно къ обоимъ этимъ случаямъ авторъ даетъ указанія относительно размѣра и распорядка лагеря (I и VI). Внѣшняя линія лагеря рассчитывается по числу оплитовъ, которыхъ въ первомъ случаѣ будетъ 8 тысячъ, а во второмъ 6. Общая форма плана лагеря находится въ зависимости отъ природы мѣста, но наиболѣе совершенной и наилучшей авторъ признаетъ квадратную, наиболѣе опасной считаетъ округлую, ссылаясь въ этомъ послѣднемъ отношеніи на признаніе «древнихъ». Къ простѣйшей и идеальной квадратной формѣ и примѣнены всѣ детали разбивки лагеря, сообщенныя авторомъ.

Въ соотвѣтствіи съ четырьмя флангами квадратнаго лагеря пѣхота дѣлится на четыре равныя части. Такимъ образомъ, на каждую часть приходится по 4000 человекъ при 16 таксіархіяхъ и по 3000 — при 12. Оплиты составляютъ половину этого числа, т. е. 2000 и 1500 человекъ. Становясь въ одну линію по два человека на одну сажень, они займутъ 1000 или 750 сажень. Это и есть нормальное протяженіе каждаго фланга лагеря. Охваченное этими линіями квадратное пространство будетъ равно — при 16 таксіархіяхъ одному миллиону саженьей, а при 12 — 552500 саж. Византійская сажень — ὀργυρία — значительно меньше нашей мѣры этого наименованія: она равна 1,774 метра. Въ переводѣ на нашу мѣру 1000 византійскихъ оргій составятъ 831 русскую сажень; въ квадратѣ это даетъ 680561 са-

жень или $288\frac{1}{7}$ десятины или 2,85 кв. версты. Такова бѣльшая цифра, а меньшая, при 12 таксіархіяхъ пѣхоты, будетъ около полторы квадратной версты¹⁾.

Предварительный осмотръ мѣстности съ цѣлью выбора лагерной стоянки лежитъ на обязанности спеціалиста, состоящаго при арміи въ званіи *минсуратора*²⁾. При начальникахъ отдѣльныхъ частей состоятъ свои минсураторы, которые являются помощниками главнаго лица этого наименованія и вмѣстѣ съ нимъ производятъ осмотръ мѣстности подъ соотвѣтственной по обстоятельствамъ вооруженной охраной. Рѣшивъ вопросъ насчетъ мѣстности, минсураторъ разыскиваетъ въ ея предѣлахъ возвышенное и открытое мѣсто, на которомъ и водружаетъ царское знамя. Это центръ будущаго лагеря, мѣсто, гдѣ будетъ разбита царская палатка — *хортн*, когда армія явится на стоянку. Затѣмъ минсураторъ отмѣриваетъ отъ центра по 500 сажень въ направленіи четырехъ странъ свѣта, начиная съ востока, и ставитъ на конечныхъ пунктахъ значки таксіарховъ. Въ случаѣ, когда таксіархій только 12, минсураторъ отмѣриваетъ во всѣхъ направленіяхъ отъ центра по 375 сажень. Такимъ образомъ, получаются двѣ перпендикулярныя, пересѣкающіяся въ центрѣ линіи въ 1000 или 750 сажень протяженія. Параллельныя къ этимъ двумъ основнымъ линіямъ, проведенныя черезъ каждый изъ четырехъ конечныхъ пунктовъ, выдѣляютъ квадратную площадь, которая и составляетъ пространство будущаго лагеря. По внѣшнимъ линіямъ лагернаго пространства минсураторъ разставляетъ значки остальныхъ таксіарховъ, кромѣ четырехъ уже установленныхъ, въ разстояніи одинъ отъ другого на 250 сажень.

1) Площадь этихъ размѣровъ является непомерно обширною по сравненію съ бивачнымъ расположеніемъ современныхъ арій. Благодаря любезности полковника генеральнаго штаба М. Д. Матвѣева, къ которому и обращался за справками, могу представлять справку, что дивизія пѣхоты и десять драгунскихъ полковъ (т. е. отрядъ, приблизительно равный по численности той византійской арміи, какая имѣется въ виду въ нашемъ памятникѣ), займетъ на бивакѣ около 50 десятинъ. Римскій лагерь времени Позибіи и лагерь первой половины второго вѣка, какъ онъ извѣстенъ намъ изъ Гигива, занимали площадь еще меньшую ($37\frac{1}{2}$ и 36 десятинъ). Но старыя римскія традиціи были уже основательно забыты ко времени Вегетія, какъ видно то изъ его жалобъ. Новый составъ арій уже въ IV вѣкѣ ввелъ съ собою и новыя обычай и порядки. Отлагая до другаго случая сопоставленіе данныхъ Маирикіи, ограничусь лишь указаніемъ на происшедшую перемену въ возрѣніи на лагерныя стоянки.

2) Въ римской арміи IV вѣка спеціалисты этого рода назывались *Metatores*. Veget. Epitoma rei militaris, II 7: *Metatores qui praecedentes locum eligunt castris*. — У Константина Порфиророднаго, De caer. p. 465 — обязанности, лежащія на минсураторѣ во время похода, сводятся къ заботѣ о царской палаткѣ и утвари.

Передней стороной лагеря считается восточная, и авторъ употребляет термины правый и лѣвый въ отношеніи лагеря, а также и слово задній, всегда примѣнительно къ этой ориентировкѣ. То была древняя, хотя и не исконная, традиція римской военной жизни, какъ сообщилъ о томъ Гигинъ¹⁾. Быть можетъ, не безъ вліянія на сохраненіе этой традиціи было и то обстоятельство, что ориентировка на востокъ была исконнымъ обычаемъ тюрковъ, какъ сказали намъ о томъ орхонскія надписи, гдѣ «впередъ» значитъ всегда — на востокъ. Римская армія изъ нѣкогда пѣшей, по преимуществу и даже почти исключительно, стала еще въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х. по преимуществу конной, и этому превращенію содѣйствовали прежде всего варвары, въ огромномъ и все возрастающемъ количествѣ пополнявшіе ея составъ, а въ числѣ варваровъ главнымъ коннымъ элементомъ были «гунны».

Лагерь укрѣпляется ровомъ и валомъ, образуемымъ изъ вырытой земли, которую при рытвіи рва бросаютъ внутрь лагернаго пространства. Глубина рва—7 или 8 футовъ, а ширина 5 или 6. Стѣнки рва должвы сближаться между собою книзу, что является дѣломъ удобства и въ тоже время даетъ имъ большую прочность. Наблюденіе за этой работой лежитъ на таксіархахъ и распредѣляется по участкамъ каждаго изъ нихъ. Работа идетъ одновременно по всей линіи лагеря²⁾.

На каждой сторонѣ лагеря при общей длинѣ линіи въ 1000 саженой должно быть три входа, а при 750 — два. Ширина входа—8 саженой (6 саж. 2 арш. на нашу мѣру), которыя оставляются не прорытыми и, очевидно, должны были намѣчаться при самомъ началѣ работы. При устройствѣ входовъ соблюдаются особыя условія, а именно: устраивалось прикрытіе съ наружной и съ правой стороны. Достигалось это тѣмъ, что ровъ на мѣстѣ, гдѣ начинался входъ, начинали рыть не по той же линіи, а отступая кнаружи, повидимому, на 8 саженой и, прорывши 8 саженой въ параллельномъ направленіи,

1) Hygin. De lim. const. p. 169: postea placuit omnem religionem eo convertere, ex qua parte caeli terra illuminatur. Sic et limites in oriente constituuntur.

2) Какъ человѣка не свѣдущаго въ практикѣ военнаго дѣла, меня смущала мысль, будутъ ли въ состояніи 16 тысячъ пѣхоты окопать въ короткое время линію въ 3324 саженой длины. Полковникъ Матвѣевъ далъ мнѣ подробное разъясненіе и представилъ расчетъ, изъ котораго видно, что *въ среднемъ* рытье и трасировка рва такой длины могутъ быть исполнены въ 5 часовъ времени, полагая рабочихъ съ резервомъ 13184 человѣка.

возвращались перпендикулярно къ общей линіи рва. Такимъ образомъ получалось прикрытіе для входа въ видѣ буквы гаммы и выхода изъ лагеря, нужно было держать поворотъ на лѣво, такъ какъ только съ этой стороны входъ быть открытъ. Общее число воротъ въ линіи лагеря было 12 при 16 таксіархіяхъ пѣхоты въ дѣйствующей арміи и 8 — при 12.

Отъ общей площади лагеря внутри его со всѣхъ сторонъ отрѣзается полоса въ 50 сажень ширины (41 саж. $1\frac{1}{2}$ арш. на нашу мѣру), которая имѣетъ такое назначеніе: 22 сажени за валомъ отводятся подъ «пустое мѣсто» — *τόπος κενός*. То былъ исконный обычай, соблюдавшійся въ римскомъ лагерѣ, имѣвшій цѣлью обезопасить людей отъ случайнаго нападенія непріятеля: на «пустое мѣсто» могли падать стрѣлы и метательныя копья, перелетавшія черезъ валъ лагеря. Такой же ширины полоса предназначалась, далѣе, для палатокъ пѣхотинцевъ. Остающіяся шесть сажень представляли собою дорогу, окружавшую весь лагерь параллельно рву. Помимо удобствъ сообщенія дорога эта имѣла своимъ назначеніемъ отдѣлить мѣста стоянки дѣхоты отъ внутренняго пространства лагеря, которое все цѣликомъ было отводимо для кавалеріи. Такимъ образомъ, при наличности 16 таксіархій пѣхоты для кавалеріи отводилось пространство въ 810000 кв. сажень, а при 12 таксіархіяхъ — 422500.

Середину этого четырехугольника занималъ «царскій лагерь», а центръ послѣдняго — царская ставка — *κέρση*. Пространство царскаго лагеря опредѣляется по двумъ основнымъ пересѣкающимся въ центрѣ линіямъ, какъ третья часть ихъ протяженія, т. е. 300 или 216 сажень въ каждомъ направленіи, т. е. площадь въ 90000 или 46656 кв. саж. Эта девятая часть всего внутренняго пространства лагеря отдѣляется отъ остальной площади дорогами. Отдѣльныя кавалерійскія части располагаются по четыремъ сторонамъ отъ царскаго лагеря, образуя крестообразную фигуру на планѣ.

Планировка остального пространства лагеря и дѣленіе его на части находится въ зависимости отъ проходящихъ черезъ лагерь и взаимно пересѣкающихся въ разныхъ пунктахъ дорогъ, направляющихся отъ каждыхъ воротъ. Это очевидно изъ контекста, хотя нигдѣ прямо не сказано. Авторъ сократилъ свое изложеніе въ этомъ отношеніи, потому что къ его тексту были приложены чертежи (*διάγραμμα*), на которые онъ ссылается въ разныхъ мѣстахъ своего изложенія. Въ трехъ изъ числа рукописей, привлеченныхъ къ изданію обоими изда-

телями, сохранились чертежи, но ни тотъ ни другой не нашли нужнымъ воспроизвести ихъ. Благодаря любезности проф. Бернулли въ Базелѣ и проф. Гюльзена въ Римѣ, мнѣ удалось получить снимки съ сохранившихся чертежей. Оказалось однако, что они не даютъ намъ картины того, что дѣйствительно представлялъ собою лагерь на планѣ, а лишь схематическіе рисунки, въ которыхъ вовсе не соблюденъ масштабъ, нѣкоторыя детали произвольно увеличены, другія опущены. Такимъ образомъ, сохранившіеся въ рукописяхъ рисунки не могутъ оказать существенной помощи для пониманія текста и на основаніи ихъ нельзя дополнить тѣхъ данныхъ, о которыхъ авторъ не нашелъ нужнымъ помянуть въ текстѣ именно въ виду приложенныхъ къ тексту чертежей. Въ виду этого нѣтъ возможности вычертить планъ византийскаго лагеря съ той опредѣленностью и точностью, какъ можно это сдѣлать относительно римскаго лагеря на основаніи описанія Гигина¹⁾.

Авторъ отличаетъ дороги двухъ наименованій: *δημόσια* и *μερική*. Ширина первыхъ 6 саженой, вторыхъ 2; въ виду этого мы позволяемъ себѣ передавать эти термины словами: большая и малая дорога. Къ первой категоріи относятся, кромѣ помянутой дороги, отдѣляющей лагерь пѣхоты отъ лагеря конницы, повидимому также и всѣ тѣ, которыя направляются отъ всѣхъ воротъ внутрь лагеря; но онѣ не сохраняютъ этой ширины на всемъ своемъ протяженіи. Это послѣднее условіе отмѣчено въ текстѣ относительно одной изъ нихъ, направляющейся отъ среднихъ восточныхъ воротъ: до линіи царскаго лагеря она имѣетъ въ ширину 6 саженой, а далѣе, внутри пространства царскаго лагеря, только 3. Въ текстѣ ничего не сказано о томъ, продолжаютъ ли на пространствѣ царскаго лагеря дороги, идущія отъ среднихъ воротъ съ сѣвера, запада и юга. Можетъ быть, онѣ заканчивались, упираясь въ дороги, ограничивающія царскій лагерь съ соотвѣтственной стороны, а быть можетъ имѣли свое продолженіе въ его предѣлахъ, суживаясь на половину, какъ сообщено это относительно дороги съ востока.

Царскій лагерь со всѣхъ сторонъ отдѣленъ дорогами отъ остальнаго пространства. Въ упоминаніи о восточной границѣ этого лагеря авторъ называетъ дорогу терминомъ *δημόσια* и тѣмъ самымъ, очевидно,

1) V. Domaszewski, *Hugini Grammatici liber de munitionibus castrorum*. Mit 3 Tafeln. Leipzig. 1887.

даетъ ей въ ширину 6 сажени. По всему вѣроятію, такую же ширину имѣло продолженіе этой дороги съ остальныхъ трехъ сторонъ царскаго лагеря; но прямо это нигдѣ не сказано.

Какъ общій принципъ, авторъ выставляетъ положеніе, что каждая военная часть должна быть отдѣлена дорогами отъ другихъ сосѣднихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣсто расположенія данной части не примыкаетъ къ какой нибудь большой дорогѣ, должна быть проведена малая, *μερικὴ ὁδός*, шириною въ 2 сажени, и мѣста расположенія отдѣльныхъ частей должны представлять изъ себя на планѣ четырехугольники. Палатки людей должны располагаться тѣсно одна къ другой по краямъ дорогъ, такъ чтобы нельзя было съ любого пункта дороги, составляющей границу расположенія данной части, войти внутрь этого пространства, а только черезъ опредѣленные пункты. Но въ предѣлахъ расположенія отдѣльныхъ частей должны быть свои маленькія дороги, *μικροπάτια*, по которымъ возможно было бы безпрепятственное передвиженіе людей данной части на отведенномъ ей пространствѣ.

Составляющая главную силу дѣйствующей арміи кавалерія слагается изъ слѣдующихъ трехъ частей: 1) личная царская гвардія — «этеріи» и «безсмертные», 2) четыре гвардейскихъ полка, имѣющіе свою стоянку въ столицѣ — *τάγματα*, какъ ихъ зоветъ нашъ авторъ, или *βασιλικὰ τάγματα*, какъ зовутъ ихъ хронисты; въ ранговомъ порядкѣ они перечисляются обыкновенно такъ: схолы, экскувиты, ариемъ (*αριμὸς*) и иканаты; и 3) ополченія оемъ, *ἔματα* въ нашемъ текстѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній на специальное отношеніе къ той или другой географической оемѣ въ смыслѣ провинціи, на которыя въ ту пору подѣлена была территория имперіи. Авторъ нигдѣ ни однимъ словомъ не оговаривается насчетъ численности людей въ отдѣльныхъ частяхъ, и мы не считаемъ умѣстнымъ входить здѣсь въ ближайшее разсмотрѣніе этого труднаго и далеко неяснаго вопроса. Но въ VIII главѣ онъ даетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о числѣ кавалеріи въ дѣйствующей арміи, которыя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на этотъ темный вопросъ. Нормальной цифрой боевой конницы онъ считаетъ 8200 человекъ кромѣ 1000 всадниковъ личнаго царскаго отряда, который долженъ служить необходимымъ резервомъ на случай убыли въ бою. Эту цифру кавалеріи онъ готовъ признать минимальной для похода, предводимаго царемъ; но признаетъ возможность нахождения въ наличности меньшаго числа кавалеріи, до 6000 вмѣсто

8200, и даже до 4800. Эта послѣдняя цифра является наименьшей, допустимой въ походѣ, предводителемъ котораго является царь. — Изъ этихъ замѣчаній автора слѣдуетъ, что нормальной цифрой кавалеріи можно считать 10000, включая сюда и личную царскую гвардію.

Что касается до размѣщенія кавалеріи въ отведенныхъ для нея предѣлахъ, то авторъ подробно останавливается лишь на царскомъ лагерѣ и ближайшей къ нему полосѣ къ востоку.

Пространство царскаго лагеря распределяется такимъ образомъ. — Центръ занимаетъ царская палатка, *κόντη*. Вокругъ нея долженъ быть свободный плацъ, достаточно просторный, чтобы ночью могъ расхаживать вокругъ палатки особый караулъ, а днемъ — могли найти себѣ мѣсто всѣ, являющіеся въ царскую ставку. Передъ царской палаткой прямо къ востоку устанавливается особая палатка, именуемая «архонтарій». Авторъ не даетъ никакихъ поясненій этого термина, изъ другихъ источниковъ онъ неизвѣстенъ; но, примѣняя аналогію всякой организованной арміи, можно, кажется, понять его въ значеніи канцеляріи штаба арміи. На лѣво отъ царской ставки, — очевидно тамъ, гдѣ кончается плацъ, — ставится палатка *протовестіарія*, а на право — *стольника* (*ὁ ἐπί τησπέζης*). Позади (т. е. къ западу) перваго располагается *стражъ* (*φύλαξ*), а за нимъ — къ сѣверу, западу и югу — ставятся палатки царскихъ слугъ: *китониты*, *эвдомаріи* и остальная челядь. — Такимъ образомъ, уже заполнена задняя (если смотрѣть на востокъ) половина царскаго лагеря.

Впереди царской ставки стоитъ, какъ уже указано, архонтарій, а передъ нимъ — палатки *царскихъ конюшихъ* (*οἱ τοῦ στάβλου ἄρουντες*) и царскіе кони. На той же линіи располагаются — на лѣво — *малавиты*, а на право — *пангоеты*. *Проксимъ* и *комитъ трубачей* разбиваютъ свои палатки съ *малавитами*, т. е. къ сѣверу отъ конюшихъ. По близости отъ *проксима* располагаются *проводники*.

Передняя часть царскаго лагеря предназначается для *великой этеріи*. Эту часть дѣлитъ на двѣ равныя половины идущая съ востока дорога шириной въ три сажени, упирающаяся нѣ архонтарій. Великая этерія располагается по обѣ стороны отъ этой дороги. Ея командиръ (*доместикъ*), а также чины: *моветъ* и *протоасикритъ* имѣютъ свои палатки въ лѣвой половинѣ, а въ правой, за палатками этеріи, располагаются *капеланы* царскихъ слугъ.

Къ востоку отъ царскаго лагеря по обѣ стороны большой дороги, которая здѣсь имѣетъ 6 сажени ширины, располагается *тамга схола*,

раздѣлившись на двѣ половины по 15 бандъ въ каждой. Въ правой части (т. е. къ югу) по срединѣ 15 бандъ ставится палатка второго по рангу офицера этого полка — *топотиритъ* схожь, въ лѣвой — третій по рангу офицеръ — *хартуларій*. Во главѣ каждой банды стоитъ *комитъ*. Офицеры этого ранга располагаются по краямъ дорогъ: по восьми комитовъ — вдоль большой дороги по обѣ ея стороны и вокругъ каждого изъ нихъ располагаются ихъ *доместики*. Остальные 14 комитовъ, располагаются вдоль двухъ другихъ дорогъ, идущихъ съ восточнаго фланга внутрь лагеря и отграничивающихъ четырехъ угольникъ, примыкающій къ царскому лагерю съ востока. Семь комитовъ ставятъ свои палатки на правой изъ этихъ двухъ дорогъ съ внутренней стороны, а другіе семь — на лѣвой.

Дорога, отдѣляющая царскій лагерь отъ тагмы схожь, какъ уже сказано, большая, а параллельная ей, являющаяся восточной границей лагеря тагмы схожь — малая. По обѣимъ этимъ дорогамъ располагаются палатки *комитовъ-паравантитовъ*.

Представивъ болѣе или менѣе детальное обозрѣніе царскаго лагеря и размѣщенія тагмы схожь, авторъ ограничивается по отношенію къ остальному пространству кавалерійскаго лагеря общимъ замѣчаніемъ такого рода: «По изложенной схемѣ расположенія къ востоку великой этеріи и тагмы схожь должны по тремъ остальнымъ сторонамъ царскаго лагеря расположиться внутри большихъ дорогъ — этеріи и безсмертные, а въ сторону отъ этерій — остальные тагмы съ друнгаріемъ виглы во главѣ, а за ними — оемы крестообразно по угламъ до дороги, отдѣляющей лагерь всадниковъ отъ пѣхотинцевъ, какъ представляетъ это точнѣе и яснѣе прилагаемый чертежъ» (стр. 7, 14—23 Var.). — Къ сожалѣнію, сохранившіеся чертежи не могутъ оказать никакой помощи и потому многое остается далеко не яснымъ. Такъ какъ авторъ раньше (стр. 5, 2—3) сдѣлалъ замѣчаніе, что всѣ этерій и безсмертные «размѣщаются въ предѣлахъ царскаго лагеря, то, повидимому, слѣдуетъ подъ названными здѣсь «большими дорогами» разумѣть тѣ, которыя служатъ границею царскаго лагеря. Числа этерій, участвующихъ въ походѣ, онъ нигдѣ не называетъ; ничего намъ неизвѣстно также о численности какъ этихъ этерій, такъ и «безсмертныхъ».

Три остальныхъ гвардейскихъ полка: *экскувиты*, *ариомъ* и *иканаты*, размѣщались въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ царскимъ лагеремъ, къ сѣверу, западу и югу отъ него; но въ какомъ именно направленіи

каждый полкъ, это остается неизвѣстнымъ. Безразличія тутъ быть не могло и каждый полкъ долженъ былъ имѣть свое опредѣленное мѣсто. Командиръ одного изъ этихъ полковъ, а именно: армена, носилъ названіе «друнгарій виглы» и имѣлъ особое значеніе во время похода: онъ былъ начальникомъ охраны особы царя и всѣхъ карауловъ вообще. Свѣдѣніе объ этомъ сохранилъ Константинъ Порфирородный, De saec. p. 481 сл.: *περὶ κερκῆτων*. Въ соотвѣтствіи съ такимъ значеніемъ друнгарія виглы стоитъ одна подробность, отмѣченная нашимъ авторомъ: въ его палаткѣ дежурятъ днемъ и ночью ординарцы «стратиговъ и другихъ командировъ» (*παράμοναι τῶν στρατηγῶν καὶ τῶν ἄλλων ἀρχόντων*).

Такъ какъ гвардейскихъ полковъ было четыре, о чемъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, то указаніе автора на крестообразное расположеніе ихъ вокругъ царскаго лагеря намъ вполне понятно. Если же стоянки оемъ непосредственно примыкали къ мѣстамъ расположенія гвардейскихъ полковъ, то отсюда какъ бы слѣдуетъ заключить, что въ арміи предполагается наличность четырехъ оемъ. Императоръ Левъ Мудрый въ своей «тактикѣ» указываетъ цифру 4000 человекъ, какъ нормальную численность оемы на восточной границѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ гораздо меньшими тактическими единицами: приблизительно въ одну тысячу человекъ. Эти единицы состояются изъ меньшихъ строевыхъ и тактическихъ частей по 300 человекъ. Терминомъ для ихъ обозначенія служить у нашего автора слово *παράταξις*; въ другихъ нашихъ источникахъ военныя части такой численности обозначаются словами *τάγμα* или *βάνδον*. Нашъ авторъ употребляетъ слово *τάγμα* какъ терминъ, обозначающій гвардейскіе полки, а слово *βάνδον* — въ значеніи мелкихъ подраздѣленій и специально одного изъ этихъ полковъ, а именно: тагмы схолъ. Вѣроятно, на такія же *βάνδα* подраздѣлялись и другіе полки. Въ походѣ кавалерія подраздѣляется на *παράταξις*, которыя соединяются въ большія группы числомъ четыре, какъ слѣдуетъ это изъ замѣчаній автора въ VIII главѣ. Весьма вѣроятно, что и въ лагерномъ расположеніи дѣленіе кавалерійскихъ полковъ на *παράταξις* имѣло свое значеніе, но нашъ авторъ ничего о томъ не сказалъ.

Чтобы заключить обзоръ данныхъ относительно распланированія лагернаго пространства, укажемъ на два замѣчанія, сдѣланныя авторомъ относительно лагеря пѣхоты, окружающаго со всѣхъ сторонъ пространство, отведенное для конницы. Въ виду особенной важности сред-

нихъ веротъ съ восточной стороны, которыя являются главнымъ выходомъ изъ лагеря, палатки командировъ среднихъ таксіархій должны быть расположены по обѣимъ сторонамъ раздѣляющей стоянки этихъ частей дороги. Второе замѣчаніе имѣетъ болѣе общій характеръ и, повидимому, относится ко всему лагерю пѣхоты, а именно: офицеры низшаго ранга, т. е. сотники и пятидесятники (*ἑκατόνταρχοι* и *πεντηκόνταρχοι*) должны разбивать свои палатки по линіи дороги, отдѣляющей лагерь пѣхоты отъ внутренняго пространства, отведеннаго для кавалеріи. Къ пѣхотѣ относится и еще одно замѣчаніе, имѣющее въ виду исключительный случай. Въ дѣйствующей арміи можетъ оказаться больше легковооруженныхъ, чѣмъ сколько ихъ нужно для нормальной численности таксіархій. Такіе люди формируются въ особыя таксіархіи, которыя получаютъ въ лагерь свое особое мѣсто. «Если бы, замѣчаетъ авторъ, оказалось еще четыре таксіархіи легковооруженныхъ, не включенныя въ одну команду съ оплитами, то они должны расположиться по четыремъ угламъ лагеря пѣхотинцевъ въ видѣ буквы гаммы, какъ разъясняетъ это діаграмма лагеря» (стр. 8, 14—17). Повидимому, слѣдуетъ разумѣть углы за дорогою, отдѣляющею пѣхоту отъ конницы, которые эта послѣдняя во всякомъ случаѣ не занимаетъ, располагаясь крестообразно вокругъ царскаго лагеря.

Въ главахъ III и IV авторъ даетъ предписаніе насчетъ ночныхъ карауловъ и сторожевой службы. Первые носятъ у византійцевъ имя *хѣрхита*, вторые—*βιγλα*. Въ основѣ этихъ терминовъ лежатъ латинскіи слова: *circitores* и *vigiles*. Оба эти слова употребляетъ въ значеніи терминовъ Бегецій, современникъ Феодосія Великаго, и въ частности о первомъ даетъ такое значеніе въ изложеніи о смѣнѣ карауловъ (III 9): *Idoneos tamen tribuni et probatissimos eligunt, qui circumeant vigiliis, et renuntient, si qua emergerit culpa, quos circumitores appellabant; nunc militiae factus est gradus et circitores vocantur.*—Итакъ, *circitores* въ IV вѣкѣ составляли въ арміи особый классъ и солдатскій рангъ. Очевидно, такое ихъ положеніе исчезло пооднѣ и слово осталось жить для обозначенія обходовъ лагеря особыми нарядами въ ночное время. Отъ термина *хѣрхита* произошелъ глаголъ *хѣрхитеύειν*, что значитъ совершать обходы, а въ примѣненіи къ старшимъ чинамъ—провѣрять караулы. Изъ показаній нашего автора видно, что суще-

ствовавъ особый рангъ общаго начальника тяжеловооруженной пѣхоты—оплитарха, *ὀπλιτάρχης*, на обязанности котораго и лежала общая забота какъ о ночныхъ обходахъ лагеря, такъ и о всей караульной службѣ пѣхоты. Онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ таксіарховъ въ этомъ отношеніи. Обходы совершаются по «пустому мѣсту» вокругъ лагерныхъ стоянокъ и въ распоряженіи оплитарха имѣются двѣ смѣны людей по сто человѣкъ: первая дѣйствуетъ отъ захода солнца до полуночи, вторая — до разсвѣта. Людей беретъ оплитархъ изъ легковооруженной пѣхоты, не включенной въ таксіархіи.

Караулы, высылаемые изъ лагеря, называются «виглами». Днемъ ихъ содержитъ кавалерія, а въ ночное время службу эту несутъ совместно пѣхота и кавалерія, первая на болѣе близкомъ разстояніи, вторая—болѣе далеко. Виглы пѣхоты и конницы составляютъ вмѣстѣ четыре линіи вокругъ лагеря и тѣ и другія дѣлятся на внутреннія—*ἑσωβιγλα* и внѣшнія—*ἔξωβιγλα*. Первая линія пѣхотныхъ вигль становится въ разстояніи отъ лагеря на полетъ стрѣлы, посты находятся другъ отъ друга въ разстояніи 50 сажень и на каждомъ посту становится по 8 человѣкъ; такимъ образомъ, по линіи каждой таксіархіи—250 сажень—становится пять постовъ и всего—40 человѣкъ. Внѣшняя линія вигль пѣхоты располагается отъ первой на разстояніи «полета камня», посты одинъ отъ другого находятся на томъ же разстояніи и на каждомъ посту ставовится по четыре человѣка, откуда и названіе для этихъ вигль *тетράδια*, т. е. четверки.

Виглы конницы располагаются дальше. Разстояніе ихъ отъ вигль пѣхоты находится въ зависимости отъ характера мѣстности: на ровныхъ пространствахъ дальше, чѣмъ въ горныхъ и просѣченныхъ. Первая линія располагается постами по шести человѣкъ, вторая—по четыре, которые также зовутся *тетράδια*. Для занятія намѣченныхъ заранѣе постовъ кавалеристы выходятъ изъ лагеря еще до захода солнца.

Таковъ общій распорядокъ организаціи охраны лагеря, но онъ модифицируется въ зависимости отъ условій мѣста. Авторъ даетъ разныя предостереженія карауламъ насчетъ ихъ поведенія въ случаѣ, если они замѣтятъ что-либо подозрительное и возвращаются въ лагерь. Докладъ они должны дѣлать своему таксіарху и оплитарху, а тѣ немедленно должны послать вѣстоваго съ извѣщеніемъ къ царю, который состоитъ главнокомандующимъ своей арміи.

Пояснение къ рисунку № 1 (планъ лагеря).

Прилагаемый чертежъ представляетъ лишь попытку представить въ болѣе наглядной формѣ детали лагеря, о которыхъ идетъ рѣчь въ текстѣ. Онъ вычерченъ по масштабу, но допущена въ немъ и схема-

Востокъ

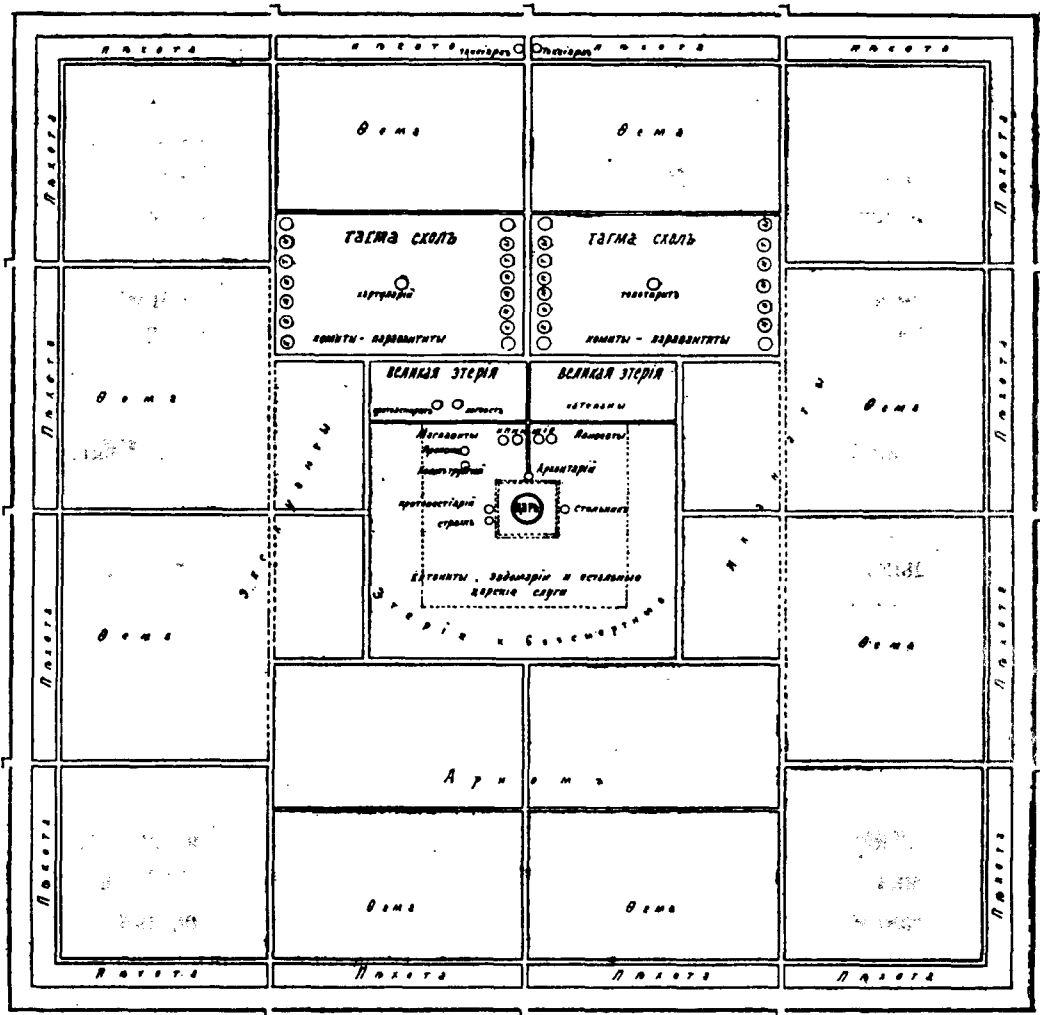

Рис. 1. Планъ византийскаго лагеря.

201 Византийская цивилизация... 1894—1927 гг.

тичность для нѣкоторыхъ деталей, а именно палатки представлены въ видѣ кружковъ произвольнаго размѣра. Произвольно пришлось взять размѣръ для свободнаго плаца вокругъ царской ставки, а также и для разстоянія отъ центра помянутой въ текстѣ дороги въ предѣлахъ царскаго лагеря, которая служитъ западной границей расположенія великой этерии. Произвольно взято также разстояніе отъ царскаго лагеря до дороги, которая отдѣляетъ мѣсто расположенія тагмы схоль отъ пространства предназначеннаго для оемы къ востоку отъ тагмы схоль. Возможно, что эту дорогу слѣдовало бы провести нѣсколько ниже и видѣть въ ней внутреннюю часть большой дороги, идущей отъ первыхъ южныхъ воротъ къ соответственнымъ сѣвернымъ. Авторъ такъ неопредѣленно и неясно говоритъ о дорогахъ, направляющихся отъ воротъ внутрь лагеря (за исключеніемъ одной, идущей отъ среднихъ восточныхъ воротъ до архонтарія), что возможно и совсѣмъ другое представленіе объ общемъ распорядкѣ мѣста внутри лагеря, а именно, что его слѣдуетъ раздѣлить на девять равныхъ квадратовъ, путемъ продолженія во всѣ стороны дорогъ, окружающихъ царскій лагерь. Но этому какъ бы противорѣчить упоминаніе о дорогахъ, идущихъ отъ восточныхъ воротъ, по которымъ должны расположить свои палатки 7 комитовъ тагмы схоль на одной и на другой сторонѣ. Гвардейскіе полки: экскувиты, ариомъ и иканаты, а также «этерии и безсмертные» показаны на планѣ лишь по догадкѣ. Въ виду отсутствія точныхъ указаній на мѣсто палатки друнгарія виглы мы не рѣшились поставить для нея кружка и отмѣтить, хотя бы наугадъ, мѣсто этого важнаго въ жизни лагеря чина.

Поясненіе къ рисунку № 2.

Избравъ для публикаціи одинъ изъ рисунковъ, сохранившихся въ Ватиканской рукописи нашего памятника, принадлежащей XI вѣку, считаю нужнымъ пояснить, что онъ съ полной точностью воспроизведенъ по фотографіи, доставленной изъ Рима. Всѣхъ рисунковъ, изображающихъ лагерь въ этой рукописи, — четыре, равно какъ и въ Барберинской, гдѣ они, какъ сообщилъ мнѣ о томъ проф. Гюльзенъ, совершенно тождественны съ имѣющимися у меня снимками. Для публикаціи избранъ тотъ, въ которомъ дано наибольшее число деталей и въ частности прибавлены звонки. Отсутствіе въ немъ какого-бы то ни

было масштаба резко бросается въ глаза, ровно какъ и его схематичность. Треугольнички по всѣмъ сторонамъ линіи лагеря обозначаютъ,

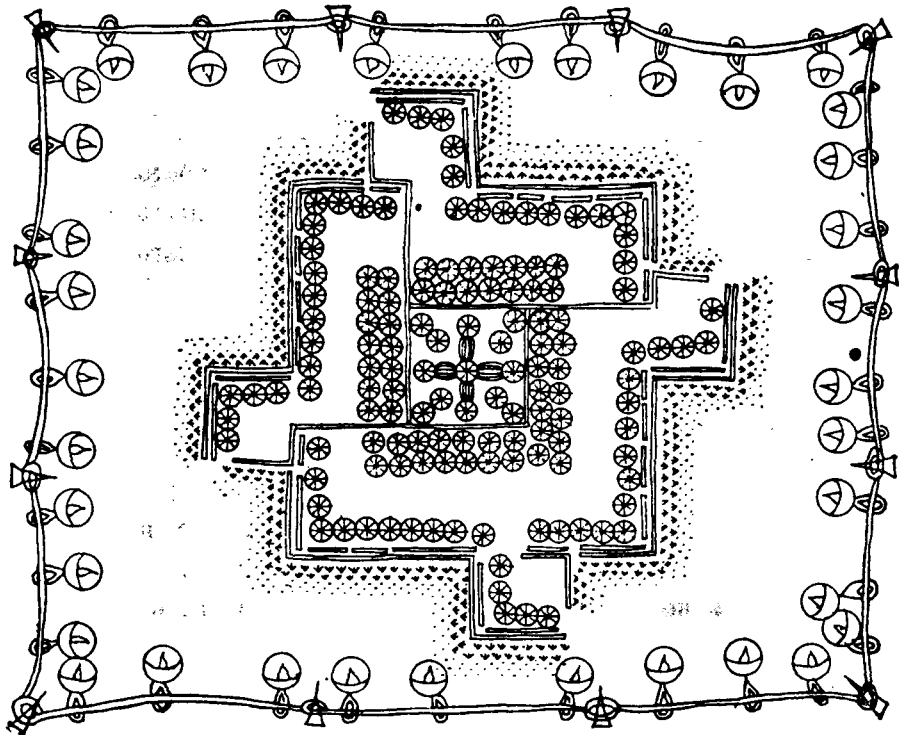

Рис. 2. Византийскій лагерь по Ватиканской рукописи.

очевидно, *триволы*. Чертежъ сдѣланъ отъ руки и только кружки, обозначающіе мѣсто палатокъ, исполнены при помощи циркуля, какъ и кружки звонковъ. Изображеніе воротъ и дорогъ не соответствуетъ вовсе тексту. Царскій лагерь вырисованъ тщательно и симметрично, наполненъ кружками палатокъ внѣ отношенія къ подробностямъ, сообщеннымъ въ текстѣ. Два ряда кружковъ по всѣмъ сторонамъ царскаго лагеря указываютъ на мѣста расположенія кавалеріи, но не образуютъ собою крестообразной фигуры, о чемъ помянуто въ текстѣ. Разбираться въ отдѣльныхъ деталяхъ этого рисунка, въ виду его схематичности и отсутствія масштаба, было бы излишне.

De castrametatione ¹⁾.

I.

О разбивкѣ лагерьа и о томъ, что стратигъ по числу оплитовъ въ таксіархіяхъ можетъ распознать и вычислить периметръ лагерьа.

Дѣльные и приобрѣвшіе въ теченіе долгаго времени большую опытность стратиги могутъ по числу оплитовъ, размѣщенныхъ въ окопѣ, съ полной точностью напередъ предусмотрѣть и распознать периметръ мѣста, на которомъ должна расположиться вся армія всадниковъ и пѣхотинцевъ. Если, положимъ, въ походѣ находится 16 таксіархій, по 500 оплитовъ, по 200 копейщиковъ и по 300 стрѣлковъ въ каждой, то онѣ вполне могутъ окружить на стоянкѣ все войско тагмъ и всѣхъ еемъ, и въ полной безопасности охранять его днемъ и ночью. Если таксіархій, какъ сказано, 16, то онѣ строятся въ четыре части— по 4 тысячи въ каждой оплитовъ, легковооруженныхъ и стрѣлковъ вмѣстѣ, — приче́мъ лагерь разбивается въ видѣ четырехугольника. Если природа мѣста не вынуждаетъ разбить лагерь въ другой формѣ, то изъ всѣхъ формъ лагерьа это самая лучшая, такъ какъ врагъ не можетъ окружить въ битвѣ такой лагерь со всѣхъ сторонъ и нападеніе будетъ сдѣлано съ одной или двухъ сторонъ. — (Если же врагъ захочетъ напасть съ трехъ или даже четырехъ сторонъ, то онъ разстроитъ свои части и себя ослабитъ; круглая же форма лагерьа опасна, такъ какъ ее легко обойти врагу, какъ признавали то и древніе). — Относительно мѣстностей неудобныхъ и тѣснинъ, какъ надлежитъ въ нихъ безопасно располагать лагерь, будетъ сказано ниже.

И такъ, стратигъ долженъ раздѣлить пѣшее войско на четыре равныя части, равной другъ другу силы, и каждую часть расположить на одномъ изъ четырехъ фланговъ лагерьа. Если части равны другъ другу по силѣ, то онѣ оказываются наиболѣе сподручными и удобными какъ для лагерныхъ стоянокъ, такъ и для походовъ и битвъ разнаго рода. Оплитовъ отрягается въ каждую часть 2000; на каждой сажени строятся по фронту два оплита, а позади ихъ въ глубину копейщики и стрѣлки. Тѣ и другіе, какъ они строятся по декархіямъ, становясь въ битву, должны точно также и въ лагерной стоянкѣ имѣть общію со своими десятниками палатку и общій столъ и во всемъ имѣть

1) Переводъ исполненъ по изданію Вари.

повиноваться. Такъ какъ 2000 оплитовъ, какъ мы сказали, становятся на каждый изъ четырехъ фланговъ, а два оплита занимаютъ одну сажень, то на каждый флангъ отиѣривается по тысячѣ саженей; и изъ такого отиѣриванія 1000 саженей опредѣляется и исчисляется периметръ всего лагеря. Должно выбрать наилучшаго и вполне опытнаго *минсуратора*, снабдить его веревкой въ тысячу саженей и отправить на поиски мѣста, подходящаго для лагеря. Онъ долженъ имѣть съ собою остальныхъ минсураторовъ отъ начальниковъ (частей), а въ непріятельской землѣ онъ долженъ выходить съ *вилами* и подобающей ему охраной. Пусть онъ разбиваетъ лагерь не слишкомъ близко отъ горы или топкаго болота, или возвышенности, имѣющей черезъ себя проходы, чтобы непріятель, подойдя съ пѣшей силой изъ подобныхъ мѣстъ, не могъ нанести ущерба лагерю; но пусть онъ смотритъ, нѣтъ ли трудно проходимой рѣчки или озера, или крутизны, или ущелья, что могло бы доставить безопасность съ одной, а то и двухъ сторонъ; пусть тамъ и разбиваетъ лагерь. Если же окажется маленькая рѣчка, такъ что безъ затрудненія можно проходить ее въ бродъ, то ее должно включить въ предѣлы лагеря; а лошадей (въ такомъ случаѣ) слѣдуетъ поить ниже по ея теченію, чтобы сохранять чистымъ верхнее теченіе¹⁾. Пусть минсураторъ высмотритъ, не окажется ли удобное мѣсто съ открытымъ во всѣ стороны видомъ, на которомъ удобно поставить царскую палатку, и пусть на немъ утвердитъ царское знамя. Затѣмъ, отиѣривъ на востокъ 500 саженей имѣющейся при немъ веревкой, пусть онъ водрузитъ тамъ значекъ таксіарха. Точно также отиѣривъ на западъ, сѣверъ и югъ по 500 саженей, пусть онъ водрузитъ на этихъ трехъ сторонахъ значки таксіарховъ²⁾. Образующаяся внутри площадь пусть служитъ для стоянки всего коннаго и пѣшаго войска. Большіе значки остальныхъ таксіарховъ³⁾ должно установить по линіи лагеря въ 250 саженяхъ, такъ какъ два оплита занимаютъ одну сажень⁴⁾. При рытіи лагеря — допустимъ, что работа начинается на лѣвомъ крылѣ — когда лѣвый таксіархъ прокопаетъ 250 сажень, то

1) Ср. Leo, Таст. XVII 15.

2) Вари напрасно поправилъ рукописное чтеніе ταξιαρχῶν на ταξιαρχίῶν, читать слѣдуетъ ταξιαρχῶν.

3) См. примѣчаніе 2.

4) Вари предполагаетъ здѣсь большой пропускъ, но я не вижу никакихъ основаній для такого предположенія. Гро ограничивался предложеніемъ читать видѣсто: ὄρμα: σν — ἐν ταῖς ὄρμα: σν. Но чтенія этого въ текстъ онъ не вводитъ, ограничившись примѣчаніемъ къ этому мѣсту.

онъ долженъ оставить промежутокъ въ 8 сажени, гдѣ надлежитъ быть входу и выходу для людей. Таксіархъ, занимающій позицію справа отъ него, долженъ начать рытье рва на 8 сажени впереди въ направленіи къ востоку и точно также къ сѣверу съ такимъ расчетомъ, чтобы конецъ лѣвой (отъ него) таксіархіи приходился у него въ тылу. И устраивается выходъ изъ лѣвой меры (= крыла) по древнему типу косой¹⁾, а не въ прямомъ направленіи. И пусть этотъ таксіархъ выдвинетъ въ видѣ буквы гаммы часть своихъ оплитовъ въ тылъ стоящимъ къ востоку отъ него людямъ до 8 сажени, чтобы такимъ образомъ входъ тщательно охранялся оплитами съ обѣихъ сторонъ.

Точно такимъ же образомъ надлежитъ устроить на томъ же флангѣ два другихъ входа, которые должны выдерживать такое же расположеніе. Совершенно такимъ же образомъ должна быть расположена пѣхота и на остальныхъ трехъ флангахъ и на нихъ должно быть одинаковое число воротъ.

Ровъ долженъ имѣть 7 или 8 футовъ глубины, суживаясь книзу, а въ ширину—5 или 6 футовъ. Землю изъ рва слѣдуетъ выбрасывать внутрь лагернаго пространства.

Такъ какъ длина лагеря опредѣлилась въ 1000 сажени, то изъ нихъ оставляются 22 сажени на *пустыя мѣста* внутри (лагеря) за рвомъ вокругъ палатокъ пѣхотинцевъ; точно также на стоянку пѣхоты выдѣляются другія 22 сажени; равнымъ образомъ дорога, отдѣляющая палатки пѣхотинцевъ отъ палатокъ всадниковъ, полагается въ 6 сажени. То и другое составляетъ на каждомъ флангѣ 50 сажени. Такимъ образомъ, изнимается изъ 1000 сажени на восточномъ и западномъ флангахъ вмѣстѣ 100 сажени и на все остальное лагерное пространство остается 900 сажени, которыя и раздѣляются на три части²⁾. Царскій лагерь со всѣми *этеріями* и *безсмертными* занимаетъ 300 сажени. Отъ поперечной большой дороги, раздѣляющей *великую этерію* отъ *талмы схола*, причѣмъ эта послѣдняя приходится кверху отъ первой, — до дороги, отдѣляющей палатки пѣхотинцевъ

1) Въ римскомъ лагерѣ Гигина выходъ изъ лагеря закрытъ и терминъ для такого устройства воротъ *clavicula* (§ 55). Такимъ образомъ, мы здѣсь какъ бы имѣемъ древнюю традицію; но у Гигина *clavicula* есть закругленіе рва внутрь лагернаго пространства, а визавійцы X вѣка выдвигали линію вала и рва наружу.

2) Авторъ поминаетъ здѣсь только восточную и западную сторону лагернаго пространства, но само собою разумѣется, что столько же сажени отходитъ на сѣверной и южной сторонѣ и, такимъ образомъ, для конницы остается квадратное пространство въ 900 саж. въ каждомъ измѣреніи.

(отъ лагеря конницы) — выдѣляется 300 саженой. Тотъ же расчетъ по схемѣ 300 саженой долженъ быть примененъ и на остальныхъ трехъ сторонахъ¹⁾, какъ это видно изъ приложеннаго чертежа лагеря²⁾.

Разбивая царскую палатку по срединѣ (лагеря), слѣдуетъ отмѣрить вокругъ нея пустое мѣсто, достаточное для того, чтобы тамъ могли (свободно) ходить ночные караулы и (всѣ люди) сходящіеся въ царскую ставку днемъ. Внѣ такового плаца, на лѣво слѣдуетъ разбить палатку *протовестіарія*, а на право — *стольника*; позади протовестіарія — палатку *начальника стражи* и затѣмъ — *китонитовъ*, *эвдомаріевъ* и прочихъ личныхъ слугъ царя, пока не заполнятся три стороны: правая, лѣвая и западная. А къ востоку, впереди царской ставки слѣдуетъ разбить палатку *архонтарій*; впереди ея должны расположиться *конюшіе* съ царскими конями; а *маглавиты* — на лѣво, впереди палатки протовестіарія. На правой сторонѣ, восточнѣе стольника, — *панеоты*, а *проксимъ* и *комитъ трубачей* должны расположиться съ маглавитами. *Проводники* пусть расположатся съ проксимомъ или съ кѣмъ либо другимъ, кому святой царь отдастъ свое довѣріе. За конюшими и *ставлокомитами* пусть расположится къ востоку великая этерія, а къ сѣверу [т. е. на лѣво] отъ великой этеріи — *логоветъ* и *протоасикритъ* и ихъ свита; къ югу (отъ великой этеріи) [т. е. на право] — *катепаны* царской челяди.

Изъ трехъ большихъ дорогъ, проложенныхъ съ cadaго фронта, средняя, идущая съ востока прямо къ царской ставкѣ, должна сохранять до великой этеріи шесть саженой въ ширину; а дойдя до этеріи, должна сузиться, и пусть на нее останется только три сажени и пусть она упрется въ архонтарій. Отъ этой средней дороги, восточнѣе великой этеріи, по обѣ стороны слѣдуетъ разбить палатки *тагмы схола*, раздѣливъ эту послѣднюю на двѣ части. Въ правой части посреди 15 *бандъ* пусть расположится *топотиритъ схола*, а въ лѣвой съ остальными 15 — *хартуларій*, занявъ также самую середину площади. По краямъ таковой средней дороги съ обѣихъ сторонъ пусть разобьютъ свои палатки *комиты* по 8-ми прямо на востокъ со своими личными *доместиками*, и каждый комитъ долженъ ставить свою палатку какъ разъ по срединѣ своихъ доместиковъ. По

1) Авторъ рассмотрѣлъ только одно направленіе: къ востоку отъ царскаго срединнаго лагеря. Такимъ образомъ, остаются еще нерассмотрѣнными три направленія.

2) Приложенные въ нѣкоторыхъ рукописяхъ чертежи схематичны, а потому и не даютъ точнаго отвѣта на вопросъ.

двумъ другимъ помянутымъ (?) большимъ дорогамъ, проходящимъ съ востока до западнаго вала, по сторонамъ дорогъ, обращеннымъ внутрь, пусть разобьютъ свои палатки комиты, по 7 на каждой, въ прямомъ направленіи, со своими domestиками¹⁾.

Съ западной и восточной стороны тагма схолъ ограничивается двумя поперечными дорогами; западная изъ нихъ, та, что отдѣляетъ этерію въ пространствѣ царскаго лагеря, — большая, а восточная, отдѣляющая еему отъ этой тагмы, — малая, имѣющая въ ширину 2 сажени. На этихъ двухъ дорогахъ, на внутреннихъ сторонахъ, пусть поставятъ свои палатки вдоль ихъ направленія *комиты паравантиты*²⁾. Принадлежащіе къ тагмѣ люди должны пролагать и внутри меньшія дороги, такъ называемая «монопатія», по которымъ могли бы они выходить безъ тѣсноты. Палатки, расположенныя по краямъ дорогъ, должны стоять тѣсно одна къ другой, чтобы никто не могъ войти внутрь лагеря или выйти иначе, какъ по дорогѣ.

По изложенной схемѣ расположенія, къ востоку отъ великой этеріи и тагмы схолъ и по тремъ остальнымъ сторонамъ царскаго лагеря должны расположиться — внутри большихъ дорогъ — этеріи и безсмертные, а въ сторону отъ этеріи — остальные тагмы съ *друнгаріемъ виглы* во главѣ, а за ними (т. е. дальше къ внѣшнимъ сторонамъ лагеря) — еемы, крестообразно по угламъ, до дороги, отдѣляющей лагерь всадниковъ отъ пѣхотинцевъ, какъ представляетъ это точнѣе и яснѣе вычерченное изображеніе.

Въ палаткѣ друнгарія виглы должны дежурить днемъ и ночью ординарцы стратиговъ и прочихъ начальниковъ.

Внутри вала за пустымъ мѣстомъ, на слѣдующихъ затѣмъ 22 саженьяхъ, отведенныхъ для пѣхоты, должны поставить свои палатки на восточной большой дорогѣ, приходящейся по срединѣ (лагеря), средніе таксіархи передняго фронта, одинъ на право отъ дороги, другой на лѣво. По линіи пустого мѣста и дороги, раздѣляющей лагерь пѣхоты отъ конницы, должны разбить свои палатки *экатонтархи* и *пентеконтархи*, и затѣмъ остальные кругомъ всадниковъ, помѣщая своихъ лошадей внутри (отведеннаго для пѣхоты пространства). Пѣхотинцы должны имѣть у себя «монопатіи»: одни въ прямомъ направленіи, другія въ поперечномъ, чтобы не вышло стѣсненія.

1) 16 комитовъ — по большой средней дорогѣ и 14 — по этимъ двумъ — составятъ вмѣстѣ 30, соотвѣтственно числу бандъ тагмы схолъ.

2) Терминъ и званіе, неизвѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ.

Большія дороги и «монопатіи», проходящія по мѣстамъ стоянокъ отдѣльныхъ отрядовъ, не должны быть заграждаемы, но оставаться открытыми, чтобы всадники, желающіе выйти на (свои) службы, не встрѣчали затрудненій.

А если бы оказалось еще четыре таксіархіи легковооруженныхъ, не включенныя съ оплитами въ одну команду, то онѣ должны расположиться по четыремъ угламъ лагеря пѣхотинцевъ въ видѣ буквы гаммы, какъ разъясняетъ это діаграмма лагеря.

Каждая тагма и еема должны быть отдѣлены отъ сосѣдней еемы или тагмы четырьмя дорогами съ каждой стороны, большими ли, или малыми, какъ случится; а въ предѣлахъ своего расположенія, каждая часть должна имѣть монопатіи, чтобы люди могли безпрепятственно и свободно проходить на свои потребности и службы.

II.

О томъ, что нельзя людямъ изъ одной еемы или тагмы располагаться на стоянкѣ другой еемы или тагмы.

Не слѣдуетъ допускать, чтобы люди изъ одной тагмы или еемы, банды или турмы располагались на стоянку въ другой еемѣ или тагмѣ, турмѣ или бандѣ; но каждый долженъ быть вмѣстѣ со своимъ командиромъ, чтобы каждая часть, когда внезапно доходить до нея (та или иная служба), была въ своемъ полномъ составѣ. Равнымъ образомъ должны производиться ежедневные смотры, какъ было то въ обычаѣ у древнихъ, и пусть меньшіе чины конницы и пѣхоты каждый день осматриваютъ состоящихъ подъ ихъ командой людей, чтобы точное соблюденіе ежедневныхъ смотровъ вынуждало ихъ держаться своего мѣста въ лагерѣ и чтобы никто не смѣлъ покинуть своего командира. Если это соблюдается, то хотя бы и вошелъ (въ лагерь) какойнибудь лазутчикъ, онъ легко будетъ разысканъ. Лагерь всадниковъ долженъ быть такъ разбитъ, чтобы какъ имъ надо становиться въ строй, такъ шли они и въ походѣ и по сосѣдству другъ отъ друга имѣли стоянку въ лагерѣ.

Каждый пѣхотинецъ долженъ имѣть по восьми *тривологовъ*¹⁾, свя-

1) Трибулы — древнее изобрѣтеніе римлянъ. Вегеціи III 24 приурочиваетъ въ изобрѣтеніе ко времени войны Рима съ Антиохомъ и даетъ такое описаніе этого орудія: *Tribulus autem est ex quattuor palis confixum propugnaculum, quod, quodammodo abieceris, tribus radiis stat et erecto quarto infestum est.* — Въ пору Вегеція трибулы примѣнялись для охраны лагеря — III 8: *sublati caespites ordinantur et aggerem faciunt, supra quem valli hoc est sudes vel tribuli lignei, per ordinem digeruntur.*

занныхъ тонкой веревкой; а каждая декархія должна имѣть небольшой желѣзный столбъ, къ которому привязывается конецъ веревки триво-ловъ. Вкопавъ въ землю столбъ, нужно ихъ бросить на 10 саженой отъ рва. Должно накопать также и ямъ, такъ называемыхъ костоломокъ (*πρόδοχλάστας*), и набить въ нихъ заостренныхъ деревянныхъ столбовъ; а подлѣ нихъ, для ихъ распознаванія, должно устроить маленькій ровъ, или изъ выкопываемой земли маленькія горки или кучи камня, чтобы свои же люди по оплошности не падали туда и не терпѣли поврежденій. Слѣдуетъ также укрѣпить въ землѣ (вокругъ лагеря) небольшіе столбики и, укрѣпивъ на нихъ веревку, навѣсить на нее звонки вокругъ всего рва¹⁾, чтобы укрывшіеся отъ караула враги или лазутчики, натыкаясь на веревку со звонками, были легко распознаваемы.

III.

О ночныхъ караулахъ или «неркитахъ».

Ночные караулы внутри окопа, или «керкиты», должны аккуратно быть отправляемы въ «пустомъ мѣстѣ» и каждый изъ таксіарховъ долженъ всю ночь держать охрану среди своихъ людей. Оплитархъ долженъ брать двѣ смѣны по сту человекъ изъ легковооруженныхъ, которые не включены въ таксіархія, и съ одной изъ нихъ до полночи, а съ другой до разсвѣта держать надлежащую охрану внутри вала въ пустомъ мѣстѣ, обходя кругомъ войско. Ибо пустое мѣсто отводится ради этого и на ту пользу, чтобы не только въ немъ совершались обходы, но и затѣмъ, чтобы, въ случаѣ иной разъ нападенія непріятели на окопъ, направляемые въ лагерь стрѣлы падали на это мѣсто и не поражали находящихся въ лагерѣ коней и людей. Много неприятнаго приключалось инымъ арміямъ отъ подобныхъ случайностей. А кромѣ того (затѣмъ), чтобы стратеги, находящіеся по краямъ, если случится нападеніе на находящихся въ окопѣ—днемъ то будетъ, или ночью,—выстроившись со своими боевыми людьми въ пустомъ мѣстѣ, въ пѣшемъ строю могли поспѣшить на помощь. Эти «пограничные» стратеги съ своими людьми должны располагаться внѣ всѣхъ оемъ и вблизи отъ палатокъ пѣхотинцевъ, будучи отдѣлены отъ нихъ только дорогой, раздѣляющей конницу отъ пѣхоты, чтобы въ случаѣ непред-

1) На воспроизведенномъ у насъ одно изъ поминутыхъ выше рисунковъ (2) изображены колокольчики, висящіе на веревкѣ кругомъ всего лагеря.

видѣнныхъ и внезапныхъ нападеній непріятеля, будучи въ готовности и подъ рукой, они могли оказать содѣйствіе людямъ на окопѣ и сражаться вмѣстѣ съ ними.

А оплитархъ пусть не только держитъ ночную охрану по всему (лагерю), но, въ виду утомительности (этой службы) долженъ подлежать смѣнѣ¹⁾, причѣмъ, какъ естественно, должны быть посылаемы отъ нашего святого царя вѣрные люди.

IV.

О «виглахъ» во время дня и ночи.

Обычныя вѣшнія и внутреннія виглы и тѣ, которыя ставятся ближе, нужно отправлять пѣшими конейщиками и стрѣлками. На внутреннихъ виглахъ должно быть восемь человекъ и каждыя виглы должны отстоять отъ окопа приблизительно на полетъ стрѣлы или и еще нѣсколько дальше. Вѣшнія виглы пусть располагаются дальше, отстоя отъ внутреннихъ не болѣе, чѣмъ на полетъ камня; онѣ должны состоять изъ четырехъ человекъ, которые и называются четверками (тетрадіа). Каждая таксіархія должна выставлять по пяти вѣшнихъ и внутреннихъ виглъ, отстоящихъ другъ отъ друга приблизительно на 50 сажень²⁾.

Виглы, которыя нужно держать на болѣе далекомъ разстояніи, должны отправляться боевой конницей. Первые, стоящія далѣе пѣхотинцевъ, должны состоять изъ шести всадниковъ и отстоять на достаточное разстояніе отъ пѣшихъ вѣшнихъ виглъ, если мѣстность ровная и чистая. А отправляемые на болѣе далекомъ разстояніи, — ихъ также зовутъ вѣшными виглами, — пусть будутъ по четыре человека. При появленіи солнца они должны отступать къ ночной стражѣ. Если же мѣстность трудно проходима, пресѣчена и нельзя пройти по ней помимо дорогъ, то слѣдуетъ надежно охранять только дороги не далѣе лагеря и болѣе такія, по которымъ можно подозрѣвать приходъ непріятеля. Конная стража должна охранять только тѣ стороны, съ которыхъ, какъ сказано, можно подозрѣвать появленіе непріятеля. Вся остальная охрана кругомъ можетъ отправляться пѣхотинцами. Старшихъ

1) Не считаемъ себя въ правѣ исправлять неточность оборота автора.

2) Каждая таксіархія занимаетъ по фронту 250 сажень; такимъ образомъ, для пяти виглъ получается разстояніе въ 50 сажень одна отъ другой.

они должны имѣть изъ людей надежныхъ, чтобы и у нихъ виглы надлежащимъ образомъ занимали свои позиціи и подвергались обходамъ, во избѣжаніе небрежности охраны.

Если виглы приносятъ какое нибудь извѣстіе, то не должны идти въ страхъ и беспорядкѣ, какъ придется, но остерегаться задѣть звонки, и вступать въ лагерь въ смятеніи и тѣмъ нагнать робость на находящихся въ лагерѣ, а тихонько пройдя около звонковъ, безъ шума сообщить приключившееся своему таксіарху и оплитарху, которые должны тотчасъ затѣмъ послать вѣстника нашему святому царю. — Все это относится къ ночи, а днемъ одни всадники пусть отправляютъ виглы, дальше и на болѣе далекомъ разстояніи, если мѣстность, какъ сказано, открытая и низменная.

V.

Какъ нужно уменьшать лагерь, когда пѣхота въ полномъ составѣ, а конница малочисленна; какъ пополнять недостачу и надлежащимъ образомъ охранять армию, когда конницы много, а пѣхоты очень мало.

Въ случаѣ если конница малочисленна, а пѣхота въ полномъ составѣ и внутри лагеря остается не малое пустое мѣсто, надлежитъ ставить на одну сажень трехъ оплитовъ и дѣлать сгущеніе (πύκνωσις). Такимъ образомъ, соотвѣтственно числу всадниковъ уменьшится пространство лагеря и станетъ соразмѣрнымъ.

Если же конницы больше, а пѣхоты мало, такъ что не хватаетъ людей, если ставить на сажень, какъ мы излагали, двухъ оплитовъ; то пространство лагеря увеличивается тѣмъ, что половина копейщиковъ изъ всѣхъ таксіархій не располагается вмѣстѣ (съ остальными), но къ каждымъ пяти оплитамъ присоединяется одинъ копейщикъ и ставится съ ними по фронту, такъ какъ вѣдь отъ числа оплитовъ зависитъ увеличеніе и уменьшеніе лагеря.

VI.

О двѣнадцати таксіархійхъ.

Если же въ походѣ будетъ 12 таксіархій и каждая изъ нихъ имѣетъ по 500 оплитовъ, по 200 копейщиковъ и по 300 стрѣлковъ,

то и изъ нихъ составляется четырехугольная фигура. Каждый флангъ вытягивается въ длину 750 сажени, такъ какъ на одной сажени выстраиваются два оплота. Минсураторъ долженъ по данному ему типу отмѣривать веревкой отъ середины на востокъ 375 сажени, точно также на западъ, затѣмъ на сѣверъ и югъ той самой мѣрой, и тогда на серединѣ водрузить царскую палатку и отводить на царскій лагерь 216 сажени¹⁾ въ ширину и длину; точно также и на остальные части пусть онъ отведетъ тоже самое число. А вокругъ, какъ сказано, на каждомъ флангѣ пусть онъ отведетъ 50 сажени для пустыхъ мѣстъ, стоянокъ пѣхотинцевъ и дороги, отдѣляющей палатки пѣхотинцевъ и всадниковъ. При 12 таксіархіяхъ пусть идутъ отъ окопа по два входа съ каждой стороны. Идущій отъ востока—болѣе сѣверный²⁾—противъ палатки протовестиарія, — проводится до свободного плаца вокругъ царской ставки и встрѣчается съ идущей отъ сѣвернаго фланга болѣе восточной (изъ двухъ) большой дорогой³⁾. Равнымъ образомъ встрѣчаются и остальные правыя дороги: восточная и южная—напротивъ палатки столъника: точно также и западная—съ двумя поперечными. Они встрѣчаются, такимъ образомъ, въ видѣ буквы гаммы, какъ наставляеть о томъ касательно этихъ и остальныхъ дорогъ вычерченный рисунокъ⁴⁾. По серединѣ между двумя большими дорогами на каждомъ флангѣ слѣдуетъ отмѣрить узкую дорогу въ двѣ сажени ширины: она должна дѣлить лагерь всадниковъ и, направляясь къ царской ставкѣ, должна въ нее упереться, чтобы всѣ и каждый могли безъ всякихъ затрудненій сходитья къ царской ставкѣ на положенныя имъ службы.

Такъ какъ неудобный характеръ мѣстности часто не допускаеть устройства четырехугольнаго лагеря,—а выше мы обѣщали изложить относительно тѣсныхъ и неудобныхъ мѣстъ, какъ слѣдуетъ въ нихъ на иной ладъ планировать лагерь,—то мы говоримъ, что часто устраи-

1) Эта цифра дана въ текстѣ Вари безъ оговорки въ примѣчаніяхъ о наличии разночтеній. Гро даетъ цифру 646, т. е. 296, тоже безъ всякихъ оговорокъ въ примѣчаніяхъ. Въ моей рецензи на изданіе Вари, *Byz. Zeitschr.* XI 547, я отмѣтилъ возникающее отсюда затрудненіе; но тамъ же я выразилъ предположеніе, что чтеніе Гро ближе къ истинѣ. Теперь я долженъ изять это назадъ и отдать предпочтеніе цифрѣ 216. Отъ 750 приходится отнять 100, поперечную линію въ 650 сажени — дѣлить на три части, такимъ образомъ получается $216\frac{2}{3}$, но дробь откинута при расчетѣ.

2) Т. е. лѣвый изъ двухъ—если обратиться лицомъ къ востоку.

3) На сѣверномъ флангѣ два входа и двѣ дороги внутрь лагеря; авторъ указываетъ на правую изъ нихъ, если стоять лицомъ къ сѣверу.

4) Ни въ одной рукописи не сохранилось рисунокъ прямо сюда относящихся.

вается разномѣрный лагерь: треугольникъ ли то, или кругъ, подъ гнетомъ необходимости и по характеру мѣстности. Если мѣстность дѣлаетъ его совсѣмъ узкимъ и продолговатымъ, и по сосѣдству находится господствующая надъ нимъ возвышенность и пускаемая съ нея стрѣлы достигаютъ лагеря или даже падаютъ на пустое мѣсто за валомъ; то армія все таки можетъ разбить въ крайности лагерь въ соотвѣтствіи съ условіями мѣста, простоять въ такомъ опасномъ мѣстѣ одну ночь; но необходимо (въ такомъ случаѣ) усилить подозрительную сторону большимъ числомъ оплитовъ и легковооруженныхъ (въ тѣхъ видахъ), чтобы въ случаѣ, если непріятель, подступивъ къ такому мѣсту, сдѣлаетъ ночное нападеніе, защитники рва не оказались слабыми и неподготовленными (къ отпору). Если же стрѣлы могутъ легко достигать палатокъ, то должно избѣгать устраивать стоянки въ такихъ мѣстахъ. Многія арміи погибли въ подобныхъ обстоятельствахъ въ ночное время. Поэтому то необходимо дѣлать развѣдки, спрашивать, заранѣе подумать объ этомъ и посоветоваться съ опытными проводниками, и если окажется мѣсто болѣе подходящее, хотя бы и въ болѣе далекомъ разстояніи, то слѣдуетъ еще до зари двинуть армію и немного подвинуться впередъ, пока она не прибудетъ въ удобное мѣсто; но необходимо сдѣлать переходъ съ надлежащей охраной и безопасностью. Это можетъ быть исполнено, если въ тотъ день не предвидится нападенія со стороны враговъ. Если же есть основаніе ожидать непріятели, то не полезно передвигаться ночью въ тѣсныхъ и трудно проходимыхъ мѣстахъ. Лучше сдѣлать остановку днемъ въ болѣе близкомъ и безопасномъ мѣстѣ и отправить пѣшую силу стрѣлковъ и копейщиковъ, чтобы сдѣлать развѣдки и захватить эти опасныя, тѣсныя и трудно проходимыя мѣста и всяческимъ способомъ стараться доставить себѣ безопасность въ ту ночь, чтобы не приключилось какой либо бѣды для арміи.

VII.

О томъ, что въ неудобныхъ и тѣсныхъ мѣстностяхъ слѣдуетъ дѣлать армію на двѣ части и такъ располагаться на стоянку.

Въ мѣстности небезопасной должно по необходимости раздѣлить армію на двѣ части и устроить стоянку для каждой части въ широкооткрытомъ и удобномъ мѣстѣ, причѣмъ слѣдуетъ въ обѣихъ частяхъ

арміи точно выдержать указанія относительно пустыхъ мѣстъ и взаимныхъ разстояній (частей). Пѣшіе полки, соотвѣтствующіе каждому изъ двухъ лагерей, слѣдуетъ раздѣлить съ расчетомъ безопасно охранить (конницу) кругомъ. Если опитовъ не достаточно, то нужно прибавить къ нимъ легковооруженныхъ по фронту столько, чтобы возможно было окружить все конное войско. Въ отношеніи обоихъ лагерей должна быть соблюдаема, какъ сказано, таже самая точность.

Надъ второй половиной арміи слѣдуетъ поставить командира разумнаго и опытнаго, который бы сумѣлъ организовать для нея подобающую охрану въ эту ночь. Лучше и полезнѣе стать на стоянку раздѣлившись, чѣмъ въ тѣснотѣ, и имѣть окопъ близко отъ горъ, откуда могли бы попадать въ палатки стрѣлы и причинять великій вредъ войску. Если же раздѣляющая оба лагеря возвышенность даетъ проходъ желающимъ перейти изъ одного въ другой съ цѣлью помочь другъ другу въ случаѣ нападенія непріятеля; то быть можетъ и не покажется, что лагерь раздѣленъ, а словно соединенъ въ виду этого сорабничества. Если же, напротивъ, раздѣляющая возвышенность препятствуетъ переходу изъ одного лагеря въ другой и придется устроить два лагеря далеко одинъ отъ другого; то и тогда, по милости Христа, не выйдетъ никакого ущерба, если рачительно и должнымъ образомъ будетъ организована охрана. Ибо какъ наша армія не терпѣла никакого урона, вторгаясь во вражескую землю не только при большихъ силахъ, но подчасъ въ весьма незначительномъ числѣ, такъ не выйдетъ никакого урона за одну ночь, если будетъ выказана подобающая рачительность.

VIII.

О томъ, каково должно быть число коннаго войска.

Если боевая конница состоитъ изъ 8200 человекъ, то ее должно раздѣлить на 24 отряда (*τάξεις*) по 300 человекъ. Эти 24 отряда слѣдуетъ соединить въ четыре (части), какъ въ пѣхотѣ, равныя между собою по силѣ; въ каждой изъ нихъ по шести отрядовъ (*παρατάξεις*). Когда вся армія находится въ походѣ, эти четыре части передвигаются какъ авангардъ, аріергардъ и два фланга, раздѣлившись каждая на шесть отрядовъ. А царскій полкъ (*πράταξις*) въ тысячу всадниковъ пусть будетъ внѣ этого (счета), чтобы царь могъ приходить

на помощь въ бою терпящимъ уронъ частямъ, посылая имъ людей изъ своего полка. Если бы конница (арміи) оказалась въ числѣ болѣе 8200, то четыре части должны получить усиленный составъ. Когда царь выступаетъ въ походъ, то необходимо, чтобы конное войско было по числу не 8000, а больше. Эти восемь тысячъ мы взяли только для примѣрнаго исчисленія 24 отрядовъ, такъ какъ это число сподручно въ битвахъ и въ походѣ по свободнымъ мѣстамъ при непредвидѣнныхъ нападеніяхъ непріятеля.

Если же на лицо численность кавалеріи меньше чѣмъ 8200 человекъ, то слѣдуетъ уменьшить число отрядовъ и въ каждой части ихъ будетъ по пяти. Если же конница опредѣлится еще въ меньшемъ числѣ, то въ крайности на каждую изъ четырехъ частей придется отвести по четыре отряда. Но въ случаѣ выступленія въ походъ царя, число четыре отряда на каждую часть слишкомъ незначительно. Если же конное войско опредѣлится еще въ меньшей цифрѣ, то не слѣдуетъ царю выступать въ походъ съ такимъ ничтожнымъ количествомъ.

Юліанъ Кулаковскій.

15 января 1903 года.

ОТДѢЛЪ I.

О начальной исторіи Арменіи Анонима.

БЪ ВОПРОСУ ОВЪ ИСТОЧНИКАХЪ ИСТОРИИ
МОИСЕЯ ХОРЕНСКАГО.

По поводу критическихъ статей проф. А. Carrière'a.

'tis no sin for a man
to labour in his vocation.

Sir John Falstaff.

Французскій ученый А. Carrière послѣдніе годы печатаетъ критическія замѣтки объ Исторіи М. Хоренскаго. Гутшмидъ лѣтъ 20 тому назадъ (1876 г.) доказывалъ несостоятельность Исторіи Хоренскаго: французскій ученый въ качествѣ армениста принимаетъ безъ оговорки отрицательные выводы нѣмецкаго критика какъ доказанные, такъ гипотетичные. Въ полномъ убѣжденіи, что главное дѣло сдѣлано, А. Carrière занимается подробностями. Въ брошюрѣ, выпущенной имъ въ 1891 году подъ заглавіемъ *Moïse de Khoren et les Généalogies patriarcales* (Paris, армянскій переводъ въ *Գործնական*, 1891, р. 273 и др.), онъ обстоятельно доказываетъ, что М. Хоренскій впервые намѣренно, для оправданія своего мнѣнія, въ родословную Хама и Иафета въ качествѣ первородцевъ вводитъ Местраима и Өираса; а такъ какъ, ссылаясь на Марабаса [какъ увидимъ, Псевдо-Марабаса или Псевдо-Марабу], Хоренскій въ соотвѣтствіи Өирасу называетъ Сирааа, представляющаго простую анаграмму библейскаго имени, то, очевидно, Марабасъ и Хоренскій лица весьма близкія другъ другу, это два имени одного и того же лица. Отсюда довольно плачевное, хотя и умалчиваемое Carrière'омъ, заключеніе насчетъ добросовѣстности Хоренскаго: историкъ неоднократно заявляетъ по поводу генеалогіи па-

тріарховъ, что онъ пишетъ такъ, какъ нашель въ своихъ источникахъ: «Фираса четвертымъ отъ Ноя не оказывается въ нашемъ переводѣ Библии..., но мы нашли въ такомъ именно мѣстѣ у одного мудраго начитаннаго сирійца, и намъ это показалось достойнымъ вѣрь». Но такія оправданія Хоренскаго остаются безъ вниманія или на нихъ отвѣчаютъ краткой французской поговоркой, сказанной еще Гутшмидомъ въ отношеніи Хоренскаго, — *qui s'excuse, s'accuse*.

83 и 88 глава второй книги М. Хоренскаго занимаютъ первое мѣсто (р. 1—31) въ серіи статей, печатавшихся А. Carrière'омъ въ журналѣ Вѣнскихъ Мехитаристовъ, на франц. съ арм. переводомъ, и выпедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Études critiques par A. Carrière, professeur à l'école des langues orientales vivantes, directeur-adjoint à l'école des hautes études, Vienne 1893, p. 56*. Названныя главы труда М. Хоренскаго посвящены исторіи Константина Великаго; совершенно невѣрныя свѣдѣнія о Константиноблѣ и отношеніяхъ Лицинія къ нему оказываются весьма сходными съ тѣмъ, что рассказывается съ одной стороны въ Житіи папы Сильвестра, съ другой — въ Житіи св. Василія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпаденіе самихъ текстовъ поразительно. Въ армянскомъ оказываются промахи, обусловливаемые тѣмъ, что онъ зависитъ отъ греческаго оригинала. А. Carrière однако не думаетъ, чтобы М. Хоренскій зависѣлъ непосредственно отъ *acta S. Basilei*, въ оригиналѣ или переводѣ. Ему кажется болѣе вѣроятнымъ, что Хоренскій пользовался армянскимъ переводомъ Церковной Исторіи Сократа, который обогащенъ значительными вставками. Къ числу такихъ вставокъ относится между прочимъ и *Житіе* папы Сильвестра, которымъ начинается армянскій переводъ Сократа. Такимъ образомъ для 83 и 88 главъ II книги, отчасти и 89, М. Хоренскій пользовался бы готовымъ матеріаломъ, собраннымъ въ армянскомъ переводѣ Церковной Исторіи Сократа. Фактическая сторона дѣла въ главныхъ чертахъ какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ, особливо по вопросу о выселеніи Хананеевъ въ Африку, о чемъ будетъ еще рѣчь, была извѣстна съ давнихъ поръ, со времени перваго перевода Исторіи Хоренскаго въ 1736 году на латинскій языкъ; но французскому ученому принадлежитъ несомнѣнная заслуга въ постановкѣ вопросовъ ребромъ, требующей категорическаго отвѣта или въ томъ, или въ другомъ смыслѣ, или указанныя свѣдѣнія вопреки извѣстнымъ даннымъ могли быть доступны армян-

скому писателю еще въ пятомъ вѣкѣ, или М. Хоренскій жилъ значительно позднѣе. А. Саггіеге послѣдняго мнѣнія: онъ ссылается на армянскій текстъ Исторіи Сократа, который, судя по рукописнымъ записямъ, переведенъ въ самомъ концѣ седьмого вѣка; ссылается на интерполяцію изъ Житія папы Сильвестра, которая, какъ думаетъ А. Саггіеге, за армянскимъ историкомъ прошлаго столѣтія Чамчяномъ, произошла уже на армянской почвѣ, слѣдовательно, съ теченіемъ времени, и сообразно съ этимъ Исторію М. Хоренскаго относитъ къ VIII вѣку.

Другой пунктъ—исторія святой Нины, Просвѣтительницы Грузіи. А. Саггіеге указываетъ на непосредственный источникъ главы о Нинѣ, именно опять Церковную Исторію Сократа (V в.). Сократъ въ этомъ пунктѣ воспроизводитъ лишь Руфина (IV в.) съ нѣкоторыми неудачными добавленіями; Руфинъ первый записалъ исторію обращенія грузинъ со словъ грузинскаго царя Бакура. О возможности существованія преданія на мѣстѣ, откуда былъ выходцемъ самъ грузинскій царь, и независимаго отъ западныхъ писателей знакомства армянскаго историка съ этимъ мѣстнымъ грузинскимъ преданіемъ А. Саггіеге не говоритъ и, очевидно, этого не допускаетъ. Источникъ для Хоренскаго надо искать въ Сократѣ, потому что имъ безусловно-де пользовался Хоренскій въ исторіи Сильвестра и пользовался именно интерполированнымъ армянскимъ переводомъ VII вѣка. Однако при сличеніи текстовъ Сократа и Моисея, французскимъ ученымъ при первомъ чтеніи овладѣваетъ достаточно таки смущеніе (*se trouve assez embarrassé*). Исторія обращенія въ главнѣйшихъ чертахъ и у греческаго, и у армянскаго историка одна и та же, но въ подробностяхъ есть замѣтная разница: сравнительно съ Сократомъ М. Хоренскій мѣстами слишкомъ сжатъ, вслѣдствіе краткости даже неясенъ, а въ другихъ мѣстахъ слишкомъ подробенъ; и любопытно то, что подробности не исчерпываются стилистическими упражненіями, цитатами изъ Библии или патріотическими выходками, сближеніями съ исторіею Арменіи, а представляютъ весьма точныя данныя (*des renseignements topographiques fort exacts*) о положеніи города Мцхеты и обстоятельныя детали, впрочемъ, по мнѣнію Карриера, мало историческія, о божествѣ, почитавшемся жителями Мцхеты, и специальномъ его культѣ (р. 41). Но «освобожденная отъ такихъ привнесенныхъ элементовъ» (*dégaîée de ces éléments adventices*) исторія, какъ она повѣствуется у Хоренскаго, кажется сокращеннымъ рассказомъ Сократа, въ чемъ, ко-

нечно, нельзя не согласиться съ А. Саггьере'омъ. Обставивъ подробностями такую въ существенныхъ своихъ чертахъ гипотезу, А. Саггьере подъ конецъ напоминаетъ (р. 41), что Хоренскій называетъ источникомъ для главы о Нинѣ Агаангела. Но у нашего писателя V в., по мнѣнію А. Саггьере'а, странный приемъ ссылаться на Агаангела въ такихъ вопросахъ, которыхъ дошедшіе до насъ позднѣйшіе списки историка Агаангела мало касаются или совсѣмъ обходятъ молчаніемъ. Исходя отсюда, быть можетъ, кто-либо нашелъ бы нужнымъ изслѣдовать подлинность дошедшихъ до насъ списковъ Агаангела; но А. Саггьере въ этомъ обстоятельстве видитъ со стороны Хоренскаго «лишь явное укрывательство утилизированныхъ имъ источниковъ» (*une dissimulation flagrante des sources utilisées*).

Слѣдующая замѣтка А. Саггьере'а *Moïse de Khoren et l'origine des Parthes* посвящена вопросу объ одной традиціи касательно происхожденія Аршакидовъ и займетъ насъ ниже. Еще другой вопросъ, поднятый А. Саггьере'омъ въ статьѣ на страницахъ журнала Вѣнскихъ Мехитаристовъ, является совершенно новымъ открытіемъ¹⁾: открывается несомнѣнная связь краткихъ отрывковъ изъ нѣсколькихъ главъ II и III книги Хоренскаго, преимущественно съ II, 76 по III, 41, съ Хроникой Малалы. Зависимость сличаемыхъ отрывковъ армянскаго текста отъ греческаго въ статьѣ С-ге'а указана доказательно, но для заключенія о зависимости Хоренскаго именно отъ Малалы приведенныхъ доводовъ недостаточно. Аргументація А. Саггьере'а предполагаетъ полную обслѣдованность источниковъ

1) Впрочемъ для исторіи вопроса не лишне будетъ отмѣтить, что S. Martin'у было хорошо извѣстно близкое родство по духу Исторіи М. Хоренскаго съ Хроникой Малалы и др. Сущность мнѣнія S. Martin'a не потеряла значенія и для нашего времени, особливо цѣнна въ виду результатовъ, въ которыхъ приводить наше изслѣдованіе объ Анонимѣ, и въ этомъ смыслѣ рѣшаемся привести подлежащее мѣсто цѣликомъ, безъ огороки (*Fragments etc.*, I, pp. 238—239): Pour cette partie [II, 1] de son ouvrage, Moïse de Khoren paraît avoir consulté un très-grand nombre d'auteurs. Il cite, en particulier, plusieurs écrivains grecs qui nous sont presque entièrement inconnus, tels que Polycrite, Évagore, Phlégon de Tralles, Ariston de Pella, et quelques autres. Ces derniers appartenaient sans doute à cette classe nombreuse d'auteurs obscurs que l'on sait avoir principalement vécu à Antioche, et dont la Chronique de Malalas cite un très-grand nombre, aussi peu connus que ceux qui sont mentionnés par Moïse de Khoren. Nous pensons, d'après ce qui nous reste de leurs ouvrages, que ce sont eux qui ont contribué à altérer l'histoire ancienne, telle qu'elle est racontée dans la Chronique de Malalas, dans celle d'Alexandrie, dans Cédreène, dans le Syncelle, et à répandre chez les Orientaux toutes les fables et tous les anachronismes que l'on remarque dans leurs récits, lorsqu'ils parlent des Grecs; см. также Florival, Dictionnaire Hist., Géogr. etc. à l'Hist. d'Arm., подъ словами *Alexandre de M., Rodanus, Stratégie* и др.

Малалы, чего, какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Затѣмъ, большинство сопоставленій представляетъ отдѣльныя фразы, взятыя изъ различныхъ частей Хроники, и при томъ не всегда покрываютъ другъ друга сличаемыя мѣста. Но, главное, не обращено никакого вниманія на то, что Хоренскій называетъ рядъ источниковъ, которыми онъ пользовался при писаніи подлежащей части своей Исторіи, и пока тѣ источники и степень вліянія каждаго не будутъ выяснены или по крайней мѣрѣ подвергнуты возможному обсужденію, рискованно торопиться выводами на основаніи односторонняго изученія первыхъ попадающихся въ наши руки историковъ. Необходимо привести всю эту главу объ источникахъ, такъ какъ мѣстами она не понимается переводчиками ¹⁾ и въ глазахъ нѣкоторыхъ даетъ пищу празднымъ догадкамъ ²⁾:

II кн., 75 глава.

«О Фирмилианѣ, епископѣ Кессаріи Каппадокійской, и его «Исторіи».

«Фирмилианъ, епископъ Кессаріи Каппадокійской [+ 269], былъ замѣчательный ученый; въ молодости ³⁾ онъ отправился къ Оригену, у котораго и учился. Онъ составилъ много сочиненій, изъ которыхъ одно есть Исторіи церковныхъ гоненій, бывшихъ раньше во дни Максиміана и Деція (*эстака*: и вслѣдъ затѣмъ въ годы Діоклетіана); въ нее же онъ внесъ и дѣянія самихъ царей. Въ *Исторіи юненій* онъ рассказываетъ, что шестнадцатымъ еписко-

1) Совершенно неудаченъ въ данной мѣстѣ переводъ Н. Эмина (1858), повторенный безъ измѣненія во второмъ изданіи (1893). Ошибку Н. Эмина повторяютъ Вагер (1869) и о. Хоревъ Степанъ (1889). Langlois въ Collection etc. лишь изворачивается и даетъ двусмысленный переводъ, и то ипрочемъ слѣдую вѣстѣ съ итальянскимъ переводчикомъ Топшмаео (1850) за другимъ французскимъ переводчикомъ Florival'емъ. Вѣрно понимаетъ Petermann, op. c., p. 103, хотя не съ точностью. Лучше всѣхъ первые переводчики Whistonii, а за ними Carpelletti, между прочимъ съ той неточностью, что *ἱστορικὸν* изъ устныхъ рассказовъ передано на итальянскомъ черезъ *fashoi*. Кстати, относительно значенія этого слова нельзя согласиться и съ толкованіемъ Миабан'а (псевдон.), видящаго въ немъ эквивалентъ слова «питата» (Араратъ, 90, № 12, отд. отд., p. 17). Во всякомъ случаѣ здѣсь *ἱστορικὸν* устный рассказъ противопоставляется выраженію *ἱστορικὸν* писанная архивная исторія, тождественная же мысль о томъ, что М. Х. пользовался какъ писанными, такъ устными источниками, выражена имъ же и въ I, 19, гдѣ противопоставляются другъ другу *ἱστορικὸν* писанный или книжный и *ἱστορικὸν* словесный или устный. Что *ἱστορικὸν*, собственно *мова*, *слова*, М. Хоренскимъ понимается въ смыслѣ устного преданія въ противоположность *книжному*, то это ясно изъ употребленія историкомъ (I, 6) синонима *ἱστορικὸν* *слова*, *мова* въ такомъ же смыслѣ во фразѣ *ἵνα ἴσῃς τὴν ἱστορίαν*, «р. 12 к I кн. к. р. 12 к I кн. чтобы знать тебѣ все, какъ устно, такъ книжно происхожденія».

2) Е. Мадатянъ думаетъ иидѣть въ Фирмилианѣ М. Хоренскаго Фирмилиана Лактанція, при чемъ послѣдняго также называетъ Фирмилианомъ, см. Араратъ, 94, № 1, pp. 26—27, ср. Н. Эминъ, Ист. Арм. М. Хор., 58, стр. 15.

3) *ἱστορικὸν*, какъ и *ἱστορικὸν*, значить не только *дѣтство*, но и *молодость*.

помъ въ Александріи былъ Петръ, который [какъ извѣстно¹⁾] былъ замученъ на девятомъ году гоненія. Онъ пишетъ также о многихъ вѣрующихъ, замученныхъ Хосроемъ въ нашей землѣ, а за нимъ и о иноземцахъ, которые были замучены иноземными (гонителями). Но такъ какъ онъ не рассказываетъ, придерживаясь научнаго приѣма, не называетъ мучениковъ по именамъ или мѣстъ, гдѣ они были замучены, то мы не сочли нисколько нужнымъ повторять его. То же самое относится и къ тому, что Фирмилианъ говоритъ объ Автоніи, сынѣ Севера, какъ онъ оражался съ персидскимъ царемъ Вагаршомъ въ Месопотаміи и какъ скончался между Едессою и Хараномъ, между тѣмъ какъ нашъ Хосрой не примыкалъ ни къ кому.

«Лишь то, что Фирмилианъ рассказываетъ послѣ смерти Хосроя до подаренія Тирдата [261 г.] во времена междоусобицы, передаемъ мы въ краткихъ словахъ, считая то вѣрнымъ. Что же касается повѣствуемаго нами о событіяхъ въ царствованіе Тирдата и послѣ него, то оно свободно отъ ошибокъ нерадѣнія и невниманія, равнымъ образомъ въ немъ не вставлено ни слова съ намѣреннымъ искаженіемъ: (касательно этого времени) мы правдиво рассказали тебѣ, точно справившись въ воспоминаніяхъ писанныхъ (հիւանդանոցի) исторій грековъ, равно какъ въ устныхъ преданіяхъ (հայրազգայն) мудрецовъ и филологовъ, вѣдающихъ о древностяхъ».

Нельзя замалчивать²⁾ то, что запрашивается неволью при чтеніи этой именно послѣдней части. «Мудрецы и филологи, вѣдающіе о древностяхъ», могли повѣдать устно Хоренскому, путешествовавшему, по *существующей* традиціи, въ пятомъ вѣкѣ въ Сиріи и въ Греціи, многое, что въ его время могло быть и не записано въ византийскихъ хроникахъ³⁾.

1) Вставляемъ эти слова, чтобы рѣзче отбѣить, что текстъ нисколько не уполномочиваетъ насъ предполагать, будто М. Х. свѣдѣніе о мученической смерти еп. Петра заимствовалъ изъ Фирмилиана: фактъ этотъ армянскому историку могъ быть извѣстенъ изъ другихъ источниковъ, и не только изъ Церковной Исторіи Евсевія [II, 6], какъ предполагаетъ Гутшмицъ, но изъ самого *Мученичества Петра Александрийскаго*, дошедшаго до насъ въ переводѣ разцвѣта (V в.) армянской литературы (Зарб., Cat. des trad. arm., p. 57), видимо отличномъ отъ перевода въ Վերջապահայեց, II, pp. 218—227.

2) Биографическія свѣдѣнія о Фирмилианѣ, по мнѣнію Гутшмида (op. c., p. 19. Euseb. H. E. VI, 27, 1), взяты изъ Евсевія; но для насъ важна послѣдняя часть приведенной главы, гдѣ совершенно ясно говорится, что сама исторія Фирмилиана дошла лишь до Тирдата, включая, видимо, въ экземплярѣ М. Хоревскаго кой-какія позднѣйшія приписки, и свѣдѣовательно, излившія подозрѣнія Гутшмида (ib.), основанныя на плохомъ пониманіи текста, лишаются почвы. Впрочемъ и тутъ Г-дъ пользуется Petermann'омъ, op. c., p. 103, гдѣ изложено и отрицательное мнѣніе по этому вопросу Routh'a (Scriptorum eccles. aerae quaedam graec. Oxon. 1840, t. I, p. 228 и сл.), подхваченное Г-домъ и развитое самостоятельно.

3) Въ цитатахъ изъ армянскихъ писателей у проф. A. Carrière'a надо исправить два перевода: а) «Tout à fait étrange et hors de la vérité nous parait l'opinion de ceux qui disent Ninna fils de Bel ou Bel lui-même; ni la généalogie, ni la chronologie ne justifient cette opinion. Mais sans doute pour se donner quelque célébrité, quelqu'un aura cru convenable de rapprocher ce qui est éloigné» (Général. patriarchales, p. 30—31). Подчеркнутое мѣсто въ этой цитатѣ изъ Исторіи М. Хоревскаго (I, 5), также не-

Последняя статья проф. Саггьега в только что полученном апрельском (по нов. стилю) номере Журнала Вѣнскихъ Мехитаристовъ указываетъ также на позднѣйшій греческій источникъ Хоренскаго. Дѣло касается одного примѣчанія въ родословныхъ таблицахъ (I, 19) къ имени Иисуса Навина, отъ котораго будто произошли хананеи, живущіе въ Африкѣ, какъ свидѣлствуютъ де объ этомъ надписи на камняхъ въ Африкѣ. Еще Саллюстій рассказываетъ о происхожденіи мавровъ отъ персовъ, мидійцевъ и армянъ (De bello Jug. XVIII), но лишь Прокопій обрабатываетъ восточное происхожденіе мавровъ въ такой редакціи, къ которой весьма близко примѣчаніе въ текстѣ Хоренскаго. Прокопій также говоритъ (De bello Vand. II, 10), что это хананейскіе выходцы, и что объ этомъ свидѣлствуетъ финикійская надпись, приводя тѣ же слова, какія у Хоренскаго. Оказываются однако различія, не позволяющія Прокопію считать прямымъ источникомъ обсуждаемаго примѣчанія. Оно ближе къ редакціи въ исторіи Іоанна Асійскаго (Cramer, Anecdota graeca, II, 389) и къ болѣе полному изложенію въ словарѣ Свида (подъ словомъ Χαναάν, изд. Bernhardy, II, 2, col. 1593 и слѣд.). Греческій текстъ при такомъ сличеніи исправляетъ даже опіску¹⁾ въ армянскомъ текстѣ Արամъ въ "Αφρων. Есть однако и разница. Но признать Свида, писателя

вѣрно переводимое большинствомъ толкователей, съ большимъ пониманіемъ передается перыными переводчиками (Whistonii, M. Chor., 1736, p. 14, за ними и Carpelletti, M. Copenense, p. 13), точный же переводъ армянскаго текста таковъ: «но, быть можетъ, кто либо счелъ подобающимъ сдѣлать дальнее (по времени лицо) близкимъ т. е. сблизить Бала съ Ниномъ, такъ какъ они (оба) замѣчательны и славы». Въ этомъ именно смыслѣ самъ М. Хоренскій (I, 31) называетъ Айка, Арама и Тирана, опуская имена посредствующихъ членовъ линіи, «такъ какъ по моему» — говоритъ историкъ — (прямые) потомки доблестныхъ суть доблестные, а промежуточныхъ пусть называютъ, какъ кому угодно; h) Le même Vardan, dans son Histoire, va encore plus loin et range hardiment les Arméniens parmi les descendants d'Abraham, «le glorieux père de notre nation selon la chair et selon l'esprit. Nous pouvons donc constater que le développement de l'idée de Moïse de Khoren sur l'origine des Parthes — le petit roman de Vardan n'est pas autre chose —, aboutit à faire regarder les Arméniens, comme des Sémites etc. (Nouvelles sources, 93, p. 51). Это разсужденіе и дальнѣйшій еще упрекъ Вардану въ противорѣчій основанъ на невѣрно (какъ и въ перев. Н. Эмина, стр. 37) понятой фразѣ Вардана: (Հարժ Բարժարժ) յի՛ն Երրհաճեղէ արժի յերչ ըստ Բարժարժ և ըստ Հարժ Հարժ արժարժ, переданной во французскомъ переводѣ подчеркнутыми словами, на дѣлѣ же означающей слѣдующее: «Многодѣтныи патріархъ) великій Авраамъ для нашего (армянскаго) народа явился отцомъ гордости мірской и духовной», такъ какъ, по мнѣнію историка, отъ Авраама веда начало не только духовная гордость армянской націи — христіанская вѣра, но и мірская — двѣ армянскія династіи: Аршакидская и Багратидская.

1) Она впрочемъ давно исправлена въ «Afras» на основаніи Прокопія Florival'емъ, Dictionnaire hist. etc. pour servir d'annotations à l'hist. d'Arménie, p. 6.

Х вѣка, источникомъ указаннаго примѣчанія въ Исторіи Хоренскаго А. Саггіеге не можетъ въ виду нѣкоторыхъ соображеній. Очевидно, А. С-ге думаетъ, что Исторія М. Хоренскаго должна раздѣлять участь курьознаго примѣчанія. Потому французскій ученый предпочитаетъ видѣть источникъ примѣчанія въ какомъ либо болѣе древнемъ, чѣмъ Свида, но болѣе позднемъ, чѣмъ Прокопій, греческомъ писателѣ. Такимъ можетъ быть, по мнѣнію А. С-ге'а, утерянный фрагментъ въ Хроникѣ Малалы, и догадку эту по возможности онъ обосновываетъ.

Главный пунктъ въ изложенномъ разсужденіи оказывается разработаннымъ еще у Movers'a, Die Phönizier, II, 2, p. 428 и 433, о чемъ узналъ А. С-ге по окончаніи своей замѣтки, но нѣмецкій ученый объясняетъ дѣло интерполяціею въ текстѣ М. Хоренскаго. Съ своей стороны проф. Саггіеге не упоминаетъ о томъ, что еще Гутшмидъ (ор. с., p. 15), указывая на существованіе одной и той же цитаты въ одинаковыхъ выраженіяхъ изъ Геродота у Хоренскаго (II, 2) и у Прокопія (Goth. IV, 6, p. 484, Dind.), предполагалъ у нихъ какой либо общій источникъ и съ тѣмъ болѣе вѣроятіемъ, что какъ Хоренскій, такъ и Прокопій пользовались Исторіею Арменіи Фауста, дошедшей до насъ, какъ увидимъ сейчасъ, въ дефектномъ видѣ.

Оспаривать однако чужое мнѣніе по пунктамъ если и можетъ представить нѣкоторый интересъ, то лишь минутный, какъ злоба дня, при томъ сопряженный съ опасностью увлечься наступательнымъ движеніемъ и не въ сторону искомой правды. Да у насъ есть и болѣе положительное основаніе для того, чтобы избѣгнуть подобнаго пути изысканій, такъ какъ во всѣхъ или почти во всѣхъ констатируемыхъ фактахъ мы можемъ согласиться съ французскимъ ученымъ. Желательно лишь напомнить, что существуютъ еще факты иного характера, которые также заслуживаютъ вниманія. Но, самое главное, точка зрѣнія, съ которой разсматривается обыкновенно Исторія М. Хоренскаго, не можетъ способствовать выясненію истины. Даже въ лучшихъ случаяхъ, когда и рѣчи не можетъ быть объ ограниченности кругозора критика, къ памятнику пятаго вѣка приступаютъ не заинтересованнымъ изслѣдователемъ, а съ записной книжкой готовящаго историческій трудъ спеціалиста, и, значительно обманувшись въ Хоренскомъ, повидимому, вымещаютъ на немъ свою неудачу. Поучительно, что Гутшмидъ, послѣ того, какъ онъ провозглашаетъ Хоренскаго напрямикъ лжецомъ, какъ будто спохватившись, свою критику заканчиваетъ такимъ признаніемъ: «Мы вѣримъ дѣйствительно, что, минуя христіанскую окраску

сказаний (Sagen) и нагромождение въ одномъ мѣстѣ разношерстныхъ источниковъ безъ критики, неоднократное увѣреніе Моисея Хоренскаго, что онъ ничего не измышлялъ, въ отношеніи повѣствуемаго матеріала (Erzählungsstoff) основано на правдѣ.

Впрочемъ, историкъ еще можетъ успокоиться на томъ, что данное сочиненіе есть измышленіе и апокрифъ, но для насъ Исторія Моисея Хоренскаго раньше всего есть литературный памятникъ. Если то или другое сообщеніе грѣшитъ противъ исторической правды, то это еще не доказываетъ, что оно исходитъ непременно отъ перваго извѣстнаго намъ лѣтописца, дѣлающаго подобное сообщеніе: «die Chronisten konnten sich schliesslich die Sagen und Legenden nicht aus den Fingern saugen, замѣчаетъ справедливо по этому поводу авторъ монографіи *Aus Orientalischen Chroniken* (94, p. 218). И еще съ ббльшею справедливостію примѣнимо это замѣчаніе къ нашему писателю, который по характеру своему является историкомъ-компиляторомъ. Мы теперь уже не вѣримъ тѣмъ ученымъ, которые убѣждали насъ, что Хоренскій есть отецъ армянской исторіи, правдиво возсоздавшій дѣла минувшихъ дней; но плохо вѣримъ и тѣмъ, которые въ Хоренскомъ видятъ творца всѣхъ истинныхъ или мнимыхъ вымысловъ. Въ обогащеніи вымысла, какъ и въ умноженіи правды, въ литературныхъ произведеніяхъ наблюдается извѣстная преемственность и постепенность: наблюденія изслѣдователей надъ творчествомъ въ другихъ литературахъ остаются въ силѣ и въ отношеніи армянской. Надо прослѣдить напр. какъ туго дается цѣлымъ поколѣніямъ армянскихъ правоучителей внести новаго въ кругъ рассказываемыхъ имъ басенъ; все ихъ творчество въ лучшемъ случаѣ ограничивается лишь новыми подробностями. Исторія же Арменіи есть весьма сложное, при всей доказанной апокрифичности части свѣдѣній, весьма искусное, для своего времени мастерски составленное произведеніе. Такіе литературные памятники въ одинъ моментъ, по волѣ одного лица, не появляются на свѣтъ, и тайной ихъ возникновенія трудно овладѣть съ налета: она можетъ быть раскрыта лишь путемъ долгой и сложной работы.

Главнымъ источникомъ для первой и начала второй книги Хоренскаго служить Исторія, составленная какимъ-то мудрымъ сирійцемъ: когда было доказано, что свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этого источника, легендарны и невѣрны, казалось, что обличили самого Хоренскаго во лжи, и не только его историческій матеріалъ сочли за плодъ измышленія, но и источникъ, Исторію неизвѣстнаго сирійца, признали выду-

маннымъ, апокрифичнымъ, и самого Хоренскаго авторомъ этого апокрифа, болѣе того прямо «лжецомъ». Такой отрицательный, строгій судъ надъ историкомъ можно объяснить реакціею противъ чрезчуръ излишняго увлеченія достоинствами историческихъ данныхъ Хоренскаго ¹⁾, и въ судьяхъ сказала, понятно, доля увлеченія. Правда, работы новѣйшей критики не оставались безъ отвѣта со стороны армянскихъ ученыхъ и раньше и больше всего со стороны ученаго братства, трудамъ котораго наиболѣе обязано своими успѣхами арменовѣдѣніе въ Европѣ. Въ обширныхъ и краткихъ отвѣтныхъ статьяхъ венеціанскихъ Мехитаристовъ всѣ выводы Гутшмида опровергались. Нельзя не признать, что полемическія статьи Мехитаристовъ по вопросу пересыпаны многими остроумными замѣчаниями, полны массы мелкихъ, но цѣнныхъ свѣдѣній, основанныхъ на рукописныхъ источникахъ, а также на той обширной начитанности въ армянской литературѣ, которая понятна и даже возможна лишь въ столь богатомъ коллекціями рукописей и печатныхъ армянскихъ книгъ центрѣ, какъ монастырь Мехитаристовъ. Но въ этихъ статьяхъ, интересныхъ и поучительныхъ въ отношеніи матеріала, мы напрасно искали бы разрѣшенія нашихъ

1) Изъ работъ этого направленія справедливость требуетъ назвать обстоятельную монографію S. Martin'a, Fragments d'une histoire des arzacides, Paris 1815, касающуюся II и III книгъ М. Хоренскаго, такъ какъ въ ней приготовлена значительная часть матеріаловъ, по странной судьбѣ послужившихъ иѣмецкому ученому для обоснованія отрицательной критики. Другую часть фактическихъ данныхъ Г-дъ нашелъ выясненной у Petermann'a въ статьѣ Ueber die schriftl. Quellen des Moses Chorenensis (Bericht über die zur Bekanntm. geeign. Verhandl. der königl. Pr. Akad. der Wiss., Berlin 1852, pp. 87—104), выдержки изъ которой составляютъ также матеріальную подкладку мнѣнія о М. X-скомъ пок. К. П. Патканова (Вавскія надписи и пр., Ж. М. Н. Пр., 1875, янв.). Вообще Гутшмиду и всѣмъ отрицающимъ критикамъ принадлежитъ заслуга новаго освѣщенія тѣхъ матеріаловъ, которые готовыми давались имъ въ руки въ обстоятельныхъ изслѣдованіяхъ предшественниковъ. Даже такія мелочи, какъ исправленіе именъ, берутся цѣликомъ съ доводами у предшественниковъ; поэтому когда Г-дъ пишетъ (op. c., p. 29), что «Skamandros denn so ist für uns kamadros [*καμαδρος*] herzustellen» и т. д., и когда, полагаясь на эти строки, Г. А. Халатянъ замѣчаетъ (Zur Erklärung der Arm. Gesch. des M. von Chorene, Wiener Zeitsch., VII, p. 24): «die Handschrift von Lambron schreibt hier: *καμαδρος* (p. 68),—was der verstorbene v. Gutschmidt *scharfsinnig* benutzte, um den vollen Namen eines griechischen Schriftstellers (*Σκῆμανδρος*) herzustellen, то не мѣшаетъ вспомнить, что Гутшмидъ на дѣлѣ *остроумно* воспользовался лишь слѣдующей строккой Petermann'a (op. c., pp. 100—101): «Kamadros (ein anderer Cod. hat Kamardos, der Leipziger vielleicht richtiger Skamadros für Skamandros)». Но и въ новомъ освѣщеніи собственно новаго, самостоятельнаго было то, что въ статьѣ Г-да были сгруппированы и обобщены мнѣнія различныхъ ученыхъ, мимоходомъ, но авторитетно высказывавшихъ свой строгій судъ надъ касавшимися ихъ специальности данными М. Хоренскаго.

вопросовъ. Въ одной краткой, нелишенной впрочемъ справедливыхъ упрековъ по адресу отрицающихъ критиковъ, статьѣ исходнымъ пунктомъ служить такое разсужденіе:

«Если бы обвинитель нашего историка—рѣчь о Гутшмидѣ—осудилъ трудъ Хоренскаго въ качествѣ источника для всеобщей исторіи, онъ былъ бы правъ, и мы согласились бы съ нимъ во многихъ вещахъ, но онъ слишкомъ расширяетъ предѣлы своей компетенціи, пытаясь срыть съ основанія зданіе *нашей національной исторіи*, отрицая существованіе Маръ-Абаса... (Հիւսկիւմ, Բ-դԳ. 78, p. 33).

У другого автора болѣе обширной и не менѣе поучительной работы находимъ слѣдующую руководящую мысль:

«По истинѣ, если мы только хотимъ счесть М. Хоренскаго отцомъ армянской исторіи, а не отцомъ всякихъ иными противорѣчій, погрѣшностей и поддѣлокъ, то надо быть убѣжденнымъ въ существованіи до Хоренскаго Марабаса Катины, особенно въ виду двухъ слѣдующихъ доводовъ» (Բ. Մարգարիտի, Բ-դԳ. 83, p. 235).

Тутъ центръ тяжести въ первой послыжкѣ о чести Хоренскаго; а тѣхъ двухъ доводовъ я не привожу, такъ какъ одного изъ нихъ самъ же авторъ не признаетъ позднѣе, въ другой статьѣ въ отвѣтъ на сжатую, но болѣе рѣзкую критику Гутшмида въ *Eusebiusae Britannica*; другой же относится къ категоріи тѣхъ доказательствъ, которыя возникаютъ на почвѣ слѣдующихъ соображеній: «непонятно, какъ въ Начальной Исторіи Арменіи—рѣчь о предметѣ нашей заимѣтки—разсказъ ведется то отъ перваго лица, то въ третьемъ лицѣ. Кто нашелъ надпись? Кто писалъ исторію? Ничего не поймешь. Очевидно, въ этомъ памятникѣ все перемѣшано, и онъ составленъ позднѣе». Ссылатся на то, чего мы не понимаемъ или не знаемъ, присуще впрочемъ и отрицающимъ критикамъ. Но обратимся къ дѣлу. Пока происходилъ споръ за и противъ, предметъ спора оставался не выясненнымъ, и только въ позапрошломъ году впервые была сдѣлана нѣкоторая попытка выдѣлить изъ первой и начала второй книги ту часть, которая Хоренскимъ выдается за заимствованіе изъ Исторіи Сирійца. Понятное дѣло, сколько недоразумѣній должно было произойти и продолжаетъ происходить, когда слова и мнѣнія, принадлежащія непосредственно Хоренскому, оспариваются въ качествѣ сообщеній болѣе древняго историка-сирійца, или когда происходитъ нѣчто обратное.

Интересъ же къ тексту Марабы былъ такъ поверхностенъ, что появленіе въ свѣтъ доступнаго изданія одной *Начальной Исторіи Арменіи*, наиболѣе важнаго документа по нашему вопросу, прошло мало замѣченнымъ. На счетъ этого памятника ученый Вѣнскій Мехи-

таристъ Юсифъ Катрджянъ (*Սրբազան Խորհրդածատոյցք Հայոց*, ч. II, см. Г. А. Халатъянцъ, *Օրհոր Քաղի Վեճնա* 93, р. 1—2, прим.) ограничился мимоходомъ неслестнымъ, но ни на чемъ не основаннымъ, отзывомъ, что памятникъ, выражаясь словами автора, «спитъ изъ различныхъ кусковъ въ VII вѣкѣ» (*Հայ կարկատանք Ջրն է 7—դ դարուն*). Серьезное вниманіе обратилъ на него впервые Гутшмидъ въ извѣстной критикѣ на Хоренскаго, но незнакомство критика съ подлинникомъ, а отчасти, быть можетъ, разъ принятое имъ отрицательное отношеніе къ Хоренскому помѣшали ему выяснить дѣйствительное положеніе вещей. Скажемъ, что Гутшмидъ Начальную Исторію Арменіи признавалъ тождественной съ Исторіею Марабы, на которой основана первая часть Исторіи Хоренскаго, и самого Хоренскаго авторомъ какъ Начальной Исторіи Арменіи, такъ Исторіи Марабы; причемъ, видя въ двухъ памятникахъ разницу лишь въ краткости одной редакціи и распространенности другой, Гутшмидъ полагалъ, что первая была-де набросана Хоренскимъ раньше и вторая позже при составленіи имъ самой Исторіи въ трехъ книгахъ. Мнѣніе Гутшмида все же наиболѣе трезвое во всемъ, что было сказано по вопросу. Но поучительно отмѣтить, что Гутшмидъ въ неблагопріятной части своего отзыва объ Анонимѣ больше опирался на остроумную аргументацію съ однимъ собственнымъ именемъ, чѣмъ на переводный текстъ, предложенное имъ пониманіе котораго едва ли могло удовлетворять его самого. Аргументація же съ однимъ именемъ, дѣйствительно, остроумна: извѣстно, существуетъ исторія обращенія Арменіи въ христіанство Агаангела; Гутшмидъ разобралъ этотъ памятникъ, призналъ его апокрифичнымъ, произведеніемъ не Агаангела, секретаря армянскаго царя Тирдата, а позднѣйшимъ, составленнымъ въ половинѣ пятаго вѣка. Мало того, самое имя онъ счелъ вымышленнымъ, тенденціозно вымышленнымъ, какъ означающее по гречески «благій вѣстникъ», такъ какъ авторъ благовѣщалъ о просвѣщеніи Арменіи евангельскимъ ученіемъ. Между тѣмъ, какъ разъ Анонимъ источникомъ для части своей Исторіи, ничего общаго съ христіанскою благою вѣстью не имѣющей, называетъ Агаангела, писца при Тирдатѣ. Очевидно-де, что Анонимъ воспользовался популярнымъ именемъ Агаангела, извѣстнымъ изъ апокрифа объ обращеніи Арменіи. Все это очень похоже на правду, но остроумная комбинація, возводимая на сопоставленіи однихъ именъ, не ладитъ съ вѣрнымъ пониманіемъ текстовъ.

Памятникъ Начальная Исторія Арменіи дошелъ до насъ, безъ заглавія и безъ имени автора, въ рукописяхъ вмѣстѣ съ Исторіею Себѳоса (VII в.) о походахъ Иракла. Нѣкоторыми' убѣдительными доводами Баумгартнеръ, авторъ изслѣдованія о трудѣ Хоренскаго «Книга о хрїяхъ», доказываетъ (ZDMG, XL, 466, п. 1), что во время историка Іоанна католикоса, слѣдовательно въ IX-мъ вѣкѣ, въ рукописи Себѳоса еще не было Начальной Исторіи Анонима. Что трудъ Анонима не имѣетъ никакой связи съ Исторіею Себѳоса, это давно извѣстно. Но пониманіе текста, повидимому, не давалось, и потому на основаніи одного и того же текста одни называли авторомъ исторіи Марабу, другіе Агаангела; мимоходомъ же высказанное мнѣніе проф. Гюбшманна (Zur Geschichte Armeniens und der ersten Kriege der Araber, p. 4), цитуемое и Гутшмидомъ (p. 34 — 35), очевидно, къ свѣдѣнію, именно что не только безымянный авторъ Начальной Исторіи не одно лицо съ Себѳосомъ, но что онъ писатель изъ первой трети пятаго столѣтія, не нашло серьезнаго отклика въ литературѣ предмета. К. П. Паткановъ, высказавшись еще въ 1862 г. (Перев., р. X) по существу вѣрно, что Исторія Анонима «заключаетъ надпись и другія историческія преданія, о которыхъ зналъ М. X-скій и которыя онъ не принялъ въ свою Исторію», и проронивши два три столь же вѣрныхъ замѣчанія въ «Ванск. Надп. и пр.», въ общемъ увлеченіи отрицательной критикой упустилъ случай настоять на значеніи разбираемаго памятника.

Послѣ Хоренскаго знакомство съ Исторіею Анонима обыкновенно находятъ лишь у позднѣйшаго (XIII в.) писателя Вардана (Всеобщ. Ист., Вен. изд., р. 31, ср. К. Паткановъ, Себѳосъ, изд., р. 1 и перев., стр. 172). Но вопросъ этотъ еще не изслѣдованъ. По крайней мѣрѣ Өома Арцруни (IX в.) также обнаруживаетъ знакомство съ нашимъ памятникомъ, заимствуя изъ него между прочимъ характерную реплику hАйка Багу передъ борьбой съ нимъ (изд. Патк., р. 23). А если допустить достовѣрность одного свидѣтельства, приводимаго впрочемъ въ слишкомъ общихъ чертахъ о Джитояномъ (*Ժ Կաթողիկոս* (?) *Ժ Զառնակի*, *Բաղճնակ* 1878, р. 40, 3), то одинъ отрывокъ (о Масякѣ) слыветъ даже за строки Лазаря Парпскаго, въ такомъ случаѣ пользовавшагося также Анонимомъ.

Текстъ Исторіи Анонима дошелъ до насъ въ спискахъ одной и той же рукописи не хорошей сохранности. Три изданія, второе собственно перепечатка перваго (Конст. 1851), слитительно съ Хорен-

скимъ (*Բարգևազ*, 78, р. 34 и сл.), и существующіе два перевода, одинъ французскій (Langlois, Collect., I, pp. 145—200), другой русскій (К. П. Паткановъ, Ист. Себаоса, Спб. 62, стр. 1—12, его же 3-е изд. 79), въ самыхъ интересныхъ пунктахъ оставляютъ насъ безпомощными. Текстъ не только искаженъ мѣстами, но и дефектенъ, однако и съ существующимъ текстомъ можно прійти къ нѣкоторымъ результатамъ въ смыслѣ исправленія отдѣльныхъ искаженій и пополненія на основаніи контекста дефектныхъ мѣстъ.

Для примѣра достаточно будетъ указать на одинъ самъ по себѣ интересный случай. Предупредивъ читателя, что вотъ онъ приступаетъ къ исторіи Аршакидовъ, Анонимъ начинаетъ такъ:

XXXVII. «Говорить ¹⁾, что Масахъ, рабыни Авраама, спасаясь отъ Исаака пустилась въ путь и пришла поселиться у подошвы двухъ горъ, которыя смотрятъ со стороны обширной равнины Араи на вершину Арагаца и на гору Гегъ.

XXXVIII. «И она называетъ по своему имени тѣ горы, которыя зовутъ (еще) Азатъ горою ²⁾».

XXXIX. «И родятся у нея три сына: (во первыхъ), Парохъ, онъ же Елеазаръ; мѣстожительство его называютъ Парохъ, а равнина Параканъ есть мѣсто охоты и ристалище этого рода (*Կողմ*), смѣшавшагося съ родомъ Араменака.

Возстаніе Параянъ, случившееся въ это время.

XI. «И послѣ смерти Александра, цари Македонскаго, паряне служили македонянамъ шестьдесятъ одинъ годъ».

Далѣе, авторъ излагаетъ, какимъ образомъ паряне достигли господства, какъ изъ нихъ вышла Аршакидская династія. Но какое имѣетъ отношеніе къ исторіи Аршакидовъ бѣгство рабыни Авраама? Изъ текста сразу не ясно; но нашъ же текстъ даетъ ключъ къ рѣшенію загадки. Обратимъ вниманіе, что послѣ фразы «и родятся у нея три сына: во первыхъ, Парохъ и т. д.», мы остаемся въ неизвѣстности о двухъ другихъ сыновьяхъ, рассказъ обрывается, и сразу выступаютъ паряне. Потомки одного сына—Пароха, по словамъ историка, смѣшались съ родомъ Араменака; приходится предполагать, что въ этомъ явно дефектномъ мѣстѣ въ дальнѣйшемъ говорилось о двухъ другихъ сыновьяхъ и сообщалось о нихъ нѣчто такое, что сближало ихъ или одного изъ нихъ съ парянами, съ Аршакидами. Словомъ, чтобы объяснить себѣ появленіе эпизода о рабынѣ Авраама въ началѣ

1) Бытіе 15, 2 и 26, 6. Въ текстѣ стоитъ библейское имя Масахъ, съ плавнымъ р передъ шиплящимъ: Марсяхъ; явленіе это обычное въ армян. фонетикѣ.

2) Очевидно, что двѣ горы, у подошвы которыхъ поселилась Масахъ и которыя будто она назвала своимъ именемъ, есть два Арарата, извѣстные у армянъ подъ именемъ *Масисъ* (Θομα Арц., I, 8, р. 62; Broiset, Hist. par Mkhith., p. 36) или *Масисъ*; этотъ же Масисъ армяне зовутъ еще Азатъ-горою.

истории Аршакидовъ, надо допустить, что Аршакиды, по странному мнѣнію историка, находились въ родствѣ съ нею. И дѣйствительно, это странное мнѣніе существовало у армянскихъ историковъ. Моисей Хоренскій знаетъ эту легендарную традицію и излагаетъ ее: подробности у Хоренскаго инья, вмѣсто рабыни Масыкъ является наложница Кетура, но ядро сказанія было, очевидно, одно и то же: Аршакидамъ давалось происхожденіе отъ Авраама. Въ вопросѣ объ этой легендѣ нельзя не считаться съ обсуждаемымъ мѣстомъ Анонима. Саггіеге одну изъ своихъ замѣтокъ посвящаетъ происхожденію Аршакидовъ такъ, какъ передаетъ Хоренскій; Хоренскій неоднократно увѣряетъ, что онъ въ своей Исторіи повторяетъ другихъ; критикъ на это говоритъ, что ничего подобнаго легендарной традиціи о происхожденіи Аршакидовъ отъ Авраама намъ неизвѣстно до Хоренскаго. Но, во первыхъ, какъ только что видѣли, Анонимъ, по всей вѣроятности, зналъ эту традицію, а этотъ писатель древнѣе Хоренскаго; во вторыхъ, плохая надежда доискаться правды, когда, критикуя памятникъ пятого вѣка, мы принимаемъ за дѣло съ тѣмъ убѣжденіемъ¹⁾, что историко-литературный матеріалъ пятого вѣка въ Арменіи намъ извѣстенъ досконально и притомъ лучше, чѣмъ писателю пятого вѣка. Исходя изъ такого убѣжденія, С-ге признаетъ Хоренскаго творцомъ этой легендарной традиціи; мало того, въ данномъ случаѣ Хоренскій оказывается не простымъ творцомъ, а тенденціознымъ; дѣло въ томъ, что тотъ же Хоренскій производитъ отъ Авраама Багратидовъ, къ прославленію-де которыхъ предназначалась его Исторія Арменіи; но между тѣмъ какъ праматерью Багратидовъ Хоренскій называетъ благочестивую законную Саару, Аршакидовъ ведетъ отъ *наложницы* Кетуры. Не допуская, чтобы въ отношеніи Аршакидовъ Хоренскій могъ считаться съ существовавшей до него въ литературѣ традиціей, производившей Аршакидовъ отъ простой рабыни, С-ге спѣшитъ

1) Признаться, насъ ставитъ въ недоумѣніе категоричность, съ какой констатируется проф. С-ге'омъ тотъ или другой фактъ, разъ послѣдній можетъ послужить дѣлу обличенія М. Х-скаго. Такъ въ данномъ вопросѣ по поводу фразы арм. историка (II, 1) «отъ тебя прозойдутъ царкъ народовъ» у С-г'а (р. 52) читаемъ: «la citation biblique faite par Moïse est inexacte. Nulle part on ne trouve dans l'Ancien Testament le passage: *Des rois des nations sortiront de toi*. Положимъ, общепринятое чтеніе Быт. 17, 6 не содержитъ слова «народовъ», но развѣ проф. С-ге изслѣдовалъ состояніе армянскаго текста свѣд. писанія въ V вѣкѣ? Намъ кажется, что нѣтъ; въ противномъ случаѣ онъ обмолвился бы какимъ либо замѣчаніемъ и относительно того, что такое чтеніе нѣтъ, по увѣренію Florival'я, op. c., p. 3, хотя «dans le seul exempl. grec complutèse Gen. XVII, 6».

ставить вопросъ, когда могла въ Арменіи возникнуть такая унижительная для Аршакидовъ и благопріятная Багратидамъ традиція. Ясно-де, тогда, когда Аршакиды являлись преданіемъ старины глубокой, и, напротивъ, когда у Багратидовъ начались сказываться династическія стремленія; С-ге однако не рѣшается назвать само столѣтіе; но его искусная аргументація направляетъ выборъ на VII, VIII, быть можетъ и IX вѣкъ. Но повторяемъ, указанное мѣсто Анонима дѣлаетъ праздною всякую, даже остроумную, аргументацію въ пользу позднѣйшаго происхожденія курьезной традиціи, если, конечно, не будетъ дано другое, болѣе удовлетворительное, чѣмъ выставленное нами толкованіе того мѣста. Но наибольшій интересъ въ Анонимѣ связанъ съ Введеніемъ, оно же и самое трудное для пониманія. Надо имѣть отчетливое представленіе о содержаніи памятника, чтобы понять писателя во вступительной части.

Памятникъ распадается на двѣ половины: въ первой, съ VI-го по XXXVI-й стихъ¹⁾, рассказъ ведется отъ столпотворенія до появленія Аршакидовъ: непосредственно за смѣшеніемъ языковъ излагается генеалогія армянскихъ патріарховъ, «доблестныхъ мужей» отъ hАйка до Арменака (VII — IX); затѣмъ въ двѣнадцать стихахъ (XI — XXII) описывается съ сказочными приѣмами борьба «доблестнаго мужа hАйка съ страшнымъ царемъ Бэлomъ»; для Введенія важно отмѣтить, что *доблестный мужъ* есть hАйкъ, а *страшный царь*—Бэлъ. Въ слѣдующихъ стихахъ (XXIII — XXVII) изложено, какъ побѣдитель hАйкъ съ домочадцами заселяетъ Арменію, и какіе потомки наслѣдовали ему вплоть до Арая Прекраснаго. Романъ Семирамиды съ Араемъ Прекраснымъ занимаетъ пять стиховъ (XXVIII — XXXII), за которыми опять родословныя данныя, между ними интересное о Багратидахъ, (XXXIII — XXXIV) и въ послѣднемъ, тридцать пятомъ стихѣ, сообщается о попеременномъ подчиненіи армянъ вавилонянамъ, мидійцамъ и Александру Великому и Македонской династіи до возвышенія Аршакидовъ. Въ общемъ первая половина есть генеалогическая таблица армянскихъ патріарховъ, начиная съ родоначальника hАйка, въ которую внесены два эпизода, изложенныя въ сказочныхъ чертахъ—1. Борьба *доблестнаго мужа* hАйка съ *страшнымъ царемъ* Бэлomъ и 2. Романъ Семирамиды и Арая. Даже послѣдовательное господство ассирянъ, вавилонянъ, мидійцевъ и Македонской

1) Въ существующихъ изданіяхъ стихи, къ сожалѣнію, не снабжены нумераціею.

династiи сообщается вскользь, и то въ концѣ, какъ преддверiе ко второй половинѣ, которая собственно и съ точки зрѣнiя Анонима содержитъ исторiю. Изъ этого вступленiя ко второй половинѣ особенно любопытно отмѣтить тридцать шестой стихъ, который гласитъ такъ:

И (весь мiръ) служилъ македонянамъ до возстанiя парейнъ противъ нихъ и до возникновенiя Аршакидскаго царства, и именю объ этомъ Аршакидскомъ царствѣ повѣствуетъ *тотъ лѣтописецъ* (*ἑὸς ἱστοριογράφου*) такъ, какъ предложить передъ тобою.

Какой это «тотъ лѣтописецъ»? Покойный Паткановъ замѣчаетъ, что «неизвѣстно, о какомъ лѣтописцѣ говоритъ авторъ или надпись», (перев., стр. 173, 17). Но переводъ Введенiя, какъ увидимъ, разъяснетъ эту неизвѣстность. Вторая половина (XXXVII — LI) посвящена Аршакидамъ, ихъ происхожденiю и времени ихъ появленiя. Эта историческая часть не обходится безъ хронологiи: въ ней сообщаются годы царствованiя Селевка Никатора, Антиоха Сотера и Антиоха Теоса, которымъ до Аршакидовъ служили парейане, а съ ними, предполагается, армяне и другiе народы, и годы воцаренiя Аршака Старшаго и Аршака Младшаго; вмѣстѣ съ хронологическими данными въ этой же части излагается исторiя ихъ царствованiя, такимъ образомъ въ ней имѣемъ «годы, т. е. хронологiю и исторiю, пяти царей», съ точки зрѣнiя автора—царей парейнъ и армянъ. Для уразумѣнiя вступительной части чрезвычайно важно было выяснитъ, что во второй половинѣ памятника имѣемъ исторiю съ хронологiею царствованiя пяти царей парейнъ и армянъ. Въ стихѣ же (LII) о четырехъ парейанскихъ преемникахъ перваго Аршакида появляется опять Анонимъ.

Въ концѣ приложены два списка парейанскихъ и армянскихъ Аршакидовъ, доведенные до конца четвертаго вѣка, съ указанiемъ годовъ каждаго. Но обратимся къ Введенiю. Послѣ, повидимому, какого-то пропуска Введенiе, начинающееся темной фразой, гласитъ въ дословномъ переводѣ слѣдующее:

I. «Описанiе того времени¹⁾ не явилось въ силу сознательной потребности свѣдущаго наслѣдователя, и я, предприимчивая написать сказанiя о древнихъ герояхъ, расскажу кой-какiя сказки, туда же, т. е. нѣ то описанiе, вписывая, в

1) *ἑὸς ἱστοριογράφου* по К. П. Патканову читаетъ *ἑὸς ἱστοριογράφου* (Исторiя Имперiи Иракли, соч. еп. Себеоса, Спб. 1862, р. 1), а Vetter исправляетъ въ *ἑὸς ἱστοριογράφου* *ἑὸς ἱστοριογράφου* (Ung. Zeits., р. 3, 1), но ни та, ни другая конiектура не возможна, первая съ синтаксической стороны, вторая въ виду большого произвола въ исправленiи. Вѣроятно же, что въ искаженномъ выраженiи имѣемъ два слова *ἑὸς ἱστοριογράφου*, съ существовавшимъ правописанiемъ безъ *ο*, и предложенное К. П. Паткановымъ *ἑὸς ἱστοριογράφου*, съ довольно частой въ рукописяхъ опуской *ο* см. —; въ нашемъ же памятникѣ стоитъ *ἑὸς ἱστοριογράφου* см. *ἑὸς ἱστοριογράφου* (изд. Пати., р. 9).

повѣдаю о послѣдующихъ событіяхъ и изложу вкратцѣ постигающія (насъ) въ настоящее время бѣдствія.

II. «Годы и дни пяти царей я расскажу, глядя въ ту Исторію (т. е. Низибійскаго философа Марабы, которую онъ нашелъ изсѣченной на камиѣ въ Низибѣ, во дворцѣ царя Санатрука, у дверей царскихъ хоромъ, нѣ развалинахъ царской резиденціи).

III. «Въ поискахъ за колоннами дворца для двора персидскаго царя, разбрали развалины и нашли надпись «годы и дни пяти царей армянъ и парянъ», начертанную на камиѣ греческими буквами, которую я досталъ въ Месопотаміи отъ учениковъ его, т. е. Марабы, и рѣшилъ пересказать намъ.

IV. «Ибо нѣ заглавіи надписи стояло такъ:

«Я, писецъ Агаэангелъ, собственноруче написалъ на семъ камиѣ

«годы первыхъ царей армянъ»,

по приказанію доблестнаго Тирдата, на сиеваніи царскаго архіепа».

V. «Копію самой надписи найдешь нѣсколько ниже нѣ своемъ мѣстѣ.

«Но раньше (чѣмъ перейти къ надписи) я начну рассказывать сказаніе о страшномъ царѣ и доблестномъ мужѣ, раньше я изложу повѣсти о предкахъ (патріархахъ), о томъ, откуда началось устройство и населеніе земля, и въ эти повѣсти о предкахъ внесу я, какъ бы приню къ нимъ, сказанія объ исполнахъ и сказки» и т. д.

Изъ этого приведеннаго отрывка ясно, что нашъ памятникъ цѣликомъ не принадлежитъ ни Марабѣ, ни Агаэангелу, ни тому Анониму, который говоритъ въ первомъ лицѣ. Припоминая содержаніе памятника, какъ нами было предварительно изложено, мы шагъ за шагомъ можемъ слѣдить за наиболѣе интересными пунктами Введенія, и составляемъ слѣдующую исторію возникновенія нашего памятника, какъ изображаетъ ее самъ Анонимъ: сначала по приказанію какого-то доблестнаго Тирдата Агаэангелъ пишетъ на камиѣ исторію царей; эту исторію царей, на греческомъ языкѣ, находятъ при разборѣ дворца Санатрука, и она попадаетъ въ руки Низибійскаго философа Марабы: философъ Мараба находитъ исторію не потому, что онъ искалъ ее, какъ опытный изслѣдователь, а случайно, такъ какъ потребовалась колонна для персидскаго двора, и на надпись попали при разборѣ развалинъ дворца Санатрука; на этотъ моментъ, по моему, и имѣется намекъ въ первой, нѣсколько темной фразѣ памятника, которая гласитъ: «Описаніе того времени не явилось въ силу сознательной потребности свѣдущаго изслѣдователя».

Затѣмъ Анонимъ досталъ ту же цѣнную историческую надпись въ Месопотаміи отъ учениковъ Марабы; надпись содержала «годы и дни, т. е. исторію, пяти царей армянъ и парянъ», а заглавіе ея было «годы первыхъ царей армянъ». Анонимъ рѣшилъ пересказать ее, но не удовольствовался этимъ, а предпослалъ ей еще нѣчто. «Копію самой надписи найдешь нѣсколько ниже», говоритъ Анонимъ, и намъ не

трудно отыскать предполагаемую надпись, содержащую историю пяти царей парянъ и армянъ; намъ извѣстно, что вторая половина памятника посвящена этому предмету; болѣе того, приступая ко второй половинѣ, т. е. къ копіи надписи, Анонимъ, какъ мы видѣли, напоминаетъ еще разъ, что она не принадлежитъ ему; онъ называетъ источникъ, говоря: «Объ Аршакидскомъ царствѣ повѣствуетъ тотъ лѣтописецъ такъ, какъ предлежитъ передъ тобою». «Тотъ лѣтописецъ» есть такимъ образомъ Агаангелъ, авторъ исторической надписи, доставшейся Анониму черезъ Марабу и его учениковъ. Что же мы видимъ? Аршакиды Анонимомъ безъ всякой оговорки провозглашаются первыми царями армянъ, какъ это ясно изъ заглавія надписи Агаангела. Цари изъ Айкаидской династіи, при одномъ имени которыхъ М. Хоренскій приходитъ въ неопредѣлимый восторгъ, нашему Анониму совершенно неизвѣстны; до Аршакидовъ Анонимъ знаетъ армянъ лишь въ подчиненіи у вавилонянъ, мидійцевъ и македонянъ, но не побѣдителями подъ главенствомъ національныхъ вѣнценосцевъ, во время которыхъ Хоренскій, какъ онъ въ умиленіи—полагаемъ—искренномъ выражается, желалъ бы родиться, чтобы лицезрѣть своихъ дорогихъ родныхъ царей.

Анонимъ желаетъ, но затрудняется предпослать что либо историческое возникновенію Аршакидовъ: онъ рассказываетъ о мужахъ, но не царяхъ, изъ рода Айка, даетъ генеалогическую таблицу, въ которой повѣствовательная часть исчерпывается сказаніемъ о борьбѣ Айка съ Баломъ и романомъ Семирамиды съ Араемъ Прекраснымъ. Мы не касаемся другихъ различій въ подробностяхъ между Начальной Исторіею Анонима и родственной ей соотвѣтствующею частью М. Хоренскаго, т. е. той частью, которую, какъ говоритъ М. Хоренскій, онъ заимствуетъ цѣликомъ изъ труда Марабы или, точнѣе, Псевдо-Марабы. Указанная черта сразу выясняетъ отношеніе Исторіи Анонима къ труду Псевдо-Марабы, вошедшему въ Исторію Хоренскаго, не какъ просто краткой редакціи къ подробной, а какъ первоначальной, простой къ позднѣйшей, распространенной. При томъ нѣтъ никакого основанія, никакой возможности допустить, что обѣ редакціи принадлежатъ одному и тому же лицу, если, конечно, не взглянемъ на дѣло съ предвзятою мыслью, что въ авторѣ скрывается мистификаторъ, чтобъ не сказать рѣзче. Вѣдь мы теперь знаемъ, что въ Начальной Исторіи Анонима, представляющей болѣе древнюю редакцію, философъ Мараба является случайнымъ лицомъ, черезъ руки котораго

перешла къ Анониму известная надпись; во всякомъ случаѣ имя Марабы связано лишь со второю половиною Начальной Исторіи. Анонима въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, такъ какъ про первую половину Анонимъ ясно говоритъ, что составитель ея — онъ самъ; между тѣмъ въ пространной Исторіи Псевдо-Марабы, вошедшей въ составъ Хоренскаго, обѣ половины труда Анонима обработаны отъ имени Марабы. Какая же тутъ возможность допустить, что обѣ редакціи принадлежатъ одному и тому же лицу? Чѣмъ могъ руководиться подобный авторъ, негласно уничтожая во второй пространной редакціи себя лично, приписывая свою оригинальную часть другому лицу, и притомъ лицу, которое, судя по первоначальной редакціи, наименѣе имѣло право на авторство Начальной Исторіи?

Но если вообще нельзя признать кого либо единственнымъ авторомъ обѣихъ редакцій; то Хоренскаго еще того менѣе. Хоренскій зналъ не только пространную Исторію Псевдо-Марабы, которую онъ цѣликомъ воспринялъ, но и первоначальную редакцію Анонима. И если Хоренскій не упускаетъ случая, чтобы надѣлать Псевдо-Марабу тѣмъ или другимъ лестнымъ эпитетомъ ученаго и мудреца, то обѣ Анонимѣ онъ совершенно иного мнѣнія. Такъ говоря о происхожденіи рода Багратидовъ отъ евреевъ, плѣненныхъ Навуходоносоромъ, Хоренскій прибавляетъ, что существуетъ еще иное мнѣніе по этому вопросу. Хорошо известно, что это иное мнѣніе находится исключительно въ Начальной Исторіи Анонима; приведемъ же теперь въ дословномъ переводѣ отзывъ Хоренскаго о сторонникахъ этого мнѣнія, т. е. о нашемъ Анонимѣ:

«Нѣкоторые, незаслуживающіе довѣрія, люди утверждаютъ» — пишетъ Хоренскій Сааку Багратиду (I, 22) — «произвольно и далеко не правдиво, что будто вашъ вѣнценалагающій родъ Багратидовъ происходятъ отъ Айка; на это вотъ что я скажу: не одобряй такихъ глупыхъ розсказней, потому что въ томъ, что они говорятъ тебѣ, нѣтъ ни слѣда, ни подобія доказательства, которое указывало бы на вѣрность; (авторъ этого мнѣнія, видимо) лепечетъ какой-то вздоръ и нескладницу о Аикѣ и ему подобныяхъ».

Послѣдняя часть памятника, признанная Гутшмидомъ по недоразумѣнію за самую надпись Агаангела, ни съ Агаангеломъ, ни съ Марабою ничѣмъ не связана, а принадлежитъ Анониму, но въ дошедшемъ до насъ видѣ оказывается сильно пострадавшей отъ позднѣйшаго вліянія Хоренскаго, откуда внесены въ нее помимо хронологіи и отдѣльныя фразы¹⁾.

1) Такъ напр., (р. 10) *Երբ Երբ Գաղաթիւնի, զր Բագրատիդոս Հանապետ շէրհէր*, ср. М. X., II, 1 и 8. «Арташестъ 25 л.», въ вышеупомянутыхъ спискахъ, является

Мы уже говорили, это — два списка царей, повидимому, взаимно согласованных: 23 армянских Аршакида по нимъ царствуютъ столько же, сколько бывшихъ ихъ современниками персидскихъ государей, одиннадцать Аршакидовъ и пять шесть первыхъ Сасанидовъ; излишекъ въ три года въ списокѣ армянскихъ царей объясняется опискою въ пареянскомъ списокѣ, разъ на ту же сумму оказываются уменьшенными противъ М. Хоренскаго годы царствованій 5. Аршавира и 8. Аршака, тогда какъ у искаженнаго Анонима въ этой части, какъ увидимъ, мы должны ожидать излишекъ, а никакъ не недостатку.

Но сличая тотъ же списокъ армянскихъ царей со спискомъ Хоренскаго, открываемъ, что въ совокупности годы царствованій по Анониму на 96 превышаютъ соответственныя хронологическія данныя Хоренскаго (589 — 493 = 96). Разница, слишкомъ бросающаяся въ глаза и необъяснимая описками, какъ это думалъ К. П. Паткановъ (ор. с., стр. 63).

И дѣйствительно, сличая текстъ, точнѣе, имена слѣдовавшихъ другъ за другомъ Аршакидовъ въ армянскомъ списокѣ, мы замѣчаемъ у Анонима на два три лица больше, чѣмъ въ списокѣ Хоренскаго, да отчасти и иной порядокъ. Извѣстно, хронологическія данныя Хоренскаго для пареянскихъ Аршакидовъ хорошо выдержаны, лишь число царей ограничено, такъ что перечисляемые цари занимаютъ иногда въ точности годы двухъ царствованій. Пользуясь ли новыми источниками, или въ силу иныхъ соображеній Хоренскій все же ввелъ впервые еще имена двухъ, вѣроятнѣе, трехъ (К. П., ор. с., стр. 56) Аршакидовъ, которыхъ нѣтъ въ Анонимѣ, но годы царствованій которыхъ оказываются и у Анонима скрытыми въ царствованіи перваго Аршакида. Во всякомъ случаѣ въ списокѣ пареянскихъ царей нѣтъ ни неожиданной вставки, ни какой-либо перестановки или пропуска. Напротивъ, варьируютъ списки армянскихъ царей, такъ какъ послѣдніе впервые приходилось вырабатывать и устанавливать въ зарождавшейся національной литературѣ.

Колебаніе же и разномысліе въ подобномъ вопросѣ у армянъ было возможно еще въ первое время. Съ М. Хоренскаго, сказавшаго съ точки зрѣнія армянской историографіи послѣднее слово по вопросу,

также замѣстоимъ дѣлникомъ изъ Хоренскаго, ссылающагося (II, 10) по этому поводу на иные источники, отличные отъ (Псевдо-) Марабы: одинъ изъ этихъ источниковъ, мы полагаемъ, есть Анонимъ, которымъ М. Хоренскій пользуется съ обычной свободой.

238 Византийская цивилизация... 1894—1927 г.

Равн. про-
тивъ М. Хор.

Списки пароянскихъ и армянскихъ Аршакидовъ

по Анониму

	ПАРЕЯНСКІЕ	АРМЯНСКІЕ	
	1. Аршакъ 180		
40	2. Аршакъ 70	1. (Ваг)аршакъ *42	
1	3. Ашнашъ 82	2. Аршакъ 18	
		II	
		III	
2	4. Аршэнь 22 (Аршэнь)	3. Аршамъ 20	[Арташэсь 25]
	5. Аршавиръ 45+1	4. Авгаръ 38	1. Артаванъ (Артаваздъ) } 12
	6. Арташэсь 34	5. Санатрукъ 30	2. Аршавиръ } 37
	7. Дарейъ 30	6. Арташэсь 41	3. Аршакъ } 21
	8. Аршакъ 17+2	7. Артаваздъ } 24	4. Еровандъ } 52
26	9. Арташиръ 46	8. Тигранъ } 20	5. Арташэсь } 22
30	10. Перозъ 64	9. Вагаршъ 20	6. Тиракъ } 42
	11. Вагаршакъ 50	10. Хосрой 48	
5	12. Артаванъ 36	11. Тирдатъ 56	
	<u>579-129* = 450</u>		<u>186</u> <u>-87</u> <u>223</u>

Сасаниды	
13. Арташиръ 58	
14. Шапуъ I 21	
15. Нерсэсъ 9	
16. Ормаздъ 8	
8	17. Шапуъ II 78
<u>107</u>	<u>159</u>
<u>-70</u>	
37	450 + 159 = 609
	609 - 20** = 589

12. Хосрой 9	
13. Тиракъ 48	
14. Аршакъ 7	
15. Папъ 7	
	<u>408</u>
	<u>+ 70</u>
	<u>478</u>

АРМ. АРШАК.	
М. Х.	Искаж. Ан.
-498	+ 589 = 96
478	- 408 = 70
	Первоп. Ан.
478	- 478 = 0

армянскіе историки занимаются лишь повтореніемъ авторитетнаго учителя. Въ пароянскомъ списокѣ Хоренскій ввелъ одну незначительную подробность, не коснувшись при этомъ по существу хронологіи Анонима, въ армянскомъ же списокѣ помимо разногласія въ именахъ, порядкѣ и числѣ царей, у Хоренскаго оказывается досказаннымъ то, чего нѣтъ, болѣе того—не имѣлось въ виду въ работѣ Анонима. Рассматривая списокъ Анонима изъ двадцати трехъ лицъ, за первыми двумя Аршакидами, родство которыхъ установлено было еще въ источникѣ Хоренскаго (II, 9), мы замѣчаемъ два ряда именъ. Послѣдній (III),

*) Армянскій царь (Ваг)аршакъ по Анониму воцарился въ предпоследній годъ царствованія перваго пароянскаго Аршака, именно въ исходѣ предпоследняго года, если нѣтъ въ цифрахъ описки на единицу, а по М. Хоренскому на 42-мъ году Аршака Великаго.

по М. Хоренскому

ЦАРЬЯНСКІЕ	
1. Аршакъ	31
2. Арташесъ	26)
2 ₂ . N=Phraates***	20)
3. Аршакъ Великій	58
4. Аршаканъ	30
5. Аршанахъ	31
6. Аршэзъ	20
7. Аршавиръ	46
8. Арташесъ	34
9. Дареһъ	30
10. Аршакъ	19
11. Арташесъ	20
12. Перозъ	34
13. Вагаршъ	50
14. Артавазъ	31
<hr/>	
475 — 118 =	357
15. Арташиръ	53
16. Шапуһъ I	21
17. Нерсесъ	9
18. Ормиадъ	3
19. Шапуһъ II	70
<hr/>	
357 + 156 =	513
513 — 20** =	493

АРМЯНСКІЕ

1. Вагаршакъ	22
2. Аршакъ	13
(3. Арташесъ	26)
(4. Тигранъ II	33)
(5. Артаваздъ	—)
6. Аршакъ, сынъ Арташеса	20
7. Авгаръ	38
8. Санатрукъ	30
9. Арташесъ II	41
10. Артаваздъ	2
(11. Тигранъ I	21)
12. Тигранъ III	42
13. Вагаршъ	20
14. Хосрой I	48
15. Тирдатъ	56
16. Хосрой II	9
17. Тигранъ II	16
18. Аршакъ II	30
19. Патъ	7
9. Еровандъ	20
<hr/>	
473 + 20 =	493

наиболѣе значительный, начинающійся съ Едесскаго царя Аршама, отца Авгаря, у обоихъ авторовъ идетъ съ почти вполне выдержанной послѣдовательностью, и объясненіе этого кроется опять-таки въ существованіи установленной традиціи для перечисленныхъ въ рядѣ царей, извѣстныхъ сподвижниковъ или противниковъ христіанства. Но между тѣмъ какъ у Анонима эти два ряда, каждый внутри со строго установленными степенями родства отъ старшаго къ младшему, во взаимныхъ отношеніяхъ ряда къ ряду остаются невыясненными и, слѣдовательно, оставляютъ открытымъ вопросъ, существуетъ ли между ними преемственность, или они являются одновременными, въ трудѣ Хоренскаго такимъ сомнѣніямъ положенъ конецъ. Хоренскаго занимало установить одну царствующую линію всей единой, хотя бы и лишь въ идеализаціи, Арменіи:

«Цари нашей земли, происходившіе отъ Аршама, говоритъ онъ во вступленіи ко второй квартѣ (II, 1), «наслѣдуя сынъ отъ отца власть, получили названіе Аршакидовъ: побочные (*սակրքեալիսնիս*) размножились, образовавъ много родовъ, но единственная линія по очереди наслѣдуетъ царскую власть. При сжатости изложенія я пишу лишь о тѣхъ, которые (въ этомъ смыслѣ) подходятъ намъ, а побочныхъ оставляю».

***) Шапуһъ пережилъ Папа 20 годами.

****) См. К. Патк., Мат. для арм. слов., вып. II, стр. 56.

Съ такой точки зрѣнія вопросъ, открытый еще въ работѣ Анонима, Хоренскій долженъ былъ рѣшить *по возможности* въ смыслѣ установленія одной преемственной отъ члена къ члену линіи, на которой было сосредоточено все вниманіе историка. Хронологическая таблица Анонима у Хоренскаго принимаетъ одновременно видъ и родословнаго дерева въ одну непрерывную нисходящую линію.

Съ другой стороны мы и Анониму, конечно, не можемъ отказать въ желаніи составить списокъ царей Арменіи за опредѣленный періодъ, хотя не всегда была ясна ему или вовсе неизвѣстна родственная связь преемника съ предшественниками. Во всякомъ случаѣ изъ такой главной линіи не могутъ быть удалены ни первыхъ два имени, опредѣляющихъ династическій смыслъ всего списка, ни третій рядъ именъ, послѣдній членъ котораго является лицомъ близкимъ или даже современнымъ составителю. Эти же двѣ группы представляютъ ту устойчивую часть, за которой сознается, какъ было сказано, выработанная раньше литературная традиція.

Выдѣливъ же среднюю группу (II) съ внесеннымъ изъ М. Хоренскаго Арташэсомъ, стоящимъ у Анонима особнякомъ, ни съ кѣмъ не связаннымъ родственными узами, мы тѣмъ самымъ открываемъ факты, оправдывающіе подобный шагъ. Во-первыхъ, число оставшихся армянскихъ царей оказывается тождественнымъ съ числомъ Аршакидовъ и Сасанидовъ, царствовавшихъ по Анониму въ соотвѣтствующій промежутокъ времени въ Персіи. Въ такомъ совпаденіи армянскіе историки видѣли воплощеніе самой истины. М. Хоренскій въ подобномъ именно совпаденіи ряда армянскихъ патріарховъ или царей съ извѣстнымъ рядомъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ или чужеземныхъ царей видѣлъ неоспоримое доказательство правды. Не разъ онъ по выполненіи такой задачи восклицаетъ: «мудрый читатель, любуйся, съ какою убѣдительною точностью совпадаютъ родословныя таблицы, и дивись (I, 5)!» Такимъ же удивительнымъ образомъ былъ, повидимому, составленъ первоначальной редакціею списокъ армянскихъ Аршакидовъ по числу извѣстныхъ Анониму современныхъ имъ персидскихъ государей.

Затѣмъ, въ исторіи Хоренскаго читаемъ про Ерованда, что онъ, происходя по матери отъ Аршакидовъ, захватилъ власть и царствовалъ въ Арменіи двадцать лѣтъ, и какъ бы въ дополненіе этому изъ выдѣленной средней группы (II) въ списокъ Анонима знакомимся съ цѣлымъ родомъ или, точнѣе, родословною Ерованда въ семь поколѣній.

Изъ этой побочной линіи по Анониму еще четырехъ членовъ Артавазда (Артавана), Арташеса, Тирана и Тиграна удерживаетъ Хоренскій, но ихъ уже приводитъ въ прямую родственную связь съ главной линіею, дѣлаетъ ее законными членами, опуская остальныхъ двухъ¹⁾, и такимъ образомъ получается главная линія армянскихъ Аршакидовъ въ девятнадцать членовъ: мѣра давно полна! Армянская линія уравнивается девятнадцатую персидскими государями, пятью Сасанидами и всѣми паряянскими Аршакидами, въ числѣ послѣднихъ двумя или тремя, вновь введенными Хоренскимъ противъ Анонима. Малѣйшее прибавленіе угрожаетъ полнымъ нарушеніемъ излюбленнаго, условнаго приема въ составленіи родословныхъ; и безъ того, чтобы число современныхъ членовъ совпадало, хотя бы приблизительно, въ обоихъ спискахъ, перваго армянскаго царя пришлось изъ сына, какъ онъ значится у Анонима, сдѣлать братомъ паряянскаго царя.

Наконецъ, припомнимъ, что господство армянскихъ Аршакидовъ въ дошедшемъ до насъ видѣ списковъ исчисляется почти на сотню лѣтъ (96) больше, чѣмъ у Хоренскаго. Но когда мы сличаемъ данныя по тому же предмету на основаніи выясняемой нами первоначальной редакціи списка, разница понижается до семидесяти (70), и въ томъ смыслѣ, что въ дошедшемъ до насъ видѣ таблицы сумма годовъ главныхъ армянскихъ Аршакидовъ первоначальной редакціи оказывается меньше противъ Хоренскаго на названную разность. Безъ замѣтнаго сокращенія годовъ царей главной линіи первоначальной редакціи, понятно, нельзя было увеличить ихъ рядъ внесеніемъ семи поколѣній побочной вѣтви съ ихъ хронологіею. Къ счастью, неизвѣстный искажитель не только оставилъ въ неприкосновенности группы и генеалогію древней редакціи, но и хронологическія данныя не рѣшился или не счумѣлъ цѣликомъ подогнать подъ цифры Хоренскаго. Но внесеніемъ въ главную побочной линіи продолжительность господства армянскихъ Аршакидовъ должна была возрасти на сотни лѣтъ; чтобы избѣжать проистекавшее отсюда реальное несоотвѣтствіе во времени между армянскими и персидскими царями, приверженецъ системы Хоренскаго долженъ былъ или столь же неимоверно продолжить господство соотвѣтственныхъ персидскихъ государей или прибѣгнуть къ компромиссу, съ одной стороны увеличивъ время персидскихъ царей, съ дру-

1) Изъ нихъ имя одного—Аршавиръ—находимъ и у М. Хоренскаго въ родѣ Камсаракановъ, также побочной вѣтви Аршакидовъ.

гой уменьшивъ господство армянскихъ Аршакидовъ на одинаковое число лѣтъ.

Изъ чиселъ выясняется, что выбранъ путь компромисса, и такимъ образомъ указанная разница въ 70 лѣтъ должна быть разсматриваема какъ часть полнаго сокращенія, выпавшая на долю пятнадцати царей первоначальной редакціи. Для провѣрки, которая подтвердила бы нашу гипотезу, желательно было бы знать изъ другихъ данныхъ размѣръ полнаго сокращенія. Мы знаемъ, искомое сокращеніе должно было уравниваться соответственнымъ увеличеніемъ продолжительности современныхъ армянскимъ Аршакидамъ персидскихъ государей, собственно говоря парейанскихъ царей и Шапуха-Сапора II, такъ какъ въ списокѣ Анонима другіе Сасаниды не перечисляются; это соответственное увеличеніе оказывается въ 107 лѣтъ, какъ узнаемъ, сличая искаженные данныя списковъ съ данными Хоренскаго, который пользовался первоначальнымъ текстомъ Анонима. Но мы видѣли, что сокращеніе на долю царей главной линіи представляетъ сумму въ 70 лѣтъ; слѣдовательно, побочной линіи сокращеніе коснулось на разность $107 - 70$, т. е. 37, и такъ какъ въ искаженномъ текстѣ Анонима продолжительность побочной линіи исчисляется въ 186 лѣтъ, то $186 - 37$, т. е. 223 будетъ продолжительность по первоначальному тексту.

Съ другой стороны прибавивъ 107 лѣтъ къ сокращенной продолжительности и побочной, и главной линіи, мы получаемъ $(589 + 107 =)$ 696, т. е. ту сумму, которая слагалась изъ годовъ правленія всѣхъ армянскихъ Аршакидовъ побочныхъ и главныхъ при первоначальной редакціи. Если изъ нея вычтемъ первоначальную сумму годовъ побочной линіи Аршакидовъ (223), то мы должны получить первоначальную сумму годовъ царствованія Аршакидовъ главной линіи, и это будетъ 473, т. е. точь въ точь та же самая продолжительность, которая дается имъ М. Хоренскимъ.

Пока ограничиваемся сказаннымъ, не вдаваясь въ значеніе выясняемаго факта для части труда М. Хоренскаго, являвшейся всегда камнемъ преткновенія на пути изслѣдователей, именно для исторіи армянскихъ Аршакидовъ, отрицательныя качества которой рельефно выступаютъ даже въ работѣ С. Мартена, по мѣрѣ возможности защищавшаго авторитетъ армянскаго историка и въ данномъ вопросѣ (Fragm. d'hist. des Ars. I, p. 54 и сл.). Извѣстно, одна изъ посылокъ въ изслѣдованіи S. Martin'a объ армянскихъ Аршакидахъ была

та, что авторитетъ армянскаго историка безусловно долженъ брать верхъ надъ утвержденіемъ греческаго писателя, хотя бы современника событій, такъ какъ армяне весьма древній народъ и хорошо могли сохранить древнія мѣстныя преданія; замѣчаніе это имѣетъ свое основаніе, но напр. появленіе Едесскихъ владѣтелей въ спискѣ армянскихъ Аршакидовъ, объясняемое S. Martin'омъ (I. с., р. 93—96) возможностью ношенія ими титула «царей армянъ», такъ какъ въ Сиріи жили армяне, намъ будетъ еще болѣе понятно, когда примемъ во вниманіе вліяніе на составленіе нашего памятника той сирійской школы и образованной среды, въ которой вращался и учился Анонимъ.

Для характеристики памятника не лишне будетъ указать на нѣсколько мелочей: одна—то, что текстъ разбитъ не на строфы, какъ въ прочихъ историкахъ, а на мелкіе куски отъ трехъ до семи строкъ по образцу стиховъ въ Библии. Эта подробность едва-ли случайная, когда въ связи съ нею вмѣсто обычнаго армянскаго слова *սյուսմեօք թիւի* и др. синонимовъ для выраженія понятія *исторія* находимъ слово *սուրբ քրիստոսի օրհանգիստի*, явный отзвукъ *אֲשֶׁר הָיוּ אֲשֶׁר אֲשֶׁר אֲשֶׁר אֲשֶׁר אֲשֶׁר* *acta diegum*, еврейскаго названія ветхозавѣтныхъ хроникъ.

Затѣмъ у Хоренскаго читаемъ (I, 12): «Армансъ построилъ для себя мѣстопробываніе на холмѣ у берега рѣки (Аракса) и назвалъ согласно съ своимъ именемъ Армавиръ». У Анонима имя этого извѣстнаго города звучитъ своеобразно, Армайиръ, видимо въ угоду искусственной этимологіи, такъ какъ при такой формѣ названія въ послѣдней его части можно усматривать еврейское слово *אֵיר* *городъ* и все названіе толковать въ смыслѣ города Арманса. Въ угоду же подобной этимологіи у Анонима, а отсюда и у Хоренскаго, но бессознательно и лишь мѣстами (I, 10 и 11), названіе Айрарать написано съ буквою д въ концѣ вмѣсто т; дѣло въ томъ, что вслѣдъ за исторіею Армавира у Анонима читаемъ, что по смерти Арама землею завладѣлъ (*սխրեաց*) Арай Прекрасный, вслѣдствіе чего—т. е. мы понимаемъ, въ качествѣ владѣнія Арая—сама равнина была названа по имени Арая Айрарадъ: корень *אֵיר* дѣйствительно по еврейски значить *овладѣть*. Быть можетъ, семитическая этимологія причастна и тому, что для внука hАйка, послѣпившаго *предупредить* своего дѣда о появленіи царя Бала, выбрано имя Кадмъ, въ связи съ глаголомъ *אֵיר*, означающаго по еврейски, да и по сирійски *ܐܝܪܐ* *предупредилъ*.

Одна изъ характерныхъ мелочей и та, что въ изложеніи Анонима, армянскаго писателя, не скрашена, но всякомъ случаѣ не совсѣмъ

затемнена та точка зрѣнія, съ которой раньше всего могла интересоваться сирійца исторія первыхъ Аршакидовъ: Исторія пяти царей, попавшая въ руки Марабы, своимъ содержаніемъ касается сирійцевъ не менѣе, чѣмъ пароянъ, и заглавіе «Исторія пяти царей армянъ и пароянъ» для большей точности прекрасно могло быть расширено въ *Исторію пяти царей сирійцевъ, пароянъ и армянъ*.

Съ вѣрнымъ пониманіемъ Анонима лишаются всякаго значенія какъ нападки, такъ защита писателя Марабаса, пытавшіяся исключительно препирательствами касательно вопроса, могло ли существовать во время первыхъ Аршакидовъ имя Марабасъ или нѣтъ. Для дѣла совершенно не требуется, чтобы Марабасъ жилъ до Рождества Христова; напротивъ, изъ Анонима знаемъ, что онъ былъ близкій, быть можетъ, современный ему философъ, отъ учениковъ котораго и досталъ Анонимъ *Исторію пяти царей*. Мы называемъ его Мараба, какъ называетъ его и Анонимъ; Хоренскій или уже источникъ Псевдо-Мараба эллинизировалъ имя въ «Марабасъ» и обыкновенно употребляетъ такую форму, если послѣдняя не есть искаженіе, вкравшееся въ рукописи подъ влияніемъ популярнаго позднѣе, во времена Багратидовъ, имени Абаса: не имѣя основанія для отождествленія самихъ личностей, лишь для параллели къ формамъ имени укажемъ на весьма близкое по созвучію имя сирійскаго писателя начала V вѣка, звучащее по сирійски *Mār ibnā*, а по гречески *Марибасъ*.

Остается намъ отмѣтить новый свѣтъ, бросаемый Исторією Анонима, именно вступительной частью, на нѣкоторыя имена. Въ Введеніи мы находимъ такія свѣдѣнія, будто Агаѳангелъ жилъ раньше Марабы, будто Агаѳангелъ по приказанію Тирдата написалъ исторію первыхъ Аршакидовъ. Все это — новости, и при томъ новости несообразныя для насъ, такъ много знающихъ и объ Агаѳангелѣ, и о Тирдатѣ. Но освободимся на минуту отъ нашихъ знаній, черпаемыхъ изъ сравнительно позднихъ источниковъ: перенесемъ во времена Анонима, когда еще не было Исторіи Хоренскаго и когда Исторія обращенія Арменіи въ христіанство имѣла иной видъ, чѣмъ редакція, дошедшая до насъ съ именемъ Агаѳангела¹⁾.

1) По вопросу объ Исторіи Агаѳангела не безъинтересно хотя бы перечислить главныя положенія, обоснованныя Вѣскими Мехитарястоѣ Дашьяномъ въ обстоятельной монографіи объ Агаѳангелѣ (*Սրբազան Գագաթանգեղի Իստորիան*, Вѣна 94), составленной на армянскомъ языкѣ, съ хорошимъ знаніемъ литературы предмета; вотъ выводы: Агаѳангелъ въ дошедшемъ до насъ видѣ не есть переводъ съ греческаго, или съ сирій-

Мы иначе и не должны поступать, имѣя дѣло съ наиболѣе древнимъ памятникомъ по армянской историографіи и съ его безыскусственнымъ и правдолюбивымъ авторомъ, не только воздающимъ *supra sui que*, но и называющимъ каждый предметъ его собственнымъ именемъ — сказку сказкой и исторію исторіей. Но и относясь къ Анониму съ довѣріемъ, мы сталкиваемся съ однимъ требующимъ разъясненія противорѣчіемъ между Анонимомъ и Псевдо-Марабой. По Анониму, исторія первыхъ армянскихъ царей была написана по порученію *доблестнаго* Тирдата, а по Псевдо-Марабѣ, начальная исторія была составлена по инициативѣ перваго Аршакидскаго царя. Можно, конечно, отклонять вопросъ, указавъ, что это одна изъ особенностей редакціи Псевдо-Марабы, но нельзя не видѣть, что эта особенность говоритъ въ пользу редакціи Псевдо-Марабы, и если окажется невѣроятнымъ предлагаемое сейчасъ объясненіе, то основательнѣе думать, что въ занимающемъ насъ пунктѣ позднѣйшая редакція Псевдо-Марабы сохранила намъ первоначальный видъ, а болѣе древняя редакція, точнѣе — сама оригинальная исторія Анонима потерпѣла отъ исправленія невѣжественныхъ переписчиковъ. Такія явленія не новы и для арменистовъ-филологовъ: нѣсколько искаженныхъ мѣстъ М. Хоренскаго прекрасно возстановляются на основаніи

скаго. Впрочемъ, въ отношеніи сирійскаго извода матеріалы скудны. Но греческій изводъ предполагаетъ безусловно армянскій оригиналъ. Мнѣніе Лагарда о переводѣ греческаго непосредственно съ сирійскаго несостоятельно. — Исторія Агаангела редактирована на основаніи разрозненныхъ памятниковъ, отчасти пятаго вѣка, такъ Фауста (IV), Корюна и арм. перевода Литургіи Василія Великаго. Въ трудѣ Агаангела историческій элементъ смѣшанъ съ догматическимъ (*ἱστορικὸν καὶ δόγματικόν*). Въ повѣствованіи о Тирдатѣ сказывается эпическій элементъ. Первая книга состоитъ изъ трехъ частей: 1. Исповѣдничество Григорія Просвѣтителя, 2. Исповѣдничество Рипсиміи и Гаянэ и 3. Видѣніе св. Григорія. Видѣніе составлено не раньше пятаго вѣка. — Историческій элементъ преобладаетъ въ первой части. Большая часть второй книги, именно Исторія обращенія Арменіи въ христіанство, носитъ мѣстный колоритъ, облугуетъ географическими, этнографическими и археологическими данными. — Въ общемъ эта позднѣйшая сложная редакція по времени предшествуетъ М. Хоренскому; болѣе того, при Хоренскомъ она была сложнѣе, въ ней имѣлось еще житіе свитой Ницы, Просвѣтительницы Грузія. Въ концѣ авторъ монографіи выражаетъ желаніе, чтобы приведенъ былъ въ извѣстность древній грузинскій переводъ Исторіи, о существованіи рукописи котораго на Аeonѣ писалъ еще Ланглау. Желаніе армянскаго ученаго отчасти исполнено въ появившемся недавно трудѣ Ф. Жорданія, учителя духовной семинаріи въ Тифлисѣ: «Хроника и другіе матеріалы для исторіи и литературы Грузія». Но, къ сожалѣнію, судя по части изданнаго текста, ипрочемъ на основаніи не Аeonской рукописи, а другой — Общества Грамотности въ Тифлисѣ — въ грузинскомъ текстѣ Исторія имѣетъ периодъ съ греческаго извода, не лишенный однако своего интереса. Съ трудомъ Б. Саргисяна *ἱστορικὸν καὶ δόγματικόν* Венеція 1890, непосредственно знакомы ны лишь по тому Введенію, которое единственно появилось на страницахъ *Р-т.с.* (89, pp. 6—13).

католикоса Іоанна, историка IX вѣка, который, какъ извѣстно, широко дѣлалъ заимствованія у историка V вѣка. Въ нашемъ памятникѣ имѣемъ такой случай на другомъ примѣрѣ. Въ Псевдо-Марабѣ читается сирійское слово Катина (*sagax*), вмѣсто котораго въ первоначальной редакціи Анонима стоитъ греческое слово философъ: несомнѣнно, надо предпочесть сирійское слово въ качествѣ наименованія сирійскаго мудреца, но отсюда заключаемъ только то, что въ древней редакціи принимающіе переписчики замѣнили сирійское слово общепринятымъ греческимъ, и позднѣйшая редакція такимъ образомъ помогаетъ возстановленію первоначальнаго чтенія. Что же касается имени царя, то возможно, что Псевдо-Мараба по своему усмотрѣнію выбралъ то лицо изъ первыхъ Аршакидовъ, которое позаботилось оставить потомству память о подвигахъ первыхъ Аршакидовъ, слѣдовательно и о себѣ, но что такимъ лицомъ долженъ былъ быть раньше всего одинъ изъ первыхъ же Аршакидовъ, оспаривать это трудно. Да и на основаніи текста Анонима приходится заключать, что упоминаемый у него доблестный Тирдаты не можетъ имѣть ничего общаго съ царемъ Тирдатомъ, принявшимъ христіанство отъ Григорія Просвѣтителя въ IV вѣкѣ. Вспомнимъ, что историческая надпись, попавшая въ руки низибійскому философу, была найдена при разборѣ дворца царя Санатрука въ Низибѣ. Но мы знаемъ лишь одного царя Санатрука, строившаго дворцы въ Низибѣ, какъ говоритъ объ этомъ и Хоренскій (II, 36, ср. сообр. Б. Саргс., 83, 236, прим.), и, конечно, найденный въ его дворцѣ историческій памятникъ, сохранявшійся, предполагается, какъ цѣнное наследіе отъ предковъ, не могъ быть написанъ по приказанію Тирдата, жившаго значительно позднѣе. Такой бессмыслицы избѣгаютъ и апокрифы, а Анонимъ, собственно являясь авторъ самой надписи, повидимому, зналъ свое дѣло, и называя Тирдата, имѣлъ въ виду не христіанскаго армянскаго царя, а, какъ и основывающійся на немъ Псевдо-Мараба, одного изъ первыхъ Аршакидовъ: какъ извѣстно, у членовъ пареянской династіи рядомъ съ прозвищемъ аршакъ, игравшимъ роль титула, было настоящее имя, и въ томъ именно Аршакѣ, подвиги котораго описаны въ исторической надписи Агаангела, не упоминающей еще объ его смерти, скрывается между прочимъ и Тирдаты (*Teridates*, *Gutschm.*, *Gesch. Irans etc.*, p. 30; *S. Martin*, *Fragm. d'une hist.* I, p. 318; *К. Патк.*, ор. с., стр. 57).

Конечно, знакомымъ съ Агаангеломъ секретаремъ царя Тирдата, написавшимъ по приказанію этого царя исторію просвѣщенія Григо-

ріємъ Просвѣтителемъ Арменіи, особенно легко было обознаться въ именахъ «Тирдаты» и «Агаангела», но такой промахъ, такое невѣрное пониманіе текста могло случиться и само по себѣ, еще до появленія той редакціи Обращенія Арменіи въ христіанство, которая повѣствуется отъ лица Агаангела, — и въ такомъ случаѣ занимающая насъ фраза изъ Введенія Анонима могла дать основаніе для того, чтобы Обращеніе Арменіи въ христіанство при Тирдатѣ, извѣстное еще Фаусту, писателю IV вѣка, не называющаго однако имени автора, приписали его мнимому секретарю Агаангелу. Быть можетъ, при этомъ воспользовались именемъ Агаангела, такъ какъ при значеніи этого слова казалось особенно подходящимъ сдѣлать изъ него автора Обращенія Арменіи въ христіанство, и въ такомъ случаѣ знакомое намъ соображеніе Гутшмида объ этомъ имени въ связи съ его греческимъ значеніемъ въ отношеніи Исторіи обращенія Арменіи можетъ сохранить всю свою силу.

Резюмируемъ все сказанное въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Древнѣйшій, дошедшій до насъ, памятникъ на армянскомъ языкѣ по начальной исторіи Арменіи есть трудъ Анонима, который основанъ частью на сказочныхъ, по признанію самого автора, матеріалахъ, частью на *Исторіи пяти царей* апокрифическаго происхожденія, такъ какъ, соглашаясь съ Анонимомъ въ томъ, что эту Исторію онъ досталъ въ Месопотаміи отъ учениковъ сирійскаго философа, въ самихъ подробностяхъ находженія ея въ развалинахъ дворца (ср. Ездра I, гл. VI, 1—2; II, VI, 23) не можемъ не усматривать черты, свойственной апокрифамъ, и само имя Агаангелъ, быть можетъ, является продуктомъ измышленія.

2) Этого апокрифическаго Агаангела можно сблизить съ Агаангеломъ, слывающимъ за автора *Обращенія Арменіи въ христіанство*, въ томъ случаѣ, если допустить, что *Исторія обращенія* сначала ходила безъ указанія автора и лишь впоследствии она была приписана Агаангелу по недоразумѣнію, которое выяснено выше.

3) Въ произведеніи Анонима нѣтъ и намека на возбужденное патриотическое настроеніе, не сказывается еще непосредственное знакомство съ греческой литературою, предметомъ горячаго и исключительнаго поклоненія историка М. Хоренскаго: Анонимъ возвращается въ міръ библейскихъ преданій и сирійской мудрости и учености; словомъ, его Исторія есть продуктъ времени господства сирійско-христіанской культуры въ Арменіи, что прекрасно совпадаетъ съ временемъ,

опредѣляемымъ послѣдними именами въ приложенныхъ хронологическихъ таблицахъ царей, т. е. концомъ IV и началомъ V вѣка.

4) Трудомъ Анонима воспользовался впоследствии другой неизвестный авторъ¹⁾, который, захвативъ съ исторической надписью Агаангела (Марабы) кое что изъ прибавленнаго Анонимомъ и своеобразно развивъ существовавшія уже въ его источникѣ подробности, пустилъ въ оборотъ такъ обработанный трудъ Анонима цѣликомъ отъ имени сирійскаго мудреца Марабы или Марабаса и впалъ въ грубое противорѣчье, такъ какъ въ Исторіи, составленной по инициативѣ перваго Аршакида, оказывается упомянутой смерть его самого и описаннымъ царствованіе преемника его Аршака. Памятникъ этотъ (Псевдо-Мараба) не дошелъ до насъ отдѣльно.

5) М. Хоренскій, который былъ знакомъ съ обоими памятниками, далъ предпочтеніе позднѣйшей, болѣе распространенной и подробной переработкѣ труда Анонима, въ его время слышшей за произведеніе Марабы, и внесъ ее цѣликомъ, съ нѣкоторыми еще дополненіями отъ себя, въ свою Исторію Великой Арменіи. Она занимаетъ первую книгу съ VIII главы и девять первыхъ главъ второй книги М. Хоренскаго.

Разставаясь съ трудомъ Анонима, не забудемъ, что одно ясно выраженное обѣщаніе автора въ самомъ началѣ Введенія остается неисполненнымъ. За неимѣніемъ фактовъ трудно съ рѣшительностью сказать, чему мы обязаны отсутствіемъ въ трудѣ Анонима описанія современныхъ ему бѣдственныхъ событій: дефектности ли дошедшаго до насъ списка или тому, что авторъ не сдержалъ своего слова. Присутствіе хронологическаго списка армянскихъ Аршакидовъ показываетъ, что рама для историческаго повѣствованія во всякомъ случаѣ была приготовлена. Списки Исторіи Анонима, какъ извѣстно, сохранились въ рукописяхъ всегда вмѣстѣ съ трудомъ Себаоса «Походъ Иракля», въ предшествіи ему; съ Исторіею Себаоса Исторія Анонима не представляетъ ничего общаго, но переписчиками, повидимому, чувствовалось, что разобранный нами памятникъ составляетъ часть, именно вступительную, какого-то историческаго труда.

Ома Аріруни (Пб., р. 44) приписываетъ извѣстныя въ его время краткія сочиненія по родословіямъ Мамбрэ Анагносту и Теодору

и ѡ И ЗВѢДѢНІИ

1) Ср. К. П. Паткановъ, Ванскія надписи для Исторіи Передней Азіи въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1875, янв., стр. 176, прим. 1.

Грамматику, и хотя у Өомы же Арцруни мы находимъ съ другой стороны знакомство съ Анонимомъ, но объ отождествленіи послѣдняго съ однимъ изъ названныхъ писателей не можетъ быть рѣчи, такъ какъ и тотъ, и другой названы у Өомы вмѣстѣ съ Моисеемъ, братомъ Мамбрэ, слѣдовательно, *по существующей традиціи*, съ нашимъ Моисеемъ Хоренскимъ, Анонимъ же принадлежитъ другому времени и другой школѣ.

Но нельзя не указать на одно любопытное обстоятельство: армянскій историкъ Фаустъ Византійскій начинаетъ свою исторію съ третьей книги. Обыкновенно это объясняютъ ¹⁾ тѣмъ, что будто Фаустъ смотрѣлъ на свою книгу, какъ на продолженіе двухъ предшествовавшихъ трудовъ — Миссиі Өаддея и Миссиі Григорія Просвѣтителя, но въ такомъ случаѣ третьей считалась бы вся Исторія Фауста, а не одна лишь книга. Въ объясненіе такому странному наименованію начальной главы, полагаю, съ большею основательностью могло быть указано на другое обстоятельство: эта книга Фауста по содержанію соотвѣтствуетъ третьей книгѣ Исторіи М. Хоренскаго; сопоставляя обсуждаемую книгу Фауста съ третьей книгой М. Хоренскаго, особенно съ первыми восемнадцатью ея главами, нельзя не отмѣтить то сходство какъ въ сообщаемомъ матеріалѣ, такъ въ разработкѣ этого матеріала ²⁾, которое могло повліять на наименованіе нынѣ третьей книги Фауста. Но этимъ путемъ объяснилось бы лишь наименованіе книги *третьей* и отнюдь не то, почему могъ возникнуть вообще вопросъ о переименованіи книги, разъ она

1) Neumann, Versuch einer Gesch. der Armen. Liter., Leipzig 1834, p. 26, ср. Зарбаляянъ, *Պատմութիւն*, p. 232 и сл.; Н. Эмиль даёт своеобразное объясненіе основанное на неполномъ пониманіи текста и неудачномъ толкованіи *Բագրատունի Պատմութիւն* (Coll. des hist. arm., I, pp. 205—206). У S. Martin'a (Fragments etc., I, p. 235 и сл.), полагающаго, что отъ этой Исторіи не дошло еще начальныхъ двухъ книгъ, любопытна сравнительная оцѣнка историческихъ трудовъ Фауста и Моисея, не въ пользу послѣдняго. На необходимость точнаго переноса приведенной ниже главы съ особенной силой настаивалъ также Е. М. въ *Բագրատունի Փակտան* (Вѣна 1890, p. 25). Отмѣтимъ кстати, что въ рукописи, любезно переданной мнѣ на пользонаніе Г. А. Эзовымъ, совершенно отсутствуютъ имѣющіяся въ изданіяхъ передъ первой главой слова *Բագրատունի Պատմութիւն. Կրկերդ գլուխութիւն. Կարգիւն*. Вообще же, надо принять во вниманіе, что рукописи Ф. В-скаго, очевидно, являются списками одного и того же искаженнаго, дефектнаго оригинала, чѣмъ исключительно и объясняется замѣченная Е. М.'омъ (op. c., p. 31) несущественность многочисленныхъ разночтеній, о чемъ см. также Предисловіе къ изд. К. Патканова.

2) Несмотря на сжатость изложенія и отсебятины М. Хоренскаго, говорящія далеко не въ его пользу, см. S. Martin, l. c., pp. 240—241; тоже самое и Е. М., op. c., p. 45 и сл.

значилась бы начальной, первой. Надо полагать, мнимая третья книга никогда не значилась первой, не была начальной. И дѣйствительно, обсуждаемая книга начинается слѣдующими вступительными словами:

«Отъ проповѣдничества апостола Фаддея, его преставленія и мученической «смерти до свершенія Григоріемъ просвѣтительной миссіи и до его кончины, «отъ цари апостохоубицы Санатрука до невольнаго подчиненія Тирдата (хри- «стіанской) вѣрѣ и его кончины, равно какъ жизнь первыхъ благочестивыхъ «мужей и ихъ противниковъ цѣликомъ описаны другими. Однако не обошли «нихъ и мы въ этомъ трудѣ, внесли въ нашу послѣдовательную исторію малое «отъ многого для должной связи событій; [словомъ,] такъ какъ наша исторія «есть частью начальная и частью современная намъ, а то, что происходило «въ промежуткѣ, описано другими, то, чтобы не оказалось пробѣла въ нашей «исторіи, мы дали краткій очеркъ посредствующихъ событій подобно тому, «какъ кладутъ кирпичъ въ середину возводимой стѣны при окончательной «достройкѣ».

Изъ этого совершенно ясно, что Фаустъ писалъ начальную исторію Арменіи и новѣйшую, т. е. современную ему, а для средней, промежуточной части, восполняемой исторіею двухъ Миссій апостола Фаддея и Григорія Просвѣтителя, онъ довольствовался краткимъ пересказомъ.

Никакой однако начальной исторіи нѣтъ въ дошедшемъ до насъ трудѣ Фауста, начинающемся, какъ сказали, третьей книгой. Невольно напрашивается сближеніе между Анонимомъ, общающимъ современную ему исторію, которой въ его трудѣ нѣтъ, и Фаустомъ, общающимъ начальную исторію, которой также нѣтъ въ дошедшемъ до насъ спискѣ Исторіи Фауста.

Правда, по смыслу выдержки Фауста, недостаетъ больше, чѣмъ имѣемъ въ Анонимѣ: исторіи апостольскихъ миссій Григорія Просвѣтителя и Фаддея, занимавшія промежуточный періодъ, захватываютъ лишь Аршаму, слѣдовательно, начальная исторія Фауста должна была заключать, судя по списку Анонима, исторію двухъ первыхъ армянскихъ Аршакидовъ; въ дошедшемъ до насъ спискѣ Анонима рѣчь лишь о первомъ (Ваг'аршакѣ), но въ томъ-то и бѣда, что списокъ этотъ дефектенъ. Впрочемъ у насъ есть и другое свидѣтельство, независимое отъ Введенія, въ пользу того, что въ первоначальномъ видѣ Исторіи, несомнѣнно, повѣствовалося у Анонима объ Аршакѣ, второмъ армянскомъ Аршакидѣ; дѣло въ томъ, что лишь въ концѣ главы объ этомъ Аршакѣ (II, 9) у Хоренскаго находимъ приписку: «здѣсь кончается текстъ Марабас'а Катин'ь», т. е. Псевдо-Марабы, смѣшавшагося, какъ мы видѣли, съ трудомъ Марабы, собственно Агавангела, повѣствуемый Анонимомъ.

Кромѣ того въ особомъ предисловіи Фауста читаемъ:

«Въ предлагающей (III или II?) книгѣ нижеслѣдующее есть *хронологическія таблицы* (*խոնոլոցիկական քերականք*) для исторіи и съ нею три книги, т. е. (всего) *ихъ четыре книги и всѣ четыре памятники одного предмета, повѣствующіе исторію родовъ Арменіи и т. д.*

Во первыхъ, дошедшая до насъ Исторія Фауста хотя и состоитъ изъ четырехъ книгъ, но послѣдняя часть, подлинность которой, кстати сказать, оспаривается венеціанскими учеными, несомнѣнно лишь по недоразумѣнію выдѣлена не только въ четвертую, но вообще въ особую книгу, такъ какъ она есть и по размѣру, и по содержанію, и по выставленному въ началѣ заглавію эпилогъ; въ которомъ, въ одной главѣ, рассказывается о раздѣленіи армянскаго царства при сыновьяхъ Папа; остальные главы представляютъ не исторію родовъ Арменіи, а житія армянскихъ епископовъ, редактированныя отчасти въ такомъ пасквильномъ тонѣ, что трудно видѣть въ нихъ произведеніе первой поры христіанства въ Арменіи, тѣмъ болѣе произведеніе Фауста, церковные интересы ставившаго выше національныхъ.

Во вторыхъ, какъ видно изъ той же выдержки, Фаустъ составлялъ хронологическія таблицы: въ дошедшей до насъ его Исторіи не находимъ ничего подобнаго, но опять таки въ заключительной части труда Анонима, какъ мы видѣли, имѣются такія хронологическія таблицы, списки царей, доведенные до царя Папа, и обнаруживающіе упоминаніемъ годовъ царствованія Сапора, что авторъ жилъ еще по крайней мѣрѣ при сыновьяхъ Папа, Аршакъ и Хосрофъ, при которыхъ произошло раздѣленіе Арменіи, рассказанное въ эпилогѣ Исторіи Фауста.

Кромѣ того что труды Анонима и Фауста такъ соблазнительно идутъ другъ къ другу на встрѣчу, вопросъ этотъ имѣетъ основаніе быть возбужденнымъ и потому, что какъ Анонимъ, такъ Фаустъ одинаково отличаются отъ всѣхъ армянскихъ историковъ общими имъ особенностями: библейскою манерою писанія¹⁾, оборотами народной рѣчи, безыскусственностью языка²⁾, внесеніемъ ска-

1) Касательно Фауста см. Е. М., *op. c.*, р. 35 и сл. Мы возвратимся къ этому вопросу, разработанному отчасти въ трудахъ армянъ-арменистовъ, насколько это касается Ф. Византійскаго.

2) Намъ не мало удивляетъ, что Л. Парскаго сближаютъ съ Фаустомъ В. изъ отношеній стиля (*Այծյանի, քերականք*, р. 60). Несомнѣнно, Л. П. мѣстами не чуждъ народныхъ оборотовъ, словъ и формъ; но это составляетъ исключеніе на общемъ фонѣ искусственной, старательно отдѣланной, рѣчи Лазаря П., который съ риторизмомъ не разстается даже въ отрывкѣ объ Араратской землѣ (р. 22 и сл.), въ рѣдкомъ въ армянской литературѣ образчикѣ описанія родной природы. Съ тѣми же исключеніями мы встрѣчаемся, когда жиной, впечатлительный темпераментъ писа-

зокъ¹⁾ въ исторію безъ всякихъ натянутыхъ аллегорическихъ толкованій и отсутствіемъ сильно возбужденнаго національнаго чувства. Кстати, нельзя не упомянуть, что Фаустъ ни разу не называетъ Арменіи или Армянской земли «нашею» (хотя бы съ суффиксомъ перваго лица «), какъ это принято у всѣхъ прочихъ армянскихъ писателей. Въ этой чертѣ и еще въ томъ, что, упоминая о греческомъ императорѣ и Аѳинахъ, онъ выражается «великій царь греческій» и «великій городъ Аѳины», нѣкоторые (Зарбаналянъ, *Չամբ.*, р. 229) видѣли греческую національность²⁾. Но это второстепенное явленіе проще объясняется тѣмъ, что Фаустъ принадлежитъ еще тому періоду, когда къ новообращеннымъ въ христіанство армянамъ сирійскими учителями вмѣстѣ съ христіанскою религіею прививался тотъ же политическій кругозоръ, который царилъ въ самой Сиріи, и національное самосознаніе

теля прорывается сквозь устанавливавшійся въ литературѣ риторическій слогъ, такъ особенно въ Письмѣ къ Вагану, написанномъ подъ жгучимъ чувствомъ узавленнаго самолюбія, или когда рассказы бывалыхъ людей записаны на страницы Исторіи языкомъ живыхъ источниковъ.

1) Въ отношеніи сказокъ не надо увлекаться и народнымъ ихъ происхожденіемъ, пока не будетъ испробована возможность литературнаго заимствованія, тѣмъ болѣе что во взявшей на армянскую сирійской литературѣ сказочный элементъ составляетъ значительную часть историческихъ повѣствованій. Кстати будетъ указать въ параллель того, какъ царя Папа въ дѣтствѣ окружали демоны въ образѣ змѣй (Фаустъ, Спб., IV, 44, р. 132 и V, 22, р. 180), на такой же случай въ сирійской повѣсти VI или VII в. объ *Іуліанѣ Отступникѣ* (Nöldeke, Ein zweiter syrischer Iulianus-Roman, Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Ges., 1874, 28 B., р. 669).

2) Послѣ остроумной разгадки Е. М'омъ (ор. с., р. 5 и сл.) таинственныхъ строкъ въ концѣ оглавленія шестой книги, мы уже имѣемъ полное основаніе считать ихъ за инициативу какого либо переписчика, и въ этомъ смыслѣ совершенно расходился съ выводомъ самого Е. М.'а, что Фаустъ былъ *Համարեք*: можно ли допустить, чтобы серьезный авторъ игралъ въ жиурки со своими читателями, въ загадочныхъ выраженіяхъ указывая мѣсто, гдѣ онъ будетъ говорить о себѣ? Греческое происхожденіе личности Фауста, если бы и было оно доказано, мало измѣнило бы положеніе вопроса, такъ какъ самимъ памятникомъ достаточно опредѣляется характеръ писателя, чтобы съ этой дѣлю была нужда справляться объ его роднѣ въ сомнительныхъ припискахъ; но основательно ли вообще тенденція связывать памятники мачальной поры армянской литературы съ тѣмъ или другимъ мненіемъ? Кажется, въ отношеніи первыхъ писателей мы должны отказаться отъ пана, усвоеннаго позднѣе, когда рядомъ съ національнымъ самосознаніемъ стало расти и субъективное самосознаніе личностей въ каждомъ писателѣ. Присутствіе греческихъ словъ въ Исторіи Фауста нисколько не ускользаетъ отъ нашего вниманія: греческія слова Фауста уравниваются персидскими, т. е. получается такое сочетаніе, которое раньше всего было усвоено сирійской литературой, а изъ послѣдней могло привиться и армянской. Такъ же рискованно придать рѣшительное значеніе совпаденію словъ у Малалы и М. Хоренскаго въ томъ смыслѣ, что М. Х. безусловно зависитъ отъ греческаго текста, когда такіа «греческія» слова, какъ *սիրոս*, не менѣе гражданственны въ сирійской литературѣ.

не давало еще себя знать. Во всякомъ случаѣ тоже самое явленіе замѣчаемъ и у Анонима (X, XLIX).

Анонимъ, да и самъ текстъ его Исторіи направляютъ наши взоры въ сторону Сиріи: тамъ предполагается научный центръ. Въ этомъ отношеніи трудъ Анонима, первый опытъ по начальной исторіи Арменіи, не стоитъ особнякомъ. Изъ сирійскихъ историческихъ писаній оказываются перешедшими къ армянамъ наиболѣе древніе памятники армянской литературы (Мараба, Лерубна); съ греческими историками первое время знакомились армяне при посредствѣ сирійскаго (Евсевій). Древняя редакція Обращенія Арменіи въ христіанство, первообраза Исторіи Агаоангела, составлена если не на сирійскомъ, то въ періодъ господства сирійской образованности, и этимъ древнимъ культурнымъ сближеніемъ двухъ народовъ объясняется существованіе у сирійцевъ отрывковъ первой редакціи Обращенія, выгѣсенной въ самой Арменіи съ половины V-го вѣка позднѣйшей обработкою. Сама традиція, если не созданная эллинофильствовавшей группою писателей, то крайне окрашенная ея симпатіями и антипатіями, не скрываетъ первоначальнаго вліянія сирійцевъ на армянскую письменность. Тутъ мы сталкиваемся съ совершенно нетронутымъ вопросомъ, когда и какимъ образомъ могла такъ сильно повліять сирійская литература и, главное, историческая на армянскую, вызвавъ въ послѣдней даже первые опыты по національной исторіи, разъ сама сирійская историографія начинается съ пятого вѣка? У насъ даже нѣтъ возможности утверждать, что такъ рано существовали какіе либо литературные памятники, писанные армянскими буквами, если не признаемъ изобрѣтенія первоначальнаго «несовершеннаго» армянскаго алфавита не только тѣсно связаннымъ съ вліяніемъ сирійской образованности, но и болѣе плодотворнымъ и полезнымъ, чѣмъ позволяютъ думать показанія писателей иной школы¹⁾, довольно таки сбивчивыя въ фактическихъ подробностяхъ, но единодушныя въ порицаніи всего сирійскаго, особливо близкаго имъ по времени.

Послѣ этого любопытно отмѣтить, что какъ Анонимъ, такъ Фаустъ въ эллинофильскій періодъ армянской литературы были одинаково осуждены: ихъ заклеили, какъ невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ писателей.

1) Нельзя не припомнить по этому поводу, что замалчиваніе заслугъ пионеровъ армянской письменности со стороны армянскихъ классиковъ было подмѣчено и К. П. Паткановымъ (Ванскія надписи для Ист. П. Азіи, Ж. М. Н. Пр., 1876 янн., стр. 174): «Всѣ писатели V вѣка, писавшіе въ разныхъ концахъ Арменіи, часто не

Мы знакомы съ рѣзкимъ мнѣніемъ Хоренскаго объ Анонимѣ, хотя онъ пользуется имъ и посредственно черезъ Псевдо-Марабу, и непосредственно въ хронологіи Аршакидовъ. Къ сожалѣнію, Хоренскій умалчиваетъ объ имени автора, какъ умалчиваетъ объ имени автора и тогда, когда онъ въ III книгѣ даетъ лишь краткій пересказъ ряда главъ изъ Исторіи Фауста. Не называетъ имени историка и греческій писатель Прокопій (Bell. Persic., кн. I, гл. 5), дословно воспроизводящій ссылкой на исторію περί Ἀρμενίωνъ цѣлыя страницы изъ Фауста Византійскаго. Греческое имя армянскаго историка однако было извѣстно уже въ V в. и тогда же считалось апокрифичнымъ. Лазарь Парпскій, писатель V-го вѣка, за пристрастіе къ греческимъ книгамъ подвергавшійся жестокимъ нападкамъ со стороны части духовенства— по рекомендаціи Лазаря—исключительно невѣжественной¹⁾, безусловно осуждаетъ Исторію Фауста (73, p. 14):

знавшіе другъ о другѣ и о трудахъ другъ друга, какъ будто условились между собою хранить глубокое молчаніе о состояніи армянскаго языка и литературы до ихъ времени». Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай показать, что сохранять глубокое молчаніе имъ не вполне удалось. Кромѣ того, новѣйшія изслѣдованія упраздняютъ мысль, будто ари. классики не знали «другъ о другѣ и о трудахъ другъ друга»; покойный учитель мой подобное явленіе считалъ естественнымъ среди армянскихъ писателей и не разъ объяснялъ его отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія въ древней Арменіи. Путешествіе же въ Арменію вовсе не такъ трудно, какъ это можетъ показаться кабинетному ученому, и сопряжено съ небольшими лишеніями даже въ наши дни, когда въ попадающихся на каждомъ шагѣ развалинахъ монастырей не только не встрѣчаете страннопріимныхъ домовъ, чѣмъ въ значительной степени и были армянскіе монастыри, но съ трудомъ находите какой либо уцѣлѣвшій уголокъ, чтобы временно укрыться отъ глужчихъ лучей солнца или застигнувшаго врасплохъ ливня. Пути же сообщенія для пѣшихъ, конныхъ и мѣстныхъ арбъ въ древности были гораздо лучшіе, чѣмъ въ настоящее время: въ сравнительно позднюю эпоху, Багратидовъ, на Ахурянѣ (Арпачаѣ), пригокѣ Аракса, начиная съ деревни Чрпили, имѣлось по крайней мѣрѣ шесть каменныхъ мостовъ, тогда какъ теперь на томъ же протяженіи нѣтъ ни одного! Главное же, въ ту пору въ Арменіи былъ живъ духъ, была жива вѣра, которая умѣетъ легко справляться съ преградами. Въ бытность въ Эчмиадзинѣ намъ пришлось выслушать по этому поводу остроумное слово одного краснорѣчиваго монаха, съ грустью констатировавшаго, на храмовомъ праздникѣ, въ присутствіи покойнаго католикоса, что дороги нынѣ стали широкими, парь несетъ странниковъ съ немовѣрной быстротою на сушѣ и на морѣ, средства къ передвиженію болѣе покойны, но притокъ дальнихъ богомольцевъ въ Эчмиадзинъ изъ года въ годъ идетъ къ убыли. Естественныя преграды не могли являться неустрашимой попятной, когда живо сознавалась потребность общенія.

1) Странно то, что отъ этой невѣжественной части сохранено иностранное слово, пущенное ею по адресу противниковъ, значеніе котораго до сихъ поръ недоступно пониманію ученыхъ. «Развѣ не ваши армянскіе монахи (արքեպիսկոպոս) воздвигли гоненіе. . . . на блаженнаго философа (Քրիստոսոս) Моисея?» пишетъ Лазарь Парпскій Вахану Мамиконяну (Քրիստոսոս, 73, p. 607—608): «не они ли его просвѣщающія и разгониющія невѣжество писанія по невѣждству называли паталикес?». Стоитъ однако

«Это произведение не ученаго византийца—говорить Лазарь—са какого-то свавольнаго неуча, который написал, что ему взбрело въ голову, и думалъ синомемъ Фауста прикрыть свою наглость и свое невѣжество... такія личности попадаются среди грековъ, но нѣтъ больше между сирійцами 1)».

Когда мы знаемъ изъ непосредственнаго чтенія, что Фаустъ, какъ и Анонимъ, дѣйствительно далеки отъ хваленной греческой науки, выражавшейся въ понятіяхъ армянскихъ эллинофиловъ главнымъ образомъ въ риторическомъ искусствѣ, но болѣе всѣхъ прочихъ армянскихъ историковъ интересны по простотѣ слога и естественности

допустить, что эта невѣжественная партія считала въ своихъ рядахъ образованныхъ въ сирійской школѣ людей, какъ слово *παταλ-ηκας* становится понятной транскрипціею семитскихъ словъ *ܩܢܘܢܐ* исковерканный въ *ϠϠϠ* извращенный. Кстати, если даже въ авторѣ «извращенныхъ» писаній, философъ Моисей, видѣть историка Моисея Хоренскаго, котораго Л. Парскій, судя по его словамъ, еще не знаетъ, то все же прекрасно доказанное въ монографіи Г. А. Хаматьяна *Մոսէս Գործնական և Գործարար* (Москва 1888, стр. 61 и сл.) тождество многихъ мѣстъ у этихъ двухъ писателей придется объяснить не тѣмъ, что Л. Парскій разводитъ лапачи лапачами Хоренскаго, а обыкновеніемъ М. Хоренскаго сжато и негласно пересказывать несимпатичныхъ по направленію предшественниковъ, въ данномъ случаѣ историка, который могъ служить общимъ источникомъ обоимъ эллинофиламъ. Г. А. замѣчаетъ совершенно справедливо, что повѣствованіе Лазаря не страдаетъ отъ многословія, мѣстами это весьма живое и захватывающее душу (*Սրբ Կարգ ԼԵԾ*, р. 62, *արմենացի և Եր* р. 64) изложеніе, и въ такихъ случаяхъ Л. П. сравнительно съ М. Хоренскимъ кажется древнѣе. Нѣкоторыя новыя подробности въ Исторіи М. Хоренскаго могутъ происходить изъ другихъ доступныхъ въ его время источникамъ или принадлежать дѣлянкомъ ему, такъ напр. письма, по какой части нашъ историкъ большой мастеръ.

1) Рѣзкія выраженія, въ которыхъ высказывается Л. П., желая опорочить враждебныхъ монаховъ, вполне понятными становятся лишь при наличности разыгравшихся партійныхъ страстей, и клеймить онъ не монашество — вѣдь онъ самъ былъ и остался монахомъ всю жизнь — и не всѣхъ армянскихъ монаховъ, разъ онъ, самъ армянинъ, выдѣляетъ изъ нихъ рядъ симпатичныхъ ему дѣятелей, а тѣхъ многочисленныхъ и свальныхъ еще инокъ старой школы (сирійской), съ которыми у него, какъ представителя новаго направленія (греческаго), была непримиримая вражда. Позднѣе, съ крестовыхъ походовъ усиленное вѣяніе католическаго міра вызвало тождественное раздвоеніе въ армянскомъ духовенствѣ и затѣмъ въ обществѣ. Въ новѣйшее время западное просвѣщеніе создало въ армянской литературѣ, успѣвшей изъ исключительнаго духовной обратиться въ свѣтскую, такія же отношенія взаимной нетерпимости между двумя партіями такъ называемыхъ либераловъ и консерваторовъ. И не любопытно ли, что у современныхъ намъ партій въ 1893 году возникаетъ споръ по тому же вопросу, какой послужилъ въ пятюмъ вѣкѣ столь же либеральному въ свое время Лазарю Парскому поводомъ для слѣдующихъ строкъ: «у грековъ народъ и даже дѣти, взобравшись на плечи родителей, потрясаютъ руками въ знакъ одобренія и выкрикиваютъ нечеловораздѣльные явукы, приподнявшись на пыпочки (обращаясь въ слухъ); а наши монахи (Կաթոլիկ) свдѣять съ покрытыми головами и завернутыми лицами, точно у зловоннаго трупа, и безмолствуютъ, точно нѣмые діаволы». Для насъ мѣсто это важно въ томъ отношеніи, что Л. П. при этомъ кличкой отличаетъ тѣхъ монаховъ, которыхъ онъ имѣетъ въ виду, называя ихъ сирійскимъ словомъ *ܩܢܘܢܐ* (= *արհեստ*, (602—*արհեստ*, 607—*արհեստ*, равно р. 577), между тѣмъ, какъ въ примѣненіи вообще къ монахамъ онъ употребляетъ *արհեստ* (рр. 571, 578, 600, 610), переводъ съ греческаго.

разказа, то въ мнѣніяхъ Лазаря Парпскаго и Моисея Хоренскаго нельзя не видѣть приговоровъ заинтересованныхъ судей. Въ пристрастныхъ сужденіяхъ Хоренскаго и Парпскаго слышится отголосокъ упорной борьбы, съ которой новымъ поколѣніямъ армянскихъ писателей, развивавшимся на непосредственномъ изученіи греческой литературы, давалась побѣда надъ ненаціональной сирийской образованностью. И если изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій Анонимъ и Фаустъ и окажутся различными лицами, то разлучить ихъ совершенно едва-ли придется. Они всегда останутся представителями одной и той же эпохи армянской литературы, періода господства сирийской образованности, еще до начала національнаго движенія въ армянской христіанской литературѣ.

Нечего говорить, какъ много будетъ значить даже такой минимальный выводъ для вопроса объ источникахъ М. Хоренскаго. Первая книга Исторіи Хоренскаго и начало второй основано на переработкѣ Начальной Исторіи Анонима, армянскаго писателя періода господства сирийской образованности. На сочиненіи Фауста, историка того же періода, основана значительная часть третьей книги Хоренскаго. Оставшаяся средняя часть Армянской исторіи также должна была быть разработана и *дѣйствительно была разработана* не только въ исторіяхъ Миссій апостола Фаддея и Григорія Просвѣтителя, но и въ трудѣ Фауста, въ которомъ, по словамъ автора, излагалась связанная исторія событій въ Арменіи отъ начала до его времени. Въ такомъ случаѣ какъ въ другихъ частяхъ, такъ и въ этой М. Хоренскій имѣлъ передъ собою готовый, собранный матеріалъ на армянскомъ языкѣ, съ которымъ онъ долженъ былъ считаться. Это объясняетъ многое, что иначе кажется въ историкѣ непонятнымъ противорѣчіемъ. М. Хоренскій не разъ выражаетъ свое отвращеніе къ народнымъ сказкамъ, тогда какъ въ его Исторіи сказкамъ отводится столь широкое поле, что это обстоятельство даетъ поводъ F. Vetter'у доказывать въ спеціальной замѣткѣ Moses von Choren ¹⁾ (Kirchenlexicon, herausg. v. Her-

1) У меня въ рукахъ былъ армянскій переводъ помѣщенный въ *Հ. ԲՆ.* 93, № 12, pp. 371—375. Не могъ я достать въ оригиналъ, къ сожалѣнію, и другой статья того же автора: *Das Buch des Mar-Ibas von Nisibis, Festschrift* (Prof. Rud. v. Roth's 50 jähriges Doctor-Jubiläum) 1893, pp. 81—88, съ которой познакомился я нѣсколько поздно, по армянскому переводу въ журналѣ *Հ. ԲՆ.* 94, № 1, pp. 1—6. Vetter также стоитъ за то, что у М. Хоренскаго для первой книги, дѣйствительно, былъ источникъ сирийскаго происхожденія; но въ общемъ достаточно сказать, что текстъ Анонима такъ же не попятъ Vetter'омъ, какъ прочіи толкователями, и считается имъ составленнымъ позднѣе Исторіи М. Хоренскаго. Интересно для насъ указать на то, вѣрно замѣчен-

genröther und Kaulen, Freiburg, B. VIII, 1893), будто вся первая книга М. Хоренскаго и часть второй есть сказочная исторія (это въ сущности старая теорія Н. Эмина, К. Патканова и др.). Между тѣмъ противорѣчіе историка понятно при положеніи между двухъ огней: съ одной стороны отсутствіе какихъ либо достовѣрныхъ данныхъ по политической исторіи родной страны, съ другой — труды предшественниковъ, въ которыхъ ненавистныя народныя сказки, нелюбимымъ народнымъ простымъ языкомъ, въ нелюбимой народной поэтической формѣ передаются въ качествѣ исторіи. Сказки тѣ, частью мѣстные собранныя до него, частью чужеземныя, книжныя, успѣвшія проникнуть въ литературу, извѣстны всѣмъ образованнымъ современникамъ, въ числѣ нихъ и патрону историка — С. Багратуни, который и обращаетъ на нихъ вниманіе М. Хоренскаго. Историкъ нашъ по неволѣ пользуется сказками, но правда-ли, что онъ вноситъ ихъ въ свою Исторію? Нѣтъ; онъ этого избѣгаетъ. Историкъ напоминаетъ ихъ, какъ всѣмъ уже извѣстныя, цитуетъ болѣе или менѣе длинный отрывокъ, иногда лишь начальныя слова, и сосредоточивая все свое вниманіе надъ отыскиваніемъ въ нихъ историческаго смысла, вырабатываетъ такимъ образомъ историческій разсказъ, по образцу морализацій средневѣковыхъ басенъ. Зависимостью отъ такого готоваго матеріала болѣе, чѣмъ предполагаемымъ 1) путешествіемъ

257 Византийская цивилизация... 1894—1927 гг.

ное, обстоятельство, что между тѣмъ какъ Мараба, собственно Агаеангелъ, у нашего Анонима распространяется больше о пареянскихъ дѣлахъ, [Псевдо-] Мараба у Хоренскаго подробенъ въ томъ, что касается исторіи или географіи Арменіи. Касательно же одобряемаго Vetter'омъ предложенія Баунгартнера, op. c., p. 495, что *Մհրաբարդ* есть искаженное *Մհրաբայր*, замѣтимъ, что тоже самое было высказано еще въ 1862 году К. Паткановымъ (перев., стр. 178, прим. 36), и укажемъ на нарушеніе армянской фонетики, допущенное Б.-ромъ въ объясненіи этого слова: «*ethnison* *Մհրաբարդ* — форма невозможная въ древне-армянскомъ; названіе «Низнбия» въ армянскомъ трансрибуруется *Մհրբ* или *Մհրաբ*, *scriptio plena* *Մհրաբ*, съ ослабленіемъ несудареннаго *բ* въ *բ* *latens* во второмъ и третьемъ съ конца слогахъ: при всякомъ прибавленіи къ этому имени лишняго слога, будетъ ли это падежное окончаніе или суффиксъ прилагательнаго, третье, оставшееся *բ*, также ослабѣваетъ и въ *բ* *latens*: отсюда отъ *Մհրաբ* род. пад. *Մհրաբայ* = *Մհրաբայ* и прилаг. *Մհրաբարդ* = *Մհրաբարդ*; очевидно, какимъ путемъ невнимательный переписчикъ *Մհրաբարդ* оригинала, оказываящійся въ исправленномъ спискѣ о. Ф. Чамчяна (Համր. Ամ. ib., p. 5), могъ списать *Մհրաբարդ*. Род. *Մհրաբայ*, также *scriptio defecta* им. *Մհրաբարդ*, у переписчика же нашего памятка искаженъ и въ *Մհրաբարդ* (изд. К. Патк., p. 9).

1) Если посмотреть съ прозаической трезвостью на поэтическій, точнѣе риторическій, разсказъ объ его путешествіи (III, 61) и не видѣть въ немъ аллегоріи, то авторъ оказывается въ противорѣчій съ истиннымъ положеніемъ дѣла, говоря объ Едессѣ, что онъ *ԲիժԵմակի ընդ խորի գրևանի նակետ* *быстро проплыл на челнокъ глубину его архивовъ* или, какъ еще переводятъ, *слекя пронесся по глубинъ его архивовъ*.

М. Хоренскаго въ Едессу, объясняется также противорѣчіе, бѣлой нитью проходящее черезъ весь памятникъ, постоянныя ссылки на сирийскіе, въ частности Едесскіе архивы, между тѣмъ какъ авторъ принадлежитъ къ яркимъ поклонникамъ греческой науки, о чемъ витіевато и многократно заявляетъ самъ въ рядѣ главъ въ началѣ своей Исторіи. Вѣдь мы знаемъ, какъ ссылка М. Хоренскаго на Едесскій архивъ въ одномъ случаѣ, въ главахъ объ Авгарѣ, взята изъ церковной Исторіи Евсевія, переведенной на армянскій языкъ съ сирийскаго (см. изд. Венеція, 1872, равно о. Зарбаналянъ, *Catal. des trad. arm.*, p. 55). Тотъ же матеріалъ, заготовленный армянскими учеными сирийской школы, долженъ былъ опредѣлить въ источники М. Хоренскому часто цитруемыхъ имъ прозелитовъ изъ персовъ¹⁾, которые мало или совсѣмъ неизвѣстны грекамъ. Нѣтъ сомнѣнія, не мало могъ внести новаго М. Хоренскій въ Исторію Арменіи изъ доступныхъ ему и любимыхъ греческихъ источниковъ, и это новое онъ могъ найти въ памятникахъ пятого, или болѣе поздняго вѣка, смотря потому писателемъ какого времени онъ будетъ признанъ по тщательномъ и всестороннемъ изученіи армянской литературы въ указанныхъ предѣлахъ. Но до окончательныхъ выводовъ слѣдуетъ направить изысканія въ область сирийской письменности²⁾ для опредѣленія степени ея вліянія на начальную армянскую; вліяніе это сказалось за много времени раньше, чѣмъ Малала воспользовался для своей греческой хроники посредственно или непосредственно матеріалами мѣстныхъ антиохійскихъ лѣтописцевъ³⁾.

И такъ оказывается, что въ болѣе или менѣе интересныхъ вопросахъ по армянской литературѣ нельзя ступить шагу безъ ряда догадокъ. Не выяснены изслѣдованіемъ коренные вопросы, касающіеся

1) Транскрипція имени родоначальника Сасанидовъ $\Phi-\psi-\tau$, а не $\Psi-\psi-\tau$, въ П. 70 ($\Psi-\psi-\tau$ $\psi-\psi-\tau$ $\Phi-\psi-\tau$) также предполагаетъ сирийскій, а не греческій оригиналъ.

2) Нельзя не пожалѣть, что въ одной сирийской повѣсти, въ трехъ частяхъ, дошедшей до насъ въ рукописи VI вѣка, недостаетъ первой части, какъ разъ *Исторіи Константина и его смывовъ*. Th. Nöldeke (*Ueber den syrischen Roman von Kaiser Julian*, *Zeitschr. d. D. Morg. Ges.*, pp. 263 — 264) говоритъ, что едва-ли велика потеря, такъ какъ *Исторія Константина и его смывовъ* представляла, судя по сохранившемуся отрывку и двумъ остальнымъ частямъ, совершенно сказочное повѣствованіе (*dingen als fabelhafte Erzählung*). Но сказочный характеръ Исторіи Константина дѣлаетъ ее особливо цѣнной въ глазахъ интересующихся источниками труда М. Хоренскаго. Курьезно то, что подобно сказочной повѣсти о Константинѣ изъ житія папы Симлевистра, сирийская Исторія Константина также была приписана въ сирийской литературѣ историку Сократу (Th. Nöldeke, *op. c.*, p. 292).

3) A. Wirth, *Asia Orient. Chron.* 1894, p. XXXI.

главнѣйшихъ явленій армянской литературы, отношеній ли къ наиболѣе вліявшимъ на нее сосѣднимъ литературамъ или взаимныхъ отношеній наиболѣе выдающихся ея памятниковъ.

Не лучше обстоитъ дѣло въ частности съ изученіемъ текста Исторіи М. Хоренскаго. Въ немъ много мѣстъ, которыя независимо отъ всякихъ стороннихъ соображеній, въ силу лишь требованія смысла или устраненія явныхъ, недопустимыхъ отъ одного и того же лица, противорѣчій, напрашиваются на изслѣдованіе. Со стороны формы не меньше неразрѣшенныхъ вопросовъ. Пока есть лишь слабыя попытки къ уясненію того, что текстъ Исторіи, дошедшій до насъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ (не древнѣе конца XII вѣка), подвергался вѣками систематическому переводу замѣною классическихъ, мало понятныхъ, словъ сравнительно доступными выраженіями позднѣйшаго литературнаго обихода. Въ отношеніи языка трудъ комментировался, и часто глоссы, помѣщавшіяся на поляхъ, попадали въ текстъ, вытѣсняя или не вытѣсняя оттуда первоначальные эквиваленты. Но и въ отношеніи содержанія мы не можемъ быть увѣренными, что любознательные заказчики или собственники (*ստացող*), поручая свѣдущимъ переписчикамъ (*գրիչ*) сдѣлать для нихъ списокъ Исторіи — рукописные экземпляры сочиненій въ Арменіи возникали такимъ путемъ — довольствовались переводами словъ или фразъ, а не требовали также поясненій по тѣмъ или другимъ, интересовавшимъ ихъ, историческимъ вопросамъ.

Кромѣ того трудъ М. Хоренскаго, какъ не разъ указывалось, служилъ учебникомъ по исторіи, и въ качествѣ учебника онъ естественно могъ пополняться позднѣе добытыми свѣдѣніями. Эта сторона дѣла совершенно не затронута, а между тѣмъ имѣются всѣ данныя, чтобы изслѣдованіе ея не осталось безплоднымъ.

Правда, указанія о вставкахъ были сдѣланы въ отвѣтъ¹⁾ на статьи

1) Въ большинствѣ статей, вызванныхъ замѣтками проф. Саггьіега, пока на первомъ планѣ выступаетъ желаніе какъ нибудь выгородить М. Хоренскаго. Самостоятельный интересъ представляетъ замѣтка С. Малхасяна *Գ. Մալխասյանի մասին «Մատենադարան»* (1892, pp. 1852—1863); статья посвящена специально II, 88 главѣ: въ ней выясняется съ вѣроятностью, что эта глава есть вставка XI вѣка. Что въ подлежащемъ мѣстѣ недостаетъ главы объ обращеніи въ христіанство Арменіи, С. М. доказываетъ весьма убѣдительно. Мы подписывали послѣднюю корректуру, когда получили возможность познакомиться съ разборомъ критическихъ статей А. С—геа, составленнымъ о. Саргисяномъ (*Բնագր.* 1894, V, pp. 198—210). Ученый Мехитаристъ пока — статья не окончена — старается шагъ за шагомъ опровергнуть предположенія А. С—геа о замшествованіяхъ Хоренскаго изъ Малалы и незамѣтно для себя втягивается въ тотъ заколдованный кругъ побочныхъ вопросовъ, въ которомъ французскій ученый мнитъ найти и разрубить Гордіевъ узелъ.

А. Саггіёге'а, чтобы поддержать престижъ М. Хоренскаго, но такой образъ дѣйствія и съ точки зрѣнія обороны крайне опасенъ, и не менѣе угрожаетъ правильному сужденію о М. Хоренскомъ. Нужна не такая защита, а самостоятельная армянская филологія¹⁾ съ критически провѣренными текстами и съ прочно выработанными взглядами, единственно надежными устоями для научнаго обсужденія, безъ чего изслѣдованія не только историко-литературныя, но и лингвистическія, будто бы на основаніи армянскихъ источниковъ, по существу основываются на болѣе или менѣе длинномъ рядѣ недоразумѣній.

Въ вопросѣ о М. Хоренскомъ совершенно упускается изъ виду, что не онъ одинъ историкъ пятаго вѣка, не одни историки были самостоятельными писателями у армянъ и не одни только оригинальныя произведенія писались тогда же; что литературные труженики той эпохи были народными дѣятелями, насадителями христіанскаго просвѣщенія на понятномъ родномъ языкѣ въ національномъ духѣ въ христіанской, но все еще язычески настроенной средѣ, наконецъ, писателями рѣзко обозначившагося направленія, и во всѣхъ ихъ трудахъ, переводныхъ и оригинальныхъ, сказывается, въ выборѣ темы, матеріаловъ, въ разработкѣ, во взглядахъ, въ слогѣ извѣстный обликъ писателя, который мы напрасно искали бы въ другой эпохѣ. Можно ли, минуя всѣ эти существенныя черты, — насколько мы пока знаемъ — связывающія М. Хоренскаго съ остальной плеядою пятаго вѣка, не обмолвившись даже ни словомъ по этимъ основнымъ вопросамъ, перемѣщать историка изъ одного столѣтія въ другое²⁾? Конечно, нѣтъ. Но нѣтъ въ этомъ и вреда. Напротивъ, такое ошеломляющее неожиданностью обобщеніе хотя частичныхъ, но все же, повидимому, неоспоримыхъ фактовъ, способствуетъ лишь болѣе внимательному изученію писателя, тщательной документальной провѣркѣ взглядовъ традиціонныхъ, всего того, что мы знаемъ съ чужихъ словъ, и вызываетъ новыя спеціальныя работы, а чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ лучше.

1) Прекрасные опыты въ этомъ духѣ имѣются въ работахъ о М. Хоренскомъ нѣмецкаго ученаго А. Baumgartner'a.

2) Въ трудѣ Albrecht Wirth'a *Ans Orientalischen Chroniken*, Frankfurt a. M. 1894, заключающемъ между прочимъ довольно обстоятельный сводъ свѣдѣній и изслѣдованій объ армянскихъ историческихъ памятникахъ (pp. XLIV, 96—116), значительное мѣсто отведено М. Хоренскому (pp. 98—105), и *Исторія* его признается переработанной въ 634—644 гг. (p. 99). По поводу труда А. Wirth'a кстати замѣчу, что изъ отдѣла о грузинской историографіи, весьма не богато составленнаго — всего въ 11 строкъ (p. 116), надо выключить 6 строкъ, посвященныхъ труду Степана Орбеляна, армянскаго историка.

ОТДѢЛЪ I

Изъ семейной исторіи аморійской¹⁾ династїи.

Источники по византийской исторіи IX вѣка представляютъ, между прочимъ, нѣсколько разнорѣчій касательно семейной исторіи аморійской династїи. Эти разнорѣчія давно замѣчены и разобраны такими учеными, какъ Дюканжъ, Гиббонъ, а въ не столь давнее время — Ф. Гиршъ; сами по себѣ эти генеалогическія подробности едва ли важны. Болѣе интереса онѣ имѣютъ, какъ матеріалъ для выясненія взаимоотношенія и отчасти для оцѣнки источниковъ, въ которыхъ онѣ сообщаются. Именно съ этой точки зрѣнія ихъ коснулся Ф. Гиршъ. Но со времени появленія его «Byzantinische Studien» (1876 г.) уткло не мало воды; разработка генеалогіи — не аморійцевъ, а византийскихъ хроникъ IX—XII вѣковъ далеко ушла впередъ благодаря работамъ Патцига, Васильевского, де-Боора, Шестакова и другихъ; а между тѣмъ Гиршъ, по нашему мнѣнію, и для того времени, когда онъ писалъ, сказалъ не все, что можно было сказать, хотя и былъ правъ почти во всемъ, чтò высказалъ по данному вопросу. Кромѣ того, чтò хорошо забыто, то до извѣстной степени можетъ считаться за новое. Кажется, это случилось съ семейной исторіей аморійцевъ, судя по тому, что такіе ученые, какъ К. Крумбахеръ²⁾, не оговариваясь и не объясняясь, слѣдуютъ здѣсь показаніямъ источниковъ,

1) Я предпочитаю начертаніе «аморійскій» (отъ Ἀμόριον) начертанію «аморейскій» (отъ Ἀμοραῖος), чтобы избѣжать созвучія съ названіемъ библейскихъ Ἀμορραῖος (אֲמֹרַיִם) и ихъ родоначальника (Быт. гл. 10, 16).

2) Geschichte der byzantinischen Litteratur², стр. 715; Kasia, Sitzungsber. d. bayer. Akad., hist. Cl., 1897, стр. 312.

отвергнутымъ еще Дюканжемъ. Поэтому новый пересмотръ вопроса, съ обѣихъ указанныхъ точекъ зрѣнія, представляется намъ нелишнимъ дѣломъ.

I.

Первое и основное разнорѣчіе касается Евфросины, супруги императора Михаила II Косноязычнаго. Ея судьба передается въ двухъ несогласимыхъ версіяхъ. На одной сторонѣ стоятъ Генесій, продолженіе Θεοφανα, Кедринъ (то есть, Скилица)¹⁾ и Зонара; на другой—хроника логоветова цикла (по В. Г. Васильевскому) или Leosippe (по Патцигу), то есть: сочавская рукопись хроники Симеона Логовета (Имп. Публ. Библ. F IV 307), Левъ Грамматикъ, Георгій Мнихъ распространенной редакціи (изданій боннскаго и Муральтова) и другія. Какое положеніе занималъ въ данномъ случаѣ подлинный Георгій Мнихъ—вопросъ очень интересный и болѣе трудный, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Ниже мы дадимъ посильный разборъ его. Наконецъ анонимная хроника, отчасти изданная Комбефисомъ и перепечатанная въ боннскомъ корпусѣ съ именемъ Симеона Магистра по Paris. 1712 (т. наз. псевдо-Симеонъ), пытается слить обѣ версіи въ одну, но какъ будто лишь затѣмъ, чтобы выставить на видъ ихъ несовмѣстимость.

По Генесію²⁾, императоръ Михаилъ, въ началѣ своего правленія, послѣ своихъ извѣстныхъ распоряженій относительно иконопочитанія, «удвоилъ, безумствуя, свое нечестіе»,—я взялъ себѣ въ супруги и перевелъ во дворецъ Евфросину, дочь подвергшагося казни чрезъ ослѣпленіе³⁾ Константина, приступившую къ монашеской жизни.

У продолжателя Θεοφана, Кедрина и Зонары⁴⁾ это событіе и дальнѣйшая судьба Евфросины разсказаны гораздо подробнѣе. Послѣ подавленія возстанія Θομης и завоеванія Крита арабами, вдовый⁵⁾ Михаилъ II задумалъ вступить во второй бракъ. Дѣлая видъ, будто

1) Ради осторожности, ниже рѣчь будетъ о «Кедринѣ», а не о Скилицѣ, такъ какъ между ихъ текстами могутъ оказаться хотя бы легкія отличія. Напечатанный же латинскій переводъ Скилицы для рѣшенія такихъ специальныхъ вопросовъ не можетъ быть привлекаемъ.

2) Regim lib. II, стр. 50 боннскаго изданія.

3) Τοῦ ματαχρίδεντος τυφλότητι.

4) Theoph. contin. p. 78—79 и 86. Cedr. II, 95 и 101. Zonaras III (изд. Büttner-Wobst, 1897 г.), p. 349—350 и 353—354.

5) Повидимому только что овдовѣвшій: *ἡλικιωμένος καὶ τελευτήσας αὐτοῦ* Theoph. Cont. и Cedr.; *θανούσης δὲ τῆς συζύγου* Zonaras.

Ж О Н
53

онъ отъ скорби по умершей супругѣ не можетъ и думать о новой женитьбѣ, онъ подъ рукой далъ понять вліятельнѣйшимъ членамъ синклита, что ему было бы пріятно, если бы они сами просили и даже силой вынудили бы его къ новому браку. Синклитъ понялъ его и явился съ челобитьемъ, ссылаясь на то, что де не слѣдуетъ царю жить безъ супруги, и женамъ ихъ, челобитчиковъ, оставаться безъ госпожи и царицы. Послѣ притворныхъ отказовъ, Михаилъ отобралъ съ челобитчиковъ письменныя клятвенныя обѣщанія, что они будутъ чтить ту, кого онъ изберетъ, какъ царицу, и дѣтей его отъ нея, какъ царей, когда онъ умретъ. Затѣмъ онъ женился на Евфросинѣ, которая слыла¹⁾ за дочь императора Константина (VI-го) и съ дѣтскихъ лѣтъ жила и давно уже была пострижена въ одномъ монастырѣ на Принцевыхъ островахъ. Пасынокъ Евфросины, Теофилъ, вскорѣ по своемъ вопареніи изгналъ мачеху изъ дворца и водворилъ ее въ томъ же монастырѣ, гдѣ она жила до замужества, такъ что всѣ клятвы и рукоприкладства не послужили ей ни къ чему.

Сопоставляя самые тексты *Cont. Theoph.*, *Cedg.* и *Zon.*, легко убѣдиться, что второй перифразируетъ и сокращаетъ перваго, а третій второго. Особенно близко къ источнику Кедрина; онъ только опускаетъ почти всѣ риторическія изліянія продолжателя Теофана, и одну маленькую подробность — что по уговору съ Михаиломъ члены синклита должны были вынуждать его къ браку угрозой возстанія; въ остальномъ лишь слегка измѣненъ слогъ. Зонара, несомнѣнно, перифразируетъ Кедрина (т. е. Скилицу); у него пропущено, сравнительно съ продолжателемъ Теофана, все, что пропущено у Кедрина, и нѣкоторыя отступленія Кедрина отъ продолжателя Теофана находятъ отзвукъ у Зонары, какъ видно изъ нижеприводимыхъ текстовъ²⁾.

Непосредственно передъ вторымъ бракомъ Михаила II продолжатель Теофана помѣщаетъ мученичество на о. Критѣ епископа гортинскаго, Кирилла, и другихъ мучениковъ, въ томъ числѣ «десять»³⁾. То же находимъ у Кедрина и Зонары, съ той разницей, что они говорятъ только о Кириллѣ. Сряду послѣ женитьбы Михаила продолжатель Теофана и Кедрина ставятъ экспедицію Кратера на Критъ; Зо-

1) ἀσπρόνυκτο εἶναι ἐλέγχετο εἶναι λεγομένην.

2) Этотъ фактъ (что Зонара для періода 813—966 г. пользуется преимущественно Скилицей) замѣченъ Гиршемъ, см. *Byzantinische Studien*, 379 слѣд., но въ частности на извѣстіяхъ о второмъ бракѣ Михаила II Гиршъ не останавливается.

3) По другимъ извѣстіямъ «десять» пострадали при Деціи. Сергій, *Полный Мѣсяцесловъ Востока*, т. 2, ч. 2, стр. 397/8.

нара же сперва вставляеть замѣтку о кончинѣ патриарха Θεοδοτα и поставленія вмѣсто него Антонія Кассиматы.

Вотъ тексты продолжателя Θεοφана, Кедрина и Зонары. Разрядкою означены словесныя совпаденія; () во второмъ и третьемъ столбцахъ указываютъ, гдѣ сравнительно съ источникомъ Кедринъ или Зонара представляетъ пробѣлы; подчеркнуты мѣста, гдѣ Кедринъ и Зонара представляютъ одни и тѣ же отступленія отъ прод. Θεοφана.

Theoph. contin.

Cedr.

Zon.

Τῆς γαμετῆς γοῦν τελευτησάσης αὐτοῦ, καὶ δόξαν θέλοντος κατασχεῖν τῶν πολλῶν ὡς πένθος ἀληστον ἔχει αὐτῆς, τὴν σύγκλητον ἐποίηε διὰ τινῶν μηνυμάτων κρυφίων καὶ μυστικῶν αἰρήσασθαι τοῦτον πείσασαι γυναικὶ αὐτῆς ζευχθῆναι, καὶ οὐ παρακαλέσαι μόνον πρὸς τοῦτο, ἀλλὰ καὶ βιάσασθαι¹ (καὶ εἰς ἐπανάστασιν, εἰ μὴ τοῦτο γένηται, χωρῆσαι αὐτοῦς)¹. οὐ γὰρ ἐστὶν οἶον γυναικὸς ἀνευ φάσκειν βασιλέα τε ζῆν καὶ τὰς ἡμετέρας στερεῖσθαι γαμετάς δεσποίνης καὶ βασιλίδος. Ἐπέπειστο γοῦν ὁψέ διὰ τῶν ἐπιπλάστων λόγων, ²(οὓς τῷ χρόνῳ λαθεῖν οὐκ ἦν)³ καὶ

Τῆς γαμετῆς οὖν τελευτησάσης αὐτοῦ ὑπεποιεῖτο μὲν τὸν ἄζυγα βίον, λάθρα δὲ πρὸς τοὺς προὔχοντας τῆς συγκλήτου πέμπων ἀνέπεισε παρ' αὐτῶν παρακαλεῖσθαι ἑτέρα συζευχθῆναι γυναικί, εἰ μὴ πεισθεῖη δέ, (καὶ βίαν ἐπεινεγκεῖν ἀπειλούντων), πρόφασιν ¹() δῆθεν εὐσχημον προτεινομένων, ὡς οὐ δεῖον αὐτοὺς μὲν ὑπὸ βασιλεῖ τάττεσθαι, τὰς δὲ αὐτῶν γυναῖκας δεσποίνης στερεῖσθαι καὶ βασιλίδος. Ἐπέπειστο οὖν ὁψέ ποτε διὰ τῶν ἐπιπλάστων λόγων, ²() καὶ πρῶτα μὲν ἀπῆται χειρόγραφα³ () τοὺς ὑπηκόους εὐνοίας, ὡς αὐτὴν τε τὴν ἐσομένην

Θανούσης δὲ τῆς συζύγου τῷ βασιλεῖ ἐκεῖνος ὑπεκρίνετο μὲν ἐς τὸ προφανὲς δεινότεροις ὁμιλῆσαι γάμοις μὴ βούλεσθαι, κρύβδην δὲ πρὸς τοὺς ἐξόχους τῆς γερουσίας διεπέμπετο ἀξιούσθαι παρ' αὐτῶν ἑτέραν τοῦ βίου κοινωνόν εἰσοικίσασθαι, () καὶ ἡ σκήψις ὡς εὐπρεπῆς: δεινὸν γὰρ ἔφασαν εἶναι ἡμᾶς μὲν βασιλεύεσθαι παρὰ σοῦ, τὰς δ' ἡμῶν συνοίκους βασιλίδος στερεῖσθαι. Ὁ δὲ πρότερον μὲν ἀκχιζόμενος τὴν ἀξίωσιν οὐ προσέτετο λιπαρούντων δ' ἐκείνων πίστει ἐξ αὐτῶν ἀπῆται, εἰ βούλοιντο ἀγαγεσθαι αὐτὸν βασιλίδα, ὡς καὶ μετὰ θάνατον αὐτοῦ βασιλίσσαν ταύτην ἐξουσι καὶ τὰ ἐκ

πρῶτον μὲν χειρό-
 γραφα ³(ὑπὲρ τῶν
 μήτε ὄντων μήτε ἔσο-
 μένων)³ πᾶσαν ἀπήτει
 χεῖρα, ὡς αὐτὴν τε
 ἔσομένην αὐτῷ γα-
 μετὴν καὶ τὰ ἐκ ταύ-
 τῆς ἔκγονα ὑπερα-
 σπίζειν καὶ ὑπερμαχεῖν
 μετὰ τὸν αὐτοῦ μὴ
 παύσαιντο θάνατον,
 ἀλλὰ κάκεινην τε
 μετ' ἐκείνου βασι-
 λέας ἔχοιεν καὶ δέ-
 σποιναν, ὡς εἰκός.

Οὕτως οὐ τοῦ κατ'
 ἐκεῖνον, ἀλλὰ καὶ
 τοῦ μετ' αὐτὸν ᾤετο
 κατακρατῆσειν αἰῶ-
 νος, ⁴(δέον πάντα ἐκ
 θεοῦ, ἀλλ' οὐκ ἐκείνων
 ἀναρτῆσαι χεῖρί, δι' ὃν
 βασιλεῖς βασιλεύουσι
 καὶ τύραννοι κρατοῦσι
 γῆς)⁴. Πλὴν ὑπέκυπ-
 τον ⁵(ὁ πάσης κυριεύων
 γῆς)⁵ προστάγματι τῷ
 συγκλητικῷ ⁶, (καὶ συν-
 άψεσθαι ἄκων ἠνείχето
 ὁ σώφρονα βίον ἀνηρη-
 μένος)⁶. "Ἦγετο οὖν
 πρὸς γάμον ⁷(οὐ
 τήνδε ἢ τήνδε, ἀλλὰ)⁷
 γυναῖκά τινα πάλαι
⁸(τὸν κόσμον καὶ τὰ αὐ-
 τοῦ ἀποστέρξασαν)⁸,
 Χριστῷ δὲ νυμφευ-

αὐτῷ γυναῖκα καὶ τὰ
 ἐξ αὐτῆς τεχθησό-
μενα μετὰ τὸν αὐ-
 τοῦ θάνατον ὑπερ-
 βαλλόντως τιμήσου-
σι, καὶ μετ' ἐκεῖνον
 βασιλέας ἔχοιεν κά-
 κείνην δέσποιναν.

Οὕτως οὐ τοῦ κατ'
 ἐκεῖνον, ἀλλὰ καὶ
 τοῦ μετ' αὐτὸν ᾤετο
 κρατῆσειν αἰῶνος⁴).

Εἶτα καὶ ταῖς μετὰ
 τέχνης αἰτήσεσι πείθε-
 ται τῆς συγκλήτου⁵()⁶,
 καὶ ἠγάγετο πρὸς
 γάμον ⁷() γυναῖκά
 τινα πάλαι ⁸() νυμ-
 φευθεῖσαν Χριστῷ||
 καὶ τὸν μοναδικόν ἀσπα-
 σαμένην βίον κἂν τῷ
 ἐν τῇ Πριγκίπῳ μονα-
 στηρίῳ μονάζουσαν ἐκ
 παιδός ⁹()¹⁰.

ταύτης αὐτῷ φυησό-
μενα ὡς βασιλέας
τιμήσουσι.

Ταῦτα δὲ τῶν τῆς
 συγκλήτου ἐγγράφως
 αὐτῷ ἐπαγγελαμένων,
 κάκεινος αὐτοῖς προσε-
 ποιήσατο πείθεσθαι καὶ
 εἰσοικίζεται γυναῖκά
 τινα, θυγατέρα λεγο-
 μένην γενέσθαι τοῦ βα-
 σιλεύσαντος Κωνσταν-
 τίνου, ὃν ἡ μήτηρ, ὡς
 ἤδη ἐμπροσθεν εἰρηται,
 ἐξετύφλωσεν.

³Ἦν δ' αὕτη κεκαρ-
 μένη πρὸ πλείονος καὶ
 ἐν τῇ νήσῳ τῇ Πρίγ-
 κίπος ταῖς ἀσκουμέ-

θεῖσαν, καὶ ὁ (ἀσκήσε-
σιν) ὁ ἐκ παιδὸς κατὰ
τὴν ἐν Πριγκίπῳ νήσῳ
μονὴν σχολάσασαν
¹⁰(καὶ προσανέχουσαν
τῷ θεῷ)¹⁰.

Εὐφροσύνη ταύ-
της ἡ κλησις, καὶ
πατὴρ ἐσεμνύετο
Κωνσταντίνου εἶναι,
δικαίᾳ κρίσει τὴν τύ-
φλωσιν ὑπομεμενηκότος
παρὰ μητρός

. . . καὶ τούτους μὲν
(υβίѣць Льва V) οὕτως
πως ἐξ ἀνθρώπων ἐποί-
ησεν, ¹¹(προσεπιθεὶς
τούτοις τὸ ἐπαινετὸν
ἐκεῖνό γε καὶ καλόν)¹¹,
τὸ ἀπελάσαι καὶ πρὸς
τὴν ἐν ἧ τὸ πρότερον
ἀπεκάρη μονὴν Εὐφρο-
σύνην τὴν ἑαυτοῦ μη-
τριαν ποιῆσαι παλι-
νοστήσαι, ἣν ἡ ἱστορία
δευτέραν γαμετὴν παρ-
έδωκε τῷ Μιχαήλ·
ἐκείνων γε τῶν ἡμῖν
εἰρημένων ἐκεῖσε χειρο-
γράφων καὶ ὄρκων πολ-
λῶν, οὐχ ὀσίως πραχ-
θέντων γε καὶ γενομέ-
νων, ὠφελησάντων
οὐδὲν (слѣдуетъ еще
риторика).

Εὐφροσύνη ταύ-
της ἡ κλησις, πατὴρ
δὲ λέγεται εἶναι Κων-
σταντίνου τοῦ βασι-
λέως, ὃν ἡ μήτηρ Εἰ-
ρήνη δικαίως διὰ τὰς
σφετέρας ἀπετύφλωσεν
ἀκολασίας

¹¹() Ὁ δὲ Θεόφιλος
καὶ τὴν αὐτοῦ μη-
τριαν ἀπελάσας
τῶν βασιλείων εἰς
τὸ μοναστήριον ἠνάγκ-
ασεν ἀπελθεῖν, ἐν ᾧ τὸ
πρῶτον τὴν κοσμηκὴν
ἀπέθετο τρίχα, μηδὲν
ὠφελησάντων τῶν
ὄρκων, οὐς ἡ σύγκλη-
τος πρὸς τὸν Μιχαήλ
ἐποιήσατο.

ναὶ ἐκεῖ μοναχῆς ἐκ
πρώτης τριχὸς συγ-
κατελεικτο, καὶ ἡ κλη-
σις τῇ γυναικὶ Εὐφρο-
σύνη

Ὁ Θεόφιλος δὲ καὶ
τὴν μητριαν ἀπε-
λάσας τῶν βασιλείων
εἰς τὴν προτέρα αὐτῆς
μονὴν ἐν τῇ τοῦ Πριγκί-
πος νήσῳ ἀπήγαγε,
μηδὲν ἀποναμένην τῶν
ὄρκων, οὐς ὁ Μιχαήλ
περὶ αὐτῆς ἐκ τῆς συγ-
κλήτου ἀπήτησε.

Сходство между продолжателемъ Θεοφана и Кедринѡмъ вѣроятно идетъ еще нѣсколько дальше: такія отличія, какъ γοῦν и οὔν, ὄψι и ὄψι ποτε, и даже μετ' ἐκείνουc и μετ' ἐκείνον можетъ быть возникли оттого, что Скилица имѣлъ передъ глазами не ту единственную¹⁾ рукопись продолжателя Θεοφана, по которой послѣдній напечатанъ (Ragisius, olim Vaticanus 167). Нѣтъ никакихъ указаній, что Кедринъ или Зонара имѣли въ данномъ случаѣ какіе либо источники, кромѣ продолжателя Θεοφана. Итакъ эту первую версію можно условиться называть версіей Генесія и продолженнаго Θεοφана.

Хроники логоеетова цикла говорятъ объ Евφросинѣ совсѣмъ другое. Вотъ всѣ тексты, гдѣ она упоминается, по сочавскому (болгарскому) логоеету, ркп. Petropolit. F IV 307, и Льву Грамматику.

Сочавскій логоееть.

(1) л. 160 об.) бѣ же оу него (Михаила шръбаго) сѣнь ѿ ефросины рождень именемъ ееофиль. его же и степса въ велицѣи цркви.

(2) л. 161^{а-б}. Михайль... злѣ изчезе отъ житіа... прѣашж же въ мѣсто его власть ееофиль сѣнь его съ мѣриж своеж ефросинож.

(3) л. 161 об. Мѣти же его ефросина пославши вѣса страны приведе ѿтроковица прѣкрасны еже оуневѣстити сѣна своего.

(Слѣдуетъ извѣстное описаніе

л. 162^а. Црѣва же мѣти ефросина волеж съшедши съ полаты въ монастыри своемъ зовомѣ гаспрія безмѣгствова.

Leo Gramm.

(Migne S. Gr. 108, ст. 1044 A).
Ἦν δὲ αὐτῷ παῖς ἐξ Εὐφροσύνης ὀνόματι Θεόφιλος, ὃν καὶ ἔστεψεν ἐν τῇ Μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ.

(ст. 1044 CD). Μιχαὴλ
κακῶς ἀπηλλάγη τοῦ ζῆν, ἔσχε δὲ τὴν ἀρχὴν ἀντ' αὐτοῦ Θεόφιλος ὁ υἱὸς αὐτοῦ μετὰ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Εὐφροσύνης.

ст. 1045 A. Ἦ δὲ μήτηρ αὐτοῦ Εὐφροσύνη ἀποστείλασα ἐν πᾶσι τοῖς θέμασιν ἤγαγεν κόρας εὐπρεπεῖς πρὸς τὸ νυμφοστολῆσαι Θεόφιλον τὸν υἱὸν αὐτῆς.

сватовства имп. Θεοφила).

ст. 1045 B. Ἦ δὲ τοῦ βασιλέως μήτηρ Εὐφροσύνη ἐκουσίως κατελθοῦσα τοῦ παλατιοῦ ἐν τῇ μονῇ αὐτῆς, ἣ ἐπάνυμον τὰ Γαστρία, ἠσύχασεν.

1) К. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur², стр. 849. Новые материалы по продолжателю Θεοφана собраны теперь де Бооромъ.

Тѣ же самые тексты стоятъ въ распространенныхъ редакціяхъ Георгія Мвиха (Амартола), съ той ничтожной разницею, что въ текстѣ (2) у Георгія стоитъ *διεδέξατο* вмѣсто *ἔσχε*, а въ (3) *εὐπροσώποις* вмѣсто *εὐπρεπέις*. (См. Георгія Βλο τῶν νέων βασιλέων, боннскаго изданія стр. 783, 789—790; хроника Георгія изд. Муральта стр. 695, 699, 700).

Сличая эту версію — назовемъ ее версіей логогета — съ первой, мы находимъ слѣдующія разнорѣчія: у логогета 1) нѣтъ никакихъ указаній, что Евфросина была вторая жена Михаила и вышла за него; когда онъ уже былъ императоромъ; 2) Теофилъ со всею рѣшительностью признается за родного сына Евфросины; 3) говорится, что въ монастырь она ушла своей охотой, и притомъ 4) въ Гастрійскій, а не на Принцевы острова.

Наконецъ, по первой версіи, клятвы, данныя Михаилу синклитомъ, не принесли никакой выгоды Евфросинѣ; по логогету, она была соправительницей Теофила отъ смерти Михаила до своего ухода въ монастырь. Впрочемъ, на этомъ настаивать нечего: если она и побывала, по условію, нѣкоторое время «василиссой» и «дѣспиною», — авторъ, склонный къ риторическимъ преувеличеніямъ и враждебный аморійскому дому, легко могъ сказать «никакой пользы» вмѣсто «мало пользы».

На чьей сторонѣ истина, по крайней мѣрѣ въ главной сути дѣла — спора не можетъ быть. «Theophilus, Michaelis et Theclae filius» написалъ уже Дюканжъ¹⁾. «Neque enim audiendus Leo Grammaticus, qui Euphrosynes filium fuisse frustra scripsit». Имъ же²⁾ указана и рѣшающая инстанція: письмо преп. Θεοδωρα Студита къ Маріи, матери Евфросины, *Sigm. lib. II, 181*. Въ другомъ мѣстѣ мы уже приводили это письмо цѣликомъ и постарались выставить всю его доказательность въ данномъ случаѣ³⁾. Гиббонъ объяснилъ себѣ текстъ Льва въ томъ смыслѣ, что Евфросина, не имѣвшая родныхъ дѣтей, получила почетный титулъ «матери» Теофила⁴⁾. Объясненіе и остроумное, и можетъ быть, какъ увидимъ, и справедливое; но надо сознаться, что тексты, которые имѣлъ Гиббонъ, говорятъ иное: выраженіе *παῖς ἔξ Εὐφροσύνης* (сочавскій логогетъ добавляетъ даже: «рождень») не

1) *Familiae Augustae byzantinae*, стр. 192.

2) *Ibidem*, стр. 127.

3) Зап. Академіи Наукъ, IV, 5, стр. 58 и слѣд. Настоящая статья имѣетъ цѣлью замѣнить страницы 53—58 этого нашего этюда.

4) См. *The history of the decline and fall*, т. V, стр. 196 по изданію Вугу.

подлежитъ перетолкованію, и слѣдовательно и по Гиббону у логовета здѣсь ошибка. Ф. Гиршъ отыскалъ у того же Θεодора Студита еще указаніе, тоже весьма рѣшительное, противъ логовета и за Генесія¹⁾, именно въ его *Sermo catecheticus LXXIV*. Онъ же указалъ, что императоръ Теофилъ не могъ быть сыномъ Евфросины, т. к. въ такомъ случаѣ пришлось бы принять, что онъ былъ несовершеннолѣтнимъ почти все время своего правленія, а это противорѣчитъ всѣмъ (а ихъ очень немало) извѣстіямъ о немъ²⁾. Въ нашемъ цитованномъ выше этюдѣ мы постарались доказать, что письмо lib. II, 181 написано не ранѣе 821 года (хотя вообще письма второй книги антологіи, независимо отъ ихъ содержанія, начиная съ № 37, могутъ относиться и къ болѣе раннему времени), и слѣдовательно ссылка Дюканжа остается во всей силѣ.

Попытка псевдо-Симеона (хроники Paris: 1712 г.) слить обѣ версіи рѣшительно неудачна. Псевдо-Симеонъ говоритъ³⁾, что Михаилъ II женился (*εις υμετην ηγαγετο*) на дочери Константина VI, которую взялъ изъ монастыря, и отъ нея имѣлъ сына, Теофила. Повидимому, онъ думалъ (если только онъ что нибудь думалъ, а не контаминировалъ чисто механически), что этотъ союзъ состоялся задолго до воцаренія Михаила II, и потому всѣ подробности, вносимыя въ версію Генесія продолжателемъ Теофана, у него опущены. Но даже помимо показаній Θεодора Студита такая комбинація очень мало вѣроятна хронологически. По Теофану, Константинъ VI развелся съ Маріей изъ арменіакской семьи въ январѣ мѣсяцѣ 3-го индикта 6287 года (т. е. въ январѣ 795 года), вѣнчался въ ноябрѣ 12 индикта 6281 (=788) года⁴⁾; слѣдовательно Евфросина родилась не раньше осени 789 и не позже 795 года. Принимая самый ранній срокъ, находимъ, что ей исполнилось 13 лѣтъ осенью 802 года; итакъ, раньше послѣднихъ мѣсяцевъ этого года она замужъ выйти не могла⁵⁾ и едва ли раньше двухъ-трехъ лѣтъ стала матерью. Значитъ Теофилъ могъ у нея родиться не раньше 804—805 года, и въ концѣ 820 года, когда воцарился его

1) *Byzantinische Studien*, стр. 26.

2) *Ibidem*.

3) *Sym. Mag.* боннскаго изданія стр. 620—621 и 624—625, у Migne, т. 109, ст. 681 и 685.

4) *Theophanis Chronographia*, ed. de Boor, т. I, стр. 463 и 469.

5) «Эклогія» Льва III устанавливаетъ брачный возрастъ въ 15 (для мужчинъ) и 13 (для женщинъ) наступившихъ лѣтъ. Такъ какъ тотъ же срокъ (лишь иначе формулированный — 14 и 12 оконченныхъ лѣтъ) стоитъ въ «Прохирионѣ», то нѣтъ основаній думать, что реставрація Ирны измѣнила этотъ срокъ.

отецъ, ему было всего 15—16 лѣтъ. Между тѣмъ въ эпоху возстанія *Θομης* (820—октябрь 823 г.), и въ частности уже въ первую осаду *Θομης* Константинополя (декабрь 821—январь 822 г.), онъ является правой рукой отца¹⁾, что рекомендуетъ предполагать его въ эту эпоху всеже хотя нѣсколько старше. Но если *Θεοφιλъ* и созрѣлъ такъ рано, что въ 16—17 лѣтъ былъ уже воеводой²⁾, то спрашивается, когда же мать его, *Евфросина*, успѣла постричься, если на четырнадцатомъ году стала уже женой? Трулъскій соборъ дозволилъ, правда, «вступать подъ иго монашества» съ десятилѣтняго возраста (правило 40-е); но обычнымъ срокомъ считался, по *Василію Великому*, возрастъ въ 16—17 лѣтъ (второе каноническое посланіе, правило 18-е), и притомъ у *Василія Великаго* рѣчь идетъ именно о лицахъ женскаго пола, о посвященіи Богу дѣвъ. Царица *Марія*, мать *Евфросины*, постриженная насильно и имѣвшая, послѣ сверженія *Константина* и затѣмъ *Ирины*, не мало шансовъ на возвращеніе къ блестящему положенію, конечно не слишкомъ торопилась съ постриженіемъ дочери³⁾. Хронологическіе тиски, въ которые попадаетъ псевдо-*Симеонъ*, сдвинутся еще плотнѣе при одномъ изъ возможныхъ толкованій показанія источниковъ о дочери *Θεοφила*, *Маріи*; но объ этомъ ниже.

Когда же состоялся бракъ *Михаила* и *Евфросины*? *Генесій* даетъ слишкомъ неопредѣленную дату: въ началѣ его правленія, послѣ мѣръ относительно иконопочитанія. Принявъ за «начало» первую половину, получаемъ года отъ 821—824/5. Вполнѣ твердый *terminus ante quem* есть 11 ноября 826 года,—день кончины преп. *Θεοδора*. Продолжатель *Θεοφана* помѣщаетъ женитьбу *Михаила* между завоеваніемъ Крита арабами и экспедиціей *Кратера*, снаряженной *Михаиломъ* для обратнаго его завоеванія; то же находимъ у *Кедрина*; *Зонара* же вставляетъ еще, между бракомъ *Михаила* и экспедиціей *Кратера*, кончину патриарха *Θεοдота* и поставленіе вмѣсто него *Антонія Кассиматы*. Завоеваніе Крита падаетъ, по *А. Васильеву*⁴⁾, на весну 825 года, экспедиція *Кратера* на 826 годъ; выходитъ, что *Евфро-*

1) *А. Васильевъ*, Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи, стр. 34 и 36.

2) Пониджаму, именно такъ и было, см. ниже въ главѣ III.

3) Продолжатель *Θεοφана* говоритъ, что *Евфросина* пребывала въ монастырѣ «давно уже», «съ дѣтства»; но его описательныя выраженія не даютъ разграничить жизни въ монастырѣ отъ формальнаго постриженія. *Евфросина* вѣроятно жила въ монастырѣ съ тѣхъ же поръ, какъ и ея мать, т. е. съ максимумъ 5—6 лѣтняго своего возраста; но постриглась позже, см. нашъ втудъ стр. 61.

4) Въ цитованномъ сочиненіи, стр. 48—53 и 153.

сына вышла за Михаила въ концѣ 825 или въ началѣ 826 года. Но слишкомъ полагаться на такую выкладку не слѣдуетъ. Возстаніе Оомы и территориальныя потери Михаила, особенно завоеваніе арабами Крита, для византійскаго сознанія (а можетъ быть и на дѣлѣ) факты тѣсно связанные¹⁾; лѣтописцу могло казаться весьма неудобнымъ разрывать рассказъ о нихъ повѣстью объ Евфросинѣ, тѣмъ болѣе, что набѣги на Критъ начались уже вскорѣ послѣ казни Оомы, когда во Фракіи и М. Азіи еще держались его приверженцы. Но едвали Михаилу было время и охота думать о новомъ бракѣ, когда Оома былъ въ живыхъ; можетъ быть даже самое желаніе Михаила возстановить, такъ сказать, исаврійскую²⁾ династію (почему онъ и остановилъ свой выборъ на дочери Константина VI) было вызвано самозванствомъ Оомы, выдававшего себя за Константина VI. Принять эту болѣе раннюю дату (823/4 годъ) совѣтуютъ и выраженія Генесія. Напротивъ, указаніе Зонары, что вскорѣ послѣ брака Михаила умеръ патріархъ Θεοδοτῆς³⁾, кажется намъ не заслуживающимъ вниманія. Θεοδοτῆς былъ поставленъ 1 апрѣля 815 года, занималъ престолъ, по самому Зонарѣ, 6 лѣтъ; выходитъ, что бракъ Михаила состоялся въ 821 году. Само по себѣ это не невозможно, такъ какъ въ началѣ движенія Оомы Михаилъ, повидимому, отнесся къ нему довольно легко; но такъ какъ Зонара заставляетъ Θεοδοτῆς умирать послѣ завоеванія Крита (825 г.) и передъ экспедиціей Кратера, то очевидно онъ тутъ просто не къ мѣсту сдѣлалъ свою вставку о Θεοδοτῆς⁴⁾.

II.

Откуда же взялась ошибка логогета?

Присматриваясь къ его выше приведеннымъ текстамъ, мы видимъ, что сколько нибудь активную, содержательную роль Евфросина

1) См. логогетъ, рки. F IV 307, л. 161^в: οὐπραξίηζοοζε μιχαηλυ κῆ σὺνοστατο οομῆι κ ποπεχημῆζ εγο εῖςῆι προχα πῆζρῆβшоу, κριτῆι κ σικελῆι κ वोοομῆι κκκλαδι οστρoνι Φ грѣчьскыи власти Φаты быша и т. д.

2) Употребляю это обозначеніе, какъ болѣе привычное, и такъ какъ доводы Шенка въ пользу сирійскаго происхожденія Льва III не совсемъ убѣждаютъ насъ (Schenk, Kaiser Leo's Wallez im Innern, въ Byz. Zeitschr. 1896, стр. 296 и слѣд.), — не смотря на то, что житіе Стефана Нового тоже называетъ Льва *συρογενής*, Migne, Patr. gr. т. 100, ст. 1084; ср. также Codin. De aedificiis, ed. Bonn. стр. 83, строка 9.

3) Zonar., ed. Büttner-Wobst III, 350.

4) Причина ошибки едва ли не въ томъ, что Зонара спуталъ 6-й годъ правленія самого Михаила съ 6 годами патріаршества Θεοδοτῆς; поэтому смерть послѣдняго и попала у него между 825 и 826 годами.

играетъ у него только въ текстѣ (3), то есть въ исторіи сватовства Теофила. Имѣя этотъ рассказъ готовымъ передъ глазами, и собираясь переписать его въ свою хронику, онъ легко могъ придти къ мысли— чтобы не вводить Евфросину въ свой рассказъ ex abrupto, вставить упоминанія объ ней въ отдѣлѣ о вѣнчаніи Теофила отцомъ и о воцареніи его. Такъ возникло его выраженіе *παῖς ἐξ Εὐφροσύνης*, претиворѣчащее примирительной попыткѣ Гиббона.

Насколько древенъ однако самый рассказъ о Касіи? Насколько авторитетно, слѣдовательно, извѣстіе, что Евфросина, по крайней мѣрѣ, *звалась* матерью Теофила? Вопросъ рѣшается, какъ намъ кажется, житіемъ императрицы Теодоры, изданнымъ въ 1891 г. В. Э. Регелемъ въ *Analecta byzantino-russica*, стр. 1—19. Этотъ памятникъ, составленный, по разысканіямъ издателя¹⁾, вскорѣ послѣ смерти героини повѣствованія (867 г.), и служившій источникомъ подлинному Георгію Мниху, представляетъ раннѣйшее извѣстное намъ упоминаніе объ Евфросинѣ съ эпитетомъ матери Теофила; и упоминанія эти стоятъ въ повѣсти о замужествѣ Теодоры, представляющей, какъ намъ кажется, *полемическій pendant* къ повѣсти о Касіи, перешедшей въ хронику логовета. Вотъ что говоритъ житіе²⁾: Теодора была въ числѣ дѣвицъ знаменитыхъ красотою, присланныхъ въ столицу для смотринъ къ императору Теофилу; изъ ихъ числа Теофилъ отобралъ семерыхъ, каждой далъ по яблоку, и велѣлъ на другой день придти опять за окончательнымъ рѣшеніемъ. Въ число этихъ семи попала и Теодора. На другой день императоръ неожиданно спросилъ эти яблоки у семерыхъ конкурентокъ; у шести яблоковъ не оказалось, а Теодора подала вмѣсто одного два, и сказала: «первое яблоко, государь, вѣреннѣйшій мнѣ отъ Бога талантъ, прими цѣлымъ и невредимымъ — дѣвство мое и цѣломудріе; второго же какъ *δηνάριον καὶ τοῦ ἐξ ἑμοῦ τιχτοῦμένου υἱοῦ σου*, не отвергай». «Какъ ты угадала?» спросилъ Теофилъ въ изумленіи. «По пути сюда, близъ Никомидіи», отвѣчала Теодора, «я, ведомая звѣздою, какъ волхвы въ Вилеемъ, была у святого затворника. Онъ сказалъ мнѣ: ангелъ славы Божіей вѣнчаетъ тебя паріцей; прими яблоко, которое дастъ тебѣ царь, и это, которое я даю тебѣ; и когда глумящіися надъ тобою³⁾ будутъ жалостно забыты

1) Эти разысканія приняты такимъ судьей, какъ Вагу, въ его изданіи Гиббона т. V, Appendix 1, стр. 502. Regel, *Analecta byzantino-russica*, стр. III—XIX, особенно XIII и XVII—XVIII.

2) Стр. 3—5.

3) αὶ καταφλουροῦσαί σου.

за дверьми, ты вручишь его царю». Тогда царь взялъ оба яблока и далъ ей обручальное кольцо; и Теодора, какъ избранная невѣста, перешла на попеченіе служанокъ *Евфросины, царицы и матери царя*.

Сравнительно съ ярко жизненнымъ рассказомъ о Касіи повѣсть житія несомнѣнно блѣдна, отзывается книжностью и придуманностью; но въ тенденціи ея сомнѣваться трудно. Автору житія Теодоры несносна была мысль, что его героиня одолѣла опасную соперницу одной пассивной добродѣтелью безмолвія, благодаря своеобразнымъ требованіямъ жениха, не желавшаго, чтобы невѣста равнялась съ нимъ или превосходила его умомъ и находчивостью; и вотъ онъ составляетъ свою повѣсть, чтобы выставить Теодору въ своемъ родѣ столь же умной, какъ Касія подлиннаго рассказа, — но болѣе скромной, благочестивой, и зато предъизбранной свыше въ царицы. Фраза: «когда глумящіяся надъ тобою останутся за дверьми» можетъ быть именно намекаетъ на бойкую Касію, отъ язычка которой вѣроятно доставалось соперницамъ¹⁾. Общая канва рассказа, яблоко, какъ символъ избранія, общи обѣимъ версиямъ; весьма вѣроятно поэтому, что и «мать царя Евфросина» играла роль въ повѣсти о Касіи, и отсюда перешла къ логовету.

Но если такъ, то повѣсть о Касіи возникла до 867 года, и едва ли названіе Евфросины матерью царя есть ошибка; вѣроятно, она носила этотъ титулъ, какъ и думалъ Гиббонъ, и была даже соправительницей Θεοφιλα въ началѣ его правленія, какъ думалъ Гиршъ.

Теперь удобно взвѣсить pro и contra вопроса: стояли ли упоминанія о Евфросинѣ у подлиннаго Георгія Мниха? Въ коленевыхъ рукописяхъ 134 и 310 и сродной Patm. ихъ нѣтъ²⁾; нѣтъ ихъ также и въ славянскомъ переводѣ редакціи уваровскаго списка Имп. Академіи Наукъ № 966; этотъ переводъ, насколько я лично убѣдился, сдѣланъ съ рукописи, почти тождественной съ коленевыми, и именно съ Coisl. 310³⁾. Вѣроятно ихъ не было и въ Coisl. 305, если только эта

1) Anal. Byz.-Russ. 3—4: πολλῶν τῶν ἐπὶ θεῶν . . . μεταπεμφθεῖσιν πρὸς τὰ βασιλεῖα, ἀμφοτέρως (двухъ) ἐπὶ θεῶν καὶ προκρίσει κάλλους ὁ βασιλεὺς προεβάλλετο. Итакъ авторъ знаетъ и то, что у Теодоры была собственно лишь одна опасная соперница.

2) Hirsch, Byzantinische Studien стр. 13—15. О патмоской ркп. см. Bidez въ Byz. Zeitschr. т. VII, вып. 2, стр. 285 сл.

3) В. Васильевскій, Хроника логовета на славянскомъ и греческомъ, Виз. Врем. т. II, стр. 110, говоритъ, что сербскій хѣтовникъ, изд. фотолитографически Общ. Люб. Др. Письменности, воспроизводитъ Coisl. 305. Объ этомъ см. ниже.

рукопись вообще доведена была до второго періода иконоборства (она кончается Константиномъ Копрономъ¹⁾).

Хотя Гиритъ пользовался для опредѣленія состава Coisl. 310 и 134 только недостаточными коляціями Газе и Муральта, но выводъ его несомнѣнно подтвердится съ (близкимъ уже теперь!) выходомъ въ свѣтъ критическаго изданія Георгія Мниха. Боннское изданіе *Вισι τῶν υἱῶν βασιλέων* есть, какъ извѣстно, перепечатка парижскаго пюсю коляціи Газе изъ Coisl. 134. Въ изданіи Муральта примѣчанія Газе перепечатаны, хотя и не всѣ, и добавлены, между прочимъ, коляціи изъ Coisl. 310, доставленныя Муральту Эмм. Миллеромъ; коляціи эти тоже, по признанію специалистовъ, недостаточны²⁾. Покойный акад. Васильевскій сличалъ подлинныя Coisl. (305 и) 310 съ изданіемъ Муральта, и потому его показанія особенно важны.

Вотъ первый изъ занимающихъ насъ текстовъ по Муральтову Георгію, сочавскому логооету и славянскому (уваровскому) списку Академіи Наукъ № 966 перевода Георгія Мниха³⁾.

Georg. Murg.

Соч. Логооеть.

Слав. Георгій.

стр. 694/5. Ὁθεν ἐπὶ σελεντίου ἔφη· οἱ μὲν πρὸ ἡμῶν ἑρευνησάμενοι τῶν ἐκκλησιαστικῶν θεσμῶν τε καὶ κανόνων καὶ δογμάτων τὴν ἀκρίβειαν, τὸν περὶ αὐτῶν εἰσπραχθήσονται λόγον, εἰ καλῶς ἢ κακῶς ἐθέσπισαν· ἡμεῖς δὲ ἐν ᾧ εὐρομεν τὴν ἐκκλησίαν βαδίζουσαν, ἐν τούτῳ καὶ διαμένειν προκρίνομεν. ¹(²Ἦν δὲ

Л. 160^a. тѣмже на селендіи рече: иже оубо прѣжде нѣ испитавше црковный оуставъ прѣданія, еже о нѣ въздадать слово, аще добрѣ аще ли злѣ оуставишѣ. мыже въ немже црковь обрѣтохомъ стоѣшѣ, въ томъ и пребывати сѣдихѣ. бѣ же оу него снѣ Ѡ ефросины рождень, именемъ оео-

Л. 329 об. Тѣмъ предъ людьми и въ сборѣ глше: прежде оубо насъ испытавше црковныхъ изысканіи ти о сихъ слово въздадать ли добрѣ ли злѣ законствоваша. Мы же въ немъ же обрѣтохомъ црковь пребывающоу. в том и хранить ю изволимъ. ¹() *Сеже истовъ-ствоюще повелѣаем*

1) Montfaucon, Bibl. Coisl. 419—421 и de Boor, Studienreise nach Italien, Spanien u. England zum Zweck handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten, Sitzungsber. d. preuss. Akad. d. Wissensch. 1899, № LI, стр. 922—934.

2) Васильевскій, въ цитованной статьѣ Виз. Врем. II, стр. 100; Hirsch, Byz. Studien стр. 1—2 и отсюда К. Grumbacher, Geschichte der byzantinischen Literatur², стр. 356/7.

3) Ср. автографическое изданіе Сербскаго Лѣтовника Георгія, вып. 3, л. 367 об.

αὐτῷ πατρὶς ἐξ Εὐφρο-
σύνης ὀνόματι Θεοφι-
λος, ὃν καὶ ἔσπευσεν ἐν
τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ) ἐθέσπισε δὲ ὡς μὴ
ἔχειν τινὰ ἐπ' ἀδείας
κινεῖν λόγον περὶ
εἰχόνων, ἀλλ' ἐκπο-
δῶν γενέσθω καὶ οἰ-
χέσθω καὶ ἡ Κωνσταν-
τίνου σύνοδος καὶ ἡ Τα-
ρασίου καὶ ἡ νῦν ἐπὶ
Λέοντος γενομένη περὶ
τῶν τοιούτων ζητημά-
των καὶ σιγῇ βαθεῖα
τῆς τῶν εἰχόνων μνή-
μης γενέσθω. Ἐφ' οὗ
Θωμᾶς ὁ ἀντάρτης etc.

филь. егоже и степса
въ велицѣи цркви.
При семь Θοма не-
вѣрникъ Ѡ въсточ-
ный странъ подвигся
(и дайте о Θомѣ, его
возстаніи и ибелю).

яко ни единому на
иконы н(о) и по ико-
нахъ съ дерзновениемъ
движети азыка, но
да потребитися и уда-
литися и т. д., близко
къ Муральтову тек-
сту.

И такъ въ оригиналѣ славянскаго Георгіа (ту же редакцію, въ этомъ случаѣ, даетъ и сербскій лѣтоvníкъ) рѣчь Михаила въ silentіонѣ продолжалась, безъ перерыва, до словъ: «καὶ σιγῇ βαθεῖα τῆς τῶν εἰχόνων μνήμης γενέσθω», послѣ чего слѣдовалъ рассказъ о Θомѣ. У логогета рѣчь Михаила была сокращена, и оканчивалась словами: «ἐν τούτῳ καὶ διαμένειν προεχρίναμεν»; затѣмъ слѣдуетъ у него извѣстіе о вѣнчаніи Θεοφιλα, и затѣмъ рассказъ о Θомѣ. А въ московскомъ Георгіи рѣчь Михаила *разрывается* замѣткой о вѣнчаніи Θεοφιλα (буквально той же, что у логогета и Льва Грамм., см. выше стр. 7—8) и затѣмъ текстъ возвращается къ рѣчи Михаила, постепенно переходя изъ формы косвенной рѣчи (ἐθέσπισε δὲ ... μὴ ἔχειν τινὰ κινεῖν λόγον) въ прямую (οἰχέσθω ... γενέσθω); и уже тогда начинается повѣствованіе о Θомѣ. Уже эта стилистическая неловкость намекаетъ на присутствіе вноски.

Обращаясь къ примѣчаніямъ Газе и Муральта, находимъ, что Coisl. 134 и 310 даютъ текстъ, близко соотвѣтствующій славянскому Георгію, а именно:

Coisl. 134.

Ἐφ' οὗ ἐπὶ λαοῦ δη-

Coisl. 310.

Ἐφ' οὗ) ἐ. λ. δ. φ. οἰ

Слав. Георгій.

Тѣмже) предъ люд-

μηγορήσας φησίν· οἱ
μὲν πρὸ ἡμῶν ἐρευνη-
σάμενοι τῶν ἐκκλη-
σιαστικῶν θεσμῶν τε
καὶ κανόνων τὴν ἀκρι-
βειαν τὸν περὶ αὐτῶν
εἰσπραχθήσονται λό-
γον, εἰ καλῶς ἢ κακῶς
ἐθέσπισαν· ἡμεῖς δὲ ἐν
ᾧ τὴν ἐκκλησίαν εὐρο-
μεν [βαδίζουσαν?] ἐν
τούτῳ καὶ⁴⁾ διαφυλάτ-
τειν προκρίνομεν.⁵⁾ τοῦ-
το δὲ ἐπακριβοῦντες δια-
βεβαιοῦμεν, ὡς μὴ θαρ-
ρεῖν τινα κατ' εἰκόνων
ἢ ὑπὲρ εἰκόνων παρρη-
σίᾳ (-αν?) κινεῖν τὴν
γλῶτταν, ἀλλ' ἐκπο-
δῶν ἔστω и т. д.

μὲν πρὸ ἡμῶν ἐρευνη-
 σάμενοι ²⁾ τῶν ἐκκλη-
 σιαστικῶν δογμάτων
 αὐτοὶ περὶ αὐτῶν εἰσ-
 πραχθήσονται λόγον,
³⁾ ἢ καλῶς, ἢ κακῶς
 ἐθέσπισαν· ἐν τούτῳ
 καὶ διαμένειν προκρί-
 νομεν.

(? ?)

ми и въ сборѣ глше:
 прежде оубо насъ
 испытавше ²⁾ п̄рков-
ныхъ изысканія ти о
 сихъ слово възда-
 дать ³⁾ ли добрѣ ли
 злѣ законствоваша.
 Мыже въ немъ же
 обрѣтохом п̄ркъв пре-
 бывающоу, в том и
⁴⁾ хранити ю изволимъ.
⁵⁾ Сеже истовствоую-
ще повелѣваем яко ни
единому на иконы но
и по иконахъ съ дер-
зновеніем движети
языка, но да потре-
 бится и т. д.

(Подчеркнуты совпадающія отличія коленевыхъ ркп. и славян-
 ского перевода отъ Муральтова Георгія).

Изъ пяти подчеркнутыхъ нами чтеній (если вѣрять Муральту бук-
 вально) одно (1) обще обѣимъ Coisl., два (2 и 3) сближаютъ славян-
 ского Георгія съ Coisl. 310¹⁾ и одинъ (4)—съ Coisl. 134. Второй
 столбецъ, текстъ Coisl. 310, оканчивается у насъ знаками вопроса.
 Дѣло въ томъ, что отъ προκρίνομεν до конца всего пассажа у Муральта
 вовсе нѣтъ примѣчаній о Coisl. 310, что можетъ навести на мысль,
 что здѣсь Coisl. 310 сходится не съ Coisl. 134, какъ обыкновенно, а
 съ основной рукописью изданія—Mosq. 252; и что слѣдовательно въ
 Coisl. 310 есть и упоминаніе объ Евфросинѣ. Но вѣрнѣе, что виновата

1) Особенно замѣчательнъ второй №, гдѣ славянскій переводчикъ сохранилъ
 явныя пропуски, нарушающіи грамматическій строй: ἐρευνησάμενοι = испытавше
 остается безъ дополненія; въ третьемъ случаѣ тоже очевидно «ли» передаетъ «ἢ»
 Coisl. 310, тогда какъ «εἰ» вѣроятно переводчикъ передалъ бы черезъ «аще ли».

неполнота коляціи и что Гиршь правъ, говоря (стр. 13), что занимающей насъ фразы нѣтъ въ обѣихъ Coisl.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что передаваемая у Георгія рѣчь Михаила въ silentiіи заимствована и сокращена изъ житія патріарха Никифора; ср. Βίος Νικηφόρου стр. 209—210 въ де-Бооровомъ изданіи Никифора.

Во второй разъ печатный Георгій упоминаетъ о Евфросинѣ въ послѣдней строкѣ отдѣла, посвященнаго правленію Михаила II. Тутъ ко всему пассажию отъ словъ Ἀσχολουμένου δὲ Μιχαήλ до Εὐφροσύνης, у Муральта стр. 699, §§ 10 и 11¹⁾ въ боннскомъ изданіи стр. 789, строки 1—11 находимъ примѣчанія:

Газе: Ἀσχολουμένου — Εὐφροσύνης omittit C²⁾. Муральтъ: Ἀσχ.—Εὐφρ. omittunt C. 310 et 130³⁾, cum in § 1 et c. CCLXIV, 3 inveniuntur, etc.

Такъ какъ въ примѣчаніяхъ самого Муральта къ с. CCLXIII, 1 и CCLXIV, 3 нѣтъ никакихъ указаній, что тамъ въ ркп. Coisl. стоятъ дословно §§ 10 и 11 главы CCLXIII его печатнаго текста, то конецъ примѣчанія можетъ значить лишь то, что въ указанныхъ §§ по существу содержится тоже. Итакъ нашего текста (2) объ Евфросинѣ въ Coisl. нѣтъ. Нѣтъ его и въ уваровскомъ славянскомъ Георгіи⁴⁾.

Наконецъ всего разсказа о сватовствѣ Теофила и уходѣ Евфросины въ монастырь (у насъ текстъ 3) въ Coisl. 134 и 310 нѣтъ; все, что въ нихъ вообще сообщается о Теофилѣ, исчерпывается 4 §§ Муральта, именно 1, 3, 17 и 18, изъ 29. Также находимъ въ славянскомъ уваровскомъ спискѣ Ак. Н. 966. По Газе Coisl. 134 опускаетъ все, что въ печатномъ боннскомъ текстѣ стоитъ на: стр. 789, строка 17—791, 20; 793, 1—799, 17; 802, 7—810, 16, что какъ разъ составляетъ Муральтовы §§ 2, 4—16 и 19—29. В. Г. Васильевскій, сличавшій подлинный Coisl. 310, тоже отмѣчаетъ въ немъ отсутствіе этихъ §§, въ томъ числѣ интересующаго насъ § 2. Это важно потому, что въ соотвѣтствующихъ примѣчаніяхъ къ отдѣлу о Теофилѣ у Му-

1) У Гирша стр. 11 и 12; у Mign'я совсѣмъ нѣтъ 12 § въ главѣ о Михаилѣ II.

2) Т. е. Coisl. 134.

3) Опечатка, вмѣсто 301 (этотъ номеръ носилъ прежде Coisl. 134) или 134. Coisl. 130 содержитъ не Георгія, а діалоги Мануила Палеолога съ персомъ о истинѣ христіанской религіи, см. Omon, Inventaire sommaire, ч. III, стр. 141.

4) Въ сербскомъ же глтовникѣ этотъ текстъ, напротивъ, есть; есть и разсказъ о сватовствѣ Теофила и уходѣ Евфросины въ монастырь; см. фотолитограф. изданіе вып. 3, л. 370—370 об.; пропущено лишь названіе монастыри — Гастрія.

ралья воспроизведены лишь замѣтки Газе о Coisl. 134, а о Coisl. 310 вовсе не упомянуто. Отсюда ясно, что молчаніе Муральта о Coisl. 310, тамъ, гдѣ говорится о Coisl. 134, часто означаетъ согласіе Coisl. 310 съ Coisl. 134, а не съ его печатнымъ текстомъ; и мы вправѣ предполагать такое же согласіе и для вышеприведеннаго текста муральтова § 1 о Михаилѣ II; иначе говоря, мы вправѣ согласиться съ Гиршемъ, что *ни одной текста, гдѣ говорится о Евфросинѣ, въ Coisl. нѣтъ.*

Но вотъ вопросъ: значить ли это, что всё они — завѣдомыя вставки, именно — изъ логогета? Такъ думали и утверждали Гиршъ и Васильевскій. Но теперь, какъ намъ кажется, опять должны на этотъ счетъ подыматься сомнѣнія. Аргументы Гирша таковы: Авторъ вставокъ — не современникъ послѣднихъ иконоборцевъ; у него стоятъ замѣтки, немыслимыя до эпохи Льва VI, на примѣръ о томъ, что Левъ VI взялъ серебро съ гробницы дочери Теофила, Маріи; или вообще показывающія, что эпоха Теофила давно миновала, напр. что домъ, гдѣ патриархъ Іоаннъ (Грамматикъ) сносился съ бѣсами, *доселѣ* зовется Труломъ (Васильевскій указываетъ аналогичное замѣчаніе о турмахъ, учрежденныхъ Теофиломъ, I. с. стр. 109 прим. 1); сама грубая ошибка о Евфросинѣ немыслима подъ перомъ современника (Hirsch, *Byz. Studien*, стр. 15). Интересно, каковы окажутся теперешніе взгляды де-Боора на этотъ вопросъ, въ его скоро имѣющемъ явиться критическомъ изданіи Георгія. Но намъ кажется, житіе императрицы Θεодоры заставляетъ пересмотрѣть его. Гиршъ полагалъ, что Георгій писалъ еще до 863 года, кончилъ свой трудъ между днемъ вѣнчанія Василя Македонянина (26 мая 866 г.) и убіенія Михаила III (24 сент. 867). Но разъ оказывается теперь, что даже т. наз. *первоначальный* Георгій — Георгій Coisl. 310 и 134, — пользуется этимъ житіемъ, то очевидно онъ писалъ позднѣе с. 870 года, а, по мнѣнію издателя, даже при Львѣ VI (съ 30 авг. 886 г. — 11 мая 911)¹⁾, и слѣдовательно аргументы Гирша поколеблены. Что касается ошибки о Евфросинѣ, то разъ житіе Θεодоры зоветъ ее «матерью Теофила», а Георгій, и именно коаленевскій, пользовался житіемъ, то онъ могъ повѣрить и это показаніе, и даже обратить его въ ошибку необдуманнѣмъ выраженіемъ *παῖς ἐξ Εὐφροσύνης*²⁾. Но если Георгій писалъ и при Василя I — въ

1) Regel, *Anal. byz.-russ.*, стр. XIII.

2) Интересно, что именно этого текста (1) нѣтъ въ сербскомъ лѣтописи (по крайней мѣрѣ на этомъ мѣстѣ — всего лѣтописника ны не читали).

объясненіе указанныкъ Гиршемъ мѣсть довольно предположить въ нихъ интерполяцію нѣсколькихъ словъ («ἐξ Εὐφροσύνης «μέχρι τῶν «ἔμπρ ἄργυρον μετὰ ταῦτα Λέων ὁ βασιλεὺς ἀνελετο τοῦ τάφου»), которые, будучи удалены, ничуть не нарушаютъ грамматическаго и логическаго теченія рѣчи. Далѣе: теперь, въ предварительномъ сообщеніи де Боора о его критическомъ изданіи Георгія, мы читаемъ, что по его выводу *est* рукописи Георгія (значить не исключая Coisl. 134 и 310), кромѣ Coisl. 305, могутъ быть сведены къ одному архетипу; Coisl. 305 есть копія съ перваго наброска Георгія, въ которомъ самимъ авторомъ было сдѣлано много вставокъ и поправокъ; и на основаніи этого перваго очерка или изданія Георгій выработалъ свое второе, *отличающееся отъ перваго стремленіемъ нѣсколько болѣе уравновѣситъ матеріалъ богословскій съ историческимъ и основательно переработать послѣдній*. Положимъ, первымъ плодомъ этого стремленія была редакція Coisl. 134 и 310; но почему не думать, что за вторымъ изданіемъ послѣдовало третье, въ которомъ *тотъ же Георгій* внесъ еще новый историческій матеріалъ и еще болѣе сократилъ богословскую и декламаторскую часть? Если онъ дожилъ до временъ Льва VI, то «интерполяторомъ», создавшимъ *первую* распространенную редакцію (до 842 года), могъ быть онъ самъ....¹⁾

Проф. и акад. Васильевскій видѣлъ въ припискѣ Mosquensis 252: ἕως ὧδε τὰ χρονικά Γεωργίου, ἀπὸ τῶν ὧδε μόνον Λουδοῦτου прямое свидѣтельство, что отдѣлъ Mosq. 252 до 842 интерполированъ, и именно изъ логогета²⁾. Онъ переводитъ: «доселѣ *сводная* хроника Георгія (и логогета), а отселѣ *только* (= одного) логогета». Но переводитъ едва ли не естественнѣе: «доселѣ хроника Георгія; *отселѣ только* (ἀπὸ τῶν ὧδε μόνον) логогета»³⁾. Т. е. читатель! если, читая логогета, ты найдешь у него въ отдѣлѣ до 842 г. мѣста, тождественныя съ этой рукописью, Mosq. 252, — то знай, что это логогетъ списывалъ съ полнаго, окончательнаго изданія Георгія, а не Георгій Mosq. интерполированъ изъ логогета; «только отселѣ», т. е. отъ 842 года, начинается дѣйствительный, оригинальный логогетъ. Такое же значеніе могутъ имѣть и *notae marginales* Mosq.: «τοῦ Λουδο-

1) Кромѣ, конечно, мѣста Migne't p. 80, гдѣ особая замѣтка на поляхъ гласитъ: τοῦ Λουδοῦτου, мѣстѣ съ подобными отмѣтками другихъ редакцій, и еще нѣкоторыхъ. Сравни теоріи Бласса о происхожденіи 2 формъ 3-го евангелія и дѣяній и Гадьмеля о двойной редакціи книги Евсевія о палестинскихъ мученикахъ.

2) Въ цитованной статьѣ, Виз. Врем. II, стр. 97 и 100.

3) При пониманіи Васильевскаго ожидалось бы μόνου τοῦ Λουδοῦτου.

δέτου» «ἐξ ἄλλου βιβλίου» и т. д., выдѣляющіе негеоргіевское изъ состава текста; такъ оправдываются и замѣтки 6 рукописей (Paris. 1706, Ambros. C. 184 и Palatin. Vatic. 394; Страсбургская Cod. L. Graec. 8 университетской библіотеки, Монас. граес. 139 и Цейцкая Ciz. 65), уже прямо и безспорно говорящія объ участи логогета въ ихъ отдѣлѣ до 842 г. (См. de Voog, Die Chronik des Logotheten, Byz. Ztschr. VI, 2, 233—284)

На такое представленіе дѣла Васильевскій приводитъ весьма сильное, повидимому, возраженіе. Разбирая вопросъ, кѣмъ пользовался Левъ Грамматикъ, распространеннымъ Георгіемъ или логогетомъ, и рѣшая его въ пользу логогета, онъ указываетъ на то, что якобы нѣтъ никакихъ признаковъ, что Левъ Грамматикъ пользовался несомнѣннымъ, подлиннымъ Георгіемъ, такъ какъ нѣтъ случаевъ текстуальныхъ совпаденій Льва Грамматика съ Георгіемъ Coisl. 134 и 310. Mutatis mutandis это значить, что, предполагая у логогета пользованіе распространеннымъ Георгіемъ, мы должны думать, что точно нарочно логогетъ не списалъ изъ него ни одной строчки тамъ, гдѣ московскій и коленевъ Георгій (или, по нашему, третье и второе изданія) даютъ тождественный текстъ, — что, конечно, крайне невѣроятно. Васильевскій указываетъ, что въ отдѣлѣ до 813 года есть «близкія совпаденія» между коленевымъ Георгіемъ и логогетомъ: это объясняется тѣмъ, что оба писателя пользовались однимъ источникомъ, именно сокращеннымъ Теофаномъ¹⁾; но онъ рѣшительно отрицаетъ, что «вторичное родство» есть между логогетомъ и коленевымъ Георгіемъ въ отдѣлѣ 813—842 годовъ, гдѣ Георгій является самостоятельнымъ писателемъ²⁾, признавая, что и здѣсь есть лишь «первичное сходство», вслѣдствіе пользованія одними источниками.

«Если мы возьмемъ первоначальный текстъ Георгія, хотя бы по списку Coisl. 305, и сербскій лѣтовникъ на всемъ протяженіи до Константина Копронима въ греческомъ и до Теофила въ сербскомъ, то тождества или буквальныхъ сходствъ вторичнаго характера между Львомъ и Георгіемъ совсѣмъ не окажется...» (стр. 130). Это нельзя признать правильнымъ не только относительно сербскаго лѣтовника, *который какъ разъ для Теофила даетъ пространную редакцію Георгія*³⁾, но и для коленевыхъ ркп. 134 и 310, въ которыхъ самъ Васильев-

1) Виз. Врем. II, стр. 109 и слѣд.

2) Виз. Врем. II, стр. 109 и 119—120, 129—130.

3) См. Лѣтовникъ, фотолитографическое изд. вып. III, л. 370^a—379^{об}.

ский признаеть, согласно съ Гиршемъ и де Бооромъ, тоже подлиннаго Георгія. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Коалевскіе тексты установ- ляемъ по примѣчаніямъ Газе и Муральта, для повѣрки даемъ текстъ славянскаго уваровскаго Георгія, для сравненія—сочавскаго (болгарскаго) логовета Публ. Библ. F. IV 307.

Georg. Coisl.
(Mur. 679—80)

.. ἀντίθεος μετὰ δύο
ἔτη (κατὰ τῆς εἰσε-
βείας) μανείς (καὶ λυτ-
τήσας) καὶ τὸν στέφαντα
αὐτὸν θεῖον Νικηφόρον
ἐξορίσας καὶ πατριάρ-
χην δῆθεν Θεόδωτον
ἀντιχειροτονεῖ, ἄλογον
ἄνδρα μᾶλλον καὶ ἄν-
δράποδον καὶ ἀφωνέ-
στερον τῶν ἰχθύων, (καὶ
μηδὲν πλεον τῆς ἀσε-
βείας ἐπιστάμενον), δι-
ωγμὸν ἄσπονδον κατὰ
τῆς ἐκκλησίας ἀνερ-
ρίπισεν.

(681) Καὶ γοῦν ὠρθη
τηνικαῦτα κομήτης ἐν
σχῆματι δύο λαμπρῶν
σεληνῶν ἐνωθέντων καὶ
πάλιν διαιρεθέντων εἰς
διάφορα σχήματα, [ὡς
καὶ εἰς ἀκεφάλου ἀνδρός
διάπλασιν τυπωθῆναι]
(примѣненіе къ комѣ).
Καὶ μέντοι καὶ σεισμοὶ
φοβεροῦτε καὶ ἐπάλληλοι

Славянскій
Георгій Ак. Н. 966.

л. 322 об.—323 об.
(противубожествен-
ный) по двою лѣту (на
благочестіе) разгнѣ-
васа (и възбѣситя
бещисла и) вѣнчавша
его божественнаго
Никифора оземство-
ва. Θεοδора (sic) рек-
ше патріарха въ него
мѣсто поставивъ, му-
жа несловесна пачеже
яко осла и безглас-
нѣйша рыбы (и ничь-
тоже паче нечестивья
свѣдая) тѣмъ и гоне-
ніе отметное на цер-
ковь възмануо. (. . .)

И се явися тогда
свѣтла звѣзда въ об-
разѣ двою свѣтлую
луну съчтавшемася
и паки разышедше-
мася на различныя об-
разы, яко и безглавы
сзданія (с)моуж(е)а
въобразитися (дальше
объясненіе кометы
примѣнительно къ

Сочавскій
логоветъ.

л. 158, стр. 6.
(львь же) по двою
лѣтоу царства своего
разгрѣдѣвъ и степсав-
шаго его бѣтвнаго
Никифора изгнавъ,
Θεοδοτα патріарха въ
него мѣсто постав-
лѣтъ безсловесна мѣ-
жа и ¹рыбы безгла-
снѣйша ¹, и гоненіе
безмѣрно на церковь
въздвиге.

²При немъ же
²явися звѣзда свѣтла
на колесницѣ двою
красноу видомъ лоуны
³съвъкуплѣмоу и
паки раздѣлѣмоу ³въ
различны образы яко
и безглавна мужа оу-
тварь въобразитися.
еще же и гладе стра-
шни и трѣси и соуща

καὶ λιμοὶ καὶ αὐχμοὶ
καὶ ἀέρος φλογώσεως
γεγόνασι (καὶ στάσις
ἐμφύλιος etc.) ἐκ τῶν
ἡμερῶν (ἀρξάμεναι) τοῦ
Θεοστυγοῦς (καὶ ἀλά-
στορος)

Τοῖνυν ἐκμιμούμενος
τὸν πάλαι τῆς μισαρᾶς
ταύτης αἰρέσεως ἀρχη-
γὸν ὁμώνυμον αὐτῷ
καὶ ὁμότροπον ἤρξατο
τῆς αὐτῆς ἐχεσθαὶ δυσ-
τροπίας. εἶτα συμμά-
χους καὶ συμμύστας
τῆς εὐσεβείας (sic Coisl.
310, в.м. ἀσεβείας)
ἐκζητήσας, εὐρεν Ἰωάν-
νην τὸν λεγόμενον
Γραμματικόν, μάλλον
δὲ Ἰαννῆν ἄλλον ἢ Σί-
μωνα, ἐπὶ τε λεκανο-
μαντείαις καὶ φαρμα-
κείαις καὶ αἰσχροουργίαις
βεβημένον, καὶ ἐτέρους
τινάς (Ἰαννίτας Ἰαμ-
βρίτας καὶ Σιμωνίτας)
ὁμόφρονας (πάσης κα-
κίας πεπληρωμένους),
(οὗς δὴ καὶ παρ' αὐτῷ
κατέχων ἐν τῷ παλα-
τίῳ) προσκαλεῖται Ni-
κηφόρον τὸν ἀοίδιμον
πατριάρχην καὶ τοὺς
σὺν αὐτῷ (προϋχοντας)
ἐπισκόπους (τε καὶ ἱε-
ρεῖς) ἐνώπιον τῆς συγ-
κλήτου φησὶν· Ἴστε σα-

«пустошному» θομῷ).
ещебо и труси вели-
циѣ и частии глади и
бездождия снебесе
бысть (. наченъ)
отъ днии богостуд-
наго (и чюжего)

Оубо подобляяся
древна^{го} паставника
скверньнаго еретичъ-
ства его тѣза свое^{го} и
единоравна (.)
та жъ (съ) споборники
и сѣоучители отъ бла-
гочестія (sic, вмѣсто
нечестія) изыскавъ
обрѣте іоанна глаго-
лемаго книгчіа, паче-
же нанѣна иного или
симона и мѣдани-
цавълѣшвеніе и от-
равы злыми дѣаніи
словоуцоу и инѣхъ
нѣкоихъ (ианитяпъ
навритяпъ и симони-
тяпъ) единомыслящая
(и всѣмъ злобіемъ
исполнымъ) (вхже и у
себе держа въ полатѣ)
призоветъ никифора
патриарха и снѣмъ
суще (старѣйшины и)
епископомъ (и учите-
лемъ) предъ боляр-
нымъ сборомъ и рече.
вѣдай яко пѣциѣ въ-
сташа глѣще. неподо-
баецъ покланятися

и пали же быша въ
днѣ бѣгомръскаго сего.

Подобажесѣ мръ-
ския тож ереси изо-
брѣтателю лѣвою и
поискавъ съ обещники
обрѣте іоанна зово-
маго гра- (л. 158^{об}) ма-
тикъ. пачеже іаніа или
другаго симона [въ]
влѣхвованіяхъ и чаро-
дѣйствохъ и сквер-
ныхъ дѣлѣхъ изрѣднаго
и другыа нѣкыа⁴
единомждрыны емоу⁴.
и оубо призываетъ
никифора въсечьст-
паго патриарха и сж-
ща съ нимъ епи-
скопы прѣдъ синкли-
томъ и глет вѣдите
яко вѣсташа нѣциѣ
глѣще. не подобаецъ
кланѣтиса иконам.

φῶς ὡς ἀνέστησάν τινες
λέγοντες μὴ δεῖν προσ-
κυνεῖσθαι τὰς εἰκόνας.

ИКОНАМЪ.

Слова и фразы Георгія, опущенныя логоветомъ, означены въ 1 и 2 столбцѣ () (); маленькими цифрами въ третьемъ столбцѣ — мѣста, гдѣ при мелкихъ отличіяхъ московскаго Георгія отъ коаленева логоветъ ближе къ первому.

Изъ этого сравненія видно, что у логовета въ выписанныхъ мѣстахъ сравнительно съ коаленевымъ Георгіемъ кое что выпущено, но нѣтъ ни одного слова, которому у коаленева Георгія не нашлось бы соотвѣтствующаго; сходство такъ велико, что, выпустивъ что нужно изъ коаленева Георгія, можно счесть нашъ третій столбецъ за переводъ изъ Георгія, а не изъ логовета. Это ли не «вторичное родство»? Остается предположить, что въ подобныхъ случаяхъ Георгій и логоветъ пользуются опять-таки однимъ источникомъ. Пускаться въ поиски за такимъ теперь, наканунѣ выхода въ свѣтъ де Воорова критическаго изданія Георгія, было бы непроизводительнымъ трудомъ; но сколько намъ извѣстно, анонимная біографія Льва V, житія патр. Никифора, Никиты Мидикиота, Θεοδора Студита и другіе, идущіе въ расчетъ, источники представляютъ съ текстами Георгія и логовета меньше сходства, чѣмъ эти послѣдніе между собою.

Но даже и тамъ, гдѣ источникъ Георгія извѣстенъ, и слѣдовательно можно провѣрить, откуда черпалъ логоветъ: изъ Георгія или изъ его источника, сличеніе говоритъ, противъ Васильевскаго, за прямое родство Георгія и логовета. Примѣръ беру изъ начала отдѣла о Михаилѣ II, Мур. стр. 694, гдѣ Георгій, какъ замѣтилъ Гиршъ, пользовался житіемъ патріарха Никифора.

Georg. Coisl.

Νικηφόρου βίου изд.

Сочавскій логоветъ.

Ὅς μικρόν τι τῆς
προκατεχούσης κακίας
ὑπένδους, ὅσον τοὺς ἐν
εἰρκταῖς καὶ πόνοις ¹ καὶ
ἐξορίαῖς ἐλευθερίαν τε
καὶ ἀνεσιν ὀνειρώδη
φαντάζεσθαι, ² τὸ τοῦ
πρόφην δυσωνύμου καὶ

де Боора, стр. 209.
μικρόν τι τῆς προ-
κατασχούσης κακίας
ὑπένδους ὅσον τοὺς ἐν
εἰρκταῖς καὶ πόνοις
ἐλευθερίαν ὀνειρώδη
φαντάζεσθαι τὸ τοῦ
θανόντος ὑπέθαλπε

л. 160^a, стр. 12 слѣд.
иже мало нѣчто ω^r
прооудръжавжа зло-
бы оуклонса и давъ
сжщимъ въ темница^x
и нужда^x ¹ и прогнани^x
свободже и осла-
бж стьное мѣчтаніе

δυσσεβοῦς ὑπέθαλπε
 ἡθεοστύγες φρόνημα καὶ
 ὁμοίως ἂ τῷ αὐτῷ ἀμφι-
 βλήστρω περιπαρεὶς τῆς
 δεινῆς αἰρέσεως ἰχθύος
 δίκην τοῖς τῶν δογμά-
 των σαδροῖς καὶ ἀσε-
 βέσιν ἐναπέθανεν ἕξ
 ἀκροτάτης ἀβελτερίας
 τε καὶ ἀλογίας etc. (NB.

Уваровскій Георгій:
 многимъ неразуміемъ
 и безуміемъ).

φρόνημα καὶ τῷ ἀμ-
 φιβλήστρω περιπαρεὶς
 τῆς αἰρέσεως ἰχθύος
 δίκην τοῖς τῶν δογμά-
 των σαδροῖς ἐναπέθα-
 νεν.

² прѣжде дрѣжавшаго
 злочестивааго хранѣ-
 аше ³ бгѣненавистное
 мждрование такожде
 бо ⁴ еговож привлечень
 бысть лютыж ереси
 адидеж ⁵ съврѣше-
 наго безсловесіа и
 ненаказаніа.

Родство Георгія съ житіемъ Никифора очевидно; но столь же очевидно, что логоееть черпаетъ не изъ житія, а изъ Георгія, такъ какъ въ этомъ крошечномъ отрывкѣ у него мы находимъ пять отступленій отъ житія Никифора, совершенно тѣже, что у Георгія.

Можно бы думать, что логоееть работалъ и заимствовалъ изъ коаленева Георгія, а московскій Георгій составленъ изъ того же коаленева текста плюсъ самостоятельные отдѣлы логоеета. Но логоееть повидимому и въ этихъ исконно георгіевскихъ отрывкахъ ближе къ московскому, чѣмъ къ коаленеву тексту. Такъ, по 30-му примѣчанію Муральта къ стр. 681, Coisl. 310 опускаетъ цѣлую фразу Mosq., которая стоитъ цѣликомъ и дословно у логоеета (чтобы не говорить о мелочахъ, вродѣ: ἐνωθέντων καὶ πάλιν διαιρεθέντων Coisl., съчтавшемася и паки разшешемася слав. увар. Георгій, ἐνούμενων καὶ πάλιν διαιρουμένων Mosq., съвъкупѣмоу и паки раздѣлѣмоу Соч. логоееть): ὡς καὶ εἰς ἀκεφάλου ἀνδρός διὰ πλάσιν τυπωθῆναι = яко и безглавна моужа оутварь вообразитися. Значить приходится предполагать, что логоееть, переписывая изъ (коаленева) Георгія, коегдѣ измѣнялъ и дополнял (а не сокращалъ только) его текстъ; а составитель московской редакціи не только вписывалъ въ (коаленевъ) текстъ самостоятельные тексты логоеета, но еще и свой основной текстъ, неизвѣстно зачѣмъ, передѣлывалъ, и притомъ опять таки не вездѣ, сообразно тому виду, въ какомъ находимъ его у логоеета. Это воз-

можно, конечно; но не вѣроятнѣе-ли, что Георгій, издавая вновь свою хронику, не только дополнилъ ее, но и кое гдѣ почистилъ слогъ; логоееть дѣлалъ заимствованія изъ послѣдняго изданія Георгія, почти ничего не передѣлывая, а только сокращая; а потомъ послѣднее изданіе Георгія было интерполировано изъ логоеета?

Словомъ намъ кажется, что хотя фактъ интерполяцій у Георгія изъ логоеета не подлежитъ сомнѣнію, въ виду 6 рукописей (minimum), прямо и ясно свидѣтельствующихъ объ этомъ,—мы не можемъ прямо и непосредственно *ручаться* за интерполяцію нигдѣ, кромѣ мѣстъ, гдѣ интерполяція засвидѣтельствована особой рукописной схолией. Слова Васильевского, что мы впали бы въ большія ошибки, если бы вздумали возстановлять подлинный текстъ Георгія посредствомъ вычеркиванія всего, что стоитъ буквально или почти буквально у логоеета (I. с. стр. 109),—справедливы не только относительно отдѣла до 813 года. Не совсѣмъ осторожно поступимъ мы также, вычеркивая изъ московскаго Георгія *все*, что есть у логоеета и отсутствуетъ въ Coisl., такъ какъ есть признаки, что *нѣкоторыя* отличія московскаго Георгія отъ коаленева древнѣе логоеета; а много ли таковыхъ и какія они именно—это рѣшить пока нѣтъ надежныхъ *общихъ* средствъ. Такъ, значить, обстоитъ дѣло и съ текстами объ Евфросинѣ, — если только они не отмѣчены, какъ логоеетовскіе, въ упомянутой группѣ шести рукописей. Выше указано, на какихъ *частныхъ* основаніяхъ первый изъ нихъ долженъ быть признанъ за интерполяцію. Эти основанія суть: 1) онъ одинъ заключаетъ въ себѣ вполне доказуемую ошибку, 2) онъ грубо нарушаетъ теченіе разсказа и 3) его нѣтъ въ сербскомъ лѣтовикѣ¹⁾.

Мы, конечно, отнюдь не думаемъ, что наши случайныя наблюденія и замѣчанія перерѣшили вопросъ. Если специалисты признаютъ, что наши недоумѣнія стоятъ вниманія, что вопросъ стоить пересмотрѣть, мы уже сочтемъ свой трудъ не напраснымъ. Какая стемма вѣрнѣе:

1) Присутствіе текстовъ (2) в (3) въ сербскомъ лѣтовикѣ значитъ конечно не то, что Coisl. 305 ихъ имѣлъ, а то, что Coisl. 305 кончался Константиномъ V, и переводчикъ окончилъ переводъ съ другой рукописи, содержащей распространеннаго Георгія.

1 очеркъ Георгія (Coisl. 305)

Георгій (Coisl. 310) Логоетъ
 └──────────────────┘
 Левъ Грамм.

Распространенный Георгій
 (Paris. Mosq. etc.),

или:

a) первый набросокъ Георгія
 (Coisl. 305)

b) первое изданіе Георгія
 (Coisl. 134 и 310)

? c) второе изданіе Георгія (до 948 г.¹⁾ хуз. . .
 (> Coisl., < Mosq.)

Хроника логоета

d) Интерполированный Θεодосій Мелитинскій, Левъ
 Георгій Грамматикъ.
 (Mosq. 252)

И точно ли Муральтъ былъ *крумомъ* неправъ, считая московскій текстъ Георгія подлиннымъ и источникомъ Льва?²⁾

III.

Читатели замѣтили, что говоря о логоетѣ мы повсюду предполагали, что славянскій текстъ Публ. Библ. F IV 307 даетъ его въ самомъ полномъ и чистомъ видѣ, какой вообще доступенъ намъ. Скептицизмъ де Боора въ статьѣ «Die Chronik des Logotheten» (Byz. Ztschr. VI, вып. 2, стр. 233—284) и еще пушій въ его послед-

1) Авторомъ с) мы предполагали выше того-же Георгія, чтобы не постулировать безъ нужды новое лицо; но, конечно, ручаться за это не станемъ. Суть въ томъ, что с) старше логоета.

2) Г. Шестаковымъ уже отмѣчено тѣсное родство Коаленена Георгія съ славянскимъ логоетомъ (см. Виз. Врем. V, 34); но его наблюдение не могло имѣть того значенія какъ наше, потому что вѣнскій логоетъ даетъ завѣдомо не оригинальный текстъ, а отчасти сокращенный, отчасти интерполированный.

немъ (уже цитованномъ нами) «Bericht über die Studienreise» основанъ повидимому на недоразумѣніи. Де Бооръ говоритъ здѣсь, что такъ какъ славянскій логоеетъ воспроизводитъ только одну изъ многочисленныхъ греческихъ редакцій, несущихъ имя Симеона логоеета, то онъ мало помогаетъ рѣшить, гдѣ же, наконецъ, подлинный, первоначальный текстъ. Но въ статьѣ В. Г. Васильевскаго (которую де Бооръ зналъ только по реферату въ *Byz. Ztschr.*) какъ разъ указывалось, что *Magianus* 608 даетъ *иную, и худшую*, редакцію, чѣмъ *Petropol. F IV 307*; о вѣнскихъ рукописяхъ (у Коллара *supplem. 126* и *127*, теперь *Vindobon. hist. gr. 37* и *supplem. gr. 91*) Васильевскій судилъ по недостаточному описанію Коллара и выпискамъ Гельцера, и коляція г. Шестакова и самого де Боора не оправдали его ожиданій, что эти ркп. тождественны со славянскимъ логоеетомъ: первая ркп. оказалась вторымъ экземпляромъ *Magianus*'а 608 (см. Шестаковъ въ *Виз. Врем. V*, стр. 29), вторая и того менѣе сходна съ сочавской (см. хотя бы рефератъ о статьѣ де Боора въ *Виз. Врем. IV*, стр. 695). *Оригиналами сочавскаго Симеона логоеета могутъ считаться не тѣ греческіе тексты, которые несутъ имя Симеона, а анонимные — Paris. 854 и Vatic. 1807.* Читатель не будетъ удивленъ этимъ утвержденіемъ, если припомнить, откуда взялся боннскій «Левъ Грамматикъ», сходство котораго, доходящее до тождества, съ сочавскимъ логоеетомъ подробно выставлено у Васильевскаго. Отдѣлъ боннскаго «Льва Грамматика» съ сотворенія міра и до Льва V взятъ именно изъ нашего *Paris. 854*, авторомъ коего считали Льва, благодаря утвержденію Крамера, перваго издателя, будто бы «*quae sequuntur, exstant apud Leonem Grammaticum*»; т. е. будто бы отдѣлъ *Paris. 854* за годъ 813 и до конца тождественъ съ отрывкомъ *Paris. 1711*, несущимъ въ рукописи имя Льва Грамматика. Г. Шестаковъ, въ *Виз. Врем. IV*, стр. 167—183, выяснилъ, что Крамеръ ошибся: *Paris. 854*, въ отдѣлѣ начиная съ 813 г., отнюдь не равенъ Льву *Paris. 1711*, а даетъ иную и болѣе первоначальную форму текста. Авторомъ этой (въ рукописи, какъ сказано, анонимной) хроники г. Шестаковъ призналъ Симеона логоеета, и даже самую свою статью озаглавилъ «Парижская рукопись Симеона Логоеета». Его основанія — во первыхъ внутреннія данныя, во вторыхъ свидѣтельство Васильевскаго о тождествѣ боннскаго «Льва» (до 813 г.) съ славянскимъ Симеономъ. Мы сличили текстъ сочавскаго логоеета съ выписками г. Шестакова изъ *Paris. 854* за отдѣлъ съ 813—

842 г., и нашли, что его мнѣніе блистательно подтверждается здѣсь славянскимъ текстомъ: всѣ указанныя Шестаковымъ отличія Paris. 854 отъ Paris. 1711 (т. е. отъ Льва) возвращаются въ славянскомъ текстѣ. Вотъ подлежащіе тексты.

Paris. 854 л. 398

(начало правленія
Льва V).

Левъ Гр.

F IV. 307.

... ἀλλὰ γὰρ οὐκ
ἔλαθεν τῷ καλῷ ποι-
μένι ὁ λύκος τῷ κωδίφ
ἐγχεχυμμένος.

Вся фраза опу-
щена.

л. 157^а. иж оубо
не оутанса ѿ добраго
пастырѣ влъкъ въ
овчинѣ съкръвенныи.

(Не знаемъ только, почему г. Шестаковъ видитъ въ этой фразѣ признакъ позднѣйшаго редактора, Виз. Врем. V, 30).

Paris. 854.

F IV 307.

л. 401. ἀπέθεντο δὲ τὸ σῶμα
αὐτοῦ ἐν τῷ ναῷ τῶν ἁγίων ἀπο-
στόλων, τὸν πατριαρχικὸν θρόνον
κατέχοντος ἔτι Ἀντωνίου τοῦ Συ-
λαίου.

положишж же тѣло его въ
цркви стыхъ апл патриаршьскыи
прѣстоль дръжж ещѣ андонию
силеанину.

И этой фразы нѣтъ у Льва, тогда какъ въ сочавской ркп. она почти стереотипна, какъ и въ Paris. 854. Въ отдѣлѣ о царствованіи Константа II въ боннскомъ «Львѣ» читаемъ (стр. 158): ἀλλὰ καὶ τὸν ἴδιον ἀδελφὸν Θεοδοσίον ἔσφαξε, διάκονον χειροτονηθέντα ὑπὸ Παύλου πατριάρχου· ἀρχιερεὺς Κωνσταντινουπόλεως ἦν Γεώργιος, πρεσβύτερος καὶ σύγχελλος γενόμενος· въ сочавской (л. 120 об.): «не тѣчѣ же нж и брата своего Θεодосіа закла. діаконо^м поставлена бывша павло^м патриархомъ. архіерей же Костантина града бѣ георгіе презвитерь и сингель бывши»¹⁾). Въ концѣ отдѣла о Левѣ III: «архіерейскыи же прѣстоль дръжаше анастасіе еретикъ прѣемъ по германѣ блаженѣмъ». Въ концѣ Михайла I Paris. 854 даетъ: τὸν δὲ τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον κατέχευ ἔτι ὁ ἀγιώτατος Νικηφόρος· сочавская: «архіерейскыи же прѣстоль дръжаше ещѣ сщенныи никифоръ; въ концѣ Теофила Paris 854: τὸν δὲ τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον κατέχευ Ἀντώνιος ἀπὸ Συλαίου καὶ μετ' αὐτὸν Ἰωάννης ὁ σύγχελλος, ὁ νέος Ἰαννής· сочавская: архіерейскыи же

1) Васильевскій, Виз. Врем. II, 137.

прѣстолю дръжа антоніе вже отъ силеа а по немъ іоаннь сингель новыи іаннисъ.

Далѣе, при имени Крума въ Paris. 854 противъ Льва добавлено: ὁ τῶν βουλγάρων ἀρχηγός, въ соч.: болгарскыи князь; и далѣе: σὺν ὄχλῳ βαρεῖ, соч.: съ множествомъ людіи. Въ описаніи небснаго знаменія при Левѣ V Paris. 854 даетъ: . . . (ἐν σχήματι δύο) δίσκων σελήνης; соч.: на колесницѣхъ двою красною видомъ луны; Левъ Гр. ἐν σχήματι δύο σεληνῶν¹⁾.

И далѣе, насколько мы продолжали сличеніе, Paris. 854 и сочавскій логоветъ идутъ рука объ руку. Вотъ примѣры. Два первые столбца беремъ у С. Шестакова, третій изъ F IV, 307.

Georg. Mur. 700, стр. 26.	Paris. 854.	Соч. логоветъ. (F IV. 307).
... ἐκελάδου. —	... ἐκελάδου, τοῦ	полажъ, <u>вѣтру</u> <u>Ω</u>
(тоже Левъ и Θεοδόσιѣ Мелитинскій).	<u>πνεύματος διὰ κρυφίων</u>	<u>тайны^х прох^в въ (въ)</u>
	<u>πόρων εἰσπεμπομένου.</u>	<u>даемоу.</u>
(Leo), Georg. Mur. 713, 28 слѣд. πα- ραδοῦς αὐτῶ διδάσκειν καὶ μαθητὰς, παρέχων αὐτῶ τὰ πρὸς ὑπηρε- σίαν ἅπαντα, ὅς καὶ μητροπολίτης ἐν Θεο- σαλονίκη γέγονεν.	л. 406. παραδοῦς αὐτῶ διδά- σκειν καὶ ἐκπαιδεύειν μαθητὰς <u>εὐφρεστάτους</u> <u>τῶν νέων</u> , παρέχων αὐτῶ τὰ πρὸς ὑπηρε- σίαν ἅπαντα, ὅς καὶ μητροπολίτης ἐν Θεο- σαλονίκη <u>μετὰ ταῦτα</u> γέγονεν.	л. 170 об.—171 а. прѣдавъ ему оучити и наказати оученикы <u>острооумныа юнош^к</u> подажъ ему еже на потрѣб ^ж въсѣ иже и митрополить въ су- лоуни <u>послѣди бѣ</u> .

1) Въ сочавскомъ логоветѣ, кстати, находятъ себѣ рѣшеніе еще одно недоумѣніе Гирша, Byz. St., стр. 384. У Зонары стоитъ, что Михаиль II умеръ по однимъ извѣстіямъ отъ болѣзни почекъ, по другимъ отъ дисентеріи. У Георгія, прох. Θεοφана, Генесія (и Льва) стоитъ ἐκ δυσουρίας καὶ νεφρῶν ἀλγηδόνος, у Кедрина δυσενтеріας; Гиршъ считаетъ это опиской вм. δυσουρίας, и видитъ здѣсь у Зонары слѣдъ пользовавія, кромѣ Скиамцы, еще кѣмъ-то — Георгіемъ или Генесіемъ. У сочавскаго логовета здѣсь стоитъ: Ω запора проходнаго и мтробныхъ болѣзни, что очевидно указываетъ на чтеніе, благопріятное Кедриму.

(Leo), Georg. Mur.

715, 23. εὐρέθη τις σκαλωτῆς τεχνίτης καὶ ἀνελθὼν ἐν τοῖς κεράμοις τῆς μεγάλης ἐκκλησίας βέλος ἀφῆκε μετὰ σχοινίου εἰς τὸν ἵππότην Ἰουστινιανὸν (τὸν ἐκ χαλκοῦ συνιστάμενον) καὶ τοῦ βέλους παγέντος ἐκείσε αὐτὸς διὰ τοῦ σχοινίου διαδραμῶν θάμβος μὲν τοῖς ὄρωσι παρείχετο καὶ τὴν τοῦφαν προσήρμοσε καὶ τὴν τοῦ βασιλέως ἐπεσπάσατο εὐνοίαν καὶ (τῇ τέχνῃ καὶ τῇ φύσει μέγα προσέθηκεν ὄνομα), φιλοτιμηθεὶς παρὰ τοῦ βασιλέως νομίσματα ρ'.

(Заключенныя въ скобки слова опущены Львомъ).

Paris. 854.

I. 406^a, об.

εὐρέθη τις σκαλωτῆς, ὅς καὶ διὰ τοξότης, πρῶτα μὲν σχοῖνον λεπτὴν βέλους ἐξαρτήσας, εἶτα διὰ ταύτης παχέαν καὶ δι' ἐκείνης ἔτι παχυτέραν καὶ εἰς ἀσφαλῶς δύνασθαι φέρειν βάρος ἀνδρὸς ὑπὲρ τὸν ἵππον τὴν στήλην διαβιβάζει, δι' ἧς σχοινίου καὶ ἀναθέων ἐπὶ τὴν στήλην ἀνέισι καὶ τὴν τοῦφαν τῶ οἰκείῳ πάλιν τόπῳ ἐναποκαθίστησι, πράγμα ἀξιόθαύματος πεποιθώς διὰ τὴν τοῦ βασιλέως ἐπεσπάσατο εὐνοίαν καὶ τῇ τέχνῃ ἔτι δὲ καὶ τῇ φύσει μέγα προσέθηκεν ὄνομα, φιλοτιμηθεὶς παρὰ τοῦ βασιλέως νομίσματα ρ'.

Соч. логофетъ.

I. 172^a, стр. 7 слѣд.

обрѣтеса нѣкто хытрець иже стрѣленіемъ (възыде). прѣвѣ оубо врѣвь тенкж острѣлж привазавъ и стрѣливъ. таже тоа подебелж (възвлѣкж) а съ неж пакы подебелж и яковаже тврѣдо можаше носити тажесть члѣча. и по конем по стлѣпу прѣнесе. имже ажемъ и възшѣ на стлѣпь възыде и яблѣко на свое емоу мѣсто пакы постави, вещь чудеси дѣинж сътвори. имже и прѣво къ себе привлѣче безуміе. и къ хытлости ещже и и ѣству велико приложи си има дарованъ бывъ ѿ прѣ р̄ злѣникъ.

Во второмъ и третьемъ столбцахъ подчеркнуты слова, сближающія Paris. 854 съ сочавскимъ логофетомъ; скобками () въ третьемъ столбцѣ указаны слова, которыхъ въ Paris. нѣтъ.

Очевидно Paris. 854 и F IV 307 даютъ рассказъ о византийскомъ Телушкинѣ почти въ тождественной, и отъ Льва, муральтова Георгія и т. д. весьма отличной формѣ. Уже г. Шестаковъ замѣтилъ, что Paris. 854 здѣсь гораздо толковѣе Льва, и слѣдовательно первоначальнѣе. Но еще толковѣе былъ оригиналъ славянскаго логофета, за тѣмъ исключеніемъ, что тамъ была описка: *ἄνοιαν ἐπεσπάσατο* вмѣсто *εὐνοίαν*, откуда негѣное чтеніе славянскаго перевода: *царево привлѣче безуміе*.

Такъ какъ между Paris. 854 и сочавскимъ логоуетомъ, при всемъ ихъ сходствѣ, всеже, какъ и мы видѣли, существуютъ мелкія отличія, то самую ркп. Paris. нельзя считать непосредственнымъ оригиналомъ болгарскаго переводчика; но тождество редакціи обѣихъ не подлежитъ, думаемъ, сомнѣнію. Сравнить приводимыя у г. Шестакова различія Paris. 854 и Vatic. 1807 (последняя рукопись вообще признается имъ за лучшую парижской) съ сочавскимъ логоуетомъ мы не имѣли времени, и потому не можемъ сказать, можетъ ли считаться такимъ непосредственнымъ оригиналомъ Vatic. 1807. Но вѣроятнѣе, что нѣтъ; уже по одному тому, что и ватиканскій списокъ, какъ и парижскій, анонименъ, а въ сочавской стоитъ имя Симеона логоуета и Метафраста.

Но, какъ бы то ни было, редакція Petropol. F IV 307, Paris. 854 и Vatic. 1807 одва, и по сравненію съ Львомъ (т. е. съ истиннымъ Львомъ Paris. 1711) и московскимъ Георгіемъ первоначальна. Значить ли это, что въ ней мы имѣемъ чистаго, неподмѣснаго логоуета? Категорически утверждать это мы всетаки не рѣшаемся. 1) Magicianus 608 и Vindobon. hist. gr. 37 прямо называютъ своимъ авторомъ Симеона, а между тѣмъ они интерполированы изъ Георгія. Значить и показаніе ркп. F IV 307 не ручается, что ея текстъ вполне свободенъ отъ интерполяцій. 2) Только F IV 307 называетъ Симеона, да и то въ нѣсколько двусмысленной формѣ: «сѣмѣона метафраста и логоуетѣ съписаніе мира ѿ бытіа и лѣтовникъ събранъ. ѿ различныхъ лѣтописецъ». Такимъ образомъ въ заглавіи имя Симеона непосредственно относится только къ «съписанію мира ѿ бытіа», т. е. къ извѣстной статьѣ *εἰς τὴν κοσμοποιίαν*; а запись въ концѣ, относящая всю книгу къ Симеону («сіа книга именовъ метафрастъ»), можетъ быть домысломъ болгарскаго переводчика или даже писца. Двѣ же греческія ркп. анонимны. 3) Въ этой редакціи есть заимствованія изъ несомнѣнно подлиннаго (Коаленева) Георгія; кто ихъ сдѣлалъ: авторъ (Симеонъ) или интерполяторъ? Я не знаю пока средствъ рѣшить этотъ вопросъ. Но то положеніе остается твердымъ, что эта редакція первичнѣе всѣхъ другихъ; лучшаго текста логоуета, чѣмъ сочавскій, мы не имѣемъ.

Далѣе, мало настаивается, по нашему мнѣнію, на другомъ положеніи г. Шестакова, что «Левъ» боннскаго изданія вплоть до 813 г. есть псевдо-Левъ. Не только о «Leozirre» не слѣдуетъ говорить, но даже и о самомъ-то Левѣ надо говорить съ большою опаской, такъ

какъ и Левъ Paris. 1711 можетъ быть лишь переписчикомъ, самое большее — крайне робкимъ редакторомъ текста, посягающаго его имя¹⁾.

IV.

Вернемся теперь отъ генеалогіи византийскихъ хроникъ къ не столь головоломной генеалогіи аморійской династіи. Мы остановились на мысли, что Евфросина была мачеха Теофила, но при его воцареніи вѣроятно носила титулъ матери и считалась соправительницей; что въ этомъ случаѣ версія логогета надежнѣе продолжателя Теофана. Остается разсмотрѣть два послѣдніе пункта: почему и въ какой монастырь она удалилась.

Въ нашемъ этюдѣ, стр. 57, мы высказали мнѣніе, что истина по срединѣ: Евфросина удалилась, не смогши ужиться съ крутымъ пасынкомъ, хотя и безъ прямого понужденія съ его стороны; продолжатель Теофана правъ болѣе по существу (только сгущаетъ краски), логогетъ правъ болѣе формально. *Возможнымъ* это представляется намъ и теперь. Въ житіи императрицы Теодоры авторъ настоятельно предостерегаетъ читателя отъ подозрѣнія, что Евфросина удалилась не своей охотой²⁾, и тѣмъ свидѣтельствуетъ, 1) что въ IX вѣкѣ эти подозрѣнія были и, 2) что причиной размолвки была, м. б., сама героиня житія. На то же указываетъ и дата удаленія Евфросины, сообщаемая житіемъ. Теофилъ вѣнчался съ Теодорой въ пятидесятницу 830 года (такъ по циклу логогета, Муральтовъ Георгій 700, Левъ Грамм. по Migne т. 108, ст. 1045 В) черезъ 22 дня послѣ смотринъ (такъ по житію Теодоры, стр. 5, строка 13); а Евфросина ушла въ монастырь черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія³⁾. Если она туда сама хотѣла, то ушла бы тотчасъ послѣ женитьбы пасынка. Пятидесятница 830 года падала на 5-е іюня⁴⁾; итакъ, Евфросина удалилась въ монастырь около начала апрѣля 831 года.

Но если логогетъ правъ въ томъ, что Евфросина возвратилась въ монастырь безъ прямого понужденія, то онъ едва ли правъ, назы-

1) Выраженіе записи Paris. 1711: ἐτελειώθη ἡ βίβλος . . . πληρωθεῖσα вполне можетъ значить «окончена (письмоиъ)» и «выполнена», а даже и «дополнена».

2) Regel, Analecta byzantino-russica, стр. 5—6.

3) Едва ли 10 мѣсяцевъ считаются съ воцаренія Теофила, такъ какъ объ этомъ событіи житіе вовсе не говоритъ.

4) 830 + 5508 = 6338 г.; кругъ луны 11, врудѣлѣтіе 5, Пасха 17 апрѣля.

вая этотъ монастырь Гастрійскимъ (хотя тоже самое находимъ и въ житіи Θεодоры, стр. 5). По версіи продолжателя Θεοφана Евφросина была удалена (удалилась) въ тотъ же монастырь на Принцевыхъ островахъ, гдѣ была раньше пострижена, то есть въ тотъ же, гдѣ жила и ея мать, разведенная супруга Константина VI, Марія. Вѣроятно, это былъ монастырь, построенный императрицей Ириной¹⁾. Гастрійскій же монастырь лежалъ близъ Песчаныхъ (на «пляжѣ») Воротъ (τοῦ ψαμάθου; мѣсто это звалось τὰ Γάστρια, потому что здѣсь «S. Helena, S. cruceм afferens Hierosolymis. . . quae reperta fuerant supra cruceм lilia balsama eis γάστρας plantaverat eis τὸ διασωθῆναι»²⁾, и тогда же (будто бы) св. Елена основала здѣсь монастырь. Мѣстоположеніе Песчаныхъ Воротъ хорошо извѣстно, самое имя ихъ сохранилось доселѣ (Псамаеія, Psamatia Карусси). Оно описано Дюканжемъ въ Constantinopolis Christiana lib. I, стр. 54, XVI, III, въ числѣ воротъ части города, обращенной къ Пропонтидѣ³⁾. Продолжатель Θεοφана прямо противорѣчитъ Кодиону, будто Гастрійскій монастырь былъ основанъ Еленой, матерью Константина Великаго. Онъ говорить, что этотъ монастырь основанъ былъ не ранѣе, какъ при самомъ Θεοφилѣ, но не мачехой послѣдняго, Евφросиной, а тещей его, матерью Θεодоры, Θεοκτισтой; къ его изложенію примыкають его вѣрные послѣдователи Кедринъ и Зонара. Θεοκτίста, почтенная отъ Θεοφιλα званіемъ зосты и патрикія, поселилась въ домѣ, который купила у патрикія Никиты; и тутъ у нея гостили ея внучки, дочери Θεοφιла и Θεодоры, и она тайкомъ отъ отца учила ихъ иконопочитанію. «Этотъ домъ и есть тотъ, гдѣ теперь Гастрійскій монастырь имѣетъ утвержденіе и основаніе (πῆξιν ἔχει τὰ νῦν καὶ ἰδρυσιν)», прибавляетъ продолжатель Θεοφана⁴⁾. Кедринъ говорить только⁵⁾, что Θεοκτίста принимала внучекъ въ своемъ домѣ, расположенномъ очень

1) Логоветъ л. 155^a: πρὶν ἢ ἡμετέρας βασιλίσσης... скончавшись въ островѣ Левѣ . . . прѣнесе тѣло ея царь въ монастырь пригипскыи, еяже бѣ сама създаде. На одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, Протѣ, погребенъ былъ Левъ V; тамъ же кончилъ свои дни Романъ Декапіиъ (Логое. 160^a. Увар. Г. 884 об.). Повидному монастыри Принцевыхъ острововъ были однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ заточенія и погребенія удаляемыхъ отъ власти и двора царственныхъ особъ.

2) Du Cange, Constantinopolis Christiana, lib. IV, стр. 156, со ссылкой на Кодиона, стр. 88; Codin. De aedificiis, Bonn. стр. 73.

3) См. также Mordtmann, Esquisse topographique de Constantinople § 108, стр. 60 въ главѣ VI: les murs maritimes et les quartiers de la Propontide.

4) Cont. Theoph. Bonn. стр. 89—91.

5) Cedr., ed. Bonn. II, 103.

близко отъ τὰ Γάστρια (ἑγγύστα διακεκμενον τῶν Γαστριῶν); Зонара¹⁾ — что мать Θεодоры, зоста и патрикия Θεоктиста, жила въ монастырѣ Гастрійскомъ, который, какъ нѣкоторые утверждаютъ, она сама и построила. Трудно повѣрить, чтобы въ этотъ монастырь, собственность матери молодой императрицы, отправилась жить опальная вдова Михайла II. А что Гастрійскій монастырь дѣйствительно былъ родовой собственностью Θεодоры, видно изъ того, что впоследствии сюдаже были удалены сама отстраненная отъ царства Θεодора и ея дочери, сестры императора Михайла III Пьяпицы, по свидѣтельству какъ цикла продолжателя Θεофана, такъ и цикла логогета²⁾; Θεодора здѣсь была и погребена³⁾.

Ошибка, вѣроятно, возникла изъ того, что логогетъ и ранѣе авторъ житія Θεодоры знали, что Гастрійскій монастырь былъ монастыремъ названной матери Θεофила, и перепутали тѣхъ двухъ лицъ, которыя могли или дѣйствительно такъ назывались: мать Θεодоры и вдову Михайла II. Авторъ хроники Paris. 1712, по своему обыкновению, развиваетъ эту путаницу дальше: поселивъ Евфросину, вмѣсто Θεоктисты, въ Гастрїяхъ, и сообщивъ, что Евфросина купила этотъ домъ у Никиты и превратила въ женскій монастырь, онъ къ ней относитъ и анекдотъ о посѣщенїяхъ ея (мнимыми) внучками³⁾. Путаница объясняется еще и тѣмъ, что по Кодицу монастырь, въ который Михайлъ III удалилъ мать и сестеръ, построенъ былъ во имя св. Евфросинїи⁴⁾. Возможно, что путаница началась уже раньше; что въ фразѣ житія о уходѣ Евфросины ея имя надо замѣнить Θεоктистой; въ такомъ случаѣ прод. Θεофана можетъ быть правъ вполне; только надо добавить, что изгнаніе Евфросины въ Прикипъ состоялось не сразу, а послѣ женитьбы Θεофила, такъ какъ эта женитьба несомнѣнно застала Евфросину еще во дворцѣ.

Въ заключеніе — еще нѣсколько словъ объ одномъ «недоумѣнномъ»

1) Zonar., ed. Büttner-Wobst III, 858.

2) Житіе Θεодоры, стр. 15, строка 1—10. Сочавскій логогетъ л. 181^a. Georg. Bios t. v. β. ed. Bonn. стр. 823 и т. д. Theoph. Contin. 174. Cedr. II, 161. Zonar. III, 394. Извѣстія опять не совсѣмъ согласны, но во всѣхъ Гастрійскій монастырь является семейнымъ для семьи Θεодоры.

3) Sum. Mag. ed. Bonn. стр. 628—629.

4) Дюканжъ, Familiae Augustae byzantinae, стр. 133, со ссылкой на Кодица Orig. стр. 49. См. De aedificiis 97. По Кодицу, онъ построенъ былъ импер. Ирмой, звался τὰ Αἰβάδια (значитъ, онъ не тождественъ съ Гастрійскимъ), прозванъ же Εὐφροσύνης по одной изъ сестеръ Михайла, прославленной благочестіемъ. О такой сестрѣ у хронистовъ ничего нѣтъ.

извѣстїи относительно семьи Теофила, хотя оно стоитъ согласно во всѣхъ источникахъ¹⁾. У Теофила, сообщаютъ намъ, до рожденія Михаила, было отъ Теодоры 5 дочерей: Оекла, Анна, Анастасія, Пульхерія и Марія. Марія была младшая и любимица отца. Теофилъ выдалъ ее за Алексія Муселе, изъ рода Кринитовъ, армянина, красавца, въ лучшихъ годахъ, и почтилъ его званіемъ патрикія и аношпата, а потомъ магистра и кесаря. Затѣмъ онъ возымѣлъ подозрѣніе, что Алексій стремится захватить царскій санъ и выслалъ его воеводой въ Ломбардію (Левъ Грамм.) или въ Сицилію (Cont. Theoph.). Въ отсутствіе его Марія скончалась и вслѣдъ затѣмъ родился Михаилъ III. Дальнѣйшая исторія Алексія насъ не касается.

Еще упоминается Марія въ разсказѣ о посѣщеніяхъ внуками Теофисты; по этому поводу псевдо-Симеонъ конечно не преминулъ сдѣлать младшей сестрой Пульхерію, такъ какъ младшей естественнѣе всего было, по его мнѣнію, выдать тайну своей бабки²⁾.

Такъ какъ Теофилъ вѣнчался съ Теодорой 5 іюня 830 года, то Марія, пятая дочь, могла явиться на свѣтъ, даже предполагая двойни, никакъ не раньше конца 832 года. Михаилъ же III родился въ концѣ 838 г., когда сарацины нанесли Теофилу самый страшный ударъ разореніемъ Аморіи³⁾ — 24 сент. названнаго года. Итакъ, всего житія Маріи было не болѣе шести лѣтъ. Несообразность замѣчена была уже Зонарой, который вмѣсто рѣшительнаго выраженія логогета-Льва (*γαμβρόν εἰσποίησάτο*) поставилъ *κῆδεστήν*; т. е. онъ думалъ, что Алексій былъ только обѣщанный женихъ, обручникъ, а не мужъ Маріи. Вѣроятно, тоже объясненіе молча предполагаетъ Дюканжъ; его же ясно высказываетъ Муральтъ⁴⁾. Но не значитъ ли это — разрубать гордіевъ узелъ, не попытавшись развязать его? Неужели всѣ хронисты до Зонары не могли отличить мужа отъ жениха и ни намекомъ не обмолвились, что ихъ выраженія неточны? Напротивъ, продолжатель Теофана и логогетъ даже слишкомъ точны: *γαμβρός* (Leo), *γαμετή*; Theoph. contin. говоритъ даже, что когда Алексій, зная,

1) Theoph. Contin. 107—109. Cedr. II, 118—119. Zonar. III, 358—359. Leo Gramm., Migne 108, ст. 1048—1049.

2) Theoph. Contin. 89—91. Cedr. II, 108—104. (Pseudo-)Symeon Mag., Migne 109, ст. 689, с'. ed. Bonn. 628.

3) Leo Gramm. Migne 108, ст. 1056; Du Cange, Familiae Aug. byz. стр. 184. Левъ Грамматикъ говоритъ собственно не объ Аморіи, а о предшествующемъ пораженіи, гдѣ Теофила спасъ Мануиль, по А. Васильеву 22 іюля 838, см. въ цитованномъ сочиненіи стр. 126/7 и 156.

4) Essai de chronographie byzantine, подъ 6325/6341 годомъ.

что на него нашептываютъ Теофилу, собирався въ монастырь, Теофилъ отговаривалъ его τὴν χρεῖαν τῆς θυγατρὸς προβαλλόμενος, т. е. прося не оставлять его дочери вдовою; самъ Зонара въ другомъ мѣстѣ зоветъ Марію εὐνέτειρα Алексія, что можетъ значить только жену въ точномъ смыслѣ слова.

Далѣе, уловка Зонары даже не разрѣшаетъ дѣла. Положимъ, что всѣ милости Теофила изливалъ на нареченнаго жениха Маріи. Но вотъ что оказывается: въ придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго описываются *два* триумфальныхъ вѣзда Теофила въ столицу послѣ удачныхъ походовъ; и въ *первомъ* изъ этихъ вѣздовъ фигурируетъ зять его, кесарь Муселе, въ такомъ нарядѣ и съ такимъ церемоніаломъ, что несомнѣнно кесаремъ онъ названъ здѣсь не пролетически. Этотъ первый вѣздъ, какъ показываетъ А. Васильевъ въ своемъ уже упомянутомъ трудѣ¹⁾, былъ въ 831 г. весною; итакъ, выходитъ, что Алексій былъ кесаремъ раньше, чѣмъ Марія родилась.

Въ виду этого остается предположить, что Марія была не пятая, младшая, дочь Теофила отъ Теодоры, а либо его младшая сестра, либо дочь его отъ перваго брака. Въ виду того, что противорѣчій въ семейной исторіи Теофила такъ много, можно думать, что въ *одномъ* случаѣ ошибаются всѣ источники. Что у Теофила были сестры— несомнѣнно: Елена, сестра Теофила, была выдана имъ замужъ за Теофова²⁾. Отсюда же видно, что мысль родниться съ сильными сподвижниками черезъ сестеръ была у Теофила. Что мужъ сестры можетъ зваться γαμβρός — тоже несомнѣнно³⁾. Можетъ быть двусмысліе этого слова и было причиной ошибки. Муселе былъ извѣстенъ, какъ мужъ Маріи, кесарь и γαμβρός Теофила; отсюда сдѣлали выводъ, что Марія была дочь Теофила; а такъ какъ она была его любимица, а любимыми дѣтьми стереотипно считаются младшія, то Марія сдѣлалась младшею дочерью Теофила.

Въ нашемъ этюдѣ, стр. 54/5, мы рѣшали вопросъ иначе, именно считали Марію дочерью Теофила отъ перваго брака. Если Муселе былъ уже кесаремъ въ 831 г. весной, то бракъ его съ Маріей со-

1) Византия и Арабы, стр. 88.

2) Contin. Theoph. 110, 10 и 112, 13. Cedr. II, 120.

3) У логоеета и его дядки жена Теофова названа сестрой не Теофила даже, а Теодоры, по Теофовъ всетакъ γαμβρός. Соч. лог. 163^а. самого же Теофова за сестру Теодоры пѣцъ зять оустрон. (Это еще одно разкорѣчье прод. Теофана и логоеета, и опять логоеетъ ошибается). Артаваздъ зовется γαμβρός Константина V и пр.

стоялся не позже 830 г., сама Марія родилась не позже 817 года¹⁾, а Теофилъ женился первый разъ не позже 816, родился не позже 801-го года. Къ эпохѣ возстанія Оомы ему было, значить, не менѣе 20 лѣтъ, что, повидимому, вполне согласно съ той ролью, которую онъ играетъ въ это время. Но до насъ дошли монеты, изображающія императоровъ Михайла II и Теофила²⁾; изъ нихъ на одной, серебряной, изображенъ, вмѣстѣ съ Михайломъ, Теофилъ совсѣмъ мальчикомъ; далѣе на другой одинъ Теофилъ, тоже голоусымъ, но уже съ мужественнымъ лицомъ, и, наконецъ, пожилого типа. Значить въ 821 г.³⁾ Теофилу было не болѣе 15 лѣтъ, а можетъ быть и меньше. Поэтому мы склоняемся теперь къ тому, что Марія была его младшая сестра, а не дочь. Такъ какъ первая жена Михайла II скончалась, повидимому, около 823 г., то къ 830 г. его младшая дочь отъ нея могла быть въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ невѣсты.

Б. Меліоранскій.

297 Византийская цивилизация... 1894—1927 гг.

1) См. выше, стр. 9, прим. 5.

2) См. снимки у Дюканжа, *Familiae Augustae byzantinae* стр. 181.

3) Кажется, Теофилъ былъ коронованъ въ 821 г., а не въ 824, какъ думаетъ де Бооръ (*Theophrastes II*, 462): см. *Theodori Studitae epistola lib. II*, 199 (у Миня т. 99. ст. 1600 В) и Васильевъ, *Византия и Арабы*, стр. 31.

ОТДѢЛЪ I.

Акаѳистъ Божіей Матери, Русь и патріархъ Фотій.

I.

Содержаніе Акаѳиста Божіей Матери въ краткихъ чертахъ. — Акаѳистъ Божіей Матери, какъ историческій фактъ. — Трудности опредѣленія времени появленія Акаѳиста Божіей Матери (изданія текста, четы-минейныи сказанія). — Общій обзоръ мѣній о времени и причинахъ установленія праздника Акаѳиста Божіей Матери и составленія его пѣснопѣнія, начиная съ IX вѣка сплосъ до настоящаго времени. — Неопредѣленность вопроса. — Заключение.

Столица византийской имперіи, великій Константинополь, былъ нѣкогда осажденъ однимъ нехристіанскимъ народомъ, угрожавшимъ ему опасностью полнаго разоренія; но онъ нечаянно спасся, благодаря явному заступничеству Пресвятой Богородицы; изъ жалости къ осажденнымъ христіанамъ она не замедлила явиться въ средѣ ихъ невидимымъ военачальникомъ противъ врага. Однако такая свыше дарованная помощь была слѣдствіемъ продолжительнаго моленія, приносившагося колѣнопреклоненно-стоящимъ народомъ въ великомъ храмѣ Святой Софїи, въ которомъ вмѣстѣ съ этимъ воспѣвалось особенное пѣснопѣніе, посвященное Пресв. Богородицѣ, такъ называемый *Акаѳистъ* (*ἀκάθιστος ὕμνος* = несѣдальное пѣснопѣніе). Съ тѣхъ поръ установленъ спеціальнй ежегодный праздникъ—Акаѳистъ, въ который отъ лица Константинополя и всей имперіи возносилось общее благодарственное моленіе къ Пресв. Богородицѣ за ея прежнюю благодѣянію.

Такова въ краткихъ чертахъ гипотеза объ историческомъ происхожденіи извѣстнаго намъ Акаѳиста. Имъ въ сущности передается

дѣйствительное событіе въ религиозной концепціи, которое засвидѣтельствовано подлинными историческими документами, но затемнено преданіемъ. Говорится ни о чемъ другомъ, какъ только о дѣятельности народа, которій, находясь въ крайне опасномъ положеніи и напрягая свои послѣднія силы, спасся исключительно силою своей искренней и живой вѣры въ божественное покровительство. Византійскіе писатели, умалчивая про народное движеніе, говорятъ только о его слѣдствіи, какъ воспоминаніи о сверхъестественномъ спасеніи города отъ угрожавшей ему гибели. Такъ издавна переданный намъ историческій фактъ привлекъ къ себѣ вниманіе при изученіи византійской исторіи. Прежде всего потребовалось его хронологическое опредѣленіе, когда многіе писатели и отнесли его ко временамъ царствованія Ираклія. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ неосновательность подобнаго мнѣнія, хотя жертвами его явились весьма извѣстные историки. Заблужденіе выяснилось только въ настоящее время, съ появленіемъ нѣсколько одностороннихъ и безпріемныхъ изслѣдованій. Они, хотя далеко отстоятъ отъ положительнаго рѣшенія вопроса о времени и причинахъ происхожденія Акаѳиста Богородицѣ, усилили однако сомнѣнія въ цѣнности и научномъ значеніи доселѣ преобладающаго мнѣнія.

Сколько бы ни писалось объ Акаѳистѣ Божіей Матери, можно съ увѣренностью сказать, что онъ по существу остается пока неизслѣдованнымъ. Свидѣтельствуемъ объ этомъ, во-первыхъ, отсутствіе до настоящаго времени критическаго изданія самаго пѣснопѣнія. Между тѣмъ только такое изданіе могло бы дать намъ указанія какъ на дренность сохранившихся списковъ, такъ и на подлинность первоначальной редакціи пѣснопѣнія или, по меньшей мѣрѣ, наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о настоящемъ. Двойкій характеръ существующихъ изданій — популярности и полуучености — совершенно недостаточенъ и бесполезенъ въ цѣляхъ опредѣленія первоначальнаго преданія о текстѣ. Популярнымъ изданіемъ слѣдуетъ считать текстъ пѣснопѣнія въ печатныхъ церковныхъ книгахъ. Филологи обыкновенно пользуются изданіемъ текста въ извѣстной *Anthologia* профессоровъ Christ'a и Параники¹⁾, а также въ *Analecta sacra* кардинала Pitra²⁾, составленныхъ на основаніи тринадцати манускриптовъ, хотя и не столь

1) *Anthologia graeca carminum christianorum*. Lipsiae 1871, стр. 140—147.

2) Pitra, *Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata*, т. I, стр. 250—262.

древнихъ редакцій. Однако изданіе Питры не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ; сохранено не мало древнихъ списковъ, значительно расходящихся въ стилѣ, а мѣстами съ пропусками и перестановками. Поскольку такія разногласія остаются невыясненными, по стольку мы должны сомнѣваться въ неповрежденности текста со стороны переписчиковъ, или пѣвцовъ. Какъ бы то ни было, при поверхностномъ изученіи текста Акаѣиста, полезно сопоставлять его съ популярными списками; такихъ, найденныхъ послѣ Питры, пять: два — открыты трудолюбивымъ монахомъ Александромъ Эвморфопуломъ въ рукописяхъ Великой Аѡнской Лавры¹⁾; третій сличилъ Ѡаддеевъ на основаніи Патмосской рукописи XI вѣка²⁾; съ четвертымъ познакомилъ насъ проф. Параника по рукописи, хранящейся въ библиотекѣ Халкинской Богословской Школы, не опредѣливъ однако ея даты и номера³⁾; а съ пятымъ текстомъ — Архимандритъ Амфилохій⁴⁾. Полезенъ также и текстъ въ Тріоди, отпечатанной въ Римѣ (въ 1738 г.) и представляющей стихометрію извѣстнаго манускрипта⁵⁾.

Второй и самый важный недостатокъ, способствующій трудности опредѣлить время составленія Акаѣиста Божіей Матери, заключается въ непростительномъ игнорированіи специальныхъ сказаній объ Акаѣистѣ, попадающихся въ формѣ четы-минейныхъ повѣствованій, и въ отсутствіи надлежащаго ихъ сличенія и разбора. Прежде всего слѣдуетъ отличать первоначальное сказаніе отъ различныхъ позднѣйшихъ его редакцій; а при внимательномъ ихъ сличеніи съ оригиналомъ мы убѣждаемся въ томъ, что распространенныя мнѣнія объ Акаѣистѣ находятъ свое объясненіе въ произвольной порчѣ и ошибочной интерпретаціи первоначальнаго сказанія. Оно обнаружено нѣкогда Константинопольскою церковью съ цѣлью объяснить причины установленія новаго переходящаго праздника — Акаѣиста, т. е. праздника похвалы Божіей Матери. Это извращеніе и ошибочное истолкованіе — весьма древни; несвоевременное же ихъ раскрытіе благопріятствовало появленію въ различныя времена такого изобилія про-

1) 'Εκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, т. 12, стр. 395—396.

2) Извѣстія Русскаго Археолог. Института въ Константинополѣ, Софія 1898, т. 3, стр. 213—216.

3) 'Εκкл. Ἀλήθεια, т. 13, стр. 44—48.

4) Амфилохія Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII в. Москва 1879, стр. 106—111.

5) Τριψίδιον νεωστί τυπωθέν καὶ μετὰ πολλῆς ἐπιμελείας διορθωθέν κατὰ τοὺς παλαιούς βίβλους ἐν ἔτει 1738, стр. τζη'—τπβ'.

творѣчащихъ мнѣній, благодаря которому вопросъ о времени происхожденія Акаѳиста Божіей Матери въ настоящее время признанъ открытымъ и нерѣшеннымъ.

По древнѣйшему изъ этихъ мнѣній, приписываемому хронографу IX вѣка, монаху Георгію, обыкновенно прозываемому Амартоломъ, составленіе Акаѳиста и Кондака «Взбранной Воеводѣ» относится къ 677 году, когда Константинополь былъ окончательно освобожденъ отъ нашествія и осады Арабовъ¹⁾. Однако мнѣніе это основывается не на подлинномъ произведеніи Хроникѣн монаха Георгія, которое остается пока неизвѣстнымъ, но на позднѣйшей его редакціи писателя-исправителя его разными прибавками и дополненіями. По другому же мнѣнію, болѣе распространенному и не менѣе древнему, праздникъ нашъ относится, какъ мы уже говорили, ко временамъ царствованія Ираклія и патріархіи Сергія. Оно появляется впервые въ качествѣ заглавія первоначальнаго сказанія объ Акаѳистѣ, явно же подтверждается въ XIII вѣкѣ анонимнымъ авторомъ хроники подъ заглавіемъ Σύνοψις Χρονική. Въ концѣ своего сказанія объ извѣстной осадѣ Константинополя Аварами и Персами при Иракліѣ, онъ положительно заявляетъ: «Съ тѣхъ поръ въ память чуда установлено, чтобы ежегодно воспѣвалось всеобщное бдѣніе Акаѳиста, когда Сергій и составилъ пѣнія по порядку буквъ, такъ называемыя οἶκοι (= вкосами) побѣдоносной и поборницѣ нашей. (Ἐκτοτε σὺνεῖς μνήμην τοῦ θαύματος ἢ τῆς ἀκαθίστου κατ' ἔτος ἐτυπώθη ψάλλεσθαι παννυχίς, τοῦ Σεργίου συνταξαμένου τοὺς κατὰ στοιχεῖον, οὗς δὴ καὶ οἶκους λέγομεν, ὕμνους τῇ νικοῦποιῶ καὶ ὑπερμάχῳ ἡμῶν)²⁾. Вопреки своей категоричности, мнѣніе это оказывается ошибочнымъ при внимательной его оцѣнкѣ. Вѣрно, что имя патріарха Сергія тѣсно связуется съ нашествіемъ Персовъ и Аваровъ въ 626 г. тѣмъ, что онъ установилъ особенный праздникъ въ память тогдашняго спасенія города, но не слѣдуетъ этотъ праздникъ смѣшивать съ извѣстной намъ службой Акаѳиста. При этомъ нужно замѣтить, что имя патріарха Сергія не упоминается ни въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ Акаѳиста, написанныхъ до XIII вѣка³⁾; и, независимо отъ этого, вообще византійскіе хронографы того-же XIII

1) Γεωργίου χρονικόν. С.-Петербургъ 1859, стр. 612, изд. E. de Muralt.

2) Κ. Σάβα, Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, т. 7, стр. 109.

3) Списковъ Акаѳиста сохранено до насъ много, начиная съ X вѣка; характерно, что только списки XV вѣка приписываютъ Акаѳистъ Сергію. См. Pitra, Analecta vassae, т. I, стр. XXXI.

вѣка не знали настоящаго автора нашего пѣснопѣнія. Безыменная замѣтка, найденная Петромъ Палагеоргіу въ рукописи XIII вѣка, говоритъ: «Эти божественные икосы не принадлежатъ, какъ говорятъ нѣкоторые, Сергію, украшавшему тогда константинопольскій престолъ, но дивному Роману, прозванному сладкопѣвцемъ». (Οὗτοι οἱ θεῖοι οἴκοι οὐκ εἰσὶν, ὡς τινες λέγουσιν, Σεργίου τοῦ τηλικαῦτα κοσμοῦντος τὸν θρόνον) Κωνσταντινουπόλεως, ἀλλὰ τοῦ θείου Ῥωμαῖνου, ὃς ἐπεκαλεῖτο μελωδός) ¹⁾. Авторъ замѣтки приводитъ далѣе причину, почему и онъ самъ вмѣстѣ съ «нѣкоторыми» считаетъ именно Романа составителемъ пѣсней-икосовъ, но другой читатель зачеркнулъ ее, вѣроятно найдя ее неудовлетворительной. Такимъ образомъ въ XIII вѣкѣ ни Сергій, ни Романъ не могли называться авторами Акаѳиста. Между тѣмъ мнѣніе о его появленіи во времена Ираклія настойчиво распространялось, о чемъ можно судить изъ краткаго сказанія, составленнаго Никифоромъ Каллистомъ Ксанеопулумъ (XIV в.) и читаемаго въ Трїодяхъ ²⁾. Послѣ же продолжительнаго молчанія относительно нашего вопроса авторовъ поздѣйшихъ Ксанеопула, въ XVII в. патріархъ Іерусалимскій Досіѳей ³⁾ высказалъ мнѣніе, что службу и пѣснопѣніе Акаѳиста Божіей Матери слѣдуетъ отнести ко времени Льва Исавра и патріарха Германа. Опъ основывается исключительно на первоначальномъ четьи-минейномъ сказаніи, гдѣ, какъ послѣднее чудесное спасеніе города въ отношеніи къ предыдущимъ нашествіямъ, описывается бывшее при Львѣ Исаврѣ. Однако въ томъ-же XVII вѣкѣ Мелетій Каллона относитъ составленіе Акаѳиста къ 626 году, авторомъ же его считаетъ Сергія. Аргументація Каллоны несостоятельна сама по себѣ, характерна только въ одномъ отношеніи: писатель прямо сознается въ томъ, что пѣснопѣніе μόνον κατὰ παράδοσιν (только по преданію) приписывается Сергію. Но въ подтвержденіе преданія онъ считаетъ нужнымъ привести цѣлую сказочку, конечно, или имъ самимъ измышленную, или слышанную отъ кого нибудь изъ современныхъ ему монаховъ. Сказка такова: «Кто составилъ эти икосы: — я не знаю; да и писано ли объ этомъ илъ-либѣ? Только по преданію говорятъ нѣкоторые, что составилъ ихъ самъ Сергій, но что впоследствии

1) Byzantinische Zeitschrift, VIII, стр. 408.

2) Минейное сказаніе Ксанеопула содержится во многихъ спискахъ и въ разныхъ изданіяхъ греческой Трїоди. См. еще Gretser, Georgius Codinus. Parisiis 1625, стр. 248—250. Migne, Patrol. gr., т. 92, стр. 1348—1353.

3) Δοσιθέου Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων, стр. 623.

онъ впалъ въ ересь, и неправильно исповѣдывалъ божественные и священные догматы нашей православной вѣры... , но, проклятый, богохульно разглагольствовалъ будучи одержимъ своей нечестивой ересью. Поэтому святой царьградскій синодъ, справедливо лишившій сана, изгналъ его и всѣ его лжемудрствованія, равно какъ и всѣхъ его единомышленниковъ предалъ анаѳемѣ. Онъ же, не перенеся оскорбленія и униженія отъ православныхъ, тайно убѣжалъ изъ Константинополя; послѣ чего и гнусно скончался. Тогда святые и богоносные отцы, божественною ревностью движимые, взяли всѣ его сочиненія, которыхъ, какъ говорятъ, было много, какъ и массу хвалебныхъ пѣснопѣній Богородицѣ, и передали ихъ всѣ сожженію; но въ то время, когда они сжигались, происходилъ въ огнѣ трескъ, и эти икосы выбрасывались вонъ, не смотря на троекратное ихъ вверженіе обратно въ огонь. Святые отцы, увидѣвъ такое чудесное явленіе, поняли, что изъ всѣхъ другихъ только эти пѣснопѣнія были угодны Богородицѣ, и, найдя ихъ душеполезными и спасительными, передали ихъ святой церкви, какъ весьма великое и душеспасительное сокровище, о которомъ и свидѣтельствовала Блаженнѣйшая Дѣва, тѣмъ троекратнымъ трескомъ будто говоря: только эти хвалебныя пѣсни мнѣ нравятся; примите ихъ, какъ драгоценный даръ; онѣ доставятъ многимъ спасеніе и оставленіе грѣховъ». (Ποῖος δὲ νὰ ἐσύνθεσε τοὺτους τοὺς οἶκους, δὲν ἤξεύρω νὰ εἶναι ποθὲς γραμμένον· μόνον κατὰ παράδοσιν λέγουν τινές, πῶς αὐτός ὁ Σέργιος νὰ τοὺς ἐποίησε καὶ ὅτι μετέπειτα ἠσέβησε καὶ δὲν ὠμολόγει πλέον ὀρθῶς τὰ τῆς ὀρθοδόξου μας πίστεως θεῖα καὶ ἱερὰ δόγματα... , ἀλλ' ἐβλασφημολόγει ὁ τρισκατάρατος τὰ τῆς δυσσεβεστάτης τοῦ αἰρέσεως φλυαρήματα. Διὰ τοῦτο δικαίως καὶ ἡ ἁγία τῆς βασιλευούσης τῶν πόλεων σύνοδος τὸν ἐκάθηρε καὶ ἐξωστράχισε καὶ τὰ ἀσεβέστατα αὐτοῦ μωρολογήματα καὶ πάντας τοὺς ὁμόφρονάς τοῦ ἀναθεμάτισεν· αὐτὸς δὲ μὴ ὑποφέρων τὸν ὄνειδισμόν καὶ ἀτιμίαν ἀπὸ τοὺς ὀρθοδόξους ἔφυγε κρυφὰ ἀπὸ τὴν Κωνσταντινούπολιν καὶ χάριστος κακῶς ἐτελεύτησεν· οἱ δὲ ἅγιοι καὶ θεοφόροι πατέρες ζήλω θείῳ κινούμενοι ἐβγαλαν ὅλα τοῦ τὰ βιβλία, τὰ ὅποια ὡς λέγουν ἦσαν πολλὰ καὶ μάλιστα τῆς Θεοτόκου ἐγκώμια πολλότατα, καὶ τὰ ἔκαυσαν ὅλα· καὶ καθὼς ἐκαίοντο, ἐγίνετο κτύπος εἰς τὴν φωτίαν καὶ τοῦτοι οἱ οἴκοι ἐκφέροντο ἔξω· καὶ μ' ὅλον ὅτι τοὺς ἐμετάβαλαν ὡς τρεῖς φοραῖς, πάντα μὲ κτύπον ἐπηδοῦσαν ἔξω ἀπὸ τὴν φωτίαν· ὥστε θεωρήσαντες οἱ ἅγιοι πατέρες τοιοῦτον θαυμάσιον, ἐγνώρισαν ὅτι μόνον τοῦτοι οἱ ὕμνοι ἀπὸ ὅλους τοὺς ἄλλους ἦσαν ὄρεσκούμενοι τῇ Θεοτόκῃ, καὶ ἐξετάσαντες τοὺς ἠῦραν ψυχωφελεῖς καὶ

σωτηριώδεις, και τούς ἐπαράδωσαν εἰς τὴν ἁγίαν Ἐκκλησίαν ὡς μέγαν τινὰ και ψυχροσώτηριον θησαυρόν, ὡσάν νά ἐλεγεν ἡ μακαριωτάτη παρθένος μέ τούς τρεῖς χτύπους τῆς φωτίας: Τοῦτοι μόνον οἱ ἐπαινοὶ μοῦ ἀρέσκουν· τούτους λάβετε ὡς δῶρον πολύτιμον· τοῦτοι μέλλουν νά δώσουν πολλῶν σωτηρίαν και ἄφεσιν ἀμαρτιῶν) ¹⁾.

Однако уже въ XVIII вѣкѣ Josephus Maria Quercius думалъ лишить славы Сергія и приписалъ составленіе Акаѳиста Божіей Матери Георгію Пизидѣ, ссылаясь просто на то, какъ въ Акаѳистѣ, такъ и въ извѣстномъ стихотвореніи Пизиды ²⁾: Εἰς τὴν γενομένην ἐφοδὸν τῶν βαρβάρων και εἰς τὴν αὐτῶν ἀστοχίαν Богородица называется στρατηγός. Quercius упустилъ изъ виду, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ даже простаго намека на опредѣленіе какой-нибудь службы въ родѣ Акаѳиста. Тѣмъ не менѣе къ мнѣнію столь шаткому прикнули многіе изъ ученыхъ ³⁾.

Наконецъ въ XIX вѣкѣ преобладаютъ различныя мнѣнія. Константинъ Икономосъ пишетъ: «По мнѣнію большинства (кого?) икосы Богородицы составилъ Аполлинарій Александрійскій, жившій въ IV вѣкѣ ⁴⁾. Почти тоже самое, только другими словами, повторяетъ Мануилъ Гедеоны: «По всей вѣроятности пѣснопѣніе составлено послѣ смерти Юліана Отступника ⁵⁾. Онъ же находитъ Юліана, какимъ то чудомъ, даже въ самомъ пѣснопѣніи. Іоаннъ Саккеліонъ подтверждаетъ мнѣніе Икономоса безъ серьезнаго обоснованія ⁶⁾. Иннокентій высказывается за Сергія ⁷⁾, такъ-же и Pitra ⁸⁾; за нимъ послѣдовали

1) Μελετίου ἱερομονάχου Καλλονᾶ τοῦ Κρητός, Οἱ κδ' οἶκοι τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν θεοτόχου και ἀειπαρθένου Μαρίας, παραφραστικῶς μετενεχθέντες εἰς τὴν τῶν Ῥωμαίων ἀπλήν γλῶσσαν. Ἐνετίησιν 1695. См. Εὐαγγέλου Κοφινιώτου Ἀκάθιστος ὕμνος. Ἐν Ἀθήναις 1901, стр. 20—22.

2) Pisdiae exeditio pavsica, Вонпае 1636, стр. 47—68.

3) Филарета еписк Черниговскаго, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ. Черниговъ 1864, стр. 243. — Доягичъ, Богослужебные каноны. Изд. третье. С.-Петербургъ 1875, стр. 192. — А. Петроискій, Праисл. Богословская Энциклопедія, СПБ. 1900, т. I, стр. 378. — Сергій Послушникъ, Акаѳисты. Библиографическія замѣтки. СПБ. стр. 8—9. — А. Поповъ, Православные Акаѳисты, въ Православномъ Собесѣдникѣ. Казань 1902, т. I стр. 61—62.

4) Κ. Οἰκονόμου, Περί τῆς γνησίας προφορᾶς. Ἐν Πετροῦπόλει 1830, стр. 667.

5) Πατριαρχικοὶ πίνακες. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1885—1887, стр. 240—241.

6) Ἰ. Σακκελίωv, Περί τῶν κδ' οἶκων τῆς Θεοτόκου въ журналѣ Σωτήρ, Аѳины 1891, стр. 89—99.

7) Иннокентій, Истор. обзоръ богослужебныхъ книгъ Грекороссійской Церкви. Кіевъ 1836, стр. 59.

8) Analecta sacra, т. I, стр. XXXI и 250.

еще и другіе: Christ ¹⁾, Bouvy ²⁾, Параника ³⁾, Семителось ⁴⁾ и Dieterich ⁵⁾. Амфилохій хочеть Романа прѣснопѣвца ⁶⁾; тоже самое и Эвморфоуль ⁷⁾. Ставрость Вутира примыкаетъ къ мнѣнію составителя хроники монаха Георгія, что Акаѳеистъ относится къ временамъ Константина Погоната ⁸⁾. Нужно замѣтить здѣсь, что Вутирѣ принадлежитъ остроумное замѣчаніе, что въ самомъ прѣснопѣніи ничто не побуждаетъ насъ высказаться за Сергія: оно явно осуждаетъ его моноэелитское ученіе въ слѣдующихъ стихахъ: «Ибо для этого вышній Богъ и явился на землѣ смиреннымъ человѣкомъ» ⁹⁾ и «неописуемое Слово все было долу, но и горняго отнюдь не оставляло. Устроитель всего желая спасти міръ, пришелъ къ нему по собственному обѣтованію, и будучи пастыремъ, какъ Богъ, ради насъ явился подобнымъ намъ человѣкомъ; ибо, признавъ подобное подобнымъ, онъ, какъ Богъ, слышитъ» ⁹⁾ (Акаѳеистъ ст. 172—176 и 217—223). Правильность заключенія Вутиры даетъ намъ полное основаніе полагать, что Акаѳеистъ — произведеніе дѣйствительно гораздо позднѣйшее время Сергія. Все таки положительное рѣшеніе вопроса ему не удалось. Мнѣніе его о составленіи прѣснопѣнія во времена Погоната ¹⁰⁾, оказавшееся несостоятельнымъ, послужило поводомъ Крумбахеру считать вопросъ объ Акаѳеистѣ пока нерѣшеннымъ ¹¹⁾. Поэтому и Евангель Кофиніоти въ своемъ трактатѣ объ Акаѳеистѣ прямо называетъ *неопредѣленными* вопросы, относящіеся ко времени и автору Акаѳеиста ¹²⁾.

Причина подобной запутанности и неопредѣленности, равно какъ и научной бесплодности столькихъ специальныхъ изслѣдованій лежитъ, по нашему мнѣнію, въ неправильности постановки вопроса и въ не-

1) Anthologia graeca carminum christianorum, стр. XXXV.

2) Ed. Bouvy, Poètes et mélodes. Nîmes 1886, стр. 206.

3) 'Ο ἐν Κ/πόλει Ἑλληνικός Φιλολογικός Σύλλογος, т. 25, стр. 136—150.

4) Δ. Χ. Σεμιτείου Ἑλληνική μετρική. Ἀθήνησι 1894, стр. 131.

5) K. Dieterich, Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Litteratur. Leipzig 1902, стр. 36.

6) Архим. Амфилохія Конакарій, стр. 16.

7) Ср. Krumbacher, Geschichte d. byz. Litt²., стр. 672.

8) Διὰ τοῦτο γὰρ ὁ ὑψηλὸς θεὸς ἐπὶ γῆς ἐφάνη ταπεινὸς ἄνθρωπος.

9) 'Ὁλος ἦν ἐν τοῖς κάτω καὶ τῶν ἄνω οὐδ' ἕως ἀπῆν ὁ ἀπερίγραπτος λόγος. Σῶσα θέλων τὸν κόσμον ὁ τῶν ἔλων κοσμητῶρ πρὸς τοῦτον αὐτεπάγγελτος ἦλθε καὶ ποιῆν ὑπάρχων ὡς θεὸς δι' ἡμᾶς ἐφάνη καὶ ἡμᾶς ἄνθρωπος ὁμοίω γὰρ τὰ ὅμοιον καλέσας ὡς θεὸς ἀκούει.

10) Νεολόγου Ἐβδομαδαία Ἐπιθεώρησις 1893, т. II, стр. 411—413, 431—434, 511—513.

11) Geschichte d. byz. Litteratur ², стр. 672.

12) Ε. Κοφινιώτου, Ἀκάθιστος ὕμνος. Ἐν Ἀθήναις 1901, стр. 13 и 16.

нрочности точки отправленія. Требуется прежде всего, какъ мы говорили выше, ближайшее ознакомленіе и точный разборъ тѣхъ письменныхъ документовъ, которые относятся непосредственно къ происхожденію службы и пѣснопѣнія Акаѣиста.

II.

Первоначальное сказаніе объ Акаѣистѣ Божіей Матери; его содержаніе. — Объясненіе разнообразности его заглавій въ церковныхъ книгахъ. — Заглавіе, относящее Акаѣиста Божіей Матери ко временамъ Ираклія и Сергія; неточность заглавія и полная несостоятельность этого мнѣнія. — Значеніе спеціальнаго праздника 7-го августа въ память осады Константинополя при Сергіѣ. — Непониманіе Ксавеопула и другихъ сократителей первоначальнаго синаксаря объ Акаѣистѣ Божіей Матери. — Разборъ и опроверженіе мнѣній о появленіи Акаѣиста при Константинѣ Поговатѣ и при Львѣ Исаврѣ. — Главнѣйшая и двойная цѣль Акаѣиста Божіей Матери по первоначальному синаксарю на основаніи его молитвы къ Богородицѣ. — Заключение: пѣснопѣніе и праздникъ Акаѣиста дѣло позднѣе VII и VIII вѣковъ. — Внутреннія указанія пѣснопѣнія на время происхожденія Акаѣиста Божіей Матери.

О происхожденіи пѣснопѣнія Акаѣиста упоминается, собственно говоря, въ одномъ только документальномъ текстѣ, который мы называемъ оригинальнымъ или первоначальнымъ сказаніемъ объ Акаѣистѣ. Оно довольно пространно; при внимательномъ же его чтеніи мы убѣждаемся въ томъ, что оно представляетъ собою официальный документъ константинопольской церкви, составленный по поводу великой опасности, внезапно постигшей городъ. Лишенные всякой надежды отъ людей и возможности самозащиты, народъ и духовенство прибѣгаютъ къ Богородицѣ и въ торжественномъ моленіи просятъ о ея немедленномъ заступничествѣ. Служба началась чтеніемъ текста во всеуслышаніе: онъ уяснялъ собравшимся причину, по которой предстояло имъ возносить моленіе, по окончаніи же его воспѣвалось теперь впервые пѣснопѣніе Богородицѣ, знаменитый Акаѣистъ. Разумѣется, что текстъ въ формѣ мнѣйнаго сказанія не носилъ опредѣленнаго заглавія въ тотъ моментъ, когда онъ былъ прочитанъ въ храмѣ святой Софіи; разъясненіе причинъ настоящаго богослуженія не зависѣло отъ такого или иного заглавія; требовалось только ознакомленіе публики съ самимъ содержаніемъ текста. Впрочемъ извѣстно, что въ восточныхъ церквахъ житія святыхъ, или легендарныя сказанія, катехизическія бесѣды или синодальныя грамоты читаются безъ особаго заглавія. Напротивъ, опредѣленное заглавіе стало необходимымъ послѣ, когда уже общеизвѣстный текстъ Акаѣиста долженъ былъ вписаться въ

греческія четы-минеи; дать же ему такое или иное заглавіе — вполне зависѣло отъ переписчиковъ. По этому чтеніе носятъ различныя заглавія въ различныхъ рукописяхъ, древнѣйшія изъ которыхъ относятся къ IX вѣку: такъ *Διήγησις ἀναγινωσχομένη εἰς τὴν Ἀχάθιστον* или *Λόγος ἀναγινωσχόμενος εἰς τὴν Ἀχάθιστον* и пр. Есть титулъ пространный: «Полезное сказаніе, собранное изъ древнѣйшей исторіи и повѣствующее о странномъ чудѣ, происходившемъ тогда, когда Персы и Варвары окружили войною эту царицу (Константинополь) и погибли, наказанные божественною правдою; съ тѣхъ поръ городъ, сохранившійся неповрежденнымъ молитвами Богородицы, ежегодно воспѣваетъ благодарственное пѣснопѣніе и этотъ праздникъ называется Акаѳистомъ». (*Διήγησις ὠφέλιμος ἐκ παλαιᾶς ἱστορίας συλλεγεῖσα καὶ ἀνάμνησιν δηλοῦσα τοῦ παραδόξως γενομένου θαύματος, ἣν ἴκα Πέρσαι καὶ Βάρβαροι τὴν βασιλίδα ταύτην πολέμῳ περιέκυκλωσαν, οἱ καὶ ἀπώλοντο θείας δίκης πειραθέντες, ἣ δὲ πόλις ἀσινῆς συντηρηθεῖσα πρεσβείαις τῆς Θεοτόκου ἐτησίως ἔκτοτε ᾄδει εὐχαριστήριον, ἀκάθιστον τὴν ἡμέραν κατονομάζουσα*¹⁾). Однако этотъ титулъ, вопреки своей обстоятельности, представляетъ громадную неточность. Самый текстъ повѣствованія упоминаетъ не только объ одномъ нашествіи — Персовъ и Варваровъ (или Аваровъ), но еще и о двухъ другихъ нашествіяхъ; слѣдовательно онъ былъ измышленъ самимъ каллиграфомъ и недостоверность его съ самаго начала выясняется самимъ текстомъ. Происхожденіе его легко объясняется простымъ соображеніемъ: авторъ титула увлекся тѣмъ, что повѣствователь подробно описываетъ нашествіе Аваровъ и Персовъ, посвящая ему первую и большую часть своего синаксаря; вслѣдствіе чего онъ далъ ему исключительное предпочтеніе. Между тѣмъ титулъ, случайно происшедшій, послѣдовательнымъ и частнымъ списываніемъ сказанія сталъ въ концѣ концовъ общимъ и законнымъ. Такимъ образомъ этотъ случайный и произвольный недосмотръ способствовалъ впоследствии возникновенію предубѣжденія будто Акаѳистъ Божіей Матери относится ко временамъ Ираклія и Сергія.

Однако неточность и полная несостоятельность вышеупомянутаго заглавія становятся яснѣе путемъ отрицательнымъ, — при внимательномъ разсмотрѣніи текстовъ, составленныхъ во времена Ираклія и Сергія. Первый изъ нихъ, содержащійся въ известной Алексан-

1) Изданія Combefis, *Historia monothelitarum*. Parisii 1648, стр. 805 — 826. Migne, *Patroog. gr.*, т. 92, стр. 1353—1372.

дрійской или Пасхальной хроникѣ, представляетъ изложеніе аваро-персидской осады Константинополя въ 626 году. Осада города началась 29 іюля и кончилась 8 августа¹⁾. Но въ этомъ изложеніи вовсе не упоминается объ установленіи какого-нибудь переходящаго праздника Акаеиста по поводу даннаго событія. Мало того, если бы Сергій при такихъ обстоятельствахъ составлялъ длиннѣйшее пѣснопѣніе Акаеиста, хроника упоминала бы объ этомъ, разъ она сочла нужнымъ упомянуть о томъ, что Сергій составилъ и ввелъ въ чинѣ божественной литургіи какой-то кратчайшій тропарь²⁾. Оказывается, что эта Пасхальная хроника ничего не знаетъ о всеобщемъ бдѣніи или о пѣснопѣніи Акаеиста, точно такъ-же какъ и извѣстное стихотворное повѣствованіе Пизиды³⁾. Оба говорятъ просто, что снятіе аваро-персидской осады было слѣдствіемъ чудотворнаго дѣйствія Богородицы; она явилась какъ бы пробѣгающей по крѣпостнымъ стѣнамъ и «оттуда избивала и поражала враговъ». Что дѣйствительно въ это время были возношены патриархомъ Сергіемъ благодарственные моленія, объ этомъ насъ увѣряютъ позднѣйшіе хронографы, но въ какой формѣ они были составлены не упоминаютъ⁴⁾. Свои же свѣдѣнія они заимствуютъ изъ мемуаровъ литургическаго характера неизвѣстнаго писателя, но очевидца событій 626 года. Мемуары сохранились въ парижскомъ манускриптѣ X в. (Cod. Parisiensis, Suppl. 241); они носятъ такое заглавіе: «О взбѣшенномъ движеніи безбожныхъ Варваровъ и Персовъ противъ богохранимаго города и объ ихъ постыдномъ отступленіи благодаря челоуѣколюбію Бога ходатайствомъ Богородицы» (Περὶ τῆς τῶν ἀθέων Βαρβάρων καὶ Περσῶν κατὰ τῆς Θεοφυλάκτου ταύτης πόλεως μανιώδους κινήσεως καὶ τῆς φιλανθρωπίας τοῦ θεοῦ διὰ τῆς Θεοτόκου μετ' αἰσχύνης ἐκείνων ἀναχωρήσεως)⁵⁾. Въ римскомъ же спискѣ заглавіе таково: «О взбѣшенномъ движеніи безбожныхъ Аваровъ и Персовъ противъ Богохранимаго города и объ ихъ постыдномъ отступленіи благодаря челоуѣколюбію Бога ходатайствомъ Богородицы» (Περὶ τῶν ἀθέων Ἀβάρων τε καὶ Περσῶν κατὰ τῆς Θεοφυλάκτου πόλεως μανιώδους κινήσεως καὶ τῆς φιλανθρωπίας τοῦ θεοῦ διὰ τῆς

1) Du Cange, Πασχάλιον. Parisii 1688, стр. 392—397.

2) Тамъ-же, стр. 390.

3) Тамъ-же стр. 392—397, и G. Pisidae, Expeditio persica, стр. 64—65.

4) См. Nicephori opuscula historica, стр. 18 de Boor.

5) Catalogus cod. hag. graec. bibliothecae Nationalis Parisiensis. Bruxellis 1896, стр. 330.

Θεστόκου μετ' αἰσχύνης ἀναχωρήσεως. Cod. Vatic. 1572)¹⁾. Третій списокъ, раньше хранившійся въ Эскуриалѣ, но дальнѣйшая судьба котораго теперь неизвѣстна, имѣетъ заглавіе: «Сказаніе, повѣствующее о взбѣшенномъ движеніи безбожныхъ Аваровъ и Персовъ противъ богохранимаго города и какъ онъ спасся челоѣколюбіемъ Бога, послѣ того какъ они ушли со стыдомъ» (Λόγος διαλαμβάνων περὶ τῆς τῶν ἀθέων Ἀβάρων καὶ Περσῶν κατὰ τῆς θεοφυλάχτου πόλεως μανιώδους κινήσεως καὶ ὅπως φιλανθρωπία θεοῦ ἐρρύσθη ἀναχωρησάντων αὐτῶν μετ' αἰσχύνης). Наконецъ текстъ этотъ является помѣщеннымъ въ церковныхъ книгахъ въ видѣ синаксаря спеціального праздника въ память происходившаго тогда чуда; содержаніе его относится къ осадѣ 626 года²⁾. Редакція эта, вслѣдствіе своего официальнаго характера и пространнысти, правда, могла бы обезпечить достовѣрность распространеннаго мнѣнія, но къ сожалѣнію ея повѣствованіе совсѣмъ не касается нашего вопроса и ни намека нѣтъ объ установленіи акаѣистнаго праздника. Тамъ просто говорится, что, послѣ снятія осады: «Патріархъ (Сергіѣ) военачальникъ и множество народа, стоя при воротахъ (города), которыя мы называемъ Золотыми, какъ и есть, и видя дымъ и огонь варварскихъ орудій, воздѣвали руки къ небу и вопіяли со слезами благодаренія: Десница твоя, Господи, прославлена въ силѣ; десница твоя разбила враговъ, и величіемъ славы твоей сокрушилъ ты супостатовъ». (Ὁ ἱεράρχης καὶ ὁ στρατηγὸς καὶ πλῆθος τῆς πόλεως ἀξίολογον ἐστῶτες πρὸ τῆς πύλης, ἦν Χρυστὴν καλοῦμεν ἀπὸ τοῦ πράγματος, καὶ τὸ πῦρ καὶ τὸν καπνὸν τῶν βαρβαρικῶν ὀργάνων θεώμενοι, τὰς χεῖρας ἀνατείναντες εἰς οὐρανοὺς ἐβόων δάκρυα προχέοντες χαριστήρια: Ἡ δεξιὰ σου, Κύριε, δεδόξασται ἐν ἰσχύϊ· ἡ δεξιὰ σου χεῖρ, Κύριε, ἔδραυσεν ἐχθροὺς καὶ τῷ πλήθει τῆς δόξης σου συνέτριψας τοὺς ὑπεναντίους). Еще эта редакція знаетъ, что: «Благочестивый іерархъ умерщвленіемъ плоти и боговдохновенной ревностью духа самъ себя приносить Богу въ жертву всесожженія; и не кровью тельцовъ и козловъ убѣждается онъ во спасеніи, но самъ приносить безкровную жертву спасенія во всечестномъ храмѣ Богородицы, въ Влахернахъ; всегда со всѣмъ народомъ празднуетъ, возсылаетъ моленія за избавленіе отъ бѣдствій и проситъ о вѣчной охранѣ города». (Ὁ ἱεράρχης ὁ τίμος ἑαυτὸν διαπαντός προσάγων τῷ θεῷ ὀλόκαυτον καλλιέρημα, τῇ τε νεκρώσει τοῦ σώματος

1) Catal. cod. hag. graec. bibliothecae Vaticanae. Bruxellae 1899, стр. 128.

2) Изданія: А. Mai, Nova Patrum bibliotheca, Romae 1852, t. 6, pars 2, стр. 423—437. Leo Sternbach, Analecta Avarica. Cracoviae 1900.

καὶ τῇ ἐνθέῳ ζήσει τοῦ πνεύματος, οὐχ αἱματι ταύρων καὶ τράγων πορίζεται τὴν πρὸς τὸ μέλλον ἀσφάλειαν, ἀλλ' ἀναιμάκτους θυσίας σωτηρίου ἐν τῷ πανσέπτῳ ναῷ τῆς Θεοτόκου τῷ ἐν Βλαχέρναις ἀναφέρει, διαπαντός λιταῖς πανδήμοις τὴν τῶν κακῶν θριαμβεύων ἀπαλλαγὴν, ἀπόρθητον αἰτῶν τὴν πόλιν δι' αἰῶνος φυλάττεσθαι). За этими словами слѣдуетъ молитва къ пророку Исаиѣ о ходатайствѣ его предъ Богородицей: «чтобы она вѣчно спасала городъ и народъ, который, хотя грѣшенъ, однако всегда къ Богу и Богородицѣ прибѣгаетъ»¹⁾.

Безъ сомнѣнія здѣсь имѣется въ виду опредѣленный праздникъ, установленный самимъ Сергіемъ въ память освобожденія Константинополя отъ аваро-персидской осады. Дѣйствительно, такой праздникъ существуетъ 7 и 8 августа, какъ объ этомъ мы достовѣрно знаемъ изъ многочисленныхъ синаксарскихъ списковъ. Такъ въ древнѣйшемъ пергаментномъ синаксарѣ августа мѣсяца, хранящемся въ Вѣнской Придворной Библиотекѣ, содержатся свѣдѣнія о томъ, что 8 августа читали въ церквахъ: «Краткую исторію о нашествіи Персовъ и Аваровъ» во времена царя Ираклія (*Ἱστορία σύντομος περὶ τῆς ἐλεύσεως τῶν Περσῶν καὶ Ἀβάρων*)²⁾; исторія эта остается пока неизданной. Затѣмъ уставъ Константинопольской архіепископіи IX в., сохраняющійся въ плохомъ состояніи въ 266 патмосскомъ пергаментномъ манускриптѣ, опредѣляетъ: «Въ тотъ-же день (= 7 августа) память благочестивой нашей царицы во святыхъ апостолахъ Ирины; и литія бываетъ въ Влахернахъ противъ Варваровъ. И память о нашествіи Варваровъ, когда они молитвами пресвятой Богородицы потоплены были въ Рогатомъ Заливѣ». (Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνήμη τῆς ἐν εὐσεβείᾳ γενομένης ἡμῖν βασιλίσεως ἐν τοῖς Ἁγίοις Ἀποστόλοις Εἰρήνης καὶ λιτή ἀπέρχεται ἐν Βλαχέρναις κατὰ τῶν Βαρβάρων. Καὶ μνήμη τῆς ἐλεύσεως τῶν Βαρβάρων, ὅτε διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς παναγίας Θεοτόκου ἐβυθίσθησαν ἐν τῷ Λάκκῳ). Еще въ другомъ позднѣйшемъ спискѣ мы читаемъ: «Память нашествія Аваровъ во времена царя Ираклія и патріарха Сергія» (Μνήμη τῆς ἐπελεύσεως τῶν Ἀβάρων κατὰ τοὺς καιροὺς Ἰρακλείου βασιλέως καὶ Σεργίου πατριάρχου)³⁾. Въ временномъ уставѣ Константина Порфиророднаго говорится: «И память дарованной намъ сверхъ ожиданія и всякаго чаянія вѣрной помощи отъ

1) Изданіе Sternbach, стр. 16—17 и 24.

2) Lambecii Comment. liber VIII, стр. 119.

3) А. Дмитріевскій, Описаніе литургическихъ книгъ. Τυπικά. Кіевъ, 1895, т. I, стр. 101.

Христа и истиннаго Бога нашего противъ безбожныхъ враговъ, которые окружили насъ со всѣхъ сторонъ — съ суши и моря; когда безсѣменно зачавшая Пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія ходатайствовала о спасеніи этого бохохранимаго города, во времена царя Ираклія; совершается же этотъ синаксъ въ Ея священномъ домѣ въ Влахернахъ». (Καὶ μνήμη τῆς ὑπὲρ λόγον καὶ πᾶσαν ἐλπίδα δωρηθείσης ἡμῖν τελείας βοηθείας παρὰ τοῦ Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ κατὰ τῶν πανταχόθεν διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης κυκλωσάντων ἡμᾶς ἀδέων ἐχθρῶν, μεσιτευσάσης τὴν σωτηρίαν τῇ Θεοφυλάκτῳ ταύτῃ πόλει καὶ βασιλίδι τῆς ἀσπόρως τεκούσης παναγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας κατὰ τοὺς καιροὺς Ἰρακλείου βασιλέως· τελεῖται δὲ ἡ τοιαύτη σύναξις ἐν τῷ σεβασμίῳ αὐτῆς οἴκῳ τῶ ὄντι ἐν Βλαχέρναις) ¹⁾).

Изъ этихъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ довольно ясно, что Акаѳиѣ и праздникъ похвалы Божіей Матери не имѣютъ ничего общаго съ осадю Констинтинополя при Иракліѣ и Сергіѣ. А что касается до вопроса: почему съ древнѣйшихъ временъ всѣ вѣрили противоположному, мы можемъ только повторить и здѣсь данное нами выше объясненіе: первая ошибка лежитъ въ неточномъ заглавіи первоначальнаго синаксаря Акаѳиста. Со времени общепризнанная, она подкрѣплена впоследствии произвольнымъ истолкованіемъ того-же синаксаря со стороны Ксаннопула и другихъ его сократителей. Первоначальный синаксарь учитъ, что акаѳистный праздникъ имѣетъ причиною своего происхожденія осаду Констинтинополя, бывшую непременно послѣ царствованія Льва Исавра. По синаксаристу населеніе переживаетъ крайне тяжелыя минуты; въ своемъ безсиліи оно вспоминаетъ о древнихъ благодѣяніяхъ Богородицы, потому и воздаетъ ей всеобщее благодареніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно ходатайствуетъ о томъ, чтобы Богородица ниспослала свою помощь *и теперь, какъ раньше*, защитила и спасла городъ, что именно и послужило поводомъ къ установленію Акаѳиста. Синаксаристъ, разъясняя Акаѳиѣ, упоминаетъ сначала о древнѣйшемъ чудѣ Богородицы при Сергіѣ и Иракліѣ. Прежде же чѣмъ перейти къ описанію *другихъ* осады и чуда, онъ говоритъ нѣсколько словъ о тогдашнемъ спасеніи города и заканчиваетъ словами: «*Въ воспоминаніе этого благодѣянія мы совершаемъ на-*

1) Рукопись 40 собранія Св. Креста въ библиотекѣ Іерусалимской Патріархіи, листъ 199. Ср. Hipp. Delehaye, Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano. Bruxelles 1902, стр. 872—876.

312 Византийская цивилизация... 1894—1927 гг.

стоящій ежегодный стнаксъ и правимъ всемощную службу, принося Ей благодарственныя пѣсно-пѣнія» (ἤς τινος εὐεργεσίας εἰς ἀνάμνησιν τὴν παροῦσαν ἐτησίαν πανδημεὶ σύναξιν ποιοῦμεν καὶ παννύχιον ἄγομεν ἑορτὴν, εὐχαριστηρίους ᾠδὰς αὐτῇ προσφέροντες¹⁾). Необходимо замѣтить здѣсь, что слова эти, примѣняемые синаксаристомъ къ празднику, или лучше просто читаемые во время Акаөиста, какъ и все предыдущее, заимствованы почти буквально изъ синаксаря 7 августа. Составитель первоначальнаго синаксаря Акаөиста не только ничего здѣсь не прибавляетъ отъ себя, но онъ даже слова Акаөиста не употребляетъ. Однако сократители синаксаря и особенно Ксанөопуль, отъ котораго обыкновенно и научаемся касательно Акаөиста, передѣляли его содержаніе по своему. Слова его: εὐχαριστηρίους ᾠδὰς (благодарственныя пѣнія) самъ произвольно Ксанөопуль разъясняетъ словами ὕμνον καὶ ἀκάθιστον (пѣніе и Акаөисть); а въ подтвержденіе своей передѣлки онъ позволилъ себѣ передѣлку и самаго текста такимъ образомъ: «И такъ, съ тѣхъ поръ, съ память столь великаго и сверхъестественнаго чуда, передано церкви посвящать этотъ праздникъ божіей матери съ этотъ день, когда и былъ воздвигнутъ трофей ея победы; назвали же его (т. е. праздникъ) Акаөистомъ (несъдальнымъ) потому, что тогда (т. е. при Сергіѣ и Иракліѣ) такъ и поступали все (т. е. не сидѣли) — народъ и духовенство города». ("Ἐχτοτε οὖν εἰς μνήαν τοῦ τοσοῦτου καὶ ὑπερφουοῦς θαύματος ἡ Ἐκκλησία τὴν τοιαύτην ἑορτὴν παρέλαβε τῇ μητρὶ ἀνατιθέναι τοῦ θεοῦ τῷ παρόντι καιρῷ, ὅτε καὶ τὸ τρόπαιον τῇ θεομήτορι γέγονεν· ἀκάθιστον δὲ ὠνόμασαν διὰ τὸ τότε οὕτω πράξει τὸν τῆς πόλεως κλῆρόν τε καὶ λαὸν ἅπαντα²⁾). Благодаря такой произвольной и по времени позднѣйшей интерпретаціи, укрѣплено мнѣніе, о которомъ мы говоримъ. Однако фальсификаторовъ можно поймать на ихъ собственныхъ ошибкахъ и противорѣчіяхъ. Ксанөопуль, хотя въ началѣ рассказываетъ о чудѣ при Сергіѣ, исключительно къ нему примѣняя Акаөисть, впоследствии, забывшись, упоминаетъ о другомъ чудѣ при Константинѣ Погонатѣ, о третьемъ при Львѣ Исаврѣ непосредственно прибавляя: «И такъ по причинѣ всѣхъ этихъ сверхъестественныхъ чудесъ всечистой Богоматери, мы празднуемъ съ этотъ день; называется же этотъ праздникъ Акаөистомъ потому, что

1) Migne, т. 92, ст. 1364.

2) Тамъ-же, ст. 1352.

тогда весь народъ воспѣвалъ пѣснопѣнныя матери Слова въ ту ночь, стоя на ногахъ; и мы, хотя при пѣнии встѣвъ другихъ икосовъ обыкновенно сидимъ, во время пѣнія икосовъ Богоматери встѣ слушаемъ стоя». (Διὰ ταῦτα τοίνυν ἅπαντα τὰ ὑπερφύη θαυμάσια τῆς πανάγου καὶ Θεομήτορος τὴν παροῦσαν ἑορτὴν ἑορτάζομεν ἀκάδιστος δὲ ὀνομάζεται, διότι ὀρθοστάδην τότε πᾶς ὁ λαὸς κατὰ τὴν νύκτα ἐκείνην τὸν ὕμνον τῆ τοῦ Λόγου μητρὶ ἐμελψαν, καὶ ὅτι ἐν πᾶσι τοῖς ἄλλοις οἴκοις καθῆσθαι ἐξ ἔθους ἔχοντες ἐν τοῖς παροῦσι τῆς Θεομήτορος ὁρδοὶ πάντες ἀκροώμεθα). Говоря это, сократитель обнаруживаетъ явный самообманъ; въ заключеніе получается, что нашъ Акаѳистъ не составленъ при Сергіѣ и Иракліѣ, какъ онъ самъ говорить выше, но при Львѣ Исаврѣ. Но и это тоже невѣрно, потому что первоначальный текстъ относить составленіе Акаѳиста ко времени позднѣйшему Льва Исавра. Пока ограничиваясь этимъ общимъ замѣчаніемъ, переходимъ къ прямому опроверженію двухъ другихъ предубѣжденій.

По первому изъ нихъ всенощная служба Акаѳиста и его пѣснопѣнныя относятся ко временамъ Константина Поговята. Мнѣніе опирается на такъ называемую лѣтопись монаха Георгія. И здѣсь, какъ мы уже упомянули, исключительную роль играетъ произволь одного изъ исправителей хроники, пожелавшаго представить ее въ болѣе совершенномъ видѣ различными прибавками и дополненіями. Съ этою цѣлью онъ заимствуетъ изъ различныхъ источниковъ всякіе эпизоды, относящіеся ко временамъ многихъ царей, которые и помѣщаетъ въ своей хроникѣ почти дословно. Въ данномъ вопросѣ, хотя самое событіе объ опасности, когда-то угрожавшей городу, онъ беретъ буквально изъ первоначальнаго синаксаря Акаѳиста, однако онъ съ своей стороны вставляетъ слѣдующее: «...когда и составлены Акаѳистъ и кондакъ пресвятой Богородицѣ» (Τῆ ὑπερμάχῳ, στρατηγῶ, Πρόσταγμα χριστιανῶν и Πρεσβεῖα θεομητρὶ¹⁾). Но подобная вставка опровергается самымъ синаксаристомъ, это разъ; а во-вторыхъ снятіе осады при Константинополѣ Погонатѣ вспоминается 25 іюня, на что указываютъ всѣ константинопольскіе древніе типики Великой Церкви. Уставъ при Константинополѣ VII Багрянородномъ опредѣляетъ: «Въ тотъ-же день (25 іюня) празднуется память помощи, дарованной намъ сверхъ слова и всякаго чаянія отъ Великаго Бога и спасителя нашего Иисуса Христа, молитвами безсѣменно зачавшей всеятой Владычицы нашей Богородицы и Присно-

1) Γεωργίου χρονικόν, стр. 611—612. Ср. Синаксаря Акаѳиста у Migne, т. 92, ст. 1364.

дѣвы Маріи противъ безбожныхъ Сарациновъ, окружавшихъ нашу Царьградъ съ суши и моря» (Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἀνάμνησις τελεῖται τῆς ὑπὲρ λόγον καὶ πᾶσαν ἐλπίδα δωρηθείσης βοηθείας παρὰ τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς ἀσπύρου αὐτὸν τεκούσης παναγίας καὶ δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας κατὰ τῶν διὰ γῆς τε καὶ θαλάσσης κυκλωσάντων τὴν καθ' ἡμᾶς βασιλίδι πόλιν ἀθέων Σαρακηνῶν) ¹⁾).

Другіе, ссылаясь на краткій синаксарь, утверждаютъ, что праздникъ Акаѳиста установленъ былъ по поводу спасенія города при Львѣ Исаврѣ и патріархѣ Германѣ. Достаточно вспомнить 16 августа, когда специально празднуется это событіе. Такъ, наприимѣръ, Константинопольскій церковный уставъ при Константинѣ Багрянородномъ опредѣляетъ: «Въ тотъ-же день (16 августа) воспоминаніе великаго и непреодолимаго челоуѣколюбія Бога нашего, силою котораго и молитвами Его всенепорочной матери Онъ погубилъ и разсѣялъ нашедшую толпу Агарянъ во времена Льва Исавра, иначе Конона, когда они съ суши и моря окружили этотъ великій городъ; они подверглись раззоренію въ день памяти ея святаго Успенія (15 августа), когда и наступили. Въ тотъ же періодъ года празднуется память постигшей насъ въ древнія времена страшной грозы землетрясенія, отъ которой сверхъ всякаго чаянія избавилъ насъ челоуѣколюбивый Богъ». (Μηνὶ τῶ αὐτῶ ἰς' ἣ ἀνάμνησις τῆς περὶ ἡμᾶς μεγάλης καὶ ἀνυπερβλήτου τοῦ Θεοῦ ἡμῶν φιλάνθρωπίας, δι' ἣν τὰ ἐπελθόντα τῶν Ἀγαρηνῶν πλήθη κατὰ τοὺς χρόνους Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου, τοῦ καὶ Κόνωνος, κυκλώσαντα τὴν μεγάλην ταύτην πόλιν διὰ τε γῆς καὶ θαλάσσης πρεσβείαις τῆς παναχράντου αὐτοῦ μητροῦς ἀπώλεσε καὶ διέφθειρε· τὴν δὲ πανωλεθρίαν ἐδέξαντο κατὰ τὴν μνήμην τῆς τιμίας αὐτῆς μεταστάσεως, ἐν ἣ καὶ ἐπῆλθον· ἐν δὲ τῇ τοιαύτῃ περιόδῳ τοῦ ἔτους τελεῖται μνήμη τῆς μετὰ οἰκτιρμῶν ἐπενεχθείσης ἡμῖν ἐν τοῖς πάλαι χρόνοις φοβεραῶς ἀπειλῆς τοῦ σεισμοῦ, ἧς παρ' ἐλπίδα πᾶσαν ἐλυτρώσατο ἡμᾶς ὁ φιλάνθρωπος Θεός).

Такимъ образомъ, съ устраненіемъ предразсудковъ становится яснымъ, что чудеса Богородицы при Иракліѣ, Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ возникновенію Акаѳиста. Цѣль этого двойкая: съ одной стороны—воздать бла-

1) Рукопись 40 Иерусалимскаго монастыря Св. Креста, листъ 173. Ср. Нір. Delehaye, *Synaxarium*, стр. 772.

2) Рукопись 40 Св. Креста, л. 203. Ср. Delehaye тамъ-же, стр. 901—904.

годареніе Богородицѣ за ея прежнее покровительство, съ другой — испросить сызнова ея милосердное вниманіе къ городу, которому угрожаетъ опасность. Древнія чудеса при Иракліѣ, Погонатѣ и Львѣ перечисляются въ доказательство того, что городъ дѣйствительно пользуется покровительствомъ Богородицы; за это именно и подobaетъ, чтобы всѣ единогласно восхваляли, благодарили и воспѣвали Ее. Однако истинное настроеніе слушателей къ подобному благодарственному моленію требуетъ, прежде всего, нравственную чистоту и добродѣтельную жизнь. «Вѣрно», говоритъ синаксаристъ, «что мы должны въ дѣлахъ нашихъ приносить благодареніе Богоматери потому, что Ей, какъ и Ея сыну, такая именно благодарность болѣе пріятна, чѣмъ самыя мелодичныя пѣснопѣнія, исполненныя на флейтахъ или органѣ» (τὴν δι' ἔργων εὐχαριστίαν προσάγειν τῇ Θεομήτορι ταύτῃ γὰρ ἤδεται μᾶλλον αὐτῇ τε καὶ ὁ ταύτης υἱός, ἤπερ αὐλῶν ἢ οργάνων μουσικωτάταις ᾠδαῖς). Но такъ какъ природа человѣка слаба, и умъ его непонятливъ, слѣдовательно оба эти и то и другое: «благодарствуетъ нашей нерѣшительности въ трудахъ добродѣтели и тому, что мы прикасаемся мало къ ней, какъ бы концемъ перста, и вслѣдствіе этого много намъ недостаетъ для возданія благодарности, то возблагодаримъ Ее (Богородицу) хотя бы голыми словами» (ἀποκνεῖν ἡμᾶς πρὸς τὸ τῆς ἀρετῆς ἐπίπονον ποιεῖ καὶ βραχέα ταύτης ἀπτόμεθα καὶ ὅσῳ εἰπεῖν ἄκρω δακτύλῳ, καὶ διὰ τοῦτο πρὸς τὴν ἔκτισιν τῆς εὐχαριστίας ἐνδεῶς ἔχομεν, κἂν τὴν διὰ ῥημάτων ψιλῶν εἰσενέγκωμεν). Далѣе, обращаясь къ Богородицѣ, ораторъ восклицаетъ съ амвона: *«Мы промолжно просимъ твои чудеса; прославляемъ попеченіе; провидѣніе величій; покровительство воспѣваемъ; помощь восхваляемъ; милосердіе славословимъ; вспоминая твои прежнія дарованія и отъ сколькихъ опасностей мы избавлены тобою, настоящее благодарственное пѣнопѣніе мы возносимъ къ тебѣ (хотя) недостойное твоихъ благодѣяній (ибо и что могла бы быть икъ достойнымъ?—однако пріятны тебѣ твоихъ чашъ лепетанья)»* (Ἄδομεν μεγαλοφώνως τὰ σὰ θαυμάσια τὴν κηδεμονίαν ὁσεῖσθαι τὴν προνοίαν μεγαλύνομεν τὴν προστασίαν ὑμνοῦμεν τὴν βοήθειαν ἐχθειάζομεν τὴν εὐσπλαγχνίαν δοξολογοῦμεν καὶ ἐπὶ μὲν τοῖς παρελθοῦσι μεμνημένοι τῶν σῶν δωρεῶν καὶ ἐξ ὅσων κινδύνων ἐρρύσθημεν διὰ σοῦ, ταύτην σοὶ τὴν εὐχαριστήριον ᾠδὴν ὡς χρέος προσάγομεν, οὐκ ἀντάξιον μὲν οὖσαν ταῖς σοῖς εὐεργεσίαις τί γὰρ ἂν καὶ εἴη τούτων ἀνταξίον; πλην φίλα σοὶ τὰ τῶν σῶν παιδῶν ψελλίσματα); *«по случаю же настоящихъ (бѣдствій) и прискорбныхъ (обстоятельствъ) испраши-*

вземъ твою быстрѣйшую помощь» (ἐπί δὲ τοῖς ἐνεστῶσι καὶ λυποῦσιν ἡμᾶς παρακαλοῦμεν τὴν σὴν ὀξυτάτην βοήθειαν).

Такимъ образомъ мы вынуждены полагать, что именно настоящее положеніе вещей вызываетъ у жителей воспоминаніе о прежнихъ благодѣяніяхъ Богородицы, т. е. при Иракліѣ, Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ. При этомъ логическая связь испрашиванія «быстрѣйшей помощи» съ упоминаніемъ предшествующихъ благодѣяній абсолютно требуетъ, чтобы подъ λυποῦντα мы подразумѣвали четвертую осаду; и хотя въ самой молитвѣ не всгрѣчается слова осада, однако оно не только звучитъ въ перифразѣ: ἐνεστῶσι καὶ λυποῦσιν ἡμᾶς, но и въ концѣ молитвы тѣ же самыя настоящія бѣды прямо называются трепетомъ, битвами, войнами. Обратимъ наше вниманіе на молитву: «Молимся о твоёмъ заступничествѣ: отжени отъ насъ препятствія; разсѣй давящія насъ тучу и мрачную ночь, подъ вліяніемъ которыхъ враждебно кидаемся другъ на друга, какъ въ ночномъ сраженіи, или, лучше сказать, какъ бѣшеные сами свои тѣла раздираемъ и не знаемъ родственниковъ, и не познаемъ своихъ соплеменниковъ; и на это осмѣливаемся — кто? мы, которые удостоены того-же крещенія, той-же церкви, тѣхъ-же таинствъ, чтобы не болѣе распространяться». (Δεόμεθα τῆς σῆς ἀντιλήψεως· λῦσαι τὰ ἐν τῷ μέσῳ προσκόμματα διασκέδασαι τὴν ἐπέχουσαν ἡμᾶς νεφέλην τε καὶ σκοτόμαιναν, ὡς ὅτι ὡς περ ἐν νυκτομαχίᾳ βάλλομεν τε καὶ βαλλόμεθα, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ὡς περ οἱ μαινόμενοι τῶν ἰδίων σαρκῶν ἀπτόμεθα καὶ ἀγνοοῦμεν τοὺς συγγενεῖς καὶ τὸ ὁμόφυλον οὐκ ἐπιγινώσκομεν· καὶ ταῦτα τολμῶμεν τίνες; οἱ τοῦ αὐτοῦ βαπτίσματος, τῆς μιᾶς Ἐκκλησίας, τῶν αὐτῶν μυστηρίων ἤξιωμένοι, ἵνα μὴ λόγον ἀποτείνωμεν μακρόν).

Значить, Константинопольское населеніе находилось не только въ осадномъ положеніи, но и въ междоусобной войнѣ, на причины которой авторъ молитвы не указываетъ, но обращается опять къ Богородицѣ: «Поэтому умоляемъ твое милосердіе: сжалясь надъ твоимъ народомъ и достояніемъ твоимъ и будь ходатайцей передъ рожденнымъ изъ тебя Богомъ нашимъ; *помоги намъ находящимся въ краю опасности и избави насъ отъ невыносимыхъ бѣдствій.* Ты видишь, о Владычица, какія бѣды разлиты вокругъ насъ; и такъ встань и не отвергни насъ окончательно. Зачѣмъ Ты отворачиваешь лице Твое и забываешь нашу бѣдность? *Уничтожи предстоящіе трепеты и устрашенія, устрани раздорныя столкновенія, прекрати сраженія и войны; утиши надвигавшіяся на насъ инъвъ божій и разореніе; усмири вну-*

τρηνίε бунты и смятенія и подари Твоимъ рабамъ миръ и тишину, чтобы мы, прибавивши настоящее ко многимъ твоимъ благодѣянїямъ, во всякое время провозглашали Твои чудесныя (дѣла)». (Διά τοῦτο ἰκετεύομεν τὴν σὴν εὐσπλαγχνίαν οἴκτον λαβεῖν τοῦ σοῦ λαοῦ καὶ τῆς κληρονομίας σου, καὶ στῆναι πρέσβιν πρὸς τὸν ἐκ σοῦ τεχθέντα Θεὸν ἡμῶν, καὶ βοηθῆσαι μὲν ἡμῖν τὰ ἔσχατα κινδυνεύουσιν, ἐξελεῖσθαι δὲ ἡμᾶς συμφορῶν ἀνηκέστων. Ὁρᾷς, ὅσοις, ὦ δέσποινα, κακοῖς περιαντλούμεθα. Ἀνάστηθι οὖν καὶ μὴ ἀπόσῃ εἰς τέλος. Ἵνα τί τὸ πρόσωπόν σου ἀποστρέφεις καὶ ἐπιλανθάνεις τῆς πτωχείας ἡμῶν; Διάλυσον τοὺς ἐπιχειμένους φόβους καὶ τρόμους· ἄνελε τὰς φιλονείκους ἐνστάσεις· παῦσον τὰς μάχας καὶ τοὺς πολέμους· κόπασον τὴν καθ' ἡμῶν κινηθεῖσαν ὀργὴν τοῦ Θεοῦ καὶ θραῦσιν· καταπράυνον τὰς ἐν τῷ μέσῳ στάσεις καὶ ταραχὰς καὶ γαλήνην καὶ εἰρήνην βράβευσον τοῖς οἰκέταις σου, ἵνα ταῖς πολλαῖς εὐεργεσίαις προστεθείσης καὶ ταύτης ἀνακηρύττωμεν διὰ παντός τὰ σὰ τεράστια).

Такимъ образомъ содержаниемъ молитвы синаксариста наглядно объясняется главная цѣль Акаѳиста. Онъ долженъ былъ, какъ мы уже говорили раньше, опредѣлить и оправдать исключительное собраніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ всеобщаго благодаренія, представить слушателямъ форму всенароднаго обращенія къ Богородицѣ. Синаксарь изданъ въ то время, когда уже преобладали съ одной стороны бунты и безпорядки внутри, съ другой — страхъ, ужась, войны и битвы съ нашествіемъ извнѣ и осадюю города. Составитель молитвы — очевидецъ свидѣтель; его синаксарское повѣствованіе вмѣстѣ съ молитвою произнесены были въ ту самую ночь, въ которую отслужено было первое всеобщее бдѣніе Акаѳиста; оба составляютъ официальный документъ Константинополькой архіепископіи. Дальше говорящій даетъ народу наставленіе о ежегодномъ совершеніи акаѳистнаго богослуженія въ знакъ вѣчной благодарности и заканчиваетъ такъ: «Однако дошедшіе до этого и паруса опустившіе слова мы подплыли къ невозмутимой пристани молчанія; и здѣсь мы опять напоминаемъ собранымъ, что не слѣдуетъ, чтобы мы оказались неблагоприятными владычичѣ нашей и благодарительницѣ и, на дѣлѣ облагодѣтельствованные, стали медлить приносить словесное благодареніе; впрочемъ этимъ мы самимъ себѣ пользу заготовляемъ. Ибо, если мы будемъ благодарны за настоящія (блага), мы приобретаемъ большое дерзновеніе для будущаго и способимся неизрѣченныя блага». (Ἄλλ' ἐνταῦθα γενόμενοι καὶ τὰ ἰστία τοῦ λόγου χαλάσαντες, εἰς τὸν ἀσφαλῆ τῆς σιωπῆς ὠρμήσαμεν λιμένα, ἐκεῖνο πάλιν τοὺς συνειλεγμένους ἀνα-

μνήσαντες, μὴ ἀγνώμονας φανῆναι πρὸς τὴν εὐεργέτιν καὶ δέσποιναν, μηδὲ διὰ τῶν ἔργων εὐεργετούμενους ὀκνεῖν τὴν διὰ τῶν λόγων εὐχαριστίαν προσφέρειν· καὶ γὰρ πάλιν εἰς ἡμᾶς τὸ κέρδος ἐπάνεισιν· ἐάν γὰρ ἐπὶ τοῖς φθάσασιν εὐχάριστοι γενώμεθα, μεγάλην ἑαυτοῖς πρὸς τὰ μέλλοντα εὐτρεπίσομεν παρρησίαν καὶ τῶν ἀπορρήτων ἀγαθῶν ἐπιτύχωμεν¹⁾).

Изъ анализа этого оффиціального синаксаря, къ которому частью невнимательно относились, или совершенно его игнорировали занимашіеся вопросомъ объ Акаөистѣ Божіей Матери, получается слѣдующее общее заключеніе: во-первыхъ, Акаөистъ не имѣеть своей цѣлью благодарить Богоматерь за снятіе исключительно *одной опредѣленной осады*, но за три прежнія чудесныя благодѣянія; во-вторыхъ, константинопольское населеніе восхваляетъ Богородицу за прошлое и молится о спасеніи города *отъ настоящей осады*, которая по свидѣтельству самого синаксариста происходитъ послѣ Льва Исавра. Слѣдовательно пѣснопѣніе Акаөиста и праздникъ похвалы Божіей Матери дѣло позднѣе VII и VIII вѣковъ.

Приступая теперъ къ общему разсмотрѣнію самаго Акаөиста Божіей Матери, мы прежде всего замѣчаемъ, что онъ научаеть насъ тому же самому, чему и синаксарь. Нѣкоторые думали почерпнуть изъ самаго пѣснопѣнія Акаөиста указанія на опредѣленіе времени его составленія. Однако они не искали ихъ тамъ, гдѣ дѣйствительно они находятся. Изъ третьей, на примѣръ, строфы попытались вывести доказательство въ подтвержденіе мнѣнія, что пѣснопѣніе составлено при патріархѣ Сергіѣ ошибочнымъ истолкованіемъ стиха: *«Радуйся, поклоненіе огню прекратившая»* (ст. 116). Въ дѣйствительности фраза эта не имѣеть въ виду Персовъ, побѣжденныхъ Иракіемъ, но уничтоженіе огнепоклонства. Съ такими словами обратились къ Богородицѣ волхвы, прибывшіе въ Вилеемъ изъ Персіи; они восхваляли рожденіе богочеловѣка, религія котораго должна была прекратить персидскую пиролатрію. Въ ст. 112: *«Радуйся, извершая мучителя человѣчнаго изъ начальства»* видѣли Фоку, тираннически царствовавшего до Ираклія, между тѣмъ здѣсь въ богословскомъ смыслѣ разумѣется, что съ пришествіемъ Христа уничтожена въ мірѣ тиранническая власть діавола надъ варварскимъ язычествомъ, пиролатріей и идолопоклонствомъ. Икосы Акаөиста Божіей Матери рѣшительно ничего не говорятъ относительно времени его происхожденія; это скорѣе можно

1) Migne, т. 92, ст. 1372.

найти въ кондакѣ: онъ, въ качествѣ вступленія, вмѣстѣ съ эпилогомъ находится въ полной гармоніи съ оригинальнымъ синаксаремъ Акаѣиста. По кондаку городъ, «какъ избавленный отъ бѣды», которыя постигли его при Иракліѣ, Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ, возноситъ къ Богородицѣ, своей «военачальницѣ», пѣсни «побѣдныя и благодарственныя». Въ томъ-же самомъ кондакѣ, непосредственно послѣ благодаренія, городъ проситъ Богородицу, «какъ имѣющую державу непреоборимую, *освободить его отъ всякихъ напастей*», гдѣ и разумѣются современныя опасности. Такимъ образомъ двоякая цѣль праздника похвалы Божіей Матери, различаемая въ синаксарѣ, явна и въ самомъ кондакѣ, хотя въ краткихъ выраженіяхъ: такъ первая его половина разясняетъ первую половину синаксара: воздается благодарность за освобожденіе города отъ прежнихъ опасностей; другая же половина разясняетъ вторую цѣль синаксара: общее моленіе объ избавленіи города ἐκ παντοίων κινδύων, которыя будутъ не что иное, какъ страхи, трепеты, смятенія, битвы и войны синаксара. Тоже самое тягостное положеніе рисуется и въ эпилогѣ пѣснопѣнія: «О всепѣтая Матерь, родившая святѣйшее всѣхъ святыхъ слово! Принявъ нынѣшнее приношеніе, *избавь отъ всякой бѣды всѣхъ, и спаси отъ будущаго мученія*».

III.

Четвертая осада Константинополя при царѣ Михаилѣ III и патриархѣ Фотіѣ отъ Русн (860 годъ).— Историческія свидѣтельства о ней.— Точная характеристика событія въ двухъ бесѣдахъ патриарха Фотія: εἰς τὴν ἑφοδὸν τῶν Ῥώσ. — Содержаніе первой бесѣды. — Взаимное сходство Акаѣиста, первоначальнаго синаксара и первой бесѣды патриарха въ существенныхъ чертахъ. Общее заключеніе: установленіе Акаѣиста не имѣетъ въ виду одной опредѣленной осады города. — Переходность праздника похвалы Божіей Матери и его принадлежность постному періоду въ связи съ его происхожденіемъ при патриархѣ Фотіѣ.

Такъ какъ самое пѣснопѣніе Акаѣиста Божіей Матери гармонируетъ по духу съ первоначальнымъ синаксаремъ, пора намъ опредѣлять время, какъ установленія праздника, такъ и составленія самаго пѣснопѣнія Акаѣиста. Прежде всего: былъ ли другой какой-нибудь случай, когда Константинополь подвергался «различнымъ опасностямъ», подобнымъ какъ при Иракліѣ, Константинѣ Погонатѣ и Львѣ Исаврѣ? Если справиться въ хроникахъ, то узнаемъ, что нехристіанская и варварская осада позднѣйшая эпохи Льва, но и болѣе грозная и опасная происходила въ 860 г. отъ нашествія на Констан-

тинополь пока нехристианизованныхъ Руси (Ῥώς). Хотя хронографы и описываютъ намъ случившееся при осадѣ чудо Богородицы, однако разъ возникшее и постепенно укоренившееся извращеніе истины побудило историковъ не ставить этой осады въ связь съ вопросомъ объ Акаеистѣ.

Время нашествія Руси точно опредѣляетъ найденная въ Брюсселѣ Σύνοψις χρονική слѣдующими словами: «Михаилъ, сынъ Θεοφίλου, со своей матерью Θεοδωρῆ (царствовалъ) года 4 и самъ одинъ лѣтъ 10 и съ Василюемъ годъ 1 и 4 мѣсяца. Въ его царствованіе, 18-го Іюня мѣсяца, индикта 8-го, 6368 года (= 860 г.), въ 5-омъ годъ его власти наступили Русь на двухъ стахъ ладьяхъ; но они молитвами всехвальной Богородицы были завоеваны христианами и окончательно побѣждены и исчезли». (Μιχαὴλ υἱὸς Θεοφίλου σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Θεοδώρα ἔτη δ' καὶ μόνος ἔτη ι', καὶ σὺν Βασιλείῳ ἔτος ἓν, μῆνας δ'. Ἐπὶ τῆς αὐτοῦ βασιλείας μηνὶ ἰουνίῳ ἢ <ινδ.> ἡ', ἔτους ςτξή', τῶ ε' ἔτει τῆς ἐπικρατείας αὐτοῦ ἦλθον Ῥώς σὺν ναυσὶ διακοσμίαις, οἱ διὰ πρεσβειῶν τῆς πανμνήτου Θεοτόκου κατεχυριεύθησαν ὑπὸ τῶν χριστιανῶν καὶ κατὰ κράτος ἠττήθησαν τε καὶ ἠφανίσθησαν)¹⁾. Продолжатель хроники Θεοφана, имѣн въ виду тотъ-же самый 860 годъ, пишетъ: «Съ этихъ поръ угнетало Ромэевъ нашествіе Руси (народъ же они скиѣскій, дикій и грубый); который сожигалъ Понтъ и Черное море и самый Городъ окружалъ во время, когда Михаилъ отправился въ походъ противъ Исмаилитовъ; но они, подвергшись гнѣву Божію, возвратились къ себѣ, какъ только Фотій, управляющій церковью, умолилъ Бога. Немного времени спустя посольство ихъ прибыло въ Царьградъ съ просьбою сдѣлать ихъ (Русь) участниками въ святомъ крещеніи, что и было исполнено». (Ἐντεῦθεν γοῦν τὰ μὲν τῶν Ῥωμαίων ἢ τῶν Ῥώς ἐκάκου ἐπιδρομῇ (ἔθνος δὲ οὗτοι Σκυθικόν, ἀνήμερόν τε καὶ ἄγροικόν) τόν τε Πόντον αὐτόν, οὐ μὴν καὶ τὸν Εὐξείνιον, κατεπίμπρα καὶ αὐτὴν τὴν Πόλιν περιστοίχιζεν, τημκαῦτα τοῦ Μιχαὴλ κατὰ Ἰσμαηλιτῶν ἐκστρατεύοντος· πλὴν ἀλλ' ἐκεῖνοι μὲν τότε θείας ἐμφορηθέντες ὀργῆς, Φωτίου τὸ θεῖον ἐξίλωσαμένου, τοῦ τῆς Ἐκκλησίας τὰς οἰακὰς ἔχοντος, οἰκαδε ἐκπεπόρευντο· καὶ μετ' οὐ πολὺ πάλιν τὴν βασιλεύουσαν πρεσβεῖα αὐτῶν καταλάμβανεν τοῦ θείου βαπτίσματος ἐν μετοχῇ γενέσθαι αὐτοὺς λιτανεύουσα· ὃ καὶ γέγονεν)²⁾. Тотъ-же самый фактъ въ хроникѣ псевдо-Симеона магистра изложенъ такъ: «Въ 10-омъ году его (Μιχαὴλ) Русь, забравъ»

1) F. Cumont, *Anecdota Bruxellensia* I. Gand 1894, стр. 33.

2) Theophanes continuatus, стр. 196. Cp. Cedren., т. 2, стр. 173 Bonn. Zonarae epit. historiarum, т. 4, стр. 15 Dind.

пись за Иеронъ, много совершили убійствъ. Они тогда обложили городъ. Сейчасъ-же послѣ того какъ съ трудомъ успѣлъ перебраться императоръ, приходятъ (населеніе) съ патриархомъ Фотіемъ въ храмъ Богородицы въ Влахернахъ и съ пѣснопѣвными вынесшіе ризу Богоматери дотролнулись краемъ до воды въ морѣ; тогда, хотя была тишь, сразу подули вѣтры и поднялась сильная буря; и корабли Руси были разбиты и немногіе изъ нихъ (Руси) избѣгли опасности. (Τῷ ἰ' ἔτει αὐτοῦ οἱ Ῥῶς ἐνδοθεν τοῦ Ἱεροῦ φθάσαντες πολὺν εἰργάσαντο φόνον. Περικυκλοῦσιν οὖν τὴν πόλιν, καὶ τοῦ βασιλέως μόλις διαπερᾶσαι ἰσχύσαντος, εὐθὺς σὺν τῷ πατριάρχῃ Φωτίῳ τὸν ἐν Βλαχέρναις τῆς Θεοτόκου ναὸν καταλαμβάνουσι καὶ μεθ' ὑμνωδιῶν τὸ ἅγιον τῆς Θεοτόκου ἐξαγαγόντες μαφόριον τῇ θαλάσῃ ἄκρως προσέβησαν· καὶ νηνεμίας οὔσης εὐθὺς ἀνέμων ἐπιφοραὶ καὶ τῆς θαλάσσης ἡρεμούσης κυμάτων ἐπαναστάσεις ἀλλεπάλληλοι ἐγεγόνεισαν, καὶ τὰ τῶν ἀθέων Ῥῶς πλοῖα κατεάγησαν, ὀλίγων ἐκπεφυγόντων τὸν κίνδυνον)¹⁾. Слова эти представляютъ дополнительное продолженіе хроники монаха Георгія, гдѣ нашествіе и разореніе Руси повѣствуется такъ: «Царь же (Михаилъ) выступилъ въ походъ противъ Агарянъ, оставивши для охраны города градоначальника Орифу, который немедленно оповѣстилъ царя о нашествіи безбожныхъ Руси въ то время, когда онъ (царь) еще не осуществилъ ни одного изъ своихъ плановъ и намѣреній и находился при Мавропотамѣ. Тогда царь вынужденъ былъ прекратить свой путь и вслѣдствіе этого онъ ничего не совершилъ отважнаго и достойнаго царя. Русь же успѣвшіе пробраться въ Иеронъ, много христіанъ избили и невинную кровь пролили. Было же около двухъ сотъ ладей, которыми окруженъ былъ городъ; онѣ навели большой страхъ на находящихся внутри. Прибывшій царь съ трудомъ могъ перебраться, и вмѣстѣ съ патриархомъ Фотіемъ отправился въ храмъ Богоматери въ Влахернахъ, гдѣ они примиряли и умилоствовали Бога». (Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐξεστράτευσεν κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν, καταλιπὼν ἐν τῇ πόλει ταύτῃ φυλάττειν Ὀριφᾶν ὑπαρχὸν ὄντα, ὅστις, οὐπὼ τοῦ βασιλέως μηδὲν ἐξ ὧν ἐμελέτα καὶ κατὰ νοῦν εἶχεν ἐργασαμένου, τὴν τῶν ἀθέων Ῥῶς ἐμήνυσεν ἀφίξειν γεγενημένου ἤδη κατὰ τὸν Μαυροπόταμον. Καὶ ὁ μὲν βασιλεὺς καὶ τῆς ἐρχομένης μετεσχέθη ὁδοῦ καὶ δι' ἣν ταύτην ἀφῆκεν οὐδὲν βασιλικὸν καὶ γενναῖον εἰργάσατο· οἱ δὲ Ῥῶς φθάσαντες ἐνδον τοῦ Ἱεροῦ γενέσθαι, πολὺν εἰργάσαντο φόνον χριστιανῶν καὶ ἀθῶν αἵμα ἐξέχεον. Ὑπῆρ-

1) Theoph. cont., стр. 674—675.

322 Византийская цивилизация... 1894—1927 гт.

χον δὲ πλοῖα διακόσια, ἃ περιεκύκλωσαν τὴν πόλιν καὶ πολὺν φόβον τοῖς ἔνδοις ἐνεποίησαν. Ὁ δὲ βασιλεὺς καταλαβὼν μόλις ἴσχυσε διαπερᾶσαι, καὶ δὴ σὺν τῷ πατριάρχῃ Φωτίῳ εἰς τὸν ἐν Βλαχέρναις ναὸν τῆς τοῦ θεοῦ μητρὸς παρεγένετο, χάκει τὸ θεῖον ἐξιλεούντο καὶ ἐξευμενίζοντο¹⁾. Τῆ-
же самыя извѣстія повторяются въ XII в. тогдашнимъ антиохійскимъ патриархомъ Іоанномъ, написавшимъ императору Алексѣю Комнину: «Развѣ ты не слыхалъ о чудесахъ, которыя совершала Богоматерь въ различныя времена и при различныхъ опасностяхъ, ради спасенія этого Царьграда, когда его осаждали враги, и (не слыхалъ), что почти въ самый день моленія подоспѣла помощь и оборона отъ непріятели? Развѣ ты не знаешь, что въ дни царя Михаила, сына Θεοφιλα, Тавроскины, толпою напавшіе и обложившіе городъ, окружали его, какъ будто въ сѣтяхъ, царь же съ архіереемъ и всѣмъ населеніемъ города поспѣшивъ въ Влахерны и потомъ погрузивши краемъ въ море святую ризу Богоматери (обычно называемую мафоріонъ), увидѣли странное и поразительное явленіе? Море, до того времени тихое, сразу взбушевавъ, поглотило всѣ ладьи враговъ. Уцѣлѣло же ихъ очень немного и столько, сколько было достаточно оповѣстить своихъ о страшной катастрофѣ». (Οὐκ ἀκούεις ἡλίκα κατὰ διαφόρους καιροὺς καὶ κινδύνους ἡ Θεομήτωρ τεθαυματούργηκε περὶ ταύτην δὴ τὴν βασιλίδαν πόλιν ὑπ' ἐχθρῶν κυκλωθεῖσαν, αὐθημερὸν πολλάκις τῇ ἰκετεῖα τῆς βοήθειας ἀκολουθησάσης καὶ τῆς κατὰ τῶν πολεμίων ἀμύνης; οὐκ ἀκούεις ὅτι ἐν ταῖς τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ ἡμέραις, τοῦ Θεοφίλου παιδός, Ταυροσκύθαι βαρεὶ στόλῳ προσε-
νεχθέντες καὶ κύκλῳ διαλαβόντες ὡσπερ ἐντὸς δικτύων ἄπασαν εἶχον; τοῦ δὲ βασιλέως σὺν ἀρχιερεὶ καὶ παντὶ τῷ τῆς πόλεως πλήθει τὸ ἐν Βλαχέρ-
ναις καταλαβόντων τέμενος καὶ κοινῇ τὸ θεῖον ἐξιλασαμένων, εἶτα βάπτε-
ται μὲν κατὰ τῆς θαλάσσης ἄκρως τὸ ἅγιον τῆς Θεομήτορος ράκος (μα-
φόριον σὺνηδες τοῦτο καλεῖν), γίνεται δ' εὐθύς θαῦμα ἐκπληκτικὸν καὶ πα-
ράδοξον· ἐκ γὰρ σταθερᾶς μεσημβρίας καὶ νηνεμίας ἀθρόον ἐκταραχθεῖσα ἡ θάλασσα πάντων τῶν βαρβάρων σὺν αὐτοῖς βυθίζει τὰ σκάφη, ὀλίγων κομιδῇ περιλειφθέντων, ὅσοι δηλαδὴ ἤρχον τοῖς οἴκοι τὴν καινὴν ἀγγελίαν συμφορᾶν²⁾).

Однако наиболѣе подробное изложеніе съ точки зрѣнія характери-
стики событія мы находимъ въ двухъ извѣстныхъ бесѣдахъ патриарха

1) Theoph. cont., стр. 826—827. Γεωργίου χρονικόν, стр. 796—797, изд. Mu-
ralt. Cp. Theodosii Meliteni chronographia изд. Tafel. Monachii 1859, стр. 168.

2) Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια 1900 г., т. 20, стр. 358.

Фотія: по случаю нашествія Руси, εἰς τὴν ἑφοδὸν τῶν Ῥώσ 1). Внимательное ихъ чтеніе и сопоставленіе съ Акаеистомъ и съ синаксаристомъ раскрываютъ передъ нами поразительное сходство между собою этихъ трехъ текстовъ по содержанию. Содержаніе первой бесѣды, произнесенной въ храмѣ святой Софіи, можетъ служить подлиннымъ объясненіемъ λοποῦντα = «горестныхъ событій» синаксариста — несчастій, смуть, страха, трепета или тѣхъ-же παντοῖα δεινά = «различныхъ бѣдствій», на которыя указываетъ кондакъ Акаеиста. Патріархъ послѣ чтенія синаксаря, которымъ и была разъяснена цѣль предстоящаго богослуженія, начинаетъ говорить уже перепуганнымъ слушателямъ: «Что это? что за гнѣвъ и ударъ тяжелый и грозный? Откуда упалъ на насъ этотъ далекій сѣверный и страшный громъ, какія сгущенныя тучи страстей и какихъ судебъ мощныя тренія выдавили противъ насъ эту невыносимую молнію? Откуда нахлынуло это варварское густое и сплошное море?» 2). Нашествіе происходитъ въ іюнь мѣсяцѣ потому, что уже стебли пшеницы и ея колосья поспѣли, а на виноградныхъ вѣтвяхъ еще были незрѣлые плоды. Тяготѣющія надъ населеніемъ страданія — неизбежное слѣдствіе божественнаго гнѣва. *«Мы избавлялись отъ бѣдъ, которымъ часто подвергались; надлежало бы благодарить, но мы не отблагодарим; спасались, но оставались безпечными; получали защиту, но оказывались невнимательными; за что и слѣдовало потерпѣть наказаніе... Тѣхъ, которые должны были намъ нѣчто малое, самое ничтожное, мы жестоко истязали, наказывали. Не вспоминали о благодарности по минованіи благодѣанія, и за то, что сами получали прощеніе, не миновали ближнихъ, но какъ только освобождались отъ угрожавшихъ намъ ужасовъ и опасностей, становились отъ этого гораздо суровѣе; не думали о множествѣ и величіи собственныхъ долговъ и прощенія ихъ спасителемъ и не обращали вниманія на маловажность и незначительность, въ сравненіи съ нашими долгами, одинаковыхъ съ нами рабовъ, но получая себѣ человѣколюбивое прощеніе многого и великаго, другихъ за малое безчеловѣчно ввергали въ рабство. Сами радовались, (другихъ) печалили; прославлялись, безчестили; укрѣплялись и благодуше-*

1) Бесѣды Фотія по случаю нашествія Руси изданы въ слѣдующихъ книгахъ: Порѣнрія Успенскаго, Четыре бесѣды Фотія. СПб. 1864. Carol. Müller, Fragmenta histor. graecorum. Parisiis 1883, т. 5², стр. 162—173. Nauck, Lexicon Vindobonense. Petropoli 1867, стр. 201—232. Φωτίου λόγοι καὶ ἐπιλίαι, изд. Σ. Ἀριστάρχου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1901, т. 2, стр. 5—57.

2) Nauck, стр. 201. Müller, стр. 162. Ἀριστάρχου, стр. 5—6.

ствоваши, обижали, безумствовали¹⁾). Они, неоднократно благодѣтельствованные Богомъ, никогда не воздавали надлежащаго благодаренія жизнью трезвою и челоуѣколюбною; безнравственность ихъ—причина настоящаго безвыходнаго положенія; осада—божественное наказаніе. Горькіе упреки патріарха сильно дѣйствуютъ на душевное настроеніе слушателей. Каждый начинаетъ сознать въ себѣ ихъ справедливость, всѣ заливаются слезами и рыдая обѣщаютъ пастырю исправленіе своей нравственной жизни. Самъ говорящій не можетъ удержаться отъ слёзъ. «Но послушайте... И я плачу вмѣстѣ съ вами; но малыя капли не угашаютъ пламени, долго разгоравшагося,—что я говорю? Напротивъ даже болѣе разжигаютъ его!—и случайная слеза не можетъ умилостивить гнѣва Божія, воспламененнаго нашими грѣхами. И я плачу вмѣстѣ съ вами; но слёзы многихъ несчастныхъ мы презирали; не говорю о томъ, какъ сами ихъ и причиняли. И я плачу вмѣстѣ съ вами, если только теперь время плакать и наступившее несчастіе не гораздо выше проливанія слёзъ. Не вижу я теперь и пользы отъ слёзъ; ибо когда предъ нашими глазами мечи враговъ обогрются кровью (нашихъ) единоплеменниковъ, а мы, видя это, вмѣсто того чтобы помочь, бездѣйствуемъ, не зная, что дѣлать, и проливаемъ слёзы, какое отъ этого утѣшеніе несчастнымъ?.. Не теперь надлежало плакать, возлюбленные, а ненавидѣть грѣхъ отъ начала; не теперь горевать, а раньше избѣгать грѣхъ удовольствій, которыя причиняли намъ это горе... Не теперь надлежало рыдать, а благоразумно жить... *Не теперь ходитъ ко всемоушнымъ службамъ и на литіи*, ударять себя въ грудь и глубоко вздыхать, воздвѣвать руки и преклонять колѣна, жалобно плакать и печально смотрѣть, когда на насъ направлены изощренныя жала смерти, а прежде надлежало дѣлать это, прежде раскаиваться въ (дѣлахъ) злыхъ...²⁾. Часто я сѣялъ въ слухъ вашъ слова увѣщанія и угрозы³⁾, но, кажется, они падали въ тернія; я предостерегалъ, укорялъ, часто указывалъ вамъ на гибель содомлянъ и бывший прежде того потопъ... Часто я внушалъ вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не пускайте изощряться мечу, лукъ напрягается; не обращайтесь долготерпѣнія (Божія) въ поводъ къ нерадѣнію, не злоупотребляйте благостью (Его)... Но вы не раскаивались, но отяготили уши свои, чтобы не слышать по слову

1) Nauck, стр. 202—203. Müller, стр. 163. 'Αριστάρχου стр. 7—8.

2) Nauck, стр. 204—205. Müller, стр. 163—164. 'Αριστάρχου стр. 9—11.

3) Изъ этого видно, что патріархъ Фотій, вѣроятно уже съ самаго начала своей патріархіи (857—860), часто увѣщивалъ въ проповѣдяхъ свою паству.

Господа. Посему излилась на насъ ярость его и возстагъ онъ на грѣхи наши, и обратилъ противъ насъ лице свое... Горе мнѣ, восклицаетъ дальше патріархъ, «что я дожилъ до этихъ несчастій, что мы сдѣлались посмѣшищемъ у сосѣдей нашихъ поруганіемъ и посрамленіемъ у окружающихъ насъ; что неожиданное нашествіе варваровъ не дало времени молвѣ возвѣстить о немъ, дабы можно было подумать что нибудь о безопасности, но въ одно и то-же время мы и увидѣли и услышали и пострадали, хотя напавшіе и отдалены были (отъ насъ) столькими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и безпристанищными морями. Горе мнѣ, что я вижу, какъ народъ грубый и жестокой окружаетъ городъ и расхищаетъ городскія предмѣстія, все истребляетъ, все губитъ, нивы, жилища, пастбища, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ поражаетъ мечемъ, никого не жалѣя, ничего не щадя; всеобщая гибель! Онъ, какъ саранча на жатву и какъ плѣсень на виноградъ, или лучше, какъ жгучій зной, или тифонъ, или потокъ, или, не знаю, что назвать, напалъ на нашу страну и истребилъ цѣлыя поколѣнія жителей. Ублажаю тѣхъ, которые сдѣлались жертвою убійственной и варварской рукой, потому что умершіе раньше они избавились отъ чувствованія несчастій, постигшихъ насъ неожиданно; а если бы было чувство и у самихъ этихъ отшедшихъ, то и они вмѣстѣ со мною оплакивалъ бы оставшихся въ живыхъ, какъ эти страдаютъ во все время, какихъ преисполнены скорбей и не избавляются отъ нихъ, какъ ищутъ смерти и не находятъ ея. Ибо гораздо лучше однажды умереть, нежели постоянно ожидать смерти и непрестанно скорбѣть о страданіяхъ ближнихъ и сокрушаться душою¹⁾. И что всего хуже, подобныя несчастія постигли ихъ во время отсутствія царя и арміи. «Гдѣ теперь царь христіюбивый? Гдѣ воинства? Гдѣ оружія, машины, военные совѣты и припасы? Не другихъ ли варваровъ нашествіе удалило и привлекло къ себѣ все это? Царь переноситъ продолжительные труды за предѣлами (имперіи), вмѣстѣ съ нимъ страдаетъ и войско; а насъ изнуряетъ очевидная гибель и смерть, однихъ уже постигшая, къ другимъ приближающаяся. Этотъ скиѣскій, грубый, варварскій народъ, какъ выползши изъ самыхъ предмѣстій города, подобно полевому звѣрю истребляетъ окрестности его²⁾. Константинополь однако остается пока нетронутымъ; онъ только былъ окруженъ

1) Nauck, стр. 206—208. Müller, стр. 164—165. Ἀριστάρχου стр. 13—17.

2) Nauck, стр. 208—209. Müller, 165. Ἀριστάρχου 17.

врагами со всѣхъ сторонъ; они разрушаютъ окрестности и безпощадно избиваютъ населеніе. Но такъ какъ помощи не откуда ожидать, гибель города неизбѣжна. Патріархъ вспоминаетъ Іеремію: «Прійди ко мнѣ плачевнѣйшій изъ пророковъ и оплачь вмѣстѣ со мною Іерусалимъ, не тотъ древній градъ—матерь одного народа, разросшася отъ одного корня въ двѣнадцать вѣтвей, но (матерь городовъ) всей вселенной, какую только озаряетъ христіанская вѣра, превосходнѣйшій по древности и красотѣ, по обширности и блистательности, по множеству жителей и великолѣпію, оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не низложенный, но уже близкій къ тому, чтобъ быть взятымъ, и видимо потрясаемый, оплачь со мною этотъ царственный городъ, еще не отведенный въ плѣнъ, но уже отдавшій въ плѣнъ надежду спасенія... О царственный городъ, какія бѣды столпились вокругъ тебя! И родныхъ дѣтей твоихъ и красивыя предмѣстія столицы поглощаютъ бездны моря и уста огня и меча распредѣляя ихъ между собою по обычаю варваровъ. О благая надежда многихъ! какая гроза бѣдствій и какое множество ужасовъ обложили тебя кругомъ, унизили твою громкую славу! О городъ, царствующій почти надъ всей вселенной, какое войско, необученное военному искусству и составленное изъ рабовъ, глумится надъ тобою, какъ бы надъ рабомъ! О городъ, украшенный добычами многихъ народовъ, какой народъ вздумалъ обратить тебя въ свою добычу! О (городъ), воздвигнувшій множество памятниковъ побѣды надъ врагами Европы, Азии и Либіи, — какъ теперь простерла на тебя копые варварская и низкая рука, поднявшись поставить памятникъ побѣды надъ тобою!»¹⁾ Патріархъ, продолжая дальше свою іереміаду, воображаетъ городъ уже павшимъ и оплакиваетъ со слезами на глазахъ великолѣпіе и изящество храмовъ, которыхъ неприступные жертвенники угрожаетъ осквернить вторженіе нечестивыхъ. Онъ оплакиваетъ близкое разрушеніе святой Софіи и приглашаетъ молящихся слушателей расплакаться съ нимъ; нѣтъ спасающаго, нѣтъ помощника. Но въ эту минуту, благовременно подготовленную витійскою способностью, патріархъ восклицаетъ: «Но доколѣ плачь? доколѣ сѣтованіе? Доколѣ рыданіе? Кто услышитъ и какъ прекратится пораженіе? Кто будетъ заступникомъ, кто возопіетъ за насъ? Нѣтъ Моисея, нѣтъ Авраама, чтобы отверзть уста и съ дерзновеніемъ сказать къ Богу: не погуби праведнаго съ нечестивымъ, и да не будетъ съ пра-

1) Nauck, стр. 209—211. Müller, 165—166. Ἀριστάρχου 18—20.

ведникомъ тоже, что съ нечестивымъ»¹⁾. Затѣмъ глубоко вѣрующій патриархъ сейчасъ ободряетъ слушателей: «Но, если захотите, скажу странное, но истинное,—то и вы можете приобрести себѣ Моисея, можете выставить Авраама. Можете, если захотите, сдѣлать, чтобы и онъ вамъ сказалъ: Господь будетъ поборать за насъ, а мы будемъ спокойны». Слушатели, повидимому, со слезами выражаютъ патриарху готовность къ раскаянію и къ чистой жизни. Однако, онъ считаетъ искренними обѣщанія, даваемые во время опасности. «Но если хотите знать, я боюсь, что ваше рыданіе кратковременно, ваша милостыня—скоропреходяща, благоразуміе—мимолетно, братолюбіе—только дотолѣ, пока сдружаетъ васъ опасность отъ окружающихъ враговъ—это общее бѣдствіе, смиреніе и благонравіе—только дотолѣ, пока угрожаетъ плѣненіе, воздержаніе отъ надменности и обузданіе гнѣва и употребленіе языка на духовныя гѣснопѣнія, а не на срамныя рѣчи,—только дотолѣ, пока крики непріятелей раздаются въ ухахъ вашихъ, литіи и всенощныя бѣднія, посты и воздыханія—только дотолѣ, пока смерть отъ меча предъ вами»²⁾. Вотъ, что смущаетъ и тревожитъ меня гораздо больше оружія варваровъ; вотъ чего я боюсь. Я вижу, какъ легко теперь всё вообще дѣлаютъ то, чего прежде не дѣлали даже только нѣкоторые и притомъ съ трудомъ. Меня страшитъ и печалитъ то, что мы, когда предстоитъ пораженіе, тогда и склоняемся къ исправленію, и когда угрожаютъ бѣдствія (τὰ λυπηρά)³⁾, тогда и принимаемся за добрыя дѣла. Поэтому теперь и нѣтъ ни Моисея, ни Авраама. А если бы вы и по минованіи постигшаго насъ несчастія (τῆς οὖν ἡμᾶς κατεχούσης συμφορᾶς)⁴⁾ сохранили такое-же благонравіе, настроеніе и поведеніе, то выставили бы многихъ Моисеевъ и Авраамовъ поборать за васъ и ходатайствовать о васъ предъ Богомъ. Что я говорю: Моисея и Авраама? Самого, общаго намъ и имъ, Владыку вы имѣли бы поборникомъ и защитникомъ вашимъ»⁵⁾. Дальше патриархъ старается окончательно возстановить душевное спокойствіе слушателей: «Но остановите ваши слёзы, перестаньте плакать; будьте

1) Nauck, 211—212. Müller, 166. Ἀριστάρχου 20—22.

2) Видно, что во время произношенія бесѣды совершалось въ храмѣ Святой Софїи всенощное бѣдніе, къ которому приготовлялись постомъ, какъ объ этомъ говорится въ началѣ бесѣды.

3) Этому соотвѣтствуетъ λυπησι во всеобщей молитвѣ къ Богородицѣ, которую сохранилъ намъ первоначальный синаксарь Акаѣиста.

4) Слово это встрѣчается также въ Акаѣистѣ: ἀπὸ πάσης ῥύσει συμφορᾶς ἄπαντας = «отъ всякаго избави насъ всѣхъ несчастія» (стихъ 292).

5) Nauck, стр. 212—213. Müller, стр. 167. Ἀριστάρχου стр. 25—26.

добрыми стражами; съ дерзновеніемъ говорю вамъ: я ручаюсь за ваше спасеніе; говорю это, полагаясь на ваши обѣты, а не на свои дѣла, — на ваши увѣренія, а не на свои слова. Я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы сами твердо сохраните свои обѣщанія; я — за отвращеніе бѣдствій, если вы — за твердое исправленіе, я — за удаленіе враговъ, если вы — за удаленіе отъ страстей; или лучше не я поручитель за это, но и за меня, и за васъ, если вы будете неуклонными исполнителями вашихъ обѣщаній, вы сами будете порукою, сами окажетесь ходатаями. И Господь человеколюбивый и сожалѣющій о бѣдствіяхъ человѣческихъ изгладитъ беззаконія наши и избавитъ васъ» ¹⁾. Далѣе приглашаетъ всѣхъ на общую молитву къ Богородицѣ. «Наконецъ, возлюбленные, настало время прибѣгнуть къ матери Слова, единой нашей надеждѣ и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ съ благоговѣніемъ: спаси городъ твой, какъ сама знаешь, Владычица! Ее поставимъ ходатайцею предъ сыномъ ея и Богомъ нашимъ и ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и порукою нашихъ обѣтовъ, чтобы она возносила наши моленія и низводила (на насъ) человеколюбіе рожденнаго ею, разсѣяла тучу враговъ и озарила насъ лучами спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ *настоящаго гнѣва и отъ будущаго нескончаемаго осужденія во Христъ Исусъ*» ²⁾).

Такъ кончается первая бесѣда патріарха Фотія, произнесенная во время самага разгара войны и осады. Воззваніе его къ Богородицѣ, чтобы она избавила всѣхъ *отъ настоящаго гнѣва и будущаго осужденія*, встрѣчается въ другихъ словахъ въ концѣ пѣснопѣнія (АкаѢ. ст. 289—293): «*О всепѣтая Матерь, родившая святѣйшее всѣхъ святыхъ слово! Принявъ нынѣшнее приношеніе, избавь отъ всякой бѣды всѣхъ, и спаси отъ будущаго мученія*».

Вышеприведенныя выдержки прямо указываютъ на то, что бесѣда Фотія, первоначальный синаксарь и пѣснопѣніе АкаѢиста тѣсно связаны между собою, а потому послѣ этого врядъ ли остается сомнѣніе въ томъ, что праздникъ похвалы Божіей Матери установленъ не ранѣе 860 года. Судя по содержанію бесѣды патріарха, АкаѢистъ намъ создали совершенно случайныя обстоятельства. Тогдашняя служба, на которую онъ часто указываетъ, сопровождалась литіями и всенощнымъ бдѣніемъ, стояніемъ и постомъ. Однако и главные свойства извѣстнаго намъ ежегоднаго праздника АкаѢиста Божіей Матери, т. е.

1) Nauck, стр. 214. Müller, 167. Ἀριστάρχου 27.

2) Nauck, стр. 215. Müller, 167. Ἀριστάρχου 27.

его переходность и принадлежность къ праздникамъ постаго періода, вполне гармонируютъ съ условіями полагаемаго его происхожденія при патріархѣ Фотіѣ. Во первыхъ, онъ т. е. Акаѳистъ не долженъ по необходимости праздноваться въ опредѣленный день мѣсяца, потому что случайно вызванъ; онъ долженъ быть переходящимъ праздникомъ. Во вторыхъ, онъ долженъ принадлежать къ такому періоду года, къ которому вполне подходятъ печаль, раскаяніе, посты и бдѣнія и пр., а именно къ постному періоду.

Переходность праздника не только сохраняется въ преданіи, но на нее прямо указываетъ синаксарь Великой Церкви, составленный послѣ 878 года, во время второй патріархіи Фотія. По нему Акаѳистъ празднуется въ день, въ который прикажетъ самъ патріархъ. Синаксарь постановляетъ слѣдующее: «Въ субботу пятой недѣли Апостолъ къ Евреямъ... И на какую недѣлю поста повелѣваетъ патріархъ, или въ среднюю или въ слѣдующую за ней, мы правимъ всенощное бдѣніе въ Влахернахъ» (Τῷ Σαββάτῳ τῆς ἐ΄ ἐβδομάδος ὁ Ἀπόστολος πρὸς Ἑβραίους... καὶ ὡς ἐβδομάδα τῶν Νηστειῶν κελεύει ὁ πατριάρχης, εἴτε τῇ μέσῃ εἴτε τῇ μετὰ ταύτην ἐβδομάδι, γίνεται ἡ παννυχὶς ἐν Βλαχέρναις)¹⁾. Въ X вѣкѣ назначена извѣстная суббота. Объ этомъ свидѣтельствуетъ синаксарь Великой Церкви, составленный въ 950—956 году; вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется имъ и причина Акаѳистнаго богослуженія. «Въ субботу средней недѣли синаксисъ пресвятой, пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, въ ея досточтимомъ храмѣ, въ Влахернахъ, когда съ вечера совершается всенощная служба, въ которой мы воздаемъ Ей благодареніе отъ всего сердца, за то, что Она сверхъ всякаго чаянія *избавляла городъ въ разныя времена отъ опасностей со стороны Персовъ и Варваровъ*». (Τῷ Σαββάτῳ μετὰ τὴν μέσσην ἐβδομάδα σύναξις ἐπιτελεῖται τῆς παναγίας ἀχράντου δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας ἐν τῷ σεβασμίῳ αὐτῆς οἴκῳ, τῷ ὄντι ἐν Βλαχέρναις, τῆς παννυχίδος ἀπὸ ἐσπέρας τελουμένης, ἐν ἣ ἐὺχαριστίαν αὐτῇ ἐξ ὄλης καρδίας προσάγομεν ἀνθ' ὧν ὑπὲρ πάσαν ἐλπίδα τὴν δουλικὴν ταύτην πόλιν ἐκ τῶν ἅμα κατὰ καιροῦς κυκλωσάντων αὐτὴν περσικῶν καὶ βαρβαρικῶν κινδύνων ἐλυτρώθημεν)²⁾.

1) А. Дмитриевскаго, Описание литургическихъ рукописей. Томъ I. Томскъ. Кіевъ 1895, стр. 124.

2) Кодексъ 40 Фонда св. Креста Іерусал. патріархіи, листъ 223.

IV.

Патріархъ Фотій — авторъ Акаеиста Божіей Матери по поводу нашествія Руси и спеціальнаго праздника по поводу снятія осады. — Миѣніе Красносельцева; продолжительность осады. — Свидѣтельство Θεодора Ласкариса объ Акаеистѣ (XII в.). — Отсутствіе подражанія пѣснопѣвію Акаеиста до IX вѣка, какъ доказательство его происхожденія не ранѣе 860 года. — Возможные авторы пѣснопѣвія (Госиѣ пѣснопѣвецъ, Смирненскій митрополитъ Мѣтрофанъ, Георгій Хартофилаксъ). — Фотій наиболѣе вѣроятный авторъ пѣснопѣвія; стилистическое его сходство съ равнымъ произведеніемъ Фотія. — Многіе въ похвальныхъ стиховъ Акаеиста взяты буквально нам по смыслу въ произведеній пѣснопѣвцевъ древнѣе 860 года.

Такимъ образомъ константинопольскій синаксарь X вѣка окончательно рѣшаетъ вопросъ объ Акаеистѣ Божіей Матери, ясно говоря, что его служба не имѣетъ въ виду одной какой либо опредѣленной осады Византіи, но вообще всѣ нашествія нехристіанскихъ народовъ; этимъ и подтверждается съ одной стороны первоначальный синаксаристъ, а съ другой бесѣда патріарха Фотія, гдѣ слушатели поощряются къ безпрестанному благодаренію Богородицѣ. Слѣдовательно было бы совершенно логично считать самого патріарха авторомъ Акаеиста-наго праздника, хотя онъ, не ограничившись этимъ, назначилъ еще, въ память снятія осады, другой спеціальный торжественный праздникъ, о которомъ до настоящаго времени упоминается въ церквахъ на 5 іюня. На это косвенно указываетъ вторая бесѣда по поводу нашествія Руси. Послѣ ихъ разоренія константинопольское населеніе со своимъ патріархомъ во главѣ отслужили благодарственное моленіе Богородицѣ въ Влахернахъ, когда произнесена имъ вторая бесѣда, гдѣ мы находимъ прямыя намеки на акаеистное пѣснопѣніе. Описывая время тогдашняго всеобщаго ужаса, патріархъ говоритъ: «Помните ли тотъ часъ невыносимый, когда приплыли къ намъ варварскіе корабли, дышащіе чѣмъ то свирѣпымъ, дикимъ и убійственнымъ, — когда море тихо и безмятежно разстиало хребетъ свой, доставляя имъ пріятное и вождедѣнное плаваніе, а на насъ воздымая свирѣпая брани, — когда они проходили передъ городомъ, неся и выставляя пловцовъ, поднявшихъ мечи, и какъ бы угрожая городу смертію отъ меча, — когда всякая надежда человѣческая оставила (здѣшнихъ) людей и городъ держался надеждою на единственное прибѣжище у Бога, — когда трепеть и мракъ объялъ умы и слухъ отверзался только для одной вѣсти: варвары уже перелѣзли чрезъ стѣны, и городъ уже взять вра-

гами?»¹⁾). Послѣ этого каждый тогда исповѣдывалъ свои грѣхи. «Наждый тогда сознавалъ свою виновность и за неразумную жизнь не по заповѣди считалъ себя достойнымъ наказанія и, примѣромъ страждущихъ (τῆ τῶν λυποῦντων πέρι) отвлекаясь отъ удовольствій, обращался къ цѣломудренной жизни, перемѣнился и исповѣдывался Господу воздыханіями, исповѣдывался слезами, молитвами, прошеніями... Это совершалось, когда мы поставили совѣсть передъ непреклоннымъ судією грѣховъ нашихъ и обличаемые (ею) признали обвинительное рѣшеніе противъ насъ справедливымъ; когда умоляли Бога лѣтіями и пѣснопѣніями (λιταῖς καὶ ὕμνοις ἔξαχαλούμεθα); когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе; когда, воздѣвая руки къ Богу во всю ночь (δι' ὅλης νυκτός), просили у него помилованія, возложивъ на него всѣ свои надежды; тогда избавились отъ несчастія, тогда сподобились отмѣны окружившихъ насъ бѣдъ, тогда мы увидѣли разсѣяніе грозы и узрѣли отступленіе гнѣва Господня отъ насъ; ибо мы увидѣли враговъ нашихъ удаляющимися, и городъ, которому угрожало расхищеніе, избавившимся отъ разоренія, тогда... Когда же? когда мы, оставшись безъ всякой защиты и не имѣя помощи отъ людей, воодушевлялись надеждами на Матерь слова и Бога нашего, ее просили умолить Сына и умилоствовать за грѣхи (наши), Ея дерзновение призывали во спасеніе, къ ея покрову прибѣгали, какъ къ стѣнѣ нерушимой, умоляя ее сокрушить дерзость варваровъ, смирить гордость (ихъ), защитить отчаявшійся народъ, поборать за собственную ея паству. Ея одѣяніе для отраженія осаждающихъ и огражденія осаждаемыхъ носилъ со мною весь народъ, и усердно мы возносили моленія и совершали литіи; отъ того по неизреченному челоуѣколюбію, при матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Богъ преклонился, и гнѣвъ (Его) отступилъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. По истинѣ эта пречестная риза есть одѣяніе Матери Бога; она кругомъ обтекала стѣны и непріатели необъяснимымъ образомъ показывали *тылз*; она ограждала городъ, и ограда непріателей разрушалась какъ бы по данному знаку; она облекала его, и непріатели обнажались отъ той надежды, которою окрылялись. Ибо какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по стѣнѣ, варвары принялись снимать осаду города, а мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились неожиданнаго спасенія»²⁾). Въ концѣ патріархъ восклицаетъ: «Но такъ какъ мы из-

1) Nauck, 221. Müller, 169. Ἀριστάρχου, 38—39.

2) Nauck, 222—223. Müller, 169—170. Ἀριστάρχου 40—42.

бавились отъ грозы и избѣгли меча, и губитель миновалъ насъ, прикрытыхъ и огражденныхъ ризою матери слова, то всѣ вообще воспоемъ вмѣстѣ съ нею рожденному изъ нея Христу Богу нашему благодарственныя пѣснопѣнія, всякій домъ избѣгшій меча, всякій возрастъ, жены, дѣти, юноши, старцы. Ибо тѣ, которымъ угрожала общая погибель, должны и пѣснь общую посвящать и возносить Богу и его Матери»¹⁾.

Все это свидѣтельствуесть о томъ, что вторая бесѣда произнесена была во время общей благодарственной службы, посвященной въ память новаго спасенія Константинополя и имперіи; она должна была совершаться, по обычаю византийцевъ, ежегодно въ самый день снятія осады. Покойный Красносельцевъ, читавшій въ Патмосскомъ требникѣ о памяти нашествія Сарацинъ и 'Ρῶν 25 іюня, предположилъ, что здѣсь разумѣется нашествіе 'Ρῶς и что имя 'Ρῶν произошло отъ неправильнаго чтенія имени 'Ρῶς; а Сарацины въ такомъ случаѣ будутъ тѣ, противъ которыхъ выступилъ императоръ Михаилъ III²⁾. Къ этому мнѣнію примкнулъ и Хр. М. Лопаревъ³⁾. Но 'Ρῶν читается одинъ разъ и въ одномъ только требникѣ, впрочемъ полномъ странныхъ ошибокъ въ названіяхъ; всѣ-же другіе церковные требники знаютъ только Сарацинъ. Кромѣ того Сарацины эпохи Михаила наступили не на Константинополь, а на Кападокію. А память, имѣющая въ виду 'Ρῶς, можетъ быть только память 5 іюня⁴⁾. О нашествіи ихъ упоминается во многочисленныхъ синаксаряхъ и типикахъ.

Возраженіе на основаніи Хроники брусельской, по сообщенію которой Русь напали на Константинополь 18 іюня 860 года, устраняется, во-первыхъ, простымъ замѣчаніемъ, что нашествіе и осада Руси тянулись вѣроятно почти цѣлый годъ, т. е. съ 18 іюня 860—5 іюня 861. Хотя объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, наше утвержденіе можетъ остаться вѣрнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, такъ называемая хронографія Симеона магистра относить время нашествія Руси къ 9-му году царствованія Михаила, а время осады Константинополя къ 10-му году⁵⁾. Значить, опасе-

1) Nauck, 231. Müller, 172. 'Αριστάρχου, 55—56.

2) Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Импер. Новороссійскомъ Университетѣ. II. Визант. отдѣл. I. Одесса 1892, стр. 215—217.

3) Визант. Врем. II (1895), стр. 617, 625—627.

4) См. объ этомъ у Порфирія Успенскаго, Четыре бесѣды Фотія. СПб. 1864, стр. 64. Филарета Черниговскаго, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ. Черниговъ 1864, стр. 348.

5) Theoph. continuatus, стр. 674 Bonn.

нiя византiйцевъ начались не со дня осады самаго города, въ собственномъ смыслѣ слова, но съ появленiемъ Руси во Фракии, Пафлагонiи, Мизiи и распространенiемъ ихъ по берегамъ Босфора и Мраморнаго моря, вслѣдствiе чего населенiе вынуждено было ранѣе запретить городскiя ворота. Во-вторыхъ, о томъ, что дѣйствительно осада Византiи тянулась значительно долго, свидѣтельствуемъ рѣчь Георгiя, впоследствии митрополита никомидiйскаго, хартофилакса Великой церкви при патриархѣ Фотiѣ. Рѣчь Георгiя произнесена въ праздникъ Введенiя Богородицы, слѣдовательно въ ноябрѣ 860 года. Въ ней мы находимъ прямой намекъ на нашествiе и осаду варварскую, которая можетъ относиться только къ Руси. «Прекрати», говоритъ проповѣдникъ, обращаясь къ Богородицѣ, «своими ходатайствами войны противъ твоего народа. Защити своею крѣпкой силою паству, которая съ убѣжденiемъ обращается къ тебѣ. Никакого побѣдительнаго знамени сильнѣе твоей помощи мы не имѣемъ предъявить. Ты видишь, что возложена на тебя вся надежда народа, призваннаго отъ сына твоего. Потому и дай, чтобы твоею силою она увѣнчалась добрымъ успѣхомъ. Ему нѣтъ другого прибѣжища отъ гнетущихъ его бѣдствiй, кромѣ твоего непреоборимаго союза. На тебя пользующiеся имъ возлагаютъ упованiя свои. Тебя противъ всего оружиемъ протягиваютъ; тебя вѣнцемъ гордости носятъ; тебя возвысили крѣпостью своего царствованiя; тебѣ вручили скипетръ своей державы. Возстань, великанъ, своею властью передъ лицомъ народа и враговъ твоего сына разсѣй. Мы же, съ помощью Божiею избавившись отъ ихъ остервененiя, во едино воспоемъ тебѣ, полны радости и ликованiя». (Στῆσον ταῖς πρεσβείαις σου τοὺς κατὰ τοῦ λαοῦ σου πολέμους· ἐπάμυνον τῇ κραταίᾳ σου δυνάμει τῇ εἰς σέ πεποιδυῖα ποίμνη· οὐδὲν τῆς σῆς βοηθείας ὀχυρώτατον προβαλλόμεθα τρόπαιον. . . ὄρας πᾶσαν τοῦ ἐπωνύμου λαοῦ τοῦ υἱοῦ σου ἀνηρτημένην εἰς σέ τὴν ἐλπίδα. Δὸς οὖν ἐπ' ἀγαθοῖς ταύτην ἐκβῆναι τῇ σῇ δυνάμει. Οὐκ ἔστιν ἄλλη τούτων καταφυγὴ τῶν συνεχόντων δεινῶν, πλὴν τῆς σῆς ἀπολιορκήτου συμμαχίας. Εἰς σέ οἱ τούτου κρατοῦντες τὰς τῆς οἰκείας ἐξῆψαν προσδοκίας. Σὲ ἀντὶ πάντων ὄπλον προβάλλονται· σέ θυρεὸν καὶ θώρακα περίκεινται· σέ στέφανον καυχήσεως περιφέρονται· σέ τῆς οἰκείας βασιλείας ὀχύρωμα ἔθεντο, σοὶ τὰ σκῆπτρα τοῦ κράτους ἐνεχείρισαν. Ἀνάστηθι τοίνυν ἐν δυναστείᾳ μεγάλῃ πρὸ προσώπου τοῦ λαοῦ καὶ τοὺς ἐχθροὺς τοῦ υἱοῦ σου διασχόρπισον, ἵνα τῆς ἀθέου τούτων ἀπαλλαγέντες μανίας κοινὴν εὐφροσύνην καὶ ἀγαλλίασιν κροτήσωμεν) ¹⁾. Третье доказательство о продол-

1) Migne, т. 100, ст. 1456.

жительности осады мы находимъ во второй бесѣдѣ патріарха Фотія: «*Помните ли вы тотъ трепетъ, тѣ слезы и рыданія, которыми тогда мы были всѣ поражены въ крайнемъ отчаяніи?*»¹⁾ И еще: «*Знаете конечно всѣ, что въ то время каждый научаемый своею совѣстью, если онъ совершилъ несправедливость, давалъ Богу обѣщаніе, что онъ больше не будетъ поступать несправедливо*»²⁾.

Однако не много спустя (*μετ' οὗ πολὺ*) послѣ снятія осады и спасенія города и имперіи прибыло посольство отъ Ῥώσ съ просьбою о христіанизациі ихъ и о распространеніи христіанской религіи въ ихъ странѣ. Они принимаютъ новую религію и епископа, рукоположеннаго патріархомъ Фотіемъ. Справедливо гордясь своимъ подвигомъ, написалъ онъ въ знаменитомъ своемъ окружномъ посланіи: «*Но даже и многими многократно прославленные (пресловутые) я въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою, такъ называемые Русь, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ державы Ромэевъ, — въ настоящее время даже и они промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную христіанскую вѣру, съ любовью поставивъ себя въ чинѣ послушниковъ и друзей нашихъ, вмѣсто разоренія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и исполняютъ обычай христіанъ съ великимъ усердіемъ и ревностью*»³⁾.

Какъ мы уже говорили выше, Русь приняли христіанство немного спустя, вѣроятно, послѣ снятія осады, — около конца 861 года въ самомъ Константинополѣ; и только этого достаточно, чтобы изъ вѣжливости не упомянулось ихъ національное названіе въ синаксарѣ и требникѣ 5 іюня, гдѣ доселѣ грубые идолопоклонники именуются просто варварами, какъ наприимѣръ въ требникѣ 950—956 года. «И память страшной бѣды съ (божественнымъ) челоуѣколюбіемъ, постигшей насъ при нашествіи варваровъ, когда всѣ мы были бы избиты и попали бы въ плѣнъ; но сверхъ всякаго чаянія спасъ насъ милосердный Богъ молитвами безпорочной Богородицы» (*Καὶ μνήμη τῆς μετὰ φιλοφροσύνης ἐπεγευθεῖσης ἡμῶν φοβεραῖς ἀνάγκης ἐν τῇ τῶν βαρβάρων*

1) Nauck, 220. Müller, 169. Ἀριστάρχου, 38.

2) Nauck, 224. Müller, 170. Ἀριστάρχου, 44.

3) Φωτίου ἐπιστολαί, вал. Валѣтта, стр. 178.

ἐπιδρομῇ, ὅτε μέλλοντας πάντας διαχειρίζεσθαι καὶ αἰχμαλωσίᾳ παρα-
 δίδοθαι ὁ οἰκτίρμων Θεὸς πρεσβείαις τῆς ἀχράντου Θεοτόκου παρ' ἐλπίδα
 πᾶσαν ἐλυτρώσατο) ¹⁾.

Такимъ образомъ, съ одной стороны снятіе осады послужило пово-
 домъ къ установленію этой особенной литургической памяти, — съ дру-
 гой опасенія и войны во все время продолженія осады способствовали
 созданію праздника похвалы Божіей Матери и ея Акаѳиста. Уже въ
 XIII вѣкѣ всесторонній ученый императоръ Θεодоръ Ласкарисъ упо-
 минаетъ объ этомъ, какъ о какомъ то общеизвѣстномъ фактѣ. Въ своей
 рѣчи «къ пресвятой Богородицѣ, которую слѣдуетъ читать въ празд-
 никъ Акаѳиста Божіей Матери», онъ прямо говоритъ: «Сегодня веселье
 на небесахъ и имъ сорадуются всѣ силы природы.... Ибо все разно-
 образіе мірозданія увидѣло чудеса Богородицы; моментально потоплены
 Русь, которые потокомъ нахлынули нѣкогда на Византію, возложивъ
 свои надежды на морское сраженіе; благочестивые же спасены въ
 своей слабости сильною рукою Божіею, потому что хранительница
 ихъ сама Богоматерь». (Σήμερον ὁ οὐρανὸς χορεύει, τὰ περὶ αὐτὸν δὲ σύ-
 στοιχα συνευφραίνεται, κυκλικῶς οὐ φυσικευόμενα, ἀλλ' ὑπερφυῶς θαυ-
 μαζόμενα· ἐωράκει γὰρ τὸ πολυσύνθετον ἄθροισμα τῆς κοσμοθεσίας, τῆς
 Θεοτόκου τὰ θαύματα. Ἀπεπνίγη ὁ Ῥῶς ἐκ τοῦ πάραυτα, ὁ τὸν ῥοῦν κατὰ
 τῆς Βυζαντίδος κινήσας ποτέ, ὁ τῇ ναυμαχίᾳ τὰς ἐλπίδας ἀνατεινόμενος,
 καὶ σέσωσται τὸ τῶν εὐσεβῶν ἀσθενὲς τῇ βριαρᾷ χειρὶ τοῦ Θεοῦ· ἡ μήτηρ
 γὰρ τούτου φύλαξ) ²⁾.

Пѣснопѣніе Акаѳиста не можетъ быть древнѣе 860 года еще и
 потому, что ризмъ и мотивъ его не имѣютъ подражателей въ предше-
 ствующей эпохѣ; нигдѣ Акаѳистъ не сталъ примѣромъ другого какого
 нибудь церковнаго пѣнія раньше IX вѣка. Впервые онъ появляется

1) Рукопись 40 Святого Креста въ Иерусалимѣ, лѣсть 160. Ср. А. Дмитриевскаго, *Гутиκά*, стр. 78. Delehaeye, *Synaxarium*, стр. 729—731.

2) *Житіѣ* 1894, т. 16, стр. 187. Здѣсь нужно прибавить, что и до насъ у нѣкото-
 рыхъ русскихъ писателей замѣчается прямо убѣжденіе, основанное можетъ быть
 на какомънибудь устнои или письменномъ преданіи, въ томъ, что Акаѳистъ Бо-
 жіей Матери составленъ по поводу спасенія Константинополя отъ первой русской
 осады въ 860 г. Объ этомъ по крайней мѣрѣ упоминаетъ Андрей Муравьевъ (*Исторія
 Россійской Церкви*, 3-е изданіе, СПб. 1845, стр. 13), какъ о какомъ-то несомнѣн-
 номъ фактѣ, однако безъ всякаго доказательства. Съ такимъ мнѣніемъ покойный
 А. А. Куникъ никакъ не могъ согласиться. См. E. Kunik, *Die Berufung der schwedi-
 schen Rodsen durch die Finnen und Slaven*. St.-Petersburg 1845, т. 2, стр. 234. *Mélanges
 Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de
 St.-Petersbourg*, т. I, стр. 148; томъ V, стр. 35—36.

въ качествѣ пѣсеннаго мотива во главѣ икосовъ Романа Пѣснопѣвца¹). Однако указаніе здѣсь: Πρὸς τὸ Ἀγγέλως πρωτοστάτης (по напѣву: Ангелъ предстатель) не ирмосъ; это простая замѣтка каллиграфа или пѣвца, только не самого Романа, и все, что можно сказать въ данномъ случаѣ объ отношеніи Акаѣиста къ Роману, это то, что икосы Акаѣиста составлены по риѣму икосовъ Романа²). Только въ концѣ X вѣка первый разъ риѣмъ и напѣвъ кондака: Τῆ ὑπερμάχῳ употребляется въ качествѣ образца какого-то пѣнія Іерусалимскаго патріарха Ореста³). Нѣтъ никакой возможности доказать, что сохранившіяся пѣнія по мотиву Акаѣиста древнѣе IX вѣка⁴).

Послѣ этого ясна нецѣлесообразность всякой попытки искать составителя Акаѣиста въ эпоху древнѣе того же IX вѣка. Гораздо разумнѣе полагать, что онъ жилъ въ 860 году, разъ мы уже знаемъ, что онъ составленъ по поводу акаѣистнаго праздника, относящагося къ этому году. Прежде всего нужно назвать имя патріарха Фотія, какъ составителя пѣснопѣнія, который самъ былъ и основателемъ праздника, и сверхъ того извѣстенъ какъ гимнографъ церкви и пѣснопѣвецъ, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ приписываемыхъ ему литургическихъ пѣній, сохранившихся до настоящаго времени⁵). Навѣрно славу автора Акаѣиста могъ бы приобрести себѣ Іосифъ пѣснопѣвецъ,

1) Pitra, *Analecta sacra*, т. I, стр. 68.

2) См. объ этомъ Νέα Ἠμέρα (1902, № 1422, 1423, 1438) и Deutsche Literaturzeitung 1902, стр. 407—408.

3) Pitra, *Analecta sacra*, т. I, стр. 300.

4) См. мхъ у Pitra, т. I, стр. XXXIX, 263, 612, 613. Нужно замѣтить, что у древнихъ христіанъ подражаніе Акаѣисту Богородицы считалось, такъ сказать, профанацией; акаѣисты же въ честь святыхъ, составленные по примѣру нашего Акаѣиста, не воспѣвались въ церквахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ посланіе Аѣнскаго митрополита Михаѣла Акомината къ неизвѣстному ученому врачу, попытавшемуся увеличить литургическую гимналогію святаго присоединеніемъ Акаѣиста. «Если ты хочешь», пишетъ ему митрополитъ, «украдкою и въ ночномъ мракѣ править праздникъ святому, какъ ты написалъ, присоединяя къ нему акаѣистное пѣснопѣніе, то ты долженъ бояться не впасть въ огонь въ то время, когда ты избѣгаешь дыма, служа сплетникамъ поводомъ къ обвиненію тебя въ новаторствѣ. Вѣдь не ускользнуть подобнымъ пѣніямъ отъ завистнаго слуха, даже если бы они пѣлись вполголоса, и въ поздней ночи и въ какихъ-то пещерицахъ. Ибо такъ называемое пѣснопѣніе Акаѣиста къ одной Богородицѣ и разъ только въ годъ отпѣвается по древнему преданію, и никто изъ любителей праздниковъ и пѣній не подражалъ ему ради памяти кого-нибудь изъ святыхъ. Слѣдовательно не подобаетъ и тебѣ это сдѣлать, чтобы ты не изобличался въ новизнѣ» (Μιχαὴλ Χωνιάτου τὰ σφύζόμενα, стр. 265—266, изд. Σ. Λάμπρου).

5) См. нашу книжку: Εἰς ἕμνος τοῦ πατριάρχου Φωτίου. Одесса 1900. Ср. Лѣтопись Ист.-Филол. Общества при Имп. Новоросс. Унив. VIII. Византійско-слав. отдѣленіе. V. Одесса 1900, стр. 527—538.

но онъ какъ разъ въ 860 году былъ уже сосланъ въ Херсонъ, гдѣ онъ остался до конца первой патріархіи Фотія. Пѣсенный канонъ Иосифа, относящійся къ Акаѣисту, безъ сомнѣнія составленъ во время второй патріархіи Игнатія или Фотія, не позже 883 г., когда онъ умеръ.

Еще акаѣистное пѣснопѣніе могъ бы присвоить себѣ смиренскій митрополитъ Митрофанъ, если бы и этотъ тоже не былъ въ 860 г. сосланъ въ Херсонъ. Акаѣистъ не можетъ быть произведеніемъ и Георгія Хартофилакса потому, что нѣтъ никакого основанія оцѣнить ученика больше учителя, патріарха Фотія, и въ особенности потому, что существуетъ даже стилистическое и лексическое сродство между пѣснопѣніемъ и нѣкоторыми произведеніями нашего патріарха.

Акаѣистное пѣснопѣніе есть въ сущности отраженіе первой бесѣды патріарха Фотія по поводу нашествія Руси, а во второй бесѣдѣ встрѣчаются даже слова и выраженія самаго пѣснопѣнія и прямыя намеки на него.

Такъ, напримѣръ, въ этой послѣдней бесѣдѣ патріархъ между прочимъ упоминаетъ о томъ, какъ онъ вмѣстѣ съ народомъ просилъ Бога «объ очищеніи грѣховъ» (*εις ἐξίλασμόν τῶν ὀλισθημάτων*)¹⁾; съ этимъ можно сравнить 69 ст. Акаѣиста: *χαῖρε παντός τοῦ κόσμου ἐξίλασμα* (радуйся, всего міра очищеніе); онъ призывалъ во спасеніе дерзновеніе Богородицы (*τῆς θεοτόκου τὴν παρρησίαν εἰς σωτηρίαν*)²⁾; въ Акаѣистѣ (ст. 7) тоже говорится: *χαῖρε θνητῶν πρὸς θεὸν παρρησία* (радуйся, смертныхъ къ Богу дерзновеніе); такъ-же и въ 166 ст.: *χαῖρε στολή τῶν γυμνῶν παρρησίας* (радуйся, одождонагихъ дерзновеніе). Въ той-же бесѣдѣ Фотій говоритъ, что они умоляли Богородицу: *τὴν σκέπην εἰς τεῖχος εὐρεῖν ἀπολιόρκητον*³⁾; и въ Акаѣистѣ мы читаемъ (ст. 139): *χαῖρε σκέπη τοῦ κόσμου* (радуйся покрове міру). Тамъ-же Богородица сравнивается съ *τεῖχος ἀρρηκτον*⁴⁾, и Акаѣистъ характеризуетъ ее (ст. 283) какъ *ἀπέρθητον τεῖχος* (нерушимая стѣна). Патріархъ, въ другомъ мѣстѣ той же бесѣды, призывалъ всѣхъ къ благодарственному воспѣванію Богородицы, почерпая изъ самаго Акаѣиста такія выраженія: *Εἰπωμεν τῇ Μητρὶ τοῦ Λόγου καὶ γυνώμης εὐθύτητι καὶ ψυχῆς καθαρότητι... Αὐτὴ τὴν σὴν πόλιν, ὡς οἶδας, ὡς βούλει, περίσωσον· ἔπλα σε καὶ τεῖχος καὶ*

1) Nauck, стр. 222.

2) Nauck, стр. 222.

3) Nauck, стр. 222.

4) Nauck, стр. 222. Müller, стр. 170. 'Aριστ., стр. 45.

θυρεούς και στρατηγόν αὐτόν προβαλλόμεθα· αὐτὴ τοῦ λαοῦ σου ὑπερμάχησον¹⁾; здѣсь каждый припоминаетъ первыя слова Акаѳиста: τῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῶ (взбранной воеводѣ) и χαῖρε τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρρητον τεῖχος (радуйся царствія нерушимая стѣно). Стихотическое сходство пѣснопѣнія съ Акаѳистомъ замѣчается и въ другихъ произведеніяхъ Фотія. Такъ на примѣръ, въ канонѣ пресвятой Троицѣ Фотіи говоритъ: Σὲ προστασίαν και σκέπην και ἐλπίδα και τεῖχος και προσφυγὴν και ἰλασμόν και λύσιν τῶν δεινῶν εὐρηκότες, ἀγνή, διασωζόμεθα²⁾; сравни съ этимъ ст. акаѳ. пѣснопѣнія 65, 69, 139, 161. Фотіи въ своемъ словѣ въ праздникъ на Рождество Богородицы говоритъ: Ἡ κλίμαξ ἡ πρὸς τοὺς οὐρανοὺς ἀναφέρουσα καταρτίζεται³⁾; въ Акаѳистѣ (ст. 40): χαῖρε κλίμαξ ἐπουράνιε, ἐν ἣ κατέβη ὁ θεός (радуйся, лѣствице небесная, ею же сниде Богъ). Въ одной стихирѣ Фотія читаемъ: χαῖρε τὸ τῶν ἀγγέλων περιβόητον θαῦμα⁴⁾; въ Акаѳистѣ тоже самое (ст. 42): χαῖρε τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρύλητον θαῦμα (радуйся, Ангеловъ многословущее чудо). Въ другой стихирѣ патріарха читаемъ: χαῖρε, βασιλειον κράτος και πύργε ἀσειστέ· χαῖρε πιστῶν ἡ δόξα, ἀνθρώπις πιπτόντων, χαῖρε ἀγνή, και διαβόλου κατάπτωσις⁵⁾; Акаѳистъ: χαῖρε τῆς Ἐκκλησίας ὁ ἀσάλευτος πύργος, и χαῖρε τῶν πιστῶν ἀναμφίβηλον καύχημα, и χαῖρε ἀνθρώπις τῶν ἀνθρώπων· χαῖρε κατάπτωσις τῶν δαιμόνων («радуйся, церкви непоколебимый столпе» и «вѣрныхъ извѣстная похвало» и «радуйся исправленіе челоуѣковъ, радуйся низверженіе бѣсовъ») (ст. 132, 133, 183, 282). Въ другой стихирѣ Фотія читаемъ: χαῖρε, τοῦ Ἀδάμ και τῆς Εὕας ἡ λύτρωσις· χαῖρε μαρτύρων σθένος ἀνίκητον⁶⁾; въ Акаѳистѣ: χαῖρε τοῦ πεσόντος Ἀδάμ ἡ ἀνάκλησις· χαῖρε τῶν δακρύων τῆς Εὕας ἡ λύτρωσις и χαῖρε τῶν ἀθλοφόρων τὸ ἀνίκητον θάρσος (радуйся, падшаго Адама воззваніе, радуйся слезъ Еввиныхъ избавленіе, радуйся, страсноперпцевъ непобѣдимая дерзосте) (ст. 14, 15, 91).

Примѣры эти, намъ кажется, достаточно ясно обнаруживаютъ существующую связь Акаѳистнаго пѣснопѣнія съ произведеніями Фотія; поэтому мы можемъ считать его не только установителемъ Акаѳист-

1) Nauck, стр. 231. Müller, стр. 172. Ἀριστ., стр. 56.

2) А. П.-Керамевъ εως Φωτίου... ποιημάτων СПб. 1892, σ. 14.

3) Ἀριστ., г. 2, стр. 349.

4) Θεοτοχάριον Νικοδήμου. Βενετία 1883, стр. 11.

5) Тамъ-же, стр. 11.

6) Θεοτοχάριον, стр. 113.

наго праздника, но, съ большою вѣроятностью, и составителемъ самаго знаменитаго пѣснопѣнія. Однако и независимо отъ вопроса, кому принадлежитъ это произведеніе, важно, что похвалы Богородицы по большей части заимствованы изъ разныхъ церковныхъ пѣній, относящихся къ эпохѣ не ранѣе восьмого и девятаго вѣковъ. Въ немъ встрѣчаются выраженія, почти буквально заимствованныя изъ пѣній святыхъ, на примѣръ Андрея Критскаго, Іоанна Дамаскина, Теофана Начертаннаго, изъ слова на праздникъ Введенія Богородицы святого патріарха Тарасія, дяди по отцу святого Фотія. Однимъ словомъ, Акаѳное пѣснопѣніе Богородицѣ — это мозаика изъ разныхъ пѣній различныхъ пѣснопѣвцевъ. Мы заканчиваемъ наше изслѣдованіе, приводя вѣскольکو примѣровъ¹⁾.

Акаѳ. ст. 14 и 15: χαῖρε τοῦ πεπόντος Ἀδάμ ἢ ἀνάκλησις, χαῖρε τῶν δακρύων τῆς Εὐας ἢ λύτρωσις (радуйся, падшаго Адама воззваніе, радуйся, слезъ Евиныхъ избавленіе). Іоаннъ Дамаскинъ въ Θεοτοκάριον стр. 15: Παρθένε χαῖρε σεμνή, τοῦ Ἀδάμ ἢ ἀνόρθωσις καὶ τῶν δακρύων τῆς Εὐας ἀπαλλαγὴ. Тамъ-же стр. 70: χαῖρε Ἀδάμ ἢ ἔγερσις καὶ Εὐας τοῦ θρήνου ἀναίρεσις. Θεодоръ Студитъ тамъ-же стр. 45: χαῖρε Ἀδάμ ἢ ἀνάκλησις καὶ Εὐας ἢ λύτρωσις.

Акаѳ. стр. 16, 17: χαῖρε ὕψος δυσανάβατον ἀνθρωπίνοις λογισμοῖς· χαῖρε βάθος δυσθεώρητον καὶ ἀγγέλων ὀφθαλμοῖς (радуйся, высота, неудобовосходима человѣческими помыслами, радуйся, глубоко, неудобозрима и ангельскими очима). Іоаннъ Дамаскинъ въ Θεοτοκ. стр. 100: χαῖρε βάθος ἀμέτρητον, χαῖρε ὕψος ἀρρηκτον καὶ ἀγγέλοις ἀγνώριστον.

Акаѳ. ст. 20: χαῖρε ἀστὴρ ἐμφαίνων τὸν ἥλιον (радуйся звѣздо, являющая солнцу). Дамаскинъ (тамъ-же стр. 97): χαῖρε ἀστὴρ ἐν τῷ κόσμῳ τὸν ἥλιον ἐμφαίνων.

Акаѳ. ст. 41: χαῖρε γέφυρα μετάγουσα τοὺς ἐκ γῆς πρὸς οὐρανὸν (радуйся, мосте, преводяй сушихъ отъ земли на небо). Андрей Критскій въ Θεοτοκ. стр. 61: χαῖρε γέφυρα ζωὴν πρὸς οὐράνιον τοὺς θνητοὺς ἢ μετάγουσα. Іоаннъ Дамаскинъ (тамъ-же стр. 87): χαῖρε γέφυρα θνητοὺς ζωὴν πρὸς θεῖαν μεταγαγοῦσα. Онъ-же въ другомъ мѣстѣ (тамъ-же стр. 14): χαῖρε γέφυρα ζωὴν πρὸς τὴν ἀθάνατον βροτοὺς ἐπαγαγοῦσα. Андрей Критскій (тамъ-же стр. 21): χαῖρε θεῖα γέφυρα θνητοὺς μετάγουσα μόνη πρὸς ζωὴν τὴν ἀγήρω. Ему подражаетъ Тео-

1) Нумерация стиховъ Акаѳиста сдѣлана по изданію Christ et Paravicinus, Anthologia graeca saeculorum christianorum, стр. 140—147.

фанъ (тамъ-же стр. 51): χαίρε γέφυρα θνητούς πρὸς ζωὴν ἢ μετάγουσα. Митрофанъ видоизмѣняетъ ст. Андрея такъ: χαίροις γέφυρα ἢ μετάγουσα ζωὴν πρὸς τὴν ἐνθεον (тамъ-же стр. 67). Иосифъ подражаетъ сравненію Дамаскина такъ (стр. 7): χαίρε ἢ γέφυρα πάντας πρὸς τὴν ζωὴν ἐπανάγουσα πρεσβείαις σου.

Акаѳ. ст. 42: χαίρε τὸ τῶν ἀγγέλων πολυθρύλητον θαῦμα (радуйся ангеловъ многословущее чудо). Тарасій Константинопольскій (Migne, т. 98, ст. 1497): χαίρε τῶν ἀσωμάτων τὸ πολυθρύλητον θαῦμα. Это заимствовано изъ Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 84): χαίρε τὸ περιβόητον θαῦμα καὶ περίδοξον ἀγγέλων καὶ στήριγμα τῶν βροτῶν и т. д.

Акаѳ. ст. 43: χαίρε τὸ τῶν δαιμόνων πολυθρήνητον τραῦμα (радуйся бѣсовъ многоплачевное поражение). Аналогичная фраза у Θεοφана (Θεοτ. стр. 64): δαιμόνων τραῦμα μέγα.

Акаѳ. ст. 44: χαίρε τὸ φῶς ἀρρήτως γεννήσασα (радуйся свѣтъ неизрѣченно родшая). Андрей Критскій въ Θεοτοκ. стр. 33: χαίρε τὸ φῶς ἀρρήτως κύησασα. Иоаннъ Дамаскинъ тамъ-же стр. 87: χαίρε ἢ τὸ φῶς ἀπορρήτως ἡμῖν τηγάσασα κόρη. Онъ самъ тамъ-же: χαίρε φῶς τὸ ἐκ φωτός κύησασα, τὸ φωτίσαν οἰκουμένην ἅπασαν.

Акаѳ. ст. 69: χαίρε παντός τοῦ κόσμου ἐξίλασμα (радуйся, всего міра очищеніе). Это буквально взято изъ пѣнія Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 84). У Митрофана (стр. 49): παντός τοῦ κόσμου χαίρε ἐξίλασμα.

Акаѳ. ст. 70: χαίρε θεοῦ πρὸς θνητούς εὐδοκία (радуйся, Божіе къ смертнымъ благоволеніе). Подражаніе Тарасію (Migne, т. 98, ст. 1497): χαίρε τοῦ πατρὸς ἢ εὐδοκία.

Акаѳ. ст. 71: χαίρε θνητῶν πρὸς θεὸν παρρησία (радуйся, смертныхъ къ Богу дерзновеніе). Подражаніе Андрею Критскому (Θεοτοκ. стр. 84): χαίρε βροτῶν πρὸς θεὸν παρρησία μόνη.

Акаѳ. ст. 86: χαίρε ἀοράτων ἐχθρῶν ἀμυντήριον (радуйся, невидимыхъ враговъ отраженіе). Почти буквально взято изъ пѣнія Иоанна Дамаскина (Θεοτ. стр. 42): χαίρε τῶν... πονηρῶν ἐχθρῶν ἀμυντήριον.

Акаѳ. стр. 90: χαίρε τῶν ἀποστόλων τὸ ἀσίγητον στόμα (радуйся, ангеловъ немолчная уста). Почти буквально изъ Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97).

Акаѳ. ст. 91: χαίρε τῶν ἀθλοφόρων τὸ ἀνίκητον θάρσος (радуйся, стратотерпцевъ непобѣдимая дерзосте). Взято изъ Иоанна Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97). У него-же читаемъ (стр. 43):

τῶν ἀθλοφόρων χαῖρε θάρσος ἄρρηκτον. Ему подражаетъ Θεοфанъ (Θεοτοκ. стр. 77): χαῖρε βασιλευόντων ἀγνή τὸ θάρσος τὸ ἀνίκητον. Иосифъ подражаетъ Θεοфану (Θεοτοκ. стр. 7): χαῖρε βασιλευόντων τὸ ἀνίκητον θάρσος.

Акаѳ. ст. 92: χαῖρε στερρόν τῆς πίστεως ἔρεισμα (радуйся, твердое вѣры утверждение). Подражаніе Θεοфану (Θεοτοκ. стр. 65): χαίροις σεμνή και τῆς πίστεως τὸ στερρότατον ἔγερμα. Тому-же Акаѳистному стиху подражаетъ Николай Катаскепимость (Θεοτ. стр. 100): χαῖρε πιστῶν ἀπόρρητον ἔρεισμα.

Акаѳ. ст. 93: χαῖρε λαμπρόν τῆς χάριτος γνῶρισμα (радуйся, свѣтлое благодати познаніе). Этотъ стихъ взятъ буквально изъ пѣнія Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 84).

Акаѳ. ст. 108: χαῖρε ἀστѣρος ἀδύτου μήτηρ (радуйся, звѣзды незаходимыя матери). Подражаніе Андрею Критскому (Θεοτοκ. стр. 85): χαῖρε ἀστρον ἀδύτον.

Акаѳ. ст. 109: χαῖρε αὐγή μυστικῆς ἡμέρας (радуйся, заре таинственнаго дне). Иоаннъ Дамаскинъ въ Θεοτοκ. стр. 97: χαῖρε αὐγή μυστικῆς και θείας ἡμέρας.

Акаѳ. ст. 132, 133: χαῖρε ἀνόρθωσις τῶν ἀνθρώπων· χαῖρε κατάπτωσις τῶν δαιμόνων (радуйся, исправленіе челоуѣковъ, радуйся, низверженіе бѣсовъ). Подражаніе Θεοфану (Θεοτοκ. стр. 79): χαῖρε δαιμόνων πτώσις και τῶν ἀνθρώπων ἡ ἀνόρθωσις. Акаѳистному χαῖρε ἀνόρθωσις ἀνθρώπων подражаетъ Митрофанъ такъ: χαῖρε βροτῶν ἡ ἀνόρθωσις (Θεοτοκ. стр. 67).

Акаѳ. ст. 136: χαῖρε θάλασσα ποντίσασα Φараῶ τὸν νοητόν (радуйся, море, потопившее Фараона мысленнаго). Сравненіе взято изъ пѣнія Θεοфана (Θεοτοκ. стр. 50): γλυκεῖα σύ θάλασσα..... ἄρδην ἡ βυθίσασα.... сὺν νοητῷ Φараῶ.

Акаѳ. ст. 138: χαῖρε πύρινε στύλε ὁδηγῶν τοὺς ἐν σκότει (радуйся, огненный столпе, наставляяй сущихъ во тьмѣ). Взятъ изъ Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97): χαῖρε πύρινε στύλε φωτιζων τοὺς ἐν σκότει.

Акаѳ. ст. 139: χαῖρε σκέπη τοῦ κόσμου πλατυτέρα νεφέλης (радуйся, покрове міру, ширшій облака). Взятъ буквально изъ Дамаскина (Θεοτοκ. стр. 97).

Акаѳ. ст. 156: χαῖρε τὸ ἄνθος τῆς ἀφθαρσίας (радуйся, цвѣте нетлѣнія). Взятъ изъ Андрея Критскаго (Θεοτοκ. стр. 61): χαίροις... τὸ ἄνθος τῆς ἀφθαρσίας. Ему подражаетъ монахиня Θεκля: χαῖρε ἄνθος... τῆς ἀφθαρσίας (Θεοτοκ. стр. 23).

Акаѳ. стр. 180: χαῖρε θεοῦ ἀχωρήτου χώρα (радуйся, Бога невѣстимаго вѣстилище). Это заимствовано изъ пѣвца Игнатія (при патриархѣ Тарасію), произведенія котораго ошибочно приписываются патриарху Игнатію (Θεοτοκ. стр. 59): χαῖρε τοῦ ἀχωρήτου θεοῦ χώρα καὶ γῆ.

Акаѳ. ст. 181: χαῖρε ἐλπὶς ἀγαθῶν αἰωνίων (радуйся, надеждо благъ вѣчныхъ). Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: χαῖρε σεμνὴ ἐλπὶς ἀγαθῶν αἰωνίων (Θεοτοκ. стр. 97).

Акаѳ. ст. 183: χαῖρε τῶν πιστῶν ἀναμφίβολον καύχημα (радуйся, вѣрныхъ извѣстная похвало). У Андрея Критскаго читаемъ: χαῖρε τῶν πιστῶν ἀπάντων καύχημα (Θεοτοκ. стр. 21).

Акаѳ. ст. 187: χαῖρε ἡ παρθενίαν καὶ λοχεῖα ζευγνῦσα (радуйся, дѣвство и рождество сочетавшая). Тоже у Андрея Критскаго, χαῖροις ἡ παρθενίαν τε λοχεῖα συζεύξασα (Θεοτοκ. стр. 61).

Акаѳ. ст. 228, 229: χαῖρε ἡ στήλη τῆς παρθενίας: χαῖρε ἡ πύλη τῆς σωτηρίας (радуйся столпе дѣвства, радуйся дверь спасенія). У Іоанна Дамаскина: χαῖρε πύλη νοητή: χαῖρε ἡ στήλη τῆς παρθενίας (Θεοτοκ. стр. 87).

Акаѳ. ст. 254: χαῖρε ἀστραπὴ τὰς ψυχὰς καταλάμπουσα (радуйся: молніе, души просвѣщающая). Подражаніе Тарасію (Migne, т. 97, ст. 1500): χαῖρε ἀστραπὴ ἡ τὰς ὄψεις τῶν πιστῶν ἡρέμα καταυγάζουσα.

Акаѳ. ст. 280: χαῖρε τίμιον διάδημα βασιλέων εὐσεβῶν (радуйся, честный вѣнче царей благочестивыхъ). Изъ Дамаскина: χαῖρε τίμιον διάδημα βασιλέων и χαῖρε βασιλέων εὐσεβοῦντων διάδημα τίμιον (Θεοτοκ. стр. 13 и 87). У Андрея Критскаго читаемъ (тамъ-же стр. 61): χαῖρε ἀνάκτων..... διάδημα τίμιον.

Акаѳ. ст. 281: χαῖρε καύχημα σεβάσμιον ἱερέων εὐλαβῶν (радуйся, честное похвало іереевъ благоговѣйныхъ). Изъ Іоанна Дамаскина: χαῖρε καύχημα σεβάσμιον ἱερέων (Θεοτοκ. стр. 87).

Акаѳ. ст. 282: χαῖρε τῆς Ἐκκλησίας ὁ ἀσάλευτος πύργος (радуйся, церкви непоколебимый столпе). Изъ Дамаскина: παντάνασσα χαῖρε Μαρία, τῆς Ἐκκλησίας ὁ πύργος ὁ ἀσάλευτος (Θεοτοκ. стр. 78).

Акаѳ. ст. 283: χαῖρε τῆς βασιλείας τὸ ἀπόρθητον τεῖχος (радуйся, царствія нерушимая стѣно). И это тоже изъ Іоанна Дамаскина: ἀκήρατε χαῖρε παρθέне, τῆς βασιλείας τὸ τεῖχος τὸ ἀπόρθητον (Θεοτοκ. стр. 87).

Что такое Тмутаракань?

Многимъ можетъ показаться, пожалуй, страннымъ такой вопросъ, послѣ того какъ столько уже было писано о Тмутаракани. Она считается уже настолько общепризнанной, что внесена въ историческіе учебники, и даже по временамъ появляется въ современной литературѣ; но при такой, повидямому, общепризнанности Тмутаракани, ученые однако же какъ будто не совсѣмъ довѣряютъ этой общепризнанности и постоянно возвращаются къ вопросу: да гдѣ же находился этотъ полусторическій, полумифическій древній городъ Тмутаракань, отъ котораго нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ не сохранилось, и откуда взялось такое какъ-то курьезно звучащее самое наименование его? Но что всего любопытнѣе, такъ это безплодность результатовъ изысканій всѣхъ этихъ ученыхъ, начиная съ гр. Мушина-Пушкина, даже, пожалуй, и ранѣе его, до А. А. Спичина включительно. Послѣдній, коснувшись этимологіи имени «Тмутаракань» какъ-то меланхолически заканчиваетъ свое позднѣйшее изслѣдованіе «Тмутараканскій камень», говоря: «Какъ бы то ни было, Тмутаракань Таманская представляетъ пока полную загадку»¹⁾.

Кромѣ такой безвадежности окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстонахожденіи Тмутаракани, звучащей въ заключительныхъ выводахъ всѣхъ изслѣдованій о ней, бросается еще одна общая всѣмъ имъ черта, а именно та, что всѣ они, занимаясь вопросомъ о томъ, гдѣ находилась эта загадочная Тмутаракань, занимаются еще и вопросомъ о томъ, какое могло точно быть этимологическое происхожденіе самаго имени «Тмутаракань», но никто не задавался вопросомъ о томъ, да

1) Записки Отд. Рус. и Слав. археологіи Имп. Рус. Археол. Общества, т. XI, стр. 132.

что такое была эта Тмутаракань, вопросомъ, который поставленъ въ заглавіи настоящей монографіи. И этотъ вопросъ совершенно не праздный, чтобы имъ не стоило заниматься: надо только посмотрѣть на Тмутаракань съ иной точки зрѣнія, отказавшись отъ взглядовъ всѣхъ прежнихъ изслѣдователей.

Но прежде чѣмъ высказать свои собственныя на этотъ предметъ воззрѣнія, мнѣ бы хотѣлось сперва подвести итогъ всему тому, что уже было раниѣ по нему высказано сколько-нибудь вѣскаго и заслуживающаго вниманія. Я не стану повторить библиографіи предмета, которая уже сдѣлана А. А. Спицынымъ въ его вышеупомянутой статьѣ «Тмутараканскій камень»¹⁾. Я напередъ только скажу, что въ каждомъ изъ перечисленныхъ у А. А. Спицына изслѣдованій всегда почти заключается что-нибудь наводящее на правильный путь къ разумѣнію изслѣдуемаго предмета, высказывается кака-нибудь вѣроподобная догадка, но ни въ одномъ изъ нихъ не достигнуто окончательное рѣшеніе вопроса, что такое Тмутаракань, и откуда взялось это названіе. И надо правду сказать, что прежніе историки и археологи въ своихъ предположеніяхъ и заключеніяхъ подходили ближе къ истинѣ, нежели послѣдующіе, которые давали слишкомъ уже большой просторъ своимъ домысламъ, доводящимъ ихъ иногда почти что до абсурдовъ. Такъ, напримѣръ, еще Карамзинъ²⁾, а за нимъ Погодинъ³⁾ и Мурзакевичъ⁴⁾ простымъ чутьемъ догадывались, что Тмутаракань есть, притомъ даже не очень сильно видоизмѣненное, греческое *Ταματάρχα*. А г. Гаркани, спустя много времени послѣ нихъ, съ наивною самоувѣренностью изрекаетъ такой аподиктический приговоръ этой ихъ догадкѣ: «Тождество Таматархи и Матархи съ Тамиракою, предположенное Н. Н. Мурзакевичемъ лѣтъ тридцать (а теперь это будетъ болѣе семидесяти) тому назадъ, уже давно отвергнуто, а самое названіе Таматарха, Матарха (русская Тмутаракань) для нынѣшней Тамани, какъ компетентные ученые полагаютъ на основаніи источниковъ, произошло отъ искаженія Тюрками древняго имени Корокондама (*Κοροκονδάμη* Страбона и анонимнаго Перипла»⁵⁾. При

1) Op. cit., стр. 103—132.

2) Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлянга, т. I, стр. 106, прим. 389.

3) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. Москва 1846, т. III, стр. 144—146.

4) Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Одесса 1837, стр. 40 и 44.

5) По вопросу о иудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму. Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, т. 192, стр. 107.

этомъ Гаркави не называетъ тѣхъ, къмъ будто бы давно опровергнуто вышеозначенное предположеніе; ссылка же его насчетъ отождествленія Тмутаракани съ Корокондамою на Куника, Вруна и Герца неизвѣстно зачѣмъ привлекаетъ сихъ послѣднихъ къ соучаствію въ его ученіи недоразумѣнія: у Вруна, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго нѣтъ въ цитованномъ у Гаркави мѣстѣ¹⁾. У Гаркави только одно проскользнуло вѣрное замѣчаніе—что названіе Таматарха (русская Тмутаракань) произошло отъ искаженія Турками. Но онъ умалчиваетъ тутъ, объ искаженіи какого же первообраза Турками, если само Таматарха, было въ употребленіи у византійскихъ грековъ, слѣдовательно, еще не пріемлется имъ за такой первообразъ: неужели же онъ этимъ первообразомъ считаетъ Страбоновскую Корокондаму, ссылаясь на то, что будто бы сближеніе Тмутаракани съ Корокондамою дѣлаетъ не онъ одинъ, а и «компетентные ученые полагаютъ на основаніи источниковъ», а самъ точнѣе не указываетъ ни этихъ компетентныхъ ученыхъ, ни источниковъ. Столь же неприемлемо и предположеніе В. Г. Васильевскаго, что «не произошло ли названіе Тмутаракани отъ населявшихъ ее Тетракситовъ, или лучше: не ведутъ ли оба названія свое происхожденіе отъ одного общаго корня»²⁾. Ни то, ни другое. И. Н. Березинъ, коснувшись выраженія въ словѣ о Полю Игоревѣ «*дорискаше до Куръ Тмуторакани*», высказываетъ такое даже не предположеніе, а, какъ онъ самъ заявляетъ, заключеніе, что «слово *Куръ*, очевидно, есть монгольское становище, курень, а это ведетъ меня къ заключенію, что и самое названіе Тмуторокань можно искать въ монгольскомъ ... Названіе Тмуторокань составлено изъ *Тюмэтъ* и *ирэнгъ*, цародъ, что вмѣстѣ (*Тюметирэнгъ*) означаетъ десятитысячника (тьмы народу)... Впрочемъ, можно еще объяснять слово Тмутаракань сложнымъ изъ *тюмэнгъ* (тьма) и *Тарх-ханъ*, вольный человекъ, дворянинъ»... Покойный профессоръ забылъ тутъ только одно—что Тмутаракань существовала слишкомъ задолго до появленія на сценѣ монголовъ, чтобы ихъ языкъ могъ послужить источникомъ образованія имени очень давно до нихъ извѣстной географической мѣстности³⁾.

Проф. В. И. Сергѣевичъ, — тотъ просто, безъ всякихъ оговорокъ,

1) Черноиорье, Одесса 1880, т. II, стр. 130.

2) В. Г. Васильевскій, Труды, т. II, выш. 2, СПб. 1912, стр. 378.

3) Шейбаниада, Казань, 1879, стр. 30—31, пр. 36.

вѣрить въ существованіе Тмутараканскаго княжества, которое попало ему для его юридическо-археологическихъ соображеній¹⁾.

Мнѣ кажется, что раньше чѣмъ начинать съ предположенія искаженія въ имени Таматарха-Тмутаракань, правильнѣе будетъ искать путей къ пониманію значенія этого термина въ его цѣлостномъ, первоначальномъ видѣ въ источникахъ того отдаленнаго времени, когда, надо полагать, послѣдовало образованіе этого термина и появленіе его на скрижаляхъ исторіи.

Имя Тмутаракани, говорятъ Карамзинъ, исчезаетъ изъ лѣтописей съ 1111 года, когда былъ совершенъ знаменитый по своей удачности походъ русскихъ князей на Половцевъ²⁾. М. П. Погодинъ даетъ этому факту то толкованіе, что «Тмутаракань находилась гдѣ-либо очень далеко, въ такой сторонѣ, въ которую путь пресѣкъся. Имена асѣхъ городовъ Рязанскихъ, Черниговскихъ, велись и ведутся даже до сихъ поръ, а Тмутаракани нѣтъ и слѣдовъ»³⁾, если, прибавимъ мы отъ себя, не принять во вниманіе неоднократное о ней упоминаніе въ «Словѣ о полку Игоревѣ», памятникѣ, наиболѣе все-таки близкомъ къ вышеупомянутой эпохѣ 1111 года. Значитъ, Тмутаракань была гдѣ-то далеко, но гдѣ, вотъ вопросъ. Надъ этимъ вопросомъ множество ученыхъ ломали головы, и все же до сихъ поръ ни на чемъ окончательное не согласились: самый послѣдній изъ нихъ, А. А. Спицынъ, в тотъ свою статью «Тмутараканскій камень» заканчиваетъ, какъ мы сказали, безнадежною фразою: «Какъ бы то ни было, Тмутаракань Таманская представляетъ пока полную загадку»⁴⁾. Попытаемся разгадать эту загадку, если не сполна, то хоть отчасти.

Что значать вышеприведенныя слова А. А. Спицына: «Какъ бы то ни было, Тмутаракань Таманская»? А они значать, что эту столь давно исчезнувшую изъ лѣтописей Тмутаракань наши ученые всячески старались отыскать гдѣ-нибудь въ отдаленномъ мѣстѣ, и больше всего въ ихъ поискахъ, замѣтимъ, совершенно естественно ихъ тянуло къ Тамани. Но были въ числѣ ихъ и такіе, какъ Свиньинъ, которые находили, что «мѣсто Тмутараканскаго царства въ Тамани несообразно

1) Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности. Т. I. СПб. 1890, стр. 44.

2) Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга, II, 84.

3) Погодинъ, Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. Москва 1846, т. III, 146.

4) Записки Отд. Рус. и Слав. Археологій Имп. Рус. Археол. Общества, т. XI. Петроградъ 1915, стр. 132.

ни съ мѣстнымъ положеніемъ сего края, ни съ правдоподобіемъ»¹⁾; иные же, какъ Арцыбашевъ, пытались искать Тмутаракань между устьемъ Днѣпра и Перекопомъ²⁾; третьи, какъ Спасскій, заходила въ своихъ поискахъ даже куда-то въ Черниговщину. Но важно замѣтить, что Спасскій производилъ слово «Тмутаракань» отъ «Тьма торковъ»³⁾. Бутковъ, защищая неподдѣльность Тмутараканскаго камня, насчетъ самой Тмутаракани высказался не особенно рѣшительно и опредѣленно, въ такомъ родѣ: «Ласкаюсь надеждою, что кто повѣрилъ прежде сомнѣніямъ о Тмутаракани, тотъ очиститъ совѣсть свою отъ такого грѣха»⁴⁾. Наконецъ въ повѣйшее время А. А. Спицынъ, «разсуждая о судьбахъ Тмутаракани», какъ говоритъ онъ, «усумнился въ томъ, что она располагалась на Тамани, и усмотрѣлъ для нея болѣе удобное мѣсто — при устьѣ Доиа, гдѣ арабами указывается городъ Росія»⁵⁾. Несмотря на вѣскія возраженія А. И. Соболевскаго, онъ такъ и остался при своемъ мнѣніи, тщетно выжидая «дальнѣйшихъ событій» и, не дождавшись таковыхъ, самъ принялся за обстоятельный пересмотръ вопроса о Тмутараканскомъ кампѣ. Его поражаетъ на камнѣ надпись «безцѣльностью содержація», хотя А. И. Соболевскій довольно основательно замѣтилъ ему, что «безцѣльность есть дѣло условное», на что А. А. Спицынъ съ своей стороны опять-таки возражаетъ: «Но вѣдь надпись изготовлена для потомковъ; къ чему было записывать то, въ смыслѣ чего мы никакъ не можемъ проникнуть?»⁶⁾. Но эта отмѣтка кратчайшей переправы черезъ проливъ могла быть изготовлена и не для потомковъ, а для какихъ-нибудь собственныхъ надобностей тѣхъ, кто ее изготовлялъ, такъ что, слѣдовательно, изготовлявшему мало было дѣла до того, могутъ или нѣтъ потомки въ томъ числѣ, пожалуй, и мы, проникнуть въ смыслъ его записи: вѣдь самъ А. А. Спицынъ однако же приводитъ цѣлый рядъ лицъ, которые занимались измѣреніемъ разстоянія между Таманью и Керчью, начиная съ Константина Багрянороднаго⁷⁾. Какъ бы то ни было, всѣ его домыслы объ измѣреніи сводятся «въ

1) Цитов. у Спицына, стр. 110 и 111.

2) Спицынъ, стр. 111.

3) Спицынъ, стр. 112.

4) Стр. 113.

5) Ibidem.

6) Op. cit., 119—120.

7) Стр. 121.

пользу подлинности камня»¹⁾. Но затѣмъ онъ наталкивается на другой важный въ данномъ случаѣ вопросъ, на вопросъ о существованіи Корчева, и категорически заявляетъ: «Нѣтъ никакого основанія думать, что въ XI в. Керчи не существовало. Равнымъ образомъ невозможно доказать, что это селеніе не называлось порусски Корчевомъ»²⁾. И затѣмъ даетъ обширный подборъ справокъ изъ старинныхъ источниковъ въ доказательство выказаннаго имъ положенія. Всѣ приведенныя имъ справки однако же содержатъ лишь звукосочетанія, въ которыхъ, пожалуй, можно усматривать подобіе имени Керчи или затѣмъ Корчева, но вѣдь не слѣдуетъ упускать изъ вида и того, что въ однихъ источникахъ подъ этимъ именемъ разумѣется неизвѣстно что, въ другихъ — море; въ третьихъ — область; въ четвертыхъ — бухта, и въ пятыхъ, наконецъ, селеніе. Къ послѣднимъ присоединится и А. А. Спицынъ, хотя въ заключеніе онъ не могъ не призадуматься надъ тѣмъ фактомъ, что «великоруссамъ былъ неизвѣстенъ этотъ городъ («Корчевъ»), не была ясна его этимологія..., и дѣло будущаго установить дѣйствительную исторію слова «Корчевъ», а пока ясно, что ни за, ни противъ этой формы нельзя стоять»³⁾. Значитъ, онъ самъ не беретъ на себя задачи установить эту исторію, хотя въ главѣ статьи своей о филологическихъ особенностяхъ надписи на Тмутараканскомъ камнѣ онъ не могъ не упомянуть чужихъ филологическихъ домысловъ касательно Тмутаракани и Корчева, а самъ не отозвался ни своимъ согласіемъ ни несогласіемъ съ этими домыслами, которые я считаю необходимымъ повторить здѣсь въ виду послѣдующихъ собственныхъ соображеній. «Спасскій желаетъ видѣть форму начертанія Тмутаракана, высказывая, что это, вѣроятно, русское названіе изъ тѣмъ, потому что греческое и татарское названія города ясны. Востоковъ нашелъ болѣе удобнымъ производить имя города отъ «Тамань-торханъ» и замѣтилъ, что ѣ въ этомъ словѣ написано именно для того, чтобы его не произносили со смягченіемъ. По Буткову имя города идетъ отъ «Томанъ-торханъ», какъ и греческое «Томатарха»⁴⁾.

Безплодность толкованій и Спасскаго, и Востокова, и Буткова очевидна, такъ какъ они ничего всущности не истолковываютъ — ни

1) Ibidem.

2) Стр. 123.

3) Стр. 125.

4) Op. cit., стр. 127.

этимологiи имени, ни какого-либо фактическаго значенiя этого имени. Самое же неудачное изъ всѣхъ этихъ толкованiй — это Буткова, по которому, какъ мы видѣли, выходитъ, что будто бы даже греческое Таматарха произошло изъ какого-то «Томанъ-торханъ».

А. А. Слицынъ, еще разъ вернувшись къ доказательству подлинности Тмутараканской надписи на основанiи палеографическихъ аналогiй съ характеромъ византiйскихъ надписей, высказываетъ рядъ положенiй, любопытныхъ въ томъ отношенiи, что въ нихъ обнаруживается у него борьба инстинктивнаго приближенiя къ правильному методу рѣшенiя поставленнаго имъ себѣ вопроса съ искушенiемъ взять новое направление на пути къ этому рѣшенiю, откуда у него получаются лишь недоумѣнiя. Сперва онъ говоритъ, что «самъ по себѣ камень не стоитъ того, чтобы изъ-за него такъ волноваться и употреблять такiя усилiя для его критикi»; а между тѣмъ самъ же употребилъ не мало такихъ усилiй, и, скажемъ отъ себя, совершенно не напрасныхъ усилiй, потому что нельзя не согласиться съ тѣмъ, что и онъ дальше утверждаетъ насчетъ камня, а именно: «важно то, что онъ (камень) является единственнымъ показателемъ мѣстоположенiя одного изъ русскихъ княжествъ». Но это ему не помѣшало сейчасъ же и категорически заявить: «Тмутаракань на устьѣ Дона неясна. Это гавань для Кіева и, можетъ быть, для Мурома»¹⁾, совершенно игнорируя имъ же самимъ только что установленный фактъ, что камень-то открытъ не на устьѣ Дона, а совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Къ такому, можно сказать, самопроговорѣчию его увлекло, Богъ вѣсть почему, показанiе арабовъ, что «на устьѣ Дона определенно извѣстенъ городъ «Росiя»²⁾. Откуда взялась эта определенность? Мнѣ кажется, вѣрише полагаютъ, что арабы смѣшали тутъ имя народа или страны съ городомъ. Да если бы и существовалъ такой порожденный арабскою фантазiею городъ «Русiя», то что же въ этомъ послѣднемъ имени сходнаго съ такимъ длиннымъ словомъ какъ «Тмутаракань», чтобы позволительно было отождествлять ихъ?

И при этомъ случаѣ считаю умѣстнымъ обратить вниманiе на ту ученую настойчивость, съ которою питаютъ какос-то благоговѣйное довѣрiе къ сказанiямъ арабскихъ писателей и даже къ арабскимъ начертанiямъ въ ихъ пропзведенiяхъ, забывая, а иные не подозревая, что эти начертанiя при малѣйшемъ неосторожномъ и бессознательномъ

1) Стр. 131.

2) Op. cit., 113 и 131.

перемѣненіи діакритическихъ точекъ переписчиками способны породить чудовищныя нелѣпости. Къ такимъ нелѣпостямъ, на примѣръ, слѣдуетъ отнести начертаніе *بنطس*, географическаго имени, которое даже такіе толковые ученые арабысты, какъ Френъ, прочитали *بنطس*-Нитосъ¹⁾. За нимъ повторилъ это искаженіе Барбье-де-Мейнардъ²⁾ и даже, страннымъ образомъ, повторилъ начисто я безъ всякихъ оговорокъ А. М. Гаркави³⁾, хотя эта несообразность, помимо ея очевидности, стала совершенно поправима съ выходомъ въ свѣтъ географическаго словаря Якута, у котораго вполнѣ вѣрно воспроизведено имя *بنطس*-Бонтосъ⁴⁾, т. е. греческое *Πόντος*, тогда какъ никакого ни Нитоса, ни Найтаза никто нигдѣ не усматривалъ.

Мнѣ думается, что вопросъ о мѣстонахожденіи Тмутаракани можетъ быть рѣшенъ безъ особыхъ затрудненій, если только отказаться отъ той предвзятой мысли, что это былъ непременно какой-то городъ, да еще городъ въ теперешнемъ позднѣйшемъ смыслѣ, на что и въ древнихъ источникахъ нѣтъ даже приблизительныхъ указаній. По однимъ изъ этихъ источниковъ былъ, пожалуй, городъ Тмутаракань, но другимъ же это было княжество Тмутараканское; а вѣдь это далеко не одно и то же: могъ существовать городъ, но при этомъ нѣтъ необходимости, чтобы непременно существовало и сомнительное ему какое-то еще княжество, и наоборотъ: могло быть княжество, но безъ сомнительнаго съ нимъ города. Аналогичныя явленія мы можемъ наблюдать даже въ настоящее время у насъ на Русѣ: сколько у насъ въ азіатскихъ окраинахъ такихъ отдѣльныхъ, не то географическихъ, не то, скорѣе, административныхъ, терминовъ какъ Закаспійская область или Тургайская область, какъ Туркестанскій край, или какъ Степное генералъ-губернаторство, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ, конечно, исконному отсутствію въ тѣхъ или другихъ территоріальныхъ границахъ какихъ-либо прочно установленныхъ исторіею и жизнью осѣдлыхъ поселеній, которыя должны бы были или могли бы быть признаны центральными показательными пунктами, придающими, по

1) Fraehn, Ibn-Forzlan's und anderer Araber Berichte über die Russen. St.-Petersburg 1823, SS. 27, 28, 50, 184, 193, 234, 235, 242.

2) Macoudi, Texte et traduction. Par C. Barbier-de-Meynard. Vol. IX. Index général, p. 220. Nitos (Mer) ou mer Noire. I. 204, 260, 261, 263, 272, 287; II. 15—18, 19, 24, 25, 36, 46, 47, 58.

3) Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. СПб. 1870, стр. 149, 176.

4) Jacnt's Geographisches Wörterbuch. B. VI. Register. Bd. I. 21, 499, 504, 746.

существо или только по имени какую-либо географическую или политическую окраску данной мѣстности, болѣе или менѣе обширной, но обитаемой если не сплошь, то въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ подвижнымъ населеніемъ. Я твердо убѣжденъ въ этомъ и въ примѣненіи къ древней Тмутаракани, надъ которой цѣлый сонмъ историковъ и археологовъ ломаютъ голову, тщегно доискиваясь того опредѣлительнаго географическаго пункта, гдѣ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ находиться загадочный городъ, столь многократно упоминаемый въ древнихъ письменныхъ памятникахъ, но совершенно безслѣдно исчезнувшій съ лица земли, хотя ни въ какихъ мѣстностяхъ не отмѣчено никакого геологическаго или иного подобнаго физическаго переворота въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приблизительно надлежало бы существовать и оставить хоть какіе-нибудь слѣды своего существованія этому пропавшему безъ вѣсти городу. Такого чуда быть не могло. А, скажутъ, Бѣлая Вежа половцевъ, или даже Сарай монголо-татаръ? Они навѣрное существовали, а гдѣ? Еще отъ Сарая-то кое-что осталось похожее на бывшее человѣческое обиталище въ родѣ города, но Бѣлая Вежа такъ и сгинула, не оставивши никакихъ вещественныхъ слѣдовъ по себѣ.

Но такое, повидимому, загадочное и странное явленіе, какъ безслѣдное исчезновеніе цѣлыхъ городовъ въ южныхъ предѣлахъ нашего государства, перестанетъ быть таковымъ, когда мы хорошенько вникнемъ въ то, что такое были или могли быть эти города. Это были одиочныя крупныя строгія съ примыкавшими къ нимъ можетъ быть другими, второстепеннаго размѣра, постройками, тамъ, гдѣ было дерево, деревянныя, обнесеныя деревянными же заборами, а больше всего, въ безлѣсныхъ, степныхъ пространствахъ южной Россіи, надо полагать, даже не каменные, а просто глинобитныя, сырцовыя, какія можно еще нынѣ наблюдать, по свидѣтельству путешественниковъ, въ изобиліи въ предѣлахъ Кавказа, гдѣ попадаются не только сакли, но и огромныя, высокія жилищныя *башни*, да еще, какъ, на примѣръ, въ Сваніи, непременно окрашенныя въ *блѣднѣйшій* цвѣтъ. Такъ вотъ уже по самому свойству матеріала, изъ котораго строились эти всякія Бѣлыя Вежи, т. е., говоря попросту, безопасныя отъ вражескихъ внезапныхъ нападений дома-вышки, а также и по плавучему, подвижному характеру народностей, основывавшихъ такія центральныя, но все же временныя, становища, гдѣ они осѣдали на извѣстный періодъ своего кочевого скитанія, эти сооруженія, будучи покидаемы ихъ неосѣдыми обитателями, конечно, должны были очень быстро разрушаться до

полнаго своего уничтоженія даже подъ дѣйствиемъ стихій — дождей и вѣтровъ, а силою и рядомъ отъ разрушительнаго приложенія чело-вѣческихъ рукъ со стороны вновь нахлынувшихъ ордъ, безпре-станно толкавшихъ одна другую въ разныхъ направленіяхъ широкаго степнаго простора¹⁾). Что это дѣйствительно такъ происходило, для этого достаточно вспомнить судьбу Саркела, котораго хазаре, какъ позднѣе половцы, жившіе въ кибиткахъ, передвигавшихся на скряпучихъ арбахъ, столь лестно сравниваемыхъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» съ ивѣвучими лебедями, сами не умѣли выстроить, а пригласили для этого досужихъ антрепренеровъ изъ византийскихъ грековъ, одинъ изъ коихъ подъ именемъ Петроны оставилъ даже письменную памятку о такомъ любопытномъ для своего времени фактѣ.

То же самое можно предполагать и касательно участи Тмутаракани. Да, было какое-то такое челоуѣческое обиталище въ родѣ стороже-вого замка, называемаго у византийскихъ писателей *хѳотров*, а потомъ исчезло, оставивъ однако же по себѣ нѣкоторую память, хотя бы однимъ своимъ именемъ, и то лишь въ силу особенныхъ обстоятельствъ своего возникновенія и соединеннаго съ нимъ наименованія, въ чемъ принимали участіе не одни бродячіе народы въ родѣ хазаръ и другихъ турецкихъ племенъ, очень давно нахлынувшихъ въ предѣлы прежнихъ окраинныхъ владѣній Византийской имперіи, а и сами византийскіе греки. Къ этой мысли приводятъ насъ не что иное, какъ самое имя русской Тмутаракани въ его генеалогическомъ образованіи не изъ чего другого, какъ изъ греческаго же *Γαματάρχα*, въ которомъ можно прослѣдить цѣлый рядъ постепенныхъ фазисовъ словесной кристаллизаціи, въ связи съ усматриваемыми въ древнихъ письменныхъ памятникахъ историческими явленіями, имѣвшими мѣсто тамъ, гдѣ должна была происходить и дѣйствительно происходила эта ономастическая метаморфоза.

Ключъ къ уразумѣнію этого замѣчательнаго процесса случайно оказа-зался въ запискахъ Зимарха, сохранившихся въ извлеченіи, сдѣланномъ другимъ византийскимъ писателемъ VI вѣка, Менадромъ протекторомъ, хотя мы сперва сразу наталкиваемся въ этомъ замѣчательномъ памят-никѣ на нѣкоторую путаницу, обязанную своимъ происхожденіемъ или недоразумѣнію самого Зимарха, запечатлѣнному имъ въ своемъ отчетѣ о посольствѣ, или же редакторскому домыслу протектора Менадра, составившаго лишь *извлеченіе* изъ хранившагося въ архивѣ подлиннаго

1) Аналогическія явленія отмѣчены и въ другія времена. См. В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію. СПб. 1897, стр. 17, 30, 42, 62, 67.

отчета Зямархова. И послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ въ виду признанія самого Менандра по поводу другого посланника Петра магистра, къ Хозрою, о которомъ онъ сообщаетъ, что «онъ записалъ подробно все что было сказано и отвѣчено Хозроемъ, персидскими и рямскими послами, подлинныя ихъ слова». А потомъ довольно откровенно заплываетъ, какъ самъ онъ распорядился съ сочиненіемъ Петра, а именно: «Что касается до меня», говоритъ онъ, «то не было *ни нужно, ни прилично* въ историческомъ сочиненіи слишкомъ попусту распространяться и долго останавливаться на одномъ предметѣ. Я почерпнулъ изъ его книги все то, что было нужно, и изложилъ коротко»¹⁾. Это признаніе Менандра крайне цѣнно и вызываетъ чрезвычайную осторожность относительно степени довѣрія къ компилятивнымъ извлеченіямъ Менандра изъ сочиненій своихъ предшественниковъ, такъ какъ онъ, по собственному признанію, не былъ заправскій бытописатель, а скорѣе литературный дилеттантъ, подвигнутый къ литературнымъ упражненіямъ прямою императора Маврікія, поощрявшаго подобнаго рода дѣятельность²⁾. Г. С. Дестунисъ считаетъ его просто «человѣкомъ неученымъ»³⁾. И это особенно важно имѣть въ виду потому, что предметъ, котораго касается Менандръ въ своей компиляціи, т. е. наиболѣе раннія извѣстія о туркахъ, чрезвычайно любопытный и никѣмъ до него изъ византійскихъ писателей не затронутый. Такъ вотъ при наличности столь характерныхъ компиляторскихъ приемовъ Менандра въ передачѣ извѣстій о туркахъ пѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что именно ему мы обязаны тою путаницею, которая несомнѣнно содержится въ одномъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ его повѣствованій.

Начать хотя бы съ того: въ его повѣствованіяхъ всѣ собственныя имена, приписываемыя имъ туркамъ, звучатъ какъ-то не потурецки; и съ эти Арсплы, Турксанѣы, Маньхлп, и даже Дязабуль (варіирующіеся въ Дильзязбуль и даже Зплъзязбуль)—это имена не турецкаго звуко-состава. А всѣ эти эфталаты, холіаты, кермихіопы, не говоря уже о сакахъ и массагетахъ, какъ именуется у него народцы будто бы все турецкой отрасли, развѣ въ нихъ есть что-либо похожее на какія-нибудь знакомыя намъ изъ турецкаго языка и его памятниковъ этно-

1) Византійскіе историки. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса. СПб. 1861, Менандръ, стр. 356.

2) De Menandro, р. XXXII. Стр. 319. — Дестунисъ считаетъ Менандра просто «человѣкомъ неученымъ» (См. Прокопія Кесар. Исторія воиъ. СПб. 1876, стр. 25, пр.).

3) Прокопія Кесарійскаго Исторія воиъ римлянъ съ персами. СПб. 1876, стр. 25, прим.

графическія наименованія? Это одна сторона дѣла, не лишенная своего значенія въ нашемъ изслѣдованіи. Другая такая же состоитъ въ скомканности повѣствованій Менаандра о событіяхъ, предшествовавшихъ возвращенію Зимарха въ Византію изъ своего путешествія къ туркамъ. Эти свойства сообщеній Менаандра однако же не лишаютъ ихъ историческаго значенія при соблюденіи извѣстной методичности обращенія съ ними, даютъ возможность истолковать происхожденіе и смыслъ имени «Таматарха», потерпѣвшаго всяческаго видоизмѣненія до русской «Тмутаракани» включительно¹⁾.

Въ началѣ четвертаго года царствованія Юстина, читаемъ мы у него, т. е. въ 568 г. по Р. Хр., въ Византію прибыло посольство отъ турковъ, вчастности отъ той турецкой отрасли, которая у Менаандра обозначается именемъ согдаитовъ, которые раньше были подданными эфталитовъ, а теперь, подиавъ подъ власть Дизабула, просили его послать посольство въ Персію для установленія продажи шелка. Дизабуль согласился на это, и во главѣ посольства стоялъ *Маніахъ*. Посольство не удалось: персы отказались заводить торговыя сношенія съ согдаитами, закупили привезенный ими съ собою шелкъ и демонстративно сожгли его на глазахъ посланниковъ. Послы вернулись домой ни съ чѣмъ и допели о неудачѣ своего посольства Дизабулу²⁾. Онъ не остановился на этомъ и вторично отправилъ пословъ въ Персію къ Хозрою, но уже неизвѣстно подъ чьимъ начальствомъ, ибо о *Маніахъ* тутъ у Менаандра не упоминается³⁾. Персы опять недружелюбно встрѣтили турецкое посольство и большую часть посланниковъ отравили, распустивъ слухъ, что тѣ умерли отъ удушливыхъ жаровъ персидскихъ⁴⁾. Такое поведеніе персовъ разгнѣвало Дизабула. И тутъ опять выступастъ на сцену «*Маніахъ*, *начальникъ* Согдаитовъ, который совѣтуетъ Дизабулу держаться лучше рямлянъ и съ ними торговать шелкомъ, и, для заключенія дружбы и союза съ ними, самъ вызывается стать во главѣ посольства, которое и отправилось съ письмами, привѣтствіями и подарками. *Маніахъ* прибылъ въ Византію, представился императору и вручилъ ему письма. Императоръ принялъ посланниковъ очень ласково, прочиталъ черезъ переводчиковъ эти письма, разспрашивалъ посланниковъ о странѣ и о владѣніяхъ турковъ и вознамѣ-

1) Васильевскій, *Op. cit.*, стр. 379 и 380.

2) Менаандръ, *Op. cit.*, стр. 372.

3) *Ibidem*.

4) Стр. 373.

рился отправить къ туркамъ свое посольство. Начальство надъ посольствомъ онъ поручилъ полководцу восточныхъ городовъ *Зимарху*, киликійцу, который и отправился въ путь, сопровождаемый самимъ *Маниахомъ* и его товарищами¹⁾. Съ этого момента мы уже не знаемъ, что стало съ *Маниахомъ*, вплоть до того времени, когда *Зимархъ*, добравшись послѣ продолжительныхъ странствованій до ставки *Дизабула* у какой-то горы *Актага* (= Золотой горы, едва ли не Алтай), былъ радушно принятъ и чествованъ *Дизабуломъ* и въ ковцѣ концовъ былъ приглашенъ имъ соучаствовать ему въ походѣ противъ персовъ, съ тѣмъ чтобы остальные члены приведеннаго имъ византийскаго посольства отправились одни впередъ въ страну какихъ-то холматовъ, сближаемыхъ съ вародомъ *камлы* китайскихъ источниковъ, въ которыхъ ученые видятъ нынѣшнихъ кпргизовъ; а тамъ *Зимархъ* долженъ былъ догнать ихъ и вмѣстѣ съ ними отправляться во-своля.

Вотъ при этой okazji, т. е. при обратномъ отправленіи *Зимарха* и его свиты домой, *Менандръ* еще разъ мимоходомъ вспоминаетъ о *Маниахѣ* въ такомъ духѣ. Онъ говоритъ, что *Дизабулъ* уже на пути противъ персовъ, достигши мѣста, именуемаго у него *Талась*, утвердилъ дружбу съ римлянами и отпустилъ *Зимарха*, но присоединилъ къ нему своего посла, который носилъ имя *Тагма*, а имѣлъ достоинство *Тархана*. Мало того, *Менандръ* къ этому присовокупляетъ какой-то совсѣмъ малоопытный фактъ, а именно, что при этомъ посланникъ *Дизабула* походилъ съпъ умершаго *Маниаха*. Въ греческомъ подлинникѣ извлеченій *Менандра* это извѣстіе читается такъ: 'Ο μὲν Διζάβουλος παρεσκευάζετο τὴν ἐπὶ Πέρσας. τῷ ται ἄρα τοὺς ἀμφὶ Ζήμαρχον μετακαλεσάμενος, καὶ ὡς ἐνῆν, πρὸς τοὺς Ῥωμαίους φίλιαν ἐμπεδώσας, ἀφῆκεν αὐδὶς ἀπενοστήσοντας, ἕτερον πρεσβευτὴν αὐτοῖς συναποστείλας τῷ τὸν πρότερον λεγόμενον Μανιάχ τεθνάναι. ἦν δὲ ἐπίκλησις τῷ μετ' ἐκεῖνον πρεσβευτῇ Τάγμα αὐτῷ, ἀξίωμα δὲ Ταρχάν. οὗτος δὴ οὖν ἐστάλη ὑπὸ Διζαβούλου ὡς Ῥωμαίους πρεσβευσόμενος. καὶ μὲν οὖν σὺν αὐτῷ ὁ τοῦ ἡρῆ ἀποικομένου παῖς, φημί δὴ τοῦ Μανιάχ, κομιδῆ μεράκιον, ὁμοῦς δὲ τὸ πατρῶον διαδεξάμενος γέρας, ἔτι μὲν καὶ τὴν μετὰ τὸν Ταγμά Ταρχάν κληρωσάμενος ἄξιαν. οἶμαι δὲ τῷ ἐπιτηδειότατόν τε καὶ εὐνούστατον γενέσθαι τῷ Διζαβούλῳ τὸν Μανιάχ τοῦ πατρῶου τὸν παῖδα τυχεῖν ἀξιώματος²⁾. Въ русскомъ переводѣ *Дестуница* это значитъ: «*Дизабулъ* гото-

1) Стр. 374—375.

2) Dextipri, Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Pars I. p. 384—385.

вился идти на Персовъ. Призвавъ къ себѣ Зимарха и его спутниковъ, онъ утвердилъ дружбу съ Римлянами и отпустилъ его. Вмѣстѣ съ нимъ отправилъ онъ къ Римлянамъ другого посланника, потому что прежній, Маніахъ, умеръ. Новый посланникъ назывался Тагма; онъ былъ достоинствомъ Тарханъ. При немъ находился и сынъ умершаго Маніаха. Онъ былъ еще отрокъ, но наследовалъ званію отца и былъ вторымъ по достоинству, послѣ Тагмы Тархана¹⁾. Я думаю, что этотъ молодой человѣкъ получилъ достоинство своего отца потому, что Маніахъ былъ приверженъ къ Дизабулу и близкій къ нему человѣкъ»²⁾.

Въ этомъ отрывкѣ все же остается для насъ не ясно, гдѣ и когда умеръ Маніахъ: повидямому, гдѣ-то въ дорогѣ, когда онъ сопровождалъ Зимарха къ хану Дизабулу. Еще менѣе понятно, откуда взялся сынъ умершаго Маніаха около Дизабула въ Таласѣ въ тотъ моментъ, когда онъ отпускалъ отъ себя Зимарха со всею его свитою въ обратный путь, и зачѣмъ понадобилось этому сыну Маніахову находиться при новомъ посланникѣ Дизабула, отправлявшемся вмѣстѣ съ Зимархомъ въ Византію и именуемомъ у Менандра *Тагмою*. Эта темнота мало-помалу разъясняется, когда мы обратимъ вниманіе на одно побочное обстоятельство, на которомъ и Менандръ, а раньше его, очевидно, и самъ составитель отчета о путешествіи Зимарха, нарочито остановился и тщательно подчеркнул его. Оно заключалось въ томъ, что сынъ умершаго Маніаха былъ совѣтъ молодой юноша, но уже занялъ положеніе своего умершаго отца. Какое было это положеніе, въ отчетѣ не сказано, но оно должно было быть очень важное, ибо авторъ отчета строить даже такое свое насчетъ него соображеніе: «Я думаю», говоритъ онъ, «что этотъ молодой человѣкъ получилъ отцовское достоинство потому, что Маніахъ былъ приверженъ къ Дизабулу и близкій былъ ему человѣкъ»³⁾. Понытаемся разобраться въ этой путаницѣ. Для этого слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что какъ турки въ лицѣ хагана Дизабула, такъ и византійскіе императоры, завязывая сношенія между собою черезъ посредство своихъ носольствъ, безпрестанно странствовавшихъ взадъ и впередъ, ставили во главіи этихъ

1) Въ латинскомъ переводѣ Нибура это мѣсто передано такъ: «et dignitate proxime ad Tagma Tarchan accessit». Но мнѣ, и тотъ и другой переводъ не совсѣмъ вѣренъ.

2) Византійскіе историки Дексиппъ, Эвнаний, Олимпиодоръ, Малхъ, Петръ патрицій, Менандръ, Кандидъ, Нонпосъ и Ософанъ византіецъ, переведенные съ греческаго Спиридономъ Дестунисомъ. Примѣчанія Гавріила Дестуниса. Издженіемъ Духовнаго Вѣдомства. СПб. 1860. Менандръ византіецъ, стр. 380.

3) Loc. cit.

городовъ, и одинъ изъ нихъ — Таразъ = Таласъ, т. е. какъ разъ тотъ пунктъ, до котораго, по свидѣтельству византійца Менадра, дошелъ посольствъ довѣренныхъ лицъ, состоявшихъ воспачальниками въ отдаленныхъ, т. е. понашему пограничныхъ, мѣстностяхъ своихъ государствъ. Такими воспачальниками на первыхъ порахъ и былъ со стороны турковъ ибкій *Маніахъ*, дважды правившій посольство отъ Дязабула — сперва къ персамъ, а потомъ и къ византійцамъ, а со стороны византійскаго императора — какой-то *Зимархъ*. *Маніахъ*, говорятъ византійцы, былъ *начальникъ согдаитовъ*, турецкой отрасли, подвластной Дязабулу и кочевавшей по сосѣдству съ Персіей, слѣдовательно гдѣ-то на далекой окраинѣ владѣній Дязабула. По ихъ-то просьбѣ Дязабулъ и сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію съ персами и отправилъ свое посольство къ Хозрою, дважды потерпѣвшее, какъ мы выше сказали, полное фiasco. И *Зимархъ*, глава византійскаго посольства, тоже былъ полководецъ восточныхъ городовъ и княжкцевъ, т. е. опять-таки воспачальникъ отдаленныхъ окраинныхъ владѣній византійской короны. У византійскихъ бытописателей и *Маніахъ* и *Зимархъ* какъ будто собственные имена лицъ, правившихъ одиакъ турецкое, другой византійское посольство въ качествѣ довѣренныхъ представителей своихъ государей. Но изъ текста Менадра не выходятъ съ несомнѣнностью, что *Маніахъ* и даже *Зимархъ* суть собственные имена лицъ. Равно, едва ли обязательно считать менадровскаго *Маніаха* совершенно тождественнымъ съ *Маніакомъ* — *Μανίακ* — Анны Комнины и принимать оба эти слова за измѣненное въ обояхъ случаяхъ имя *Боиякъ*, извѣстное имя одного половецкаго хана, какъ это настойчиво утверждаютъ византиянысты¹⁾. Если даже допустить, что Анна Комнина переименовала въ XII вѣкѣ своего современника половецкаго хана Боияка въ *Маніака*, такъ вѣдь она могла это сдѣлать, какъ начитанная въ исторіяхъ византійскихъ писательница, воспользо-вавшись готовою подходящею формою отъ того же Менадра, и даже могла быть паведена запискою Менадра на мысль о тождествѣ лишь въ фонетической трансформаци чужезычныхъ именъ *Боиякъ* и *Маніакъ*, предупредившаго ея догадку на цѣлыхъ пять вѣковъ раньше. А между тѣмъ въ сочиненіи персидскаго писателя XI же вѣка, Абу-Са'ида 'Абд уль-Хайя б. Зогака *Гардизи*, подъ заглавіемъ «Украшеніе извѣстій», имѣется свидѣтельство о томъ, что Семирѣчье издавна занято было турецкими племенами, и что на торговомъ пути изъ Западной Азіи въ Китай черезъ Семирѣчье существовало ибсколько

1) В. Васильевскій, *Op. cit.*, т. I, СПб., 1908, стр. 42 и 98.

Дизабулъ во время своего похода противъ персовъ, и гдѣ онъ отпустилъ домой Зимарха. Это былъ торговый пунктъ на рѣкѣ Чуй. И вотъ въ Чуйской долинѣ обитало нѣсколько турецкихъ поколѣній около крупныхъ селеній турковъ, какъ городъ *Яръ* и *Барсханъ*. Любопытно, что глава или владѣтель каждаго изъ поколѣній, обитавшихъ въ этихъ мѣстностяхъ, носилъ особый титулъ — *кутеминъ*, *тексинъ* и, наконецъ, владѣтель Барсхана носилъ титулъ *манакъ*. Барсханскій *манакъ*, по словамъ одного персидскаго географа X в., происходилъ изъ карлуковъ, но впоследствии жители перешли на сторону токуз огузовъ. Какъ центръ торговыхъ сношеній между восточнымъ и западнымъ Туркестаномъ, городъ имѣлъ важное значеніе ¹⁾. Вотъ невольно возникаетъ такое соображеніе, что во главѣ посольства къ персамъ и былъ командированъ Дизабуломъ *манакъ*, т. е. правитель нѣкоторыхъ турецкихъ пограничныхъ областей, бывшихъ во владѣніи главнаго хагана Дизабула, имѣвшій своею резиденціею г. Барсханъ, какъ объ этомъ послы его подробно докладывали византийскому императору Юстиниу на аудіенціи; что народъ ихъ раздѣлялся на *четыре* владѣнія, но владычество надъ всѣми принадлежало одному Дизабулу ²⁾. А позднѣе византийское посольство подъ начальствомъ Валентина мечепосца во время своихъ трудныхъ странствованій добралось до края, гдѣ были военные знамя Турксана, сына Дизабулова, одного изъ князей уже *восьми* турецкихъ племенъ съ единоподержцемъ Арсялю во главѣ, а братъ его Гардъ тоже княжилъ въ мѣстахъ на рѣкѣ Эктелѣ, или Идялѣ, какъ встарину называлась у грековъ и арабовъ р. Волга ³⁾.

Изъ соображенія всѣхъ вышеприведенныхъ частныхъ и выводить, что авторъ отчета о путешествіи Зимарха называлъ посла Дизабулова *маніакомъ*, но только не по имени его, а *по званію* пограничнаго областного правителя, а можетъ быть даже въ смыслѣ родового владѣтеля; а когда онъ повѣствуетъ объ отправленіи Дизабуломъ вторичнаго посольства въ Византію, онъ обозначаетъ титулъ его уже соотвѣтственнымъ византийскимъ терминомъ *таматархъ* — *ταμатарχης*, каковымъ оказался теперь не прежній *манакъ*, такъ и оставшійся неизвѣстнымъ намъ по имени, а уже сынъ его, и притомъ

1) В. В. Бартольдъ, Очеркъ исторіи Семирѣчья, отд. оттискъ изъ Нам. Книж. Сем. Обл. на 1898 г. Вѣрный. Стр. 15—17, и его же: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью. СПБ, 1897, гдѣ находится и подлинный текстъ персидскаго географа Гардизи (стр. 90) и переводъ В. В. Бартольда (стр. 194).

2) Менаандръ, стр. 374.

3) Op. cit., 418 и 422.

еще какъ непосредственный преемникъ своего отца въ званіи пограничнаго удѣльнаго правителя, хотя тоже никакъ не названный по имени. Самому ли Зямарху или составителю отчета о его посланничествѣ, какъ очевидцамъ, можетъ быть это было ясно и понятно, а сдѣлавшій лишь экстрактъ изъ этого отчета Менадръ, уже имѣя въ виду одинъ турецкій титулъ *манакъ* и, не распознавъ чисто византійскаго титула *ταγματάρχης*, грамматически неправильно раздѣливъ его на двѣ части, сдѣлалъ изъ первой его половины — *τάγμα* — никогда не существовавшее турецкое собственное имя, а изъ второго — *άρχης* — выкроилъ будто бы тоже турецкій титулъ *тархъанъ*, и вышло то, какъ если бы теперь кто-нибудь изъ титула «генераль-губернаторъ» сдѣлалъ собственное имя «Генераль» и титулъ «губернаторъ». Благодаря такой путаницѣ, вмѣсто двухъ лицъ — отца и сына, преемственныхъ пограничныхъ правителей владѣній Дизабуловыхъ, у Менаандра получилось три человекъ, изъ которыхъ одинъ, молодой юноша, оказался, за смертью своего отца, какимъ-то непонятнымъ придаткомъ ко второму человекъ, названному небывалымъ именемъ «Тагма», послу Дизабула, тогда какъ онъ-то самъ и былъ этимъ *тагматархомъ*, т. е. областнымъ правителемъ, и въ то же время посломъ, подобно своему отцу, который до самой своей смерти также былъ областнымъ правителемъ, и въ этомъ званіи дважды предводительствовалъ посольствомъ, отправлявшимся въ сосѣднія съ управляемою имъ областью чужія страны — въ Персію и Византію, пока, наконецъ, эти его полномочія, съ его смертью, не перешли какъ бы по наслѣдству къ его сыну, и, конечно, не безъ соизволенія на то главнаго хагана Дизабула, который, по словамъ того же Менаандра, цѣнилъ его приверженность къ себѣ и прочія его заслуги, ибо слѣдовалъ его совѣтамъ въ вопросахъ объ отношеніяхъ къ сосѣднимъ народамъ и государствамъ.

Въ оправданіе этой своей гипотезы, на которой построены всѣ дальнѣйшія соображенія и заключенія, не безъ основанія можно опереться на тотъ фактъ, что путаница ивородческихъ именъ и званій у грековъ не составляетъ исключительной особенности одного Менаандра, этого литературнаго компилятора-любителя: она имѣется и у такихъ, напримѣръ, заправскихъ византійскихъ историковъ, какъ Прокопій Кесарійскій, почти современникъ Менаандра. Вотъ какія у него встрѣчаемъ очень цѣнныя для насъ, мѣста въ его «Исторіи войны персидской». Въ одномъ мѣстѣ читаемъ: *Στρατηγός δὲ εἰς ἀπασιν ἐφεῖσθηκε, Πέρσης ἀνὴρ, Μιρράνης μὲν το ἀξίωμα (οὕτω γὰρ τὴν ἀρχὴν καλοῦσι*

Πέρσαι), Περόζης δὲ ὄνομα ¹⁾. С. Дестунисъ переводить такъ: «Всѣ они состояли подъ начальствомъ одного Перса, по имени Пероза, достоинствомъ миррана — такъ Персы называютъ этого начальника». А Г. С. Дестунисъ къ нему присовокупляетъ слѣдующій комментарий: «Въ словѣ «мирранъ», вѣроятно, заключается то качество главнокомандующаго, которое выражено словами: στρατηγός δὲ εἰς ἅπασιν ἐφειστήκει. Въ В. Р. I, р. 66 В. этого лица Прокопій болѣе не называетъ Перозомъ, а только — мирраномъ — ταῦτα ἐπεὶ Μιρράνης ἀπενεχθέντα τὰ γράμματα εἶδεν, ἀμειβεται ὡδε = «Мирранъ, прочитавъ письмо, отвѣчалъ такъ» ²⁾. Несмотря на то, что онъ объяснилъ *μιρράνης* какъ названіе чина, онъ изъ 13 разъ пишетъ его 9 разъ безъ члена въ такихъ случаяхъ, гдѣ при именахъ нарицательныхъ ставится членъ; онъ поступаетъ тутъ такъ же, какъ относительно именъ собственныхъ, и только 2 раза прилагаетъ онъ членъ. Сверхъ того есть 2 случая безъ члена такіе, гдѣ члена не можетъ быть, наприм., какъ здѣсь *Μιρράνης μὲν τὸ ἀξίωμα* (р. 62 В.) и въ обращеніи *ὦ βέλτιστε Μερράνη* (р. 67 В.). Въ 14-й разъ тамъ, гдѣ говорится о другомъ мирранѣ, употреблено это слово, по объясненію самого же Прокопія, какъ имя личное: *Πέρσης ἀνὴρ, Μιρράνης ὄνομα, ὅσπερ τοῦ ἐν Πέτρᾳ φυλακτικίου ἦρξεν* = Praesidio Petrae Praefectus, Mirhanes nomine natione Persa ³⁾. Положимъ, объ этомъ второмъ мирранѣ Прокопій могъ слышать, что таково имя одного Перса, а о первомъ, что таково званіе одного Перса. (курсивъ нашъ). Но какимъ образомъ объяснить колебанія автора относительно перваго лица — не знаю. Лагардъ, приводя наше мѣсто изъ Прокопія, т. с. I 62, 6, 7, прибавляетъ: «in armenischen Historikern findet sich *Mihvan* oft, aber meines Wissens stets als Eigennamen (Lagarde, Gesammelte Abhandlungen). . . Итакъ по Прокопію «мирранъ» званіе, а «Перозъ» — имя собственное. Мы знаемъ однако, что и «перозъ» прежде было прозвищемъ. См. пр. I къ гл. 3. *Любопытная смѣла, завыряемая фактами, а не одними догадками* (курсивъ нашъ) ⁴⁾. А въ примѣчаніи I къ гл. 3, гдѣ Дестунисъ объясняетъ имя Περόζης и Περόζης въ текстахъ греческихъ историковъ, онъ говоритъ: «Итакъ, *πίρσοις* значить, по Аммиану, *bellorum victor*. Лагардъ имѣлъ въ виду

1) Procopius, De bello Persico. p. 62.

2) Ibidem. p. 66.

3) Procopius, Op. cit. p. 239, 15.

4) Дестунисъ, Op. cit., стр. 160—161.

вособенности пограничныхъ съ иноплеменниками, и главнымъ образомъ съ турецкими ордынцами, сопровождались перениманіемъ ими другъ отъ друга формъ военно-административной организаціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ влекли за собой взаимообмѣнъ частною номенклатурою этой организаціи: турки многое перенимали по этой части отъ византійцевъ; византійцы, въ свою очередь, усваивали себѣ, если не въ жизни, то въ литературѣ, отъ турковъ иногда свои же собственные термины, но настолько иногда уже искаженные, что, не подозрѣвая въ нихъ этого искаженія, рассматривали и принимались комментировать ихъ какъ совсѣмъ чужіе неологизмы. Это любопытное явленіе замѣчено и отмѣчено и византологами, на авторитетъ которыхъ въ этомъ случаѣ мы считаемъ себя въ правѣ сослаться ¹⁾. Это косвенно подтверждается постоянно встрѣчающимися у византійскихъ писателей добавочными оговорками въ видѣ словъ *λεγόμενοι* или *καλούμενοι* ²⁾ и т. п., которыя указываютъ на то, что авторы поневолѣ стали прибѣгать къ нимъ вслѣдствіе неувѣренности въ подлинномъ существованіи и точномъ значеніи тѣхъ или другихъ терминовъ, которыхъ эти добавочныя оговорки касались.

Съ другой стороны, не мною только, а и другими учеными замѣченъ тотъ фактъ, что турки, въ частности турки-сельджуки, переживавшіеся потомъ въ турковъ-османлы, издавна входившіе въ соприкосновеніе съ византійцами, очень многое заимствовали у послѣднихъ готоваго по части организаціи внутренняго государственнаго быта, такъ какъ сами они, будучи кочевниками, ничего подобнаго у себя не имѣли. Еще извѣстный и замѣчательный учепый конца XVI и начала XVII вѣка Леупклавій по одному случаю весьма категорически отзывался о туркахъ османскихъ, что ими многое заимствовано «отъ грековъ и римлянъ, которымъ они старались подражать во всемъ какъ обезьяны» ³⁾. То же самое утверждаютъ о нихъ и позднѣйшіе изслѣдователи юридическаго и государственнаго строя Турецкой имперіи, какъ, напримѣръ, Фальмерайеръ и М. Миллеръ. Послѣдній вособенности такъ настоятельно отзывался по этому поводу: «Schon

1) В. Г. Васильевскій, Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства въ Журн. М-ва Нар. Просв. за 1880 г., т. 210, отд. 2, стр. 372, 373, 382; О. И. Успенскій, «Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи» въ Журн. М-ва Народи. Просв., т. 226, стр. 65.

2) Constant. Porphyrogen., III, 17; Chalcocondilas, 441,8 и др.

3) См. цитаты въ моемъ соч. «Мнимый Турецкій Султанъ», именуемый у европейскихъ писателей XVI в. Calerpinus Syriscelebes». СПб. 1907, стр. 24.

früher hat man irgendwo bemerkt, dass nicht bloss einige Praktiken der türkischen Staatsverwaltung byzantinisches Gepräge tragen; das ganze Gezimmer der osmanischen Monarchie, die Eintheilung der Provinzen, die Hierarchie des öffentlichen Dienstes, die obersten Justiztribunale im Ost und West vom Hellespont, in Europa und Anatolien, Name der Aemter, Form der Polizei — und Municipal-Verwaltung, Lug, Trug und öffentlicher Diebstahl der Obrigkeiten, Erbarmungslosigkeit und permanente Verschwörung der kaiserlichen Fiscus gegen Gut und Eigenthum der Unterthanen sind bis auf diese Stunde — nur mit türkischer Benennung — byzantinisch geblieben»¹⁾.

Для иллюстраціи высказаннаго положенія сдѣлаемъ нѣсколько отступленій, долженствующихъ процедуретически освѣтить тотъ путь, какимъ совершилось превращеніе первоначальнаго *таматарха* въ *Таматарху* и въ *Тмутаракань* именно въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходила такая взаимная амальгамизація византийско-турецкой терминологіи.

Оставляя пока въ сторонѣ имѣющіяся у насъ наблюденія по этому вопросу, долженствующія стать предметомъ особаго изслѣдованія, ограничимся на этотъ разъ лишь нѣсколькими образцами. Такъ, на примѣръ, у Льва Діакона встрѣчается выраженіе «καὶ τραπεζίτας ἐπιλέγεσθαι γενναίους καὶ ἀνδρείους, οὗς οἱ Ἀρμένιοι τασιναρίους καλοῦσι» = «и выбрали скороходовъ (для пограничной стражи), здоровенныхъ и мужественныхъ, которыхъ армяне называютъ *тасинаріями*»²⁾. Здѣсь греческій хроикеръ, знакомый, вѣроятно, лишь понаслышкѣ, съ армянскимъ терминомъ, но не имѣвшій яснаго представленія о его значеніи, внесъ его въ свою хронику цѣликомъ безъ всякихъ комментаріевъ и даже, очевидно, не подозрѣвалъ, что онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ армянскихъ словъ *тасин* (*տասին*) = десять и *айр* (*այր*) = «мужъ», или *арй* (*արի*) «мужественный». Если для извѣстной цѣли, охраны приграничныхъ путей, отбирали ходоконъ, то навѣрное въ опредѣленномъ числѣ, каковымъ въ данномъ случаѣ и является число десять, а въ греческомъ обиходѣ этотъ *десятокъ* отборныхъ по силѣ людей обратился въ синскдохическое обозначеніе просто *ходоконъ*. Последнее предположеніе подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что у того же Льва Діакона въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «τοὺς τραπεζίτας ἀποστέλλειν

1) Abhandlungen d. philosoph.-philolog. Classe d. K. Akademie d. Wissenschaften. 4 Band. In der Reihe d. Denkschriften der XXI Band. München 1847. §§ 32, Anm. 1.

2) Leo Diaconus, De velitatione bellica Nicephori Phocae. p. 189.

ἤτοι τὰ τατινάκια» = «послалъ ходоковъ или тасинакисовъ»¹⁾. Этотъ вариантъ, если не принять его за искаженіе предыдущаго, уже просто совпадаетъ съ армянскимъ же, производнымъ отъ числительнаго имени тасын = «десять», другимъ словомъ таснак (տասնակ), что значитъ «десятокъ». Иля же, какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, могло быть схвачено армянское же интацин (հնդայի) съ тѣмъ же эпитетомъ ари = «славный», а то и безъ этого эпитета.

Какъ бы то ни было, но для насъ важенъ тотъ фактъ, что византійцы наблюдали нѣкоторые факты жизни иноплеменныхъ народовъ и вводили обозначенія ихъ въ свои произведенія въ видѣ терминовъ на языкахъ тѣхъ народовъ, не давая себѣ труда уяснить ихъ точный смыслъ и значеніе, или забывая и теряя его.

Но они не всегда держались такого приѣма: у иныхъ мы замѣчаемъ уже попытку видоизмѣненія иноязычныхъ терминовъ въ собственномъ греческомъ духѣ. Такъ Константинъ Багрянородный сперва называетъ турецкихъ вождей чисто по-гречески πάντες οἱ ἄρχοντες τῶν Τούρκων = «все начальники турковъ»²⁾, а потомъ Σαρακηνῶν ἡγούμενοι, οἱ φύλαρχοι ἐπικαλοῦνται = «сарацнские предводители, которые называются *филархали*»³⁾, т. е. употребляя чисто турецкое наименованіе главарей племенъ *бийляръ* въ гречифицированномъ переименованіи, дающемъ возможность усматривать въ немъ сочетаніе греческихъ словъ φυλή = племя, народъ и ἄρχων = начальникъ⁴⁾.

Это бы все еще ничего; а то еще у тѣхъ же византійцевъ встрѣчаются административные термины, вошедшіе въ официальное употребленіе, которые не мало даютъ труда ученымъ своею загадочностью въ распознаваніи ихъ кореннаго значенія и происхожденія, какъ это засвидѣтельствовалъ одинъ изъ проницательныхъ нашихъ византологовъ, В. Г. Васильевскій, который однажды откровенно призналъ безнадѣжность собственныхъ усилій въ этомъ направленіи, заявивъ: «мы предоставляемъ угадывать аналогіи проницательности читателей»⁵⁾.

На этомъ пути мы уже встрѣчаемъ совершенное усвоеніе византійскою административною номенклатурою чужезычныхъ терминовъ съ такимъ ихъ преобразованиемъ на свой греческій ладъ, что въ нихъ

1) Ibid., p. 196.

2) Constant. Porphyrogen., III, p. 74.

3) Ibid., p. 314.

4) Thesaurus, VIII, p. 1115.

5) Въ Журн. Мин. Нар. Просв., т. 210, стр. 365, прим. 1.

не такъ легко сразу распознать ихъ чуждое происхожденіе. Такими на мой взглядъ представляются два названія податей—*ἀρεῖχόν* и *ὄρειχῆ*. В. Г. Васильевскій, самъ признавшій свои догадки лишь за «самую слабую попытку къ разъясненію ужасающей (sic!) номенклатуры разныхъ повинностей и сборовъ, встрѣчаемыхъ въ греческихъ актахъ и грамотахъ»¹⁾, въ то же время, не задумываясь, по вопросу о значеніи вышеприведенныхъ названій, высказался въ такомъ рѣшительномъ духѣ, что, молъ, «мы положительно можемъ утверждать, что такъ называемое *ἀρεῖχόν* и *ὄηρ* есть не что другое, какъ та же *поголовная подать* подъ другимъ названіемъ»²⁾; или еще: «Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ славянскія выраженія объясняются греческими и наоборотъ... Во всѣхъ (приведенныхъ у него) этихъ мѣстахъ *ὄρειχῆ*, горнина, является въ числѣ четырехъ статей наряду съ *ἐννόμιον*, пастбищнымъ, хотя обѣ подати совершенно однородны, такъ какъ *горнина* означаетъ поборъ со скота, пасущагося въ горахъ, а *ἐννόμιον* поборъ со скота, пасущагося на поляхъ и лугахъ»³⁾. Тутъ съ одной стороны совершенная однородность, а съ другой различительный плеоназмъ—что-то сомнительны, потому что черезчуръ изысканны.

Почтенный ученый дѣлаетъ натянутый выводъ, что всѣ эти термины будто бы должны быть понимаемы въ смыслѣ поголовной подати. Къ этому выводу его завлекло между прочимъ присутствіе въ вышеупомянутомъ актѣ еще одного, тоже навидь нѣсколько загадочнаго, термина *χαρέσιον*, въ которомъ онъ вполне правдоподобно усматриваетъ видоизмѣненное турецкое *хараджъ* — *خراج*, очень давнее, усвоенное и всѣми турками арабское наименованіе поголовной подати⁴⁾.

Это послѣднее обстоятельство, т. е. нахожденіе несомнѣнно турецкаго термина въ ряду другихъ доподлинно греческихъ, даетъ намъ основаніе искать объясненія терминовъ *ἀρεῖχόν* и *ὄρειχῆ* вовсе не въ греческомъ языкѣ, а въ языкѣ того народа, отъ котораго византійцы заимствовали и *χαρέσιον* = *χαράτζιον* = *χάραγμα*, т. е. въ языкѣ турецкомъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ перечнѣ поземельныхъ податей и повинностей, миѣ кажется, будетъ позволительнымъ усматривать въ обоихъ наименованіяхъ греческое производное отъ турецкаго *арыкъ*—*آریق* =

1) Журн. М. Н. Пр., т. 210, стр. 372.

2) Ibid., стр. 371.

3) Ibid., стр. 373.

4) Ibid., стр. 371.

«каналъ для проведенія воды, ровъ»¹⁾), что будетъ значить «арычнос», «арычма», потому что при градусозиданіи естественно необходимо было и копаніе рововъ, земля которыхъ обращалась на возведеніе валовъ, оградъ. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что турки самыхъ различныхъ отраслей искони были мастерами этого дѣла, такъ что даже позднѣйшее казачье-днѣпровское городище и то носило татарское названіе «Сичь» = окопъ; да и *курень*, почти того же значенія, также татарское слово. На этомъ основаніи слѣдуетъ оба слова *ἀρύχον* и *ἀρύχη* признать лишь вариантами грецификаціи одного и того же турецкаго слова *арыкъ*. Что же касается до славянскаго *юрнина*, то его надлежитъ считать лишь послѣдующимъ переводомъ съ греческаго, наподобіе того, какъ арабско-татарское *хараджъ* буквально переведено было въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ словомъ *выходъ*. Славянская имитация никакъ не можетъ служить доказательствомъ подлинности греческаго происхожденія его прототипа, бывшаго лишь искаженіемъ турецкаго оригинала, не болѣе.

Взамѣнъ такихъ заимствованій отъ турковъ византіяцами податныхъ папменованій, пополнявшихъ фискальную изобрѣтательность византійскаго чиновничества, отъ поборовъ котораго «стономъ стонало христіанское населеніе азіатскихъ, послѣ и европейскихъ частей имперіи и потому сравнительно легко примирялось съ владычествомъ турокъ-сельджуковъ и турокъ-османовъ»²⁾, и византіяцы подѣлились съ турками нѣкоторыми продуктами своей административной изобрѣтательности, оставившими слѣды свои уже въ языкѣ турецкомъ, которые доселѣ также представлялись загадочными въ своемъ ливгвистическомъ происхожденіи. Какъ на образчики такого словообмѣна, въ видѣ косвенныхъ подтвержденій возможности, и даже несомнѣнности греческаго происхожденія имени *Тмутаракань*, этого главнаго предмета нашего настоящаго изслѣдованія, я укажу здѣсь пока только два турецкихъ термина — *тимаръ* (تیمار) и *зіамэтъ* (زعامت), которые заслуживаютъ наибольшаго вниманія. *Тимаръ* (تیمار) = земельная вотчина, или земельный участокъ, приносящій владѣльцу его менѣ двадцати тысячъ піастровъ дѣхода, и *зіамэтъ* (زعامت) = вотчина, приносящая 20.000 піастровъ и болѣе.

Въ большинствѣ османскихъ лексиконовъ, даже не исключая са-

1) Pavet de Courteille, Dictionnaire Turk-Oriental. Paris, 1870, p. 16—17.

2) В. Г. Васильевскій, Op. cit., стр. 382.

маго лучшаго изъ нихъ, лексикона Редгауза, это слово ставилось въ связь съ созвучнымъ персидскимъ словомъ *тимаръ* — تیمار = «болѣзнь и уходъ за больнымъ», откуда образовалось донинѣ употребительное у турковъ слово *тимаръ-ханѣ* — تیمار خانة = «больница, вчастности больница для умалишенныхъ», какъ значитса тоже въ прекрасномъ лексиконѣ Бьянки, который какимъ-то чутьемъ уразумѣлъ, что эти два омонима не имѣютъ ничего общаго между собою въ ихъ первоначальномъ происхожденіи и значеніи, и поставилъ ихъ каждый особо съ условнымъ обозначеніемъ, что одно изъ нихъ персидское, а другое, дескать, турецкое, но безъ всякихъ собственныхъ этимологическихъ или иныхъ какихъ соображеній или комментариевъ. И нельзя было съ нимъ не согласиться, хотя очевидно было и есть, что въ словѣ *тимаръ* = «вотчина» нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ чисто турецкаго его образованія. Такъ откуда же взялся этотъ терминъ, ставшій предметомъ весьма распространенной встарину турецкой административной регламентаціи? Да, иссомнѣнно, опъ явился вмѣстѣ съ возникновеніемъ того бытового явленія въ стрѣѣ зарождавшагося Османскаго государства, которое обозначалось этимъ терминномъ. Оно цѣликомъ нерешито турками отъ византійцевъ и есть не что иное какъ столь замѣтное въ византійскихъ хроникахъ *τοῦρμαρχία*, совершенно тождественное съ турецкимъ *тимаръ*. Это уже было дѣло вкуса турецкаго народа, который даже наименованіе цѣлаго своего государства заимствовало отъ имени своего, даже еще не самаго перваго, предводителя Османа. Какъ аналогичное явленіе въ области подобныхъ народныхъ словообразованій я позволю себѣ привести здѣсь тотъ фактъ у прибалтійскихъ эстонцевъ-лютеранъ, что они на вопросъ, на какомъ факультетѣ Юрьевскаго университета чей-нибудь сынъ ихъ обучается, вмѣсто того, чтобы сказать, что на богословскомъ факультетѣ, отвѣчаютъ однимъ словомъ: «Пасторъ»! А такъ какъ тимары, перелицованные византійскіе турмархи, и были главными орудіями разрушенія Византійской имперіи въ рукахъ отважныхъ турецкихъ главарей въ родѣ Эртогруля и потомъ Османа, то естественно, что византійскіе турмархи вскорѣ исчезли подъ натискомъ турецкой орды въ Малой Азіи, а съ ними исчезло и самое именованіе бывшихъ охранителей областей Византійской имперіи, и на

1) Leo Diacorus, *Tactic.* c. 13, § 3: κατὰ δροῦγγους καὶ κατὰ τοῦρμας. *Thesaurus* VII, 2328.

смѣну его даже у самихъ византійскихъ писателей стали какъ-то робко появляться *σι λεγόμενοι τουρμάρχοι* = «глаголемые, такъ называемые, турмархи»¹⁾, а потомъ даже прямо въ переродившемся на турецкій ладъ видѣ *τιμαράτοι χαλούμενοι* заурядъ, съ старо-византійскими *ὑπαρχαὶ καὶ ἄρχοντες καὶ στρατηγοί*²⁾.

Не меньшая очевидность этой словесной узурпаціи со стороны турковъ, наблюдается и на другомъ изъ двухъ названныхъ терминовъ, на терминѣ *зіамэтъ*, образованіе котораго тоже представляетъ любопытную аналогическую параллель, косвенно подкрѣпляющую наши соображенія касательно перваго термина — *ταγματάρχης*.

Термину *зіамэтъ* — *زعامة*-, какъ назывались крупныя вотчины, годовые доходы съ которыхъ опредѣлялись суммою 20.000 піастровъ и болѣе, хотя и придано въ турецкихъ письменныхъ памятникахъ и лексиконахъ арабское обличіе въ начертаніи его съ помощью архиабской буквы *'айнъ* (ع), но мы тщетно бы стали искать корня его въ языкѣ арабскомъ, несмотря на то что нѣкоторые турецкіе книжники выкраиваютъ изъ него даже причастно-прилагательную будто-бы арабскую же форму *заимъ* (زاعم) — для обозначенія владѣтеля *зіамэты*, крупнои вотчины, которая жаловалась старинными турецкими султанами изъ завоеванныхъ земель своимъ сподвижникамъ съ обязательствомъ для нихъ являться по первому требованію султана въ военную ставку его и приводить съ собою вооруженныхъ всадниковъ въ количествѣ изъ расчета по одному всаднику на каждыя три тысячи піастровъ годового дохода съ вотчины. Это послѣднее обстоятельство съ несомнѣнностью указываетъ на то, что терминъ *зіамэтъ* собирательно-множественнаго значенія, подъ которымъ надо разумѣть цѣлую совокупность нѣсколькихъ болѣе мелкихъ земельныхъ участковъ, меньшей доходности, которые, какъ мы видѣли выше, назывались пмиемъ *тимаръ*. А звуковой составъ слова *зіамэтъ* обнаруживаетъ явную аналогію со многими греческими словами, и по формѣ и по значенію своему имѣвшими официальное поменклатурное примѣненіе у византійцевъ, каковы, напр., *στρέμματα* = «гонны» или «погоны», названіе единицы мѣры участка пахатной земли³⁾, *δημοσιακά ζητήματα* = «казенныя взысканія», «повинности»⁴⁾ *τελέσματα* = «казенная по-

1) Const. Porphyrog. III, 17.

2) Chalcocondylas, p. 441.

3) Распальевскій, въ Журн. М. Н. Пр., 1880 г., т. 210, стр. 131, 135 и др.

4) Ibid., стр. 140.

дать»¹⁾, οικήματα = «жилыя помещенія»²⁾, и даже, наконецъ, κλήματα = издавна общеизвѣстное у византийскихъ писателей названіе между прочимъ Таврическаго полуострова³⁾). Появленіе звука з въ началѣ слова *зіамэтз* очень легко объясняется тѣмъ, что въ турецкомъ языкѣ нѣтъ звука *β* въ коренныхъ словахъ, а зубной выговоръ греческой *θ* также всего ближе соприкасается съ зубнымъ звукомъ з. Тождество же окончанія турецкаго слова *зіамэтз* съ окончаніемъ вышеприведенныхъ греческихъ терминовъ на «ματα» ясно до осязательности. Мало того: самое совпаденіе въ одномъ изъ наипотребительнѣйшихъ обозначеній мѣры земельныхъ участковъ въ греческой податной номенклатурѣ съ турецкою расцѣпкою *зіаматовъ* въ *двадцать* хотя бы тысячь піастровъ дохода съ нихъ тоже мнѣ представляется не случайнымъ. Всѣ эти признаки заставляютъ искать корня этого турецкаго слова *зіамэтз* также въ языкѣ греческомъ. Въ этихъ поискахъ приходится невольно остановиться на греческомъ терминѣ *θέμα*⁴⁾, какъ назывались у византийцевъ крупные округа, на которые дѣлились владѣнія Византийской имперіи, и о которыхъ имѣется цѣлѣйшій спеціальнѣйшій трактатъ у Константина Багрянороднаго⁵⁾). У него даже встрѣчается вариантъ этого термина, еще болѣе, пожалуй, близкій по звукамъ къ турецкому *зіамэтз*, а именно τὰ ἔξω θέματα = «provinciae ab urbe regia remotae»⁶⁾.

Этотъ терминъ, въ видѣ ли только *θέμα* или же въ видѣ *ἔξω θέματα*, прежде чѣмъ окончательно упрочился въ турецкомъ обиходѣ и лексиконѣ, такъ же, какъ и терминъ *τουρμάρχης*, забытъ былъ самими византийцами, такъ что уже византийскій писатель Дука счелъ пужнымъ выступить на защиту его эллинскаго происхожденія слѣдующимъ заявленіемъ: αὐτὸ γὰρ τὸ ὄνομα τοῦ θέματος ἐλληνικὸν ἐστὶ καὶ οὐ Ῥωμαϊκὸν ἀπὸ τῆς θέσεως ὀνομαζόμενον⁷⁾. «Nomen thematis ipsum graecum est, non Romanum (id est latinum), quod a thesi (id est positione) deducitur». «In themata illa distributum erat Romanum imperium, quod ἐπαρχίας etiam aliquando divisum fuit; aliquando in praefecturas praetorio. Appelantur autem themata orientalia, ut idem Constantinus

1) Ibid., стр. 143.

2) Ibid., стр. 157 и 168.

3) Васильевскій, въ Журн. М. II. Пр., т. 185, стр. 419.

4) Anna Comnena, II, p. 240—243.

5) Const. Porphyrog., III, 17 и др.

6) Ibidem, p. 803.

7) Ducas, p. 135, 21.

docet», добавляетъ уже отъ себя европейскій комментаторъ хроники Дуки¹⁾.

Приведенные примѣры турцификаціи греческихъ реченій взяты нами изъ языка турковъ-османовъ и ограничили въ своемъ употребленіи область владѣній этой турецкой отрасли; теперь спрашивается, какъ же они могутъ служить аргументами для доказательства греческаго происхожденія имени *Тмутаракань*, возникшаго и обращавшагося въ предѣлахъ, значительно удаленныхъ отъ этой области? Есть ли какія-нибудь данныя, которыя бы свидѣтельствовали о томъ, что словообмѣнный процессъ совершался съ какою-либо непрерывностью на такомъ значительномъ протяженіи отъ конечныхъ границъ владѣній сформировавшагося и территориально оплотившаго османскаго государства, до противоположнаго черноморскаго побережья, пресѣкающагося Керченскимъ проливомъ?

На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, что турки османскіе стали османскими только съ начала XIV вѣка, самое большее съ конца XIII вѣка. До той же эпохи это была одна изъ многочисленныхъ кочевыхъ ордъ турецкаго племени, шатавшихся изъ мѣста въ мѣсто на вышеуказанномъ пространствѣ и извѣстныхъ исторіи болѣе всего подъ общимъ именемъ сельджуковъ. Но оптовое обозначеніе, даваемое исторіею разнымъ отраслямъ ихъ не мѣшало имъ носить еще и частныя наименованія, и иногда очень своеобразно проявлять болѣе или менѣе одинаковыя свойства ихъ племенного характера и быта на разныхъ ступеняхъ своего переходящаго государственнаго строя въ разные эпохи ихъ историческаго существованія, на разныхъ точкахъ ихъ болѣе или менѣе продолжительнаго территориальнаго пребыванія. Напримѣръ, кумысь еще въ историческомъ турецкомъ памятникѣ XIV вѣка, въ исторіи Ибнъ-Биби упоминается какъ почетный напитокъ на пиршествахъ и официальныхъ сборищахъ у сельджукскихъ эмировъ Анатоліи; напивались кумыса, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, и половцы; а теперь кумысь только и въ употребленіи что у турковъ-степняковъ Средней Азіи — киргизовъ, башкиръ и т. п.: даже наши татары нынѣ выдѣлываютъ его больше для лечебнаго отпаиванія чахоточныхъ русскихъ, чѣмъ для собственнаго употребленія; османы же, прямая отрасль сельджукская, совсѣмъ никакого понятія о немъ не имѣютъ. Греческое *αὐλή* = «дворъ» у турковъ осман-

1) Ibid.

скихъ сохранилось только въ лексиконахъ въ нѣсколько измѣнишемъ видѣ *хаулы* (حولي) рядомъ съ первоначальнымъ *авлы* (آولی и آول) = «дворъ, сѣни, вестибюль», но самое широкое жизненное распространение оно получало у нашихъ татаръ и другихъ турецкихъ племенъ, большею частью называющихъ деревню именемъ *аулъ*. Наконецъ также несомнѣнно греческій терминъ *архонтъ* = «глава, волостель¹⁾» (ἄρχων), близкій по корню къ — αρχης, не оставилъ своихъ слѣдовъ въ турецкой османской практикѣ и даже въ лексиконѣ, но зато доселѣ въ большомъ ходу у тѣхъ же татаръ и прочихъ турецкихъ племенъ, далеко отстоящихъ отъ прежней Византіи и нынѣшней Турціи, въ видоизмѣненной формѣ *ахунъ*, а иногда еще *ахундъ*, также въ значеніи главы духовной общины, иначе попросту называсяго муллою.

Какъ перебрасывались черезъ такія разстоянія отъ однихъ турковъ къ другимъ византийскія наименованія, это трудно прослѣдить по какимъ-либо опредѣленнымъ и доподлинно извѣстнымъ историч. стадіямъ, но нѣкоторые слѣды такой передачи чрезъ посредствующіе этапы небезызвѣстны намъ, и притомъ не безъ отношенія къ изслѣдуемому нами имени *Тмутаракань*. Такимъ передаточнымъ звеномъ между Византією и мѣстностью, получившею у грековъ названіе *Γαμάταρχα*, а у русскихъ *Тмутаракань*, служила турецкая отрасль, извѣстная въ исторіи подъ именемъ хазаръ, игравшихъ одно время очень видную роль на довольно обширномъ территоріальномъ пространствѣ, начиная отъ границъ Персіи до Крыма включительно. И вотъ въ ряду многихъ эпизодовъ столкновенія хазарскихъ хагановъ съ арабами арабскій историкъ Табарі упоминаетъ одинъ такой эпизодъ битвы арабскаго полководца Мервана съ хазарами, случившейся въ 113 — 114 (= 731—732 г.), въ слѣдующемъ видѣ: «У хакана (хазарскаго, засѣвшяго въ Дербендѣ) былъ пеглеванъ (богатырь, болванъ), котораго звали *Гезаръ-Тарханъ*. Онъ съ сорока тысячами человекъ пришелъ, чтобы сразиться съ Мерваномъ... Сразились. Гезаръ-Тархана укокошили; войско его расколотило»²⁾. Профессоръ Каземъ-Бекъ, издавшій турецкій текстъ извлеченій изъ произведсній восточныхъ историковъ, и преимущественно изъ персидской версіи Табарі, при-

1) О. И. Успенскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, т. 225, стр. 66, 69.

2) *Derbend-Nameli*, publ. by Kazem-Beg. St.-Petersburg 1851, p. 190. Extr. V. *Хакатанкь бер пегелованъи вар айди Адینه هزار тархан дилрери قرق بيك حاشيله مروانله اوغراشمغه كلدی... اوغراشدیلر هزار طارحانی دیلدیلر چرسنی قردیلر.*

надлежащей Бел'ями, подъ заглавіемъ «Derbend-Nâmeh»¹⁾, съ англійскимъ переводомъ и примѣчаніями, также останавливаются свое вниманіе на нѣсколько странною сложномъ имени хазарскаго пеглевана *Nezar-Tarkhan* и главнымъ образомъ на второй изъ составныхъ частей этого имени.

Довольно голословно и опираясь только на одного позднѣйшаго крымскаго историка Мухаммеда Ризу, Казембекъ смѣло заявляетъ: «*Tarkhan* is a Tartar or rather a Mongol word, common to both languages at present»²⁾, и въ заключеніе присовокупляетъ: «We sometimes find proper names compound of this and some other word but always with the word *Tarkhan* at the end»³⁾, хотя не приводитъ ни одного примѣра подобнаго сочетанія какихъ-либо собственныхъ именъ съ прибавкою слова *тарханъ*. Въ данномъ же случаѣ, когда дѣло идетъ о фактахъ VIII столѣтія по Р. Х., не могло быть и рѣчи о какомъ-то татарскомъ, а тѣмъ менѣе монгольскомъ титулѣ или имени «*тарханъ*»: здѣсь несомнѣнно надо обратиться къ тому же источнику, откуда произошло имя *Тмутараканъ*, т. е. къ источнику греческому. Комбинація *Гезаръ-Тарханъ*, очевидно, получилась чрезъ соединеніе греческаго — ἀρχὴς съ персидскимъ *hezar* = «тысяча» при участіи византийскаго же термина γυλιάρχος = «тысячначальникъ», бывшаго въ житейскомъ обращеніи рядомъ съ ταρχατάρχης и множествомъ другихъ всевозможныхъ *арховъ*⁴⁾. Въ этомъ пѣтъ ничего удивительнаго, если принять въ соображеніе, что хазаре въ тѣ времена находились въ непрерывномъ общеніи съ византійцами съ одной стороны и персами съ другой стороны, и взаимное пользованіе ходичими тогда терминами у нихъ было весьма естественнымъ явленіемъ. Въ официальныхъ переговорахъ византійцевъ съ персами, говоритъ Менадръ, всегда участвовали «переводчики обѣихъ сторонъ и переводили взаимныя рѣчи посланниковъ и были истолкователями ихъ мыслей»⁵⁾. Договорныя грамоты писались на греческомъ и на персидскомъ языкахъ: «Послѣ многихъ споровъ», читаемъ мы у Менадра, «написанъ былъ договоръ о пятидесятилѣтнемъ мирѣ на персидскомъ и эллинскомъ языкахъ; эллинскій договоръ переведенъ на персидскій языкъ, а персидскій на эллинскій...

1) Op. cit., p. VII.

2) Derbend-Nâmeh, p. 190.

3) Ibid., 191.

4) См. примѣры выше, стр. 31.

5) Op. cit., стр. 334.

взаимныя условія по написаніи ихъ сличены были между собою, дабы слова и мысли имѣли одинаковый смыслъ»¹⁾... «Когда все это было принято и приведено въ порядокъ, приставленные къ сему дѣлу внесли грамоты въ двѣ книги и рассмотрѣли со вниманіемъ мысли, сравнивая въ точности слова и силу каждаго слова...; притомъ двѣнадцать переводчиковъ, шесть римлянъ и столько же персовъ, выдали взаимно другъ другу мирный договоръ; писанный по-персидски выданъ Зихомъ Петру, а Петръ выдалъ Зиху писанный по-эллински»²⁾. Далѣе въ исторіяхъ повѣствуется, что однажды со стороны арабовъ былъ отправленъ нѣкій Ездекъ, происходившій изъ персидской царской фамиліи, главный воинъ, который *зналъ хазарскій языкъ*, въ хазарскій станъ со шпіонскимъ порученіемъ извѣстить осажденный Дербентъ о скоромъ прибытіи на выручку сильнаго арабскаго отряда, что ему и удалось при помощи знанія хазарскаго языка³⁾. Другой подобный лазутчикъ, переодѣтый въ хазарскую одежду, пробрался въ ставку хазарскаго военачальника, чтобы убить его⁴⁾. Эти факты свидѣтельствуютъ о томъ срединномъ положеніи турковъ-хазаръ, которое они занимали между византійцами и персами, въ постоянныхъ, большею частью враждебныхъ, столкновеніяхъ съ тѣми и другими.

Но что при этомъ имя хазарскаго пеглевана *Гезаръ Тарханъ* не было личное имя, а было лишь добавочное характеристическое прозвище, это явствуетъ изъ того, что у тѣхъ же историковъ встрѣчается еще и другое аналогичное прозвище *Гезаръ-Мардъ* (= «Тысяча человекъ»), которое послалъ какой-то пеглеванъ царя Хосрау II, посланный имъ во главѣ 800 каторжниковъ, и котораго настоящее имя было Вагризъ, вслѣдствіе чего Нюльдеке въ своемъ изложеніи исторіи Табаря передаетъ арабскій текстъ, касающійся этого эпизода, такъ: «Chosrau gab diesen (800) zu Führer einen seiner Ritter Namens Wahriz, welchen er selbst 1000 Rittern gleichzählte»⁵⁾; а въ другомъ мѣстѣ еще такъ: «Der Kaiser (Mauricius) seinen Bruder Theodosius mit 60.000 Soldaten sandte, an ihrer Spitze einen mann Namens Sergius.. und noch einen

1) Ibid., 341—342.

2) Ibid., 341.

3) Derbend-Nāmeb, p. 178, rem. 57. Chronique de Tabari, trad. par Zotenberg, Nogent-le-Rotrou 1874, T. IV, p. 278.

4) Ibid., p. 279.

5) Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber, aus d. Arab. Chronik des Tabari übersetzt. Leyden 1879, S. 230.

Mann, dessen Kraft der von 1000 Männe n gleich kam»¹⁾, сопровождающая свой переводъ такимъ примѣчаніемъ: «Häzarnard ist als der bestimmte Name für einen tapferu Helden, vielleicht ein vom König verliehener Titel—ein Mann, der 1000 Männern gleich kam und ähnliche Umschreibungen des «Tausendmannes» bei Andern»²⁾.

То, что очевидно изъ приведенныхъ примѣровъ для прозвища *Гезаръ-Мардъ*, можно смѣло примѣнить и къ мнимому имени хазарскаго пеглевана *Гезаръ-Тарханъ*, т. е. что это также было не личное имя, а лишь прозвище, подъ которымъ онъ слылъ въ хазарскомъ народѣ, а затѣмъ и у сосѣднихъ персовъ, которые, можетъ быть, даже сами первые придали его ему, употребивъ для этого свое персидское *гезаръ* = «тысяча» и ходячее слово *тарханъ*, только не турецкое, а вылившееся изъ византійскаго *χλιάρχης*, посредствомъ перевода первой половины его персидскимъ *гезаръ* и обличовки второй половины его изъ другихъ греческихъ производныхъ, какъ *τοπάρχης*, *θεματάρχης*, и т. п.

Здѣсь мы невольно сталкиваемся съ фактомъ одновременнаго возникновенія, рядомъ съ именемъ *Тмутараканъ*, и весьма извѣстнаго и въ нашей русской исторіи и литературѣ титуломъ *тарханъ*, на одной и той же почвѣ, гдѣ издавна стояли бокъ-о-бокъ съ византійскими греческими народности турецкаго корня, и главнымъ образомъ хазарс. Этотъ титулъ, будучи греческаго корня, съ теченіемъ времени отатарился, встрѣтившись, вособенности въ эпоху Тамерлана, съ настоящимъ турецкимъ словомъ *Тарханъ*, служившимъ собственнымъ именемъ одного изъ многочисленныхъ турецкихъ племенъ Средней Азіи. Отлагая до особаго по этому вопросу спеціальнаго изслѣдованія болѣе подробныя и обстоятельныя доказательства, въ настоящій разъ ограничусь указаніемъ на тотъ замѣчательный фактъ, что слово *тарханъ*, какъ оно воспроизведено въ Дербендъ-Намѣ, т. е. нъ турецкомъ изводѣ историческихъ повѣствованій какъ арабскаго писателя Табарі такъ и персидскаго Белями, въ подлинныхъ текстахъ этихъ авторовъ писалось, а слѣдовательно и произносилось не *тарханъ*, а *тархонъ*—*طرحون*³⁾, что и было первою стадіею турецкой передѣлки греческаго *αρχης* съ его альтернативомъ *αρχος*, или *αρχων*, во вторую

1) Ibid., 284.

2) Ibid., Bem. 21.

3) At-Tabari, Annales. Ed. H. G. de Coeje. Lugd. Bat. 1883—1885, 2 Series, T II, p. 1146, 1147, 1152, 1153, 1156, 1158—1160, 1162, 1204, 1205, 1229, 1230, 1242, 1249. Chronique de Tabari, trad. par Zotenberg, IV, 279, 289.

стадію — *тархінъ*, окончательно усвоенную турками и навсегда упрочившуюся въ ихъ письменности официальной и исторической и въ этомъ своемъ видѣ перешедшую въ позднѣйшую письменность арабскую, персидскую и даже, наконецъ, въ русскую.

Теперь, въ заключеніе, сводя всѣ вышеприведенныя лингвистическія данныя съ фактами византийской исторіи, можно установить такую послѣдовательность въ процессѣ возникновенія составляющаго главный предметъ нашего изслѣдованія имени *Тмутаракань*, т. е. въ процессѣ преобразованія греческаго имени дѣйствующаго лица въ географическій терминъ, съ теченіемъ времени превратившійся въ собственное имя какого-то невѣдомаго города, который давно ученые все ищутъ и доискаться не могутъ.

Когда окраины византийскихъ владѣній простирались до нынѣшней Кубанской области, управленіе ими ввѣрено было пограничному военачальнику, титуловавшемуся *тагматархомъ*, отчего и самая подначальная ему мѣстность могла въ обыденномъ языкѣ именоваться *тагматархією*, подобіе того какъ и у насъ, по преемству отъ той же Византіи ¹⁾, образовался административно-географическій терминъ, существующій донынѣ въ практикѣ, *эпархія*, или даже *спархія*. Именемъ *тагматархія*, легко и въ греческомъ первообразѣ звучащимъ просто *тагматарха* — *ταγμάταρχα* — обозначалась преимущественно резиденція тагматарха, каковую составлялъ *χάστρον* ²⁾, т. е. укрѣпленный пунктъ, вокругъ котораго имѣли свое, болѣею частью непрочное, недолговѣчное пребываніе подвластные ему насельники, главнымъ образомъ прихлынувшіе изъ степей Азіи турецкіе кочевники съ своими кибитками, арбами и табунами.

Эти послѣдніе, понуждаемые необходимостью постоянного отысканія подножнаго корма для своего скота, должны были непрерывно расплзаться по доступной имъ во всѣ стороны территоріи со своими табунами, пока они не добирались до какой-нибудь естественной преграды ихъ дальнѣйшему передвиженію, въ родѣ какой-нибудь большой рѣки. Въ южныхъ предѣлахъ нашей теперешней Россіи такими естественными для прежнихъ степняковъ преградами были рѣки Волга, Донъ, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ и Дунай. Въ эпоху прихлы-

1) Constant. Porphyg., t. III, 390—397

2) Ibid., t. III, p. 181: Ταγμάταρχα λεγόμενον χάστρον ἐστίν. — О. Н. Успенскій въ Журн. М. Нар. Пр., 1883 г., т. 225, стр. 85. Бурачковъ въ Жур. М. Н. Пр., т. 192, стр. 249.

путія турецкихъ ордъ разныхъ отраслей—хазарской, половецкой и др., къ кавказской окраинѣ Византійской имперіи такою рѣкою, составляющею въ продолженіе нѣкотораго времени пограничную черту между ними, была рѣка *Куръ*, которая и прежде всегда такъ называлась и доселѣ у мѣстныхъ жителей называется, судя по частымъ упоминаніямъ о ней у византійскихъ, армянскихъ и другихъ лѣтописцевъ, и только въ нашихъ географіяхъ стала называться Курою. Вотъ что мы читаемъ у Менадра: «Римскіе военачальники опять вступили въ Алванію, заставили савировъ и алвановъ переселиться по сю сторону рѣки *Кира* и впредь оставаться въ римской странѣ» ¹⁾. Это произошло послѣ того какъ персы раньше римскихъ полководцевъ вторглись въ Персидскую Арменію, и савиры, пользуясь случаемъ, свергли господство римлянъ, положившихся на взятыхъ у этихъ народовъ заложниковъ ²⁾. Что же этотъ фактъ даетъ намъ въ изслѣдуемомъ нами вопросѣ? А то, что тѣснямая со всѣхъ сторонъ нахлынувшими варварскими ордями, Византійская имперія ступила на путь прирученія передовыхъ варварскихъ племенъ, вполнѣю приближавшихся къ ея границамъ, путемъ задабриванія ихъ регулярными денежными и нными подачками и даже колонизаціею ихъ на своихъ собственныхъ приграничныхъ земляхъ съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ льготъ ³⁾. Такъ было дѣло съ аварами, относительно которыхъ императоръ Юстиніанъ наказывалъ своему полководцу въ Ларикѣ: «Полезно будетъ тебѣ принять аваровъ въ союзники и приобрѣсть въ нихъ отличныхъ защитниковъ; но они только въ такомъ случаѣ будутъ въ дружескихъ связяхъ съ Римскою державою, если будутъ получать отъ тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно, и *будутъ поселены тобою на плодородной землѣ*» ⁴⁾. Точно той же политики держались византійцы, водворяя многочисленныя толпы славянскихъ поселенцевъ въ Вионію, надѣясь получить въ славянской общинѣ твердый оплотъ отъ напора турковъ ⁵⁾. Можно съ увѣренностью припятъ, что этотъ же колонизаторскій пріемъ имѣлъ свое примѣненіе и въ вышеуказанномъ, упоминаемомъ у Менадра, случаѣ перемѣщенія римскими полководцами племенъ савировъ и алвановъ за рѣку Куръ на свою сторону, получившую у переселен-

1) Менадръ, въ перев. Дестуниса, стр. 411—412.

2) Ibid, 411.

3) Constant. Porphyrog., De gentibus, оглавл. къ гл. 42, и др. Такъ цитов. у Спидина, стр. 123.

4) Менадръ, въ перев. Дегуниса, стр. 322. О. И. Успенскій, Loc. cit., 338.

5) Ibid.

цовъ специальное обозначеніе *Тагматархін*, или, короче, *Таматархи*, т. е. стороны, находившейся подъ властью пограничнаго военачальника тагматарха, въ отличіе отъ земель по ту сторону той же рѣки, выпавшей изъ-подъ этой власти вслѣдствіе захвата ея надвигавшимися турецкими ордами. Такая порубежная черта, какъ рѣка Куръ, была въ глазахъ людей того времени весьма надежною естественною преградой отъ нашествія непріятелей; тотъ же пограничный полководецъ Юстиніана, по словамъ Менандра, «заботился объ охраненіи на рѣкѣ переправы»¹⁾. Вотъ тутъ-же, т. е. по сию сторону рѣки Куръ, византийскимъ тагматархомъ непремѣнно долженъ былъ быть сооруженъ какой-нибудь острогъ, служившій укрѣпленною резиденціею пограничнаго областного правителя, носившій то же, что и его обитатель, названіе *Тагматархи*, превратившейся въ русскомъ отзвучіи въ *Тмутаракань*. И такія-же Тагматархъ-Тмутараканей въ указанныхъ земляхъ, прилегавшихъ къ р. Куру, могло быть даже нѣсколько, по мѣрѣ того какъ усиливался натискъ турецкихъ ордынцевъ, передъ которыми вынуждена была мало-по-малу отодвигаться территориальная граница византийскаго владычества, вплоть до новой водной преграды, образуемой такъ называемымъ Босфоромъ Коммерійскимъ, или, понынѣшнему, Керченскимъ проливомъ. На существованіе такихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ укрѣпленій указываетъ приведенная у того же Менандра осьмая статья мирнаго договора между византийцами и персами, въ которой говорится: «Ни въ которомъ государствѣ впредь не дѣлать *укрѣпленій*, т. е. не обводить стѣною какого-либо мѣста на границахъ, и тѣмъ не подавать повода къ безпокойству, отъ чего миръ могъ бы быть нарушенъ»²⁾.

Въ то время, когда отвага нашихъ русскихъ князей Ростислава и потомъ Мстислава заводила ихъ въ жаждѣ богатырскихъ набѣговъ на окраинную инородчину въ такія отдаленныя отъ коренной русской земли мѣстности, какъ Таманская Тмутаракань, надо полагать, что эта послѣдняя сплошь до самаго пролива была покрыта пришельцами турецкаго племеннаго происхожденія до хазаръ и половцевъ включительно. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ прежнихъ изслѣдователей Тмутаракани всѣхъ ближе подходилъ къ истинѣ не кто другой какъ М. П. Погодинъ: поставленные имъ по этому предмету вопросы:

1) *Loco cit.*, 327.

2) Менандръ, стр. 343—344.

«Какимъ образомъ Ростиславъ могъ овладѣть ею? Почему испугались Греки такого сосѣдства? Какъ объясняются безпрерывныя отношенія Мстислава и Ростислава къ Ясамъ, Косогамъ и Половцамъ? Отчего пропало имя ея послѣ усиленія Половцевъ?» такъ и не получили должныхъ отвѣтовъ у всѣхъ послѣдующихъ ученыхъ, устремлявшихъ всѣ свои усилія лишь на отысканіе того мѣста, гдѣ находилась Тмутаракань, будь то городъ или даже цѣлое княжество. Попытаемся мы отвѣтить на эти вопросы съ нашей точки зрѣнія, и для этого примемъ во вниманіе такія соображенія.

Вопервыхъ слишкомъ большое придается значеніе наименованію Тмутаракани въ нашихъ лѣтописяхъ городомъ. Откуда наши лѣтописцы могли имѣть объ этомъ точное и опредѣленное понятіе? Конечно, они писали это наобумъ, по наслышкѣ. Самый слухъ, даже не преданіе, а тѣмъ паче не историческій фактъ, что еще Владиміръ Святой посадилъ въ 988 году Мстислава княземъ въ Тмутаракани, былъ не болѣе какъ слухъ, судя по тому оптовому перечню городовъ, по которымъ посадилъ онъ 12 сыновъ своихъ¹⁾, и еще по той тоже огульной прибавкѣ лѣтописца, лишенной всякаго фактическаго значенія, вслѣдъ за означеннымъ перечнемъ, что, молъ, «Рече Володимерь: «Се не добро, еже мало городовъ около Кіева. И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежсви»²⁾. Какъ это, подумаешь, было просто: показалось Владиміру мало городовъ, и онъ давай ставить ихъ. Оно, можетъ быть, и похоже на правду, но на правду, такъ сказать, типическую, а не строго фактическую: захотѣлъ и ставилъ вообще города; но таковыя же были и города, что лѣтописецъ не сохранилъ даже имени ни одного изъ нихъ, какъ онъ нѣсколько строкъ ниже называетъ «градъ Бѣлгородъ», который «Володимерь заложилъ... и нарубилъ въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людей сведе въ онъ: бѣ бо любя градъ съ»³⁾. Эти наскоро ставившіеся тогдашними князьями города, ставки были, можно съ увѣренностью полагать, не болѣе какъ сторожевыми острогами отъ безпрестанныхъ набѣговъ печенѣговъ⁴⁾. Въ такомъ же родѣ нѣкоторое время могла быть и Тмутаракань въ далекой непріятельской

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. третье Археогр. Ком. СПб. 1897, стр. 108.

2) Лѣтопись, стр. 119.

3) Ibidem.

4) Ibidem и еще стр. 240, 379, 488.

сторонѣ, въ родѣ тѣхъ половецкихъ ставокъ, про которыя также наша лѣтопись говоритъ огульно, безъ поименованія ихъ: «Они (половцы), възвратишася со многымъ полономъ в вежѣ»¹⁾. Всѣ остальные лѣтописныя упоминанія о Тмутаракани, какъ напр. въ разсказѣ о единоборствѣ Мстислава съ Редедюю²⁾, о водвореніи въ Тмутаракани Глѣба отцомъ его Святославомъ, объ изгнаніи оттуда Глѣба Ростиславомъ и объ отравленіи послѣдняго греческимъ котопаномъ³⁾, о бѣгствѣ туда Олега зачѣмъ-то съ битвы и Бориса изъ Чернигова къ какому-то Роману⁴⁾, котораго убили половцы, о водвореніи тамъ Всеволодомъ посадника Ратибора, котораго прогнали Давыдъ Игоревичъ съ Володаремъ Ростиславичемъ и сами тамъ засѣли, пока туда не явился Олегъ изъ Грекъ, забралъ ихъ и самъ засѣлъ тамъ⁵⁾, а потомъ чрезъ нѣсколько времени явился съ половцами у Чернигова⁶⁾— всѣ эти какія-то разбросанныя, отрывочныя не то легенды, не то просто слухи, совершенно ничего не говорятъ за то, чтобы существовалъ непременно какой-то городъ Тмуторокань, не извѣстно кѣмъ созданный и неизвѣстно даже кому принадлежавшій: тамъ упоминаются и хазаре, и печенѣги, и половцы, и касоги, и, наконецъ, русскіе: всѣ куда-то туда, въ Тмуторокань, убѣгаютъ, пробудуть тамъ короткое время и снова оттуда возвращаются на Русь, и все это на протяжении очень незначительнаго времени; точно въ какомъ-то калейдоскопѣ мелькаютъ передъ вами всѣ эти князья съ ихъ дружинами; всѣ эти иноплеменники, съ которыми они то дерутся, то мирятся и дружатъ, и даже заодно съ ними совершаютъ набѣги на свое русское отечество. Могло ли все это происходить въ какомъ-то, въ чьемъ-то опредѣленномъ городѣ? Могло ли все это происходить, скажемъ, даже въ какомъ-то и чьемъ-то княжествѣ, если бы дѣйствительно существовалъ на самомъ дѣлѣ такой городъ или существовало чье-то такое княжество? Вѣдь во всѣхъ лѣтописныхъ упоминаніяхъ о Тмутаракани она кажется какою-то безхозной мѣстностью, чѣмъ-то въ родѣ *res nullius*, по которой топчутся или проходятъ всѣ кто хочетъ, безъ всякой съ чьей-либо стороны помѣхи и сопротивленія. А это станетъ понятнымъ, если мы согласимся съ тѣмъ положеніемъ, что Тмутаракани не было ни города, ни княжества,

1) Ibid., стр. 379.

2) Ibid., 143.

3) Ibid., 160—162.

4) Ibid., 193.

5) Ibid., 195, 198.

6) Ibid., 218.

а что подъ этимъ наименованіемъ слыла въ тѣ отдаленныя времена вообще вся мѣстность, которая наводнялась искони и на протяженіи долгаго времени бродячими выходцами изъ Азіи, и преимущественно турецкими кочевниками, имѣвшими свои племенные наименованія. И какъ только пришелъ конецъ такому шатанію тамъ назадъ и впередъ этихъ племенъ, такъ пронадастъ куда-то п Тмутаракань, утратившая значеніе такого безхозійнаго проходнаго этапа для азіатскихъ выходцевъ.

А что лѣтописцы наши воображали себѣ Тмутаракань не то городомъ, не то княжествомъ, такъ это имъ извинительно было воображать при такой громаднот отдаленности этой мѣстности отъ Руси, ядромъ которой почитался тогда городъ Кіевъ. Что же дивиться географическому невѣденію лѣтописцевъ, касавшихся, и то мимоходомъ, случайно, какой-то Тмутаракани, когда сравнительно въ болѣе позднюю эпоху въ тѣхъ же лѣтописяхъ читаемъ такіа выраженія: «Въ томъ же (1116) лѣтѣ Ярополкъ ходи на Половчскую землю, къ *трицъ зовомый Донъ*» ¹⁾, показывающія, что даже ближайшія географическія имена, какъ р. Донъ, и то казались тогда не столь общеизвѣстными, такъ что къ нимъ требовалось прибавлять эпитетъ *зовомый*.

Гораздо важнѣе и даже несравненно цѣннѣе въ занимающемъ насъ вопросѣ лѣтописныхъ отрывочныхъ показаній о Тмутаракани упоминанія о ней въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, въ особенности три изъ нихъ, изъ коихъ два немалую задали задачу для догадокъ и дошлости многихъ ученыхъ. Къ нимъ же слѣдуетъ отнести еще одно упоминаніе, хотя только косвеннымъ образомъ касающееся Тмутаракани и также ставшее предметомъ мудреныхъ толкованій.

Если брать по порядку, то первое упоминаніе находится въ томъ мѣстѣ *Слова*, гдѣ говорится: «Дявь кличетъ врѣху древа, велить послушати земли *незнаемъ*: Влзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуно, и тебѣ, *Тмutorоканскій* блъванъ». Особенно много написано объ этомъ болванѣ; и какихъ - только догадокъ не сдѣлано о немъ, до самой павной догадки г. Струкова, усмотрѣвшаго этого удивительнаго болвана въ одной скалѣ Крымскаго побережья близъ Керчи и даже сфотографировавшаго привидѣвшагося ему въ этой скалѣ окаменѣлаго великана ²⁾.

1) Лѣтопись, стр. 276.

2) Мнѣ это извѣстно изъ личныхъ бесѣдъ съ г. Струковымъ, подарившимъ мнѣ свой фотографическій снимокъ съ мвимаго «Тмутараканскаго болвана»; но это же мвѣніе о болванѣ высказано во «Всемирной Иллюстраціи» 1885, № 872, стр. 240. Статья

Менѣ всѣхъ подходитъ къ истинѣ толкованіе слова *болванъ* въ смыслѣ *волны* Сепковского, за нимъ Иловайскаго — въ смыслѣ *пролива* и, наконецъ, двухъ ориенталистовъ П. М. Меліоранскаго и за нимъ В. В. Радлова, старавшихся вывести *болвана* изъ какого-то орхонскаго слова *балбал*. — «изваяніе или столбъ съ надписью». Я уже давно имѣлъ случай печатно высказать тотъ взглядъ, что подъ *болваномъ* въ *Словѣ о полку Игоревѣ* слѣдуетъ разумѣть лишь незначительно измѣненное персидское *пэлэванъ*, что значитъ «сплать, атлетъ, богатырь», который въ *Словѣ о полку Игоревѣ* специализованъ прибавленіемъ эпитета *Тмутороканскій*. Этотъ эпитетъ даетъ поводъ предполагать, здѣсь какого-нибудь знаменитаго въ свое время поединщика, въ родѣ того, который въ другомъ мѣстѣ «*Слова*» названъ своимъ настоящимъ именемъ, когда въ *Словѣ* говорится, что храбрый Мстиславъ «зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими»¹⁾. Въ тѣ времена битвы начинались всегда предварительнымъ поединкомъ двухъ голіафовъ, по одному изъ каждаго враждебнаго лагеря. Эти единоборцы у турковъ, въ ихъ старинныхъ памятникахъ, также назывались *пэлэванами*. Переходъ же слова *пэлэванъ* въ *болванъ* въ русскомъ заимствованіи настолько простъ и очевиденъ, что, мнѣ кажется, не стоило г. Меліоранскому употреблять столько фонетическихъ ухищреній, чтобы доказать тождественность слова *болванъ* съ орхонскимъ словомъ *балбал*²⁾, а О. Е. Коршу³⁾ не было особой надобности громоздить такую груду фонетическихъ сопоставленій только для того, чтобы окончательно оровергнуть гипотезу обоихъ орхонологовъ. — Меліоранскаго и Радлова⁴⁾.

Я лично остаюсь при своемъ прежнемъ убѣжденіи, столь доказательно поддержанномъ и О. Е. Коршемъ, которое у меня основывалось, кромѣ лексическаго значенія и происхожденія слова *болванъ*, главнымъ образомъ, на томъ, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ «*Слова о полку Игоревѣ*» имѣлось въ виду *лицо*, а не *мѣстность*, какъ это

никѣмъ не подписана, но, можетъ быть, принадлежала тому же Струкову. Ссылаюсь на цитату Е. Барсова въ его соч. «Слово о полку Игоревѣ» какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Т. III, Москва 1890, стр. 26.

1) В. Д. Смирновъ, Турецкія легенды о Св. Софій и о другихъ византийскихъ древностяхъ. СПб. 1896, стр. 97, примѣчаніе.

2) Меліоранскій, Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» СПб. 1902, стр. 2—10 и его же «Вторая статья» СПб. 1905, стр. 3—16.

3) Коршъ, Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ», I—VIII, СПб. 1904, стр. 1—32, и его же «По поводу второй статьи», СПб. 1906 г., стр. 3—18.

4) Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. St. Petersburg 1895, Ss. 234—235.

показываетъ обращеніе въ звательномъ надежѣ, да еще съ предшествующею добавкою личнаго мѣстоименія *тебѣ* (Тьмутороканскій блъванъ), которое совершенно и отдѣляетъ его отъ предыдущихъ именъ географическихъ — «Влзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсушо», подобно тому какъ и въ другомъ мѣстѣ *Слова* читаемъ: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо. Далече залетѣло. Не было въ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни *тебѣ*, чръный воронъ, *поганый Половчине*». Здѣсь такъ же не названъ своимъ настоящимъ племенемъ нѣкій *поганый половчинъ*, какъ и «Тьмутороканскій *блъванъ*», очевидно, по той простой причинѣ, что для современниковъ составителя *Слова о полку Игоревѣ* ясно было, на кого эту недоумовкою намекалось, можетъ быть на того же Кончака или Гзака, которые упоминаются въ другихъ мѣстахъ поэмы. ¹⁾

Тутъ, въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ *Слова* важибе всего то, что «Тьмутороканскій блъванъ» не сопоставляется съ предшествующими ему географическими мѣстностями, а противопоставляется имъ, какъ это, на мой взглядъ, вытекаетъ изъ предположенія личнаго мѣстоименія *тебѣ* при первомъ имени и пѣз оговорки «земли незнаемъ», предпосланной остальнымъ пяти именамъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что для автора *Слова* всѣ эти мѣста были землею незнаемой; но на этомъ, да еще неоднократно упоминаніи имъ Тмутаракани трудно съ рѣшительностью полагать, какъ это полагалъ одинъ изъ изслѣдователей, г. Малышевскій, что авторъ «Слова» бывалъ и живалъ (даже живалъ!) въ древней Тмуторокани, у азовско-черноморскаго побережья; . . . что «авторъ *Слова* — человекъ бывалый?» ²⁾. Уже покойный и незабвенный мой другъ и товарищъ, талантливый и вдумчивый ученый, профессоръ И. Н. Ждановъ, оспаривая вышеприведенное предположеніе г. Малышевскаго вообще о бывалости автора *Слова*, какъ нѣсколько преувеличенное, тѣмъ не менѣе дѣлякомъ выписываетъ слѣдующее, весьма важное для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній, его разсужденіе безъ всякой съ своей стороны критики, а скорѣе, съ одобрительною предварительною оговоркою. Что касается именно Тмуторокани, то пребываніе въ ней автора *Слова* имѣетъ, по соображеніямъ г. Малышевскаго, *особенную важность*. «Теперь дознано, что византий-

1) Op. citat.

2) И. Н. Ждановъ, «Литература Слова о полку Игоревѣ». Киевъ, 1880, стр. 39.

ская письменность замыкалась въ предметы религіознаго содержанія далеко не настолько, какъ думали прежде; что въ предѣлахъ Византіи существовала довольно широкая свѣтская литература и поэзія, держалась даже народная поэзія въ сказкахъ, пѣсняхъ, похожихъ на наши... У черноморскаго и азовско-черноморскаго побережья греческая окраина сближалась съ русскою. Здѣсь особенно могли сближаться, передаваться, перениматься элементы для такихъ созданій, какъ наше «Слово». Отсюда могъ вынести авторъ его какъ письменные образцы для своего произведенія, такъ и самую наклонность обставяль его образми мифической древности» ¹⁾. Последнее разсужденіе г. Малышевскаго, подкрѣпленное молчаливымъ одобреніемъ И. Н. Жданова, я считаю чрезвычайно цѣннымъ при разсмотрѣніи другого мѣста въ «Словѣ о полку Игоревѣ», а именно: «Всеславъ князь... самъ въ ночь вълкомъ рыскаше, изъ Кіева дорыскаше до Куръ Тмутороканя» т. е. по нашему, до Тмутараканской Куры.

Выраженіе *до Куръ* встрѣтило менѣе разногласія въ пониманіи его значенія, чѣмъ *Тмутараканскій болоанъ*; начиная съ толкованія, впервые даннаго Карамзинымъ, въ смыслѣ *до тьтуховъ*, какъ предвѣстниковъ разсвѣта. Полный перечень всѣхъ толкователей этого мѣста *Слова о полку Игоревѣ* данъ Е. Барсовымъ въ цитованномъ у насъ его изслѣдованіи; куда я могутъ желающіе обращаться за подробными справками ²⁾. Для цѣли настоящаго изысканія я считаю достаточнымъ здѣсь ограничиться лишь указаніемъ на тотъ фактъ, что не всѣ поголовно ученые изслѣдователи раздѣляютъ толкованіе Карамзина: были и такіе, которые не удовлетворялись этимъ толкованіемъ и дѣлали попытки подыскать другое. Вотъ на этихъ-то попыткахъ мы и остановимъ вниманіе.

Общее во всѣхъ этихъ попыткахъ то, что всѣ онѣ клонились къ пониманію выраженія *до Куръ* въ смыслѣ географическомъ. Такъ, Мусиянъ-Пушкинъ перевелъ его: «до Курска-Тмутараканя». Малиновскій повторилъ этотъ переводъ. Шишковъ не соглашался на такое опредѣленное приуроченіе къ Курску ³⁾. Зато другіе ученые старались объяснить выраженіе *до Куръ* въ смыслѣ не опредѣленнаго географическаго собственнаго имени, а въ значеніи жилищаго мѣста, поселенія

1) Loco citato.

2) Барсовъ, Op. cit., стр. 417—419.

3) Ibid., стр. 417.

вообще. Эрдманъ сближалъ его съ арабскимъ словомъ *кура* (قُرَى), множ. ч. отъ единств. *карийстунъ* (قَرْيَة) = *деревня*, или вообще, открытое мѣсто, обитаемое, и переводить все мѣсто *Слова* такъ: «вплоть до Тмутараканскихъ жилищъ»¹⁾. Снегиревъ сближалъ слово *Куръ* съ словомъ *Куремь*, что значить селеніе²⁾; Кораблевъ болѣе рѣшительно высказался: «Ясно, что *Куръ* значить здѣсь «дымъ, курень; жилье»³⁾. Того же мнѣнія держался и Мей, а именно: «Слова подлинника «до Куръ Тмутараканя» возможно перевести «Тмутараканскими Курениями» — выраженіемъ, перешедшимъ къ намъ съ того юга, гдѣ была Тмутаракань»⁴⁾. Вельтманъ сперва думалъ, что надо читать не *до Куръ*, но *до Курь*, т. е. до дворовъ, до жилищъ, и даже еще *до границъ*, а потомъ тоже склонился къ пѣтухамъ⁵⁾. Дубенскій призналъ въ словѣ *куръ* не русское его происхожденіе и сопоставилъ его съ греческими *γῦρα* (*γῦρος*) «округъ», и даже *χέρας*-*Sinus Ceraticus* = «заливъ около гавани Константинопольской», встрѣчающимися у Константина Багрянороднаго⁶⁾; Головищъ сближилъ съ греческимъ же *χῦρος* = «господищъ», допустивъ версію «Господищъ Тмутаракань», на манеръ того какъ говорилось встарину «Господищъ Великій Новгородъ», заподозривъ въ первомъ изданіи *Слова* ошибочность начертанія *Куръ*, происшедшую оттого, что греческое *υ* = *ο* было прочтено какъ *ου* = *ου*⁷⁾. Наконецъ, Буслаевъ остался въ недоумѣніи, «означаетъ ли здѣсь *куръ* пѣтуха, или же служить выраженіемъ греческаго *χῦρος*»⁸⁾, а Погодинъ не остановился твердо ни на какомъ толкованіи, ограничившись простымъ повтореніемъ разнообразныхъ чужихъ мнѣній⁹⁾.

Такое разногласіе въ пониманіи слова *Куръ* и вособенности нерѣшительность такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ Погодинъ и Буслаевъ, позволяетъ думать, что вопросъ о значеніи этого слова еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, чтобы не оставалось уже болѣе мѣста для дальнѣйшихъ изысканій и соображеній, къ которымъ мы и обратимся теперь.

1) Эрдманъ, Слѣды азіатизма въ Словѣ о пѣту Игоревѣ, въ Журн. М.-ви Народ. Просв. 1842, № 10, стр. 20—21.

2) Цит. у Барсова, *Op. cit.*, стр. 417.

3) *Ibid.*, стр. 419.

4) *Ibidem.*

5) Цит. у Барсова, *Op. cit.*, 417.

6) *Ibid.*, стр. 417.

7) *Ibidem.*

8) *Ibid.*, 418.

9) *Ibidem.*

Если считать не подлежащимъ теперь сомнѣнію тотъ фактъ, признаваемый нашими выдающимися учеными, какъ Вс. Миллеръ и А. Веселовскій, изъ коихъ первый категорически высказывается, что «авторъ *Слова* не представляется необычнымъ, исключительнымъ явленіемъ: онъ является скорѣе представителемъ литературнаго направления, быть можетъ основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образовъ южно-русской поэтической рѣчи»; а второй пишетъ: «Что авторъ *Слова* былъ человекъ грамотный, воспитавшійся на книжныхъ произведеніяхъ своего времени, это неоспоримо», и что *Византийская литература* знакома была автору *Слова*»¹⁾, то можно считать себя вправѣ принять къ руководству это послѣднее обстоятельство, т. е. знакомство автора *Слова* съ византийскою литературою, откуда имъ и могли быть тѣмъ или инымъ путемъ почерпнуты нѣкоторые термины, и притомъ большею частью термины географическіе. Подъ влияніемъ также не невозможной въ авторѣ *Слова* бывалости и даже непосредственнаго знакомства съ азовско-черноморскимъ побережьемъ²⁾, въ связи съ признаваемымъ за нимъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и художественнымъ вкусомъ и умѣньемъ пользоваться старыми словесами для украшенія своего произведенія³⁾, «черпать мысли, образы, выраженія, сохранившіеся въ запасѣ его памяти»⁴⁾, эти термины могли въ его употребленіи получать такую, нѣсколько, можетъ быть, своеобразную, окраску, которая ничуть не затемняла реального смысла тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти термины вставлены, для современниковъ автора, но явились камнями преткновенія для читателей позднѣйшаго времени до нашего XX вѣка включительно.

Вотъ, принимая все вышеизложенное во вниманіе, и прихожу къ тому заключенію, что слово *Куръ* въ разсматриваемомъ мѣстѣ *Слова о полку Игоревѣ* не означаетъ пѣтуховъ, къ которымъ авторъ будто бы прибѣгъ для измѣренія времени въ быстромъ рысканьи князя Всеслава въ Тмутараканскую даль, а оно есть географическій терминъ, выбранный авторомъ для указанія на огромную дальность разстоянія пространства, перерысканнаго Всеславомъ всего лишь въ одну ночь,

1) Цит. у Жданова, Op. cit., 24.

2) Ibidem, стр. 39.

3) Вс. Миллеръ, у Жданова, стр. 24.

4) А. Веселовскій, у Жданова, ibidem.

такъ что специальное упоминаніе тутъ о пѣтухахъ является какъ будто даже и излишнимъ.

Какой же въ такомъ случаѣ географической терминъ могъ подвернуться тутъ автору *Слово*? Едва ли только такой неопредѣленный, какъ *курети* въ смыслѣ занятой какимъ-нибудь населеніемъ мѣстности, рядомъ тоже съ не вполне опредѣленнымъ, но все же собственнымъ именемъ «Тмутаракань». Я думаю, что этотъ терминъ есть не что иное какъ нынѣшняя рѣка *Кура*, которая у туземцевъ турецкаго корня ископн называлась, какъ и теперь называется, *Куръ*¹⁾ и уже въ тѣ отдаленныя времена играла весьма важную роль въ судьбѣ Кавказскихъ владѣній Византійской имперіи, служа, какъ мы видѣли, пограничною чертою между этими владѣніями и подступавшими къ ней вплотную турецкими ордами, пока онѣ не переступили и этой черты и не дотянулись вплоть до Керченскаго пролива²⁾, послѣ чего сама рѣка *Куръ*, вкупѣ съ территоріею, лежавшею на протяженіи между нею и Керченскимъ проливомъ и слывшюю подъ именемъ Таматархи, а въ русскомъ произношеніи—Тмутаракани, современемъ не потеряла реального значенія опредѣленной границы и пространства чьихъ-либо опредѣленныхъ же владѣній, сдѣлавшись ходячими въ тѣхъ краяхъ и въ сосѣднихъ съ ними областяхъ простыми кличками³⁾ для какихъ-то очень отдаленныхъ отъ русскихъ предѣловъ странъ, но не безызвѣстныхъ Южной Руси по своему прошлому, памятному со временемъ военныхъ набѣговъ, совершавшихся прежними смѣлыми русскими князьями съ своими дружинниками на эти окраины. Вотъ эти кратковременные на-

1) У Эвлиа-челеби, Константиноп. изд., т. II, стр. 302 значится: «Неподалеку къ сѣверу отъ города (Ваку) владеть въ море рѣка *Куръ*—شهرک شمالنه قريب بر—محلده قور نهري دوکيلور».

2) Византійскій писатель Менаандръ, повѣствуя о посольствѣ Валентина въ 576 г. по Р. Х. къ туркамъ, между прочимъ пишетъ, что одинъ изъ турецкихъ князей, по имени Турксанеъ «говорилъ еще много съ Валентиномъ, потомъ отпустилъ его къ дальнѣйшимъ князьямъ турецкимъ. Когда Валентинъ отправился, ... то Турксанеъ погрозилъ, что онъ начесть съ того, что *завоуетъ Воспоръ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вскорѣ отправилъ Вохана съ многочисленнымъ войскомъ турковъ для завоеванія Воспора. Уже Аначей стоялъ съ тѣхъ мѣстахъ съ другою турецкою силою» (Op. cit., стр. 422).

3) У Менаандра рѣка Кура называется *Κύρος ποταμός* (Op. cit., стр. 412) Г. Яновскій, основательно изслѣдовавшій вопросъ о р. Курѣ, говоритъ: «Нынѣшнее названіе этой рѣки татарское. Армяне называютъ ее *Кюросъ*, по словамъ Амiana Марцеллина, а память персидскаго царя Кира Старшаго. Татары могли переименовать Кюросъ въ *Куръ*. Греческіе в римскіе писатели измѣняли названіе Кура различно: Страбонъ писалъ *Карусъ*, Плиніи—*Кирусъ*, Плутархъ—*Кирнусъ*, другіе *Киртусъ*, *Киднусъ* и пр.» (Яновскій, О древней Кавказской Албави, въ Журн. М. Нар. Пр. 1846 г., часть LII, отд. III, стр. 111).

бѣги-то и породили потомъ легенду о существованіи не только какого-то города, но даже цѣлаго княжества, будто бы основаннаго тамъ русскими послѣ побывки тамъ Святослава еще въ 968 году¹⁾, такъ что Владиміръ Святой будто бы могъ прямо посадить тамъ княземъ своего сына Мстислава въ 988 году²⁾. Ну, а что же тамъ, въ этомъ мнимомъ княжествѣ, было или происходило за этотъ долгій двадцатилѣтній періодъ времени? Между тѣмъ только спустя еще болѣе долгій промежутокъ, черезъ цѣлыхъ 34 года, лѣтопись вспомнила, что Мстиславъ все сидитъ въ Тмутаракани; что онъ ходилъ оттуда походомъ на касоговъ, зарѣзалъ въ поединкѣ Редедю и обложилъ касоговъ данью³⁾. М. П. Погодинъ, слишкомъ уже довѣряя фактической точности лѣтописнаго повѣствованія объ отважномъ, богатырскомъ подвигѣ Мстислава и основываясь на лѣтописномъ выраженіи «Мстиславу сущу Тмутаракани», вторить ему самъ, говоря, что «Мстиславъ изъ Тмутаракани... ходилъ... въ 1022 г. на касоговъ въ Сѣверной части Кавказа»⁴⁾. Въ такомъ случаѣ, если уже черезчуръ полагаться на точность лѣтописи, слѣдуетъ принять какъ фактъ и ту очень милую легенду, по все-таки легенду, что Мстиславъ, начавъ изнемогать въ борьбѣ съ Редедю, далъ такой обѣтъ: «О, пречистая Богородице, помози ми: аще бо одолѣю сему, съзижду церковь во имя твое!» А вслѣдъ за этимъ прибавляется, въ видѣ уже позднѣйшей будто бы сиравки: «И пришедъ Тмутараканю, заложилъ церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмутараканя»⁵⁾. Спрашивается: до какого *до сего дне*, когда это сказано въ лѣтописи подъ тѣмъ же 1022 годомъ? Этимъ какъ нельзя болѣе выдаетъ себя легендарность лѣтописнаго разсказа о дѣлахъ, давно минувшихъ даже и для того, кто вносилъ его въ лѣтописную хартію свою въ гораздо позднѣйшее время, на основаніи однихъ лишь темныхъ преданій.

Дѣло было, надо полагать, гораздо проще. Въ свое время и Святославъ въ числѣ многихъ другихъ своихъ походовъ совершилъ и походъ въ землю, лежавшую по ту сторону Босфора, т. е. Керченскаго пролива, завоевалъ, пограбилъ тамъ и ушелъ въ другія мѣста, ожидавшія къ себѣ его появленія, не основывая никакого ни города, ни княжества въ

¹⁾ Погодинъ, Исслѣдованіи, т. III, стр. 144.

²⁾ Лѣтопись по Лаврент. списку. СПб. 1897, стр. 118.

³⁾ Ibid., стр. 143.

⁴⁾ Погодинъ, Исслѣдованія, III, 145.

⁵⁾ Лѣтопись, стр. 143.

Тмутаракани. Распределение же, будто бы продланное Владиміромъ Святымъ разныхъ городовъ между двѣнадцати своими сыновьями, имѣетъ такой неопредѣленный, шаблонный характеръ, что ни капли не внушаетъ признанія этого распределенія соотвѣтствовавшимъ дѣйствительности, потому что вельдѣ за этимъ Владиміру приписывается такое, тоже скоропалительное, разсужденіе и дѣйствіе: «И рече Володимерь: «Се не добро, еже мало городовъ около Кіева». И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшѣ отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вягичъ, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одоляя имъ»¹⁾. Это значитъ, что тогдашніе князья ни минуты не имѣли отдыха, безпрестанно совершая походы то въ ту, то въ другую сосѣдную вражескую область, а постановка городовъ въ такомъ количествѣ, какъ указано въ лѣтописи, означаетъ не болѣе, какъ сооруженіе сторожевыхъ остроговъ, отъ печенѣговъ и прочихъ вороговъ, съ которыми они непрерывно воевали²⁾. То же самое, очевидно, происходило и въ Тмутаракани, куда отъ времени до времени вторгались наши русскія лихія дружины вовсе не для основанія тамъ новыхъ городовъ или княжествъ, для прочнаго существованія которыхъ не было никакихъ благопріятствующихъ условій, а для простаго грабежа и погромовъ. При такомъ положеніи вещей становится совершенно понятнымъ отмѣченное подь 1034 годомъ, т. е. спустя тридцать шесть лѣтъ послѣ назначенія Мстислава отцомъ своимъ въ Тмутаракань и спустя 10 лѣтъ послѣ его единоборства съ Редедю, внезапное появленіе его въ Кіевѣ. «Въ лѣто 6532. Ярославу сущу Новѣгородѣ, приде Мстиславъ ис Тмutorоканя Кіеву, и не прияша его Кыяне; онъ же шедъ сѣде Черниговѣ»³⁾. Какъ и почему случился этотъ запоздалый выходъ Мстислава изъ Тмутаракани, и какъ и почему онъ такъ просто взялъ да и засѣлъ въ Черниговѣ, и что же тогда случилось съ Тмутараканью, этого никакъ не разобратъ изъ такихъ лаконическихъ замѣтокъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Точно такую же неожиданностью отличается и внезапное потомъ, спустя сорокъ лѣтъ, бѣгство Ростислава изъ Тмутаракань въ 1064 году⁴⁾ и появленіе Святослана, посадившаго тамъ своего сына Глѣба, котораго

1) Лѣтопись, стр. 118—119.

2) Ibidem, 120.

3) Ibidem, стр. 143—144.

4) Ibidem, стр. 159.

Ростиславъ выгнавъ и сбѣлъ на его мѣсто¹⁾). А что все это означало? То, что, по словамъ лѣтописи, «Ростиславу сущю Тмуторокани п емлющую дань у касогъ и *у иныхъ странъ*, сего же убоявшеся Грьди»²⁾, т. е. что вся суть заключалась для этого лихого, красиваго, доблестнаго, ратнаго и отважнаго рыцаря³⁾ въ томъ, чтобы обирать въ Тмутараканской сторонѣ всякихъ тамъ касоговъ и жителей *иныхъ странъ*, покамѣсть греческій катанавъ не прибѣгъ къ хитрости и не отравилъ его⁴⁾).

И послѣдующія отрывочныя, съ большими хронологическими промѣжутками, лѣтописныя упоминанія о Тмутаракани не даютъ ни малѣйшаго основанія къ предположенію существованія не только княжества, а даже и чего-то въ родѣ города въ столь отдаленной отъ коренной Руси окраинѣ, чтобы они могли тамъ по долгимъ срокамъ прочно и невозбранно существовать, въ сосѣдствѣ многочисленныхъ всякаго рода иноплемениковъ. А потому всеу отыскиваютъ наши ученые тамъ Тмутаракань, да еще иногда съ такою наивною увѣренностью въ цѣлесообразности своихъ поисковъ, какую проявилъ покойный Ф. К. Брунъ, поставившій даже наособицу такой вопросъ: «Не безынтересно было бы узнать, гдѣ покоится прахъ послѣдняго князя Тмутараканскаго?»⁵⁾. Его нисколько не смущало то множество и вариантовъ самаго имени загадочной Тмутаракани, и такое же множество географическихъ пунктовъ, къ которымъ эти варианты пытались приурочить измученные въ своихъ поискахъ послѣдователи, и которые имъ же самимъ всѣ тщательно собраны въ одномъ изъ его многочисленныхъ этюдовъ, образующихъ цѣлый его сборникъ «Черноморье»⁶⁾. Эти варианты суть: *Ταμάταρχα* у Константина Багрянороднаго⁷⁾, *Ματάρχα*, какъ сокращеніе предыдущаго (наподобіе того какъ *σαράντα* сокращ. изъ *τεσσαράκοντα*)⁸⁾, *τὰ Μέτραχα* въ древнемъ спискѣ греческихъ епископствъ⁹⁾; *Matrega* на итальянскихъ картахъ XIV сто-

1) Ibid., 160.

2) Ibid., стр. 161—162.

3) Ibidem, стр. 162.

4) Ibidem.

5) Брунъ, Черноморье, II, стр. 328.

6) Черноморье, I, стр. 199, II, стр. 130.

7) Op. Cit., III, стр. 181, 268.

8) Λεξικόν της Ελληνικής γλώσσης, υπό Σχαρλάτου Α. Βυζαντιου. Εν Αθηναις 1862, стр. 1408.

9) Черноморье, II, стр. 130.

лѣтія¹⁾, Матраха у арабскаго географа Идриси²⁾, и даже Тамирака въ одной изъ древнѣйшихъ приписокъ коллекціи Фирковича, хотя отождествленіе этого послѣдняго имени съ Таматархой или Тмутараканью, кажется, не обосновательно не пріемлется наукою³⁾.

Особенно большія упованія ученые возлагали на такъ называемый Тмутараканскій камень, но и новѣйшій изслѣдователь его, какъ мы уже видѣли, все же остался при безнадежномъ заключеніи, что «Тмутаракань Таманская представляетъ пока полную загадку»⁴⁾. И эта безнадежность пронесткала изъ того, что загадочность Тмутаракани усугублялась, благодаря именно этому камню, еще связью ея съ другимъ не менѣе если не болѣе загадочнымъ географическимъ пунктомъ въ видѣ какого-то «Кърчева». А. А. Спицыну непремѣнно хотѣлось бы найти Тмутаракань въ устьяхъ Дона⁵⁾, а потому онъ какъ-то умалываетъ эту связь двухъ географическихъ терминовъ, совершенно ясно и опредѣленно выраженную въ надписи Тмутараканскаго камня, довольствуясь такимъ завѣщаніемъ для послѣдующихъ изслѣдователей: «Дѣло будущаго установить дѣйствительную исторію слова «Кърчевъ»⁶⁾. Къ такому, тоже опять-таки безнадежному, выводу онъ пришелъ по разсмотрѣніи цѣлаго ряда предположеній и толкованій насчетъ этого слова. Изъ собранныхъ у него данныхъ ясно лишь то, что большинство изслѣдователей склонны къ признанію тождества древняго «Кърчева» съ позднѣйшею «Керчью», но только расходятся въ подысканіи посредствующаго между ними термина и кореннаго значенія его. Вестбергъ нашелъ, что къ IX в. Керчь принадлежала хазарамъ и называлась погречески *Κορύζος* (*κετόχιον του Κορούζου*); въ известномъ хазарскомъ письмѣ Юсифа имѣется семитическое начертаніе этого имени въ видѣ трехъ согласныхъ *Крз* или *Кри*⁷⁾. Позднѣ венеціанцы и генуэзцы, устроившіе каботажъ по всему сѣверному берегу Чернаго моря, не могли не использовать Керченскую бухту и пользовались ею то подъ старымъ именемъ Воспора, то подъ новымъ *Sagchis* и *Chertz*; въ Макарьевской минеѣ (ноябрь) въ сказаніи обѣ

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Гаркави, По вопросу объ іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Крыму, въ Жур. М. И. Пр., 1877, т. 192, стр. 107.

4) Спицынъ, *op. cit.*, стр. 132.

5) Ibid., стр. 131.

6) *Op. cit.*, стр. 125.

7) Вестбергъ, Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ. Ж. М. И. Пр. 1908 г., Мартъ, стр. 21, цитов. у Спицына, стр. 123.

ли. Андреѣ говорится: «И приде во Оспоръ Корчевъ градъ», тогда какъ въ греческомъ текстѣ Миinei стоитъ лишь *εις Βόσπορον πόλις*; въ Житіи Стефана Сурожскаго упоминается *Корчъ* и *Керчь*, а Константинъ Багрянородный вовсе Керчи не знаетъ¹⁾.

На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ одни ученые, какъ Снассекій, стояли на томъ, что въ XI в. имени Керчи не было; что даже совсѣмъ не вѣроятно, чтобы въ *опредѣленное (?) время* могло оно существовать, потому что генуэзцы называли это мѣсто Воспромъ (въ разныхъ формахъ), а позднѣе именемъ *Cerco*, которое напоминаетъ черкесскаго князя, жившаго здѣсь до 1333 г., или же видъ Керченской долины съ горами, имѣющими по сторонамъ полукруглыя отлогости, и оканчивающимися огромными мысами²⁾. Бутковъ полагалъ, что *Черко* есть простая перестановка имени Керчь, перенятая (къмъ?) отъ армянъ или русскихъ, и производилъ имя Керчи отъ армянскаго «хрчанахъ» = «горло», а также еще производилъ изъ армянскаго же «кирджъ»³⁾.

Перебравъ всѣ вышенереченныя альтернативы, самъ А. А. Спицынъ такъ ни къ чему и не пришелъ, кромѣ того только, что призналъ нужнымъ «съ надписью примириться всецѣло»⁴⁾, т. е. соглашается съ подлинностью Тмутараканскаго камня, что мнѣ представляется самымъ существеннымъ и цѣннымъ въ его изслѣдованіи, въ виду того, что этотъ камень составляетъ собою, сказать не обинуясь, краеугольный камень въ ряду доводовъ, подтверждающихъ нашъ взглядъ на Тмутаракань. Поэтому и оставившись попристальнѣе на содержаніи надписи на этомъ камнѣ, такъ какъ внѣшность его и судьба его уже въ достаточной мѣрѣ ранѣе обследованы.

Начать хоти бы съ того, что «Тмутараканская надпись», по словамъ А. А. Спицына, «заключаетъ крайне незначительное, пустое содержаніе, при торжественной формѣ. Съ упоминаніемъ года, даже его индикта, и имени важнѣйшаго официального лица области въ ней сообщается, что разстояніе между такими-то пунктами, мѣряя по льду, заключаетъ столько-то сажень. . . И знать разстояніе между Таманью и Керчью не важно, и повѣрить написанной цифрѣ нельзя, хотя бы она и была получена какимъ-либо дѣйствительнымъ измѣреніемъ.

1) Всѣ цитаты у Спицына, стр. 123—124.

2) Ibidem.

3) Ibid., 124—125.

4) Ibid., 131.

.....Вообще надпись поражаетъ безцѣльностью своего содержанія»¹⁾).

Совершенно справедливо на это возражалъ А. И. Соболевскій, что «безцѣльность есть дѣло условное. Если мы не видимъ цѣли, это еще не значить, что ея не было на самомъ дѣлѣ. Не легко читать мысли за 900 лѣтъ тому назадъ»²⁾. Кромѣ того, мнѣ кажется, что данныя для разсѣянія сомнѣнія въ цѣлесообразности содержанія надписи бвли въ распоряженіи самого А. А. Спицына, который сообщаетъ свѣдѣніе о томъ, что «Константинъ Багрянородный разстояніе между Воспоромъ и Таматархой считаетъ въ 18 миль»³⁾. Вѣдь вотъ же кто-нибудь да сдѣлалъ это измѣреніе, которымъ не счелъ за лишнее воспользоваться знаменитый византійскій писатель, какъ не счелъ его таковымъ и самъ сдѣлавшій это измѣреніе. И едва ли можно тутъ даже задаваться мыслью о томъ, что будто бы «надпись изготовлена для потомковъ», и что, слѣдовательно къ чему было записывать то, въ смыслъ чего мы никакъ не можемъ проникнуть? Жизнь прошлаго не такъ сложна; языкъ и понятія были просты и ясны. Какъ бы не понять, если бы было что понимать?»⁴⁾. Какъ разъ всѣ эти аргументы А. А. Спицына говорятъ за осмысленность содержанія надписи, а не противъ нея. Прежде всего, запись измѣренія, какъ въ высшей степени дѣловой, практической актъ, какъ и самый фактъ измѣренія, могъ и долженъ былъ имѣть весьма важное значеніе именно для современниковъ, а вовсе не для какихъ-то потомковъ, до насъ включительно. При простотѣ и несложности жизни прошлаго, измѣренія разстояній и величинъ всегда обращали на себя особенное вниманіе людей старыхъ временъ, какъ объ этомъ можно судить по стариннымъ письменнымъ памятникамъ, начиная хотя бы съ «Хоженія Игумена Данила въ Иерусалимъ». Всякій по себѣ можетъ судить, когда случалось ему даже нынѣ проходить на пароходѣ Босфоръ или Дарданеллы, какъ невольно прежде всего является вопросъ: а какъ широко то тутъ, то тамъ разстояніе между берегами? Проливы всякіе это не то что рѣчныя русла: они всегда какъ-то обращаютъ на себя особое вниманіе, а тѣмъ паче такой проливъ, какъ Проливъ Керченскій, и никакой хоть бы самый «разсудительный Палласъ» не заставитъ меня усматривать тутъ, подобно

1) Op. cit., 119.

2) Ibidem.

3) Ibid., 121.

4) Ibid., 120.

ему, безцѣльность измѣренія разстоянія этого пролива и стараться отыскать иной мотивъ въ содержаніи надписи, заслуживающей вниманія¹⁾. Вѣдь не надо забывать, что этотъ сравнительно небольшой проливъ служилъ въ одно и то же время и пограничною чертою между двумя цѣлыми материками, и единственнымъ проходнымъ пунктомъ съ одного на другой, роковымъ образомъ связывавшимъ ихъ, несмотря на раздѣльность, какъ бы въ одно цѣлое въ общей судьбѣ ихъ. Константинъ Багрянородный (952 г.), по ссылкѣ А. А. Спицына, даже соединяетъ Херсонесъ и Воспоръ въ одну область, принадлежавшую грекамъ²⁾. Изъ приведеннаго у г. Спицына краткаго перечня лѣтописныхъ упоминаній о Тмутаракани только всего существеннаго и узнается, что множество князей въ короткіе промежутки времени только и знали, что сновали взадъ и впередъ изъ Руси въ Тмутаракань и обратно, всякій разъ, конечно, переправляясь черезъ Керченскій проливъ, и больше всего этихъ переправъ пришлось именно на долю князя Глѣба съ братьями, которые едва ли не всѣ перебивали въ Тмутаракани³⁾. Такъ какъ же кому-нибудь изъ нихъ или для нихъ не заняты было измѣреніемъ разстоянія такой ближайшей, сподручной и постоянно надобной имъ всѣмъ переправы? Это такъ было естественно, такъ просто. Предположеніе же обычности переправы непремѣнно лишь по косѣ Тузлѣ, а оттуда въ Керчь⁴⁾, нельзя считать обязательнымъ не только для людей того времени, но и для насъ, позднѣйшихъ изслѣдователей ихъ прошлаго.

И торжественности тона тоже не усматривается никакой въ томъ, что фактъ измѣренія Керченской переправы имѣлъ мѣсто въ такомъ-то году и при такомъ-то князѣ, потому что встарину это былъ обычный пріемъ датированія тѣхъ или другихъ случаевъ или событій, тѣмъ болѣе что тутъ измѣреніе могло быть произведено въ бытность на этой переправѣ самого князя Глѣба, который тутъ и упоминается. Вопросъ переправъ для тѣхъ временъ и для народовъ, совершавшихъ эти переправы не на ладьяхъ же, которыхъ никто не держалъ, надо полагать, всегда наготовѣ въ Керченскомъ проливѣ, а съ помощью коней, на манеръ того, какъ это описано у путешественника XV вѣка Барбаро⁵⁾,

1) А. Спицынъ, *Op. cit.*, 119.

2) *De gentibus*, Отдѣлъ къ гл. 42 и др. мѣста. Цитов. у А. Б. Спицына, стр. 123.

3) *Ibid.* 121.

4) Спицынъ, 119.

5) Барбаро, въ Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи. Отд. первое Т. I. СПб. 1836 г., стр. 39.

имѣлъ весьма важное значеніе и притомъ въ различныя времена года, когда, напримѣръ, проливъ могъ быть загражденъ льдомъ, а то могъ быть и совсѣмъ замерзшимъ. Три такихъ условій обозначеніе ширины пролива могло быть очень и очень полезно, какъ всякая вѣха, какъ всякій показатель измѣренія, а въ какихъ выраженіяхъ, это было не такъ важно, развѣ для какихъ-нибудь мудреныхъ соображеній позднѣйшихъ ученыхъ, чисто академически интересовавшихся этимъ предметомъ.

Итакъ, помимо всего прочаго, остается одинъ очень важный для насъ фактъ, запечатлѣнный на Тмутараканскомъ камнѣ, а именно, что измѣреніе было произведено «отъ Тмутараканя до Керчева». По этому поводу А. А. Спицынъ категорически заявляетъ, что «точное разстояніе опредѣляется не между селеніями, а лишь отъ точки до точки; что разстояніе ровно въ 14.000 саж. никто не можетъ признать точнымъ: всякій понимаетъ, что это очень округленная цифра, а въ дѣйствительности она или болѣе, или менѣ этой величины»¹⁾. Вотъ съ этимъ уже можно также категорически не согласиться. Измѣреніе разстояній отъ точки до точки примѣнимо къ чему угодно, только никакъ не къ противулежащимъ побережьямъ какой-либо рѣки или пролива, потому что кривизна этихъ бережій никогда не дастъ вамъ возможности выбрать такія противоположныя другъ другу точки, которыя могли бы быть припаты даже за среднія разстоянія. При такомъ строгомъ требованіи точности никогда бы не могло быть и рѣчи о ширинѣ той или другой рѣки въ томъ ея плесѣ, на которомъ стоитъ тотъ или другой городъ, то или другое поселеніе, а между тѣмъ сплошь и рядомъ говорятъ, напримѣръ, что ширина Волги подъ Астраханью столько-то верстъ, т. е., разумѣя приблизительное разстояніе и не предполагая вводить этимъ кого-либо въ заблужденіе. Съ княземъ Глѣбомъ могло случиться такъ, что въ его бытность на бережьи Керченскаго пролива, обыкновенно свободнаго ото льда, случилось то, что онъ былъ довольно плотно забитъ напесеннымъ изъ Азовскаго моря вѣтромъ льдомъ, дотога плотно, что можно было не то что по льду, а, вѣрнѣе, по льдинамъ переправиться съ одного берега на другой, какъ это практикуется и доселѣ въ понизовьяхъ Волги тамошними ловцами. Онъ, или кто другой по его приказу, воспользовался такимъ благопріятнымъ, но, должно быть, не зауряднымъ случаемъ—учи-

1) Op. cit., стр. 118—119.

Византійскій Временникъ.

нили такую переправу, кстаѣи произведя п измѣреніе разстоянія переправы, обозначенной обычно словами «отъ Тмутараканя до Кърчева», и причеиъ, я бы сказалъ, съ помощью даже простой веревки. Это, по миѣнію А. А. Спидына, будго бы было «крайне затруднительно»¹⁾, въ дѣйствительности жетугъничего не могло бытъ затруднительнаго, благодаря той ловкости, съ какою наприиѣръ астраханскіе ловцы зачастую продѣлываютъ подобныя переправы даже по движущимся льдинамъ: нельзя же всѣ обыкновенныя житейскія явленія и дѣйствія разсматривать только подъ угломъ зрѣнія комфортабельныхъ приспособленій кабинетной или иной научной экспериментации.

Дѣло, во всякомъ случаѣ, не въ точности измѣренія Керченскаго пролива, а въ томъ, что это измѣреніе было продѣлано «отъ Тмуторакани до *Кърчева*». Если до сихъ поръ не могутъ окончательно доискаться Тмутараканя, то еще большую трудность представляетъ вопросъ и о *Кърчевѣ*, который указываетъ Тмутараканскимъ камнемъ на противоположномъ берегу пролива. Всѣ приходятъ къ тому, что Кърчевъ или Кърчева есть не что иное какъ тецерешия Керчь; но только затрудняются опредѣленіемъ, въ какомъ языкѣ искать объясненія значенія этого имени. А. А. Спидынъ, между прочимъ, включилъ въ свое изслѣдованіе свѣдѣніе, что будто-бы «въ *турецкихъ источникахъ*, начиналъ съ XIII в., это селеніе (которое у венеціанцевъ и генуэзцевъ было извѣстно подъ именемъ *Carchis* и *Chertz*) именуется Керчью», и дѣлаетъ ссылку на Тизенгаузена, на его «Матеріалы для исторіи Золотой орды», стр. 112, 279²⁾. Ссылка-то правильная, но только она не вѣрно отнесена къ *турецкимъ источникамъ*; матеріалы, собранныя покойнымъ В. Г. Тизенгаузомъ, всѣ взяты изъ источниковъ *арабскихъ*, а не турецкихъ; а это не одно и то же. Въ томъ видѣ, въ какомъ имя *Керчь* находится у арабскихъ писателей, оно уже не имѣетъ своего турецкаго прообраза, а имѣетъ нѣсколько искаженную форму, хотя тоже довольно близкую къ *Кърчосу* Тмутараканскаго камня. Въ подлиннхъ этого камня это имя ближе къ своему первоисточнику, и притомъ, скажемъ прямо и рѣшительно, къ первоисточнику турецкому, такъ какъ греческій источникъ тутъ ни откуда не обнаруживается.

Всѣ ученые сходятся въ томъ, что въ эпоху появленія Тмутараканской надписи у побережья Керченскаго пролива толпились орды

1) Op. cit., 119.

2) Op. str., 124.

турецкаго происхожденія—то хозаре ¹⁾, то половцы ²⁾, и др. И одинъ изъ послѣднихъ изслѣдователей, Ю. А. Кулаковскій писалъ еще ранѣе А. А. Спицына вотъ что: «Въ поискахъ за тѣмъ народомъ, при посредствѣ котораго русскіе познакомились съ Керчью и отъ котораго они услышали имя, переданное ими на своемъ языкѣ въ формѣ *Кърчевъ*, естественнѣе всего остановиться на хазарахъ. Такъ именно и поступилъ Брунъ» ³⁾, который отозвался по этому вопросу очень рѣшительно, а именно: «Мнѣ кажется, что древній Пантикапеонъ обязанъ хазарамъ настоящимъ своимъ *ново тюркскимъ* происхожденіемъ... Во всякомъ случаѣ городъ этотъ въ X столѣтіи былъ уже извѣстенъ Русскимъ подъ названіемъ *Кърчевъ* и съ нимъ именно (а не съ давно исчезнушемъ городомъ Каркинитисомъ Геродота, какъ думалъ Хвольсонъ) долженъ былъ совпадать городъ *Каръхъ*... по Ибнъ-Дастъ» ⁴⁾. Жаль только, что Ю. А. Кулаковскій, начавши за здравіе, кончилъ за упокой, потому что вслѣдъ за совершенно вѣрнымъ сужденіемъ, которое было подсказано ему, какъ и Ф. К. Бруну, чутьемъ, онъ тотчасъ присовокупилъ такую оговорку, ослабляющую силу его первоначальнаго заявленія: «Нельзя не прибавить по этому поводу», говоритъ онъ, «что хазарское происхожденіе имени, если принять его а ргіогі, нисколько не обязываетъ искать объясненія слова *Кърчевъ* непременно въ тюркскихъ языкахъ... Что же до предположенія, что имъ принадлежитъ переименованіе города на Боспорѣ, то оно не заключаетъ въ себѣ ничего цевѣроятнаго, такъ какъ они владѣли Крымскимъ полуостровомъ (за исключеніемъ Херсонеса и его территории) въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ» ⁵⁾.

У Ю. А. Кулаковскаго тутъ оказалось незамѣченное имъ самопротиворѣчіе: Пантикапеонъ переименованъ въ *Кърчевъ* хазарами, которые были народъ турецкаго племени и языка, а между тѣмъ, по его мнѣнію, не обязательно искать объясненія этого имени въ турецкихъ языкахъ; такъ, спрашивается, у кого же они позаимствовались этимъ словомъ для того чтобы переименовать уже существовавшій греческій съ своимъ именемъ городъ? Неужели же для этого имъ понадобилось прибѣгнуть еще къ чьему-то третьему языку, и чѣмъ могла быть

1) Гаркави, въ Жур. М. Н. Пр. ч. 192, стр. 117; Брунъ, Черноморье, II, стр. 320.

2) Погодинъ, Изслѣдованія, III, стр. 145.

3) Харистрич. Сборникъ статей по филологн и лингвистикѣ въ честь О. Е. Корша. Москва 1896. Кулаковскій: «Къ вопросу объ имени города Керчи», стр. 191.

4) Черноморье, II: 320.

5) Сборникъ, *Loco citato*.

вызвана такая необходимость? Да ничего подобнаго и не было, и быть не могло. Имя *Кзрчесъ* несомнѣнно турецкаго языка, и оно не нарочито придумано было Богъ вѣсть на что хазарами, а возникло само собою, естественнымъ путемъ, въ видѣ добавочной, упрощенной клички къ очень мудреному имени Пантикалеонъ, вызванной самыми географическими, житейскими условіями, которое эта кличка современемъ и вытѣснила совершенно съ удаленіемъ изъ этихъ мѣстъ греческой власти и водвореніемъ господства турковъ. Что же это были за условія?

Они заключались въ томъ, что всюду и вездѣ прибрежные жители водныхъ пространствъ, раздѣляющихъ двѣ близъ лежащія суши, имѣютъ непреодолимую склонность называть противоположащее одному побережью другое просто-на-просто именемъ *той стороны, обонъ-пола*, поанеръ того какъ Петроградская и Выборгская стороны Петрограда попросту именуется *зарыными* частями. Особенно такое обозначеніе любятъ турки. Если вы гдѣ-нибудь на южномъ берегу Крыма спросите выѣхавшаго туда изъ Трапезунда турка, откуда онъ, онъ не иначе отвѣтитъ вамъ, какъ турецкимъ словомъ *каршлы* = «съ противоположной стороны», «противосторонецъ». Если въ его представленіи Черное море не такал огромная воднал величина, чтобы онъ не могъ считать близнецами двухъ противоположныхъ береговъ его, то что же въ сравненіи съ нимъ представлялъ собою старинный Боспоръ, или понашему Керченскій проливъ, чтобы, стоя на сторонѣ Тмутараканской и глядя насупротивъ, на вопросъ, куда смотришь, не сказать потурецки: *قارشى به* = *каршійя*, т. е. отвѣтитъ турецкимъ словомъ *карши* = «противная сторона» въ турецкомъ же дательномъ падежѣ. Совершенно точь-въ-точь какъ турки выработали изъ цѣлаго греческаго выраженія *εις τὴν πόλιν*—«въ городъ» наименованіе *Стамбуль* для Константинополя, такъ русскіе обратили турецкое выраженіе *каршійя* въ собственное имя *Кзрчесъ*, позднѣе сократившееся въ *Керчь*. До какой степени турки любятъ это *карши* «супротивъ» какъ географическое обозначеніе, не стѣсняясь дальностью разстоянія между противоположащими сторонами, объ этомъ можно судить по тѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ примѣрамъ такого обозначенія, которые встрѣчаются въ описаніяхъ путешествій замѣчательнаго турецкаго путешественника, писателя XVII вѣка Эвлія-челеби. Вотъ нѣсколько такихъ у него выраженій. «Оттуда оиать, сѣвъ на корабль, мы прибыли въ Башъ-Эскелэ въ трехъ миляхъ разстоянія на *противопо-*

ложной сторонѣ моря, а отгуда, снова съѣвъ на корабль, я прибылъ къ пристани Мысу, находящейся въ тридцати миляхъ, который находится на Скутарской сторонѣ и составляетъ находящейся на *противоположной* сторонѣ «Мысь Кебзе» или Кекбузе-Мысь»¹⁾. Въ последнемъ примѣрѣ Эвлія - Челеби дѣлаетъ такого рода легендарное дополненіе, въ которомъ такую видную роль играетъ слово *каршій*. «Разсказываютъ, что во времена Орханъ-хана одинъ ученый путешественникъ дервишъ прибылъ къ здѣшнимъ корабельщикамъ и говорить: «Ребята, перевезите-ка мени на *противоположную* сторону (*каршій* тарафа гечиришъ)!». Они же уѣхали, не перевези его. Тогда дервишъ набралъ земли въ подолъ свой и сказавъ: «Мы Божьею волею и такъ переѣдемъ на *ту сторону* (*каршійя*)», высыпалъ землю въ море; море стало дѣлаться сушею, и онъ такимъ образомъ идетъ позади корабля. Корабельщики, увидѣвъ это, взмолились: «Помилуй, государь, вѣдь ты, засыпавъ проливъ, не лишай насъ хлѣба: изъ Стамбула корабли не будутъ переплывать въ Измидъ! Сдѣлай милость, иди сюда въ корабль нашъ!» Онъ же, сдѣлавъ около 12.000 шаговъ по морю и засыпавъ его, влѣзъ потомъ въ корабль. Святой же дервишъ, переправившись на *противоположную* сторону (*карши* джанибѣ) только для того чтобы показать чудо, тотчасъ же предалъ чистый духъ свой Господу Богу. На краю этого Герцеговинскаго мыса есть большой ханъ (постояльщій дворъ), открытый для всѣхъ путешественниковъ, которые, расположившись въ немъ, ожидаютъ прихода кораблей съ *противной* стороны (*каршій* тарафынданъ)»²⁾.

1) Эвлія-челеби, Сейхзатъ-намэси. Стамбуль 1314=1896—1897, т. II, стр. 65—66: *آندين يينه كمى يه سوار اولوب دريانك قارشى طرفنده اوچ ميل مسافده* (باش اسكله) *يه كلك. اندن يينه كمى يه بينوب اوتوز ميلده منزل اولان* (ديل) *اسكله سنه كدم كه قارشى طرفنده كي «كيزه ديلى ده» كنبوزه ديلى اسكدار طرفنده در*
 2) Эвлія, II, 66: *روايت اولنور كه اورخان غازى عرندده سباح عالم بر درويش* *بوراده كي كميجيلره كلوب «اوغوللرا. بنى قارشى طرفه كچيرك» دير. اونلرده كچيرميوب كيدرلر همان او درويش عالم و عامل اتكينه طوپراق طولدورب «بتر قارشى يه بامر الله تعالى بويله كچرز» ديو اتكندن طوپراغى دريايه دوكدكجه دريا قره اولور بو وجهله كمى نك اردنجه يورور كيدر: كميجيلر بو حالى كوردكلرنده: «امان سلطان» بوغازى طولدوروب امكمزه مانع اوله استانبولدن ازמידه كميلر كچمز اولور لطف ايت بوراسى كميمزه كرك» *ديو رجا ايدرلر اوده اون ايكي بيك اديم قدر دريايه كيدوب طولدورقدن صكره كمى يه كيپرر ... درويش حضرتلرى ده قارشى جانبه كچكدده كشف كرامات اينديكيچون در حال روح پاكلرينى جناب حقه تسليم ايدرلر بو هرسك ديلى بوروننده بيوك بر خان واردر. اينده و رونديه كشاده اولوب هركى مهمان اوله رق قارشى طرفدن قايتلرك كلمه سنه منتظر اولورلر.**

Это все относится къ предѣламъ прежней Европейской Турціи; по у Эвлия не мало и такихъ мѣстг, которыя касаются Азіатскихъ мѣстностей. Такъ въ описаніи Синопа онъ говоритъ: «На южной сторонѣ города есть большая гора извѣстная подъ именемъ горы Бузь-Тэнэ. Въ ясную погоду виднѣются Киль-Градскія горы, что на *противоположной* Румелии (*каршій* Румъ-плиндэки) ¹⁾. Перечисляя племена, населяющія Абхазію, Эвлия пишетъ: «Племя Чачъ говоритъ помингрельски, потому что *противная* сторона (*каршій* тарафы) рѣки Фаше слюшь Мингрелія» ²⁾. Въ перечнѣ сорока восьми кварталовъ города Амасіи говорится такъ: «На *супротивной* къ городу сторонѣ (*каршій* шегиръ тарафында) кварталъ Баязидъ-паши» ³⁾. Въ описаніи Эривани на р. Араксъ у него читаемъ: «Мы достигли крѣпости *Каршій*, составляющей первую крѣпость Персидскаго Государства» ⁴⁾; а еще дальше: «Такъ какъ городъ *Каршій* лежитъ на берегу рѣки, то климатъ его пріятный ⁵⁾; пробывъ здѣсь еще два дня, мы осматривали находящійся на *противномъ* берегу (*каршій* кэнаришдэки) рѣки высокій замокъ» ⁶⁾. Заговоривъ о г. Баку, Эвлия прежде всего отмѣчаетъ такой фактъ: «Изъ находящихся на *противоположномъ* западномъ берегу Хазарскаго моря (*Каршій* гурбъ джанибэндэки) крѣпостей Московскаго краля—Астрахани, Пакъ-хана, Сарая, Гэмшедека—пришли послы и и принесли подарка» ⁷⁾, а немного далѣе присовокупляетъ: «Московскіе казаки нѣсколько разъ по *противоположной* рѣкѣ Идилю (*каршій* Идиль негриндэнъ) приходили шайкамъ и грабили и опустошали Гилянъ и Бакинскія мѣстности, потому что *противоположную* ихъ сторону (*каршій*

1) Эвлия, II, 76: شهرک جنوب طرفنده بوز تپه نامیده مشهور بر کوه بلند واردر. آچیق هواده قارشى روم ایلنده کی (کیل غراد) طاغیری کورینو.

2) Ibid., 102: چاچیر عشیرتی—مکرجه ده سویله شیولر چونکه (فاشه) نهرینک قارشى طرفی صرف مکرلستاندر.

3) Ibid., 189: قارشى شهر طرفنده بایزید پاشا محلهسی

4) Ibid., 230: عجم ملکنک ایلک قلعهسی اولان (قرشى قلعهسی) نه واصل اولدق.

5) Ibid., 231: شهر قرشى نهری کنارنده واقع اولدیغندن آب و هواسی لطیفدر.

6) Ibid., 282: ایکی کون دها بوراده مکث ایدرک قرشى نهری کنارنده کی قصر عالی تماشای ایندک.

7) Эвлия, II, 300: بحر حزرک قارشى غرب جانبنده کی مصقو قرالنک (آزدر خان): «(پاک خان) (سرای) (همشدک) قلعه لرندن ایچیئر کلوب سور ایچون هدایا کنیرمشلر»

тарифы) въ трехъ стахъ миляхъ составляютъ Московскія области»¹⁾. Наконецъ по поводу ледостава на р. Дунаѣ Эвля-челеби между прочимъ сообщаетъ такой обычный фактъ, что «Дунайскіе войны (т. е., конечно, турки), переодѣваясь въ походныя одежды, пускаются на противоположную сторону (каршій якап) въ Валахію и Молдавію, захватываютъ валаховъ и молдаванъ и обращаютъ ихъ въ исламъ»²⁾.

Приведенные примѣры употребленія турецкаго слова *каршій* взяты только случайно подвернувшіеся, а если бы внимательно поискать, то ихъ оказалось бы еще больше, и притомъ у разныхъ писателей въ подходящихъ случаяхъ. Вотъ эти-то примѣры и даютъ, мнѣ кажется, достаточное основаніе къ тому, чтобы загадочный *Кърчевъ* Тмутараканскаго камня принять за немного измѣненное въ живомъ говорѣ турецкое *каршій* — قارشى — въ значеніи мѣстности, противолежащей Тмутаракани и приходившейся какъ разъ тамъ, гдѣ былъ греческій Пантикассонъ, который долженъ былъ промѣнять свое греческое имя на турецкое, какъ болѣе простое для выговора, да и болѣе употребительное какъ у постоянного мѣстнаго населенія, такъ и у случайно пронесшихся тутъ залетныхъ витязей въ родѣ нашихъ князей Мстислава, Ростислава, Всеслава и др., которымъ нельзя было миновать этой переправы пролива во время ихъ лихихъ набѣговъ на лежащія по ту сторону земли, кишѣвшія всякими бродячими племенами, представлявшими, должно быть, завидную цѣль для ихъ грабительскихъ экскурсій.

Разъ ступивъ на эту стезю предположеній, нельзя уже остановиться, не доведя ихъ до послѣдней крайности, невольной подкупающей своимъ правдоподобіемъ. Я хочу сказать, что загадочный и тщетно искомый *Кърчевъ* Тмутараканскаго камня не ограничивается своимъ появленіемъ лишь въ надписи этого камня. Если одинъ князь Романъ измѣрилъ разстоянію между Тмутараканью и Кърчевомъ, то другой, Всеславъ пронеслся черезъ тотъ же проливъ только въ обратномъ направленіи — черезъ *Кърчевъ* въ Тмутаракань. Такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ понимать въ извѣстномъ мѣстѣ Слова о полку Игоревъ

1) Ibid., 301: بر قاچ کره مصقو قزاقی قارشى (ادل) نهرندن شایقه لر ایله کلوب میلانی و باکو ناحیه لرینی نهب و غارت ایتمشدر. چونکه قارشى طرفی اوچیز میلده مصقو دیاریدر.

2) Эвля, т. III, стр. 334: بگونه غازیلری قارشى یقه دیه افلاق، بغدادنه شب روانی اتوابلری کییوب افلاق و بغدادن آدملرینی سرقت ایدوب اسلام ایله مشرف قیلارلر.

слово *Хрѣсови*, которое обыкновенно принято толковать въ значеніи бога солнца. Въ тѣ поры автору *Слова* могло и не быть въ точности извѣстно турецкое слово *каршій*, которое у него легко могло превратиться въ *Хорса*, какъ вообще тогда легко превращались одни слова въ другія, смотря по надобности. Если автору такъ уже полюбился милологическій *Хорсъ*, то почему же онъ больше нигдѣ у него ни разу не встрѣчается въ *Словѣ*? Даже въ плачѣ Ярославны, гдѣ всего естественнѣе было бы упоминаніе объ этомъ божествѣ, къ которому обращается съ мольбою Ярославна, и то просто говорится: «Свѣтлое и тресвѣтлое *сзмыце!*» Если же тутъ автору понадобилась, скажемъ, риторическая фигура, то она вышла не очень замысловата, не особенно картинна. Но допустимъ даже, что тутъ риторическая фигура, но она все же не уничтожаетъ нашей гипотезы: тогда только получается то, что авторъ изъ двухъ географическихъ именъ — рѣки *Куръ* и города *Каршій*, сразу выкроилъ риторическую фигуру въ видѣ двухъ каламбуровъ, превративъ имя рѣки въ созвучное названіе пѣтуховъ, а имя города въ божество солнца. Эту единственную развѣ можно сдѣлать уступку милологическому правобѣрью нашихъ славистовъ. А что авторъ *Слова* имѣлъ вкусъ и къ каламбурамъ, это доказывается наименованіемъ у него князя Олега вмѣсто *Святославица Гориславичемъ*, потому что онъ своими крамолами много принесъ горя и себѣ, и всей русской землѣ¹⁾. Употребительность такихъ каламбуровъ наблюдается и нѣ лѣтониси, гдѣ Святополкъ перелицованъ въ *Иоганнополка*. А вособенности ими богато «Моленіе Даніила Заточника».

При этой конъектурѣ получается такой выводъ, что искомый *Кърчевъ*, *Корчева*, *Хорсъ*, *Каршій* и въ концѣ концовъ *Керчь* тамъ всегда и былъ, гдѣ теперь находится *Керчь*, только сперва подъ своимъ исконнымъ греческимъ именемъ Пантिकाпеонъ, а потомъ перелицованный турецкими народами, постоянно около него и черезъ него взадъ и впередъ сповавшими, въ *Каршій*, которое въ русскомъ произношеніи получило не очень далекую отъ него форму *Кърчевъ*. А Тмутаракань искони и до временъ *Слова о полку Игоревѣ* была какою-то, для русскихъ по крайней мѣрѣ, отдаленною, невѣдомою землею, областью, простиравшеюся отъ Керченскаго пролива до рѣки *Куръ*, куда русскіе князья съ своими дружинами совершали время отъ времени лихіе набѣги за поживою отъ разныхъ касоговъ, хазарь и т. п.

1) Буслевъ, Русская хрестоматія. Москва 1870, стр. 98.

дикихъ вароцевъ, но никакого города, а тѣмъ паче никакого княжества они тамъ не основывали, потому что въ этомъ имъ не было надобности, да и не представлялось благопріятной возможности пріобрѣтать себѣ какую-либо прочную осѣдлость въ мѣстности, слишкомъ отдаленной отъ коренной Руси, чтобы они могли считать себя прочно тамъ утвердившимися, чего на самомъ дѣлѣ вовсе и не было. Оттого - то этотъ мнимый городъ, или это мнимое княжество Тмутаракань какъ-то вдругъ откуда-то выплыло на поверхность старинной русской дѣйствительности, и скорѣе даже на волнахъ легендарной традиціи, повертѣлось на ней весьма непродолжительное время и потомъ очень скоро опять исчезло изъ той и другой навсегда, оставивъ по себѣ какой-то туманный слѣдъ въ историческомъ воспоминаніи, который задалъ столько головоломной работы ученымъ историкамъ и инымъ изслѣдователямъ и притомъ безъ всякой отрадной для нихъ надежды на то, чтобы изъ этихъ поисковъ ихъ когда-нибудь получилось что-либо опредѣленное и утѣшительное.

Петроградъ. Декабрь 1921 года.

† В. Смирновъ.

Избраніе архіереевъ въ Византіи IX—XV в.

Историко-правовой очеркъ.

Синтагматыны епархій Византійской церкви отъ второй половины IX до середины XV в. устанавливаютъ три подраздѣленія этихъ составныхъ ея частей, унаслѣдованныя отъ предшествующаго времени. Въ «таксисѣ» епархій апостольскаго и патриаршаго Константинопольскаго престола, извѣстномъ съ именемъ императора Льва VI Мудраго, указываются, во-первыхъ, митрополіи, подчиненныя этому престолу, во-вторыхъ, архіепископіи, находившіяся также въ непосредственной отъ него зависимости, и въ-третьихъ, епископіи, которыя были подчинены каждой изъ митрополій Вселенскаго патриархата ¹⁾. Въ «изложеніяхъ» императоровъ Андроника Старшаго и Андроника Младшаго отмѣчены только однѣ митрополіи, находившіяся подъ властью апостольскаго и патриаршаго престола Константинополя ²⁾,—хотя историческіе источники свидѣтельствуютъ о существованіи также архіепископій и особенно епископій въ теченіе XIV и первой половины XV вѣковъ ³⁾. Въ составѣ митрополій, архіепископій и

¹⁾ Heinrich Gelzer, *Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum*, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte, S. 550—559. München 1901; G. Parthey, *Hieroclis Synedemus et Notitiae graecae episcopatum etc.*, p. 95—101. Berolini 1866.—Относительно этого таксиса знаменитый византійскій канонистъ Теодоръ Вальсамонъ въ толкованіи на 86 (=95)-е правило Карфагенскаго собора пишетъ: «Ὡς εἶκεν, οὐκ ἐτάχθησαν ἐτι οὐδὲ ὠρίσθησαν κατὰ τὸν τότε καιρὸν οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν, καὶ διὰ τοῦτο ὤρισαν οἱ πατέρες προτιμᾶσθαι τοὺς προγενεστέρως χειροτονηθέντας. Σήμερον δὲ τοῦτο οὐκ ἐνεργεῖ· ἀλλὰ κατὰ τὴν γενομένην ὑποτύπωσιν παρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ Λέοντος τοῦ Σοφοῦ, τὴν ἐν τῇ χαρτοφυλακείῃ τῆς ἀγιωτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας ἀποκειμένην, οἱ θρόνοι τιμῶνται τῶν ἐκκλησιῶν» (Ράλλης καὶ Ποτλῆς, Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων, т. III, с. 516. Ἀθήναι 1853).

²⁾ Gelzer, S. 597—601, 607—609; Parthey, 225—243.

³⁾ Miklosich et Müller, *Acta patriarchatus Constantinopolitani*, t. I, p. 6, 8, 490, 493, 494, 500, 511, 534 etc.; t. II, p. 154, 203, 277 etc. Vindobonae 1860—1862.

епископій епархіи были унаслѣдованы Константинопольскою церковью и въ турецкую эпоху исторической ея дѣятельности ⁴⁾, при чемъ такое преемство было въ послѣдствіи восполнено избраніемъ титулярныхъ епископовъ, какъ помощниковъ правящихъ архіереевъ Вселенскаго патріархата ⁵⁾, отчасти соотвѣтствовавшихъ древнимъ хореепископамъ ⁶⁾. Такимъ образомъ, наша задача, въ зависимости отъ синтагматіоновъ епархіи Византійской церкви, имѣетъ въ виду какъ митрополитовъ и архіепископовъ ея, такъ и епископовъ, а въ соотвѣтствіи подлинному своему смыслу заключается въ раздѣльномъ разсмотрѣніи—какъ въ правовомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи—всего сложнаго процесса избранія византійскихъ архіереевъ, начиная отъ приготовленій къ выборамъ и оканчивая фактическимъ вступленіемъ избраннаго и посвященнаго іерарха на тотъ или иной архіерейскій престолъ (θρόνος). Задача ограничивается эпохою поздняго византійскаго средневѣковья, опредѣляемою, въ частности, годами торжества православія (843) и паденія Византіи (1453), такъ какъ эта именно эпоха въ специальной литературѣ совершенно не обслѣдована въ отношеніи намѣченнаго вопроса ⁷⁾, хотя и была періодомъ наиболѣе яркаго и пышнаго

⁴⁾ И. Соколовъ, 'Επαρχιακά Ἐκκλησιαστικά Κωνσταντινουπόλεως. Собрание документовъ, относящихся къ исторіи епархіи Константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени, стр. 209—215. Π. 1915; Gelzer, S. 628—637.

⁵⁾ И. Соколовъ, Впархіальное управленіе въ правѣ и практикѣ Константинопольской церкви настоящаго времени, стр. 105—108. Π. 1914.

⁶⁾ См. статью проф. В. В. Волотова—Хореепископы и періодеты («Церковныя Вѣдомости», 1906, № 4, стр. 149—154).

⁷⁾ Немногія свѣдѣнія объ избраніи архіереевъ въ византійскую эпоху сообщалъ Jos. Zhisman, Die Synoden und die Episkopalämter in der morgenländischen Kirche. Wien 1867. См. также: А. Неселовскій, Чины хиротесій и хиротоній. Опытъ историко-археологическаго изслѣдованія, стр. 212 и слѣд. Каменецъ-Подольскъ. 1906; проф. А. А. Дмитріевскій, Ставленникъ, стр. 151 и сл. Кіевъ 1904; проф. Платонъ Соколовъ, Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка, стр. 1 и д. Кіевъ 1913; Никодимъ, епископъ далматинско-истрійскій, Правила православной церкви съ толкованіями, переводъ съ сербскаго, т. I, стр. 182—190. Π. 1911; проф. Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской церкви, т. I, половина I, стр. 303 и сл. М. 1880. Однако, въ отмѣченной русской специальной литературѣ по нашему вопросу нѣтъ ясныхъ и полныхъ обзоровъ порядка избранія архіереевъ въ Византію въ средневѣковую эпоху, а наблюдаются, напротивъ, то игнорированіе правовыхъ и историческихъ источниковъ (въ кнѣжѣ Неселов-

расцвѣта церковнаго византизма. Наконецъ, въ нашу задачу не входитъ описаніе процесса избранія патріарховъ Византіи ІХ—ХV в. ⁸⁾.

I. Избраніе архіереевъ—предъ судомъ правовыхъ памятниковъ Византіи ІХ и начала Х вѣковъ.

Для рѣшенія намѣченнаго вопроса имѣютъ значеніе, прежде всего, памятники византійскаго права—церковнаго и гражданскаго, относящагося къ церкви. На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ Номоканонъ въ XIV титулахъ, редактированный въ 883 г. знаменитымъ константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ. Номоканонъ составляетъ «великій актъ самоопредѣленія Восточной церкви: онъ знаменуетъ возвращеніе къ древнимъ подлиннымъ основамъ церковнаго строя, какъ онѣ были закрѣплены въ VI—VII вѣкахъ», при томъ—«въ духѣ строгаго церковнаго преданія, нашедшаго себѣ выраженіе въ правилахъ соборовъ, начиная съ Трулльскаго» ⁹⁾. Въ Номоканонѣ содержатся каноническія—относительно избранія архіереевъ—нормы, дѣйствовавшія какъ въ ІХ вѣкѣ, такъ и во все послѣдующее время, при чемъ практика Византійской церкви и покоилась, главнымъ образомъ, на этомъ прочномъ, неизмѣнномъ и непоколебимомъ основаніи, положенномъ святыми отцами. На ряду съ Номоканономъ примѣнялись знаменитыя Василики, гдѣ сосредоточена была вся гражданско-правовая мудрость византійскаго средне-вѣковья и содержались относящіяся и къ избранію архіереевъ законы, сохранившіяся отъ времени императора Юстиніана. Параллельнымъ восполненіемъ Номоканона и Василикъ слѣдуетъ считать Прохиронъ («Πρόχειρος νόμος») и Эпанагогу («Ἐπιναγωγή τοῦ νόμου») императора Василія Македонянина, какъ краткія руко-

скаго), то спутанность и бессистемное ихъ изложеніе (въ книгѣ П. Сололова), то непослѣдовательность въ оцѣнкѣ деталей предмета (у Никодима Милаша, I, 187—188) и т. п.

⁸⁾ Этотъ предметъ изслѣдованъ въ нашемъ историческомъ очеркѣ: «Избраніе патріарховъ въ Византіи съ половины ІХ до половины ХV в. (843—1453 г.)». П. 1907.

⁹⁾ Проф. В. Н. Бенешевичъ, Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 г., стр. VIII—IX. П. 1905.

водства или практическія справочныя книги въ области византійскаго права, а затѣмъ новеллы или новые законы императора Льва Мудраго, какъ регламентировавшія новыя правовыя нормы въ области византійскаго законодательства. Эти правовыя памятники, прежде всего, и вводятъ изслѣдователя in medias res вопроса объ избраніи архіереевъ въ средневѣковой Византіи.

Въ Номоканонѣ съ именемъ патріарха Фотія рѣчь объ избраніи архіереевъ идетъ въ первомъ титулѣ, гдѣ этому вопросу посвящено нѣсколько главъ. Такъ, въ шестой главѣ говорится «о томъ, кого и гдѣ рукополагаютъ (χειροτονοῦσιν) епископами» ¹⁰⁾. Вопросъ рѣшается, прежде всего, первымъ правиломъ святыхъ Апостоловъ.

«Епископа да поставляютъ (ἐπίσκοπος χειροτονείσθω) два или три епископа»,—предписываетъ это правило. Несомнѣнно, правило изъ многосложнаго процесса избранія епископа разумѣетъ подъ «поставленіемъ» именно хиротонію (ἡ χειροτονία), или церковно-литургическое посвященіе, посредствомъ котораго епископъ получаетъ благодать, но не избраніе въ собственномъ смыслѣ (ἡ ψήφος), или актъ голосованія (ἡ ψηφοφορία) для избранія трехъ кандидатовъ архіерейства, производившійся соборомъ іерарховъ не менѣе трехъ, — какъ это будетъ раскрыто при анализѣ другихъ церковныхъ правилъ. Византійскій канонистъ Θεόδωρος Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на изложенное правило прямо говорить, что здѣсь рѣчь идетъ именно о хиротоніи, а не объ избраніи (περὶ χειροτονίας, οὐ μὴν περὶ ψήφου), хотя въкоторыя, имѣя въ виду древнюю практику избранія архіереевъ, состоявшую въ поднятіи рукъ всѣми участниками выборовъ изъ среды городского населенія (διὰ τὴν τῶν χειρῶν ἔκτασιν, τὴν γενομένην ὅτε παρὰ τοῦ πλήθους τῶν πόλεων αἱ ψήφοι τῶν ἀρχιερέων ἐγίνοντο), и склонны были понимать правило въ смыслѣ вообще поставленія архіереевъ ¹¹⁾. Другой византійскій канонистъ, Алексѣй Аристинъ, также понималъ предписаніе правила въ

¹⁰⁾ Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Νομοκάνων μετὰ τῶν σχολίων Θεοδώρου τοῦ Βαλααμίως (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων κτλ., τ. I. Ἀθῆναι 1852).—Въ «Древне-славянској Кормчѣй XIV титуловъ безъ толкованій» (трудъ В. Н. Бенешевича) сказано:... «како поставляютъ епискупы» (I, 618. П. 1907).

¹¹⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 3.

смыслъ церковнаго посвященія, или хиротоніи епископа, признавая необходимымъ для избранія присутствіе не менѣе трехъ епископовъ¹²⁾. Болѣе же подробно говорить объ этомъ третій византійскій комментаторъ правила, Іоаннь Зонара. Нынѣ хиротоніей называется,—говоритъ онъ,—совершеніе молитвъ посвященія избраннаго для священства и призываніе Святаго Духа, такъ какъ архіерей, благословляя хиротонисуемаго, простираетъ руку (τείνει τὴν χεῖρα); въ древности же и самое избраніе (καὶ αὐτὴ ἡ ψῆφος) называлось хиротоніей. Вѣдь когда населеніямъ городовъ предоставлено было избирать для себя архіереевъ, народныя массы (τὰ πλῆθη) сходились, и одни избирали одного, другіе—другого. А для того, чтобы получило перевѣсъ избраніе большинства, производившіе избраніе, говорятъ, поднимали руки, посредствомъ которыхъ и считались избиравшіе cadaго, и тотъ, кто былъ избранъ большинствомъ, предпочитался для архіерейства. Отсюда и возникло наименованіе хиротоніи. Оказывается, что отцы соборовъ воспользовались этимъ наименованіемъ, назвавши избраніе хиротоніей (τὴν ψῆφον χειροτονίαν καλέσαντες). Такъ, въ 5 правилѣ Лаодикійскаго собора («μὴ δεῖν τὰς χειροτονίας ἐπὶ παρουσίᾳ ἀκρωμένων γίνεσθαι») подъ хиротоніей разумѣется именно избраніе (ἡ ψῆφος). Но въ изложенномъ Апостольскомъ правилѣ хиротонія понимается въ смыслѣ литургическаго посвященія,—такъ какъ 4-е правило перваго вселенскаго собора опредѣляетъ избирать (ψηφίζεσθαι) епископа при участіи всѣхъ епископовъ епархіи или области, или, по крайней мѣрѣ, трехъ (но никакъ не двухъ), причемъ требуется письменное согласіе на избраніе и со стороны остальныхъ епископовъ¹³⁾.

Затѣмъ, 4-е правило перваго вселенскаго собора предписываетъ: «Епископа поставляти (καθίστασθαι) наиболѣе прилично всѣмъ той области епископамъ. Аще же сіе неудобно или по надлежащей нуждѣ, или по дальности пути, по крайней мѣрѣ три во едино мѣсто да соберутся, а отсутствующіе да изъясвятъ согласіе посредствомъ грамотъ, и тогда совершати рукоположеніе (τὴν χειροτονίαν); утверждати же таковыя дѣйствія въ каждой области подобаеъ ея митрополиту». Феодоръ Вальсамонъ въ комментарий

¹²⁾ Ibid.

¹³⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 2.

на это правило изъясняетъ, что оно говорить о томъ, какъ поставлять или избирать епископа (τὸ καθίστασθαι, ἤτοι ψηφίζεσθαι ἐπίσκοπον). Тогда какъ въ древности избранія архіереевъ происходили въ собраніи гражданъ (πάλαι γὰρ γινομένων τῶν ψήφων τῶν ἀρχιερέων παρὰ τοῦ πλήθους τῶν πολιτῶν),—божественные отцы перваго вселенскаго собора не одобрили этого, дабы жизнь посвященныхъ не подвергалась опороченію со стороны мірянъ (ἵνα μὴ παρὰ τῶν λαϊκῶν ἀνθρώπων ὁ τῶν ἱερωμένων διασύρηται βίος), и опредѣлили, чтобы епископъ избирался областными епископами каждой области ¹⁴). Если же это было затруднительно по какой-либо благословной причинѣ, то избраніе (ἡ ψήφος) должно было совершаться не иначе, какъ если сойдутся (συνέλθωσι) три областныхъ епископа, имѣя и всѣхъ отсутствующихъ согласными съ собою (συμφήρους) посредствомъ письменно выраженныхъ мнѣній (διὰ γνωμῶν ἐγγράφων). Хиротонію же его, или посвященіе они, — продолжаетъ Θ. Вальсамонъ,—любочестно предоставили первому, т. е. митрополиту, и не только хиротонію, но и утверженіе избранія (τὸ κῆρος τῆς ψήφου). Вслѣдствіе этого со стороны того, кто долженъ совершить хиротонію, изъ трехъ избираемыхъ бываетъ объявленіе къ одному, какъ онъ самъ желаетъ, и нѣтъ необходимости, чтобы поставленный [въ избирательномъ протоколѣ] первымъ получалъ и нареченіе, и потомъ прочіе: въ этомъ сущность правила ¹⁵). И затѣмъ Θ. Вальсамонъ отмѣтилъ, что нѣко-

¹⁴) διωρίσαντο ὑπὸ τῶν ἐπαρχιωτῶν ἐπισκόπων ἐκάστης ἐπαρχίας ψηφίζεσθαι τὸν ἐπίσκοπον (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, Σύνταγμα, τ. II, σ. 123).—Подъ епархіей слѣдуетъ разумѣть область митрополита, которому подчинялось нѣсколько епископовъ, иначе—митрополію въ смыслѣ указанныхъ таксисовъ или каталоговъ византійскихъ епархій. Ср. Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 238.

¹⁵) διὰ γὰρ τοῦτο καὶ ἀπὸ τῶν τριῶν τῶν ψηφιζομένων γίνεται μὴ γυμνα παρὰ τοῦ μέλλοντος ποιῆσαι τὴν χειροτονίαν πρὸς ἓνα, ὃν βούλεται αὐτός, καὶ οὐκ ἐξ ἀνάγκης ὁ πρῶτος τοῖς μὴ νόεταί, καὶ ἐφεξῆς οἱ λοιποὶ κτλ. — Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, τ. II, σ. 123.—Въ русскомъ переводѣ «Правиль святыхъ вселенскихъ соборовъ съ толкованіями», издааномъ Московскимъ Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія (М. 1877, ч. I, стр. 16), термины «μῆγωμα», «μηνύεσθαι», имѣющіе, какъ потомъ будетъ у насъ раскрыто, специальный смыслъ, переданы неопредѣленными выраженіями — «указаніе», «указывается».

Считаемъ необходимымъ также отмѣнить, что мы, пользуясь указаннымъ русскимъ переводомъ «Правиль» (вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отецъ), вездѣ провѣряли его и во многихъ случаяхъ представляли свой переводъ или близкое къ греческому подлиннику переложеніе.

торые митрополиты совершали въ столицѣ избранія (ψήφος) своихъ епископовъ при участіи лишь трехъ епископовъ чужихъ или своихъ и не обращались къ прочимъ областнымъ своимъ епископамъ. Византийскій эксегетъ разъясняетъ, что комментируемое правило Никейскаго собора осуществимо лишь тогда, когда митрополитъ имѣетъ много областныхъ епископовъ. Если же митрополиты,—какъ это наблюдалось въ его время у большинства,—имѣютъ одного областного епископа, или двоихъ, тогда по необходимости избраніе (ἢ ψήφος) должно совершаться съ дѣйствительными и находящимися областными, равно и чужими епископами ¹⁶⁾.

Другой византийскій комментаторъ анализируемаго правила, Іоаннъ Зонара, изъясняетъ, что избраніе архіерея (ἀρχιερέως ψήφισμα) происходитъ не иначе, какъ если сойдутся вмѣстѣ три [архіерея], имѣя и отсутствующихъ согласными съ собою при посредствѣ грамотъ, въ которыхъ эти свидѣлствуютъ, что и они послѣдуютъ имѣющему совершиться при участіи трехъ, вмѣстѣ собравшихся, избранію. Послѣ же избранія они предоставляютъ митрополиту епархіи утвержденіе, т. е. окончательное рѣшеніе, руковоложеніе и посвященіе, такъ что избраніе утверждается митрополитомъ. А утверждаетъ онъ тогда, когда одного изъ избранныхъ, кого онъ выберетъ, рукоположитъ вмѣстѣ съ другими двумя или тремя епископами ¹⁷⁾.

Относительно послѣдняго пункта третій изъ византийскихъ эксегетовъ, А. Аристинъ, высказывается съ большею опредѣленностью. «Послѣ производства избранія,—говоритъ онъ,—митрополитъ, конечно, имѣетъ свою власть, такъ что онъ можетъ избрать одного изъ трехъ избранныхъ,—кого выберетъ» ¹⁸⁾.

Затѣмъ, 19-е правило Антиохійскаго собора, указываемое въ Номоканонѣ съ именемъ патріарха Фотія, разъясняетъ порядокъ

¹⁶⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 123—124.

¹⁷⁾ Μετὰ δὲ τὴν ψῆφον τὸ κύρος, ἦτοι τὴν τελεσιουργίαν καὶ χειροθεσίαν καὶ καθιέρωσιν, τῷ μητροπολίτῃ τῆς ἐπαρχίας δίδωσιν, ὥστε παρ' ἐκείνου κυροῦσθαι τὴν ψῆφον. Κυροῦται δὲ, ὅταν ἓνα τῶν ψηφισθέντων, ὃν ἐκεῖνος ἐκλέξεται, χειροθετήσῃ μετ' ἐτέρων δύο ἢ τριῶν ἐπισκόπων (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 123).

¹⁸⁾ Τὴν μόνου ἐξουσίαν, μετὰ τὸ γενέσθαι τὴν ψῆφον, ὁ μητροπολίτης ἔχει, ὥστε ἓνα τῶν ψηφισθέντων, οἷον αἰρεῖται, ἐπιλέξασθαι. (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 124). Ср. схолия къ этому правилу: «Ὅτι πάντως τρεῖς χειροτονοῦσιν», «Ὅτι τὸ κύρος ὁ μητροπολίτης ἔχει» (В. Н. Бенешевичъ, Приложенія къ изслѣдованію: Каноническій сборникъ и пр., стр. 11. П. 1905).

избранія византійскихъ епископовъ дополнительными свѣдѣніями. «Епископъ, — говорится въ этомъ правилѣ, — да не поставляется (μὴ χειροτονεῖσθαι) безъ собора и присутствія митрополита области. И когда сей присутствуетъ, то лучше есть быть купно съ нимъ и всѣмъ той области сослужителямъ, и прилично митрополиту созвати ихъ чрезъ посланіе. И аще соберутся всѣ, лучше есть. Аще же сіе не удобно, то большая ихъ часть неотмѣнно да присутствуютъ, или грамотами да изъявятъ свое согласіе, и тако, или въ присутствіи, или съ согласіемъ большаго числа епископовъ, да совершится поставленіе (καὶ οὕτως μετὰ τῆς τῶν πλείονων ἤτοι παρουσίας, ἢ ψήφου γίνεσθαι τὴν κατάστασιν). Аще же инако, вопреки сему опредѣленію, поступлено будетъ, не имѣеть никакой силы поставленіе (τὴν χειροτονίαν). Но аще поставленіе (ἢ κατάστασις) совершится по опредѣленному правилу; а нѣкоторые по своей любопрительности воспрекословятъ, да превозмогаетъ рѣшеніе множайшихъ (κράτειν τὴν τῶν πλείονων ψῆφον)». Зонара разъясняетъ, что подъ поставленіемъ (χειροτονία) настоящее правило разумѣеть избраніе (τὴν ψῆφον), а не окончательное посвященіе и возложеніе рукъ (οὐχὶ τὴν χειροθεσίαν τοῦ ἐπισκόπου καὶ τὴν χειροτονίαν). Итакъ, когда должно совершиться поставленіе или избраніе (χειροτονία ἢτοι ψήφισμα) епископа, то неопустительно (ἐξάπαντος) долженъ присутствовать митрополитъ епархіи, потомъ и большая часть епископовъ (τοὺς πλείονας τῶν ἐπισκόπων), созываемыхъ въ митрополию посредствомъ посланія митрополита, а не прибывшіе по какой-либо необходимой причинѣ должны посредствомъ грамотъ быть согласными (ὁμοψήφως γίνεσθαι) съ присутствующими на соборѣ епископами, — и такимъ образомъ происходитъ поставленіе или избраніе, поставляющее этого именно въ опредѣленный городъ. Если же это не будетъ произведено, то хиротонія (χειροτονία) или избраніе не имѣеть силы. Когда же избраніе канонически совершилось (τῆς ψήφου γενομένης κανονικῶς) согласно этому опредѣленію, то никакое любопрительное противорѣчіе нѣкоторыхъ епископовъ не препятствуетъ избранію, но имѣеть силу мнѣніе большинства ¹⁹⁾.

¹⁹⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, Βύσταγμα, т. III, с. 161. — Аналогичное разъясненіе дается I. Зонароу и относительно 6 пр. перваго всеп. собора, которое предписываетъ слѣдующее: «Аще кто безъ соизволенія митрополита поставленъ»

Феодоръ Вальсамонъ раскрылъ и слѣдующій смыслъ разема триваемаго правила. «Когда правило говорить, что избраніе не происходитъ внѣ присутствія митрополита, то, слыша это, не скажи, что и онъ обязанъ присутствовать при избраніи: вѣдь это запрещено, какъ раскрыто въ другихъ правилахъ; но присутствіемъ назови здѣсь его побужденіе (τὴν τοῦτου προτροπὴν) [къ избранію], безъ котораго невозможно совершиться избранію»²⁰⁾.

Далѣе, 12-е правило Лаодикійскаго собора, отмѣченное въ Номоканонѣ патріарха Фотія, предписываетъ, что «епископовъ [должно] поставляти на церковное начальство по суду митрополитовъ и окрестныхъ епископовъ (τοὺς ἐπίσκοπους χρίσει τῶν μητροπολιτῶν καὶ τῶν περὶ ἐπίσκοπων καθίστασθαι εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἀρχήν), и при томъ такихъ, которые съ давняго времени испытаны и въ словѣ вѣры, и въ житіи сообразномъ правому слову»²¹⁾. Иоаннъ Зонара въ толкованіи на это правило отмѣтилъ, что въ

будетъ епископомъ (γένοιο ἐπίσκοπος), о такомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть епископомъ. Аще же общее всѣхъ избраніе будетъ благословно и согласно съ правиломъ церковнымъ (ἐὰν μέντοι τῇ κοινῇ πάντων ψήφῳ εὐλόγῳ ὁσῶν καὶ κατὰ κανόνα ἐκκλησιαστικόν), но два или три, по собственному любопривіи, будутъ оному прекословити, да превозмогаетъ мѣншіе большаго числа набирающіихъ (κρατεῖτω ἢ τῶν πλειόνων ψήφος). Въ частности, Зонара и говорить, что хотя въ древности епископа избирали собранія гражданъ (τὸ παλαιὸν τὰ κλήθη τῶν πόλεων τὸν ἐπίσκοπον ἐψηφίζοντο), но и тогда, послѣ избранія, обстоятельства его сообщались митрополиту и утверждались имъ, и кого онъ одобрялъ, тотъ удостоивался хиротоніи. Затѣмъ, избраніе по большинству голосовъ имѣло, по словамъ Зонары, аналогію въ постановленіи гражданскихъ законовъ Византіи по денежнымъ дѣламъ (ἐν χρηματικαῖς ὑποθέσει — Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 129). Феодоръ Вальсамонъ, въ свою очередь, изъяснилъ, что въ церковныхъ избраніяхъ или въ церковныхъ вопросахъ (εἰς τὰς ψήφους τῶν ἐκκλησιῶν, ἢ εἰς τὰ ἐκκλησιαστικά ζητήματα) не должно имѣть мѣста требованіе новеллы императора Мануила Комнина отъ іюля 1166 (6674) года, въ силу котораго при рѣшеніи дѣлъ въ гражданскихъ судахъ, когда голоса судей раздѣлялись поровну, перевѣсъ давался голосомъ предсѣдателя,—дабы этою новеллою не было извращено каноническое преданіе (οὐδὲ κανονικῆ παραβόσις ἀντιτάπη) (ibid. 130). Иначе скааать, при избраніи епископовъ должны были соблюдаться правила—19-е апост. и 6-е перваго вселенскаго собора (ср. И. Соколовъ, Избраніе патріарховъ въ Византіи, стр. 61—62). Однако, послѣднее правило не было указано въ аналитируемой главѣ перваго титула Номоканона патріарха Фотія.

²⁰⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 161—162.

²¹⁾ Ὅτι δεῖ δόκιμον εἶναι τὸν ἐπίσκοπον τῇ πίστει καὶ τῷ ὀρθῷ βίῳ, — говорится въ одной сколіи на это правило (В. Н. Венешевъ в чѣ, Приложенія и пр., стр. 18).

древности епископовъ избирали димы городовъ (τὸ παλαιὸν οἱ δῆμοι τῶν πόλεων ἤρουντο τοὺς ἐπίσκοπους)²²⁾, но такъ какъ отсюда возникали возмущенія, то голосованія относительно поставленія епископовъ (τὰ περὶ τῆς τῶν ἐπισκόπων καταστάσεως ψηφίσματα) были предоставлены епископамъ каждой области. Θ. Вальсамонъ также говоритъ, что правиломъ запрещается народу (ὄχλος) избирать (ψηφίζεσθαι) епископовъ и опредѣляется, чтобы они поставлялись (καθίστασθαι) митрополитами и епископами при условіи—быть испытанными въ ученіи и жизни²³⁾.

Важныя дополненія по вопросу содержатся въ 6 правилѣ Сардикскаго собора, которое также указано въ Номоканонѣ. «Аще въ единой области,—говорится въ этомъ правилѣ,—имѣющей многихъ епископовъ, случится единому епископу замедлити, и онъ, по нѣкоему небреженію, не восхощетъ быти въ собраніи и согласитися на постановленіе епископовъ (τῇ καταστάσει τῶν ἐπισκόπων), собравшееся же множество людей будетъ просить, да поставится требуемый ими епископъ», то экзархъ области, или епископъ митрополіи долженъ грамотою призвать отсутствующаго епископа и напомнить ему, что народъ просить дать ему пастыря,—и ожидать прибытія его. Если же онъ и послѣ приглашенія не прибудетъ и не выразитъ своего согласія посредствомъ письменнаго отвѣта, то должно состояться избраніе по мнѣнію большинства областныхъ епископовъ. «Но и отъ ближнія области,—продолжаетъ правило,—должно призвати епископовъ къ поставленію епископа митрополіи» (πρὸς τὴν κατάστασιν τοῦ τῆς μητροπόλεως ἐπισκόπου). Затѣмъ правило не позволяетъ поставлять (καθίσταν) епископа въ какое-либо село или въ малый городъ, для котораго достаточно и одного пресвитера: «ибо не нужно поставляти тамо епископовъ, да не уничижается имя епископа и власть». «Но епископы области должны епископовъ поставляти въ тѣ грады, въ которыхъ и прежде были епископы». Если же окажется, что какой-либо городъ, не имѣвшій прежде большаго числа гражданъ, сдѣлался въ послѣдствіи многолюднымъ, такъ что будетъ признанъ достойнымъ имѣть епископа,

²²⁾ О димахъ см. статью Θ. И. Успенскаго «Партія църка и димы въ Константинополѣ» («Византійскій Временникъ», 1894 (I), 1—16).

²³⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, III, 182.

то и можетъ получить его—ради многочисленности населенія, хотя издревле и не имѣлъ его.

Въ толкованіи на это правило I. Зонара, по поводу избранія митрополита при участіи епископовъ близъ лежащей области (τῆς πλησιοχώρου ἐπαρχίας), отмѣтилъ: «это было тогда, когда города сами по себѣ избирали епископовъ митрополій, а нынѣ этого не бываетъ, но тѣ, которымъ предоставлена хиротонія епископовъ, чрезъ епископовъ области избираютъ архіереевъ»²⁴). Определеннѣе говорить объ этомъ Феодоръ Вальсамонъ. «Такъ какъ прежде [изданія] 28-го правила Халкидонскаго собора митрополиты поставлялись отъ епископовъ, а не отъ современнаго патріарха Константинополя, какъ бываетъ нынѣ, то правило говоритъ, что, если должно произойти избраніе митрополита, оно не должно совершаться только одними областными епископами, но надлежитъ приглашать и другихъ сосѣднихъ епископовъ, конечно, вслѣдствіе важнаго значенія митрополита, котораго правило называетъ и экзархомъ области: вѣдь такимъ образомъ избраніе его будетъ совершенно свободнымъ отъ какого-либо подозрѣнія, какъ произведенное большимъ числомъ архіереевъ. Правило также опредѣляетъ,—по толкованію Θ. Вальсамона, что недѣйствительно избраніе епископа (ἄχωρος ἐστὶν ἡ ψῆφος τοῦ ἐπίσκοπου), происшедшее безъ присутствія и согласія всѣхъ областныхъ епископовъ, такъ что слѣдуетъ приглашать и одного отсутствующаго епископа; и никто не можетъ говорить, что, такъ какъ достаточно избранія большинства (ἡ τῶν πλείονων ψῆφος), отсутствіе одного не составитъ инкриминируемаго поступка (οὐ προκρίματις), хотя бы его мнѣніе и было противнымъ. «Вслѣдствіе этого, какъ кажется, приглашаются всѣ пребывающіе въ этомъ царствующемъ городѣ архіереи, всякій разъ какъ должно совершиться избраніе для какой-либо церкви, и отсутствіе одного препятствуетъ этому». Въ виду же того, что правило говоритъ о поставленіи епископовъ тамъ, гдѣ и прежде были епископы,—нѣкоторые утверждали, что этого не должно быть въ совершенно бѣдныхъ селахъ и городахъ, такъ какъ въ нихъ епископы ранѣе избирались

²⁴) Τοῦτο δὲ ἐγίνετο, ὅτε καθ' ἑαυτὰς αἱ πόλεις τοὺς ἐπίσκοπους τῶν μητροπόλεων ἐψηφίζοντο. Νῦν δὲ τοῦτο οὐ γίνεται, ἀλλ' οἷς ἡ χιροτονία τῶν ἐπισκόπων ἀπονενέμηται, ἐκείνοι διὰ τῶν ἐπισκόπων τῆς ἐπαρχίας ψηφίζονται τοὺς ἀρχιερεῖς (Ράλλης καὶ Ποτλῆς, III, 244).

тогда, когда они были населены многочисленнымъ народомъ, а причиною возведенія архіерея (τῆς προβλήσεως τοῦ ἀρχιερέως) является многолюдность страны, но не древняя прономія (τὸ παλαιὸν πρόνομιον), и прибавляли, что не должно избирать епископа въ городъ, обратившійся изъ многолюднаго почти въ ничто, вслѣдствіе нашествія иноплеменниковъ или какого-либо другаго стеченія обстоятельствъ, но въ многолюдные города, хотя бы они прежде не имѣли архіеревъ. Впрочемъ, императоръ [Мануиль Комнинъ] на многократный запросъ о томъ, должно ли производить избранія для церквей, находящихся на Востокъ²⁵⁾ и занимаемыхъ агарянами, соизволилъ избирать для этихъ церквей епископовъ и, посредствомъ общаго распоряженія, великодушно назначилъ жалованье (σολέμνια) для достаточнаго содержанія тѣмъ, которые должны быть избраны, — до тѣхъ поръ, пока они отправятся въ свои церкви, дабы право, принадлежащее этимъ церквямъ и царству, сохранялось вѣчно живымъ, такъ какъ онъ нисколько не отказывался отъ возстановленія въ нихъ христіанъ. Но царь не согласился на то, чтобы епископы какимъ бы то ни было образомъ (ὁπωσδήποτε) избирались въ бѣдныя села, а лучше сказать — и сердился противъ избираемыхъ такимъ способомъ, потому что отсюда унижается архіерейское достоинство. А когда святѣйшій митрополитъ Θивъ Калоктени вновь избралъ епископовъ, то во дни святѣйшаго патріарха [кирь Михаила III Анхіальскаго, 1162—1177 г.], бывшаго ипатомъ философовъ, въ синодѣ была рѣчь о томъ, обязанъ ли былъ митрополитъ совершить это вновь введенное дѣло по соборному разрѣшенію, и всѣ сказали, что вновь совершенное митрополитомъ Θивъ дѣло должно быть разрѣшено великимъ синодомъ, или соборомъ, послѣ разслѣдованія, согласно апостольскому правилу, которое опредѣляетъ, что безъ соборнаго рѣшенія ничто особое не совершается епископомъ²⁶⁾.

Аристинъ въ своемъ толкованіи на анализируемое правило, между прочимъ, говоритъ: «Нынѣ не дѣйствуетъ то [постановленіе], чтобы избранія епископовъ совершались клириками и

²⁵⁾ Т. е. въ епархіяхъ, расположенныхъ къ востоку отъ Константинополя, иначе — въ Малой Азіи.

²⁶⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλής, III, 245—247.

первыми [гражданами] города, но они производятся митрополитами и епископами... Итакъ, должно, чтобы или всѣ епископы присутствовали при избраніи, или и отсутствующіе были посредствомъ грамотъ согласны съ присутствующими... Когда долженъ быть избранъ митрополитъ, то не всѣ митрополиты всего діоцеза имѣютъ быть приглашены на избраніе его, но сосѣдніе: вѣдь то [первое] и невозможно, коль скоро хиротоніи для вдовствующихъ епископій должны совершаться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, согласно 25 пр. Халкидонскаго собора» ²⁷⁾.

Далѣе, 13-е правило Карфагенскаго собора, указанное въ Номокалонѣ, предписываетъ слѣдующее: «Многіе епископы, собравшись, да поставляютъ (χειροτονοῦσιν) епископа. А по нуждѣ три епископа, въ какомъ бы мѣстѣ ни были они, по повелѣнію первенствующаго, да поставятъ епископа (τῷ τοῦ πρωτεύοντος παραγγέλματι χειροτονήσουσι τὸν ἐπίσκοπον). И аще кто поступитъ въ чемъ-либо вопреки своему согласію или подписанію, самъ себя лишитъ чести». Такимъ образомъ, это правило, согласно съ 4-мъ правиломъ перваго вселенскаго собора, предписываетъ поставлять епископа или «многимъ» епископамъ области, или—въ случаѣ необходимости—тремъ, при чемъ подъ «поставленіемъ»—χειροτονία—разумѣеть, по разъясненію I. Зонары, не руковожденіе и посвященіе (τὴν χειροθεσίαν καὶ καθιέρωσιν), а избраніе (τὴν ψήφον). Первенствующими же правило называетъ митрополитовъ епархій, по повелѣнію которыхъ, или по порученію (ἡγούον ἐντολή), предписывается епископамъ поставлять или избирать епископа. Если же кто-либо изъ епископовъ, участвовавшихъ въ избраніи, и послѣ избранія будетъ противорѣчить собственному согласію или подписи, т. е., если онъ о томъ, кого призналъ достойнымъ быть епископомъ, или подписался въ избирательномъ о немъ опредѣленіи (ἐν ψήφισματι), послѣ этого станетъ говорить, что онъ недостойнъ, и будетъ противорѣчить самому себѣ, тотъ самъ лишитъ себя архіерейской чести, т. е. долженъ быть изверженъ, если не докажетъ своего обвиненія противъ обвиняемаго ²⁸⁾.

²⁷⁾ Ibid., III, 247.

²⁸⁾ Ibid., III, 325—326.

Θεόδωρος Βαλσαμώνъ также говоритъ, что въ указанномъ правилѣ рѣчь идетъ именно объ избраніи, а не хиротесіи и посвященіи, такъ какъ подпись, о которой говорится въ концѣ правила, бываетъ не при хиротоніи или посвященіи, а во время избранія (ὁποῦραφῆ οὐ γίνεται εἰς χηροτονίαν, ἤτοι καθιέρωσιν, ἀλλὰ εἰς ψῆφον). Тогда какъ 4-е правило перваго вселенскаго собора предписывало производить избраніе епископовъ при участіи всѣхъ епископовъ области (ὕπὸ πάντων ἐπαρχιωτῶν καθίστασθαι τὰς ψήφους), а въ крайнемъ случаѣ—трехъ, при письменномъ согласіи остальныхъ,—настоящее правило опредѣляетъ, чтобы избранія совершались многими епископами (ὕπὸ πολλῶν ἐπισκόπων γίνεσθαι τὰς ψήφους), такъ какъ нѣкоторые митрополиты, или первенствующие епархій, по вѣроятному предположенію Θ. Βαλσαμόνα, не соблюдали постановленіе Никейскаго собора. Правило также предписываетъ, что епископы, въ случаѣ необходимости—три, обязаны были собираться для избранія епископа съ вѣдома и разрѣшенія перваго, т. е. митрополита (μετὰ εἰδήσεως καὶ ἐπιτροπῆς τοῦ πρώτου, ἤτοι τοῦ μητροπολίτου), и притомъ—въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ. Θ. Βαλσαμώνъ представилъ и нѣкоторыя детальныя разъясненія смысла этого правила. Именно, требуется, чтобы епископы, производящіе избраніе, принадлежали къ той именно области или епархіи, для которой совершается избраніе; поэтому митрополиты не могли приглашать какихъ угодно епископовъ, въ частности изъ числа тѣхъ, которые имѣли временное пребываніе въ столицѣ, но лишь при участіи своихъ областныхъ епископовъ производили избраніе. Затѣмъ, выраженіе «въ какомъ бы то ни было мѣстѣ» (ἐν οἴφθῆποτε τόπῳ) написано, по разъясненію Θ. Βαλσαμόνα, для тѣхъ, которые говорятъ, что избраніе для церкви должно производиться митрополитомъ въ находящейся при немъ митрополіи (εἰς τὴν κατ' αὐτὸν μητρόπολιν), что не было принято, потому что не мѣсто поставляетъ епископа, но голосованіе и выборъ архіереевъ (ἡ ψῆφος καὶ ἐπιλογή τῶν ἀρχιερέων). Кромѣ того, по смыслу правила, «первенствующій или митрополитъ не долженъ присутствовать при избраніяхъ, но одни только епископы». Относительно изверженія епископа, противорѣчащаго своей подписи, Θ. Βαλσαμώνъ пишетъ слѣдующее: «Если выраженія правила понять [въ томъ смыслѣ], что избравшій признаетъ свою подпись, но говоритъ, что послѣ

этого онъ узналъ нѣчто препятствующее возведенію (προελθεῖν) избраннаго въ епископское достоинство, то онъ не иначе долженъ быть изверженъ, какъ если не представить твердыхъ доказательствъ. Если же противорѣчіе подписи понять въ смыслъ отрицанія ея, то, когда дѣло будетъ доказано посредствомъ сравненія грамотъ, или какъ-либо иначе, въ соотвѣтствіи этому епископъ и долженъ быть изверженъ. Итакъ, замѣтъ, что настоящее правило, какъ мнѣ кажется, говорить объ отказѣ отъ подписи». Наконецъ, Вальсамонъ отмѣтилъ, что изверженіе архіерея за отреченіе отъ сдѣланной подписи относится только къ епископскому избранію, имѣетъ специальный смыслъ и должно сохранять значеніе лишь въ отношеніи къ этому факту. За отказъ же отъ всякой другой подписи архіерей судится по общимъ гражданскимъ законамъ (Василики и LXXII новелла императора Льва Мудраго)²⁹.

Затѣмъ, 18 (=25)-е правило Кареагенскаго собора предписываетъ: «Рукополагаемымъ въ епископа рукополагающіе (χειροτονούμενοι ἐπίσκοπου ἀπὸ τῶν χειροτονούντων) предварительно да влагаютъ во уши постановленія соборовъ, дабы не поступали вопреки опредѣленіямъ собора и не раскаявались». По изъясненію Іоанна Зонары, рукополагающіе должны изложить хиротонисуемымъ опредѣленія соборовъ относительно вѣры и жизни, какъ должно жить и управлять церковными дѣлами (τὰ ἐκκλησιαστικά οἰκονομεῖν), дабы они, зная постановленія свв. отцовъ, поступали согласно съ ними, и не раскаялись, дѣйствуя вопреки имъ³⁰). Θ. Вальсамонъ, въ свою очередь, изъяснилъ, что, если рукополагаемые въ епископскій санъ не будутъ имѣть точнаго пониманія догматическихъ опредѣленій и каноническихъ постановленій (τῶν δογματικῶν ὄρων καὶ τῶν κανονικῶν παραγγελιῶν) и совратятся или въ ученіи, или въ рѣшеніяхъ (ἢ διδασκοντες, ἢ ἀποφαινόμενοι) съ прямого и царскаго пути (ἐκ τῆς εὐθείας καὶ βασιλικῆς ὁδοῦ) къ ученіямъ нечестивымъ и рѣшеніямъ неканоническимъ, то они будутъ извержены каноническимъ порядкомъ (κανονικῶς) и раскаяніе нисколько не будетъ для нихъ

²⁹) Πάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 326—328.

³⁰) Πάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 353—354. Ср. Basilica, lib. XXII, tit. 1, cap. 75, tit. 3, cap. 1, tit. 4, cap. 1; lib. XXIII, tit. 1, cap. 60; tom. I, p. 500—501, 515—516, 519—526, 651—652; Zachariae a Lingenthal, Ius, III, 170.

полезно. Характерно «другое толкованіе» того-же правила, изложенное Вальсамономъ. «Какъ кажется, — пишетъ византійскій канонистъ, — настоящимъ правиломъ было установлено, чтобы тѣ, которые должны хиротонисаться архіереями, прежде хиротоніи необходимо записывали въ кодексъ хиротонисующаго ихъ святой символъ вѣры и прочіе божественные догматы. Я видѣлъ архіерея, подвергшагося большой опасности вслѣдствіе того, что не сдѣлалъ (такой) записи со вниманіемъ и согласно обычаю»⁸¹).

49 (=60)-е правило Кареагенскаго собора предписываетъ: «Да соблюдается древній чинъ (τύπος): менѣе трехъ епископовъ, какъ опредѣлено въ правилахъ, да не признаются довольными для поставленія епископа (ἵνα μὴ ἦττονες τριῶν τῶν ὀρισθέντων εἰς χειροτονίαν ἐπισκόπων ἀρχιερατικῶν)». Такъ какъ часто бываетъ неудобно, чтобы для хиротоніи епископа созывались многіе епископы, — разъясняется въ толкованіи Θ. Вальсамона, — то, дабы это не служило препятствіемъ для пользы церкви (τῷ χρησίμῳ τῆς ἐκκλησίας), т. е. для хиротоніи епископовъ (ἡγούσιν τῇ χειροτονίᾳ ἐπισκόπων)⁸²), епископъ долженъ хиротонисаться только тремя епископами, т. е. митрополитомъ и двумя другими, — ибо такъ удобна будетъ хиротонія епископовъ. «Итакъ, замѣтъ изъ настоящаго правила, — продолжаетъ Вальсамонъ, — что епископъ не необходимо хиротонисуетъ тремя епископами той-же епархіи (ἐπαρχιωτῶν), но митрополитомъ и двумя другими, хотя бы они и не были областными (ἐπαρχιωταί)». И далѣе Вальсамонъ сообщаетъ слѣдующій историческій фактъ. Митрополитъ Ефеса Христофоръ, хиротонисавшій въ Константинополѣ епископа въ Калою⁸³) безъ

⁸¹) Ὡς εἶκεν, ἀπὸ τοῦ παρόντος κανόνος ἐτυπώθη, τὸ εἰς ἀνάγκης τοὺς μέλλοντας χειροτονεῖσθαι ἀρχιερεῖς ἐγγράφεισθαι πρὸ τῆς χειροτονίας εἰς τὸν κώδικα τοῦ χειροτονούντος αὐτοὺς τὸ τῆς πίστεως ἅγιον σύμβολον καὶ τὰ λοιπὰ θεῖα δόγματα. Εἶδον γάρ ἀρχιερεῖα μεγάλης κίνδυνου ἕνεκα, διὰ τὸ μὴ ἐγγράφασθαι συντηρημένως καὶ κατὰ τὴν συνήθειαν (Ibid., III, 354).

⁸²) I. Зонара въ толкованіи на анализируемое правило говорить, что хиротонія епископовъ не только полезна для церкви, т. е. вѣрующимъ, но и нужна и необходима (χρησίμης, ἀναγκαῖα). Ράλλης καὶ Ποτλῆς, III, 424.

⁸³) По Notitia episcoporum съ именемъ св. Епифанія, архіепископа кипрскаго, епископскій престолъ Калой (ὁ Καλόης) занималъ 9-е мѣсто въ числѣ 36 подчиненныхъ Ефесскому митрополиту епископій, а по Not. императора Льва VI Мудраго—9-е мѣсто изъ 34 епископій Ефесской митрополіи (Gelzer, 536, 552. Ср. Partheu, 60 102, 102 22, 154 22). Городъ Калоя находился въ еемѣ Самоса, въ верховьяхъ рѣки Каистра (нынѣ Кучукъ-мендересъ), къ сѣверо-востоку отъ Ефеса и къ юго-западу отъ Филадельфій.

участія кого-либо изъ епископовъ его епархіи, былъ за это подвергнутъ обвиненію на томъ основаніи, что митрополить обязанъ совершать хиротоніи епископовъ, равно и избранія, по меньшей мѣрѣ, съ двумя областными епископами (*ορεΐλειν τὸν μητροπολίτην μετὰ τῶν ἐπαρχωστῶν τὸ ἐλάχιστον δύο τὰς χειροτονίας ποιεῖν τῶν ἐπισκόπων, ὡσπερ καὶ τὰς ψήφους*). Но такое обвиненіе, по мнѣнію Вальсамона, было противозаконно (*παράλογως*) ³⁴⁾.

По вопросу объ избраніи архіереевъ важное значеніе имѣеть 28-е правило Халкидонскаго собора. «Токмо митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Θρακίϊскія, а также епископы у иноплеменниковъ да поставляются отъ святѣйшаго престола святѣйшія Константинопольскія церкви, сирѣчь, каждый митрополить вышеупомянутыхъ областей съ епископами области долженъ поставлять епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано Божественными правилами, а самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ речено, Константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго» ³⁵⁾. Такимъ образомъ, правило предоставляетъ Константинопольскому патриарху право хиротонисать митрополитовъ трехъ подчиненныхъ ему діоцезовъ—Понтійскаго, расположеннаго на вост. берегу Чернаго моря до Трапезунта и далѣе внутрь Малоазійскаго полуострова, Асійскаго, обнимавшаго Ефесъ, Ликию и Памфилю съ окрестностями, и Θρακίϊскаго, обнимавшаго всѣ митрополіи къ западу отъ Константинополя, со включеніемъ Македоніи, Θεσσαλίи, Ἐλλάды и Πελοποννήσια, вплоть до Дирраχія (Θ. Вальсамонъ). Кромѣ того, Константинопольскій патриархъ хиротонисалъ епископовъ для иноплеменниковъ, къ которымъ относились аланы, принадлежавшіе къ Понтійскому

О митрополіи Ефеса въ византійскую эпоху см. нашу статью въ *Христіанскомъ Ученіи* за 1916 г., май—іюнь, стр. 533—545.

³⁴⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 424—425.

³⁵⁾ ... τοὺς τῆς Ποντικῆς καὶ τῆς Ἀσιατικῆς καὶ τῆς Θρακικῆς διοικήσεως μητροπολίτας μόνους, ἐτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν προειρημένων διοικήσεων χειροτονεῖσθαι ὑπὸ τοῦ ἀγιωτάτου θρόνου τῆς κατὰ Κωνσταντινούπολιν ἀγιωτάτης ἐκκλησίας· δηλαδὴ ἐκάστου μητροπολίτου τῶν προειρημένων διοικήσεων μετὰ τῶν τῆς ἐπαρχίας ἐπισκόπων χειροτονοῦντος τοὺς τῆς ἐπαρχίας ἐπισκόπους, καθὼς τοῖς θείοις κανόσι διηγόρευται· χειροτονεῖσθαι δὲ, καθὼς εἴρηται, τοὺς μητροπολίτας τῶν προειρημένων διοικήσεων παρὰ τοῦ Κωνσταντινουπόλεως ἀρχιεπισκόπου, ψηφισμάτων συμφώνων κατὰ τὸ ἔθος γενομένων καὶ ἐπ' αὐτὸν ἀναφερομένων.

діацезу, и россы (Ῥώσσοι), принадлежавшіе къ Θρακίѣскому діацезу (І. Зонара и Θ. Вальсамонъ). Патріархъ рукополагалъ въ этихъ округахъ только однихъ митрополитовъ. И слово *μόνον* было употреблено въ канонѣ съ тою цѣлью, чтобы кто-либо изъ патріарховъ Константинополя не присвоилъ себѣ и хиротоніи епископовъ: эти рукоположенія предоставлены каждому изъ митрополитовъ, которымъ они издавна принадлежали (οἱ ἀνάκαθεν ἀνήκον). Что же касается митрополитовъ, то, по смыслу правила, патріархъ Константинополя не тѣхъ будетъ хиротонисать митрополитовъ, кого самъ пожелаетъ, но находящійся подъ его властью синодъ долженъ производить избранія, и на комъ избирающіе согласятся, изъ тѣхъ онъ будетъ хиротонисать, послѣ того какъ ему предоставляются избранія (І. Зонара) ³⁶⁾. Избранія митрополитовъ,—по изъясненію Θ. Вальсамона,—должны по обычаю совершаться митрополитами, а произведенное ими [избраніе] должно представляться патріарху, дабы, по его одобренію, изъ трехъ избранныхъ одинъ былъ хиротонисанъ. «Итакъ, замѣтъ, продолжаетъ византійскій канонистъ,—что прежде этого правила патріархи не хиротонисали митрополитовъ, но епископы каждой епархіи, и что митрополиты имѣютъ архіерейскія права въ поставленіи епископовъ, и что патріархи или митрополиты не должны присутствовать при избраніи митрополитовъ, или епископовъ» ³⁷⁾.

2-е правило седьмого вселенскаго собора опредѣляетъ: «Всякому имѣющему возведену быти (προάγεσθαι) на епископскій степень, непремѣнно знати псалтирь, да тако и весь свой клиръ вразумляетъ поучатися изъ оныя. Такжеде тщательно испытывати его митрополиту, имѣетъ ли усердіе съ размышленіемъ, а не мимоходомъ, читати священныя правила, и святое евангеліе, и книгу Божественнаго апостола и все Божественное писаніе, и поступати по заповѣдямъ Божиимъ и учити порученный ему народъ. Ибо сущность іерархіи нашей соотавляютъ Богопредан-

αὐτοὶ αὐτοὶ αὐτοὶ.

³⁶⁾ οὐχ οὗς βούλεται ὁ Κωνσταντινουπόλεως χειροτονῆσαι μητροπολίτας, ἀλλ' ἡ ὑπ' αὐτὸν σύνοδος τὰς ψήφους ποιῆσεται καὶ ἐφ' οὗς ἂν οἱ ψηφισόμενοι συμφωνήσουσιν, ἐξ ἐκείνων χειροτονῆσαι ἀναφερομένων τῶν ψηφισμάτων πρὸς αὐτόν (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 383).

³⁷⁾ Σημειῶσαι οὖν ὅτι πρὸ τοῦ κανόνος τούτου οὐχ ἐχειροτόνουν οἱ πατριάρχαι τοὺς μητροπολίτας, ἀλλ' οἱ ἐκάστης ἐπαρχίας ἐπίσκοποι· καὶ ὅτι οἱ μητροπολίται ἔχουσι τὰ ἀρχιερατικὰ δίκαια εἰς τὸ ποιεῖν ἐπίσκοπους, καὶ οὐχ ὀφείλουσιν οἱ πατριάρχαι, ἢ οἱ μητροπολίται παρουσιάζειν εἰς τὰς ψήφους τῶν μητροπολιτῶν, ἢ τῶν ἐπισκόπων (ibid., III, 384).

ныя словеса, то есть истинное вѣдѣніе Божественныхъ писаній, якоже изрекъ великій Діонисій. Аще же колеблется и не усердствуетъ тако творити и учити, да не рукополагается (μη χειροτονείσθω). По изъясненію Θ. Вальсамона, это правило было издано святыми отцами въ силу упадка просвѣщенія въ Византіи въ эпоху иконоборства, когда большинство христіанъ огрубѣло вслѣдствіе гоненій и обязывалось читать Священное Писаніе,—тѣмъ болѣе архіереи, которые поставлены учить порученный имъ народъ. Отъ нихъ требовалось читать Писаніе «съ истолкованіемъ» (ἀριθμηστικῶς), дабы знать смыслъ каждаго слова и быть готовымъ къ отвѣту вопрошающимъ, и жить согласно Божественнымъ заповѣдямъ ³⁸).

Наконецъ, въ 16-мъ правилѣ собора перво-второго, бывшаго въ храмѣ святыхъ Апостоловъ въ Константинополь въ 861 году, опредѣлено: «Отнюдь да не поставляется епископъ (μηδενὶ τρόπῳ ἐπίσκοπον καταστήναι) въ той церкви, которой предстоятель (προεστῶς) живъ еще и пребываетъ въ своемъ достоинствѣ, развѣ аще самъ добровольно отречется отъ епископства. Ибо надлежитъ прежде привести къ концу законное изслѣдованіе вины, за которую онъ имѣетъ удаленъ быть отъ епископства, и тогда уже, по его низложенію; возвести на епископство другого, вмѣсто его (ἕτερον ἀντ' αὐτοῦ εἰς τὴν ἐπίσκοπὴν προβιάζεσθαι). . . . Нерадящему о врученной ему паствѣ и въ иномъ мѣстѣ болѣе шести мѣсяцевъ законсѣвающиму, святой соборъ опредѣлилъ совершенно быти чужду и архіерейства, въ которое поставленъ, дабы пасти, и на его епископію возводити другого вмѣсто его», — если только его отсутствіе не вызвано царскимъ повелѣніемъ, или исполненіемъ порученій своего патріарха, или тяжкою болѣзнію. По разъясненію Θ. Вальсамона, часто нѣкоторые епископы по малодушію отказывались отъ своихъ епископій вслѣдствіе притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ, или нападеній сосѣднихъ епископовъ, или неподчиненія народа, а митрополиты, принимая такія отреченія, хиротонисали другихъ епископовъ; бывали и такіе случаи, когда митрополиты избирали другихъ епископовъ прежде разслѣдованія обвинительныхъ жалобъ, возводимыхъ противъ нихъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ.

³⁸) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 561—563.

Византизмъ и его упадокъ

Византизмъ и его упадокъ

Византизмъ и его упадокъ

Такъ какъ это служило причиною церковныхъ смуть и беспорядковъ, то отцы и опредѣлили, чтобы епископы не избирали при жизни предстоятеля церкви, развѣ только на основаніи разслѣдованія окажется приемлемымъ отреченіе живого, или онъ будетъ осужденъ соборнымъ рѣшеніемъ: тогда и при жизни его долженъ быть хиротонисанъ другой ³⁹⁾.

Въ «текстѣ» (κείμενον) Номоканона, дополняющемъ изложенную группу церковныхъ правилъ о поставленіи архіерея, сдѣлана ссылка на Кодексъ и Новеллы императора Юстиніана. Но по толкованію Вальсамона, лишь двѣ новеллы [СХХІІІ=СLV и СХХХVІІ=СLXXIV] вошли въ составъ Василикѣ и получили значеніе дѣйствовавшего въ нашу эпоху права, остальные же гражданскіе законы, отмѣченные въ Номоканонѣ, потеряли свою практическую силу ⁴⁰⁾. И дѣйствительно, въ первомъ титулѣ третьей книги Василикѣ, гдѣ рѣчь идетъ «О епископахъ и клирикахъ, также о хиротоніи и прономіяхъ ихъ», въ девятой главѣ представлено извлеченіе изъ СХХІІІ (=СLV)-й новеллы Юстиніана, а въ восьмой главѣ помѣщена часть СХХХVІІ [=СLXXIV]-й новеллы.

Въ частности, въ 9-й главѣ перваго титула третьей книги Василикѣ предписывается слѣдующее: «Прежде же всего мы узаконяемъ сохранять то, чтобы никто не хиротонисался епископомъ (μὴδεις χιροτονεῖται ἐπίσκοπος) посредствомъ даренія золота или другого имущества. Если же будетъ уличенъ въ какомъ-либо подобномъ грѣхѣ, то дающіе и получающіе и посредники ихъ, согласно Божественнымъ Писаніямъ и священнымъ канонамъ, сами подвергають себя осужденію, и поэтому и дающій, и получающій, и состоявшій посредникомъ долженъ лишаться священства, или чести клира. А то, что было дано изъ-за этой вины, пусть присуждается той церкви, священство которой замышлялось купить. Если же тотъ, кто получалъ что-либо изъ-за этой вины, или состоялъ посредникомъ въ дѣлѣ, есть мірянинъ, то мы повелѣваемъ, чтобы данное ему имущество,

³⁹⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 697—698.—Въ толкованіи Θ. Вальсамона содержатся подробности и относительно отреченія епископовъ, которыя будутъ раскрыты нами въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁰⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, I, 45—46.

которое должно присудить церкви, требовалось съ него въ двойномъ размѣрѣ. Мы не только повелѣваемъ присудить все, данное такимъ способомъ, но и узаконяемъ, что не имѣетъ силы и всякое обезпеченіе относительно этого, какимъ бы способомъ оно ни было установлено,—или какъ обезпеченіе залогами, или обязательство поручителя, или всякій другой какой-либо приемъ. И кромѣ того, кто принимаетъ обѣщаніе, тотъ не только долженъ отдать [сумму] соглашенія, но и обязанъ уплатить другое подобное, что содержитъ соглашеніе, и [все] должно быть отдано церкви. Однако, если кто-либо изъ епископовъ, или прежде своей хиротоніи, или послѣ хиротоніи, пожелаетъ принести собственное имущество или часть его той церкви, священство которой онъ получаетъ, то мы не только не препятствуемъ [этому] и узаконяемъ, чтобы онъ былъ свободенъ отъ всякаго осужденія и наказанія по настоящему закону, но и признаемъ [его] достойнымъ всякой похвалы, такъ какъ это не есть покупка, но приношеніе. Относительно же обычныхъ взносовъ мы соизволяемъ, чтобы отъ хиротонисуемыхъ епископовъ доставлялись только тѣ, которые вслѣдъ за тѣмъ указываются въ настоящемъ законѣ»⁴¹⁾. И далѣе въ Василикахъ указываются суммы обычныхъ каноническихъ взносовъ отъ хиротонисуемыхъ епископовъ въ пользу совершающихъ хиротонію іерарховъ, но въ рассматриваемой главѣ перваго титула Номоканона Фотія это заимствованіе изъ CXXXIII (CLV)-й новеллы Юстиніана не помѣщено.

Затѣмъ, въ 8-й главѣ перваго титула третьей книги Василикъ содержится узаконеніе такого содержанія: «Если же кто-либо сдѣлаетъ какое-либо обвиненіе противъ имѣющаго хиротонисаться епископа, или пресвитера, или діакона, или другого клирика, или игумена по какой-бы то ни было винѣ, то таковая хиротонія должна откладываться, и предварительно пусть будетъ разслѣдованіе обвиненія, въ присутствіи и обвинителя, представляющаго доказательство въ пользу своихъ заявленій. Если же обвинитель отказывается или откладываетъ [дѣло], въ такомъ случаѣ тотъ, кто имѣетъ совершить хиротонію, въ теченіе трехъ

⁴¹⁾ Basilicorum libri LX, ed. Heimbach, t. I, p. 94. Lipsiae 1833. Ср. Zachariae a Lingenthal, Imp. Justiniani novellae, p. II, p. 297—298. Lipsiae 1881.

мѣсяцевъ долженъ произвести самое точное разслѣдованіе, и если найдетъ подвергшагося обвиненію виновнымъ или по божественнымъ канонамъ, или по нашимъ законамъ, то хиротонія должна быть отклонена. Если же онъ окажется невиннымъ, хотя бы обвинитель или присутствовалъ, или отсутствовалъ, то хиротонія должна совершаться. Обвинитель же, если онъ, явившись, не докажетъ [обвиненія], или уклонится, то, если онъ состоитъ клирикомъ, долженъ быть изверженъ изъ своей степени, а если онъ—мірянинъ, то долженъ подвергнуться надлежащему вразумленію. Если же кто-либо хиротонисуетъ обвиненнаго прежде разслѣдованія, то какъ хиротонисавшій, такъ и хиротонисанный да будетъ лишенъ священства» ⁴²⁾.

Такимъ образомъ, вторая половина 8-й главы перваго титула третьей книги Василикъ, трактующая о возраженіяхъ при епископскомъ рукоположеніи, имѣетъ прямое отношеніе къ 8-й главѣ перваго титула Номоканона, гдѣ рѣчь также идетъ «о возраженіи, бываемомъ по поводу хиротоніи (ἐπί τῇ χιροτονίᾳ) епископа» ⁴³⁾.

Каноническая сторона вопроса уясняется 19-мъ правиломъ Антиохійскаго собора, которое уже извѣстно пзъ 6-й главы перваго титула Номоканона, и 49 (= 61)-мъ правиломъ Карфагенскаго собора. Последнее гласитъ такъ: «Аще когда приступимъ къ избранію (πρός ἐπιλογήν) епископа и возникнетъ нѣкое прекословіе..., дерзновенно будетъ тремъ токмо собраться для оправданія имѣющаго рукоположиться (τὸν χιροτονηθῆσομενον), но къ вышереченному числу да присоединится одинъ или два епископа, и при народѣ, къ которому избираемый имѣетъ быти поставленъ (καὶ ἐπὶ τοῦ λαοῦ, οὐ μάλλιν χιροτονεῖσθαι), во-первыхъ да будетъ изслѣдованіе о лицахъ прекословящихъ, потомъ да при-

⁴²⁾ Basilica, ibid., I, 93—94. Ср. Zachariae a Lingenthal, I. Justiniani novellae, II, 410.—У Heimbach'a представленное извлеченіе отмѣчается такъ: «Nov. 123, с ар. 2» (р. 93). Между тѣмъ оно составляетъ третью главу 137-й или CLXXIV-й новеллы. Вторая же глава 123 (=CLV)-й новеллы, хотя и сходна по содержанію съ представленнымъ извлеченіемъ, отличается отъ его оригинала по изложенію (Zachariae a Lingenthal, II, 296—297).

⁴³⁾ Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Νομοκάνων. Ῥάλλης καὶ Ποτλής, I, 46.—Проф. В. А. Нарбековъ точно перевелъ «о возраженіяхъ—περὶ τῆς γενομένης ἀντιλογίας» («Номоканонъ константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона», ч. II, стр. 60. Казань 1899).

совокупится къ изслѣдованію объявленное ими, и когда явится чистымъ предъ лицомъ народа, тогда уже да рукоположится (χειροτονηθείη). По разъясненію Іоанна Зонары, населеніямъ городовъ было запрещено возводить или избирать (προχειρίζεσθαι) архіереевъ для себя, но потомъ граждане, являясь опять къ власти имѣющимъ іерархамъ, просили нѣкоторыхъ по имени (ἤτοι τινὰς ἐξ ὀνόματος) [о возведеніи въ санъ епископа], какъ это видно изъ 55 (= 66)-го правила Кареагенскаго собора ⁴⁴). Различные каноны и говорятъ, что епископъ избирается тремя епископами. Но если встрѣтятся возраженія противъ избраннаго и обвиненія, заявленныя не епископами, производящими избраніе, а другими лицами, то къ тремъ епископамъ, производящимъ избраніе, должны присоединиться одинъ или два епископа и всѣ они, въ присутствіи народа, для котораго производится архіерейское избраніе, имѣютъ произвести разслѣдованіе, прежде всего лицъ, заслуживаютъ ли они вниманія и довѣрія, а потомъ и самихъ обвиненій, и когда обвиняемый окажется чистымъ предъ лицомъ публичной оцѣнки, тогда только производится его хиротонія ⁴⁵). Θ. Вальсамонъ, въ свою очередь, добавляетъ, что

⁴⁴) «Аврилій епископъ рекъ,—говорить это правило:—многократно случилось, что церковники просили у меня диаконовъ, или пресвитеровъ, или епископовъ (συνέβη κολλήσις αἰτηθῆναι με ἀπὸ ἐκκλησιαστικῶν ἐνδεομένων διακόνους, ἢ πρεσβυτέρους, ἢ ἐπισκόπους), и Аврилій, слѣдуя правиламъ, обращался къ епископу просимаго клирика и ему объявлялъ, что «клирика его просятъ принадлежаще той или другой церкви (οἱ τῆς οἰασθήτοτε ἐκκλησίας)» и пр. Іоаннъ Зонара въ толкованіи на это правило говорить, что нѣкоторые изъ церкви или епархій, находившихся подъ попеченіемъ кареагенскаго епископа Аврилія и нуждавшихся въ епископѣ, обращались къ нему съ соотвѣтствующей просьбой и даже указывали на опредѣленное лицо (ζητοῦσαι τόνδε ἢ τόνδε) [Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 446]. Это обстоятельство и дало поводъ византийскому комментатору отмѣтить новую подробность въ процессѣ избранія епископовъ. Θ. Вальсамонъ, въ свою очередь, разъяснилъ, что только епископы, пользующіеся прономіями (οἱ προνομίαισι ἐπίσκοποι), т. е. Константинополя, Юстиніанополя на Кларъ и др., могутъ хиротонисать чужихъ клириковъ въ санъ епископа, прочіе же епископы не должны ни просить у другихъ епископовъ, ни принимать отъ нихъ клирика иначе, какъ только въ случаѣ нужды хиротонисать его въ епископа, въ виду затруднительности поставленія епископовъ. Но еслибы клирикъ, напримѣръ, Константинопольской церкви, призываемый въ епископское достоинство, не принялъ избранія (τὴν ψήφον), то даже патріархъ не можетъ понуждать его къ принятію сана, такъ какъ вообще никто не принуждается быть архіереемъ и противъ своей воли (οὐ γὰρ ἀναγκάζεται τις ἀρχιερεὺς γενέσθαι καὶ ἕκων) [Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 451—452].

⁴⁵) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 426.

въ правилѣ рѣчь идетъ о возраженіи противъ того избраннаго, который не состоитъ іереемъ, но діакономъ, или міряниномъ, потому что іерея судятъ не пять епископовъ, а семь ⁴⁶⁾.

Въ «текстѣ» Номоканона разсматриваемый вопросъ освѣщается и извлеченіями изъ новеллъ Юстиніана — VI (= XII)-й, СХХІІІ (= CLV)-й и СХХХVІІ (= CLXXIV)-й. Въ частности, въ новеллѣ VI (= XII)-й повелѣвается, чтобы хиротоніи (τάς χιροτονίας) епископовъ происходили въ присутствіи всего народа церкви для того, чтобы всякій желающій имѣлъ возможность возражать; и если протестъ будетъ раньше хиротоніи, то [избранный] хиротонисается не прежде, чѣмъ совершится разслѣдованіе, и онъ окажется невиновнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; если же онъ будетъ хиротонисанъ раньше разслѣдованія, то долженъ лишиться священства вмѣстѣ съ хиротонисавшимъ. Однако, если тотъ, кто заявилъ возраженіе до хиротоніи, окажется клеветникомъ, или не представитъ доказательствъ, онъ навсегда долженъ быть удаленъ совершающимъ хиротонію отъ святого причащенія, а хиротонія должна состояться (гл. I, § 9—10) ⁴⁷⁾. Однако, указанное извлеченіе изъ VI (XII)-й новеллы въ Василикахъ не было помѣщено, какъ это и отмѣтилъ Ф. Вальсамонъ въ толкованіи на «текстъ», заявивъ, что ея требованіе о всегдашнемъ отлученіи клеветника является «неожиданнымъ — καὶνόν» и поэтому было отмѣнено ⁴⁸⁾. Новелла СХХІІІ (CLV)-я говоритъ, что если возраженіе будетъ заключаться въ обвиненіи, которое по законамъ или канонамъ можетъ воспрепятствовать хиротоніи, то имѣющій совершить хиротонію тщательно долженъ разслѣдовать обвиненіе, какъ въ присутствіи обвинителя, такъ и тогда, когда обвинитель отсрочиваетъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ выполненіе обвиненія; обвинитель, если не докажетъ [обвиненія], или избѣгаетъ, изгоняется изъ епархіи, въ которой живетъ. Если же хиротонія совершится до разслѣдованія, то рукоположенный лишается [сава], а рукоположившій въ теченіе года запрещается въ совершеніи] святого богослуженія, и все его имущество

⁴⁶⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 427.

⁴⁷⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 46. Ср. Zachariae a Lingenthal, I, 47—49. У проф. В. А. Нарбекова («Номоканонъ» и пр.) допущены нѣкоторыя неточности въ переводѣ (стр. 60).

⁴⁸⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 47, 48.

утверждается за находящеюся подъ его [управленіемъ] церковью. Это же постановленіе желаетъ, чтобы то же самое имѣло силу и при рукоположеніяхъ клириковъ (гл. 2 и 14)⁴⁹⁾. Но и эта новелла не была въ указанной части—помѣщена въ Василикахъ, какъ отмѣтилъ и Вальсамонъ⁵⁰⁾.

Наконецъ въ «текстѣ» 8-й главы перваго титула Номоканона представлена ссылка на 3-ю главу СХХХVII (=CLXXIV)-й новеллы Юстиніана, которая уже предложена выше, въ связи съ комментариемъ Вальсамона на текстъ 6-й главы. Въ Номоканонѣ лишь изложено содержаніе указанной части новеллы, которая,— по изъясненію патріарха Фотія,—говоритъ, что когда кто-либо обвиняетъ въ какой бы то ни было винѣ того, который долженъ хиротонисаться, то предварительно пусть будетъ разслѣдованіе въ присутствіи обвинителя; если же онъ отсутствуетъ или отсрочиваетъ, то имѣющій хиротонисать пусть произведетъ изысканіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и если онъ окажется невиновнымъ, то долженъ хиротонисаться, хотя бы обвинитель присутствовалъ, или отсутствовалъ; и обвинитель, если онъ клирикъ, извергается изъ степени, а если онъ мірянинъ, подвергается вразумленію [или наказанію]. Когда же хиротонія бываетъ прежде разслѣдованія, то хиротонисавшій и хиротонисанный лишаются священства. [Новелла] говоритъ, что то же самое имѣетъ силу и при хиротоніи клириковъ, и епископовъ и игуменовъ⁵¹⁾.

Теодоръ Вальсамонъ, представивъ въ своемъ толкованіи подлинный текстъ 3-й главы СХХХVII (=CLXXIV)-й новеллы Юстиніана, снабдилъ ее и примѣчаніемъ, въ которомъ заявилъ, что по вопросу объ отношеніи къ клеветнику, воспрепятствовавшему хиротоніи епископа, была принята въ Василикахъ «болѣе человѣколюбивая глава» (τὸ φιλανθρωπότερον κεφάλαιον) указанной новеллы, опредѣляющая, что таковой клеветникъ, являющійся міряниномъ, вразумляется⁵²⁾, а клирикъ извергается. Но и ограниченіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ [разсмотрѣнія] обвиненія, предъ-

⁴⁹⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 47. Ср. Zachariae a Lingenthal, II, 296—297, 305—306.

⁵⁰⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 47.

⁵¹⁾ Ibid.

⁵²⁾ ἀσφρονισμὸν ὑπομένετω, ἤτοι ἐξορίζεσθω (Zachariae a Lingenthal, II, 410, стл. 16).

являемаго противъ того, кто долженъ хиротонисаться,—въ присутствіи обвинителя, или и въ отсутствіи, является понятнымъ—для пользы хиротоніи. Позднѣйшіе же законы, опредѣляющіе посредствомъ тридцатидневныхъ приглашеній вызывать обвинителей, и прочія узаконенія относительно обвинителей не имѣютъ, по мнѣнію Вальсамона, мѣста въ отношеніи къ рассматриваемому предмету. Вѣдь если будетъ это принято, то упразднится [требованіе], чтобы изслѣдованіе происходило въ теченіе трехмѣсячнаго періода. Конечно, врученіе письменныхъ приглашеній будетъ неизбѣжно, при чемъ обвинитель приглашается посредствомъ письменныхъ объявленій въ теченіе меньшаго числа дней ⁵³⁾.

Въ 9-й главѣ перваго титула Номоканона говорится «о времени, въ теченіе котораго должны хиротонисаться епископы (τοὺς ἐπίσκοπους χερτονοῦντας)». Вопросъ рѣшается, прежде всего, 25-мъ правиломъ Халкидонскаго собора. «Поелику нѣкоторые митрополиты,—сообщается въ этомъ правилѣ,—небрегутъ о ввѣренныхъ имъ паствахъ и отлагаютъ поставленія (τὰς χερτονοίας) епископовъ, того ради опредѣлили святой соборъ, чтобы поставленія епископовъ совершаемы были въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, развѣ неизбѣжная нужда заставитъ продлить время отлагательства. Не творящій сего подлежитъ церковной епитиміи. Между тѣмъ, доходы вдовствующія церкви (τῆς χηρευούσης ἐκκλησίας) да сохраняются въ цѣлости икономомъ ея». Такимъ образомъ, правило назначаетъ трехмѣсячный срокъ, въ теченіе котораго избранный іерархъ долженъ быть хиротонисанъ,—за исключеніемъ неотвратимой причины (напримѣръ, взятія варварами города, въ который и нелегко кому-либо проникнуть), когда хиротонія можетъ быть отложена. Но за время вдовства епархіи доходы ея должны сохраняться церковнымъ экономомъ для епископа, за исключеніемъ необходимыхъ расходовъ на нужды церкви (I. Зонара) ⁵⁴⁾. Относительно «неизбѣжной нужды» Вальсамонъ разъясняетъ, что подъ нею нельзя разумѣть то, напримѣръ, обстоятельство, когда дѣла епископіи находятся въ затруднительномъ состояніи отъ несправедливости сборщиковъ податей, или другое что-либо подобное,—и это не служитъ благословною причиною для

⁵³⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, I, 48—49.

⁵⁴⁾ Ср. ibid. II, 273—274.

отсрочки архіерейской хиротоніи. Затѣмъ, въ различныя времена была, по сообщенію Вальсамона, рѣчь о получившихъ нареченіе послѣ избранія и отлагающихъ принятіе избранія, или отреченіе отъ него (περὶ τῶν μετὰ τὴν ψῆφον μνησομένων καὶ ἀναβαλλομένων τὴν καταδοχὴν, ἢ τὴν παραίτησιν), и спрашивалось, что слѣдуетъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ. Въ частности, много говорили о Теодорѣ Лакхана, который былъ объявленъ (ἐπίκληροῦθέντος) избраннымъ въ Ираклію и въ теченіе полутора года не принялъ этого избранія и не отрекся. По смыслу же правила, раскрываемому Вальсамономъ, трехмѣсячный срокъ послѣ избранія долженъ быть предоставленъ и избранному, или для принятія, или для отреченія отъ избранія, подобно тому, какъ такой-же срокъ данъ и митрополиту для избранія на епископство, и по той-же причинѣ, по которой и митрополитъ назначается, если онъ не совершилъ избранія въ назначенный срокъ⁵⁵). Когда этотъ срокъ минуетъ совершенно напрасно, то должно быть другое избраніе для церкви, или епархіи (ἐτέρα ψῆφος τῆς ἐκκλησίας γενήσεται), и если получившій нареченіе (ὁ μνησθεὶς) будетъ черезъ три мѣсяца просить хиротоніи, то его не только не должно слушать, но и церковно наказывать, какъ позволяющаго играть, чѣмъ не слѣдуетъ, и наносящаго своимъ промедленіемъ вредъ для Божіей паствы. На вопросъ же о томъ, что получившій нареченіе (ὁ μνησθεὶς) долженъ призываться особыми приглашеніями (δι' ἐπιφωνημάτων) къ хиротоніи, и если это не состоится, то и промедленіе будетъ для него безопасно, Вальсамонъ отвѣтилъ, что митрополитъ, какъ не приглашаемый (μὴ ἐπιφωνούμενος) патриархомъ, не имѣетъ такого права, поэтому не долженъ имѣть его и епископъ, хотя бы и былъ нареченъ (εἰ ἐμνησθη). Къ тому же для оцѣнки возраженія противъ избраннаго назначается трехмѣсячный срокъ, какъ это видно и изъ 8-й главы перваго титула третьей книги Василика⁵⁶).

Затѣмъ, въ Номоканонѣ указывается 14-е правило шестого вселенскаго собора, которое собственно говорить о возрастѣ для рукоположенія пресвитера (πρὸ τῶν τριάκοντα ἐτῶν μὴ χειροτονεῖσθαι)

⁵⁵) τριμηναῖος καιρὸς μετὰ τὴν ψῆφον ὀφείλει ὑσαπλωθῆναι καὶ τῷ ψηφισθέντι χάριν τοῦ καταδέξασθαι, ἢ παραίτησασθαι, κατὰ τὸν παρόντα κανόνα; ὅσος δὲ δηλονότι καὶ τῷ μητροπολίτῃ ἐδόθη χάριν τοῦ ψηφίσασθαι τὴν ἐπισκοπὴν.

⁵⁶) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 275—276.

и діакона (πρὸ τῶν εἰκοσιπέντε ἐτῶν μὴ χειροτονείσθω), но, по выраженію Вальсамона, учить и о возрастѣ епископа (περὶ τοῦ χρόνου τῆς ἡλικίας τοῦ ἐπισκόπου διδάσκει) ⁵⁷⁾, т. е. назначаетъ для кандидатовъ архіерейства 35-лѣтній возрастъ, въ соотвѣтствіи возрасту другихъ членовъ іерархіи.

«Текстъ» 9-й главы содержитъ указаніе на СХХІІІ (=CLX)-ю новеллу Юстиніана, гдѣ, между прочимъ, сказано, что, если граждане (οἱ τῆς πόλεως) станутъ откладывать избраніе (ψηφίσασθαι) епископа въ продолженіе шести мѣсяцевъ, тотъ, кому надлежитъ, долженъ, въ виду опасности для собственной души, совершить хиротонію, съ соблюденіемъ всѣхъ остальныхъ [требованій] (гл. I, § 2) ⁵⁸⁾. Но эта глава не была помѣщена въ Василикахъ, какъ отмѣтилъ и Вальсамонъ. Однако, византійскій патріархъ Михайлъ [II Куркуасъ-Оксейтъ, 1143—1146 г.], пользуясь,— по разсказу Вальсамона,—этимъ закономъ, трижды приглашалъ митрополита Амасіи киръ Леонтія произвести избраніе для епископіи Амиса ⁵⁹⁾, вдовствовавшей уже болѣе года. Патріархъ говорилъ, что такъ какъ долговременный періодъ миновалъ, и Амисъ не былъ со стороны митрополита замѣщенъ избраніемъ епископа, хотя къ нему и были три обращенія—по силѣ опредѣленія, чтобы онъ совершилъ избраніе епископа, онъ же не исполнилъ этого, то, по смыслу указаннаго закона, хорошо будетъ, если онъ самъ произведетъ избраніе на епископію и совершитъ хиротонію того, кто будетъ избранъ. Когда же нѣкоторые говорили, что соотвѣтствующее постановленіе новеллы не принято въ Василики и посему не дѣйствительно, то патріархъ настаивалъ, говоря, что несправедливо отвергнуть и черту изъ написаннаго въ Номоканонѣ, признаваемомъ Церковью, какъ богописанныя скрижали. Но впоследствии патріархъ, узнавши изъ царскихъ

⁵⁷⁾ Πάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 50.

⁵⁸⁾ Ibid., I, 49. Ср. Zachariae a Lingenthal, II, 296.

⁵⁹⁾ 'Αμισός или 'Αμινός на малоазійскомъ берегу Чернаго моря, къ востоку отъ Синопа и къ сѣверо-востоку отъ Амасіи, входилъ въ составъ Елеиопонта, потомъ—еемы Арменіакской. Городъ занималъ первое мѣсто изъ шести, потомъ пяти епископій, подчиненныхъ Амасійскому митрополиту въ византійскую эпоху (Gelzer, Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatum, 538 213, 553 259; Parthey, 64 236, 108 173, 172 233 etc.).

устъ и отъ избранныхъ членовъ сената то, что слышалъ и прежде, поспѣшилъ [побудить Вальсамона] къ составленію его труда, т. е. комментарія на Номоканонъ патріарха Фотія ⁶⁰⁾.

Во II-й главѣ перваго титула Номоканона содержатся указанія «о тѣхъ, которые изъ мірянъ становятся епископами». Вопросъ разъясняется, прежде всего, 10-мъ правиломъ Сардикскаго собора, которое предписываетъ: «Подобаетъ со всякою точностью (*ἀκριβείας*) и тщаніемъ наблюдать, да богатый кто-либо, или ученый (*συχολαστικός*), отъ свѣтскаго служенія удостоиваемый епископомъ быти, не прежде поставляется, развѣ когда совершить служенія чтеца, и діакона, и пресвитера, дабы, проходя чрезъ каждую степень, аще достойнымъ признанъ будетъ, могъ взыти на высоту епископства (*εἰάν περ ἄξιος νομισθεῖη, εἰς τὴν ἀψίδα τῆς ἐπισκοπῆς κατὰ προκοπὴν διαβῆναι δουηθεῖη*)». И затѣмъ правило опредѣляетъ, что для каждой степени «чина» было предоставлено «не слишкомъ малое время», въ продолженіе котораго можно было усмотрѣть «вѣру, благонравіе (*ἢ τῶν τρόπων καλοκάγαθία*), постоянство и кротость [избраннаго], и онъ, бывъ признанъ достойнымъ Божественнаго священства, получилъ бы величайшую честь (*καὶ αὐτός, ἄξιος τῆς θείας ἱεροσύνης νομισθεῖς, τῆς μεγίστης ἀπολαύσει τιμῆς*)». Вообще, не слѣдуетъ поспѣшно поставлять епископа (*ἐπίσκοπον προχειρῶς καθίστασθαι*) и «ни знаніе, ни поведеніе не дають на это права». Такимъ образомъ, никто изъ лицъ общественнаго служенія, принадлежащихъ къ мірскому званію, — будетъ ли это богатый человѣкъ, или ученый, занимающійся науками (*περὶ λόγους συχολάζων*), — если признается достойнымъ епископства, не долженъ рукополагаться во епископа вдругъ (*ἀθρόον*), но обязанъ постепенно и въ теченіе достаточнаго времени пройти каждую священную степень (I. Зонара) ⁶¹⁾. Затѣмъ, 17-е правило перво-второго собора, бывшаго въ храмѣ свв. Апостоловъ, опредѣляетъ, «чтобы впредь никто изъ мірянъ или монаховъ не былъ внезапно возводимъ на высоту епископства (*μηδένα τῶν λαϊκῶν ἢ μοναχῶν ἀθρόον εἰς τὸ τῆς ἐπισκοπῆς ὕψος ἀνάγεσθαι*), но чтобы каждый, по испытаніи прежде въ церковныхъ степеняхъ, воспринималъ рукоположеніе во епископа (*τῆς ἐπισκοπῆς τὴν χειροτονίαν*

⁶⁰⁾ Πάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 49—50.

⁶¹⁾ Ibid., III, 257.

ὀποδ'ευσθαι)». Соборъ и констатировалъ, что въ прежнее время нѣкоторые изъ монаховъ и мірянъ, по требованію нужды (ἀπατούσης χρείας), были вскорѣ (παρούτῃκα) удостоены епископской чести и даже превосшли другихъ добродѣтелию и «возвысили порученныя имъ церкви»; однако, «рѣдко бывающаго не поставляя въ законъ церкви», соборъ опредѣлилъ: «отнынѣ сему уже не быти, но правильно рукополагаемый да пройдетъ чрезъ всѣ степени священства, исполняя въ каждомъ положенное закономъ время». По изъясненію Вальсамона, отцы называютъ «церковнымъ безчиніемъ» (ἀταξίαν ἐκκλησιαστικὴν), когда какой-либо монахъ или мірянинъ дѣлается архіереемъ неосмотрительно и безъ испытанія (ἀπερισκέπτως καὶ δίχα δοξμασίας). Относительно же времени, «положеннаго» закономъ для каждой степени священства, Вальсамонъ высказывается въ томъ смыслѣ, что оно, въ случаѣ необходимости, должно быть, по крайней мѣрѣ, въ семь дней, если не больше, примѣнительно къ указанію св. Григорія Богослова въ словѣ на Пятидесятницу ⁶²⁾ и къ неписанному церковному обычаю (ἡ ἄγραφος ἐκκλησιαστικὴ συνήθεια). Что касается новеллы императора Юстиніана—СХХХVII (=CLXXIV)-й, которая назначаетъ предварительный пятнадцатилѣтній срокъ безукоризненнаго пребыванія въ монастырѣ для воина, или гражданина, избравшихъ иноческую жизнь и признанныхъ потомъ достойными архіерейскаго служенія (гл. 2) ⁶³⁾, и СХХIII (=CLV)-й, которая признаетъ необходимымъ для мірянина, избраннаго въ архіерея, предварительное причисленіе къ клирикамъ не менѣе какъ на три мѣсяца для изученія Писанія, правилъ и богослуженія (гл. 1, § 2) ⁶⁴⁾,—то, въ виду того, что эти новеллы не вошли въ Василики, Вальсамонъ не считаетъ возможнымъ на основаніи ихъ рѣшить представленное недоумѣніе, склоняясь къ отмѣченной церковной практикѣ, санкціонированной авторитетомъ св. Григорія Богослова ⁶⁵⁾. Въ «текстѣ» же Номоканона, кромѣ СХХIII-й новеллы

431 Византийская цивилизация... 1894—1927 гг.

⁶²⁾ Migne, P. Gr., t. XXXVI, col. 433C: Τοῦ δὲ αὐτοῦ, οἶμαι, δόγματος... ἐν ἐπτά μὲν ἡμέραις ὁ ἱερεὺς τελειούμενος..., ἐν τοσαύταις δὲ ὁ ναὸς ἐγκαινιζόμενος (σλόγος τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου, ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως, εἰς τὴν Πεντηκοστῆν).

⁶³⁾ Zachariae a Lingenthal, Imp. Justiniani novellae, II, p. 409. Lipsiae 1881.

⁶⁴⁾ Ibid., II, 26.

⁶⁵⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 702—703.

Юстиніана, указывается и новелла VI (=XII)-я, которая опредѣляетъ, что мірянинъ, избранный епископомъ, долженъ предварительно состоять клирикомъ или монахомъ не менѣе шести мѣсяцевъ (гл. 1, § 6)⁶⁶). Но и эта новелла не внесена въ Василики. Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на рассматриваемую главу Номоканона отмѣтилъ, что «въ различныхъ Юстиніановскихъ новеллахъ много было написано о мірянахъ, дѣлающихся епископами, но все это было упразднено, какъ не вошедшее въ составъ Василикъ». Поэтому надлежитъ обратить вниманіе только на 17-е правило перво-второго собора, которое, по сужденію Вальсамона, и должно имѣть силу въ рѣшеніи рассматриваемаго вопроса⁶⁷).

Въ двѣнадцатой главѣ перваго титула Номоканона рѣчь идетъ о томъ, «какъ [бывшій] язычникъ, или находящійся въ болѣзни, или недавно крещенный и [обратившійся] отъ порочной жизни, хиротонисуется епископомъ или клирикомъ». Вопросъ рѣшается, прежде всего, 80-мъ Апостольскимъ правиломъ, которое признаетъ несправедливымъ вдругъ производить такового во епископа (*οὐ δίκαιόν ἐστι πάραυτα προχειρίζεσθαι ἐπίσκοπον*), такъ какъ «несправедливо еще не испытанному быти учителемъ другихъ, развѣ только по благодати Божіей сіе устроится». По разъясненію Зонары, требуется время для того, чтобы узнать безукоризненность вѣры и жизни кандидата архіерейства, а съ другой стороны, ему необходимо приобрести опытъ для того, чтобы быть учителемъ другихъ⁶⁸). Вальсамонъ же напоминаетъ, что даже вѣрующій мірянинъ скоро не возводится въ епископское достоинство (*εἰς ἐπισκοπικὸν ἀξίωμα προβάλλεται*) и обязанъ въ установленные сроки пройти другія священныя степени, а тѣмъ болѣе не долженъ проручествоваться во епископство (*οὐ προχειροθίσεται εἰς ἐπισκοπήν*) новопросвѣщенный или служившій на сценѣ (*σκηνικός*), если онъ въ теченіе достаточнаго времени не пройдетъ установленной степени и не будетъ посвященъ въ тайны церковнаго учительства⁶⁹). Подобныя разъясненія даются византійскими канонистами и относительно отмѣченнаго въ Номоканонѣ 2-го правила перваго все-

⁶⁶) *Νομοκάνων Φωτίου*, 52. Ср. Zachariae a Lingenthal, I, 44.

⁶⁷) *Ῥάλλησι καὶ Ποτλήσι*, I, 52.

⁶⁸) *Ibid.*, II, 103.

⁶⁹) *Ibid.*, II, 104.

ленскаго собора, запрещающаго тотчасъ по крещеніи возводить въ епископство (ἄμα τῇ βαπτισθῆναι προάγειν εἰς ἐπισκοπὴν) тѣхъ, которые недавно отъ языческаго житія приступили къ вѣрѣ и короткое время состояли въ чинѣ оглашенныхъ, дабы они, какъ новокрещенные, не впали въ сѣтъ діавола и не подверглись осужденію ⁷⁰).

Въ тринадцатой главѣ перваго титула опредѣляется, «какъ праздный (ὁ σχολάζων) епископъ бываетъ на праздной епископіи», причемъ дѣлается ссылка на 16-е правило Антиохійскаго собора. Оно постановляетъ, что только «совершенный соборъ (ἡ τελεία σύνοδος)», на которомъ вмѣстѣ съ прочими епископами присутствуетъ и митрополитъ (ἡ συμπαρέστη καὶ ὁ τῆς μητροπόλεως), можетъ соизволить епископу, не имѣющему епархіи, вторгнуться въ церковь, не имѣющую епископа, и восхитить ея престолъ,—въ противномъ же случаѣ такой епископъ «да будетъ отверженъ», «хотя бы его избиралъ весь народъ, который онъ восхитилъ» (καὶ εἰ πᾶς ὁ λαός, ὃν ὑψήρασαν, ἔλοιτο αὐτόν). Въ разъясненіи термина «празднѣй епископъ» I. Зонара отмѣтилъ, что такое положеніе создается или занятіемъ его церкви врагами, или непринятіемъ его народомъ города, гдѣ онъ былъ хиротонисанъ (ἐν τῇ ἐχειροτονήθη), при чемъ не епископъ даетъ поводъ для такого столкновенія, а народъ, совершившій безпорядокъ. Если же «празднѣй епископъ займетъ престолъ церкви, хотя бы народъ того города желалъ его (κἀν ὁ τῆς πόλεως ἐκείνης λαός θελήσῃ αὐτόν), то онъ долженъ быть изверженъ изъ сана, если только соборъ епископовъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, не избересть (εἰ μὴ ψηφίσεται) его на этотъ престолъ ⁷¹). И Вальсамонъ разъясняетъ, что празднѣй епископъ не долженъ занимать другой престолъ даже въ томъ случаѣ, когда народъ этой церкви перевелъ празднаго епископа противъ его воли (ὅτε ὁ ταύτης λαός καὶ ἄχοντα τὸν σχολάζοντα μετήγαγεν εἰς αὐτήν), такъ какъ архіерейское избраніе, равно и перемѣщеніе, должно совершаться не народомъ, а соборомъ архіереевъ, возглавляемымъ іерархомъ митрополіи ⁷²).

⁷⁰) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 116—120.

⁷¹) Ibid., III, 154.

⁷²) Ibid., III, 155.

Въ четырнадцатой главѣ перваго титула рѣчь идетъ о томъ, какъ «евнухъ или иначе страдающій тѣломъ ⁷³⁾ дѣлается епископомъ или клирикомъ». Вопросъ уясняется 21-мъ и 22-мъ Апостольскими правилами, которыя опредѣляютъ, что евнухъ только тогда можетъ быть епископомъ, когда онъ былъ «такowymъ содѣланъ отъ человѣческаго насилія, или въ гоненіи, или такъ рожденъ», оскотившій же самъ себя не долженъ приниматься въ клиръ, «самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія». Затѣмъ, 77-е Апостольское правило предписываетъ: «Кто лишенъ ока, или въ ногахъ поврежденъ, но достоинъ быти епископомъ, да будетъ,—ибо тѣлесный недостатокъ его не оскверняетъ, но душевная скверна»; а 78-е правило Апостольское гласитъ: «Глухій же и слѣпый да не будетъ епископъ, не яко бы оскверненъ былъ, но да не будетъ препятствія въ дѣлахъ церковныхъ»,—ибо не видящій и не слышащій, или имѣющій правую руку бездѣйствующую какъ можетъ священнодѣйствовать, или переносить святыя тайны, или преподавать ихъ другимъ, или совершать какое-либо другое архіерейское служеніе (Зонара)? И вообще, божественные Апостолы повелѣваютъ, чтобы всѣ кандидаты епископства имѣли чистую и непорочную душу, въ отношеніи же тѣла, особенно послѣ хиротоніи, допускаютъ возможность и нѣкоторыхъ недостатковъ. И многіе архіереи,—говоритъ Вальсамонтъ,—послѣ того какъ были ослѣплены и вообще больны въ опасной степени, такъ что не могли совершать какое-либо архіерейское дѣло до конца жизни своей, однако, не были лишены мѣста ⁷⁴⁾. Въ такомъ же родѣ содержится опредѣленіе относительно клириковъ-евнуховъ и въ 1-мъ правилѣ перваго вселенскаго собора ⁷⁵⁾.

Въ семнадцатой главѣ перваго титула Номоканона говорится «о епископѣ или клирикѣ рукоположенномъ (*χειροτονηθέντος*) ⁷⁶⁾.

⁷³⁾ ἢ ἄλλως ἐμπαθὲς τὸ σῶμα (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς I, 53) — или иначе страстьнъ телеснъ—въ Древне-славянской Кормчей (I, 86-а), гдѣ и греческій текстъ полнѣе, чѣмъ въ Синтагмѣ Ралли и Потли. Ср. В. А. Нарбековъ, Номоканонъ и пр., I, 70.

⁷⁴⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 100—101.

⁷⁵⁾ Ibid., II, 114.—Въ «текстѣ» этой главы сдѣлано указаніе на постановленія Кодекса и Дигестъ объ оскотпляющихъ, а въ «толкованіи» Вальсамона представлены извлеченія изъ Василия по тому же вопросу, но весь этотъ матеріалъ не имѣетъ прямого отношенія къ нашей специальной задачѣ.

⁷⁶⁾ «О епископѣ поставленнъмъ»—въ Древне-Славянской Кормчей (I, 8 16—17).

и не принятомъ епархіей, или не принявшемъ (епархіи), или не имѣющемъ возможности отправиться». Тезисъ раскрывается по руководству, прежде всего, 36-го правила свв. Апостоловъ, которое опредѣляетъ: «Аще кто, бывъ рукоположенъ (χειροτονηθεὶς) во епископа, не приметъ служенія и попеченія о народѣ, ему порученнаго, да будетъ отлученъ, доколѣ не приметъ. Такожде и пресвитеръ и діаконъ. Аще же пойдетъ туда и не будетъ принять, не по своей волѣ, но по злобѣ народа, онъ да пребываетъ епископъ, клиръ же того града да будетъ отлученъ за то, что такового нерадиваго народа не учили». Заслуживаетъ вниманія толкованіе Вальсамона на это правило. Нѣкоторые,—говоритъ онъ,—принимали здѣсь хиротонію вмѣсто избранія (τὴν χειροτονίαν ἀντὶ ψῆφου) и говорили, что они удивляются тому, какъ нынѣ отказываются тѣ, которые были избраны (οἱ ψηφισθέντες) въ церкви. А превосходный Зонара, изъясняя это правило, понялъ хиротонію въ смыслѣ и руковоложенія, и избранія (τὴν χειροτονίαν καὶ εἰς χειροθεσίαν, καὶ εἰς ψῆφον). По мнѣнію же Вальсамона, правило подъ хиротоніей разумѣетъ руковоложеніе (τὴν χειροθεσίαν), такъ какъ упоминаетъ о пресвитерахъ и діаконахъ, посылаемыхъ, по древле господствующему обычаю, въ другія мѣстности для поученія народа. «А мы знаемъ, что діаконы хиротонисуются, т. е. запечатлѣваются, но не слышали, чтобы они избирались, какъ избираются епископы и, по древнему обычаю, іереи,—какъ говоритъ 13-е правило Лаодикійскаго собора»⁷⁷⁾. Итакъ, настоящее правило опредѣляетъ, что, если какой-либо епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ приметъ учительную хиротонію (χειροθεσίαν δέξεται διδασκαλικήν) и не исполнитъ своего служенія, долженъ быть отлученъ, пока не согласится отправиться туда, куда онъ назначенъ. Если же онъ, отправившись, не будетъ принять по лукавству народа страны, то клиръ, хотя бы и не былъ виновникомъ зла, долженъ быть отлученъ, какъ не воспитывавшій такой безпорядочный народъ, епископъ же сохраняетъ свое достоинство (τὴν οἰκείαν ἐπιτιμίαν)⁷⁸⁾. Аристинъ же отмѣ-

⁷⁷⁾ Διακόνους χειροτονῆσθαι μὲν, τοῦτέστι σφραγίζεσθαι, ἐμάθομεν ψηφίζεσθαι δέ, οὐδέ ἀκηράμεν, ὡπερ ψηφίζονται οἱ ἐπίσκοποι, καὶ κατὰ τὸ παλαιόν, καὶ ἱερεῖς (Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 49).

⁷⁸⁾ τὴν αἰτίαν δηλαδή, — разъясняетъ Зонара (ibid.).

тиль, что въ правилѣ рѣчь идетъ о новопоставленномъ или вновь хиротонисанномъ епископѣ (ὁ νεοпрόβλητος, ὁ νεωστὶ χειροτονηθεὶς ἐπίσκοπος) ⁷⁹⁾,—и такое толкованіе представляется болѣе правильнымъ.

Аналогичный смыслъ съ изложеннымъ Апостольскимъ правиломъ имѣетъ 18-е правило Антиохійскаго собора. «Аще кто поставленный (χειροτονηθεὶς) во епископа,—говоритъ это правило,—не пойдетъ въ тотъ предѣлъ, въ который онъ поставленъ (ἐχειροτονήθη), не по своей винѣ, но или по непринятію его народомъ, или по другой причинѣ, отъ него не зависящей, таковой да участвуетъ и въ чести и служеніи епископскомъ, токмо ни мало не вмѣшиваясь въ дѣла церкви, гдѣ пребываетъ, и да ожидаетъ, что опредѣлить о немъ совершенный соборъ той области, по представленіи въ оный дѣла». Вальсамонъ разясняетъ, что правило оказываетъ снисхожденіе хиротонисанному (χειροτονηθέντα) епископу, желающему отправиться въ епархію, въ которую онъ хиротонисанъ (ἐχειροτονήθη), но не допускаемому вслѣдствіе дерзости (διὰ τὴν ἀναίσχυρίαν) мѣстнаго народа, или нашествія враговъ. Поэтому въ той мѣстности, гдѣ такой епископъ находится, его должно удостоивать чести, т. е. кафедръ, наименованія и архіерейской дѣятельности, или служенія, но съ вѣдома и разрѣшенія мѣстнаго епископа (τιμῆς ἀξιοδοταί, ἡγοον καθέδρας καὶ κλήσεως καὶ ἐνεργείας ἀρχιερατικῆς, μετ' εἰδήσεως καὶ ἐπιτροπῆς τοῦ ἐυχωρίου ἐπισκόπου), при чемъ онъ, конечно, не долженъ всецѣло имѣть участія въ дѣлахъ той церкви, гдѣ живетъ, т. е. ни учить, ни рукополагать, ни совершать какое-либо другое архіерейское дѣяніе безъ разрѣшенія мѣстнаго епископа, но пребывать на покоѣ (ἡσυχάζειν) до тѣхъ поръ, пока по распоряженію и суду совершеннаго собора узнаетъ, что ему надлежитъ дѣлать ⁸⁰⁾. Аристинъ добавилъ, что епископъ, не принятый, по лукавству народа, въ томъ городѣ, для котораго онъ былъ хиротонисанъ, не долженъ обращаться къ какой-либо военной помощи, или къ другой власти (στρατιωτικῇ βοήθειᾳ, ἢ δυνασταίᾳ ἐτέρᾳ), но обязанъ ожидать соотвѣтствующаго рѣшенія совершеннаго собора епархіи, возглавляемаго митрополитомъ ⁸¹⁾.

⁷⁹⁾ Ἡ ἀλλήλικα καὶ Ποσειδῆς, II, 50.

⁸⁰⁾ Ibid., III, 159—160.

⁸¹⁾ Ibid. III, 160.

Затѣмъ, 18-е правило Анкирскаго собора опредѣляетъ, что тѣ епископы, которые были поставлены (*κατασταθέντες*), но не приняты епархіей, въ которую наречены (*εἰς ἣν ὠνομάσθησαν*), а потомъ удалятся въ другія епархіи и станутъ притѣснять тамошнихъ предстоятелей и возбуждать возмущенія противъ нихъ, должны отлучаться отъ церковнаго общенія. Въ толкованіи на это правило Зонара разъясняетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о поставленныхъ, т. е. хиротонисанныхъ епископахъ (*ἐπίσκοποι κατασταθέντες, ἀντὶ τοῦ χειροτονηθέντες*), иначе—нареченныхъ для опредѣленной епархіи, и о возмущеніи ихъ противъ поставленныхъ и хиротонисанныхъ епископовъ другихъ епархій (*τοὺς καθεστῶτας καὶ κεχειροτονημένους*)⁸²). Въ такомъ же родѣ высказывается и Аристинъ⁸³). А Вальсамонъ добавилъ, что епископы, хиротонисанные и не принятыя тѣми епархіями, для которыхъ они были наречены (*χειροτονούμενοι καὶ μὴ δεχθέντες εἰς ἃς ὠνομάσθησαν παροικίας*), не должны удаляться въ другія епархіи и притѣснять ихъ проедровъ (*τοὺς προέδρους*), подъ угрозой отлученія⁸⁴).

Важное значеніе имѣетъ восемнадцатая глава перваго титула Номоканона, ведущая рѣчь «о томъ, что умирающій епископъ не можетъ рукополагать (*χειροτονεῖν*) другого вмѣсто себя»⁸⁵). Здѣсь дѣлается ссылка, прежде всего, на 76-е правило свв. Апостоловъ, которое запрещаетъ епископу изъ угожденія сродникамъ поставять въ достоинство епископа, кого хочетъ (*εἰς τὸ ἀξίωμα τῆς ἐπισκοπῆς χειροτονεῖν, ὃν βούλεται*), ибо «несправедливо творити наслѣдниковъ епископства (*κληρονόμους τῆς ἐπισκοπῆς*), и собственность Божію даяти въ даръ человѣческому пристрастію: не должно церковь Божію подъ власть наслѣдниковъ поставляти»; въ противномъ случаѣ, «поставленіе да будетъ недѣйствительно (*ἄκωρος μενέτω ἡ χειροτονία*)», а виновный епископъ подлежитъ отлученію. Вальсамонъ разъясняетъ, что епископъ не можетъ передать епископію не только своему родственнику, но и чужому для него человѣку, потому что епископы поставляются соборами (*τοὺς γὰρ ἐπισκόπους ὑπὸ τῶν συνόδων γίνεσθαι διατέτακται*).

⁸²) Ibid., III, 58.

⁸³) Ibid., III, 60.

⁸⁴) Ibid., III, 59.

⁸⁵) Ibid., I, 56.

Поэтому,—добавляетъ Вальсамонъ,—когда скончавшійся митрополитъ Филиппополя, извѣстный подъ эпитетомъ «ὁ Μέγιστος»⁸⁶⁾, отрекался отъ своей митрополіи подъ тѣмъ условіемъ, если священный соборъ поставитъ (καταστήσῃ) его эконома митрополитомъ вмѣсто него, то не былъ выслушанъ соборомъ, который заявилъ, что если имущество, которое епископъ пріобрѣтаетъ послѣ хиротоніи на доходы церкви, онъ не можетъ дарить или отослать тѣмъ, кому желаетъ, то тѣмъ болѣе—епископію. Аристинъ кратко говоритъ: епископъ, умирая, не поставляетъ (οὐ καθίστησι) епископа вмѣсто себя. Канонами опредѣлено, что тотъ, кто долженъ быть возведенъ (προχειρίζεσθαι) въ епископство, поставляется епископами епархіи; поставленіе же умирающимъ епископомъ другого вмѣсто себя вводитъ право наслѣдованія, а между тѣмъ никто не долженъ ставить церковь Божию подъ власть наслѣдника⁸⁷⁾.

Аналогичное предписаніе содержится въ 23 правилѣ Антиохійскаго собора. «Епископу,—говорится здѣсь,—не позволяется вмѣсто себя поставляти другого въ преемника себѣ (καθιστᾶν ἑτερον ἑαυτοῦ διάδοχον), хотя бы онъ былъ и при концѣ жизни; аще же что таковое содѣлано будетъ, то постановленіе (τῆν κατάστασιν) да будетъ недѣйствительно. Но да соблюдается постановленіе церковное, опредѣляющее, что епископа должно поставляти не инако, развѣ съ соборомъ и по суду епископовъ, имѣющихъ власть произвести достойнаго, по кончинѣ преставльшагося (ἢ μετὰ συνόδου καὶ ἐπιχρήσεως ἐπισκόπων, τῶν μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ ἀναπαυσάμενου τῆν ἐξουσίαν ἔχόντων τοῦ προάγεσθαι ἄξιον)». Умирающему епископу, — разъясняетъ Аристинъ, — не позволяется предъ смертію поставлять епископомъ другого вмѣсто себя, но соборъ епархіи, послѣ его смерти, съ согласія и мѣстнаго митрополита избираетъ достойнаго⁸⁸⁾.

Извѣстный русскій канонистъ, архимандритъ (впослѣдствіи епископъ) Іоаннъ, въ толкованіи на эти правила совершенно

⁸⁶⁾ Въ каталогѣ митрополитовъ Филиппополя, напечатанномъ амасійскимъ митрополитомъ Анеймомъ Алексуди въ газетѣ «Νεολόγος» за 1891 г. (№ 6501), Μέγιστος относится по времени своего управленія къ 1185—1193 годамъ.

⁸⁷⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 98—99.

⁸⁸⁾ Ibid., III, 166.

вѣрно говорить, что умирающій, или по немощамъ оставляющій кафедру епископъ можетъ только указать достойнаго себѣ преемника, но окончательное его избраніе принадлежитъ собору областныхъ епископовъ, который и дѣйствуетъ въ согласіи съ мѣстнымъ митрополитомъ, клиромъ и народомъ ⁸⁹⁾.

Въ главѣ девятнадцатой перваго титула Номоканона содержится опредѣленіе о томъ, чтобы въ небольшомъ городѣ или селѣ совсѣмъ не было епископа. Оно основывается на правилахъ 57-мъ Лаодикійскаго и 6-мъ Сардикскаго соборовъ, которые запрещаютъ поставлять (καθίστασθαι) епископовъ въ малыхъ городахъ и селахъ, но періодевтовъ или пресвитеровъ, «да не унижается имя епископа и власть (ὡνα μὴ κατατελέζηται τὸ τοῦ ἐπισκόπου ὄνομα καὶ ἡ αὐθεντία)». Архіерейскій санъ, — разъявляютъ Зонара и Вальсамонъ, — досточтимъ, а поставленіе епископовъ въ селѣ или въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни города, ни многочисленнаго — для чести Божіей и архіерейскаго — населенія, дѣлаетъ архіерейство уничижительнымъ («да не хулится») — въ Древне-славянской Кормчѣ, I, 284 29). Въ виду такого опредѣленія канона, — добавляетъ Вальсамонъ, — можно сказать, распространяя его смыслъ, — что, если безчестіемъ Бога и архіерейства служить предстоятельство (τὸ προϊστάσθαι) епископа надъ малымъ народомъ, и поэтому оно можетъ унижаться, то тѣмъ болѣе не будетъ къ славѣ Божіей то, что архіерей, вслѣдствіе бѣдности и лишенія въ необходимомъ, ходитъ пѣшкомъ (τὸ πεζῷ βαδίζειν). Поэтому и не безопасно избирать епископовъ въ восточныя церкви [т. е. въ малоазійскія епархіи], въ которыхъ христіане находятся въ очень ограниченномъ количествѣ. Періодевты же — это нынѣ возводимые (προβαλλόμενος) епископами экаархи, потому что они странствуютъ (περιοδεύουσιν), наблюдаютъ за душевными проступками и усовершенствуютъ вѣрныхъ ⁹⁰⁾.

⁸⁹⁾ Архим. Иоаннъ, Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія, т. I, стр. 224, 416—417. П. 1851. Ср. Н и к о д и м ъ, епископъ далматинско-истрійскій, Правила православной церкви съ толкованіями, переводъ съ сербскаго, т. I, стр. 159. П. 1911. — Институтъ діаконіи или наслѣдованія патриаршаго престола имѣлъ широкое примѣненіе въ православныхъ церквахъ Востока послѣ паденія Византіи. Въ отношенія къ Александрійской церкви достаточныя объ этомъ свѣдѣнія содержатся въ нашемъ сочиненіи «Избраніе патриарховъ Александрійской церкви въ XVIII и XIX столѣтіяхъ» (П. 1916), и приложенія къ нему: «'Αλεξανδρινὰ ἑγγραφαὶ» κтл. (Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 62. П. 1916).

Въ 22-й главѣ перваго титула Номоканона говорится «о тѣхъ, которые по покровительству архонтовъ становятся управителями церкви»⁹¹⁾. Вопросъ рѣшается правилами—30-мъ Апостольскимъ и 3-мъ седьмого вселенскаго собора. Последнее читается такъ: «Всякое избраніе (ψῆφος) во епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ недѣйствительно по правилу [Апост. 30], которое глаголетъ: аще который епископъ, мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получить епископскую въ церкви власть, да будетъ изверженъ и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ. Ибо имѣющій произвестися во епископа долженъ избираемъ быти отъ епископовъ (δεῖ γάρ τὸν μέλλοντα προβιάζεσθαι εἰς ἐπισκοπὴν ὑπὸ ἐπισκόπων ψηφίζεσθαι)», согласно 4-му правилу перваго Никейскаго собора. Это старое,—писалъ въ толкованіи на это правило Зонара:—вѣдь и въ древности были нѣкоторые nepoзвoлитeльнeыe поступки, и архонты, опираясь на свою власть, избирали (ἐψηφίζοντο) епископовъ и распоряжались, чтобы они были [предварительно] пресвитерами и діаконами. Соборъ запретилъ это, грозить изверженіемъ и отлученіемъ виновному и его сторонникамъ и постановилъ, чтобы тотъ, кто долженъ быть возведенъ въ епископа, избирался епископами (ὑπὸ ἐπισκόπων ψηφίζεσθαι τὸν εἰς ἐπισκοπὴν προαχθήσεσθαι μέλλοντα). По сообщенію Вальсамона, во время седьмого вселенскаго собора, нѣкоторые, какъ кажется, избирались (ἐψηφίζοντο) властью какихъ-либо представителей правительства, вопреки 30-му Апостольскому правилу; поэтому отцы собора объявили такое избраніе (ψῆφος) недѣйствительнымъ. При томъ канонъ содержитъ опредѣленіе не относительно избраній (οὐ περὶ ψήφων), производимыхъ начальниками, но объ избраніяхъ епископовъ, происходящихъ согласно правительственному распоряженію (ἀλλὰ περὶ ψήφων ἐπισκόπων, προβαίνουσῶν κατὰ ἐξουσίαν ἀρχοντικῆν), и объ избраніяхъ, т. е. хиротоніяхъ, пресвитеровъ, или діаконѡвъ, происходящихъ по подобному же приказанію. Иначе сказать,—сія акты избранія совершались повидимому (τῷ δοχεῖν) архіереями, имѣющими власть, но въ дѣйствительности

⁹⁰⁾ Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, III, 222—223; 244—247.

⁹¹⁾ «Περὶ τῶν διὰ προστασίας ἀρχόντων γινομένων ἐγκρατῶν ἐκκλησιῶν». Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 58. Ср. проф. В. А. Нарбековъ, Номоканонъ патріарха Фотія и пр., 78.

они производились подѣ вліяніемъ принужденія и насилія и поэтому должны считаться недѣйствительными и быть упразднены. Вальсамонъ и высказываетъ мнѣніе, что въ правилѣ рѣчь идетъ о трехъ хиротоніяхъ одного лица, съ цѣлью возведенія его въ епископскій санъ, — при чемъ происходящее такимъ образомъ избраніе (ψῆφος), съ цѣлью поставить кого-либо діакономъ, потомъ пресвитеромъ и, наконецъ, епископомъ, недѣйствительно. Византійскій комментаторъ затѣмъ отмѣтилъ, что въ правилахъ въ отношеніи къ епископамъ употребляется, главнымъ образомъ, терминъ «избраніе» (ἐπι ἐπισκόπων ἢ ψῆφος κατὰ χιρωτονίαν ἐρρέθη), въ отношеніи же пресвитеровъ и діаконовъ допускается нарушеніе, такъ что «избраніе—ψῆφος» употребляется вмѣсто хиротоніи—ἀντι χιρωτονίας». ⁹²⁾

Въ 23-й главѣ говорится «о тѣхъ, которые не рукополагаются (χειροτονοῦμένον) епископами вслѣдствіе брака, или конкубината». Прежде всего, 17-е ⁹³⁾ Апостольское правило повелѣваетъ: «Кто по святомъ крещеніи двумя браками обязанъ былъ, или наложницу имѣлъ, тотъ не можетъ быть епископъ (οὐ δύναται εἶναι ἐπίσκοπος)» и пр., а 18-е Апостольское правило гласитъ: «Взявшій въ супружество вдову или отверженную отъ супружества, или блудницу, или рабыню, или позорищную не можетъ быть епископъ» и пр. Въ такомъ же родѣ высказывается 3-е правило Трулльскаго собора, а 12-е его правило запрещаетъ «боголюбезнѣйшимъ предстоятелямъ (θεοφιλέστατοι πρόεδροι)» церковей сожительство съ прежними своими женами послѣ хиротоніи (μετὰ τὴν ἐπ' αὐτοῖς προελθοῦσαν χειροτονίαν), подѣ угрозой изверженія. Византійскіе канонисты не даютъ дополнительныхъ разъясненій относительно этихъ правилъ ⁹⁴⁾. Отечественный же канонистъ Іоаннъ, епископъ смоленскій, полагаетъ, что Трулльскій соборъ послѣднимъ постановленіемъ «обратилъ древнее преданіе и обычай церкви, равно и частныя повременныя постановленія о безбрачїи епископовъ въ общее, постоянное

⁹²⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 564—566.

⁹³⁾ Въ «Древне-славянскій Кормчей XIV титуловъ безъ толкованія» (трудъ проф. В. Н. Бенешевича) указано это именно правило, тогда какъ у Ралля и Потля неправильно сдѣлана ссылка на 12-е Апостольское правило.

⁹⁴⁾ Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 329—330.

правило для всѣхъ мѣстъ и времянъ православной Церкви». Иначе сказать, въ силу постановленія Трулльскаго собора, церковію было «принято за правило, чтобы въ епископскій санъ возводить монашествующихъ», такъ какъ это, по сужденію русскаго ученаго, не только болѣе удобоисполнимо, но и болѣе сообразно съ высотой епископскаго сана, требующей чистоты и совершенства жизни,—съ назначеніемъ епископства, которое облечено многотрудными обязанностями, и съ его внутреннимъ смысломъ, какъ духовнаго союза епископа съ своей церковью⁹⁵). Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что такое толкованіе правила не совсѣмъ соотвѣтствуетъ подлинному его тексту и смыслу и нѣсколько преувеличиваетъ значеніе монашеской тенденціи въ византійской практикѣ избранія архіереевъ.

Въ «текстѣ» этой главы представлены постановленія новеллъ Юстиніана о томъ, что хиротонисуемый во епископа, или пресвитера, или діакона, или иподіакона долженъ быть дѣвственнымъ, или отъ дѣвства однажды женатымъ на дѣвственницѣ⁹⁶). Вальсамонъ изъяснилъ, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду, прежде всего, VI (=XII)-я новелла Юстиніана, но соотвѣтствующее ей постановленіе не было помѣщено въ Василикахъ⁹⁷). Затѣмъ, содержаніе CXXXIII (=CLV)-й новеллы [гл. 12] было помѣщено въ 27 (=24)-й главѣ перваго титула третьей книги Василикъ и заключается въ слѣдующемъ. Мы соизволяемъ,—говоритъ Юстиніанъ,—чтобы клирики рукополагались (*χειροτονείσθαι*) не иначе, какъ если знаютъ Писанія, имѣютъ и вѣру правую, и жизнь честную, не имѣли и не имѣютъ ни конкубины, ни ребенка отъ конкубины, но или живутъ цѣломудренно, или имѣли или имѣютъ законную жену и только одну ее и первую, при томъ не вдову и не разведенную съ мужемъ, и вообще не запрещенную законами или божественными канонами⁹⁸). Наконецъ, извлеченіе изъ CXXXVII (=CLXXIV)-й новеллы [гл. 2] было помѣщено въ 7 (=8-й) главѣ того же титула и той-же книги Василикъ и содержитъ слѣдующее. Мы узаконяемъ,—говоритъ Юстиніанъ,—

⁹⁵) Іоаннъ, Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія, II, 364—365.

⁹⁶) *Ῥάλλης καὶ Ποτλής*, I, 59.

⁹⁷) *Ibid.*, I, 59. Ср. Zachariae a Lingenthal, I, 45—46.

⁹⁸) *Basilica*, t. I, p. 99 (x. αβ')=*Ῥάλλης καὶ Ποτλής*, I, 59. Ср. Zachariae a Lingenthal, II, 305 (x. β').

чтобы всякій разъ какъ бываетъ нужда въ хиротоніи (χειροτονηθῆναι) епископа, собирались клирики и первые [граждане] города (τοὺς πρῶτους τῆς πόλεως), для котораго должны хиротонисать епископа, и предъ находящимся святымъ Евангелиемъ производили избраніе относительно трехъ лицъ (ἐπὶ τρισὶ προσώποις ψήφισα ποιεῖν), и каждый изъ нихъ [избирателей] на божественныхъ словесахъ [Евангеліи] долженъ принести клятву и записать на нихъ [въ особомъ актѣ, или протоколѣ избранія], что они избрали этихъ [лицъ] не вслѣдствіе даренія, или обѣщаній, или дружбы, или расположенія, или какого-либо другаго пристрастія, но зная, что они правой и канолической вѣры и честной жизни и свыше 30-лѣтняго возраста, — такъ какъ имъ [избирателямъ] извѣстно, что они не имѣютъ ни жены, не имѣли и не имѣютъ конкубины или дѣтей отъ конкубины, но если кто-либо изъ нихъ прежде имѣлъ жену, то—одну только ее и не вдову, и не разведенную съ мужемъ, не запрещенную ни законами, ни священными канонами. Избиратели также знаютъ, что никто изъ избираемыхъ не принадлежалъ ни къ куріи, ни къ когортѣ⁹⁹⁾, — развѣ только членъ куріи или когорты безукоризненно провелъ жизнь въ монастырѣ не менѣе пятнадцати лѣтъ. Разумѣется, въ отношеніи къ этимъ лицамъ соблюдается въ происходящихъ съ ними избраніяхъ высказанное нами, — говоритъ Юстиніанъ, — замѣчаніе, чтобы изъ трехъ лицъ, такъ избираемыхъ, по выбору и суду хиротонисующаго рукополагался лучший (ἵνα ἐκ τῶν οὕτω ψηφισομένων τριῶν προσώπων ὁ βελτίων χειροτονηθῆ τῇ ἐπιλογῇ καὶ κρίματι τοῦ χειροτονούντος) 100).

Представивъ послѣднее извлеченіе изъ новелы и Василикъ, Вальсамонъ продолжаетъ: «Замѣть, — хотя и настоящей СXXXVII (=CLXXIV)-ю новеллою Юстиніана, или 7 (=8)-ю главою перваго титула третьей книги Василикъ запрещается избирать на епископство кого-либо имѣющаго законную жену, но ты не обращай на нее [новеллу, или главу] вниманія, но лучше обрати вниманіе на 48-е правило Трулльскаго собора, которое и прочти и говори, что отъ него каноны предпочитаютъ законамъ

⁹⁹⁾ Разъясненія см. у проф. В. А. Нарбекова, Номоканонъ и пр., II, стр. 80—81, примѣч. 2 и 1.

¹⁰⁰⁾ Basilica, t. I, p. 93 (κ. η'). Ср. Παλλης καὶ Ποτλης, I, 59—60; Zachariae a Lingenthal, II, 409—410.

(ἀπὸ τοῦτου προτιμᾶσθαι τῶν νόμων τοὺς κανόνας). Замѣтъ,—кто либо спросить: такъ какъ настоящая новелла Юстиніана, принятая въ Василики, опредѣляетъ, чтобы кто-либо хиротонисался епископомъ не иначе, какъ со стороны клириковъ и первыхъ [гражданъ] города состоится избраніе трехъ лицъ и каждый изъ нихъ предъ божественнымъ Евангеліемъ принесетъ о немъ клятву въ томъ, что содержится въ новеллѣ, то какимъ образомъ нынѣ ничто изъ этого нисколько не имѣетъ силы (πῶς οὐδέν τι ἐκ τούτων σήμερον ἐνεργεῖ)?—Вальсамонъ представилъ слѣдующее рѣшеніе вопроса: въ виду правилъ: 4-го Никейскаго собора, 19-го Антиохійскаго и 12-го Лаодикійскаго соборовъ, постановляющихъ, чтобы избранія архіереевъ (τὰς ψήφους τῶν ἀρχιερέων) и хиротоніи совершались епископами по суду (ἐπὶ τῇ κρίσει) ихъ, утратило дѣйствительное значеніе (ἠπρακτῆσε) постановленіе [Василикъ] о томъ, чтобы избранія епископовъ производились клириками и гражданами предъ святымъ Евангеліемъ. «Поэтому, намъ кажется, не дѣйствуетъ (οὐκ ἐνεργεῖ),—заключаетъ Вальсамонъ,—и законъ, находящійся въ VII-й книгѣ [Василикѣ] и опредѣляющій, чтобы судьи судили предъ святымъ Евангеліемъ»¹⁰¹). «А то обстоятельство, что избранія епископами нынѣ (σήμερον) совершаются относительно трехъ лицъ (ἐπὶ τρισὶ προσώποις), имѣетъ необходимое происхожденіе, какъ кажется, отъ настоящей новеллы»¹⁰²).

Что касается 48-го правила Трулльскаго собора, то оно предписываетъ слѣдующее: «Жена производимаго въ епископское достоинство (ἢ τοῦ πρὸς ἐπισκοπῆς προεδρίαν ἀναγομένου γυνή), предварительно разлучаясь съ мужемъ своимъ по общему согласію (κατὰ κοινὴν συμφωνίαν), по рукоположеніи его во епископа, да вступитъ въ монастырь, далеко отъ обитанія сего епископа созданный, и да пользуется содержаніемъ отъ епископа; аще же достойна явится, да возведется и въ достоинство діакониссы». Въ толкованіи на это правило Вальсамонъ высказалъ мнѣніе, что избраніе во епископа признается недѣйствительнымъ (τὴν ψήφον ἀχρηοῦσθαι), если жена желаетъ супружества съ своимъ мужемъ,—поэтому правило и говорить объ общемъ ихъ согла-

¹⁰¹) Ср. Basilica, tom. I p. 273 (tit. IV, x. c.).

¹⁰²) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 60.

сиа ¹⁰³). Однако, при императорѣ Исаакѣ Ангелѣ была издана новелла, въ силу которой жена хиротонисаннаго обязательно должна была постригаться ¹⁰⁴). И вообще, новелла Юстиніана (СХХХVII=CLXXIV), опредѣляющая, чтобы тотъ, кто имѣетъ жену или дѣтей, не возводился въ епископское достоинство (μη ἀνάγεσθαι εἰς ἀξίωμα ἐπισκοπικόν), въ противномъ же случаѣ подлежитъ изверженію, и помѣщенная въ 7 (=8)-й главѣ перваго титула третьей книги Василикъ, — потеряла практическую силу (ἡπράχτησεν), какъ это опять и отмѣтила Вальсамонъ, заявивъ, что хотя новелла и вошла въ составъ Василикъ, но вмѣсто нея дѣйствуетъ (ἐνεργεῖ) предписаніе 48-го правила Трулльскаго собора ¹⁰⁵).

Въ 28-й главѣ перваго титула Номоканона рѣчь идетъ «о возрастѣ рукополагаемыхъ (χειροτονουμένων) мужчинъ и женщинъ». Указанныя здѣсь церковныя правила не говорятъ ничего опредѣленнаго о возрастѣ епископа, но въ «текстѣ» гражданскихъ законовъ отмѣчено постановленіе СХХIII (=CLV)-й новеллы Юстиніана, гдѣ узаконяется, что хиротонисуемый во епископа не долженъ быть моложе 35 лѣтъ ¹⁰⁶). О такомъ возрастѣ для кандидата епископства говоритъ и Номоканонъ, по заявленію Вальсамона ¹⁰⁷). Въ Василикахъ же, — какъ отмѣчено выше, — приведена СХХХVII (=CLXXIV)-я новелла Юстиніана, требующая, чтобы кандидатъ архіерейства былъ свѣше 30 лѣтъ (ὕπερ τὸ λ' ἔτος) по возрасту, при чемъ эта новелла, — по разъясненію Вальсамона, — упразднила, поскольку [касается] лѣтъ епископа, СХХIII (=CLV)-ю новеллу ¹⁰⁸). Во всякомъ случаѣ, постановленія гражданского закона о возрастѣ хиротонисуемаго епископа имѣютъ силу и дѣйствуютъ (κραιοῦσιν καὶ ἐνεργοῦσιν), по свидѣтельству Вальсамона ¹⁰⁹).

¹⁰³) Ibid., II, 421.

¹⁰⁴) См. И. Соколовъ, Церковная политика византийскаго императора Исаака II Ангела, стр. 7—8. П. 1905.

¹⁰⁵) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, II, 422. Вальсамонъ при этомъ указалъ и на относящуюся къ вопросу новеллу [вторую] императора Льва VI Мудраго, которая излагается ниже.

¹⁰⁶) καὶ τοῦτο δὲ τοῖς ψηφίσμασι δεῖ ἐντίθεσθαι, ὅτι περ οὐχ ἦγον ἢ τριάκοντα πάντε τῆς ἡλικίας ἐνιαυτοῦς εἶναι τὸ ἐπιλεγέν παρ' αὐτῶν πρόσωπον γινώσκουσιν (Zachariæ a Lingenthal, II, 295, κεφ. α', § I).

¹⁰⁷) καὶ ἐπίσκοπον τὸν ὄντα χρόνων λεί, καθ' ὡς τοῦτό φησι καὶ τὸ παρὸν βιβλίον (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 66).

¹⁰⁸) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, I, 67.

¹⁰⁹) Ibid., 68.

Наконецъ, въ 29-й главѣ перваго титула Номоканона рѣчь идетъ «о производствѣ хорепископовъ и когда и какъ они приносятъ [св. Дары] и приобщаютъ, и кого рукополагаютъ, или нѣтъ» ¹¹⁰⁾. Вопросъ рѣшается лишь ссылками на каноны, изъ которыхъ, въ частности, 20-е правило Антиохійскаго собора предписываетъ, чтобы состоящіе въ малыхъ городахъ или селахъ предстоятели, или такъ именуемые хорепископы, знали свою мѣру, хотя бы они и по чину епископства пріяли рукоположеніе (*εἰ καὶ χερροθεσίαν εἴεν ἐπισκόπου εἰληφότες*), чтобы они управляли токмо подчиненными имъ церквами и ограничивали ими свое попеченіе и распоряженія..., а «поставляти пресвитера или діакона не дерзали безъ воли сущаго во градѣ епископа, которому подчиненъ хорепископъ и его округъ... Хорепископъ же да поставляется отъ епископа града, коему подчиненъ его округъ (*χερροπίσκοπον δὲ γίνεσθαι ὑπὸ τοῦ τῆς πόλεως, ᾧ ὑπόκειται, ἐπισκόπου*)». Вальсамонъ разъяснилъ, что нѣкоторые хорепископы по тщеславію стремились получить рукоположеніе (*χερροθεσίαν*) отъ митрополита или патріарха, поэтому правило и опредѣлило, чтобы хорепископъ поставлялся епископомъ города, которому и долженъ былъ подчиняться ¹¹¹⁾.

* * *

Таковы каноническія данныя по вопросу объ избраніи архіереевъ въ Византіи, содержащіяся въ Номоканонѣ патріарха Фотія. Они весьма разносторонне и отчетливо характеризуютъ многосложный процессъ архіерейскихъ выборовъ, особенно при свѣтѣ разъясненій византійскихъ комментаторовъ. Многія детали процесса уясняются на основаніи данныхъ гражданскаго закона, содержащагося въ Василикахъ. Но представленныя въ нашемъ очеркѣ извлеченія изъ Василикъ, въ связи съ «текстомъ» Номоканона и схоліями Теодора Вальсамона, не исчерпываютъ всего состава законодательныхъ постановленій этого памятника, относящихся къ избранію архіереевъ. Въ интересахъ болѣе подробнаго изслѣдованія вопроса, предстоитъ необходимость въ дополнительномъ анализѣ соотвѣтствующихъ предписаній Василикъ.

¹¹⁰⁾ Ibid., I, 68. Стр. I, 116.

¹¹¹⁾ Ibid., III, 142—143.

Въ 8-й главѣ перваго титула третьей книги Василікь, кромѣ уже извѣстнаго узаконенія о порядкѣ избранія епископа и о возраженіи при его хиротоніи, содержится и слѣдующее постановленіе. Отъ того, кто долженъ хиротонисаться, хиротонисующимъ требуется свитокъ съ собственной подписью, содержащій то, что [свидѣтельствуеть] о правой его вѣрѣ. Онъ объявляетъ и о божественномъ приношеніи, бывающемъ во время святой евхаристіи, [читаетъ] молитву при святомъ крещеніи и прочія молитвы ¹¹²⁾. И самъ хиротонисуемый приноситъ предъ Божественнымъ Писаніемъ клятву, что онъ ни самъ, ни чрезъ другое лицо ничего не дасть, или не обѣщаль, равно и послѣ этого [т. е. хиротоніи] ничего не дасть ни самому хиротонисующему, ни тѣмъ, которые произвели голосованія (*φρῆσιματα*) въ его пользу, или кому-либо другому изъ остальныхъ, за хиротонію, которая состоится надъ нимъ. Если же кто-либо, вопреки упомянутой предосторожности, будетъ хиротонисанъ епископомъ, то законъ повелѣваетъ, чтобы и онъ самъ всякими способами былъ лишенъ епископства, и тотъ, кто, вопреки этому, осмѣлился его хиротонисать ¹¹³⁾.

Въ 10-й главѣ рѣчь идетъ объ интронизаціонныхъ и обычныхъ взносахъ (*ὁλὲρ ἐνθρονιστικῶν, ἢ συνθηκῶν*), которые производились епископами при хиротоніи въ пользу совершающихъ ее. Именно, патріархъ Константинополя получалъ отъ хиротонисуемаго не болѣе двадцати литръ золота обычнаго взноса. Митрополиты, хиротонисуемые своими синодами или патріархомъ, равно и всѣ прочіе епископы, хиротонисуемые патріархомъ или митрополитами, давали сто номисмъ интронизаціоннаго сбора, если церковь хиротонисуемаго имѣла не менѣе тридцати литръ золота дохода, да нотаріямъ хиротонисующаго и прочимъ служащимъ его и по обычаю (*ἐξ ἔθους*) получающимъ давали триста номисмъ. Если же доходы церкви составляли менѣе тридцати литръ золота въ годъ, но не ниже десяти литръ, то митрополиты и епископы давали сто номисмъ за интронизацію,

¹¹²⁾ Ср. *Basilica*, t. I, p. 98, *κεφ. 18'*.

¹¹³⁾ *Basilica*, I, 93. Ср. *Zachariae a Lingenthal*, II, 410. — Значить, извлеченіе относится къ СХХХVII (=CLXXIV)-й новеллѣ, а не къ СХХIII (=CLV)-й, какъ полагалъ издатель Василікь *Heimbach*.

а всѣмъ прочимъ, получавшимъ по обычаю, давали двѣсти номисмъ. А если годовые доходы церкви составляли менѣе десяти литръ золота, но не ниже пяти, то интронизаціонный сборъ выражался въ суммѣ тридцати номисмъ, а всѣмъ остальнымъ, получавшимъ по обычаю, выдавалось семьдесятъ номисмъ. Если доходъ церкви былъ менѣе пяти литръ золота, но не ниже трехъ, то интронизаціонный и обычный взносы состояли изъ восемнадцати и двадцати четырехъ номисмъ. При годовомъ доходѣ церкви отъ трехъ до двухъ литръ золота, тѣ же взносы равнялись шести и двѣнадцати номисмамъ. Когда же церковъ имѣла годового дохода менѣе двухъ литръ золота, то епископъ не платилъ ни интронизаціоннаго, ни обычнаго взноса. Затѣмъ, обычные взносы для всѣхъ получающихъ раздѣлялись первымъ пресвитеромъ хиротонисующаго епископа и архидіакономъ. Настоящее узаконеніе должно было соблюдаться въ точности, дабы изъ-за сборовъ ни церкви не подвергались долгамъ, ни степени священства не пріобрѣтались куплею. Въ случаѣ же нарушенія закона тотъ, кто получить болѣе назначеннаго интронизаціоннаго и обычнаго сбора, обязанъ будетъ уплатить церкви давшаго въ три раза больше ¹¹⁴).

Послѣ хиротоніи епископы пріобрѣтали свободу отъ рабскаго и зависимаго состоянія, за исключеніемъ принадлежащаго къ когортѣ (καταστάτης), когда онъ хиротонисался безъ соблюденія требованія закона, обязывавшаго его въ теченіе пятнадцати лѣтъ безупречно прожить въ монастырѣ: такого надлежало лишать епископства, дабы не наносилось оскорбленіе священству. Но если хиротонисуемый въ санъ епископа находился подъ властью своего отца, то онъ въ силу самой хиротоніи долженъ былъ считаться независимымъ и самостоятельнымъ (αὐτεξούτος) ¹¹⁵).

Этими постановленіями объ избраніи епископовъ и ограничивается спеціальныи титулъ Василикъ, относящійся къ нашему предмету.

¹¹⁴) Basilica, t. I, p. 94—95. Ср. Zachariae a Lingenthal, I. Iustiniani novellae, II, 298—299 (nov. CXXVII=CLV, x. γ').

¹¹⁵) Basilica, t. I, p. 95. Ср. Zachariae a Lingenthal, II, 300 (nov. CXXVII=CLV, x. δ').

Обращаясь къ Прохирону императора Василия Македонянина, надлежитъ, прежде всего, констатировать, что здѣсь весь двадцать восьмой титулъ говорить «О хиротоніи епископовъ». Титулъ состоитъ изъ четырехъ главъ слѣдующаго содержанія.

1. Клирики и первые [граждане] города, «предлежащу святому евангелію», должны [при выборахъ] епископовъ совершать избраніе (ψήφισμα) въ отношеніи трехъ лицъ, клятвенно свидѣтельствуя, что они избрали ихъ не вслѣдствіе даренія и не по другому какому-либо пристрастію, но потому, что знаютъ о нихъ, что они принадлежатъ къ канолической церкви, честной жизни и [имѣютъ] свыше тридцати лѣтъ, не имѣли ни жены, ни дѣтей, и если имѣли жену, то знали только одну отъ дѣвства и не вдову, не разведенную съ мужемъ и не запрещенную канонами или законами ¹¹⁶).

2. Хиротонисуемый епископъ, прежде всего, долженъ представить свитокъ своей вѣры и провозгласить молитвы и принести клятву въ томъ, что ничего не далъ и не обѣщаль доставить кому-либо за хиротонію. А еслибы совершилось что-либо вопреки сказанному, тогда и тотъ, кто дѣлается епископомъ, и хиротонисовавшій его отлучаются отъ церкви ¹¹⁷).

3. Если тотъ, кто долженъ хиротонисаться, будетъ обвиненъ, какъ недостойный (ἀνεπίτηθεος), тогда хиротонія должна быть отсрочена, и должно быть произведено разслѣдованіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, въ присутствіи или отсутствіи обвинителя, и хиротонія должна быть отмѣнена. И если хиротонисуемый будетъ найденъ виновнымъ по законамъ или канонамъ, то пусть устраняется, если же будетъ признанъ невиновнымъ, то онъ хиротонисуетъ. Если же онъ будетъ хиротонисанъ вопреки сказанному, то самъ и хиротонисующій его отлучаются отъ церкви ¹¹⁸).

4. Если бы обвинитель, явившись, не доказалъ того, что онъ утверждалъ, или уклонился, то, если онъ—клирикъ, отлучается

¹¹⁶) Ср. Basilica, lib. III, tit. 1, cap. 8 [ed. Heimbach, tom. I, p. 93; Zachariae a Lingenthal, II, p. 294—295 (nov. CXXIII=CLV, кеп. α').

¹¹⁷) Ср. Basilica, ibid., tom. I, 93; Zachariae a Lingenthal, II, p. 410 (nov. CXXXVII=CLXXIV, кеп. β').

¹¹⁸) Ср. Basilica, ibid., tom. I, p. 93—94; Zachariae a Lingenthal, II, p. 410—411 (nov. CXXXVII=CLXXIV, кеп. γ').

отъ церкви, а если—мірянинъ, то должнымъ образомъ вразумляется ¹¹⁹⁾, [т. е. называется] ¹²⁰⁾.

Такимъ образомъ Прохиронъ не содержитъ новыхъ постановленій по вопросу объ избраніи архіереевъ въ Византіи. Опираясь на новеллы Юстиніана, Прохиронъ въ краткомъ изложеніи передаетъ лишь то, что болѣе подробно регламентируется въ Василікахъ. Однако отчетливость постановленій Прохирона придаетъ имъ и сравнительную юридическую цѣнность.

* * *

Нѣкоторыя новыя данныя по нашему вопросу содержатся въ Эпанагогѣ, восьмой титуль которой ведетъ рѣчь «О епископахъ и хиротоніяхъ и о различныхъ церковныхъ возведеніяхъ» и излагаетъ слѣдующія предписанія относительно епископа и его избранія.

1. Епископъ есть наблюдатель и попечитель (ἐπιτηρητής καὶ ἐπιμελητής) о всѣхъ оцерковляемыхъ душахъ, находящихся въ его епархіи, имѣющій власть для совершенія [или поставленія] пресвитера, діакона, анагносты и псалта и монаха.

2. Свойства епископа—снисходить къ смиреннымъ, пренебрежительно относиться къ превозносящимся, словомъ и дѣломъ склонять къ смиренію помыслъ надменныхъ, прежде другихъ подвергаться опасности за свою паству и ея несчастіе признавать собственною скорбью.

3. Повелѣваемъ:—если долженъ хиротонисаться епископъ, то собираются (συνηλευθέναι) клирики и первые города и производятъ избранія относительно трехъ лицъ, и каждый изъ нихъ собственноручно записываетъ относительно избранныхъ, что они—правой и каеодической вѣры и честной жизни, имѣютъ свыше тридцати лѣтъ отъ роду, безукоризненны въ брачномъ отношеніи и избраны безъ всякаго пристрастія. . . И изъ трехъ избираемыхъ лицъ лучший долженъ хиротонисаться по

¹¹⁹⁾ Ibid.

¹²⁰⁾ Zachariae, 'O πρόχαιρος νόμος. Imperatorum Basillii, Constantini et Leonis Prochiron, p. 155—156. Heidelbergae 1873.—Русскій переводъ этого титула, находящійся въ книгѣ Михаила Венеманскаго «'Ο πρόχαιρος νόμος императора Βασιλία Μακεδονιανна» (Сергіевъ Посадъ 1906, стр. 267—271), не соотвѣтствуетъ греческому тексту подлинника.

выбору и суду хиротонисующаго, при чемъ отъ него бываетъ свитокъ съ собственной подписью, содержащій изложеніе правой его вѣры. Онъ долженъ объявить о божественной проскомидіи для евхаристіи, прочитатъ молитвы крещенія и прочія и удостовѣрить, что получилъ избраніе и хиротонію безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ ¹²¹⁾.

4. Повелѣваемъ, чтобы избиратели (τοὺς ψηφισομένους), если признаютъ какого-либо мірянина достойнымъ указаннаго выше избранія, избирали такового вмѣстѣ съ тремя другими клириками и монахами (τὸν τοιοῦτον ἅμα ἄλλοις τρισὶ κληρικοῖς ἢ μοναχοῖς ἐπιλέσασθαι) и конечно такъ, чтобы мірянинъ, избранный такимъ образомъ въ епископство, не хиротонисался [немедленно] епископомъ, но предварительно не менѣе трехъ мѣсяцевъ былъ соприсчисленъ къ клирикамъ, и такимъ образомъ, изучивши святыя каноны и священное богослуженіе церкви, былъ хиротонисанъ епископомъ; вѣдь тотъ, кто долженъ учить другихъ, не долженъ послѣ хиротоніи поучаться отъ другихъ. Конечно же, если онъ уже учителенъ, хотя и находился въ составѣ мірскаго чина, и не имѣетъ никакого недостатка въ томъ, что [служить] къ пользѣ и совершенствованію другихъ, то опытъ обыкновенно представляетъ безопаснымъ, чтобы въ отношеніи къ нему такое время не соблюдалось.

5. Въ случаѣ обвиненія избраннаго и предназначеннаго къ хиротоніи въ непригодности (ἀνεκτιθήσιος), хиротонія отлагается и бываетъ разслѣдованіе въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ опредѣленными послѣдствіями для обѣихъ сторонъ ¹²²⁾.

6. Если кто-либо изъ епископовъ или прежде своей хиротоніи, или послѣ хиротоніи пожелаетъ собственное имущество или часть его принести церкви, священство которой онъ получаетъ, то мы не только не преятствуемъ и узаконяемъ, чтобы онъ былъ свободенъ отъ всякаго осужденія и наказанія по настоящему за-

¹²¹⁾ Эта глава излагается сокращенно, такъ какъ она внесена въ Эпанагогу изъ СXXXII (=CLV)-й новеллы Юстиніана и извѣстна уже намъ по извлеченію изъ Василіи и Прохирона.

¹²²⁾ И эта глава излагается въ общихъ чертахъ какъ заимствованная изъ СXXXVII (=СІ,XXXIV)-й новеллы Юстиніана и извѣстная изъ Василіи и Прохирона.

кону, но и признаемъ достойнымъ высшей похвалы, такъ какъ это не есть купля ¹²³⁾, но приношеніе ¹²⁴⁾.

Такимъ образомъ, Эпанагога, изложивъ принципиальный взглядъ на епископское служеніе [гл. 1 и 2], возстановила традиціонное ученіе византійскаго законодательства о порядкѣ избранія епископа [гл. 3, 5 и 6], при чемъ дополнила его весьма важнымъ опредѣленіемъ о кандидатѣ епископства изъ мірянъ [гл. 4]. Какъ послѣдняя глава титула, такъ и двѣ первыя имѣютъ оригинальное происхожденіе.

* * *

Наконецъ, къ вопросу объ избраніи епископовъ относятся двѣ новеллы императора Льва VI Мудраго, именно II-я и XI-я. Въ первой изъ нихъ рѣчь идетъ о хиротоніи и вообще объ избраніи епископовъ изъ среды лицъ, имѣющихъ дѣтей отъ каноническаго брака.

Дѣло въ томъ, что императоръ Юстиніанъ въ СХХІІІ [=CLV]-й своей новеллѣ [гл. 1] запретилъ избирать и хиротонисать въ санъ епископа лицъ, имѣющихъ дѣтей отъ прежняго своего законнаго брака, такъ какъ такіе епископы изъ расположенія къ дѣтямъ будутъ тратить на нихъ свое и церковное имущество. Между тѣмъ 48-е правило Трулльскаго собора не налагаетъ такого запрещенія на кандидатовъ архіерейства, разрѣшая и лицъ женатыхъ хиротонисать въ епископскій санъ подъ условіемъ обязательнаго постриженія ихъ женъ въ монашество, если не встрѣтятся какихъ-либо другихъ препятствій. По мнѣнію императора Льва VI, новелла Юстиніана не только несогласна съ канономъ, но и несостоятельна по существу: строго слѣдуя ей, нельзя удостоивать епископскаго сана и того, кто имѣетъ братьевъ и другихъ родныхъ, такъ какъ и адѣсь препятствіемъ можетъ служить родственное расположеніе. Но божественные каноны, имѣя это въ виду, предоставили епископамъ право оказывать вспомошествованіе изъ церковнаго имущества и своимъ родственникамъ, если они испытываютъ матеріальную нужду. Посему

¹²³⁾ Глава заимствована изъ СХХІІІ (CLV)-й новеллы (гл. 3) и содержится въ Васликахъ.

¹²⁴⁾ Zachariae a Lingenthal, Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum: Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri, p. 77—79. Lipsiae 1852.

наше отъ Бога царство,—заключаетъ Левъ,—признавая болѣе справедливымъ слѣдовать божественнымъ заповѣдямъ, издаетъ согласный съ ними законъ, чтобы каждый, достойный—по каноническимъ основаніямъ—чести, возводился въ архіерейскій санъ, хотя бы у него и были законныя дѣти, а гражданскій законъ, дерзновенно противорѣчащій канонамъ, впредь не долженъ имѣть практическаго значенія ¹²⁵⁾.

Новелла XI-я говоритъ о рабѣ, достигшемъ епископства безъ вѣдома своего господина, и опредѣляетъ, чтобы тѣ рабы, которые тайно достигли архіерейства, лишались его, въ силу 82-го Апостольскаго правила ¹²⁶⁾, и вновь обращались въ рабское состояніе. Императоръ слѣдующимъ образомъ мотивировалъ свое распоряженіе. Мы не только не прощаемъ и вообще тѣхъ, кто достигъ какой-либо цѣли обманомъ или воровствомъ, и не позволяемъ имъ пользоваться тѣмъ, что они приобрѣли, но и не рѣдко наказываемъ ихъ, какъ преступниковъ; тѣмъ болѣе мы не позволимъ, чтобы спокойно жить и пользовался двумя самыми почетными преимуществами—свободой и священствомъ—тотъ, кто осмѣлился получить ихъ путемъ воровства, пронирыливости и постыднаго обмана. Посему если какой-либо рабъ, по невѣдѣнію своего господина, будетъ хиротонисанъ во епископа, то это нисколько не поможетъ ему избѣжать рабства ¹²⁷⁾. Такимъ образомъ, и эта новелла была направлена въ защиту церковныхъ правилъ и противъ злоупотребленій въ достиженіи епископскаго сана.

* * *

Итакъ, по руководству Номоканона съ именемъ патріарха Фотія, Василикъ, Прохирона, Эпанагоги ¹²⁸⁾ и новеллъ импера-

¹²⁵⁾ Zachariae a Lingenthal, Jus graeco-romanum, III, 69—70. Lipsiae 1857. Ср. Παλλης καὶ Ποτλῆς, II, 422—423.

¹²⁶⁾ «Не дозволяется въ клиръ производить рабовъ, безъ согласія господъ, къ огорченію владѣтелей ихъ, ибо отъ сего происходитъ разстройство въ домахъ». Ср. 4 пр. VI вс. собора.

¹²⁷⁾ Zachariae a Lingenthal, III, 82—83. Ср. Παλλης καὶ Ποτλῆς, II, 400.

¹²⁸⁾ Въ Эклогѣ иконоборческихъ императоровъ Льва III и Константина V Копронома нѣтъ никакихъ опредѣленій по вопросу объ избраніи епископовъ (Zachariae a Lingenthal, Ecloga Leonis et Constantini [Collectio

тора Льва VI представляется возможнымъ установить рядъ основныхъ тезисовъ, характеризующихъ процессъ избранія архіереевъ въ Византіи въ концѣ IX и въ началѣ X в.

Избраніе новаго архіерея, — будетъ ли онъ въ степени подчиненнаго епископа, или самостоятельнаго архіепископа и митрополита, — должно совершаться лишь тогда, когда та или иная епархія окажется вакантною вслѣдствіе или смерти правящаго іерарха, или отреченія его отъ каеэдры добровольнаго, или невольнаго, на основаніи соборнаго рѣшенія, или, наконецъ, вслѣдствіе отсутствія его въ епархіи свыше шести мѣсяцевъ, когда такое отсутствіе не вызывается законными причинами, каковы: царское повелѣніе, исполненіе порученій своего патріарха и тяжкая болѣзнь. При жизни же правящаго іерарха, или до окончательнаго его устраненія отъ епархіи по соборному рѣшенію, поставленіе новаго архіерея не разрѣшается.

Епископъ не долженъ избираться въ малый городъ или въ село, дабы не уничижались его имя и власть, но поставляется лишь въ многолюдный городъ, хотя бы многочисленность его населенія имѣла недавнее происхожденіе; съ другой стороны, избраніе должно совершаться и въ тѣ города, которые издавна имѣли многолюдное населеніе, а потомъ лишились его по обстоятельствамъ политическаго значенія: въ этомъ отношеніи соблюдалась «древняя прономія», хотя въ дѣйствительности власть архіерея была лишь номинальною, а положеніе — титулярнымъ. Однако, церковь слѣдовала господствовавшей древней традиціи («τὰ ἀρχαῖα κρατεῖται») и признавала необходимымъ распространять материнскую свою попечительность и на тѣ епархіи, которыя по обстоятельствамъ времени были оторваны отъ общенія съ нею. Въ свою очередь государство, по мотиву симфоніи церковно-имперскихъ отношеній въ Византіи, также охраняло и поддерживало тенденцію церковнаго единенія съ оторванными отъ него городами и областями и даже снабжало номинальныхъ архіереевъ жалованьемъ, чтобы обезпечить-безбѣдное ихъ существованіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, всякое избраніе епископа въ новый городъ,

libroꝝ juris graeco-romani ineditorum]. Lipsiae 1852). Нѣтъ такихъ постановленій и въ Распространенной Частной Эклогѣ (Ecloga privata aucta), относящейся къ срединѣ IX вѣка (Zachariae a Lingenthal, Jus graeco-romanum, p. IV. Lipsiae 1865).

какъ связанное съ учрежденіемъ и открытіемъ епархіи, подлежало предварительному рѣшенію собора или синода Константинопольской церкви.

Кандидаты архіерейства обязаны были удовлетворять опредѣленнымъ каноническимъ требованіямъ. Они должны были издавна испытаны въ «словѣ вѣры» и въ правой жизни и поведеніи (*ἐκ πολλοῦ δοκιμασμένοι ἐν τῇ τῆ λόγῳ τῆς πίστεως καὶ τῇ εὐθείᾳ βίου πολιτείᾳ*), имѣть опытъ въ церковномъ учительствѣ и быть посвященными въ его тайны, знать Священное Писаніе, правила и постановленія соборовъ и святыхъ отцовъ и весь чинъ богослуженія. Необходимая *δοκιμασία* кандидатовъ архіерейства, т. е. испытаніе ихъ пригодности и аппробація, принадлежала епископамъ ¹²⁹⁾, при чемъ въ отношеніи догматовъ вѣры, правилъ жизни и дѣятельности, личнаго самоопредѣленія кандидаты епископства должны были держаться средняго и прямого царскаго пути, согласнаго съ церковнымъ преданіемъ. Они должны имѣть не только чистую и непорочную душу, но и свободное отъ нѣкоторыхъ физическихъ недостатковъ тѣло.

Кандидатами архіерейства могли быть и лица, состоявшія въ бракѣ, безукоризненномъ въ каноническомъ отношеніи, при чемъ послѣ избранія въ епископскій санъ сожителство съ женами запрещалось. Предпочтительно же на высоту архіерейства возводились—еще со времени Трулльскаго собора—дѣвственники и монахи.

Кандидаты епископства должны быть въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ, а точнѣе—35 лѣтъ.

Кандидатомъ епископства могъ быть и мірянинъ. Однако, ни ученость, ни богатство, ни поведеніе не служатъ основаніемъ для немедленнаго поставленія мірянина въ санъ епископа. Для восхожденія на высоту епископства требуется предварительное прохожденіе всѣхъ священныхъ степеней, при чемъ должна быть

¹²⁹⁾ Ср. В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви, подъ редакціей проф. А. И. Бриллиантова, т. III, стр. 176 и сл. П. 1913.—Испытаніе соборомъ епископовъ, въ присутствіи духовенства и народа, избраннаго кандидата епископства ведетъ начало отъ древности, какъ видно изъ Апостольскихъ постановленій (Проф. П. А. Прокошевъ, *Didascalia Apostolorum* и первый шесть книгъ Апостольскихъ постановленій. Историко-критическое изслѣдованіе. Приложеніе, стр. 19—20. Томскъ 1913).

особая осмотрительность въ оцѣнкѣ качествъ кандидата-мірянина и испытаніе его въ теченіе всего служенія.

Неписанный церковный обычай установилъ, что мірянину, достойному епископскаго сана, въ крайнемъ случаѣ возможно пройти каждую степень священства въ теченіе семи дней, а Эпанагога опредѣлила мірянину трехмѣсячный срокъ для прохожденія всѣхъ степеней священства, допустивъ и сокращеніе его въ зависимости отъ личныхъ достоинствъ кандидата. Но «внезапное» поставленіе мірянина на высоту епископства, совершаемое «вдругъ», вообще недопустимо.

Если вѣрующій мірянинъ проручествуется во епископа послѣ предварительнаго испытанія и приготовленія,—тѣмъ болѣе это требуется отъ кандидата изъ новопросвѣщенныхъ вѣроу Христовою.

Рекомендація кандидатовъ архіерейства совершалась іерархами, при чемъ въ разсматриваемую эпоху Византійская церковь не знала предварительной «записи кандидатовъ архіерейства въ оффиціальныи кодексъ патріархін»,—какъ это было въ новѣйшее время исторіи Константинопольской церкви ¹⁸⁰⁾.

Поставленіе (*κατάστασις*) или возведеніе (*πρόβιβασμός, πρόβλησις*) архіереевъ совершалось посредствомъ избранія (*ψήφος, ψήφισμα, ψήφοφορία*, иногда—*χειροτονία, χειροθεσία*), составлявшаго сложный избирательный процессъ (*ἐκλογή, ἐπιλογή*).

Избраніе производилось соборомъ архіереевъ. Церковныя правила вполне устойчиво и послѣдовательно опредѣляютъ соборный характеръ избирательнаго процесса. Въ частности избраніе епископовъ должно было совершаться на соборѣ при участіи всѣхъ епископовъ той или иной епархіи—митрополіи или же многихъ епископовъ, или, по меньшей мѣрѣ, трехъ епископовъ, при чемъ всѣ не присутствовавшіе на соборѣ епископы обязаны были выразить свой избирательный голосъ или мнѣніе посредствомъ грамоты, въ которой обыкновенно заявлялось, что они послѣдуютъ и будутъ согласны съ соборнымъ избраніемъ. На соборѣ для избранія епископа должны были находиться епископы той именно епархіи-митрополіи, для которой и

¹⁸⁰⁾ И. Соколовъ, Епархіальное управление въ правѣ и практикѣ Константинопольской церкви настоящаго времени. стр. 11—14.

совершалось епископское избраніе; если же въ митрополіи въ данное время было менѣе трехъ епископовъ, присутствіе которыхъ признавалось необходимымъ для избирательнаго собора, то на соборѣ могли присутствовать и чужіе епископы, принадлежащіе къ другой епархіи-митрополіи.

Соборъ епископовъ созывался по побужденію (προτροπή) и повелѣнію (ἐντολή, παράγγελμα) митрополита епархіи, для которой предстояло избраніе новаго епископа. Безъ такого разрѣшенія избирательный соборъ недѣйствителенъ. Митрополить созываетъ епископовъ на соборъ посредствомъ своихъ грамотъ или посланій. Если кто-либо изъ приглашенныхъ епископовъ не явится на соборъ и не представитъ письменнаго своего заявленія, то митрополить вторично напоминаетъ ему о предстоящемъ соборѣ, а затѣмъ, въ случаѣ его неприбытія или молчанія, соборъ производитъ избраніе въ наличномъ своемъ составѣ. Каноническое требованіе имѣетъ въ данномъ отношеніи тотъ смыслъ, что избраніе новаго епископа должно совершаться всѣмъ освященнымъ соборомъ іерарховъ той или иной епархіи-митрополіи, а не большинствомъ лишь епископовъ ея. Но самъ митрополить на соборѣ не присутствовалъ, какъ по довѣрію старшаго іерарха къ младшимъ, такъ и по мотиву безпристрастія при избраніи. Митрополиту же принадлежало право утвержденія выборовъ, или запечатлѣнія, иначе сказать—окончательнаго избранія изъ трехъ избранныхъ кандидатовъ одного, который и хиротонисался имъ въ епископскій санъ. Соборное начало настолько строго проводится въ дѣлѣ избранія архіереевъ, что церковныя правила не допускаютъ возможности для умирающаго епископа избрать своего преемника, разрѣшая ему только указать его и представить на судъ и избраніе собора.

Что касается присутствія мірянъ на избирательномъ соборѣ, то представленныя церковныя правила ничего объ этомъ не говорятъ, а византійскіе комментаторы вполне опредѣленно разъясняютъ, что только въ глубокой древности (до перваго вселенскаго собора) ¹⁸¹⁾ избраніе архіереевъ происходило въ собраніи гражданъ городовъ, при участіи ихъ представителей и димовъ, но вслѣдствіе возмущеній, которыми сопровождалось участіе

¹⁸¹⁾ Ῥάλλησι καὶ Ποσειδί, II, 123.

мірянъ въ избраніи архіереевъ, и опороченія ими кандидатовъ архіерейства, церковныя правила запретили народу производить избраніе епископовъ. Мало того, церковныя правила запрещаютъ и свѣтской власти принимать участіе въ избраніи архіереевъ и осуждаютъ даже вліяніе, а тѣмъ болѣе — насиліе гражданской власти въ дѣлѣ архіерейскихъ выборовъ, въ какой бы формѣ ни выражалось это воздѣйствіе, — требуя вполнѣ свободнаго и независимаго для архіереевъ отношенія ко всякому архіерейскому избранію. То же надлежитъ сказать и о военной помощи при избраніи архіерея. Значитъ, ни народъ, ни свѣтское правительство въ лицѣ своихъ представителей и чиновъ не должны, по суду церковныхъ правилъ, принимать участіе въ каноническомъ избраніи епископа ¹⁹²). Но церковныя правила допускаютъ обращеніе народа къ собору съ просьбою объ избраніи въ епископскій санъ угоднаго ему кандидата.

Затѣмъ, на ряду съ указаннымъ запрещеніемъ церковныхъ правилъ существуетъ опредѣленіе гражданского закона (Василикъ, Прохирона и Эпанагоги) о томъ, что въ избраніи архіереевъ совмѣстно съ клириками участвуютъ и міряне, въ лицѣ «первыхъ» гражданъ или представителей города. Констатируя эту двойственность, вносимую въ правовую область нашего вопроса гражданскимъ закономъ, необходимо отмѣтить, что въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи предмета будетъ точно опредѣлена степень соответствія юридическаго предписанія бытовому его осуществленію въ нашу эпоху, теперь же достаточно имѣть въ виду, что привлеченіе мірянъ къ участію въ архіерейскихъ выборахъ установлено гражданскимъ закономъ, а не церковнымъ канонемъ, вызвано принципомъ «экономіи», но не принципомъ акривіи въ церковной жизни, имѣетъ источникъ въ давнемъ — для нашей эпохи Юстиніановскомъ законодательствѣ и составляетъ одно изъ механическихъ привнесеній въ Василики стараго законоположенія, а главное — оно было осуждено на медленное вымирание въ силу того принципа, что канонъ выше закона и долженъ предпочитаться гражданскому постановленію, — поэтому Ф. Вальсамонъ и говоритъ объ утратѣ этимъ постановленіемъ всякаго реальнаго значенія.

¹⁹²) Ibid., III, 161.

Дѣятельность собора для избранія епископа намѣчается въ такой послѣдовательности. Епископы, участники собора, производили избраніе посредствомъ подачи голоса. Предварительно указывались [вѣроятно] всѣ тѣ лица, которыя по своимъ качествамъ признавались достойными для замѣщенія той или иной кафедры (первый актъ). Затѣмъ, изъ всего состава указанныхъ кандидатовъ избирались три лица (второй актъ). Эти избранія совершались большинствомъ голосовъ. Послѣ избранія трехъ кандидатовъ имена ихъ вносились въ особый протоколъ, гдѣ и располагались въ томъ порядкѣ, какой опредѣлялся большинствомъ голосовъ. Протоколъ подписывался епископами и представлялся митрополиту на утвержденіе. Митрополитъ избиралъ изъ трехъ представленныхъ лицъ того, кого самъ признавалъ достойнымъ избранія, независимо отъ порядка ихъ именъ въ протоколѣ. Далѣе отъ митрополита совершалось нареченіе или объявленіе (μύση) избранному объ окончательномъ его избраніи. Нареченный имѣлъ право дать окончательный отвѣтъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ случаѣ согласія совершалась его хиротонія. Если же избранный отказывался отъ нареченія, то митрополитъ обращался съ объявленіемъ къ другому избранному лицу, или же дѣлалъ распоряженіе о производствѣ новаго избранія.

Хиротонію епископа совершалъ митрополитъ, при участіи другихъ іерарховъ, — по силѣ перваго правила свв. Апостоловъ. Предъ хиротоніей могъ выступить и народъ съ возраженіями противъ избраннаго, при чемъ іерархи въ присутствіи народа производили разслѣдованіе обвиненій, въ зависимости отъ послѣдствій котораго хиротонія или совершалась, или отмѣнялась; въ случаѣ несправедливости обвиненія, обвинитель, — кто бы онъ ни былъ, — подвергался церковному или гражданскому осужденію.

Отъ хиротонисуемаго во епископа требовалось собственно-ручно написанное исповѣданіе вѣры и прочихъ божественныхъ догматовъ; этотъ свитокъ вѣры и прочитывался во время чина хиротоніи. Никакой видъ симоніи не допускался: и церковныя правила, и законы рѣзко осуждаютъ всякое посягательство на чистоту и святость іерархическаго рукоположенія. Разрѣшались лишь признанные гражданскимъ закономъ опредѣленные взносы—

обычные и интронизационные, которые производились хиротонисуемыми въ пользу совершителей и участников хиротоніи.

Все поставленіе во епископа должно было совершаться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, — въ противномъ случаѣ митрополитъ, отъ котораго зависѣло избраніе, подлежалъ осужденію.

Сѣборъ для избранія епископа созывался въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, но не обязательно въ митрополіи, такъ какъ «не мѣсто поставяетъ епископа, но голосованіе и выборъ архіереевъ».

Послѣ хиротоніи епископъ получалъ каеэдру, пользовался соответствующимъ титуломъ, честью и правами въ предѣлахъ своей епархіи.

Что касается избранія митрополитовъ, равно и архіепископовъ, то въ рассматриваемую эпоху оно совершалось по почину и побужденію Константинопольскаго патріарха, епископами сосѣднихъ митрополій, или митрополитами ближайшихъ областей, иначе сказать—священнымъ соборомъ, или даже синодомъ Византийской церкви, дѣятельностью котораго руководилъ вселенскій патріархъ. Впрочемъ, самъ патріархъ на избирательномъ соборѣ или въ синодѣ не присутствовалъ. Соборъ въ своихъ засѣданіяхъ избиралъ трехъ лицъ, изъ которыхъ патріархъ дѣлалъ выборъ одного и этимъ актомъ утверждалъ соборное избраніе. Патріарху принадлежало право хиротоніи избраннаго митрополита. Избирательный соборъ дѣйствовалъ при выборахъ митрополита такъ-же, какъ выполнялъ свою дѣятельность и соборъ епископовъ при избраніи новаго епископа, при чемъ подробности этой дѣятельности были аналогичны, съ усвоеніемъ патріарху Константинополя тѣхъ правъ, какія принадлежали митрополиту въ отношеніи къ собору при избраніи епископа.

Наконецъ, избраніе епископовъ и митрополитовъ для епархій Византийской церкви съ иноплеменнымъ населеніемъ совершалось соборомъ или даже священнымъ синодомъ и утверждалось патріархомъ, при чемъ въ такомъ избраніи существовала аналогія съ избраніемъ митрополитовъ Византийской церкви.

Таковы правовыя основы процесса избранія византийскихъ архіереевъ, какъ онѣ опредѣлялись въ церковно-гражданскихъ памятникахъ ІХ и начала Х вѣковъ. Въ дальнѣйшемъ изслѣдо-

ваніи вопроса будетъ весьма важно прослѣдить, какъ эти основы измѣнялись и дополнялись каноническими и вообще правовыми постановленіями и въ какой степени историческая и бытовая дѣйствительность соотвѣтствовала въ Византіи правовымъ нормамъ, характеризовавшимъ избраніе архіереевъ Вселенскаго патріаршаго престола.

И. Соколовъ.

Къ исторіи нравственнаго ученія въ восточной церкви.

Въ рукоп. cod. bibl. reg. Монас. № 498, кромѣ тѣхъ матеріаловъ, которые имѣютъ цѣнность для исторіи исповѣднаго и покаяннаго устава на востокѣ¹⁾, обращаетъ на себя вниманіе статья: τοῦ ἁγίου ἀθανασίου καὶ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου περὶ διαφορῶν τρόπων σωτηρίας καὶ περὶ μετανοίας, занимающая въ рукописи 227 — 230 л. Содержаніе ея было отчасти уже изложено мною въ изслѣдованіи: «Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви»²⁾ по cod. theol. graec. 305 вѣнск. публ. библ., гдѣ она носитъ имя Анастасія Синаита: τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀναστασίου τοῦ Σιναΐτου ἐπὶ διαφορῶν τρόπων σωτηρίας ψυχῆς καὶ μετανοίας. Но въ вѣнскомъ кодексѣ читается лишь часть того, что содержится въ мюнхенскомъ; въ послѣднемъ статья является въ сильно распространенномъ видѣ. Ниже, въ приложеніи подѣ № 1, я помѣщаю текстъ мюнхенской статьи съ вариантами по вѣнской рукописи, насколько послѣдняя совпадаетъ съ первою, а здѣсь начинаю съ краткой передачи содержанія статей по мюнхенскому списку. Въ статьѣ указывается десять способовъ спасенія души:

1. Не судите, да не судимы будете; не преслѣдуйте судомъ, и васъ не осудятъ.

2. Прощайте людямъ согрѣшенія ихъ, чтобы Отецъ вашъ небесный оставилъ вамъ ваши согрѣшенія.

3. Не превозносите, а напротивъ будьте смиренны, ибо всякій, возносящій себя, смирится, смиряющій же себя вознесется и оправдается: сердца сокрушеннаго и смиреннаго Богъ не уничижитъ, если человекъ смиренно исповѣдаетъ предъ Нимъ свое беззаконіе.

1) См. Виз. Врем. т. VIII, вып. 3.

2) Стр. 80—83.

4. Можно очистить грѣхъ и немногими слезами, если мы въ то же время перестаемъ грѣшить, — слезы суть крещеніе.

5. Прощеніе грѣховъ можетъ быть также послѣдствіемъ молитвы и содѣйствія отцовъ и братьевъ по словамъ Господа (о двухъ или трехъ, собранныхъ во имя Его) и апостоловъ (о взаимной исповѣди христіанъ, о взаимной молитвѣ и о призываніи пресвитеровъ церковныхъ).

6. Милостыня и благотвореніе изглаждаютъ грѣхи, тогда какъ судъ безъ милости угрожаетъ не оказавшему милости.

7. Болѣзни и разныя испытанія также приносятъ съ собою очищеніе грѣховъ.

8. Учительное слово, обращеніе человѣка отъ заблужденія ведутъ за собою прощеніе грѣховъ Богомъ, по слову апостола: если кто изъ васъ упадетъ въ заблужденіе, и обратитъ кто его, то спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ.

9. Безбоязненность къ Богу, приобретаемая постоянною молитвою, освобождаетъ человѣка отъ нападеній сатаны, подобно тому, какъ евангельская вдова своими неотступными просьбами даже неправеднаго судью побудила оказать ей справедливость противъ ея противниковъ. Въ постоянномъ обращеніи къ Богу проявляется твердая вѣра, а вѣра, по слову апостола, вмѣняется въ правду, т. е. въ исполненіе добродѣтели. Человѣку, который, по болѣзни или по старости, не можетъ поститься, бодрствовать, лежать на землѣ, по бѣдности не можетъ давать милостыню, по причинѣ сожителства съ женой и дѣтьми не можетъ монашествовать, вслѣдствіе подневольнаго положенія не можетъ предаваться молитвеннымъ упражненіямъ, вслѣдствіе обращенія съ людьми ненаказанными (т. е. распутными) не можетъ соблюсти глаза свои чистыми, а вслѣдствіе бушеванія плоти не можетъ дѣвства соблюсти, — такому человѣку вѣра вмѣняется въ правду, ибо Богъ прощаетъ ему то, чего онъ не могъ совершить, живя и запутываясь въ средѣ зла, часто даже невольно оскверняясь, потому ли, что находится въ самомъ очагѣ удовольствій, или вслѣдствіе поработившей его злой привычки. Однако, и человѣкъ, спасаемый Богомъ черезъ вѣру, безъ подвиговъ аскетизма, долженъ посильно совершать добрыя дѣла, подобно евангельской вдовѣ съ ея двумя лептами. Итакъ, вотъ законы, данныя міру человѣколюбивымъ Богомъ! Они таковы, что и престарѣлые, и больные, и бѣдные и увѣчные могутъ исполнить ихъ. Любить ближняго есть душевная энергія, для которой не тре-

буется тѣлесный аскетизмъ, точно также какъ и любовь къ Богу. Равнымъ образомъ смиренномудріе могутъ имѣть и больные, и престарѣлые; даже и милостыню можно творить безъ денегъ, будучи человѣкомъ бѣднымъ, ибо и чаша холодной воды и двѣ лепты стоятъ тысячь талантовъ. Неосужденіе ближняго также возможно и для больного, и для престарѣлаго, и для бѣднаго. Непамятованіе зла равнымъ образомъ есть душевная добродѣтель, не сопряженная съ тѣлеснымъ трудомъ, возможная и для больного, и для престарѣлаго, и для бѣднаго, и для мірянина, и для состоящаго въ бракѣ, и для находящагося въ подневольномъ положеніи, и для ведущаго торговья дѣла.

Не будемъ же извинять свои грѣхи разными предлогами, слагая вину съ своей собственной головы на діавола, указывая то на зависимое положеніе, то на заботы о домѣ, о женѣ, о дѣтяхъ, о рабахъ: въ день судный насъ изболчатъ люди, которые умѣли угодить Богу, живя въ мірѣ, вращаясь среди суеты, среди тревогъ и судилищъ, какъ Енохъ, Ной, Авраамъ, патриархи, Лотъ, Іосифъ, Давидъ, Давидъ, а въ Новомъ Завѣтѣ такіе люди, какъ Киръ, Ксенофонтъ, Андроникъ, Онисифоръ и имъ подобные.

Итакъ пусть никто не ссылается ни на бѣдность, потому что Богъ требуетъ отъ насъ только посильнаго, ни на старость, ибо старость даже болѣе склонна къ покаянію, чѣмъ юность, когда воюють противъ насъ сильныя и злыя страсти — блудъ, разженіе тѣла, самохвалство, гордость, фантазія, сребролюбіе, зависть, любовь къ міру и проч., между тѣмъ какъ въ старости всѣ эти вспышки утихаютъ, въ человѣкѣ проясняется сознаніе суеты и близости гроба. Должно знать еще и то, что если Богъ далъ намъ богатство, то не какъ праведнымъ и достойнымъ его, а какъ случай или надежный поводъ къ спасенію, чтобы мы, поставленные Богомъ быть лишь вѣрными служителями и распредѣлителями богатства, путемъ раздаянія его и сострадательности приобрѣли себѣ отпущеніе грѣховъ. А бѣдные пусть воспользуются другимъ путемъ — скорбями, терпѣніемъ, благодареніемъ, непамятованіемъ зла, смиренномудріемъ и другими вышесчисленными способами. Могущіе творить милостыню и не творящіе ея, а изъ сребролюбія прибѣгающіе къ другимъ способамъ и притомъ полагающіе, что спасутся, обманываютъ самихъ себя. О нихъ сказано: «судъ безъ милости не оказавшему милости» и: «сидите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный». Какая польза богатому отъ смиренно-

мудрія и неосужденія ближняго, если онъ презираетъ убогаго, умирающаго отъ голода? И онъ услышитъ то, что услышалъ богатый въ притчѣ, именно напоминаніе, что онъ въ земной жизни благоденствовалъ, а бѣдный страдалъ. Какъ можетъ удостоиться милости тотъ, кто полагаетъ, что имѣетъ вѣру, и предается молитвеннымъ упражненіямъ, посту, омовеніямъ, а мольбы убогихъ не слушаетъ? Такихъ лжедѣвственниковъ, лжеблагочестивыхъ и лжевѣрующихъ апостолъ Павелъ называетъ мѣдью звенящею и кимваломъ звядающимъ. Богъ отъ каждаго требуетъ благоугожденія, сообразнаго съ положеніемъ и съ обстоятельствами его жизни. Онъ не требуетъ одинаковыхъ подвижничества, уединеннаго безмолвія (исихіи) и чистоты отъ тѣхъ, кто живетъ среди суеты, и отъ тѣхъ, кто проживаетъ въ пустыняхъ, горахъ и пещерахъ. Часто живущіе среди мірской суеты занимаютъ мѣсто между людьми, прославленными подвижничествомъ, какъ это мы слышали о двухъ сыновьяхъ Спандрома, изъ которыхъ одинъ былъ анахоретомъ, а другой подвизался въ ксеподохи и птохотрофиі. Когда, по смерти обоихъ, возникъ между отцами большой споръ, причемъ одни восхваляли исихаста, другіе благодетеля, спорящіе пошли къ великому Памво и просили его обратиться къ Богу съ молитвою о разрѣшеніи ихъ сомнѣнія. Святой послѣ молитвы и откровенія клятвенно удостовѣрилъ отцовъ, что оба брата находятся въ раю, въ одинаковой славѣ и радости.

10. Къ названнымъ выше девяти способамъ спасенія, засвидѣтельствованнымъ намъ Свящ. Писаніемъ, нужно причислить еще десятый: исповѣданіе Христа и Бога предъ невѣрнымъ тиранномъ. Въ тотъ самый моментъ, когда кто либо, не смотря на угрозы и страхъ, исповѣдаетъ Христа, прощаются ему его грѣхи по слову Евангелія: кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того и Я исповѣдаю предъ Отцомъ на небесахъ. Въ подтвержденіе этого, рассказывается чудесный случай. Во времена царя Маврикія, проживалъ одинъ знахарь-волшебникъ Месить. На службу Месить взялъ къ себѣ мальчика, который считалъ своего хозяина нотаріемъ, не зная, что онъ вѣдается съ нечистой силой. Желая совратить мальчика и сдѣлать его слугой дьявола, Месить отправился однажды вмѣстѣ съ нимъ изъ города въ пустынное необитаемое мѣсто. Къ вечеру достигаютъ они замка съ желѣзными воротами и, на стукъ Месита, впущенные внутрь замка, находятъ здѣсь величественный храмъ, богато убранный и великолѣпно освѣщенный, а въ серединѣ храма высокій тронъ. На этомъ

тронѣ, окруженный справа и слѣва служителями — эѳіопами, сидѣлъ нѣкій величественный, также эѳіопъ, въ облаченіи царя. Царь принялъ Месита привѣтливо, велѣлъ поставить для него тронъ возлѣ себя, посадилъ его на немъ и промолвилъ: «добро пожаловать, нашъ другъ и служитель», а потомъ, замѣтивъ мальчика, который стоялъ позади трона Месита, спросилъ послѣдняго, зачѣмъ онъ привелъ его. Меситъ отвѣтилъ: «господишь, это твой рабъ, онъ со мной заодно». Тогда царь демоновъ спрашиваетъ мальчика: «рабъ ли ты мой?» Мальчикъ на это отвѣтилъ: «я рабъ Отца и Сына и Св. Духа». При этихъ словахъ, тронъ, вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на немъ, провалился, освѣщеніе погасло, провалился замокъ, провалился вмѣстѣ съ другимъ и Меситъ; остался одинъ лишь мальчикъ и при немъ кони. По возвращеніи въ городъ (на этихъ коняхъ), когда его стали спрашивать, гдѣ Меситъ, мальчикъ отвѣтилъ, что Меситъ отправился во тьму кромѣшную, и рассказалъ всѣмъ случившееся. Спустя нѣкоторое время, тому же мальчику пришлось проживать у нѣкоего патриція, мужа благочестиваго и благотворителя. Однажды вечеромъ оба они приходятъ помолиться предъ образомъ Спасителя въ Пастръ. Мальчикъ сталъ слѣва, и ликъ Спасителя оказался обращеннымъ въ его сторону. Замѣтивъ это, патрицій перемѣнилъ мѣсто, поставивъ мальчика по правую сторону отъ себя, но образъ опять смотрѣлъ на мальчика. Тогда патрицій палъ на землю съ плачемъ, молитвою и исповѣданіемъ, и сказалъ: «Господи мой, Иисусе Христе, почему Ты отвратилъ лицо Свое отъ меня, раба Своего? Ты знаешь, что я по силамъ не отвращалъ лица моего отъ человѣка, просившаго милостыню, и вотъ Ты отвращаешься отъ недостойнаго раба Своего». Послѣ долгой молитвы патриція, до слуха его дошелъ голосъ отъ иконы: «тебя Я благодарю за то, что ты приносишь Мнѣ изъ даннаго тебѣ Мною же, а предъ этимъ (мальчикомъ) Я — должникъ, потому что, не смотря на страхъ, онъ не отрекся отъ Меня, но исповѣдалъ Отца и Сына и Св. Духа».

Таково содержаніе мюнхенской статьи «о различныхъ способахъ спасенія и о покаяніи». Какъ ни просты повидимому и общеизвѣстны выраженные въ ней моральныя истины, разсматриваемая въ исторической перспективѣ статья эта представляетъ собою цѣнный памятникъ византійской литературы. Цѣнность ея выяснится для насъ, если мы взглянемъ на нее 1) въ сравненіи съ предшествующими греческими статьями въ томъ же родѣ, равно какъ съ отдѣльными мѣстами въ произведеніяхъ церковныхъ писателей востока, 2) по сравненію съ

аскетическимъ идеаломъ соединенія съ Богомъ, развивавшемся въ монашеской литературѣ востока, 3) по сравненію съ научно-богословскимъ ученіемъ о таинствѣ покаянія и 4) по сравненію съ сложившеюся на западѣ противоположностію между католицизмомъ и протестантизмомъ въ вопросѣ о вѣрѣ и о дѣлахъ.

I

Обращаясь отъ мюнхенской статьи X в. къ предшествовавшему времени, мы видимъ, что вопросъ о способахъ очищенія отъ грѣховъ и спасенія издревле занималъ церковную мысль, и именно не какъ общій вопросъ, религіозно-нравственный, о добродѣтеляхъ и порокахъ, о путяхъ жизни и смерти (какъ это сдѣлано было въ «ученія 12-ти апостоловъ» и въ VII книгѣ апостольскихъ постановленій), а какъ специальный вопросъ о примиреніи грѣшного человѣка съ Богомъ, въ болѣе или менѣе логическомъ расчлененіи этого теоретическаго понятія. Оригенъ указывалъ семь способовъ очищенія отъ грѣховъ: крещеніе, мученичество, милостыню, прощеніе обидъ, обращеніе грѣшника отъ заблужденія, преизбытокъ любви къ Богу, какъ у той евангельской грѣшницы, которой сказано было, что она возлюбила много, наконецъ суровое покаяніе со слезами и исповѣдью предъ священникомъ Господнимъ¹⁾. Златоустъ въ своихъ девяти бесѣдахъ о покаяніи, преимущественно во второй бесѣдѣ²⁾, указываетъ на слѣдующіе способы покаянія: исповѣданіе грѣха предъ Богомъ, плачь о грѣхѣ, смиреніе, милостыню, молитву. Въ вопросо-отвѣтахъ Анастасія Синаита много разъ и съ разныхъ сторонъ затрогивается вопросъ о примиреніи грѣшного человѣка съ Богомъ и не всегда разрѣшается одинаково. Такъ напр. спрашивается, потеряны ли покаянные труды того, кто, согрѣшивъ, покаялся и снова впадаетъ въ грѣхи, особенно если ему случится умереть послѣ новыхъ его грѣхопаденій. Мѣстами изъ Свящ. Писанія и изъ Отцовъ доказывается, что таковой рецидивистъ не только лишается награды за то, что имъ сдѣлано, но и достоинъ сугубаго осужденія, такъ какъ, вкусивъ Слова Божія и удостоенный познанія тайнъ, онъ оказался предателемъ³⁾. Въ 83 вопросо-отв. трак-

1) Во второй бесѣдѣ на кн. Левитъ (Migne, Patr. gr. t. 12, p. 417—418).

2) Migne, Patr. gr. t. 49, col. 285 sqq.

3) Тамъ же, т. 89, ст. 351—352.

туется также тема о человѣкѣ согрѣшившемъ, потомъ совершившемъ нѣкоторыя заслуги (*τινάς μεθούς*) для испрошенія прощенія и снова согрѣшающемъ послѣ заслугъ (*μετά τοὺς μεθούς*). Тутъ говорится, что нужно принимать во вниманіе мѣру и грѣха, и заслугъ, хотя вообще слѣдуетъ сказать, что, если кто отъ грѣха не престааетъ, а въ немъ и жизнь оканчивается, всякое прощеніе уничтожается; впрочемъ, добавляется, таковыя суды одинъ лишь Богъ вѣдаетъ¹⁾. Въ вопросѣ 4-мъ дѣло идетъ о томъ, достаточно ли для покаянія, если кто преталъ отъ грѣха, и, на основаніи цитатъ изъ Василія В., Златоуста, Григорія Богослова и Максима, доказывается, что одного прекращенія грѣха недостаточно, требуются еще плоды покаянія, противоположные грѣху²⁾. Въ вопросѣ 63-мъ вопрошатель желалъ знать, слѣдуетъ ли выводить изъ словъ Спасителя о прощеніи человѣкомъ своему ближнему согрѣшенія его, что если потерпѣвшій простилъ согрѣшившему противъ него, то и Богъ простилъ грѣшника. Въ отвѣтѣ говорится, что простившій, конечно, приобретаетъ награду, но прощенный долженъ покаяться предъ Богомъ, чтобы получить вмѣстѣ и божественное прощеніе; напримѣръ, странно было бы думать, что прелюбодѣйствовавшій съ женой ближняго и получившій прощеніе отъ него, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ прощеніе и отъ Бога³⁾. Въ отвѣтѣ на 82 вопросъ: можно ли за одно доброе дѣло получить прощеніе грѣховъ, говорится, что и одно доброе дѣло можетъ спасти человѣка, какъ спаслась библейская Раавъ за гостепримство, оказанное ею соглядатаямъ, евангельскій разбойникъ за вѣру, евангельская блудница за слезы⁴⁾. Въ вопросо-отвѣтѣ 5-мъ дѣло идетъ о томъ, какимъ образомъ можетъ исполнить покаяніе и спастись человѣкъ престарѣлый, безсильный, или необладающій твердою душою и, по этой самой причинѣ, не могущій принять на себя подвига монашества. Иго Хри-

1) Ст. 709—710. А въ 69 гл. (68 по поздн. изд.) нашей кормчей книги, гдѣ есть нѣсколько вопросо-отвѣтовъ Анастасія Сиванта, очевидно, по другой рукописи. вопросъ этотъ разрѣшается опять нѣсколько иначе: какъ съ воинемъ, награждаемымъ царемъ, случается, что онъ не только побѣждаетъ, но и пораженія терпитъ, такъ и Богъ цѣнитъ въ человѣкѣ его постоянную борьбу съ духовными врагами, хотя и не всегда побѣдоносную.

2) Migne, 89, ст. 357 — 358. Въ нашей кормчей, гдѣ этотъ отвѣтъ изложенъ не въ такой редакціи, какъ у Миня, замѣчается: неужели совершившій десять убійствъ и переставшій убивать считается покаявшимся, или блудившій много гѣтъ и въ старости переставшій блудить считается покаявшимся и прощеннымъ?

3) Ст. 653 и сл.

4) Ст. 709—710

ство, говорится въ отвѣтѣ на поставленный вопросъ, благо и легко, а слѣдовательно нести его могутъ и престарѣлый, и безсильный. Приводятся изреченія ветхозавѣтныхъ пророковъ о необходимости быть правосуднымъ и милосерднымъ, не обижать вдовъ, сиротъ и пришельцевъ, не помнить зла, избѣгать ложной присяги и проч., въ особенности же разъясняется необходимость различать то, что предписано, какъ обязательное отъ необязательнаго. Напр., любить Бога и ближняго, любить враговъ, не прелюбодѣйствовать — это заповѣди обязательныя, несоблюденіе которыхъ подлежитъ наказанію, а соблюдать дѣвство или безбрачіе, нищету или отшельническую жизнь, не есть обязательная заповѣдь. Мірскіе люди и монахи находятся не въ одномъ и томъ же положеніи: то, что для мірскаго человѣка прекрасно, — для монаха погибель, напр. богатство, слава, могущество, развлеченія, прекрасное сложеніе тѣла, многочисленное потомство; напротивъ, свойственныя монаху нищета, незнатность, безсиліе, воздержаніе, претерпѣніе золь мірскому человѣку грозятъ опасностью¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ снова трактуется тотъ же вопросъ въ примѣненіи къ плотскимъ грѣхамъ: если кто либо состарѣтся въ плотскихъ грѣхахъ и видитъ, что ни постыться не можетъ, ни другимъ аскетическимъ упражненіямъ предаваться, какимъ образомъ онъ можетъ спастись, находясь въ престарѣломъ возрастѣ? Такъ какъ иго Христова благо, отвѣчаетъ Анастасій, то и престарѣлые и безсильные могутъ удовлетворить закону Христову. Не существуетъ предписанія всѣмъ и каждому соблюдать дѣвство, удаляться отъ всего что въ мірѣ, воздерживаться отъ мяса и вина, но вотъ что предписано: любить Бога и ближняго, не помнить обидъ, быть смиренными, сочувствовать посылно другимъ, переносить несчастія, быть кроткими и миротворцами. Все это возможно и для больного, и для престарѣлаго, и для человѣка, въ мірѣ живущаго, связаннаго бракомъ, и исполненіемъ всего этого можно наслѣдовать спасеніе, хотя бы беззаконія превышали мѣру царя Манассіи²⁾. И, наконецъ, еще разъ Анастасію приходилось отвѣчать на подобный же вопросъ: если я нахожусь въ рабствѣ, или въ плѣну, и не могу, какъ желалъ бы, ходить въ церковь, постыться, бодрствовать, то какимъ образомъ возможно достигнуть спасенія и отпущенія грѣховъ? Св. Писаніе учитъ, говоритъ Анастасій, что Богу

1) Ст. 361.

2) Вопросъ 3-й послѣ 100-го на ст. 756.

угождали и такіе люди, которые жили въ мірѣ, въ богатствѣ, имѣя многочисленное потомство (Авраамъ, Іосифъ, Моисей, Давидъ и др.), и собственно даже нужно считать однимъ изъ ухищреній дьявола внушеніе человѣку мысли, что онъ непременно долженъ отречься отъ міра, сдѣлаться монахомъ и удалиться въ пустыню, а иначе — де и спастись не возможно. Многіе, питая надежду сдѣлаться впоследствии монахами — отшельниками, тѣмъ необузданнѣе предаются грѣху, а потомъ оказываются уже не въ силахъ порвать съ міромъ и, вслѣдствіе этого, погибаютъ¹⁾. Иногда у Анастасія Синаита трактуется вопросъ о милостынѣ. Такъ напр., вопрошатель желаетъ знать, что лучше, жертвовать ли деньги въ церковь, или на бѣдныхъ: въ отвѣтъ на поставленный вопросъ говорится, что нужно различать церкви бѣдныя и богатыя. Въ церкви богатыя жертвовать не слѣдуетъ, ибо къ чему можетъ послужить имъ богатство? Оно или пропадаетъ по небрежности управителей, или будетъ похищено грабителями и варварами. Въ подтвержденіе этой мысли приводятся слова Златоуста: «никто еще не подвергался обвиненію за то, что церковей не украшалъ, а немилостивымъ къ бѣднымъ явственно выражена угроза геенной, огнемъ неугасимымъ и наказаніемъ съ демонами («идите отъ Меня, проклятіи» и проч.); итакъ, украшая домъ, не презри страдающаго брата, ибо онъ есть въ большей степени храмъ, чѣмъ тотъ (*μὴ τοῖνον τὸν οἶκον κοσμῶν τὸν ἀδελφὸν ἐλιβόμενον περιόρα, οὗτος γὰρ ἐκείνου ὁ ναὸς χυριώτερος*). Драгоценности, находящіяся въ храмѣ, могутъ стать добычей невѣрныхъ королей, тиранновъ и разбойниковъ, а того, что ты сдѣлаешь для алчущаго брата, для странника, для нагого, не можешь вырвать у тебя и самъ дьяволъ; это такое сокровище, котораго никто не можетъ похитить». Цитируются и другія мѣста изъ Златоуста же и изъ другихъ отцовъ и между прочимъ замѣчательное мѣсто изъ второй главы IV книги апостольскихъ постановленій, въ которомъ говорится, что малолѣтніе, сироты, престарѣлые, увѣчные, многосемейные и т. д. суть жертвенникъ, на которомъ приносятся жертвы самому Богу²⁾.

Въ другой разъ Анастасій говоритъ, что такимъ людямъ, какъ братоненавистники, оскорбители, гордецы, несправедливые, злопаметные, завистники, не помогутъ и многія милостыни, — это все равно

1) Вопросъ 132-й на ст. 783—784.

2) Вопросъ 14-й на ст. 468. На приведенное въ текстѣ мѣсто изъ Златоуста ссылается сочувственно Вальсамонъ въ толков. къ 7 пр. двукратн. соб.

какъ погасшіе свѣтильники пяти юродивыхъ дѣвъ, лишенные духовнаго елея¹⁾. И еще разъ затрогивается вопросъ о милостыняхъ въ связи съ вопросомъ о литургіяхъ и молитвахъ, совершаемыхъ за умершихъ. Вопросъ ставится такъ: какіе грѣхи прощаются послѣ смерти чрезъ совершеніе литургій, молитвъ и милостынь за усопшихъ? (ποτα ἀμαρτήματα συγχωροῦνται μετὰ θάνατον διὰ τῶν λειτουργιῶν καὶ εὐχῶν καὶ ἐλεημοσυνῶν τῶν γινομένων ὑπὲρ τῶν κοιμηθέντων). На цитатахъ изъ великаго Діонисія, изъ постановленій апостольскихъ, изъ Епифанія и Златоуста обосновывается то положеніе, что если грѣхи были нетяжкіе, то умершій получаетъ нѣкоторую пользу отъ того, что совершается за него. Но вообще моментъ смерти есть рѣшительный для суда Божія объ умершемъ, и мы должны сами при жизни заботиться о своихъ душахъ, не рассчитывая на полученіе прощенія послѣ смерти, благодаря чужимъ приношеніямъ (πλὴν δεῖ ἡμᾶς φροντίζειν τῶν ἰδίων ψυχῶν καὶ μὴ ἐλπίζειν μετὰ θάνατον δι' ἄλλοτρίων προσφορῶν συγχωρεῖσθαι²⁾). Въ λόγος περὶ τῆς ἀγίας συνάξεως καὶ περὶ μὴ τοῦ χρίνειν καὶ μνησικαχεῖν³⁾ Анастасій Синаитъ особенное значеніе придаетъ непамятозлобію, т. е. забвенію обидъ, и неосужденію ближняго. Онъ удивляется дерзости человѣка злопамятнаго, взопряющаго мечъ противъ брата и въ тоже время молящагося: «и остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», и спрашиваетъ его: «зачѣмъ ты пришелъ въ церковь, молиться или лгать, милости удостоиться, или гнѣвъ на себя навлечь, прощеніе грѣховъ получить, или подвергнуться казни?» Въ концѣ слова рассказывается о монахѣ, который удостоился того, что весь списокъ грѣховъ его былъ разорванъ за то, что хотя онъ не отличался подвижничествомъ, но слѣдовалъ всегда евангельской заповѣди: «не судите и не судимы будете, отпустите и отпустится вамъ».

Иногда ставится у Анастасія и общій вопросъ о способахъ спасенія: Таковъ вопросъ 104-й: πόσοι τρόποι εἰσὶ τῶν σωζομένων καὶ συγχωρήσεως ἐκ Θεοῦ ἀμαρτιῶν κομιζομένων. Указываются три способа: впредь не грѣшить, приносить плоды достойные покаянія и терпѣливо переносить ниспосланныя испытанія и скорби, ибо Богъ иногда грѣшника, не приносящаго покаянія, подвергаетъ испытаніямъ и скор-

1) Вопросъ 136-й на ст. 789—790.

2) Вопросъ 22-й на ст. 536 и сл.

3) Migne, 89, въ особенности на ст. 840 и 849.

бямъ, посредствомъ которыхъ приводитъ его къ смиренію, а отъ смиренія къ спасенію безъ большихъ подвиговъ аскетизма¹⁾.

Тотъ же общій вопросъ о способахъ полученія прощенія грѣховъ, хотя и въ связи съ частнымъ поводомъ, именно съ объясненіемъ Мѡ. XII, 31 и Лук. XII, 10, трактуется Максимомъ Исповѣдникомъ²⁾, который приводитъ «мнѣніе нѣкоторыхъ» о четырехъ способахъ прощенія грѣховъ — двухъ въ будущей жизни и двухъ въ здѣшней. Подъ прощеніемъ въ будущей жизни понимается взвѣшиваніе человѣческихъ дѣяній послѣ смерти человѣка, который при жизни безразлично или смѣшанно (*ἀδιαφόρως*), т. е. отчасти дѣлалъ добрыя дѣла, отчасти грѣшилъ, причемъ, во-первыхъ, можетъ случиться, что добрыя дѣла перевѣсятъ тяжесть учиненныхъ имъ грѣховъ, или, во-вторыхъ, соблюденіе одной лишь заповѣди: «не судите, да не судимы будете» можетъ съ избыткомъ покрыть грѣхи. Прощеніе же въ здѣшней жизни получается черезъ ниспосылаемые людямъ Богомъ несчастія и болѣзни, посредствомъ которыхъ Богъ очищаетъ грѣшника, причемъ, если грѣшникъ благодаритъ Бога за ниспосылаемые Имъ испытанія, то онъ получаетъ награду за благодарность, а не приносящій благодарности очищается претерпѣваемымъ имъ за неблагодарность наказаніемъ.

Много разъ заходитъ рѣчь о способахъ прощенія грѣховъ, или о способахъ спасенія въ «пандектахъ» Никона Черногорца, который частію воспроизводитъ вопросы-отвѣты Анастасія Синаита³⁾, частію черпаетъ изъ другихъ источниковъ. Такъ въ словѣ 44-мъ на вопросъ: «которыя заповѣди стяжавъ, человѣкъ можетъ спастись?» исчисляются четыре добродѣтели — постъ, молитва, тѣлесное цѣломудріе и руко-

1) Вопросъ 104-й на ст. 457.

2) Migne, t. 90, вопр. 26, ст. 805. Спрашивается, что такое хула противъ Св. Духа, и какъ понимать евангельское изреченіе, что хула противъ Св. Духа не простится ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ? По поводу этого вопроса, дѣлается указанное въ текстѣ различіе между двумя способами прощенія въ будущей жизни и двумя способами въ настоящей. Въ концѣ отвѣта поясняется, что похъ хулой на Духа разумѣется упорное невѣріе и безбожіе, прощеніе за которое могло бы быть получено только вѣрою, а ея-то именно и нѣтъ въ невѣрующихъ. Изъ cod. IV slav. III венеціанской библ. Св. Марка видно, что составители и переписчики каноническихъ сборниковъ, угадавъ начало и конецъ вопроса-отвѣта Максима, дѣлали изъ него самостоятельную статью подъ заголовкомъ: *ποιῶν τῶν πρῶτων διὰ τοῦ Θεοῦ ἀσυχώρησιν ἀμαρτανιάτων ἀπίστον*. См. Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточн. церквн, стр. 105.

3) Такъ въ словѣ 7-мъ на л. 61 приводится 63-й вопросо-отвѣтъ Анастасія, а въ словѣ 21-мъ на обор. 160 л. приводится 14-й вопросо-отвѣтъ. Никонъ Черногорецъ цитируется по печатному единовѣрческому изданію.

дѣлье¹⁾. Въ словѣ 51-мъ исчисляются слѣдующіе пути спасенія: смиренномудріе, исповѣданіе грѣховъ, непамятозлобіе, перенесеніе несчастій съ благодареніемъ, милованіе имѣніемъ, терпѣливая молитва, столь же неотступная, какъ у евангельской вдовы предъ неправеднымъ судьей, защита обидимыхъ²⁾, а нѣсколько ниже указываются пять образовъ покаянія: разрѣшеніе грѣховъ, оставленіе согрѣшеній ближнему, молитва, милостыня, смиренномудріе³⁾.

Изъ сравненія всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ, начиная съ Оригена и оканчивая Никономъ Черногорцемъ, съ мюнхенскою статьею *περί διαφόρων τρόπων σωτηρίας και περί μετανοίας*, можемъ видѣть, что мюнхенская статья представляетъ довольно удачное, хотя и не исчерпывающее и не всеобъемлющее, резюмирование разныхъ способовъ спасенія, указывавшихся въ разное время въ восточной церковной литературѣ. Анастасій Синаитъ въ особенности послужилъ источникомъ для этого сжатаго резюме. Поэтому неудивительно, что въ вѣнск. cod. theol. gr. 305 статья носитъ имя Анастасія Синаита: то, что есть лишняго въ мюнхенской рукописи сравнительно съ вѣнскою, безъ сомнѣнія, есть позднѣйшее наслоеніе, и статья въ цѣломъ приписывается уже не Анастасію, а св. Аванасію и Іоанну. Неудивительно также и то, что въ числѣ десяти способовъ очищенія отъ грѣховъ не оказывается ни пожертвованій въ церковь, ни совершенія литургій за умершихъ, такъ какъ Анастасій высказывался относительно этихъ способовъ скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно.

II.

Изъ мюнхенской статьи, равно какъ изъ отдѣльныхъ мѣстъ, послужившихъ для нея источникомъ, можно видѣть, насколько ошибочны мнѣнія западныхъ ученыхъ, будто въ греческой церкви развивался только нравственный идеалъ аскетизма, — идеалъ, непосильный для людей, живущихъ въ мірѣ, такъ что если церковь не отказывала рѣшительно мірскимъ людямъ въ надеждѣ на спасеніе, то она противорѣчила себѣ самой, т. е. противорѣчила предъявляемому и развивае-

1) Л. 346.

2) На обор. 410 л.

3) На обор. 410 л. О статьяхъ Ефрема Сирна, Исаія монаха и Марка-монаха *περί μετανοίας* см. Къ вопросу о тайной исповѣди 76—80.

474 Византийская цивилизация... 1894—1927 гг.

тому ею монашескому идеалу¹⁾. Указаніе разныхъ способовъ спасенія для такихъ именно людей, которые не могутъ исполнять аскетическихъ подвиговъ, какъ больные, престарѣлые, бѣдные, состоящіе въ бракѣ, находящіеся въ зависимомъ положеніи, ведущіе торговыя дѣла, живущіе даже въ самомъ очагѣ мірской суеты и удовольствій, съ поясненіемъ притомъ, что въ мірѣ живущій человѣкъ можетъ оказаться въ равной славѣ и чести у Бога, какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуешь о томъ, что греческая церковь хорошо различала идеаль совершенства, возможный для мірскихъ людей, и идеаль совершенства, свойственный людямъ, живущимъ въ пустынномъ уединеніи. Анастасій Синаитъ, какъ вы видѣли, считаетъ даже внушеніемъ діавола мысль, что спастись можно только удалившись изъ міра и сдѣлавшись монахомъ. Что смѣлая мысль и духовная энергія греческаго исихаста стремились къ такимъ мистическимъ высотамъ, которыя для людей, обуреваемыхъ мірскою суетою, были недоступны, это объясняется условіями монашеской жизни, облегчавшими для людей доброй воли самонаблюденіе, самоуглубленіе и духовный опытъ. Напр., отвѣтъ на 106-й вопросъ у Анастасія Синаита: «откуда узнаешь человѣкъ, что Богъ простилъ ему его грѣхи, и что онъ во всякомъ случаѣ найдетъ себѣ милость въ день суда (πότεν γινώσκει ὁ ἄνθρωπος, ὅτι συνεχώρησεν ὁ Θεὸς τὰς ἀμαρτίας αὐτοῦ καὶ ὅτι εὐρίσκει ἔλεος πάντως ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς χρίσεως)²⁾» едва ли могъ быть рассчитанъ на мірскихъ людей. Тутъ различается пять степеней восхожденія души къ Богу: 1) предстояніе Богу въ молитвѣ въ качествѣ подсудимаго, повиннаго наказанію, 2) въ качествѣ должника, желающаго освободиться отъ обременяющаго его долга, 3) въ качествѣ раба, любящаго своего господина, 4) въ качествѣ свободнаго наемника, на которомъ не лежитъ никакого долга, 5) въ качествѣ друга, невѣсты, или сына, когда нѣтъ мысли о долгѣ, или о какомъ либо наказаніи, а царствуетъ всецѣлая любовь, непрестанная радость, непрекращающееся дерзновеніе, веселіе, плясаніе (σχιρτήματα) и восторгъ души. Въ 69 (68) гл. нашей печатной кормчей книги, между другими вопросо-отвѣтами Анастасія Синаита находится и этотъ: «откуда увѣсть человѣкъ, яко простилъ и есть Богъ грѣховъ его»; но онъ является здѣсь въ значительно распространенномъ видѣ, и вмѣсто пяти степеней насчитывается семь, причемъ высшею степенью назы-

1) Какъ это выражено напр. К. Голлежъ въ его «Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum». См. рец. въ «Визант. Врем.» 1899, вып. 3.

2) На ст. 760 патрол. Мниа.

вается братотвореніе или побратимство съ Христомъ, а за истинное знаменіе прощенія грѣховъ христіанину принимается ему явленіе Христа по слову Евангелія: «блажени чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрять»¹⁾). Возможность достиженія монахомъ подобной нравственной высоты не мѣшала существовать не только идеалу мірскаго совершенства, но, какъ вы увидимъ ниже, и другимъ, болѣе общедоступнымъ способамъ удостовѣренія въ прощеніи Богомъ грѣховъ. И въ самомъ монашествѣ, какъ показала въ особенности исторія средневѣковаго латинскаго запада, могли образовываться разныя направленія и разныя воззрѣнія на путь, ведущій къ примиренію съ Богомъ. Таково различіе въ области моральной теологіи между схоластиками и мистиками. Мистики стремились къ непосредственному созерпанію Истины, къ лицезрѣнію Бога, не прибѣгая къ методамъ научнаго изслѣдованія, къ философской аргументаціи, къ сопоставленію Отцовъ церкви съ античными греческими философами и къ обращенію этихъ послѣднихъ на службу церкви, что дѣлали схоластики. Неудивительно, что степени на пути восхожденія человѣка къ примиренію, или къ соединенію съ Богомъ, представлялись далеко неодинаковыми для мистиковъ (какъ св. Бернардъ Клервоскій, Гуго С. Викторъ) и для схоластиковъ (какъ Петръ Ломбардъ или Тома аквинскій)²⁾, не говоря уже о томъ, что въ построеніяхъ схоластиковъ доминирующее значеніе получилъ авторитетъ церкви и священства, черезъ посредство котораго достигается примиреніе съ Богомъ, а у мистиковъ на первый планъ выдвигался религіозный индивидуализмъ непосредственнаго общевія вѣрующей души съ Богомъ. Въ настоящее время даже и протестантскіе богословы³⁾ признаютъ, что было бы напраснымъ трудомъ отыскивать въ средневѣковой католической мистикѣ нѣчто якобы протестантское или евангелическое. Мистика стояла на почвѣ католической церкви, какъ и схоластика, и великіе мистики суть вмѣстѣ великіе святые католической церкви. Такимъ образомъ на западѣ религіозно-аскетическій идеалъ мистиковъ не исключенъ другимъ мо-

1) Такъ какъ мѣ въ cod. theol. gr. 333 вѣвск. публич. библ. встрѣтился греческій текстъ отвѣта, вполне соотвѣтствующій нашей Кормчей, только безъ заключительной доксологіи, то я печатаю въ приложеніи подъ № 2 греческій текстъ, параллельно съ славянскимъ переводомъ по Кормчей книгѣ.

2) См. Staudlin, Geschichte der Sittenlehre Jesu, B. IV, Göttingen, 1823, стр. 308—447.

3) Такъ Thomasius, Dogmengeschichte, B. I, zw. Hauptperiode, 262. Harnack, Lehrbuch der Dogmengeschichte, B. III, Freiburg, 1890, стр. 375.

ральнымъ міровоззрѣніемъ. Повидимому, на востокѣ было болѣе благопріятныхъ условій для развитія исключительности монашескаго идеала: здѣсь, за отсутствіемъ схоластической теологіи, главнымъ образомъ процвѣтала въ поздніе средніе вѣка именно монашеская литература, и притомъ, такъ какъ монахи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, вели духовническую практику, авторитетъ священства, какъ единственно управомоченнаго къ разрѣшенію отъ грѣховъ, выяснился лишь къ концу XII в. А между тѣмъ въ монашеской именно литературѣ мы и встрѣчаемъ перечисленіе разныхъ способовъ спасенія для мірскихъ людей.

III.

Разсматриваемая въ исторической перспективѣ, мюнхенская статья о способахъ спасенія представляетъ собою цѣнное историческое свидѣтельство о поздней датѣ нынѣшней богословской конструкціи таинства покаянія. Статья въ сущности остается на той же точкѣ зрѣнія, на которой стояли нѣкогда Оригенъ и Златоустъ, видѣвшіе въ исповѣди и въ покаяніи *одинъ изъ многихъ* способовъ очищенія отъ грѣховъ. Допустимъ даже, что составитель статьи при всѣхъ, исчисляемыхъ имъ, способахъ спасенія предполагалъ исповѣдь предъ духовникомъ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся; все же онъ остается далеко отъ того круга понятій, который сложился въ позднѣйшемъ православномъ богословіи подъ несомнѣннымъ вліяніемъ средневѣковой западной богословской мысли, и въ которомъ центръ тяжести переносится на сакраментальное разрѣшеніе отъ грѣховъ въ моментъ произнесенія извѣстныхъ тайносовершительныхъ словъ. Нашимъ богословамъ предстоитъ серьезная задача выяснить въ подробностяхъ фактъ взаимнаго вліянія востока и запада въ области ученія о церкви и моральной теологіи. Если, съ одной стороны, идеи монашескаго мистицизма, развитыя въ сочиненіяхъ псевдо-Діонисія Ареопагита, оказали сильное вліяніе на латинскую теологію, послѣ того какъ латинскій западъ познакомился съ ними въ латинскомъ переводѣ¹⁾: то, съ другой стороны, работа богословской мысли западныхъ схоластиковъ

1) Въ двадцатыхъ годахъ IX в. были присланы изъ Константинополя въ подарокъ Людовику Благочестивому сочиненія Ареопагита на греческомъ языкѣ и были нескорѣ переведены на латинскій языкъ, даже не однажды. Neander, Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche, Gotha, 1864, B. VI, 255.

и мистиковъ¹⁾, какъ бы по закону историческаго возмездія, оказала сильное вліяніе на позднѣйшія православно-богословскія системы, не смотря даже и на раздѣленіе церквей. Я не буду здѣсь повторять того что было сказано мною раньше о вліяніи запада на востокъ въ ученіи о церкви и о таинствахъ²⁾, а укажу новый примѣръ такового вліянія. Въ настоящее время въ системахъ православнаго нравственнаго богословія можно встрѣтить четыре основныя добродѣтели: мудрость, справедливость, умѣренность и мужество. Эта классификація, созданная Аристотелемъ и не оказавшая вліянія на творенія восточныхъ отцовъ, принята была во вниманіе уже Августиномъ, поддерживалась позднѣйшими латинскими писателями, какъ напр. Алкуиномъ, а въ произведеніяхъ еще болѣе позднихъ схоластиковъ, особенно Фомы аквинскаго, возведена была на степень научно-богословской конструкціи съ цѣлымъ аппаратомъ богословской учености и философской аргументаціи³⁾. Точно также схема трехъ т. н. богословскихъ добродѣтелей (вѣра, надежда и любовь), которая теперь полагается въ основаніе нашихъ православныхъ катихизисовъ, выработана не восточными отцами, а латинскими богословами, начиная съ Августина же, въ особенности же средневѣковыми схоластиками⁴⁾. Приводя этотъ новый примѣръ вліянія запада на востокъ, я позволяю себѣ выразить надежду, что съ болѣе глубокимъ изученіемъ исторіи, насъ менѣе и менѣе будетъ удивлять мысль о возможности церковныхъ заимствованій съ запада. Самъ проф. Павловъ, пришедшій, повидимому, въ ужасъ отъ одной мысли о переводѣ славянской «заповѣди св. отецъ» съ латинскаго перевода и наговорившій по этому поводу массу неосновательныхъ вещей, не въ состояніи былъ отрицать тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что разрѣшительная формула, произносимая православнымъ священникомъ послѣ исповѣди, какъ «совершеніе тайны св. покаянія», заимствована черезъ требникъ Петра Могилы изъ латинскаго требника, ограничившись лишь поправкой по адресу проф. Алмазова, что формулы этой нѣтъ еще въ никоновскомъ требникѣ 1658

1) Выдающіеся мистики среднихъ вѣковъ были часто и глубокими мыслителями и напротивъ, схоластики, какъ Бонавентура, были вмѣстѣ и мистиками. См. объ этомъ Staudlin, IV, 446; Naglask, III, 375.

2) Объемъ дисципл. суда, стр. 105 и сл. Къ вопросу о таин. испов., 182 и 190. Отсылаю еще къ стр. 88, 107—108, 136, 194, 212, 221—222, 232, 276—277, 334, 354, 428, 568—569 моего «учебника» церк. пр., изд. 1898 г.

3) Staudlin, III, 122; IV, 272, 324, 343 и ср. Neander, VIII, 298; Baug, Gesch. d. christl. Kirche, B. III, Leipzig 1869, стр. 423.

4) Staudlin, III, 118; IV, 320, 342, 397 и т. д.

года, какъ говоритъ г. Алмазовъ, а что она внесена впервые въ іоанновскій требникъ 1677 г.¹⁾ А надобно замѣтить, что и на самомъ западѣ эта формула, не въ видѣ молитвенной, а въ видѣ деклараторной (*ego te absolvo*) установлена была въ теологіи не раньше XIII в. Томой аквинскимъ, въ практикѣ же употребленіе древней молитвенной формулы можно наблюдать даже и въ XIV в.²⁾ Къ сказанному добавлю, что если, при внимательномъ изученіи исторіи, открывается большее и большее число фактовъ заимствованія, то предъ нашими богословами болѣе и болѣе настоятельно встаетъ задача разъяснить, что, несмотря на раздѣленіе церквей, несмотря даже на ожесточенную полемику между восточными и западными богословами, извѣстная духовная связь между обѣими церквями продолжала существовать, причемъ въ той и другой наблюдается историческая послѣдовательность въ развитіи ученія о церкви и о таинствахъ. Мюнхенская статья о способахъ спасенія, составившаяся на основаніи старыхъ источниковъ и, по самой ея редакціи, принадлежащая такому времени, когда даже и на западѣ богословская разработка ученія о церкви далеко еще не развилась, совсѣмъ не задается цѣлью утвердить или обосновать авторитетъ духовной іерархіи въ дѣлѣ спасенія человѣка. Историки говорятъ, что даже и на западѣ только со времени Иннокентія III сталъ считаться еретическимъ взглядъ (раньше высказывавшійся, между прочимъ, такими авторитетными теологами, какъ Петръ Ломбардъ), что отъ грѣховъ нетяжкихъ (*peccata venialia*) человѣкъ очищается и безъ посредства священника³⁾. Массу любопытныхъ фактовъ собралъ одинъ

1) Номоканонъ при большомъ требникѣ изд. 1897 г., стр. 82. Ср. Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 118, прим. 2. Позднѣе проф. Павловъ (см. Сборникъ неизданныхъ памятниковъ виз. церк. права, Спб. 1898, стр. 116 и сл.) не находилъ уже ничего соблазнительнаго въ приписаніи св. Меводію, просвѣтителю славянъ, статьи о преимуществахъ константинопольскаго патриаршаго престола, составленной въ католическомъ духѣ, въ виду того, что св. Меводій, при рукоположеніи его папой, долженъ былъ по общему правилу и по принятой формѣ присягнуть папѣ на вѣрность и повиновеніе, и признать папу, какъ преемника апостола Петра, главою всей церкви. Но почему тотъ же св. Меводій, или одинъ изъ его ближайшихъ учениковъ, хорошо знавшихъ западную жизнь, не могъ составить подъ западнымъ вліяніемъ гейтлеровскаго ччана надъ исповѣдающимся и перевести латинскій понтициаль, тѣмъ болѣе, что выработанныхъ греческихъ руководствъ въ это время еще не существовало, и что просвѣтителю славянъ, какъ можно полагать (см. *Ginzell, Geschichte der Slavenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie, Wien, 1861, 107 и сл.*), вводили и употребленіе между новообращенными богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но по латинскому образцу?

2) *Harnack, Dogmengesch. III, 500; Herzog, Abriss der gesammten Kirchengesch. II, 1879, стр. 241.*

3) *Herzog, l. c.*

Французскій ученый¹⁾), поставившій себѣ цѣлью прослѣдить участие мирянъ, діаконовъ и настоятельницъ женскихъ монастырей въ совершении покаянія. Въ западныхъ былинахъ повѣствуется напр., что раненный рыцарь исповѣдуетъ свои грѣхи двумъ другимъ рыцарямъ и символически причащается древесными листьями и травой, или исповѣдуетъ грѣхи предъ престарѣлой женщиной, которая съ плачемъ выслушиваетъ исповѣдь. Или напр. предъ сраженіемъ съ сарацинами одинъ изъ рыцарей принимаетъ на себя грѣхи всѣхъ своихъ товарищей, и, угрожаемые со всѣхъ сторонъ сарацинами, рыцари исповѣдуютъ коллегѣ свои грѣхи и символически причащаются травой. Или въ Испаніи христіанскіе войны, передъ сраженіемъ съ маврами, исповѣдуютъ другъ другу свои грѣхи. Иво шартрскій рассказываетъ случай, когда находившійся на кораблѣ некрещенный пассажиръ, при опасности гибели во время крушенія, пожелалъ креститься, но не нашелъ никого, кто бы могъ окрестить его, кромѣ одного лица, находившагося подъ епитиміей и исполиявшаго назначенное ему покаяніе, слѣдовательно не примиреннаго съ церковью. Этотъ покаяльникъ и окрестилъ нехристіанина, и затѣмъ, въ свою очередь, я просилъ окрещеннаго примирить его съ церковью. Богословская литература отнюдь не игнорировала подобнаго рода покаянія, а старалась установить его церковное значеніе. Беда Достопочтенный, комментируя извѣстныя слова апостола Іакова о взаимной исповѣди христіанъ, объясняетъ, что грѣхи ежедневные и легкіе могутъ быть исповѣдуемы ближнему, молитва котораго содѣйствуетъ полученію прощенія, тяжкіе же грѣхи должны быть исповѣдуемы священнику съ тѣмъ, чтобы узнать отъ него, какимъ способомъ можно искупить ихъ, и сколько времени должно продолжаться это искупленіе. Въ XI в. Ланфранкъ, архіепископъ кентербюрійскій, въ специальномъ трактатѣ «*de celandi confessione*» разсуждалъ, что *de occultis* можно исповѣдываться предъ клириками всѣхъ степеней, но *de apertis* только предъ священниками, при отсутствіи же клирика — передъ всякимъ незапятнаннымъ челоуѣкомъ (*vir mundus*), а если нѣтъ никого налицо, то передъ Богомъ. Дитмаръ мерзбургскій, разсказавъ объ одномъ герцогѣ, который, бывъ раненъ на охотѣ и

1) Laignan, De l'intervention des laïques, des diacres et des abbeses dans l'administration de la pénitence, Paris, 1897. Факты, собранные Лореномъ, показываютъ, что если на западѣ церковному правительству не приходилось бороться съ взглядомъ на монаховъ, какъ на единственно управомоченныхъ духовниковъ, то и на священство все таки еще долго не смотрѣли, какъ на единственнаго посредника при покаяніи.

чувствуя близость смерти, созвалъ своихъ товарищей и исповѣдался предъ всѣми въ своихъ грѣхахъ, которые могъ вспомнить, прося молитвъ о себѣ, послѣ чего скончался, добавляетъ, что онъ вѣритъ въ вѣчное спасеніе этого человѣка. Рауль Арданъ, священникъ пуатьерскій, почти современникъ упоминавшагося Ланфранка, писалъ: «*confessio criminalium fieri debet sacerdoti. . . . confessio vero venialium alterutrum et cuilibet, etiam minori potest fieri*». Петръ Ломбардъ держался того воззрѣнія, что вообще, при отсутствіи священника, можно исповѣдываться любому товарищу, и Граціанъ въ сущности былъ того же мнѣнія. Составитель сборника декреталовъ, Раймундъ Пеннафорте допускалъ исповѣдь предъ мірянами въ случаѣ крайней необходимости, именно при опасности смерти, или когда кто отправляется на справедливую войну, а священника нѣтъ. По ученію Альберта Великаго, если нѣтъ священника для принятія исповѣди, исповѣдь, сдѣланная предъ міряниномъ, мужчиной или женщиной, достаточна; этотъ мірянинъ даетъ извѣстную абсолюцію, которая имѣетъ сакраментальный характеръ, точно такъ же, какъ крещеніе, совершенное въ случаѣ необходимости міряниномъ, есть таинство: въ томъ и другомъ случаѣ мірянинъ есть викарій истиннаго совершителя, т. е. священника. Близкій къ этому взглядъ высказывается Ѳомой аквинскимъ: въ случаѣ крайней необходимости, кающійся дѣлаетъ все возможное для него, т. е. исповѣдуется передъ кѣмъ можно. Ѳома не утверждаетъ съ рѣшительностью, что тутъ истинное таинство, и что мірянинъ даетъ абсолюцію, но, все таки, эта исповѣдь нѣкоторымъ образомъ есть сакраментальная: *nihilominus confessio laico ex defectu sacerdotis facta sacramentalis est quodammodo, quamvis non sit sacramentum perfectum, quia deest ei id quod est ex parte sacerdotis*. Напротивъ, по мнѣнію Бонавентуры, исповѣдь предъ мірянами допустима только ради смиренія или для испрошенія совѣта, — во всякомъ случаѣ подобная исповѣдь необязательна и не имѣетъ въ себѣ ничего сакраментальнаго. А съ другой стороны даже и въ XIV в. (1325 г.) въ текстѣ синодальныхъ постановленій, изданныхъ Вильгельмомъ, епископомъ кагорскимъ, находимъ такое разсужденіе: исповѣдь должна совершаться предъ епископомъ или предъ собственнымъ приходскимъ священникомъ, въ случаѣ основательной причины и съ дозволенія пароха также и предъ другимъ священникомъ, а въ случаѣ необходимости, какъ напр. при опасности смерти, *cuiquam etiam laico vel mulieri, non tamen haeretico, schismatico, vel pagano seu excom-*

municato, vel alio in notorio crimine persistenti: таковая исповѣдь не есть sacramentum, но она можетъ получить основаніемъ къ абсолюціи исповѣдавшагося, уже послѣ его смерти, собственнымъ священникомъ.

Принимая во вниманіе эту послѣдовательность развитія тайинства покаянія на западѣ, гдѣ авторитетъ священства былъ раньше и рѣшительнѣе установленъ, чѣмъ на востокѣ, мы не должны удивляться и тому, что совершившаяся исповѣдь оставляла еще мѣсто для недоумѣннаго вопроса, какъ удостовѣриться въ томъ, что исповѣданные грѣхи дѣйствительно прощены Богомъ, — вопроса, сдѣлавшагося невозможнымъ послѣ того, какъ развилось церковное ученіе о сакраментальной силѣ акта священническаго разрѣшенія. Мы уже раньше встрѣчались съ вопросом-отвѣтомъ Анастасія Синаита: *πόθεν γινώσκει ὁ ἀνθρώπος, ὅτι συνηώρησεν ὁ Θεός* и т. д. Оказывается, что и до, и послѣ Анастасія церковную мысль занималъ вопросъ: по чему узнать, что Богъ простилъ грѣшнику его грѣхи? Въ *Regulae brevius tractatae* Василія Великаго ставится между прочимъ такой вопросъ: *πῶς πληροφρηθῆ ἡ ψυχὴ, ὅτι ἀφῆκεν αὐτῇ ὁ Θεός τὰ ἀμαρτήματα*. Смыслъ отвѣта таковъ, что когда душа увидитъ себя въ томъ самомъ настроеніи или расположеніи, въ какомъ псалмопѣвецъ сказалъ: «неправду возненавидѣхъ и омерзихъ» (пс. 118, ст. 163), это сознаніе или субъективное состояніе, вмѣстѣ съ мыслью о милосердіи Божиѣмъ, и будетъ служить признакомъ того, что грѣхи прощены¹⁾. Подобный же вопросъ предлагался Θεодору Студиту: если кто либо согрѣшилъ немалыми по количеству и качеству плотскими грѣхами, потомъ исповѣдалъ ихъ, принявъ причествующее таковымъ врачество (т. е. епитимію) и выполнилъ его, то какъ узнать, прощены ли ему выше-названные грѣхи, такъ чтобы ему имѣть увѣренность въ достиженіи такового блага? Θεодоръ Студитъ отвѣчалъ: никогда не бываетъ такого кающагося и исповѣдующагося, который не имѣлъ бы твердой надежды, что если исповѣдуется сердечно и приметъ епитимію, тѣмъ самымъ удостоится прощенія грѣховъ. Но такъ какъ мы, люди, взираемъ на множество грѣховъ нашихъ и, вслѣдствіе этого, находимся въ нѣкоторомъ сомнѣніи относительно многого къ намъ Божія челоувѣколюбія, то по этой причинѣ мы прибѣгаемъ къ нашимъ воспріемникамъ (*πρὸς τοὺς ἀναδοχοὺς ἡμῶν*), т. е. къ духовникамъ, ища совер-

1) Migne, t. 81, col. 1089.

шеннаго отпущенія грѣховъ чрезъ возложеніе рукъ тѣхъ, кого мы считаемъ представителями Подъемлющаго грѣхи наши (*ἐξαιτούμενοι τὴν τελείαν ἄφεσιν διὰ τῆς ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν αὐτῶν ἀντιπροσώπων εἶναι πεπιστωμένων τοῦ αἰρόντος τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν*)¹⁾. Хотя здѣсь, какъ видно, удареніе дѣлается не на субъективномъ ощущеніи или расположеніи, какъ у Василія В. и у Анастасія Синаита; но это не помѣшало позднѣ Никону Черногорцу нѣсколько разъ возвращаться къ этой темѣ и вопросъ, «како извѣстится душа, что чиста есть отъ грѣхъ», или «како извѣщеніе приметъ душа, яко оставилъ есть Богъ грѣхопаденіе», разрѣшать согласно съ Василиемъ Великимъ и Анастасіемъ Синаитомъ, на основаніи субъективнаго состоянія грѣшника²⁾. Отсюда видно, что и въ XI в. церковная мысль на востокѣ не пришла еще къ сознанию необходимости установить, вмѣсто субъективной, объективную основу для увѣренности въ прощеніи Богомъ исповѣданныхъ грѣховъ. И въ этомъ нѣтъ, повторяемъ, ничего удивительнаго, такъ какъ мы видимъ опять, что даже и на латинскомъ западѣ схоластики (Александръ Галесъ, Тома аквинскій), стоявшіе уже на твердой почвѣ ученія о таинствахъ и о благодати Божіей, очищающей чело- вѣка отъ грѣховъ чрезъ посредство священника, все еще отдавали извѣстную дань внутреннему опыту, субъективному чувству или ощущенію, хорошо понимая въ то же время нетвердость или ненадежность этого признака при частомъ измѣненіи душевныхъ состояній, условливаемомъ массою разнообразныхъ вліяній и при возобновляющейся постоянно борьбѣ чело- вѣка, проходящаго процессъ освященія, съ самимъ собой³⁾. Историки хорошо знаютъ, сколько сумазбродствъ и извращеній религіознаго чувства выросло изъ мистическаго полета души къ Богу и изъ желанія непосредственно изъ Первоисточника удостовѣриться въ томъ, что душа находится въ состояніи благодати. То, что доступно и возможно для немногихъ избранныхъ, прошедшихъ длинный и трудный путь духовнаго самоусовершенствованія, въ перенесенія на массы всегда оказывалось безнравственнымъ фарсомъ или преступнымъ изувѣрствомъ, и едва ли не самые краснорѣчивые примѣры въ этомъ родѣ представила наша отечественная исторія.

1) *Ibid.*, t. 99, col. 1732 и ср. Симеона новаго богослова по изслѣдованію Голяя.

2) См. въ 52 словѣ панд. л. 438—448 и въ словѣ 5 такт. л. 37—339.

3) Neander, *Allgem. Gesch.* VIII, 277—279.

IV.

Наконецъ, разсматриваемая въ исторической перспективѣ, мюнхенская статья о способахъ спасенія и о покаяннѣ представляетъ собою важный историческій документъ еще въ одномъ отношеніи. Извѣстно, какое значеніе въ религіозной жизни запада имѣлъ вопросъ объ отношеніи между вѣрою и дѣлами, что послужило ближайшимъ поводомъ для Лютера выступить въ качествѣ реформатора, и откуда явился основной догматъ лютеранства объ оправданіи человѣка предъ Богомъ единственно вѣрою въ благодать искупленія безъ всякихъ заслугъ человѣка. Протестантскіе богословы, какъ Бауръ¹⁾, Гарнакъ²⁾, изопрятуютъ свое остроуміе надъ складомъ религіозной жизни на западѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ, надъ господовавшимъ въ церковной практикѣ формально-механическимъ взглядомъ на дѣла, надъ таксированіемъ ихъ цѣнности, надъ замѣной этой цѣнности равноцѣнностію, слѣдовательно для людей состоятельныхъ просто деньгами, надъ индულгенціями, какъ надъ универсальнымъ средствомъ къ освобожденію отъ наказанія за всякіе грѣхи, безъ всякаго внутренняго религіознаго чувства, безъ всякаго сердечнаго настроенія въ человѣкѣ, откупающемся отъ наказанія за свои грѣхи. Даже и католическіе богословы, какъ напр. ученый аббатъ Дюшенъ³⁾, въ настоящее время сознаются, что въ этой области многое требуетъ исправленія даже и теперь, а тѣмъ болѣе, слѣдовательно, требовало исправленія въ средніе вѣка. Бауръ указываетъ въ частности, что если такой, самъ по себѣ, безъ сомнѣнія, искренній подвижникъ, какъ Петръ Даміани, видѣлъ въ самобичеваніяхъ лучшее средство проявленія искренняго раскаянія, то это средство на самомъ дѣлѣ могло превратить всю покаянную систему въ иллюзію. Петръ Даміани разсуждалъ, что 3000 ударовъ при пѣніи псалмовъ значатъ то же, что покаяніе, продолжающееся цѣлый годъ; слѣдовательно тутъ допускается мысль о возможности замѣны одного средства покаянія другимъ и, при всей интенсивности этого другого средства, суррогатъ все таки долженъ представляться какъ нѣчто сравнительно болѣе легкое и мягкое. Кто за одинъ приемъ 3000-ми ударовъ можетъ замѣнить покаяніе цѣлаго года, легко могъ придти

1) Kirchengesch. III, 159.

2) Lehrb. d. Dogmengesch. III, 291 и сл.

3) Duchesne, Autonomies ecclésiastiques. Églises séparées. Paris, 1896, p. 105.

къ предпоченію перваго средства предъ послѣднимъ. А благодаря этой теоріи замѣны, цѣлая покаянная дисциплина получила иной характеръ. Разъ принципиально установлено, что опредѣленный родъ покаянія можетъ быть замѣненъ другимъ, нужно было привести въ ясность эквивалентъ, а для этого нужно было знать напередъ, какъ вообще долженъ быть оцѣниваемъ проступокъ, т. е. для всякихъ прегрѣшеній, облагаемыхъ церковною епитиміею, потребовалась опредѣленная мѣрка наказанія, опредѣленное количество епитимійныхъ упражненій. Объ этомъ позаботились пенитенціалы. Различные роды проступковъ были классифицированы по опредѣленнымъ категоріямъ, подъ которыя могли быть подводимы отдѣльные случаи, и для каждаго прегрѣшенія была установлена опредѣленная епитимія. А такъ какъ епитимія состояла обыкновенно въ постѣ, то тутъ, безъ сомнѣнія, и заключался главный поводъ къ замѣнѣ этой епитиміи другою, если постъ, въ случаѣ напр. болѣзни, не могъ быть выполненъ, или постъ, наложенный за многія тяжкія преступленія, пренесилъ бы вѣроятныя предѣлы жизни грѣшника. Самымъ лучшимъ суррогатомъ, разумѣется, могла представляться такая епитимія, изъ которой церковь могла бы въ то же время извлекать матеріальную для себя выгоду, такъ что къ возможности замѣны вообще одной епитиміи другою присоединилась возможность превращенія епитиміи въ денежный штрафъ. Но и этого мало: сюда присоединился еще принципъ представительства, исполненія епитиміи однимъ вмѣсто другого, даже по найму, за извѣстную плату. Независимо отъ всего этого, даже и не по мотивамъ отбыванія епитиміи, а просто вслѣдствіе механическаго взгляда на оправдывающія дѣла, доступъ къ небу облегчался пожертвованіями церквамъ и монастырямъ, безъ мысли о сердечномъ расположеніи и исправленіи жизни. Все это, конечно, безспорно. Извращеніе моральныхъ понятій въ народныхъ массахъ западнаго христіанства въ средніе вѣка есть фактъ исторически-достоверный, и историческое значеніе этого факта громадно, если вспомнить опять, что послужило поводомъ къ реформациі XVI в. Но при чемъ же тутъ «дѣла», сами по себѣ?

Разсматриваемая нами мюнхенская статья о способахъ спасенія и о покаяніи, сама по себѣ ничего новаго не содержащая, а лишь резюмирующая то, что высказывалось въ разное время и разными церковными писателями востока, показываетъ, что возможны дѣла безъ тѣхъ искаженій и уродливостей, которыя послужили поводомъ для ре-

формаціи XVI в. Мюнхенская статья рѣшительно производитъ впечатлѣніе здоровой христіанской морали. Въ ней мы не находимъ ни одного слова, ни одного намека на какія либо формально-механическія дѣла, которыя бы имѣли свойство, независимо отъ внутренняго расположенія человѣка, погашать грѣхи, подобно тому какъ водою заливается огонь. Напротивъ, вездѣ предполагаются дѣла, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, и если говорится о возможности исполненія разныхъ дѣлъ, смотря потому, въ какомъ положеніи и въ какихъ обстоятельствахъ находится человѣкъ, то мысль о какомъ либо формальномъ эквивалентѣ рѣшительно отсутствуетъ, а говорится только о различныхъ способахъ, дарованныхъ человѣколюбивымъ Богомъ кающемуся грѣшнику, въ виду различія положеній, въ которыхъ онъ можетъ находиться. Греческіе канонаріи или пенитенціалы конечно не стояли на высотѣ моральныхъ понятій, изложенныхъ въ статьѣ о способахъ покаянія. Имъ также, какъ и западнымъ пенитенціаламъ, свойственно стремленіе классифицировать грѣхи съ назначеніемъ за каждый опредѣленной епитиміи, и едва ли греческимъ духовникамъ, имѣвшимъ дѣло съ обыденною жизнію народной массы, можно было поступать иначе. Но мысль о цѣнности и равноцѣнности, а тѣмъ болѣе о представительствѣ, во всякомъ случаѣ не нашла себѣ выраженія въ греческихъ епитимійныхъ уставахъ. Не лишнее обратить вниманіе на то, что въ томъ же мюнхенскомъ кодексѣ № 498, въ которомъ содержится исповѣдной и епитимійный уставъ, а также разный матеріалъ для опредѣленія преступности и наказуемости человѣческихъ грѣховъ, находится и разсмотрѣнная нами статья о способахъ покаянія. А если и въ нѣкоторыхъ восточныхъ уставахъ встрѣчаются отдѣльныя статьи, изобличающія формально-механическій взглядъ на дѣла покаянія (напр. въ номоканонахъ Котельера и вѣнскаго анонима, въ нашемъ т. н. уставѣ Ярослава), то я какъ раньше не видѣлъ, такъ и теперь не вижу возможности объяснять ихъ греческимъ вліяніемъ. И на самомъ западѣ вужно было соединиться многимъ условіямъ, для того, чтобы въ результатѣ получилась та моральная неурядица, которая еще въ средніе вѣка и задолго до Лютера огорчала всѣхъ искренно-благочестивыхъ людей, и на первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ условій нужно поставить даже не распущенность духовенства, не властолюбіе и жадность церковнаго правительства, а юридическія воззрѣнія варваровъ, питавшіяся въ значительной мѣрѣ латинскою традиціей. Немаловажное значеніе здѣсь должна была имѣть и самая юность новыхъ народовъ съ

свойственною юности энергіей. Не всё же вѣдь искали легкихъ суррогатовъ и не всё стремились замѣнять себя представителями; напротивъ, находилось не мало людей — а въ ранніе средніе вѣка таковыхъ было большинство — стремившихся справедливымъ возмездіемъ, сатисфакціей искупить предъ Богомъ свою вину и уплатить Ему долгъ безъ всякихъ послабленій: отсюда продолжительные обыкновенно сроки покаянія, соразмѣряемые съ тяжестію преступленій, между тѣмъ какъ въ восточныхъ канонаріяхъ, разсчитанныхъ на культурную жизнь дряхлѣвшаго народа, съ большею силою выдвигался на первый планъ вопросъ о снисхожденіи, чѣмъ о сатисфакціи. Наконецъ, что съ протестантскимъ ученіемъ не сходится мюнхенская статья, объ этомъ излишне и говорить, хотя въ западной литературѣ и дѣлаются иногда попытки подобнаго сближенія. Десять способовъ покаянія и одинъ единственный путь оправданія чрезъ вѣру безъ всякихъ заслугъ суть двѣ совершенно различныя вещи. Вѣра вмѣняется въ правду, говорится въ мюнхенской статьѣ, но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ смыслѣ, что человекъ желалъ исполнить дѣла, но не могъ этого сдѣлать по обстоятельствамъ, причемъ все таки подтверждается, что возможныя въ его положеніи дѣла онъ долженъ исполнять.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου καὶ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου περὶ διαφορῶν τρόπων σωτηρίας καὶ περὶ μετανοίας.

Εἴρηται μὲν ἤδη πρὸ βραχέων, ὅτι γινώσκει ὁ θεὸς τὸ ἀσθενές καὶ εὐόλισθον καὶ ταλαίπωρον τῶν ἀνθρώπων· ὡς ἀγαθὸς φιλόανθρωπος πολλοὺς ἡμῖν καὶ διαφοροὺς ἐχαρίσατο μετανοίας τρόπους. Μὴ κρίνητε γάρ, φησί, καὶ οὐ μὴ κριθῆτε· μὴ καταδικάσητε καὶ οὐ μὴ καταδικασθῆτε· ἄφετε τοῖς ἀνθρώποις τὰ παραπτώματα αὐτῶν ἐκ τῶν καρδιῶν ὑμῶν, καὶ ὁ πατὴρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος ἀφήσει ὑμῖν τὰ παραπτώματα ὑμῶν. Πᾶς ὁ ὑψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται, [ὁ δὲ ταπεινῶν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται καὶ δικαιωθήσεται], ὡς ὁ τελώνης, ὡς καὶ ὁ Δαβὶδ ἡμᾶς διδάσκων λέγει· ἅπαξ ἐξαγορεύσω κατ' ἐμοῦ τὴν ἀνομίαν μου τῷ κυρίῳ, καὶ σὺ ἀφήκας τὴν ἀσέβειαν τῆς καρδίας μου· καρδίαν γὰρ συντετρημένην ὁ θεὸς οὐκ ἐξουδενώσει· ὅπερ ἐμάθομεν καὶ ἐπὶ τῇ ἐξομολογήσει τοῦ Μανασσῆ. Ἔστι καὶ δι' ὀλίγων

δακρύων καθαρθῆναι καὶ συγχωρηθῆναι, ἐὰν ὅλως μηκέτι τῇ ἀμαρτία ἐπιμείνωμεν· δι' οὗ ὁ Πέτρος καὶ ἡ πόρνη ἐκαθαρίσθησαν καὶ ἐδικαιώθησαν. βάπτισμα γὰρ ὑπάρχει τὸ θεῖον δάκρυον, διὰ γὰρ τοῦ ἀγίου πνεύματος ἐνεργεῖται ἐν τοῖς ἔχουσιν. Ἔστι καὶ δι' εὐχῆς καὶ συνεργείας πατέρων καὶ ἀδελφῶν ἄφεσιν ἀμαρτιῶν λαμβάνειν, ὡς διδάσκει ὁ κύριος λέγων· ἀμήν, ἀμήν, λέγω ὑμῖν, ὅτι ὅπου εἰσὶ δύο ἢ τρεῖς συνηγμένοι ἐπὶ τῷ ὀνόματί μου, ἐκεῖ εἰμι ἐν μέσῳ αὐτῶν. Καὶ πάλιν [λαλεῖ]· ἀμήν, ἀμήν, λέγω ὑμῖν, ὅτι εἴ τις συμφωνήσῃ μετὰ δύο ἢ τριῶν ἐπὶ τῆς γῆς ἐπὶ τῷ ὀνόματί μου περὶ παντός [πράγματος καὶ] αἰτήματος, γενήσεται αὐτοῖς· διὸ καὶ οἱ ἅγιοι ἀπόστολοι διδάσκουσι [ἡμᾶς] λέγοντες· ἐξομολογεῖσθε ἀλλήλοις τὰ παραπτώματα ὑμῶν καὶ εὐχεσθε ὑπὲρ ἀλλήλων, ὅπως ἰαθῆτε. Καὶ πάλιν φησί· ἀσθενεῖ τις ἐν ὑμῖν; προσκαλεσάσθω τοὺς πρεσβυτέρους τῆς ἐκκλησίας καὶ προσευξάσθωσαν ἐπ' αὐτόν, ἀλείψαντες αὐτόν ἐλαίῳ ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ κυρίου, καὶ ἡ εὐχὴ τῆς πίστεως σώσει τὸν κάμνοντα, καὶ ἐγερεῖ αὐτόν ὁ κύριος· κἂν ἀμαρτίας ἦ πεποικῆως, ἀφεθήσεται αὐτῷ.

Ἔστι δὲ καὶ δι' ἐλεημοσύνης καὶ εὐποιίας ἐξαλειψαί τας οἰκείας ἀμαρτίας ἐκ τοῦ θεοῦ· καθ' ὃ ἔχομεν καὶ καθ' ὃ δυνάμεθα προσφέρομεν τῷ θεῷ, ἢ γὰρ κρίσις ἀνήλεος τῷ μὴ ποιήσαντι ἔλεος, ὡσπερ κακεῖνος ὁ πλούσιος ὁ κατ' αὐτόν Λάζαρον τότε. (β' β' β. πέπονθε).

Ἔστι καὶ δι' ἀσθενειῶν καὶ ποικίλων πειρασμῶν, ὡς ἤδη προείπομεν, ἄφεσιν ἀμαρτιῶν κομίσασθαι, ὡς ὁ παράλυτος, πρὸς ὃν φησὶν ὁ Χριστός· ἰδοὺ ὑγίης γέγονας, μηκέτι ἀμάρτανε, ἵνα μὴ χεῖρόν τί σοι γένηται.

Ἔστι καὶ διὰ τοῦ λόγου τῆς διδασκαλίας καὶ ὠφελείας τοῦ λαοῦ, ἢ ἐπιστροφῆς ἀνθρώπου ἀπὸ πλάνης, κομίσασθαι παρὰ θεοῦ ἄφεσιν ἀμαρτιῶν, ὡς φησὶν ὁ θεὸς διὰ τοῦ προφήτου, ὅτι ἐξάγων ἐξ ἀναξίου τίμιον ὡς στόμα μου ἔσται. Καὶ πάλιν φησὶν ὁ τοῦ Χριστοῦ μαθητῆς ἐν τῇ καθολικῇ ἐπιστολῇ οὕτως· καὶ τοῦτο δὲ γινώσκετε, ἀδελφοί μου, ὅτι ἐὰν τις πλανηθῇ ἐν ὑμῖν καὶ ἐπιστρέψῃ τις αὐτόν, γινωσκέτω ὅτι ὁ ἐπιστρέψας ἀμαρτωλὸν ἐκ πλάνης ὁδοῦ αὐτοῦ σώσει ψυχὴν ἐκ θανάτου καὶ καλύψει πλῆθος ἀμαρτιῶν αὐτοῦ· ὡσπερ γὰρ ὁ ἀπόλλων ἀνθρωπον ἀπόλλεται ἀντ' αὐτοῦ, οὕτως καὶ ὁ σφίζων ἀνθρωπον σφθῆσεται, ὡσπερ [καὶ αὐτός] ἔσφωσεν τὸν ἀδελφόν.

Τάχα ἔστι καὶ ἕτερος σωτηρίας τρόπος διὰ τινος ἐπαινουμένης ἀναιδεΐας τῆς πρὸς θεόν διὰ προσευχῆς συχνῆς καὶ προσεδρείας, ἥνικα ὁ ἄνθρωπος κατακυριευθέντα καὶ καταπατηθέντα ἑαυτὸν θεάσθαι ὑπὸ τοῦ διαβόλου, καὶ εἰς γῆρας λοιπὸν καὶ πᾶσαν ἀδυναμίαν ἀσκήσεως καὶ ἀγαθοεργίας φθάσαντα, καὶ χαλεπῶς ὑπὸ τῆς πονηρᾶς συνηθείας τῆς ἀμαρτίας πολεμούμενον, καὶ σχεδὸν λοιπὸν καὶ ἄκοντα καταναγκαζόμενον [καὶ ὑπὸ τοῦ

ἀντιδίκου πολεμούμενον]. Τοῦτο γάρ διδάσκει ἡμᾶς ὁ κύριος διὰ τῆς παραβολῆς τοῦ κριτοῦ τῆς ἀδικίας καὶ τῆς χήρας ἐκείνης, τῆς ὑπὸ τοῦ ἀντιδίκου αὐτῆς καταπονουμένης καὶ ἀδικουμένης καὶ ἀπιούσης καὶ πάλιν ὑποστρεφούσης καὶ τῷ κριτῇ τῆς ἀδικίας καὶ Χριστῷ προσερχομένης· οὗτος γάρ ἐστιν ὁ μήτε τὸν θεὸν φοβούμενος, θεὸν ὄντα ἀληθινόν, μήτε ἀνθρωπὸν ἐν-τρεπόμενος· τὸ δὲ λέγειν περὶ τῆς γυναικός, ὅτι συχνῶς ἐρχομένη καὶ ἀπερ-χομένη αὐτῷ προσήρχετο, δείκνυσι τὸ πολλάκις πρὸς τὴν ἁμαρτιαν ὁδοι-ποροῦσαν τὴν ψυχὴν πάλιν πρὸς τὸν θεὸν διὰ μόνης προσευχῆς καὶ ἀναι-δείας ἐπιστρέφειν. Δι' ἧς προσεδρείας καὶ ἀνευδότου πρὸς θεὸν ἐξομολογή-σεως καὶ πίστεως ἐλυτρώθη τοῦ πονηροῦ, ὡσπερ καὶ ἕτεραί τινες, πρὸς ἃς καὶ ἔλεγε ὁ Χριστός· πορεύου, ἀφένονται σοὶ αἱ ἁμαρτίαι σου, ἡ πίστις σου σέσωκέ σε. Καὶ πάλιν πρὸς ἄλλην φησὶν· ὦ γύναι, μεγάλη σου ἡ πίστις, γενηθήτω σοὶ ὡς θέλεις. Καὶ πάλιν τοῦτο διδάσκει ἡμᾶς ὁ ἐν Παύλῳ οἰκῶν καὶ δι' αὐτοῦ λαλῶν ὁ Χριστός· λέγει γάρ οὕτως· τῷ μὴ ἐργαζομένῳ τὸ ἀγαθόν, ἀλλ' εἴτε ὑπὸ γῆρας, εἴτε ὑπὸ νόσου, εἴτε ἐκ πονη-ρᾶς συνθηδείας τυραννουμένῳ καὶ μὴ ἐργαζομένῳ τὸ ἀγαθόν, πιστεύοντι δὲ εἰς τὸν δικαιοῦντα τὸν ἀσεβῆ λογίζεται αὐτῷ ἡ πίστις εἰς δικαιοσύνην, τουτέστιν εἰς ἐργασίαν ἀρετῶν, ὡσπερ ἐλογίσθη τοῦ μακαρίου ληστοῦ. Τῷ μὴ ἐργαζομένῳ τὸ ἀγαθόν, ἀλλὰ πολλάκις δι' ἀσθένειαν ἢ γῆρας μὴ δυναμένῳ νηστεῦσαι ἢ ἀγρυπνεῖσαι ἢ χαμευνῆσαι, καὶ πάλιν διὰ πτωχείαν μὴ δυναμένῳ πτωχοῖς μεταδοῦναι, καὶ διὰ τὸ συνοικεῖν γυναικὶ καὶ τέ-χνοις μὴ δυναμένῳ μενάσαι, καὶ διὰ τὸ ὑπηρετεῖν τῇ ἐξουσίᾳ μὴ δυνα-μένῳ [αὐτεξουσίως καὶ] ἀδιαλείπτως ταῖς προσευχαῖς σχολάζειν, καὶ διὰ τὸ ἐν μέσῳ ἀκολάστων συναναστρέφειν μὴ δυναμένῳ τὴν καρδίαν καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀγνοῦς τηρῆσαι, καὶ διὰ τὸν βρασμὸν τῆς σαρκός μὴ δυναμένῳ παρθενίαν ἀσκήσαι, τῷ τοιοῦτῳ ἀνθρώπῳ λογίζεται ἡ πίστις εἰς δικαιοσύνην, συγχωρουμένῳ μὲν ὑπὸ θεοῦ ὅσα οὐ δύναται πρᾶξαι ἐν μέσῳ τοῦ πονηροῦ βίου συγκυλιόμενος καὶ περικρουόμενος καὶ πολλάκις καὶ ἄκων μολύνεσθαι βιαζόμενος εἴτε διὰ τὸ ἐν μέσῳ τῆς καμίνου τῶν ἡδονῶν εἶναι, εἴτε διὰ τὴν πονηρὰν συνήθειαν τὴν προκατασχούσαν καὶ οἰοεὶ κα-ταδουλοῦσαν αὐτόν. Ὅμως καὶ ὁ διὰ πίστεως χωρὶς ἀσκήσεως σωζόμενος ὑπὸ θεοῦ ἀπαιτεῖται πάντως ὡς δύο προσενέγκαι θεῷ λεπτὰ ὅσα ἀγαθὰ διαπράξασθαι δύναται· τοιοῦτους γάρ νόμους δέδωκε τῷ κόσμῳ ὁ φιλόανθρω-πος θεός, ὅτι καὶ γέροντες καὶ ἀσθενεῖς καὶ πτωχοὶ καὶ κυλλοὶ τούτους ἐπιτελέσαι δύνανται· καὶ γὰρ καὶ τὸ ἀγαπᾶν τὸν πλησίον ψυχικὴ ἐνέργεια ἐστὶ μὴ δεομένη σωματικῆς ἀσκήσεως· ὁμοίως καὶ ἀγαπᾶν τὸν θεὸν κατὰ ψυχὴν ἐνεργεῖται. (Въ вѣнск. рукописи здѣсь конецъ съ славословіемъ: αὐτοῦ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας). Ὡσαύτως καὶ τὸ ταπεινὸν ἔχειν φρόνημα

καὶ νοσοῦντες καὶ γέροντες δύνανται· ἀλλὰ καὶ ἐλεημοσύνην δυνατόν χωρὶς χρημάτων ποιῆσαι, ὅτε τις πτωχὸς ὑπάρχει· τὸ γὰρ στενάξαι καὶ ποτήριον ψυχροῦ ἐπιδοῦναι καὶ δύο λεπτὰ ὁμοιά εἰσι τῶν μυρίων ταλάντων. Ἄλλὰ καὶ τὸ μὴ κρῖναι δυνατόν καὶ ἀσθενοῦντι καὶ γέροντι καὶ τῷ ἀπόρφῳ ὡσπερ πάλιν καὶ τὸ μὴ μνησικακῆσαι ψυχικὴ ἀρετὴ ἐστὶ, χωρὶς σωματικοῦ πόνου γινομένη καὶ ὑπὸ ἀσθενῶν καὶ γερόντων καὶ πτωχῶν καὶ λαϊκῶν καὶ τῶν ἐν γάμφῳ καὶ ἐν ὑπουργίᾳ καὶ ἐν ἀγοραῖς κατορθωθῆναι δυναμένη. Λοιπὸν μὴ προφασίζόμεθα προφάσεις ἐν ἀμαρτίαις καὶ ποτὲ μὲν τῷ διαβόλῳ καταμεμφόμενοι καὶ οὐχ ἑαυτοῖς, ποτὲ δὲ τὴν ὑπουργίαν, ποτὲ δὲ τὴν τοῦ οἴκου καὶ γαμετῆς καὶ τέκνων καὶ δούλων φροντίδα· μέλλουσι γὰρ ἐλέγξαι ἡμᾶς ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως οἱ ἐν μέσῳ κόσμου καὶ θορύβων καὶ βίου καὶ ταραχῶν καὶ δικαστηρίων μετὰ παιδῶν καὶ γυναικῶν καὶ δούλων καὶ δουλίδων τῷ θεῷ εὐαρεστήσαντες, ὡς Ἐνώχ, ὡς Νῶε καὶ Ἀβραάμ καὶ οἱ πατριάρχαι, καὶ Λῶτ καὶ Ἰωσήφ, καὶ Δαβὶδ καὶ Δανιὴλ καὶ οἱ ἐν τῇ καινῇ διαθήκῃ, οἱ καθ' ὁμοιότητα τοῦ κυροῦ Ξενοφῶντος καὶ Ἀνδρονίκου καὶ Ὀνησιφόρου καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς.

Λοιπὸν μηδεὶς προφασίσηται πτωχεῖαν, οὐ γὰρ ἀπαιτούμεθα ὑπὸ θεοῦ, εἰ μὴ τὸ κατὰ δύναμιν πρὸς ὃ εὐποροῦμεν. Μηδεὶς προφασίσηται γῆρας, ὃ γὰρ νουνεχῶς προσέχων καὶ ὅλως ἐλπίδα σωτηρίας ἀγωνιζόμενος ἔχειν ὑπὲρ τὴν νεότητα εὐρήσει τὸ γῆρας εὐκατάνυκτον πρὸς μετάνοιαν· ἐν νεότητι γὰρ ἡμᾶς πολεμοῦσι τὰ ἰσχυρότερα καὶ πονηρότερα τῶν παδῶν, τουτέστιν ἡ πορνεία, ἡ τοῦ σώματος πυρωσις, ἡ ἀλαζονεία, ἡ ὑπερηφανία, ἡ φαντασία, ἡ φιλαργυρία, ὁ φθόνος, ἡ φιλοκοσμία καὶ ἄλλα πλεῖστα· καταλαβόντος δὲ τοῦ γῆρος καὶ ταπεινωθείσης καὶ κατεξατονησάσης τῆς σαρκὸς ἡμῶν τῆς ἀντιστρατευομένης τῇ ψυχῇ, τότε λοιπὸν αἱ μὲν πυρώσεις ἐπραῦνθησαν, καὶ οἱ πόλεμοι ἀτονοῦσι, καὶ ἡ φαντασία τῆς νεότητος ἤργησε, καὶ ὁ ἄνθρωπος πραότερος καὶ συμπαθῆς γίνεται, ὁλος εὐκατάνυκτος, ὁλος λοιπὸν ἡρεμεῖ κορεσθεὶς τῆς τοῦ βίου ματαιότητος καὶ ὀρῶν λοιπὸν ἑαυτὸν ἐγγύς καὶ πλησίον τοῦ τέλους καὶ πλησίον τοῦ τάφου.

Δέδεικται τοίνυν, ὡς ἡ ἀφατος καὶ ἀνείκαστος τοῦ θεοῦ φιλανθρωπία πολλοὺς καὶ διαφόρους ἡμῖν ὁδοὺς καὶ τρόπους σωτηρίας ἐχαρίσατο, ὅπως καὶ οἱ νέοι καὶ οἱ γέροντες καὶ οἱ νοσοῦντες καὶ οἱ εὐποροὶ καὶ οἱ ἄποροι, εἴαν ὅλως θελήσωμεν, εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ εἰσέλθωμεν. Εἰδέναι δὲ πρὸς τούτοις ἐχρῆν, ὅτι οὐ πάντως τὸν πλοῦτον, ὃν ἡμῖν ὁ θεὸς ἐχαρίσατο, ὡς δικαίως καὶ ἀξίως αὐτοῦ δέδωκεν, ἀλλὰ πρὸς δοκιμὴν καὶ ἀφορμὴν σωτηρίας, ὅπως διὰ τῆς μεταδόσεως καὶ συμπαθείας τὴν ἀφесιν τῶν ἀμαρτιῶν κομισώμεθα, πιστοὶ ὑπουργοὶ καὶ διαδόται ὑπὸ θεοῦ κατασταθέντες. Οἱ μὲν οὖν ἐν ἀπορίᾳ καὶ πτωχείᾳ διάγοντες διὰ τῆς θλίψεως καὶ ὑπομονῆς κα

εὐχαριστίας καὶ ἀμνησικαχίας καὶ ταπεινοφροσύνης καὶ τῶν ἄλλων προ-
 αριθμημένων τρόπων χαιρέτωσαν· οἱ δὲ δυνάμενοι ἐλεημοσύνην ποιεῖν
 καὶ μὴ ποιοῦντες, ἀλλ' ἐκ φιλαργυρίας δι' ἐτέρων τινῶν τρόπων ἐπιχει-
 ροῦντες καὶ νομίζοντες σφίζεσθαι ἑαυτοὺς φρεναπατῶσιν· ἡ γὰρ κρίσις
 ἀνήμερός ἐστι τῷ μὴ ποιήσαντι ἔλεος. Τί γὰρ ὄφελος τῷ πλουσίῳ μὴ μνη-
 σικακοῦντι μὲν τὸν πλησίον, μὴ οἰκτεῖροντι δὲ τὸν πέννητα; ἀκούσεται γὰρ
 ἐκεῖ ὑπὸ τοῦ δικαστοῦ Χριστοῦ· ἄπαγε ἀπ' ἐμοῦ ὁ κατηράμενος εἰς τὸ πῦρ
 τὸ αἰώνιον, τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ὅτι ἐπί-
 νασα καὶ οὐκ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν, καὶ τὰ ἐξῆς. Τί δὲ πάλιν τὸ κέρδος τῷ ἐν
 εὐπορίᾳ καὶ ἀφθονίᾳ ὄντι, δοκοῦντι μὲν ταπεινοφρονεῖν καὶ μὴ κρίνειν ἀνθρω-
 πον, παρορῶντι δὲ τὸν πέννητα ἀπὸ λιμοῦ ἀπόλλυσθαι; ἀκούσει γὰρ καὶ
 αὐτὸς μετὰ τοῦ πλουσίου ἐν γεέννῃ ὧν· μνήσθητι ὅτι ἀπέλαβες τὰ ἀγαθά
 σου ἐν τῇ ζωῇ σου, ὁ δὲ πτωχὸς τὰ κακὰ· νῦν δὲ αὐτὸς παρακαλεῖται, σὺ δὲ
 ὀδυῖσθαι. Πῶς δὲ πάλιν ἐλέους ἀξιωθήσεται ὁ πίστιν δοκῶν ἔχειν καὶ προσ-
 ευχαῖς σχολάζων καὶ νηστεiais καὶ ἀγνείαις ἀσκῶν, τὸν δὲ χρυσὸν κατα-
 κρύπτων καὶ τὰς δεήσεις τῶν πενήτων οὐκ εἰσακούων; τοὺς γὰρ τοιοῦτους
 ψευδοπαρθένους καὶ ψευδευλαβεῖς καὶ ψευδονηστευτὰς κράζει ὁ Παῦλος,
 μᾶλλον δὲ ὁ Χριστὸς ἐν Παύλῳ λαλῶν λέγει· ὅτι κἂν ταῖς γλώσσαις τῶν
 ἀνθρώπων λαλῶ καὶ τῶν ἀγγέλων, ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω, γέγονα χαλκὸς
 ἠχῶν ἢ κύμβαλον ἀλαλάζον. Οὐκοῦν πρὸς τὴν ἐκάστου τάξιν καὶ πρὸς
 τὸ ἐκάστῳ πρέπον ἐκζητεῖ ὁ θεὸς τὴν εὐαρέστησιν τοῦ βίου καὶ πρὸς τοὺς
 τρόπους καὶ πρὸς τοὺς τόπους ἐν οἷς τὴν διαγωγὴν ἔχει ὁ ἄνθρωπος· οὐ γὰρ
 τὸν αὐτὸν βίον καὶ τὴν ἄσκησιν καὶ ἡσυχίαν καὶ καθαρότητα ὁ θεὸς ἀπαι-
 τεῖ παρά τῶν ἐν μέσῳ θορύβων καὶ παρά τῶν ἐν ἐρήμοις καὶ ὄρεσι καὶ σπη-
 λαίοις τὰς διατριβάς ἐχόντων. Πολλάκις ἰσχυεῖται ὁ ἐν μέσῳ τοῦ βίου τὸ
 κατὰ δύναμιν βιασάμενος καὶ πράξας δι' εὐπορίαν φθάσαι τὸ μέσον τῶν
 ἐν ἀσκήσει διαλαμφάντων, καθὰ καὶ ἐν ἐκείνοις τοῖς δυσὶν υἱοῖς τοῦ σπα-
 νοδρόμου ἐν τοῖς βίοις τῶν πατέρων ἠκούσαμεν, ὅτι ὁ μὲν ἀναχωρητὴς
 γέγονεν, ὁ δὲ ξενοδοχίαν ἤσκησε καὶ πτωχοτροφίαν. Καὶ μετὰ τὸ τελευ-
 τῆσαι ἀμφοτέρους, πολλῆς ἀμφισβητήσεως γενομένης μεταξὺ τῶν πατέρων
 καὶ τῶν μὲν τὸν ἡσυχάστην, τῶν δὲ τὸν ἐλεῆμονα ἐπαινούντων, ἦλθον πρὸς
 τὸν μέγαν Παμβῶ καὶ ἀνέθεντο αὐτῷ μαθεῖν παρά τοῦ θεοῦ τὸ ἀκριβὲς ζη-
 τοῦντες· ὅστις ὀσιος πατὴρ δεηθεὶς τοῦ θεοῦ μετὰ τὴν δέησιν διώμνυτο τοῖς
 ἀδελφοῖς, ὅτι ἀμφοτέρους ἐν τῷ ἅμα ὄντας πρὸς Χριστὸν ἐφθασάμην ἐν τῷ
 παραδείσῳ ἐν μιᾷ δόξῃ καὶ χαρᾷ μιᾷ καὶ εὐφροσύνῃ. Εἰρηκότων δὲ ἡμῶν
 ἐννεα τινὰς τρόπους σωτηρίας ἐκ τῶν ἀγίων γραφῶν ἡμῖν μεμαρτυρημένους,
 μὴ παραδράμωμεν μηδὲ τὸν δέκατον· καὶ γὰρ ἔστι δι' ἐνὸς ῥήματος ἐπί τυ-
 ράννου ἀπίστου ὁμολογῆσαι τὸν Χριστὸν καὶ θεὸν καὶ μὴ δειλιᾶσαι καὶ τὴν

οικειαν ψυχὴν δι' ἐκείνου τοῦ ῥήματος σῶσαι. Τοῦτο γὰρ γινωσκέτω πᾶς ἄνθρωπος, ὅτι ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ, ἐν ἣ φόβου καὶ ἀπειλῆς προκειμένον ὁμολογήσει τὸν Χριστόν, ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ συνεχωρήθησαν αὐτῷ πᾶσαι αἱ ἁμαρτίαι αὐτοῦ, ἃς ἐποίησεν ἐν τῷ βίῳ τούτῳ· καὶ γὰρ ὁ κύριος ὑπέσχετο λέγων, ὅτι ὅστις ὁμολογήσει ἐν ἐμοὶ ἔμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων, ὁμολογήσω καὶ γὰρ ἐν αὐτῷ ἔμπροσθεν τοῦ πατρὸς μου ἐν οὐρανοῖς. Τοῦτο πάλιν ἐκ διηγήσεως παραδόξου βεβαιῶσαι πειράσομαι.

Ἐπὶ τῶν χρόνων Μαυρικίου τοῦ βασιλέως γέγονε ἐν Κωνσταντινουπόλει φαρμακὸς τις πονηρότατος λεγόμενος μεσίτης. Οὗτος προσελάβετό τινα παῖδα ὡς ἐν σχήματι νοταρίου, ἀγνοῦντα ὅτι φαρμακὸς ἐστὶν ὁ αὐτὸς μεσίτης. Βουλόμενος οὖν πλανῆσαι καὶ προσάξει αὐτὸν τῷ διαβόλῳ ὁ αὐτὸς μεσίτης, ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν ἔλαβεν καὶ ἐκαβαλίκευσεν, ἐξελθόντες τῆς πόλεως εἰς ἔρημόν τινα καὶ ἀσκήτον τριοδίας τόπον. Καὶ ἰδοὺ λοιπὸν βραδείας ὥρας οὔσης καταλαμβάνουσιν εἰς τινα τόπον καὶ θεωροῦσι κάστρον καὶ πυλεῶνας σιδηροῦς· κρούσαντος δὲ τοῦ μεσίτου, εἰσῆλθον ἀμφότεροι καὶ εὐρίσκουσι ναὸν παμμεγέθη καὶ πολύφωτα χρυσᾶ καὶ λαμπάδας καὶ φῶτα καὶ σκάμνα καὶ ὑπουργοὺς τινας καθεζομένους ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ εὐωνύμων, πάντας αἰθίοπας ὄντας, εἶτα καὶ τινα παμμεγέθη ὁμοίως αἰθίοπα καθεζόμενον ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ ἐν σχήματι βασιλέως, ὃς καὶ ἐδέξατο καὶ ἠσπάσατο ἀσμένως τὸν μεσίτην καὶ ἐπέτρεψε τεθεῖναι αὐτῷ θρόνον πλησίον αὐτοῦ καὶ καθεσθῆναι, εἰπών· καλῶς ἦλθεν ὁ κύριος μεσίτης, ὁ γνήσιος ἡμῶν φίλος καὶ ὑπουργός. Μετὰ οὖν τὸ καθεσθῆναι αὐτόν, ἰσταμένου τοῦ παιδὸς ὀπισθεν τοῦ θρόνου τοῦ μεσίτου, ἀποβλέψας εἰς αὐτόν ὁ δῆθεν προκαθεζόμενος βασιλεὺς τῶν δαιμόνων λέγει πρὸς τὸν μεσίτην· τί ἤγαγες τοῦτον τὸν παῖδα ὧδε; Ἀπεκρίθη ὁ μεσίτης λέγων· δούλός σου ἐστὶ, δέσποτα, καὶ αὐτὸς σὺν ἐμοί. Λέγει ὁ προκαθήμενος πρὸς τὸν παῖδα· εἰπέ, νεώτερε, δούλος μου εἶς; Ἀπεκρίθη ὁ παῖς λέγων· δούλός εἰμι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἀγίου πνεύματος, καὶ σὺν τῷ ῥήματι ἔπεσεν ὁ ἐπὶ τοῦ θρόνου καὶ πάντες οἱ συγκαθήμενοι αὐτῷ, ἔπεσαν τὰ φῶτα, κατεπόθη ὁ τόπος, κατεπόθη τὸ κάστρον, κατεπόθησαν πάντες, κατεπόθη καὶ ὁ μεσίτης σὺν αὐτοῖς, καὶ εὐρέθη ὁ παῖς μόνος καὶ οἱ ἵπποι ἐν τῷ τόπῳ. Δρομαῖος οὖν καθεσθεις ὑπέστρεφεν ἐν τῇ πόλει, καὶ ἐρωτώμενος ἀπὸ τινων, ποῦ ἐστὶν ὁ μεσίτης; ἀπεκρίνατο λέγων, ὅτι ἀπῆλθε ἐκεῖνος εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον, διηγούμενος πᾶσι τὰ γενόμενα.

Μετὰ οὖν τινα χρόνον παρέμεινεν ὁ αὐτὸς παῖς πατρικίῳ τινὶ δούλῳ Χριστοῦ φιλοπτώχῳ καὶ ἐναρέτῳ, καὶ ἐν μιᾷ ἑσπέρᾳ, ἰδιαζούσης τῆς ὥρας, ἔρχονται ἀμφότεροι ἀναχωροῦντες προσεύξασθαι εἰς τὸν Σωτῆρα τὸν εἰς τὸ Πλέθρον. Καὶ ἰσταμένου τοῦ παιδὸς ἐξ εὐωνύμων τοῦ πατρικίου ἀπεστρέφετο

ἡ εἰκὼν τοῦ δεσπότης καὶ ἀπέβλεψε πρὸς αὐτόν. Εἶτα θεωρήσας ὁ πατρίκιος τὸ γινόμενον μετέστησε τὸν παῖδα ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ πάλιν ἀποστραφεῖσα ἡ εἰκὼν ἔβλεπε πρὸς τὸν παῖδα. Τότε <ὁ> πατρίκιος ἔρριψεν ἑαυτὸν ἐπὶ πρόσωπον εἰς τὴν γῆν, κλαίων καὶ δεόμενος καὶ ἐξομολογούμενος καὶ λέγων· κύριε μου Ἰησοῦ Χριστέ, διὰ τί ἀπέστρεψας τὸ πρόσωπόν σου ἀπ' ἐμοῦ τοῦ δούλου σου; σὺ γὰρ γινώσκεις, ὅτι κατὰ δύναμιν οὐκ ἀπέστρεψα τὸ πρόσωπόν μου ἀπὸ ἀνθρώπου δεομένου ἐλέους, καὶ διὰ τί ἀποστρέφεις τὸν ἀνάξιον δούλόν σου, δέσποτα; Ταῦτα αὐτοῦ ἐπὶ πολλὴν ὥραν δεομένου καὶ ἐξομολογούμενου, ἔρχεται αὐτῷ φωνὴ ἐκ τῆς εἰκόνης τοῦ δεσπότης λέγουσα· σοὶ μὲν εὐχαριστῶ, ὅτι ἐξ ὧν δέδωκά σοι προσφέρεις μοι, τούτῳ δὲ καὶ χρεωστῶ, ὅτι ἐπὶ πολλοῦ φόβου ἐντιθεὶς οὐκ ἠρνήσατο, ἀλλ' ὡμολόγησε τὸν πατέρα καὶ τὸν υἱὸν καὶ τὸ ἅγιον πνεῦμα.

Приложение 2.

Cod. Theol. graec. вѣнск. публичн.
библ. № 333 л. 138.

Печати. кормч. гл. 68.

Πόθεν ἐπιγινώσκει ὁ ἄνθρωπος, ὅτι συνεχώρησεν αὐτῷ ὁ θεὸς τὰς ἀμαρτίας αὐτοῦ.

Ἐν τῇ προσευχῇ ἡμῶν ἠνίκα κατὰ μόνας μηδεὸς ὀρώντος ἢ ἀκούοντος παριστάμεθα τῷ θεῷ, τότε γινώσκει ἡ ψυχὴ πῶς διάκειται πρὸς αὐτὴν ὁ θεὸς καὶ αὐτὴ πρὸς τὸν θεόν. Ἑπτὰ γὰρ τρόποι εἰσὶ καὶ διαφοραὶ τῆς προσευχῆς· τούτων αἱ μὲν τρεῖς ὑπὸ φόβον καὶ κόλασιν ὑπάρχουσιν, αἱ δὲ ἄλλαι τέσσαρες τῶν σωζομένων εἰσὶ καὶ ἐχόντων μέρος ἐν τῇ βασιλείᾳ τοῦ θεοῦ. Ὅταν μὲν οὖν ἔστιν ὁ ἄνθρωπος βεβυδισμένος ταῖς ἡδοναῖς, ὡς κατάδικος καὶ ἀπαρρησίαστος ἐνοχὸς θανάτου παρίσταται ἐν τῇ προσευχῇ. Δεύτερος τρόπος πάλιν ἔστιν, ὅτε ὡς χρεώστης

Откуда увѣсть человекъ, яко простилъ и есть Богъ грѣховъ его.

Въ молитвѣ нашей, егда едины, никомуже не видяшу или слышавшу, предстоимъ Богу, тогда разумѣеть душа, яко въ ней есть Богъ и она въ Бозѣ: семь бо мѣсть есть и разньствъ молитвенныхъ, отъ нихъ же три подъ страхомъ суть и подъ мученіемъ, и четыре же спасаемыхъ суть и имущихъ часть въ царствіи Божіи. Первое егда убо будетъ человекъ погруженъ сластьми, яко осужденникъ безъ дерзновенія повивенъ смерти, предстоитъ въ молитвѣ. Второй образъ пакы есть, егда яко должникъ предсто-

παρίσταται καὶ προσομιλεῖ τῷ θεῷ ὁ ἄνθρωπος. Τρίτος τρόπος διαφορὰν ἔχει παρὰ τοὺς δύο, ὅτε ὡς δούλος ὑπὸ φόβον καὶ πληγὰς ἐστί. Τέταρτος τρόπος, ὅτε ὡς μισθωτὸς διάκειται πρὸς θεὸν ὁ ἄνθρωπος ἐλεύθερος τῆς δουλείας καὶ προσδοκῶν μισθὸν λαβεῖν διὰ τῆς τοῦ θεοῦ φιλανθρωπίας. Πέμπτος τρόπος μεῖζων τῶν τεσσάρων ἐστίν, ὅτε ὡς φίλος παρίσταται τῷ θεῷ καὶ διαλέγεται. Ἐκτος τρόπος ὑψηλότερος τούτου, ἡνίκα ὡς ἅγιος [ὁ υἱὸς] πρὸς θεὸν παρρησιάζεται· ἐγὼ γὰρ εἶπα, θεοὶ ἐστέ καὶ υἱοὶ ὑψίστου πάντες οἱ βουλόμενοι. Ἑβδομος τρόπος καὶ προκοπὴ ὁ πάντων ἀνώτερος ἢ ἀδελφοποίησις ἢ πρὸς τὸν Χριστόν, ὃς ἐγένετο πρωτότοκος ἐν πολλοῖς ἀδελφοῖς πιστοῖς εἰς τὸ εἶναι αὐτοὺς κληρονόμους Χριστοῦ, καθὼς ὁ Παῦλος βοᾷ. Εἴ τις οὖν ὡς κατάκριτος ἢ χρεωφειλέτης ἢ δούλος ἐν τρόμῳ πληγῶν διαλέγεται τῷ θεῷ προσευχόμενος, οὐ γέγονεν ἐλεύθερος τῶν οἰκειῶν ἀμαρτημάτων· ἀλλ' ὅπου πνεῦμα ἅγιον ἐπιφοιτᾷ, ἐκεῖ ἐλευθερία ἐστὶ τῶν ἀμαρτιῶν· οὕτω γὰρ καὶ αὐτὸς ὁ κύριος ἐνετείλατο λέγων· ὅτι ὁ ἀγαπῶν με τὰς ἐντολάς μου τηρήσει, καὶ γὰρ ἀγαπήσω αὐτὸν καὶ ἐμφανίσω αὐτῷ ἐμαυτόν. Ὡστε ἀληθὲς σημεῖον τῆς τῶν ἀμαρτημάτων συγχωρήσεως τοῦτο ἐστὶ τοῦ χριστιανοῦ, ἡ ἐπιφάνεια τοῦ κυρίου ἢ ἐν τῇ ψυχῇ γινομένη· μακάριοι γὰρ, φησί, οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ, ὅτι αὐτοὶ τὸν θεὸν ὁφονται.

30 августа 1901 г.

ить и бесѣдуетъ къ Богу чело-вѣкъ. Третій образъ есть, разнь-ство имый паче двою, егда яко рабъ молится владыцѣ, обаче и рабъ подъ страхомъ и ранами есть. Четвертый образъ, егда яко наемникъ будетъ Богу чело-вѣкъ, свободъ работы, и чая мзду пріяти владычна ради чело-вѣколюбія. Пя-тый образъ болій четырехъ есть егда яко другъ предстоитъ Богу чело-вѣкъ и глаголетъ къ нему. Шестый высшій сего, егда яко сынъ къ Богу дерзаетъ, азъ бо рѣхъ, бози есте и сынове выш-няго всѣ. Седьмый же всѣхъ выш-шій образъ есть и на прежде спѣ-яніе братосотворенія къ Богу, иже бысть первенець во мнозѣ братіи вѣрныхъ, яко быти имъ наслѣдни-комъ Божиимъ, якоже Павелъ во-піеть. Иже убо яко осужденникъ и должникъ или рабъ въ трепетѣ ранъ глаголетъ къ Богу моляся, не бысть свободъ своихъ грѣховъ, но идѣже Духъ святыи приходитъ, ту сво-бода есть согрѣшеніемъ. Тако бо и Самъ Господь заповѣда намъ, глаголя: яко любяи Мя заповѣди Моя соблюдаютъ, и Азъ возлюблю и, и явлюся ему Самъ. Яко истин-ное знаменіе прощенія грѣховъ христіанину есть явленіе Хри-стово, бывающее въ души: бла-жени бо, рече, чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрятъ. Тому слава во вѣки.

Н. Суворовъ.

Уклонъ консервативной Византіи въ сторону западныхъ вліяній.

Съ царствованіемъ Мануила Комнина (1143—1180 г.г.) соединяется самый блестящій періодъ наиболѣе показной эпохи исторіи Византіи, отмѣченной именемъ династіи Комниновъ. Особенностью этого періода нужно признать и то, что онъ былъ и послѣднимъ, можно сказать, завершительнымъ періодомъ византизма, послѣдовательно развивавшагося при царяхъ Македонскаго дома и Комниновъ. Искреннимъ чувствомъ, неподдѣльной скорбью и вмѣстѣ яснымъ сознаніемъ переживаемой дѣйствительности внушены слѣдующія мысли современника, писавшаго пять—шесть лѣтъ спустя по смерти царя Мануила: «Кажется, будто въ божественномъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы со смертію царя Мануила рухнулъ строй ромѣйской имперіи и чтобы съ закатомъ этого солнца покрыла насъ непроглядная тьма»¹⁾. Глубокое чувство невознаградимой утраты при воспоминаніи о царяхъ Комнинахъ и сознаніе безотраднaго порядка дѣлъ, наступившаго послѣ Мануила,—таковъ, впрочемъ, общій смыслъ и другихъ историческихъ произведеній конца XII и начала XIII в.в.

Тотъ же самый писатель—а это некто иной, какъ знаменитый митрополитъ солунскій Евстаѣій—въ надгробномъ словѣ на смерть Мануила даетъ понятъ и реальныя причины, постепенно подготовлявшія крахъ всей политической системы государства. «Кто умѣлъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ сокрушать враговъ одного посредствомъ другого, чтобы приготовить намъ невозмущаемый миръ и желанную тишину. Онъ пользовался искуснымъ методомъ достигать величайшихъ трофеевъ съ возможно

¹⁾ Tafel, Eustathii Opusculâ, p. 271.

меньшей тратой крови своихъ подданныхъ, чтобы, подстрекая враговъ другъ на друга и возбуждая усобицы среди иноплеменныхъ народовъ, увеличивать этимъ нашу собственную силу, ослаблять же непріятельскую. Такъ царская политика поднимала турка на турка, а мы пѣли торжественный гимнъ мира; такъ скиѣны уничтожали скиѣовъ, а мы наслаждались миромъ. Многие западные народы, заболѣвшіе недугомъ любостыжанія, возвращены къ умѣренности, а ромѣйскій міръ съ изумленіемъ наблюдалъ, какъ врачевалась страсть къ завоеваніямъ. Драконъ-островитянинъ (разумѣется король сицилійскій Рожеръ), замышлявшій извергнуть огонь своего гнѣва выше кратера Этны, ослабѣлъ въ своемъ напряженіи, пораженный царскими стрѣлами, или лучше занятый домашними врагами, которыхъ воздвигла на него политическая мудрость царя»¹⁾.

«Самымъ важнымъ съ точки зрѣнія оцѣнки иностранной политики Мануила нужно признать слѣдующее мѣсто изъ превосходной рѣчи солунскаго митрополита, выяснившего значеніе иностраннаго засилья, подготовляемаго политикой Мануила. «Языкъ не можетъ назвать народа, которымъ бы онъ не воспользовался къ нашей выгодѣ. Одни поселены въ нашей землѣ на правахъ колонистовъ, другіе же, воспользовавшись милостивыми пожалованіями, обильно расточаемыми царской щедростью, вступили на службу государству изъ-за жалованья и стали считать чужую землю своимъ отечествомъ, ибо нашли въ ней свое счастье. Онъ перевелъ въ ромѣйское государство, ради защиты его, множество военныхъ людей изъ среды закоренѣлыхъ нашихъ враговъ, привилъ къ ихъ дикости нашу мягкость и образовалъ такой годный плодъ, который могъ бы произрасти развѣ въ Божьемъ саду. Разумѣе здѣсь не только арабовъ, печенѣговъ, угровъ, живущіе за Дунаемъ народы, но и сѣверныя племена и обитателей приморскихъ странъ, которые попались на царскую удочку. Всѣ они усиливаютъ собой число нашихъ городскихъ обитателей».

Разобраться въ лѣтописныхъ и другихъ литературныхъ данныхъ занимающей насъ эпохи не такъ легко главнѣйше потому, что въ нихъ на первый планъ выставляется внѣшній блескъ,

¹⁾ (Tafel, Eustathii Opuscula. Manuelis laudatio funebris c. 19.

формальный подъемъ и международное положеніе государства,— все это во многихъ отношеніяхъ подкупаетъ наблюдателя. Но если смотрѣть на періодъ Комниновъ со стороны и нѣсколько издалека, то изъ-за внѣшняго блеска и политическаго якобы благополучія выступаетъ и тотъ мрачный порядокъ, о которомъ упоминаетъ митрополитъ Евстаѳій. Еще полнѣй отрицательный взглядъ на внѣшнюю политику Мануила выраженъ у того писателя, котораго можно назвать официальнымъ историкомъ послѣднихъ Комниновъ, т. е. у Никиты Акомината. Въ VII книгѣ своей исторіи ¹⁾, составленной еще до латинскаго завоеванія Константинополя въ 1204 году, онъ рисуетъ прекрасную, можно сказать, образцовую во всей византійской историографіи картину внутренней и частію культурной исторіи того времени. Здѣсь, между прочимъ, онъ даетъ разгадку увлеченія Мануила западной политикой, въ чемъ историкъ стоялъ не на сторонѣ общественнаго мнѣнія. «И совсѣмъ несправедливы были дѣлаемые царю упреки въ увлеченіи западными дѣлами, ибо его предпріятія не составляли чего-либо страннаго или неосновательнаго. Онъ боялся, чтобы латинскіе народы, обладающіе неодолимою силой, не составили союза и не наводнили нашу имперію подобно потоку, который, изъ малаго сдѣлавшись большимъ, уничтожаетъ нивы земледѣльцевъ. По его мнѣнію, византійскія войска въ сравненіи съ латинскими были то же, что горшки по сравненію съ котлами. Восточные народы, говаривалъ онъ, можно и подкупить, и усмирить оружіемъ; западные же враги пугали его своей многочисленностью. Надменные и гордые, они постоянно занимаются войной, идутъ въ сраженіе закованные въ желѣзо, питаютъ къ грекамъ непримиримую ненависть, вражду и досаду». Въ виду опасности съ запада, которую лучшіе люди XII вѣка оцѣнивали вполне трезво, нашъ писатель до извѣстной степени оправдываетъ мѣры императора и стоитъ на его сторонѣ въ сужденіи громаднхъ издержекъ, вызываемыхъ итальянскими войнами и подкупомъ союзниковъ на западѣ. Справедливость основной точки зрѣнія царя, говоритъ Никита, доказали послѣдующія событія, когда онъ оставилъ здѣшнюю жизнь, и ладья царства, лишившись мудраго кормчаго, едва не утонула ²⁾.

¹⁾ Nicetas Acominatus, ed. Bonn. p. 265.

²⁾ Nicetas, p. 266.

Если подразумеваютъ подъ сказанными сейчасъ словами трагическія для имперіи послѣдствія IV крестоваго похода, то выраженіе «ладья царства едва не утонула» мы бы находили весьма слабымъ. Намъ представляется, что правильная эволюція византизма была покончена съ послѣднимъ Комниномъ, и что все то, что исторія Византіи привноситъ во всемірное историческое развитіе, должно считаться законченнымъ XII вѣкомъ. Послѣ этого мы присутствуемъ при тщетныхъ попыткахъ найти утраченныя традиціи и возстановить оборванный событіями латинскаго завоеванія государственнo-культурный порядокъ; но по нашему крайнему убѣжденію творчество отлетѣло отъ греческаго народа, и въ литературѣ, равно какъ въ искусствѣ, не встрѣчаемъ ни мысли плодovитой, ни гениемъ начатаго труда. Въ виду сказаннаго, стройная и послѣдовательно проведенная въ періодъ Комниновъ система внѣшней политики должна находить себѣ соотвѣтствіе во внутреннихъ отношеніяхъ имперіи, въ церковной и гражданской администраціи, въ культурѣ и умственномъ развитіи. Страхъ передъ напоромъ со стороны западныхъ народовъ не былъ такимъ сильнымъ и живымъ, чтобы предотвратить наплывъ западнаго культурнаго вліянія, чтобы защитить имперію противъ иммиграціи военныхъ и торговыхъ людей, которые проникли въ администрацію и въ византійскіе аристократическіе круги. Послѣдовательно и незамѣтно мѣнялся весь порядокъ жизни, и противъ этихъ перемѣнъ не устоялъ старѣющій византизмъ. Вновь повторилось завоеваніе имперіи чуждыми народами, но на этотъ разъ ассимилирующая сила оказалась не на сторонѣ ублюдка Римской имперіи, а на сторонѣ тѣхъ чуждыхъ народовъ, которыхъ Византія не могла побѣдить силой и не была въ состояніи подчинить духовными средствами воздѣйствія. Мы должны взглянуть на имперію Комниновъ съ точки зрѣнія намѣченныхъ выше проблемъ.

Семья царей Комниновъ является лучшимъ выразителемъ культурнаго уровня разсматриваемой эпохи завершеннаго періода византизма. Главная культурная струя влилась въ царскую семью отъ матери Алексѣя I-го Комнина, высокообразованной и умной Анны Далассины. Въ царской семьѣ литературныя занятія были весьма обычнымъ явленіемъ. Многіе изъ Комниновъ оставили въ наукѣ и литературѣ громкое имя, и притомъ въ послѣ-

довательномъ порядкѣ, изъ поколѣнiя въ поколѣнiе. Извѣстный авторъ исторiи царя Алексѣя, цесаревна Анна, дѣлаетъ такое замѣчанiе о своей матери. «Я помню, какъ моя мать, когда подадутъ обѣдъ, часто приносила въ рукахъ книгу и толковала догматическiя мѣста святоотеческихъ писателей, въ особенности философа и мученика Максима. И нерѣдко приходилось мнѣ удивляться этому и спрашивать: какъ ты можешь безъ посторонней помощи возноситься къ такой высотѣ, когда я дрожу и даже краемъ уха не смѣю коснуться такихъ вопросовъ, ибо отвлеченность мысли и глубина этого мужа, говорятъ, доводитъ читателя до обморока» ¹⁾. Въ особенности въ слѣдующемъ поколѣнiи, при Иоаннѣ и Мануилѣ, литературныя занятiя въ царской семьѣ были весьма обычными. Достаточно сослаться на севастократора Исаака, устроителя монастыря въ Фереджикѣ близъ Дедеагача и автора предисловія къ Серальскому Октатевху ²⁾. Самъ Мануиль любилъ заниматься литературными трудами и писалъ по богословскимъ вопросамъ, какъ увидимъ далѣе. Литературныя привычки въ царской семьѣ не составляли чего-нибудь исключительнаго, напротивъ, служили выраженiемъ высокой образованности и проникнуты гуманными началами, имѣвшими примѣненiе къ практической жизни и отражавшимися въ общественной жизни. Нельзя безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить нѣкоторыя главы изъ монастырскихъ уставовъ и уставовъ благотворительныхъ учрежденiй, принадлежащихъ ко времени Комниновъ. Таковъ, прежде всего, Уставъ монастыря Пандократора, устроеннаго царемъ Иоанномъ и его супругой Ириной, венгерскаго происхожденiя. Монастырь былъ созданъ частiю изъ государственныхъ цѣлей, чтобы привести благодаренiе Богу за многократныя милости въ видѣ побѣды надъ врагами, частiю въ цѣляхъ фамилныхъ, чтобы заручиться постоянными молитвенниками передъ Богомъ, какъ за свои грѣхи, такъ и членовъ своего дома, а равно приготовить усыпальницу для себя, для царицы и своихъ дѣтей. Монастырь имѣлъ по штату 80 монаховъ, изъ коихъ 50 занимаются службой при храмѣ, а 30 назначаются для разныхъ службъ при монастырѣ. Не касаясь здѣсь

¹⁾ Анна Комнена, *Alexias* V. 9 (р. 264).

²⁾ Извѣстiя Р. А. И. въ Константинополь, т. XII, стр. 28 и сл.

собственно монастырскаго Устава, можемъ остановиться вниманіемъ на той части его, которая посвящена благотворительнымъ учрежденіямъ, основаннымъ при монастырѣ ¹⁾. Такова больница на 50 кроватей, раздѣленная на 5 отдѣльныхъ палатъ: 1) хирургическая на 10 кроватей; 2) глазная и для желудочныхъ заболѣваній на 8 кроватей; 3) женская на 12 кроватей; 4—5) два отдѣленія по 10 кроватей въ каждомъ для обыкновенныхъ больныхъ. Эти подробности объ организаціи благотворительныхъ учрежденій при монастыряхъ составляютъ, можетъ быть, самое трогательное, что исторія сохранила насчетъ гуманитарныхъ понятій въ византійскомъ обществѣ. Предлагаемъ вдуматься въ порядки, установленные въ больницѣ.

Въ каждомъ отдѣленіи было по два штатныхъ врача, по три помощника (фельдшера) и по два замѣстителя послѣднихъ, по два служителя, т. е. служебный персоналъ почти равнялся по числу съ больными. Во главѣ больницы было два врача, называемые протоминитами. Кромѣ того, былъ особенный персоналъ для приходящихъ больныхъ: два врача хирурга и два по внутреннимъ болѣзнямъ. Служащіе дѣлились на двѣ смѣны и чередовались черезъ каждый мѣсяць. Старшій врачъ (протоминить) обязанъ былъ утромъ каждый день посѣщать больницу и лично освѣдомляться о состояніи каждаго больного.—Не будемъ входить въ подробности о хозяйственной организаціи больницы, объ аптекахъ и выдачѣ лѣкарствъ, все это установлено уставомъ до самыхъ мелкихъ деталей. Но стоить привести нѣсколько данныхъ о штатномъ жалованьѣ служащихъ. Содержаніе шло денежной монетой и натурой. Начальнику больницы полагался окладъ въ 7½ номисмъ или около 35 р.; кромѣ того, къ этому окладу присоединялось столовыхъ 2 номисмы и натурой 45 модіевъ хлѣба. Старшимъ врачамъ нѣсколько меньше—7 номисмъ жалованья, полномисмы столовыхъ и 38 модіевъ хлѣба. Младшіе врачи получали жалованье въ постепенной градаціи отъ 4 до 6 номисмъ. Женщина-врачъ 3 номисмы и 26 модіевъ хлѣба. Въ большіе праздники всѣмъ служащимъ полагались особенныя денежные

¹⁾ П. В. Безобразовъ, Матеріалы для исторіи Визант. имперіи (Журналъ Мин. Нар. Просв., ноябрь, 1889). Уставъ монастыря Паидократора издавъ у А. А. Дмитріевскаго, Описаніе литургическихъ рукописей, т. I, стр. LXXX и стр. 682

выдачи. Очень любопытно и то, что правительство простирало свою заботу на семьи и дѣтей служащихъ въ больницѣ, для послѣднихъ устроена школа, въ которой дѣти подготовлялись къ врачебному искусству подъ руководствомъ мѣстныхъ врачей.

При томъ же монастырѣ была учреждена богадѣльня, въ которой содержалось 24 безпріютныхъ и немощныхъ. Въ Уставѣ точно указано, сколько выдается на содержаніе ихъ хлѣба, вина, бобовъ и сыра. На одежду полагалось каждому по 2 номисмы. Нечего и говорить, что эти благотворительныя учрежденія, устройство коихъ вызвано благочестивыми настроеніями ктиторовъ, снабжены были каждое особой церковью и штатомъ служащихъ. Матеріальное положеніе какъ монастыря, такъ и упомянутыхъ учреждений было обезпечено богатыми вкладами и жалованными актами на земельныя имущества. Уставъ монастыря подписанъ царемъ Іоанномъ Комниномъ въ 1136 году. Монастырь Пандократора послѣ турецкаго завоеванія обращенъ въ мечеть Зейрекъ-килиси-джамиси.

Вторымъ въ собственномъ смыслѣ фамильнымъ учрежденіемъ дома Комниновъ былъ монастырь Богородицы Благостной (Κεχαρισμένη), построенный и надѣленный богатымъ вкладомъ царицей Ириной Дукевой, супругой Алексѣя Комнина, о богословскомъ образованіи которой съ такимъ чувствомъ умиленія говорить Анна Комнина. Главный мотивъ постройки монастыря былъ политическій¹⁾. Царица Ирина желала прежде всего засвидѣтельствовать благочестивую признательность Богородицѣ за покровительство и милость къ имперіи и въ частности къ царю Алексѣю.

Нѣкоторыми статьями Устава опредѣляется фамильный характеръ учрежденія, оберегающій интересы вдовъ и незамужнихъ принцессъ дома Комниновъ. Монастырь долженъ былъ имѣть штатъ въ 24 монахини, съ теченіемъ времени число могло возрасти, но не превышать 40. Первой игуменьей монастыря назначена принцесса Евдокія, «возлюбленная и порфирородная дочь и монахиня». Въ дальнѣйшемъ также предусматривалось вступленіе въ монастырь принцессъ дочерей — цесаревны Анны и Маріи, и въ такомъ случаѣ въ пользу ихъ допускаются отсту-

¹⁾ Miklosich, Acta et Diplomata Graeca. vol. V. p. 327.

иленія отъ суровыхъ правилъ общежитія. Монастырь поставленъ въ исключительныя условія, онъ освобожденъ отъ всякой зависимости церковной власти и непосредственно подчиняется царю, по смерти ея—царю. Вообще же высшій патронатъ остается за особами царскаго дома.

Нигдѣ не выраженъ съ такою отчетливостью индивидуальный характеръ Комниновъ, какъ въ ихъ церковной политикѣ. Мы не имѣемъ въ виду, однако, говорить здѣсь объ общихъ и широкихъ церковныхъ вопросахъ, стоявшихъ въ связи съ схизмой, а лишь о тѣхъ, которые касались специально константинопольскаго патріархата. Указать въ краткихъ чертахъ, какими сомнѣніями волновалась въ XII в. церковь константинопольскаго патріархата, значило бы намѣтить самый жизненный вопросъ времени и опредѣлить дѣйствительное настроеніе византійскаго общества въ изучаемый періодъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ намъ удалось обратить вниманіе на памятникъ чисто церковнаго характера и воспользоваться имъ для историческихъ выводовъ объ умственномъ и религіозномъ движеніи въ Византіи. Это всѣмъ извѣстный Синодикъ въ недѣлю православія ¹⁾, относящійся по своему происхожденію къ 843 году и подвергавшійся постепенному нарастанію во весь періодъ существованія имперіи. Въ этомъ памятникѣ намѣчаются три главныхъ наслоенія, постепенно привзошедшія въ него и покрывшія основной иконоборческой матеріалъ: а) эпоха Алексѣя Комнина; б) Мануила; в) движеніе XIV в., выразившееся въ еретическомъ ученіи Варлаама и Акиндина. Всякій разъ, какъ въ патріархатѣ нараждались новыя вѣянія, требовавшія примѣненія строгихъ церковныхъ мѣръ противъ иномыслий или еретическихъ мнѣній, свѣтское и церковное правительство прибѣгало къ обычной мѣрѣ—составленію церковныхъ соборовъ, постановленія коихъ постепенно увеличивали составъ читаемаго въ недѣлю православія Синодика. Такимъ образомъ, синодикъ ближайшей ко времени турецкаго завоеванія эпохи или синодикъ полнаго состава представляетъ въ себѣ полную исторію болѣзни патріархата, въ то же время давая живыми кра-

¹⁾ Исслѣдованіе объ этомъ памятникѣ помѣщалось въ Журн. Минист. Нар. Просв. за 1890 и 1891 г.г. Отдѣльно появилось подъ заглавіемъ: Очерки по исторіи визант. образованности. Ө. Успенскаго. Спб. 1891.

сками написанную картину борьбы изъ-за богословскихъ, философскихъ и близкихъ къ нимъ культурныхъ вопросовъ.

Весьма значительная часть отреченныхъ именъ и ученій падаетъ на время Алексѣя Комнина; точно также и эпоха Мануила дала важный матеріалъ для Синодика. Анна Комнина не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, чтобы восхвалять апостолическую дѣятельность своего отца. «Онъ одинъ умѣлъ употреблять попеременно оружіе и слово: оружіемъ побѣждалъ враговъ, словомъ обличалъ еретиковъ. Вооружившись на манихеевъ, онъ предпринялъ апостольскій подвигъ вмѣсто военной экспедиціи. Я бы назвала его тринадцатымъ апостоломъ, хотя нѣкоторые приписываютъ эту честь Константину Великому. По моему мнѣнію, его бы слѣдовало помѣстить вмѣстѣ съ Константиномъ, или уже, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за нимъ»

Дѣйствительно, Алексѣй нерѣдко и самъ¹⁾ вступалъ въ пренія о вѣрѣ и пользовался всѣми средствами къ очищенію церковнаго ученія. Онъ не только преслѣдовалъ манихеевъ, павликіанъ, богомиловъ, но въ заботахъ о научномъ опроверженіи еретиковъ поощрялъ Евемію Зигавина къ составленію исторіи ересей и опроверженію противныхъ православію ученій. Не останавливаясь на подробностяхъ, укажемъ, что самая интересная часть въ Синодикѣ, послѣ отдѣла, касающагося иконоборцевъ, касается ученія Іоанна Итала и вводитъ насъ въ исторію европейскаго философскаго мышленія въ концѣ XI в. Какъ І. Италъ свидѣтельствуетъ о схоластическомъ западномъ вліяніи, такъ же отчетливо замѣтно восточное вліяніе въ космологической системѣ дуализма, принесенной богомилами. Павликіане и богомилы имѣли глубокое значеніе не только въ исторіи Византіи, но и на громадной территоріи, находившейся подъ византійскимъ культурнымъ вліяніемъ: въ Болгаріи и Сербіи. Такъ какъ это было ученіе антицерковное, ибо богомилы отрицали таинства и видимую церковь со всѣми ея обрядами, то понятно, что апостолическая ревность царя Алексѣя не могла допустить распространенія богомильской ереси. Въ исторіи Анны Комниной есть неподражаемая страничка²⁾, рисующая личныя сношенія монаха Василия съ

¹⁾ Alexias, XIV, 8 p. 300.

²⁾ Alexias, XIV, 8 p. 352—353.

царемъ. «Когда молва о богомилахъ всюду распространилась, и уже многія души захватила эта ересь, не вынесла того царская душа и начала дѣлать разслѣдованіе объ ереси. Допрошенные при дворѣ богомилы, всѣ сослались на нѣкоего Василія, какъ на учителя и главнаго вождя ученія. Стали его разыскивать, и тогда обнаружили этого сатанинскаго архисатрапа, который носилъ монашеское платье, имѣлъ изможденное лицо, лишень растительности на щекахъ, высокъ ростомъ и обладалъ большимъ искусствомъ привлекать къ своему нечестивому мнѣнію. Императоръ, желая обнаружить тайну мягкими мѣрами, приглашаетъ къ себѣ этого человѣка подъ благочестивымъ предлогомъ. Ибо приподнялся съ мѣста при его появленіи, просилъ его присѣсть и посадилъ за одинъ съ собою столъ и далъ ему полную волю тащить съ удочки всю наживку, и, насадивъ на крючокъ разныя приманки, предоставилъ ими лакомиться этому прожорливому чудовищу. Всяческимъ притворствомъ отвлекая вниманіе этого монаха отъ подносимаго ему отравленнаго питья, царь выражаетъ желаніе сдѣлаться его ученикомъ и притомъ вмѣстѣ со своимъ братомъ севастократоромъ Исаакомъ; что всѣ его слова принимаетъ за божественныя изреченія и во всемъ ему будетъ повиноваться, лишь бы Василій устроилъ спасеніе души его. «И вотъ я, честнѣйшій отецъ, говорилъ царь (такъ онъ пріятными словами подслащалъ чашу, чтобы тотъ бѣсноватый излилъ свой ядъ), изумляюсь твоей доблести и прошу тебя научить меня, въ чемъ состоятъ правила твоего ученія, такъ какъ наши негодны и не приводятъ къ добродѣтели». Лъстивыя слова произвели свое дѣйствіе.—При всемъ этомъ присутствовалъ и помогалъ царю братъ его и севастократоръ. Василій изложилъ основныя положенія своей ереси. Занавѣска отдѣляла женскій покой отъ того помѣщенія, гдѣ находились царь съ братомъ и этотъ негодяй; между тѣмъ, какъ онъ излагалъ свои мысли, находившійся за занавѣсью писецъ отмѣчалъ сказанное имъ. Такимъ образомъ этотъ болтунъ казался учителемъ, а царь прикидывался ученикомъ, а предметъ бесѣды записывалъ секретарь. Все явное и тайное изложилъ этотъ еретикъ и ничего не утаилъ изъ богоненавистой ереси: и посмѣяніе нашего богословія, и уничтоженіе всего домостроительства, и уподобленіе домовъ Божіихъ жилищамъ демоновъ и признаніе тщетнымъ совершаемаго у насъ

приношенія тѣла и крови перваго архіерея и первой жертвы.— А что было потомъ? Царь прекращаетъ представленіе и поднимаетъ занавѣсъ. А тамъ уже былъ собранъ сенатъ и военные чины и соборъ церковный».

Все изложенное составляетъ точный фактъ, переданный не изъ вторыхъ рукъ. И этотъ фактъ разсказанъ съ тѣмъ, чтобы подъ перомъ любящей дочери рельефнѣй очерчена была фигура героя-отца, апостолическая ревность котораго запутала въ хитро разставленныя сѣти простодушнаго богомила и выдала его головой свѣтскимъ и духовнымъ чинамъ, присудившимъ вождя богомиловъ къ публичному сожженію. Мы, конечно, не можемъ раздѣлять чувства византійской писательницы и не стоимъ на сторонѣ царя, который принялъ на себя совѣмъ не подходящую роль. Религіозная миссія царей Комниновъ, понятая слишкомъ грубо, приводила ихъ къ нарушенію элементарной правды и ставила въ рѣзкое противорѣчіе съ церковными правилами. Современный Мануилу Комнину писатель Никита Акоминатъ весьма хорошо оцѣнилъ это увлеченіе и заклеилъ его рѣзкимъ порицаніемъ. Царь Мануиль, говоритъ онъ, считая себя выше всѣхъ людей по мудрости и непогрѣшимымъ судьей божескихъ и чловѣческихъ дѣлъ, самъ усвоилъ себѣ и установленіе догматовъ и карательныя мѣры относительно тѣхъ, кто съ нимъ не соглашался. Но и въ этомъ еще не главное, онъ шелъ весьма далеко, касался непостижимыхъ догматовъ, упорствовалъ въ своеобразномъ ихъ пониманіи и перетолковывалъ смыслъ писаній примѣнительно къ своимъ цѣлямъ, внося свои толкованія туда, гдѣ правильное разумѣніе уже опредѣлено отцами, «какъ будто онъ всецѣло обнялъ своимъ умомъ самого Христа и отъ него Самого ясныѣ и совершеннѣй наставленъ во всемъ, что касается Христа». Эту рѣзкую критику внутренней церковной политики Комниновъ мы должны особенно здѣсь отмѣтить, чтобы показать какой глубокой разладъ существовалъ даже во взглядахъ и на самую церковность, въ которой Византія якобы имѣла одинъ изъ твердыхъ своихъ устоевъ.

Вслѣдствіе оживленной церковной борьбы изъ-за важныхъ догматическихъ вопросовъ въ XII в.,—и въ особенности въ царствованіе Мануила, Синодикъ получилъ весьма значительное приращеніе. За попытку внести новыя толкованія по догмату

о второмъ лицѣ св. Троицы подверглись суду и отлученію отъ церкви: 1) діаконъ Великой церкви и магистръ Михаилъ; 2) діаконъ Никифоръ Васиlaki; 3) митрополитъ Драча Евстаѳій; 4) избранный на антїохійскую патріаршую кафедру Сотирихъ Пантевгенъ; 5) митрополитъ керкирскій Константинъ и 6) Іоаннъ Иривикъ. Все это были лица съ высокимъ богословскимъ и философскимъ образованіемъ, занимавшія притомъ высшія церковныя кафедры, или близкія къ епископскимъ мѣста въ патріархіи. Нужно, кромѣ того, принять въ соображеніе, что трактуемые указанными лицами богословскіе вопросы были вполне общедоступными темами, волновавшими общественное мнѣніе почти въ такой же степени, какъ прежде иконоборческій вопросъ. Именно, особенностью этой эпохи слѣдуетъ признать то, что церковно-богословскіе споры не выражали отвлеченныхъ мнѣній небольшой кучки богослововъ, но служили знаменіемъ времени и коренились, какъ логическія послѣдствія, въ умственныхъ движеніяхъ предыдущаго времени. Изученіе философскаго и богословскаго движенія въ XII вѣкѣ ¹⁾ приводитъ къ заключенію, что сдѣланные названными выше богословами несогласные съ церковнымъ ученіемъ выводы въ приложеніи къ природѣ лица І. Христа или къ таинству евхаристіи имѣютъ себѣ объясненіе въ ихъ философскихъ воззрѣніяхъ. Сами современники хорошо понимали неумѣстность обычая допускать до публичнаго обсужденія божественныя вещи, о которыхъ приличнѣе было бы молчать: того-де требуетъ и необъяснимая природа ихъ, то же внушаютъ и совѣты св. отцовъ ²⁾; но отдѣльные голоса были безсильны противъ господствовавшаго обычая.

Весьма важно установить здѣсь два обстоятельства общаго историческаго значенія, которыя до нѣкоторой степени намѣчаются изъ разсмотрѣнія богословскихъ споровъ и соборныхъ дѣяній времени Мануила. Прежде всего, не можетъ быть сомнѣнія, что волновавшіе церковь и общество вопросы при Мануилѣ и при его преемникахъ, находятся въ тѣсной связи съ философскими воззрѣніями І. Итала и частію могутъ быть сближены съ

¹⁾ Главнѣйше ссылаемся на сочиненіе Θ. Успенскаго «Очерки по исторіи византійской образованности», гл. III.

²⁾ Діалогъ Сотириха, *Migne, Patr. Gr. t. 140, col. 140.*

ученіемъ богомиловъ ¹⁾). Въ одномъ обличительномъ сочиненіи противъ Сотиріа, появившемся вскорѣ послѣ 1156 г., волнованій церковъ споръ сводится на борьбу аристотелевской и платоновской философіи. Заблужденіе Сотиріа объясняется тѣмъ, что онъ усвоилъ себѣ платоновскій взглядъ на идеи. Изъ этого естественно заключить, что въ занимающихъ насъ спорахъ церковныхъ партій нужно видѣть борьбу между представителями номинализма и реализма на византійской почвѣ. Сотиріхъ и его приверженцы стояли на почвѣ философіи Платона, а противники ихъ, на сторонѣ коихъ была и церковъ, держались взглядовъ Аристотеля ²⁾).

Весьма любопытно, кромѣ того, что господствовавшая въ имперіи національно-церковная партія признавала отринутыя, въ данномъ случаѣ платоновскія, воззрѣнія — чуждыми византизму, и именно заимствованными съ запада. Такъ, наименѣе популярный въ имперіи философъ XI в., ученіе котораго, тѣмъ не менѣе, оставило въ Синодикѣ большой слѣдъ, былъ Іоаннъ Италъ, каковымъ прозваніемъ современники желали отмѣтить именно чужеземца. Точно также на соборѣ 1166 г., занимавшемся разслѣдованіемъ ученія о славѣ Христа по поводу сомнѣній въ толкованіи текста «Отецъ Мой болій Мене», выяснилась иноземная струя, отравившая чистый источникъ туземнаго благочестія. Виновникъ неправославнаго ученія Димитрій, изъ азіатскаго селенія Лампи, оказывается впадшимъ въ ересь потому, что неоднократно исполнялъ посольскія порученія на западъ и къ итальянскимъ народамъ и возвращался оттуда съ поврежденными чувствами. Прибывъ изъ нѣмецкой земли, онъ началъ гласно совращать народъ къ ереси и потомъ изложилъ свой взглядъ письменно и представилъ царю. Царь, ознакомившись съ книгой, сказалъ: «закопай поскорѣй эту книгу въ землю, дабы не сдѣлаться виновникомъ гибели многихъ. Что касается меня, я твердо убѣжденъ въ своемъ взглядѣ и не думаю, чтобы меня кто могъ переубѣдить». Но Димитрій не послушалъ добраго совѣта и сталъ показывать многимъ свое сочиненіе, такъ что

¹⁾ Въ особенности Діалогъ Сотиріа и Alexias p. 354. 10—11.

²⁾ Это отчетливо показано въ опроверженіи на Сотиріа, составленномъ Николаемъ Мессонскимъ (Δημητρακόπουλος, Bibl. ecclesiastica I, p. 293, 321; его же Λόγος p. 13; Успенскій, Очерки, стр. 222.

всѣ стали спорить и заниматься вопросомъ о славѣ Христа. Чтобы дать понять, какъ царь Мануиль принималъ близко къ сердцу богословскіе вопросы, приведемъ нѣсколько строкъ изъ Киннама ¹⁾. «Видя, что почти всѣ склоняются къ мнѣнію Димитрія, онъ началъ приглашать къ себѣ то одного, то по-двое— и многихъ склонилъ къ своему мнѣнію». Но какъ достигалось это, видно изъ того, что всѣ стали избѣгать этихъ секретныхъ переговоровъ и говорили между собой: если не теперь, то по смерти ему не избѣжать анаемы. Но царя это не остановило. Я предлагаю вамъ всѣмъ поединокъ, говорилъ онъ сомнительнымъ архіеремъ, вооружайтесь всѣ, и я буду сражаться съ вами одинъ не физической силой, а словомъ. Кто, продолжалъ издѣваться царь, отнималъ у васъ свободу слова? Развѣ вамъ оказано было насиліе; развѣ случалось, чтобы кому запрещено было говорить предъ моимъ престоломъ?»

Намѣченныя выше указанія на слѣды схоластической философіи въ Византіи и на борьбу номинализма и реализма въ примѣненіи къ догматикѣ слѣдуетъ признать самымъ существеннымъ въ предшествующемъ изложеніи. Къ сожалѣнію, весьма мало затронутъ въ наукѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ Византія принимала участіе въ развитіи средневѣковой схоластики и въ какой степени возможно вести рѣчь о взаимныхъ вліяніяхъ востока на западъ и обратно. Нельзя не приписывать важнаго значенія тому, что въ византійскихъ литературныхъ памятникахъ новыя философскія вѣянія объясняются заимствованиями съ запада.

Несмотря на рѣзкую противоположность въ характерѣ западныхъ и восточныхъ народовъ, которая хорошо была сознаваема въ Византіи, роковая необходимость привлекала западъ къ востоку. «Посмотрите, говоритъ историкъ, на этотъ жестоковидный народъ: какой у него дерзкій и надменный видъ, выбритый подбородокъ, жадная къ убійству рука, раздувающіяся ноздри, раскрытые широко глаза, ненасытныя челюсти, быстрая и отрывистая рѣчь». Выраженный здѣсь взглядъ на «латинянина» или «франка» находитъ себѣ выраженіе и въ искусствѣ. Такъ, въ иллюстрированной библии Константинопольской серальской

...когда стана...
...миссия

¹⁾ Cinnami, Histor. VI. 2 (p. 252).

библіотеки художникъ придавъ указанныя черты западнымъ народамъ въ той миниатюрѣ, которая изображаетъ типы людей послѣ потопа.

Комнины открыли широкой доступъ въ имперію и въ высшее служилое сословіе западнымъ пришельцамъ и въ то же время воспринимали латинскія учрежденія, перенимали чуждые обычаи и охотно женились на иностранкахъ: нѣмкахъ, французенкахъ и венгеркахъ, которыя привозили съ собой родственниковъ, часто остававшихся на службѣ въ Константинополѣ и входившихъ въ составъ придворной и служилой аристократіи. Образование въ Сиріи и Палестинѣ латинскихъ владѣній вслѣдствіе большихъ крестовыхъ движеній XII вѣка неизбѣжно ставило византійцевъ въ непосредственныя отношенія къ французамъ, итальянцамъ и нѣмцамъ и способствовало проникновенію въ Константинополь и большіе города имперіи западныхъ модъ, обычаевъ и взглядовъ и неудержимо воздѣйствовало на измѣненіе строя государства и настроеній высшаго общества, подготавливая шатаніе консервативныхъ устоевъ Византіи. Стоить напомнить хотя бы блестящаго представителя семьи Комниновъ Андроника, занимавшаго престолъ по смерти Мануила, его похождения при дворахъ христіанскихъ владѣтелей Сиріи и Палестины, его близкія знакомства съ мусульманскими эмирами, гдѣ онъ былъ почти всегда желаннымъ гостемъ. Андроникъ столько же отличался приверженностью къ западнымъ обычаямъ, любилъ турниры и рыцарскія состязанія, какъ и Мануилъ, хотя между ними была громадная разность по политическимъ воззрѣніямъ. Еще болѣе новая струя западныхъ идей вливалась въ консервативную Византію при посредствѣ итальянцевъ, главнѣйше венеціанцевъ, которые, вслѣдствіе торговыхъ привилегій, уступленныхъ имъ царями, занимали въ Константинополѣ исключительное положеніе, жили въ особомъ кварталѣ и пользовались большимъ вліяніемъ среди высшихъ круговъ населенія. Со времени Алексѣя Комнина венеціанцы сдѣлались охраной имперіи и служили ей своимъ флотомъ.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ воздѣйствій западной культуры на византійское государство было перенесеніе въ восточную имперію феодальнаго строя. Новѣйшій историкъ средневѣковой

Греція аеинскій профессоръ Ламбросъ ¹⁾ приписываетъ этому расчлененіе имперіи, послѣдовавшее въ концѣ XII и началѣ XIII в.в.

Населеніе столицы, а частію и всей имперіи, представляло смѣсь народовъ разнаго происхожденія. Въ политикѣ императоровъ XII в. господствуетъ обычай раздавать пустопорожнія земли и цѣлыя области иностранцамъ, переводить и водворять военноплѣнныхъ главнѣйше на окраинахъ, на востокъ и западъ. Эта помѣсь въ особенности была замѣтна въ столицѣ. Множество торговыхъ людей всякаго рода являлось въ Царьградѣ для купли и продажи; имперія подвергалась многообразному и систематическому воздѣйствію со стороны сосѣдей, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Никита Акоминатъ весьма рельефно выставляетъ чрезмѣрное вліяніе иностранцевъ въ имперіи. «А какъ царь легко отдавался въ руки постельничимъ и евнухамъ, а равно слугамъ изъ иноземныхъ народовъ, полуварваровъ, у которыхъ слюна брызжетъ изо рта прежде, чѣмъ послышится слово, то и этихъ людей онъ дѣлалъ богачами, такъ что они владѣли такими сокровищами, какъ вельможи. Совершенно полагаясь на нихъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ и преданныхъ слугъ, онъ не только поручалъ имъ важнѣйшія должности, но и ввѣрялъ судебныя дѣла, въ которыхъ не всегда могутъ разобраться и опытные законовѣды. Если нужно было въ провинціи произвести перепись, такого рода люди предпочитались своимъ. Когда же ему давали въ помощь благороднаго грека, то лишь съ той цѣлью, чтобы онъ дѣлалъ перепись и обозначалъ предметы, подлежащіе обложенію, а варваръ былъ главнымъ распорядителемъ сбора и прикладывалъ печать къ мѣшкамъ, которые слѣдовало доставить царю. Подозрѣвая и удаляя отъ себя ромеевъ, какъ воровъ, онъ очастливливалъ корыстолюбивыхъ варваровъ и благодѣтельствовалъ жалкимъ и презрѣннымъ людямъ, а въ туземцахъ вмѣсто честности и вѣрности возбуждалъ противоположныя чувства. Ромѣи понимали, что царь имъ не довѣрялъ, и дѣлали только то, что имъ приказано». Въ другой главѣ у того же писателя находимъ нѣсколько пикантныхъ мѣстъ о внутренней правительственной системѣ. «Принято за правило давать жалованье на содер-

¹⁾ Ламбросъ, 'Ιστορία τῆς Ἑλλάδος VI. 143.

жаніе военнымъ людямъ и дѣлать имъ частые смотры, чтобы видѣть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли они надлежащимъ образомъ о лошадяхъ... Но этотъ царь всѣ деньги, какія должны были идти на содержаніе воиновъ, собиралъ въ свою казну, голодъ же войска врачевалъ такъ называемыми пожалованіями париковъ ¹⁾, на самомъ же дѣлѣ злоупотребляя мѣрой, изобрѣтенной прежними царями и примѣняемой въ исключительныхъ случаяхъ за особенныя военныя заслуги. При такомъ порядкѣ вещей лучшіе воины утратили соревнованіе въ опасностяхъ, ибо то, что побуждало ихъ выказывать воинскую доблесть, не было уже, какъ прежде, чѣмъ-то особеннымъ, а сдѣлалось доступнымъ всѣмъ. И сельскіе жители, имѣвшіе прежде въ казенномъ вѣдомствѣ своего господина, стали испытывать величайшія страданія отъ ненасытной жадности солдатъ. Тогда всякій получалъ право набирать военный отрядъ и записывать въ военную службу. Тогда портные, бросивъ свое ремесло, конюхи, кирпичники и кузнецы приходили къ вербовщикамъ и за персидскаго коня или нѣсколько золотыхъ монетъ безъ испытанія зачислялись въ стратіотскіе списки и немедленно снабжались царскими грамотами, которыми за ними записывались участки хорошей земли и плодородныя нивы вмѣстѣ съ ромѣйскимъ населеніемъ, обязаннымъ имъ службой. Бывало, почтенной наружности грекъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, вносили подать негодному полуварвару, между тѣмъ какъ имѣлъ передъ нимъ такія преимущества, что казался Ахилломъ по сравненію съ нимъ. Соответственно такому безпорядочному положенію въ военной системѣ испытывали крайнія бѣдствія наши провинціи: однѣ изъ нихъ на нашихъ глазахъ подвергались грабительскимъ набѣгамъ чужеземцевъ и поступали въ ихъ владѣніе, другія же, словно вражеская земля, терпѣли всяческія бѣдствія отъ нашихъ собственныхъ начальниковъ» ²⁾.

Въ приведенныхъ мѣстахъ лучшаго историка описываемой эпохи обращаютъ на себя вниманіе намеки на внутреннюю административную систему и на военный строй при Мануилѣ. Можно пожалѣть, что писатель ограничился только намеками въ такой

¹⁾ Nicetas, p. 272, *ἵατο τὸ δίφρον τῶν στρατιωτῶν ταῖς λεγομέναις παρῶικων ἀρσαῖς.*

²⁾ Nicetas, VII c. 4 (p. 273—4).

важной области, которая, дѣйствительно, обусловливала и подготовляла наступившую послѣ Мануила реакцію и въ которой надо полагать разгадку разгрома и распадения имперіи при императорахъ изъ дома Ангеловъ. Для читателя, имѣющаго достаточныя средства оцѣнить внѣшнія дѣла Мануила, подкупающія показнымъ блескомъ, и его сношенія съ разными европейскими и азіатскими дворами, сопровождавшіяся брачными союзами и пышными приемами въ Константинополѣ многихъ коронованныхъ особъ и принцевъ, можетъ показаться нѣсколько неожиданнымъ прямой переходъ къ развалу имперіи, къ распаденію ея на мелкіе куски. Никита Акоминать, котораго не ослѣпилъ блескъ царствованія Мануила, даетъ намъ ключъ если не къ полному объясненію проблемы, то по крайней мѣрѣ къ постановкѣ нѣкоторыхъ частей ея. Нельзя, конечно, не остановить вниманія на слишкомъ сильномъ проникновеніи иностранцевъ, захватившихъ много мѣстъ въ военной и гражданской администраціи. Но историкъ не останавливается ни на одномъ конкретномъ фактѣ и не позволяетъ провѣрить сдѣланныхъ имъ обобщеній, между тѣмъ никто не могъ бы такъ точно изобразить положеніе дѣла, какъ Никита Акоминать. Ясное дѣло, что ослабѣла творческая сила въ самой господствующей въ имперіи націи; и прежде греки не отличались большой силой ассимиляціи подчиненныхъ или сосѣднихъ племенъ, а теперь, когда само правительство слишкомъ много чуждыхъ элементовъ восприняло въ свою среду, національныя эллинскія тенденціи по необходимости уступали мѣсто попеременно получавшимъ преобладаніе чуждымъ направленіямъ: итальянскому, армянскому, турецкому и, наконецъ, іерусалимско-антіохійскому.

Вопросъ объ иноземныхъ вліяніяхъ—далеко не праздный, и съ нимъ нужно считаться тому правительству, которое хочетъ жить не интересами только нынѣшняго дня. Въ концѣ XII в. греки значительно утратили въ своей способности вліять на сосѣдей и ассимилировать ихъ. Весьма вѣроятно, что потери на окраинахъ какъ въ Азіи, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ, по необходимости должны были вызвать духъ индифферентизма въ мѣстныхъ интеллигентныхъ кругахъ, каковой подготовлялъ легкую готовность подчиниться чуждой власти.

Возвращаясь къ приведенному мѣсту Никиты Акомината мы находимъ у него указанія на дѣйствительныя мѣропріятія

правительства, касающіяся военной системы. Если мы правильно понимаемъ намекъ, то онъ приводитъ къ обнаруженію въ византийскомъ государствѣ началъ феодализма въ первичной стадіи его развитія. Такъ какъ рыцарскія склонности къ войнѣ, любовь къ турнирамъ и къ обществу латинскихъ рыцарей слишкомъ ясно отмѣчаются на всемъ протяженіи царствованія Мануила, то мысль о феодализмѣ всего ближе подходила бы къ указанной обстановкѣ. Самый важный для насъ намекъ Никиты заключается въ выраженіи: *голодъ войска врачевалъ пожаловаціями париковъ*. Смыслъ этого выраженія тотъ, что военная система при Мануилѣ основывалась на началѣ пожалованій земельными участками, населенными париками, т. е. крестьянами, сидящими на чужой землѣ. Но что обращаетъ на себя вниманіе, это то, что отмѣчаемый писателемъ порядокъ начинается гораздо раньше Мануила. Такъ называемая пронія или пожалованіе служилымъ людямъ населенныхъ земель и другихъ доходныхъ статей впервые становится извѣстной въ XI вѣкѣ. При Мануилѣ построеніе земельныхъ отношеній на системѣ проніи и зависимости земледѣльческаго класса можетъ считаться уже вполне законченнымъ и проведеннымъ во всѣхъ областяхъ. Любопытно, что когда латинскіе рыцари IV крестоваго похода начали организовать свои новыя владѣнія, въ большинствѣ случаевъ они воспользовались практикой, установившейся при Комнинахъ ¹⁾.

Наканунѣ IV крестоваго похода центральное правительство несмотря на кажущуюся силу, было весьма слабо, такъ какъ въ провинціяхъ нарождались мѣстныя политическія силы, къ которымъ тянуло населеніе. Въ той части имперіи, которая послѣ латинскаго завоеванія осталась подъ властью царей, пронія является государственнымъ учрежденіемъ, которымъ закрѣпляется за правительствомъ крестьянское населеніе. Межевыя описи, дарственныя и запродажныя грамоты и судебныя акты свидѣлствуютъ о помѣщичьей и феодальной роли въ сельскомъ быту мѣстнаго проніара ²⁾.

¹⁾ Tafel und Thomaе, Urkunden II. p. 57. Omnes-debemus in suo statu tenere, nichil ab aliquo amplius exigentes, quam quod facere consueverant temporibus graecorum imperatorum.

²⁾ Подробности въ статьѣ Э. Успенскаго «Значеніе пронія» въ Сборникѣ въ честь В. И. Ламанскаго. СПб. 1883.

Намѣченный порядокъ вещей не зависѣлъ, впрочемъ, отъ выбора Комниновъ, онъ готовился постепенно вслѣдствіе того историческаго процесса, который происходилъ въ это время на западъ и отъ котораго Византийская имперія, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ южной Италіей, не могла остаться въ сторонѣ. Что касается реформъ въ военномъ дѣлѣ, онѣ вызывались крайне настоятельной необходимостью: азіатскія еемы перестали доставлять имперіи нужныхъ для военной службы людей, такъ какъ турки-сельджуки овладѣли почти всей Малой Азіей; европейскія еемы не въ состояніи были удовлетворять требованіямъ правительства Комниновъ вслѣдствіе неспокойнаго положенія въ Болгаріи и почти непрерывныхъ войнъ на границѣ съ Сербіей и Угріей.

Вотъ почему Евставій Солунскій и ставитъ въ особенную похвалу Мануилу привлеченіе на службу имперіи иноземцевъ. «Заботливость поистинѣ царская не только сохранять подвластные народы, но и приумножать ихъ число. Покваляемый нынѣ превзошелъ всѣхъ, доселѣ царствовавшихъ». Хотя трудно было нанятыми или союзными военными отрядами удовлетворять недостатокъ военныхъ людей, и хотя Мануиль ввелъ въ военное сословіе военноплѣнныхъ и выкупленныхъ на свободу рабовъ, но въ общемъ при немъ войско приняло характеръ не національный, а это угрожало вредными послѣдствіями, противъ которыхъ еще въ V вѣкѣ предупреждали императоровъ патристическіе писатели.

Такова эпоха иностраннаго засилья наканунѣ завоеванія имперіи крестоносцами IV похода.

Θ. Успенскій.

ОТДѢЛЪ I.

Древнеболгарская энциклопедія X вѣка.

Къ наименѣе изслѣдованнымъ въ ихъ литературной исторіи памятникамъ древней Руси должно отнести такъ называемый Еллинскій и Римскій лѣтописецъ, который сокращенно называютъ Еллинскимъ лѣтописцемъ. Насколько я знаю, объ этомъ памятникѣ, послѣ Обзора хронографовъ русской редакціи А. Н. Попова (вып. 1-й, М. 1866), было высказано самимъ Поповымъ, а также нѣкоторыми другими изслѣдователями лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній, которыя, однако, въ значительной степени измѣнили выводы, находящіеся въ только что названномъ трудѣ.

Въ 1866 году Поповъ шесть извѣстныхъ ему списковъ Еллинскаго лѣтописца раздѣлилъ на двѣ редакціи: первую — древнѣйшую онъ призналъ памятникомъ XV в. (ср. Предисловіе, с. II) и отнесъ къ ней списки Синод. библ. № 280 (нач. XVI в.) и Погод. № 1437 (XVI в.); вторая редакція представляетъ, по его мнѣнію, передѣлку 1-й, относится къ XVI-му вѣку (тамъ же, ср. также вып. 2-й, с. 17) и обнимаетъ списки: Толст. собр. № 319 (конца XVI в.), Новгород.-Соф. № 1520 (XVI в.), наконецъ, Кириллобѣлоз. № 1 (XVI в.) и служащій продолженіемъ его Синод. № 86 (XVI в.). Подробное изслѣдованіе взаимныхъ отношеній обѣихъ редакцій Еллинскаго лѣтописца привело рядъ доказательствъ въ пользу того, что въ основаніе 2-й редакціи его положена 1-я; всѣ отличія позднѣйшей редакціи объяснены авторомъ Обзора тѣмъ, что составитель ея воспользовался цѣлымъ рядомъ новыхъ источниковъ, частью неизвѣстныхъ, а частью недостаточно исчерпанныхъ первою редакціей. Особенно широко пользовался этотъ составитель хроникой Амартола и частью дополнялъ, частью же замѣнялъ отрывками изъ нея текстъ Малалы, господствующей

щій въ 1-й редакціи. Вся первая часть этой первоначальной редакціи, «наполненная греческими мифами и баснями, подверглась исключенію и замѣнѣ библейскими книгами» (вып. 1-й, стр. 73).

Открытіе двухъ новыхъ списковъ Еллинскаго лѣтописца въ значительной степени измѣнило приведенные выводы. Во 1-хъ, въ Каталогѣ славяно-русскихъ рукописей Д. В. Пискарева ¹⁾ (М. 1871) появилось описаніе, составленное А. Е. Викторовымъ, рукописи 1485 г., которая оказалась спискомъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, въ значительной, впрочемъ, степени отличающимся въ своемъ началѣ отъ того единственнаго списка этой редакціи, который сохранилъ первую часть Еллинскаго лѣтописца, т. е. отъ Кириллобѣлоз. № 1 ²⁾. Въ заключеніи своего описанія А. Е. Викторъ говоритъ: «Есть даже причины думать, что эта редакція (т. е. рукопись 1485 г.) появилась ранѣе такъ называемаго Еллинскаго лѣтописца (т. е. 1-й его редакціи), и слѣдовательно, представляетъ, можетъ быть, первую самостоятельную на славянскомъ языкѣ попытку составить выборку всемірно-историческихъ разсказовъ изъ бывшихъ доступными собирателю источниковъ».

Во 2-хъ, въ бумагахъ покойнаго А. Н. Попова нашлось описаніе рукописи XV в. Чудовскаго монастыря за № ⁵¹/₂₅₃. Изъ этого описанія, обнародованнаго М. Н. Сперанскимъ въ Библиографическихъ Матеріалахъ, собр. А. Н. Поповымъ (Чт. Общ. ист. и др. росс. 1889 г., кн. III), видно, что названная рукопись, «по палеографическимъ признакамъ писанная въ половинѣ XV вѣка», признана ученымъ изслѣдователемъ за Еллинскій лѣтописецъ. Редакція этого памятника по Чудовскому списку въ значительной степени отличается отъ всѣхъ другихъ списковъ: но въ существенныхъ чертахъ она сходится съ такъ называемою 2-ю редакціей Еллинскаго лѣтописца. Вотъ почему Поповъ, замѣтивъ нѣсколько особенностей, сближающихъ Чудовской списокъ съ 1-ю редакціей, призналъ его древнимъ видомъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца. Въ виду времени написанія Чудовскаго списка, происхожденіе 2-й редакціи должно быть изъ XVI в. перенесено къ половинѣ XV вѣка. «Такимъ образомъ, продолжаетъ изслѣдователь, вторая редакція сохранилась въ списокѣ старѣйшемъ, чѣмъ

1) Рукописи эти поступили въ Руяницовскій музей.

2) Списки Синод. № 86, Толст. № 319, Новг.-Соф. № 1520 начинаются съ Александра, при чемъ только въ Толст. сп. сохранились отрывки предшествующихъ статей (видѣнія Даніила прор.).

первая. Но отсюда ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать, чтобы редакция эта была старѣе, т. е. была не второю, а первою». Главнымъ основаніемъ, почему 1-я редакция признается древнѣе 2-й, является Поповымъ то, что текстъ Малалы во 2-й редакціи кратче, чѣмъ въ 1-й. Возражая противъ приведенныхъ выше словъ Виктора (ср. соображеніе Сперанскаго въ Поправкѣ къ описанію Попова, Библ. мат. 1882 г., с. 61), Поповъ указываетъ, что въ Пискаревск. сп. 1485 г. все начало взято изъ Амартола, и выводитъ отсюда, что Синод. № 280 и Чудовской списки не могли произойти изъ Пискаревскаго (такъ какъ въ нихъ начало составлено преимущественно по Иоанну Малалѣ).

«Если мы ограничимся однимъ Иоанномъ Аятіохійскимъ Малалюю, продолжаетъ Поповъ, то изъ сличенія оказывается, что Чудовская рукопись могла быть составлена по 1-й ред., но ни въ какомъ случаѣ изъ Чудовской рукописи не могла произойти 1-я редакция». И такъ, выводъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ редакцій, высказанный въ 1866 г., кажется Поповымъ не опровергнутымъ обоими вновь найденными списками: но одинъ изъ нихъ—Чудовской—оказывается по составу своему промежуточнымъ между списками 1-й и 2-й редакцій, почему онъ и признается имъ древнѣйшимъ видомъ 2-й редакціи.

Истрия въ своей Александріи русскихъ хронографовъ (М. 1893) долженъ былъ коснуться литературной исторіи обѣихъ редакцій Еллинскаго лѣтописца: въ своихъ замѣчаніяхъ онъ слѣдуетъ вполне выводамъ Попова, высказаннымъ въ Обзорѣ хронографовъ и въ посмертномъ изданіи его описанія хронографовъ Чудовскаго монастыря. Первая редакция Еллинскаго лѣтописца возникла, по его мнѣнію, въ XIV—XV в. (с. 128), а вторая произошла изъ первой путемъ чисто механической работы не позже половины XV в. Истрия указываетъ десять дополнительныхъ источниковъ, откуда редакторъ вставилъ въ свой оригиналъ (т. е. въ 1-ю редакцію Еллинскаго лѣтописца) болѣе или менѣе обширныя статьи, не подвергая труда своего предшественника внутренней переработкѣ (с. 241—243). Въ виду этихъ соображеній, онъ признаетъ, вопреки Попову, что вторая редакция Александрии (читаемая во 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца) составлена не собирателемъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, а другимъ лицомъ, переработавшимъ въ XIV—XV в. (с. 214, прим.) первую редакцію Александрии, извлеченную изъ первой редакціи Еллинскаго лѣтописца. Слѣдовательно, вторая редакция Александрии найдена уже готовою

составителемъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, замѣнившимъ ея Александрію своего оригинала (т. е. 1-й ред. Еллинск. лѣт.).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ списковъ и редакцій Еллинскаго лѣтописца, я хочу обратить вниманіе на нѣкоторыя слабыя стороны въ выводахъ Попова и Истрина.

1) Относя Еллинскій лѣтописецъ 1-й редакціи къ XV вѣку, Поповъ въ 1866 году руководствовался, кажется; только тѣмъ соображеніемъ, что эта хронографическая компиляція древнѣе Хронографа редакціи 1512 года; относя эту редакцію къ XIV—XV в., Истринъ, очевидно, имѣлъ въ виду бѣольшую древность ея сравнительно со 2-ю редакціей Еллинскаго лѣтописца, извѣстною по спискамъ XV в.; относя эту 2-ю редакцію къ XV вѣку, и Поповъ и Истринъ основывались только на времени написанія списковъ этой редакціи, при чемъ древнѣйшій списокъ — Чудовской восходитъ къ половинѣ XV вѣка. Врядъ ли можно признать правильнымъ такой пріемъ изслѣдованія времени происхожденія памятника: онъ опредѣляетъ лишь тѣ крайніе предѣлы, *позже* которыхъ не можетъ быть допущено появленіе памятника, нисколько не заботясь о тѣхъ предѣлахъ, *раньше* которыхъ онъ не могъ возникнуть. Ни Поповъ, ни Истринъ не указали основаній, почему 2-ю редакцію Еллинскаго лѣтописца нельзя было бы отнести къ XIII или XIV вѣку, а 1-ю редакцію къ XI или XII в. Внутреннихъ основаній противъ отнесенія 1-й редакціи Еллинскаго лѣтописца къ XI или даже къ X-му вѣку мы, дѣйствительно, не находимъ, почему и останавливаемся съ недоумѣніемъ передъ выводомъ, относящимъ этотъ памятникъ къ XV или къ XIV вѣку. Что касается 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, то составъ ея прямо указываетъ на то, что она не могла появиться ранѣе XIII вѣка, такъ какъ во всѣхъ спискахъ ея содержится повѣсть о взятіи крестоносцами Царяграда, возникшая не ранѣе 1204 года. Извѣстные намъ списки этой редакціи, въ отношеніи къ послѣднимъ статьямъ ея, можно раздѣлить на два разряда: къ первому относится Чудовской списокъ, оканчивающійся названною повѣстью и представляющій передъ нею перечень византійскихъ императоровъ до Алексѣя Дуки Мурцуфла, ко второму — относятся списки Пискаревскій и Синодальный № 86, продолжающіе текстъ Еллинскаго лѣтописца внесеніемъ въ него (за повѣстью о взятіи Царяграда): 1) перечня византійскихъ императоровъ отъ Алексѣя Ангела до Мануила Палеолога, 2) повѣсти о Козаринѣ и его женѣ. Въ обоихъ спискахъ перечень императоровъ оканчивается словами: «мануилъ палео-

логъ сынъ его (т. е. Иоанна) лѣто православенъ». Не имѣемъ ли мы въ этомъ обстоятельстве указаніе на то, что общій оригиналъ списковъ Пискаревскаго и Синодальнаго № 86 составленъ во второй годъ царствованія Мануила Палеолога, т. е. въ 1392 году? Подтвержденіемъ такого предположенія можетъ служить то, что въ Пискаревскомъ спискѣ въ помѣщенномъ за Еллинскимъ лѣтописцемъ перечнѣ византийскихъ императоровъ, послѣднимъ названъ также Мануиль, который «начать цесарствовать в лѣто 6899». И такъ, протографъ списковъ второго разряда можно относить къ 1392-му году, а протографъ перваго разряда (Чудовскаго списка), гдѣ перечень императоровъ доходитъ до Алексѣя V (1204 г.), къ XIII-му вѣку. Устраняя такимъ образомъ какія бы то ни было хронологическія грани для возникновенія Еллинскаго лѣтописца (въ древнѣйшей его редакціи) старше XIII вѣка, мы можемъ разсматривать отдѣльныя его редакціи какъ памятники первыхъ вѣковъ нашей письменности, тѣмъ болѣе, что рѣшительно не видимъ основаній думать, почему въ XIV или XV вв. подобная хронологическая компиляція могла возникнуть у насъ на Руси легче, чѣмъ въ XI—XII вв.

2) Ни Поповъ, ни Истринъ не дали точнаго опредѣленія, какой же именно памятникъ слѣдуетъ назвать 2-ю редакціей Еллинскаго лѣтописца, каковъ былъ объемъ и составъ этого памятника — протографа дошедшихъ до насъ списковъ. Поповъ призналъ Чудовскій списокъ древнѣйшимъ видомъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца. Слѣдовательно, намъ придется допустить, что первая часть Еллинскаго лѣтописца, точно переданная въ Чудовскомъ спискѣ, замѣнена обширными выписками изъ Амартола составителемъ Пискаревскаго списка, — библейскими книгами составителемъ Кириллоблѣоз.-Синод. списковъ. Но Истринъ, на сс. 241 и 242 Александріи русск. хроногр., замѣну всего начала Еллинскаго лѣтописца (первой редакціи) библейскими книгами относить на счетъ автора второй редакціи Еллинскаго лѣтописца, а не на счетъ составителя одного изъ ея списковъ. При ближайшемъ изученіи отдѣльныхъ списковъ 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца, оказывается, что во всѣхъ нихъ, въ противоположность первой редакціи, находится книга Даніила пророка (съ толкованіями): отсюда, дѣйствительно, можно вывести заключеніе, что составитель второй редакціи имѣлъ въ виду ввести въ составъ Еллинскаго лѣтописца библейскія книги, но остается неяснымъ, почему мы находимъ эти книги только въ одномъ спискѣ этой редакціи, между тѣмъ какъ

остальные списки не только не ввели ихъ въ составъ Еллинскаго лѣтописца, но даже исключили изъ него III и IV книги Царствъ, помѣщенные въ предполагаемомъ оригиналѣ ихъ—первой редакціи Еллинскаго лѣтописца? Находя такимъ образомъ, что самое понятіе о 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца еще не вполне выяснено изслѣдователями, я нахожу, что имъ не слѣдовало спѣшить ни съ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній ея списковъ, ни также съ противопоставленіемъ этой второй редакціи первой. Дѣйствительно, вполне возможно, что памятникъ, къ которому восходятъ всѣ извѣстные намъ списки Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи, долженъ быть поставленъ на ряду съ 1-ю редакціей Еллинскаго лѣтописца и вмѣстѣ съ нею возводиться къ общему оригиналу и источнику, совершенно независимо отразившемуся, съ одной стороны, въ такъ называемой 1-й редакціи, а съ другой, въ такъ называемой 2-й редакціи Еллинскаго лѣтописца. Въ виду этого и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я замѣняю въ дальнѣйшемъ изложеніи слово «редакція» словомъ «видъ» и говорю о первомъ и второмъ видахъ Еллинскаго лѣтописца; вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразуясь съ указанными выше двумя разрядами списковъ Еллинскаго лѣтописца 2-го вида, я говорю объ отдѣльныхъ редакціяхъ этого вида, не предрѣшая при этомъ вопроса о взаимномъ отношеніи ни этихъ редакцій, ни также обоихъ видовъ Еллинскаго лѣтописца.

3) И Поповъ и Истринъ считаютъ возможнымъ появленіе на Руси такихъ новыхъ редакцій какъ компилятивныхъ сочиненій (подобныхъ Еллинскому лѣтописцу), такъ и отдѣльныхъ произведеній (подобныхъ Александри), которыя отличаются отъ редакцій первоначальныхъ рядомъ дополненій и вставокъ, основанныхъ при этомъ не на одномъ и не на двухъ источникахъ, а на цѣломъ десяткѣ и болѣе памятниковъ самаго разнообразнаго содержанія. Такъ, Истринъ насчитываетъ болѣе десяти источниковъ, послужившихъ при передѣлкѣ первой редакціи Еллинскаго лѣтописца во вторую, и въ числѣ ихъ находимъ: Амартола, Меоодія Патарскаго, сказаніе объ отпаденіи латынъ отъ православной вѣры, библейскія книги, русскую лѣтопись и др. На переработку Александри первой редакціи во вторую повліяло, по указанію того же изслѣдователя, болѣе пятнадцати сочиненій, каковы напр. творенія Елифанія Кипрскаго, Физіологъ, Пчела, хроника Малалы, Прологъ и друг. (с. 239). Пользованіе десятью-пятнадцатью источниками при литературной работѣ предполагаетъ, мнѣ кажется, совершенно иную обста-

новку, чѣмъ та, среди которой работалъ русскій книжникъ: врядь ли ему могло быть одновременно доступно такое книжное богатство, а если и было доступно, то врядь ли онъ сумѣлъ бы въ немъ разобратъся и цѣлесообразно употребить обильный и разнородный матеріалъ. Истринь, кажется, предвидѣлъ возможность такого возраженія и, можетъ быть, подъ вліяніемъ этого допустилъ промежуточную редакцію между обѣими редакціями Александріи, извѣстными по Еллинскому лѣтописцу. Но, какъ увидимъ ниже, такое предположеніе почтеннаго пслѣдователя должно быть признано совершенно неудачнымъ: его трудно между прочимъ согласовать и съ тою характеристиккою, которую Истринь даетъ на сс. 239—241 второй редакціи Александріи, называя ее стройнымъ цѣлымъ, свидѣтельствующимъ о начитанности ея редактора и умѣньѣ пользоваться прочитаннымъ.

Въ виду этихъ соображеній, нельзя слѣзпшть съ опредѣленіемъ взаимныхъ отношеній редакцій Еллинскаго лѣтописца и Александріи, признавая болѣе полныя и распространенныя происшедшими изъ болѣе краткихъ; возможно допустить во 1) что обѣ редакціи — краткая и распространенная — восходятъ къ третьей, еще болѣе полной редакціи, во 2) что распространенныя редакціи, напр. такого памятника, какъ Александрія, соединили особенности краткихъ редакцій съ особенностями другихъ редакцій, появившихся въ нашей литературѣ уже въ готовомъ видѣ.

4) Поповъ и Истринь не привлекли при опредѣленіи редакцій Еллинскаго лѣтописца всѣхъ извѣстныхъ списковъ его. Истрину хорошо знакомы рукописи Ундольск. собр. № 1 (гдѣ находится одинъ изъ полнѣйшихъ переводовъ библ. книгъ) и Троице-Сергіев. лавры № 728: на сс. 248—249 Александріи русск. хроногр. онъ подробно говоритъ объ оригинальной редакціи Александріи, находящейся въ обоихъ этихъ спискахъ, а въ приложенномъ къ изслѣдованію изданіи текста онъ печатаетъ главы III, 5 — III, 23 первой редакціи и приводитъ варианты къ Александріи второй редакціи по списку Ундольскаго. При этомъ Истринь не обратилъ вниманія на то, что общій оригиналъ обоихъ указанныхъ списковъ представляется своеобразнымъ изводомъ Еллинскаго лѣтописца. Ниже я помѣщу краткій обзоръ содержанія этого извода, а здѣсь ограничусь указаніемъ на то, что весь (или почти весь) матеріалъ, въ немъ содержащійся (не исключая и библейскихъ книгъ), находится въ различныхъ своеобразныхъ комбинаціяхъ въ отдѣльныхъ спискахъ II вида и въ спискахъ I вида Еллин-

скаго лѣтописца. Въ виду этого, считаю существенно необходимымъ, при изслѣдованіи литературной исторіи Еллинскаго лѣтописца, привлечь къ сравненію съ прочими редакціями и изводами списки Ундольск. № 1 и Троицк. № 728.

Изъ предъидущаго ясно, почему мы должны различать среди многочисленныхъ списковъ интересующаго насъ памятника три главныхъ вида ¹⁾, не стоящихъ при томъ въ прямой другъ отъ друга зависимости. Первый видъ, представленный Синод. № 280 и Погод. № 1437, отличается отъ всѣхъ остальныхъ, какъ совершеннымъ отсутствіемъ русскихъ лѣтописныхъ статей, такъ и тѣмъ, что содержитъ такую редакцію Александріи, гдѣ статья Палладія о Рахманахъ еще не внесена въ текстъ Псевдокалисѳена. Второй видъ отличается внесеніемъ русскихъ лѣтописныхъ статей изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а также присоединеніемъ повѣсти о взятіи Царяграда; Александрія читается здѣсь, сравнительно съ первымъ видомъ, въ значительно распространенной редакціи: сюда относятся списки Чудовской № $51\frac{1}{353}$, Пискаревскій, нынѣ Румянц. музея № 597, Кириллоблзов. № $\frac{1}{6}$ и Синод. № 86, Толст. I № 319 (Публ. библ. F IV № 91) и Новгор.-Соф. № 1520. Третій видъ содержитъ лишь двѣ небольшія лѣтописныя замѣтки о русскихъ событіяхъ въ самомъ концѣ памятника, а текстъ Александріи въ первой половинѣ ея сходится съ текстомъ второго вида, во второй же половинѣ съ текстомъ перваго вида. Сюда относятся списки Ундольск. № 1 и Троицк. № 728.

Разсмотрю отдѣльно нѣкоторыя изъ особенностей каждаго изъ этихъ трехъ видовъ и попытаюсь опредѣлить взаимныя отношенія многочисленныхъ списковъ второго вида.

I. Первый видъ Еллинскаго лѣтописца ²⁾ останавливаетъ вниманіе изслѣдователя прежде всего несоотвѣтствіемъ заглавія памятника его содержанію. Въ заглавіи, напечатанномъ въ 1-мъ вып. Обзора хроногр. русск. ред. (с. 3—4), указывается, что въ составъ памятника входятъ заимствованія изъ книгъ Ездры, Есѳири (Истирии), Пѣсни Пѣсней (отъ азматъ азматскихъ); между тѣмъ ни эти книги, ни заим-

1) О четвертомъ видѣ, скажу ниже.

2) Изъ двухъ списковъ этого вида полонъ только Синод. № 280, а Погод. № 1437 доходитъ только до смерти имп. Максиміана (включительно).

ствованія изъ нихъ не вошли въ этотъ видъ Еллинскаго лѣтописца. Кромѣ того, здѣсь же указано на то, что въ эту компиляцію входятъ заимствованія изъ всѣхъ четырехъ книгъ Царствъ (отъ четырехъ царствий): между тѣмъ, въ спискахъ Синод. № 280 и Погод. № 1437 сохранились только часть III книги и вся IV книга Царствъ. Уже это обстоятельство, т. е. внесеніе въ памятникъ не всего Тетровасиліона, а лишь части его, даетъ основаніе предполагать, что въ первомъ видѣ Еллинскаго лѣтописца мы имѣемъ дѣло съ сокращеніемъ, выборкой изъ памятника, болѣе обширнаго и цѣльнаго по своему объему: въ оригиналѣ Еллинскаго лѣтописца читался полный Тетровасиліонъ, въ немъ находились книги Ездры, Есѣири и Пѣсни Пѣсней. Если же мы вспомнимъ, что эти книги вошли въ составъ нѣкоторыхъ списковъ II вида и списковъ III вида Еллинскаго лѣтописца (кромѣ книги Ездры), то предположеніе наше окажется обоснованнымъ и съ другой стороны. Вотъ почему съ самаго начала должна быть отвергнута мысль, будто списки I вида представляютъ древнѣйшую, первоначальную редакцію Еллинскаго лѣтописца, которая лежитъ въ основаніи остальныхъ списковъ его. Я не стану останавливаться на обзорѣ содержанія I вида Еллинскаго лѣтописца, такъ какъ онъ достаточно изслѣдованъ Поповымъ (вып. 1-й, с. 3—72). Напомню только, что непосредственно за IV книгою Царствъ помѣщена вставка, представляющая изъ себя хронологическій перечень болгарскихъ князей съ древнѣйшаго времени до Умара: эта статья является весьма вѣскимъ доказательствомъ въ пользу болгарскаго происхожденія первоначальной, до насъ не дошедшей редакціи Еллинскаго лѣтописца.

II. Списки второго вида Еллинскаго лѣтописца несомнѣнно предполагаютъ одинъ общій для всѣхъ нихъ оригиналъ: дѣйствительно, отличаясь между собою только въ начальныхъ частяхъ своихъ, они почти тождественны между собою, начиная съ книги пророка Давида. Но такимъ оригиналомъ не могъ быть Чудовской списокъ, какъ это думалъ Поповъ, не могъ уже по той простой причинѣ, что совокупныя указанія Кириллобѣлоз. сп. № 1 и списковъ III вида, равно какъ приведенныя выше данныя списковъ I вида, заставляютъ предполагать, что библейскія книги (которыхъ нѣтъ въ Чудовскомъ списокѣ) находились какъ въ первоначальной редакціи Еллинскаго лѣтописца, такъ и въ основномъ для списковъ II вида оригиналѣ. Въ виду того, что списки Чудовской, Синод. № 86, Кириллобѣлоз. № 1, Толст. I № 319 и Новгор.-Соф. № 1520 подробно описаны Поповымъ (въ

Библиогр. мат. и въ 1-мъ вып. Обзора хроногр.), я не стану останавливаться на обзорѣ ихъ состава¹⁾. Скажу лишь нѣсколько словъ о менѣ извѣстномъ спискѣ Пискаревскомъ 1485 года, съ которымъ я познакомился сначала поверхностно, а потомъ обстоятельно, благодаря подробному описанію его, любезно сообщенному мнѣ В. К. Поржезинскимъ. Первая часть Еллинскаго лѣтописца, занятая въ Кириллобѣлоз. № 1 библейскими книгами, замѣнена здѣсь текстомъ Амартола и содержитъ первыя 87 главъ (по счету греч. изданія Муральта), включительно до статьи о царствіи Осія. Съ 98-го листа начинаются видѣнія пророка Даниила (сѣго прѣрка даиіла ѡ сусанѣ. и ина прѣрчства его), причѣмъ отсюда начинается почти полное сходство Пискаревскаго списка съ Кириллобѣлоз. № 1 и Синод. № 86; онъ оканчивается, такъ же какъ Синод. № 86, перечнемъ византійскихъ императоровъ, доведеннымъ до Мануила Палеолога, и повѣстью о Козаринѣ и женѣ его. — Сравнительное изученіе списковъ II вида Еллинскаго лѣтописца приводитъ изслѣдователя къ двумъ различнымъ по времени редакціямъ: одна редакція болѣе древняя — судя по тому, что перечень императоровъ доведенъ въ ней только до начала XIII вѣка — представлена Чудовскимъ спискомъ; другая болѣе поздняя возникла въ 1392 году, на второй годъ царствованія Мануила: она представлена Кириллобѣлоз. № 1 и составляющимъ его продолженіемъ Синод. № 86, а также Пискаревскимъ спискомъ²⁾. Протографъ этой второй редакціи содержалъ библейскія книги, какъ это ясно изъ приведенныхъ выше соображеній; слѣдовательно, замѣна библейскихъ

1) Отмѣчу только, что Поповъ упустилъ изъ виду, что въ Кириллобѣлоз. спискѣ за IV книгой Царствъ помѣщена книга Есеиръ (лл. 758—770) въ древнемъ переводѣ, содержавшемъ девять первыхъ главъ и начало десятой главы. Въ числѣ русскихъ дополненій Поповымъ не отмѣчено, что въ Толст. I № 319 турки Амартола, въ разказѣ его о нападеніи ихъ (т. е. угровъ) на византійскую имперію въ 934 г. (ed. Mignault, p. 840), приняты за русскихъ, вслѣдствіе чего здѣсь повѣствуется о первой войнѣ Игоревой на греки апрѣля мѣсяца индикта 7-го. Въ связи съ этимъ, изъ Чудовскомъ сп. и въ Синод. № 86 второй походъ Игоря (о которомъ говоритъ подъ 943-мъ г. Пов. вр. лѣтъ) относится къ апрѣлю мѣсяцу, но не 7-го индикта (т. е. не 934 г.), а 1-го (т. е. 943 г.). Кромѣ того, имъ не отмѣчено, что въ Чудовскомъ спискѣ, вопреки Синодальному сп. № 86, читается о призваніи Рюрика.

2) Неясно, относятся ли къ этой же редакціи Толст. I № 319 и Новгор.-Соф. № 1520, т. к., во-первыхъ, они частью не содержатъ (№ 1520), частью не сохранили (№ 319) начала памятки, а, во-вторыхъ, частью не содержатъ (№ 1520), частью же не сохранили (№ 319) послѣднихъ статей его. Новгор.-Соф. № 1520 начинается съ Александрія и оканчивается царствованіемъ Тита, а Толст. I № 319, начинаясь отрывкомъ изъ видѣній Даниила, утративъ послѣдніе листы, гдѣ помѣщены были русскія дополненія.

книгъ хроникой Амартола принадлежитъ редактору Пискаревскаго списка. Но тѣ же библейскія книги входили въ составъ протографа обѣихъ редакцій — XIII в. и 1392 г., слѣдовательно, замѣна ихъ заимствованіями изъ Іоанна Малалы и апокрифическихъ сказаній принадлежитъ редактору Чудовскаго списка. Но отсюда неминуемо слѣдуетъ, что уже въ протографѣ II вида Еллинскаго лѣтописца было дано основаніе для замѣны послѣдующими редакціями библейскихъ книгъ, съ одной стороны, отрывками изъ Малалы, а съ другой — хроникой Амартола. Не слѣдуетъ ли признать такимъ основаніемъ то обстоятельство, что въ этомъ протографѣ могли находиться не только библейскія книги, но и хроника Амартола и отрывки изъ Малалы? Послѣдующимъ редакторамъ предоставлялось выбрать, для помѣщенія въ начало памятника, тѣ или другія или, наконецъ, третьи статьи и книги. Редакторъ Чудовскаго списка выбралъ ту часть своего оригинала, гдѣ приводились заимствованія изъ Малалы, въ связи съ вставленными въ статьи этой хроники апокрифическими сказаніями, редакторъ Пискаревскаго списка ограничился внесеніемъ начала хроники Амартола и, наконецъ, редакторъ Кириллобѣлоз. списка предпочелъ остановиться на библейскихъ книгахъ. И такъ, сравнительное изученіе однихъ только списковъ II вида Еллинскаго лѣтописца приводитъ къ предположенію, что протографъ этого вида, а слѣдовательно, вѣроятно, также и первоначальная редакція нашего памятника, содержали рядъ статей и книгъ, отпадавшихъ при составленіи позднѣйшихъ изводовъ; существующіе изводы — это обрывки, осколки той обширной энциклопедіи, каковою мы должны признать первоначальную редакцію Еллинскаго лѣтописца. Въ XIII, и даже позднѣе — въ концѣ XIV вѣка, были еще извѣстны обширные изводы этой энциклопедіи, но до насъ дошли лишь сокращенные списки редакцій XIII в. (Чудовской) и конца XIV в. (Кириллобѣлоз. № 1 — Синод. № 86 и Пискаревскій).

III. Третій видъ Еллинскаго лѣтописца представленъ, какъ мы видѣли, двумя списками — Ундольск. № 1¹⁾ и Троицк. № 728. Оба эти списка восходятъ къ одному общему протографу, полнѣе отразившемуся въ Ундольск. № 1, чѣмъ въ Троицк. № 728. Этотъ послѣдній списокъ во 1) сокращенно передаетъ нѣкоторыя изъ библейскихъ книгъ: такъ, въ немъ IV книга Царствъ приведена только до 24-го стиха XIII главы;

1) Пользуюсь случаемъ поблагодарить А. В. Михайлова за присланное имъ мнѣ описаніе сп. Ундольск. № 1.

такъ, многія мѣста въ книгахъ Царствъ и въ предшествующихъ имъ книгахъ переданы короче, чѣмъ въ полномъ ихъ переводѣ; во 2) онъ вовсе не содержитъ нѣкоторыхъ изъ книгъ, помѣщенныхъ въ сп. Ундольск. № 1, какъ то книги Есѣпри, книгъ Соломоновыхъ (съ толкованіями); въ 3) онъ утратилъ начало, въ которомъ, судя по списку Ундольск. № 1, заключалось Моисеево пятикнижіе: дѣйствительно, Троицк. № 728 начинается съ книги Иисуса Навина (Сі книги Иисуса Навіина). Но и эта книга не сохранилась вполне въ первоначальномъ своемъ видѣ: первые четыре листа рукописи содержатъ текстъ первыхъ шести главъ книги Иисуса Навина (отъ словъ: «И бысть по скончаніи моусѣовѣ раба Господня» и до словъ: «и на меншемъ своемъ поставить и врага его»), тождественный не съ Библіей, а съ Толковой Палеей¹⁾. Очевидно, утрачено было не только пятикнижіе Моисеево, но и начало книги Иисуса Навина (первыя шесть главъ); для возобновленія этого начала, собственнику списка пришлось (еще въ XV в.) прибѣчь къ Толковой Палее, очевидно, по цѣпмѣнію подъ руками текста Библии²⁾. Такимъ образомъ, связь Троицк. № 728 съ Палеей совершенно случайная: она возникла благодаря реставраціи рукописи позднѣйшимъ ея владѣльцемъ.

Конечно, указанная отличія Троицк. № 728 не позволили бы выводить его изъ одного общаго оригинала съ Ундольск. № 1, если бы мы не находили въ обѣихъ рукописяхъ нѣсколько совершенно тождественныхъ между собой частей. Начиная со словъ: «по гофоліи же црѣствова ішасъ. снъ охозинъ сыи лѣтъ кѣ» (Ундольск. № 1, л. 317; Троицк. № 728, л. 254), видимъ здѣсь почти вполне тождественный

1) Ср. соотв. мѣсто Толковой Палеи по сп. 1406 г., изд. учен. Н. С. Тихомирова, столб. 648—662.

2) Надо при этомъ имѣть въ виду, что первые 23 листа рукописи писаны другой рукой и на другой бумагѣ, чѣмъ непосредственно за тѣмъ слѣдующая часть рукописи; имѣя же въ виду, что между концомъ 23-го и началомъ 24-го л. имѣть полнаго соответствія, причемъ тексты ихъ связываются между собой довольно обширною припиской на верхнемъ полѣ 24-го л.,—припиской, принадлежащей той самой рукѣ, которою писаны первые 23 листа рукописи. Слѣдовательно, изслѣдуемый памятникъ утратилъ нѣкогда свое начало; въ серединѣ XV в. лицо, пожелавшее привести его въ должный порядокъ, нашло возможнымъ собрать его листы только съ 24-го листа; нѣкоторые изъ предыдущихъ листовъ сохранились, но, очевидно, они были испорчены, почему могли послужить лишь для возобновленія предшествующаго текста: на сохранившихся листкахъ уцѣлѣлъ текстъ, начинавшійся только съ VII гл. книги Иисуса Навина и кончавшій Суд. III, 29; вслѣдъ за шестью первыми главами, заимствованными изъ Толковой Палеи, списать текстъ сохранившихся листковъ, но онъ не уиѣстился весь на 23 приставныхъ листахъ и часть его (Суд. III, 25—29) должна была перейти на верхнее поле слѣдующаго 24-го листа.

текстъ, обнимающій въ Ундольск. № 1 сто два листа, а въ Троицк. № 728 (до конца рукописи) сто тридцать восемь листовъ. Въ этой части общаго для разсматриваемыхъ списковъ протографа находились: книга Данила съ толкованіями Ипполита (сохранившаяся въ другомъ извлеченіи во II видѣ Еллинскаго лѣтописца)¹⁾; даже Александрія въ весьма оригинальной редакціи, въ первой половинѣ своей (до 21-й главы II-й книги включительно) тождественной со второю редакціею (Елл. лѣтописца II вида), а во второй тождественной съ первою редакціею (Елл. лѣтописца I вида); за Александріей слѣдоваль хронографъ, положившій въ основаніе хронику Амартола, но дополнившій ее выписками изъ другихъ памятниковъ и статей, каковы, напр., апокрифическое Дѣяніе ап. Петра и Павла, обзоръ языческихъ пророчествъ, относящихся ко Христу, рассказъ о семидесяти толковникахъ, о рожденіи Константина Великаго, о построеніи храма св. Софіи и др.²⁾. Этотъ любопытный хронографъ въ обоихъ спискахъ, а, слѣдовательно, и въ протографѣ ихъ, оканчивается двумя дополнительными русскими лѣтописными статьями, а именно, послѣ рассказа о смерти Романа въ 946 году, читаемъ краткія извѣстія о походѣ Олега на Царьградъ и о крещеніи Владимира. Весьма вѣроятно, что этими именно извѣстіями оканчивался общій для Ундольск. № 1 и Троицк. № 728 оригиналъ: это видно, какъ изъ того, что ими оканчивается второй изъ указанныхъ списковъ, такъ и изъ того, что въ первомъ изъ нихъ за этимъ читается слово «аминь», почему слѣдующія за симъ статьи, подробно перечисленныя въ описаніи Викторова, надо признать позднѣйшими дополненіями. — Опредѣляя время возникновенія того общаго оригинала, съ котораго списаны Ундольск. № 1 и Троицк. № 728, мы должны принять во вниманіе, что первый изъ этихъ списковъ, какъ это предполагалъ и Викторовъ, возникъ въ 1423 году³⁾; а второй списокъ, какъ это мнѣ обязательно сообщилъ

1) Въ эту книгу внесены рядъ статей изъ другихъ частей Еллинскаго лѣтописца; между прочимъ здѣсь (Ундольск. № 1, л. 329; Троицк. № 728, л. 274) находится рассказъ о смерти Данила, несходный съ рассказомъ II вида Еллинскаго лѣтописца (ср. Истрингъ, Александрія русск. хроногр.).

2) Любопытно, что Ундольск. № 1 и Троицк. № 728 представляютъ въ этой части своей одинаковыя пропуски, восходящіе, очевидно, къ общему ихъ оригиналу: такой пропускъ находится передъ царствованіемъ Константія Хлора, начинающимся словами: «по диоклитіанѣ и максиміанѣ царствова коста зеленыи», причеиъ выше не читается ни о Діоклитіанѣ, ни о Максиміанѣ.

3) Викторовъ основывался на статьѣ объ избраніи епископовъ, гдѣ приводится 1423-й годъ; можно указать еще и на то, что въ перечнѣ императоровъ послѣднимъ названъ Мануилъ Палеологъ, скончавшійся въ 1425 году.

Н. П. Лихачевъ, по палеографическимъ признакамъ относится къ началу XV вѣка. И такъ, протографъ обоихъ списковъ врядъ ли былъ моложе XIV вѣка; но весьма вѣроятно, что онъ, или вообще первоначальный оригиналъ III вида Еллинскаго лѣтописца, былъ гораздо старше XIV вѣка: я не нахожу затрудненій для того, чтобы возникновеніе его отнести къ первымъ вѣкамъ нашей письменности. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что о походѣ Олега здѣсь говорится послѣ смерти Романа, при чемъ рассказъ вводится словами: «и придоша *по семь* роусь на црѣградъ». Не слѣдуетъ ли отсюда, что русскія событія внесены въ III видъ Еллинскаго лѣтописца изъ такой лѣтописи, въ которой рассказъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей части, не былъ еще разбитъ на года? Еслибы составитель III вида Еллинскаго лѣтописца пользовался Повѣстью временныхъ лѣтъ, гдѣ походъ Олега отнесенъ къ 907 году, онъ не могъ бы помѣстить его послѣ извѣстія 946 года о смерти императора Романа. — Предыдущихъ указаній, думаю, вполне достаточно для признанія общаго оригинала Ундольск. № 1 и Троицк. № 728 однимъ изъ видовъ Еллинскаго лѣтописца: первую часть этого памятника составляютъ библейскія книги, которыя почти всѣ (кромѣ книгъ Соломоновыхъ) читаются и во II видѣ Еллинскаго лѣтописца — почему ихъ необходимо возводить къ первоначальной редакціи этого лѣтописца. Вторую часть составляютъ видѣнія прор. Даниила съ толкованіями Ипполита и внесенными между отдѣльными видѣніями вставками изъ Амартола и другихъ источниковъ: но тѣ же видѣнія и тѣ же вставки находимъ во всѣхъ спискахъ II вида Еллинскаго лѣтописца¹⁾. Въ третьей части нашего памятника находилась Александрія, однородная съ Александрією обѣихъ «редакцій» Еллинскаго лѣтописца: любопытно, что во II видѣ Еллинскаго лѣтописца Александрія, такъ же какъ въ III видѣ, слѣдуетъ за книгой прор. Даниила, но непосредственно ей предшествуютъ выписки изъ Малалы и Амартола (о началѣ Рима), между тѣмъ какъ въ III видѣ тѣ же выписки помѣщены вслѣдъ за Александрією. Наконецъ, въ четвертой части протографа Ундольск. № 1 и Троицк. № 728 историческій рассказъ доведенъ, такъ же какъ въ I видѣ Еллинскаго лѣтописца, до смерти Романа, при чемъ какъ главное осно-

1) Въ III видѣ помѣщены слѣд. главы изъ книги Даниила: II, III, IV, VII, V, IX—XI, XIV; а во II видѣ главы: XIII, I, II, III, IV, V, VII, VIII, VI, X—XI, XIV: очевидно, составители обоихъ видовъ Еллинскаго лѣтописца дѣлали самостоятельно одинъ отъ другого выборку изъ общаго оригинала.

ваніе разсказа (Амартолъ), такъ и вставныя статьи (напр., разсказъ о взятіи Византіи Константиномъ Великимъ, сказаніе о созданіи св. Софіи въ царствованіе Іустиніана и пр.) общи со II видомъ интересующей насъ компиляціи. Въ виду этого, я нахожу, что протографъ Ундольск. № 1 и Троицк. № 728 съ такимъ же правомъ можетъ быть названъ Еллинскимъ лѣтописцемъ, какъ, напр., Погод. № 1437, Чудовской № 51/353 или Кириллобѣл. № 1/6.

IV. Въ видѣ предположенія я допускаю еще четвертый видъ Еллинскаго лѣтописца и отношу къ нему знаменитый хронографъ 1262 года, отразившійся въ двухъ спискахъ XV вѣка—Архива Мин. Иностр. Д. и Виленск. Публ. библ. Подробныя описанія этого хронографа, сдѣланныя кв. Оболенскимъ и затѣмъ Истринымъ, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что почти весь матеріалъ, послужившій при его составленіи, могъ быть извлеченъ изъ того первоначальнаго вида Еллинскаго лѣтописца, существованіе котораго ясно доказывается сравнительнымъ изученіемъ разсмотрѣнныхъ выше трехъ видовъ (изводовъ) этого памятника. Главными источниками хронографа 1262 года были хроника Іоанна Малалы и хроника Георгія Амартола, а также библейскія книги (пятивънѣжіе Моисеево, Іисусъ Навинъ, Судей, Русь, четыре книги Царствъ). Но не тѣ же ли книги составляли содержаніе Еллинскаго лѣтописца? Въ числѣ другихъ источниковъ находимъ: 1) Александрію, но вѣдь мы находимъ ту самую редакцію этого романа, которая читается въ хронографѣ 1262 г., въ I видѣ Еллинскаго лѣтописца; 2) отрывки изъ книги прор. Даніила¹⁾ со вставками изъ Амартола—но тѣ же отрывки и тѣ же вставки читаются во II и III видахъ Еллинскаго лѣтописца; 3) статью Палладія о Рахманахъ, но эта самая статья читается въ I и II видѣ Еллинскаго лѣтописца, при чемъ во II-мъ видѣ она занимаетъ то же мѣсто (въ Александріи), какъ въ хронографѣ 1262 года. Правда, мы не находимъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ Еллинскаго лѣтописца указаній на то, чтобы въ первоначальной редакціи его находились Іудейскія древности Іосифа Флавія²⁾ или Шестодневъ Іоанна экзарха болгарскаго, но съ большою вѣроятностью можно допустить, что составитель хронографа пользовался, кромѣ Еллинскаго лѣтописца, и другими, впрочемъ, весьма немногочисленными источниками: къ числу ихъ можно отнести Іосифа

1) А именно гл. I, II, III, IV, VII, VIII, V, VI, IX, X, XI, XII, XIV.

2) Мнѣ неясно отношеніе статьи «О взятіи Іерусалиму третья Титово» по II виду Елл. лѣтописца къ разсказу Іосифа Флавія.

Флавія съ тѣмъ большимъ вѣроятіемъ, что переводъ Іудейскихъ древностей, по основательному предположенію Срезневскаго ¹⁾, сдѣланъ на Руси, а не въ Болгаріи, гдѣ составилъ Еллинскій лѣтописецъ. Какъ бы то ни было, я считаю гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ архим. Леонида, признавашаго хронографъ 1262 года Еллинскимъ лѣтописцемъ болгарской редакціи, чѣмъ Истрина, предположившаго, что редакторъ хронографа заданъ цѣлью дать подробное изложеніе еврейской исторіи съ сотворенія міра до разрушенія Іерусалима, почему этотъ хронографъ названъ почтеннымъ изслѣдователемъ—іудейскимъ хронографомъ XIII в. Одно изъ возраженій, которое можно сдѣлать Истрину, состоитъ въ томъ, что мы, на основаніи Архивскаго списка, не можемъ съ увѣренностью сказать, какъ именно оканчивался хронографъ 1262 года, и прекращался ли онъ, дѣйствительно, послѣ разсказа о паденіи Іерусалима. Правда, Истринъ, на с. 132—133, по тому внѣшнему виду, который въ Архивскомъ спискѣ имѣетъ послѣдняя глава Виленскаго списка, остроумно заключилъ, что та же глава была послѣднею и въ общемъ ихъ оригиналѣ, но этимъ вовсе не исключается возможность предположенія, что указанною главой оканчивался только одинъ изъ томовъ хронографа 1262 года, продолжавшагося и далѣе, до того времени, до котораго доведенъ разсказъ Еллинскаго лѣтописца, т. е. до 948 года. Можно доказать, что лѣтописный сводъ, отразившійся въ спискахъ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ и составленный въ XIII вѣкѣ, пользовался однимъ общимъ источникомъ съ хронографомъ 1262 года: но такъ какъ мы находимъ въ Ипат. сводѣ мѣста, восходящія къ XVII и XVIII книгамъ Малалы, въ спискахъ же Архивскомъ и Виленскомъ сохранился текстъ лишь первыхъ десяти книгъ хроникъ Малалы, то отсюда выводимъ, что оригиналъ хронографа 1262 г. во всякомъ случаѣ оканчивался не тамъ, гдѣ предполагаетъ Истринъ. За чѣмъ же было бы составителю хронографа 1262 г. сокращать свой оригиналъ? Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній, я нахожу возможнымъ признать хронографъ 1262 года IV-мъ видомъ Еллинскаго лѣтописца.

Оставляя пока въ сторонѣ IV-й видъ Еллинскаго лѣтописца, такъ какъ составитель его во всякомъ случаѣ внесъ въ него значительныя, противъ основного своего источника, дополненія, видимъ, что три вида его, три извода легко возводятся къ одному общему оригиналу.

1) Свѣд. и зам. № LXXXIV.

Ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ изводовъ не можетъ быть признанъ основнымъ по отношенію къ другимъ: всѣ они представляютъ своеобразныя компіляціи того матеріала, который находился въ общемъ ихъ источникѣ, при чемъ отдѣльныя книги и статьи, читавшіяся въ подлинникѣ въ цѣльномъ и отдѣльномъ другъ отъ друга видѣ, смѣшивались и соединялись составителями трехъ разсмотрѣнныхъ нами изводовъ. Такъ, изъ замѣтки, находящейся въ I-мъ видѣ Елм. лѣтописца въ концѣ послѣдней статьи, взятой изъ Малалы, — «а се иногo гранографа конецъ», Поповъ справедливо заключилъ, что составитель этого извода «вѣрно отличалъ авторовъ, положенныхъ въ основаніе своего труда, — Иоанна Антиохійскаго Малалу и Георгія Амартола». Такъ, библейскій текстъ во II и III видахъ Еллинскаго лѣтописца не смѣшивается съ другими статьями, между тѣмъ какъ I-й видъ помѣщаетъ III и IV книги Царствъ среди отрывковъ, восходящихъ къ Малалѣ, Амартолу и другимъ источникамъ, а IV-й видъ (хронографъ 1262 г.) вноситъ въ текстъ книги Бытія не только историческіе отрывки изъ Амартола, но даже баснословія, содержащіяся въ I-й книгѣ Малалы, и кромѣ того русскую глоссу о ереси Совія. Текстъ Малалы наиболѣе псправно переданъ I-мъ видомъ Еллинскаго лѣтописца: II-й видъ дѣлаетъ въ него вставки изъ Амартола; при этомъ любопытно, что III-й видъ въ тѣхъ же мѣстахъ ограничивается текстомъ Амартола.

Такія вставки изъ Амартола въ текстъ Малалы отмѣчены Поповымъ для II-го вида Еллинскаго лѣтописца въ разсказахъ о царствованіяхъ Юліана, Маркіана и Зинона (Обзоръ, вып. I-й, стр. 86, 87); III видъ представляетъ при этомъ тотъ самый текстъ Амартола, которымъ дополненъ во II видѣ текстъ Малалы¹⁾. Поповъ, а за нимъ Истринъ нашли возможнымъ выводить II-го видъ Еллинскаго лѣтописца изъ I-го. Опредѣляя же отношенія III-й вида къ обоимъ остальнымъ, не находимъ возможнымъ возводить его ни ко II-му, ни къ I-му виду, хотя бы потому, что Александрія въ первой своей половинѣ слѣдуетъ II-му, а во второй I-му виду; но невозможно допустить, чтобы составитель III-го вида руководствовался и I-мъ и II-мъ видами Еллин-

1) Ср. Троицъ. № 728 о царствованіи Юліана, л. 372: по кoсaтвнѣ же црѣвова Юоульанъ престоупникъ. ѿѣ. бѣ. и полъ ть дерзвою ѿ. ѿдолъ капища ѿверзе. ѿ скверныа слоужбы творахоу... блoudашимъ воёмъ ѿ гыблущемъ ѿбрѣтоша оульма. наца лежаща. вnezалоу копнѣ послано нань... и погребоша п. въ зверѣ, ѿ извержень бѣ.

скаго лѣтописца: дѣйствительно, при такомъ предположеніи было бы совершенно неясно, какъ могъ составитель этого III-го вида извлечь изъ текста Малалы въ соединеніи съ Амартоломъ текстъ Амартола, хотя бы въ указанныхъ разсказахъ о царствованіяхъ Юліана, Маркіана и Зинона. Очевидно, пришлось бы признать еще самостоятельное пользование имъ хроникою Амартола, но странно было бы допустить такое множество источниковъ для составителя компиляціи, стремившейся къ сокращенной передачѣ хронографическаго матеріала. Кромѣ того, библейскія книги въ другихъ видахъ Еллинскаго лѣтописца не представлены такъ полно, какъ въ III видѣ, что также доказываетъ независимость этого вида отъ нихъ.

И такъ, возвращаясь къ сдѣланному выше выводу о томъ, что всѣ три вида Еллинскаго лѣтописца представляются компиляціями общаго матеріала, содержавшагося въ основномъ первоисточникѣ ихъ. Къ этому же первоисточнику возводится и IV видъ Еллинскаго лѣтописца, дополнившій однако свой оригиналъ на основаніи еще другихъ матеріаловъ.

Нашъ выводъ встрѣчаетъ однако рядъ видимыхъ затрудненій. Могъ ли одинъ и тотъ же памятникъ заключать столько разнообразнаго и разнороднаго матеріала, какой представляютъ въ своей совокупности дошедшіе до насъ изводы Еллинскаго лѣтописца? Могли ли совмѣщаться въ одномъ памятникѣ пятикнижіе Моисеево, 1-я книга хроники Іоанна Малалы и начало хроники Амартола? Могли ли читаться здѣсь, и при томъ не въ сліянномъ, а въ отдѣльномъ видѣ, хроники Амартола и Малалы? Можно ли допустить одновременное существованіе въ такомъ памятникѣ двухъ редакцій Александріи—одной, отразившейся въ I-мъ, и другой, отразившейся въ II-мъ видѣ Еллинскаго лѣтописца? Могъ ли, наконецъ, одинъ памятникъ совмѣщать подъ однимъ переплетомъ и библейскія книги, и хронику Малалы, и хронику Амартола, и толкованія Ипполита на книгу Даниила, и многіе другіе статьи и отрывки?

Думаемъ, что изученіе дошедшихъ изводовъ Еллинскаго лѣтописца заставляетъ утвердительно отвѣтить на эти вопросы. Убѣдительное доказательство даетъ разсмотрѣніе одной изъ наиболее изслѣдованныхъ (благодаря труду Истрина) частей Еллинскаго лѣтописца—Александріи. Сравнительное изученіе ея по четыремъ видамъ нашего памятника показываетъ, что въ первоначальной редакціи Еллинскаго лѣтописца находились два извода этого романа, при чемъ ни одинъ

изъ четырехъ видовъ не представляетъ этихъ двухъ изводовъ въ ихъ первоначальной редакціи: дошедшія до насъ редакціи Александріи представляются смѣшанными, при чемъ каждая изъ нихъ совмѣщаетъ особенности того и другого изъ этихъ изводовъ. Для доказательства этихъ положеній, слѣдуетъ принять во вниманіе особенности, характеризующія извѣстныя намъ по Еллинскимъ лѣтописцамъ редакціи Александріи. Въ I-мъ видѣ Еллинскаго лѣтописца находимъ такъ называемую 1-ю редакцію Александріи, весьма близкую ко 2-й греческой редакціи Псевдокаллисена (обозначаемой буквою В'); но цѣлый рядъ особенностей славянскаго перевода отличаютъ его отъ дошедшаго до насъ списка этой редакціи (Истринь, Александрія русск. хроногр., стр. 87). Во многихъ чтеніяхъ первая редакція Александріи, отличаясь отъ редакціи В', сходится съ другими редакціями: такъ, напримѣръ, рассказывая два раза о взятіи Фивъ, наша Александрія вполне совпадаетъ съ кодексомъ L; равнымъ образомъ ее сближаетъ съ указанымъ кодексомъ отсутствіе въ ней рассказа о заключеніи Александромъ нечистыхъ народовъ въ горахъ; передавая то мѣсто, гдѣ говорится о подаркахъ, сдѣланныхъ Александру царицею Кандакією, нашъ переводъ, отличаясь отъ кодекса В (основного для редакціи В'), сходится съ кодексами А, С и L. Истринь приводитъ рядъ мѣстъ, гдѣ славянскій переводъ соответствуетъ какому-либо одному изъ четырехъ извѣстныхъ (изданныхъ) кодексовъ и рядъ другихъ мѣстъ, уклоняющихся отъ чтенія всѣхъ извѣстныхъ ему списковъ Псевдокаллисена. «Огносительно многихъ изъ этихъ случаевъ несоответствія перевода какому-либо изъ четырехъ кодексовъ Псевдокаллисена, заключаетъ изслѣдователь (стр. 105), нельзя съ увѣренностью сказать, былъ ли подъ руками у переводчика такой кодексъ, который въ данныхъ случаяхъ расходился съ извѣстными намъ кодексами, или самъ переводчикъ допускалъ нѣкоторое уклоненіе отъ оригинала». На вопросъ, имѣемъ ли мы право возстановлять на основаніи славянскаго перевода Александріи такой греческій подлинникъ, который совмѣщаль бы всѣ его многочисленныя особенности, думаю, должно отвѣтить отрицательно. Во I-хъ, въ числѣ этихъ особенностей есть такія, которыя ни въ коемъ случаѣ не могутъ восходить къ греческому оригиналу: такъ, въ 46-й главѣ I-й книги рассказъ о вторичномъ взятіи Фивъ не оконченъ, между тѣмъ во второй редакціи Александріи мы находимъ его окончаніе; вѣроятно, слѣдовательно, что въ первую и вторую редакцію Александріи онъ попалъ изъ одного общаго источ-

ника, отдѣльнаго отъ основнаго ихъ оригинала и, въ данномъ случаѣ, болѣе полно переданнаго второю редакціей, чѣмъ первою. Во 2-хъ, мы въ первой редакціи Александріи находимъ добавленіе, внесенное въ текстъ Псевдокаллисѳена, во всякомъ случаѣ, составителемъ именно этой редакціи—это эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Іерусалима, эпизодъ, взятый изъ хроники Амартола по готовому славянскому переводу и помѣщенный вслѣдъ за 35-й главой I-й книги; то же добавленіе, но въ другомъ мѣстѣ, находится и во второй редакціи Александріи; имѣя же въ виду, что вторая редакція не дѣлала вообще перестановокъ въ текстѣ самой Александріи, заключаемъ, что составители первой и второй редакцій—оба самостоятельно дополняли свой основной оригиналъ изъ другого источника; въ данномъ случаѣ источникъ извѣстенъ, но въ виду приведеннаго выше разсказа о взятіи *Θιβυ*, можно допустить существованіе еще третьяго источника въ видѣ особенной редакціи Александріи. Въ 3-хъ, мы находимъ въ I-мъ видѣ Еллинскаго лѣтописца, передъ текстомъ Александріи, статью Палладія о Рахманахъ: нельзя не согласиться съ тѣмъ, что эта статья занимаетъ здѣсь совершенно не подобающее ей мѣсто; напротивъ, во второй редакціи Александріи она читается приблизительно тамъ же, гдѣ ее помѣщаетъ одинъ изъ греческихъ кодексовъ, а именно послѣ 4-й главы III книги¹⁾. При этомъ, однако, «порядокъ совершенно перебитъ: статья перепуталась съ текстомъ собственно Александріи и получила не мало вставокъ» (Истринь, 204). Но замѣчательно, что расположеніе главъ Псевдокаллисѳена и Палладія во второй редакціи Александріи, равно какъ и вліяніе на Палладіеву статью со стороны Амартола, сближаютъ эту вторую редакцію Александріи съ средневѣковою греческою поэмой *Βίος Ἀλεξάνδρου* (Истринь, 211). Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ указаніе на то, что обѣ редакціи, независимо одна отъ другой, сблизили Палладіеву статью съ Александріей, причемъ первая редакція соединила Александрію и эту статью лишь внѣшнимъ образомъ, а вторая, сливъ Палладіеву статью съ текстомъ Александріи, руководствовалась готовою редакціею Александріи, гдѣ уже сдѣлано было такое соединеніе? Но отсюда было бы видно, что составитель первой редакціи могъ и въ другихъ случаяхъ заимствовать въ текстъ Александріи чтенія и особенности другихъ источниковъ и между прочимъ

1) Въ кодексѣ А Палладіева статья помѣщена за 6-ю главою той же книги (Истринь, 122).

той особенной редакціи Александрии, о которой мы только что упомянули.

Въ IV-мъ видѣ Еллинскаго лѣтописца находимъ ту же редакцію Александрии, какъ и въ I-мъ. Но замѣчательно, что здѣсь, такъ же какъ во II-мъ видѣ, вслѣдъ за 4-й главой III книги прерывается текстъ первой редакціи Александрии: во II видѣ за 4-й главой III книги читаемъ начало Палладіевой статьи, а въ IV-мъ за той же главой читаемъ середину той же статьи (конецъ 11-й главы III книги по изданіямъ Мюллера и Истрина). Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ (Истринь, 121); но ясно, что пропускъ этотъ вызванъ именно тѣмъ, что составителю IV-го вида Еллинскаго лѣтописца пришлось въ этомъ мѣстѣ обратиться къ другому своему источнику—Палладіевой статьѣ. Не ясно ли отсюда, что составители II-го и IV-го вида Еллинскаго лѣтописца руководствовались какою-то общею причиною, указывавшею на необходимость вставить Палладіеву статью именно послѣ 4-й главы III книги. Но такая общая причина могла быть дана только въ готовой редакціи Александрии, уже соединившей Александрію съ Палладіевою статьёю именно въ указанномъ мѣстѣ¹⁾.

Во II-мъ видѣ Еллинскаго лѣтописца находимъ тотъ же переводъ Александрии, какъ въ I-мъ и IV-мъ видахъ, но онъ обособленъ и распространенъ цѣлымъ рядомъ вставокъ изъ весьма разнообразныхъ источниковъ, которыхъ Истринь (стр. 239) насчитываетъ болѣе пятнадцати. Выше были указаны затрудненія, которыя порождаются предположеніемъ о томъ, что вторая редакція Александрии составлена изъ первой русскимъ книжникомъ, дополнившимъ ее на основаніи многочисленныхъ памятниковъ болѣе или менѣе однороднаго содержания. Но такому предположенію противорѣчитъ въ особенности то обстоятельство, что источникъ многихъ изъ вставокъ не можетъ быть указанъ, а источникомъ другихъ оставалось бы признать, вслѣдъ за Истринымъ, какія-то извѣстныя на Руси народныя сказанія объ Александрѣ. Только такимъ путемъ возможно объяснить «совпаденіе второй редакціи Александрии съ другими Александріями, не находившимися съ нею въ непосредственной связи». Такъ, по мнѣнію Истрина, авторъ второй Александрии зналъ изъ устныхъ легендъ «желаніе

1) Пропускъ послѣднихъ трехъ главъ Палладіевой статьи и слѣдующихъ за ними 17—22 главъ III книги Псевдокаллисеена, вѣроятно, объясняется еще для оригинальнаго списка IV-го вида (хронографа 1262 г.) выпаденіемъ нѣсколькихъ листовъ (Истринь, 127).

Александра найти себѣ безсмертіе и зналъ также эпизодъ съ источникомъ съ безсмертной водой, и распространилъ первую редакцію» (стр. 199). Эпизодъ съ камнями, найденными въ пустыняхъ, сближаетъ вторую редакцію Александрія съ рассказомъ Фирдоси: Истринъ выводитъ отсюда, что этотъ эпизодъ «принадлежитъ къ разряду ходячихъ сказаній и легендъ, попадающихся повсюду» (стр. 200). Къ этому же разряду вставокъ относятся Истринымъ легенды о восхожденіи Александра на небо, объ испытаніи имъ морской глубины (стр. 214 и сл.) и нѣк. др. Миѣ кажется, что включеніе въ Александрію русскимъ книжникомъ, дополнявшимъ ее по письменнымъ источникамъ, народныхъ сказаній представляется совершенно невѣроятнымъ; кромѣ того, надо еще доказать, что на Руси существовали народныя сказанія объ Александрѣ. Изслѣдованіе Истрина показало, что сама Александрія не была особенно распространена въ древнерусской письменности; неужели же можно думать о распространенности сказаній и легендъ объ Александрѣ въ народной словесности? Кромѣ этихъ эпизодовъ, Александрія второй редакціи сближается съ другими Александріями еще цѣлымъ рядомъ другихъ мѣстъ: такъ, Истринымъ указано нѣсколько эпизодовъ, общихъ нашей второй редакціи Александрія и сербской Александрія; сюда относится, напримѣръ, эпизодъ о взятомъ въ плѣнъ Александромъ юношѣ. Не обращая вниманія на то, что тотъ же эпизодъ, по указанію А. Н. Веселовскаго, находится въ греческой народной книгѣ Λόγοι Ἀλεξάνδρου, Истринъ считаетъ возможнымъ признать заимствование его второю редакціей изъ Пчелы (стр. 204). Онъ упустилъ при этомъ изъ виду возможность заимствования Пчелою эпизода о юношѣ изъ Александрія, а также и то, что этотъ эпизодъ въ сербской Александрії читается въ томъ же мѣстѣ, что во второй нашей редакціи. Легенда объ испытаніи морской глубины, занесенная нъ нашу вторую редакцію, нашла отзвукъ и въ сербской Александрії (Истринъ, 215); равнымъ образомъ въ послѣдней отразилась легенда о камняхъ, найденныхъ въ пустынѣ (Истринъ, 200). Эпизодъ съ поваромъ во второй редакціи Александрія ближе къ сербской Александрії, чѣмъ къ первой редакціи (и тутъ и тамъ смѣшаны два источника—съ живой водой и съ безсмертной, ср. Истринъ, 198). Вторая редакція, такъ же какъ сербская и вопреки первой редакціи, говоритъ о юношѣ—тезкѣ Александра (Истринъ, 238) и о плачѣ Олимпіады надъ тѣломъ Александра (Истринъ, 238). Миѣ кажется, указанныхъ совпаденій вполне достаточно для того, чтобы

задуматься надъ причинами близости сербской Александріи и пашей второй редакціи. Конечно, предположеніе о вліяніи сербской Александріи на вторую редакцію русской должно быть отвергнуто. Слѣдовательно, приходится остановиться на другомъ предположеніи: русская вторая редакція пользовалась, кромѣ первой, такую Александріей, которая во многихъ чтеніяхъ совпадала съ сербскою. Это предположеніе подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ соображеній. Такъ, для доказательства его, по моему мнѣнію, вполне достаточно привести указаніе Истрина на то, что авторъ второй редакціи Александріи сдѣлалъ отъ себя въ 30-й главѣ III книги «добавленіе, вполне совпадающее съ одной редакціей Псевдокаллисоена» (съ кодексомъ С; Истринь, 235): не слѣдуетъ ли отсюда, что составитель второй редакціи былъ знакомъ не только съ первой редакціей Александріи, но еще съ другой редакціей, до насъ не дошедшею? «Второй случай соотвѣтствія нашей второй редакціи кодексу С Псевдокаллисоена» указывается Истринымъ въ 31-й главѣ той же III книги (стр. 236): вторая редакція, въ числѣ приближенныхъ Александра, называетъ Селевка, Филиппа, Димитрія и Антигона, имена которыхъ не приводятся ни первою редакціею, ни греческими кодексами А и В, но (кромѣ Димитрія) они есть въ кодексѣ С, и въ виду этого не вижу необходимости допустить, чтобы въ нашу вторую редакцію они попали не изъ Александріи (особой редакціи), а изъ хроникъ Амартола и Малалы, какъ это дѣлаетъ Истринь. Пользованіемъ въ видѣ источника какою-то особою редакціей Александріи можно объяснить и то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наша вторая редакція сближается съ упомянутымъ выше Βίος 'Αλεξάνδρου, напр., въ разсмотрѣнной выше вставкѣ Палладіевой статьи, при чемъ, какъ въ нашей второй редакціи, такъ и въ этой греческой поэмѣ, 5-я и 6-я главы III книги помѣщены послѣ 11-й главы; равнымъ образомъ только это предположеніе можетъ разъяснить, почему во второй редакціи Александріи находятся (даже въ ненародныхъ легендахъ) мѣста, общія, напр., съ еврейскою Александріей (Истринь, 192), или вставки, которыхъ никакъ нельзя объяснить начитанностью русскаго книжника, какъ, напр., добавленіе «Ареи же ахатись» въ перечисленіи планетъ на дощечкѣ Нектанавы (Истринь, 147). Еще болѣе утверждаетъ меня въ мысли о томъ, что второй редакторъ дополнялъ основную редакцію на основаніи не собственныхъ домысловъ и не самостоятельно собранныхъ имъ знаній, та характеристика, которую Истринь даетъ труду его. «Редакторъ сознательно относился къ

своему труду. . . Весь романъ для редактора раздѣлялся на три части: 1) дѣтство Александра и завоеванія его до борьбы съ Даріемъ, 2) борьба съ Даріемъ и 3) хожденіе Александра на дальній востокъ и смерть его. . . «Авторъ второй редакціи, распространяя описаніе похода (Александра на востокъ), вставляя отовсюду чудеса, старался вести рѣчь. . . отъ имени Александра, что удается не всегда: часто онъ забывается, ссылается на повѣствовательную форму, такъ что впечатлѣніе получается такое, какъ будто онъ самъ участвовалъ въ походѣ и рассказываетъ отъ себя все, что видѣлъ. *То же встрѣчаемъ и въ пространной редакціи Historia de preliis...*» (с. 189). «Въ обрисовкѣ характера Александра наша Александрія стоитъ нисколько не ниже западныхъ Александрій. . . Александръ не вышелъ изъ рамокъ, очерченныхъ ему оригиналомъ нашего романа. Это особенно сказывается въ томъ, что на Александра въ нашемъ романѣ не легла ни одна черта христіанства: покорность судьбѣ уже намѣчена въ его оригиналѣ, и авторъ романа только попалъ въ тонъ и провелъ его съ послѣдовательностью» (с. 240). Все это заставляетъ Истрина признать вторую редакцію Александрій стройнымъ цѣлымъ, свидѣтельствующимъ о начитанности ея редактора и умѣнь пользоваться прочитаннымъ (с. 241). Неужели, спросимъ мы, могло возникнуть такое изъ ряду вонъ выдающееся произведеніе на Руси XIV—XV в. (время составленія второй редакціи по Истрину)? Если бы даже допустить возможность компиляціи на основаніи двухъ десятковъ литературныхъ источниковъ, то невѣроятно предположить, чтобы русскій начетчикъ могъ дать своей компиляціи опредѣленную фязіономію, выдержать особенный тонъ въ разсказѣ, предложить напр. рѣчь Дарія въ художественномъ исполненіи, представивъ въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ очень реально мысль о суетѣ міра (Истринь, 240). Такимъ образомъ, и внѣшнія и внутреннія основанія не позволяютъ намъ согласиться съ Истринымъ и признать вторую редакцію Александрій самостоятельнымъ произведеніемъ нашей литературы. Для насъ эта вторая редакція представляется довольно искуснымъ, но все таки механическимъ соединеніемъ первой редакціи, положенной въ основаніе, и другой редакціи, представлявшей изъ себя переводъ какой-то готовой греческой редакціи романа объ Александрѣ. При такомъ объясненіи намъ не для чего предполагать, что вторая редакція Александрій явилась независимо отъ Емлинскаго лѣтописца и уже въ готовомъ видѣ внесена во второй изводъ этого памятника (такъ думаетъ Истринь, обра-

тившій вниманіе на различіе редакторскихъ приѣмовъ составителя «2-й редакціи» Еллинскаго лѣтописца и 2-й редакціи Александріи). Напротивъ, въ самомъ Еллинскомъ лѣтописцѣ должно было произойти сближеніе обѣихъ переводныхъ редакцій Александріи, и результатомъ этого сближенія явились, съ одной стороны, первая редакція, а съ другой, вторая редакція этого романа: обѣ редакціи находились въ энциклопедіи, называвшейся Еллинскимъ и римскимъ лѣтописцемъ, и сближеніе ихъ, взаимное ихъ вліяніе было неизбѣжно. Само изслѣдованіе Истрина даетъ основанія для опроверженія его мнѣнія, будто 2-я редакція Александріи представляетъ изъ себя стройное цѣлое, созданное талантливымъ русскимъ редакторомъ. На с. 247 мы читаемъ: «принимая во вниманіе характеръ второй редакціи Александріи и особенности списка Синод. № 154, я прихожу къ тому заключенію, что между первою и второю редакціей Александріи существовала переходная ступень, можетъ быть, даже не одна». Одною изъ такихъ ступеней Истринъ признаетъ этотъ самый списокъ XV вѣка Синод. № 154, представляющій «то первую редакцію, то вторую: иногда цѣлыя главы сходны съ той или другой редакціей, а иногда половина главы даетъ одну редакцію, половина — другую». Указанная особенность текста Александріи въ этомъ списокѣ и дала основаніе предположить, что мы имѣемъ въ немъ переходную ступень отъ первой редакціи ко второй. Дѣйствительно, ее нельзя объяснять, напр., какъ результатъ произвольнаго сокращенія второй редакціи: относительно большихъ отрывковъ можно было бы допустить, что случайное опущеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ приблизило редакцію Синод. сп. № 154 къ первой редакціи, но этого никакъ нельзя сказать о тѣхъ незначительныхъ добавленіяхъ, отличающихъ вторую редакцію отъ первой и вмѣстѣ съ тѣмъ опущенныхъ въ Синод. № 154; опущеніе ихъ не могло быть результатомъ сокращенія. Но эту особенность Синод. № 154 нельзя объяснить и такъ, что составитель оригинала этого списка, имѣя подъ руками обѣ редакціи, дѣлалъ заимствованія то изъ одной, то изъ другой: «это, говоритъ Истринъ, можно бы сказать относительно большихъ отрывковъ, а относительно мелкихъ нельзя». Вполнѣ соглашаясь съ необходимостью отказаться отъ обоихъ объясненій, отвергнутыхъ Истринымъ, я не могу, однако, принять и его толкованія, по которому оригиналъ списка Синод. № 154 представлялъ изъ себя переходную ступень отъ первой редакціи ко второй. Во-первыхъ, намъ пришлось бы допустить, что составитель оригинала сп. Синод. № 154,

сокращенно отразившагося въ этомъ списокѣ, обладавъ тою самою обширною начитанностью, которую Истринь приписываетъ составителю второй редакціи: дѣйствительно, въ Александріи по Синод. № 154 мы находимъ заимствованія изъ Пролога (въ гл. II, 17), Откровенія Меодія Патарскаго (напр., II, 32; III, 4), твореній Епифанія Кипрскаго (II, 17), слова Кирилла Александрійскаго (II, 17), сказанія объ Индійскомъ царствѣ (напр., III, 21 и 28), Хожденія трехъ иноковъ къ Макарію (II, 41), Пчелы (III, 3) и т. д., слѣдовательно, изъ *всѣхъ* указанныхъ Истринымъ на с. 239 источниковъ; равнымъ образомъ, составитель этой переходной редакціи былъ знакомъ съ народными сказаніями, какъ видно изъ отрывка, содержащаго испытаніе высоты небесной и глубины морской. Что же остается на долю составителя второй редакціи, очевидно нашедшаго весь матеріалъ уже собраннымъ въ предшествующей—переходной редакціи? Повидимому, ему осталась только задача литературно обработать матеріалъ своего оригинала для того, чтобы сдѣлать изъ своего труда стройное цѣлое (ср. Истринь 247). Но какъ же помирить это съ утвержденіемъ Истрина, будто составитель второй редакціи «проявилъ въ ней большую начитанность: ему извѣстна была и историческая, и поучительная, и апокрифическая литература» (с. 239)? Во-вторыхъ, совершенно невѣроятно допустить, чтобы второй редакторъ дополнилъ свой трудъ изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, которые уже послужили составителю переходной редакціи: а между тѣмъ необходимо сдѣлать такое предположеніе, — и не только для того, чтобы отстоять фактъ начитанности этого редактора, — если вслѣдъ за Истринымъ признать, что вторая редакція составлена на основаніи оригинала списка Синод. № 154. Такъ, рассказъ о тезкѣ Александра, отсутствующій въ Синод. № 154 (III, 32), очевидно, несенъ во вторую редакцію независимо отъ переходной редакціи — изъ Амартола (какъ думаетъ Истринь), но вставки изъ Амартола попадаютъ и въ переходной редакціи, напр., въ 17-й главѣ II книги (описаніе Вавилона); равнымъ образомъ въ 36 гл. II книги находимъ во второй редакціи заимствованіе изъ Хожденія трехъ иноковъ къ Макарію, отсутствующее въ редакціи переходной, несмотря на знакомство составителя послѣдней съ этимъ Хожденіемъ. Въ-третьихъ, мы видѣли выше, что нѣкоторыя вставки и добавленія второй редакціи Истринь объясняетъ опредѣленными цѣлями, которыя преслѣдовалъ редакторъ (ср. разсужденія автора на с. 191), или тою особою концепціею романа, которая проглядываетъ въ иныхъ мѣстахъ (ср. с. 189):

но оказывается, что эти вставки и добавленія сдѣланы уже въ переходной редакціи. Что же остается на долю составителя второй редакціи? Очевидно, ее придется признать простою компиляціей собраннаго уже раньше матеріала. Но не такой же ли характеръ, и еще въ бѣльшей степени, имѣеть Александрія по списку Синод. № 154?

Въ виду указанныхъ соображеній, я отказываюсь отъ признанія оригинала списка Синод. № 154 переходною редакціею между второю и первою. Мнѣ представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ допустить, что это такая же смѣшанная редакція, какъ первая и вторая, которыя мы признали выше составленными на основаніи двухъ переводныхъ Александрій. Первая редакція, положивъ въ основаніе одинъ изъ этихъ переводовъ, близкій къ греческой редакціи В', лишь въ немногихъ мѣстахъ дополнила его по другому переводу (напр., рассказомъ о второмъ взятіи Θивъ); вторая редакція, положивъ въ основаніе тотъ же переводъ, значительно дополнила его вставками, крупными и мелкими, по второму переводу; наконецъ, редакторъ Синод. сп. № 154 или его оригинала поступилъ такъ же, какъ составитель второй редакціи, но совершенно независимо отъ него: вотъ почему его компиляція сходна, но не тождественна съ компиляціею II вида Еллинскаго лѣтописца. Не слѣдуетъ ли отсюда съ очевидностью, что обѣ Александріи помѣщались въ одномъ памятникѣ, въ одной книгѣ и что этой книгой была первоначальная редакція Еллинскаго лѣтописца?

Редакція Александріи по III виду Еллинскаго лѣтописца еще болѣе утверждаетъ меня въ основательности сдѣланнаго мною вывода. Какъ извѣстно, списки этого вида (Ундольск. № 1 и Троицк. № 728) въ первой половинѣ Александріи (до 21 гл. II кн.) слѣдуютъ второй ея редакціи, а во второй половинѣ (съ 22-й гл.) — первой. Истринь (стр. 249) эту особенность оригинала обоихъ названныхъ списковъ объясняетъ тѣмъ, что его составитель имѣлъ въ виду двѣ готовыя редакціи Александріи; при этомъ, списавъ часть Александріи по второй редакціи, онъ со второй половины оставилъ ее и взялъ первую. Выше было указано, что предположеніе о пользованіи составителемъ III вида двумя редакціями Еллинскаго лѣтописца представляется невѣроятнымъ въ виду: во 1) того, что въ этомъ видѣ мы находимъ рядъ лишнихъ противъ I и II вида Еллинскаго лѣтописца статей, во 2) того, что по характеру своему III видъ представляется сокращенною компиляціей, скорѣе всего указывающею на одинъ только общій оригиналь компиляціи, чѣмъ на цѣлый рядъ источниковъ. Въ виду этого

и невозможности принять объясненіе Истрина¹⁾, я признаю редакцію Александріи, находящуюся въ III видѣ Еллинскаго лѣтописца, смѣшанною редакціей сходнаго происхожденія со смѣшанными редакціями, выше разсмотрѣнными. Очевидно, составителю III вида пришлось работать надъ такимъ экземпляромъ Еллинскаго лѣтописца, который легъ въ основаніе и II вида этого лѣтописца. Въ немъ уже произошло взаимное сближеніе двухъ Александрій, сказавшееся, вѣроятно, частью въ маргинальныхъ отмѣткахъ къ тексту перваго перевода Александріи, а частью въ различныхъ ссылкахъ и указаніяхъ на текстъ втораго перевода, вставленныхъ въ текстъ перваго перевода. Воспользоваться этими ссылками было легко именно потому, что оба перевода Александріи помѣщались въ одной книгѣ и, можетъ быть, даже рядомъ.

И такъ, дошедшія до насъ редакціи Александріи всѣхъ четырехъ видовъ Еллинскаго лѣтописца, а также Синод. сп. № 154, свидѣтельствуютъ о существованіи въ нашей древней литературѣ двухъ переведенныхъ съ греческаго Александрій. Нѣкоторыя указанія на вторую Александрію, дошедшую до насъ лишь въ видѣ дополненій къ первой, можно найти и въ другихъ, кромѣ Еллинскихъ лѣтописцевъ, памятникахъ. Такъ, напримѣръ, въ Ипатьевскомъ и сходныхъ спискахъ лѣтописи сохранился подъ 1110 годомъ отрывокъ, очевидно, восходящій къ Александріи, но не встрѣчающійся въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ. Этотъ отрывокъ содержитъ Іерусалимскій эпизодъ, переданный въ редакціяхъ Еллинскихъ лѣтописцевъ по хроникѣ Амартола. Отрывокъ этотъ, начинающійся словами: «Олександрю Макидонь-

1) Этому объясненію противорѣчатъ и то обстоятельство, что мѣстами Александрія Унд. списка подробнѣе второй редакціи Александріи и слѣдовательно не могла быть составлена на основаніи ея. Ср. добавленіе, касающееся дочери царя Фола въ гл. 33-й I книги (изд. Истрина, стр. 152 и откровеніе Мее. Патарскаго); въ Троицк. сп. въ началѣ 44-й гл. I книги читаемъ: «приде дѣма дѣма в толню и въ слоунѣ. и поевалъ (sic) сю стороною халдѣискою. а близпалъ погоуби (и ѿтоудѣже приде на евѣскимю рѣкоу)» (ср. Истринъ, стр. 141). Последняя вставка въ 33-ю главу I книги (Истринъ, 157) читается въ Троицк. исправлѣе, чѣмъ во II видѣ Елл. лѣтописца: «и пакы поиде на даріа александръ и жиды съ собою поиди, иде на даріа. и въ .д. дрѣва своѣ и побѣди и въ персь ѱ градъ» (въ Елл. лѣтописцѣ II вида: въ .д. и побѣди вса градъ); послѣ ѿпѣхнѣ въ гл. 33-й I кн. (Истринъ, 154) въ Троицк. читается: [роусъ есть]. А рядомъ съ этимъ въ Троицк. оказывается опущеннымъ эпизодъ съ Мосомахомъ (Истринъ, 157), который есть и въ первой и во второй редакціяхъ, дагѣ здѣсь сокращена первая половина 13-й главы II книги и нѣк. др.

скомоу ополчившю на Дарья, и пошедшю и побидившю землю всю отъ востокъ и до западъ», свидѣтельствуеть, между прочимъ, о томъ, что въ той особенной Александріи, которая не дошла до насъ въ цѣльномъ видѣ, посѣщеніе Іерусалима было помѣщено послѣ разсказа о Египетскомъ походѣ; ср.: «и поби землю Егупетьскую, и поби Арама (очевидно, вм. Арсама), и приде в острова морьскыя; и взрати лице свое взыти въ Ерусалимъ, побидити Жиды». Очевидно, составитель 1-й редакціи, помѣстивъ Іерусалимскій эпизодъ за походомъ на Египеть, могъ руководствоваться планомъ второй переводной Александріи¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ я поставлю въ связь этотъ отрывокъ изъ Александріи съ другими заимствованіями, сдѣланными русскою лѣтописью изъ Еллинскаго лѣтописца: а здѣсь ограничусь выводомъ, что Ипат. и сходные списки свидѣлствуютъ о существованіи второй, до насъ не дошедшей, переводной Александріи. Сходное свидѣтельство представляютъ посланіе митрополита Климента къ Ѳомѣ XII в. и тѣ первоисточники его, на которые указалъ Н. К. Никольскій (О лит. тр. митроп. Климента Смолятича, с. 13), гдѣ, между прочимъ, читаемъ: ни гриппъ александрова въздѣхохоженіа, ѿ егѣпетскыа жатвы. в халдѣискѣжъ амѣ скоростію принесе прѣрка питѣа. А гриппъ зоветса нѣ. иже александрова въздѣхохоженіа. еливскаа писаніа сказѣють (изд. Никольскаго, с. 133). На это мѣсто обратило мое вниманіе изслѣдованіе Истрина (Александрія, с. 214), который совершенно основательно сопоставилъ его съ легендою о воздушномъ полетѣ Александра для испытанія высоты небесной, — легендою, вставленною во вторую редакцію Александріи²⁾. Но онъ не сдѣлалъ отсюда напрашивающагося само собой вывода о томъ, что этотъ эпизодъ во-

1) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что разсматриваемый отрывокъ изъ Александріи сохранился въ Ипат. и сходныхъ спискахъ не въ полномъ видѣ; конецъ его, находящійся въ Лѣтописцѣ Перелавск.-Сузд., опущенъ. Тамъ мы читаемъ: «И вѣа две дщери Даріевы, а Даріа оуби, а своима рукама шпрата. Рѣша друзі емоу: оженнса прю, се вѣ. дщери Даріевѣ, възми за са. шже не восхотѣ ихъ и видѣти вса дѣя, гѣа, иѣ воинъ шженивнѣи. И сѣгран александрию, ѿ Вавилона Персъ, и преставнса прѣтвовавъ вѣ лѣтъ а вѣ-ти нача воевати» (изд. Оболенскаго, с. 52). Очевидно, вслѣдъ за вставкой цѣльнаго отрывка, находимъ сокращенную передачу нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ Александріи: дошедшія до насъ редакціи не знаютъ *двухъ* дочерей Дарія и не передаютъ отвѣта Александра друзьямъ.

2) Ср. 11-я глава III кн.: имѣаше бо и звѣри крылаты, наоучены летати по амероу.... звѣріе, по обычаю зряще на мяса (которое Александръ держалъ въ рукахъ), возношахоту и (изд. Истрина, с. 203).

шелъ какъ въ посланіе Климента (въ его первоисточники), такъ и во вторую редакцію Александріи, изъ особой переводной Александріи, помѣщавшейся въ Еллинскомъ лѣтописцѣ, который и разумѣется, повидимому, подъ названіемъ «елинская писанія».

Главнымъ результатомъ предыдущаго изслѣдованія надо признать слѣдующій выводъ: въ памятникѣ, называвшемся Еллинскимъ лѣтописцемъ, были помѣщены двѣ переведенныя съ греческаго языка Александріи. Въ скоромъ времени, оставаясь въ томъ же памятникѣ, онѣ начали сближаться любознательными читателями и искусными книжниками: въ основаніе была положена Александрія, близкая ко второй греческой редакціи, при чемъ дополненія къ ней изъ второй Александріи вносились въ видѣ маргинальныхъ примѣчаній и руководящихъ ссылокъ на соответствующія мѣста второй Александріи.

Составители I и IV вида Еллинскаго лѣтописца мало обратили вниманія на эти дополнительныя вставки и указанія: они передали лишь основной текстъ своего подлинника. Но кое-что, какъ мы видѣли, было внесено въ него и изъ второй Александріи. Кромѣ того, они сблизили свой текстъ Александріи съ Палладіевою статьей, при чемъ составитель IV вида внесъ ее, очевидно, сообразуясь съ даннымъ при самомъ текстѣ указаніемъ, въ III книгу. Составитель III вида Еллинскаго лѣтописца сначала сталъ вносить въ текстъ Александріи всѣ добавленія и поправки своего черноваго оригинала, но, очевидно, наскучивъ этой работой, онъ съ 22 главы II книги рѣшился держаться только основного текста, не обращая уже вниманія ни на ссылки, ни на маргинальныя отмѣтки. Болѣе послѣдовательна работа составителя сп. Синод. № 154, но въ его задачу не входило дать полный текстъ Александріи: «повѣсть назначалась для чтенія къ воцѣствованью оустраивающимся и сообразно съ этимъ назначеніемъ сильно сокращена. . .» (Истринъ, 246): вотъ почему въ его текстъ не попали всѣ дополненія и отмѣтки, сближавшія первую Александрію со второю, а только нѣкоторыя изъ нихъ. Но полнѣе всего переданъ весь матеріалъ, сгруппировавшійся при текстѣ первой Александріи и самый этотъ текстъ, въ трудѣ составителя II вида Еллинскаго лѣтописца: онъ внесъ въ свой сводный текстъ не только соответствующія мѣста второй Александріи, но и Палладіеву статью, которую распространилъ опять таки на основаніи второй Александріи.

Но если Еллинскій лѣтописецъ въ первоначальной своей редакціи заключалъ двѣ Александріи, если совокупныя указанія всѣхъ видовъ

этого памятника приводятъ къ тому, что тамъ читались хроникки Амартола и Малалы, если I, II и IV виды свидѣтельствуютъ о томъ, что тамъ же находилась Палладіева статья о Рахманахъ, а всѣ четыре вида доказываютъ, что въ общемъ ихъ подлинникѣ содержались книги Царствъ — не ясно ли, что Еллинскій лѣтописецъ представлялъ обширную энциклопедію, гдѣ могли найти себѣ мѣсто не только названныя книги, но и многія другія, съ ними однородныя?

Вотъ почему, отвѣчая на поставленные выше вопросы, мы должны признать, что предположеніе такой энциклопедіи, гдѣ, рядомъ съ Амартоломъ и Малалой въ полномъ объемѣ ихъ хроникъ, уживались библейскія книги историческаго и пророческаго содержанія, а также апокрифическія сказанія и повѣсти, — становится неизбежнымъ слѣдствіемъ сравнительнаго изученія различныхъ видовъ Еллинскаго лѣтописца.

Прежде чѣмъ коснуться болѣе или менѣе точнаго опредѣленія состава Еллинскаго лѣтописца, отмѣчу, что изученіе Александріи дало приблизительное понятіе о томъ, какъ еще въ древности сближались между собою отдѣльныя, однородныя по содержанію, части названной энциклопедіи. Читатели скоро замѣтили, что въ разныхъ мѣстахъ памятника говорится объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ: въ хроникѣ Амартола, въ хроникѣ Малалы, въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, наконецъ, въ Александріи. Это побудило ихъ дѣлать на поляхъ памятника ссылки, облегчавшія подысканіе сходныхъ или тождественныхъ мѣстъ. Кромѣ того, послѣдовательность хронологическаго разсказа рѣзко нарушалась присутствіемъ въ названной энциклопедіи нѣсколькихъ разнородныхъ частей: читатели стремились установить общій планъ для всего историческаго матеріала обширнаго памятника. Это достигалось опять таки ссылками, сносками и разными маргинальными приписками: возможно даже, что та же работа вызвала составленіе по особенному плану оглавленія, которымъ руководились читатели. Тѣ же ссылки и то же оглавленіе легли въ основаніе труда позднѣйшихъ редакторовъ Еллинскаго лѣтописца, которые не рѣшались давать необработанныя копіи съ ихъ оригинала. Выше было указано, что, въ результатѣ, въ различныхъ компиляціяхъ достигалась однородная обработка, напр., Александріи: ср. I и IV видъ Еллинскаго лѣтописца, съ одной стороны, II и III видъ его, съ другой. То же видимъ и по отношенію къ составу другихъ памятниковъ и въ особенности по отношенію къ тому мѣсту, которое они или отрывки изъ нихъ занимаютъ въ отдѣльныхъ видахъ

Еллинскаго лѣтописца. Такъ, напримѣръ, во II и III видахъ книга пророка Даниїла занимаетъ приблизительно сходное мѣсто послѣ книгъ библейскихъ: но во II видѣ опущены, между прочимъ, толкованія на IV, а также на X—XI главы (текстъ этихъ главъ приведенъ); напротивъ, въ III видѣ приведено толкованіе на IV главу (а текстъ опущенъ), вмѣстѣ съ тѣмъ опущены и текстъ и толкованія I, VI, VIII, X и XIII главъ. Въ IV-мъ видѣ книга Даниїла, какъ и въ III-мъ, слѣдуетъ за 4-ю книгою Царствъ (неоконченною въ III-мъ видѣ), но толкованія всѣ опущены, опущена также вся XIII и почти вся XIV глава. Слово о созданіи Рима изъ Малалы въ I, II и IV видахъ помѣщается передъ Александріей, а въ III видѣ послѣ нея. Въ разказахъ о Зинонѣ и другихъ византійскихъ императорахъ въ I видѣ паходимъ текстъ Малалы, не соединенный съ Амартоломъ, въ III видѣ—текстъ Амартола, а во II-мъ текстъ Малалы со вставками изъ Амартола и т. д. И такъ, отдѣльные виды Еллинскаго лѣтописца болѣе или менѣе своеобразно группируютъ тотъ обширный матеріалъ, который заключала возстановляемая при сравнительномъ ихъ изученіи энциклопедія.

Въ составъ этой энциклопедіи входили: 1) Отдѣлъ ветхозавѣтныхъ книгъ, весьма обширный, судя по III-му и нѣкоторымъ спискамъ II вида Еллинскаго лѣтописца; онъ заключалъ въ себѣ Пятикнижіе Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руоѣ, Тетровасиліонъ, Есепрь, а изъ пророческихъ книгъ: Пѣсни Пѣснемъ съ толкованіемъ (ср. Унд. сп. III-го вида и оглавленіе I-го вида), Екклісіастъ съ толкованіемъ (Унд. сп. III-го вида), Притчы Соломона (тамъ же), отрывки изъ Премудрости Соломона (тамъ же), книгу пророка Даниїла съ толкованіями Ипполита¹⁾. 2) Хроника Іоанна Антиохійскаго Малалы. 3) Хроника Георгія Амартола. 4) Александрія въ переводѣ, близкомъ ко второй греческой редакціи. 5) Александрія въ другомъ переводѣ по редакціи значительно обособленной. 6) Статья Палладія о Рахманахъ. 7) Дѣянія апостоловъ Петра и Павла (III видъ), сказаніе о созданіи церкви св. Софіи въ Константинополѣ (II и III видъ), сказаніе о рожденіи Константина великаго и о нѣкоторыхъ событіяхъ его царствованія (II и III видъ), апокрифъ о Іереміи пророкѣ и Варухѣ (III видъ, ср. Троицк. № 728, л. 260 и сл.) и нѣк. др.

1) Тождественна по переводу и составу съ «Книгами Даниїла пророка видѣніе Ипполита, епископа папы римскаго толкованіе, сказаніе о Христѣ и о антихристѣ», помѣщенными въ рукописи Моск. Дух. Ак. 1519 г., о которой подробно говоритъ И. И. Срезневскій въ «Сказаніяхъ объ Антихристѣ въ слав. переводахъ» (Отчетъ о Уваровск. нагр.).

Гдѣ же и при какихъ условіяхъ могла возникнуть подобная энциклопедія? При рѣшеніи этого вопроса весьма важно имѣть въ виду, что въ одномъ изъ ея изводовъ, а именно въ 1-мъ видѣ Еллинскаго лѣтописца, находится перечень болгарскихъ князей отъ Авитохоло до Умара. Понятно, что перечень этотъ, написанный на половину на непонятномъ для другого славянина языкѣ, могъ быть вставленъ въ историческую компиляцію только въ Болгаріи, гдѣ еще въ IX в. понимали древній языкъ тюркскихъ болгаръ. Въ виду этого можно не сомнѣваться въ томъ, что Еллинскій лѣтописецъ составленъ въ Болгаріи. Важно также установить связь этой энциклопедіи съ другой, извѣстной на Руси по списку 1073 года, — со сборникомъ болгарскаго царя Симеона (892—927). Въ Архивскомъ спискѣ XV вѣка, гдѣ находится списокъ съ хронографа 1262 года, т. е. съ IV-го вида Еллинскаго лѣтописца, читается извѣстное оглавленіе, содержащее названія болѣе 780 статей. Изъ нихъ сохранилась въ рукописи только часть статей, и при томъ далеко не бѣлая; вся часть, слѣдовавшая за лѣтописью Переяславля Суздальскаго, утрачена, а въ ней находилось болѣе 450 статей духовно-нравственнаго содержанія. Оказывается, что эта часть обширнаго памятника была почти вполнѣ тождественна съ Сборникомъ 1073-го г.: въ этомъ легко убѣдиться изъ сопоставленія заглавій Архивскаго списка и содержанія (частью также заглавій) статей Сборника 1073 г. А именно сходство, мѣстами же полное тождество, начинается съ 334-й статьи Архивскаго сборника: «сѣборъ Ѡмногѡѡць толкованіа», соотвѣтствующей первой статьѣ Сборника 1073 года. Имѣя въ виду, что почти все содержаніе Архивскаго сборника (=хронографа 1262 г.) восходитъ къ Еллинскому лѣтописцу, что нѣкоторыя и изъ не сохранившихся въ сборникѣ, но извѣстныхъ по его оглавленію статей, имѣютъ ближайшее отношеніе къ нѣкоторымъ изъ видовъ Еллинскаго лѣтописца, каковы, напр., статьи: «Сповѣданіе въкратцѣ коего ради дѣла Ѡлучишѣ Ѡна Латина» и «Ѡ Ишанна Златоустаго ѡ Латинахъ когда Ѡлучишѣ Ѡ Грѣкъ»¹⁾, я считаю возможнымъ допустить, что въ составъ разсматриваемой древнеболгарской энциклопедіи могъ входить и сборникъ статей духовно-

1) Павловъ въ рецензій на соч. А. Попова Ист.-лит. обз. др.-русс. полемическхъ сочиненій противъ Латинянъ (Отч. о девятнадц. присужд. нагр. гр. Уварова, с. 261 и 265) отождествляетъ эти статьи съ извѣстными повѣстями о Латинахъ, а вторую статью именно съ той, которая читается во II-мъ видѣ Еллинскаго лѣтописца.

нравственнаго содержанія, сохранившійся, между прочимъ, въ спискѣ 1073 г. и въ недошедшемъ спискѣ 1262 г. Но отсюда необходимо слѣдуетъ, что остальные части этой энциклопедіи были тождественны по происхожденію съ указаннымъ сборникомъ, т. е. что онѣ составлены также при царѣ Симеонѣ въ Болгаріи.

И такъ, мы видимъ уже въ самомъ началѣ древне-славянской письменности стремленіе объединить въ формѣ одной обширной энциклопедіи почти всю переводную литературу того времени: такая энциклопедія могла занимать тома три или четыре, и составленіе ея, конечно, было возможно только благодаря щедрости царя Симеона.

Въ составъ этой энциклопедіи входилъ, между прочимъ, Никифоровъ лѣтописецъ, что видно изъ его постоянной связи съ Еллинскимъ лѣтописцемъ: ср. тождественное содержаніе въ изложеніи данныхъ о позднѣйшихъ византійскихъ императорахъ между нѣкоторыми списками Никифорова лѣтописца и списками II вида Еллинскаго лѣтописца. Но древнѣйшія редакціи Никифорова лѣтописца доводятъ перечень византійскихъ императоровъ только до Льва, Александра и Константина (сына Львова)¹⁾. Не слѣдуетъ ли отсюда, что Симеонова энциклопедія составилаь до 920 года (года вступленія на царство Романа)? Если это такъ, то очевидно, что въ первой, древнѣйшей своей редакціи Еллинскій лѣтописецъ не заключалъ хроники Амартола, переведенной по списку, доведенному продолжателемъ до 948 г. (года смерти Романа). Весьма вѣроятно, что въ ней могли отсутствовать и другія статьи и сказанія: но они съ теченіемъ времени присоединялись къ тому обширному основанію, которое заложено было еще при Симеонѣ.

Признавъ связь между Сборникомъ 1073 г. и Еллинскимъ лѣтописцемъ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что энциклопедія Симеона стала извѣстной на Руси уже въ XI вѣкѣ.

Повторю вкратцѣ главные выводы предыдущаго изслѣдованія:

Въ X вѣкѣ въ Болгаріи была составлена обширная энциклопедія изъ почти всей имѣвшей къ тому времени въ наличности переводной литературы. Въ Россіи эта энциклопедія появилась не позже XI вѣка, при чемъ она произвела рядъ компиляцій, извѣстныхъ частью подъ именемъ Еллинскаго и Римскаго лѣтописца, а частью и подъ другими названіями. Можно указать на четыре главныхъ вида

1) Напр., въ Корч. 1282 г., въ Никои. лѣт. и др. То же въ Архив. сб. XV в., гдѣ находится IV видъ Еллинскаго лѣт. (ср. Срезн. Св. и Зам. № LXXXIV).

такихъ компиляцій, которыя мы условно признали отдѣльными видами или изводами Еллинскаго лѣтописца.

Въ ближайшемъ будущемъ я надѣюсь представить изслѣдованіе о томъ вліяніи, которое оказали на наше лѣтописаніе древне-болгарская энциклопедія и ея русскія передѣлки.

А. Шахматовъ.

Византийскій типъ Домостроя и черты сходства его съ Домостроемъ Сильвестра¹⁾.

Съ давнихъ временъ исторіи человѣчества, въ литературѣ различныхъ народовъ, какъ скоро достигли они извѣстной степени культурности, возникаютъ попытки собрать данныя житейскаго опыта для руководства къ такой постановкѣ жизни каждой отдѣльной личности, которая давала бы ей наибольшее довольство, наибольшую сумму счастья въ условіяхъ ея существованія въ ближайшей средѣ, ее окружающей. Удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ составляетъ только одну сторону этого благополучія. Но уже въ самыхъ раннихъ литературныхъ произведеніяхъ, сюда относящихся, мы видимъ, что чувство внутренняго довольства посѣщаетъ человѣка лишь тогда, если онъ свято соблюдаетъ тотъ кругъ нравственныхъ требованій, который создаетъ само это общество и который становится тѣмъ опредѣленнѣе и выше, чѣмъ дальше подвигается его духовное развитіе. Съ самыхъ раннихъ поръ также этотъ кодексъ популярной морали освящается религіей, такъ какъ культъ божества сопровождаетъ всю дѣятельность человѣка. «Всѣ люди ощущаютъ потребность въ богахъ» сказалъ еще поэтъ Одиссея (Пѣснь III, ст. 48).

Для примѣра возьмемъ произведеніе той литературы, которая вообще даетъ наиболѣе самобытные и рельефные типы разнообразныхъ видовъ словеснаго творчества.

Въ своей дидактической поэмѣ *«Труды и Дни»* греческій поэтъ VII в. до Р. Хр. Гесиодъ говоритъ о той добропорядочности, достигаемой въ потѣ лица, которую безсмертные боги поставили человѣку

1) Читано въ засѣданіи «Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Импер. Каз. унив.» 23 апрѣля 1900 г.

цѣлью стремленій. «Длиннымъ, крутымъ и негладкимъ представляется на первый разъ путь къ ней. Но, достигнешь вершины, и трудный путь этотъ послѣ становится уже легкимъ» (стихи 289—292). Однимъ проявленіемъ этой добропорядочности является трудъ, наполняющій житницу пищевымъ запасомъ, другимъ — соблюденіе требованій популярной морали: совѣстливость, призрабніе просителя и гостя, чувства къ брату, къ родителямъ, почитаніе боговъ. Боги одинаково гнѣваются на лѣниваго, бездѣятельнаго трутня и лишаютъ почета и причиняютъ убытки хозяйству безсовѣстнаго. Въ концѣ той же поэмы дается рядъ общихъ правилъ для жизни: какъ выбирать себѣ жену, какъ относиться къ другу, къ бѣдняку, далѣе, рядъ наставленій, относящихся къ области обычаевъ, общественныхъ приличій, подчасъ весьма наивнаго свойства.

Въ своемъ «*Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя*» (Мск. 1873), въ первой главѣ книги, «Данныя для сравнительнаго изученія древнерусскаго Домостроя», проф. И. С. Некрасовъ затронулъ параллели въ древнеиндійской литературѣ и останавливается на одномъ мотивѣ, сходномъ съ нашимъ Домостроемъ. Здѣсь было бы уместно коснуться и вышеупомянутой поэмы Гесіода, этого древнѣйшаго греческаго Домостроя, гдѣ тоже мелькаютъ мотивы, по литературной традиціи достигающіе и до нашего Домостроя. Такого, напр., сопоставленіе доброй и злой жены (ст. 702 слѣд.):

«Лучше жены ничего человѣку достаться не можетъ Добрай; злой же жены ничего нѣтъ ужаснѣйшаго другого: Та до пирюшекъ охоча, а мужа, хоть силенъ онъ тѣломъ, Безъ подтопки палитъ и въ старость тяжкую вгонитъ». Мотивъ, нѣсколько позже являющійся и въ ямбахъ Симонида Аморгскаго, посвященныхъ характеристикѣ женщинъ, по преимуществу дурныхъ.

Когда позже знаменитый греческій философъ въ своемъ трактатѣ, посвященномъ теоріи домашняго благоустройства, говоритъ объ отношеніяхъ между мужемъ и женой, онъ ничего не находитъ лучше, какъ сослаться на стихъ той же поэмы Гесіода:

«Дѣвицу замужъ бери, чтобъ ее обучить благонравью» (Оесопот. I. I сар. 4). Въ свое время идею Гесіода и Аристотеля развиваетъ съ христіанской точки зрѣнія св. *Іоаннъ Златоустъ*, когда въ бесѣдѣ своей на *Посланіе къ ефесіянамъ* совѣтуетъ мужу съ перваго же вечера вступленія молодой въ брачный покой начинать обученіе ея

добродѣтели, словомъ и собственнымъ примѣромъ, пользуясь податливостью и воспримчивостью юной и стыдливой души (v. s. Io. Chrysost. Opp. ed. Migne, t. XI, col. 145).

Трактаты о домашнемъ благоустройствѣ Ксенофонта и Аристотеля, появившіеся оба въ теченіе IV в. до Р. Хр., въ своихъ общихъ положеніяхъ, одинаковыхъ у обоихъ авторовъ, а трактатъ Ксенофонта и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ касательно дѣятельности хозяйки въ домѣ и отношеній господъ къ рабамъ, напрашиваются на сближеніе съ нашимъ Домостроемъ, такъ что приходится опять пожалѣть, что въ книгѣ проф. Некрасова обойденъ трактатъ Аристотеля, а трактатъ Ксенофонта даже не упоминается.

На обязанности мужа лежитъ работа внѣ дома, добыванье средствъ къ жизни, причемъ и у Ксенофонта, и у Аристотеля лучшимъ занятіемъ признается земледѣліе, которому приписывается и нравственное воздѣйствіе на натуру человѣка. Обязанность жены беречь все, что поступаетъ въ домъ, распоряжаться расходами, распредѣлять занятія между рабами въ домѣ. «Ей, какъ царицѣ», говоритъ Ксенофонтъ, устами хозяйственного аеинянина Исхомаха въ его бесѣдѣ съ Сократомъ, «надлежитъ хвалить и воздавать честь однимъ, бранить и наказывать тѣхъ, кто того требуетъ» (Xenoph. Oecon. cap. IX, 15). Порядокъ — основа успѣха хозяйства. Вся утварь: платье, обувь мужская и женская, посуда различнаго назначенія, должна быть сложена въ опредѣленныхъ помѣщеніяхъ въ домѣ и сдана подъ присмотръ ключницы по счету и записи (Oecon. IX, sqq.). Все это весьма напоминаетъ нѣкоторыя главы и нашего Домостроя: «всякая бы была порядня своя и держано бы то *брежно, здѣ что пригоже*» и ниже «і все то *исчести і смѣтити і записати*» (гл. XXXII Коншинск. списка = XXXVI сп. Общ. Ист. и Др.). Рабы должны быть заняты дѣломъ подъ неусыпнымъ надзоромъ хозяевъ, за что послѣдніе обязаны давать имъ пищу въ достаточномъ количествѣ (Aristotel. Oecon. l. I, cap. 5, 3) и хозяйка заботится о ихъ леченіи въ случаѣ нездоровья (Xenoph. cap. VII, 37). Забота о рабахъ въ трактатѣ Ксенофонта, подъ гуманными вѣяніями эпохи софистовъ, этого древнегреческаго періода просвѣщенія, не ограничивается ихъ матеріальными нуждами, но, какъ подъ вліяніемъ *Златоуста* въ нашемъ Домостроѣ, распространяется и на ихъ нравственность. Исхомахъ старается внушить своимъ рабамъ идею справедливости (Oeconom. cap. XIV).

Переходя къ параллелямъ въ литературѣ другихъ народовъ, бли-

жайшимъ по времени къ нашему Домострою, проф. Некрасовъ оставливается на домострояхъ итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и чешскихъ, отмѣчая въ послѣднихъ особенную близость къ нашему Домострою. Въ этомъ обзорѣ мы не встрѣчаемъ образчика той литературы, въ которой мы давно привыкли искать источниковъ и образцовъ нашей древней письменности, литературы греческой византийскаго періода. Позднѣе, въ 1889-омъ г., въ статьѣ своей о Домостроѣ (въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ.), написанной въ отвѣтъ на критику его книги Михайлова (Ж. М. Н. Пр. 1889 июнь), проф. Некрасовъ указываетъ въ этой литературѣ два дидактическихъ произведенія: стихотворное посланіе Алексѣя Комнина къ сыну и (въ русск. переводѣ) «Василья царя греческаго главы наказательныя (т. е. назидательныя) къ его царю Льву». Первое изъ этихъ произведеній было предметомъ сличенія съ Домостроемъ также въ специальной книгѣ Бракенгеймера, вышедшей въ 1893-емъ году въ Одессѣ. На самомъ дѣлѣ они мало имѣютъ общаго съ литературою домостроевъ.

Но еще въ 1881-омъ году покойный академикъ В. Г. Васильевскій въ своей обширной статьѣ «Состыи и рассказы византийскаго боярина XI вѣка» (въ Ж. Мин. Нар. Просв.), познакомилъ русскую публику съ памятникомъ, открытымъ имъ въ греческой рукописи Московской Синодальной бібліотеки. Это — *Стратигикъ*, собственно трактатъ объ искусствѣ военачальника, но съ содержаніемъ гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ обѣщаетъ такое заглавіе его въ рукописи (№ 436, XIV—XV вѣка, по новѣйшему каталогу греч. ркш. Моск. Синод. библ., составленному архим. Владиміромъ).

Вотъ что писалъ объ этомъ Васильевскій (май, стр. 244 сл.):

«Съ первыхъ же страницъ оказывается, что этотъ стратигикъ не похожъ на другіе трактаты о военномъ искусствѣ, писанные въ византийскій періодъ или еще ранѣе его наступленія. . . . Отличіе прежде всего заключается въ томъ, что наша стратигія содержитъ въ себѣ не одни только правила и примѣры военнаго искусства, но также наставленія нравственныя, правила житейской мудрости, разумнаго поведенія, добраго хозяйства, хорошаго управленія домою и семьею, приличнаго свѣтскаго и придворнаго обращенія и т. д. Это не только стратигія, т. е. военное искусство, но и Домострой, изложенный въ формѣ наставленія отца дѣтямъ, чуть ли не единственное произведеніе такого рода въ византийской литературѣ, потому что извѣстныя наставленія сыну или внуку, приписываемыя *Василію I Македонскому*

и *Алексыю Комнину* — т. е., вставимъ здѣсь отъ себя, тѣ самыя произведенія, на какія указываетъ послѣ г. Некрасовъ, какъ на византійскія параллели къ Домострою, — «совсѣмъ не идутъ сюда въ сравненіе по причинѣ своей краткости и преобладанія въ нихъ ходячихъ и слишкомъ обычныхъ нравственныхъ сентенцій. Для ознакомленія съ чисто византійскими воззрѣніями на жизнь и нравственность, на семью, общество и государство сочиненіе это представляетъ цѣнный матеріалъ и высокій интересъ, особенно если мы будемъ имѣть въ виду сравнительную точку зрѣнія по отношенію къ однороднымъ памятникамъ другихъ литературъ».

Впрочемъ въ упомянутыхъ очеркахъ Васильевскій могъ привести только извлеченія изъ открытаго имъ памятника. Его вниманіе сосредоточено на тѣхъ новыхъ данныхъ историческаго и этнографическаго характера, какія въ изобиліи давалъ новый источникъ, и обширный комментарий къ *Стратилику* является однимъ изъ крупныхъ камней въ «нерукотворномъ памятникѣ», оставленномъ по себѣ нашимъ славнымъ византологомъ, памятникѣ, къ которому «не заростетъ тропа» всѣхъ тѣхъ, кто интересуется успѣхами современной науки византиновѣдѣнія. Только въ недавнее сравнительно время тѣмъ же ученымъ, при содѣйствіи извѣстнаго нашего еллиниста проф. Ериштедта, былъ изданъ полный греческій текстъ памятника въ 38-ой части Записокъ ист.-филол. факультета Импер. С.-Петербург. университета (1896 г.). Пользуясь этимъ изданіемъ, я постараюсь сдѣлать анализъ памятника и выдѣлать тѣ его цѣли и воззрѣнія, въ коихъ онъ сходится съ нашимъ Домостроемъ. Но прежде нѣсколько словъ объ авторѣ греческаго сочиненія и о его времени.

При ближайшемъ разсмотрѣніи трактатъ, сохраняющійся въ рукописи подъ общимъ заглавіемъ *Стратилика* съ непрерывнымъ счетомъ главъ на поляхъ при текстѣ, оказывается механической сводкой двухъ отдѣльныхъ сочиненій, дѣйствительной *Стратилии* и другого, совсѣмъ независимаго отъ нея, произведенія; которому по его содержанию можно дать заглавіе: «*Назидательное слово къ царю*» и которое аналогично съ другими подобными памятниками византійской литературы, вродѣ упоминавшихся здѣсь раньше «*Назидательныхъ главъ*» *Василія I Македонскаго* къ сыну *Льву*. Авторы обоихъ произведеній, какъ выяснилъ Васильевскій на основаніи указаній, въ нихъ содержащихся, принадлежали двумъ фамиліямъ даже разной національности, впрочемъ состоявшимъ въ родствѣ путемъ браковъ.

Насъ здѣсь интересуесть первое изъ этихъ двухъ сочиненій, собственно *Стратигикъ*, принадлежащій перу автора пзъ армянской фамиліи Кекавменовъ. Дѣдъ нашего автора былъ выходцемъ изъ *Арменіи* и впослѣдствіи въ качествѣ областного начальника *Еллады* въ своей резиденціи *Лариссъ* велъ борьбу съ болгарскимъ царемъ *Самуиломъ*. Самъ авторъ занималъ послѣ тотъ же важный административно-военный постъ въ *Лариссѣ*. Изъ сообщеній нашего автора о судьбахъ одного изъ членовъ родственной Кекавменамъ болгарской фамиліи *Николичей*, частью, вѣроятно, заимствованныхъ изъ письма его къ отцу нашего автора, видно, что послѣдній во всякомъ случаѣ дожилъ до царствованія *Михаила VII Дуки* (царствовавшего съ 1071-го г.), а въ словахъ его въ гл. 138-ой: «видѣлъ я царя—утромъ владыку, въ величіи, а вечеромъ въ положеніи плачевномъ» надо видѣть намекъ на печальную судьбу *Михаила V Калафата*, сверженнаго съ престола въ 1042-омъ г., ослѣпленнаго и заключеннаго въ монастырь. Такимъ образомъ время автора, — XI в., допускаесть точное опредѣленіе.

Что касается качествъ его какъ литературнаго дѣятеля, негреческимъ, иноплеменнымъ происхожденіемъ объясняются слова его о самомъ себѣ: «Я не причастенъ словесному искусству. Еллинской школы я не прошелъ, чтобы быть изворотливымъ въ рѣчахъ и усвоить красоту стиля» (гл. 191). Языкъ его труда, дѣйствительно, не литературный, близокъ къ вульгарному греческому, стиль—стиль разговорнаго языка. Впрочемъ онъ былъ начитанъ въ Св. Писаніи и, вѣроятно, литературѣ по военному дѣлу, откуда проникають въ его трудъ имена *Регула*, *Аннибала*, *Пирра*, *Сципіона Младшаго*. Дважды цитуетъ онъ *Діона Кассія*, но тоже едва ли по непосредственному знакомству съ этимъ историкомъ. Неоднократно и настоятельно совѣтуетъ онъ сыну, къ которому обращается въ своихъ наставленіяхъ, посвящать свой досугъ чтенію книгъ.

Текстъ *Стратигика* начинается двумя главами, общее содержаніе коихъ можно опредѣлить словами: «о заступничествѣ за ближняго, несправедливо преслѣдуемаго» и «о помощи или хотя бы сочувствіи, состраданіи къ бѣднымъ и несчастнымъ». «За благодѣянія свои», говорить, между прочимъ, авторъ, «богатый дѣлается богомъ бѣднаго. Недаромъ болгары называютъ состоятельнаго челоуѣка *богатымъ*». Вотъ этимологія слова, любопытная въ устахъ автора XI в.!

Послѣ этихъ наставленій, предписывающихъ обязанности хри-

стіянина по отношенію къ ближнему вообще, слѣдуетъ рядъ совѣтовъ, связанныхъ уже съ извѣстнымъ положеніемъ каждаго на общественной мѣстности. За совѣтами придворному, совѣтами судьи идетъ изложеніе опытовъ и правилъ для военачальника, особенно пограничнаго вождя въ его отношеніяхъ къ мелкимъ властителямъ, находящимся въ ленной зависимости отъ византійскаго государя. Эта часть трактата, собственно и давшая ему названіе *Стратигика*, сочиненія объ искусствѣ военачальника, прерывается на главѣ 87-ой и возобновляется только уже въ 168-ой главѣ. Совершенно другой отдѣлъ совѣтовъ содержитъ часть трактата, заключенная между двумя названными главами. Этотъ новый обширный отдѣлъ совѣтовъ и есть тотъ, который мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать *византійскимъ Домостроемъ*. Отдѣлъ совѣтовъ придворной службы начинается въ трактатѣ словами: «если ты слуга при царѣ», отдѣлъ предписаній для судьи словами: «если ты судья въ воеводствѣ», отдѣлъ военныхъ совѣтовъ словами: «если ты стратигъ и тебѣ ввѣрено войско», 87-ая глава трактата начинается словами: «если ты живешь въ собственномъ домѣ на положеніи простаго обывателя и стоишь не у дѣлъ». Такимъ образомъ уже по внѣшности, привычною автору формулою, здѣсь намѣчается начало новаго отдѣла совѣтовъ и съ этихъ поръ авторъ не выходитъ изъ тѣснаго круга обязанностей и отношеній къ семьѣ и обществу частнаго лица до той отиѣченной мною выше главы, гдѣ онъ возвращается къ собственной темѣ трактата о военномъ искусствѣ.

Въ своемъ изложеніи совѣтовъ греческаго автора я буду представлять по возможности точный переводъ текста, иногда только сокращая его тамъ, гдѣ авторъ слишкомъ пространно развиваетъ свои мысли, вводя цѣлыя бытовыя сценки въ драматической формѣ. Вслѣдствіе нѣкоторой разбросанности матеріала въ трактатѣ, внушающей иногда предположеніе позднѣйшихъ вставокъ въ первоначальный текстъ, мнѣ придется также сводить его въ разныхъ мѣстахъ сочиненія по извѣстнымъ категоріямъ, какъ то: заботы о домѣ, хозяйствѣ и слугахъ, рабочей силѣ дома, отношенія къ женѣ, отношенія родителей къ дѣтямъ и обратно и т. под.

Гл. 88. «Если ты живешь въ своемъ домѣ на положеніи простаго обывателя и стоишь не у дѣлъ, неси службы по дому на преуспѣяніе его и не пренебрегай ими. Вѣдь у тебя нѣтъ другихъ средствъ къ жизни сверхъ обработки земли. Заведи у себя домашнее производство, какъ то: мельницы и мастерскія, также сады и все, что ежегодно

станеть приносить плоды въ арендѣ или натурою. Насади всякихъ деревьевъ и кустарниковъ, съ которыхъ будетъ поступать тебѣ доходъ, не требующій ежегоднаго труда. Они дадутъ тебѣ возможность отдыха. Пусть у тебя водится скоть, какъ то: пахотные быки, свиньи и мелкій скоть и другая всякая живность, которая изъ году въ годъ нарождается, растетъ и множится. Она придастъ изобиліе твоей трапезѣ и ты будешь всѣмъ наслаждаться, избыткомъ хлѣба, вина и всего прочаго, злаковъ и живности, съѣстного и продажнаго. И если поставишь такъ, свою жизнь, не давай ослабѣть своей энергіи и не впадай въ нерадѣніе, чтобы не произошло во всемъ этомъ убыли. Гл. 89. Но старайся хорошо направлять свою жизнь. Если же запустишь дѣло, тогда слуги твои съѣдятъ твой доходъ и присвоятъ его себѣ и настанетъ черный день, неурожай, а у тебя не окажется хлѣба въ житницѣхъ и прочихъ злаковъ для пропитанія твоей челяди. Захочешь купить, не окажется у тебя и денегъ. Оглядѣвъ слугъ своихъ, станешь ты раздумывать, какъ бы пропитать ихъ. Громко заохашь ты и надумаешь идти къ кому нибудь за займомъ на неотложныя нужды и не окажется человѣка, кто далъ бы тебѣ займы.

Далѣе слѣдуетъ, частью въ діалогической формѣ, описаніе тяжкаго положенія должника передъ кредиторомъ и обществомъ. Оно оканчивается словами: «Потому тебѣ слѣдуетъ вести жизненную борьбу и съ готовностью выносить тягость труда». Не ложны слова того, кто сказалъ: «Въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой» и Соломона: «Злое дѣлованіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ». Невозможно жить иначе, какъ въ трудѣ и въ потѣ лица» (то же повторено въ 140-ой гл. трактата).

Гл. 92. «И не говори: люди мои надежны и у меня нѣтъ на нихъ подозрѣнія». Они вѣрны, пока чувствуютъ твой глазъ. Не будь этого, всѣ они ищутъ личной выгоды. Сама природа вложила въ душу человѣка сѣмена себялюбія и корысти».

Въ началѣ 143-ей главы читаемъ: «Не будь жестокъ къ домощадцамъ своимъ, но пусть они боятся тебя. Боязнь заставитъ ихъ сдерживаться».

Отдѣльныя сентенціи объ устройствѣ дома, о хозяйствѣ, объ отношеніи къ слугамъ встрѣчаются еще въ главѣ 116-ой:

«Двери дома твоего пусть будутъ обращены на востокъ, чтобы впускать воздухъ» — наставленіе, напоминающее подобныя предписанія Ксенофонта (Оэсопом. сар. IX, 4) и Аристотеля (Оэсопом. I,

6, 7). — «Вьючный скоть твой пусть будетъ тучень. Богъ вѣсть, что случится». — «Не держи лѣниваго раба». — «Свободныхъ слугъ своихъ благодѣтельствуй, по мѣрѣ возможности, и, если захотятъ послѣ благодѣній твоихъ уйти отъ тебя, не удерживай ихъ силою. Это несправедливо».

Духъ хозяйственности, забота о прибыткѣ царствуютъ здѣсь такъ же, какъ въ третьей части нашего Домостроя, по опредѣленію ея содержанія въ предисловіи, вѣроятно, позднѣйшаго автора: «и домовнѣ строеніи, какъ наказъ имѣти къ женѣ и дѣтѣ и къ слугѣ и какъ запѣ имѣти всакою». Наставленія нашего Домостроя несравненно пространнѣе, входя во всѣ мелочи домашняго обихода. Такія подробности, конечно, относятся только къ русскому быту и источниками Домостроя могли быть здѣсь монастырскіе обиходники. Но, кромѣ общаго тона домовитости, мы можемъ выдѣлить и въ греческой, гораздо болѣе краткой, параллели нѣкоторыя черты, сходныя съ нашимъ Домостроемъ. Приведенныя наставленія греческаго Домостроя имѣютъ въ виду зажиточнаго человѣка, окруженнаго большой дворней, состоящей частью изъ рабовъ, частью изъ свободныхъ батраковъ и располагающаго средствами на широкую постановку домашняго производства. Подобныя же условія предполагаетъ преимущественно и третья часть нашего Домостроя. Такимъ образомъ домашнее производство рекомендуется какъ въ греческомъ, такъ и въ нашемъ Домостроѣ въ широкихъ размѣрахъ, см. гл. XXXII Конш. сп. (=XXXVI-ая списка Общ. Ист. и Древн.): «а ко всякому рукодѣлю у мужа и у жены всякая бы порядня и снасть была въ подворіе, и плотницкая и портного мастера и желѣзная и сапожнаго». Далѣе, о садѣ и огородѣ даетъ совѣты гл. XLV Конш. сп. (=XLVIII сп. Общ.), о разведеніи домашнихъ животныхъ и годовыхъ запасахъ гл. XLII Конш. сп. (=XLV сп. Общ.), причемъ слова: «всегда въ столѣ прибыль себѣ и гостю» могутъ быть сопоставлены съ словами греческаго Домостроя: «Она (живность) придасть изобиліе твоей трапезѣ». — «А толке у такова добра человѣка и у добрые его жены богъ пошлетъ и приплоду болши у коровъ и у свиней и у утокъ и у гусей» и проч.

Обращаясь къ отношенію хозяевъ къ слугамъ, мы находимъ, что неуспынный надзоръ и строгость рекомендуются хозяевамъ одинаково въ обоихъ памятникахъ, но столь же согласно и греческій, и нашъ Домострой возлагаютъ на нихъ заботу о пропитаніи дворни и требуютъ благодѣтельствовать ей. Нашъ Домострой, пользуясь здѣсь

сборникомъ извлеченій изъ святоотеческой литературы, извѣстнымъ подъ именемъ Златоуста (по главному источнику выборокъ — сочиненіямъ св. Іоанна Златоуста; срв. Некрасовъ, *Опытъ...* стр. 112: слово Іоанна Златоустаго «Какъ имѣти челядь»), учить (гл. XXVIII Конш. сп. = XXXII сп. Общ. И. и Др.): «ипо достоятъ всякому чловѣку людей держати по промыслу и по обыходу, какъ мощно кормити и поити и одѣвати и во всякомъ покои удоволити» (и въ «Наказаніи отъ отца къ сыну» о домочадцахъ: «имѣюще яко дѣти во всякомъ покое сыты и одѣты и въ тепломъ храмѣ и во всякомъ устрое»). Совѣтъ греческаго Домостроя отпускать свободныхъ слугъ безъ задержки совершенно соотвѣтствуетъ словамъ нашего Домостроя въ концѣ главы XXVIII Конш. сп. = XXXII сп. Общ. «а не по силѣ людей не держати и ихъ въ работу не продавати, но добровольно отпущати и како возможно и надѣлити, отъ Бога мзда, а души польза».

Но если въ нашемъ Домостроѣ наблюденіе за слугами и за всѣмъ порядкомъ въ домѣ возлагается на жену, а мужу предоставленъ лишь высшій надзоръ, этой роли женщины въ разсматриваемомъ греческомъ памятникѣ прямо не видно. Однако одно позднѣйшее мѣсто трактата довольно ясно намекаетъ на нее. Въ главѣ 101-ой говорится, что, въ случаѣ пребыванія въ домѣ посторонняго лица, женщинамъ становится затруднительнымъ выходить изъ своихъ покоевъ и *«дѣлать необходимыя распоряженія по дому»*. О замкнутости женщинъ въ Византіи придется сказать ниже, но данное мѣсто указываетъ также на то, что роль женщины въ трактатахъ Ксенофонта и Аристотеля оставалась такою же и въ византійскія времена.

Гл. 93. «Но выслушавъ мои слова о необходимости трудиться и бороться въ жизни, не вдайся въ какіе нибудь неумѣренныя замыслы и труды и не погуби такимъ путемъ души своей и, презрѣвши Бога, не забудь послѣдованія псалмопѣній, отправляемаго православными мірянами, какъ то: утрени и четырехъ часовъ, а съ ними вечерни и повечерія. Вѣдь эти молитвы существуютъ на укрѣпленіе жизни нашей и по этимъ самымъ службамъ знаемъ мы какъ подлинныя рабы Божіе, такъ какъ, что касается исповѣданія Бога, исповѣдуютъ его и невѣрные, и демоны¹⁾, и всѣ. И не только надо выполнять тебѣ эти

1) Срв. къ этимъ словамъ S. Ioannis Chrysost. Ad illuminandos catechesis II, cap. 5 (S. Io. Chrysost. Opera ed. Migne, t. II col. 240): «Вѣдь и демоны произносили нѣя Божіе, но оставались демонами, и говоря такъ ко Христу: «Знаемъ тебя, кто ты, святой Божій» и т. д.

службы, но, по мѣрѣ возможности, молись и въ полночь, произнося хотя одинъ псаломъ. Какъ разъ въ этотъ часъ ты будешь имѣть возможность, не отвлекаясь ничѣмъ, собесѣдовать Богу. И помолившись, предайся покою. Право, это не трудъ, а скорѣе наслажденіе бесѣдовать съ Богомъ наединѣ. Насколько убѣждаю я тебя быть дѣятельнымъ въ житейскомъ, столь же ревностнымъ желаю я, чтобы былъ ты и въ духовномъ, дабы бодрость твоя поддерживалась изъ обоихъ источниковъ; и вообще я желаю, чтобы ты стоялъ на высотѣ всѣхъ требованій. И не говори: «такой то не выполняетъ церковнаго послѣдованія и благоденствуетъ». Вѣдь ты не знаешь, что дѣлаетъ этотъ человекъ втайнѣ. Такъ нѣкоторые совершаютъ добро незамѣтно не только для людей, но и для діавола. Если же нѣкоторые нерадивцы и порочные люди преуспѣваютъ, дивиться нечего. Такъ, евреи, и еретики, и сарадины и вообще многіе другіе живутъ, не вѣдая догматовъ и безъ упованія на Господа Нашего Иисуса Христа, истиннаго Бога, и при этомъ нѣкоторые изъ нихъ и благоденствуютъ, и правятъ иноплемениками, и вкушаютъ благодати Божіей; а мы не ревнуемъ имъ за это благоденствіе. Развѣ благодать Божія не управляетъ всѣмъ несповѣдимыми путями?»

При зависимости нашего богослуженія и нашей древней церковной и духовной литературы отъ греческихъ естественно, что и въ нашей свѣтской древней литературѣ, не только Домостроѣ, но и много разѣ, какъ въ *Поученіи Мономаха дѣтямъ*, мы встрѣчаемъ въ точности соотвѣтствующія греческимъ наставленія относительно неопустительнаго отправленія *на дому, мірянами* извѣстныхъ церковныхъ службъ и самое «собесѣдованіе съ Богомъ» наединѣ, въ тиши ночи, рекомендуется и въ нашихъ памятникахъ древней литературы, проникнутыхъ духомъ религіозности. Въ Домостроѣ въ гл. XII-ой читаемъ: «по вся дни вечера мужу съ женою и съ дѣтьми и съ домочядцы и кто умѣеть грамотѣ отпѣти вечерня повечерница» и ниже: «а въ полунощи всегда тайно вставъ помолитися елико вмѣстимо о своемъ согрѣшеніи и во утре вставая такожь» и затѣмъ еще далѣе: «и по моленіи семь утре вставая отпѣти заутреня и часы», также въ началѣ XIII-ой гл.: «а дома всегда павечерница и полунощница и часы пѣти».

Ближайшимъ источникомъ Домостроя былъ и здѣсь Златоустъ (Некрасовъ, *Опытъ*, стр. 115 слѣд.), гдѣ читаемъ: «воставайте ношю на молитву, хотя и немного бы сотвориши мольбы, *хотя едину сотвори молитву* отъ сна и то не мала ти есть полза».

Глава 94 содержитъ краткое наставленіе о милосердіи съ примѣромъ Корнелія сотника изъ Дѣяній Апостольскихъ.

Пропускаю дальнѣйшія шесть главъ греческаго Домостроя, гл. 95—100, относящіяся къ специально византійскимъ социальнымъ условіямъ, совѣты частному человѣку, какъ члену своей мѣстной общины, касательно его участія и отзывчивости на интересы цѣлой общины и отношеній его къ мѣстнымъ властямъ. Изъ этихъ главъ одна, 95-ая,—любопытная иллюстрація податной системы въ Византіи этого времени, переведена уже Васильевскимъ.

Весьма интересны для сопоставленія и съ нашимъ древнимъ бытомъ двѣ дальнѣйшія главы, 101-ая, «О томъ, чтобы другу твоему не останавливаться на побывку въ твоёмъ домѣ» и 102-ая, заглавіе коей на поляхъ рукописи, «О дочеряхъ твоихъ, какъ надо ихъ воспитывать», впрочемъ не соответствуетъ ея дѣйствительному содержанию. Обѣ главы были уже переведены Васильевскимъ. Но по связи содержанія необходимо присоединить къ нимъ нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ главъ трактата, а именно начало гл. 121-ой, «О безстыдной дочери», и главу 131-ую, «О строгости къ дочери» (а не «женѣ», какъ въ заглавіи на полѣ рукописи).

Гл. 101. «Если у тебя есть многогородній другъ и если онъ проѣзжаетъ черезъ тотъ городъ, гдѣ ты живешь, пусть онъ не останавливается въ твоёмъ домѣ, но пристанетъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а ты посылай ему все нужное и онъ еще больше будетъ тебѣ признателенъ. Если же онъ пристанетъ у тебя въ домѣ, то вотъ сколько возникнетъ отсюда для тебя непріятностей: Во первыхъ, жена твоя, и дочери твои, и снохи не будутъ располагать свободой выходить изъ своихъ покоевъ и дѣлать необходимыя распоряженія по дому. Если же явится настоятельная потребность имъ показаться, другъ твой вытянетъ шею и уставится на нихъ глазами. Если ты стоишь возлѣ, онъ въ твоёмъ присутствіи притворно потупитъ взоры, а самъ будетъ вглядываться и въ походку женщины, и въ манеры, и въ нарядъ, и въ глаза ихъ, однимъ словомъ, оглядитъ ихъ съ головы до ногъ и послѣ, въ интимномъ домашнемъ кругу станетъ, передразнивая все это, подсмѣиваться надъ ними. Во вторыхъ, онъ охулитъ прислугу твою, трапезу, весь порядокъ въ домѣ. Станетъ спрашивать и объ имуществѣ твоёмъ, есть ли у тебя то, другое. Да что объ этомъ толковать! Выпадетъ ему удобный случай, онъ станетъ перемигиваться съ твоей женой, станетъ бросать на нее нескромныя взгляды и, буде возможно,

и соблазнить ее. А не удастся, покинувъ домъ, станетъ хвастаться, чѣмъ хвастаться не слѣдъ. А если онъ не скажетъ такого, то врагъ твой броситъ тебѣ упрекъ въ томъ въ ссорѣ съ тобой».

Въ гл. 102-ой авторъ сообщаетъ о намѣреніи своемъ составить особое руководство для женщинъ, какъ должно имъ вести себя. Затѣмъ онъ рассказываетъ примѣръ увлеченія добродѣтельной и начитанной въ Св. Писаніи знатной дамы втершимся въ семью другомъ дома. «И чего не могли добиться царь и его обѣщанія чиновъ и богатствъ», заканчиваетъ авторъ свой рассказъ, «того достигъ другъ и его сближеніе съ женщиной».

Гл. 121 (начало). «Безстыдная дочь унижаетъ не себя только, но и родителей и сродниковъ¹⁾. Дочерей своихъ держи взаперти и вдали отъ чужого глаза, чтобы не быть уязвленнымъ какъ аспидомъ».

Гл. 131-ая. «Важная вещь имѣть вѣрнаго человѣка, раба ли, свободнаго ли. Если есть у тебя такой и ты довѣрился ему, то всетаки пусть по возможности онъ не знаетъ твоей дочери. Такъ будетъ вѣрнѣе. Дѣло въ томъ, что, если пойдетъ сплетня, лжива она или нѣтъ, ты не знаешь, а дитя твое отъ твоего собственного бедра будетъ у тебя въ подозрѣніи, и тогда горе тебѣ!»

О замкнутости женщинъ, не мѣшавшей впрочемъ византійцамъ быть горячими поклонниками женской красоты и граціи, блескъ коихъ въ высшихъ кругахъ общества усиливался чарами остроумія и образованности, мы имѣемъ достаточно свидѣтельствъ. Вотъ что, напр., говоритъ современникъ автора нашего трактата историкъ Михаилъ Атталіота (уроженецъ г. Атталіи въ малоазійской области Памфиліи), описывая землетрясеніе въ столицѣ при Константинѣ (X) Дукѣ (царств. съ 1059-го года): «На людей напалъ страхъ, какъ никогда; выходя изъ домовъ, они возсылали къ Богу обычные въ такихъ случаяхъ вопли (т. е. «Господи, помилуй!»). И женщины, проводящія дни свои въ тиши своихъ покоевъ, въ порывѣ ужаса забывали примѣчія и стояли подъ открытымъ небомъ, издавая тѣ же вопли» (Mich. Att. ed. Bonn. pg. 88). Въ особенности, какъ кажется, затворничество распространялось на дѣвицъ. Дочери царей и дѣвицы знатныхъ фа-

1) Срв. въ словѣ Іоанна Златоуста о женахъ въ среду 5 нед., гл. 158 (Забѣлинь въ Архивѣ Калачова, Кн. 2-ая, полов. 2-ая, Отдѣленіе VI-ое, стр. 46): «Аще кто у васъ имать дщерь, положи на ней грозу свою да ходитъ въ послушанія, да не свою волю приимши въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое и сотворитъ ти въ посмѣхъ знаемымъ твоимъ и при множествѣ народа порода посрамится».

С. Шестаковъ: Визант. типъ домоостр. и сходство съ домоостр. силъв. 51

милій находились всегда подъ надзоромъ пожилыхъ женщинъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ покидали свои комнаты. Еще позднѣйшій византийскій историкъ (XV в.) Михайль Дука въ разсказѣ о взятіи Константинополя турками описываетъ, какъ жестокіе, грубые побѣдители увлекали въ свой лагерь мальчиковъ нѣжнаго сложенія и дѣвицъ, «дѣвицъ, которыхъ солнце не видало, *которыхъ едва видали ихъ собственные отцы*» (сар. 39, р. 291 sq. ed. Bonn.), слова, получающія полное освѣщеніе изъ совѣтовъ отцамъ о дочеряхъ нашего памятника. Болѣе обычнымъ поводомъ къ выходу на улицу женщины въ Византіи служило посѣщеніе церкви. И въ нашемъ памятникѣ, въ числѣ отрывочныхъ внушеній, въ 112-ой главѣ находимъ такое: «Вступая въ церковь, не засматривайся на красоту женщинъ, но стой лицомъ къ жертвеннику, потупивъ очи долу» — наставленіе, кстати сказать, напоминающее слова нашего Домостроя въ главѣ XIII-ой: «А въ церкви. . . съ молчаніемъ стоати. . . никуда не обзираѣсь» и ниже: «телесніи очи долу имѣти, а сердечніи горѣ».

Что касается нашего Домостроя, Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царицъ, т. II, стр. 103, говоритъ: «Этотъ памятникъ застаеъ жизнь терема въ полномъ цвѣту. Хотя онъ не даетъ прямыхъ постановленій держать жену въ заперти, но этотъ обычай былъ такъ силенъ въ господарскомъ быту, что не требовалъ уже особыхъ постановленій». Впрочемъ косвенныхъ указаній на замкнутость женщины въ Домостроѣ достаточно. Они приводятся г. Михайловымъ въ критическомъ разборѣ книги проф. Некрасова. Не только хожденіе въ гости (34 гл. Конш. сл.), но даже посѣщеніе церкви ограничено для жены разрѣшеніемъ мужа, гл. XIII Конш. сл. «А женамъ ходити въ церкви Божіи, како вмѣстимо, на произволеніе, по совѣту съ мужемъ». (Михайловъ, Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя. С.-Пбургъ. 1889, стр. 20, примѣч. 1. Отгискъ изъ Ж. Мин. Нар. Просвѣщ.).

Недовѣріе къ другу и низкая оцѣнка нравственности женщины, — послѣднее, конечно, главнымъ образомъ отраженіе антипатіи къ женской натурѣ духовной аскетической литературы, — должны быть частью отнесены въ греческомъ Домостроѣ къ той болѣзненной подозрительности, недовѣрію, какія сказываются замѣтно и во многихъ другихъ его мѣстахъ, и должны быть поставлены въ связь съ общей чертой характера византийца, подмѣченной Цахаріэ-фонъ-Лингенталемъ даже въ области юридическихъ нормъ византийскаго государства (Gesch. d. griech.-röm. Privatrechts. 3 Heft, S. 292, vgl. S. 300):

«Византійцы имѣли о внѣшней честности, довѣрїи, вѣрѣ въ сношенїяхъ съ посторонними лицами понятїя, которыя во многомъ отличны отъ германскихъ». «Простое соблюденіе даннаго слова не считалось само собою понятнымъ» и т. д.

Въ нашемъ памятникѣ эта черта недовѣрїя, подозрительности обнаруживается и въ отношенїяхъ къ слугамъ, и друзьямъ, даже къ обществу. Пороку оно приводитъ къ полной обособленности, отчужденности индивидуума, весьма мало вяжущейся съ христіанскими принципами, проповѣдникомъ коихъ авторъ является въ своемъ трактатѣ вообще. «Никогда», читаемъ мы въ главѣ 145-ой, «не являлось у меня желанїя имѣть друга и не сожительствовалъ я ни съ кѣмъ со мною равнымъ, развѣ только по необходимости. Вѣдь, если придетъ бѣда, другъ, и самъ очутившись частью или вполне въ тискахъ ея, станетъ обвинять друга и, качая головой, скажетъ, если не вслухъ, то про себя: «не къ добру оказалась мнѣ дружба съ нимъ. Вотъ изъ за него и я въ стѣсненномъ положенїи». А тотъ, глядя на него, запечалится, чувствуя скорбь по двумъ причинамъ, и изъ за недовольства друга, и по собственной бѣдѣ. Еще на случай мелкихъ неудачъ другъ найдется, но на случай сильнѣйшей и продолжительной бѣды, пусть никто и не обманываетъ тебя: друга не будетъ».

Иногда въ такихъ наставленїяхъ, основанныхъ на горькомъ житейскомъ опытѣ, звучатъ мотивы мудрости сентенцій, ведущихъ свое происхожденіе еще изъ поры расцвѣта древнегреческой литературы. Такъ, въ 103-ей главѣ, — съ которой мы возвращаемся теперь къ порядку изложенїя совѣтовъ греческаго Домостроя, — гдѣ встрѣчаемъ мотивъ гномы Теогнида, позднѣе Менандра (срв. Кейль въ 23 т. журнала *Neumes*, стр. 377, примѣч. 3. «Пчела» Максима, глава VI, изд. А. В. Михайлова. Ж. Мин. Нар. Просв. 1893, январь, стр. 59, Изрѣченіе 102-ое), *псевдо-Исократовой паремезы*, т. е. увѣщанїя, адресованной къ Демонику, и ея позднѣйшей византійской обработки въ стихахъ на вульгарномъ греческомъ языкѣ, — такъ называемаго *Спанея* (Spaneas):

«Я желаю, чтобы ты любилъ всѣхъ людей. Только не сообщай никому своихъ тайнъ. Это весьма опасно. Какъ скоро ты скажешь кому нибудь свою тайну, съ той поры ты становишься рабомъ ему и, причинить ли онъ тебѣ сильнѣйшій вредъ или обиду, ты не дерзнешь перечить ему. И къ чему тебѣ добровольно жертвовать своей свободой? Ты, конечно, скажешь: «онъ добродѣтеленъ и не выдастъ моей

тайны», но ты не знаешь, что, сообщивъ ее чужимъ ушамъ, ты уже испортилъ ее: входящее въ уши разглашается устами. Потому не слѣдуетъ тебѣ сообщать кому нибудь своей тайны. Пророкъ говоритъ: «береги ее отъ супруги твоей» (срв. для послѣднихъ словъ «Совѣты Соломона Ровоаму» въ изд. Леграна, стт. 80 слл. = «Назидательная поэма Алексѣя Комнина» въ изд. Вагнера, ст. 625 слл.). Срв. еще конецъ гл. 127-ой и конецъ гл. 131-ой: «не вѣрай никому слова, которое сопряжено съ опасностью для тебя. Природа человѣка текуча и измѣнчива и то обращается отъ блага ко злу, то отклоняется отъ зла къ благу».

Въ началѣ 104-ой главы подозрительность автора проявляется въ опасеніяхъ, намъ уже знакомыхъ изъ гл. 101-ой: «Пусть въ домъ твой вхожи будутъ хорошіе люди и не любопытные. Любопытный разслѣдуетъ твою жизнь и, открывъ недостатки твоего дома, отиѣчаетъ ихъ себѣ съ точностью памятной записи и въ случаѣ ссоры выложить тебѣ ихъ». Далѣе читаемъ: «Нѣкоторые изъ завѣдомыхъ смутьяновъ, способныхъ сбить съ толку простаковъ, приобрѣтаютъ друзей съ тѣмъ, чтобы имѣть въ нихъ помощниковъ въ защитѣ своихъ неправыхъ дѣлъ. Совѣтую тебѣ не имѣть подобнаго друга. У кого другъ таковъ, тотъ самъ подобенъ ему. Будучи злонравнымъ и обидчикомъ, онъ нуждается въ такомъ помощникѣ и другѣ, который бы говорилъ въ его защиту, когда обиженные потребуютъ удовлетворенія». Гл. 105. «Не люби подобнаго человѣка, если ты держишься принципа любить добро. Прекрасное не прекрасно, когда оно дружить съ дурнымъ» и т. д.

По борьбѣ христіанской морали съ житейскими правилами, очерпнутыми изъ опыта, любопытна гл. 106-ая:

«Врагу своему не стръ, если онъ и притворяется твоимъ другомъ. Онъ хочетъ тебя связать. И, если онъ плачетъ предъ тобою, онъ поступаетъ такъ не любя тебя, но его постигла забота или нужда. Если можешь, пожалѣй его и не презри; прояви ему душевное участие, если оно есть у тебя, и спаси его отъ его нужды и Богъ спасетъ тебя въ случаѣ твоей заботы. Утѣшь его. Но не считай его за настоящаго друга. Знаю, ты можешь спросить, какъ же нѣкоторые отъ великой вражды примирялись до великой дружбы. Но это объясняется различно: или врагъ молчитъ, боясь даннаго лица, или онъ нуждается въ его помощи, или, хитря съ нимъ, желаетъ подставить ему ногу, или высшее Произволеніе вступаетъ въ дѣло и онъ молчитъ поне-

волѣ. Можетъ быть, онъ мирится и отъ всей души, но рѣдко, изъ 10000 найдется такихъ одинъ. Храни въ памяти мои слова: «старый врагъ не бываетъ новымъ другомъ». Если же ты въ силахъ, благотвори врагамъ, не мести, но благотвори. И обиды, тебѣ причиненныя, презри, но не презри оскорбленій св. иконамъ и Богу, но до смерти борись за благочестіе. Благо сострадать и дурнымъ и хорошимъ. Если страдаешь, тебѣ принадлежитъ высшая награда».

Въ этихъ противорѣчивыхъ строкахъ порою слышится еще тайное сочувствіе автора практическимъ правиламъ отношеній къ врагу античныхъ писателей.

Впрочемъ въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ уже рѣшительнѣе высказывается въ смыслѣ христіанскихъ воззрѣній, распространяя милосердіе и на врага.

Гл. 107: «Вспомни, дитя мое, въ благополучіи своемъ о томъ, кто пострадалъ за тебя. Кто забываетъ объ этомъ, забываетъ Бога. Вспомни о руководителѣ своемъ и о томъ, кто помогъ тебѣ дѣломъ въ дни испытанія, вспомни о старомъ отцовскомъ другѣ своемъ, вспомни о родственникѣ своемъ въ благополучіи своемъ и благотвори имъ, вспомни о нихъ и вспомнить о тебѣ Богъ. Можетъ быть, для того, чтобы облагодѣтельствовать ихъ, и дано тебѣ благоденствіе. Помни, что не постоянны ни счастье, ни горе, но все приливаетъ и отливаетъ, и, пока твой день, покажи, каковъ ты, чтобы потомки облагодѣтельствованныхъ тобою взирали на твои благодѣянія, какъ бы на памятникъ. Совершишь ли ты добро или зло, не забудется, но будетъ въ глазахъ Господа для воздаянія. Гл. 108. Цѣлью и стремленіемъ твоимъ пусть будетъ благодѣяніе, не только друзьямъ, но и врагамъ твоимъ, а не причиненіе зла . . . Не дѣла только людей, но и мысли — предъ лицомъ Господа. Умъ твой пусть будетъ устремленъ на добро и Богъ содѣлаетъ добро съ тобою».

О милостынѣ читаемъ въ 114-ой главѣ: «Если кто нибудь попроситъ тебя дать ему милостыню, подай ему съ готовностью и не медля и, если онъ другъ твой, возблагодари Бога, что услужилъ ему изъ рукъ твоихъ. Если же онъ — врагъ твой, прося у тебя, онъ и получилъ отъ тебя. Если онъ неизвѣстный тебѣ человѣкъ, считай, что это былъ Христосъ, и возблагодари его». Гл. 116. «Если хочешь подать милостыню, подай во всякое время, вечеромъ, утромъ и въ полдень. Если же хочешь подарить, не дари послѣ обѣда: предположить, что ты подарилъ, будучи навеселѣ, а лучше дай утромъ. Но для мило-

стыни не имѣй срока, но, какъ только придетъ тебѣ на мысль, подай. Если ты помедлишь, дѣволъ помѣшаетъ тебѣ». Гл. 123. «Не забывай родственниковъ своихъ и Богъ не забудетъ тебя. Да какихъ еще тебѣ наставленій! Будь все для всѣхъ и Богъ воздастъ тебѣ».

Однако практическая сторона жизни не забыта тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о займахъ. Гл. 114-ая, начало которой мы привели выше, оканчивается такъ: «Когда кто попроситъ у тебя займы, если онъ хочетъ получить на выкупъ плѣнныхъ, или на другую какую крайне неотложную потребу и по благовидной причинѣ, дай ему, что можешь, и, если онъ не вернетъ тебѣ, Богъ вернетъ тебѣ за это вдвойнѣ. Не давай только изъ процента, или грязной жажды наживы, или сатанинской страсти. Если же онъ нуждается въ займѣ для принятія на себя казенной службы, или душепродавства, или торговли скотомъ, или другой какой торговли, не давай ему; иначе и потеряешь свое, и даже друга своего сдѣлаешь врагомъ себѣ». Гл. 115. «Вмѣстѣ съ тѣмъ остерегайся хитростей тѣхъ, кто хочетъ занять у тебя». Слѣдуетъ подробное и живое описаніе ловкаго обмана для занятія денегъ, возврата которыхъ кредиторъ послѣ тщетно добивается.

Главы 109—112 имѣютъ характеръ набора отдѣльныхъ сентенцій пестраго содержания. Здѣсь особенно допустимо предположеніе позднѣйшаго распространенія первичнаго текста вставками. Выдѣляемъ изъ этихъ сентенцій начало гл. 112-ой: «Сыновья твои и дочери твои пусть чтутъ тебя, а ты уважай ихъ и не относись къ нимъ свысока, хотя они и малы. Какъ научатся отъ тебя, такъ будутъ поступать они и сами». Дополнимъ это заключительными словами 125-ой главы: «Сыновей своихъ и дочерей бей не палкой, а словомъ и пусть никто другой не бьетъ ихъ». Здѣсь какъ разъ обратное фразѣ источника нашего Домостроя *Измарагда Златоуста*¹⁾: «накажите дѣти своя не словомъ токмо, и раною»²⁾, срв. Домострой гл. XVII Конш.

1) См. Архивъ Калачова, 2 кн., полон. 2-ая, отд. VI, стр. 45 слѣд. Некрасовъ, Опытъ, стр. 107, Михайловъ, цит. статья, стр. 70: въ «Слова на пятокъ 5-ой недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ».

2) Мы не можемъ указать соответствующаго мѣста въ подлинныхъ сочиненіяхъ Златоуста. Но что здѣсь нѣтъ противорѣчій съ общими педагогическими приѣмами древности (вспомнимъ Орбилинъ Горація) и съ перешедшимъ въ византийское право представленіемъ о patria potestas, видно изъ такого мѣста св. Іоанна Златоуста, какъ 7-ая глава VIII-ой «Бесѣды противъ иудеевъ» (S. Io. Chrysost. Opp. ed. Migne, t. I, page 2, col. 937): «Вѣдь и законы естественныя, и законы человѣческіе повелѣваютъ сыну мужественно переносить отъ отца все, станетъ ли онъ бить, оставить ли безъ обѣда, выгнать ли изъ дому, подвергнуть ли вснческому наказанію. И если сынъ

сп. = XXI сп. Общ. По тому же источнику говорить нашъ Домострой (гл. XVIII Конш. сп. = гл. XXI сп. Общ.) и о почтеніи дѣтей къ родителямъ. Авторъ греческаго трактата находитъ сильныя выраженія для своихъ внушеній этого содержанія: Гл. 148-ая «Помни о родовыхъ мукахъ матери своей, не забудь о вскормившей тебя груди ея и воздай ей добромъ. Если ты будешь даже владѣть всей землей и въ рукахъ твоихъ будутъ всѣ сокровища, ты не сможешь отплатить ей въ равной мѣрѣ. Помни, какъ она покоила тебя на рукахъ, и покой ее. Моли Бога выполнить желаніе отца своего и матери. Помни, что нѣтъ людямъ ничего дороже дѣтей и, если ты не произвелъ ихъ, узнай это отъ меня». Послѣднія слова доказываютъ, что авторъ адресовалъ свое сочиненіе къ сыну, въ моментъ написанія трактата еще малолѣтнему, предназначая свой трудъ для чтенія ему послѣ своей смерти. Дальнѣйшее содержаніе главы посвящено передачѣ извѣстнаго еще древнегреческимъ авторамъ анекдота о спасеніи отца сыномъ во время изверженія на Этнѣ. Глава заканчивается словами: «Памяти и похвалы достойны тѣ, кто послѣ отшествія родителей изъ сей жизни снискиваетъ за нихъ милости Божіей вкладами и милостыней». Къ этому главному мѣсту греческаго Домостроя о почитаніи родителей можно добавить еще: гл. 128: «Старайся дѣлами добродѣтели доказать, что твои родители почтенные и уважаемые люди. Кто притворно превозноситъ тебя, а отца твоего бранить, безчестить тебя самого. Вѣдь левъ родитъ льва, а лиса лису». Конецъ гл. 130-ой: «Не позорь родившихъ тебя постыдными поступками. И родившіе тебя непременно будутъ тогда сочтены за такихъ же».

О неотложномъ долгу передъ матерью говорить и нашъ Домострой въ концѣ главы о любви и почитаніи родителей: «не можешь бо ею родити и тако ею болѣти, яко она о тебѣ». О поминовеніи родителей говорится, конечно, тоже: «и упокоятъ тя на старость твою и по смерти вѣчную память сотворятъ».

Есть въ нашемъ Домостроѣ глава на тему: «аще кто не разсудя себя и не смѣтя своего живота и промысла и добытка, ... оучнетъ, на люди глядя, жити, не по силѣ заимую». Изъ сопоставленія съ нижеслѣдующими мѣстами греческаго Домостроя станетъ очевидно, что это одно изъ общихъ мѣстъ литературнаго типа Домостроя.

Гл. 116: «Два типа мнѣ ненавистны, скупой и расточительный, а не окажется поминовенія и не вытерпитъ, онъ не встрѣтитъ ни въ комъ ни малѣйшаго извиненія».

именно расточительный немущій, нищій, но при этомъ прихотливый, а скупой, когда у него избытокъ во всемъ; и я считаю несчастными обоихъ. А ты, если тебя Богъ одарилъ, не будь скупымъ, но щедрымъ въ надлежащей мѣрѣ, только щедрымъ не на мимовъ и безстыдныхъ въ рѣчахъ людей и льстецовъ, а на людей почтенныхъ, друзей и обиженныхъ судьбою». Къ этому добавимъ гл. 122-ую: «Пока ты бѣденъ, не предпринимай построекъ, при которыхъ, надѣлавъ долговъ, ошибешься въ расчетахъ, и послѣ перемѣнишь свои намѣренія. Лучше сажай виноградники и обрабатывай землю, которая дастъ тебѣ плоды, и ты прокормишься безъ печали. Начинай строиться тогда уже, когда у тебя будетъ избытокъ во всемъ. Деньги строятъ дома, а сверхъ нихъ Богъ. Не занимайся доходнымъ ремесломъ, сопряженнымъ съ рискомъ . . . » Конецъ 121-ой гл.: «Думай сначала о необходимомъ для своего дома, а потомъ уже объ излишествахъ. Если ты сперва купишь то, безъ чего можно обойтись, тебѣ придется въ концѣ концовъ это продать, такъ какъ тебѣ не хватитъ необходимаго и ты станешь покупать послѣднее. Необходимо же то, чѣмъ мы живемъ, а излишество: дорогая утварь, мягкія постели, позолоченныя ложа и проч.»

Среди отдѣльныхъ сентенцій гл. 116-ой находимъ и такую: «Чаще бесѣдуй съ монахами и, если они и неучены, не осуждай ихъ. Божественные апостолы, будучи необразованы, просвѣтили міръ». По условіямъ нашей древней образованности послѣдняя мысль не могла явиться въ нашемъ Домостроѣ. Но въ наставленіи о бесѣдѣ съ монахами мы можемъ видѣть прототипъ главы нашего Домостроя о почтеніи къ «святительскому чину» и бесѣдѣ съ духовными лицами (гл. XIV Конш. сп. = VII сп. Общ.).

Въ гл. 117 греческаго Домостроя читаемъ: «Не стремись узнавать будущее путемъ колдовства, придетъ оно и безъ твоего вѣдома. Если оно будетъ дурно, какая польза тебѣ изводить себя заранѣе печалью и мучиться» и ниже: «Кромѣ креста, или св. иконы, или св. мощей, не носи на себѣ какого нибудь талисмана. Не обращай вниманія и вообще не вѣруй въ сны, даже божественные. Такъ будетъ вѣрнѣе. Многіе изъ за нихъ погибли». Это замѣчаніе о снахъ, можетъ быть, имѣетъ въ виду начальныя стихи *Сонника*, приписываемаго никому иному, какъ патріарху Константинопольскому Никифору (IX в.), гдѣ сны ставятся подъ покровительство Бога и гадающій подготавливается къ откровенію сна молитвою и постомъ. Гл. 141-ая. «Кто

обращаетъ вниманіе на предсказателей, невѣжда и неучъ, хотя и кажется разумнымъ. Много сокровищъ сокрыто въ землѣ и, если бы гадатель зналъ ихъ, онъ выкопалъ бы ихъ и взялъ себѣ. Отгадчикъ сновъ, и птицегадатель, кудесникъ и гадатель по трепетанью одинаковы по ремеслу, къ коему прикованы. Они несостоятельны. Обдумывай свои поступки и дѣйствуй лучше. Неудача не въ обиду. Не тотъ несчастенъ, кто пострадалъ отъ жизненныхъ случайностей, а несчастенъ тотъ, кто придаетъ цѣну ничтожному». На колдовство есть еще намекъ въ гл. 132-ой, гдѣ авторъ распространяется о невыгодахъ второго брака.

Различные виды чародѣйства и гаданья перечисляются подробно и служатъ въ числѣ другихъ «богомерзкихъ дѣлъ» предметомъ критики нашего Домостроя въ его гл. XXIII-ей по Коншинскому списку (= VIII сп. Общ. Ист. и Древн.). Въ правилѣ VI-го вселенскаго собора, по переводу его въ той же главѣ Домостроя, эти чародѣйства носятъ названіе «еллиньскихъ начинаній». О широкомъ распространеніи этихъ суевѣрій въ византійскомъ обществѣ, объясняющемъ и настойчивость и подробность предостереженій греческаго Домостроя XI в., даетъ обильныя свидѣтельства вся историческая и агиографическая литература. Это было наслѣдіе временъ языческихъ, коренившееся въ стародавнихъ народныхъ вѣрованіяхъ. Приемы и формулы колдовства, сообщаемые въ такъ называемыхъ магическихъ папирусахъ Парижской Национальной и другихъ европейскихъ библіотекъ, воспроизводятся, какъ указалъ греческій ученый Политисъ (Byz. Ztschr. I 555 fgg.), въ «Рецептахъ» и «Соломоновыхъ заклинаніяхъ», сборникахъ магическаго содержанія, извѣстныхъ въ рукописяхъ, начиная съ XIII в., но, вѣроятно, восходящихъ къ значительно болѣе раннему времени. «Отгадчикъ сновъ» писателя II в. по Р. Хр. *Артемидора Милетскаго* вытѣсняется въ византійскій періодъ болѣе удобными сонниками *Астрамписиха* (ок. V в.), *Никифора* и переводнымъ съ арабскаго сочиненіемъ *Ахмета-Абу-Мазара, сына Сейрима* (начала IX в.). Послѣдній переводъ еще въ половинѣ XVI-го в. перелажается съ литературнаго на вульгарный греческій языкъ—несомнѣнный признакъ широкой популярности этого рода литературы. Что касается талисмановъ, упоминаемыхъ въ одномъ изъ сейчасъ приведенныхъ мѣстъ греческаго Домостроя, образцы ихъ, вродѣ Соломоновыхъ печатей и дрр., дошли до насъ. Извѣстный своими трудами по исторіи Византійскаго государства за X в. французскій ученый

Шлёмберже описываетъ ихъ частью по собственному своему собранію ихъ въ V-ой книжкѣ журнала *Revue des études grecques*. Кстати сказать, одинъ изъ такихъ талисмановъ, въ видѣ золотого медальона съ изображеніемъ дракона съ головой Медузы и десятью змѣиными головами, найденъ былъ у насъ въ Черниговѣ въ 1821 году (v. Schlumberger l. c. pg. 92). Припомнимъ здѣсь и мѣста *Златоуста*, приведенныя Забѣлинымъ (Арх. Калачова, II, 2, отд. VI, стр. 48 слѣд.): «и еллинская слова пишуць на яблоцѣхъ и кладуть на престолѣхъ въ годъ службы», или: «проклятыхъ бѣсовъ еленьскихъ пища имена на яблоцѣхъ покладають на святѣй трапезѣ въ годъ люторгѣи».

Цитованная XXIII-ая (по Кош. сп.) глава нашего Домостроя, «Како врачеватися отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей», рекомендуетъ въ случаѣ болѣзни «врачеватися божіею милостію да слезами и молитвою, постомъ и милостынею къ нищимъ да истиннымъ покаяніемъ», далѣе: «и молебны пѣти и вода святити... и масломъ свнцатися» и проч., «тѣмъ цѣльба всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получати». Очевидно, медицина, врачъ — понятія еще незнакомыя или малознакомыя тому обществу, для котораго писанъ Домострой, или лекаръ еще отождествляется съ тѣмъ кудесникомъ, дѣйствующимъ «и зелиемъ и кореніемъ и травами», иначе сказать знахаремъ, какихъ Домострой осуждаетъ. Не такъ было въ Византіи, воспринявшей наслѣдство великихъ основателей медицинской науки. Во времена автора разсматриваемаго греческаго трактата энциклопедисты, какъ знаменитый Михаилъ Пселль, писали толкованія на медицинскія сочиненія древнихъ и самостоятельныя медицинскія монографіи; Симеонъ Сноѣ и Дамнасть, тоже авторы врачебныхъ трактатовъ «о вліяніи на организмъ различныхъ видовъ пищи» и дрр., также относятся къ XI-му вѣку. Однако были причины, по которымъ и здѣсь нѣкоторые готовы были отказаться отъ врачебной помощи, довольствуясь діетой и крайне несложной домашней аптекой.

Гл. 125. «Молись, чтобы не попасть тебѣ въ руки врача, если даже онъ и очень свѣдуць. Онъ скажетъ тебѣ, что не надо. Если твоя болѣзнь незначительна, онъ преувеличитъ ее сверхъ мѣры и скажетъ: «тебѣ нужны дорогія травы. Но я все же вылечу тебя». А получивъ отъ тебя деньги, скажетъ: «Этого не хватаетъ на покупку». Затѣмъ возьметъ новую плату. Желая собирать съ тебя жатву, онъ велитъ тебѣ ѣсть-то, что вредно при твоей болѣзни, и сильнѣе разоветъ ее. И снова будетъ пользоваться тебя и снова затянетъ болѣзнь».

Поступивъ такъ неоднократно, онъ получить съ тебя что хочеть и только тогда едва едва вылечить. Потому, если не хочешь попасть въ руки врачей, покушавъ досыта за обѣдомъ, воздерживайся отъ ужина и матерія, скопившаяся у тебя въ желудкѣ, не отяготитъ тебя. А если и приключится съ тобой нездоровье, попостись и вылечишься безъ врача. Наблюдай, отъ чего началась на тебя болѣзнь. Если отъ простуды, согрѣйся, если отъ обжорства, воздержись отъ пищи, если отъ утомленія или солнечнаго жара, дай себѣ отдыхъ и съ Божьей помощью самъ себя вылечишь». Слѣдуютъ предупрежденія противъ нѣкоторыхъ средствъ, употребительныхъ въ домашнемъ леченіи, и указанія на такія снадобья, какъ полынь и ревенъ.

Глава эта, въ самыхъ упрекахъ своихъ врачамъ свидѣтельствующая за ними достаточно научныхъ знаній въ Византіи XI-го в. и интересная для исторіи врачебной практики, стоитъ и сама на точкѣ зрѣнія гигиены. И постъ рекомендуется въ тѣхъ же цѣляхъ. Въ нашемъ Домостроѣ нѣтъ и намекъ на такое значеніе поста. Божья помощь — вся надежда больного въ Домостроѣ; никакихъ, даже самыхъ простыхъ средствъ, снадобій онъ не считаетъ нужнымъ называть.

Вообще интересы образованія въ греческомъ Домостроѣ занимаютъ почетное мѣсто. Въ то время какъ нашъ Домострой молчитъ о чтеніи книгъ, и какъ предметъ обученія (есть только одно относящееся сюда мѣсто, но не въ самомъ Домостроѣ, а въ «Посланіи и наказаніи отъ отца къ сыну», 64-ой гл. Ковш. сл., которой нѣтъ въ сл. Общ.) и какъ домашнемъ занятіи, и снисходитъ къ людямъ той степени грамотности, какая характеризуется словами XII-ой гл.: «кто умѣетъ грамотѣ» или XIX-ой: «а кто умѣетъ ино «Достоинно есть» проговорить», Кекавменъ въ своемъ трактатѣ говоритъ о чтеніи книгъ въ четырехъ различныхъ мѣстахъ, и довольно подробно. Въ части трактата, еще не относящейся къ Домострою, а собственно Стратигику, въ гл. 54-ой, онъ пишетъ: «Когда у тебя есть время и ты не занятъ обязанностями военачальника, читай книги, и по исторіи и церковныя. И не говори: «какая польза воину отъ догматовъ и церковныхъ книгъ»? Нѣтъ, ты получишь чрезвычайную пользу. И если будешь тщательно вчитываться, не только извлечешь изъ нихъ догматы и душеполезные рассказы, но и гномическія, и этическія, и стратигическія поученія. Почти весь Ветхій Заветъ стратигическаго содержанія, но и гномическаго; да и въ Новомъ внимательный читатель почерпнетъ не мало». Въ части трактата, относящейся къ жизни частнаго лица, о чтеніи

книгъ говорится въ 113-ой главѣ: «Читай много и научись многому, и, если не понимаешь, не теряй бодрости. Если прочтешь книгу неоднократно, Богъ пошлетъ тебѣ разумѣніе и ты поймешь ее. Чего не знаешь, спрашивай у знающихъ и не поддавайся гордынѣ. Изъ этого именно побужденія, изъ нежеланія спрашивать и поучаться, люди скудны знаніемъ».... «Изучай Писаніе, какъ повелѣлъ Господь, но не дѣлай его предметомъ празднаго любопытства». Гл. 142-ая (въ концѣ): «Взявъ книгу, читай ее наединѣ, а, прочитавъ немного, не начинай считать листы или выбирать тѣ, какіе ты находишь лучшими, и прочитывать ихъ. Такъ пользы nebudeтъ. Но, начавъ съ первой страницы, содержащей начало сочиненія, читай книгу до послѣдней буквы и получишь великую пользу. Дѣло пустого болтуна не прочитывать всей книги и дважды и трижды, а выбрать изъ нея немного для болтовни». Это мѣсто содержитъ довольно ясный намекъ на слѣдующую живую характеристику нерадиваго чтеца у *Нила Синайскаго* (V в.) въ его трактатѣ «О восьми духахъ злобы»: «Нерадивый, читая, часто зѣваетъ, его легко клонить ко сну, онъ третъ глаза, потягивается; отвернувъ глаза отъ книги, онъ смотритъ въ стѣну; снова направивъ ихъ на книгу, немного прочитаетъ и, развернувъ конецъ сочиненія, любопытствуетъ, считаетъ листы, пересчитываетъ кварталы, бранитъ письмо и орнаменты; наконецъ, свернувъ книгу, подкладываетъ ее подъ голову и засыпаетъ сномъ некрѣпкимъ (такъ какъ голодъ въ концѣ концовъ будитъ его душу и она заявляетъ свои требованія)». (См. Migne, Patrol. gr., t. 79, col. 1160).

Въ послѣдней главѣ греческаго Домостроя читаемъ еще: «Если у тебя въ рукахъ священная книга и ты читаешь, а кто нибудь войдетъ къ тебѣ, закрой ее и бесѣдуй съ посѣтителемъ; иначе тебя сочтутъ за притворщика, пустого и тщеславнаго человѣка. Когда же ты наединѣ, по возможности пусть занятіемъ твоимъ будутъ книги».

Въ числѣ отрывочныхъ сентенцій гл. 110-ой находимъ: «Дѣти твои пусть обучаются логическимъ и теоретическимъ наукамъ».

Мы могли бы отмѣтить, въ добавленіе къ раньше приведеннымъ, еще нѣкоторыя совпаденія темъ греческаго Домостроя съ нашимъ. Въ гл. 132-ой, начинающейся словами: «Похоронившій жену свою потерялъ съ нею половину или болѣе своей жизни, если она добра» и посвященной обрисовкѣ въ живыхъ чертахъ невыгодъ второго брака и для дѣтей отъ перваго, и для душевнаго спокойствія новыхъ супруговъ, слышенъ мотивъ главы «Похвала женамъ» (по заглавію въ

Конш. сп.): «еще даруетъ Богъ кому жену добру, дражамши есть каменки многоцѣннаго» (изъ *Златоуста*). Но вотъ и неблагоприятный взглядъ на женщину, гл. 128: «Держись на сторожѣ, когда бесѣдуешь съ женщиной, если она и кажется приличной, и не сближайся съ ней. Не избѣжать тебѣ ея сѣтей. Глаза твои забѣгаютъ по сторонамъ, сердце у тебя забьется и ты будешь не въ себѣ. Діаволь будетъ обуревать тебя тремя средствами: наружностью, словами ея и естествомъ. Побѣдить послѣднее — великая задача». Мѣсто это близко къ одному отрывку переводнаго съ греческаго Пролога, «о злыхъ селянкахъ», сообщаемому Некрасовымъ по рукописи XIII в. (Опытъ, стр. 173). Не та же ли это «щеголиха съ вкрадчивыми рѣчами», готовая поставить домъ вверхъ дномъ, противъ чаръ которой въ былыя времена предупреждалъ Гесіодъ? Гл. 145: «Опасно спорить съ женщинами, но опасно и дружить съ ними. То и другое принесетъ тебѣ вредъ. Имѣть другомъ змѣю и дурного человѣка одно и то же. Изъ устъ обоихъ исходитъ смертоносный ядъ».

Тѣмъ болѣе найдется сходствъ съ мотивами нашего Домостроя и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ нашей древней письменности, родственныхъ съ нимъ, въ наставленіяхъ греческаго Домостроя общаго моралистическаго характера, вродѣ гл. 126, на тему: «Не кичись, дитя, если будешь имѣть и большой успѣхъ въ жизни», или гл. 129, на тему: «Кто сильно гнѣвается, подлежитъ великому осужденію». Дважды дается совѣтъ съ наступленіемъ ночи, на ложѣ своемъ перебрать свои слова и поступки за цѣлый день для урока на будущее время (гл. 129 и гл. 143).

Попробуемъ теперь подвести итоги сдѣланному нами сличенію двухъ памятниковъ.

Само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи о какомънибудь вліяніи на нашъ Домострой самого трактата *Кекамена*. Важно констатировать только продолженіе существованія въ греческой письменности византійской эпохи того литературнаго жанра, основные элементы коего мы можемъ прослѣдить въ ней въ глубь вѣковъ до VII столѣтія до Р. Хр. Подъ вліяніемъ новой религіи, кореннымъ образомъ преобразовавшей общественную этику, новыхъ культурныхъ условій этотъ жанръ является теперь въ совершенно измѣненномъ видѣ, осложненномъ рядомъ новыхъ мотивовъ. Но та же религія, та же культура изъ Византіи глубоко вліяла и на нашу общественную жизнь, нашу культуру и литературу. Это обозначилось и при сей часъ

произведенномъ сличеніи двухъ памятниковъ, византійскаго и русскаго, хотя и отдѣленныхъ одинъ отъ другого пространствомъ нѣсколькихъ вѣковъ.

Въ разсмотрѣнной части трактата *Кекавмена* мы можемъ видѣть только случайный вариантъ литературнаго типа Домостроя. Самый способъ вставки этой части въ трактатъ среди наставленій военачальнику могъ бы внушить мысль, что авторъ его приспособилъ къ своему сочиненію готовый Домострой, существовавшій уже раньше въ видѣ самостоятельнаго произведенія. Въ свою очередь мы не знаемъ, какъ далеко восходитъ назадъ основа русскаго Домостроя въ характерныхъ чертахъ этого литературнаго типа. Предполагать зависимость русскаго протодомостроя отъ византійскаго образца, скорѣе всего черезъ посредство южнославянской литературы, мы въ полномъ правѣ, въ виду общей связи нашей древней литературы съ Византіей, и тѣ сходства не въ подробностяхъ развитія отдѣльныхъ темъ или общихъ мѣстъ Домостроя, каковыя для cadaго изъ двухъ памятниковъ часто опредѣляются уже особыми національными и культурными условіями быта, что мы видѣли, напр., въ главахъ о бесѣдѣ съ монахами и о врачеваньи, а въ самой постановкѣ ихъ и соединеніи ихъ въ одномъ и томъ же литературномъ произведеніи, я объясняю себѣ такой предполагаемой связью. Во всякомъ случаѣ стоитъ сопоставить сходства нашего Домостроя съ византійскимъ XI-го в., съ одной стороны, и сходства его съ болѣе близкими къ нему по времени западными домостроями, указываемыя въ книгѣ проф. Некрасова, съ другой, чтобы убѣдиться, насколько первыя значительнѣе и характернѣе вторыхъ.

С. Шестаковъ.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В ОСВЕЩЕНИИ
РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ
1894 — 1927

Технический редактор *Е. А. Молодова*

ЛР № 064340 от 05 декабря 1995 г.

ГЗ № 77.ФЦ.8.953.П.135.1.99 от 05.01.1999 г.

Подписано в печать 11.12.98. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1.

Гаритура «Миньон». Печать офсетная.

Печ. л. 36,0. Усл. печ. л. 46,44. Тираж 1000 экз. Заказ № 3381.

Научно-издательский центр «Ладомир». 103617, Москва, корп. 1435.

Отпечатано с оригинал-макета в ПФ «Полиграфист»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

ISBN 586218357-4

9 795 862 183572